This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

16 Aug. – 27 Aug. 1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXV. — ТОМЪ DCCLXXXIV. — 1/14 ИЮЛЯ 1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1901

Digitized by Google

P Slav 176.25

Slav 3062

Serr fund

3058

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

AUG 26 1901

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.

ІЮЛЬ, 1901.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1901.

Стр

I.—РУССКАЯ АРМЕНІЯ.—Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа. — VII-IX.— **Евг. Маркова** 5

II.—ОБМАНЪ.—Повѣсть.—**Л. Авиловой** 53

III.—СТРАНИЦА КРЕСТЬЯНСКАГО ДѢЛА НА ЮГО-ЗАПАДѢ. — По личнымъ воспоминаніямъ.—**О. Воропонова** 93

IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-II.—**П. С. Соловьевой** 157

V.—КРАТКАЯ ЗАПИСКА о возникшемъ, въ годъ Гэнь-цзы, бѣдствіи, составленная лѣснымъ отшельникомъ Пустыннаго острова. — Съ китайскаго. **В. Успенскій** 159

VI.—ПЕРЕДЪ КАРТИНОЙ.—Разсказъ.—**В. В—ной** 176

VII.—ВОПРОСЪ О ДЕШЕВЫХЪ КВАРТИРАХЪ для рабочаго класса.—**М. И. Покровской** 188

VIII.—РАБЫНЯ.—Романъ.—The slave, by R. Hichens. — Часть вторая: I-VIII.—Съ англ. **П. С.** 204

IX.—ИЗЪ ИСТОРІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.—**М. К.** 281

X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Изъ Ричарда Гарнетта: 1. Пловцы; 2. Восточная сказка.—**О. Михайловой** 290

XI.—ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ ПО ДАННЫМЪ САНИТАРНОЙ СТАТИСТИКИ.—**В. Е. Игнатьева** 292

XII.—ПОРТРЕТЪ.—Стих.—**Н. В. Хвостова** 315

XIII.—ВОЗСОЕДИНЕНІЕ СТАРОЙ ФИНЛЯНДІИ СЪ НОВОЮ, въ 1811 г.—Историческій очеркъ.—**А. Т—на** 317

XIV.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Анастасіи Николаевны и Высочайшее повелѣніе 5-го іюня. — Работы коммиссіи по переустройству средней школы.—Сокращеніе гимназическаго курса.—„Единая“ школа и древніе языки. — Школа и національность.—Еще о „земской“ реформѣ въ западномъ краѣ и на окраинахъ.—Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ 347

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Правительство и оппозиція въ Англіи. — Споры о королевскомъ бюджетѣ въ парламентѣ. — Жалобы на стѣсненіе печати въ Ирландіи.—Англійскіе либералы и имперіалисты о южно-африканскихъ дѣлахъ. — Герцогъ Коннаутскій въ Австраліи. — Памятникъ Бисмарку въ Берлинѣ 366

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ 12-ти томахъ, п. р. и съ прим. С. А. Венгерова. Тт. I—IV.—В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы, В. Покровскаго.—Р. Ѳ. Брандтъ, О лженаучности нашего правописанія.—**Т.**—П. Х. Шванебахъ, Денежное преобразованіе и народное хозяйство.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры 389

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Leo Berg. Gefesselte Kunst. — II. W. C. Morrow. Le singe, l'idiot et autres gens.—**З. В.** 401

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Старый, но не состарившійся вопросъ объ общеобразовательныхъ университетскихъ курсахъ. — Университетскій судъ и судъ товарищей-студентовъ. — Полемическіе пріемы реакціонной печати.—Новый учебный планъ.—Общества грамотности.—„Гражданинъ“ и А. И. Георгіевскій.—Русскія публичныя чтенія въ Парижѣ.—Еще о елизаветградскомъ уѣздѣ. — Запрещеніе „Жизни“. — С. В. Максимовъ и К. Т. Солдатенковъ †.—Post-Scriptum 416

XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ 451

XX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Политическая экономія, П. И. Георгіевскаго.—Е. В. Тарле, Общественныя воззрѣнія Т. Мора.—Майо Смитъ, Статистика и соціологія. — А. фонъ-Фрикенъ, Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія, ч. IV.

XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

Digitized by Google

☛ **Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1901 года.** ☚
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

HARVARD CO
AUG
САНКТПЕТ

РУССКАЯ АРМЕНІЯ

Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа.

VII.—Черезъ Абаранское ущелье *).

Въ Эривани мало остатковъ недавно тутъ бывшаго эриванскаго ханства, покореннаго Паскевичемъ. Настоящая азіатчина уцѣлѣла главнымъ образомъ въ крѣпости, гдѣ стоитъ запущенный теперь оригинальный ханскій дворецъ, или „дворецъ сардара", о которомъ я уже говорилъ раньше и въ которомъ останавливался въ 1837 году императоръ Николай I, да полуразрушенная древняя мечеть замѣчательной красоты и типичности.

Старая крѣпость Эривани, съ ея стѣнами двухъ-саженной толщины, отвѣсно поднимающимися на высокомъ, скалистомъ берегу Занги, долго считалась у персіянъ неприступною, пока въ 1827 году ее не взялъ нашъ Паскевичъ, получившій за это титулъ графа Эриванскаго. Двадцать-три года передъ этимъ, другой нашъ талантливый полководецъ, князь Цицiановъ—послѣ геройскихъ подвиговъ своего маленькаго пятитысячнаго отряда, разбивавшаго огромныя силы персіянъ,—принужденъ былъ отступить отъ эриванской крѣпости, которую онъ безплодно осаждалъ два мѣсяца, и этимъ необычнымъ для русскихъ отступленіемъ еще болѣе возвысилъ въ глазахъ туземцевъ непобѣдимое значеніе [illegible]ани. Однако Эривань стала извѣстна гораздо раньше, чѣмъ [illegible] обратилась въ сильную пограничную крѣпость на рубежахъ [illegible]іи, Россіи и Турціи, переходя—по измѣнчивому жребію войны—

*) См. выше: іюнь, стр. 484.

Digitized by Google

то къ туркамъ, то къ персіянамъ, то къ грузинамъ, и наконецъ попала уже безвозвратно въ могучія лапы русскаго орла.

Армяне начинаютъ легендарную родословную Эривани прямо съ Ноя, который, будто бы, увидѣлъ здѣсь съ высоты Арарата въ первый разъ землю и произнесъ, — конечно, по-армянски: „Еревуме!“ —что̀ значитъ: „видна!“; но и по несомнѣннымъ историческимъ даннымъ Эривань существовала уже въ VII-мъ вѣкѣ, стало быть за два столѣтія до начала Руси, такъ что ея новѣйшая роль—не только уѣзднаго русскаго города, какимъ она была до 1850 года, но даже и губернскаго, какимъ она стала съ тѣхъ поръ,—не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея маститому историческому формуляру. Въ VII-мъ вѣкѣ, при персидскомъ царѣ Іездигердѣ, въ Эривани уже была крѣпость, и, вѣроятно, крѣпость эта была очень нужна сосѣднимъ народамъ, если, по исчисленію любителей историческихъ курьёзовъ, она въ теченіе 386 лѣтъ четырнадцать разъ переходила отъ однихъ властителей къ другимъ.

Въ городѣ центромъ мусульманства служитъ громадная мечеть за базарами, одна изъ самыхъ обширныхъ и живописныхъ мечетей Кавказа. Это—цѣлый мусульманскій монастырь, съ безконечными галлереями, фонтанами и просторнымъ внутреннимъ дворомъ, отѣненнымъ старыми деревьями, обнесеннымъ кругомъ жилищами муллъ и софтъ и комнатками для богомольцевъ; на каждой сторонѣ двора—величественныя ниши, изукрашенныя, какъ и весь монастырь, превосходною разноцвѣтною глазурью удивительныхъ восточныхъ узоровъ; купола, своеобразнаго мусульманскаго рисунка изъ чудно-сверкающей на солнцѣ голубой эмали, вѣнчаютъ эту прелестную мечеть, а ворота, изъ черныхъ и голубыхъ изразцовъ, исписанныя золотыми строками корана,—верхъ вкуса и изящества,—ведутъ въ ея дворъ.

Трудно оторвать глаза отъ этой великолѣпной постройки строгаго персидскаго стиля, напоминающей своимъ характеромъ знаменитые храмы Самарканда.

Мечеть эта кишитъ народомъ. Внутри ея—сплошная Азія! Важные, суровые старцы, въ своихъ широкихъ и длинныхъ одеждахъ, въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, медленно двигаются по галлереямъ; запыленные поклонники, присѣвъ на корточкахъ вокругъ огромнаго водоема, благоговѣйно омываютъ свои усталыя ноги; передъ богато украшенною киблою мечети безмолвно молятся толпы мусульманъ, неподвижно поднявъ вверхъ свои ладони.

Базаръ Эривани съ его прикрытыми цыновками „темными рядами“, маленькими лавчонками, кухоньками, цырульнями, съ

Digitized by Google

его отдыхающими вереницами нагруженныхъ и разгруженныхъ верблюдовъ и пестротою всевозможныхъ племенъ и народовъ Востока, тоже сильно пахнетъ Азіею и стоитъ того, чтобы побродить по немъ.

Но намъ посчастливилось, во время нашего трехъ-дневнаго пребыванія въ Эривани, познакомиться не съ одною только внѣшнею, живописною стороною ея, а и съ различными представителями ея общества. Пришлось провести одинъ вечеръ у Гер. Петр. К—на, въ кругу его армянской семьи и друзей, другой—у Мих. А. М—ева, который собралъ у себя наиболѣе выдающихся членовъ здѣшней русской колоніи и устроилъ намъ цѣлый банкетъ, съ рѣчами и тостами, протянувшійся далеко за-полночь. Многое мы узнали, о многомъ наслышались въ этихъ продолжительныхъ и интересныхъ бесѣдахъ, которыя самымъ разнообразіемъ бесѣдовавшихъ съ нами лицъ дали намъ возможность взглянуть на занимавшіе насъ вопросы не съ односторонней точки зрѣнія.

Персіяне, не особенно требовательные насчетъ прохлады и житейскихъ удобствъ, прозвали когда-то Эривань „счастливою ямою“; а нашъ императоръ, покоритель ея, нашелъ, послѣ своего посѣщенія Эривани въ 1837 г., что она болѣе похожа на „глиняный горшокъ“. Надо думать, что съ тѣхъ поръ насаждено и выросло въ Эривани много садовъ, потому что издали этотъ древній городъ, съ своими золотистыми тополями и орѣхами, производитъ впечатлѣніе скорѣе цвѣтущей корзины, чѣмъ горшка, и если бы не ежегодное обязательное выселеніе эриванцевъ на лѣто въ Дара-Чичакъ, ради спасенія отъ невыносимой жары и насѣкомыхъ, то я бы подумалъ, что эпитетъ, когда-то данный этому живописному мѣстечку императоромъ Николаемъ, въ настоящее время совсѣмъ не подходитъ къ нему.

Но страннѣе всего, что эта „яма“ лежитъ на высотѣ почти $3^1/_2$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, то-есть, наравнѣ съ вершинами иныхъ крымскихъ горъ, и что на него прямо дышутъ вѣчные ледники и снѣговыя поля Арарата.

Трудно также понять, почему климатъ этого кажущагося счастливаго уголка—считается очень вреднымъ. Приписываютъ это и болотистому характеру воды, и испорченному воздуху, и почвѣ, загрязненной въ теченіе вѣковъ нечистотами, въ особенности же открытой сточной канавѣ, протекающей черезъ весь городъ и разносящей повсюду заразительные міазмы. Хотя невольно вспоминаешь при этомъ, что до сихъ поръ я не встрѣчалъ города, о которомъ бы его жители не говорили какъ о

Digitized by Google

гнѣздѣ всякихъ болѣзней, что, по отзывамъ ихъ, нѣтъ нездоровѣе климата, какъ въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Воронежѣ, въ Батумѣ, въ Тифлисѣ, въ Сухумѣ, такъ что отыскивать здоровую мѣстность дѣлается задачею почти неосуществимою,—но тѣмъ не менѣе жалобы на плохое санитарное состояніе Эривани, очевидно, имѣютъ серьезное основаніе. А вмѣстѣ съ тѣмъ Эривань—рѣдкая мѣстность для садоводства и огородничества. Здѣшнія дыни, арбузы, абрикосы, персики, также какъ замѣчательно крупный и сладкій виноградъ—славятся во всемъ Закавказьѣ, для котораго далеко не диковина всѣ эти плоды.

Немудрено, что русская чиновная колонія въ Эривани не находитъ здѣсь для себя особенныхъ удобствъ и справедливо жалуется на нѣкоторую заброшенность свою среди сплошного армянскаго и татарскаго населенія. Казенныхъ зданій въ Эривани почти нѣтъ, а сколько-нибудь приличныя квартиры сдаются дорого; въ православныхъ церквахъ—грузинское духовенство, совершенно чуждое русскимъ и по нравамъ, и по языку; въ клубѣ—небольшая горсточка русскихъ; никакихъ почти просвѣтительныхъ общественныхъ учрежденій въ городѣ нѣтъ,—нѣтъ даже больницы, стоющей этого названія, а то, что и устраивается, благодаря малочисленности образованнаго общества, идетъ далеко не такъ, какъ нужно; по той же причинѣ и благоустройство города заставляетъ желать многаго: водопровода нѣтъ, а въ рѣку свободно спускаютъ всѣ нечистоты; улицы лѣтомъ страшно пыльны, весною и осенью грязны; общественныхъ гуляній, кромѣ городского сада, обращеннаго въ мѣсто сходокъ всякихъ пьяницъ и оборванцевъ, да небольшого бульвара, гдѣ играетъ музыка,—въ городѣ нѣтъ; прекрасный загородный „садъ сардара“, съ вѣковыми деревьями,—значительною частью вырубленъ для какихъ-то сельско-хозяйственныхъ культуръ, затѣянныхъ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ; театра въ городѣ нѣтъ. Такія условія, разумѣется, не особенно располагаютъ людей, привыкшихъ къ культурной жизни большихъ городовъ, — оставаться подолгу въ Эривани.

Послѣдній день мы посвятили прощальнымъ визитамъ къ своимъ любезнымъ новымъ знакомымъ и приготовленіямъ къ довольно тяжелой и довольно далекой поѣздкѣ черезъ Абаранское ущелье и горы Алагёза въ Александрополь, куда насъ звалъ телеграммою мужъ моей дочери, одинъ изъ инженеровъ-строителей тифлисско-карсской дороги.

Digitized by Google

Встали въ половинѣ-шестого утра; милый спутникъ нашъ въ Кегартъ, Степ. Ив. К—нъ, послѣ семейнаго совѣта съ своимъ дядею Герасимомъ Петровичемъ, рѣшился сопровождать насъ въ Александрополь, съ тѣмъ, чтобы оттуда вмѣстѣ отправиться къ знаменитымъ развалинамъ Ани, послѣдней столицы давно разрушеннаго армянскаго царства, которыхъ Степанъ Ивановичъ еще ни разу не видѣлъ, и которыя посѣтить хотя одинъ разъ въ своей жизни считаетъ священнымъ долгомъ каждый просвѣщенный армянинъ. Замѣчательно еще крѣпокъ и строгъ у армянъ семейный бытъ. Въ этомъ смыслѣ они остаются вполнѣ патріархальнымъ народомъ, какъ и подобаетъ обитателямъ араратской страны, до сихъ поръ еще дышущей патріархальными преданіями праотца Ноя, Іафета и внука его Гаика. Степанъ Ивановичъ, какъ оказалось, живетъ въ своемъ с. Игдырѣ, у подошвы Арарата, въ многочисленной семьѣ, гдѣ старшимъ членомъ и хозяиномъ-распорядителемъ считается, по общему согласію рода, одинъ изъ его дядей; и хотя Степанъ Ивановичъ—вполнѣ взрослый человѣкъ и имѣетъ одинаковыя съ дядею имущественныя права, но, по старинному обычаю армянъ, не смѣетъ сдѣлать ничего безъ распоряженія главы семьи, которымъ не всегда бываетъ старшій по годамъ, а тотъ членъ семьи, котораго считаютъ болѣе способнымъ къ управленію хозяйственными дѣлами. Въ городѣ Эривани, за отсутствіемъ семейнаго главы, Степанъ Ивановичъ, какъ младшій членъ, обязанъ слушаться во всемъ здѣшняго дядю своего, который уже самъ отвѣчаетъ за свои распоряженія передъ всѣми признаннымъ главою дома. Степану Ивановичу было необходимо въ эти дни уѣхать изъ Эривани, гдѣ онъ покончилъ порученныя ему дѣла,—но такъ какъ Гер. Петр., по служебнымъ обязанностямъ своимъ, не могъ сопровождать насъ ни въ Кегартъ, ни въ Ани, а между тѣмъ очень желалъ помочь намъ въ знакомствѣ съ этими древними памятниками армянской исторіи,—то онъ приказалъ племяннику съѣздить съ нами сначала въ Кегартъ, а потомъ черезъ Александрополь и въ Ани,—и тотъ повиновался безъ малѣйшаго колебанія и отговорокъ, хотя это отнимало у него въ общемъ счетѣ недѣли двѣ времени.

Благодаря хлопотамъ этихъ милыхъ людей, нанятая съ ихъ помощью коляска четверкою уже ждала насъ у подъѣзда, а курдъ-джигитъ, отряженный намъ въ провожатые подлежащею властью, въ красивой чалмѣ изъ пестрой шали, съ ружьемъ за плечами, уже гарцовалъ передъ нашими окнами на своемъ бойкомъ конькѣ. Дорога черезъ Абаранское ущелье считается не-

Digitized by Google

безопасною отъ нападеній курдскихъ и татарскихъ разбойниковъ, и ѣздить по этому пути безъ вооруженнаго провожатаго нѣсколько рискованно. Нагрузивъ свой изрядно-обильный багажъ и запасшись всякою дорожною провизіею, въ семь часовъ утра тронулись мы въ путь, предварительно отправивъ телеграмму своему зятю о нашемъ выѣздѣ въ Александрополь.

Дорога убійственная! Камень на камнѣ,—настоящая каменоломня и, вмѣстѣ, колесоломня. Нужно удивляться, какъ рессорные экипажи рѣшаются ѣздить по этому адскому пути. И почему бы, казалось, при здѣшнемъ поразительно дешевомъ ручномъ трудѣ, не разбить молотами этихъ самыхъ камней, предусмотрительно насыпанныхъ на дорогу самою природою, безъ необходимости покупки и далекой перевозки ихъ,—и не обратить этой мучительной костоломки въ гладкое шоссе, которое бы въ одинъ годъ сберегло на многія тысячи рублей колесъ, экипажей, лошадиныхъ ногъ и человѣческой обуви, и вдвое-втрое сократило бы проѣзжимъ время и расходы.

Да и кругомъ дороги—безотрадная, вся усыпанная камнями пустыня! А между тѣмъ движенье здѣсь, какъ видно, очень дѣятельное: на встрѣчу намъ то-и-дѣло двигаются вереницы нагруженныхъ верблюдовъ и осликовъ,—эти неизбѣжные кавказскіе обозы, толпы армянокъ или татарокъ, — трудно различить ихъ неопытному глазу,—оборванныя и грязныя, какъ наши цыганки, всѣ одинаково черномазыя, черноглазыя и черноволосыя, съ клювами вмѣсто носовъ, идутъ съ большими кувшинами на спинахъ. У кувшиновъ этихъ дно заострено какъ веретено, такъ что поставить ихъ нельзя, иначе какъ воткнувъ въ песокъ. К—нъ объяснилъ намъ, что это дѣлается для того, чтобы возможно было черпать воду въ мелкихъ ручьяхъ; кувшины съ обыкновеннымъ толстымъ нижнимъ концомъ не годятся для этого.

Проѣхали 22 версты,—постъ для джигитовъ, охраняющихъ дорогу. Нашъ всадникъ перемѣнился на другого, получивъ отъ насъ серебряный рубль за свою скачку впереди коляски. К—нъ увѣрялъ насъ, что въ случаѣ дѣйствительнаго нападенія разбойниковъ, какъ показываетъ горькій опытъ, храбрый всадникъ первый удираетъ въ степь или назадъ по дорогѣ, такъ что присутствіе этой воинственной фигуры нужно только ради пущей важности, въ видѣ почетнаго эскорта путешественнику, да для болѣе удобныхъ сношеній съ туземнымъ населеніемъ въ

Digitized by Google

деревняхъ, гдѣ приходится отыскивать ночлегъ или требовать зачѣмъ-нибудь сельское начальство.

Вотъ и Аштаракъ,—большое, богатое селеніе, живописно раскинутое въ ущельѣ Абаранъ-су, по-армянски Газахъ. Большіе дома изъ темнаго тесаннаго камня, суровые и неприступные какъ крѣпость, висятъ надъ пропастью Абаранъ-су своими галлереями и лѣсенками, лѣпясь другъ на другѣ по обрывистымъ черным скаламъ, въ живописной тѣни тополей и садовъ. Двѣ типическія армянскія церкви видны намъ среди этихъ безкрышихъ каменныхъ кубовъ. Одна изъ нихъ съ полинялою узкою башнею, очевидно, большой старины. Извѣстный знатокъ армянской исторіи, Шопенъ, насчитывалъ въ Аштаракѣ не двѣ а четыре „старинныя весьма замѣчательныя церкви“ и предполагалъ, что деревня Аштаракъ—„одна изъ древнѣйшихъ въ области“, такъ какъ она „окружена множествомъ развалинъ и надгробныхъ памятниковъ глубокой древности“.

Аштаракъ—вообще, историческое мѣсто. Его армянское имя значитъ „башня“; это показываетъ, что здѣсь ивстари была крѣпость, защищавшая подступы съ сѣвера къ былымъ столицамъ Арменіи: Вагаршапату, Арташату, Дувину, а впослѣдствіи къ Эривани и Эчміадзину. Съ того времени уцѣлѣлъ и прочный каменный мостъ на аркахъ, перекинутый еще персами черезъ Абаранъ-су. И въ нашемъ столѣтіи Аштаракъ прославился жестокою битвою маленькаго отряда князя Циціанова съ значительными силами персовъ, разбитыми здѣсь на-голову.

Живописное ущелье Абаранъ-су убѣгаетъ глубокимъ коридоромъ въ горную даль, изъ-подъ скалистыхъ обрывовъ Аштарака. Рѣка роется своими отощавшими струями глубоко внизу между каменныхъ насосовъ; она вся уже растратилась выше на мельницы и поля, перехваченная на пути нѣсколькими водопроводными канавами. Эти каменные слѣпые ящички мельницъ виднѣются какими-то игрушечными избушками сейчасъ ниже моста. Все дно ущелья, насколько видитъ глазъ, засажено пирамидальными тополями; ихъ золотисто-зеленая лента послушно слѣдуетъ за всѣми прихотливыми изгибами невидной изъ-за нихъ рѣки.

Этотъ мирный и милый пейзажъ—безопасное настоящее Аштарака. Но поднимите глаза на отвѣсные берега рѣки, и узнаете давнее прошлое его. Вся пропасть рѣчного русла выше Аштарака до самаго монастыря Сагмосъ-Ванка, котораго черный остовъ маячится вдали, издыравлена съ обѣихъ сторонъ,—будто

Digitized by Google

кусокъ дерева червоточиной,—дырьями пещеръ. Здѣсь, также какъ въ тѣснинѣ Гарни-Чая, скрывались когда-то отъ гоненій и казней язычниковъ первые пламенные ревнители Христова ученія и основывали свои первые церкви и монастыри.

Теперь Аштаракъ забылъ о старыхъ подвижникахъ своихъ и о кровавыхъ битвахъ въ его ущельѣ, и мирно снабжаетъ лучшимъ въ Арменіи виномъ своихъ виноградниковъ Эривань и Эчміадзинъ. Его имя связано также съ родиною нѣсколькихъ популярныхъ армянскихъ поэтовъ.

Въ деревнѣ Мугни—оживленное движеніе на улицахъ. Лавки, кабачки, много народу городского обличія и городскихъ нарядовъ. Въ концѣ деревни знаменитый у армянъ древній монастырь св. Георгія, или, по ихнему, „*Сурпъ-Кеворка*“; онъ назывался прежде также „монастыремъ креста“ (Хачеванскій монастырь). Монастырь, окруженный крѣпкими каменными стѣнами, стоитъ на берегу Абаранъ-су и въ старое время былъ надежною крѣпостью. Сохранился онъ удивительно хорошо. Архимандрита Георга Рештуни мы не застали дома, но онъ возвратился изъ своей поѣздки въ городъ прежде, чѣмъ мы успѣли позавтракать въ монастырскомъ домѣ, стоящемъ тоже внутри стѣнъ и представляющемъ изъ себя маленькій замокъ изъ большихъ тесанныхъ камней съ высочайшею наружною лѣстницею и широкою террасою во дворъ. Отецъ Рештуни сейчасъ же повелъ насъ осматривать замѣчательный древній храмъ, занимающій середину заросшаго травою двора. Въ Арменіи, какъ и въ Грузіи, да, строго говоря, какъ и въ Россіи,—древними памятниками исторіи служатъ почти исключительно храмы да монастыри. Весь смыслъ армянской исторіи многихъ вѣковъ — это отчаянная борьба за свою христіанскую религію сначала противъ язычниковъ и огнепоклонниковъ, потомъ противъ мусульманъ. Весь ихъ героизмъ, всѣ помыслы и силы народа уходили на эту основную задачу ихъ исторической жизни; они пали въ этой борьбѣ какъ самостоятельное государство, но твердо отстояли свою духовную независимость, свои религіозныя вѣрованія; на Арменіи и на Грузіи, какъ на первыхъ крѣпостныхъ валахъ христіанства, остановилась побѣдоносная волна мусульманства и только сравнительно слабыми всплесками долетѣла съ азіатскихъ окраинъ до христіанскихъ царствъ Европы. Арменія и Грузія на востокѣ, какъ Испанія на западѣ, своими тѣлами закрыли отъ сокрушительныхъ ударовъ ислама грудь своихъ собратьевъ о Христѣ—европейскихъ народовъ. Въ этомъ подвигѣ—историческая заслуга Арменіи.

Digitized by Google

Нельзя удивляться поэтому, что почти всѣ историческіе и археологическіе памятники Арменіи принадлежатъ къ области церкви. Каждый старый храмъ Арменіи—это своего рода каменная лѣтопись цѣлаго ряда вѣковъ, цѣлой вереницы событій.

Храмъ Сурпъ-Кеворка сохранилъ на себѣ слѣды своего былого архитектурнаго великолѣпія. Его стѣны, сложенныя въ арабскомъ вкусѣ, изъ чередующихся правильнымъ узоромъ черныхъ и желтокрасныхъ тесанныхъ камней, покрыты тонкою каменною рѣзьбою вездѣ, гдѣ это оказывалось удобно; тутъ и громадные кресты съ завитушками, и изящные карнизики въ нѣсколько рядовъ, и плиты съ изображеніями и надписями. Высокая круглая башня, рѣзко полосатой черно-желтой кладки, поднимается надъ основнымъ зданіемъ храма съ крышею изъ каменныхъ плитъ, крѣпкихъ какъ желѣзо, притомъ не гладкою, а въ формѣ какой-то оригинальной зубчатой звѣзды, напоминающей гофрированные абажуры лампъ. Вѣнчаетъ, однако, эту величественную башню не нашъ сіяющій золотомъ крестъ, а желтый грубый крестикъ изъ простого желѣза. Особенно остановили на себѣ наше вниманіе большія входныя двери подъ величественною колоннадою съ арабесками затѣйливой каменной рѣзьбы, охватывающей кругомъ входъ концентрическими рядами арочекъ, на подобіе дверей въ старинныхъ готическихъ соборахъ.

Внутри храма—стройность и благородство; круглый каменный куполъ искусно поддерживается каменными ребрами; во всѣ четыре стороны базилики идутъ высокіе своды. Зато убранство храма—крайне бѣдное, какъ во всѣхъ почти армянскихъ церквахъ, особенно древнихъ. Открытый алтарь на возвышеніи и престолъ съ тремя уступами напоминаютъ католическіе алтари. Сзади алтаря—узкое помѣщеніе, гдѣ одѣваются священники,—нѣчто въ родѣ нашей ризницы. Иконъ очень мало, и тѣ весьма плохія. Въ одной изъ боковыхъ нишъ, сдѣланныхъ въ толщѣ стѣны, задернутыхъ занавѣскою, выдолблена каменная купель для крещенія младенцевъ. Фрески на стѣнахъ и на пилонахъ—младенчески неумѣлыя, очевидно, очень старой живописи: тамъ, между прочимъ, два ангела взвѣшиваютъ на вѣсахъ дѣла человѣка, и на одной изъ чашекъ вѣсовъ повисъ, уцѣпившись когтями, маленькій чертенокъ. Монастырь недаромъ считается св. Георгія: насъ провели въ маленькій придѣльчикъ слѣва отъ алтаря, гдѣ стоитъ, покрытая кускомъ парчи, мраморная гробница, будто бы, св. Георгія Побѣдоносца; у гробницы горятъ тоненькія домодѣльныя свѣчки изъ желтаго воску да виситъ нѣсколько дешевенькихъ образковъ. Св. Георгію какъ-то особенно посчастливи-

Digitized by Google

лось, и многіе восточные города оспаривають другъ у друга честь быть его родиною или мѣстомъ его успокоенія. Греческая церковь, а съ нею и наша русская, считаютъ, однако, настоящимъ мѣстомъ погребенія св. Георгія городъ Лиду въ Палестинѣ, гдѣ донынѣ поклоняются гробницѣ его, и гдѣ, если не ошибаюсь, предполагается и самая родина его.

На дворѣ монастыря попадаются еще очень старыя, совсѣмъ вросшія въ землю плиты. Одну грубо вырубленную плиту V-го вѣка, покрашенную зеленою краскою, показываютъ какъ особенную рѣдкость, также какъ и оригинальный древній колодезь, въ видѣ слѣпого каменнаго домика, вкопаннаго въ землю. Архимандритъ бойко читаетъ древнія надписи, уцѣлѣвшія на плитахъ храма, и между прочимъ прочелъ намъ надпись надъ входными дверями, переведенную сейчасъ же К—номъ на русскій языкъ. Изъ надписи этой видно, что храмъ былъ обновленъ въ послѣдній разъ въ 1018 году армянской эры, что̀ по нашему лѣтоисчисленію равняется 1569 году, такъ какъ армяне ведутъ свою хронологію съ 551 года,—то-есть, года изобрѣтенія Месробомъ армянской азбуки.

Послѣ осмотра монастыря мы пригласили почтеннаго настоятеля побесѣдовать съ нами за стаканомъ чаю и позавтракать, чѣмъ Богъ послалъ. Захваченное въ Эривани вино оказалось особенно кстати.

Монастырь св. Кеворка, также какъ монастыри Іогана-Ванкъ и Сагмосъ-Ванкъ, виднѣвшіеся вдали по направленію ущелья, основаны, по словамъ архимандрита, владѣтельнымъ княземъ этой области, Ваче, жившимъ тутъ по сосѣдству. Часть монастыря св. Кеворка построили Камсараканы, предки нашего спутника, о чемъ говорилось и въ прочтенной намъ надписи на дверяхъ. Вообще, это — одна изъ самыхъ древнихъ и самыхъ знаменитыхъ армянскихъ фамилій; они были въ свое время владѣтельными князьями цѣлыхъ областей и играли большую роль въ судьбахъ своего народа.

Когда мы выходили, простившись съ настоятелемъ монастыря,—садиться въ свою коляску,—маленькая кучка богомольцевъ появилась на дворѣ. Одинъ армянинъ велъ на веревочкѣ барана—рѣзать въ жертву; два другіе, мужчина и женщина, гнали для того же осликовъ, съ привязанными къ сѣдлу гусями. Они очень низко поклонились архимандриту, и женщина поднесла ему на блюдечкѣ соль, прося освятить ее пастырскимъ благословеніемъ, чтобы приступить потомъ, тутъ же, у стѣнъ храма, къ священной трапезѣ жертвеннымъ мясомъ.

Digitized by Google

Проѣхавъ многолюдное с. Карпи съ хорошими домами и старинною церковью, мы своротили съ полверсты въ сторону, чтобы осмотрѣть монастырь Іогана-Ванкъ; проѣхать до него въ экипажѣ нельзя по непроходимости пути, заваленнаго камнями. Пришлось порядочно пройтись пѣшкомъ подъ покровительствомъ спѣшившагося чепара нашего, отгонявшаго отъ насъ яростныя атаки деревенскихъ собакъ. Около монастыря тоже раскинута деревушка; мы пробирались по ея узкимъ, вьющимся переулочкамъ, текущимъ грязью; толпы женщинъ, съ завязанными тряпкой ртами, черноволосыхъ и черноглазыхъ, и цѣлыя стаи здоровенной, мордатой, смуглорумяной дѣтворы высыпали на плоскія крыши своихъ домовъ и на грязныя улицы, изумленно разсматривая незнакомые имъ лица и наряды.

Прежде чѣмъ проникнуть въ монастырь, пришлось порядочно подождать, пока были разысканы, съ помощью набѣжавшихъ со всѣхъ сторонъ мальчишекъ и нашего чепара, вѣрные стражи древней святыни. Одного старика, хранителя ключа отъ наружныхъ дверей, разыскали сладко спавшимъ въ тѣни орѣха; другого — обладателя ключей отъ внутренняго храма—притащилъ откуда-то расторопный чепаръ. Это благоразумное распредѣленіе между разными лицами ключей отъ святыни соблюдается и въ Эчміадзинѣ, гдѣ нѣкоторыя сокровищницы могутъ быть отперты только при участіи двухъ или трехъ приставниковъ.

Іогана-Ванкъ, окруженный крѣпостной стѣной съ башнями, много красивѣе и больше, чѣмъ Сурпъ-Кеворкъ. Архитектура его полна особеннаго изящества и вкуса. Онъ весь сложенъ шахматами изъ черныхъ и желтокрасныхъ кубовъ очень твердаго камня и покрытъ снаружи еще болѣе художественною каменною рѣзьбою, съ изображеніемъ крестовъ, святыхъ мужей, орловъ и всякихъ арабесковъ. Входный порталъ его, украшенный надписями на оригинальныхъ массивныхъ колоннахъ, еще величественнѣе, чѣмъ прекрасный порталъ Кеворка. Но на каменной крышѣ его восьмиугольной башни уже ростутъ густою зарослью вѣники, а верхъ его колокольни до того ободранъ, что на немъ уцѣлѣло только нѣсколько плитъ. Внутри храма тоже полное разрушеніе: крыша надъ такъ называемымъ „кораблемъ“ или „нефомъ“ храма вся провалилась; чудные высокіе своды на колоннахъ растреснуты, сдвинуты съ своихъ мѣстъ, и во многихъ мѣстахъ ихъ даже висятъ, угрожая паденіемъ, большіе тесанные камни. Убранство и расположеніе храма—совершенно такое же, какъ въ Сурпъ-Кеворкѣ и другихъ старыхъ храмахъ Арменіи, хотя всѣ архитектурныя украшенія обильнѣе и богаче. Въ самомъ храмѣ

Digitized by Google

службы уже не бываетъ, но слѣва къ нему пристроенъ новый придѣлъ, гдѣ стоитъ такой же апокрифическій гробъ св. Карапета (одно изъ семи армянскихъ именъ Іоанна Крестителя) и гдѣ совершаются всѣ церковныя службы.

Іогана-Ванкъ стоитъ удивительно картинно среди хаоса камней надъ черною пропастью, что̀ обрывается прямо изъ-подъ его ногъ ступенчатыми стѣнами скалъ глубоко внизъ, гдѣ реветъ между нагроможденными камнями сердитая Абаранъ-су.

Издали видъ этого чернаго каменнаго мертвеца—совсѣмъ могильный. Неодушевленные предметы, видно, также могутъ умирать, какъ и живыя существа. Мы долго оглядывались на него, двигаясь дальше по дорогѣ,—и его массивная потемнѣвшая башня, вѣнчающая тѣсно сдвинувшіяся кругомъ такія же темныя стѣны,—казалась мнѣ самымъ выразительнымъ воплощеніемъ того жестокаго и мрачнаго вѣка, который когда-то создалъ этотъ храмъ-крѣпость...

Страна кругомъ—подъ стать этимъ чернымъ развалинамъ: голыя бурыя горы, словно окаменѣвшія волны моря, каменистыя поля; только Алагёзъ нѣсколько веселитъ унылый пейзажъ снѣговыми пятнами своихъ вершинъ—слѣва и впереди насъ. Араратъ потонулъ теперь подошвами своей двойной пирамиды въ свѣтлыхъ туманахъ дали, затянувшихъ къ полудню плодоносную „Араратянъ-Даштъ“—„Араратскую долину“, орошаемую Араксомъ и Зангою; онъ кажется теперь ушедшимъ въ небо, висящимъ въ воздухѣ своими теперь уже безплотными, чуть не сквозными громадами; между тѣмъ какъ рано утромъ. при выѣздѣ нашемъ изъ Эривани, такъ ясно, отчетливо, такъ, казалось, близко и осязательно,—хоть рукою ощупывай всѣ ихъ углубленія и выступы.—стояли, вырѣзаясь на безпорочной синевѣ неба, его какъ сахаръ бѣлые и какъ сахаръ сверкающіе снѣговые шатры...

Проѣзжаемъ рядъ бѣдныхъ деревушекъ: сначала „Иляньчала“, что̀ по-русски значитъ: „избіеніе змѣй“; потомъ Базаръджикъ („Маленькій базаръ“). Вездѣ—какіе-то низенькіе хлѣвы изъ глины и камня вмѣсто домовъ, съ однѣми дверями безъ оконъ, вездѣ—признаки большой бѣдности. Въ Кара-Келеси даже церковь смахиваетъ на сарай: четырехугольный ящикъ изъ дикаго камня, безъ оконъ, съ двумя висящими колокольчиками надъ земляною крышею, поросшею травой.

Сагмосъ-Ванкъ, „монастырь псалмопѣнія“, производитъ еще болѣе мрачное и мертвенное впечатлѣніе, чѣмъ Іогана-Ванкъ, своимъ одиноко торчащимъ полинявшимъ чернымъ скелетомъ.

Digitized by Google

Онъ виденъ далеко издали, со всѣхъ сторонъ, откуда бы ни приближаться къ нему, взобравшись на высокій берегъ той же рѣки Абаранъ-су, надъ которою стоитъ и монастырь Карапета. Онъ и запустѣлъ теперь, и полуразвалился, также какъ тотъ.

А между тѣмъ было время, когда оба эти монастыря были одними изъ главнѣйшихъ во всемъ армянскомъ царствѣ. По словамъ стариннаго армянскаго географа Вартана, въ Іогана-Ванкѣ хранились нѣкогда самыя чтимыя армянами святыни: саванъ Спасителя, рука св. Стефана, ребро Іоанна Крестителя, а въ Сагмосъ-Ванкѣ „никогда не умолкало пѣніе псалмовъ".

Вообще, вся мѣстность по теченію рѣки Абаранъ-су была густо усѣяна храмами и монастырями, изъ чего видно ея особенное значеніе въ древней исторіи Арменіи. Теперешнее селеніе Карпи было въ старину многолюднымъ городомъ, а самое названіе Абаранъ значитъ по-армянски „дворецъ"; это заставляетъ предполагать, что въ Карпи или какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ по теченію рѣки Абаранъ,—которая называется также и Карпи,—было лѣтнее мѣстопребываніе армянскихъ царей.

Покормивъ лошадей въ Сурпъ-Кеворкѣ часа полтора, мы не останавливались до самаго вечера, хотя дорога все время тянется нѣсколько наизволокъ и, несмотря на оффиціальное именованіе ея шоссейною, несмотря на стоящія по сторонамъ кучки щебня,—представляетъ изъ себя не что иное, какъ каменную осыпь, ломающую ноги лошадямъ и колеса экипажамъ.

По дорогѣ то-и-дѣло встрѣчаются толпы курдовъ съ навьюченными осликами, суровые обитатели алагёзскихъ пастбищъ, не вселявшіе въ насъ особеннаго довѣрія своимъ чисто-разбойничьимъ видомъ. Проѣхали курдскую деревню Али-Чичакъ и достигли, наконецъ, большого селенія Башъ-Абаранъ, что значитъ „головище рѣки Абаранъ", гдѣ предстоялъ намъ ночлегъ, а измученнымъ лошадямъ нашимъ—давно необходимый отдыхъ. Въѣхали мы въ Башъ-Абаранъ, прихвативъ часокъ прохладнаго вечера; тутъ мы уже въ полной власти Алагёза, котораго снѣговые утесы, близко надвинувшіеся надъ селеніемъ, дышутъ на равнину холодомъ зимы. И самъ Алагёзъ, съ закатомъ солнца, вдругъ разомъ потемнѣлъ, нахмурился, посинѣлъ, какъ трупъ.

Остановились мы въ домѣ сельскаго управленія. Чепаръ отправился разыскивать волостного старшину и передать ему бывшій съ нами письменный приказъ эриванскаго губернатора оказать намъ всякое содѣйствіе къ удобному ночлегу. Волостной

Digitized by Google

старшина явился къ намъ съ медалью на шеѣ, съ револьверомъ и патронами у пояса, и сейчасъ же принялся устраивать насъ. Въ просторномъ домѣ сельскаго управленія—четыре чистыя комнаты съ двойными рамами, необычными въ этомъ южномъ краю, съ кроватями, столами, стульями, шкапами для платья, даже съ умывальникомъ, вѣшалкою, зеркаломъ, лампами, подсвѣчниками, чернильнымъ приборомъ на письменномъ столѣ, съ ковромъ на стѣнѣ у постели и прочими затѣями цивилизованной жизни, совсѣмъ какъ въ порядочной гостинницѣ какого-нибудь русскаго уѣзднаго города. Этимъ деревенскимъ комфортомъ, до крайности необходимымъ для правительственныхъ и земскихъ дѣятелей, обязанныхъ, по роду своей службы, часто ѣздить по селеньямъ края,—эриванская губернія пристыживаетъ наши коренныя русскія губерніи, совсѣмъ не заботящіяся объ этой немаловажной житейской статьѣ. Комнаты были хорошо натоплены; откуда-то притащили намъ множество подушекъ, простынь, теплыхъ стеганныхъ одѣялъ, тяжелыхъ какъ матрацы,—все очень чистое. Явился, конечно, самоваръ съ чайною посудою, а скоро послѣ него—и горячій супъ съ курицею, который былъ особенно кстати въ эту прохладную ночь, подъ снѣгами Алагёза, послѣ цѣлаго дня тряски и сухояденія.

Мы прекрасно выспались подъ теплѣйшими одѣялами на покойныхъ постеляхъ, и въ шесть часовъ утра бодро вскочили на ноги. Было еще темно, когда, напившись наскоро чаю, мы выѣхали со двора сельскаго управленія; на горизонтѣ едва только брезжила узкая полоска приближавшагося утра; гулко звенитъ въ неподвижномъ воздухѣ ночи маленькій водопадъ, падающій съ кручъ Алагёза. Это и есть головище, то-есть истокъ рѣки Абаранъ-су. Алагёзъ поднимается прямо надъ нашими головами, и отъ его бѣлыхъ вершинъ тянетъ бодрящимъ, тихимъ холодкомъ. Земскихъ всадниковъ, которыхъ мы перемѣняли до сихъ поръ на постахъ, тутъ уже нѣтъ,—и пришлось взять чепара отъ волостного старшины. Сразу начался крутой подъемъ; дѣлается все прохладнѣе, все суровѣе. Справа, подъ голыми горами, тянутся все курдскія селенія, налѣво, подъ утесами Алагёза,—армянскія. Только одна деревня Джизель-Дара („Красивое ущелье“) заселена татарами. Курдскія деревни—это звѣриныя норы въ кучахъ камня; на нихъ торчатъ земляныя горбушки трубъ, широкихъ какъ бочки. Издали видишь только однѣ черныя пирамиды кизяка да стожки „юнжи“ (люцерны) на плоскихъ земляныхъ крышахъ. Трудно представить что-нибудь безотраднѣе и

Digitized by Google

бѣднѣе этихъ жалкихъ логовищъ. Первое селеніе ихъ, которое мы проѣзжаемъ, „Миракъ“, второе—„Джинги“, третье—„Хоръ-Булакъ“ („Слѣпой ключъ“); въ Хоръ-Булакѣ даже не жилища, а скорѣе пещеры, вырубленныя въ подножіи скалистаго холма. Несмотря на ранній часъ, много курдовъ и курдинокъ, въ чалмахъ и живописныхъ повязкахъ съ бахромою, идутъ по дорогѣ, прогоняя на горныя пастбища муловъ иословъ. Стада маленькихъ, тощихъ коровёнокъ бродятъ уже по скатамъ горъ; нынѣшній годъ была безкормица во всемъ здѣшнемъ краѣ, и скотъ сильно исхудалъ.

Отъ Мирака мы бросили такъ называемое шоссе, которое полѣзло зигзагами направо, въ горы, черезъ Джелалъ-Оглу, на Тифлисъ, съ вѣткою на Александрополь. Мы же взяли лѣвѣе, по ровной и широкой черноземной равнинѣ. На многія версты тянется здѣсь эта черная земля, и на всемъ пространствѣ ея—ни подъёма, ни спуска. По мѣрѣ приближенія утра, дѣлается все холоднѣе, дыханіе Алагёза становится все рѣзче и жестче, облака скучиваются бѣлыми лохмотьями вокругъ его вершинъ. Кругомъ насъ, надъ нами, лежитъ настоящая зима. Мы огибаемъ теперь уже съ третьей стороны обрывистую пирамиду Алагёза, которая отсюда кажется еще выше и эффектнѣе. На сѣверѣ—тучи, облака, что-то падаетъ вдали, не то дождь, не то снѣгъ; а на югѣ, сзади насъ, улыбаются голубыя озера расчистившагося неба.

Проѣхали армянское селеніе Мулла-Хасунъ, проѣхали татарскую деревню Джизель-Дара, за ними—еще нѣсколько деревень, и въѣхали, наконецъ, въ курдское селеніе „Караванъ-Сарай“. Тутъ обычный роздыхъ туземныхъ каравановъ. Стоитъ множество распряженныхъ арбъ, поятъ быковъ и верблюдовъ. Начинается хозяйственное утро; и молодыя, и пожилыя курдки длинными вереницами двигаются изъ своихъ домовъ за водою, съ большими кувшинами на плечахъ. Всѣ онѣ—въ красныхъ фартукахъ, красныхъ курточкахъ, красныхъ завѣскахъ сзади юбокъ, всѣ въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ длинными концами, распущенными по спинѣ, и въ поясахъ съ бахромою. Особенно была интересна совсѣмъ молоденькая дѣвочка,—навѣрное, однако, уже жена и хозяйка,—съ ярко сверкавшими черными глазками, въ кокетливой малиновой шапочкѣ съ длинною черною кистью, вся ярко-красная, граціозно черпавшая воду въ длинногорлый кувшинъ и, очевидно, сіявшая внутри радостнымъ сознаніемъ своей привлекательности.

Каравансарайскіе курды всѣ—іезиды, то-есть „чортопоклонники“, а не мусульмане, какъ и большая часть алагёзскихъ

Digitized by Google

курдовъ. К—нъ, близко знающій ихъ вѣрованія, объяснялъ намъ, что они вовсе не считаютъ дьявола богомъ, а только падшимъ ангеломъ; но такъ какъ, по ихъ понятію, Богъ можетъ простить его, да, притомъ, дьяволъ имѣетъ столько власти надъ людьми, то они считаютъ грѣхомъ вмѣшиваться между нимъ и Богомъ, боятся раздражать его, и никогда поэтому не бранятъ и даже не произносятъ его имени, а напротивъ, умилостивляютъ его молитвами и жертвами. Съ мусульманскою религіею іезиды не имѣютъ ничего общаго. И хотя они постоянно грабятъ и воруютъ по ночамъ, но все-таки гораздо мирнѣе и безопаснѣе курдовъ-мусульманъ. Сосѣднія армянскія селенія главнымъ образомъ страдаютъ отъ нихъ. Курды то-и-дѣло угоняютъ скотъ, травятъ хлѣбъ. У мировыхъ судей ведутся нескончаемыя дѣла объ этихъ сосѣдскихъ грабительствахъ.

Любопытно было осмотрѣть въ Караванъ-Сараѣ кладбище курдовъ-іезидовъ. Ихъ могилы — это простыя кучи сваленныхъ вмѣстѣ круглыхъ булыжниковъ, но среди этихъ первобытныхъ погребальницъ виднѣется нѣсколько вырубленныхъ изъ камня большихъ коней бѣлыхъ и красныхъ, съ сѣдлами и подпругами, раскрашенными сообразно цвѣту лошади, сработанныхъ съ нѣкоторымъ искусствомъ и поставленныхъ въ память мѣстнымъ удальцамъ, особенно отличившимся въ хищническихъ набѣгахъ.

Мы, очевидно, спускаемся. Алагёзъ уже за нами, а впереди вдругъ поднялся, задвинувъ горизонтъ, высокій снѣговой хребетъ, котораго мы до сихъ поръ не видали. Это уже горы Карса. Кругомъ насъ теперь сплошныя поля, и даже высоко, по скатамъ горъ, чернѣютъ ихъ распаханные квадраты. Скота тутъ тоже много. Вообще, это далеко не безлюдная пустыня. Мы проѣзжаемъ другое селеніе Джизель-Дара,—не татарское, а армянское. Отсюда, сверху, намъ видна вся нижняя долина и даже домики еще довольно далекаго Александрополя. Отъ Джизель-Дара до него—28 верстъ. Приходится еще разъ покормить, прежде чѣмъ доѣдемъ до него. Заѣзжаемъ на армянскій постоялый дворъ въ деревнѣ Нора-Шенъ („Новоселокъ“). Оригиналенъ этотъ первобытный постоялый! Въ низенькомъ каменномъ домикѣ съ земляною крышею—двѣ комнаты рядомъ: въ одной—табачная лавка съ русскою вывѣскою, въ другой—гостинница своего рода. Сѣней—никакихъ; утлая дверочка, всегда отпертая настежь, прямо ведетъ въ комнатку, освѣщенную однимъ оконцемъ безъ двойныхъ рамъ, также постоянно отвореннымъ.

Digitized by Google

Половина комнаты занята широчайшею деревянною тахтою на низенькихъ ножкахъ, напоминающею полати русской избы; у другихъ стѣнъ—деревянная, нечистоплотная кровать и такой же деревянный диванчикъ, прикрытый, какъ и тахта, грубыми ковриками. По серединѣ комнаты, взамѣнъ печи, водружена на опрокинутомъ ящикѣ жаровня съ желѣзной трубой. Тутъ ночуютъ, тутъ обѣдаютъ, тутъ пьютъ чай и вино. Нетребовательный туземецъ не находитъ, съ своей стороны, никакихъ неудобствъ въ такой комфортабельной гостинницѣ-ресторанѣ.

Въ Александрополь мы пріѣхали засвѣтло. Послѣднюю часть дороги приходилось почти скатываться съ пологой горки, и подмореныя лошадёнки, повидимому, чувствовали близость желаннаго отдыха. Но не такъ-то скоро удалось намъ разыскать въ раскинутомъ на большое пространство городѣ домъ, гдѣ квартировалъ нашъ зять. Насъ отправляли то въ одну, то въ другую, совсѣмъ противоположную сторону, и только послѣ долгихъ напрасныхъ переѣздовъ изъ улицы въ улицу нашелся какой-то благодѣтельный человѣкъ, дѣйствительно знавшій нужный намъ домъ. Онъ присѣлъ къ намъ на козлы и благополучно привелъ насъ, наконецъ, къ цѣли нашего странствованія, гдѣ насъ встрѣтила радостными криками давно нами невиданная родная дѣтвора.

VIII.—Развалины Ани, древней столицы царства армянскаго.

Мы торопились воспользоваться хорошею погодою, которая въ этой горной странѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, далеко не всегда бываетъ ясною и теплою,—чтобы успѣть съѣздить въ Ани, полюбоваться на знаменитыя развалины его храмовъ и дворцовъ. Путешествіе это—не особенно близкое и не совсѣмъ удобное. Приходится проѣзжать пустынными мѣстами, населенными кочующими курдами, и искать ночлега, гдѣ Богъ пошлетъ, потому что въ самомъ Ани нѣтъ никакого жилья. Ѣхать въ эту глушь, недавно еще бывшую въ турецкомъ владѣніи, за нашею границею, безъ вооруженнаго конвоя—тоже рискованно. Зять нашъ, инженеръ Г., одинъ изъ строителей тифлисско-карсской дороги, уже два года работалъ въ этихъ мѣстахъ и еще раньше побывалъ въ Ани. Онъ-то и завѣдывалъ всѣмъ устройствомъ нашей экспедиціи. Насъ собралась порядочная компанія: мы трое

Digitized by Google

съ К-номъ, зять нашъ и одинъ его пріятель, мѣстный купецъ-армянинъ, П. Н. Драмповъ, отлично знакомый со всѣми мѣстными условіями. Наняты были двѣ коляски, по пятнадцати рублей каждая; къ одному изъ кучеровъ присоединился на козлы братъ его, любопытствовавшій побывать въ священныхъ для каждаго армянина развалинахъ; кромѣ того, два вооруженныхъ чепара присланы были намъ въ провожатые отъ мѣстнаго исправника, вслѣдствіе переданнаго ему нами письма эриванскаго губернатора. Такимъ образомъ всего оказалось насъ десять человѣкъ. Наготовлено было нѣсколько корзинъ всякихъ припасовъ, и въ пять часовъ утра, еще до солнца, мы тронулись въ путь. Было темновато и прохладно. Долго, по выѣздѣ изъ города, провожали насъ холмы, покрытые татарскими и армянскими кладбищами. Дорога идетъ все время вдоль рѣки Арпачая. Кругомъ насъ—все поля и посѣвы. Почва—что-то въ родѣ сѣраго лёса, и, говорятъ, очень плодородная. Въ старое время область эта носила названіе Шурагеля; на базарахъ Александрополя и Карса до сихъ поръ шурагельская пшеница славится своею бѣлизною и покупается дороже другихъ. Засѣваютъ тутъ землю безъ роздыха и безъ навоза, каждый годъ, потому что земли, годной для обработки, очень мало. Это не то, что въ Карсской области, гдѣ осталось множество пустынныхъ земель, покинутыхъ турками. Армяне, однако, жалуются, что, какъ ни просили они, правительство не разрѣшаетъ имъ селиться на тѣхъ земляхъ. Урожай здѣсь расчитывается по размѣру дневной работы одного человѣка, что̀ называется по-армянски: „ура-варъ“. Обыкновенно одинъ ура-варъ даетъ „самаръ“ пшеницы, то-есть двадцать пудовъ, а обычная мѣстная цѣна пшеницы—одинъ рубль серебромъ за пудъ. Въ прошломъ году урожай былъ плохой, и земля дала только „пол-самара“ на каждый „ураваръ“. Помѣщиковъ, какъ въ эриванской губерніи, тутъ совсѣмъ нѣтъ; вся земля принадлежитъ крестьянамъ и считается ихъ надѣльною,—поэтому тутъ нѣтъ продажныхъ земель.

Въ пригородныхъ деревняхъ виднѣются и сады; однако, несмотря на югъ, горная мѣстность даетъ себя знать, и никакихъ южныхъ плодовъ,—даже такихъ неприхотливыхъ, какъ абрикосы, черешни, виноградъ,—здѣсь не родится. Въ здѣшнихъ садахъ вызрѣваютъ только плоды нашей курской или орловской губерніи—яблоки, груши, вишни. Вмѣсто виноградниковъ, видны капустники, какъ и у насъ въ черноземной Россіи. Впрочемъ, и овощи бо̀льшею частью привозятъ сюда изъ другихъ мѣстъ. Мы встрѣтили, между прочимъ, шедшій изъ Сардаръ-Абада въ Александро-

Digitized by Google

поль длинный караванъ верблюдовъ, привязанныхъ веревками другъ къ дружкѣ и навьюченныхъ обильными запасами лука, картофеля и всякой другой огородины.

Александрополь очень долго былъ пограничною русскою крѣпостью, и сейчасъ же за Арпачаемъ начиналась турецкая земля. До сихъ поръ видны мѣста, гдѣ, вплоть до 1877 года, стояли турецкіе пограничные пикеты. Мѣстные жители разсказываютъ, что въ тѣ печальныя времена просто нельзя было жить въ окрестностяхъ Александрополя. Турки то-и-дѣло грабили, жгли, убивали людей даже на нашей сторонѣ Арпачая, несмотря на то, что день и ночь вдоль рѣки ѣздили казацкіе разъѣзды. Теперь тутъ сравнительная благодать, спокойствіе и миръ. Въ этомъ—великое и еще слишкомъ мало цѣнимое нами значеніе большихъ государствъ, объединяющихъ подъ одною властью и однимъ закономъ когда-то враждебные другъ другу области и народы, и водворяющихъ среди нихъ миръ и безопасность вмѣсто прежней непрерывной войны, одинаково разорительной для каждой страны.

Селенья, мимо которыхъ мы проѣзжаемъ, тоже хранятъ на себѣ выразительные слѣды былыхъ безпокойныхъ временъ. Вонъ, подъ обрывистою Столовою горою пріютилось старинное мѣстечко Башъ-Шурагель, а надъ нимъ, на обоихъ краяхъ горы, торчатъ круглыя башни старыхъ укрѣпленій. Еще раньше Башъ-Шурагеля проѣхали мы село Баяндуръ, гдѣ издревле были поселены греки вмѣстѣ съ армянами и гдѣ виднѣются двѣ большія церкви; тутъ долго стояла наша артиллерія, отлично исправившая на свой счетъ старую греческую церковь.

Въ Чиръ-Пелу уцѣлѣли остатки грандіознаго каменнаго моста, когда-то сооруженнаго армянскими царями. Хотя онъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, но мы сходили къ нему пѣшкомъ черезъ каменистое поле, чтобы полюбоваться его развалинами. Это сооруженіе—чисто римскаго величія и искусства. Арпачай здѣсь бѣжитъ и реветъ въ глубокомъ и тѣсномъ каменномъ коридорѣ; этимъ сравнительно узкимъ мѣстомъ воспользовались старинные строители, чтобы перебросить съ одной несокрушимой береговой стѣны на другую, такую же крѣпкую, громадный и великолѣпный мостъ изъ тесанныхъ темно-красныхъ камней, тщательно приточенныхъ другъ къ другу.

Мостъ этотъ—цѣлая крѣпость, поднимающая свои четыре высочайшія стѣны со дна этой бѣшеной пропасти. Въ немъ три яруса. Внизу, между стѣнами, соединенными наверху сводами,—

Digitized by Google

галлереи для прохода пѣшихъ, жилье для стражи и проѣзжихъ, конюшни для лошадей.

Въ древней Арменіи былъ, говорятъ, обычай устраивать въ мостахъ постоялые дворы своего рода для опоздавшихъ путниковъ,—что̀ и до сихъ поръ встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ турецкой Арменіи. Построить мостъ, водопроводъ, безопасный караванъ-сарай у восточныхъ народовъ издавна считалось дѣломъ благочестія.

Высота этого моста, широкаго какъ площадь, такова, что голова кружится, когда смотришь съ него внизъ, въ волны бушующаго Арпачая. Мостъ разрушенъ на самой серединѣ рѣки, и съ другого берега уцѣлѣла только маленькая частичка его.

Село Чиръ-Пелу виднѣется на томъ берегу, дальше, по обрывистому ущелью и, по всей вѣроятности, было прежде сильнымъ укрѣпленіемъ.

Въ Керачѣ пришлось переправляться черезъ Арпачай, на бывшую турецкую сторону, на которой находятся и развалины Ани. Оба рукава Арпачая разлились широко отъ бывшихъ недавно дождей; наши лошади шли вбродъ выше пуза, такъ что и колеса хлебнули немного арпачайской водицы. Дорога на томъ берегу изрядно каменистая, жара дѣлается тоже порядочная, и бѣдные коньки чувствуютъ это больше, чѣмъ кто-нибудь; а тутъ еще извозчики наши не совсѣмъ твердо знаютъ полевыя тропы, и ѣдутъ, очевидно, наугадъ, болѣе руководясь общимъ видомъ окрестностей.

Среди голой, каменистой равнины вдругъ вырѣзались вдали, на фонѣ знойнаго неба, двѣ узкія и высокія старыя башни.

— „Хоша-Ванкъ“!—обрадованно сказалъ нашъ извозчикъ, указывая кнутомъ на башни.

„Хоша-Ванкъ“ значитъ по-армянски: „двѣ церкви“.

Этотъ древній монастырь—своего рода преддверіе бывшей армянской столицы, и путешественники, посѣщающіе развалины Ани, конечно, стараются не миновать его.

Скоро мы были у этихъ оригинальныхъ двухъ башенъ. Онѣ пересѣкаютъ дорогу въ монастырь и стоятъ какъ два его сторожа, образуя между собою ворота. Сводъ надъ воротами провалился, повидимому, недавно, потому что на видѣнныхъ мною рисункахъ и фотографіяхъ онъ еще изображается; одна изъ башенъ тоже безъ верху, и самихъ воротъ, запиравшихся когда-то на замки и запоры, разумѣется, слѣда нѣтъ. Ворота эти служили въ старину для въѣзда армянскихъ царей въ монастырь

Digitized by Google

Хоша-Ванкъ, гдѣ они имѣли обыкновеніе отдыхать по пути въ Ани. Съ приворотныхъ башенокъ звонили въ колокола, чтобы дать знать монастырю о приближеніи царскаго поѣзда. Въ то время дорога въ Хоша-Ванкъ была вымощена камнемъ, слѣды котораго еще замѣтны.

Самъ Хоша-Ванкъ лежалъ теперь впереди насъ, позади громадной круглой пропасти, на которой змѣились среди болотъ рукава Арпачая. Видъ этого монастыря глубоко характеренъ. Это—подлинный отрывокъ изъ древней исторіи Арменіи. Его черныя средневѣковыя стѣны съ башнями и бойницами изъ тесанныхъ камней тѣсно обступили древніе островерхіе храмы типическаго армянскаго стиля, такіе же черные и такіе же съ головы до ногъ каменные, какъ и сами они. Весь этотъ крѣпко защищенный замокъ живописно вырѣзался своими темными угловатыми очертаніями на безоблачно-синемъ небѣ, надъ самыми обрывами пропасти, отдѣлявшей его отъ насъ.

Пока экипажъ объѣзжалъ эту широкую и глубокую котловину, мы съ К—номъ и Петромъ Ник. рѣшились спуститься по крутымъ обрывамъ пропасти внизъ, къ Арпачаю, чтобы пробраться на торчавшій внизу, среди его разливовъ, скалистый островокъ, чрезвычайно картинно увѣнчанный развалинами двухъ древнихъ церковочекъ. Порядочно промочивъ ноги въ болотистой низинѣ, мы все-таки добрались кое-какъ, съ камушка на камушекъ, до привлекавшихъ насъ развалинъ. Стѣны пропасти, по которымъ мы спускались, всѣ изъ краснаго и желтаго туфа, легко поддающагося желѣзу. Вѣроятно, поэтому они всѣ изрыты пещерами не только кругомъ монастырской котловины, но и гораздо дальше, вдоль всего русла Арпачая. Изъ этого же туфа, повидимому, были выстроены и многія верхнія части тѣхъ прелестныхъ маленькихъ церковочекъ, которыя стоятъ на островкѣ. Храмики эти, самой изящной архитектуры,—въ сущности, не что иное какъ мавзолеи, выстроенные надъ прахомъ похороненныхъ здѣсь армянскихъ царей. Кругомъ ихъ—цѣлое кладбище, заваленное обломками тѣхъ же полуразрушенныхъ храмовъ. Простая каменная гробница царя Ашота III-го, установленная на пьедесталѣ изъ четырехъ ступеней, съ надписью 970 года, удивительнымъ образомъ совершенно уцѣлѣла среди хаоса наваленныхъ камней. Первый храмъ и былъ посвященъ его памяти, а другой, кажется,—царю Гагику I-му.

Не совсѣмъ легко было вылѣзти изъ болотистой пропасти, окружающей мавзолеи древнихъ царей, на ту сторону, къ подножію монастырскихъ стѣнъ. Маленькая, бѣдная деревушка, на-

Digitized by Google

половину врывшаяся въ каменные скаты горы, обсыпала монастырь. Къ нему приходится подниматься по крышамъ и дворамъ ея, среди отчаяннаго лая собакъ и среди удивленно зѣвающей толпы оборванныхъ старухъ и грязныхъ дѣтишекъ.

Старый, совсѣмъ лысый монахъ-настоятель встрѣтилъ насъ и сталъ водить по монастырю. Снаружи онъ кажется далеко не такимъ обширнымъ и прекраснымъ, какимъ оказался внутри. Все это постройки благороднаго архитектурнаго стиля, съ смѣлыми куполами, съ величественными колоннадами притворовъ, съ тонкою каменною рѣзьбою, съ множествомъ старинныхъ надписей— совершенно въ томъ же родѣ, какъ посѣщенные нами раньше древніе монастыри Кегарта, Сурпъ-Кеворка, Іогана-Ванкъ и др. Кромѣ храма, тутъ и великолѣпныя залы, въ которыхъ армянскіе цари собирали на совѣщаніе по государственнымъ дѣламъ своихъ князей и вельможъ. Сейчасъ видно, что это былъ не какой-нибудь глухой, заброшенный монастырь, а мѣсто чтимое и украшаемое царями. Изъ надписи на одномъ столбѣ видно, что монастырь былъ уже возобновленъ въ 935 г. царемъ Абасомъ,— слѣдовательно, построенъ значительно ранѣе. Назывался онъ, собственно, „Горомоси-Ванкъ", а названіе Хоша-Ванкъ получилъ отъ двухъ воротныхъ башенъ, носившихъ это имя. Разрушилъ его султанъ сельджуковъ, Альпъ-Арсланъ, въ 1064 году. По разсказамъ лѣтописцевъ, турки перерѣзали такое множество монаховъ, жившихъ въ монастырѣ и въ окрестныхъ пещерахъ, что трехъ-лѣтній младенецъ утонулъ въ ручьѣ крови. Но впослѣдствіи монастырь былъ, очевидно, возстановленъ, потому что на немъ видны надписи 1174—1336 годовъ. Изъ одной надписи узнаемъ, что въ 1198 г. архимандритъ Мхитаръ провелъ въ Горомоси-Ванкъ съ величайшимъ трудомъ ключевую воду, что не удавалось прежде даже царямъ.

Побродивъ по всѣмъ уголкамъ древней обители, мы закусили слегка и двинулись дальше, къ главной цѣли нашего путешествія.

Ани—всего верстахъ въ шести отъ Хоша-Ванка. Еще издали видны разбросанные на огромное пространство среди голой степи остатки стѣнъ съ башнями, остовы церквей и высоко поднятыя на горѣ развалины цитадели. Чѣмъ-то давно умершимъ, нѣмыми пустынями Палестины и Сиріи, дышетъ этотъ глубоко-историческій пейзажъ. Совсѣмъ отдѣльно отъ города, съ полверсты не доходя до его стѣнъ, стоитъ одинокая опустѣвшая церквочка, которую туземцы называютъ „церковью пастуха". Древнее преданіе гово-

Digitized by Google

рить, что одинъ богатый пастухъ, разсердившись на то, что въ какой-то большой праздникъ его не пустили ни въ одну изъ церквей Ани, переполненныхъ народомъ, — построилъ на свой счетъ эту церковь для себя одного и этимъ какъ бы отмстилъ негостепріимнымъ горожанамъ Ани.

Стѣны Ани были двойныя, и хорошо сохранившійся во многихъ мѣстахъ огромный обхватъ ихъ, своею высотою, длиною и множествомъ башенъ нѣсколько напоминаетъ мнѣ стѣны древней Византіи въ Константинополѣ. Эта непрерывная каменная ограда отрѣзала столицу Арменіи со стороны степи, единственно доступной для нападенія. Правымъ крыломъ своимъ она спускалась въ дикое ущелье Арпачая, а лѣвымъ—въ обрывистую долину рѣки Аладжи. Съ трехъ остальныхъ сторонъ Ани было надежнѣйшимъ образомъ защищено крутизнами горъ и глубокими пропастями, по которымъ бѣжитъ бѣшеный Арпачай и впадающая въ него Аладжа.

Круглыя башни Ани огромной высоты и сложены, какъ и стѣны, изъ превосходнаго тесаннаго камня сѣро-желтаго цвѣта; на многихъ изъ нихъ видны кресты колоссальной величины, образованные черными камнями, вставленными среди желтаго фона. Иныя расписаны этими же черными камнями въ видѣ шахматной доски и разныхъ другихъ узоровъ; кое-гдѣ виднѣются плиты съ старинными надписями, большая каменная доска съ изображеніемъ льва. Вообще замѣтно, что эта древняя твердыня была не только боевою оградою, наскоро сложенною для защиты отъ врага, а самобытнымъ созданіемъ архитектурнаго вкуса того времени, предназначеннымъ для украшенія и славы города столько же, сколько для его безопасности,—дѣломъ чьей-нибудь любви и сердечной заботы. Ее, дѣйствительно, построили въ X-мъ вѣкѣ славные цари Багратиды—Ашотъ III-й и сынъ его Сембатъ II-й, великіе строители дворцовъ и храмовъ, высоко поднявшіе благосостояніе своего недавно еще разореннаго и безсильнаго царства.

Почти всѣ эти многочисленныя башни кажутся цѣлыми только снаружи; со стороны же города онѣ вскрыты какъ раковины устрицъ и распахнули свои каменныя утробы отъ макушки до пятокъ. Немудрено, что въ такомъ видѣ онѣ съ каждымъ годомъ осыпаются все больше и больше и понемногу уменьшаются въ числѣ.

Двое воротъ ведутъ съ этой стороны въ городъ. Однѣ сжаты между двумя тѣсно сближенными громадными круглыми башнями; другія проходятъ подъ аркою, почти совсѣмъ обрушившеюся,

Digitized by Google

надъ которою путешественники еще недавно любовались огромною плитою съ старинною армянскою надписью,—и ведутъ внутрь воротнаго укрѣпленія своего рода, гдѣ приходится поворачивать въ сторону, чтобы попасть во вторыя, входныя ворота. Это обычный способъ устройства воротъ въ древнихъ крѣпостяхъ, который я встрѣчалъ уже не разъ въ Греціи и при которомъ, дѣйствительно, врагу было не легко ворваться въ крѣпость. За крѣпостной оградой—опять пустыня, опять громадное историческое кладбище. Куда только хватаетъ глазъ,—вездѣ груды камней, огромные могильные холмы, похоронившіе въ себѣ развалины былыхъ дворцовъ и храмовъ. Среди нихъ изрѣдка торчатъ, словно немногіе уцѣлѣвшіе воины на полѣ кровавой сѣчи, устланномъ безчисленными трупами, — темныя громады полуразвалившихся храмовъ.

Мы подъѣхали къ бѣлому низенькому дому-бараку съ желѣзными рѣшотками въ выбитыхъ окнахъ. Это единственный жалкій пріютъ для путешественниковъ. Но и онъ, къ нашему прискорбію, оказался запертъ. Въ лѣтнее время тутъ иногда проживаетъ монахъ, посылаемый сюда армянскимъ патріархомъ для путеводительства богомольцевъ. У него обыкновенно достаютъ самоваръ и кое-какую посуду. Но къ осени онъ уже спасается обратно въ свой монастырь, потому что одинокая жизнь въ этой мертвой пустынѣ, среди разбойниковъ курдовъ, безъ всякихъ средствъ пропитанія,—не манитъ даже и монаха.

Послали одного изъ своихъ всадниковъ-чепаровъ разыскивать въ сосѣдней деревнѣ какого-то сторожа, которому, будто бы, передаются ключи отъ дома и отъ нѣкоторыхъ церквей Ани, гдѣ еще можетъ происходить служба,—но чепаръ этотъ, пространствовавъ гдѣ-то нѣсколько часовъ и заморивъ въ конецъ свою лошадь, возвратился съ пустыми руками. Изъ Хоша-Ванка тоже прислали намъ въ помощь священника верхомъ, но и онъ не могъ отыскать сторожа, и только присосѣдился къ намъ, когда мы усѣлись въ тѣни древняго собора прямо на камняхъ, чтобы позавтракать привезенною съ собою провизіей, замѣняя по неволѣ виномъ напрасно ожидаемый чай. Завтракъ нашъ, благодаря заботамъ нашего милаго инженера, оказался болѣе, чѣмъ роскошнымъ для такого случая: жареная индюшка, пилавъ съ бараниной, сыръ и разныя закуски, кондитерскій тортъ, конфекты, груши, яблоки, а по части питія не только вино всякаго сорта въ изобиліи истинно кавказскомъ, но и пиво, и даже зельтерская вода.

Мы все-таки изрядно устали за эту длинную дорогу, и только

Digitized by Google

плотно закусивъ, опять ощутили въ себѣ необходимую бодрость для предстоявшей намъ весьма нелегкой археологической экскурсіи. Приходилось пространствовать пѣшкомъ въ теченіе многихъ часовъ по сплошнымъ грудамъ камней, по кручамъ и обрывамъ горъ, подъ горячими лучами южнаго полудня и притомъ при изсушающемъ душу палящемъ вѣтрѣ.

Но что дѣлать? „Назвался грудемъ, полѣзай въ кузовъ!“ — говоритъ немного злая русская пословица.

Главный соборъ Ани—какъ разъ противъ дверей домика для богомольцевъ. Это—чудное архитектурное созданіе, соединившее въ себѣ всѣ характерныя черты и всю своеобразную красоту древней армяно-грузинской архитектуры, въ основѣ которой лежитъ, конечно, византійскій стиль, съ сильною, однако, примѣсью готики. Соборъ этотъ много величественнѣе и красивѣе эчміадзинскаго, хотя круглая центральная башня, вѣнчавшая его, совсѣмъ разрушена, и только уцѣлѣвшій громадный „корабль“ храма—даетъ нѣкоторую возможность судить о его былыхъ размѣрахъ и изяществѣ его формъ. Сложенъ онъ, какъ и всѣ храмы Ани, изъ прекрасно вытесанныхъ камней темно-желтаго туфа и, словно драгоцѣнною парчею, одѣтъ кругомъ по фасаду и боковымъ стѣнамъ, по всѣмъ арочкамъ, карнизамъ, поясамъ и колонкамъ, кругомъ дверей, кругомъ каждаго окошка, узкихъ и длинныхъ какъ щели крѣпостной бойницы,—разнообразнѣйшею восточною рѣзьбою; плиты съ крестами и надписями, съ фигурами львовъ, орловъ и разныхъ другихъ птицъ, въ рамкахъ удивительныхъ узоровъ, врѣзаны въ эти стѣны, среди этихъ арокъ и столбиковъ, и, прочитанныя учеными людьми, даютъ богатый матеріалъ не только для исторіи храма, но и для характеристики религіозныхъ обычаевъ средневѣковыхъ армянъ.

Я приведу нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе интересныя; на южной стѣнѣ собора, около когда-то бывшихъ здѣсь солнечныхъ часовъ вырѣзано: „Въ 459 г. армянскаго счисленія (1010 г.), во времена духовн. владыки, почтеннаго Богомъ, Саргиса, католикоса Арменіи, въ славное царствованіе Гагика, шаханшаха Арменіи и Грузіи, я, Катранидé, царица Арменіи и дочь Васака, царя сіюнійскаго, прибѣгла къ милосердію Божію и, по повелѣнію мужа моего Гагика-Шаханшаха, построила этотъ соборъ, основанный раньше великимъ Сембатомъ; мы воздвигли домъ Божій, живой и новый, въ ознаменованіе духовнаго своего рожденія, и я украсила его драгоцѣнными украшеніями,—жертвою Христу отъ меня и отъ рода моего, то-есть моихъ дѣтей: Сембата, Абаса и Ашота“. „Я, Теръ-Саргисъ, симъ повелѣлъ слу-

Digitized by Google

жителямъ церкви, служить неукоснительно до самаго пришествія Христа, 40 обѣденъ послѣ кончины благочестивой царицы во время успенскаго поста. Кто нарушитъ эту запись мою, да будетъ осужденъ Христомъ. Память эта написана въ 6433 году отъ Адама, въ 1012 г. отъ воплощенія Слова Божія, въ 718 г. отъ обращенія армянъ въ христіанство, мною, Бенé".

Армяне того времени, цари, князья и простые люди, не довѣряя пергаменту и бумагѣ, записывали на камнѣ свои распоряженія о вѣчномъ поминѣ души, принося за это щедрые дары монастырямъ и церквамъ и съ свойственною имъ торговою дѣловитостью условливались съ ними самымъ обстоятельнымъ образомъ, какое именно духовное вознагражденіе на пользу душъ, ихъ самихъ и родственниковъ ихъ должны они получать за свои матеріальныя жертвы.

Каменныя надписи на стѣнахъ древнихъ храмовъ Ани полны этихъ простодушныхъ посмертныхъ договоровъ мірскихъ людей съ служителями церкви и были какъ бы предназначены для всегдашняго публичнаго напоминанія принятыхъ ими на себя обязанностей, своего рода безмолвнымъ предъявленіемъ къ нимъ даже изъ-за гроба чисто-юридическихъ требованій о поминѣ ихъ души,—что̀ считалось въ тѣ религіозныя времена важнѣйшимъ вопросомъ для всякаго христіанина.

„Въ 684 г. (1225 г.) я, милостью Бога, Зугалъ изъ Карса, сынъ Горига, приписавшись къ славному и святому собору, подарилъ ему Евангеліе, книгу пророка Исаіи, сосудъ и кадило, и служители святыхъ обязались служить ежегодно обѣдню въ праздникъ Божіей Матери, за моего брата Ваграма, пока я буду живъ, и за меня, и за жену мою Тикинъ послѣ моей смерти. Тотъ, кто это исполнитъ, да будетъ благословенъ отъ Бога!"—написано, напр., на аркѣ восточнаго фасада собора.

На южной его стѣнѣ—другая, подобная же надпись:

„Въ 662 г. (1213 г.) я, Тигранъ, рабъ Христовъ, построилъ на свои законныя деньги лѣстницу славнаго святого собора, разрушенную съ давнихъ лѣтъ. Я пожертвовалъ ему лавку въ Катноцѣ, купленную на мой счетъ; я подарилъ ему двѣ книги праздничныхъ службъ, изъ которыхъ одна св. Григорію, и двѣ серебряныхъ чаши въ главный алтарь, обязавъ причтъ ежегодно служить обѣдню обо мнѣ до самаго пришествія Христова".

Въ другихъ подобныхъ надписяхъ исчисляются подарки маслобоенъ, виноградниковъ, книгъ Стараго и Новаго Завѣта, золота, серебра и пр.

Высчитывается ариѳметически, иногда съ явною похвальбою,

Digitized by Google

сколько именно денегъ стоилъ каждый подарокъ или постройка церкви и сколько, въ какіе именно дни, должны за это вознаграждать своими молитвами представители религіи.

Такъ на одной изъ церквей Ани существуетъ слѣдующая надпись: „Въ 489 г. (1040 г.) я, Апельхарибъ, марзапанъ Арменіи, сынъ Григора и внукъ Апухамра, князей Арменіи, хотя и находился въ пренебреженіи у своего отца, какъ младшій сынъ, все-таки, движимый сыновнимъ благочестіемъ, построилъ это мѣсто покоя своему отцу Григору, брату Гамзе́ и Хримоседаю, и двѣ кельи во имя св. Стефана и св. Григорія.

„Священники обязуются, входя каждую пятницу въ святая святыхъ, служить обѣдню за мою мать Шухану, въ субботу за моего брата Григора, всякую пятницу, въ праздникъ св. Христофора, за моего дядю съ материнской стороны—Садоя, въ субботу за моего брата Гамзе́.

„Если же какой-нибудь священникъ воспротивится служить эти обѣдни или по небрежности пропуститъ указанные дни,—да будетъ онъ проклятъ Отцомъ, Сыномъ и Духомъ Святымъ и 318-ью святителями (вселенскаго собора); да будетъ его участь вмѣстѣ съ Іудою и Сатаною; а кто исполнитъ эту запись, да благословитъ его Богъ!“

Внутри собора—высокіе круглые своды на стройныхъ колоннахъ, связанныхъ цѣлыми букетами; расположенъ храмъ правильнымъ крестомъ, какъ греческія базилики. Но громадный куполъ, осѣнявшій его, давно провалился, и синее небо смотритъ теперь въ темную внутренность храма сквозь широкій проломъ, уже успѣвшій обрости по краямъ дикими травами. Да и стѣны великолѣпнаго храма тоже дали глубокія трещины въ разныхъ мѣстахъ, доходящія чуть не до самой земли. Груды камней и плитъ съ превосходною рѣзьбою, нѣкоторыя даже съ раскрашенными фигурами святыхъ, свалены въ углахъ храма; это—находки армянскаго археолога, г. Марра, приготовляющаго обстоятельное изслѣдованіе древнихъ памятниковъ Ани, извлеченныхъ изъ развалинъ разныхъ зданій его.

Обойдя много разъ стѣны собора, отъ которыхъ никакъ не оторвешься, и поглазѣвъ досыта на его стройные своды, двинулись мы всей компаніей по направленію къ Арпачаю, въ южную сторону города. Не идешь, а постоянно ныряешь между громадными камнями и грудами щебня, завалившими все пространство. Старые строители такъ тщательно притесывали и пригоняли камни другъ къ дружкѣ, и скрѣпляли ихъ такимъ прочнымъ

Digitized by Google

цементомъ, что огромные куски стѣнъ, цѣлыя скалы скипѣвшихся вмѣстѣ камней, лежатъ на каждомъ шагу среди праха развалинъ. Удивляешься и превосходной штукатуркѣ этихъ старыхъ зданій, тонкой и гладкой какъ слой мрамора, отлично сохранившейся въ теченіе столькихъ вѣковъ.

Ближе всѣхъ къ собору—небольшая восьмиугольная церковь св. Рипсиміи, съ круглою башнею наверху, того же стиля, той же кладки, съ тѣми же наружными украшеніями, какъ и соборъ. Внутри ея—восемь полукруглыхъ нишъ съ уцѣлѣвшими въ нихъ блѣдными изображеніями святыхъ. Повидимому, это былъ мавзолей въ память какого-нибудь благочестиваго армянскаго царя. Еще дальше къ рѣкѣ, на крутомъ обрывѣ берега—другая церковь, сохранившаяся лучше всѣхъ; по красотѣ своего стиля она тоже одна изъ лучшихъ въ Ани. Ее называютъ греческою церковью; въ ней по стѣнамъ хорошо уцѣлѣли раскрашенныя иконы угодниковъ и даже престолъ, на которомъ еще и теперь продолжаются церковныя службы.

На наружныхъ стѣнахъ церкви нѣсколько старинныхъ надписей, большею частью уже неразборчивыхъ; одну изъ нихъ прочелъ вполнѣ армянскій ученый лазаристъ, отецъ Саргисъ. Она очень наивна и характерна: „Въ 1310 г. я, Мате, начальникъ секретарей атабека-амира-спасалара Шаханшахе, и моя подруга Атени, вмѣстѣ съ моимъ братомъ Маркосомъ,—послѣ того какъ нашъ владыка благоволилъ отдать намъ этотъ монастырь и поручилъ благочестивому Тиграну провести въ него воду, которой не было въ каналахъ, разоренныхъ во время безначалія,—мы провели воду и обезпечили пользованіе ею ради долгоденствія Шаханшаха, жены его Хованцы и ихъ сына Захара, и на память о душѣ нашей. Помяните о насъ передъ Христомъ!“

Другая, болѣе старинная надпись, списанная отцомъ Нерсесомъ и переведенная академикомъ Броссе, еще любопытнѣе, потому что рисуетъ намъ цѣлую характерную картину армянскихъ обычаевъ и вѣрованій былыхъ вѣковъ.

„Въ 1215 г., милосердіемъ Бога, когда нашъ городъ Ани былъ во власти могущественнаго военачальника и вождя Захаріи и его сына Шаханшаха, я, Тигранъ, сынъ Сулема Сембаторенца изъ рода Хозенцъ, ради долгоденствія моего дома и сына Захаріи, построилъ этотъ монастырь Сурпъ-Григора, прежде называвшійся „Божіей Матери въ часовнѣ“, въ мѣстности, покрытой скалами и камнями. Купивъ его у владѣльцевъ на законнопринадлежащія мнѣ деньги, я на свой счетъ и съ большими трудами, окруживъ его оградою, построилъ эту церковь св. Гри-

Digitized by Google

гора, обогатилъ ее убранствомъ, святыми крестами, символомъ спасенія, изъ золота и серебра, иконами, обдѣланными въ драгоцѣнные металлы, камни и жемчугъ, свѣщниками золотыми и серебряными, мощами святыхъ апостоловъ и мучениковъ, частицами Креста Господня, носившаго на себѣ Бога; я снабдилъ монастырь всякаго рода золотою и серебряною утварью и многочисленными украшеніями, построилъ множество жилищъ для монаховъ и поставилъ священниковъ возносить жертвы крови и тѣла Христова съ тѣмъ, чтобы эта служба продолжалась безпрепятственно на долгое благоденствіе членовъ моего семейства, Шаханшаха и его сына, и на оставленіе моихъ грѣховъ; я подарилъ этому своему монастырю Сурпъ-Григора имѣнія, купленныя у владѣльцевъ на мой счетъ и по законнымъ актамъ, и возобновилъ монастырь съ самаго перваго камня его"...

Послѣ длиннаго исчисленія земель, деревень, мельницъ, виноградниковъ, пожертвованныхъ Тиграномъ монастырю, онъ продолжаетъ далѣе:

„Теперь, если кто изъ великихъ или малыхъ, изъ своихъ или чужихъ, попытается воспрепятствовать тому, что̀ начертано на этой надписи, отниметъ что-нибудь изъ суммъ, которыя я назначилъ, или уничтожитъ память о мнѣ, грѣшникѣ и слугѣ Божіемъ, какимъ бы то ни было образомъ, то онъ будетъ исключенъ изъ славы Сына Божія, онъ наслѣдуетъ въ своемъ лицѣ наказаніе Каина и Іуды, будетъ отлученъ тремя святыми соборами и девятью степенями ангеловъ, и отдастъ отчетъ въ моихъ грѣхахъ передъ Богомъ. Тѣ же, кто будутъ сообразоваться съ написаннымъ сердцемъ и дѣлами, благословенны отъ Бога".

Немного не доходя до греческой церкви,—развалины царскихъ бань, гдѣ еще можно ясно видѣть все распредѣленіе ихъ, остатки печей и концы очень крѣпкихъ гончарныхъ трубъ, проводившихъ сюда воду, что̀ служитъ осязательнымъ подтвержденіемъ только-что приведенной мною надписи.

Съ обрыва у греческой церкви—поразительный видъ внизъ, въ узкое провалье, на глубокомъ днѣ котораго кипитъ лиловосиній Арпачай. Отвѣсныя стѣны этого дикаго ущелья какъ нельзя больше подходятъ къ общему мрачному тону этой пустынной могилы, къ этимъ мертвецамъ-храмамъ, полуразрушенные скелеты которыхъ одиноко торчатъ среди хаоса камней, будто покойники, силящіеся подняться изъ своихъ тѣсныхъ гробовъ. Бѣшеный Арпачай вьется какъ змѣя въ этихъ каменныхъ

Digitized by Google

оковахъ своихъ, дѣлая на каждомъ шагу рѣзкіе и глубокіе завороты между скалъ. На самомъ послѣднемъ поворотѣ его, тамъ, гдѣ съ нимъ сливается впадающая въ него рѣка Аладжа, на далеко выдавшемся обрывистомъ горномъ мысѣ, спадающемъ крутыми ступенями въ пучины рѣки, вырѣзается характерная островерхая башня древняго женскаго монастыря во имя св. Григорія-Просвѣтителя, почти недоступнаго ни съ воды, ни съ сухой земли. А еще правѣе и еще выше его, на конической горѣ, вѣнчающей все обширное поле развалинъ старой армянской столицы, высятся полуразрушенныя крѣпостныя башни, храмы и зданія былого акрополя Ани.

Отвѣсные обрывы рѣки у ногъ греческой церкви были все-таки подперты снизу крѣпостною стѣною и защищены крѣпкими башнями, которыхъ массивныя развалины отлично видны намъ сверху. Такія же башни защищали и каменный двухъ-ярусный мостъ, перекинутый одною смѣлою грандіозною аркою черезъ Арпачай, значительно ближе къ женскому монастырю и къ горѣ цитадели. У моста этого, отъ котораго теперь остались только обломки прибрежныхъ частей, также видны развалины нѣсколькихъ маленькихъ церквей и чернѣютъ входы въ пещеры, вырубленныя въ скалѣ. Пещерами, вообще, изрыты здѣсь всѣ скаты горъ, всѣ берега обѣихъ рѣчекъ. Увѣряютъ, что подъ развалинами Ани, внутри скалъ, на которыхъ построены его храмы и башни, существуетъ цѣлый подземный городъ пещеръ, изъ котораго идутъ тайные ходы подъ дномъ Арпачая на ту сторону рѣки, но въ который теперь очень трудно проникнуть, вслѣдствіе обрушившихся сводовъ, хотя во времена армянскихъ царей въ него спускались черезъ всѣмъ тогда извѣстные проходы изъ разныхъ мѣстъ Ани.

Двигаясь послѣдовательно къ горѣ цитадели, мы остановились у замѣчательныхъ развалинъ, которымъ разные ученые археологи придаютъ самыя разнообразныя названія и значенія. Одни считаютъ ихъ остатками мечети, устроенной арабами по завоеваніи ими Ани, другіе называютъ ихъ дворцомъ католикоса, третьи—домомъ государственнаго совѣта и верховнаго суда древнихъ армянскихъ царей. Что тутъ была, между прочимъ, мусульманская мечеть, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что къ развалинамъ этого роскошнаго зданія съ массивными колоннадами тѣсно примыкаетъ очень высокая шестиугольная башня минарета, отлично уцѣлѣвшая и даже сохранившая вполнѣ на своихъ карнизахъ куфическія арабскія надписи, опоясывающія по восточному обычаю кругомъ всю башню въ видѣ

Digitized by Google

затѣйливаго арабеска своего рода. Но въ мечеть эту легко могло быть обращено завоевателями-арабами всякое другое обширное и красивое зданіе, существовавшее въ покоренномъ ими городѣ; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что, по армянскимъ преданіямъ, это же самое зданіе могло считаться и жилищемъ патріарха, и палатою суда или совѣта. Что зданіе это было мечетью, можно еще заключить изъ того, что на наружныхъ стѣнахъ его вырѣзаны древнія надписи, въ свое время прочитанныя нашимъ извѣстнымъ оріентологомъ Ханыковымъ и говорящія отъ имени Абу-Саидъ-Хана объ уничтоженіи султаномъ разныхъ пошлинъ и налоговъ съ жителей. Ани-Абу-Саидъ, будучи мусульманиномъ, разумѣется, могъ написать свой указъ скорѣе всего на стѣнахъ мечети, а уже никакъ не на жилищѣ католикоса или другихъ христіанскихъ зданіяхъ.

Зала съ колоннадою раскрыта со всѣхъ сторонъ, кромѣ той, которая глядитъ на рѣку и виситъ надъ самою пропастью глубокаго ущелья. Только одинъ ярусъ ея—надъ землею, два другихъ вырублены въ толщѣ скалы; сквозь провалы пола можно видѣть ея нижній этажъ, который наши проводники называли почему-то темницею. Своды колоннадъ—совсѣмъ въ восточномъ вкусѣ и смотрятъ чрезвычайно картинно. Оригинальныя ячейки ихъ угловыхъ нишъ напомнили мнѣ обычные архитектурные пріемы каирскихъ мечетей. Я не отказалъ себѣ въ удовольствіи влѣзть, вмѣстѣ съ К-номъ, по 84-мъ стертымъ и скосившимся каменнымъ ступенямъ, вьющимся утомительною улиткою въ совсѣмъ почти темномъ и узкомъ столбѣ минарета, на вершину его, откуда мы насладились зато широкою панорамою всѣхъ развалинъ Ани и его далекихъ окрестностей. Въ ту минуту какъ Степанъ Ивановичъ торчалъ въ видѣ флагъ-штока на плоской макушкѣ высокаго минарета, нашъ инженеръ очень удачно схватилъ этотъ моментъ въ свой фотографическій приборъ. Снялъ онъ потомъ и насъ съ женою у подножія колоннъ арабской мечети, и многія интересныя развалины Ани, которыя обогатили мой путевой альбомъ. Минаретъ съ куфическими строками былъ не единственный въ Ани. Судя по атласу развалинъ Ани, изданному въ 1860 г. извѣстнымъ археологомъ и знатокомъ Кавказа, Броссе, по подлиннымъ снимкамъ Кестнера,—по серединѣ Ани, не въ дальнемъ разстояніи отъ главнаго собора, одиноко стоялъ еще другой, такой же шестигранный, но еще болѣе высокій минаретъ; его еще видѣлъ своими глазами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашъ спутникъ Драмповъ, но мы уже нашли его повергнутымъ въ прахъ и разсыпавшимся словно

Digitized by Google

на колоссальныя звенья своего рода, настолько, однако, крѣпкія, что шестигранныя стѣнки многихъ изъ этихъ обломковъ даже нигдѣ не треснули.

Говорятъ, минаретъ этотъ былъ опрокинутъ послѣднимъ землетрясеніемъ, разрушившимъ или повредившимъ во многихъ мѣстностяхъ Кавказа—и даже въ самомъ Тифлисѣ—высокія каменныя зданія.

Въ развалинахъ около мечети и ея минарета какіе-то нѣмцы недавно произвели раскопки и, по словамъ нашихъ спутниковъ, нашли много интересныхъ вещей,—старинныя деньги, кресты, посуду и проч.

Мы хотѣли обойти кругомъ все пространство, покрытое развалинами города, и направились поэтому отъ цитадельной горы вдоль обрывистаго берега рѣки Аладжи. Глубокое и широкое ущелье ея все время провожало насъ слѣва. Противоположный гористый берегъ этого ущелья изрытъ какъ медовый сотъ черными дырьями пещеръ; онѣ лѣпятся тамъ гдѣ въ два, гдѣ въ три яруса, и въ теперешнемъ видѣ своемъ большею частью уже недоступны. Повороты и обрывистые выступы городской горы, по которой мы шли, тоже убѣждали насъ, что и этотъ скалистый берегъ ущелья источенъ такими же многочисленными пещерами. Археологи считаютъ ихъ „жилищами троглодитовъ“, людей „пещерной эпохи“,—и это весьма правдоподобно. Но во всякомъ случаѣ пещеры эти служили убѣжищемъ жителямъ Ани и въ гораздо болѣе позднѣйшее время, чѣмъ, можетъ быть, отчасти и объясняется невѣроятно большая цифра населенія Ани въ его цвѣтущія времена, о которой сообщаютъ старые армянскіе историки. Армянскія и татарскія сакли изъ сложенныхъ въ кучу камней, смазанныхъ глинистой землей, съ земляными крышами, низенькія, слѣпыя, тѣсныя,—въ сущности очень мало отличаются отъ пещеръ и представляютъ нисколько не больше удобствъ для жизни. А въ вѣка постоянныхъ войнъ, грабежей и усобицъ—пещера была наиболѣе надежнымъ жилищемъ для беззащитнаго человѣка и наименѣе привлекала алчность грабителей. Нѣкоторыя пещеры, которыя намъ видны въ скалахъ городской стороны, уже не одинокія логовища, а довольно обширныя помѣщенія изъ нѣсколькихъ смежныхъ комнатъ, съ лѣстницами, окнами, альковами въ стѣнахъ,—можетъ быть, казармы для какой-нибудь стражи, а можетъ быть—жилища монаховъ одного изъ бывшихъ тутъ по близости многочисленныхъ монастырей.

Во всякомъ случаѣ видъ на эту глухую глубокую долину у ногъ мертваго города, обставленную кругомъ на далекое про-

Digitized by Google

странство зіяющими пастями покинутыхъ пещеръ, производитъ впечатлѣніе какой-то необъятной могилы.

Надъ крутымъ обрывомъ этой долины, у ея рѣзкаго изгиба къ сѣверу, стоитъ хорошо сохранившаяся церковь-мавзолей, очень похожая на храмъ св. Рипсиміи, который мы осмотрѣли вблизи собора. Только этотъ мавзолей—двѣнадцатигранный и, пожалуй, еще болѣе изящнаго стиля. Его тесанные камни краснаго желтоватаго цвѣта такъ искусно приточены другъ къ другу и такъ хорошо поддались рѣзцу, разукрасившему ихъ всякими замысловатыми арабесками, карнизиками, фигурами и надписями, что эта маленькая церквочка можетъ считаться одною изъ самыхъ красивыхъ среди уцѣлѣвшихъ храмовъ Ани. Внутри церковь эта образуетъ шесть граціозныхъ нишъ, раздѣленныхъ между собою колонками и разрисованныхъ изображеніями святыхъ, видными еще совсѣмъ ясно. Въ археологическомъ атласѣ Броссе церковь эта называется Сурпъ-Григоръ, и на ней-то, въ числѣ многихъ памятныхъ надписей, найдено приведенное мною выше характерное завѣщаніе Апель-хариба, марзапана, то-есть, правителя Арменіи. Идя по берегу долины къ развалинамъ дворца, невольно любуешься остатками могучихъ стѣнъ и башенъ двойной крѣпостной ограды, опоясывавшей съ этой стороны древнюю столицу почти по отвѣснымъ обрывамъ скалъ. Дворецъ Багратидовъ,—какъ называютъ теперь полуразвалившееся роскошное зданіе, примыкающее къ крѣпостнымъ стѣнамъ,—виситъ, какъ ласточкино гнѣздо, надъ отвѣсною пропастью ущелья и, очевидно, самъ составлялъ въ прежнее время одну изъ надежнѣйшихъ защитныхъ твердынь. Нашъ талантливый странствователь по Востоку, А. Н. Муравьевъ, не допускалъ, однако, чтобы дворецъ армянскихъ царей могъ помѣщаться въ такомъ опасномъ боевомъ мѣстѣ, и считалъ съ своей стороны эти развалины дворцомъ Палавидовъ, могущественныхъ вассаловъ армянскихъ царей, владѣвшихъ одно время городомъ Ани. Мнѣніе его раздѣляетъ и Броссе въ своемъ классическомъ изслѣдованіи развалинъ Ани, хотя и полномъ нѣкоторыхъ ошибокъ, объясняемыхъ, впрочемъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Броссе не посѣтилъ лично развалинъ Ани, а описывалъ и рисовалъ ихъ по матеріаламъ разныхъ другихъ археологовъ и путешественниковъ.

Дѣйствительно, какъ-то странно предположить, чтобы въ такомъ огромномъ и богатомъ городѣ, какимъ историки описываютъ Ани, роскошные цари Арменіи не нашли болѣе удобнаго мѣста для своей постоянной резиденціи, какъ въ крѣпостной стѣнѣ, подвергающейся прежде всѣхъ нападеніямъ враговъ. Но, съ дру-

Digitized by Google

гой стороны, я видѣлъ, напр., въ Іерусалимѣ такъ называемый замокъ царя Давида, такимъ же точно образомъ включенный въ число наружныхъ укрѣпленій города и составляющій самый сильный оплотъ ихъ. Въ Сербіи, въ знаменитомъ монастырѣ Манассіи, посѣщенномъ мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ и представлявшемъ изъ себя въ старину неприступную крѣпость, самая большая и крѣпкая башня была также постояннымъ жилищемъ сербскаго короля „Высокаго Стефана Деспота", сына злополучнаго Лазаря, героя Коссовскаго поля. И если вспомнить, что и западная Европа покрыта старинными замками, въ башняхъ которыхъ жили короли и владѣтельные герцоги, что въ Швеціи я еще на дняхъ посѣщалъ замки-крѣпости, въ которыхъ отсиживался отъ своихъ недруговъ Густавъ Ваза и преемники его, то, пожалуй, сомнѣнія нашего почтеннаго путешественника по святымъ мѣстамъ окажутся не вполнѣ убѣдительными.

Во всякомъ случаѣ развалины зданія, о которомъ идетъ рѣчь, по великолѣпію своему и по своей обширности, можно несомнѣнно считать за дворецъ, чей бы онъ ни былъ, Багратидовъ, Палавидовъ или какого-нибудь персидскаго или арабскаго марзпана. Фасадъ дворца со стороны города уцѣлѣлъ довольно хорошо, такъ что вполнѣ еще видны и чудная узорчатая рамка его карнизовъ, и изящная арка входа, сплошь выложеннаго, будто фарфоровою мозаикою, разноцвѣтными глазированными кафлями, и благородное островерхое окно мавританскаго стиля, окруженное такими же пестрыми шахматами фаянсовыхъ плитокъ.

Къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ путешественники и мальчишки-пастухи выламываютъ все больше и больше драгоцѣнную керамику этого строго-восточнаго фасада, и обнажаютъ до-гола каменную стѣну отъ ея роскошной майоликовой одежды.

Въ двухъ ярусахъ дворца—много высокихъ и обширныхъ покоевъ, на половину уже обрушившихся, а мѣстами угрожающихъ скорымъ паденіемъ. На иныхъ стѣнахъ еще видна былая роспись и рѣзныя украшенія; въ одной комнатѣ замѣтны остатки фонтана. Изъ оконъ и проломовъ въ наружныхъ стѣнахъ—поразительный видъ въ темную глубь ущелья и на кручи противоположнаго берега, хмурящагося, словно слѣпыми глазами, черными дырьями своихъ пещеръ. Высота такая, что голова кружится, когда глядишь внизъ. Нижній этажъ весь въ высокихъ и темныхъ сводистыхъ коридорахъ, похожихъ на тюремные казематы.

Digitized by Google

Повидимому, здѣсь и была въ старину темница, которую старые недовѣрчивые владыки народа всегда старались имѣть поближе, у себя подъ рукою, въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ своими пиршественными палатами. Отъ бывшаго дворца осталась теперь только часть; добрая половина его обрушилась въ пропасть и осыпала своими обломками подножіе крѣпостныхъ стѣнъ. Крыши слѣда нѣтъ, да и уцѣлѣвшія стѣны, висящія надъ провальемъ, распахнуты словно раздвинутыя половинки ширмъ.

Что зданіе это было во всякомъ случаѣ мѣстомъ пребыванія главныхъ владыкъ Ани, доказываютъ уцѣлѣвшія надписи, прочитанныя армянскими учеными, имѣющія совсѣмъ другое содержаніе, чѣмъ надписи на храмѣ.

На одной надписи дворца написано:

„Въ 1320 г., милосердіемъ Бога, я, Хоандзѐ, подруга атабека Шаханшаха, преставившагося въ семъ году къ Господу, къ великому ужасу и огорченію нашей восточной страны,—отказалась отъ требованія съ моей вотчины города Ани подати ковероцъ, иханунъ и дрнагиръ, большой и малой. Кто попытается воспрепятствовать нашему распоряженію, грузинъ ли, турокъ ли, или армянинъ, тотъ будетъ судимъ и осужденъ Богомъ и заслужитъ геенну. Грузинъ будетъ связанъ и лишенъ рая, мусульманинъ будетъ покрытъ позоромъ отъ восьми пророковъ".

Другая надпись говоритъ:

„Именемъ Илхана, въ 1303 г., милостью Бога, я, Ахбухѐ, сынъ Иванѐ и внукъ великаго Захаріи, пріидя въ городъ Ани по повелѣнію Шаханшаха, увидѣлъ, что городъ сдѣлался бѣднымъ и оставался въ разореніи, потому что его обременили податями, какъ никогда не было съ начала его существованія. Я отмѣнилъ три подати ради долгоденствія и процвѣтанія моего брата Шаханшаха и моего собственнаго, и въ виду гробницъ моихъ предковъ. Я отбросилъ счетъ на 9.000 коровъ. Кто изъ моего рода или всякій другой вѣрно соблюдетъ это, тотъ будетъ благословенъ Всемогущимъ Богомъ".

Отъ дворца мы повернули назадъ къ собору, обходя всѣ сколько-нибудь выдающіяся развалины, виднѣвшіяся на серединномъ пространствѣ разрушеннаго города.

Мы взобрались между прочимъ на высокій холмъ, весь составленный изъ сваленныхъ въ безпорядочную кучу и наполовину уже занесенныхъ пескомъ и землею колоссальныхъ капителей, звеньевъ массивныхъ колоннъ, архитравовъ, карнизовъ, тесанныхъ камней... Очевидно, здѣсь стоялъ когда-то или большой храмъ, или дворецъ.

Digitized by Google

Подходили и ко многимъ наполовину распавшимся зданіямъ съ остатками прекрасныхъ колоннъ и арокъ, но уже утратившимъ свой общій видъ и не дающимъ больше отвѣта ни на какія остроумныя предположенія археологовъ. Послѣднее, чуть ли не самое интересное зданіе—уже недалеко отъ собора. Какое его назначеніе—трудно сообразить. Намъ наши проводники назвали его залою совѣта, чѣмъ-то въ родѣ сената. На фотографіи, купленной мною въ Тифлисѣ, оно названо „библіотекою". Въ атласѣ Броссе зданіе это величается дворцомъ Палавидовъ, очевидно, вслѣдствіе того, что ученый авторъ смѣшалъ это строеніе въ одно съ дворцомъ Багратидовъ, отстоящимъ, однако, отъ него порядочно далеко.

Стиль этого зданія—арабско-персидскій: колонны—въ восточномъ вкусѣ, куполъ, ячеистыя ниши въ углахъ на манеръ киблы въ мусульманскихъ мечетяхъ, а снаружи—тонкая характерная рѣзьба каменныхъ карнизовъ, рамъ и панелей, которая такъ и просится въ альбомъ художника.

Вообще, развалины Ани убѣждаютъ несомнѣнно, что въ дни процвѣтанія этого города архитектурное искусство у армянъ стояло уже на очень высокой степени, отличаясь благородной простотой линій, тонкимъ восточнымъ вкусомъ своихъ украшеній и математическою отчетливостью и правильностью работы.

IX.—Ночлегъ въ армянской саклѣ.

Можно повѣрить, бродя среди этихъ многочисленныхъ развалинъ, что при первыхъ Багратидахъ,—обратившихъ Ани въ столицу своего царства,—городъ славился богатствомъ и многолюдствомъ и велъ большую торговлю, хотя и нѣтъ возможности допустить, будто въ немъ жило тогда до милліона народа и въ стѣнахъ его считалось 100.000 дворцовъ и 1001 церковь, какъ повѣствуютъ черезчуръ патріотическіе лѣтописцы Арменіи.

Это число 1001 слишкомъ часто встрѣчается въ разныхъ преданіяхъ у народовъ Востока, чтобы мы не имѣли права счесть его за обычную гиперболу восточнаго воображенія. Наша Волга,—Итиль арабскихъ писателей,—по сказанію извѣстнаго арабскаго географа Абульфеды, тоже вѣдь впадала въ Каспійское море 1001 рукавомъ, точно такъ же, какъ Шехеразада 1001 ночь разсказывала халифу свои сказки.

Но путешественники первой половины нашего столѣтія насчитывали еще до 40 остатковъ различныхъ церквей въ окруж-

Digitized by Google

ности 5 верстъ, которыя занимаютъ развалины Ани, и до 44 башенъ въ его двойной стѣнѣ. Теперь трудно насчитать и половину ихъ, потому что землетрясеніе и расхищеніе развалинъ окрестными жителями съ каждымъ годомъ уничтожаютъ часть древнихъ памятниковъ Ани. Курды и татары сосѣднихъ деревень собираются сюда цѣлыми обозами и безпрепятственно выбираютъ словно изъ откупленной ими каменоломни любые камни на собственныя постройки или на продажу. Говорятъ, будто не мало камней изъ развалинъ Ани было продано такимъ образомъ и на строившуюся тифлисско-карсскую желѣзную дорогу. Эчміадзинскій патріархатъ не принимаетъ противъ этого расхищенія никакихъ существенныхъ мѣръ, а свѣтская администрація тоже, повидимому, не обращаетъ вниманія на постепенное уничтоженіе этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ исторіи и археологіи, возбуждающихъ такой глубокій интересъ въ ученомъ мірѣ западной Европы. Между тѣмъ едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ обширнаго русскаго государства найдется такой изумительно богатый некрополь протекшихъ вѣковъ и народовъ, такой поучительный и выразительный памятникъ далекихъ временъ,—своего рода Бальбекъ или Пальмира стараго армянскаго царства, нынѣ вошедшаго какъ неразрывный членъ въ общее могучее тѣло Россійской имперіи. Ани существовалъ еще въ глубокой древности какъ маленькая, но совсѣмъ безъизвѣстная крѣпостца въ Ширакской области. Царь Трдатъ, современникъ св. Григорія, подарилъ въ IV-мъ столѣтіи этотъ городъ со всею Ширакскою областью князю Камсару, родоначальнику знатной армянской фамиліи Камсараканов, долго владѣвшихъ этою областью и городомъ Ани на правѣ вассальныхъ князей. Но когда могущественная династія армянскихъ царей Аршакидовъ, послѣ шестивѣкового царствованія,—была низвергнута Сассанидами, и Арменія сдѣлалась добычею чужеземцевъ, переходя поперемѣнно изъ власти огнепоклонниковъ-персовъ во власть мусульманъ-арабовъ, — то въ эти вѣка смуты и разоренія горячіе армянскіе патріоты Ашотъ и Шапухъ, сыновья знатнаго князя еврейской крови, Сембата Багратида, соединивъ вокругъ себя дружины храбрецовъ, успѣли очистить свое отечество отъ всѣхъ иноземцевъ и внести нѣкоторый миръ въ жизнь своего злополучнаго народа. Они-то купили у Камсараканов за крупную сумму денегъ Ширакскую область и населили своими сторонниками сильно укрѣпленный ими городъ Ани. Случилось это во второй половинѣ VIII-го вѣка по Р. Хр., но только черезъ сто лѣтъ послѣ покупки Ани городъ этотъ сдѣлался столицею новой династіи армянскихъ царей—

Digitized by Google

Багратидовъ. Первымъ царемъ этой династіи былъ Ашотъ I-й, современникъ нашего Рюрика. Ашотъ былъ богатырь тѣломъ и красавецъ лицомъ; въ то же время онъ поражалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, возвышеннымъ разумомъ и справедливостью. Въ битвахъ онъ былъ беззавѣтный храбрецъ, въ церкви — горячій молитвенникъ. Весь армянскій народъ обожалъ его, когда онъ еще былъ воеводою. Багдадскій халифъ Максамъ, тогдашній верховный владыка Арменіи, далъ ему титулъ „князя князей“ и отдалъ въ его полную власть Арменію, получая только ежегодную дань. Греческій императоръ Константинъ Багрянородный называлъ его „великимъ армянскимъ титаномъ“. Католикосъ и князья Арменіи, въ виду великихъ заслугъ и достоинствъ Ашота, рѣшились избрать его царемъ Арменіи, и по просьбѣ ихъ халифъ черезъ своего „остикана“ короновалъ его царскою короною.

Но самый расцвѣтъ славы и богатства Ани былъ въ X-мъ столѣтіи, при царѣ Ашотѣ III-мъ, правнукѣ Ашота I-го, который построилъ вокругъ своей столицы внутреннюю стѣну съ башнями и множество прекрасныхъ зданій. Съ этихъ поръ Ани сдѣлался въ глазахъ народа самымъ привлекательнымъ и любимымъ городомъ, куда стекались всѣ товары и богатства страны, всѣ выдающіеся люди ея; съ каждымъ годомъ умножались его дворцы и храмы и прибывало его населеніе. Ани получилъ въ народѣ прозваніе „Майра-Коганъ“ — „мать городовъ“. Католикосы перенесли въ него свою резиденцію.

Вторую, наружную стѣну, съ ея громадными башнями, построилъ сынъ Ашота III-го, Сембатъ II-й. Она была защищена снаружи глубокимъ рвомъ, выложеннымъ камнемъ, и тянулась отъ ущелья Арпачая—древняго Ахуріана—до „долины цвѣтовъ“, то-есть, русла Аладжи. На постройку ея потребовалось восемь лѣтъ. Сембатъ же положилъ въ 989 году основаніе и главному собору Ани, довершенному при его братѣ, царѣ Гагикѣ I-мъ, женою Гагика, Катрамитѣ, и построилъ множество другихъ великолѣпныхъ церквей и зданій.

„Нашъ царскій городъ Ани былъ жилищемъ князей и благородныхъ, точнаго числа которыхъ нѣтъ возможности опредѣлить; ибо если счесть всѣхъ князей, благородныхъ и народъ, то получилось бы количество безъ числа и счета. Помимо золоченыхъ дворцовъ частныхъ лицъ, мы имѣли тамъ 1001 церковь!“—съ наивною вѣрою выражалась объ этомъ славномъ городѣ старинная хроника.

О каѳедральномъ соборѣ, построенномъ Катрамитѣ, армянскій лѣтописецъ говоритъ такъ:

Digitized by Google

„Тогда онъ появился во всемъ блескѣ своихъ огромныхъ размѣровъ, съ своими высокими сводами, своимъ куполомъ и своимъ алтаремъ, подобнымъ небу. Царица снабдила и внутренность его безцѣнными украшеніями, золотыми и серебряными сосудами, богатыми матеріями, расшитыми пурпуромъ".

При Гагикѣ была также построена въ Ани „великая и славная церковь во имя св. Григорія-Просвѣтителя, съ высокимъ куполомъ, покрытая изумительною скульптурою. Она имѣла три двери и была устроена по образцу церкви, сооруженной въ Вагаршапатѣ (т.-е. Эчміадзинѣ) патріархомъ Нерсесомъ". Построена она была „на высокой площадкѣ, откуда открывается удивительный горизонтъ. Онъ ее сложилъ изъ огромныхъ глыбъ тесаннаго камня, покрытыхъ тонкою рѣзьбою, и снабдилъ ее куполомъ, поражавшимъ изумленіемъ взоръ по своей высотѣ, подобнымъ небесному своду".

Повидимому, это была та самая церковь, хорошо сохранившіяся развалины которой мы видѣли надъ долиною Аладжи среди такъ называемаго „рынка" Ани. Лѣтописцы упоминаютъ и посѣщенную нами церковь св. Рипсиміи около каѳедральнаго собора. „Католикосъ Саргисъ, мужъ мудрый и добродѣтельный, который произвелъ много построекъ, и который въ своихъ розыскахъ открылъ многіе останки святыхъ спутницъ Рипсиміи,—воздвигъ во имя ихъ церковь по сосѣдству съ соборомъ".

Но первые цари Багратиды не ограничивали своихъ заботъ великолѣпіемъ храмовъ и собственныхъ дворцовъ. Они наполнили свою столицу многими благотворительными учрежденіями, пріютами для бѣдныхъ и для дѣвушекъ, странноприимными домами; Ашотъ III даже собиралъ около себя хромыхъ, слѣпыхъ, прокаженныхъ и щедро помогалъ имъ, за что и былъ прозванъ „Ашотомъ Милосердным" („Огормадзъ"). Миръ утвердился въ странѣ, и всѣ сословія народа дружно стояли за интересы отечества. Множество ученыхъ и благочестивыхъ мужей, — „вартапедовъ", какъ ихъ называютъ армяне,—появилось въ эти времена, и ихъ трудами стали процвѣтать науки въ успокоившейся и возвеличенной Арменіи.

Ани былъ центромъ этого расцвѣта армянскаго народа.

„Арменія имѣла тогда знаменитыхъ князей, царей правосудныхъ и могущественныхъ, которые вездѣ насаждали общественное благоустройство и законы, но свѣтъ Ани одинъ сіялъ выше всего",—выражался про него старинный лѣтописецъ.

„Ани,—разсказывалъ Матвѣй Эдесскій,—кишѣлъ народонаселеніемъ; онъ заключалъ въ себѣ миріады миріадъ мужчинъ и

Digitized by Google

женщинъ, старцевъ и дѣтей, и поражалъ удивленіемъ тѣхъ, кто его видѣлъ, воображавшихъ, что такое множество составляло главную массу армянскаго народа".

Со смертью Гагика, въ 1020 году, окончился этотъ золотой вѣкъ Ани, да и всей вообще армянской исторіи. При сыновьяхъ его начались безпорядки и усобицы, окончившіеся, какъ всегда, гибелью государства и столицы его.

Моралистъ-лѣтописецъ этихъ событій такъ философствовалъ по этому поводу:

„У иноземцевъ есть поговорка насчетъ армянъ, что для нихъ нѣтъ надобности во внѣшнемъ непріятелѣ; они сами—самые страшные враги собственнаго своего племени, и достаточно ихъ собственнаго меча, чтобы умертвить ихъ, не прибѣгая къ чужеземнымъ измѣнникамъ или шпіонамъ".

„Міромъ владѣетъ не человѣкъ, не могущество царей, а единодушіе въ союзѣ съ мудростью. При единодушіи обезпеченъ всякій успѣхъ. Гдѣ же его нѣтъ,—сила дѣлается слабостью, авторитетъ, величіе мгновенно рушатся, удаляется даже божественное покровительство: вотъ это именно и испыталъ Ани. Ни камни, ни твердыни не устояли противъ раздора, и весь мнимый блескъ и могущество погибли въ одну минуту; благородные, одинъ за другимъ, были попраны пятою врага, самыя грозныя укрѣпленія были разрушены, исчезла всякая красота"!..

Греческій императоръ, воспользовавшись измѣною одного изъ знатныхъ феодаловъ Арменіи, Саргиса-Веста, жаждавшаго сдѣлаться царемъ Арменіи, и партійными раздорами князей, вѣроломно захватилъ въ свои руки храбраго, но довѣрчиваго юношу, царя Гагика II, и овладѣлъ безъ боя городомъ Ани и всею Арменіею.

Но очень скоро грекамъ пришлось отстаивать Ани, соблазнявшій всѣхъ сосѣдей своимъ богатствомъ, многолюдствомъ и красотою,—отъ страшнаго врага, Альпъ-Арелана, или „могучаго льва",—султана воинственныхъ турокъ-сельджуковъ. Армянскихъ патріотовъ уже не было внутри города,—они были разогнаны въ далекія мѣста недовѣрчивыми греками,—и некому было энергически стать на защиту славной столицы Багратидовъ. Малодушные греки, распоряжавшіеся въ Ани, ужаснувшись обступившихъ ихъ грозныхъ полчищъ, скоро покинули обширныя укрѣпленія города и заперлись въ верхней цитадели, откуда главные начальники ихъ тайкомъ скрылись изъ города. Народъ, покинутый вой-

Digitized by Google

скомъ и начальниками, несмотря на отбитые приступы, несмотря даже на то, что Альпъ-Ареланъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, совсѣмъ собрался уходить отъ этого неприступнаго города, — въ паническомъ страхѣ бѣжалъ сквозь дальнія ворота въ горы и ущелья. До 50.000 народа безъ всякой причины покинуло такимъ образомъ Ани, оставивъ его на произволъ враговъ.

Альпъ-Ареланъ и турки его долго не вѣрили сами себѣ, что неодолимая крѣпость отдается имъ безъ бою въ ту самую минуту, когда они потеряли всякую надежду взять ее силою.

„Они не знали, что крѣпкій городъ требуетъ и крѣпкихъ защитниковъ!“ — разсуждалъ по этому поводу армянскій лѣтописецъ. — „Ибо мудрые учатъ насъ, что только стрѣла, вылетѣвшая отъ могучей груди, можетъ пронзить другую могучую грудь“.

Турки ворвались въ проломъ стѣны, и началась кровавая бойня. Улицы были залиты кровью жителей, волны древняго Ахуріана стали красными; мальчики и дѣвушки уведены въ плѣнъ, взрослые всѣ изрублены. Князей и богатыхъ горожанъ безчеловѣчно истязали, выпытывая у нихъ, гдѣ скрыты ихъ сокровища; христіанскихъ священниковъ побросали въ огонь. Всѣ дворцы и храмы были разорены и ограблены до тла. Сняли даже серебряный крестъ съ каѳедральнаго собора. Цитадель тоже была взята и ограблена. Бѣглецы изъ Ани разсѣялись по разнымъ странамъ.

Этотъ разгромъ Ани произошелъ въ 1064 г. Послѣ того Ани хотя и существовалъ еще лѣтъ триста, но уже постоянно переходилъ изъ-подъ власти однихъ народовъ къ другимъ. Владѣли имъ и грузины, и арабы, и монголы; нашествіе въ 1239 г. монгольскихъ ордъ, покорившихъ незадолго нашу Россію, нанесло окончательный ударъ благосостоянію Ани; жители его рѣшились навсегда покинуть это мѣсто вѣчной борьбы и разореній и ушли въ Трапезундъ, въ Крымъ, въ Астрахань, въ Польшу, гдѣ и основали многолюдныя колоніи, уцѣлѣвшія до нашего времени. Сильное землетрясеніе 1319 года довершило дѣло азіатскихъ кочевниковъ, разрушивъ остававшіеся еще славные храмы и дворцы древней армянской столицы, хотя и послѣ землетрясенія мусульманскіе владыки продолжали нѣкоторое время жить въ Ани, какъ это доказываютъ найденныя монеты, выбитыя здѣсь еще въ 1375—1377 годахъ.

Digitized by Google

Заночевать среди развалинъ Ани въ ноябрьскую темную ночь, подвергаясь опасности нападенія курдовъ, было немыслимо. Послѣ долгихъ совѣщаній туземныхъ знатоковъ края, было рѣшено ѣхать на ночлегъ въ армянскую деревню Байракъ-даръ („Стѣна знамени"—по-русски). Осмотръ развалинъ занялъ, однако, у насъ столько времени, что солнце уже зашло, когда мы двинулись въ путь. Какъ нарочно одинъ изъ чепаровъ, ѣздившій на развѣдки за сторожемъ, въ конецъ заморилъ своего коня, и долженъ былъ насъ покинуть, чтобы заночевать у знакомаго курда, близъ Ани. Стемнѣло изрядно, и наши извозчики, знавшіе дорогу такъ же нетвердо, какъ и чепаръ, скакавшій впереди на своей проголодавшейся, изможенной лошадёнкѣ,—повидимому, то-и-дѣло путались, потому что мы проѣхали вѣрныхъ часа три до деревни, которая, по увѣренію нашихъ спутниковъ, была всего въ 12, 15-ти верстахъ отъ Ани. Мы съ женою даже стали подумывать, уже не заблудились ли вовсе наши мѣстные, чичероне. Однако, къ нашему успокоенію и искреннему удовольствію, все-таки мы пріѣхали въ Байракъ-даръ, когда еще не были потушены огни. Петръ Николаевичъ Драмповъ, направлявшій главнымъ образомъ наше странствованіе, посовѣтовалъ заѣхать къ знакомому ему зажиточному крестьянину, въ домѣ котораго была и маленькая деревенская лавка. Гостепріимный старикъ-армянинъ встрѣтилъ насъ съ истинно-восточнымъ радушіемъ и, кажется, былъ искренно польщенъ вниманіемъ, оказаннымъ ему городскими гостями.

Намъ было нужно отдохнуть и нѣсколько побаловать себя въ уютной обстановкѣ жилого дома послѣ цѣлыхъ почти сутокъ ѣзды по камнямъ, ходьбы по камнямъ, лазанья по камнямъ, да еще на солнечномъ припекѣ, въ пыли дорогъ и развалинъ, безъ горячей пищи и даже безъ незамѣнимаго въ пути живительнаго чая.

Вотъ мы полусидимъ, полулежимъ,—кто на огромной тахтѣ, занимающей чуть не полъ-комнаты, кто прямо на полу, на коврѣ, а кто и на стульяхъ, уже успѣвшихъ вторгнуться даже въ кунацкую деревенскаго богатѣя, вмѣстѣ съ керосиновою лампою и разною другою обстановкою городской цивилизаціи. Картина, однако, все-таки характерная и изрядно восточная. Передній уголъ до самаго потолка заваленъ опрятно сложенными другъ на друга, какъ стопки блиновъ, разноцвѣтными ситцевыми подушками, тюфяками, стегаными одѣялами, наготовленными исключительно для гостей. Страшная на видъ, сѣдая какъ вѣдьма, старая, девяностолѣтняя бабка, сохранившая, однако, изумительно бѣлые, всѣ до единаго цѣлые зубы,—въ сущности, добрѣйшее существо,—

Digitized by Google

стоитъ съ ногами на тахтѣ, прислонясь къ этой ситцевой башнѣ вавилонской, и, не глядя на работу подслѣповатыми глазами, проворно, какъ молодая дѣвочка, вяжетъ что-то на спицахъ, въ то же время добродушно бесѣдуя съ нами по-армянски. Нашъ распорядительный и опытный спутникъ, Петръ Николаевичъ, служилъ намъ переводчикомъ. Хозяинъ нашъ, почтенный мужъ крупныхъ размѣровъ, весь обросшій колючею небритою щетиною, въ сѣдыхъ усахъ, по имени Аретюнъ-Теръ-Матевосовъ, сидитъ съ нами и любезно занимаетъ насъ разсказами о своей семьѣ, о своихъ дѣлахъ, о своей деревнѣ, стараясь по временамъ вставлять въ свою армянскую рѣчь россійскія слова и не безъ удовольствія попивая изъ стаканчика привезенное нами вино. Старая бабка, мать Аретюна, тоже охотно опоражниваетъ подносимые ей стаканчики, и дѣлается послѣ этого еще говорливѣе. Младшіе члены семьи, дѣвицы и ребята, а съ ними и нѣсколько любопытныхъ сосѣдей, набились въ ярко освѣщенную лавку, черезъ которую приходится проходить въ парадное помѣщеніе дома, и молча глазѣютъ оттуда на непривычные имъ одѣянія и обычаи наши, выразительно поталкивая другъ друга локтями. Аретюнъ-Теръ-Матевосовъ, какъ человѣкъ уже цивилизовавшійся, не гонитъ своихъ дѣвицъ и молодаекъ въ ихъ домашній гинекей, а еще не безъ хвастовства расписываетъ намъ, какія у него способныя и работящія дѣти, какая красавица и умница невѣстка. Старуха, должно быть, кричитъ имъ войти и поздороваться съ такими почетными и рѣдкими гостями, потому что, помявшись минутку въ дверяхъ, всѣ они начинаютъ нерѣшительно входить въ нашу комнату и подходить къ намъ. Впереди всѣхъ—яркая и пышная какъ розанъ, щегольски разодѣтая молодайка, только-что вышедшая замужъ за сына хозяина. Они не только трясутъ намъ руки, но, къ нашему изумленію, самымъ настойчивымъ образомъ тянутся поцѣловать ихъ, вслѣдствіе чего мы, конечно, торопливо вырываемъ у нихъ свои недостойныя длани...

Съ своей стороны, мы потчуемъ ихъ грушами, яблоками и конфектами, уцѣлѣвшими отъ нашего пиршества на развалинахъ Ани. Дѣтки подходятъ гораздо свободнѣе и, учась въ школѣ, знаютъ уже немного по-русски. Я не безъ пріятнаго удивленія увидѣлъ на полочкѣ, среди армянскихъ книгъ, нѣсколько русскихъ, между прочимъ стихотворенія Пушкина, Ветхій и Новый Завѣтъ въ русскомъ переводѣ, атласъ Россійской имперіи и др.

Оказалось, что одинъ изъ сынковъ Аретюна окончилъ курсъ въ начальной школѣ въ Александрополѣ, и это были его учебники и наградныя книги. Тѣмъ не менѣе, русскому сердцу было

Digitized by Google

отрадно встрѣтить произведенія великаго поэта русскаго въ этой глухой азіатской пустынѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ древнею столицею армянскихъ царей, персидскихъ марзпановъ и арабскихъ остикановъ...

Семейная дисциплина въ армянскихъ семействахъ, еще не усвоившихъ себѣ свободныхъ взглядовъ новаго времени,—по старинному строгая. Домочадцы смотрятъ на отца, хозяина дома, какъ на владыку, которому всѣ должны повиноваться безпрекословно. Даже въ интеллигентныхъ семьяхъ, старающихся сохранить прежніе нравы, взрослые сыновья, племянники, внуки—встаютъ при входѣ отца или дяди, и не смѣютъ вмѣшаться въ ихъ разговоръ, пока старшіе не обратятся къ нимъ сами. Самъ отецъ семьи исполняетъ безъ возраженія приказы старшаго брата или вообще старшаго въ родѣ. Женщины цѣлуютъ руку всѣмъ чужимъ мужчинамъ, и если молодая женщина позволитъ себѣ заговорить при чужихъ,—это считается величайшею невѣжливостью и неумѣньемъ держать себя. Вѣроятно, вслѣдствіе близости Арарата, патріархальные нравы Ноевыхъ временъ удержались въ Арменіи прочнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и, признаюсь, на меня они производили гораздо болѣе утѣшительное впечатлѣніе, чѣмъ нахальная развязность модныхъ парижскихъ сынковъ въ ихъ отношеніяхъ къ моднымъ парижскимъ папашамъ, откровенно конкуррирующимъ съ своими дѣтками въ ухаживаніи за продажными свѣтилами „демимонда“.

Что насъ удивило, это—совершенное отсутствіе иконъ въ армянскихъ домахъ. Несмотря на свою большую религіозность, проходящую какъ основной мотивъ черезъ всю многострадальную исторію ихъ, армяне не считаютъ нужнымъ ни носить на шеѣ крестовъ и образковъ, ни вѣшать образа въ своихъ жилищахъ.

Напротивъ того, они считаютъ своего рода кощунствомъ—помѣщать изображенія Христа, Божіей Матери или святыхъ угодниковъ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ люди спятъ, ѣдятъ и совершаютъ всѣ свои житейскія потребы. Только въ однихъ храмахъ Божіихъ, не оскверняемыхъ ничѣмъ плотскимъ, прилично, по ихъ мнѣнію, выставлять святые кресты и иконы.

Путешествуя по Греціи, Сербіи и Черногоріи, мы встрѣчали тѣ же взгляды на иконы и тѣ же обычаи. Мнѣ, все-таки, кажется, что какъ тамъ, такъ и въ Арменіи, въ этихъ взглядахъ и обычаяхъ сказалось, можетъ быть, и безсознательное вліяніе мусульманства, лежавшаго такимъ долгимъ и тягостнымъ игомъ на всѣхъ этихъ странахъ и не допускающаго вообще священныхъ изображеній. Этимъ же историческимъ вліяніемъ можно

Digitized by Google

объяснить и другой обычай армянъ, странный для православнаго человѣка,—ходить въ комнатахъ въ шапкѣ, чего ни за что не позволитъ себѣ русскій человѣкъ, и что онъ искренно считаетъ за „татарскій“ обычай.

Между тѣмъ хозяйка Аретюнъ-Теръ-Матевосова схлопотала намъ давно и нетерпѣливо желанный самоваръ, и мы пригласили почтенныхъ хозяевъ присѣсть къ намъ за русскій чаёкъ, разспрашивая ихъ, съ помощью нашего любезнаго спутника и толмача, Петра Николаевича, обо всемъ, что интересовало насъ, и съ наслажденіемъ опустошая одинъ стаканчикъ за другимъ этого горячаго, душистаго нектара, ничѣмъ не замѣнимаго въ пути.

Появился на столъ и дымящійся пилавъ съ бараниной, изготовленный тою же гостепріимною и расторопною хозяйкою, такъ что мы вполнѣ отвели душеньку, напившись и наѣвшись, что называется, до отвалу. Спать намъ постелили на огромной тахтѣ, навалили кучи мягкихъ тюфяковъ, ковровъ, одѣялъ, подушекъ. Хотя всѣ мы могли бы безъ труда помѣститься рядомъ, тѣмъ болѣе, что ложились почти не раздѣваясь, но наши джентльмены-спутники, изъ уваженія къ дамѣ, настояли на томъ, чтобы спать отдѣльно отъ насъ, на полу, гдѣ тоже разостлали имъ матрацы и ковры. Нельзя сказать, чтобы сонъ нашъ не нарушали никакія мелкія твари, но, тѣмъ не менѣе, мы выспались изрядно и часовъ въ шесть утра вскочили совсѣмъ бодрые. Напившись чаю, мы попросили любезнаго хозяина своего, Аретюна-Теръ-Матевосова, пока поили и запрягали лошадей, показать намъ его домъ и все хозяйство, чтобы во-очію познакомиться съ бытомъ зажиточнаго жителя армянской деревни.

Домъ Аретюна—цѣлый маленькій замокъ своего рода. Со стороны подозрѣвать нельзя, чтобы эти слѣпыя и низенькія сакли, похожія скорѣе на сложенныя груды камней и грязи, чѣмъ на жилище человѣка, могли заключать въ себѣ столько простору и удобства. Огромныя конюшни всѣ сплошь крыты плитами изъ тесаннаго камня, можетъ быть, даже извлеченными изъ развалинъ древней столицы Баграта; вездѣ каменный покатый полъ съ желобами для скота, какъ у любого европейскаго фермера; просторныя стойла; хорошія, прочныя ясли. Скота много: лошади, коровъ штукъ 20, буйволы, телята; большая, чистая овчарня съ овцами. Изъ овчарни продѣлано сквозь стѣну отверстіе въ домъ,

Digitized by Google

чтобы, въ случаѣ нападенія грабителей или воровъ, пастухи могли сейчасъ же дать знать хозяевамъ. Такія же отверстія продѣланы изъ дома одного хозяина въ домъ другого, чтобы въ минуты опасности можно было быстро поднять на ноги все населеніе.

Все хозяйство Теръ-Матевосова—подъ одною крышею; хлѣва, конюшни, амбары, сараи, жилье—все соединено крытыми переходами, такъ что въ самую скверную погоду люди и скотина защищены отъ дождя, грязи и вѣтра, и хозяйство можетъ спокойно идти своимъ чередомъ.

Кромѣ дома съ кунацкой и лавкой, гдѣ мы ночевали, у Теръ-Матевосова есть еще другой, семейный домъ, связанный въ одно съ хозяйственными службами. Двѣ большія комнаты заняты женскимъ отдѣленіемъ,—гинекеемъ своего рода. Въ каждой комнатѣ—круглое сквозное отверстіе въ крышѣ, куда уходитъ дымъ очага, раскладываемаго подъ нимъ. На ночь или въ дождь отверстіе это закрывается. Каменныя стѣны не штукатурены, полъ выложенъ камнемъ. По стѣнамъ—полки въ нѣсколько рядовъ, на полкахъ—множество тарелокъ, мисокъ и всякой посуды; подъ полками вдоль стѣны опрятно уставлены цѣлыя дюжины огромныхъ глиняныхъ или, скорѣе, каменныхъ не то кувшиновъ, не то кадушекъ, для зерна, капусты, картофеля и всякой съѣстной всячины. По другой стѣнѣ вытянутъ рядъ сундуковъ съ разною хозяйскою рухлядью. Изъ первой хозяйственной комнаты—особый отдѣльчикъ, приподнятый нѣсколько выше, для печенія ловашей. Тамъ особый очагъ, особое отверстіе въ потолкѣ. Подъ отверстіемъ вкопана въ землю громадная каменная кадка, въ которой умѣстится человѣкъ. Въ кадкѣ уже былъ разведенъ огонь. Двѣ бабы сидѣли при насъ надъ этой кадкой. Одна катала скалкою на низенькомъ деревянномъ столикѣ тѣсто для ловашей; сдѣлавъ проворно огромный круглый блинъ, она такъ же быстро передавала его другой бабѣ; та перекидывала блинъ съ руки на руку, изъ круглаго блинъ сразу дѣлался длинный какъ холстъ, и тогда, взбрызнувъ его слегка водицею, баба шмякала его сразмаху на очень грязную тугую подушку своего рода и ловко обмахивала ею горячую внутренность кадки; блинъ тонкимъ слоемъ прилипалъ мгновенно къ стѣнкамъ этой оригинальной печки и мгновенно же подсыхалъ; въ ту же минуту баба подцѣпляла его маленькой кочергой и вышвыривала вонъ, на каменный полъ. Ловашъ былъ готовъ. Такимъ манеромъ ловаши пеклись на нашихъ глазахъ съ поразительною быстротою. Обыкновенно ихъ запекаютъ разомъ мѣсяца на три, на четыре.

Digitized by Google

Тѣсто ихъ сохраняетъ очень долго свою свѣжесть; стоитъ только взбрызнуть сухой ловашъ водою, и онъ опять дѣлается мягкимъ.

Другая комната гинекея составляетъ собственно дѣвичій теремъ. Насъ, однако, свободно впустили въ него. Эта комната отдѣлана уже гораздо щеголеватѣе и богаче. Тахты съ хорошими коврами, зеркальца, шкатулочки, сундучки. Цѣлый букетъ разодѣтыхъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ набился въ эту комнатку; очевидно, онѣ ждали нашего визита и принарядились заранѣе; всѣ онѣ подходили къ намъ, протягивая руку, и низко нагибались къ нашимъ рукамъ, съ явнымъ намѣреніемъ поцѣловать ихъ, по своему обычаю. Почтенный Теръ-Матевосовъ и слышать не хотѣлъ о платѣ за ночлегъ, и всезнающій Петръ Николаевичъ посовѣтовалъ намъ купить у него же въ лавкѣ нѣсколько шолковыхъ платочковъ и другихъ подобныхъ мелочей, чтобы одарить ими женщинъ. Жена раздала теперь эти грошевые подарки молодымъ хозяйкамъ, и онѣ были отъ нихъ въ дѣтскомъ восторгѣ. Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ истинно-восточному гостепріимству армянъ, въ которомъ мы имѣли случай убѣдиться не разъ во время своего путешествія. К—нъ и Петръ Николаевичъ увѣряли насъ, что у богатаго поселянина армянина для гостей цѣлый день кипитъ самоваръ и готовятся кушанья, и онъ счелъ бы за обиду, еслибы гость предложилъ ему плату за угощеніе. Эти милые патріархальные обычаи, къ сожалѣнію, все болѣе стираются съ вторженіемъ городской цивилизаціи и удерживаются пока только въ болѣе глухихъ углахъ.

Полная чаша хозяйства Теръ-Матевосова произвела на насъ самое утѣшительное впечатлѣніе. Хотя онъ и не простой крестьянинъ, а уже деревенскій торговецъ своего рода, но все-таки бытъ его есть бытъ всѣхъ сколько-нибудь достаточныхъ армянскихъ поселянъ. Нельзя не сознаться, что этотъ бытъ во многихъ отношеніяхъ приличнѣе, опрятнѣе и удобнѣе, чѣмъ домашняя жизнь русскаго мужика нашихъ черноземныхъ губерній, поражающая своею грязью и неопрятностью.

На дорогу намъ наготовили цѣлую груду теплыхъ ловашей и успѣли даже сварить настоящій армянскій супъ съ кислымъ молокомъ и ячменемъ, къ которому, однако, надо очень привыкнуть, чтобы онъ показался вкуснымъ.

Когда коляска наша уже стояла подъ крыльцомъ, зять мой предложилъ хозяину сняться вмѣстѣ съ нами и со всею своею семьею на фотографической карточкѣ. Армянскій людъ пришелъ

Digitized by Google

въ восторгъ отъ этого предложенія. Импровизированный фотографъ разставилъ всѣхъ насъ въ живописную группу, съ 90-лѣтнею бабкою въ центрѣ, съ красавицей-невѣсткой около нея, не забывъ ни глазастыхъ черномазыхъ дѣтишекъ, ни воинственной фигуры вооруженнаго чепара. Фотографія вышла чрезвычайно отчетливо, и зять мой послалъ потомъ изъ Александрополя одинъ удачный экземпляръ ея въ подарокъ нашему гостепріимному хозяину, который, должно быть, былъ очень польщенъ столь искуснымъ изображеніемъ всѣхъ своихъ старыхъ и малыхъ членовъ семьи и даже своихъ работниковъ и собакъ, да еще въ такой почетной, въ его глазахъ, компаніи.

Евг. Марковъ.

Digitized by Google

ОБМАНЪ

ПОВѢСТЬ.

Зина умерла утромъ, на разсвѣтѣ.

Мужъ ея, Семенъ Александровичъ Агринцевъ, просидѣвшій всю ночь около ея кровати, все еще держалъ ее за руку и дремалъ.

— Другъ мой!—осторожно окликнула его Анна Николаевна.

Онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и увидалъ передъ собой тревожное лицо своей матери.

— Другъ мой!—говорила она.—Проснись!

— А?.. что? что?..—испуганно спросилъ онъ и быстро провелъ рукой по глазамъ.

Тотчасъ, переведя свой взглядъ на жену, онъ увидалъ ея лицо, спокойное, торжественное, и смутно подмѣтилъ странную неподвижность ея вытянувшагося тѣла. И тутъ только почувствовалъ холодъ и тяжесть ея руки... Съ выраженіемъ недоумѣнія и ужаса онъ оглянулся кругомъ.

За спинкой кровати, на колѣняхъ, стояла его сестра Вѣра и, припавъ головой къ желѣзной рѣшоткѣ, плакала и молилась.

— Сеня! — повторялъ голосъ матери,—и онъ чувствовалъ, какъ ея руки, дрожащія, трепетныя, теребили его за плечи, судорожно сжимали его голову.—Опомнись, Сеня, очнись!

Семенъ Александровичъ всталъ, взглянулъ еще разъ на жену, вздрогнулъ плечами и медленно направился къ двери.

— Куда ты?—громко окликнула его Анна Николаевна.

— Не безпокойся, мама,—спокойно отвѣтилъ онъ:—я здѣсь больше не нуженъ. Я хочу лечь, заснуть...

Онъ зналъ, что мать не повѣрила ему, и понялъ, что онъ

Digitized by Google

не только не успокоилъ, но еще сильнѣе встревожилъ ее за себя, и, стараясь исправить свою ошибку, Семенъ Александровичъ вернулся, поцѣловалъ мать въ лобъ и улыбнулся усталой, виноватой улыбкой.

— Вѣдь мы знали, — тихо сказалъ онъ:—знали, что это должно было случиться... Теперь она больше не страдаетъ... Не надо тревожиться, мама: я вовсе не малодушенъ; я сильнѣе, чѣмъ ты думаешь.

Онъ опять поспѣшно повернулся, прошелъ черезъ гостиную, освѣщенную мутнымъ свѣтомъ ранняго сѣвернаго утра, и плотно закрылъ за собою дверь кабинета.

— Кончено!—сказалъ онъ, стоя у окна и глядя на безлюдную, грязную отъ осенней изморози улицу. И ему пришло въ голову, что когда онъ раньше думалъ объ этомъ неизбѣжномъ концѣ, ему страшно было представить себѣ то, что онъ долженъ будетъ перечувствовать въ этомъ случаѣ. А на дѣлѣ чувствовалъ онъ совсѣмъ иначе, чѣмъ предполагалъ.—Гдѣ же мое горе?—съ недоумѣніемъ допрашивалъ онъ себя.—Дѣйствительно ли я огорченъ? Отчего у меня это сознаніе пустоты... пустоты и въ головѣ, и въ душѣ? Неужели я недостаточно любилъ ее? Неужели и вовсе не любилъ?

Онъ стоялъ и смотрѣлъ, и когда откуда-то, издали, донеслись до его слуха заглушенныя истерическія рыданія, онъ только повернулъ голову, внимательно прислушался и по лицу его пробѣжала легкая, судорожная гримаса.

— Это Вѣра плачетъ!—догадался онъ.

Онъ не легъ и не спалъ; и на другой день онъ чувствовалъ себя равнодушнымъ и спокойнымъ. Когда онъ ловилъ на себѣ тревожные взгляды сестры или матери, онъ вспоминалъ, что онѣ имѣютъ достаточное основаніе считать его глубоко-несчастнымъ, и тогда, съ явнымъ чувствомъ стыда за свое безразличіе, онъ сознательно принимался играть ту роль, которая болѣе всего подходила къ настоящему положенію: онъ хмурилъ лобъ, болѣзненно сжималъ губы, онъ старался растрогать самого себя, а чувство его молчало, и въ глубинѣ души онъ ощущалъ спокойствіе и пустоту.

Къ вечерней панихидѣ собралось много родственниковъ и знакомыхъ. Семенъ Александровичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, прислушивался къ неясному шороху и шопоту въ гостиной, гдѣ стояла покойница, и ему казалось страннымъ, что онъ имѣетъ право не принимать гостей съ обычной привѣтливой и любезной улыбкой, что если онъ не воспользуется этимъ правомъ—онъ

Digitized by Google

возбудитъ толки и недоумѣніе. Ему казалось страннымъ, что одна роль, привычная и знакомая, должна была сознательно смѣниться другой, что общество такъ же требовало этой второй роли, какъ и первой, и онъ долженъ былъ подчиниться этому требованію изъ приличія, изъ уваженія къ памяти своей жены. Когда служба началась, онъ открылъ дверь и, стараясь не глядѣть на толпу молящихся и чувствуя на себѣ ихъ любопытные взгляды, прошелъ черезъ комнату, къ тому мѣсту, гдѣ стояли мать и сестра, и, прислонившись плечомъ къ стѣнѣ, низко опустилъ голову.

Пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Хоръ съ дѣтскими голосами, чистыми и высокими. И отъ этого пѣнія, отъ возгласовъ священника, запаха ладана и тихаго потрескиванія восковыхъ свѣчей вѣяло такимъ неотразимымъ впечатлѣніемъ скорби, безсилія и смиренія, что Семенъ Александровичъ сперва удивленно поднялъ голову, оглянулся, и въ первый разъ отчетливо понялъ то, что случилось, въ первый разъ ощутилъ не горе, не сожалѣніе, а яркій ужасъ, ужасъ, отъ котораго хотѣлось защищаться, бѣжать. Въ углу, за жардиньеркой, стояла фигура женщины въ черномъ платьѣ. Она плакала, закрывъ лицо платкомъ, и въ ту минуту, когда Семенъ Александровичъ, оглянувшись, замѣтилъ ее, она отняла платокъ отъ лица, и его взглядъ, полный ужаса, встрѣтился съ ея покраснѣвшими, заплаканными глазами.

„Неужели она? Катя? — подумалъ Семенъ Александровичъ, теперь уже внимательно вглядываясь въ знакомое, милое лицо. — Катя вернулась!“

Женщина въ черномъ замѣтно заволновалась, густо покраснѣла и потушила свѣчу, которую держала въ рукахъ.

„Она вернулась и не была у насъ ни разу“, — продолжалъ соображать Семенъ Александровичъ. Внезапное возбужденіе его сразу прошло. Онъ слышалъ пѣніе, смотрѣлъ прямо передъ собой на уголъ гроба, на черный креповый бантъ паникадила; лицо его еще выражало судорожную, нестерпимую боль, но онъ уже опять не чувствовалъ ее, и, радуясь тому, что никто не можетъ знать его мыслей, думалъ о постороннемъ, о томъ, что страннымъ образомъ отвлекло его отъ его перваго, жгучаго порыва отчаянія.

Онъ думалъ о Катѣ, о Екатеринѣ Петровнѣ. Когда они оба были еще дѣтьми, они жили въ Москвѣ въ одномъ домѣ, и такъ какъ матери ихъ были очень дружны между собой, то дѣти постоянно были вмѣстѣ, и учились, и играли сообща. Катя была на два года моложе Сени, но когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, она, полная и красивая, казалась уже взрослой женщиной передъ

Digitized by Google

высокимъ, худымъ, какъ жердь, безусымъ юношей, который только-что скинулъ свой гимназическій мундиръ и какъ-то особенно неуклюже носилъ свое первое статское платье. Дружба молодыхъ людей незамѣтно ослабла. Катя, всегда любившая общество и развлеченія, рано кончила учиться, справедливо разсуждая, что богатой дѣвушкѣ не нужно никакихъ дипломовъ и аттестатовъ. Все ея время уходило на выѣзды, пріемы и экскурсіи по магазинамъ; а когда она, наконецъ, объявила Семену Александровичу, что выходитъ замужъ за одного блестящаго, красиваго офицера, тотъ выслушалъ эту новость безъ всякаго удивленія и только презрительно пожалъ плечами.

— Два сапога—пара!—сказалъ онъ.—А я никогда не думалъ, что изъ тебя выйдетъ такая пустая, свѣтская бабёнка.

Катя обидѣлась.

— Посмотримъ, что-то выйдетъ изъ тебя?—запальчиво отвѣтила она. И, стараясь придать своему лицу какъ можно болѣе насмѣшливое выраженіе, она прищурила глаза и сморщила губы. —Писатель!—съ обычнымъ смѣхомъ закончила она.

Катя вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, а Семенъ Агринцевъ такъ увлекся студенческой жизнью, кружковыми интересами, новыми знакомствами и впечатлѣніями, что совсѣмъ не вспоминалъ о своей прежней подругѣ, и даже не отвѣтилъ ей на то единственное письмо, которое она написала ему черезъ годъ послѣ своего отъѣзда. Она описывала свою жизнь, свою квартиру, свою обстановку...

„Хорошо?—спрашивала она.—Вѣдь это вѣнецъ всего, о чемъ можетъ мечтать пустая, свѣтская бабёнка. Но я скажу тебѣ то, въ чемъ ни за что, ни за что не признаюсь даже мамѣ: мнѣ скучно, Сеня! Мнѣ хочется назадъ, къ вамъ, въ Москву. Мнѣ хочется, чтобы этого года никогда не было въ моей жизни. Не говори объ этомъ никому. Знаешь, я поняла, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ вполнѣ, до конца, понять другого. Ему всегда будутъ мѣшать или любовь, или непріязнь, или равнодушіе. Ты вдумайся въ это, и ты поймешь—одиночество! У меня теперь такія странныя мысли! Я иногда представляя себѣ, что я въ Москвѣ, у мамы, и разсказываю ей все, все, что думаю и чувствую, и тогда я всегда плачу. И это несправедливо, потому что меня жалѣть не стоитъ, а жалѣю я себя черезъ ея любовь“...

Дальше все было зачеркнуто и въ самомъ концѣ страницы расплылся большой, блѣдный клякс. Агринцевъ прочелъ это письмо два раза, рѣшилъ, что выраженіе: „жалѣть себя черезъ чужую любовь“ хотя приблизительно понятно, но не совсѣмъ

Digitized by Google

удачно, и не только никому не сказалъ о томъ, что Катя скучаетъ и поняла, что̀ такое одиночество, но даже самъ забылъ о ея признаніи.

Катя не даромъ дразнила его „писателемъ“. Онъ, дѣйствительно, писалъ стихи и даже цѣлыя повѣсти, которые раньше тщательно пряталъ ото всѣхъ, а теперь читалъ своимъ товарищамъ, спрашивая у каждаго порознь, что̀ бы онъ подумалъ о такомъ произведеніи, еслибы встрѣтилъ его на страницахъ одного изъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Онъ мучился желаніемъ отправить свою рукопись въ редакцію, но все не рѣшался и откладывалъ со дня на день.

Годы шли незамѣтно. Отъ Кати уже давно не было ни писемъ, ни извѣстій. Семенъ Агринцевъ кончилъ курсъ университета и получилъ мѣсто въ одномъ изъ департаментовъ. Пришлось переѣзжать въ Петербургъ. И вотъ здѣсь они вновь встрѣтились съ Катей и стали часто бывать другъ у друга.

— Господи! какъ всѣ измѣнились!—удивлялась Катя, глядя попеременно на Семена Александровича и на Вѣру, его сестру:— Вѣрочка—молодая дѣвушка, Сеня... Помните, какой вы были длинный, худой, неловкій!

Она смѣялась, а на глазахъ ея навертывались слезы.

— Милая Москва! Я вспоминаю о ней, но уже ни за что не хотѣла бы вернуться туда. Мама умерла, васъ тамъ нѣтъ, и точно уже никого нѣтъ, и вся она теперь чужая.

— Ахъ, не нравится мнѣ вашъ Петербургъ!—съ добродушнымъ раздраженіемъ говорила Анна Николаевна Агринцева.

— А я привыкла!—задумчиво отвѣтила Катя.—Конечно, это только глупая фантазія, а мнѣ вотъ кажется, что въ Петербургѣ легче живется такимъ людямъ, у которыхъ нехорошо, тяжело на душѣ. Въ Москвѣ какъ-то все открыто, все явно, все на-людяхъ, а здѣсь... вѣчная темнота... И все въ этой темнотѣ тайно, все скрыто, и всякому дѣло только до себя.

Она живо интересовалась литературными занятіями Агринцева, который теперь уже печаталъ свои произведенія, и когда тотъ приходилъ къ ней читать какую-нибудь только-что написанную повѣсть, она, слушая его голосъ, не сводила съ него глазъ, и часто въ этихъ глазахъ можно было прочесть удивленіе и грусть.

— Такъ вотъ вы какой стали!—задумчиво говорила она и улыбалась ему ласковой, застѣнчивой улыбкой.

Иногда, являясь къ Агринцевымъ, она проходила въ комнату Анны Николаевны, и тогда изъ-за плотно закрытой двери долго

Digitized by Google

слышался ея возбужденный, негодующій голосъ. Въ такихъ случаяхъ она уѣзжала домой, не повидавшись ни съ Семеномъ Александровичемъ, ни съ Вѣрой, а Анна Николаевна потомъ долго казалась озабоченной, и, какъ бы въ отвѣтъ на свои собственныя размышленія, укоризненно покачивала головой и вздыхала.

— У Кати нелады съ мужемъ? да? — допрашивалъ Семенъ Агринцевъ.

— Ахъ, нехорошо!—уклончиво отвѣчала Анна Николаевна. — Ну, положимъ, его поведеніе съ женой одобрить нельзя, но въ наше время жёны умѣли терпѣть, переносить,... изъ избы сору не выносили. Я стала Катѣ говорить, что смириться надо, съ терпѣніемъ крестъ нести, а она—какъ расхохочется мнѣ прямо въ глаза!.. „Давно бы, говоритъ, я его бросила, да мнѣ маму жалко было. Я, говоритъ, отъ мамы все скрывала. Теперь я свободна, а знаете, что̀ меня держитъ?—ненависть! Гляжу на него, чувствую, какъ эта ненависть у меня въ душѣ поднимается... Лицо у него такое самодовольное, выхоленное, ногти розовые... онъ ихъ какимъ-то лакомъ покрываетъ... И такая мука, и такое наслажденіе—эта ненависть! Начну говорить, и сама не знаю, откуда у меня такія слова ядовитыя, злобныя. Знаю, что еслибы я ударила его, ему бы не такъ обидно было,— а онъ молчитъ, улыбается. Выгнала бы его, кажется; а не выдержитъ онъ, уйдетъ самъ,—останешься опять одна. А какъ жить одной, когда ни любить, ни ненавидѣть некого“?..

Однако, Катя потомъ не долго прожила съ мужемъ. Лѣтомъ она гостила въ деревнѣ, у Агринцевыхъ, а осенью наняла себѣ небольшую квартиру, убрала ее такъ, что вся она стала похожа на мягкое, душное гнѣздо, и сразу круто оборвала всѣ прежнія знакомства и измѣнила образъ жизни. Бывала она только у Агринцевыхъ и принимала у себя только ихъ. Цѣлыми днями лежала на диванѣ и читала романы. Наружность ея тоже измѣнилась: она похудѣла и поблѣднѣла въ лицѣ, въ глазахъ ея появилось новое, ласковое, застѣнчивое выраженіе, и вся она затаилась въ себѣ, стихла, какъ будто стала добрѣе и женственнѣе.

Семенъ ходилъ къ ней почти каждый день, и каждый разъ она радостно, почти восторженно встрѣчала его, окружала его знаками самаго утонченнаго вниманія, и какъ бы скроменъ ни былъ молодой писатель, онъ не могъ не замѣтить, что подруга его дѣтства чувствуетъ къ нему не простую дружбу, а все сильнѣе и сильнѣе любитъ его настоящей, романтической любовью.

Digitized by Google

Онъ не раздѣлялъ этой любви, но она льстила ему, и ему было пріятно сознавать свою силу и власть. Ему никогда не было съ ней скучно: они читали, обсуждали прочитанное и потомъ незамѣтно переходили къ общимъ вопросамъ или къ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Катя любила говорить о чувствахъ и особенно о любви.

— Любовь—уже сама по себѣ счастье,—говорила она.—Еслибы я полюбила, я молила бы у судьбы только одного: чтобы любимый мной человѣкъ не исключалъ меня изъ своей жизни. Пусть бы онъ не платилъ мнѣ взаимностью, я бы не чувствовала себя несчастной, лишь бы я могла быть ему другомъ, помощницей, повѣренной, слугой... Что бы ни дала мнѣ моя любовь—радость или страданіе, все было бы мнѣ одинаково дорого, и не было бы жертвы, не было бы подвига, на которые я не пошла бы съ радостью и благодарностью. Требовала бы я только одного—искренности,—искренности безъ состраданія, безъ пощады, потому что ничто такъ не утомляетъ, какъ состраданіе безъ любви,—ничто такъ не озлобляетъ, какъ нераздѣленное чувство, которое надо щадить.

Она говорила и глядѣла на него своими выразительными, восторженными глазами, а онъ не умѣлъ отвѣтить, и оба выдавали свою тайну: она—что все сказанное относилось только къ нему; онъ—что принималъ ея слова на свой счетъ.

Въ теченіе той же зимы Семенъ Александровичъ встрѣтился съ Зиной и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ женился на ней. Катя уѣхала почти на цѣлый годъ за границу, а когда вернулась,—сейчасъ же пришла къ Агринцевымъ, и казалась такой веселой и оживленной, что у Анны Николаевны возникли тревожныя опасенія. Она даже улучила минутку и спросила ее:

— Ну, что, Катя? Не собираешься опять замужъ?

Молодая женщина весело разсмѣялась.

— Мнѣ мужчины нравятся только въ Россіи,—сказала она.—Ну, вѣрите ли, что еслибы я принуждена была всегда жить за границей, я бы не задумалась дать обѣтъ монашества.

Она очень быстро сошлась съ Зиной и, казалось, искренно полюбила ее. Она баловала ее, какъ ребенка: дарила ей цвѣты, конфекты, передѣлывала ея шляпы и увѣряла, что ей доставляетъ большое удовольствіе причесывать ея волосы.

— Такіе мягонькіе, свѣтленькіе, глупые волосёнки!—нѣжно приговаривала она, укладывая ихъ на изящной, почти дѣтской головкѣ своей новой подруги.

Digitized by Google

— Вотъ, еслибы мнѣ такіе волосы, какъ у тебя!—вздыхала Зина.

— Голубчикъ! это—обуза!—восклицала Катя.—Это грубо, некрасиво!..

И, захвативъ въ руку свою густую, тяжелую косу, она съ досадой закидывала ее за плечо.

— Я не могу сдѣлать ни одной прически, а ходить съ косой въ мои годы—смѣшно!

Иногда обѣ молодыя женщины шептались о чемъ-то, и тогда у Зины всегда было очень серьезное, многозначительное лицо. Семена Александровича чрезвычайно интересовали эти тайныя бесѣды, но сколько онъ ни допытывалъ жену, она всегда отвѣчала уклончиво и неохотно.

— Ну, что же особеннаго? — говорила она. — Толкуемъ о разномъ. О насъ, о тебѣ. Бѣдная Катя! — со вздохомъ прибавляла она.

— Отчего—бѣдная? Чего ей еще надо?

Зина принимала таинственное выраженіе, отъ котораго ея маленькое, дѣтское личико становилось удивительно милымъ и смѣшнымъ.

— Вы, мужчины, не можете понять насъ, женщинъ, какъ мы понимаемъ другъ друга!

Семенъ Александровичъ приходилъ въ восторгъ и, внезапно охвативъ жену своими большими, сильными руками, поднималъ ее на воздухъ, какъ перышко.

— Какая опытная, какая умная, какая проницательная женщина!—восклицалъ онъ.

Но онъ самъ видѣлъ, что Катя становилась все болѣе нервной и неровной. Она не то скучала, не то тосковала о чемъ-то. Иногда она пропадала на цѣлыя недѣли, и потомъ разсказывала, что ѣздила въ Москву, въ Кіевъ или Одессу. Наконецъ, она объявила, что опять уѣзжаетъ за границу, не писала ни разу за все время отлучки, и появилась снова только теперь, когда Зина уже лежала въ гробу.

— Любила она ее? или любила только меня?—спрашивалъ себя теперь Семенъ Александровичъ; и онъ старался уяснить себѣ то, что она должна была чувствовать въ настоящую минуту. Что заставляло ее такъ безутѣшно рыдать надъ гробомъ женщины, которая отняла у нея ея счастье? Онъ старался понять ея душевное состояніе—и не могъ.

Digitized by Google

То же безмѣрное чувство ужаса охватило Семена Александровича еще разъ послѣ того, какъ отпѣваніе въ церкви было кончено и священникъ обратился къ присутствующимъ съ предложеніемъ проститься съ покойной.

— Подойдите проститься!—сказалъ онъ.

Агринцевъ, который опять думалъ о чемъ-то постороннемъ и безсвязномъ, машинально двинулся вслѣдъ за Анной Николаевной, помогъ ей войти на возвышеніе, на которомъ стоялъ гробъ. Но когда она отстранилась, и онъ вдругъ увидалъ на атласной подушкѣ какъ будто незнакомое ему желтое личико съ подвязанной нижней челюстью и съ странными темными пятнами около носа, онъ съ ужасомъ отшатнулся назадъ.

— Руку...—шепнулъ ему кто-то.—Руку!

Онъ безсознательно повиновался. Весь содрогаясь отъ ужаса, коснулся онъ губами закоченѣвшей, жесткой ручки, и въ эту минуту онъ не чувствовалъ ни горя, ни сожалѣнія, не чувствовалъ никакой связи съ этимъ жалкимъ, отжившимъ тѣломъ, которое должны были опустить и зарыть въ землю.

Когда онъ вернулся домой, въ гостиной все было прибрано, и комната приняла свой прежній видъ. Онъ подумалъ и о томъ, что Зина уже не больна, не страдаетъ, и о томъ, что ему больше не надо ухаживать за ней, сидѣть около нея днемъ и ночью,—и ему показалось страннымъ, что онъ свободенъ, что онъ можетъ располагать своимъ временемъ такъ, какъ захочетъ. Онъ вспомнилъ о повѣсти, которую началъ писать до ея болѣзни, и невольно сталъ припоминать написанное. Въ окно, около котораго онъ остановился, неожиданно скользнулъ лучъ солнца,—и въ комнатѣ, и на улицѣ вдругъ сдѣлалось свѣтлѣе и оживленнѣе.

— А зачѣмъ писать?—подумалъ вдругъ Семенъ Александровичъ.—Развѣ я въ силахъ передать словами хотя бы то, что я переживаю, что я чувствую самъ? Чувство такъ сложно, такъ индивидуально, а люди привыкли къ простымъ, яснымъ опредѣленіямъ. Чтобы писать, надо придерживаться извѣстной условности... И я самъ, незамѣтно для себя, придерживался ея. Отчего, напримѣръ, я никогда не замѣчалъ, что природа жестка и бездушна? Вотъ свѣтитъ солнце... Развѣ этотъ свѣтъ можетъ радовать кого-нибудь? Онъ такъ же механиченъ, какъ свѣтъ лампы или свѣчи.

Онъ прошелъ въ кабинетъ и легъ на диванъ.

— Еслибы я сталъ писать,—продолжалъ разсуждать онъ,—могъ ли бы я, попрежнему, съ спокойной совѣстью употреблять слово „душа“? Вѣрю ли я сейчасъ въ душу? Зина любила меня,

Digitized by Google

любила „мою душу"; она такъ именно выражалась. А я даже не увѣренъ въ томъ, есть ли у меня что-нибудь дѣйствительно свое. Я не увѣренъ въ томъ, что я люблю, когда я люблю; что я страдаю, когда я страдаю. Я долженъ наблюдать за собой, я долженъ скрывать свои мысли, чтобы не оскорбить памяти жены. Памяти жены! Зины! А я думалъ, что я живу только ею, только для нея!

Весь день онъ лежалъ и думалъ. Онъ слышалъ, какъ пришла Катя, и зналъ, что она долго сидѣла у Анны Николаевны. Чьи-то осторожные шаги приближались къ его кабинету и останавливались у двери. Кто-то хотѣлъ и не рѣшался войти. Когда начало смеркаться, Агринцевъ всталъ и зажегъ лампу. Въ верхней квартирѣ, надъ потолкомъ, кто-то съ увлеченіемъ заигралъ модный вальсъ. И вдругъ передъ глазами Семена Александровича отчетливо, снова ясно выступило мертвое, желтое, незнакомое личико, съ отвисшей челюстью и темными пятнами у носа. Онъ зажалъ уши и бросился ничкомъ на подушку дивана.

У Агринцева былъ пріятель, докторъ Рачаевъ. Анна Николаевна и Зина не любили его. Причины этого нерасположенія были слѣдующія: какъ-то, за вечернимъ чаемъ, Анна Николаевна обратилась къ Рачаеву и сказала:

— Сеня не разсказывалъ вамъ? Какой успѣхъ!

Докторъ удивленно поглядѣлъ на нее.

— Ничего не знаю. Вы это про что?

— Да про его послѣднюю книгу. Вообразите,—расхватали. А отзывы!..

Рачаевъ презрительно пожалъ плечами.

— Дураковъ много,—вотъ и расхватали. Умный человѣкъ, дѣльный человѣкъ за такой книгой не погонится.

Анна Николаевна заволновалась, а Зина вспыхнула и сердито поглядѣла на гостя.

— Въ первый разъ слышу!—обиженно возразила Анна Николаевна.—Кого же читать? Чѣмъ же это Сеня глупѣе другихъ пишетъ?

— Лучше всего ничего не читать. Никого изъ этихъ праздноболтающихъ. Что отъ этого чтенія польза какая, что-ли? Ну, прочли вы, какъ Палашка съ Ивашкой полюбились,—прибыло вамъ отъ этого?

Семенъ Александровичъ хохоталъ.

— Ну, взгляды!—вскрикнула старушка и даже руками развела.—Не въ Ивашкѣ съ Палашкой дѣло...

— Да знаю, что вы скажете, знаю...—перебилъ ее докторъ.

Digitized by Google

—А, все-таки, по моему, такому большому мужчинѣ такими глупостями заниматься стыдно. Вѣдь онъ и всѣ подобные ему какъ пишутъ?—нервами пишутъ. А смыслъ написаннаго предоставляютъ разгадывать публикѣ или болѣе или менѣе расположеннымъ критикамъ. Выходитъ нѣчто въ родѣ толкованія сновъ. Этотъ, вашъ-то, ласковый,—ну, и къ нему ласковы; только, знаете, еслибы онъ самъ всѣ эти свои романы продѣлывалъ, я бы это скорѣе понялъ и одобрилъ.

Зина сердито двинула стуломъ и вышла, а докторъ задумчиво поглядѣлъ ей вслѣдъ.

Другой случай окончательно возстановилъ Анну Николаевну противъ пріятеля ея сына. Вѣра простудилась и прихворнула. Ее лечили, но она осталась блѣдной, вялой и нервничала больше обыкновеннаго. Пришелъ Рачаевъ.

— Вотъ,—сказала Анна Николаевна, опять за чаемъ, когда всѣ были въ сборѣ: —посмотрите, Василій Гавриловичъ, на что похожа моя Вѣра! Не знаю теперь, къ кому и обратиться.

— Зачѣмъ?—спросилъ Рачаевъ.

— Какъ зачѣмъ? Я ужъ возила ее къ разнымъ... И никто ничего. Никакой пользы.

— Очень понятно!—спокойно замѣтилъ докторъ.—Всѣ они—люди женатые.

— При чемъ тутъ женитьба?—строго спросила Агринцева, уже предчувствуя что-то недоброе.

Рачаевъ нисколько не смутился.

— Она больна, потому что ей замужъ пора,—объяснилъ онъ, —а вы обращаетесь къ докторамъ, да еще къ старымъ и женатымъ.

Вѣра вспыхнула, а мать разсердилась.

— Вы всегда съ глупостями!—сказала она.

— Вотъ ужъ ничуть! — убѣжденно и серьезно заговорилъ Василій Гавриловичъ.—Природа не можетъ быть глупой, а это одинъ изъ ея законовъ. Люди насочинили своихъ законовъ и требуютъ, чтобы по нимъ шла жизнь. Природа—штука поважнѣе, и считаться съ ней приходится поневолѣ.

Позже, когда Рачаевъ выходилъ въ гостиную или столовую, Анна Николаевна обращалась съ нимъ любезно, но уже ни въ какіе разговоры не вступала. Стараясь оправдаться передъ сыномъ, она говорила:

— Не умѣю разговаривать съ нимъ, другъ мой. Вѣроятно, онъ слишкомъ уменъ для меня. Какъ-то я просила Вѣрочку

Digitized by Google

сыграть для него, знаешь, эту ея новую сонату, а онъ спросилъ, почему я думаю, что онъ любитъ такого рода шумъ?

На первый взглядъ дружба Рачаева съ Агринцевымъ могла показаться странной. Докторъ искренно презиралъ литературное призваніе Семена Александровича и даже, отчасти, его самого; Агринцевъ часто возмущался реалистическими взглядами Василія Гавриловича, но ихъ тянуло другъ къ другу, и они оба скучали, когда имъ подолгу не приходилось видѣться. Когда Рачаевъ приходилъ къ Агринцеву, онъ шелъ прямо къ нему въ кабинетъ, не здороваясь, садился на опредѣленное кресло и морщился отъ табачнаго дыма, который волнами наполнялъ комнату.

— Строчишь?—спрашивалъ онъ.

Семенъ Александровичъ звонилъ и требовалъ краснаго вина. Докторъ пилъ его стаканами, и эта привычка особенно не нравилась Аннѣ Николаевнѣ, которая всегда удивлялась, отчего онъ не пьянѣетъ? Агринцевъ продолжалъ писать, а Рачаевъ съ любопытствомъ глядѣлъ ему въ лицо и прихлебывалъ изъ стакана.

— А вѣдь ты ненормаленъ!—иногда замѣчалъ онъ.

— Изъ чего ты это заключаешь?

— Не можетъ человѣкъ такъ исключительно работать воображеніемъ и сохранять полное равновѣсіе.

— И на этотъ разъ ты, пожалуй, правъ,—признавался Агринцевъ и откладывалъ работу.—Ты знаешь, мнѣ иногда представляется, что я „выдумалъ“ самого себя. Все выдумалъ: и свои чувства, и свои отношенія къ людямъ и поступкамъ. Да, я сочинилъ самого себя, и только гдѣ-то глубоко, внутри, сидитъ во мнѣ спокойный, холодный наблюдатель; сидитъ и смотритъ... Я люблю жизнь! Но для меня жизнь сливается съ вымысломъ, вымыселъ съ жизнью. Это—кругъ, исхода нѣтъ. Помнишь, въ циркѣ выбѣгаютъ клоуны и начинаютъ сбрасывать одну одежду за другой. Каждый разъ получается что-то новое и неожиданное. Это я. Я ношу на себѣ всѣ эти костюмы и покровы, и рѣшительно не могу себѣ представить, что бы осталось, еслибы я захотѣлъ сбросить ихъ съ себя.

— Осталось бы животное,—вдумчиво замѣчалъ докторъ.

Агринцевъ морщился и махалъ рукой.

Иногда завязывался слѣдующій разговоръ.

— Деньги у тебя есть?—спрашивалъ Рачаевъ.

Агринцевъ доставалъ бумажникъ и выбрасывалъ содержимое на столъ.

— Эхъ, ты! строчила! — презрительно замѣчалъ Василій Гавриловичъ, но, все-таки, протягивалъ руку.

Digitized by Google

Агринцевъ возмущался.

— А ты? эскулапъ!

Докторъ задумывался и долго глядѣлъ на пріятеля молча и задумчиво.

— Неправильно!—наконецъ заявлялъ онъ. — Параллель не вѣрна. Твой трудъ можно оцѣнить только кредитками, мой—результатами.

Семенъ Александровичъ пожималъ плечами.

— Результатами!—насмѣшливо повторялъ онъ.—А зачѣмъ ты отказываешься отъ практики, когда она сама лѣзетъ тебѣ въ руки? Это глупо.

— Ты отчего самъ не пишешь по кухнямъ письма къ родственникамъ, или не сочиняешь прошеній по гривеннику за штуку?

— Но что тутъ общаго?

— Много. Чѣмъ же письма къ родственникамъ—не литература? Во всякомъ случаѣ писаніе писемъ имѣетъ большее отношеніе къ литературѣ, чѣмъ леченіе нервныхъ праздныхъ бабъ—къ медицинѣ. Наконецъ, иное письмо или прошеніе—куда нужнѣе иного докторскаго визита. Ты не пожелаешь тратить свой талантъ на письма—я не хочу терять время на практику. И это именно оттого, что я не глупъ и цѣну себѣ знаю.

И не теряя времени на практику, докторъ приглашалъ въ свою болѣе чѣмъ скромную пріемную цѣлую толпу всякой бѣдноты и возился съ ними безвозмездно.

Агринцевъ какъ-то засталъ его во время такого пріема.

— Благодѣтельствуешь?—слегка иронизируя, чтобы подразнить доктора, спросилъ онъ.

— Да ничуть!—разсердился тотъ.—Это та же наука. Я бы разсказалъ тебѣ, какіе здѣсь экземплярчики любопытные попадаются. Я бы самъ заплатилъ! А если какой и попроще проскользнетъ, такъ Богъ съ нимъ! отъ меня не убудетъ.

Агринцевъ уважалъ Рачаева за его несомнѣнную талантливость, а его откровенность и искренность забавляли его и успокоительно дѣйствовали на его нервы.

Онъ даже слегка обрадовался, когда, вскорѣ послѣ похоронъ Зины, докторъ вошелъ въ его кабинетъ и, по обыкновенію не здороваясь, сѣлъ противъ него на кресло.

— Я зашелъ предложить тебѣ одну комбинацію, — заговорилъ онъ.—Я ѣду на нѣсколько дней въ Крымъ; везу одну больную, которая не рѣшается пуститься въ путь безъ меня. Я пошелъ на это условіе, потому что я могу попутно устроить одно

Digitized by Google

дѣло... подковать одного богатаго купчину, который обѣщалъ солидный кушъ въ пользу санаторіи, въ случаѣ если его сынокъ поправится въ Крыму. Словомъ, безразлично, зачѣмъ бы я ни ѣхалъ, но я хочу, чтобы ты ѣхалъ со мной.

— Зачѣмъ это нужно?—спросилъ Агринцевъ.

— Тебѣ это будетъ полезно. О деньгахъ не безпокойся. На этотъ разъ онѣ у меня есть.

— Нѣтъ, я не поѣду! — рѣшительно сказалъ Семенъ Александровичъ.—И я откровенно скажу тебѣ, Василій Гавриловичъ... Тебя это удивитъ, возмутитъ, можетъ быть... Но я тебѣ откровенно скажу: меня очень тяготятъ заботы о моей особѣ. Мать, Вѣра, Екатерина Петровна — всѣ заботятся, тревожатся, ходятъ около меня на цыпочкахъ, подслушиваютъ у моихъ дверей. Всѣ вы думаете, что я убитъ горемъ, что я несчастливъ свыше мѣры, и еслибы я сталъ возражать, меня бы сочли за помѣшаннаго или за лгуна. Но пойми хотя ты, что я не нуждаюсь ни въ чьемъ уходѣ, что мнѣ стыдно... стыдно за себя...

Онъ вскочилъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Видишь ли ты, — продолжалъ онъ: — я лежу здѣсь уже нѣсколько дней, лежу и думаю. Сперва я удивлялся своему спокойствію, своему равнодушію... Я обвинялъ себя въ безсердечіи, въ томъ, что я никогда не любилъ жену... Теперь я начинаю смутно понимать правду. Я могъ бы, понимаешь ли, я могъ бы чувствовать себя несчастнымъ въ той мѣрѣ, въ какой вы всѣ, окружающіе, считаете это нужнымъ въ моемъ положеніи, но мой анализъ еще сильнѣе моего воображенія, моихъ нервовъ. Анализъ—это сознаніе. Я не могу слышать пѣнія, музыки, я ужасаюсь, когда представляю себѣ мертвое лицо Зины, я слышу ея голосъ по ночамъ. Другому этого было бы совершенно достаточно, чтобы вообразить себя глубоко огорченнымъ. Я сознаю въ этихъ ощущеніяхъ только внѣшнія проявленія нервной системы, и я прихожу къ заключенію, что настоящаго, душевнаго горя— у меня нѣтъ! Отчего нѣтъ? существуетъ ли оно вообще? Существуютъ ли вообще тѣ высокія понятія, которыя мы такъ звонко опредѣляемъ словами: душа, любовь, правда? Есть ли въ насъ, кромѣ физической жизни, та духовная жизнь, о которой мы такъ много толкуемъ?

Рачаевъ долго молчалъ.

— Я не понимаю, чего ты требуешь? — наконецъ сказалъ онъ. — Если у кошки отнимутъ котятъ и забросятъ ихъ, она долго ищетъ ихъ и выражаетъ свою тоску мяуканьемъ. У кошки

Digitized by Google

это состояніе называется инстинктомъ, у человѣка—горемъ. Если ты самъ признаешь, что у тебя сильно разстроены нервы, надо лечить ихъ, а лучше всего предпринять путешествіе.

— Какъ это все просто!—съ горечью воскликнулъ Агринцевъ.—Ты уперся на своей чисто-матеріальной точкѣ зрѣнія и не хочешь видѣть ничего дальше. А я, — прибавилъ онъ и вдругъ остановился среди комнаты и провелъ рукой по глазамъ; —я... мнѣ кажется, что я долго былъ слѣпъ, и вотъ глаза мои открываются, и я начинаю различать все такое странное и необычное...

Онъ стоялъ неподвижно и глядѣлъ передъ собой остановившимся, расширеннымъ взглядомъ.

— Такъ ѣдемъ, что-ли?—спросилъ докторъ.

Агринцевъ слабо усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Нѣтъ, оставь меня!—тихо сказалъ онъ.—И знай, я жалѣю, что сказалъ тебѣ то, что сказалъ.

Ночью Агринцевъ вскочилъ въ внезапной тревогѣ. Онъ опять ясно слышалъ голосъ Зины. Она звала его жалобно и протяжно. Опомнившись и сообразивъ, что идти ему некуда, Семенъ Александровичъ улегся вновь, попробовалъ уснуть, но спать уже не могъ. Онъ представлялъ себѣ жену: хрупкую, нѣжную, боязливую, какой она была при жизни, и мучительная жалость сжимала его сердце при мысли, что она лежитъ теперь на кладбищѣ, въ темной, сырой могилѣ.

— Но она не чувствуетъ ничего!—утѣшалъ онъ себя.— Она не страдаетъ, не боится.

Въ квартирѣ всѣ спали, и въ безмолвной тишинѣ ему еще чудился звукъ замершаго зова, робкая, таинственная жалоба, чего не могло быть. Независимо отъ его воли, картина послѣдней ночи всплыла въ его воображеніи. Онъ увидалъ спальную въ тускломъ освѣщеніи лампы, загороженной нотной тетрадью, кровать Зины и ее самоё, полусидящую, съ искаженнымъ отъ физической муки лицомъ, съ прядями спутанныхъ волосъ на лбу и у праваго уха. Глаза ея глядѣли безсмысленно, почти дико.

— А который часъ?—услыхалъ онъ ея прерывающійся, странный голосъ.

— Первый, Зина,—отвѣтилъ онъ.

И вдругъ она стала просить:

— Пустите меня! пустите!

— Куда, Зина? зачѣмъ? Останься съ нами, родная! любимая!

Вѣра сидѣла въ углу, у окна, и судорожно ломала руки;

Digitized by Google

мать хлопотала съ какими-то компрессами, а по лицу ея безостановочно скатывались крупныя слезы.

— О, скорѣй, скорѣй!..—стонала больная.

Семенъ Александровичъ вспоминалъ этотъ стонъ, но ему казалось, что онъ слышитъ его вновь, и вдругъ, въ темнотѣ, онъ ощутилъ чье-то таинственное присутствіе, близость невѣдомаго, безплотнаго существа. Онъ вскочилъ, одѣлся наскоро и со свѣчой въ рукахъ поспѣшно прошелъ въ комнату Анны Николаевны.

— Дай мнѣ валерьяны!—попросилъ онъ, стараясь улыбаться.—Прости, мама, что я потревожилъ тебя! Меня разстроилъ сонъ... сонъ...

Она встала, съ испуганнымъ лицомъ стала искать лекарство, отсчитывать капли, а онъ сидѣлъ на ея кровати, слѣдилъ за ея движеніями и молчалъ.

Мать подала ему рюмку и заботливо заглянула ему въ глаза. Ея сѣдые волосы немного растрепались; на ночь она вынимала вставную челюсть, что̀ сильно мѣняло ея лицо, и въ такомъ видѣ она казалась совсѣмъ старухой, и чѣмъ больше сынъ вглядывался въ нее, тѣмъ меньше узнавалъ ее. Онъ опять видѣлъ только разрушеніе, безпощадную работу времени, приближеніе той смерти, которая изъ близкаго, родного существа оставляетъ людямъ жалкіе бренные останки, годные только на то, чтобы ихъ опустить и зарыть въ землю. Отъ человѣка, отъ друга, отъ любимаго духовнаго существа—смерть оставляла только воспоминаніе и физическій ужасъ при мысли о возможности дальнѣйшаго общенія съ нимъ.

„Возможно ли это общеніе? — думалъ Агринцевъ. — Хочу ли я его? Кто знаетъ! быть можетъ, мои разстроенные, натянутые нервы, нарушая равновѣсіе моей растительной жизни, дали бы мнѣ возможность проникнуть въ иной, невѣдомый мнѣ, духовный міръ... А я спѣшу устранить эту возможность. Я испугался, я малодушно отказываюсь отъ откровенія“...

— Поди, лягъ! лягъ!—просила Анна Николаевна, испуганная его нервной дрожью.

Онъ спряталъ свое лицо въ ея подушку.

„Все равно, у меня не хватило бы силъ“...—думалъ онъ дальше.—„И если есть этотъ иной міръ, если я оттолкнулъ „ея“ душу, если я отвернулся отъ нея—пусть она проститъ мнѣ! Я иначе не могу“!

Какъ-то вечеромъ Агринцевъ рѣшилъ пойти къ Екатеринѣ

Digitized by Google

Петровнѣ. Она была дома, и когда онъ вошелъ къ ней, по-прежнему, безъ доклада, она слабо вскрикнула и уронила книгу, которую держала въ рукахъ.

— Вы?.. вы?..—говорила она, волнуясь и задыхаясь.—О, еслибы знали, какъ я вамъ благодарна! какъ я рада...

— Катя!—удивленно сказалъ Агринцевъ: — развѣ вы не ожидали, что я приду къ вамъ когда-нибудь? развѣ мы не были друзьями?

Она закрыла лицо и заплакала.

— Это я отъ радости!—оправдывалась она.—Еслибы вы знали, Сеня, какое у меня было ужасное чувство! Я избѣгала васъ, я не смѣла войти къ вамъ, когда бывала у вашихъ. Мнѣ казалось, что я безмѣрно виновата передъ вами. Виновата тѣмъ, что я живу... И жить-то мнѣ незачѣмъ, а вотъ живу же!...

— Катя! Катя!—съ ласковымъ упрекомъ успокаивалъ онъ ее.

— А вотъ вы сами пришли,—продолжала она и засмѣялась сквозь слезы.—И точно вы мнѣ дали этимъ право—жить.

Она глядѣла на него влажными, преданными, счастливыми глазами и смущенно теребила въ рукахъ носовой платокъ.

— Хотите фіалокъ?.. засахаренныхъ?—предложила Катя:—вы любили ихъ, и я привезла ихъ для васъ изъ Ниццы.

Агринцевъ сѣлъ на диванѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, а Катя, уже успокоившаяся, сіяющая, безшумно и неторопливо двигалась по комнатѣ, подложила ему за спину подушку, перемѣстила лампу, и приготовила чай такъ, какъ онъ любилъ.

— Какъ вы добры, Катя!—замѣтилъ онъ, чувствуя, что въ первый разъ за долгое время у него стало тихо, тепло на душѣ.

— Добра?—удивилась она.—Но что же я сдѣлала? А я сдѣлала бы многое отъ радости быть немножко нужной, немножко полезной вамъ!—прибавила она съ печальной улыбкой.

Она сѣла рядомъ съ нимъ и, не нарушая его молчаливаго настроенія, говорила о своихъ путешествіяхъ, о томъ, что ей пришлось видѣть и слышать. Разсказывая, она играла кистью подушки, а онъ слѣдилъ за ея бѣлой, полной рукой съ сверкающими кольцами на пальцахъ, вглядывался въ ея красивое, немного чувственное, молодое лицо, и онъ невольно думалъ о томъ, что она любитъ его, что она искала забвенія и утѣшенія и не нашла; что его власть надъ ней еще полнѣе, еще могущественнѣе, чѣмъ была раньше.

Когда онъ вернулся домой и отперъ дверь своей квартиры ключомъ, который всегда носилъ съ собой, онъ услыхалъ звуки рояля. Играла Вѣра,—играла въ первый разъ послѣ смерти

Digitized by Google

Зины. Она любила музыку и часто фантазировала часами, сидя въ неосвѣщенной, темной гостиной. Она мечтала звуками, и въ ея игрѣ было много душевной мягкости и тихой, покорной грусти.

Незамѣченный никѣмъ, Агринцевъ прошелъ въ кабинетъ, зажегъ свѣчи на столѣ и сталъ ходить по комнатѣ. Пріятная нѣга, охватившая его въ будуарѣ Кати, уже разсѣялась. Его собственная комната, видъ всѣхъ знакомыхъ предметовъ, которые теперь окружали его, напомнили ему дѣйствительность: настроеніе послѣднихъ дней, таинственныя откровенія ночи, тяжелую и еще неясную работу его мысли, все, что угнетало и мучило его. Даже воздухъ, которымъ онъ дышалъ здѣсь, казался ему пропитаннымъ тоской и сомнѣніями.

Осторожно и медленно ступалъ онъ по ковру, прислушиваясь къ музыкальной импровизаціи Вѣры, и вдругъ неожиданная мысль осѣнила его: онъ понялъ то, что преслѣдовало его, какъ неразрѣшенная загадка, нашелъ слово, которое, какъ въ фокусѣ, соединяло въ себѣ разрѣшеніе всѣхъ захватившихъ его вопросовъ.

— Обманъ!—сказалъ онъ вслухъ и остановился. Теперь для него какъ бы все стало ясно.—Жизнь, люди, весь міръ—все дышетъ обманомъ, черпаетъ въ немъ силу, утоляетъ духовную жажду. Человѣкъ, этотъ „вѣнецъ природы", думаетъ, что можетъ жить жизнью духовной, но жизнь духа въ немъ настолько слаба, что духовное онъ ищетъ въ земномъ, и постоянно обманываетъ себя. Жизнь—такая, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, жизнь безъ прикрасъ—для человѣка невыносима, и вотъ природа сама приходитъ ему на помощь, и его жизненный инстинктъ заставляетъ его уклоняться отъ безпощаднаго, холоднаго свѣта истины и искать спасенія въ искусственной слѣпотѣ.

— Обманъ!—повторилъ Агринцевъ, невольно поддаваясь обаянію тоскующихъ звуковъ рояля.—Жизнь безпощадна и бездушна, какъ палачъ, а мы украшаемъ ее чувствами, которыхъ нѣтъ; искусствами, которые лгутъ намъ, раздражая наши нервы. Молитвенный экстазъ, съ горящими свѣчами, съ таинственными сводами храмовъ, съ художественными звуками церковнаго пѣнія —вотъ наша вѣра! Страстный призывъ земныхъ наслажденій— вотъ наша любовь! Здоровое тѣло и крѣпкіе нервы—вотъ наше благополучіе. Нервный подъемъ принимается людьми за возвышенный духовный порывъ, и имъ не приходитъ въ голову, почему эта безсмертная душа такъ быстро утомляется, такъ скоро теряетъ жгучесть своихъ запросовъ?

Digitized by Google

Жизнь безпощадна и бездушна, а человѣкъ, обреченный жить только для того, чтобы умереть, баюкаетъ себя сказками и мечтами, забавляется побрякушками лишь бы не видѣть правды, не знать ея, не думать о ней.

Агринцевъ открылъ дверь, прошелъ черезъ темную гостиную и положилъ руку на плечо сестрѣ. Она испуганно вскрикнула, и звуки рояля оборвались фальшивымъ аккордомъ.

— Прости! я испугалъ тебя!—спохватился Семенъ Александровичъ.

Вѣра глубоко вздохнула и вдругъ поспѣшно встала и закрыла крышку инструмента.

— Когда ты вернулся?—тревожно спросила она.—Я не знала, что ты дома, Сеня. Я не стала бы играть.

Братъ обнялъ ее за плечи и сталъ ходить съ ней по темной комнатѣ, едва освѣщенной изъ сосѣдняго кабинета.

— Вѣра!—заговорилъ онъ.—Случалось ли тебѣ въ оперѣ или въ концертѣ испытать такое чувство, какъ будто вся жизнь становится прекрасной? Какъ будто самое глубокое страданіе можетъ быть наслажденіемъ... Какъ будто отъ избытка силы хочется умереть...

— Да, да... Ахъ, да!—отвѣтила дѣвушка.

— Это хорошо, не правда ли?—спросилъ Агринцевъ.—А что ты чувствуешь, когда играешь одна, вотъ какъ теперь? Ты еще такъ молода, Вѣра, и я удивляюсь, отчего ты выбираешь такіе грустные, тоскующіе мотивы? Я сколько разъ удивлялся этому, еще раньше. Звуки подъ твоими руками жалуются и плачутъ, а потомъ... ты опять весела, смѣешься, шутишь. Передъ кѣмъ ты притворяешься, Вѣра,—передъ собой, или передъ нами?

Она робко засмѣялась и отвѣтила не сразу.

— Это трудно объяснить, Сеня,—наконецъ сказала она.—Я совсѣмъ не притворяюсь. Я люблю грустную музыку и... веселую жизнь.

— Но можно ли любить грусть, Вѣра?—допытывался Семенъ Александровичъ.—Любить грусть, это значитъ—желать быть несчастной?

Дѣвушка опять задумалась.

— А вотъ я тебѣ объясню,—спокойно предложилъ братъ.—Музыка и вообще искусства даютъ настроенія, которыхъ въ жизни нѣтъ. Люди хотѣли бы, чтобы они были, и выдумали ихъ. А когда они уже были выдуманы, люди стали увѣрять себя, что они существуютъ, тосковать объ нихъ и искусственно прививать ихъ къ жизни. Вотъ почему ты любишь грусть только въ му-

Digitized by Google

зыкѣ, Вѣра; вотъ почему мы упиваемся страданіемъ въ аріяхъ и стихахъ и боимся ихъ въ дѣйствительности.

Нѣкоторое время они ходили молча.

— А мы,—вдругъ громко сказалъ Семенъ Александровичъ,—давай, не поддадимся обману! Будемъ смѣлы и тверды. Взглянемъ этой жизни прямо въ ея бездушные, холодные глаза. Развѣ это уже такъ страшно, Вѣра? Вѣдь все равно: ни счастья, ни красоты, ни даже горя—ничего нѣтъ на землѣ! Такъ неужели же дорожить иллюзіей, когда знаешь, что это—только иллюзія? Неужели поддаваться обману, когда поймешь, что это обманъ?

Вѣра съ испугомъ отшатнулась отъ брата.

— Сеня!—прошептала она:—ты такъ говоришь, потому что ты несчастливъ. У тебя такое горе, а ты... ты утверждаешь, что его нѣтъ, не существуетъ на землѣ!..

Агринцевъ точно пробудился отъ ея возгласа и съ растерянным, виноватымъ выраженіемъ притянулъ ее къ себѣ и внимательно заглянулъ ей въ лицо.

— Не бойся, Вѣра!—мягко сказалъ онъ.—Я сказалъ то, что думалъ, но я еще самъ не убѣжденъ въ томъ, что я правъ. Не стѣсняйся играть при мнѣ столько, сколько хочешь... Я буду слушать тебя, и, можетъ быть, я самъ опять повѣрю обману.

Агринцевъ сталъ часто ходить къ Екатеринѣ Петровнѣ. Она одна умѣла развлечь его и устроить такъ, что онъ начиналъ чувствовать себя спокойно и хорошо. Анна Николаевна и Вѣра раздражали его своей заботливостью, своей постоянной тревогой за него. Онѣ убрали съ его стола и со стѣны гостиной портреты Зины, но зато онъ каждый день находилъ въ своей комнатѣ вынутыя просфоры. Это мать или старая нянька Зины приносили ихъ отъ ранней обѣдни. Онъ встрѣчалъ иногда эту няньку въ коридорѣ, и она скользила мимо него, исхудалая, вся въ черномъ, и только благоговѣйно цѣловала его въ плечо. Говорить съ нимъ, онъ зналъ, ей было запрещено. Анна Николаевна приходила къ нему въ кабинетъ, садилась на диванъ и слѣдила за нимъ такимъ взглядомъ, отъ котораго ему становилось больно. Катя чутко угадывала его настроеніе, и если не понимала его, то все-таки вела себя такъ, какъ будто оно было ей понятно. Какъ-то она предложила почитать ему вслухъ. Онъ согласился; но когда она уже прочла нѣсколько страницъ романа, онъ вскочилъ съ своего мѣста и взволнованно забѣгалъ по комнатѣ.

Digitized by Google

— Что вы мнѣ читаете?—вскрикнулъ онъ.—Я знаю, я понимаю, кто это писалъ.

Она нашла подпись и прочитала имя автора.

— Нѣтъ!—возбужденно повторялъ онъ:—мнѣ все равно, какъ его зовутъ; я знаю только, что онъ не имѣетъ права писать, потому что онъ такой же слѣпецъ, какимъ я былъ годъ тому назадъ. Все тѣ же условности, тѣ же готовыя, истасканныя положенія, какъ будто книга пишется не для живыхъ людей, а для тѣхъ же героевъ романа. Скажите мнѣ, къ чему эта ложь? Я не вѣрю, что существуетъ хотя бы одинъ человѣкъ, который не испытывалъ бы мучительную противурѣчивость, сложность чувства, а тѣ люди, которые призваны разбираться въ этихъ чувствахъ, уяснить ихъ,—они, напротивъ, упростили ихъ, отвели имъ надлежащія мѣста, надлежащіе заголовки. Здѣсь—любовь, здѣсь—ненависть, здѣсь—горе, здѣсь—развратъ. И все ясно и просто. Какъ будто всѣ знаютъ, что такое любовь, и горе, и ненависть... Какъ будто всѣ должны чувствовать по шаблону,—а если не чувствуютъ такъ, то должны стыдиться и скрывать. Ахъ, Катя! Еслибы люди меньше скрывали и меньше стыдились,—развѣ было бы такое одиночество? такой холодъ? такая пустота?

Катя закрыла книгу и откинулась на спинку кресла.

— А вотъ я чувствую такъ, какъ пишутъ въ романахъ,—сказала она.

— Нѣтъ!—горячо возразилъ онъ:—нѣтъ! вамъ это только такъ кажется! вы этого только хотите! Вамъ нравится форма, вы свыклись съ шаблономъ и не откровенны даже сами съ собой. То, что коробитъ васъ въ вашемъ чувствѣ, то, что противорѣчитъ ему — вы усердно упрятываете въ самый тайникъ вашей души и—вы спокойны. Все въ порядкѣ. А когда запрятанное все-таки пробивается наружу, ростетъ, крѣпнетъ,—вы убѣждаете себя, что чувство ваше измѣнилось, обманываете себя еще разъ—и опять вѣрны шаблону. Опять все ясно и просто. И опять ложь, опять скрытность и одиночество.

Онъ вспомнилъ о матери, о томъ, что онъ „не могъ бы“ признаться ей въ своемъ отношеніи къ смерти жены; онъ вспомнилъ, какъ съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше отстраняется отъ нея, и тяжелое чувство горечи и жалости мучительной болью отразилось на его лицѣ.

Одинъ разъ, когда онъ только-что пришелъ къ Екатеринѣ Петровнѣ, раздался звонокъ, и въ комнату, спокойно и увѣренно, какъ жданный гость, вошелъ Рачаевъ. Семенъ Александровичъ

Digitized by Google

не зналъ, что докторъ бываетъ у Кати, и его появленіе удивило его. Онъ замѣтилъ, что молодая женщина слишкомъ порывисто поднялась къ нему на встрѣчу, а когда она заговорила съ нимъ, въ ея голосѣ слышалось возбужденіе и торопливость. Василій Гавриловичъ нѣсколько разъ поцѣловалъ руку Кати, а потомъ подошелъ къ Агринцеву и снисходительно потрепалъ его по плечу.

— А ты молодцомъ,—замѣтилъ онъ.—Я боялся, что ты раскиснешь и окажешься совсѣмъ дрянью. Я не ожидалъ видѣть тебя здѣсь.

— Это я не ожидалъ!—сказалъ Агринцевъ съ внезапнымъ чувствомъ непріязни къ манерамъ пріятеля и ко всей его плотной, красивой фигурѣ.

Подали краснаго вина и фруктовъ. Семенъ Александровичъ понялъ, что Катя ждала Рачаева, и тогда только замѣтилъ, что вся квартира была освѣщена, портьеры у оконъ закрыты, а въ воздухѣ слышался запахъ крѣпкихъ, незнакомыхъ ему духовъ.

— Будете пить?—предложила ему Катя.

Онъ взялъ стаканъ, который она протягивала ему, поставилъ его передъ собой и съ любопытствомъ поглядѣлъ на Рачаева.

Василій Гавриловичъ разговаривалъ съ Катей. Они оба съ оживленіемъ вспоминали Крымъ, но докторъ говорилъ просто, безъ свойственныхъ ему рискованныхъ выраженій; жесты его были плавны, костюмъ безукоризненъ, волосы приглажены съ особенной тщательностью.

Семенъ Александровичъ почувствовалъ себя какъ-то неловко, выпилъ на половину свой стаканъ вина и отъ нечего дѣлать опять принялся за свои наблюденія. Катя нѣсколько разъ оглядывалась на него, пододвигала къ нему вазу съ фруктами, ножичекъ или тарелку, а онъ видѣлъ, что обыкновенно блѣдныя щеки ея теперь пылали, а глаза казались темнѣе и больше. Семенъ Александровичъ всталъ и отошелъ къ окну. Чувство непріязни къ Рачаеву и даже къ самой Катѣ возростало въ немъ постепенно, и онъ уже едва могъ сдерживать себя, чтобы не выказать своей досады и нетерпѣнія. Онъ сѣлъ въ углу и не спускалъ глазъ съ бесѣдующихъ, а руки его холодѣли и сердце билось тяжелыми, неровными ударами.

Наконецъ онъ поднялся и подошелъ къ Катѣ.

— Я ухожу,—сказалъ онъ.—До свиданія.

Она вскинула на него удивленный, испуганный взглядъ.

— Отчего?—тихо спросила она.

Онъ пристально поглядѣлъ ей въ глаза и улыбнулся злой, неестественной улыбкой.

Digitized by Google

Катя, совсѣмъ смущенная, растерявшаяся, молча пожала его руку.

— Послушай, другъ!—спросилъ Рачаевъ.—Да ты здоровъ?

Агринцевъ быстро повернулся къ нему и съ той же улыбкой потрепалъ его по плечу.

— Я догадливъ, не правда ли?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ докторъ, не спуская съ него тяжелаго, почти брезгливаго взгляда:—прежде всего ты какъ будто пьянъ, а еще... ты глупъ.

Семену Александровичу хотѣлось отвѣтить ему что-нибудь очень рѣзкое и обидное, но онъ не нашелся, махнулъ рукой и быстро вышелъ въ переднюю.

Прошло нѣсколько дней. Агринцевъ лежалъ на диванѣ, курилъ и думалъ о томъ, что бы произошло, еслибы Зина могла, чудомъ, вернуться на землю. Всѣ родные и знакомые и даже онъ самъ увѣрили бы ее, что онъ сильно тосковалъ о ней и едва не сошелъ съ ума. Успокоившись и попавъ въ прежнюю колею, онъ самъ убѣдился бы въ томъ, что испыталъ большое горе, и, описывая чувства одного изъ героевъ своего романа, воскликалъ бы по прежнему: „онъ любилъ ее высшей, духовной любовью!“ или: „душа его была чиста и прозрачна, какъ хрусталь“!

Ему хотѣлось смѣяться или плакать, но дверь отворилась, вошелъ Рачаевъ и, не здороваясь, тяжело опустился въ кресло.

— Что-жъ, дурь прошла?—спросилъ онъ серьезно.

Агринцевъ молчалъ.

— Я же говорилъ тебѣ, что ты ненормаленъ,—продолжалъ докторъ.—Пойми: нельзя тебѣ обижаться, когда тебя называютъ глупымъ, потому что ты на самомъ дѣлѣ глупъ.

— Оставь свои шутки!—попросилъ Семенъ Александровичъ, удивляясь тому, что онъ искренно радъ видѣть человѣка, котораго еще недавно едва не возненавидѣлъ.

— Вотъ, кстати, замѣть, — продолжалъ Рачаевъ: — всегда много охотниковъ обращать въ шутку то, что для нихъ нелестно. Скажешь кому-нибудь искренно горькую правду, а онъ сейчасъ: „ну, что за шутки!“

— А почему я глупъ?—улыбаясь, освѣдомился Семенъ Александровичъ.

— Ты боленъ—и не хочешь лечиться.

— Ахъ, да? Я боленъ? Ну, вотъ и прекрасно!—заволновался Агринцевъ.—А я-то, болванъ, стараюсь разрѣшить какіе-

Digitized by Google

то вопросы,—мучаюсь противорѣчіями,—съ ужасомъ думаю о томъ, хватитъ ли у меня силъ освоиться съ тѣмъ новымъ освѣщеніемъ жизни, которое теперь открылось мнѣ!..

— Попросту говоря, ты хандришь,—поправилъ его докторъ.— У меня былъ паціентъ, больной аневризмомъ. О чемъ бы ни шла рѣчь, онъ непремѣнно заканчивалъ ее мрачными предсказаніями и предположеніями. „Нѣтъ, знаете ли, плохо! какъ бы не того... Плохо!“—У меня былъ знакомый, который всю жизнь безотчетно радовался чему-то и всегда повторялъ: „Все къ лучшему! все въ жизни къ лучшему! А ей Богу такъ!“

Агринцевъ нетерпѣливо мотнулъ головой.

— Правда только одна!—сказалъ онъ.—Высшее и единственное преимущество человѣка—это разумъ, и этотъ-то разумъ открылъ мнѣ глаза.

Онъ сѣлъ на диванъ и охватилъ голову руками.

— Ты не поймешь!—съ порывомъ отчаянія заговорилъ онъ.— Чтобы понять, надо перенести одинъ изъ тѣхъ ударовъ, которые разомъ обрываютъ привычную жизнь. Да! въ этой жизни, которую ведешь незамѣтно, механически, изо дня въ день, есть что-то отупляющее, гипнотизирующее. Привыкаешь къ себѣ, привыкаешь къ своимъ мыслямъ, къ своимъ ощущеніямъ. Привыкаешь —и даже уваженіе къ себѣ чувствуешь. И какъ не быть довольнымъ собой, когда и умственные, и общественные интересы, и духовные запросы—все на лицо. И вдругъ—обрывается какая-то невидимая нить, происходитъ что-то таинственное, непостижимое. Міръ остался такимъ же, какъ и былъ, но для тебя въ немъ не осталось камня на камнѣ: жизнь, люди, ихъ отношенія, понятія—все выступаетъ теперь въ иномъ освѣщеніи. Ты обращаешься къ своимъ духовнымъ запросамъ, ты убѣжденъ, что съ этой стороны тебѣ нечего бояться ни измѣны, ни слабости; ты еще вѣришь въ свою личность, въ свою душу—и тутъ-то тебя ожидаетъ самый жестокій ударъ. Разумъ указываетъ тебѣ на ничтожество, на возмутительную грубость жизни, въ которой человѣкъ претерпѣваетъ всѣ физическіе законы, несетъ постыдную тяготу тѣлесныхъ потребностей, болѣзней, разложенія... А духъ, этотъ великій, безсмертный духъ не въ состояніи подняться надъ землей и вмѣсто силы—предлагаетъ экстазъ, вмѣсто оплота—иллюзію и обманъ.

Онъ замолчалъ, а Рачаевъ пристально глядѣлъ на него и думалъ. Когда онъ былъ озабоченъ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ дышалъ громко, какъ во снѣ, а на лбу его выступали двѣ глубокія морщины.

Digitized by Google

— Да, такъ вотъ оно что!—заговорилъ онъ, наконецъ, медленно и вѣско.—Рѣять тебѣ захотѣлось! подняться надъ землей! Это съ плотью-то и кровью. Подняться! Были на свѣтѣ и посейчасъ есть мученики, фанатики, столпники. Тѣ ни во что не ставили свою плоть, презирали ее, наслаждались мученіями. Разберись, и ты откроешь тотъ же гипнозъ, высшую экзальтацію жизни. Вотъ тебѣ подъемъ. Вотъ тебѣ исходъ изъ того рабства, которое такъ тяготитъ тебя. Но вѣдь ты требователенъ не къ себѣ, а по отношенію къ себѣ. Ты затвердилъ, что у тебя не паръ, какъ у кошки, а душа, и ты требуешь, чтобы эта душа, безъ всякихъ усилій съ твоей стороны, вознесла тебя превыше облака ходячаго. „Если она есть, такъ пусть дѣйствуетъ!"—вѣдь вотъ какъ по-твоему. Отсюда и недовольство жизнью, и презрѣніе къ законамъ природы, и возмущеніе, и пр. и пр. А ты рѣять-то забудь! Это дѣло тебѣ не по плечу, такъ ты и не гонись за нимъ. Если уже не можешь писать свои романы, займись наукой. Медициной не хочешь—ну математикой, химіей...

Агринцевъ опять безнадежно махнулъ рукой.

— Нѣтъ? не хочешь? И это ниже твоего достоинства?

Взглядъ его сдѣлался тяжелымъ и презрительнымъ.

— И наука—обманъ? Такъ по-твоему? Такъ пусть! Она открываетъ намъ, уясняетъ законы, по которымъ проходитъ наша жизнь. Изъ слѣпыхъ, неразумныхъ рабовъ мы превращаемся въ зрячихъ и разумныхъ. И мы... мы побѣдимъ природу! мы станемъ ея хозяевами!

Агринцевъ лѣниво поднялъ голову и грустно улыбнулся.

— Трудиться... бороться... побѣждать и остаться рабомъ!—тихо сказалъ онъ.—Скажи мнѣ, былъ ли ты еще... тамъ?

— Гдѣ это... тамъ?

— На Сергіевской, у Екатерины Петровны?

— Нѣтъ, не былъ. И врядъ ли буду. Катерина мнѣ нравится... Но на роли несчастнаго вздыхателя, ты знаешь, я не гожусь.

Пріятели помолчали.

— Еслибы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело! какъ мнѣ жутко!—вдругъ шопотомъ признался Агринцевъ.

— Ну, вотъ ты и ходи къ ней. Къ Катѣ...—посовѣтовалъ докторъ.

Семенъ Александровичъ съ изумленіемъ взглянулъ на его спокойное, серьезное лицо и потомъ, облокотившись о колѣни, опустилъ голову на ладони.

— Я еще хочу жить, и борюсь противъ жизни,—тихо про-

Digitized by Google

должалъ онъ.—Я хочу побѣдить обманъ, и я хотѣлъ бы... я хотѣлъ бы, чтобы онъ побѣдилъ меня... Только бы отдохнуть! только бы не думать больше, не думать...

Катя по прежнему часто приходила къ Аннѣ Николаевнѣ, но видимо избѣгала встрѣчи съ Семеномъ и ни разу не спросила его, почему онъ пересталъ бывать у нея. Часто, когда Агринцева не было дома, она просила Вѣру играть, и, слушая ея игру, она ходила по гостиной, или сидѣла въ углу за жардиньеркой и о чемъ-то глубоко задумывалась.

— Играй еще! играй! — нервно просила она, и подъ впечатлѣніемъ музыки лицо ея рѣзко блѣднѣло.

Когда молодая дѣвушка внезапно переставала играть и, закрывая крышку рояля, сообщала, что вернулся Сеня, Катя начинала торопливо собираться домой, или уходила опять въ комнату Анны Николаевны.

— Ахъ, какъ онъ безпокоитъ меня!—жаловалась ей старушка.—Я думала, время облегчитъ, время загладитъ, а онъ—что дальше, то хуже. Я ужъ и входить къ нему перестала. Вижу—раздражаетъ это его. На могилу его съ собой звала,—не поѣхалъ.

Катя жадно ловила каждое ея слово, и если Анна Николаевна начинала плакать, она бросалась передъ ней на колѣни, цѣловала ея руки и мечтала вслухъ, точно опьянялась своими мечтами.

— Онъ опять будетъ нашъ!—говорила она.—Мы соберемъ всѣ наши силы, мы запасемся терпѣніемъ и настойчивостью, и мы будемъ дѣйствовать такъ мягко, такъ любовно, такъ осторожно, что онъ самъ не замѣтитъ, какъ мы надломимъ его волю,—волю, которая уже не хочетъ нашей близости, не хочетъ ни счастья, ни утѣшенія. Мы завладѣемъ имъ и увеземъ куда-нибудь. Мы поѣдемъ на югъ, къ морю... Тамъ такъ хорошо! И онъ почувствуетъ, какъ хорошо... Онъ опять захочетъ жить, захочетъ красоты, радости, свѣта. И мы опять увидимъ его улыбку, услышимъ его смѣхъ. И онъ опять будетъ ласковъ и добръ съ нами. Онъ будетъ справедливъ. Онъ отдастъ намъ то, что отнялъ, и въ награду за то, что мы были такъ несчастны, онъ опять будетъ нашъ. Только нашъ!

Старушка съ удивленіемъ и благодарностью слушала ея восторженный бредъ.

— Ахъ, еслибы такъ было, Катя! — говорила она со вздохомъ.—Еслибы такъ могло быть!

Digitized by Google

Одинъ разъ Катя пришла раньше обыкновеннаго; горничная сказала ей, что Анна Николаевна и Вѣра только-что уѣхали. Катя не хотѣла ждать и только-что повернулась, чтобы уйти, какъ дверь изъ кабинета Агринцева отворилась, и онъ самъ вышелъ въ переднюю.

— Мамы и сестры нѣтъ,—сказалъ онъ,—но развѣ вы не хотите посидѣть со мной?

Одинъ мигъ она колебалась, но потомъ скинула шубку и въ шапочкѣ и перчаткахъ вошла въ его комнату.

— Сегодня холодно,—говорила она явно только для того, чтобы говорить что-нибудь,—но я люблю морозъ безъ вѣтра, и ужъ на что я лѣнива, а, все-таки, пришла пѣшкомъ.

— Вы спѣшите куда-нибудь?

— Нѣтъ.

— Такъ снимите же шляпу и это...

Онъ указалъ на ея боа, а потомъ взялъ ея руку и сталъ медленно, неумѣло разстегивать пуговицы ея перчатки.

Онъ чувствовалъ, какъ слегка дрожали ея пальцы, ощущалъ легкій, нѣжный запахъ ея духовъ, но близость этой молодой, цвѣтущей женщины не успокаивала его теперь, не приносила желаннаго отдыха и тишины. Скрытный трепетъ всего ея любящаго, страдающаго существа передавался ему непреодолимымъ волненіемъ, и несмотря на ясное сознаніе, что онъ не можетъ раздѣлять ея чувство, это чувство влекло его къ ней, манило своей реальностью и обаяніемъ силы.

— Отчего вы избѣгаете меня?—рѣзко спросилъ онъ.

Она молчала, потому что не могла говорить.

Онъ усадилъ ее на диванъ, сѣлъ рядомъ съ ней, близко отъ нея и, повернувшись къ ней лицомъ, съ смутнымъ злорадствомъ любовался ея смущеніемъ и растерянностью.

— А вѣдь еще недавно, —продолжалъ онъ,—вы говорили мнѣ, что сдѣлали бы многое, чтобы быть мнѣ немного нужной и полезной. Я думалъ, что вы мнѣ другъ, что вы немного любите меня.

Она оглянулась на него испуганными глазами и сейчасъ же потупилась, скрывая свое недоумѣніе и свою безпомощность.

Онъ не спускалъ съ нея глазъ и странная, жуткая улыбка кривила его губы.

— Скажите же мнѣ теперь, что это неправда, что я ошибся,— настаивалъ онъ.—Вы говорили это только такъ, какъ говорятся пустыя, любезныя фразы?

Digitized by Google

Она быстро повернулась къ нему и положила руку на его плечо.

— Ахъ, Сеня! — сказала она, и въ звукѣ, которымъ она произнесла это имя, были и упрекъ, и нѣжность, и боль.

— Нѣтъ?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ и съ силой задержалъ руку, которую она намѣревалась отнять.—Нѣтъ? вы не притворялись? вы не лгали? Но чего же вы испугались, въ такомъ случаѣ? чего вы боитесь и теперь? Такъ, хотите, я скажу вамъ: я зналъ, я давно зналъ, что вы любите меня, и, быть можетъ, настало время, когда эта любовь стала мнѣ нужной, необходимой, и я хочу увѣриться, что она есть.

— Что вы говорите? что вы говорите? — съ отчаяніемъ вскрикнула Катя, дѣлая новую попытку высвободить свою руку. Но онъ держалъ ее крѣпко, а его лицо, съ возбужденными, злыми глазами, было такъ близко отъ ея лица, что она не знала, куда глядѣть, и поворачивалась то въ одну сторону, то въ другую.

— А зачѣмъ молчать?—быстро возразилъ онъ. — Если я противенъ вамъ, скажите мнѣ это сейчасъ, скажите скорѣй...

— Нѣтъ, мы не будемъ говорить ни о чемъ,—защищалась молодая женщина.—Умоляю васъ, Сеня... Умоляю... Я не знаю, что съ вами, но пожалѣйте и себя, и меня.

— А если мнѣ нужна, если мнѣ необходима твоя любовь?—повторилъ онъ глухимъ шопотомъ.—Если это—моя послѣдняя надежда удержаться въ жизни, еще разъ обмануть самого себя... Будемъ подлыми, будемъ низкими, но будемъ искренни. Не будемъ силиться казаться выше, красивѣе, сильнѣе, чѣмъ мы есть на самомъ дѣлѣ, и, съ презрѣніемъ, съ ненавистью къ себѣ и другъ къ другу, отдохнемъ!.. Отдохнемъ отъ всѣхъ этихъ напускныхъ чувствъ и мучительныхъ думъ... Я хочу жить, Катя...

Властной и нервной рукой обнялъ онъ ее за плечи и притянулъ къ себѣ, а она покорно, безсильно прильнула къ его груди; а когда онъ откинулъ съ своего плеча ея голову, онъ увидалъ блѣдное, безжизненное лицо и глаза, полные ужаса и страданія. Тогда онъ опомнился. Торопливо, трясущимися руками отклонилъ онъ ее на подушку и, не глядя, не оборачиваясь, отошелъ къ окну.

Онъ слышалъ, какъ она приподнялась, какъ она вздохнула нѣсколько разъ глубоко и неровно, а потомъ быстро встала и прошла нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Онъ понялъ, что она надѣваетъ шляпу и сейчасъ уйдетъ. И вдругъ ему мучительно захотѣлось видѣть ее еще разъ, не отпуская ее до тѣхъ поръ, пока онъ не выпроситъ, не вымолитъ у нея прощенія. Во всемъ

Digitized by Google

существѣ его произошла внезапная реакція, и онъ вдругъ почувствовалъ себя до такой степени жалкимъ, слабымъ и несчастнымъ, что потребность прощенія, потребность участія заглушила въ немъ стыдъ и сознаніе непростительности вины. Онъ сознавалъ только свою личную невыносимую боль, ужасъ одиночества, ужасъ невозможности спасенія... И въ этомъ хаосѣ чувствъ уже не работала, а только безпомощно билась его усталая, сбивчивая мысль.

Онъ обернулся и встрѣтился глазами со взглядомъ Кати.

— Не уходите!—жалобнымъ тономъ больного ребенка попросилъ онъ и даже протянулъ къ ней руки.

Она такъ мало ожидала такой просьбы, что удивленіе на одну минуту точно приковало ее къ мѣсту.

— Не уходите!—повторилъ онъ.—Я не знаю, какъ слѣдуетъ относиться ко мнѣ...

— „Съ презрѣніемъ и ненавистью!“ — вдругъ вскрикнула она, отвѣчая ему собственными его словами. — Съ презрѣніемъ и ненавистью...

— Катя!—кротко перебилъ онъ ее. — Я не васъ хотѣлъ оскорбить... Я не помню сейчасъ, но у меня была мысль...

Онъ провелъ рукой по лбу и глазамъ.

— Все было ясно, а теперь... все спуталось, и я не могу объяснить...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—быстро заговорила Катя.—О, Боже мой! развѣ мнѣ нужны объясненія? Для меня только теперь все ясно, все ясно...

Она торопливо прошла къ двери и нѣсколько разъ дернула ручку.

— Ахъ, Боже мой!—простонала она. Но дверь открылась, а черезъ минуту Агринцевъ слышалъ, какъ Катя вышла изъ квартиры на лѣстницу.

На слѣдующій день, Рачаевъ стоялъ въ передней Агринцевыхъ и, не снимая шубы, писалъ что-то на клочкѣ бумаги.

— Это вы, Василій Гавриловичъ? — окликнула его изъ гостиной Вѣра.

Онъ обернулся и сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Опять *вашего* нѣтъ дома!—сказалъ онъ, протягивая ей руку и уже не выпуская ея ручки изъ своей.—Подождите!—попросилъ онъ. И, предварительно вытеревъ бороду и усы платкомъ, поцѣловалъ эту ручку сверху и въ ладонь.

Digitized by Google

Она засмѣялась, но сейчасъ же сдѣлала грустное лицо и облокотилась плечомъ о притолоку двери.

— Его теперь никогда нѣтъ! — печально замѣтила она.— Гдѣ онъ бываетъ, что онъ дѣлаетъ—никто не знаетъ.

— А вотъ привлечемъ его къ отвѣтственности,—сказалъ докторъ.—Сегодня долго не погуляетъ: метель.

— Вы ему писали?

— Ему. Я вызываю его здѣсь въ одно теплое мѣстечко. Если долго засидимся,—не безпокойтесь. Такъ и Аннѣ Николаевнѣ передайте.

Они стояли и смотрѣли другъ на друга.

— А почему бы вамъ не подождать его у насъ?—нерѣшительно спросила Вѣра.

— Нѣтъ, ужъ я надоѣлъ Аннѣ Николаевнѣ за это время. Да и недолюбливаетъ меня старушка.

— Нѣтъ! Ахъ, нѣтъ!—горячо возразила Вѣра и густо покраснѣла.—Раньше... это правда. А теперь...

— Ну, давайте опять ручку!—попросилъ докторъ.

Вѣра, еще вся пунцовая, указала ему глазами на горничную, которая стояла у входныхъ дверей.

— Я вѣдь ухожу!—замѣтилъ Рачаевъ.

Оба почему-то тихо, но весело засмѣялись. Рачаевъ взялъ со стола свою шапку, встряхнулъ ее такъ, что отъ нея полетѣли брызги, и, оглянувшись на Вѣру, опять засмѣялся.

— Мокрый, какъ чортъ!—заявилъ онъ, но не уходилъ.

— Ну, идите ужъ, идите!—сказала Вѣра.

Онъ посмотрѣлся въ зеркало, пригладилъ волосы и, замѣтивъ въ зеркалѣ отраженіе молодой дѣвушки, радостно закивалъ ей головой. Опять оба засмѣялись, а докторъ надѣлъ шапку и пошелъ къ двери.

— Прощайте, Дашенька! спокойной ночи! — сказалъ онъ, проходя мимо горничной.

Вѣра взяла его записку, прочла ее нѣсколько разъ и, тоже поглядѣвшись въ зеркало, почему-то глубоко вздохнула и отнесла бумажку въ кабинетъ брата.

Проходя по темной гостиной, она вдругъ, точно вспомнивъ о чемъ-то, подбѣжала къ окну и, припавъ лицомъ къ рамѣ, стала глядѣть на улицу. Въ воздухѣ кружились крупные, мокрые хлопья снѣгу и, казалось, таяли раньше, чѣмъ касались земли. Мигающіе фонари отражали свой мутный свѣтъ въ лужахъ среди мостовой, еще покрытой темной снѣговой коркой. Черезъ улицу, пересѣкая ее по направленію къ противоположному тротуару, проѣхалъ

Digitized by Google

извозчикъ, усердно нахлестывая лошадь кнутомъ. Въ саняхъ сидѣлъ сѣдокъ, похожій сверху на большой черный кулъ. Вѣра проводила его глазами, пока могла, еще разъ глубоко вздохнула, а потомъ подошла къ роялю, медленно открыла крышку, и въ квартирѣ раздались тихіе, робкіе, жалобные звуки. Но жалоба росла, крѣпла... Вѣра медленно раскачивалась туловищемъ, а съ поднятаго лица ея, въ темную стѣну, глядѣли отуманенные мечтой, ничего не видящіе глаза.

Въ комнатѣ Анны Николаевны горѣла лампадка, и тамъ, передъ таинственно мерцающими образами кіота, неподвижно стояла на колѣняхъ темная фигура старушки. Губы ея шептали, а сложенные пальцы крѣпко прижимались ко лбу. Вдругъ изъ груди ея вырвался тихій стонъ:

— Господи!—сказала она и смиренно опустила свою сѣдую голову до самаго пола.

Семенъ Александровичъ вернулся поздно. Онъ сейчасъ же замѣтилъ на своемъ столѣ записку, прочелъ ее и поглядѣлъ на часы. Почти цѣлый день онъ безцѣльно пробродилъ по улицамъ, промокъ, усталъ, но, несмотря на то, что ему хотѣлось лечь и заснуть, онъ былъ настолько увѣренъ, что уснуть ему не удастся, онъ такъ отчетливо представлялъ себѣ впередъ томленіе и ужасъ предстоящей ночи, что, не задумываясь ни на минуту, прошелъ обратно въ переднюю, надѣлъ свою вымокшую шубу и поспѣшно побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Рачаевъ ждалъ Агринцева въ ресторанѣ. Когда Семена Александровича провели въ отдѣльный кабинетъ, онъ увидалъ накрытый столъ, остывшій ужинъ и нѣсколько бутылокъ, изъ которыхъ двѣ были уже почти пусты. Докторъ стоялъ среди комнаты, лицомъ къ двери и встрѣтилъ пріятеля безмолвнымъ недружелюбнымъ взглядомъ.

— Ты давно такъ стоишь?—спросилъ Агринцевъ и невольно улыбнулся.

— Предупреждаю!—отвѣтилъ тотъ и указалъ рукой по направленію къ столу: — вино съ синей этикеткой значительно высшаго достоинства, чѣмъ то, которое съ бѣлой.

— Благодарю тебя!—серьезно отозвался Агринцевъ.

Онъ сѣлъ на диванъ около стола, тоскливо оглянулся и опустилъ голову.

— Ты писалъ, что тебѣ надо переговорить о дѣлѣ?—вдругъ вспомнилъ онъ.—О какомъ дѣлѣ? Что такое?

Digitized by Google

Докторъ подошелъ къ столу, налилъ стаканъ вина и поставилъ его передъ Семеномъ.

— Дѣло придетъ само собой,—неспѣшно заговорилъ онъ,—а пока... не бойся пить. Возбужденіе отъ вина совсѣмъ иного рода, чѣмъ то, которое ты испытываешь теперь. Оно не ухудшитъ, а напротивъ, облегчитъ... Какъ врачъ—я совѣтую.

Но Агринцевъ не испытывалъ никакого возбужденія. Онъ сильно усталъ, и ему хотѣлось сидѣть молча и только чувствовать присутствіе Рачаева, присутствіе, которое и теперь, какъ всегда, успокаивало его.

Докторъ тоже молчалъ и сталъ ходить взадъ и впередъ. Подошвы его сапогъ слегка скрипѣли, и этотъ однообразный, правильно повторяющійся звукъ не только не раздражалъ Семена Александровича, а напротивъ, какъ будто убаюкивалъ, усыплялъ его. Онъ глядѣлъ передъ собой — на комнату, на движущуюся по ней фигуру пріятеля, и ему представлялось, что все, что онъ видѣлъ, то приближалось къ нему, то уходило такъ далеко, что онъ даже переставалъ слышать однообразный, безконечно повторяющійся скрипъ. Иногда ему казалось, что полъ и диванъ, на которомъ онъ сидѣлъ, начинали быстро колебаться, и тогда зрѣніе его застилало какое-то огромное темное пятно. Онъ проводилъ рукой по лбу и глазамъ, начиналъ опять различать фигуру Рачаева и, успокоившись, безсознательно улыбался.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что Василій Гавриловичъ стоитъ у стола и пристально глядитъ ему прямо въ лицо. Онъ встрепенулся и постарался принять равнодушное, беззаботное выраженіе.

— Послушай, — сказалъ Рачаевъ:—чего ты хочешь этимъ достичь? У всякаго разумнаго человѣка есть цѣль. Скажи мнѣ свою.

— Я не знаю,—отвѣтилъ Агринцевъ.—Да и не надо... Не объясняй. Я усталъ.

— Я не требую, чтобы ты говорилъ, но я хочу, чтобы ты слушалъ,—строго сказалъ Рачаевъ.—Я каждый день видѣлся съ твоими... Вѣра—славная; старуха—смѣшная, но тоже хорошая, и обѣ бабы влюблены въ тебя. Такъ вотъ: знаешь ли ты, что онѣ измучены разными опасеніями, предположеніями?.. Ты пропадаешь изъ дому, возвращаешься вотъ такимъ молодцомъ, какъ сейчасъ. Ночью ты не тушишь лампу... Въ общемъ, ты ведешь себя непозволительно, и я взялъ на себя миссію довести это до твоего свѣдѣнія.

— Мнѣ все равно!—тихо сказалъ Агринцевъ.

— Все равно—для тебя и для меня,—согласился докторъ.

Digitized by Google

По мнѣ—хоть на головѣ ходи, если есть охота. Да я тебя и не жалѣю, а бабъ твоихъ жалѣю. Замѣтилъ ли ты, что уже нѣсколько дней не говорилъ съ ними ни слова?

— Нѣтъ, не замѣтилъ.

— То-то, вотъ! Онѣ думали, что ты теперь съ Катериной разговариваешь, и поѣхали къ ней... наводить справки.

— Ѣздили... къ Катѣ?—спросилъ Семенъ Александровичъ, и внезапное волненіе окрасило его блѣдное, осунувшееся лицо.

— Ѣздили. И я ѣздилъ. Она не глупая, Катя-то. Бабамъ она сказала, что простудилась, и поэтому давно не была у нихъ, вывѣдала у нихъ же про тебя, а потомъ послала за мной.

Агринцевъ поднялъ глаза и увидалъ на себѣ необычайно презрительный, почти брезгливый взглядъ доктора. Ему стало ясно, что докторъ знаетъ подробности его послѣдняго свиданія съ Катей, но впечатлѣніе, которое онъ производилъ на пріятеля, мало безпокоило его. Онъ только жалѣлъ, что завязавшійся разговоръ вывелъ его изъ пріятнаго забытья, и, чувствуя, какъ въ головѣ, въ душѣ, опять мучительно пробуждалось сознаніе, онъ ощутилъ такой порывъ тоски и отчаянія, что сразу забылъ про свою усталость и нежеланіе говорить.

— Я не знаю, каково мое поведеніе,—волнуясь и задыхаясь, заговорилъ онъ, — но я знаю, что жить такъ, какъ сейчасъ, я болѣе не въ состояніи. Мое существованіе дико, нелѣпо, невозможно. Елибы у меня была логика, я бы прекратилъ его разомъ. Но меня связываетъ какой-то кошмаръ, разсѣять который я не въ силахъ. Пойми, Рачаевъ, пойми: и у меня были чувства, мечты, надежды... чище кристалла. И я за нихъ любилъ жизнь и вѣрилъ въ нее. Я носился съ своими идеалами еще тогда, когда это самое слово: „идеалъ“, уже начало отдавать затхлостью и анахронизмомъ, когда уже многіе начали ядовито подсмѣиваться надъ нимъ. И вдругъ—все рушилось! Боже, до чего мнѣ стало ясно, что всѣ наши чувства, нравственныя понятія, всѣ наши хорошія слова, все—только одно отдаленное представленіе чего-то прекраснаго и чистаго, искренняго и душевнаго, что могло бы быть и чего не существуетъ на землѣ. Это приманка жизни, а не жизнь, это волшебная сказка, созданная только для того, чтобы занимать воображеніе, а не душу. Я любилъ эту сказку! Я тоскую о ней смертельно!

Онъ облокотился о столъ и закрылъ лицо руками.

— Да, еслибы у меня была логика,—немного погодя, продолжалъ онъ,—я сейчасъ же, немедленно, кончилъ бы самоубійствомъ. Но я не логиченъ, и я боюсь смерти. Отчего я боюсь?

Digitized by Google

Отчего у меня нѣтъ убѣжденія, что моя жизнь, грубая, матеріальная, прекратится съ послѣднимъ біеніемъ моего сердца? Отчего я, отрицающій душу, возненавидѣвшій жизнь за то, что не нашелъ въ ней ничего духовнаго, отчего я содрогаюсь отъ ужаса, когда допускаю предположеніе, что меня не ждетъ небытіе?.. Что-то таинственное, непостижимое останавливаетъ мою руку и нашептываетъ новую сказку, новыя надежды, новыя предположенія. Я ненавижу жизнь—и не могу убить себя. Почему?

Оба долго молчали.

— А это вопросъ особаго рода,—задумчиво заговорилъ Рачаевъ: — чтобы убить себя, надо, чтобы въ мозгу образовался наростъ, родъ шишки. Наука еще не высказалась вполнѣ опредѣленно, но я, лично, убѣжденъ, что безъ образованія этого нароста самоубійство невозможно.

Агринцевъ отнялъ руки отъ лица, растерянно поглядѣлъ на доктора, и вдругъ имъ овладѣло непреодолимое желаніе хохотать. Онъ засмѣялся, сперва тихо и сдержанно, потомъ опустилъ голову на руки и, уже не владѣя собой, хохоталъ все сильнѣе и громче. Слезы лились у него сквозь пальцы, грудь судорожно вздрагивала отъ рыданій. Онъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы опять овладѣть собой и, сознавая на себѣ презрительный взглядъ доктора, съ чувствомъ тяжелаго стыда и глубокаго униженія, смѣясь, оплакивалъ свою послѣднюю иллюзію, свою грустную, робкую, неясную вѣру, которая, несмотря на всѣ доводы его разума, позволяла ему провидѣть сквозь ничтожество всего окружающаго, таинственное вѣяніе нематеріальнаго, свободнаго отъ земного рабства, существованія. Такъ и эта послѣдняя вѣра оказалась иллюзіей, обманомъ! Природа требовала жизни и обманывала воображеніе, какъ старая нянька, запугивающая букой капризныхъ, упрямыхъ дѣтей.

Агринцевъ плакалъ, а на противоположномъ концѣ стола Рачаевъ нетерпѣливо отбивалъ пальцами трель. Когда Семенъ, наконецъ, успокоился, докторъ всталъ и тщательно пригладилъ волосы на своей головѣ.

— Есть больные, которые не хотятъ переносить боли,— сказалъ онъ. — Я имъ даю морфій. Дѣйствіе морфія лишаетъ человѣка чувства дѣйствительности, но я, лично, предпочелъ бы страданія. Къ чему морфій? Къ чему боязнь правды и реальности, если эта боязнь нерѣдко мучительнѣе правды и реальности? Ты не хочешь глядѣть себѣ подъ ноги, и плачешь, когда падаешь и разбиваешь себѣ носъ. Жизнь тебя не удовлетворяетъ! Это вся-то, вся-то жизнь!

Digitized by Google

Онъ широко развелъ руками, и недоумѣвающее выраженіе надолго застыло на его лицѣ.

— Ну, знаешь, пора... Собирайся. Я тебя довезу.

Агринцевъ съ трудомъ держался на ногахъ, и встрѣчные легко могли принять его за подгулявшаго гостя.

— Послушай, — сказалъ онъ, когда они уже ѣхали на извозчикѣ,—я понялъ, что „она“ тебѣ все разсказала. Скажи: она очень меня ненавидитъ? Какъ она мнѣ крикнула тогда: „съ презрѣніемъ и ненавистью“!.. „съ презрѣніемъ и ненавистью“!..

Рычаевъ провелъ рукой по воздуху.

— Это вѣдь кругъ,—замѣтилъ онъ. — Она любила, теперь ненавидитъ, потомъ опять будетъ любить.

— Нѣтъ, нѣтъ!—содрогаясь, возразилъ Семенъ Александровичъ.—Ты не видалъ ее въ эту минуту!

— Я думаю, что эта минута имѣетъ мало значенія,—спокойно замѣтилъ докторъ.—Направленіе ея жизни—вполнѣ опредѣленное. Ей нужны любовь и мученичество. Для женщинъ праздныхъ и обладающихъ въ извѣстной степени развращеннымъ воображеніемъ сознаніе мученичества нерѣдко переходитъ въ потребность, въ привычку. Еслибы она была еще болѣе испорчена, она мѣняла бы свои привязанности. Такія женщины—или кладъ, или—каторжная цѣпь.

— Вѣра тоже живетъ воображеніемъ, — замѣтилъ Агринцевъ. — Большинство женщинъ живетъ воображеніемъ, потому что онѣ выше всего ставятъ чувство.

— Нѣтъ! — горячо возразилъ Василій Гавриловичъ:—Вѣру воображеніе влечетъ къ жизни, а не отталкиваетъ отъ нея. Вѣра не испугается реальности. Это—разница.

Пріятели простились, и Агринцевъ сталъ подниматься по лѣстницѣ. Онъ шелъ медленно и безшумно. Начинало свѣтать, и въ этомъ мутномъ полусвѣтѣ, въ тишинѣ и безмолвіи громаднаго дома съ наглухо закрытыми дверями квартиръ, онъ пробирался какъ тѣнь. И каждая закрытая дверь на его пути, казалось, съ недоброжелательствомъ и непріязнью слѣдила за его приближеніемъ и провожала его холоднымъ напутствіемъ:

— Проходи! ты чужой!

И когда онъ вошелъ къ себѣ, когда онъ, одѣтый, бросился на свою постель и закрылъ глаза, ему все еще казалось, что онъ съ трудомъ, съ мукой, поднимается по высокой, крутой лѣстницѣ. Ему чудился мутный разсвѣтъ, плотно закрытыя двери и упорное, холодное напутствіе:

— Проходи! ты чужой!..

Digitized by Google

Бо́льшую часть времени, пока Агринцевъ былъ боленъ, онъ пролежалъ безъ сознанія; а когда это сознаніе ненадолго возвращалось, онъ видѣлъ такъ же, какъ и грезилъ: всегда ярко, рельефно, безъ всякой послѣдовательности. И онъ не зналъ, гдѣ начиналась грёза и гдѣ кончалась дѣйствительность. Отдѣльныя лица, отдѣльныя картины выдѣлялись передъ нимъ внѣ времени и пространства и затѣмъ исчезали въ безмолвіи и мракѣ.

Онъ видѣлъ свою комнату, столъ, сдвинутый къ стѣнѣ и заставленный незнакомыми ему предметами; онъ видѣлъ широкую спину и затылокъ Рачаева; а близко надъ нимъ склонялось озабоченное лицо его матери, и отъ прикосновенія ея рукъ къ его головѣ онъ чувствовалъ тяжесть и холодъ. Онъ видѣлъ Зину. Она сидѣла на своей постели. Лицо ея было безсмысленно и дико, волосы сбились на головѣ и у праваго уха. Кругомъ нея толпились какіе-то незнакомые люди, и у всѣхъ было то же безсмысленное, животное выраженіе лицъ.

— Пустите меня!—просила Зина.

А люди хохотали и отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Некуда! некуда! оставайся!

Онъ видѣлъ Вѣру. Она стояла среди комнаты и медленно раскачивалась туловищемъ взадъ и впередъ. Глаза ея то ярко вспыхивали, то угасали; она улыбалась упоенной, безумной улыбкой, а руки жадно и порывисто ловили воздухъ. Потомъ она закидывала голову и, вся замирающая, трепетная, расплывалась въ какое-то безобразное, мутное пятно.

Но чаще всего онъ видѣлъ одно лицо—знакомое, но такое печальное и блѣдное, что когда онъ смотрѣлъ на него, ему хотѣлось плакать. Было ли это во снѣ, или наяву, зналъ ли онъ это лицо раньше, слыхалъ ли онъ его имя—онъ въ это время припомнить не могъ. Уже позже, онъ какъ-то долго слѣдилъ за нимъ, и когда, случайно, они встрѣтились глазами, онъ вдругъ узналъ его и сдѣлалъ слабое движеніе рукой.

— Катя!—прошепталъ онъ.

И тогда онъ увидалъ, какъ высокая, свѣтлая фигура вдругъ скользнула внизъ и опустилась у его кровати; онъ почувствовалъ слезы и поцѣлуи на своей рукѣ и услыхалъ голосъ, который говорилъ такъ ласково и нѣжно, что ему не надо было понимать словъ.

Мало-по-малу видѣнія стали менѣе ярки и отчетливы, но болѣе продолжительны, и онъ сталъ сознавать, что то, что̀ окружаетъ его, существуетъ въ дѣйствительности. Онъ уже зналъ, что мать, Вѣра и Катя ухаживаютъ за нимъ и смѣняютъ другъ

Digitized by Google

друга по дежурствамъ. Онъ зналъ, что Рачаевъ пріѣзжаетъ раза два въ день и часто подолгу засиживается у его постели. Еще позже онъ даже сталъ замѣчать, что засиживается докторъ именно тогда, когда около него дежурила Вѣра. Исподтишка онъ наблюдалъ за ними, и его немного сердили разсѣянность и возбужденность сестры, пылающій румянецъ ея лица и та счастливая улыбка, которую она старалась и не умѣла скрыть.

Эгоизмъ страдающаго больного возмущался при видѣ чужого счастья, и несмотря на заботливость и предупредительность, которыми сестра и докторъ окружали его, больной капризничалъ и, въ душѣ, считалъ себя оскорбленнымъ и обиженнымъ.

Онъ всегда радовался, когда къ нему входила мать, но когда онъ, наконецъ, замѣтилъ, какъ сильно измѣнилась она за это время, какъ побѣлѣли ея волосы, какъ сморщились ея руки, онъ почувствовалъ къ ней такую нѣжность и жалость, что сильно взволновался самъ и напугалъ старушку до слезъ.

Какъ только Агринцевъ сталъ чувствовать себя лучше и бодрѣе, Катя прекратила свои дежурства и только изрѣдка входила въ его комнату, явно избѣгая оставаться съ нимъ наединѣ. Ему, все-таки, удалось улучить удобную минуту.

— Вы простили?—спросилъ онъ, робко удерживая ея руку въ своей.

— Мнѣ нечего прощать,—быстро отвѣтила она, смущаясь и краснѣя.—Ничего не было, Сеня... Ничего!

— И мы опять будемъ друзьями?

Она опустила глаза.

— Я ѣду за границу, — тихо сказала она, видимо избѣгая прямого отвѣта. — Если хотите, я буду вамъ писать. Я привыкла путешествовать, и меня уже тянетъ... тянетъ вдаль.

Она печально улыбнулась и съ этой ласковой улыбкой заглянула ему въ лицо.

— Поправляйтесь! Живите долго и счастливо!..

— Развѣ мы больше не увидимся?

— Отчего же? когда-нибудь... вѣроятно... И я еще зайду проститься съ вами.

Но она не зашла. Анна Николаевна разсказала ему, что она уѣхала, и просила передать ему свой прощальный привѣтъ.

Рачаевъ настаивалъ на томъ, чтобы семья Агринцевыхъ какъ можно скорѣе переѣхала въ деревню, и вызвался самъ сопровождать больного. Анна Николаевна горячо благодарила его.

Глядя на счастливое, похорошѣвшее лицо сестры, Семенъ Александровичъ началъ немного тревожиться.

Digitized by Google

— Ты знаешь, что ты дѣлаешь?—строго спросилъ онъ Рачаева, когда они остались какъ-то вдвоемъ.

Тотъ, по обыкновенію, надолго задумался.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать,—отвѣтилъ онъ.—Конечно, я могъ бы замѣтить тебѣ, что это не твое дѣло, но на этотъ разъ вопросъ уже такъ близокъ къ окончательному рѣшенію, что уклоняться отъ отвѣта я не нахожу смысла. Если твоя сестра потребуетъ отъ меня исполненія извѣстнаго церковнаго обряда, я не буду сопротивляться.

— Да, она потребуетъ!—сказалъ Агринцевъ и засмѣялся, а докторъ презрительно пожалъ плечами и потомъ долго разглядывалъ носки своей обуви.

Отъѣздъ былъ рѣшенъ, и Анна Николаевна съ Вѣрой быстро закончили сборы. Ихъ смущала крайняя слабость больного, но Рачаевъ ободрялъ ихъ.

— Въ деревнѣ отойдетъ!—съ увѣренностью говорилъ онъ.

И дѣйствительно, съ первыхъ же дней своего пребыванія въ маленькомъ родномъ гнѣздѣ, Семенъ Александровичъ сталъ чувствовать, что наступило быстрое и несомнѣнное выздоровленіе.

Цѣлыми днями сидѣлъ онъ теперь на открытомъ воздухѣ, подъ лучами ласковаго майскаго солнца. Пышная молодая листва шепталась надъ его головой, набѣгалъ вѣтерокъ и приносилъ съ собой запахъ цвѣтущей черемухи, рябины; нѣжный ароматъ яблонь, цвѣтовъ, травъ, земли...

Изъ сосѣдней рощи слышалось немолчное щебетаніе птицъ, отрывистое, но отчетливое пощелкиваніе соловья. Это пѣвецъ любви пробовалъ свой голосъ для ночной серенады, когда вся природа будетъ слушать его одного, когда засвѣжѣвшій воздухъ разнесетъ его пѣснь среди чуткой тишины и подниметь ее къ темному, звѣздному небосклону.

Иногда, кружась и ныряя, проносились мимо него какіе-то бѣлые и цвѣтные лепестки. Это бабочки, любовно переплетаясь крыльями, неслись все выше и выше къ чистому, голубому небу. И когда онъ глядѣлъ имъ вслѣдъ, онъ видѣлъ лазурь и прозрачные бѣлые хлопья облаковъ. Цѣлыми днями наблюдалъ онъ природу, и ему не только не было скучно съ ней наединѣ, но она одна, не утомляя, занимала его воображеніе и вызывала одну мысль за другой.

Анна Николаевна отъ времени до времени приходила посмотрѣть на сына, заботливо заглядывала ему въ глаза и ласково

Digitized by Google

гладила рукой по волосамъ. Ея милое старческое лицо казалось одухотвореннымъ преданностью и любовью, но сынъ зналъ, что даже въ этой великой любви она уже не почерпнетъ новой силы для своей угасающей жизни, что здоровье ея непоправимо подорвано горемъ и непосильнымъ трудомъ. И цѣлуя ея трясущіяся, морщинистыя руки, онъ чувствовалъ укоръ совѣсти, нѣжность и покорную печаль. Вѣру и Рачаева онъ видѣлъ только за столомъ. Докторъ вызвался навѣстить больного, жившаго въ сосѣднемъ селѣ. Вернулся онъ возмущенный и взволнованный.

— У вашихъ сосѣдей тифъ! — сердито заявилъ онъ Аннѣ Николаевнѣ.—У нихъ скверный хлѣбъ, а главное—нѣтъ воды. Они пьютъ зараженную, гнилую жидкость и спокойно ложатся умирать. Такое положеніе дѣлъ невозможно!

На другое же утро онъ опять ушелъ въ село, а Вѣра вызвалась сопутствовать ему. Съ тѣхъ поръ за столомъ слышались разговоры о ходатайствахъ объ оздоровленіи мѣстности, объ изысканіяхъ, гдѣ найти лучшую воду.

Вѣра горячо принялась за роль сестры милосердія. Она уже не играла на роялѣ, не упивалась печалью. Все существо ея словно выросло и окрѣпло, а когда она шла рядомъ съ Рачаевымъ, или говорила съ нимъ, лицо ея выражало спокойствіе, гордость и счастье.

— Ты могъ бы помочь намъ! — говорилъ Василій Гавриловичъ, обращаясь къ Агринцеву.

Анна Николаевна начинала замѣтно тревожиться.

— Конечно, еще не теперь,—поспѣшно добавлялъ докторъ,— но позже, когда ты совсѣмъ окрѣпнешь.

И Агринцевъ невольно заинтересовался ихъ планами, и бывали минуты, когда онъ досадовалъ, что его силы не позволяютъ ему присоединиться къ ихъ трудамъ.

— Значитъ, жить? опять жить?—спрашивалъ онъ себя удивленно и радостно.—Опять поддаться обману, который уже разъ открылся мнѣ такъ ясно и безпощадно?

Онъ оглянулся на окружающую его природу, и неожиданный порывъ торжества и восторга почти болѣзненно всколыхнулъ его душу. Онъ закинулъ голову, и взглядъ его потонулъ въ сіяющей, глубокой лазури.

— Но гдѣ же онъ?—мысленно продолжалъ онъ допрашивать себя.—Гдѣ тотъ обманъ, который я понялъ и который едва не заставилъ меня отказаться отъ жизни? Если сама природа указываетъ намъ на такую красоту, которая едва доступна воображенію, если она даетъ намъ представленіе о такой гармоніи,

Digitized by Google

которой еще не достигло ни одно искусство,—она ли обманула насъ? Да, жить! жить, чтобы сливаться съ этой вѣчной гармоніей, чтобы создать своимъ духомъ тѣ чувства, тѣ великія представленія любви, красоты, правды, которыя еще не нашли себѣ мѣста на землѣ. Страдать, бороться, претерпѣвать бремя физическаго существованія и знать и вѣрить, что созданное духомъ не опускается вновь къ ничтожеству и безсилію, не погибаетъ въ мелочной житейской суетѣ.

Жить и вѣрить, что есть такая высота, на которой человѣкъ освобождается отъ рабства, на которой никакія путы и оковы физическихъ законовъ уже не стѣсняютъ его свободы, и всѣми силами души стремиться къ этой высотѣ, къ этой свободѣ; участвовать въ постоянномъ подъемѣ, въ постепенномъ освобожденіи духовнаго начала изъ-подъ гнета мрака, грубости и лжи.

Жить и вѣрить, что если сама природа вложила въ душу человѣка томленіе, неудовлетворенность, неясную тоску по иной, прекрасной, чистой жизни,—она не обманула его...

Томленіе, тоска — это крылья, которыя она дала человѣку, чтобы онъ имѣлъ возможность подняться. И если онъ не замѣчалъ ихъ, если онъ волочилъ ихъ по грязи,—она ли была виной его погибели? Она ли не дала ему того, чего онъ могъ ждать и желать для себя?

Л. Авилова.

Digitized by Google

СТРАНИЦА
КРЕСТЬЯНСКАГО ДѢЛА
НА ЮГО-ЗАПАДѢ.

По личнымъ воспоминаніямъ.

Около года тому назадъ, мы имѣли уже случай представить очеркъ исторіи крестьянскаго освобожденія и устройства въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ за двадцать лѣтъ, отъ перваго приступа къ ограниченію крѣпостного права инвентарными правилами до фактическаго примѣненія обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ [1]). Теперь обратимся къ нашимъ воспоминаніямъ о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, какъ то представилось намъ въ рядѣ бытовыхъ чертъ и сценъ при нашемъ личномъ участіи въ этомъ дѣлѣ.

Изъ упомянутаго очерка видно, что освободительное движеніе даннаго времени выражалось рядомъ разновременныхъ актовъ, въ которыхъ сказывались нерѣшительность и недостатокъ твердой послѣдовательности. Среди правительственныхъ колебаній въ разныя стороны, большое значеніе получали мотивы политическаго характера, изъ какихъ главнымъ образомъ исходили освободительные толчки. Проводившіяся сверху мѣры возникали подъ болѣе рѣшительнымъ вліяніемъ извѣстнаго момента, становились предметомъ борьбы разномыслящихъ вліятельныхъ лицъ и партій, подвер-

[1]) См. нашу статью: „Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ“, въ „Вѣстн. Европы“, авг. и сент. 1900 г.

Digitized by Google

гались смѣняющимся вѣяніямъ, а оттого поочередно пересиливало то одно, то другое направленіе. Затѣмъ и состоявшіяся рѣшенія нерѣдко парализовались на мѣстахъ примѣненія исполнительными пріемами. При такихъ условіяхъ принимавшіяся намѣренія часто не достигали своихъ цѣлей и требовали потомъ реставраціи, за которою снова слѣдовали попятные шаги.

Мы видѣли, какъ въ сороковыхъ годахъ, вызванныя политическими мотивами, инвентарныя правила, пытавшіяся ограничить крѣпостное право, искажались на практикѣ, вслѣдствіе отсутствія гарантій серьезнаго ихъ исполненія при тогдашнемъ общественномъ и административномъ несочувствіи къ нимъ. Рѣшено было укрѣпить за крестьянами все ихъ наличное землевладѣніе (инвентарная земля), а на дѣлѣ получилось его уменьшеніе, и дѣйствіе правилъ постепенно стушевывалось. Когда пришло затѣмъ время общей отмѣны крѣпостного права и противники прочнаго крестьянскаго устройства пытались воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы вознаградить себя за свободу крестьянъ сокращеніемъ утвержденнаго уже за ними землевладѣнія— редакціоннымъ коммиссіямъ стоило большой борьбы отстоять полный размѣръ инвентарнаго надѣла. Однако, и эта, казавшаяся существенною, побѣда больше оставалась на бумагѣ, въ „Положеніяхъ"; на мѣстѣ же дѣйствія инвентарный надѣлъ при введеніи уставныхъ грамотъ оставлялся безъ возстановленія, а во многихъ случаяхъ уменьшалось и то крестьянское владѣніе, которое еще удержалось къ 1861-му году. Подобное уменьшеніе совершалось то въ формѣ отрѣзки лѣсныхъ покосовъ, то путемъ составленія выкупныхъ договоровъ на сокращенный надѣлъ и т. под., причемъ не разъ его достигали еще подъ вліяніемъ „экзекуцій". Понадобился новый крупный политическій мотивъ, въ видѣ польскаго мятежа, чтобы побудить оглянуться на сдѣланное и освѣжить заботу объ участи самихъ крестьянъ установленіемъ обязательнаго выкупа и общей повѣрки уставныхъ грамотъ; но и тутъ борьба вѣяній тормазила исходъ, отражаясь и палліативностью мѣръ, и недомолвками законовъ, и даже взаимнымъ ихъ противорѣчіемъ. При неясности въ высшихъ сферахъ представленія о дѣйствительномъ положеніи и нуждахъ дѣла, рѣшенія нерѣдко направлялись невпопадъ, на второстепенныя части, и открывался большой просторъ случайнымъ административнымъ взглядамъ и симпатіямъ.

Моментъ объявленія обязательнаго выкупа, въ іюлѣ 1863 г., съ перваго взгляда казался рѣшительнымъ поворотомъ въ ходѣ дѣла, такъ какъ если этотъ выкупъ, самъ по себѣ, и имѣлъ

Digitized by Google

больше формальное, чѣмъ существенное значеніе, то съ нимъ все-таки соединялась повсемѣстная повѣрка уставныхъ грамотъ, обѣщавшая возстановленіе нарушенныхъ ими крестьянскихъ правъ. Подъ вліяніемъ недовѣрія къ „полякамъ“ и раздраженія противъ нихъ, законодательство рѣшилось коснуться интересовъ „помѣщиковъ“, но непослѣдовательность и неполнота закона опять дали себя почувствовать сразу. Такъ, требуя повѣрки уставныхъ грамотъ въ селеніяхъ, не приступавшихъ къ выкупу на прежнихъ основаніяхъ (по договорамъ и требованіямъ однихъ помѣщиковъ), тотъ же законъ оставлялъ неприкосновенными всѣ уже состоявшіеся въ 1861—1863 годахъ выкупы, тогда какъ послѣдними крестьянскія права нарушались часто еще сильнѣе, чѣмъ уставными грамотами, и вышло, что въ однихъ селеніяхъ крестьянское право оберегалось, а въ другихъ пренебрегалось. Повѣрка должна была имѣть главною задачею возстановленіе инвентарнаго владѣнія 1847 года, а между тѣмъ самое понятіе о послѣднемъ оставалось затемненнымъ, и если одни, твердо стоя на почвѣ закона, разумѣли подъ инвентарною землею полный фактическій надѣлъ 1847 года въ тогдашнихъ его границахъ, то другіе толковали, что инвентарною землею слѣдуетъ считать лишь то, что̀ „записано“ въ инвентаряхъ за крестьянами, хотя бы это совсѣмъ не соотвѣтствовало дѣйствительности, т.-е. они стремились закрѣпить лишь бумажное искаженіе инвентарнаго закона. Разномысліе—слишкомъ существенное. Кромѣ того, на исполненіе всѣхъ повѣрочныхъ дѣйствій назначался всего годовой срокъ, въ который нельзя было произвести ихъ серьезно—особенно при требовавшейся массѣ землемѣрныхъ работъ—или можно было сдѣлать такія бѣглыя повѣрки, отъ какихъ осталось бы очень мало существеннаго. Такая путаница сразу являлась неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ для исполненія закона, напоминая о старой грубоватой поговоркѣ: „законъ—что̀ дышло: куда повернешь, туда и вышло“. Не могла не внушать большихъ опасеній столь важная сторона нашей практической жизни, какъ зависимость примѣненія закона отъ разнообразныхъ и измѣнчивыхъ административныхъ вліяній, которымъ вообще суждено было играть большую роль въ судьбахъ крестьянскаго дѣла.

На этой сторонѣ дѣла нельзя не остановить особеннаго вниманія. Если съ перемѣнами различныхъ вѣтровъ крестьянскому дѣлу приходилось считаться при изданіи законовъ, то въ области примѣненія послѣднихъ—отъ взглядовъ и симпатій администраціи зависѣло такъ многое, что трудно даже рѣшить, которое изъ

Digitized by Google

двухъ вліяній на практикѣ сильнѣе: законодательное или административное? Не только въ разное время, но иногда и одновременно въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ дѣло велось различно. Въ одной и той же мѣстности, со смѣною администраторовъ, мѣнялись руководящія направленія. Въ виду того, что администраторы ставились у одного и того же дѣла, при однихъ и тѣхъ же требованіяхъ, естественно было бы ожиданіе видѣть на этихъ постахъ людей сходныхъ взглядовъ и стремленій, но въ дѣйствительности преемникъ часто оказывался почти полною противоположностью своего предшественника, и къ чему стремился одинъ—того не хотѣлъ другой. Колебанія старшихъ отражались въ дѣйствіяхъ младшихъ, большинство которыхъ руководилось соображеніями обычной служебной политики, и въ результатѣ—изъ дѣла исчезала цѣльность системы. Начнется оно въ одномъ направленіи, поведется въ другомъ, а завершится въ третьемъ,—и все это отражается на участи живыхъ людей. Въ отношеніи къ судьбамъ юго-западнаго крестьянскаго дѣла, рельефное представленіе о томъ могло бы дать одно сопоставленіе столь различавшихся между собою генералъ-губернаторовъ, какъ Бибиковъ и Анненковъ, Безакъ и кн. Дондуковъ. Видя, какъ мѣнялись направленія, нельзя было не чувствовать, что ни подъ однимъ изъ нихъ,—какъ бы авторитетно оно ни выступало,—твердой почвы нѣтъ, и завтра же можно ожидать новой перемѣны.

Объясненныя условія, въ связи съ результатами общественнаго оживленія начала шестидесятыхъ годовъ,—какъ подробнѣе изложено въ упомянутой статьѣ моей,—привели къ тому, что въ 1864 году образовалась въ ходѣ работъ по крестьянскому дѣлу края двойственность направленія. Тогда какъ изъ Петербурга шли неопредѣленныя и сбивчивыя вѣянія, а въ дѣйствіяхъ высшей кіевской администраціи, кромѣ колебаній, сказывались еще потуги обезцвѣтить работу повѣрки уставныхъ грамотъ бо́льшею поддержкою помѣщичьихъ интересовъ, чѣмъ возстановленія правъ крестьянъ и улучшенія ихъ хозяйственнаго устройства,—оживляющее начало выступило въ случайно образовавшемся благопріятномъ составѣ „временной коммиссіи“ для исполнительныхъ распоряженій по обязательному выкупу, которая хотя и состояла подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора Анненкова, не благоволившаго къ существеннымъ перемѣнамъ, однако, при своемъ участливомъ и умѣломъ отношеніи къ дѣлу, успѣла пріобрѣсти большое практическое значеніе. Характеристика личнаго состава этой коммиссіи приведена была въ IV-ой главѣ упомянутой статьи. Такъ, въ Кіевѣ представилась своего рода борьба

Digitized by Google

двухъ сторонъ, изъ которыхъ за одною была фактическая власть, а за другою—живое участіе къ дѣлу, знаніе его и большая инициатива. Подъ вліяніемъ коммиссіи, удалось ввести въ преобразованный составъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій тоже живой элементъ, который хотя численно и представлялъ собою меньшинство, но зато—внутренно-содержательное, болѣе способное и дѣятельное, заботившееся объ успѣхѣ самаго дѣла, что давало ему значительное преимущество предъ массою остальныхъ, инертныхъ или даже тянувшихъ назадъ. И коммиссія, и этотъ элементъ одинаково являлись продуктомъ упомянутаго выше общественнаго движенія. Трудно было вначалѣ предвидѣть, которая изъ двухъ сторонъ возьметъ верхъ; болѣе вѣроятнымъ казалось даже, что попытки оживленія окажутся безсильными или завершатся незначительнымъ результатомъ, но къ осени 1864 года осязательный успѣхъ былъ все-таки уже достигнутъ, въ видѣ утвержденія двухъ подготовленныхъ въ Кіевѣ законовъ: одинъ изъ нихъ окончательно призналъ, что подлежащая отводу крестьянамъ „инвентарная земля“ есть—весь фактическій надѣлъ 1847 года въ тогдашнихъ границахъ, а другой—расширилъ область пониженія выкупныхъ платежей, предоставивъ генералъ-губернатору разрѣшать его и больше прежней пятнадцати-процентной нормы, въ случаяхъ сомнѣній въ крестьянской состоятельности.

Борьба двухъ теченій вызвала тревогу заинтересованныхъ лицъ, закулисныя хлопоты и массу сплетенъ, выражавшихъ стараніе набросить на проводившееся „временною коммиссіею“ направленіе тѣнь неблагонамѣренности, вредныхъ цѣлей и т. под., т.-е. возникли попытки дѣйствовать путемъ политическаго устрашенія. Въ упомянутой статьѣ моей было разсказано, какъ эти тревоги вызвали пріѣздъ въ Кіевъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева, отъ котораго противники прочнаго крестьянскаго устройства почему-то ждали своего рода coup d'état, въ смыслѣ движенія назадъ. Но Валуевъ ограничился неопредѣленными рѣчами и намеками, лишь поставившими обѣ стороны въ большое недоумѣніе. Отсюда возникли неоправдавшіяся потомъ ожиданія, что болѣе рельефныя министерскія указанія явятся уже изъ Петербурга въ письменномъ видѣ, и это на нѣкоторое время усилило неясность положенія.

Такъ было въ началѣ осени 1864 года, когда, съ приближеніемъ сезона грязи и снѣга, затрудняющихъ всякіе земельные осмотры и межевыя работы, повѣрочныя дѣйствія сокращались

Digitized by Google

сами собою, и дѣло сводилось, главнымъ образомъ, къ процессу переписки. Тутъ оно стало на какое-то перепутье.

Тягостенъ былъ этотъ моментъ, но все-таки далеко не безнадеженъ, почему мѣстное крестьянское дѣло не теряло привлекательности для сколько-нибудь живого человѣка.

При всей темнотѣ близкаго будущаго, опасность видѣлась собственно въ отношеніи къ той или другой широтѣ развитія дѣла, но сохранялась вѣроятность сдѣлать не мало существеннаго. Живой силѣ еще оставался извѣстный просторъ. Какую ни приходилось дѣлать критическую оцѣнку этому моменту, все-же онъ выходилъ наиболѣе благопріятнымъ въ сравненіи со всѣми моментами предыдущей исторіи, когда дурныя для крестьянскаго населенія вліянія постоянно брали перевѣсъ, парализуя даже случайныя попытки къ улучшеніямъ; да и впереди на скорое наступленіе лучшаго момента разсчитывать было мудрено. Когда не угасла еще надежда на законодательныя и административныя улучшенія, то хотя трудно было идти впередъ, однако казалось возможнымъ сдерживать попятныя движенія и оберегать отъ искаженій примѣненіе началъ Положеній 19-го февраля. Если край, послѣ многихъ тяжкихъ временъ, дождался и такого момента, то, казалось, не слѣдуетъ упускать его, чтобы сдѣлать, по крайней мѣрѣ, все возможное въ интересахъ справедливаго устройства сельскаго населенія и дать ему увидѣть хоть когда-нибудь праздничный день и на своей улицѣ. Наконецъ, нельзя было забывать, что всякое возможное улучшеніе много зависитъ отъ личнаго состава работниковъ дѣла; если участливая сила устранится, то откроется широкій просторъ мертвенному или прямо вредному элементу, способному испортить весь результатъ такой опредѣляющей долгую будущность работы, какая выдвигается очень рѣдко, вѣками. Оттого живому тутъ было чему откликнуться, силы его просились въ дѣло. И вотъ, характерною чертою даннаго времени явилось то, что, въ отличіе отъ многихъ нашихъ административныхъ дѣлъ, въ области которыхъ господствуетъ служебная политика и люди стараются поддѣлаться къ болѣе могущественнымъ теченіямъ и лицамъ,— здѣсь оживленіе шло изъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ по силѣ сферъ, гдѣ отыскивались люди, елико возможно отстаивавшіе то, къ чему не благоволила въ данное время старшая мѣстная власть.

Мнѣ пришлось войти въ дѣло какъ-разъ въ этотъ смутный моментъ, далеко не имѣя полныхъ свѣдѣній о томъ, что именно происходитъ въ краѣ. Издали, въ центрѣ Россіи, на основаніи

Digitized by Google

газетныхъ извѣстій, слуховъ, частной переписки и случайныхъ разсказовъ, можно было выводить только то, что идетъ борьба направленій. Когда я получилъ формальное предложеніе ѣхать въ подольскую губернію, къ должности мирового посредника, мнѣ неясно было—съ какимъ составомъ работниковъ придется встрѣтиться и кто тамъ за что стоитъ, такъ какъ именъ я узналъ въ Москвѣ очень мало, а характеристикъ—и того меньше. Помню только, что Аксаковъ указывалъ мнѣ полезную силу въ вице-предсѣдателѣ „временной коммиссіи", Г. П. Галаганѣ. Со всѣмъ этимъ пришлось знакомиться уже на мѣстѣ. Прежде всего надо было ѣхать въ Кіевъ, а уже оттуда — въ Каменецъ-Подольскъ.

I.

Первыя административныя встрѣчи.

Въ Кіевъ я прибылъ въ концѣ сентября 1864 года, всего черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда оттуда министра Валуева, когда городъ былъ полонъ разсказами о его посѣщеніи, рѣчахъ, возбужденныхъ надеждахъ и разочарованіяхъ. При всемъ интересѣ этого матеріала, разбираться въ немъ, однако, было мудрено, такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ столько сбивчивости, что каждый могъ выводить какія угодно заключенія.

Надо было скорѣе приступать къ знакомству съ оффиціальными сферами крестьянскаго дѣла и браться за работу. Тутъ ждалъ меня новый и довольно широкій міръ. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль предстояло испытать самыя разнообразныя встрѣчи и пережить разнохарактерныя впечатлѣнія, слѣдовавшія одно за другимъ. Сперва руководящая кіевская сфера, потомъ мѣстный губернаторъ, губернское присутствіе и уѣздный мировой съѣздъ. Вездѣ различныя физіономіи. Поочередно выступили: оживляющее направленіе, узкія административныя понятія, внутренняя борьба и полная безцвѣтность. Далѣе предстояло знакомство съ самимъ крестьянскимъ населеніемъ, его устройствомъ, нуждами, общественною жизнью и выборнымъ управленіемъ. Только послѣ всего этого можно было оріентироваться среди условій, окружавшихъ состояніе крестьянскаго дѣла. Но все это яснѣе выступитъ при передачѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Надѣвъ фракъ, я отправился представиться генералъ-губернатору Анненкову, но его не засталъ; какъ разъ въ это время онъ уѣхалъ въ волынскую губернію. Зайдя въ генералъ-губерна-

Digitized by Google

торскую канцелярію, пришлось узнать, что мнѣ слѣдуетъ обратиться во временную коммиссію. Справился о вице-предсѣдателѣ ея, Галаганѣ, но и онъ оказался въ отсутствіи изъ Кіева. Въ канцеляріи мнѣ дали адресъ коммиссіи, прибавивъ, что я найду тамъ члена ея, Воронина.

Пройдя двѣ пустыя комнаты въ помѣщеніи коммиссіи, я попросилъ служителя доложить обо мнѣ. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ ко мнѣ высокій, плотный, среднихъ лѣтъ человѣкъ, который и оказался Воронинымъ. Встрѣтилъ онъ меня очень привѣтливо, и когда мы усѣлись рядомъ за какимъ-то присутственнымъ столомъ, я попросилъ его ознакомить меня съ общимъ положеніемъ дѣла и условіями предстоящей мнѣ дѣятельности. Воронинъ сжато, но довольно рельефно очертилъ это положеніе, указалъ на главные, бывшіе въ ходу вопросы, а также объяснилъ—въ чемъ состоитъ требуемая ближайшая дѣятельность мировыхъ съѣздовъ и посредниковъ и что могутъ они сдѣлать при сочувственномъ отношеніи къ дѣлу. Онъ сразу производилъ впечатлѣніе человѣка умнаго, дѣлового, знающаго и участливаго къ крестьянскимъ интересамъ.—Вы видите,—сказалъ онъ,—что при такихъ условіяхъ всякій желающій принести дѣйствительную пользу дѣлу найдетъ своему труду благодарное примѣненіе.

Сперва оба мы, не зная другъ друга, высказывались очень сдержанно, не затрогивая ни существовавшей борьбы направленій, ни какихъ-либо личныхъ характеристикъ. Но чѣмъ дальше шелъ разговоръ, наши рѣчи понемногу развязывались, и по отдѣльнымъ фразамъ мы стали понимать, что есть у насъ не мало общаго въ симпатіяхъ. Когда бесѣда уже значительно оживилась, я рѣшился коснуться вопроса о послѣдствіяхъ недавняго пріѣзда Валуева.—Кажется,—сказалъ я,—отъ этого пріѣзда ожидали нѣкотораго перелома въ направленіи крестьянскаго дѣла; можно ли сказать, насколько основательны подобныя предположенія?

Воронинъ, немного подумавъ, отвѣтилъ:

— Да ничего еще вѣрнаго сказать нельзя; откровенно говоря, мы услышали только нѣсколько фразъ, и очень вѣроятно, что ничего изъ этого не выйдетъ. Подождемъ—увидимъ.

— Значитъ, никакой реакціи еще не замѣтно?—быстро откликнулся я.

— Думаю, что никакого перелома не будетъ,—отвѣчалъ Воронинъ.

Разговоръ нашъ продолжался около часа, принимая характеръ дружелюбной бесѣды. Мой собесѣдникъ ободрялъ меня, и мнѣ ясно почувствовалось, что въ главныхъ цѣляхъ мы сходимся.

Digitized by Google

Когда бесѣда наша уже исчерпывалась, онъ сказалъ:—Можно бы освѣдомить васъ и больше, но теперь вамъ надо скорѣе отправляться на мѣсто, потому что время дорого. Жаль, что вы не могли теперь же познакомиться съ Г. П. Галаганомъ; онъ уѣхалъ въ деревню. Не задерживайтесь въ Кіевѣ, поѣзжайте въ Каменецъ, представьтесь тамъ губернатору, познакомьтесь съ членами губернскаго присутствія, принимайте участокъ и скорѣе погружайтесь въ дѣло. Не забывайте, что при вашемъ желаніи пользу вы принести можете и дѣло нуждается въ хорошихъ работникахъ.—При этомъ онъ назвалъ одного изъ членовъ губернскаго присутствія, посовѣтовавъ обратиться къ нему отъ его имени.

— Этотъ членъ присутствія,—прибавилъ Воронинъ,—объяснитъ вамъ нынѣшнее положеніе подробнѣе, и отъ него вы узнаете, съ чѣмъ и съ кѣмъ придется вамъ считаться въ дѣятельности.

Мы разстались. Первое впечатлѣніе получилось ободрительное. Этотъ часовой разговоръ съ Ворониным послужилъ началомъ нашихъ дружелюбныхъ отношеній, продолжавшихся потомъ двадцать-пять лѣтъ, до самой его смерти.

Отъ кіевской сферы слѣдовало перейти къ губернской. Пробывъ въ Кіевѣ всего дня два или три, я двинулся въ Каменецъ-Подольскъ. Видъ послѣдняго, когда я подъѣзжалъ къ нему, былъ такъ эффектенъ, что я не могу не сказать о немъ нѣсколько словъ.

Этотъ историческій городъ, извѣстія о которомъ, какъ о важномъ боевомъ пунктѣ, встрѣчаются еще въ лѣтописныхъ сказаніяхъ XII вѣка, представляется едва ли не самымъ оригинальнымъ въ Россіи. Расположенный на вершинѣ и по крутымъ склонамъ каменистаго полушара, окруженнаго текущею въ глубокой низинѣ мелкою рѣчкою Смотричемъ, которая, однако, высоко воздымается въ весеннее половодье отъ потоковъ съ Карпатскихъ предгорій,—очерченный старинными стѣнами и башнями и еще издали показывающій нѣкоторыя древнія зданія,—онъ напоминалъ объ очень давнихъ временахъ и русскаго, и польскаго, и турецкаго владычества. Вечеромъ, съ появленіемъ огней въ окнахъ домовъ, городъ напоминалъ собою полукруглую шапку, испещренную блестящими камнями. Крутой въѣздъ въ городъ по каменистой дорогѣ былъ сквозь массивную каменную башню, на которой—древняя латинская надпись съ именемъ Баторія, а съ противоположной стороны города—старинное турецкое каменное укрѣпленіе съ башнями и стѣнами, въ которыхъ сидятъ крупныя ядра—остатокъ давнихъ войнъ. Внутри—каѳедральная католическая церковь, при которой высокій минаретъ,

Digitized by Google

сохранившійся отъ временъ Магомета IV, когда турки нѣкоторое время владѣли Каменцомъ и эта церковь обращена была въ мечеть. Иные дома, построенные на крутыхъ склонахъ, съ одной стороны имѣли видъ одноэтажныхъ, а съ другой—трехъ-этажныхъ и четырехъ-этажныхъ. Пѣшеходы во многихъ мѣстахъ поднимались въ городъ и спускались внизъ по каменнымъ лѣстницамъ. Глядя на внѣшность этого города, невольно приходилось сознавать, что въ давнія времена тутъ точно былъ самый подходящій пунктъ для крѣпости, устройству которой много помогала сама природа, и что не даромъ этотъ городъ получилъ названіе Каменца. Неудивительно его значеніе въ первые вѣка русской исторіи. Зато интересная наружность окупалась недостаткомъ внутреннихъ удобствъ: улицы и проѣзды такъ узки, что мудрено разминуться двумъ встрѣчнымъ повозкамъ. Многое изъ этой старины впослѣдствіи расчищено, но тогда она еще сохранялась. Пріѣзжій же, прежде всего, чувствовалъ недостатокъ сносныхъ гостинницъ, вмѣсто которыхъ были еврейскіе „заѣзжіе дома", представлявшіе переходную ступень между постоялымъ дворомъ и настоящею гостинницею.

Помѣстившись вечеромъ въ одномъ изъ такихъ заѣзжихъ домовъ, я на другой день утромъ отправился къ губернатору, которымъ былъ всего съ небольшимъ за мѣсяцъ прибывшій въ Каменецъ артиллерійскій генералъ Сухотинъ. Въ пріемной залѣ никого не было, и я представлялся одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ доклада обо мнѣ какимъ-то чиновникомъ, въ залѣ показался военный генералъ большого роста, довольно полный и добродушнаго вида, въ форменномъ сюртукѣ и съ рукою на черной повязкѣ—слѣдомъ былой раны. Когда я назвалъ себя, онъ любезно усадилъ меня возлѣ стола, и начался между нами довольно длинный и не безхарактерный разговоръ, который я запомнилъ довольно хорошо.

Губернаторъ началъ рѣчь съ того, что теперь, слава Богу, на службу сюда пріѣзжаетъ не мало настоящихъ русскихъ людей. Давно уже надо было усилить здѣсь русскій элементъ, да вотъ только теперь спохватились. Значитъ, слѣдуетъ уже не плошать и дѣйствовать по настоящему. Надо показать, что̀ такое русскій элементъ и пусть русское дѣло дѣлается русскими руками.

— Впрочемъ,—прибавивъ губернаторъ съ улыбкой,—оговоримтесь съ самаго начала за-просто: скажите откровенно—изъ какихъ вы, чтобъ такъ уже и знать? Вѣдь иные пріѣзжіе посредники думаютъ, что значеніе ихъ какое-то неизмѣримое, что губернаторъ для нихъ ничего не значитъ. Право, есть такіе, которые

Digitized by Google

полагаютъ, что не они мнѣ, а я имъ долженъ представляться; такъ ужъ скажите прямо, не смотрите ли и вы такъ на дѣло и власти?

Я отвѣчалъ, что такихъ взглядовъ не придерживаюсь.

— Бываютъ, видите-съ, еще такіе посредники, которые воображаютъ, что имъ можно дѣлать все, что̀ вздумается, не считаясь ни съ какими правилами и указаніями; у меня, дескать, есть свои идеи, а потому самъ я себѣ руководство. Какъ вы на это посмотрите?

— Полагаю, что для руководства существуетъ законъ, съ которымъ и слѣдуетъ соображаться,—отвѣтилъ я.

— Ну, и прекрасно,—отозвался губернаторъ.—Вотъ именно такихъ понятій я и желаю. Значитъ, будемъ жить ладно, поведемъ дружно русское дѣло. Я, знаете, всегда радъ, когда сюда пріѣзжаютъ изъ коренной матушки Россіи: изъ Москвы, съ Волги, съ Оки; а вотъ чего не люблю—это когда наѣзжаютъ съ Днѣпра, съ Десны... Это совсѣмъ уже другой народъ.

— Чѣмъ же они такъ отличаются отъ другихъ? — полюбопытствовалъ я.

— Чѣмъ? Да между ними хлопоманы, украинофилы; у нихъ какія-то свои цѣли. На умѣ—гетманщина, коліевщина, Гонта!..

— Но вѣдь у насъ много преувеличиваютъ подобныя опасенія; какой же смыслъ въ настоящее время мечтать о подобныхъ вещахъ?

— Вотъ и видно, что человѣкъ вы только-что пріѣхавшій, а я ужъ приглядѣлся. Да вотъ, чтобы долго не толковать, я вамъ, по секрету, покажу такую штучку, что и вы удивитесь. У одного нашли и мнѣ представили.

Съ этими словами, губернаторъ отперъ ящикъ стола и вынулъ оттуда двѣ или три галицкія книжки.—Вотъ, поглядите, полюбуйтесь,—что̀ вы объ этомъ скажете?

— Признаться, особеннаго тутъ ничего не вижу. Книжки на галицкомъ нарѣчіи, даже по содержанію не опасныя. Человѣкъ могъ добыть ихъ просто изъ любознательности. Бываютъ у насъ иногда въ обращеніи и прямо запрещенныя заграничныя книжки, но ихъ прочитаютъ, какъ интересное,—и только.

Кто и какимъ способомъ добылъ эти книжки для представленія губернатору—точно припомнить не могу, но, кажется, губернаторъ это объяснялъ.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ. Ужъ коли завелись такія книжки, какъ эти, значитъ на умѣ: Гонта, Желѣзнякъ, уманская рѣзня, гетманская булава!.. Однако, дудки! Гетманская-то булава давно

Digitized by Google

въ Москвѣ, въ оружейной палатѣ; генералъ-губернаторъ не выдастъ,—попробуй-ка ее взять!.. Мой совѣтъ вамъ: никогда не держите у себя такихъ книжекъ. Можетъ быть, тамъ, въ срединѣ Россіи, это ничего, а здѣсь этого нельзя. Хоть бы показались интересны—и не читайте, прахъ ихъ возьми!

Разговоръ перешелъ къ дѣятельности по крестьянскому дѣлу.

— Я сейчасъ дамъ вамъ предложеніе вступить въ должность,—сказалъ губернаторъ,—вотъ только придетъ секретарь губернскаго присутствія. Теперь вашимъ участкомъ временно завѣдываетъ другой посредникъ,—такъ вы ужъ не откладывайте; дѣла наберется довольно, только успѣвай справляться. Много запущено. Надо вамъ сказать, что у насъ теперь, къ сожалѣнію, больше разговариваютъ, чѣмъ работаютъ. Все больше возбуждаютъ вопросы да вопросы, а настоящаго-то дѣла нѣтъ. Толковъ, фразъ, разсужденій — не оберешься. Между тѣмъ вотъ повѣрка уставныхъ грамотъ застоялась, выкупныхъ актовъ нѣтъ; на все это данъ срокъ, а много ли его осталось? Всего три мѣсяца, да и то не полныхъ,—что тутъ поспѣешь сдѣлать! Я ужъ и не знаю, что изъ этого выйдетъ. Министерство настаиваетъ, чтобы скорѣе кончить; Николай Николаевичъ, т.-е. генералъ-губернаторъ, тоже; внушаю и я;—однако ничего не помогаетъ и конца не видно. Тутъ бы приналечь, исполнять что требуется—да нѣтъ: все вопросы и вопросы, разговоры, болтовня, переписка, входящіе да исходящіе... И на бѣду все это находитъ еще поощреніе. Вотъ, и изворачивайся, какъ знаешь!

— Откуда же идетъ это поощреніе? — спросилъ я, догадываясь, куда мѣтитъ мой собесѣдникъ.

— Что жъ, нечего грѣха таить, шила въ мѣшкѣ не спрячешь; вотъ кіевская временная коммиссія то-и-дѣло раздуваетъ вопросы и конца имъ нѣтъ: и законовъ-то у насъ мало—нужно, видите, еще подбавить,—и мужику трудно платить, и надъ выкупными актами мудрить надо, и такъ далѣе. Издала инструкцію съ междустрочными намеками, и это только будоражитъ головы. А глядя на коммиссію, посредники и предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ и себѣ туда же... Вонъ откуда вѣтеръ идетъ. Просто такое развели, что и Николай Николаевичъ жалуется, а справиться, унять—не можетъ.

Губернаторъ замѣтно разошелся, впавъ въ негодующій тонъ, и тутъ оставалось прималчивать и внимательно слушать.

— Для мужика уже довольно сдѣлано,—продолжалъ онъ.—Освободили, дали обязательный выкупъ,—теперь онъ собственникъ своей земли,—скинули 20 процентовъ повинности—все это пре-

Digitized by Google

красно, все это я понимаю; конечно, надо было защитить его отъ пановъ,—но чего-жъ еще больше? Нѣтъ, видите, надо еще чего-то, нужно его совсѣмъ избаловать, отъучить отъ порядка—вотъ и пошли вопросы да разсужденія, такъ что голова кругомъ идетъ. А изъ-за всего этого не только выкупныхъ актовъ нѣтъ, да еще неповиновеніе заводится. Вамъ, конечно, уже извѣстно, что теперь крестьяне переведены на выкупные платежи, которые должны вноситься въ казначейство. Понятно, тутъ требуется акуратность, чтобы какъ пришелъ срокъ—все было готово; я самъ за этимъ внимательно слѣжу, а между тѣмъ то-и-дѣло—недоимки. Нажму полицію, а она оправдывается: мужики платить не хотятъ, и тутъ—поблажка отъ мировыхъ посредниковъ. Спрашиваю посредниковъ — тѣ печалуются: тяжело, молъ, платить, не привыкли, всякіе тамъ неурожаи, градобитія и т. д. Я говорю, конечно, не про всѣхъ,—есть и исправные посредники, которые полицію поддерживаютъ,—однако, хлопотъ съ этимъ много.

— Не происходятъ ли затрудненія отъ новизны денежной повинности, на которую вездѣ разомъ перешли съ издѣльной, или отъ высоты самихъ платежей?—рѣшился я вставить.

— Нѣтъ, батюшка, и не задавайтесь такими мыслями. Просто,—неохота платить. Я вѣдь самъ изъ тульскихъ помѣщиковъ, и мужика хорошо знаю. Безъ толчка, безъ острастки исправенъ не будетъ, а на снисхожденіи и баловствѣ недалеко уѣдешь. У нашего мужика съ дѣдовъ такой обычай: скопилъ деньжонокъ—и въ кубышку, да подъ полъ гдѣ-нибудь и зароетъ. Есть тамъ и рубли, и золотые. А придетъ срокъ платить — плачется на всякія бѣды. Обращаю ваше вниманіе на то, что теперь главная заслуга посредниковъ — взысканіе выкупныхъ платежей въ срокъ и согласное дѣйствованіе въ этомъ съ полиціею. Нечего слушать, какъ мужики заговариваютъ зубы, потому что здѣсь простое упрямство. Они думаютъ, что стоитъ имъ не захотѣть платить, такъ это такъ и будетъ. Значитъ, они пропьютъ, а мы считайся съ недоимками? Нѣтъ, такъ нельзя. Вотъ ваше дѣло — переломить ихъ, пріучить къ платежу въ срокъ безъ отговорокъ. Они напрячутъ въ кубышки, да позарываютъ ихъ, и воображаютъ, что мы ихъ оттуда не достанемъ,—покажите же имъ, что это невѣрно. Они упрямятся, а вы ихъ переупрямьте,—пускай распечатываютъ дѣдовскія кубышки!—Въ рѣчи этой сквозила большая увѣренность въ правильномъ представленіи дѣла.

— Возьмите во вниманіе мое положеніе,—прибавилъ еще губернаторъ, нѣкоторое время помолчавъ. — Вотъ наступитъ 1-ое января срокъ выкупнымъ платежамъ. Ну, полагается еще пят-

Digitized by Google

надцать дней обожданія—а 16-го числа, значитъ, гдѣ окажутся недоимки, мнѣ надо идти туда со штыками? Что-жъ, и пойду, если доведутъ до этого.

Пришелъ секретарь, и губернаторъ приказалъ ему, не медля, приготовить предложеніе мнѣ вступить въ должность, прибавивъ, что бумага эта сегодня же будетъ ко мнѣ прислана. Мнѣ оставалось откланяться. Уходя съ этой первой губернаторской аудіенціи, я выносилъ сочетаніе впечатлѣній: русское дѣло, русскій элементъ, и на практикѣ—полиція и выкупные платежи, безъ всякаго выдумыванія вопросовъ.

Далѣе слѣдовало знакомство съ членами губернскаго присутствія. Кромѣ губернскихъ чиновъ, носившихъ это званіе по другимъ должностямъ (губернскій предводитель, губернскій прокуроръ и предсѣдатели палатъ: казенной и государственныхъ имуществъ), ихъ было четыре спеціальныхъ, занятыхъ исключительно крестьянскимъ дѣломъ, которые потому и представляли для меня больше интереса. Сверхъ того былъ еще членъ отъ министерства финансовъ, назначавшійся собственно въ виду развитія выкупной операціи.

Заѣхавъ къ одному изъ спеціальныхъ членовъ, я встрѣтилъ у него и другого, такъ что тутъ разомъ пришлось познакомиться съ двумя. Одинъ былъ небольшого роста, горбатый, пожилой человѣкъ, Канищевъ, когда-то бывшій въ военной службѣ и потомъ не мало послужившій въ гражданскомъ вѣдомствѣ; а другой — сѣдой отставной гусаръ, смоленскій помѣщикъ Пассекъ, братъ извѣстнаго нѣкогда въ литературномъ мірѣ Вадима Пассека. Третій членъ, съ которымъ я встрѣтился уже потомъ, былъ очень еще молодой кіевскій помѣщикъ, недавно сошедшій съ университетской скамьи, Гудимъ-Левковичъ. Судя по внѣшности, слѣдовало ожидать наиболѣе живого участія къ крестьянскому дѣлу отъ этого послѣдняго, а гораздо меньше отъ старика Пассека,—однако на дѣлѣ оказалось какъ разъ обратное. Гудимъ-Левковичъ выступалъ мѣстнымъ аристократикомъ и дѣйствовалъ двойственно, примыкая осторожно то къ одному, то къ другому направленію или ища средняго, и не упуская при томъ изъ виду карьерныхъ соображеній, хотя, несмотря на всю политиву, карьера ему все-таки не удалась и онъ потомъ умеръ, не успѣвъ замѣтно выдвинуться. Напротивъ, помѣщикъ стараго времени, служившій еще въ первую николаевскую турецкую войну, Пассекъ, почти не выходившій изъ своего коричневаго съ золотыми снурками гусарскаго сюртука, былъ самымъ горячимъ защитникомъ крестьянскихъ интересовъ. Не могъ онъ уже, по старости, много

Digitized by Google

трудиться надъ бумагами, но его сужденія и оффиціально заявляемыя мнѣнія всегда были на сторонѣ свѣжаго направленія, которое—въ случаяхъ борьбы—онъ отстаивалъ неуклонно. Таково ужъ было время, что иные старики проникались новыми стремленіями, тогда какъ находилось еще не мало молодыхъ людей, которые, играя роль какихъ-то россійскихъ легитимистовъ, то придерживались двусмысленности, то тянули даже назадъ. Канищевъ представлялъ собою необыкновенно выносливую рабочую силу. Горячо, даже запальчиво отстаивая интересы крестьянскаго дѣла и присоединяясь къ направленію временной коммиссіи, а также будучи хорошимъ знатокомъ „Крестьянскихъ Положеній“ и тогдашнихъ нашихъ гражданскихъ порядковъ, онъ по уши втянулся въ дѣло, работалъ въ губернскомъ присутствіи и дома, днемъ и далеко за полночь, такъ что въ обществѣ его почти совсѣмъ не было видно. Крупнымъ недостаткомъ его было, однако, неумѣренное самолюбіе, казавшееся въ немъ иногда даже преобладающимъ мотивомъ, который впослѣдствіи и сбилъ его съ принятаго пути; изъ-за личныхъ несогласій съ товарищами уже въ болѣе благопріятное время, онъ до того увлекся полемическимъ задоромъ, что запутался въ непослѣдовательностяхъ, сталъ въ ложное положеніе и, спустя слишкомъ два года отъ описываемаго здѣсь времени, бросилъ свое мѣсто, найдя какую-то неказистую службу въ Петербургѣ. О четвертомъ членѣ присутствія не упоминаю по совершенной его незначительности, да онъ и исчезъ очень скоро изъ губерніи.

При такомъ составѣ руководителей дѣла въ губерніи, дѣятельность губернскаго присутствія не могла отличаться цѣльностью. Губернаторъ съ членами по другимъ должностямъ составляли постоянное большинство, а Пассекъ и Канищевъ представляли оппозицію. Тамъ была склонность къ старымъ традиціямъ и погребенію „вопросовъ“, а здѣсь отстаивались дѣйствительные интересы дѣла. Иногда борьба между сторонами обострялась сильно. Нѣкоторые же члены виляли между обѣими сторонами, высматривая—что возьметъ верхъ.

Съ первыхъ же дней, послѣ многихъ разговоровъ о дѣлѣ, я близко сошелся съ Канищевымъ и Пассекомъ, такъ что изъ насъ составился маленькій единомышленный кружокъ. Мы видѣлись чуть не каждый день, собираясь у кого-нибудь изъ насъ, и совѣщались почти по каждому серьезному вопросу, участвуя иногда вмѣстѣ въ составленіи разныхъ мнѣній, записокъ и докладовъ. Благодаря этому, я могъ быть въ курсѣ губернскихъ вопросовъ, зналъ, что происходитъ въ губернскомъ присутствіи;

Digitized by Google

а такъ какъ Пассекъ и Канищевъ состояли въ перепискѣ съ членами временной коммиссіи, то могъ слѣдить и за ходомъ кіевскихъ вѣяній. Пріѣзжавшіе въ губернскій городъ представители другихъ мировыхъ съѣздовъ тоже навѣдывались въ нашъ кругъ, что̀ помогало разбираться и въ отношеніи къ общему личному составу мѣстныхъ работниковъ крестьянскаго дѣла.

Оставалось познакомиться съ тѣмъ мировымъ съѣздомъ, въ который попалъ я самъ, что̀ мнѣ пришлось сдѣлать въ нѣсколько слѣдующихъ дней. Предсѣдателя и нѣкоторыхъ посредниковъ я нашелъ въ городѣ, а остальныхъ встрѣтилъ въ засѣданіяхъ, происходившихъ въ это время учащенно, по поводу повѣрки уставныхъ грамотъ. Но тутъ впечатлѣніе получилось уже совсѣмъ неважное, такъ какъ этотъ съѣздъ принадлежалъ къ двумъ-тремъ наиболѣе неудачнымъ въ губерніи. Предсѣдатель—мѣстный русскій помѣщикъ Софроновичъ, служившій прежде по учебному вѣдомству, былъ прекраснѣйшій человѣкъ и съ хорошими симпатіями, но невозможно мягкаго, уступчиваго характера, лишавшаго его необходимой для руководствованія дѣломъ самостоятельности. Обязанности свои онъ исполнялъ съ ординарною заботливостью, но пассивно, всего болѣе дорожа покоемъ и миромъ; а когда ему случалось попадать въ сферу борьбы—онъ умолкалъ, вздыхая, и позволялъ себѣ развѣ потомъ сѣтовать на чужую настойчивость или несговорчивость. Для представителей служебнаго міра у него находились мягкіе резоны; а когда, бывало, пристанетъ къ нему съ претензіями помѣщикъ, —онъ старался успокоивать его тѣмъ, что на все происходящее—воля Божія, которой слѣдуетъ покоряться. Мировыхъ участковъ въ уѣздѣ было шесть, но, при всей значительности состава управлявшихъ ими посредниковъ, подборъ послѣднихъ словно нарочно былъ сдѣланъ для обезличенія физіономіи съѣзда. Старался вникать въ дѣло и работать одинъ молодой офицеръ, но остальные были уже совсѣмъ плохи. Одинъ—скоро ушедшій на другую службу — чиновникъ съ иностранною фамиліею—всего больше интересовался тѣмъ, куда дуетъ вѣтеръ; затѣмъ два пожилыхъ майора, изъ которыхъ одинъ—прямой, честный и симпатичный, а другой, служившій прежде, кажется, въ провіантскомъ штатѣ и получившій посредничью должность по чьей-то протекціи, не безъ удовольствія иногда вспоминалъ о былыхъ теплыхъ служебныхъ мѣстахъ; и оба отличались крайнею слабостью въ знаніи Положеній и вообще по бумажной части, отчего въ ихъ участкахъ много значили письмоводители. Наконецъ, былъ еще украшенный боевымъ отличіемъ, за севастопольскую войну, отставной

Digitized by Google

офицеръ, который соединялъ съ этимъ наружнымъ признакомъ храбрости большое двуличіе, грозно командовалъ крестьянами и подлаживался къ болѣе значительнымъ помѣщикамъ; объ его управленіи участкомъ ходили довольно неблагопріятные слухи. Остальной участокъ достался мнѣ.

Подвергался потомъ этотъ составъ и перемѣнамъ, но тоже неудачнымъ. Попалъ въ него знакомый губернатору старикъ-учитель древняго типа, постоянно нюхавшій табакъ и уже ровно ничего не смысливший въ дѣлѣ, а также совершенно обезличенный продолжительною канцелярскою службою губернскій чиновникъ, всего боявшійся,—словомъ, этому съѣзду совсѣмъ не везло. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ для него была и близость къ губернскому городу, такъ какъ она давала больше поводовъ къ назначеніямъ по протекціи. Большинство крѣпко держалось за „мѣста“ съ хорошимъ по тогдашнему окладомъ, и этимъ ограничивались его заботы. Знаніе дѣла и бумажная часть ему не давались, и въ сколько-нибудь серьезныхъ случаяхъ люди терялись или путали. Иниціативы, самостоятельности мнѣній ждать было нечего,—люди пригодны были только къ исполнительности въ отношеніи къ прямымъ предложеніямъ и точнымъ указаніямъ.

Среди такого состава трудно было чувствовать себя хорошо, и не безъ досады приходилось сравнивать его съ лучшими съѣздами. Учиться было не у кого, когда каждый самъ нуждался въ указаніяхъ; напротивъ, скоро товарищи стали обращаться за совѣтами ко мнѣ—самому новому человѣку. Случалось, что, при разсмотрѣніи какого-нибудь дѣла на съѣздѣ, я высказывалъ мнѣніе и тутъ же писалъ резолюцію, ссылаясь на тотъ или другой законъ, а маіоръ, послѣ какого-нибудь разсужденія, заявлялъ, что совсѣмъ не согласенъ съ этимъ, но тутъ же бралъ изъ моихъ рукъ перо и подписывалъ резолюцію, такъ что рѣшеніе выходило единогласнымъ. Глядя на этотъ составъ, невольно приходилось вспоминать тѣ подозрѣнія въ разныхъ неблагонадежностяхъ, которыя иногда обращались на составъ крестьянскихъ учрежденій сверху и порою слышались отъ мѣстныхъ помѣщиковъ: ужъ не этотъ-ли маіоръ—коммунистъ и не этотъ-ли виляющій чиновникъ мечтаетъ о возбужденіи народныхъ волненій, симпатизируя коліевщинѣ?!..

Сойтись можно было только съ добродѣтельнымъ предсѣдателемъ и упомянутымъ выше молодымъ офицеромъ, почему мы втроемъ большею частью и составляли ядро съѣзда, тогда какъ прочіе держались врозь, каждый особо.

Такова была совокупность впечатлѣній, полученныхъ при

Digitized by Google

первомъ соприкосновеніи съ различными инстанціями, завѣдывавшими крестьянскимъ дѣломъ. Но это былъ собственно административный міръ, за которымъ долженъ былъ выступить самъ мировой участокъ или „ввѣренное мнѣ населеніе“ съ его устройствомъ, общественнымъ управленіемъ и бытовыми чертами. О необходимости скорѣе войти въ эту сферу, кромѣ ея интереса и собственнаго сознанія обязанности, съ самаго начала явились и внѣшнія напоминанія. Вмѣстѣ съ нагруднымъ „знакомъ“ мирового посредника и штемпелемъ для клейменія межевыхъ столбовъ, я принялъ большую кучу дѣлъ и неразрѣшенныхъ бумагъ, послѣ чего еще посыпались съ разныхъ сторонъ пакеты: отъ губернатора, губернскаго присутствія, губернскаго управленія, казенной палаты, полиціи и т. д. Просили свѣдѣній, распоряженій, сообщали разныя правила, препровождали для разслѣдованій крестьянскія и помѣщичьи жалобы и т. п. Надо было, хотя наскоро разобравшись въ этомъ матеріалѣ, объѣхать волости, чтобы сдѣлать кое-что изъ требуемаго, кое-чѣмъ распорядиться, давать отвѣты на просьбы и указанія крестьянскимъ властямъ. Тутъ ждали меня опять новыя впечатлѣнія.

II.

Крестьянское управленіе.

Нѣкоторые волостные старшины съ писарями успѣли уже навѣдаться ко мнѣ на третій или четвертый день послѣ моего прибытія въ городъ, прежде чѣмъ я могъ показаться въ участкѣ. И эти первые представители крестьянскаго выборнаго управленія производили довольно мизерное впечатлѣніе, особенно въ сравненіи съ знакомыми мнѣ типами великорусскихъ старшинъ. Въ нихъ замѣтна была большая робость, словно забитость. Они низко кланялись и очень несмѣло докладывали о дѣлахъ своихъ волостей, почти не рѣшаясь высказывать собственныхъ мнѣній. Сначала я подумалъ, что первые мои знакомцы представляютъ исключенія, но, объѣхавъ потомъ всѣ шесть волостей участка, долженъ былъ придти къ заключенію, что если это не безусловно общій, то преобладающій типъ.

Куда не похожи были Ѳедоръ Федчишинъ и Павло Григорчукъ на какого-нибудь великорусскаго Ѳедора Иванова въ синей поддёвкѣ, бойкаго, развязнаго, рѣчистаго, вѣчно смотрящаго вверхъ, сознающаго и дающаго чувствовать силу своей власти,

Digitized by Google

которую надо было скорѣе сдерживать, чѣмъ поощрять! Здѣсь, напротивъ, приходилось напоминать старшинѣ, что онъ долженъ лучше понимать свой авторитетъ и больше пользоваться данною ему властью. Жалко было и получавшееся старшинами отъ обществъ вознагражденіе за службу, показывавшее, что не высоко ставили свое начальство и крестьянскіе сходы. Иные старшины получали рублей пятьдесятъ въ годъ, другіе—сорокъ, а одинъ даже—всего тридцать, такъ что жалованье за безпокойную и отвѣтственную службу составляло для нихъ очень небольшое подспорье къ средствамъ, получаемымъ отъ собственнаго крестьянскаго хозяйства, тогда какъ великорусскій Ѳедоръ Ивановъ получалъ иногда нѣсколько сотенъ рублей. Невысоко они стояли даже надъ волостными писарями—людьми наемными, но всегда старавшимися придавать большое значеніе своей грамотности, которая при тогдашнихъ условіяхъ, дѣйствительно, составляла немалую силу среди темной массы. Писаря были самый смѣшанный народъ. Между ними оказалось два отставныхъ коллежскихъ секретаря, споткнувшихся на прежнемъ служебномъ поприщѣ и, послѣ неуспѣшныхъ попытокъ поправить свою карьеру, примирившихся съ необходимостью пріютиться въ крестьянскомъ управленіи; дальше были—неудавшійся семинаристъ, заурядный грамотѣй неопредѣленнаго званія, а остальные—просто проходимцы. Жалованья писаря получали больше старшинъ, отъ шестидесяти до ста-двадцати рублей,—что̀ было и естественно при отсутствіи у нихъ своего хозяйства, — но плохо было то, что они тоже относились къ старшинамъ какъ-то свысока, представляя изъ себя своего рода чиновниковъ и не желая уразумѣть, что настоящее-то начальство—старшина, мужикъ въ свиткѣ, а они—только исполнители его приказаній. Иного писаря старшина называлъ даже „паномъ“. Настрочитъ писарь бумагу и прямо требуетъ отъ безграмотнаго старшины его „печатки“, чтобъ накоптить ее надъ свѣчою и приложить къ бумагѣ въ качествѣ его подписи. Надо было внушать старшинѣ, что прежде дачи этой печатки онъ долженъ выслушать бумагу и добиваться объясненія ея смысла, а писарю—что онъ не долженъ выходить изъ предѣловъ того, чего желаетъ или на что согласенъ старшина.

Сельскіе старосты кланялись еще ниже, въ поясъ, и проявляли еще больше робости, а получали они рублей двадцать въ годъ. Между крестьянами старосту трудно было даже отличить, и только когда онъ, за двѣ-три минуты до своего служебнаго представленія, добудетъ гдѣ-то запрятанную свою медальку и нацѣпитъ ее себѣ на грудь, становилось замѣтно, что это вы-

Digitized by Google

ступаетъ крестьянское начальство. Грамотныхъ между должностными крестьянами не было ни одного. Вообще, очень было замѣтно, что при самомъ первоначальномъ установленіи крестьянскихъ властей — ихъ принизили, поставивъ въ роль какихъ-то безотвѣтныхъ приказчиковъ и вовсе не думая о поддержаніи того значенія выборной власти, какое предполагали для нея Положенія. Такъ относились къ нимъ и верхнія власти, и помѣщики, и самый замухрышный чиновникъ. Много требовалось усилій, чтобы ослабить вліяніе этой закваски.

Большою убогостью вида отличались и помѣщенія волостныхъ правленій. Нѣкоторыя устроены были въ тѣсныхъ домишкахъ, гдѣ по одну сторону сѣней—„канцелярія“, а по другую ютится писарское семейство; другія же—въ нанятой избушкѣ, гдѣ смѣшивалось то и другое, такъ что, разговаривая со старшиною и писаремъ о дѣлахъ или разсматривая бумаги, приходилось видѣть, какъ тутъ же по хозяйственнымъ надобностямъ шмыгаютъ писарша и дѣти; а одно волостное правленіе прямо напоминало какую-то запустѣлую корчму, внутри которой пустырь съ запыленными стѣнами и среди него столъ съ двумя-тремя жалкими стульями и ломанымъ шкафомъ для дѣлъ.

Необходимость поднятія значенія общественной власти, какъ въ отношеніи къ другимъ окружающимъ крестьянское управленіе должностнымъ лицамъ, такъ и въ глазахъ самихъ крестьянъ, была очевидна въ самомъ началѣ знакомства съ ними. Безъ того прочіе чиновники и даже субъ-чиновники, въ родѣ письмоводителей становыхъ и разсыльныхъ, задавятъ крестьянское управленіе произвольными требованіями. Надо было показать, что крестьянскія учрежденія — не что-либо такое, къ чему можно относиться совершенно пренебрежительно, но что тутъ требуется соблюденіе полной законности. Да если и сами крестьяне будутъ относиться къ выбраннымъ ими людямъ какъ къ чему-то неважному, то эти люди станутъ безсильны къ поддержанію необходимаго порядка и отъ нихъ нельзя будетъ требовать того, что требуется. Однако, для достиженія подобнаго подъема, при зародившихся традиціяхъ, нужна была продолжительная заботливость. Сами выборные часто жаловались, что ихъ не слушаютъ. Къ власти они были малопривычны. Припоминаю характерную бесѣду со старикомъ старшиною Ѳедоромъ Федчишинымъ. Онъ горько жаловался на непочтеніе нѣкоторыхъ бахвальствовавшихъ крестьянъ, особенно молодыхъ парней. „Що мини волость, хиба я не бачивъ волости“ (что мнѣ волость, развѣ я не видѣлъ волости?)—толковали они, по словамъ старшины:—„не боюсь я

Digitized by Google

волости!" „А вотъ, еслибъ его, когда онъ провинится,—добавлялъ старшина,—посадить подъ арестъ, а если больше виноватъ, то дать ему съ пять розогъ, то онъ заговорилъ бы иначе: „Охъ, знаю я, что̀ такое волость! Туда напрасно не сходишь,—тамъ накажутъ!" Пришлось ему объяснять принадлежащія ему права по взысканіямъ, т.-е., что онъ можетъ собственною властью наказать виновнаго рублевымъ штрафомъ, или двухдневнымъ арестомъ, или назначить его на двухдневную общественную работу, а въ болѣе важныхъ случаяхъ—предать волостному суду; но Федчишинъ только сомнительно разводилъ руками, обнаруживая, что не пріученъ къ пользованію властью. Въ другомъ случаѣ, тотъ же старшина жаловался, что „громада" (міръ) не цѣнитъ его трудовъ, даетъ ему всего тридцать рублей въ годъ, меньше, чѣмъ получаютъ всѣ другіе старшины; онъ, дескать, вполнѣ доволенъ былъ бы десятирублевою прибавкою, а безъ нея чувствуетъ себя обиженнымъ. На это я объяснилъ ему, что съ такою просьбою онъ долженъ обратиться къ волостному сходу, такъ какъ только отъ схода зависитъ назначеніе жалованья должностнымъ лицамъ. Но такъ какъ старшина продолжалъ жаловаться, увѣряя, что громада очень скупа, то я обѣщалъ ему помочь, сказавъ, что самъ попробую уговорить громаду. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени я заговорилъ на сходѣ о прибавкѣ, но услышалъ въ отвѣтъ, что хотя громада очень довольна своимъ старшиною, видитъ и цѣнитъ его службу, и ей даже совѣстно давать ему такъ мало,—однако, при всемъ томъ, прибавка для громады будетъ тяжела. Чтобъ пристыдить сходъ, я пригрозилъ, что если онъ не назначитъ прибавки, то я, видя службу старика, назначу ему ее отъ себя,—но на это только послѣдовалъ общій поклонъ съ выраженіемъ благодарности за такое участіе къ нуждамъ волости. Такъ мірской бюджетъ остался безъ добавочнаго обремененія, а мнѣ осталось исполнить свою угрозу, въ видѣ ежемѣсячной рублевой выдачи старику.

Не мало встрѣчалось и другихъ примѣровъ слабости авторитета крестьянскихъ властей, но распространяться о нихъ, конечно, не буду. Впечатлѣніе оставалось одно: не ростетъ такъ власть на малорусской почвѣ, какъ выростаетъ она на великорусской.

Помня бесѣду съ губернаторомъ, нельзя было не обратить особеннаго вниманія на состояніе платежнаго дѣла. Эта бесѣда подготовляла къ ожиданію встрѣтить большія недоимки и крестьянское упорство въ неплатежѣ, изъ-за котораго выступали перспективы разныхъ репрессій и способовъ доискиванія интересныхъ

Digitized by Google

„кубышекъ". Запущеніе недоимокъ вообще представлялось опаснымъ, потому что одни снисхожденія, сами по себѣ, ничего не разрѣшаютъ по существу, но грозятъ крестьянамъ, рано или поздно, очень непріятными послѣдствіями. Однако, какъ только я завелъ объ этомъ рѣчь въ первой волости, старшина доложилъ, что и подати, и „чинши" (такъ крестьяне называли выкупные платежи) всѣ, слава Богу, собраны и отвезены въ казначейство, хоть оно „и тяжко було сбирать". Требую для провѣрки квитанціи, и все это вполнѣ подтверждается: недоимки нѣтъ ни копѣйки. Въ другой, третьей волости—то же самое. Откуда же взялись эти сказанія о крестьянскомъ упорствѣ? Только въ одной волости оказалась недоимка рублей въ триста съ небольшимъ, составлявшая едва-ли четвертую часть текущаго платежа, но и она имѣла особое происхожденіе. Лѣтомъ въ этой волости было сильнѣйшее градобитіе, опустошившее и хлѣбныя поля, и огороды, и сады, гдѣ они были. Объ этомъ еще мой предмѣстникъ своевременно довелъ до свѣдѣнія губернскаго начальства, съ просьбою отсрочить или разсрочить платежъ, но результата не послѣдовало никакого, кромѣ предложенія взыскать. Мужики позажиточнѣе напряглись и уплатили, а бѣднота оказалась не въ силахъ и образовала недоимку. Требую старосту ближайшаго недоимочнаго селенія и напоминаю ему, что онъ долженъ принять всѣ мѣры къ побужденію неисправныхъ плательщиковъ, а онъ только руками разводитъ:

— Охъ, да и тяжко жъ взыскувыты! Ей Богу, у насъ есть таки, що имъ и пообѣдати не ма чимъ, не то, що платити; градъ такій бувъ, що Боже борони! У кого було що продать—попродали, а теперь и взять нечего.

Вырвавшійся возгласъ этотъ дышалъ правдивостью, да и обстоятельствами подтверждался. Встрѣчаю потомъ станового пристава и заходитъ у насъ рѣчь о платежахъ. Дошло до этой самой волости, и я вспоминаю о градобитіи и созданныхъ имъ затрудненіяхъ.

— А вы и вѣрите?—говоритъ становой.—Да мужики всегда жалуются; а что деньги у нихъ есть для платежа, такъ вотъ вамъ примѣръ. Прошлый срокъ недоимка была по той же самой волости, и меня командировали для взысканія; я и прибылъ съ казаками. Жаловались мужики и мнѣ; а какъ только мы пригрозили, такъ черезъ два часа принесли мнѣ всѣ деньги до копѣйки. Значитъ, были же онѣ у нихъ, только отдавать не хотѣли.

Такое сообщеніе не могло не заинтересовать меня, и я принялся потомъ за разслѣдованіе: все оказалось совершенно вѣрно.

Digitized by Google

И недоимка была, и становой съ казаками пріѣзжалъ, и деньги были сейчасъ представлены крестьянами полностью. Оставалась незамѣченною только подкладка. Какъ подошелъ жуткій моментъ —мужики къ мѣстному еврею. Тотъ вынулъ свои деньги, сколько было нужно, а мужики „позакладались“, т.-е. сбыли за безцѣнокъ, что̀ было можно, и обязались разными работами на будущее время,—разумѣется, по соотвѣтствующимъ подобному положенію цѣнамъ. А когда подошелъ новый срокъ платежа, тутъ и „закладаться“ было не съ чѣмъ.

Писалъ я опять губернатору, ходатайствовалъ объ отсрочкѣ, указывалъ на необходимость дать пострадавшимъ оправиться и предотвратить разореніе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, подорвется платежная исправность въ будущемъ, и недоимки выростутъ гораздо больше; разсматривалось это и въ губернскомъ присутствіи, но въ результатѣ я получилъ отказъ со ссылкою на тогдашній законъ, по которому вопросъ—не произошла ли недоимка отъ какихъ-либо несчастныхъ случаевъ и не слѣдуетъ ли оказать недоимщикамъ льготы и облегченія—подлежитъ обсужденію лишь послѣ безуспѣшнаго принятія всѣхъ мѣръ взысканія, включительно съ продажею имущества. То-есть, надлежало прежде разорить населеніе, а уже послѣ того поправлять послѣдствія разоренія. Впрочемъ, послѣ настойчивыхъ ходатайствъ и разныхъ личныхъ объясненій, тутъ все-таки дѣло обошлось безъ репрессивныхъ мѣръ. Сравнительно небольшая недоимка протянулась нѣкоторое время, до лучшаго урожая и результатовъ повѣрки уставныхъ грамотъ, послѣ чего она сгладилась сама собою.

При разговорахъ о платежахъ, наслушался я и о способахъ, практиковавшихся при взысканіи съ неисправныхъ крестьянъ. При безуспѣшности простыхъ понуканій, примѣнялся такъ называемый „грабёжъ“: у мужика забиралось какое-нибудь имущество, тулупъ, свитка или иная одежда, причемъ эти вещи иногда закладывались въ кабакѣ; полученныя при залогѣ деньги поступали въ уплату повинности, а владѣльцу вещей предоставлялось выкупать ихъ впослѣдствіи. Немного же раньше практиковались и другіе, болѣе суровые способы взысканія.

— Наши мужики недоимки боятся,—разсказывалъ наиболѣе распорядительный старшина, Антонъ Бабійчукъ;—они еще помнятъ „закупціи“.—Что же это за экзекуціи?—Такъ бывало еще „за панивъ“ (при крѣпостномъ правѣ), да, можетъ, и немного позже.

Изъ подробныхъ объясненій эти способы оказались въ слѣ-

Digitized by Google

дующемъ видѣ: пришлютъ въ хату къ неисправному мужику понукателя,—тотъ и творитъ ему всякія пакости: опрокидываетъ въ печи горшки съ пищею, бьетъ стекла, портитъ вещи, рѣжетъ куръ и т. д.; а когда все это ужъ слишкомъ надоѣстъ хозяину, онъ и отдастъ, что̀ можетъ. Но самая дѣйствительная „закуція", по словамъ того же старшины, бывала „закуція по̀ пиломъ", т.-е. золою. Изобрѣтательность тутъ выражалась въ слѣдующемъ: являются въ хату понукатели, выгребаютъ изъ печи на полъ золу, натаскиваютъ ее еще изъ другихъ мѣстъ и потомъ взбиваютъ собранную кучу прутьями и кнутьями такъ, что вся внутренность хаты наполняется ѣдкою пылью отъ пепла; тогда хозяина съ его семействомъ запираютъ внутрь хаты и сторожатъ, чтобы никто изъ нея не могъ выйти. Этой „закуціи" не выдерживалъ самый упрямый неплательщикъ: отдастъ все, что̀ у него есть. Да, тутъ, пожалуй, не удержалась бы никакая кубышка, еслибы она взаправду существовала у какого-нибудь завзятого копителя!

Одинъ помѣщикъ, въ разговорѣ о взысканіи выкупныхъ платежей, передавалъ мнѣ такія свои замѣчанія: когда взносили ихъ въ первый срокъ, видно было, что мужикъ продавалъ овцу, теленка, а теперь онъ уже продаетъ кожухъ (тулупъ), свитку или запасную шапку. Что̀ же будетъ дальше? Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ начала складываться особая форма продажи труда. Владѣлецъ давалъ мужику пятнадцать рублей, и тотъ обязывался за это работать круглый годъ по два дня въ недѣлю. Такимъ образомъ, здѣсь воскрешалась та самая пѣшая барщина, отъ которой населеніе было освобождено всего три года назадъ. Прежде мужикъ отбывалъ эту барщину за свой пѣшій земельный надѣлъ, а теперь, получивъ этотъ надѣлъ уже въ собственность, онъ, для оплаты его предъ казначействомъ, пріобрѣталъ средства цѣною той же барщины. И замѣтно было, что подобныя условія распространялись именно въ наиболѣе стѣсненныхъ селеніяхъ, гдѣ надѣлъ приближался къ минимальному размѣру, составляя десятины три съ небольшимъ на семейство, или при другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Гдѣ и когда земельныя и платежныя условія были лучше, тамъ этой формы продажи труда не замѣчалось.

Встрѣчаясь съ такими явленіями, нельзя было не задумываться надъ тѣмъ, какъ легко составлялись сверху представленія о мужикѣ и его отношеніи къ платежамъ. Ужъ не владѣетъ ли мужикъ особымъ талисманомъ, при помощи котораго онъ изъ трехъ десятинъ и подати заплатитъ, и высокіе выкупные пла-

Digitized by Google

тежи два раза въ годъ внесетъ, и самъ съ семьею досыта прокормится, и постоянно пьянъ будетъ, и въ кубышку все-таки отложитъ? Вѣдь думаютъ же люди, что въ платежномъ дѣлѣ вся штука въ томъ, чтобы добраться до этой кубышки и откупорить ее.

Въ одно изъ волостныхъ правленій я пріѣхалъ поздно ночью, усталый, и сейчасъ же улегся спать, примостившись у стѣнки, на деревянной скамьѣ. Разбудилъ меня рано утромъ громкій гулъ отъ множества голосовъ, слышавшійся со двора. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что весь дворъ и значительная часть деревенской улицы полны народомъ, среди котораго идетъ самый горячій разговоръ. Одни стоятъ, другіе разсѣлись на крыльцѣ волостного правленія, на валявшихся по двору бревнахъ, камняхъ и даже на плетневомъ заборѣ. Всѣ волнуются, размахиваютъ руками, слышатся громкіе возгласы, споры, но разобрать ничего нельзя. Было тутъ болѣе ста человѣкъ. Входитъ волостной писарь изъ коллежскихъ секретарей и объясняетъ, что крестьяне, успѣвъ уже узнать о моемъ пріѣздѣ, массою пришли съ жалобами на свои поземельныя обиды; къ этому онъ прибавилъ еще, что населеніе этой волости—народъ очень безпокойный, настойчивый и давно уже взволнованный. Я зналъ, что данная волость состоитъ изъ трехъ значительныхъ селеній, по которымъ состоялись выкупные договоры, утвержденные съ небольшимъ полгода назадъ; составлены-то они были давно, еще до обязательнаго выкупа, но процедура ихъ разсмотрѣнія настолько затянулась въ губерніи и въ главномъ выкупномъ учрежденіи, что дѣло завершилось уже тогда, когда всюду зашла рѣчь о повѣркѣ уставныхъ грамотъ. Едва я показался на крыльцѣ, толпа быстро сомкнулась, сняла шапки и стала предо мною стѣною. Говоръ поднялся съ разныхъ сторонъ, и понадобилось нѣкоторое время, чтобы установить поочередность рѣчей, позволявшую разбираться въ нихъ.

Оказалось, что крестьяне жалуются на самую суть выкупныхъ договоровъ. Они были зажиточнѣе другихъ, но главную поддержку этой зажиточности составляли фруктовые сады, расположенные среди помѣщичьихъ лѣсовъ. Нигдѣ я не видѣлъ потомъ такой значительности этого рода владѣнія. Сады разной величины были почти у каждаго хозяина, у нѣкоторыхъ доходили до 3 и 4 десятинъ, а въ общей совокупности по волости составляли много больше трехсотъ десятинъ. Значились эти сады въ инвентаряхъ, показаны были и по уставнымъ грамотамъ, но по выкупнымъ договорамъ надѣлъ былъ выкупленъ уже безъ са-

Digitized by Google

довъ. Для смягченія рѣзкости перехода въ крестьянскомъ положеніи, помѣщикъ согласился только оставить у крестьянъ сады на двѣнадцать лѣтъ за ту же повинность, какая назначена была за нихъ по уставнымъ грамотамъ, т.-е. по оцѣнкѣ полевой земли. Словомъ, на бумагѣ выходило такое противорѣчіе: крестьяне будто не желали удержать сады и отказались отъ ихъ выкупа, но въ то же время старались удержать ихъ у себя на возможно продолжительный срокъ за ту же плату, какая взносилась бы по ихъ выкупу; а какъ они относились къ нимъ на дѣлѣ—показывала уже та взволнованная масса, которая стояла предо мною. Фактически крестьяне еще пользовались садами, но опасались потерять ихъ черезъ двѣнадцать лѣтъ, и пришли требовать укрѣпленія ихъ за собою.

Помня, что выкупные договоры сохранены въ силѣ со всѣми послѣдствіями, и законъ этотъ еще не измѣненъ, я началъ съ прямого отказа: у васъ-де выкупъ по добровольному соглашенію, вы сами пожелали выкупить надѣлъ безъ садовъ,—значитъ, все такъ и должно остаться. Но это, разумѣется, нисколько не успокоило толпу. Посыпались протесты противъ документальной добровольности, стали разсказывать, какъ въ одномъ изъ окрестныхъ селеній производилось „усмиреніе“ съ расправами, какъ ихъ самихъ пугали подобною же расправою, если они не примутъ выкупного договора и т. д. Одни вопіяли, другіе плакали, масса становилась на колѣни. Натащили множество яблокъ и грушъ изъ своихъ садовъ, чтобы показать, какъ цѣнны эти сады, и качество плодовъ, дѣйствительно, подтверждало эту цѣнность. Обѣщали вѣкъ молить Бога за меня и заказать своимъ потомкамъ молиться за моихъ потомковъ, если сады будутъ за ними укрѣплены; словомъ, крестьянская аттака вышла такъ эффектна, что первая встрѣча съ достоинствомъ „добровольныхъ“ выкупныхъ договоровъ произвела на меня сильное впечатлѣніе, и я заколебался. Нѣкоторые мужики предъявили еще старинныя записи, доказывавшія принадлежность садовъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ и признаніе этой принадлежности помѣщиками.

— Сады совсѣмъ наши съ дѣдовъ и прадѣдовъ, еще они ихъ садили, и паны добре это знаютъ,—за что-жъ у насъ ихъ отбираютъ, для чего мы платимъ теперь за батьковщину и дѣдовщину!—вопіяли крестьяне, выражая претензію на полное право собственности на плоды трудовъ своихъ предковъ. Но такъ какъ я отказывался признать эту собственность, то, спустя немного, они тономъ уступки сдѣлали другое предложеніе:

— Ну, такъ нельзя ли намъ хоть выкупить эти сады?

Digitized by Google

На это я отвѣтилъ, что еслибы и удалось какимъ-нибудь образомъ отстоять сады, то, разумѣется, не иначе, какъ путемъ выкупа, подъ условіемъ ежегодныхъ платежей, потому что даромъ никакія земли не даются. Тогда уже пошли разговоры о выкупѣ. Вспомнивъ одно мѣсто инструкціи и одинъ министерскій циркуляръ, касавшіеся возможности добавочныхъ выкуповъ тѣхъ частей надѣла, которыя не были выкуплены сразу, я немного оживился надеждою и сказалъ крестьянамъ, что просить о дополнительномъ выкупѣ садовъ они, конечно, могутъ, но я вовсе не ручаюсь за успѣхъ и они должны быть готовы встрѣтить неудачу. Притомъ, если они рѣшатся просить, то однихъ словесныхъ возгласовъ недостаточно, а надо всѣмъ тремъ селеніямъ постановить рѣшенія о ходатайствѣ на сходахъ, выбрать уполномоченныхъ и представить мнѣ мірскіе приговоры. На этомъ мы пока и покончили. Добавлю, что мірскія ходатайства были мнѣ очень скоро доставлены, я потомъ началъ дѣло, и, послѣ разныхъ перипетій, оно было-таки доведено до благополучнаго конца; спустя около года, у меня было даже согласіе помѣщика на выкупъ садовъ.

Еще въ одной волости пришлось встрѣтить новый сюрпризъ. Окончивъ разговоръ съ крестьянскими властями о текущихъ дѣлахъ, я замѣтилъ, что сельскій староста и сборщикъ какъ будто что-то хотятъ сказать, да все не рѣшаются. Выждавъ немного, я самъ спросилъ, что они имѣютъ заявить?

— А какъ же съ тѣмъ будетъ, что исправникъ насъ наказалъ?—робко проговорилъ староста.

— Какъ наказалъ? Когда? По какому случаю?

— А такъ. Помѣщикъ на насъ нажаловался, а исправникъ приказалъ принести розогъ и насъ обоихъ наказали. Такъ для насъ это дуже обидно, „бо мы люди выборни“.

Сначала я просто не рѣшался повѣрить этому. Вѣдь сельскій староста по закону освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія, слѣдовательно—могъ ли исправникъ рисковать собственною уголовною отвѣтственностью? Однако, по невѣдѣнію или самоувѣренности, все это дѣйствительно было совершено. Разспросилъ я другихъ крестьянъ и старшину, и они подтвердили, что мѣсяцъ назадъ, какъ разъ въ промежуткѣ времени между отъѣздомъ прежняго посредника и моимъ прибытіемъ въ участокъ, исправникъ распорядился именно такъ, какъ разсказывали староста и сборщикъ. Сколько я ни передумывалъ, такое дѣло оставлять было нельзя, потому что иначе полиція ужъ очень далеко зайдетъ въ своемъ произволѣ, и для меня совершенно неизбѣжно было

Digitized by Google

начать свое управленіе объявленіемъ ей войны. Разузнавъ обо всемъ обстоятельнѣе, я рѣшился немедленно сообщить объ упомянутомъ происшествіи губернатору, прося его дать дѣлу законный ходъ, въ полной увѣренности, что и онъ строго отнесется къ допущенному беззаконію. Такъ я и сдѣлалъ. Вернувшись съ объѣзда домой, написалъ и послалъ губернатору соотвѣтствующую бумагу, но результатъ вышелъ совсѣмъ не тотъ, какого я ожидалъ. Губернаторъ, по обычаю немалаго числа другихъ, имѣлъ слабость къ всегда покорной ему и угодливой полиціи. Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, а стороною я узналъ, что онъ покосился на меня самого. По словамъ одного изъ членовъ губернскаго присутствія, онъ въ одномъ разговорѣ такъ отозвался обо мнѣ: „Вотъ, нашелъ объ чемъ писать! велика важность, что исправникъ старосту высѣкъ!“ Отношенія между нами ухудшились, и я заподозрѣнъ былъ въ прикосновенности къ „вопросамъ“ и баловству мужика. Впрочемъ, и то сказать: тутъ нужно русское дѣло дѣлать, а человѣкъ вдругъ поднимаетъ тревогу изъ-за наказаннаго старосты! Такъ бумага и залежалась въ губернаторской канцеляріи безъ движенія до перемѣны губернатора, а тогда и самъ покровительствуемый исправникъ исчезъ изъ губерніи.

Вслѣдъ за этою исторіею, вышло у меня и другое столкновеніе съ полиціей, по поводу вынырнувшей бытовой черты. Пришелъ ко мнѣ мужикъ съ жалобою и разсказалъ, что командированный исправникомъ полицейскій служитель, явившись въ деревню, приказалъ нѣсколькимъ крестьянамъ, въ томъ числѣ и ему, перевозить въ городъ исправничье сѣно, разумѣется, безплатно; жалобщикъ почему-то не могъ исполнить этого требованія; тогда полицейскій „заграбилъ“ у него свитку, заложилъ въ кабакѣ за два рубля и на полученныя деньги нанялъ для перевозки какого-то шляхтича. Мужикъ не на привычную безплатность работы жаловался, но дороги ему были свитка и деньги. Я написалъ бумагу уже самому исправнику, требуя удовлетворенія мужика, и вручилъ эту бумагу самому жалобщику для передачи по адресу. Черезъ день, является ко мнѣ тотъ же мужикъ, уже сіяющій, показываетъ лично возвращенныя ему исправникомъ двѣ рублевыя бумажки, а затѣмъ приходитъ ко мнѣ и отвѣтная бумага, изъ которой явствуетъ, что жалобщикъ удовлетворенъ и во всемъ виновато самоволіе разсыльнаго, получившаго за то строгій выговоръ.

Вышло, что съ самаго начала я пріобрѣлъ себѣ искренняго врага въ полиціи; однако, это обстоятельство имѣло и хорошую

Digitized by Google

сторону: полиція стала гораздо осторожнѣе въ отношеніи къ населенію моего участка, и сколько-нибудь значительныхъ жалобъ на ея дѣйствія отъ крестьянъ я больше не получалъ въ теченіе полуторагодового управленія этимъ участкомъ.

Вотъ какова была совокупность впечатлѣній отъ перваго знакомства съ положеніемъ крестьянъ и ихъ управленія. Ясно стало, какъ еще велико наслѣдіе прошлаго и какъ много нужно стараній, чтобы поставить дѣло въ сколько-нибудь удовлетворительное положеніе и водворить законность съ огражденіемъ правъ.

III.

Конецъ Аннинковскаго управленія.

Осень 1864 и зима 1864—1865 годовъ заканчивали періодъ Анненковскаго управленія юго-западнымъ краемъ и для крестьянскаго дѣла проходили вяло, при той же двойственности теченій, какая вообще отличала это управленіе. Монотонно, съ неувѣренностью въ успѣхѣ, тянулись повѣрочныя работы и не безъ борьбы разрѣшались возникавшіе практическіе вопросы. А съ другой стороны, въ это же время складывался характеръ вновь преобразованныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, и они довольно внимательно занимались изученіемъ тѣхъ нуждъ и интересовъ сельскаго населенія, съ которыми предстояло считаться при переустройствѣ крестьянскаго положенія.

Нашъ мировой съѣздъ собирался часто для выполненія процесса повѣрки уставныхъ грамотъ по точнымъ указаніямъ инструкціи временной коммиссіи. Посылались крестьянскимъ обществамъ повѣстки съ требованіемъ выбрать и прислать къ назначенному дню въ мировой съѣздъ уполномоченныхъ для заявленія возраженій противъ грамотъ. Явятся эти уполномоченные, прочитаются имъ подлежащія статьи Положеній съ словесными разъясненіями; медленно, съ остановками на каждомъ пунктѣ, прочтется уставная грамота; уполномоченные заявятъ объ отнятіи инвентарныхъ усадебъ, объ уменьшеніи полевого надѣла, объ обмѣнѣ какихъ-нибудь участковъ, и часто заявятъ не все, потому что одни уполномоченные вообще не могли помнить всего, бывшаго за семнадцать лѣтъ назадъ, а иногда недостаточно интересовались тѣмъ, что̀ касалось не близкихъ имъ крестьянъ; пожалуются еще на тягость выкупныхъ платежей, объяснивъ, отъ чего именно она происходитъ. Все это записывалось, и въ ре-

Digitized by Google

зультатѣ обыкновенно слѣдовала почти стереотипная резолюція: о заявленныхъ возраженіяхъ сообщить помѣщику для представленія имъ объяснительныхъ свѣдѣній; просить мирового посредника такого-то участка произвести по такимъ-то пунктамъ заявленій мѣстное дознаніе, о послѣдствіяхъ коего представить въ непродолжительномъ времени мировому съѣзду; а одному изъ землемѣровъ поручить повѣрочное измѣреніе крестьянскаго надѣла. Затѣмъ уполномоченные отпускаются, пишутся бумаги помѣщику, посреднику и землемѣру, а далѣе все откладывается на неопредѣленное время, такъ какъ отъ помѣщика надо ждать объясненій, а землемѣрныхъ работъ производить нельзя, когда земля представляетъ площадь грязи или покрыта снѣгомъ; да и посреднику не по всѣмъ пунктамъ удобно было производить дознаніе, требовавшее земельныхъ осмотровъ, при трудности или невозможности отличать черноземъ отъ глины и песку, различать борозды и др. примѣты разныхъ урочищъ.

Такъ предъявится, бывало, въ день три-четыре уставныхъ грамоты, на что пойдетъ нѣсколько часовъ времени, а въ результатѣ пока накопляется только бумажный матеріалъ. Иногда, при близости къ городу деревень, которыхъ касалась повѣрка, мы выѣзжали и въ волости, но это мало помогало ускоренію, потому что встрѣчались такія же затрудненія для осмотровъ. Сравнительно большая законченность возможна была лишь тамъ, гдѣ возраженій почти вовсе не было или они, по своей незначительности, допускали быстрое разъясненіе. Поработаетъ съѣздъ надъ повѣркою дня два или три сряду, а потомъ—пауза: надо посредникамъ ѣхать въ участки и отвлекаться къ текущимъ дѣламъ управленія.

Неудобенъ и довольно томителенъ былъ такой порядокъ. Кромѣ затяжки, плохо было то, что центръ тяжести разслѣдованій оставался въ рукахъ каждаго отдѣльнаго посредника. Одинъ сдѣлаетъ мѣстное дознаніе толково, внимательно и участливо, соберетъ всѣ нужныя показанія и справки,—словомъ, выяснитъ все существенное; а другой,—по неумѣлости, невниманію или даже по какимъ-нибудь личнымъ склонностямъ, состряпаетъ все какъ-нибудь, распространится о пустякахъ и упуститъ важное. Поѣдутъ на дознаніе маіоръ или слишкомъ вилюющій чиновникъ—что они привезутъ? Иныя дознанія требовали повтореній. Очевидно, нужно было больше объединяющаго дѣйствія мирового съѣзда, при которомъ каждый дѣятельный членъ его могъ бы оказывать вліяніе на дѣла чужихъ участковъ и сокращался бы просторъ значенію личныхъ особенностей. Однако, условіе это

Digitized by Google

явилось только къ концу года, когда новое измѣненіе инструкціи потребовало, чтобы вся провѣрка производилась на мѣстахъ коллективно мировымъ съѣздомъ, съ приглашеніемъ помѣщика или его довѣреннаго и съ участіемъ не только крестьянскихъ уполномоченныхъ, но и всѣхъ желающихъ явиться къ повѣркѣ крестьянъ. Только тогда явилась возможность разомъ получать всю массу крестьянскихъ возраженій, тутъ же выслушать помѣщичьи объясненія, здѣсь же произвести всѣ мѣстные осмотры и, прежде выѣзда съѣзда изъ селенія, составить полное заключеніе по существу повѣрки, за которымъ оставались лишь землемѣрныя работы.

Впрочемъ, перемѣна эта серьезно пригодилась только для будущаго времени, а въ описываемое—все тормазилось вліяніемъ неблагопріятнаго сезона. Энергическое движеніе дѣла предвидѣлось только съ открытіемъ весны, а до того приходилось ждать и писать.

Вынужденный досугъ можно и нужно было утилизировать въ другомъ отношеніи, изучая наличное положеніе и интересы крестьянства. Въ этомъ чувствовалась большая потребность, такъ какъ многіе были въ мѣстности людьми новыми, а при предстоящихъ работахъ необходимо было дѣйствовать сознательно, возможно лучше понимая значеніе каждой нужды и права. Въ первое время новымъ людямъ представлялось еще не мало неяснаго. Особенно приходилось интересоваться вопросомъ—отъ чего наиболѣе зависитъ крестьянская состоятельность, какія условія отражаются на ней сильнѣе? Разномыслія было довольно.

Тогда всего больше въ ходу была мысль о пониженіи выкупныхъ платежей. Находились люди, полагавшіе, что въ немъ почти вся суть, и что отъ платежнаго облегченія мужикъ всего скорѣе станетъ въ лучшее положеніе. Случалось слышать, что лучше мужику даже земли получить поменьше, лишь бы меньше платить. Законъ, расширявшій возможность пониженія платежей, былъ только-что проведенъ съ большимъ трудомъ, и новизна его, до извѣстной степени, заслоняла другія стороны крестьянскаго устройства. Однако, какъ ни важно было это дѣло, какъ ни рельефно выступала иногда трудность платить то, что назначено на основаніи уставныхъ грамотъ, все-же тутъ былъ не весь ключъ къ улучшенію крестьянскаго состоянія, а лишь одна сторона вопроса, на ряду съ которою стояла другая—размѣръ земельнаго надѣла, могущій увеличиваться съ возстановленіемъ инвентарнаго владѣнія. Не очень много требовалось времени и наблюденій, чтобы убѣдиться въ первостепенной важности именно

Digitized by Google

земельной стороны вопроса. Помню, какъ отзывались сами крестьяне при многочисленныхъ разговорахъ съ ними о подобныхъ предметахъ.

— Платить тяжко,—говорили они,—дай Богъ, чтобы намъ скорѣе уменьшили „чинши“, а сказать по правдѣ—земля нужнѣе. Сбавятъ мнѣ чинша рубля три-четыре въ годъ—будетъ добре, однако только и будетъ, что три или четыре рубля. А вотъ если у меня прибавится земли, тогда, коли дастъ Богъ хорошій урожай, сколько я хлѣба сберу! И сами голодать не будемъ, и скотъ будетъ сытъ, и держать его можно больше. Будетъ и корова, и овца, и теленокъ; больше будетъ даже куръ и яицъ, можно и больше продать. Вотъ тутъ выйдетъ уже не три рубля.

Такіе крестьянскіе отзывы находили себѣ подтвержденіе при первыхъ серьезныхъ попыткахъ анализа сельскихъ бытовыхъ условій. Средства мужика слагались изъ двухъ элементовъ: урожая съ земельнаго надѣла и заработковъ отъ труда по найму; а главныя его нужды состояли въ содержаніи самого себя съ семействомъ, въ уплатѣ податей и во взносѣ выкупныхъ платежей. Но изъ этихъ нуждъ пропорціональна величинѣ надѣла была только уплата выкупного платежа, котораго требовалось 2 р. 64 коп. съ каждой полевой десятины; стоимость же собственнаго содержанія и размѣръ податей нисколько не зависѣли отъ числа надѣльныхъ десятинъ, такъ какъ первая опредѣлялась количествомъ ртовъ, а послѣдній выводился по числу ревизскихъ душъ; слѣдовательно, обѣ послѣднія нужды, будучи величинами постоянными, въ однихъ случаяхъ падали на большой, а въ другихъ—на малый надѣлъ. Поэтому, дѣло представлялось такъ: все получаемое съ одной десятины земли, за вычетомъ слѣдующаго за нее выкупного платежа, образуетъ остатокъ средствъ, добытый крестьянскимъ трудомъ и идущій на содержаніе семьи и подати; чѣмъ больше десятинъ въ надѣлѣ—тѣмъ больше такихъ остатковъ, тѣмъ легче кормиться и оплачиваться. При большомъ надѣлѣ, означенными остатками покроются и содержаніе, и подати; при меньшемъ—одно содержаніе безъ податей, которыя надо покрывать уже заработками; а при еще меньшемъ—остатковъ не хватитъ и на одно содержаніе, такъ что и часть послѣдняго, и всѣ подати уже очутятся въ зависимости отъ случайныхъ наемныхъ работъ. Да и этимъ значеніе величины надѣла еще не ограничивалось, потому что отъ нея зависѣла также и прибыльность самого наемнаго заработка. Когда мужикъ весь, со всѣми своими нуждами, зависитъ отъ этого заработка, онъ

Digitized by Google

продаетъ свой трудъ гораздо дешевле, чѣмъ когда зависитъ отъ него лишь отчасти. Въ предыдущей главѣ уже было показано, какъ принижалась цѣна труда при стѣсненномъ положеніи крестьянъ и какія тягостныя формы тутъ принимали условія найма.

Такимъ образомъ, зависимость крестьянской состоятельности отъ величины надѣла обозначалась совершенно ясно, и не даромъ крестьяне такъ дорожили этою величиною. Если важно было—*сколько* платить, то еще важнѣе—чтобы было *изъ чего* платить. Означенная величина, будучи кореннымъ условіемъ хозяйственнаго устройства, имѣла несомнѣнную связь и съ вопросомъ о пониженіи платежей, коль скоро законъ требовалъ соображенія этого пониженія со степенью состоятельности плательщиковъ. Хотя выкупные платежи нуждались въ уменьшеніи уже вслѣдствіе своего несоотвѣтствія современнымъ земельнымъ цѣнамъ, но и при одинаковомъ достоинствѣ земли малонадѣльный больше нуждался въ платежномъ облегченіи, чѣмъ лучше надѣленный.

Кромѣ платежнаго вопроса, на которомъ я остановился собственно для примѣра, было еще не мало другихъ, требовавшихъ изученія и вызывавшихъ въ первое время разномыслія; но распространяться о нихъ здѣсь не стану. Довольно сказать, что зима, о которой идетъ рѣчь, была порою оживленнаго обмѣна мнѣній и многихъ споровъ при встрѣчахъ представителей разныхъ мировыхъ съѣздовъ. Даже людямъ одинаковыхъ цѣлей и симпатій надо было хорошо столковаться по серьезнымъ пунктамъ прежде наступленія весенней рабочей поры, когда, какъ ясно уже предвидѣлось, нельзя будетъ ни медлить, ни отвлекаться къ обсужденію частныхъ вопросовъ отъ нетерпящаго отлагательствъ ежедневнаго разрѣшенія практическихъ случаевъ. Но потребность объединенія взглядовъ и способовъ дѣйствія усиливалась еще тѣмъ, что въ общей массѣ личнаго состава мировыхъ съѣздовъ далеко не было однородности, тогда какъ допускать рѣшеніе одинаковыхъ дѣлъ въ каждомъ уѣздѣ на свой ладъ—значило рисковать существенными неудачами въ участи всего дѣла. На этой неоднородности слѣдуетъ остановиться здѣсь нѣсколько внимательнѣе.

Въ IV главѣ статьи „Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ“ („Вѣстникъ Европы“, сентябрь, 1900 г.) было уже сказано, какимъ разнообразіемъ отличался составъ претендентовъ на должности по крестьянскимъ учрежденіямъ. Но то были только претенденты, а ко времени развитія дѣятельности означенныхъ учрежденій устанавливались уже характерныя черты

Digitized by Google

ихъ фактическаго состава, какъ онъ образовался подъ вліяніемъ смѣшанности благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій выбора. Какъ объяснялось выше, не мало приложено было стараній къ привлеченію живыхъ и полезныхъ людей, но въ то же время дѣйствовали административныя традиціи, выражавшіяся въ неосмысленной подозрительности къ тѣмъ же живымъ, нравственно самостоятельнымъ людямъ, въ которыхъ предполагались разные „измы", а также въ назначеніяхъ по протекціи, наугадъ и по разнымъ служебнымъ соображеніямъ. Вліяніе заботъ временной коммиссіи перемѣшивалось съ вліяніемъ сортировки кіевской и губернской администраціи. Были примѣры, когда выживались полезные люди изъ-за вздора, пустыхъ сплетенъ и фантастическихъ представленій. Оттого въ образовавшемся составѣ сказывалось не одно то, что̀ могло дать для мѣстнаго крестьянскаго дѣла современное русское общество, но вся совокупность тогдашнихъ общественныхъ и административныхъ нравовъ. Избѣгнуть разнообразія составъ учрежденій не могъ, и въ немъ сложилось нѣсколько типичныхъ группъ, на которыхъ я здѣсь и остановлюсь.

Были люди, относившіеся къ дѣлу вполнѣ серьезно, смотрѣвшіе на реформу, какъ на вопросъ о лучшемъ устройствѣ самихъ крестьянъ. Чуждые обычныхъ служебныхъ, личныхъ интересовъ, они видѣли въ своемъ трудѣ не службу въ тѣсномъ смыслѣ, а „дѣятельность" на пользу населенія, оживляясь стремленіемъ поставить крестьянъ въ возможно независимое экономическое положеніе и утвердить согласную съ цѣлями Положеній самостоятельность ихъ общественнаго управленія. Словомъ, здѣсь на первый планъ ставился самъ мужикъ. Этотъ элементъ численно былъ невеликъ, но способенъ къ вліятельности по качеству.

Другую категорію представляли люди съ извѣстною политическою окраскою понятій. Эти считали умѣстнымъ заботиться о крестьянскихъ интересахъ главнымъ образомъ потому, что край былъ предъ ними западный, и не прочь были иногда спеціально постараться повредить помѣщикамъ.—„Хорошо этому мужичью, что паны взбунтовались, — слышалось иногда изъ среды такихъ людей, — иначе вѣкъ бы ему не видать того, что̀ оно теперь получаетъ. Мужики воображаютъ, будто все это такъ имъ и слѣдуетъ, будто все это именно для нихъ дѣлается. Какъ бы не такъ! *Мы* имъ даемъ—вотъ и все. Пусть намъ скажутъ спасибо".

Встрѣчались и видѣвшіе въ работѣ по крестьянскому дѣлу,

Digitized by Google

какъ обращавшему тогда на себя исключительное вниманіе, просто способъ служебнаго отличія.

Не мало было такихъ, понятія которыхъ не шли дальше простой исполнительности. Велитъ начальство отрѣзать землю крестьянамъ отъ помѣщиковъ—мы рѣжемъ; а завтра велитъ отрѣзать обратно помѣщикамъ отъ крестьянъ—мы и это исполнимъ съ тѣмъ же усердіемъ. Лишь бы начальству угодить и оно было довольно. Такіе легче ладили и съ помѣщиками: что жъ, молъ, мы дѣлаемъ то, что отъ насъ требуется; намъ-де и самимъ жаль, что приходится дѣлать вамъ непріятное, да что тутъ подѣлаешь! Конечно, думали они, мужику и того довольно, что онъ уже свободенъ,—чего жъ ему еще? Дали меду, такъ, видно, и ложки захотѣлось! Проникнуться сознаніемъ крестьянскаго права имъ было не по силамъ, и ихъ симпатіи скорѣе были на противоположной сторонѣ. Пассивность была основною чертою такихъ людей.

Попадались и чистокровные крѣпостники, пытавшіеся обдѣлывать, что можно, на свой ладъ, втихомолку или—при удобныхъ условіяхъ—явно; подъ шумокъ или гласно—только бы добиться своего.

Среди такихъ типовъ встрѣчались и отдѣльныя разновидности, на которыхъ останавливаться не стоитъ,—напр., лѣнивые, безвольные, ко всему равнодушные, не разсчитывавшіе ни на достиженіе извѣстныхъ результатовъ, ни на отличія. Все пассивное только цѣпко держалось за свои „мѣста“. Въ такую большую массу, какъ слишкомъ двѣсти человѣкъ въ трехъ губерніяхъ, не могло не проникнуть „всякаго жита по лопатѣ“, и, въ той или другой степени, люди не могли не вносить въ свою дѣятельность разнообразія понятій, привычекъ, разныхъ долей добросовѣстности и т. под., какія были свойственны общественнымъ группамъ, изъ которыхъ эти двѣсти человѣкъ вышли.

Правда, надъ всѣми ими носился оживляющій духъ, съ которымъ, волею-неволею, приходилось считаться: сдерживая несогласныя съ нимъ стремленія или поползновенія, защита крестьянскихъ интересовъ уже становилась дѣломъ чести; болѣе живой элементъ учрежденія сохранялъ извѣстный нравственный авторитетъ,—однако, этотъ же авторитетъ встрѣчалъ противодѣйствіе сверху, откуда, порою, слышались такія сужденія: „Эти посредники и предсѣдатели не могутъ понять своего назначенія; они задаются какими-то „убѣжденіями“, „направленіями“, забывая, что они—только исполнители, и не должны быть ничѣмъ больше; они становятся на какія-то ходули, воображаютъ себя

Digitized by Google

„дѣятелями“, тогда какъ они просто чиновники, отъ которыхъ требуются не мнѣнія, а одна исполнительность по указаніямъ начальства; вся бѣда въ томъ, что они никакъ этого понять не могутъ“. Такая проповѣдь, хотя и не въ очень рѣшительномъ тонѣ, слышалась не только въ описываемое время; она воскресла и нѣсколько лѣтъ спустя, уже въ самомъ концѣ устроительныхъ работъ, когда умершаго генералъ-губернатора Безака замѣнилъ кн. Дондуковъ. Однако, что же тутъ осуждалось? Живое отношеніе къ дѣлу, т.-е. именно то качество, изъ-за отсутствія котораго терпѣлось въ прошломъ столько бѣдъ, безъ чего подкашивалась сила лучшихъ намѣреній и даже лучшихъ правительственныхъ начинаній, безъ чего открывался широкій просторъ всякой недобросовѣстности. Когда было у насъ меньше надежныхъ и полезныхъ людей, если не при господствѣ безразличнаго отношенія ко всякимъ требованіямъ, къ добру и злу? Мертвыми людьми мы всегда были богаты, а въ живыхъ слишкомъ часто ощущался недостатокъ. Упомянутая проповѣдь, въ сущности, выражала жалобу на то, что въ людяхъ мало мертвечины и они не умѣютъ приспособиться такъ, чтобы живое дѣло не будило въ нихъ ровно ничего. Но вырвите у человѣка способность живо откликаться на живые интересы, т.-е. дѣйствовать по убѣжденію и въ силу симпатіи—какого бездушнаго автомата вы получите! Что, кромѣ личнаго интереса, останется у него въ побужденіяхъ? Трудно, однако, дается пониманіе различія между дѣйствованіемъ посредствомъ живыхъ людей и посредствомъ мертвыхъ орудій.

Однако, при наступленіи болѣе благопріятныхъ условій, несмотря на объясненную рознь представителей учрежденія, стало возможнымъ большое объединеніе ихъ дѣйствій. Разрѣшая при повѣркѣ уставныхъ грамотъ вопросы о крестьянскихъ правахъ и интересахъ, могли дѣйствовать согласно: и тотъ, кто сознательно и участливо относился къ этимъ правамъ; и тотъ, кто думалъ о преслѣдованіи политическихъ цѣлей; и искатель внѣшнихъ отличій и начальственныхъ благоволеній; и ничего не думавшіе, но пассивно державшіеся за „мѣста“. У каждаго могли быть свои побужденія, своя особая мотивировка или никакой мотивировки, но въ ближайшихъ способахъ дѣйствія они могли сходиться на защитѣ крестьянскихъ интересовъ. Словомъ, стеченіе наличныхъ обстоятельствъ не разъ стушевывало ту рознь между людьми, которая, при иныхъ условіяхъ, проявилась бы во всей своей силѣ и рѣзкости. Впослѣдствіи, истые чиновники, въ своемъ внѣшнемъ усердіи къ крестьянскимъ интересамъ, могли

Digitized by Google

заходить даже гораздо дальше тѣхъ, кто относился къ этимъ интересамъ искреннѣе и сознательнѣе, но зато тѣмъ же чиновникамъ случалось доходить и до абсурда.

Но въ описываемую пору рознь была еще значительнымъ тормазомъ и сильнѣе, чѣмъ въ уѣздныхъ учрежденіяхъ, сказывалась въ губернскомъ мірѣ. Въ губернскомъ присутствіи она особенно поддерживалась участіемъ тѣхъ не-спеціальныхъ членовъ, которые засѣдали въ присутствіи по другимъ должностямъ, собственно крестьянскому дѣлу были чужды, и играли въ политику, считая для себя удобнымъ быть привѣскомъ къ губернаторскому голосу. Для характеристики этого, чтобы не разбрасываться въ подробностяхъ, передамъ исторію одного серьезнаго вопроса, выдвинутаго практикою дѣла какъ-разъ около момента смѣны Анненковскаго періода періодомъ новаго генералъ-губернаторскаго управленія.

Въ одномъ изъ участковъ нашего уѣзда обнаружился такой случай, что по измѣренію крестьянскаго надѣла въ немъ оказалось земли больше, чѣмъ показано было по уставной грамотѣ, то-есть въ послѣдней ошибочно былъ пропущенъ въ каждомъ крестьянскомъ участкѣ одинъ моргъ или около того. Платежи были исчислены, какъ вездѣ, на основаніи грамоты, т.-е. по меньшему количеству земли, и взносились крестьянами уже три раза. Мировой посредникъ пришелъ въ недоумѣніе—слѣдуетъ ли оказавшійся „излишекъ по измѣренію“ облагать добавочнымъ платежомъ? Не зная, какъ поступить, онъ представилъ этотъ вопросъ въ мировой съѣздъ. Я не могъ не заинтересоваться этимъ особенно, какъ по серьезному значенію дѣла, такъ и потому, что уже предвидѣлъ въ своемъ собственномъ участкѣ нѣсколько подобныхъ же примѣровъ. Пока у насъ шли объ этомъ частные разговоры, я высказалъ мнѣніе, что упомянутые излишки ни въ какомъ случаѣ обложенію не подлежатъ, такъ какъ, по правиламъ обязательнаго выкупа, Высочайше утвержденнымъ 8-го октября 1863 года, мировымъ съѣздамъ предоставлено было измѣнять надѣлъ и повинности лишь съ ограниченіемъ, именно „безъ права возвышать“ платежи, выведенные на основаніи грамотъ. Разъ эти платежи признаны предѣльными—повышать ихъ нельзя, тѣмъ болѣе, что и самая цѣль закона состояла въ томъ, чтобы съ момента объявленія выкупа положеніе крестьянъ, по крайней мѣрѣ, не ухудшалось. Возраженій со стороны товарищей я не встрѣтилъ, но все-таки попросилъ, чтобы дѣло было доложено съѣзду въ моемъ присутствіи; а если во время засѣданія меня въ городѣ не будетъ, то чтобы его отложили. Тутъ

Digitized by Google

я имѣлъ въ виду необходимость серьезно обосновать рѣшеніе въ объясненномъ смыслѣ на случай помѣщичьихъ жалобъ, и не могъ не дорожить такимъ рѣшеніемъ, потому что оставленіе на бо́льшемъ числѣ десятинъ платежа, исчисленнаго за мѣньшее, было равносильно пониженію платежей. Такъ какъ послѣднее проводилось еще съ большимъ трудомъ, то нельзя было пренебрегать тѣмъ способомъ облегченія крестьянъ, который являлся приложеніемъ готоваго текста закона.

Между тѣмъ, вышло иначе. Какъ разъ во время засѣданія съѣзда, я разъѣзжалъ по участку, а въ съѣздѣ забыли о моей просьбѣ и доложили дѣло. Мои нерѣшительные товарищи пришли въ затрудненіе, какъ быть, и постановили уклончивую резолюцію: о возникшемъ вопросѣ представить на благоусмотрѣніе губернскаго присутствія. Вернувшись изъ объѣзда, я очень досадовалъ на эту нерѣшительную резолюцію, но постановленіе уже было подписано, и оставалось его исполнить. Надо было искать способовъ поправки. Мы кончили на томъ, что съѣздъ, входя съ представленіемъ въ присутствіе, добавитъ къ нему свои соображенія о томъ, что „излишковъ“ облагать не слѣдуетъ. Писать соображенія пришлось уже мнѣ, и я основалъ ихъ на точномъ смыслѣ упомянутаго закона. Зная, однако, какъ въ нашемъ губернскомъ присутствіи большинство склонно къ погребенію содержательныхъ вопросовъ, и къ тому же имѣя въ виду, что какъ разъ въ это время Канищевъ былъ въ командировкѣ, а Пассекъ боленъ,—слѣдовательно, большинство можетъ не встрѣтить и противодѣйствія,—я рѣшился еще прямо отъ себя представить о томъ же вопросѣ въ кіевскую временную коммиссію. Тутъ вышла новая помѣха: послѣдовала перемѣна генералъ-губернатора, одновременно съ которою коммиссія была упразднена, и исходъ дѣла совсѣмъ повисъ на губернскомъ присутствіи.

Прошло нѣсколько времени. Встрѣчаю разъ одного изъ членовъ присутствія и узнаю отъ него, что нашъ вопросъ собираются совсѣмъ похоронить. Подыскали въ первоначальныхъ правилахъ о приведеніи въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля статьи, по которымъ, при обнаруженіи измѣреніемъ ошибочнаго показанія величины надѣла въ уставныхъ грамотахъ, показаніе это измѣняется, а повинности опредѣляются согласно вновь оказавшемуся количеству земли—и задумали примѣнить эти статьи къ нашему вопросу, т.-е. обложить излишки. А чтобы отдѣлаться отъ закона о невозвышеніи платежей, придумали объяснить его въ томъ смыслѣ, что онъ-де запрещаетъ увеличивать платежи не за „цѣлые“ надѣлы, а только въ выводѣ на каждую десятину,—

Digitized by Google

слѣдовательно, коль скоро десятинъ оказалось больше, то и платить слѣдуетъ больше.

Меня это встревожило,—но что дѣлать? Вѣдь если рѣшитъ присутствіе—такъ и пойдетъ вездѣ; и во многихъ случаяхъ крестьяне, даже не получивъ никакой фактической прибавки къ своему надѣлу, станутъ платить больше, чѣмъ платили, т.-е. повѣрка по распоряженію правительства принесетъ имъ, вмѣсто облегченія, одно отягченіе. Я бросился къ больному Пассеку и сталъ уговаривать его непремѣнно быть въ томъ засѣданіи, гдѣ наше дѣло будетъ разсматриваться, чтобы, насколько можно, противодѣйствовать большинству. Пассекъ очень горячо отнесся къ дѣлу, и, хотя еще несовсѣмъ оправился, обѣщалъ быть въ засѣданіи. Мы тутъ же вмѣстѣ набросали аргументацію защиты соображеній, представленныхъ отъ имени нашего съѣзда, построивъ ее, приблизительно, такъ: статьи правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній, допускающія измѣненіе платежей при обнаруженной измѣненіемъ невѣрности показанія величины надѣловъ въ уставныхъ грамотахъ, относятся лишь къ тѣмъ селеніямъ, по которымъ еще не состоялось выкупа, т.-е. гдѣ существуютъ еще временно-обязательныя отношенія; но въ юго-западномъ краѣ обязательный выкупъ объявленъ еще въ 1863 году, причемъ крестьянамъ назначены выкупные платежи, выведенные на основаніи уставныхъ грамотъ; ко всѣмъ этимъ платежамъ примѣнимъ уже позднѣйшій, спеціальный законъ 8-го октября 1863 года, запрещающій возвышать ихъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда къ надѣлу присоединяются „новые“ участки изъ возвращаемаго инвентарнаго владѣнія. Это невозвышеніе относится къ „цѣльнымъ“ платежамъ за крестьянскій надѣлъ, а не къ подесятиннымъ выводамъ, о которыхъ въ законѣ 8-го октября ничего не говорится. Отсюда слѣдуетъ, что если, напримѣръ, въ надѣлѣ считалось $3^1/_2$ десятины, и сообразно тому назначенъ былъ платежъ, а потомъ оказалось 4 десятины, то за эти 4 десятины платежъ долженъ быть оставляемъ прежній, какъ за $3^1/_2$, и только въ случаѣ присоединенія къ нимъ новой, напр., пятой десятины, эта послѣдняя подлежитъ уже обложенію. Независимо отъ буквальнаго требованія закона, къ тому же приводитъ и соображеніе о самыхъ цѣляхъ повѣрки и обязательнаго выкупа. То и другое установлено для охраны крестьянскаго интереса,—слѣдовательно, въ результатѣ ихъ можетъ явиться или улучшеніе, или сохраненіе, но не ухудшеніе прежняго крестьянскаго положенія, а между тѣмъ, если облагать „излишки по измѣренію“, то выйдетъ, что крестьяне, владѣя, чѣмъ вла-

Digitized by Google

дѣли, станутъ платить больше, чѣмъ платили, т.-е. отъ попечительной правительственной мѣры получатъ именно ухудшеніе. Кромѣ того, толкованіе закона въ смыслѣ невозвышаемости однихъ „подесятинныхъ“ платежей лишено основанія и потому, что нельзя себѣ представить даже поводовъ къ возбужденію вопросовъ о возвышеніи платежей за каждую десятину,—слѣдовательно, закону тутъ не было бы противъ чего и направлять свое запрещеніе.

Въ губернскомъ присутствіи, какъ и ожидалось, вышла большая борьба: на одну сторону стали губернаторъ съ поддѣлывавшимися къ нему членами, а на другую—одинъ Пассекъ. Особенно настаивалъ губернаторъ: опять-де пошли безконечные „вопросы“, когда тутъ и вопроса-то никакого нѣтъ; вышло у мужика больше земли—пусть больше и платитъ, и пора положить конецъ этому баловству мужика. Большинство ему вторило, подсказывая толкованіе въ смыслѣ запрещенія повышать одни подесятинные платежи. Пассекъ, однако, твердо стоялъ на своемъ, доказывая, что прибавлять платежи можно только за земельныя прибавки, а не за излишки по измѣренію. Споры шли очень горячо, засѣданіе затянулось за полночь, никакого соглашенія не выходило, и дѣло на этотъ разъ кончилось лишь тѣмъ, что его отложили до слѣдующаго засѣданія. Черезъ недѣлю горячія пренія возобновились; перечитывали и пересуживали законъ, но дѣло не подвигалось. Напротивъ, стали обнаруживаться колебанія; членъ Гудимъ-Левковичъ началъ придумывать какое-то среднее рѣшеніе, и, наконецъ, дѣло еще разъ отложили. Тутъ вернулся изъ командировки Канищевъ и явился на подмогу Пассеку. Опять спорили, спорили, опять настаивалъ губернаторъ, но въ результатѣ сомнѣнія усилились уже настолько, что въ дѣлѣ, гдѣ сначала не хотѣли признавать и вопроса, согласились, наконецъ, усмотрѣть неясность. Послышались замѣчанія—не осторожнѣе ли будетъ представить все на разрѣшеніе генералъ-губернатора? Въ концѣ-концовъ, съ этимъ согласился и губернаторъ: „Ну, въ Кіевъ—такъ въ Кіевъ! Тамъ ужъ генералъ-губернаторъ порѣшитъ все разомъ, и повадки больше не будетъ!“

Вотъ съ какими затрудненіями приходилось у насъ считаться въ эту пору, когда дѣло касалось даже не вызова новаго закона, а примѣненія существующаго. Остается досказать дальнѣйшую исторію этого вопроса. Представленіе губернскаго присутствія пришлось разсматривать уже новому генералъ-губернатору, Безаку. Для болѣе полнаго выясненія дѣла, онъ счелъ нужнымъ затребовать отзывы всѣхъ губернскихъ присутствій и

Digitized by Google

мировыхъ съѣздовъ трехъ губерній, а затѣмъ, получивъ и разсмотрѣвъ ихъ, рѣшилъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было представлено нашимъ мировымъ съѣздомъ, т.-е., что при обнаруженіи въ надѣлахъ только бо́льшаго количества земли противъ показанія уставныхъ грамотъ мировые съѣзды не имѣютъ права возвышать крестьянскихъ платежей, и это возвышеніе допускается лишь въ случаѣ прибавки къ надѣлу новыхъ участковъ.

Рѣшеніе это пришло уже лѣтомъ 1865 года, и какъ-то, скоро послѣ того, мнѣ пришлось быть по какому-то дѣлу у губернатора.

— А какъ хорошо рѣшилъ генералъ-губернаторъ дѣло объ излишкахъ надѣловъ по измѣренію!—сказалъ губернаторъ, словно забывъ, что онъ-то и былъ главнымъ противникомъ такого рѣшенія.—Вотъ теперь-то ужъ можно сказать—все ясно, какъ на ладони, и никакихъ сомнѣній.

— Да, рѣшеніе хорошее,—отвѣтилъ я,—и правильно выведено изъ закона.

— Вотъ, вотъ, именно: правильно и ясно. Теперь у васъ развязаны руки, дѣйствуйте только!—прибавилъ губернаторъ съ одобрительною улыбкою.

Первый годъ повѣрочныхъ работъ такъ и прошелъ съ небольшими результатами. Дѣло двигалось только теоретически, а повѣрокъ закончено было мало, выкупные акты числились единицами, сдѣланное вышло не совсѣмъ удачно, и то, что́ было начато, требовало многихъ передѣлокъ. Сравнительно лучше было въ остальныхъ двухъ губерніяхъ края; особенно заглядывались у насъ на волынскую, гдѣ, при вліяніи губернатора Черткова, тормазовъ было меньше, не производилось нажима по взысканію выкупныхъ платежей и пользованіе новыми законами не затруднялось, а по возможности систематизировалось и двигалось впередъ. Вообще, серьезно двинулось дѣло на практикѣ только съ 1865 года, который прежде всего принесъ крупную административную перемѣну.

IV.

Новый генералъ-губернаторъ.

Въ концѣ января 1865 года неожиданно получено было у насъ крупное извѣстіе: генералъ-губернаторъ Анненковъ уволенъ въ полугодовой отпускъ по прошенію, съ отчисленіемъ отъ

Digitized by Google

должности, а на его мѣсто, въ Кіевъ, переведенъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-артиллеріи Безакъ.

Наступалъ четырехлѣтній періодъ, оставившій глубокіе слѣды въ судьбахъ мѣстнаго крестьянскаго дѣла и ознаменовавшійся такими заботами объ устройствѣ крестьянъ, какихъ край не видѣлъ ни прежде, ни послѣ. Но тогда никто еще не предвидѣлъ ничего подобнаго. Крупною перемѣною заинтересовалась вся администрація, а намъ приходилось задаваться тревожнымъ вопросомъ: что̀ принесетъ новое назначеніе собственно для крестьянскаго дѣла,—какія ауспиціи можно усматривать въ выборѣ для Кіева оренбургскаго генералъ-губернатора, о которомъ у большинства были очень смутныя представленія?

Всѣ знали, что Безакъ—старый Николаевскій генералъ. По справкамъ выходило, что онъ—уже шестидесятипятилѣтній старикъ, командовалъ прежде артиллеріею, въ концѣ крымской войны былъ корпуснымъ командиромъ и въ военномъ мірѣ слылъ за человѣка очень дѣятельнаго, съ большою иниціативою. Говорили еще, что онъ умѣлъ составить себѣ большое состояніе. Въ Оренбургѣ ему пришлось быть и администраторомъ края, но о тамошней его дѣятельности мы могли судить только по газетамъ. Оренбургское управленіе было, во всякомъ случаѣ, преимущественно военное, между тѣмъ какъ въ юго-западномъ краѣ главныя задачи были гражданскія, повидимому для него новыя. Понятно, что недостаточность такихъ общихъ свѣдѣній побуждала обращаться съ вопросами къ людямъ, знавшимъ о Безакѣ больше или по прежней служебной близости, или изъ вторыхъ и третьихъ рукъ.

Отзывы получались все въ такомъ родѣ:—Это ничего, что карьера Безака была все военная; онъ настолько умный, дѣятельный и трудолюбивый человѣкъ, что скоро съумѣетъ хорошо ознакомиться и съ гражданскою частью. По нраву и привычкамъ—говорили—онъ суровъ, крутъ, часто рѣзокъ, но эта суровость уравновѣшивается умомъ; основныя черты его—независимость, сознаніе своей власти и большое самолюбіе; не дастъ онъ руководить собою министерству, и не сядетъ ему на шею кто-нибудь изъ служащихъ при немъ. Въ дѣло онъ вникаетъ самъ, бумаги не боится, а любитъ ее, все перечитываетъ лично, чтобы составить себѣ самостоятельное мнѣніе и не подпасть чужому вліянію даже въ частномъ случаѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень терпимъ и къ чужимъ мнѣніямъ. Самъ много не говоритъ, цѣдитъ слова сквозь зубы; если скажетъ—то уже что-нибудь вѣское; однако возраженія допускаетъ, обо всемъ разспроситъ, и

Digitized by Google

хотя поступитъ по своему сужденію, но очень терпѣливо и внимательно выслушаетъ, не затрудняясь принять и чужую дѣльную мысль. Самостоятельность доходитъ у него до того, что, не желая полагаться на начальственныя аттестаціи служащихъ вдали отъ него, Безакъ, при встрѣчѣ съ послѣдними, вступаетъ съ ними въ разговоры, имѣющіе характеръ нѣкотораго экзамена. Прибавляли даже, что въ такихъ случаяхъ онъ имѣлъ при себѣ особую записную книжку, въ которой выставлялъ проэкзаменованнымъ баллы и др. отмѣтки; да такъ и говорилъ, что я-де не хочу смотрѣть на людей чужими глазами, и когда кого изъ нихъ коснется дѣло—справляюсь по своимъ отмѣткамъ, чтобы судить о человѣкѣ самостоятельно.

Какъ ни характерны были эти отзывы, но все-же изъ нихъ нельзя было вывести ничего опредѣленнаго для будущаго отношенія Безака къ крестьянскому дѣлу, переживавшему тогда крайне критическій моментъ. Тутъ на всякіе разспросы слышалось одно:—На этотъ счетъ ужъ ничего вѣрнаго сказать не можемъ, кромѣ того развѣ, что медлить онъ не позволитъ; все зависитъ отъ того, какое направленіе онъ приметъ, чью сторону возьметъ; кажется, на практикѣ онъ мало имѣлъ дѣла съ крестьянами, и трудно угадать, станетъ ли онъ особенно ихъ защищать; ну, а если онъ станетъ на противную сторону, то это вамъ уже не вялый Аппенковъ, не знавшій, куда обернуться. Тогда онъ разомъ все сократитъ, и многимъ придется либо уйти, либо дѣйствовать по его указкѣ.

Сомнѣнія наши длились долго, отчасти потому, что Безакъ, послѣ своего назначенія, не пріѣзжалъ въ Кіевъ три мѣсяца, оставаясь въ Петербургѣ. Тамъ въ это время дозрѣвали послѣдніе плоды трудовъ временной коммиссіи, въ видѣ перешедшихъ изъ нея въ министерство и главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія законодательныхъ работъ по возбужденнымъ мѣстнымъ вопросамъ, и Безакъ желалъ лично слѣдить за ходомъ ихъ разрѣшенія. Получались у насъ немногія распоряженія, которыя то возбуждали надежды, то приводили въ смущеніе, и совокупность такихъ вѣстей оставляла новаго генералъ-губернатора предъ нами какимъ-то сфинксомъ. Нашъ губернаторъ почему-то составилъ себѣ убѣжденіе, что Безакъ окажется рѣшительнымъ противникомъ и временной коммиссіи, и проводившагося ею направленія, и всѣхъ ея сторонниковъ, что онъ уйметъ „вопросы“, —словомъ, станетъ дѣйствовать въ томъ духѣ, какой проявлялъ онъ самъ. Такъ губернаторъ порою и высказывался:—Знаю я Безака; Александръ Павловичъ, это—нашъ, артиллеристъ; по-

Digitized by Google

рѣшитъ онъ всѣ мудрованія, заставитъ работать, безъ выдумокъ; теперь ужъ не то будетъ, что было при снисходительномъ Анненковѣ: теперь—дѣлай что велятъ, а кто мудритъ, тотъ живо вылетитъ.

Около половины февраля, на масляницѣ, вдругъ получается частное извѣстіе, что временная коммиссія упразднена. Оффиціально ничего еще не было объ этомъ получено, но слухъ имѣлъ большіе признаки достовѣрности, какъ бы подтверждая губернаторскія ожиданія. Многіе смутились, видя въ этомъ знаменіе неблагопріятнаго перелома, а губернаторъ еще больше воспрянулъ и задумалъ пойти на встрѣчу грядущей перемѣнѣ устройствомъ своего рода coup d'état. Какъ-то, въ одно мясляничное утро, собралось у меня нѣсколько товарищей, членовъ губернскаго присутствія и сосѣднихъ съѣздовъ. Сидѣли мы за блинами—вдругъ входитъ губернаторскій разсыльный съ пакетами. Кромѣ меня, пакеты были и всѣмъ присутствовавшимъ, и во всѣхъ ихъ оказалось по бумагѣ одного содержанія: повѣстка съ приглашеніемъ прибыть въ воскресенье вечеромъ въ губернаторскій домъ для участія въ особомъ совѣщаніи. Дѣло казалось загадочнымъ. На другой или третій день, при встрѣчѣ съ кѣмъ-то изъ болѣе близкихъ къ губернатору лицъ, изъ словъ его можно было вывести, что предстоящее совѣщаніе имѣетъ связь съ извѣстіемъ объ упраздненіи временной коммиссіи. Губернаторъ задумалъ собрать всѣхъ бывшихъ въ эти дни въ городѣ представителей разныхъ мировыхъ съѣздовъ, а также членовъ губернскаго присутствія, сказать имъ рѣчь о томъ, что пора уже перестать мудрить, предложить сокращеніе заботъ о пониженіи выкупныхъ платежей и, можетъ быть, составить даже протоколъ совѣщанія съ осужденіемъ направленія временной коммиссіи, и дать ему дальнѣйшій ходъ. Коммиссія-то вѣдь умерла, считаться съ нею ужъ нечего,—стало быть, почему же представителямъ крестьянскихъ учрежденій не выступить противъ нея открыто, особенно когда это какъ разъ подходитъ къ новому моменту! Въ виду такихъ свѣдѣній, надо было приготовиться къ преніямъ на совѣщаніи.

Пришелъ назначенный вечеръ; въ большую губернаторскую залу собралось около двадцати человѣкъ; вышелъ губернаторъ, и мы усѣлись вокругъ покрытаго сукномъ стола. Губернаторъ началъ съ того, что, вотъ, прошелъ цѣлый годъ, назначенный для повѣрочныхъ работъ, и совершенно безплодно. Много говорили, болтали, выдумывали, пересуживали, писали, а въ результатѣ—ничего. Цѣлый годъ—и только четыре „выкупныхъ пла-

Digitized by Google

тежа"! (Онъ такъ часто говорилъ о выкупныхъ платежахъ, что обмолвливался и вмѣсто „выкупной актъ"—говорилъ „выкупной платежъ"). Этакъ, господа, нельзя, пора перестать мудрить. И всему начало тутъ—временная коммиссія! Конечно, мы еще не знаемъ, что̀ съ нею будетъ,—добавилъ онъ съ двусмысленной улыбкой,—однако всѣмъ ея науськиваніямъ надо положить конецъ. Новый генералъ-губернаторъ больше не попуститъ. Вотъ, въ послѣднемъ журналѣ коммиссіи уже прямо предлагается „соразмѣрять выкупные платежи съ крестьянскою состоятельностью"! Вотъ до чего дошли! Вы, господа, должны руководиться однимъ закономъ, только закономъ, а не усчитываніемъ крестьянскихъ средствъ, не тѣмъ, что̀ у мужика въ карманѣ. Кто можетъ знать, что̀ у мужика есть, кто лазилъ къ нему въ карманъ? Это значитъ: кто больше пьянствуетъ, кто совсѣмъ пропился, тому еще платежи сбавляй, давай поощреніе за пьянство! Другой въ кубышки денегъ напрячетъ, да въ землю зароетъ, а мы ему за это—льготу! Нѣтъ, это не законъ! И обратите вниманіе на самое выраженіе: „соразмѣрять со средствами крестьянъ"! Что̀ вы на это скажете, господа,—вотъ хоть бы вы, г. предсѣдатель?—обратился губернаторъ къ одному изъ наиболѣе нелюбимыхъ имъ, предсѣдателю съѣзда фонъ-Баху.—Развѣ есть возможность судить о количествѣ крестьянскихъ средствъ?

Послѣдовалъ отвѣтъ, что такая возможность есть. Для доходности надѣла — качество почвы, примѣры урожаевъ, цѣны; для скотоводства—достаточность пастбищъ, для заработковъ—количество свободнаго времени и размѣръ наемной платы и т. д.

— Нѣтъ съ, позвольте, это совсѣмъ не то!—рѣзко отозвался губернаторъ.—Соразмѣрять со средствами, это, значитъ, надобно пересчитывать у мужика и овецъ, и куръ, и всякую живность, и всякую мелочь, какая у него водится. Онъ напрячетъ въ кубышку, а вы куръ считать? Воля ваша, это—чистый произволъ, и вотъ къ чему васъ подбивала временная коммиссія!

Нѣсколько времени еще прошло во взаимныхъ пререканіяхъ между губернаторомъ и фонъ-Бахомъ, а затѣмъ, улучивъ моментъ, выступилъ я.

— Мнѣ кажется,—сказалъ я,—что тутъ есть большое недоразумѣніе. Да, коммиссія употребляетъ выраженіе: „соразмѣрять съ крестьянскою состоятельностью"; но вѣдь и законъ 2-го сентября 1864 года [1]) прямо говоритъ, что выкупные платежи подлежатъ пониженію „въ случаѣ несостоятельности крестьянъ"

[1]) См. V главу статьи „Крестьянск. реформа въ ю.-з. краѣ".

Digitized by Google

къ ихъ взносу и „встрѣченнаго въ этомъ отношеніи сомнѣнія". Это—буквальное выраженіе закона; стало быть, законъ имѣетъ въ виду именно размѣръ крестьянскихъ средствъ къ платежамъ, и мы обязаны съ нимъ считаться. Значитъ, употребляя такое выраженіе, временная коммиссія не противорѣчитъ закону, а напротивъ, предлагаетъ исполнять точное требованіе закона; произволомъ было бы уклоненіе отъ него, а не примѣненіе къ дѣлу. Если не считаться съ крестьянскою состоятельностью, то что̀ останется отъ закона 2 сентября и въ чемъ будетъ состоять его исполненіе?

Губернаторъ недовольно обернулся ко мнѣ:—Да кто же можетъ усчитать мужицкія средства?—вѣдь тутъ пойдутъ однѣ фантазіи!

— Нѣтъ и надобности въ совершенно точномъ учетѣ, но довольно бываетъ признаковъ существованія условій обезпеченности и несостоятельности: размѣръ надѣла, достоинство земли, сравненіе платежей съ сосѣдними платами за землю, и т. д., и т. д. Всего сразу и перечислить нельзя. При установленіи платежей, не съ тѣмъ надо считаться, что̀ у мужика есть въ данную минуту и что̀ можетъ скоро исчезнуть или увеличиться, и едва-ли потому кто-нибудь затѣетъ на самомъ дѣлѣ считать куръ или овецъ. Платежи въ неизмѣнномъ размѣрѣ назначаются на сорокъ-девять лѣтъ,—слѣдовательно, необходимо принимать въ соображеніе такія условія крестьянской состоятельности, какія имѣютъ постоянный характеръ, вотъ хотя бы тѣ, которыя мы назвали.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тоже стали заявлять, что они не видятъ никакого противорѣчія между закономъ и тѣмъ, что̀ предлагаетъ временная коммиссія. Стали приводить и частные примѣры. Чѣмъ дальше шли объясненія, тѣмъ замѣтнѣе стушевывался эффектъ губернаторскаго вступленія и настояній.

— Ну да, ну хорошо, вѣдь это вы такъ толкуете,—запальчиво опять выступилъ губернаторъ:—а знаете ли вы, какъ дѣйствуютъ другіе? Вотъ я вамъ разскажу, что̀ продѣлывали недавно въ брацлавскомъ уѣздѣ; тамъ мировой съѣздъ, по указаніямъ члена губернскаго присутствія Канищева (послѣдній былъ въ это время въ командировкѣ, въ уѣздахъ), принимался переворачивать весь крестьянскій скарбъ: ходили по дворамъ, въ мужицкія коморы (кладовыя) заглядывали, муку вѣсили, стожки хлѣба считали, овецъ пересчитывали, куръ, поросятъ,—даже, говорятъ, куръ щупали, чтобы узнать, сколько у нихъ будетъ яицъ! Вотъ что̀! Вотъ, вотъ какія послѣдствія имѣло постановленіе временной коммиссіи!

Digitized by Google

Въ совѣщаніи былъ и одинъ изъ брацлавскихъ посредниковъ, самый тихій чиновникъ. Одинъ изъ сосѣдей въ полголоса спросилъ его:—Неужели у васъ въ самомъ дѣлѣ такъ продѣлывали?—Ничего подобнаго!—отвѣтитъ тотъ:—это губернаторъ „такъ“...—Но почему же, въ такомъ случаѣ, вы молчите? вѣдь тутъ затрогивается достоинство вашего съѣзда?—Ахъ, зачѣмъ мнѣ возражать и спорить! пусть ужъ такъ сойдетъ!—робко отдѣлался скромный брацлавецъ, махнувъ рукой.

Сколько ни дѣлалъ губернаторъ усилій вернуться къ первоначальному наступательному тону—эффекта не выгоралъ. Затребовано было, для большей ясности, и прочтеніе закона 2-го сентября,—однако, текстъ его только подтверждалъ, что между нимъ и постановленіемъ коммиссіи нѣтъ никакого разнорѣчія,—слѣдовательно, не существуетъ самаго вопроса о способахъ пониманія будто бы подстрекательныхъ внушеній этого постановленія. Большинство настраивалось сообразно видимому успѣху возраженій, остальные молчали. Становилось ясно, что никакого протокола противъ временной коммиссіи затѣвать будетъ неудобно. Засѣданіе затянулось, и надо было кончить его какъ-нибудь благовидно.

— Ну, хорошо,—произнесъ наконецъ губернаторъ:—я вижу, господа, что вы понимаете дѣло правильно. Мнѣ довольно въ этомъ убѣдиться,—я этого только искалъ,—значитъ, вы не будете поступать, какъ брацлавскіе. А теперь пора уже кончить засѣданіе, и я вамъ признаюсь, что былъ у меня еще другой умыселъ: я хотѣлъ всѣхъ васъ пригласить къ себѣ завтра обѣдать. Милости просимъ откушать въ такомъ-то часу. Только, господа, я по-русски: завтра ужъ великій постъ,—накормлю постнымъ; извините.

Такъ закончилось совѣщаніе, и мы разошлись въ недоумѣніи. На другой день состоялся обѣдъ, хотя постный, но широкій, и гостепріимный хозяинъ угощалъ насъ очень радушно. Шли общіе разговоры,—однако, временами, хозяинъ, нѣтъ-нѣтъ, да и сведетъ на текущія темы, такъ что опять слышится и про кубышку, и про то, что за весь годъ составлено только четыре „выкупныхъ платежа“. Провозглашенъ былъ тостъ съ пожеланіемъ, чтобы къ слѣдующему году всѣ выкупные акты были готовы и недоимокъ по губерніи не существовало. А когда, послѣ обильнаго угощенія и подачи ликеровъ, всѣ вышли въ гостиную—бесѣда снова сосредоточилась на этихъ темахъ, и оживившійся губернаторъ сталъ высказываться уже откровенно. „Что-жъ, молъ, между нами сказать, временная коммиссія благополучно скончa-

Digitized by Google

лась; этотъ мечтавшій о гетманской булавѣ Галаганъ и смутьянъ Воронинъ—больше не у дѣлъ; Безакъ не потерпѣлъ ихъ и живо отъ себя сплавилъ. Ну, а нѣтъ этихъ подстрекателей—некому будетъ васъ больше мутить,—значитъ, пора взяться за дѣло иначе,—вотъ о чемъ надо подумать". Пошли шуточки насчетъ удалившихся, охаиванье задерживавшихъ дѣло „вопросовъ"; помянулось пониженіе выкупныхъ платежей; зацѣпленъ былъ объясненный въ предыдущей главѣ и тогда еще не разрѣшенный вопросъ о необложеніи „излишковъ по измѣренію", съ добавленіемъ вскользь по моему адресу: „вотъ этотъ самый вопросъ, что вы такъ поддерживаете" и т. д. Очень немногіе подавали легкія возражательныя реплики, большинство молчало, но между губернскими чинами находились и поддакивавшіе. Положеніе становилось натянутымъ; однако, чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивались оживленныя рѣчи нашего хозяина.

— Да, господа, примите къ свѣдѣнію, что Александръ Павловичъ—это не прежній генералъ-грбернаторъ, съ нимъ шутить нельзя. Я его знаю. Впрочемъ, что-жъ: откровенничать, такъ откровенничать. Прямо вамъ скажу, что я уже послалъ Безаку аттестаціи, какъ кто здѣсь работалъ; пусть онъ видитъ, кто работалъ по настоящему, поддерживая порядокъ, а кто вмѣсто дѣла выдумывалъ вопросы, поддерживалъ баловство да безконечные входящіе и исходящіе. Теперь Александру Павловичу извѣстно, кто просто дѣло дѣлалъ и кто были сторонниками временной коммиссіи. Скоро увидите, какъ онъ распорядится.

Нѣкоторые намеки я имѣлъ основаніе принять лично на свой счетъ, какъ это поняли и другіе. Поэтому я взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Нѣтъ, позвольте, куда же вы такъ торопитесь! — возразилъ на мой поклонъ словно спохватившійся губернаторъ.— Лучше, выпьемъ еще съ вами по бокальчику.

Я отказывался, отыскивая формальные предлоги для своего удаленія, но губернаторъ, взявъ меня подъ-руку, повелъ въ залу, гдѣ мы, ходя взадъ и впередъ, принялись объясняться.

— Я вижу, вы обидѣлись, вы приняли на свой счетъ,—сказалъ онъ,—но откровенно скажу, что это напрасно. Я говорилъ про другихъ, можетъ быть въ бесѣдѣ на-распашку сказалъ что-нибудь неосторожно, но вы этого такъ не принимайте,—мало ли что̀ иногда скажется сгоряча. Если вы думаете, что я вамъ врагъ, такъ ошибаетесь,—вы скоро это увидите. Вотъ кстати бы намъ теперь только объясниться немножко.

Пошли взаимныя объясненія. Изъ нихъ выходило, что хотя

Digitized by Google

я тоже занимался „вопросами“, обнаруживалъ снисходительность къ крестьянамъ и проявлялъ влеченіе къ временной коммиссіи, но губернаторъ понимаетъ, что это исходило изъ добрыхъ побужденій; принимаетъ онъ въ соображеніе не однѣ эти стороны дѣятельности и смотритъ на меня не такъ, какъ на тѣхъ, о которыхъ только-что говорилъ.—Съ умершей коммиссіей, вѣчный ей упокой, считаться ужъ нечего,—говорилъ онъ,—лучше все прошлое забыть, а теперь пришло уже другое время и т. д. Мои возраженія принималъ онъ дружелюбно, и понемногу объясненія приняли совсѣмъ мирный характеръ. Въ заключеніе, губернаторъ еще прибавилъ:

— Вотъ что я вамъ хотѣлъ еще сказать, благо подошла удобная минута: зачѣмъ вы такъ унижаете полицію? Вотъ и на исправника взвели обвиненіе изъ-за какого-то старосты.

— Да какъ же прикажете уважать полицію, когда она позволяетъ себѣ превышеніе власти, вмѣшивается не въ свое дѣло, производитъ поборы и т. под.? Пусть дѣйствуетъ иначе, тогда и къ ней отношеніе будетъ другое.

— Знаю, все это знаю,—отвѣчалъ губернаторъ;—ну, да, она грязная, скверная, да зачѣмъ же топтать ее еще глубже въ грязь? можно бы поснисходительнѣе, помягче, полегче...

Объясненія длились съ полчаса и кончились дружелюбно, крѣпкими рукопожатіями. Я сейчасъ же ушелъ, оставивъ у губернатора еще изрядную группу гостей. Слѣдовало ли принять все высказанное въ полной цѣнѣ, или въ немъ выразился лишь подъемъ благодушнаго настроенія—предстояло разъяснить уже послѣдующему времени.

Прошло еще нѣсколько дней—и опять серьезная, какъ будто ободряющая новость. Хотя временная коммиссія упразднена, но два главные члены ея, Воронинъ и Сабанѣевъ, оставлены Безакомъ при себѣ, въ качествѣ причисленныхъ къ министерству и откомандированныхъ къ генералъ-губернатору для трудовъ по крестьянскому дѣлу. Ушелъ, собственно, одинъ Галаганъ, которому, при его независимомъ положеніи, такая роль не подходила. Еще немного спустя узнали, что Безакъ, принимая участіе въ окончаніи производившихся въ главномъ комитетѣ законодательныхъ работъ по возбужденнымъ коммиссіею вопросамъ, вызвалъ къ себѣ въ Петербургъ именно Воронина для помощи въ этихъ работахъ, да и Галаганъ находится тоже въ Петербургѣ и даетъ въ главномъ комитетѣ объясненія при разсмотрѣніи тѣхъ же законопроектовъ, параллельно съ крупнымъ кіевскимъ помѣщикомъ, гр. Бобринскимъ. Получилось такое впечат-

Digitized by Google

тлѣніе, что Безакъ еще не отрекается отъ дѣяній коммиссіи, когда считаетъ нужнымъ пользоваться ея силами. Упраздненіе коммиссіи стало объясняться тѣмъ, что новый генералъ-губернаторъ, при своемъ властномъ характерѣ, счелъ для себя неудобною собственно коллегіальность въ направленіи дѣла, желая дѣйствовать единолично, но въ отношеніи къ его личному направленію означеннымъ упраздненіемъ еще ничего не сказано. Все это повысило интересъ къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ, и они не заставили себя ждать, прежде всего коснувшись остраго вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, считавшагося нѣкоторыми уже близкимъ къ погребенію.

Для этого вопроса подошелъ важный моментъ. Какъ объяснено въ прежней моей статьѣ, Высочайше утвержденнымъ 2 сентября 1864 года Положеніемъ разрѣшено было понижать выкупные платежи, по соображенію съ крестьянскою состоятельностью, безъ ограниченія какою-либо максимальною нормою, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, коль скоро пониженіе требовалось больше 15 процентовъ,—оно нуждалось въ генералъ-губернаторскомъ утвержденіи. Такимъ образомъ, отъ генералъ-губернатора зависѣло—какъ придать ему самое широкое примѣненіе, такъ и сократить его до ничтожныхъ размѣровъ, т.-е. одинъ изъ важнѣйшихъ интересовъ дѣла вполнѣ подчиненъ былъ административному вліянію. Первоначальное проектированіе пониженій предоставлялось мировымъ съѣздамъ, потомъ подвергалось критикѣ губернскаго присутствія, а далѣе дѣло приходило на окончательное рѣшеніе въ Кіевъ. Понятно, что проекты пониженій требовали объединенія, потому что еслибы въ каждомъ уѣздѣ ихъ составляли на свой ладъ, то даже при одинаковыхъ условіяхъ однимъ селеніямъ могло бы назначаться большое пониженіе, а другимъ—совсѣмъ малое или никакого, причемъ самому генералъ-губернатору трудно было бы разбираться въ подобной разноголосицѣ. Чтобы ограничить вліяніе случайныхъ усмотрѣній, надо было насколько можно точнѣе опредѣлить, при какихъ признакахъ несостоятельности уменьшать платежи и въ какихъ предѣлахъ по каждому признаку.

Мысль о такомъ объединеніи получила первое движеніе въ Волыни, по иниціативѣ губернатора Черткова. Еще въ концѣ 1864 года тамъ были собраны представители всѣхъ мировыхъ съѣздовъ для совѣщанія, которое успѣло установить нѣкоторыя общія основанія. Та же мысль подвигалась и временною коммиссіею, послѣ объѣзда ея членами нѣкоторыхъ мѣстностей, въ результатѣ чего явилось то самое постановленіе, противъ кото-

Digitized by Google

раго такъ возставалъ нашъ губернаторъ на описанномъ выше масляничномъ совѣщаніи и за бывшимъ на другой день обѣдомъ. Но едва комиссія успѣла начать, какъ была уже упразднена и дѣло это осталось неконченнымъ. Тогда за него взялся Безакъ въ Петербургѣ. Въ серединѣ поста получено было его распоряженіе—созвать въ Кіевѣ и въ Каменцѣ съѣзды для систематизированія пониженій въ губерніяхъ кіевской и подольской. Въ составъ каждаго изъ нихъ должны были войти представители всѣхъ мировыхъ съѣздовъ губерніи, члены губернскаго присутствія, нѣсколько волынскихъ представителей, какъ пріобрѣвшихъ опытность въ данномъ дѣлѣ, и лицо, особо назначенное генералъ-губернаторомъ. Составленные съѣздами проекты системы пониженій подлежали представленію на генералъ-губернаторское разсмотрѣніе.

Созваніе съѣздовъ вызвало много самыхъ разнообразныхъ догадокъ, потому что никакихъ указаній относительно расширенія или сокращенія задачи пониженій дано не было. Съѣздамъ предоставлялась свобода высказываться. Развивается или парализуется вопросъ—объ этомъ каждый строилъ свои предположенія. Многіе стали готовить записки съ изложеніемъ своихъ соображеній, предвидѣлся боевой характеръ совѣщаній, но эти съѣзды, можно сказать, представили послѣдній актъ борьбы за направленіе въ мѣстномъ крестьянскомъ дѣлѣ.

V.

Завершеніе борьбы.

Нашъ съѣздъ состоялся въ Каменцѣ въ концѣ марта, на шестой недѣлѣ поста, и былъ очень многолюденъ: два ближайшихъ къ губернскому городу мировыхъ съѣзда въ полномъ составѣ; отъ остальныхъ десяти—предсѣдатели и по одному посреднику; мѣстное губернское присутствіе; изъ волынской губерніи одинъ членъ присутствія и предсѣдатели двухъ мировыхъ съѣздовъ; кромѣ того, генералъ-губернаторомъ былъ командированъ на съѣздъ бывшій членъ временной коммиссіи Сабанѣевъ. Всего собралось болѣе сорока человѣкъ.

Когда съѣхалось уже большинство, губернаторъ созвалъ насъ въ предварительное вечернее засѣданіе. Тутъ недоставало только очень немногихъ.—Что-жъ, господа,—открылъ засѣданіе губернаторъ:—черезъ день мы уже формально начнемъ обсуждать по-

Digitized by Google

ниженіе выкупныхъ платежей,—значитъ, теперь не мѣшаетъ подготовиться и сколько-нибудь столковаться. Вы до сихъ поръ такъ усердно раздували этотъ вопросъ, что многіе изъ васъ ужъ навѣрное сочинили разныя записки, соображенія, мнѣнія; такъ не откажитесь просвѣтить насъ заранѣе насчетъ того, что вы придумали.

Узнавъ, что записки дѣйствительно есть, онъ мнѣ первому предложилъ читать. Моя записка указывала нѣсколько главныхъ неблагопріятныхъ признаковъ крестьянскаго устройства, сообразно которымъ предлагалось пониженіе платежей: недоброкачественность земли, дальность полей отъ усадебной осѣдлости, недостаточный размѣръ надѣла, незначительность усадебъ и прекращеніе для крестьянъ пользованія лѣснымъ матеріаломъ. По каждому признаку проектировались особыя нормы пониженія съ объяснительною мотивировкою. Какъ только я кончилъ, губернаторъ обратился ко мнѣ съ агрессивнымъ вопросомъ:

— Хорошо-съ; а скажите мнѣ, до чего же дойдутъ, по вашему, выкупные платежи въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сойдутся всѣ указанныя вами неблагопріятныя для крестьянъ условія,—т.-е., гдѣ и земля плоха, и лѣсу нѣтъ, и поля далеко отъ деревни, и надѣлъ маленькій? Признайтесь, что въ такомъ имѣніи вы доведете выкупной платежъ до нуля. Правда?

— Нѣтъ, до нуля не дойдетъ,—отвѣчалъ я,—но тутъ и мнѣ придется поставить вопросъ: чего же стоитъ крестьянское устройство при соединеніи столькихъ дурныхъ условій?

Губернаторъ отвѣтилъ предложеніемъ читать другія записки, которыхъ было нѣсколько. Однѣ предлагали ввести въ каждой мѣстности подраздѣленія по степени достоинства земли; по другимъ слѣдовало принимать въ соображеніе, кромѣ производительности надѣла, еще условія сбыта продуктовъ и т. д. Были и совсѣмъ безсодержательныя упражненія. Одинъ изъ посредниковъ, бывшій чиновникъ государственныхъ имуществъ, написалъ очень длинно, но почти все такое, что совсѣмъ не шло къ дѣлу; тутъ разсказывалось и про бывшую въ 1848 году холеру, когда умирало много домохозяевъ, отчего образовывались вакансы, и про существованіе деревень на каменистомъ берегу рѣки, и т. д., но не видно было лишь того, что предлагаетъ самъ авторъ. Хотя губернаторъ благоволилъ къ этому посреднику, однако недовольно замѣтилъ ему:—Вы намъ только какую-то исторію расписали!

Послѣ записокъ, начался легкій обмѣнъ мнѣній. Онъ мало прибавилъ, но ясно показалъ, до чего разнообразны въ участ-

Digitized by Google

никахъ ожиданія. Замѣтно стало, что пріѣзжіе находились подъ вліяніемъ массы предшествовавшихъ слуховъ, догадокъ и опасеній относительно того, какое именно наступаетъ направленіе. Распространяясь въ уѣздную глушь, эти слухи принимали крайне разнообразный характеръ. Инымъ казалось, что дѣло пониженія нѣсколько движется впередъ, но другіе думали, что оно погребается, и въ зависимости отъ того пріѣзжіе являлись то съ поникшею головою, то готовые со рвеніемъ доказывать богатство крестьянъ, исключающее всякія заботы о размѣрѣ ихъ повинностей. Слышны были искренніе голоса, но чувствовалась также смѣсь живого элемента съ мертвымъ, частицы общественной нравственной силы съ чиновничьею готовностью и услужливостью и даже съ антипатичною тенденціозностью. Все это располагало ожидать довольно тяжелой борьбы.

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе,—вкрадчиво вставилъ одинъ изъ пріѣзжихъ по поводу записки:—вотъ у меня въ участкѣ два сахарныхъ завода и тамъ крестьяне имѣютъ большіе заработки; что-жъ, неужели и тамъ намъ надо дѣлать пониженія?

Ему отвѣтили:—Сегодня заводы дѣйствуютъ, а завтра могутъ закрыться, между тѣмъ какъ выкупные платежи опредѣляются на 49 лѣтъ, и потому требуютъ для своего обезпеченія постояннаго надежнаго источника; вотъ вамъ и отвѣтъ. (Словно нарочно, одинъ изъ этихъ заводовъ дѣйствительно скоро закрылся).

— А я,—разсказываетъ другой пріѣзжій своему сосѣду,—всегда поступаю такъ: какъ только мировой съѣздъ постановитъ пониженіе, прибавляю особое мнѣніе: на все согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы пониженіе, вмѣсто пятнадцати, было только въ пять процентовъ или не назначалось вовсе.

Словомъ, выступали уже попытки отличаться своимъ нерасположеніемъ къ пониженію. Однако, ожиданія тенденціозной борьбы, благодаря случайному обстоятельству, оправдались совсѣмъ не въ томъ видѣ, какой предполагался вначалѣ. Какъ видно изъ уже сказаннаго, проявленія оппозиціи исходили преимущественно изъ предположеній о неблаговоленіи къ пониженію высшаго начальства, а тутъ именно съ этой стороны выступило нѣчто смущающее. На другой день послѣ предварительнаго засѣданія, однимъ изъ членовъ губернскаго присутствія получено было изъ Петербурга письмо отъ Воронина, изъ котораго оказывалось, что Безакъ очень участливо относится къ положенію крестьянъ и дѣятельно изучаетъ всѣ стороны дѣла, а что онъ не противникъ пониженій, то это видно уже изъ того,

Digitized by Google

что онъ на дняхъ нисколько не затруднился утвердить крупное пониженіе по одному волынскому имѣнію. Содержаніе этого письма быстро распространилось между участниками съѣзда, которые, проживая въ городѣ, сообщались между собою, и произвело большое впечатлѣніе. Выходило, что прежнія представленія лишены твердаго основанія, и если новый генералъ-губернаторъ назначилъ съѣздъ, то не ради формы, а для дѣйствительно серьезнаго приведенія дѣла къ опредѣленной системѣ. Когда начали собираться къ открытію съѣзда въ губернаторскую залу, пошли оживленные толки и шушуканья по кружкамъ. Будущность, конечно, еще оставалась загадочною, однако брошено было крупное зерно сомнѣнія. Въ мудреное и нѣсколько забавное положеніе попали люди чиновничьяго закала, которымъ все равно, куда бы дѣло ни пошло, такъ какъ предъ ними вдругъ выросъ вопросъ: какъ быть, чтобы не попасть въ просакъ? Въ какую сторону тянуть, чтобы не разойтись съ желаніями начальства, и къ кому присоединяться при подачѣ мнѣній? При новыхъ разговорахъ съ ними уже послышалось, что на предварительномъ собраніи ихъ невѣрно поняли и что они хотѣли высказать что-то совсѣмъ другое. Такъ одинъ изъ значительныхъ элементовъ оппозиціи уже стушевался.

Съѣздъ былъ открытъ. Много глазъ обратилось на Сабанѣева, въ которомъ предполагали наибольшую освѣдомленность по части генералъ-губернаторскихъ намѣреній, но въ дѣйствительности онъ не вполнѣ былъ въ курсѣ дѣла и, при своей обычной осторожности, доходившей до уклончивости, держался замкнуто, избѣгая опредѣленныхъ указаній по существу и заботясь собственно о формальномъ движеніи. По предложенію губернатора, дѣло опять началось съ прочтенія записокъ, при чемъ моя снова фигурировала первою. Сабанѣевъ сейчасъ сдѣлалъ на нее замѣчаніе.

— Все это хорошо, — сказалъ онъ, — только вотъ едва-ли правильно ваше мнѣніе о размѣрѣ надѣла. Вы предлагаете усиливать пониженіе платежей тамъ, гдѣ надѣлъ особенно малъ, а между тѣмъ изъ приложенія къ 150-ой ст. Положенія видно, что законъ, раздѣляя губерніи на мѣстности, въ преобладаніи тѣхъ или другихъ размѣровъ надѣла видѣлъ признакъ извѣстнаго достоинства земли, слѣдовательно, гдѣ надѣлъ меньше, тамъ земля предполагается лучшая. Вотъ у васъ и выходитъ какъ будто несогласіе съ закономъ.

— Да, да, это вѣрно, — поспѣшно подкрѣпилъ съ своей стороны губернаторъ, какъ бы видя въ Сабанѣевѣ поддержку себѣ.

Digitized by Google

— Положеніе, дѣйствительно, предполагаетъ въ преобладаніи мéньшихъ надѣловъ внѣшнее указаніе на достоинство земли,— отвѣтилъ я Сабанѣеву, — но теперь нашему обсужденію подлежитъ не одно достоинство земли и мы считаемся не только съ первоначальнымъ Положеніемъ, но и съ позднѣйшимъ его дополненіемъ 2-го сентября 1864 года, которое уже требуетъ, чтобы заключенія о пониженіи платежей основывались на условіяхъ крестьянской состоятельности вообще, въ чемъ бы они ни заключались. Слѣдовательно, нужно прежде всего рѣшить вопросъ: имѣетъ ли размѣръ надѣла вліяніе на крестьянскую состоятельность? И если имѣетъ, то нѣтъ основанія отказываться отъ принятія его въ соображеніе при заключеніяхъ о пониженіи. Такія заключенія не только не будутъ въ противорѣчіи съ закономъ, но именно выразятъ исполненіе точнаго смысла требованій Положенія 2-го сентября.

Сабанѣевъ не поддержалъ губернатора и ограничился уклончивою репликою:—Да я вовсе не настаиваю; это я замѣтилъ такъ, отъ себя; конечно, обсудить это слѣдуетъ съѣзду.

Послѣ записокъ начались сужденія. Самымъ безспорнымъ признакомъ состоятельности и несостоятельности, конечно, явилось достоинство земли, какъ основаніе производительности крестьянскаго надѣла. Тутъ не слышалось никакихъ возраженій, но большой расколъ немедленно образовался по вопросу, какъ опредѣлять эти достоинства и производительность? Большинство находило, что слѣдуетъ принимать въ основаніе характеръ почвы: черноземъ, суглинокъ, глину, супесь и т. п., причемъ для платежей цѣнить почвы въ установленномъ взаимномъ процентномъ отношеніи. Но противъ этого рѣшительно возсталъ гайсинскій предсѣдатель Энгельгардтъ, придумавшій свою систему, и къ нему вначалѣ присоединилось нѣсколько человѣкъ. По этой системѣ, въ основаніе полагался разсчетъ фактической урожайности: сколько зеренъ даетъ урожай на одно зерно посѣва? Если выходитъ самъ-семь—назначается одинъ платежъ, если самъ-третьй—другой и т. п. И съ перваго взгляда основаніе это выступало довольно благовидно.

— Судить о достоинствѣ земли по одному наружному ея обозрѣнію нельзя,—говорилъ представитель означенной системы: —нужны факты, изъ которыхъ бы видно было, что̀ именно даетъ земля. Поэтому надо въ каждомъ имѣніи пересматривать экономическія книги за десять лѣтъ и, на основаніи ихъ, дѣлать средніе выводы урожайности. Такое основаніе будетъ прочно и безспорно, тѣмъ болѣе, что на урожаи вліяетъ не одно достоин-

Digitized by Google

ство почвы, но также и атмосферическія условія. Въ помѣщичьихъ книгахъ будетъ виденъ результатъ всѣхъ этихъ условій.

Но на это отвѣчали рѣшительными возраженіями въ такомъ родѣ: какъ ни важенъ былъ бы выводъ изъ десятилѣтняго опыта, но для полученія его прежде всего нужны достаточныя и вполнѣ достовѣрныя данныя,—а можемъ ли мы вездѣ имѣть ихъ за подобный періодъ? Экономическія книги могутъ давать свѣдѣнія о *помѣщичьихъ* земляхъ, а намъ предстоитъ цѣнить *крестьянскія*, часто отъ нихъ отличающіяся, значитъ, изъ книгъ будетъ почерпнуто вовсе не то, что̀ намъ пригодно. Развѣ можно заставлять крестьянъ платить дороже за ихъ плохую землю только потому, что помѣщикъ съ „своей“ собиралъ обильную жатву? Во многихъ имѣніяхъ экономическихъ книгъ за сколько-нибудь продолжительное время и не найдется,—что̀ же тогда дѣлать? Въ иныхъ имѣніяхъ, особенно мелкихъ, книгъ даже вовсе не вели. Да если гдѣ и окажется достаточный экономическій архивъ—нельзя видѣть въ немъ чего-то непогрѣшимаго. Развѣ инвентари составлялись не такими же экономіями,—а сколько въ нихъ встрѣчается безсмыслицы! Лучшія имѣнія, по показаніямъ инвентарей, нерѣдко оказываются дававшими урожай самъ-четвертъ, а худшія—самъ-восемь; о великолѣпномъ черноземѣ писалось, что онъ требуетъ громаднаго удобренія, тогда какъ дрянныя земли выставлялись ненуждающимися въ удобреніи. На показаніяхъ книгъ, кромѣ вліянія почвы и атмосферныхъ условій, отражаются еще степень исправности или неряшливости хозяйства, степень добросовѣстности управляющихъ и экономовъ, которые нерѣдко обманывали своихъ господъ. Значитъ, мы рискуемъ получить не только не то, что̀ относится къ крестьянскимъ землямъ, но и не то, что̀ вѣрно изображаетъ достоинство помѣщичьихъ. Если мы рѣшимъ основываться на книгахъ въ такомъ интересномъ дѣлѣ, то кто поручится, что ихъ не станутъ теперь писать заднимъ числомъ? Наконецъ, насколько пришлось бы затянуть дѣло, заставивъ мировые съѣзды по каждому имѣнію копаться въ обрывкахъ книгъ и отдѣльныхъ листкахъ—и все-таки съ неувѣренностью, что получится цѣлесообразный матеріалъ. Между тѣмъ, качество почвы если не даетъ вполнѣ точныхъ данныхъ—какихъ и нигдѣ нельзя добыть,—то составляетъ признакъ ясный, наглядный.

Какъ ни сильны были, однако, подобныя возраженія—противники не сдавались, и обѣ стороны крѣпко стояли на своемъ: одна—за качество земли, а другая—за число зеренъ, почему представителей обѣихъ системъ шутя прозывали „землистами“ и

Digitized by Google

„зернистами“. Послѣ многихъ споровъ, на сторону державшихся характера земли стало рѣшительное большинство, а на противоположную—представители гайсинскаго уѣзда съ какою-то маленькою прибавкою. Когда пренія уже достаточно разгорѣлись, выступилъ Сабанѣевъ:

— Вотъ мы ужъ много поговорили, много хорошихъ словъ выслушали, а дѣло все-таки не подвинулось. Между тѣмъ, главное-то—результатъ! Спорить можно очень долго, а придти-то надо къ чему-нибудь положительному. По моему бы,—конечно, вы можете согласиться или не согласиться,—всего лучше такъ: выберите изъ себя коммиссію человѣка въ три, пусть она разработаетъ проектъ, а послѣ мы его разсмотримъ въ собраніи. Вотъ сегодняшнее засѣданіе сколько-нибудь и подвинетъ дѣло.

Послышались-было возраженія, что дѣло коммиссіи—выработка подробностей, а установленіе началъ—дѣло собранія, которое до нихъ еще не договорилось, но Сабанѣевъ нашелъ, что̀ отвѣтить—въ интересахъ формальнаго ускоренія: да вы и такъ, молъ, столкуетесь; кто изъ собранія имѣетъ что-нибудь сказать, тотъ скажетъ и членамъ коммиссіи, а теперь составимъ коммиссію, да и разойдемся.

Большинство согласилось. Выборъ коммиссіи устроили закрытою баллотировкою, записками, и въ результатѣ выбрали Кавищева, меня и летичевскаго предсѣдателя, Краевскаго. Не попалъ въ коммиссію ни одинъ зернистъ.

Такъ дѣло сразу уведено было изъ собранія въ маленькій кружокъ. Полномочія собранія имѣла, собственно, одна наша коммиссія, но слабенькое меньшинство тоже не захотѣло уступать поля борьбы и принялось работать отдѣльно. Вышло двѣ партіи. Образовался большой перерывъ засѣданій, въ теченіе котораго большинству съѣхавшихся нечего было дѣлать. Многіе по временамъ навѣдывались къ намъ, а мы большею частью собирались у Пассека. Составлялись иногда большіе кружки; нѣкоторые заходили къ меньшинству, руководимому Энгельгардтомъ, но были и такіе, которые заглядывали въ оба кружка, приглядываясь, что̀ будетъ, и дѣлая соображенія для себя.

Среди процесса нашихъ работъ вдругъ появилось новое омрачающее обстоятельство. Губернаторъ, за изображеннымъ въ предыдущей главѣ обѣдомъ, не даромъ проговорился, что представилъ Безаку аттестаціи тѣхъ, кого онъ не одобрялъ, и Безакъ на этотъ разъ положился на его аттестацію. Цѣлая группа людей изъ состава разныхъ съѣздовъ разомъ была уволена. Въ число удаленныхъ попали люди различные: были дѣйствительно

Digitized by Google

отличавшіеся лѣностью и неспособностью, но были также и вполнѣ полезные, не взлюбленные за направленіе. Попалъ даже членъ губернскаго присутствія Пассекъ, что̀ насъ очень огорчило. Говорили, что для удаленія его употребленъ былъ особый пріемъ: Пассекъ былъ расхваленъ, но съ прибавкою, что, къ сожалѣнію, онъ, по своей дряхлости, работать не можетъ, тогда какъ положеніе дѣла настоятельно требуетъ людей дѣятельныхъ, рабочихъ; а Безакъ, внявъ этому, и порѣшилъ. Не ручаюсь, однако, за вѣрность этого разсказа. На мѣсто Пассека назначенъ былъ губернаторскій любимецъ Энгельгардтъ. Старикъ Пассекъ былъ очень обиженъ своимъ удаленіемъ, но продолжалъ живо интересоваться дѣломъ и участвовать въ нашихъ совѣщаніяхъ. Я уцѣлѣлъ, и не могъ не припомнить недавняго намека губернатора, что онъ не смѣшиваетъ меня съ безусловно имъ нелюбимыми и что я скоро увижу доказательство тому. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ уволенныхъ, по пріѣздѣ Безака въ Кіевъ, были вновь имъ назначены въ другіе уѣзды. Какъ бы то ни было, губернаторскіе фонды въ глазахъ многихъ поднялись и составилось мнѣніе о способности Безака къ скоропалительнымъ рѣшеніямъ, что еще разъ затемнило горизонтъ, усиливъ для части съѣзда сомнѣнія—куда тянуть, какая сторона возьметъ верхъ.

Наша комиссія, работая надъ проектомъ, держалась въ оцѣнкѣ надѣловъ и платежей характера почвы, какъ болѣе яснаго признака, и примѣняла къ каждой почвѣ оцѣночныя основанія, принятыя въ инструкціяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ для казенныхъ крестьянъ. Одна почва цѣнилась на извѣстное число процентовъ выше или ниже другой. Вообще, мы дѣйствовали дружно, хотя и не безъ разномыслія. Чуть ли не единственный поводъ къ послѣднему дала моя мысль о необходимости, кромѣ качества почвы, считаться и съ размѣромъ надѣла. Одинъ членъ коммиссіи (Канищевъ), соглашаясь съ этою мыслью по существу, затруднялся внести ее въ проектъ, опасаясь лишняго осложненія и полагая, что сложность можетъ произвести неудобное впечатлѣніе на генералъ-губернатора.—Качество почвы—говорилъ онъ—дѣло ясное, а о размѣрѣ надѣла могутъ быть еще споры.—Другой же членъ коммиссіи не говорилъ ни да, ни нѣтъ, и дѣло по этому пункту не шло. Когда зашелъ объ этомъ разговоръ съ Сабанѣевымъ, то онъ тоже, не возражая по существу, совѣтовалъ мнѣ не настаивать, приводя политическія соображенія:—Надо-де дѣйствовать согласно; и такъ уже разнорѣчій много, зачѣмъ же выставлять, что и между вами

Digitized by Google

полнаго согласія нѣтъ! Да, впрочемъ, это я все такъ, отъ себя только говорю, дѣйствуйте какъ знаете!—прибавилъ онъ обычную оговорку. Мысль о размѣрѣ надѣла пошла въ ходъ уже впослѣдствіи.

Меньшинство же задалось довольно хитрою идеею: выражая наружную готовность даже къ широкимъ пониженіямъ, обставить дѣло такъ, чтобы на практикѣ изъ этого осуществлялось очень мало. Такой замыселъ какъ бы шелъ на встрѣчу всякому направленію, какое бы ни возобладало впереди. Если будетъ благопріятствованіе пониженію, то можно будетъ сказать: вотъ мы и готовы понижать широко; а если окажется противное, то готовъ другой выходъ: да вѣдь мы назначаемъ большія пониженія только для такихъ исключительныхъ случаевъ, которые встрѣтятся крайне рѣдко, а въ обыденныхъ случаяхъ все ограничится лишь маленькою сбавкою платежа или обойдется даже совсѣмъ безъ нея. Словомъ,—и есть пониженіе, и нѣтъ его. По этому проекту, значительныя пониженія выводились при урожаяхъ, показанныхъ по книгамъ что-то около самъ-другъ,—чего, конечно, и ожидать было мудрено,—а для урожаевъ чаще встрѣчающихся проектировались какія-то ничтожныя нормы. При отдаленности крестьянскихъ полей отъ деревни, пониженіе начиналось только съ 5 верстъ и съ 5 процентовъ, послѣ чего за каждую послѣдующую версту полагалось по одному добавочному проценту, и отсюда дѣлался выводъ, что крестьяне за одно удаленіе полей могутъ получать скидку до 15 процентовъ, тогда какъ, разумѣется, 15-верстныя разстоянія могли быть только въ воображеніи. Какъ ни чувствительно стѣсненіе хозяйства отъ дальности полей, но даже при пяти верстахъ, по проекту, мужикъ облегчался менѣе чѣмъ на пятиалтынный съ десятины въ годъ. Однако, во внѣшнемъ итогѣ такой хитрой системы получался большой эффектъ: при соединеніи всѣхъ невыгодныхъ условій, пониженіе выходило въ 117 процентовъ! Губернаторъ, какъ объяснено выше, заподозрилъ-было меня, что я хочу мѣстами сводить выкупной платежъ къ нулю, а тутъ изъ проекта вытекало, что въ иныхъ случаяхъ мужика не только слѣдуетъ совсѣмъ освободить отъ платежа, но еще помѣщикъ долженъ приплатить ему 17 процентовъ. Какой еще требовать защиты крестьянскаго интереса! Въ этой защитѣ авторъ проекта выступалъ даже plus catholique que le pape lui-même. Словомъ, общее основаніе выходило такое: на бумагѣ, для маловѣроятныхъ случаевъ, обѣщалось мужику очень много, а на дѣлѣ предвидѣлось нѣчто очень мизерное.

Digitized by Google

За нѣсколько дней до Пасхи опять состоялось общее собраніе для разсмотрѣнія двухъ готовыхъ проектовъ: большинства, т.-е. нашей коммиссіи, и Энгельгардтовскаго меньшинства. Опять пошли споры. Опять политично держался Сабанѣевъ, замѣтивъ только Энгельгардту, что допущеніе 117-процентнаго пониженія даже наружно представляетъ абсурдъ, противъ чего не нашелъ возраженія самъ авторъ хитрой системы. Но, при всей горячности споровъ, никакого соглашенія между двумя проектами послѣдовать не могло, такъ что участникамъ съѣзда оставалось только распредѣлиться между ними. Одни стали прикладывать руки къ проекту большинства, другіе—къ проекту меньшинства. Отъ послѣдняго въ рѣшительный моментъ перешло на нашу сторону еще нѣсколько человѣкъ и въ меньшинствѣ сохранилось всего два-три человѣка. Наружно торжество оставалось за нами, но это еще не было концомъ.

За проектами двухъ сторонъ съѣзда должно было еще слѣдовать заключеніе губернскаго присутствія, а тутъ обстоятельства измѣнились не въ нашу пользу. Съ уходомъ Пассека, исчезалъ въ присутствіи нашъ сторонникъ, а Энгельгардтъ самъ попалъ въ члены присутствія, усиливъ собою прежнее большинство. Участники съѣзда разъѣхались, увозя съ собою сомнѣнія объ исходѣ дѣла, губернское же присутствіе взялось направлять дѣло по своему. Оно не только примкнуло къ проекту меньшинства, но присоединило къ нему еще новый ухудшающій элементъ, введя такой пунктъ: если, при повѣркѣ уставной грамоты, въ имѣніи не найдется экономическихъ книгъ, свидѣтельствующихъ объ урожайности земель, то мировой съѣздъ долженъ поручить одному изъ землемѣровъ-таксаторовъ опредѣлить характеръ почвы и вывести урожайность, а потомъ на его заключеніи основать постановленіе о размѣрѣ платежей. Такъ члены мировыхъ съѣздовъ совсѣмъ устранялись присутствіемъ отъ одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ дѣла и главная суть ея передавалась случайнымъ техникамъ очень невысокаго уровня познаній. У мирового съѣзда отнималось право отличать черноземъ отъ глины, и въ этомъ онъ долженъ былъ уступать рѣшенію землемѣра. Такъ какъ съ вопросомъ о пониженіи платежей связывался вопросъ о тысячахъ и десяткахъ тысячъ рублей выкупной суммы, то легко себѣ представить, какому соблазну подвергался бы тутъ попавшій въ жреческую роль землемѣръ. Помимо вольныхъ и невольныхъ ошибокъ, сколько бы могло тутъ развиться взяточничества! Вѣдь за заключеніе о размѣрѣ выкупной суммы могли бы платить дорого. Въ присутствіи нѣко-

Digitized by Google

торые слегка поспорили противъ такого рѣшенія, но отдѣльное письменное мнѣніе противъ постановленія подалъ одинъ Канищевъ.

Такъ у генералъ-губернатора сошлось три проекта: большинства, меньшинства и губернскаго присутствія. Безакъ пріѣхалъ въ Кіевъ уже въ концѣ апрѣля. Къ нему отправились всѣ губернаторы. Онъ сказалъ всѣмъ собравшимся короткую рѣчь, въ которой, между прочимъ, выразилъ, что обратитъ на ходъ крестьянскаго дѣла особое вниманіе и будетъ лично слѣдить за дѣйствіями всѣхъ къ нему приставленныхъ, энергично отстраняя всякія препятствія. Замѣтно стало, что послѣ кіевскихъ объясненій у всѣхъ руководителей лица стали серьезнѣе и распространилось мнѣніе, что настала дѣйствительно серьезная пора, когда нельзя будетъ пробавляться одними толками и тормазами. Немного погодя, пришло и рѣшеніе о результатахъ съѣздовъ. Нашему губернскому присутствію поручено было составить новую систему пониженій, принявъ въ основаніе проектъ большинства и добавочныя замѣчанія самаго генералъ-губернатора. Хитрая механика вычисленія зеренъ по экономическимъ книгамъ и рѣшающая роль землемѣровъ улетѣли безвозвратно.

Губернское присутствіе должно было преподать новыя, болѣе положительныя и пригодныя къ практическому пользованію нормы пониженій для отдѣльныхъ признаковъ хозяйственнаго положенія крестьянъ. Правда, и эта система впослѣдствіи оказывалась неохватывающею всѣхъ важныхъ практическихъ условій, но рѣшительная перемѣна чувствовалась уже въ томъ, что съ этого момента облегченіе платежей стало общимъ правиломъ. Система же расширялась и измѣнялась сообразно дальнѣйшимъ указаніямъ опыта.

Почти одновременно съ пріѣздомъ генералъ-губернатора появилось и нѣсколько новыхъ законовъ, чѣмъ наслѣдіе временной коммиссіи исчерпывалось.

Для ускоренія повѣрочныхъ работъ учреждались временно повѣрочныя отдѣленія. По Высочайше утвержденному 4-го апрѣля 1865 года Положенію, въ уѣздахъ, гдѣ это оказывалось нужнымъ, часть мировыхъ посредниковъ съ предсѣдателемъ съѣзда должна была производить повѣрки въ одной части уѣзда, а остальные, войдя въ составъ повѣрочнаго отдѣленія и имѣя особаго предсѣдателя—въ другой. Повѣрочныя отдѣленія на практикѣ учреждались не вездѣ, но гдѣ они были, тамъ дѣло значительно ускорялось одновременными дѣйствіями двухъ коллегій—съѣзда и отдѣленія.

Digitized by Google

Въ тотъ же день утверждены были еще два Положенія: о крестьянскихъ фруктовыхъ садахъ, расположенныхъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ, и объ устраненіи практическихъ затрудненій къ возстановленію состава инвентарнаго надѣла. По первому, окончательно закрѣплялось признаніе крестьянскаво права на фруктовые сады, но съ тѣмъ, что помѣщикъ можетъ замѣнять ихъ отводомъ участковъ другой земли, пригодныхъ для разведенія такихъ же садовъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ, въ вознагражденіе за деревья, или соотвѣтствующей денежной суммы, или пятнадцатилѣтняго пользованія деревьями прежнихъ садовъ.

По второму же Положенію дозволялось отступать отъ возстановленія надѣла въ старыхъ инвентарныхъ границахъ для слѣдующихъ случаевъ: когда нарушеніе этихъ границъ было слѣдствіемъ раздѣла имѣнія между сонаслѣдниками, продажи изъ имѣнія части земли, переселенія крестьянъ или прежняго существованія переложнаго хозяйства, а также если на отобранной отъ крестьянъ землѣ уже возведены цѣнныя помѣщичьи постройки, сносъ которыхъ явно обременителенъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, вмѣсто возврата прежнихъ земель, допускался отводъ крестьянамъ новыхъ въ томъ же размѣрѣ и съ вознагражденіемъ за такой обмѣнъ или по соглашенію сторонъ, или въ видѣ добавочнаго еще пониженія выкупныхъ платежей, независимо отъ крестьянской состоятельности. При обнаруженіи же еще какихъ-либо непредусмотрѣнныхъ затрудненій къ возстановленію инвентарнаго надѣла, рѣшеніе предоставлялось усмотрѣнію генералъ-губернатора.

Спустя еще нѣсколько времени, 28-го апрѣля состоялся и законъ объ исправленіи выкупныхъ договоровъ и выкуповъ по одностороннему помѣщичьему требованію, утвержденныхъ до обязательнаго выкупа. Но способы этого исправленія оказались уже настолько сложными и затрудняющими дѣло, что въ новомъ законѣ видимо было отраженіе петербургской борьбы съ теченіями. По этому закону, въ случаѣ жалобъ крестьянъ на упомянутые выкупы, мировые съѣзды должны были „собирать свѣдѣнія“ о формальныхъ нарушеніяхъ въ дѣлѣ (учетъ крестьянскихъ подписей подъ приговорами и т. под.) и о тѣхъ потеряхъ, какія крестьяне понесли отъ неправильнаго выкупа. По признаніи его неправильности мировымъ съѣздомъ, губернскимъ присутствіемъ и генералъ-губернаторомъ, послѣдній предлагаетъ помѣщику добровольно удовлетворить крестьянскія претензіи, а въ случаѣ отказа—представляетъ черезъ министерство въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія о кассаціи состоявшагося выкупа, и только послѣ

Digitized by Google

этой кассаціи повѣрка крестьянскаго устройства могла быть начата мировымъ съѣздомъ уже на общемъ основаніи. Процессъ—крайне затяжной, и, благодаря тому, дѣло чрезвычайно затормазилось. Во время управленія Безака поспѣло исправленіе сравнительно немногихъ договоровъ по согласію помѣщиковъ, а остальные дожидались новыхъ неблагопріятныхъ временъ, и теперь трудно даже сказать, какая часть старыхъ выкуповъ исправлена основательно, какая—неудачно и сколько ихъ осталось совсѣмъ безъ исправленія.

Пришла благопріятная для повѣрочныхъ работъ весенняя пора и мировые съѣзды взялись за истинно страдную для нихъ работу, длившуюся почти два года сплошь. Принципіальная борьба затихла, путь былъ уже расчищенъ законодательствомъ, а кіевская администрація энергично побуждала къ безостановочному движенію дѣла впередъ.

Съ начала же лѣта Безакъ принялся за объѣздъ уѣздовъ, посѣтивъ поочередно всѣ 36 въ трехъ губерніяхъ, и вездѣ сосредоточивая вниманіе на дѣятельности мировыхъ съѣздовъ. Показалась передъ ними невзрачная внѣшность новаго генералъ-губернатора—небольшой ростъ, черствое лицо, крашеные волосы, усы и короткія бакенбарды; не свѣтилось въ глазахъ доброты, но выражались умъ, проницательность и энергія; послышалась короткая, не претендующая на красоту, дѣловая рѣчь. Чувствовался внимательный, энергичный и умственно участливый къ крестьянскому дѣлу администраторъ, но чувствовался также и старый Николаевскій генералъ. Посѣщая мировые съѣзды, Безакъ по цѣлымъ часамъ выслушивалъ чтеніе требуемыхъ имъ на выборъ повѣрочныхъ протоколовъ по разнымъ имѣніямъ, разспрашивалъ, вступалъ въ объясненія съ отдѣльными лицами, дѣлалъ замѣчанія, давалъ свои указанія и настойчиво требовалъ быстроты и обстоятельности работъ. Имѣлъ онъ при себѣ — какъ разсказывали о немъ прежде—и записную книжку, въ которую заносилъ про себя отмѣтки какъ по поводу хода дѣлъ, такъ и относительно личной характеристики членовъ мировыхъ съѣздовъ, отчего губернскія аттестаціи начали терять рѣшающее значеніе. Лично мнѣ приходилось бесѣдовать съ нимъ неоднократно, такъ какъ скоро я былъ назначенъ предсѣдателемъ мирового съѣзда. Становилось замѣтно, что Безакъ сознательно воспринялъ направленіе временной коммиссіи, придавъ ему силу своей власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ крутость и рѣзкость пріемовъ, какихъ, конечно, не было бы при руководствѣ коммиссіи. Это направленіе,

Digitized by Google

съ развитіемъ его примѣненія, становилось у Безака и дѣломъ самолюбія. Поддерживало его умственное сознаніе, что надо устроить крестьянъ хорошо. Чутко относился Безакъ къ отзывамъ печати, находя время читать, и не чуждъ былъ мысли объ историческомъ значеніи своей дѣятельности. Настойчивость въ ускореніи дѣла получила оправданіе на практикѣ, такъ какъ почти вся масса дѣлъ успѣла завершиться въ Безаковское управленіе, и лишь сравнительно небольшому остатку ихъ, послѣ его смерти, пришлось испытать вліяніе новыхъ неблагопріятныхъ административныхъ условій.

Вообще, въ судьбахъ мѣстнаго крестьянскаго дѣла много значили случайности: образовался благопріятный составъ временной коммиссіи, сдѣланъ довольно удачный выборъ генералъ-губернатора—и дѣло пошло; смѣнились эти люди—и все измѣнилось. Основной успѣхъ дѣла зависѣлъ не столько отъ общей системы, сколько отъ того, какая часть его успѣетъ разрѣшиться въ сравнительно благопріятное время.

Весь 1864 и начало 1865 года были эпохою, когда только съ трудомъ вырабатывались будущія черты крестьянскаго устройства, но еще очень мало переходили въ область практическаго дѣла. Много было колебаній, но главный интересъ и характерность придавалъ этой эпохѣ именно тотъ процессъ борьбы, оффиціальной, умственной и нравственной, который подготовилъ положеніе, наступившее къ лѣту 1865 года, при несомнѣнномъ участіи проникшаго въ служебныя сферы живого общественнаго элемента. Оттого и пришлось сказать объ этомъ времени такъ много. Нужды дѣла сквозь массу препятствій были вынесены на свѣтъ. Пришелъ періодъ крестьянскаго дѣла, который можно назвать Безаковскимъ и который принесъ много, но еще не получилъ достаточной исторической оцѣнки. На порогѣ этого періода останавливаю настоящее повѣствованіе.

Ѳ. Воропоновъ.

Digitized by Google

ПЕТЕРБУРГЪ

Городъ тумановъ и сновъ
Встаетъ предо мною
Съ громадой неясною
Грузныхъ домовъ, —

Съ цѣпью дворцовъ,
Отраженныхъ холодной Невою...
Жизнь торопливо бредетъ
Здѣсь къ цѣли незримой...
Я узнаю тебя съ прежней тоской,
Городъ больной, —

Неласковый, — городъ любимый...
Ты меня мучишь, какъ сонъ,
Вопросомъ несмѣлымъ...
Ночь, — но мерцаетъ зарей небосклонъ,
Ты весь побѣжденъ —
Сумракомъ бѣлымъ.

Digitized by Google

* * *

Счастья нѣтъ,—есть только отраженье
Неземного въ темнотѣ земной;
Такъ сіяетъ блескъ свѣтилъ далекихъ,
Отраженный темною волной.

Брось весло,—пусть волны замираютъ,
Чуть замѣтно зыблясь въ тишинѣ,
И любуйся яркимъ отраженьемъ
Свѣтлыхъ звѣздъ на дремлющей волнѣ!

Поликсена Соловьева.

Digitized by Google

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

о

возникшемъ, въ годъ Гэнъ-цзы, бѣдствіи, составленная лѣнивымъ отшельникомъ Пустыннаго острова.

Съ китайскаго.

Еще въ годъ Цзя-у (20-й годъ правленія Гуанъ-сюй), когда мы готовились къ войнѣ съ Японіей, я, по глупому своему разумѣнію, утверждалъ, что воевать не слѣдуетъ, потому что намъ воевать—только стыдъ нажить. При возникновеніи событій настоящаго года Гэнъ-цзы, я опять увѣрялъ, что никакъ не слѣдуетъ воевать; но разъ война возникла, то и бѣдствіе, постигшее насъ, оказалось сравнительно больше, чѣмъ въ годъ Цзя-у. Несмотря на то, чиновники, ученые и народъ все еще восхваляютъ чудодѣйственную силу секты „большого кулака“. Пользуясь такимъ обстоятельствомъ, я хочу разсказать все, что знаю объ этомъ дѣлѣ, въ надеждѣ вывести моихъ соотечественниковъ изъ заблужденія.

Ученіе секты „большого кулака“ есть отрасль теоріи о восьми гуа [1]). Еще въ правленіе Цзя-цина и Дао-гуана (1795—1851), по докладамъ чжилійскаго генералъ-губернатора На-янь-чена и другихъ, изданы были императорскіе указы о запрещеніи этой секты. Но то было время, когда мы не имѣли еще торговыхъ сношеній съ иностранцами; слѣдовательно, въ основахъ ученія

[1]) Теорія о „восьми гуа“, или о восьми цѣльныхъ и разсѣченныхъ линіяхъ, изложена въ классической книгѣ „И-цзинъ“, приписываемой редакціи Конфуція.—*Переводчикъ.*

Digitized by Google

этой секты не могла лежать ненависть къ иностранцамъ. За послѣдніе же годы, когда циркулярно по всему Китаю предписано было образовать народное ополченіе, то знатоки дѣла говорили: „если въ народѣ не будетъ ружей и пушекъ, то обученіе ополченцевъ военному дѣлу не принесетъ никакой пользы; а если раздать ружья и пушки, то на это у насъ не хватитъ, съ одной стороны, средствъ, а съ другой—явится опасность, что намъ самимъ (при случаѣ) трудно будетъ справиться съ ними". Но консервативные наши сановники заявили: „пусть ополченцы хорошенько упражняются въ умѣньи владѣть *кулакомъ* и палкою—этого для нихъ достаточно".

Въ угоду такой мысли шань-дунскій губернаторъ Юй-сянь распорядился, чтобы шань-дунская молодежь принялась за обученіе владѣть кулакомъ и палкою, разъяснивъ притомъ, что, благодаря этому искусству, не только можно защищать себя и свои семейства, но и противодѣйствовать обидамъ, причиняемымъ иностранцами. Послѣдователи секты „большого кулака", обучаясь наружно какъ ополченцы, тайно учились разнымъ фокусамъ, волшебству и заклинаніямъ. Юй-сянь не могъ нарадоваться успѣхамъ своихъ ополченцевъ; но никогда не подумалъ о томъ, что нынѣшняя чиновная карьера осквернена, что окружные и уѣздные начальники давно уже забыли, какъ нужно воспитывать и прокармливать народъ. Вдобавокъ къ этому, при часто случающихся бѣдствіяхъ отъ неурожаевъ, народъ никогда не можетъ быть сытымъ; и если такой бѣдный, невоспитанный и голодный народъ соберется въ кучу и станетъ учиться военному дѣлу, а притомъ еще плѣнится волшебствомъ, то возможно ли, чтобы онъ не возсталъ противъ властей и не произвелъ безпорядковъ? Однакоже, народъ не всегда обладаетъ смѣлостью открыто возстать противъ власти; тогда измышляется поводъ въ родѣ того, что надо прогнать иностранцевъ и извести туземныхъ христіанъ. Такой образъ дѣйствія у насъ, въ высшихъ сферахъ, согласуется съ сумасброднымъ сужденіемъ лицъ правительственныхъ, а въ низшихъ—отвѣчаетъ общественному мнѣнію народа. Если же кто рѣшается порицать насъ за это, того обвиняютъ въ своекорыстіи и въ несочувствіи къ общественнымъ интересамъ. Такимъ образомъ, голодающій народъ не имѣетъ другого способа спасаться отъ неурожаевъ, какъ только со всѣхъ сторонъ собираться въ безпорядочныя толпы и бродить, снискивая пропитаніе.

У насъ, въ Китаѣ, гражданскія и военныя дѣла находятся въ плохомъ положеніи: богатства истощились; войска имѣютъ изнуренный видъ; такъ что и въ мирное-то время мы боимся, чтобы

Digitized by Google

не развалиться; съ какой же стати мы осмѣливаемся еще возбуждать войну? Губернатору Юй-сяню слѣдовало бы раздавать пособіе пострадавшимъ и наказывать негодяевъ; съ одной стороны, успокоивать народъ, а съ другой—усмирять, и такимъ образомъ водворить порядокъ; а онъ, напротивъ, вѣрилъ въ послѣдователей секты „большого кулака", какъ въ боговъ, и покровительствовалъ имъ, какъ своимъ возлюбленнымъ дѣтямъ. Когда одинъ изъ областныхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ командиромъ мѣстныхъ войскъ, напалъ на боксеровъ и убилъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, то Юй-сянь въ гнѣвѣ сказалъ: „На какомъ основаніи вы рѣшились убивать мой вѣрный народъ?"—и сдѣлалъ строгій выговоръ областному начальнику, а военнаго чиновника отрѣшилъ отъ службы. Поощренные этимъ, послѣдователи секты „большого кулака" распространились по всей Шаньдунской провинціи, жгли церкви, убивали иностранцевъ и туземныхъ христіанъ, такъ что иностранныя правительства нашли нужнымъ предъявить китайскому двору строгое требованіе объ удаленіи Юй-сяня отъ должности губернатора.

Вотъ краткое описаніе того, какъ послѣдователи секты „большого кулака" распространились въ провинціи Шань-дунъ.

Когда Юй-сянь прибылъ въ Пекинъ и получилъ аудіенцію, то, въ разсчетѣ на возвратъ къ прежней должности, докладывалъ, что „боксеры" суть самый вѣрный народъ, и что, сверхъ того, они обладаютъ сверхъестественною силою волшебства и заклинаній, предохраняющихъ ихъ отъ пуль и ядеръ. Если пустить ихъ въ дѣло, то, безъ потери одного солдата и безъ затраты одной крупинки провіанта, мы можемъ, какъ бы однимъ мановеніемъ руки, разбить и уничтожить скопища иностранцевъ. Отуманенные императорскіе принцы, а за ними столичные и прибывавшіе въ Пекинъ изъ Чжи-ли и Шань-дуна провинціальные чиновники наперерывъ старались поддержать это мнѣніе. Но императоръ и императрица-мать судили иначе: они перевели Юй-сяня на губернаторскій постъ въ Шань-си, а губернаторомъ Шань-Дуна назначили Юань-ши-кая.

На пути Юань-ши-кая изъ столицы къ югу одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ поднесъ ему книгу о сектѣ „большого кулака" подъ заглавіемъ: „И-хо-цюань-цзио-юань-люкао". Въ этой книгѣ, между прочимъ, было сказано, что община „большого кулака", собственно, есть дурная секта, которая, подъ видомъ ненависти къ иностранцамъ, имѣетъ сокровенныя и своекорыстныя цѣли, и что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, надо предохранять честный народъ, чтобы онъ не былъ одураченъ сектантами;

Digitized by Google

а для этого необходимо сначала обрубить вѣтви, а потомъ вырвать съ корнемъ и самый стволъ. Юань-ши-кай послѣдовалъ этому совѣту, и, по прибытіи его на должность, въ Шань-дунѣ водворилось спокойствіе.

Главари „большихъ кулаковъ“ удалились изъ Шань-дуна на сѣверъ—въ область Хэ-цзянь-фу [1]), гдѣ проживало большое число евнуховъ, и подкупили ихъ, съ тѣмъ, чтобы получить доступъ во дворецъ и показать свое волшебное искусство передъ князьями и герцогами. Но эти князья и герцоги уже раньше были наслышаны объ этомъ изъ сумасбродныхъ разсказовъ столичныхъ чиновниковъ; а когда во-очію увидали волшебные фокусы, представленные главарями „большихъ кулаковъ“, то вознегодовали даже на то, что они явились такъ поздно. Главарямъ разрѣшено было устроить жертвенникъ для совершенія религіозныхъ обрядовъ; и съ тѣхъ поръ стали величать ихъ: „наставникъ длинной палки“ или „наставникъ короткой палки“. Въ то же время внутри—во дворцѣ—придворныя дамы и евнухи, а внѣ—въ городѣ—маньчжурскіе и китайскіе офицеры и солдаты стали изучать и преподавать другъ другу искусство „большихъ кулаковъ“. Среди столичныхъ чиновниковъ были такіе, которые за рекомендацію этихъ негодяевъ повысились въ чинахъ; но были и такіе, которые въ душѣ не сочувствовали имъ, и все-таки восхваляли ихъ, чтобы заслужить къ себѣ симпатію. Кромѣ того, главари „большого кулака“ пустили въ ходъ денежныя взятки, и поддерживали связь двора съ городомъ; такъ что всѣ въ одинъ голосъ напѣвали, что государство получило великое счастіе въ ниспосланныхъ съ неба святыхъ людяхъ. Такимъ образомъ, всѣ государственные люди были одурачены, и пламя, зажженное „большимъ кулакомъ“, сильно разгорѣлось. Въ областяхъ Шунь-тянь [2]), Бао-динъ, Тянь-цзинь, Хэ-цзянь и проч. начались безпорядки. Если находили у кого-нибудь иностранную бумагу или полотно, то немедленно убивали того; а если случалось убивать такихъ людей, у которыхъ не было иностранныхъ вещей, то оправдывались клеветою, что въ прежнемъ перерожденіи тѣ были христіанами.

Вотъ краткое описаніе того, какъ секта „большого кулака“ распространилась въ Пекинѣ.

Если правитель имѣетъ подвластный себѣ народъ, но не можетъ самъ воспитать его ни литературно, ни нравственно, ни рели-

[1]) Въ провинціи Чжи-ли. Областной городъ находится отъ Пекина въ разстояніи 205 верстъ и отъ Бао-динъ-фу въ 70 верстахъ.—*Перев.*

[2]) Собственно пекинское градоначальство. — *Перев.*

Digitized by Google

гіозно, а допускаетъ сторонняго человѣка къ воспитанію, то нельзя винить этого стороннаго. Если въ государствѣ есть проповѣдники христіанства и христіане, но оно не можетъ военною силою устрашить ихъ и пріостановить, а дозволяетъ пропаганду и обращеніе въ христіанство, то нельзя винить въ этомъ миссіонеровъ и христіанъ. Если желательно отомстить за такой срамъ, то есть средство: надо лежать на соломѣ, питаться горькою снѣдью и старательно обдумывать основы хорошаго правленія; но нельзя, руководясь гнѣвомъ одного утра и опрометчиво обнаживъ мечь, свирѣпствовать и, въ противность всѣмъ законамъ, своевольно жечь и убивать; ибо это будетъ уже возмущеніе, а не преданность престолу. Развѣ законно то, что, не прерывая дипломатическихъ сношеній, мы сидимъ и спокойно смотримъ, какъ дурной народъ убиваетъ нашихъ сосѣдей?! Величественный Китай опирается не на общественную совѣсть, созидающую города,—молится не въ многочисленныхъ своихъ храмахъ, а проситъ помощи у дьяволовъ (боксеровъ);—это есть настоящее навожденіе, а вовсе не даръ неба! Въ сумасшествіи своемъ онъ утверждалъ, что это—преданность престолу, крѣпкое единодушіе и даръ неба. Вслѣдствіе этого, одни поручали жизнь и судьбу цѣлыхъ семействъ охранѣ разбойниковъ „большого кулака“; другіе желали вербовать 30 или 50 тысячъ „большихъ кулаковъ“ для усиленія императорскихъ войскъ; третьи, наконецъ, настаивали на скорѣйшемъ открытіи военныхъ дѣйствій, чтобы сверхъестественная сила „большихъ кулаковъ“ пораньше проявилась; словомъ, общій шумъ походилъ на стрекотаніе кузнечиковъ и на клокотаніе кипящей воды,—и все это была ложь!

Когда полковникъ Янъ былъ четвертованъ „большими кулаками“, то военное министерство его же еще и осудило. Когда дивизіонный начальникъ Нэ-ши-ченъ напалъ на повстанцевъ „большого кулака“, и разбилъ ихъ [1]), то вице-канцлеръ Ганъ-и порицалъ его за грубость. Съ этихъ поръ „большіе кулаки“ сдѣлались особенно наглыми, и перебили до сотни иностранцевъ—и до тысячи туземныхъ христіанъ; рубили телеграфные столбы и разрушали желѣзныя дороги; жгли и грабили деревни и поселки, рѣзали чиновниковъ, разбивали тюрьмы, и вообще безпрепятственно чинили разнообразныя злодѣйства. Поэтому еще въ прошломъ году, осенью и зимою, иностранныя державы дѣлали

[1]) При мѣстечкѣ Ань-динъ, на полудорогѣ между Тянь-цзинемъ и Пекиномъ.—*Перев.*

Digitized by Google

письменныя представленія нашему кабинету о скорѣйшемъ усмиреніи разбойниковъ; иначе они сами расправятся съ ними; но мы отклоняли эти представленія пустыми отговорками. Когда же, весною и лѣтомъ настоящаго года, они упрекали насъ въ болѣе рѣзкихъ и настойчивыхъ выраженіяхъ, то вдовствующая императрица и императоръ высказали искреннее желаніе оказать нѣжность отдаленнымъ людямъ; князь Цинъ, канцлеры Жунъ-лу и Ванъ-вэнь-шао, министръ Ляо-шоу-хэнъ и товарищъ министра Сюй-цзинъ-ченъ, настоятельно просили объ усмиреніи бунтовщиковъ; но принцъ Дуань обозвалъ ихъ измѣнниками; а князья Гунъ (И?) [1]) и Чжуанъ, герцогъ Инъ, канцлеры Ганъ-и и Сюй-тунъ, министры Чжао--шу-цяо и Ци-сю горячо поддерживали его мнѣніе. Остальные же чиновники, увидѣвши волшебное искусство „большихъ кулаковъ", прославляли ихъ, какъ преданный престолу народъ.

Вслѣдствіе этого, въ первый декадѣ 5-й луны, злодѣи „большого кулака", преслѣдуя христіанъ-туземцевъ, вступили въ Пекинъ и подняли шумъ. Тогда только приказано было китайскимъ и маньчжурскимъ войскамъ напасть на нихъ и переловить; но многіе изъ офицеровъ и солдатъ были уже на сторонѣ „большихъ кулаковъ"; и потому кабинетъ, попавъ между двухъ огней, оставался въ нерѣшительности; а планъ великихъ и малыхъ иностранныхъ державъ объ отправленіи собственныхъ войскъ для усмиренія мятежниковъ окончательно созрѣлъ.

Вотъ краткое описаніе возникновенія раздора между Китаемъ и иностранными державами.

Когда мятежники „большого кулака" гремѣли въ Пекинѣ подъ именемъ вѣрноподданнаго народа, чжилійскій генералъ-губернаторъ Ю-лу представилъ было докладъ о запрещеніи этой секты; но кабинетъ и пекинскій градоначальникъ не дали хода этому докладу. Тѣмъ не менѣе, 14-го числа 5-й луны (28-го мая), Ганъ-и и Чжао-шу-цяо прибыли въ Бао-динъ-фу и Чжочжоу [2]) для успокоенія „большихъ кулаковъ"; но главари мятежниковъ, надѣясь на свою волшебную силу, предстали гордо, и не только не кланялись этимъ сановникамъ, но еще нахально требовали казни двухъ начальниковъ уѣздовъ, Синь-ченъ-сянь и Лай-шуй-сянь [3]), и призванія дивизіоннаго командира Дунъ-фу-сяна для нападенія на иностранцевъ; а предложеніе объ успо-

[1]) Вѣроятно опечатка. Князь Гунъ давно умеръ; надо думать, что тутъ разумѣется князь И.—*Перев.*

[2]) Округъ въ области Шунь-тянь-фу.—*Перев.*

[3]) Уѣзды въ области Бао-динъ-фу.—*Перев.*

Digitized by Google

коеніи рѣшительно отвергли. 17-го числа (31-го мая) сановники Ганъ и Чжао возвратились въ Пекинъ. На слѣдующій день (1-го іюня) мятежники „большого кулака“ одновременно произвели поджоги и убійства въ Чжо-чжоу, въ Пекинѣ и въ Тянь-цзинѣ.

Въ Тянь-цзинѣ къ этому времени собралось до 35 и 36 тысячъ „большихъ кулаковъ“; и тогда же пришло къ устьямъ р. Бай-хэ до 30 иностранныхъ военныхъ судовъ съ десантными войсками, изъ которыхъ выдѣлена была часть для слѣдованія въ Пекинъ съ цѣлью охраны иностранныхъ посольствъ. 20-го числа (3-го іюня) правительство по телеграфу отдало приказаніе Ю-лу и Нэ-шичену не пропускать охрану. На это командующіе иностранными войсками заявили, что такъ какъ Китай потакаетъ мятежникамъ, то иностранныя державы рѣшили сами усмирить ихъ, о чемъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было заявлено пекинскому кабинету; „нынѣ же мы получили извѣстія, что „большіе кулаки“ намѣреваются сдѣлать нападеніе на посольства, и дольше медлить не можемъ“. Въ 8-мъ часовъ вечера они потребовали отъ коменданта Ло-жунъ-гуана сдачи фортовъ Да-гу, чтобы тамъ помѣстить иностранный десантъ; и когда онъ на это не согласился, то въ 3 часа утра съ иностранныхъ военныхъ судовъ началась бомбардировка, отъ которой Да-гу пало. 21-го числа (4-го іюня) Ю-лу, по просьбѣ кандидата на должность дао-тая, Тань-вэнь-хуаня, призвалъ „большихъ кулаковъ“ на защиту противъ враговъ. Иностранные командиры не полагали, что императорскія войска вдругъ сойдутся съ мятежниками, и не ожидали, чтобы они внезапно общими силами напали на Цзы-чжу-линь [1]) и убили многихъ старыхъ и слабыхъ иностранныхъ купцовъ. Ю-лу представилъ объ этомъ хвастливую реляцію, съ добавленіемъ, что Ло-жунъ-гуанъ разгромилъ и потопилъ два иностранныя судна. Государственный секретаріатъ, редактируя по этому случаю указъ, и не зная, что то была случайная побѣда, не заслуживающая излишнихъ восторговъ, представилъ все необыкновеннымъ подвигомъ и раздулъ дѣло похвальными изреченіями по адресу и-хо-туаньцевъ (большихъ кулаковъ) и порицаніемъ иностранцевъ, и предписывалъ остальнымъ губерніямъ Китая послѣдовать этому примѣру и обзавестись „большими кулаками“.

По началу, вступленіе на китайскую территорію иностранцы объясняли желаніемъ подавить мятежъ и спасти своихъ послан-

[1]) Предмѣстье Тянь-цзиня, прилегающее съ запада къ иностранному кварталу.— *Перев.*

Digitized by Google

никовъ; но съ этого времени стало понятно, что тутъ крылась прямая вражда къ Китаю. Они заняли крѣпость Синь-ченъ и укрѣпленный провіантскій складъ Цзюнь-лянъ-ченъ, и распредѣляли свои войска такъ, чтобы обманывать нашу армію и вызывать напрасную трату пороха и патроновъ. Наша армія состояла изъ 40 или 50 баталіоновъ (инъ) подъ командою Нэ-ши-чена, Ма-юй-куня, Люй-бэнь-юаня и Мэй-дунъ-и, и хотя одерживала неоднократно маленькія побѣды, но не могла ни на шагъ приблизиться къ иностранной концессіи. 5-го числа 6-й луны (18-го іюня) арсеналъ и кумирня Хай-гуань-сы [1]) заняты были иностранцами, — причемъ убито множество „большихъ кулаковъ"; тутъ только чиновники и народъ поняли, что волшебство и заклинанія не спасаютъ мятежниковъ отъ пуль! Глава тянь-цзиньскихъ „большихъ кулаковъ", по фамиліи Ванъ, принялъ ядъ и умеръ. Ю-лу на его мѣсто призвалъ цзинъ-хайскаго [2]) предводителя мятежниковъ; но тотъ не осмѣлился вступить въ сраженіе съ иностранцами, а только ежедневно убивалъ и грабилъ окрестныхъ жителей и путниковъ. Убитыхъ было безъ счета, и рѣка (Бай-хэ) сплошь покрылась плавающими трупами. Къ югу отъ Тянь-цзиня— въ округахъ и уѣздахъ Цзинъ-хай, Цинъ, Цанъ-чжоу, Янь-Шань, Цинъ-юнь и Гу-ченъ столпилось „большихъ кулаковъ" свыше 100.000 человѣкъ, которые спеціально занимались грабежомъ мирнаго населенія, но не соглашались идти на защиту Тянь-цзиня отъ непріятеля. 11-го числа (24-го іюня) иностранцы подступили къ городу, и пробили двѣ бреши въ восточной стѣнѣ; а затѣмъ, отъ полустанка желѣзной дороги обошедши Цинъ-сянь съ сѣвера, они заняли мѣстность Ма-чанъ-сюнь, и такимъ образомъ раздѣлили наши силы. 13-го числа (26-го іюня) Нэ-шичень цѣлый день сражался на южной сторонѣ города; но, получивъ три раны въ животъ съ выпадомъ кишокъ, онъ умеръ. 17-го числа (30-го іюня) непріятель открылъ канонаду ядрами, начиненными ядовитымъ веществомъ; жестоко изувѣченныхъ и убитыхъ было такъ много, что и солдаты, и мятежники, разбѣжались. 18-го числа (1-го іюля) Тянь-цзинь сдался. Ю-лу бѣжалъ въ Бао-динъ-фу; а интендантъ, дао-тай тянь-цзиньской морской таможни и всѣ чиновники направились въ Янъ-аю-цинъ и думали собрать тамъ разбитыя войска; но у нихъ не было провіанта.

---

[1]) Находится прямо къ югу отъ иностраннаго поселенія и построена на искусственной насыпи.—*Перев.*

[2]) Уѣздъ въ области Тянь-цзинь-фу.—*Перев.*

Digitized by Google

Вотъ краткое описаніе понесеннаго нами пораженія и потери Тянь-цзиня.

Государство всегда само вызываетъ пораженіе. Когда люди порождаютъ заблужденіе, и когда народный умъ остается неразвитымъ,—это показываетъ болѣзнь государства. А когда князья и графы впадаютъ въ безуміе, тогда является бѣда для престола. Императрица-мать и императоръ хотя и мудры, но въ такихъ случаяхъ оказываются какъ бы однорукими (безсильными). Когда десятки тысячъ красныхъ повязокъ (большихъ кулаковъ) пришли въ движеніе подобно саранчѣ, и когда дворъ и правительство извѣстились, что иностранныя державы, вмѣсто Китая, двигаются на усмиреніе мятежа, то призвали изъ Цзи-чжоу [1]) въ Пекинъ Дунъ-фу-сяна. Этотъ Дунъ-фу-сянъ въ началѣ правленія Тунъ-чжи подъ видомъ начальника народнаго ополченія прыгалъ по хребтамъ горъ [2]) (безчинствовалъ) въ провинціяхъ Шэнъ-си и Гань-су и въ Бэй-шанѣ. Дѣянія его за это время подробно описаны въ оффиціальной исторіи подъ заглавіемъ: Цинъ-динъ-фанъ-ляо. Но впослѣдствіи онъ смирился, и въ качествѣ командующаго хуньскими войсками совершилъ нѣсколько подвиговъ и оказалъ помощь въ провинціи Гань-су; но эти подвиги, не въ мѣру прославленные, въ дѣйствительности не имѣли особаго значенія. Только тѣ, которые ѣдятъ ушами (т.-е. неумѣющіе еще ѣсть), смотрѣли на Дунъ-фу-сяна, какъ на каменный столбъ (опору) государства, и потому при встрѣтившейся оказіи призвали его въ столицу; да и тутъ наружно они показывали скорбный видъ (по причинѣ тяжелыхъ обстоятельствъ), а внутренно разсчитывали получить съ него взятку. Дунъ-фу-сянъ отлично это зналъ, понималъ и относился къ разнымъ князьямъ и графамъ съ полнымъ пренебреженіемъ. Потому, когда 14-го числа 5-й луны (28-го мая) при дворѣ состоялось совѣщаніе о мирѣ или войнѣ, онъ заявилъ, что желаетъ войны съ иностранцами, но отказывался усмирять мятежниковъ; не послушался даже и указа императрицы, который испрошенъ былъ на этотъ случай канцлеромъ Жунъ-лу. Сановники консервативной партіи стали дорожить Дунъ-фу-сяномъ; и вопросъ о томъ, усмирять ли мятежниковъ, или воевать съ иностранцами, остался безъ разрѣшенія. Мятежники пришли отъ этого въ восторгъ, и восхваляли мужество Дунъ-

[1]) Округъ въ области Шунь-тань-фу, гдѣ расквартированъ былъ со времени поонской войны отрядъ его войскъ, выведенный изъ Синь-цзяна и Гань-су на защиту Пекина отъ японцевъ, но ко времени не поспѣвшій.—*Перев.*

[2]) Тутъ надо разумѣть, что Дунъ-фу-сянъ былъ подстрекателемъ дунганскаго движенія.—*Перев.*

Digitized by Google

фу-сяна. Онъ же съ своей стороны нисколько не вѣрилъ чудодѣйственной силѣ „большихъ кулаковъ“, но по необходимости потворствовалъ, такъ какъ большая половина его офицеровъ и солдатъ побраталась съ ними.

Нѣкоторыя правительственныя лица, знакомыя немного съ положеніемъ вещей, надѣялись на содѣйствіе Россіи, и потому хотѣли выслать „большихъ кулаковъ“ изъ Пекина для сопротивленія войскамъ другихъ иностранныхъ государствъ; но они не знали, что войска Дунъ-фу-сяна уже неизмѣнно настроены были на истребленіе иностранцевъ, не разбирая, какого они государства, а вмѣстѣ съ этимъ и мирное населеніе обречено было на разореніе и истребленіе. Дунъ-фу-сянъ уже не въ силахъ былъ предотвратить это. 15-го числа (29-го мая) солдатами Дунъ-фу-сяна убитъ былъ чиновникъ-писецъ японской миссіи; а на слѣдующій день „большіе кулаки“ сдѣлали нападеніе на Цзяо-минь-сянъ, т.-е. на улицу посольствъ; но, увидѣвъ тамъ пушки, тотчасъ же хотѣли удалиться; однако были поддержаны войсками Дунъ-фу-сяна, нѣсколько дней подрядъ жгли христіанскіе храмы и перебили нѣсколько тысячъ туземныхъ христіанъ. Кромѣ того, солдаты отряда Шэнъ-цзи-инъ убили германскаго посланника.

Иностранцы, при своей малочисленности, должны были отбиваться отъ громадной массы нападающихъ. Во время усиленной перестрѣлки, какая-то шальная пуля попала во дворецъ; императорскія войска и „большіе кулаки“ въ одинъ голосъ закричали, что иностранцы хотятъ напасть на дворецъ! Вслѣдствіе этого войскамъ Дунъ-фу-сяна приказано обратиться къ охранѣ дворца; а солдаты и „большіе кулаки“, соединившись подъ этимъ предлогомъ, безчинствовали и днемъ, и ночью, совершали поджоги и грабежъ. Никто уже не смѣлъ остановить ихъ. Башня надъ воротами Чженъ-янъ-мынь, почти всѣ казенныя и частныя зданія на улицахъ Да-чжа-ланъ, Си-хэ-янь, Чжу-бао-ши—были выжжены. У воротъ Цянь-мынь съ внутренней и внѣшней стороны валялось нѣсколько тысячъ человѣческихъ труповъ.

Во время осады посольствъ войсками Дунъ-фу-сяна, иностранные офицеры съ своими солдатами защищали преимущественно англійское посольство, на которое нападающіе особенно сильно напирали. Иностранцы сдѣлали-было внезапную вылазку; но войска изъ отряда Ху-шэнь-инъ и масса „большихъ кулаковъ“, стоявшихъ прямо противъ воротъ, отбили ее и заставили вернуться въ посольство. Тѣ иностранные солдаты, которые не успѣли попасть въ посольство, взбѣжали на городскую стѣну, заняли башню Чжунъ-синъ-тай, и, засѣвши въ разныхъ углубле-

Digitized by Google

ніяхъ, отстрѣливались, и такъ упорно защищались, что нападающіе въ теченіе двухъ дней не могли ихъ выбить. Сравнительно съ солдатами Дунъ-фу-сяна они стрѣляли болѣе мѣтко, и успѣли за эти дни ранить и убить шесть офицеровъ и около тысячи солдатъ. Наконецъ, когда у иностранцевъ провизія и боевые припасы стали приходить къ концу, а нападенія и осада не ослаблялись, они устроили баррикады и возвели высокія стѣны, и въ нихъ засѣли. Дунъ-фу-сянъ, указывая на это обстоятельство и желая сломить упорную защиту иностранцевъ, отказался идти на защиту Тянь-цзиня.

Между тѣмъ иностранныя державы настоятельно указывали намъ, что нападеніе на дипломатическихъ представителей противорѣчитъ международному праву и вызываетъ всюду сильное негодованіе, а потому и бѣдствіе для Китая будетъ безграничное. Тогда отъ многихъ столичныхъ и провинціальныхъ чиновниковъ стали поступать доклады съ просьбами не нападать на посланниковъ. 29-го числа (12 іюня) канцлеръ Жунъ-лу испросилъ указъ и большими буквами написалъ оный на доскахъ для обнародованія. Въ указѣ говорилось объ охранѣ посольствъ и о воспрещеніи стрѣлять по нимъ. Но солдаты Дунъ-фу-сяна, продолжая нападенія свои попрежнему, говорили, что мы не можемъ не стрѣлять уже потому, что иностранцы побили насъ, и хотятъ, кромѣ того, погубить извѣстнаго имъ нашего начальника, Дунъ-фу-сяна. Такимъ образомъ, благая мысль нашего правительства не достигла цѣли. Перестрѣлка продолжалась, и пули свистѣли по разнымъ направленіямъ; такъ что многіе придворные чины на пути были ранены въ своихъ паланкинахъ и экипажахъ. Въ средней декадѣ 6-й луны (отъ 23 іюня до 3 іюля) китайскій кабинетъ извѣстилъ иностранныя правительства, что всѣ посланники живы и здоровы; но этому нигдѣ не повѣрили.

Вотъ краткое описаніе волненій и безпорядковъ въ Пекинѣ.

Когда еще императорскія войска не соединились съ мятежниками „большого кулака“, Японія, Англія и Соединенные-Штаты совѣтовали вдовствующей императрицѣ передать бразды правленія императору, уплатить свыше 10.000.000 ланъ въ вознагражденіе за жизнь убитыхъ иностранцевъ, за разрушенные дома и разграбленное имущество, открыть всѣ еще не открытыя для иностранной торговли мѣста, лежащія по берегу океана и по рѣкамъ Янъ-цзы-цзяну и другимъ, и на этихъ условіяхъ заключить миръ. Германія и Франція на это не соглашались, говоря, что, по опредѣленію судьбы, настало время раздѣлить арбузъ (Китай), и что этого случая упускать не слѣдуетъ. Россія,

Digitized by Google

издавна имѣющая съ нами секретные договоры, думала извлечь пользу, какъ искусный рыболовъ, и покровительственно предложила обоимъ нашимъ дворамъ (императрицѣ-матери и императору) послѣдовать примѣру корейскаго короля, и временно удалиться въ русское посольство, обѣщая за это прислать большую армію на помощь намъ противъ остальныхъ иностранныхъ державъ. Однакоже неожиданно военныя обстоятельства измѣнились: убитъ японскій чиновникъ, произведено нападеніе на англійское посольство, а въ сраженіяхъ при Тянь-цзинѣ пало много русскихъ; такъ что обсужденіе вышеизложенныхъ предложеній не могло имѣть мѣста. Тогда великія иностранныя державы заключили соглашеніе общими силами напасть на Китай. Къ нимъ присоединились и второстепенныя державы: Италія, Австрія, Голландія, Португалія и Бельгія. Кромѣ того, германскій императоръ, услышавъ, что его посланникъ убитъ, воспылалъ гнѣвомъ, послалъ нѣсколько броненосцевъ съ сухопутными войсками на востокъ, и поклялся подъ стѣнами своей столицы отмщеніемъ. Отъ всѣхъ иностранныхъ кабинетовъ получены были телеграммы, что если посланники будутъ убиты, то арбузъ (Китай) безъ всякихъ разсужденій будетъ раздѣленъ, и что всѣ вліятельныя китайскія лица будутъ казнены. Однакоже, изъ опасенія, что такимъ способомъ будетъ нанесенъ огромный вредъ торговлѣ, въ телеграммахъ добавлялось, что соединенныя войска идутъ только на выручку посланниковъ; и еслибы мы собственными силами могли охранить посланниковъ и подавить мятежъ, то дѣло могло принять другой оборотъ.

Вотъ краткое изложеніе плановъ иностранныхъ державъ.

Изъ подававшихъ совѣты, но нерасканвавшихся въ вызванной бѣдѣ сановниковъ—большинство крѣпко стояло на томъ, что заключать миръ безполезно; и только одинъ или два, понимающіе дѣло, старались какъ-нибудь все устроить; почему, съ одной стороны, предписано было по телеграфу китайскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ посѣтить министерства иностранныхъ дѣлъ и принести благодарность (за участіе), а съ другой—приказано Ли-хунъ-чжану прибыть въ Пекинъ. А все-таки всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ написанъ былъ строгій наказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что „слово: миръ—нельзя сохранить навсегда въ сердцѣ“, и что „по принципу безъ войны нельзя достигнуть мира“. При такомъ воинственномъ настроеніи явись недостатокъ въ оружіи и снарядахъ, то приходилось бы требовать таковые изъ отдаленныхъ провинцій, лежащихъ по берегамъ океана и цзяновъ (большихъ

Digitized by Google

рѣкъ); при недостаткѣ же провіанта надо было закупать его въ Шань-дунѣ, Цзянъ-си, Шэнъ-си и Шань-си, гдѣ какъ разъ случился неурожай; да и легко ли было бы перевезти все это. Въ случаѣ, еслибы войска сильно пострадали, то потребовалось бы передвигать подкрѣпленія изъ такихъ отдаленныхъ губерній, какъ Гуй-чжоу, Юнь-нань, Гань-су и Синь-цзянъ. А вѣдь въ началѣ столкновенія никто и не подумалъ объ этихъ трудностяхъ, и вышло похоже на то, что начнешь копать колодезь, когда уже пить захочешь. Какъ же можно разсчитывать на побѣду, когда принимаешься за войну среди торопливаго приготовленія къ ней?!

Чжилійскій казначей Тинъ-цзэ [1]), при первыхъ слухахъ о побѣдахъ въ Тянь-цзинѣ, распорядился всѣ христіанскіе храмы (и угодья при нихъ) описать въ казну. Когда „большіе кулаки" напали на (иностранную) колонію Дунъ-лю, и не могли овладѣть ею, тотъ же казначей послалъ имъ на помощь съ войсками полковника Чжанъ-ши-ханя, который, учинивъ грабежи и убійства, вернулся. Шань-сійскій губернаторъ Юй-сянь, единственно по навѣтамъ подлыхъ людей изъ черни, казнилъ 42-хъ иностранцевъ и болѣе сотни туземныхъ христіанъ; да кромѣ того пригласилъ еще въ Шань-си шайку „большихъ кулаковъ". Въ это же время въ Пинъ-динъ-чжоу, Тай-юань-фу, Пинъ-яо-чжоу и Хо-чжоу [2]), на протяженіи нѣсколькихъ сотъ ли, голодная чернь, подъ предлогомъ вражды къ христіанству, разрушила телеграфную линію и произвела разные безпорядки. По поводу этихъ безобразій лянъ-цзянскій (нанкинскій) и ху-гуанскій (учанскій) генералъ-губернаторы Лю-кунь-и и Чжанъ-чжи-дунъ сдѣлали по телеграфу представленія и просили о подавленіи мятежа; но этимъ представленіямъ не было дано никакого хода. Присоединившійся-было къ этимъ представленіямъ ху-бейскій губернаторъ, Юй-инь-линъ, послѣ раскаялся. По тѣмъ же самымъ причинамъ генералъ-губернаторы и губернаторы юго-восточныхъ провинцій заключили съ (мѣстными представителями) иностранныхъ правительствъ условіе—„не нападать другъ на друга". Къ этому условію наши сановники забыли, однакоже, сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что хотя и безъ достаточнаго законнаго основанія, но силою вещей мы можемъ быть вынуждены къ нападенію. Часто бываетъ, что бѣдный народъ обращается въ негодяевъ и мятежниковъ. А если намъ придется послать войска и военные припасы въ защиту столицы, то у себя ничего не останется для

[1]) Разстрѣлянный по суду союзниковъ въ Бао-динъ-фу.—*Перев.*

[2]) Области и округа въ провинціи Шань-си.—*Перев.*

Digitized by Google

самозащиты, и при малѣйшемъ недоразумѣніи народное настроеніе можетъ вызвать тотчасъ же усобицу. Конечно, такая оговорка въ основѣ имѣла бы предвзятую мысль, ибо если бы всѣ приморскія и лежащія по берегамъ цзяновъ провинціи открыли военныя дѣйствія, то несомнѣнно, что войска десяти слишкомъ иностранныхъ державъ, по заранѣе составленному плану о раздѣлѣ арбуза, каждое въ отдѣльности отвоевали бы себѣ территоріи излюбленныхъ провинцій; а мы не только не ослабили бы тяньцзиньскаго бѣдствія, но еще ввергли бы въ несчастіе сотни милліоновъ народа. Тѣмъ не менѣе, противъ означеннаго условія ху-бэйскій губернаторъ, Юй-инь-линъ, представилъ обвинительный докладъ.

Между тѣмъ, мнѣнія нашихъ государственныхъ чиновъ раздѣлились. Одни просили поспѣшить выпровожденіемъ посланниковъ изъ Пекина, чтобы замедлить военныя дѣйствія; другіе предлагали придать бодрости войскамъ Дунъ-фу-сяна и перевести ихъ въ авангардъ противъ непріятеля, чтобы безъ нихъ возстановить спокойствіе въ Пекинѣ; третьи совѣтовали, чтобы дворъ, подъ видомъ охоты, выѣхалъ на западъ и укрылся, такимъ образомъ, отъ враговъ; четвертые настаивали на скорѣйшемъ заключеніи мира. Но какъ трудно было двинуть Дунъ-фу-сяна и его войска, когда фавориты двора, опиравшіеся на него сначала и вручавшіе ему свою судьбу, боялись его потомъ, какъ тигра! Что касается перенесенія столицы, то объ этомъ давно говорились жалкія слова, но ничего не приготовлялось; а когда это понадобилось, то съ громаднымъ трудомъ нашли лошадей и телѣги для свиты. Если просить мира, то приходилось лишиться всѣхъ вліятельныхъ въ правленіи лицъ, строго наказать „большихъ кулаковъ“ и отрѣзать много хорошихъ земель. Компетентныя въ дѣлѣ лица считали это еще за счастіе для насъ, потому что такимъ образомъ хоть кое-какъ могъ сохраниться престолъ; но глупые люди говорили, что въ этомъ для насъ большой срамъ, да притомъ еще бѣда коснется князей императорской фамиліи и людей дорогихъ, что̀ представляетъ непреодолимыя затрудненія. Въ добавокъ ко всему этому, Ли-хунъ-чжанъ, не желая возбуждать къ себѣ гнѣвъ массы мятежниковъ, остановился тогда нарочно на срединѣ дороги (въ Шанъ-хаѣ).

Вотъ краткое изложеніе плановъ столичныхъ и провинціальныхъ чиновниковъ послѣ понесеннаго пораженія.

Нужно знать, что побѣждающій въ самой природѣ своей носитъ основаніе для побѣды, а побѣжденный—также въ природѣ своей носитъ основаніе для пораженія. Этотъ принципъ подготовляется

Digitized by Google

тысячелѣтіями. У насъ, въ Китаѣ, всегда и всѣ, отъ высшихъ до низшихъ, нажимаютъ другъ друга въ погонѣ за личною пользою; и потому какъ защитники мира, такъ и защитники войны, одинаково не могутъ избыть своей вины. Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ защитники войны по преимуществу имѣютъ троякую вину. Первую я назову *отсутствіемъ сердечной чистоты* (презрѣніе къ знанію). Не говорю уже о глупыхъ и сумасбродныхъ людяхъ,—но вотъ, напримѣръ, даже иные графы постоянно носятъ личину учености, а на самомъ дѣлѣ только и знаютъ, какъ бы вызвать войну. Напротивъ, мудрые люди, въ стремленіи къ самоуглубленію, если не знаютъ чего другого, то должны знать хоть то, что нельзя полагаться только на самихъ себя. Конфуцій (если чего-либо не зналъ) спрашивалъ у всякаго, а не у однихъ только учителей. Мэнъ-цзы стыдился, что онъ хуже другихъ. Ченъ-цзы, Чжу-цзы и другіе святые мужи старались изучить и понять законы всякаго дѣла; оттого въ сердцѣ ихъ царили миръ и спокойствіе. Еслибы эти святые мужи теперь опять родились, то ни подъ какимъ видомъ не допустили бы насъ до такой необдуманности и глупости. Не одобряющій священныя книги и бросающій ихъ въ сторону, не читая, не пойметъ истиннаго знанія, и останется невоспитаннымъ. Для истинно мудраго мужа незнаніе и одной какой-либо вещи есть уже стыдъ; наше же нежеланіе знакомиться съ европейскою цивилизаціею значитъ приняться за легкое, бросивъ трудное; значитъ, не знать, что въ основахъ правленія иностранцевъ ясно проглядываютъ законы династіи Чжоу (1134—258 до Р. Хр. [1]); значитъ, смотрѣть на необыкновенныхъ и могучихъ (иностранныхъ) непріятелей—какъ на (слабыхъ) инородцевъ, жившихъ тысячи лѣтъ тому назадъ, и съ необузданнымъ задоромъ затѣвать съ ними вражду. Какъ же можно, при такихъ условіяхъ, избѣжать вреда для государства?!

Вторую вину защитниковъ войны я назову *отсутствіемъ любви къ народу*. Народная нищета и истощеніе богатствъ къ настоящему времени достигли у насъ высшихъ предѣловъ. Въ годъ Цзя-у (20-й годъ правленія Гуанъ-сюй) на военныя издержки, на уплату контрибуціи и на выкупъ (оккупированныхъ японцами) земель мы истратили свыше 300.000.000 ланъ серебра. Всѣ эти милліоны послѣдовательно выжаты были изъ крови и костей народа, чтобы вывести государство изъ затрудненія. Цѣны на всѣ жизненные продукты поднялись, и народъ,

[1]) Законы полумиѳической династіи Чжоу служатъ для китайцевъ неизмѣннымъ идеаломъ блестящаго правленія и благоденствія государства. — *Перев.*

Digitized by Google

въ безвыходномъ положеніи своемъ, вынужденъ былъ рѣшиться на разбой и думать о возмущеніи. Такимъ образомъ, не поставивши еще войска на военное положеніе, мы уже боялись, какъ бы не развалиться. А между тѣмъ, наши консервативные сановники, родившіеся и воспитавшіеся въ роскоши, и смутно понимавшіе бѣдственное положеніе народа, проповѣдывали, что въ Китаѣ земли обширны и естественныя богатства огромны, и что въ одинъ мигъ мы можемъ истребить такихъ ничтожныхъ островныхъ варваровъ (иностранцевъ). Какъ не почесть такія рѣчи о войнѣ крайне легкомысленными?!

Третью вину я назову *погоней за пустой славой*. Защитники войны, сплошь и рядомъ, утромъ представляютъ доклады и проекты (о войнѣ), а вечеромъ уже отправляютъ своихъ женъ и домочадцевъ въ безопасныя мѣста, потому что прекрасно знаютъ, что не побѣдятъ. Они нарочно хвастаются, чтобы добиться популярности и пріобрѣсти хорошую репутацію въ толпѣ. Защитники войны, въ своихъ сужденіяхъ, опираясь на разныя книги, записки и преданія, составлявшіяся со временъ Сунской династіи (960—1279 г. по Р. Хр.) и донынѣ и одобрявшіяся только гнилыми учеными; но такой худой тысячелѣтній предразсудокъ причинилъ уже немало вреда и обществу, и государству. Нынѣшнее положеніе дѣлъ совсѣмъ измѣнилось (противъ прежняго), и тѣ, которые на этотъ разъ настаивали на войнѣ, въ будущемъ непремѣнно вызовутъ сильныя нареканія противъ себя со стороны людей компетентныхъ.

Изъ совокупности этихъ трехъ причинъ возникла большая ошибка, вовлекшая государство въ опасность, повергшая народъ въ сильныя страданія, подавшая счастливый поводъ къ войнѣ рыцарямъ пяти материковъ и обрушившая на Китай такое бѣдствіе, какого не видано было въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ! Прочитавъ относящіеся къ этому дѣлу оффиціальные документы и частныя извѣстія, я составилъ настоящую записку, не выразивъ въ ней и десятитысячной доли своего горя и негодованія.

Послѣ открытія военныхъ дѣйствій въ Да-гу и Тянь-цзинѣ, когда коммерческіе шанхайскіе пароходы пріостановили свое движеніе, то въ одинъ рейсъ сбытъ китайскихъ и иностранныхъ товаровъ сократился болѣе чѣмъ на милліонъ ланъ; значитъ, за десять рейсовъ получилось сокращеніе разныхъ торговыхъ операцій на 10 слишкомъ милліоновъ. Поэтому всѣ торговые порты приняли унылый видъ; торговая предпріимчивость была угнетена; богатыя семьи наперерывъ стали требовать свои сбереженія, отчего банки и мѣняльныя лавки принуждены были закрыться при

Digitized by Google

общемъ замѣшательствѣ. Въ Су-чжоу, Чжень-цзянѣ, Канъ-чжоу, Нинъ-бо и Вэнь-чжоу, торговые дома одинъ за другимъ обанкротились и закрылись; множество людей потеряли занятія; кредитъ и ссуды прекратились; наличнаго серебра недоставало для обращенія, капиталисты понесли громадные убытки. Проживающіе въ Шанхаѣ китайцы распространяли ложный слухъ, что на этотъ разъ императорскія войска силою могутъ сжечь всѣ иностранныя поселенія и перебить иностранцевъ. Опасаясь, что бѣды этой не миновать и китайцамъ, они стали уѣзжать внутрь страны, причемъ за нанятыя лодки пришлось платить по 30 и 40 тысячъ чоховъ въ день. Иностранцы, видя, что китайцы разбѣжались, стали задумываться, и въ свою очередь разъѣхались въ разныя мѣста. Между тѣмъ, въ разныхъ областяхъ и уѣздахъ воры и разбойники, пользуясь этимъ случаемъ, смѣло принялись за свое дѣло. Ученые, земледѣльцы, ремесленники и торговцы—всѣ попали въ бѣду и затрудненія. Во всѣхъ приморскихъ и лежащихъ по цзянамъ провинціяхъ за текущій годъ оказался большой недочетъ въ сборѣ пошлинъ и ликина. Такимъ образомъ, военныя дѣйствія въ Чжилійской провинціи весьма неблагопріятно отразились и на благосостояніи южныхъ провинцій, а уже одно это служитъ доказательствомъ того, что настоящее положеніе не сходно съ прежнимъ. Между тѣмъ, бѣжавшіе изъ Пекина ученые и чиновники распускаютъ еще сумасбродные разсказы о чудотворной силѣ „большихъ кулаковъ“, и разсказы эти, быстро распространяясь и передаваясь, всюду находятъ себѣ вѣру. Глупый народъ, пользуясь этимъ, подниметъ бунтъ, и явится общая опасность!

Послѣсловіе.—Прочитавъ вчера сочиненіе островного отшельника, въ которомъ онъ прямо и убѣдительно истолковалъ всю нелѣпость секты „большого кулака“, трудность сопротивленія иностранцамъ и вредъ, причиненный государству и народу, я поспѣшно переписалъ его въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для всеобщаго свѣдѣнія, съ тою цѣлью, чтобы всѣ узнали, что заблужденія секты „большого кулака“ ни къ чему негодны, и что не слѣдуетъ вновь затѣвать войну съ иностранцами; и хотя это не можетъ принести уже пользы общему положенію государства, но зато можетъ спасти одинъ какой-нибудь уголокъ.—Редактировалъ человѣкъ изъ мѣстности Ци-хуай (анонимъ) въ концѣ лѣта 26-го года правленія Гуанъ-сюй.

Перев. В. Успенскій.

г. Урумчи.

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ КАРТИНОЙ

РАЗСКАЗЪ.

— Я надѣюсь, что мы не встрѣтимся съ Алексѣемъ Михайловичемъ,—тревожнымъ шопотомъ говорила стройная молодая женщина, пока швейцаръ въ помѣщеніи „Общества поощренія художествъ", на Морской, снималъ съ нея нарядную весеннюю ротонду. Спутникъ ея, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, слегка пожалъ плечами.

— Я вѣдь просилъ тебя не ѣхать,—уныло отвѣтилъ онъ, очевидно повторяя фразу, которую уже не разъ произносилъ съ утра:—я предупреждалъ тебя, я просилъ...

Молодая женщина уже не слушала его. Она подошла къ зеркалу и, поднявъ вуалетку, начала поправлять на лбу завитки своихъ красивыхъ, пепельнаго цвѣта, волосъ.

— Онъ всегда бывалъ на выставкѣ по утрамъ,—продолжала она тѣмъ же шопотомъ,—и всегда уходилъ, когда начинался съѣздъ. И потомъ, на выставкѣ такъ легко сдѣлать видъ, будто не замѣчаешь. Стоитъ только пристально смотрѣть на какую-нибудь картину. Онъ вѣдь и самъ къ намъ не подойдетъ... Какъ ты думаешь, Юрій? Что жъ ты молчишь?

— Что же мнѣ говорить? Я просилъ тебя,—ты не послушалась. И что за фантазія! Въ первый день выставки, вчера только пріѣхали... Ты не успѣла даже отдохнуть съ дороги. Смотри, какой у тебя видъ сегодня,—на тебѣ вѣдь лица нѣтъ. Уйдемъ!

Она остановила его нетерпѣливымъ движеніемъ и начала подниматься по ступенямъ лѣстницы, съ которой спускались

Digitized by Google

многочисленные посѣтители, успѣвшіе уже осмотрѣть всю выставку. Дамы были въ нарядныхъ платьяхъ, въ красивыхъ весенникъ шляпахъ, и тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ съ невольной завистью провожали глазами стройную фигуру молодой бѣлокурой женщины въ длинномъ темносинемъ платьѣ изъ легкаго сукна. Она быстро поднималась, опустивъ голову и стараясь ни на кого не смотрѣть. Только на минуту остановилась она у кассы, чтобы купить билетъ и каталогъ картинъ, и тотчасъ же начала нервно перелистывать его.

— Навѣрно, онъ что-нибудь выставилъ,—твердила она:— онъ всегда выставлялъ. Говорятъ, онъ былъ боленъ... Киселевъ... Лемохъ... вотъ, Нильскій! Всего только одна картина: „Зависть". Юрій, „Зависть",—что бы это могло быть?—И, не дожидаясь его отвѣта, она почти побѣжала, мимоходомъ лорнируя выставленныя картины, но не останавливаясь ни передъ одной изъ нихъ и спѣша все дальше и дальше. Юрій Павловичъ едва поспѣвалъ за ней, удивленный и взволнованный ея страннымъ возбужденіемъ...

Годъ тому назадъ, жена довольно извѣстнаго художника, Марья Александровна Нильская, безумно въ него влюбилась и рѣшила бросить мужа и маленькую, восьмилѣтнюю дочь. Онъ увезъ ее за границу; цѣлый годъ прожили они во Франціи и только вчера вернулись въ Петербургъ. Уже сегодня настояла она на томъ, чтобы ѣхать на передвижную выставку, и съ утра безъ умолку говорила и о томъ, какъ ей не хочется встрѣтиться съ мужемъ, и какъ любопытно ей видѣть его картину, какъ она непремѣнно поѣдетъ, но поѣдетъ позднѣе, когда толпа уже отхлынетъ и не такъ легко будетъ встрѣтить знакомыхъ.

И, дѣйствительно, народу уже было немного,—оставались лишь запоздалые посѣтители.

Многіе отдыхали и, сидя, продолжали лѣниво смотрѣть на какое-нибудь полотно; другіе стояли маленькими группами, бесѣдуя, кто о видѣнныхъ картинахъ, кто о совершенно посторонникъ предметахъ. Въ залѣ было душно, а потому, многія лица казались утомленными, нѣкоторыя изъ нихъ внезапно оживлялись при видѣ знакомой физіономіи. Раздавались сдержанныя восклицанія; подобно легкому жужжанію, звенѣла праздная свѣтская болтовня, и картины въ слабѣющемъ вечернемъ освѣщеніи казались тоже утомленными и какъ бы смущенными тѣмъ, что ихъ, созданныхъ съ такой любовью и трудомъ, выставили теперь на судъ этой равнодушной толпы.

Digitized by Google

— Это Вѣрочка!—воскликнула вдругъ Марья Александровна и судорожно сжала руку Юрія Павловича.

Онъ растерянно оглянулся, но кругомъ были все чужія, незнакомыя ему лица. Тогда онъ поднялъ глаза и вздрогнулъ, пораженный большой картиной, отъ которой такъ и вѣяло силой и свѣжестью могучаго молодого таланта, и передъ которой, несмотря на позднее время, стояла небольшая толпа цѣнителей. „Зависть“—было написано на дощечкѣ, прикрѣпленной къ широкой темно-бронзовой рамѣ.

Картина изображала аллею Лѣтняго сада поздней осенью, въ ясный сентябрьскій день. Сквозь воздушный переплетъ вѣтвей глядѣло холодное блѣдно-голубое небо; солнечные лучи освѣщали мягкимъ блескомъ темные стволы липъ и развѣсистыхъ кленовъ и играли на пожелтѣвшихъ листьяхъ, которые легли на землю густымъ золотистымъ ковромъ.

Вдали, между деревьевъ, едва виднѣлись красноватыя стѣны Инженернаго Замка, и неподвижно въ прозрачномъ воздухѣ возвышалась статуя Антиноя, навѣвая своимъ потемнѣвшимъ мраморомъ воспоминанія объ иныхъ, промелькнувшихъ дняхъ.

Въ глубинѣ аллеи были изображены на скамейкѣ двѣ женщины. Одна изъ нихъ, молоденькая, съ красивымъ, южнаго типа лицомъ, очевидно бонна-иностранка, сидѣла съ неподвижно устремленнымъ вдаль скучающимъ и безучастнымъ взоромъ.

Другая была женщина лѣтъ тридцати, миловидная, скромно одѣтая. На колѣни къ ней вскарабкался кудрявый пятилѣтній мальчикъ и, обнявъ ее обѣими ручонками, прижался къ ея груди своимъ раскраснѣвшимся сіяющимъ личикомъ. Онъ, видимо, игралъ и рѣзвился, и вдругъ, охваченный безотчетнымъ порывомъ, съ звонкимъ смѣхомъ бросился къ матери и прильнулъ къ ней всѣмъ своимъ маленькимъ, трепещущимъ отъ радости тѣломъ.

И наконецъ, нѣсколько въ сторонѣ, но привлекая всеобщее вниманіе, стояла бѣлокурая дѣвочка лѣтъ девяти, въ круглой шляпѣ, убранной крэпомъ, и въ черномъ траурномъ платьѣ. Она, очевидно, тоже играла и, можетъ быть, отъ души веселилась, но, озадаченная неожиданнымъ порывомъ своего маленькаго товарища, внезапно перестала играть и глубоко задумалась.

Безпечная улыбка замерла на ея губахъ; руки, въ которыхъ она еще продолжала держать скакалку, безжизненно повисли, и большіе темно-голубые глаза съ выраженіемъ тоски и невольной зависти остановились на матери съ сыномъ. И ей бы хотѣлось такъ же броситься, такъ же приласкаться, высказать на своемъ смутномъ дѣтскомъ языкѣ переполнившее ея маленькое сердце

Digitized by Google

желаніе любви и участія, и вотъ, можетъ быть въ первый разъ, пахну́ло на нее своимъ холодомъ суровое дыханіе жизни, и вся она какъ бы съёжилась и присмирѣла, испуганная и пристыженная сознаніемъ своего одиночества.

Художникъ заставлялъ свою дочку очень рѣдко позировать и старался писать съ фотографіи или даже на память, и тѣмъ не менѣе изображенная на картинѣ дѣвочка была поразительно на нее похожа, и мать сразу узнала ее. Воображеніе ея, дополняя портретъ, живо воскресило любимое дѣтское личико, такъ часто съ горячей лаской прижимавшееся къ ея лицу.

Неужели же отецъ въ самомъ дѣлѣ уловилъ въ ея дѣтскихъ глазахъ это недѣтское скорбное выраженіе?

— Какъ она измѣнилась!—тихо произнесла Марья Александровна, прижимая къ губамъ носовой платокъ.—Вѣрочка!—вырвался изъ груди ея слабый стонъ, и она вдругъ всхлипнула.

— Пойдемъ! — испуганно прошепталъ Юрій Павловичъ; но она упрямо покачала головой и продолжала стоять, неподвижно смотря на полотно, охваченная воспоминаніями.

— Этакій молодецъ!—восторженно произнесъ какой-то старикъ,—очевидно любитель, — останавливая проходившаго мимо господина.—Вы обратите вниманіе,—вѣдь это лучшая картина всей выставки. Да, молодецъ!

Марья Александровна оглянулась съ смущенной и почти радостной улыбкой, которая сразу слетѣла съ ея лица.

Въ былое время она чуть ли не на свой счетъ принимала подобныя похвалы и гордилась ими, но теперь,—теперь вѣдь она была чужая.

— Какое чудное выраженіе у дѣвочки!—Подожди, мама, я не могу оторваться.

— А мальчикъ, смотри, совсѣмъ вѣдь живой!

— Сиротка!—произнесъ чей-то кроткій голосъ.

Марья Александровна вздрогнула и опустила голову. Она одна изъ всей этой обступившей ее толпы знала, что изображенная на картинѣ дѣвочка въ черномъ платьѣ—вовсе не сирота, что у нея есть мать, но что мать эта ее бросила. И теперь эта мать стояла беззащитная и растерянная передъ судомъ большихъ дѣтскихъ глазъ, смотрящихъ на нее съ молчаливымъ укоромъ.

И чѣмъ дольше смотрѣли они на нее, тѣмъ живѣе и ярче выступали изъ прошлаго образы минувшихъ годовъ.

И вспомнилось ей то время, когда мужъ ея не былъ еще

Digitized by Google

знаменитъ, когда оба они были бѣдны и молоды, когда Вѣрочкѣ было годика два.

Какъ хорошо было то время!

Они жили въ маленькой квартирѣ на Потемкинской. Весной изъ Таврическаго сада доносился запахъ распускающихся почекъ и ликующее щебетанье птицъ.

Въ небольшихъ, залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ комнатахъ было такъ весело и такъ уютно. Мужа почти никогда не бывало дома,—онъ съ утра до вечера работалъ въ академіи и возвращался домой счастливый, но измученный и утомленный.

Марья Александровна по цѣлымъ днямъ оставалась одна, но ей некогда было скучать. Все время хлопотала она въ своемъ гнѣздѣ, то шила, то возилась на кухнѣ, то шла съ Вѣрой гулять. Вѣру она бы никому не поручила. Часами слушала она ея дѣтскій лепетъ, играла съ ней, забавляла ее. Ей доставляло неизъяснимое наслажденіе варить для Вѣрочки кашку, купать ее, укладывать спать. Когда Вѣрочка обвивала своими пухлыми ручонками ея шею и прижималась къ ней своей бѣлокурой головкой, Марьѣ Александровнѣ казалось, что она безгранично счастлива, что иного, лучшаго счастья нѣтъ и не можетъ быть.

Мужа она любила и гордилась имъ, гордилась его успѣхами, и съ радостью встрѣчала его, когда онъ возвращался домой, но почти никогда его ни о чемъ не разспрашивала, а напротивъ разсказывала ему обо всемъ, что случилось въ его отсутствіи, разсказывала о Вѣрочкиныхъ проказахъ, повторяла ея слова. Вѣра, бывало, спитъ въ своей бѣлой, мягкой постелькѣ, въ комнатѣ темно и тихо, едва только слышится ея ровное дыханіе; а рядомъ, въ маленькой, ярко освѣщенной столовой, сидятъ за самоваромъ Алексѣй Михайловичъ и Марья Александровна, и молодая женщина, сіяющая и счастливая, безъ умолку щебечетъ, никогда не успѣвая всего высказать, подѣлиться всѣми своими впечатлѣніями.

Но время шло. Алексѣй Михайловичъ становился извѣстнымъ художникомъ. Скромная квартира на Потемкинской была давно покинута. Для Вѣры Марья Александровна наняла француженку-бонну, дѣлать ей было теперь почти нечего,—она начала скучать. Какъ ребенку, которому старыя игрушки давно надоѣли, ей захотѣлось чего-то новаго. Живая ея кукла выросла и сдѣлалась менѣе забавной.

Марья Александровна любила ее не меньше, любила ее, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ прежде, но это ужъ не было первымъ, инстинктивнымъ и горячимъ чувствомъ любви, которое занимало

Digitized by Google

всѣ ея помыслы и удовлетворяло всѣмъ запросамъ ея души. Теперь возникли новые неясные запросы, на которые она не находила отвѣта.

Ее стало раздражать, что у мужа есть свой особый міръ творчества и вдохновенія, который для нея совершенно чуждъ. И ей захотѣлось вторгнуться въ этотъ міръ, жить его жизнью, интересоваться тѣмъ, что интересовало его.

Когда она была еще невѣстой, она всегда мечтала, что будетъ помощницей и совѣтницей мужа, что съ ней онъ будетъ дѣлиться всѣми своими замыслами, посвящать ее во всѣ тайны своей творческой мысли. Появленіе на свѣтъ Вѣрочки затмило на время это желаніе, но теперь оно проснулось съ новой силой. Она стала ревниво слѣдить за мужемъ, вѣчно чего-то ожидая и вѣчно разочаровываясь. По временамъ она видѣла, какъ загоралось его лицо, какъ охватывало его кипучее лихорадочное возбужденіе. Въ такія минуты она пыталась съ нимъ сблизиться, разгадать тайну его вдохновеннаго порыва; но Алексѣй Михайловичъ отдѣлывался обыкновенно двумя, тремя незначительными фразами и запирался въ своей мастерской или куда-то уходилъ и пропадалъ на нѣсколько часовъ. Она давно знала за нимъ эту привычку убѣгать изъ дому и до устали бродить по улицамъ, ничего вокругъ себя не видя и обдумывая какую-нибудь внезапно блеснувшую ему мысль. Прежде она относилась къ этой его странности съ ребяческимъ уваженіемъ и только изрѣдка позволяла себѣ добродушно надъ ней подсмѣиваться. Теперь она начала все чаще и чаще раздражаться.

— Я будто для тебя чужая, — не вытерпѣла она разъ; — мнѣ иногда кажется, что ты меня не любишь.

Въ голосѣ ея звучали гнѣвъ и обида. Онъ поблѣднѣлъ.

— Маруся,— сказалъ онъ ласково, но очень серьезно:— брось это. Ты только напрасно будешь мучить и себя, и меня. Неужели же ты не чувствуешь, что я тебя люблю! Умоляю тебя, вѣрь мнѣ,—доказать тебѣ мою любовь я не съумѣю.—И она ему повѣрила, но тоска ея не улеглась, и Алексѣй Михайловичъ съ тревогой сталъ поглядывать на ея измѣнившееся и поблѣднѣвшее лицо.

— Что съ тобой, Маруся, ты больна? — спросилъ онъ ее однажды.

— Мнѣ скучно,—отвѣтила она, едва сдерживая слезы.

— Ты бы занялась какимъ-нибудь дѣломъ,—отвѣтилъ онъ. —Право, Маруся, возьми себя въ руки!

Digitized by Google

Слова эти показались ей очень обидными, и она перестала жаловаться, но въ душѣ начала считать себя очень несчастной.

Потянулись томительные, безпросвѣтные дни. Иногда по вечерамъ, когда Вѣра спала, а Алексѣй Михайловичъ работалъ или его не было дома, она садилась за рояль и начинала играть, и вдругъ руки ея медленно опускались, и она заливалась горькими молчаливыми слезами.

Наконецъ, здоровье ея совсѣмъ разстроилось, и врачи послали ее за границу.

Алексѣй Михайловичъ работалъ тогда надъ большой картиной и не могъ ѣхать съ семьей.

— Поправляйся, моя радость,—говорилъ онъ женѣ,—пиши мнѣ; я вѣдь ужасно буду безъ васъ скучать.

Вѣрочка была очень взволнована. Сердце ея разрывалась отъ предстоящей разлуки.

— Папа,—шопотомъ сказала она отцу въ день отъѣзда,—возьми меня на руки, походи со мной.

— Ахъ, Вѣрушка, — засмѣялся Нильскій, — ты вѣдь уже большая!

— Папа, — проговорила она еще тише, и румяное ея личико поблѣднѣло, и губы дрогнули отъ сдерживаемыхъ рыданій,— папа, вѣдь это въ *послѣдній* разъ!

Въ Интерлакенѣ Марья Александровна познакомилась съ Юріемъ Павловичемъ Гарденинымъ. Онъ былъ тоже боленъ и тоже скучалъ. Недавно потерялъ онъ мать, которую безконечно любилъ, и со времени ея смерти влачилъ жалкое, опостылѣвшее ему существованіе.

Онъ былъ добрый и неглупый человѣкъ съ ласковымъ голосомъ и мягкими, слегка неловкими движеніями. На Марью Александровну онъ не произвелъ сперва особенно сильнаго впечатлѣнія,—ужъ, конечно, не произвелъ того впечатлѣнія, какое въ былые годы, когда она была еще совсѣмъ молоденькой, восторженной дѣвушкой, произвелъ на нее своими пылкими рѣчами Алексѣй Михайловичъ, въ сіяніи занимавшейся славы.

Алексѣй Михайловичъ такъ и остался для нея недосягаемымъ идеаломъ, но съ Гарденинымъ она любила встрѣчаться; ей было пріятно слушать его ласковый голосъ, бесѣдовать съ нимъ о далекой родинѣ, о Вѣрѣ, обо всемъ, что приходило въ голову. А чего только не приходило въ голову въ эти жаркіе лѣтніе дни, когда горы окутывались сизой дымкой и прозрачныя облака высоко рѣяли въ лазурномъ небѣ!

Вѣрочка сразу полюбила Гарденина корыстной дѣтскою лю-

Digitized by Google

бовью; а онъ ее баловалъ, покупалъ ей игрушки; онъ, видимо, радъ былъ къ кому-нибудь привязаться. Марью Александровну умиляло его отношеніе къ Вѣрочкѣ, трогала его любовь къ покойной матери, его тоска по ней.

Она постоянно о ней разспрашивала, бережно и нѣжно дотрогивалась до его сердечной раны, утѣшала его, старалась развеселить, сама ни на что не жаловалась, но все-таки безсознательно и невольно давала ему понять, что и у нея въ жизни какой-то разладъ, что и ей мучительно хочется участія.

Осенью они вмѣстѣ вернулись въ Петербургъ.

Въ первые дни Алексѣй Михайловичъ какъ ребенокъ радовался возвращенію жены и дочки, все время былъ дома, шутилъ, бесѣдовалъ съ ними, не спускалъ Вѣрочку съ рукъ. Его приводилъ въ восторгъ цвѣтущій видъ Марьи Александровны, ея блестящіе глаза, счастливая улыбка.

— Мы съ тобой снова переживаемъ медовый мѣсяцъ,—говорилъ онъ со смѣхомъ.

Медовый мѣсяцъ длился, однако, недолго.

Нильскій оканчивалъ уже свою картину, и не прошло и недѣли, какъ работа опять всецѣло поглотила его. Марья Александровна снова осталась одна, но на этотъ разъ она отнеслась покойнѣе къ своему одиночеству.

Ее раза два въ недѣлю, а потомъ чуть ли не каждый день сталъ навѣщать Гарденинъ.

Алексѣй Михайловичъ мелькомъ встрѣчался съ нимъ, дружелюбно пожималъ его руку и забывалъ объ его существованіи. Женѣ онъ безгранично вѣрилъ, и ему и въ голову не приходило къ кому бы то ни было ее ревновать. Еслибы онъ вздумалъ ее ревновать, Марья Александровна возмутилась бы и обидѣлась. Она была убѣждена, что Юрій Павловичъ внушаетъ ей самое безкорыстное дружеское чувство, и что для него она тоже не болѣе какъ другъ. Онъ приносилъ ей книги, читалъ ей вслухъ, они играли въ четыре руки, болтали по цѣлымъ часамъ, бывали вмѣстѣ въ театрѣ, и Марья Александровна радовалась, что теперь она не одна, что Юрій Павловичъ ей такъ искренно преданъ.

А Юрій Павловичъ уже давно пересталъ себя обманывать. Онъ давно понималъ, какого рода чувство влечетъ его къ Нильскимъ, и когда Вѣрочка съ повеселѣвшимъ личикомъ выбѣгала къ нему на встрѣчу и, какъ привычную дань, брала его конфеты и подарки, ему нерѣдко становилось стыдно, и онъ говорилъ себѣ, что совершаетъ нехорошее, нечестное дѣло, что

Digitized by Google

онъ подкупаетъ Вѣру и цѣной конфектъ хочетъ отнять у нея самое дорогое и самое любимое.

— „А впрочемъ,—успокоивалъ онъ себя въ такія минуты самобичеванія,—я у нея ничего не отнимаю. Марья Александровна любитъ мужа, меня она не любитъ и не полюбитъ никогда. И слава Богу".—И онъ глубоко вздыхалъ.

Ему становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, но уйти, порвать съ Марьей Александровной было бы—онъ это чувствовалъ—ему не подъ силу.

— „И для чего?—обманывалъ онъ себя.—Я страдаю одинъ, и если мнѣ хочется страдать, то никому до этого нѣтъ дѣла. Я никому не мѣшаю".

Разъ какъ-то,—это было уже въ концѣ марта,—онъ пообѣдалъ у Нильскихъ и послѣ обѣда очень долго у нихъ засидѣлся.

Алексѣй Михайловичъ извинился и куда-то уѣхалъ, а Гарденинъ остался съ Марьей Александровной въ гостиной. Онъ чувствовалъ, что и ему давно пора встать и уѣхать, что разговоръ ихъ не клеится, что Марья Александровна тяготится его присутствіемъ, и все-таки онъ продолжалъ сидѣть и молчать.

Марья Александровна была блѣднѣе обыкновеннаго, жаловалась на головную боль и была раздражительна.

— Сыграйте что-нибудь!—сказала она наконецъ.

— Хотите въ четыре руки?—спросилъ Гарденинъ.

— Нѣтъ!—коротко отвѣтила она.

Онъ подошелъ къ роялю, открылъ его и началъ играть безъ нотъ. Марья Александровна быстро шила, не поднимая головы и нахмуривъ брови.

— Что это вы сейчасъ сыграли?—спросила она вдругъ.

— Это Шумана, изъ „Карнавала",—отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ.

— Да, я знаю, но что, что это?—Она уже не шила и пристально смотрѣла на него возбужденными глазами, полными нетерпѣнія и страха.

— Что это?—еще разъ настойчиво повторила она.

— Это было „aveu",—отвѣтилъ онъ медленно.

Она это знала,—она знала, что это было „aveu",—она знала, что тѣ слова признанія, которыя онъ не смѣлъ произнести, вылились у него теперь въ звукахъ. Но ей хотѣлось, чтобы онъ ихъ произнесъ. Ей было страшно ихъ услышать, но, все равно, она устала ждать.

— Вы хотите знать, почему я его сыгралъ?—прибавилъ онъ едва слышно:—потому, что я васъ люблю. Я долго молчалъ, я не хотѣлъ говорить, но вы меня заставили.

Digitized by Google

И вдругъ, испугавшись и не выдержавъ ея взгляда, онъ опустилъ глаза и заигралъ какую-то бравурную вещь.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Марья Александровна сидѣла неподвижно, постепенно блѣднѣя и тяжело дыша.

— Простите, я... я пойду взглянуть, что дѣлаетъ Вѣра,— безсвязно пролепетала она наконецъ и, свернувъ дрожащими руками работу, вышла изъ комнаты.

Когда она, собравшись съ духомъ, вернулась въ гостиную, Гарденинъ уже уѣхалъ.

Прошло дней пять, и Юрій Павловичъ не показывался къ Нильскимъ, и каждый разъ, какъ Марья Александровна говорила себѣ: „онъ больше не пріѣдетъ“,—она чувствовала въ сердцѣ острую боль, и ей становилось такъ страшно и холодно, что она всѣми силами старалась забыть и не думать. Но забыть было трудно, и только теперь, когда Гарденинъ исчезъ и она оглянулась на свою жизнь въ послѣдніе мѣсяцы, поняла она, насколько слелись ихъ существованія, и какъ тяжело ей будетъ жить безъ него. Теперь она жила еще прошедшимъ, боясь заглядывать въ будущее, обманывая себя, стараясь чѣмъ-нибудь заняться и безсознательно надѣясь, что онъ еще вернется. Она припоминала все, что было, припоминала всѣ, даже самыя незначительныя его слова, и воспоминаніе о нихъ было ей пріятно, какъ ласка.

Глотая слезы, она бродила по дому, какъ во снѣ, разсѣянно отвѣчала на вопросы, хваталась за какое-нибудь дѣло и сейчасъ же бросала его, не въ силахъ бороться съ все возроставшей тревогой.

— Боже мой, Боже, что же мнѣ дѣлать?—съ ужасомъ спрашивала она себя, чувствуя, что изнемогаетъ, и крѣпко сжимая свои холодѣющія руки. И такая охватывала ее жалость къ самой себѣ, что она начинала съ ненавистью смотрѣть на окружающихъ, какъ на враговъ, которымъ она приноситъ себя въ жертву, которые отнимаютъ у нея то, что для нея дороже жизни. „Имъ хорошо,—думала она,—они веселы и покойны, какое имъ дѣло до меня? Они нарочно дѣлаютъ видъ, будто не замѣчаютъ, какъ я страдаю“.

Ее самоё пугала эта ненависть, и она всѣми силами старалась ее подавить, заставляла себя ласкать Вѣру, просматривала ея тетради, и вдругъ, не дослушавъ отвѣта, отталкивала ее отъ себя, поспѣшно уходила въ свою комнату, бросалась въ кресло и начинала рыдать.

На седьмой день она, сгорая отъ стыда, послала Гарденину

Digitized by Google

коротенькую, робкую записку, въ которой писала, что ей нужно съ нимъ переговорить, и что она проситъ его заѣхать къ нимъ вечеромъ. Еслибы у нея спросили, зачѣмъ она это сдѣлала, она бы не съумѣла отвѣтить. Она чувствовала, что поступила дурно и нечестно, но что иначе поступить она не могла. Правда, она увѣряла себя, что увидѣть его ей необходимо, что, можетъ быть, все объяснится, и они еще могутъ остаться друзьями, но въ душѣ она ничему этому, конечно, не вѣрила и послала записку только потому, что хотѣла его увидѣть.

И чѣмъ меньше часовъ оставалось до вечера, тѣмъ быстрѣе и тревожнѣе билось ея усталое сердце, измученное безсонными ночами и тяжелой борьбой, которую она пережила со времени ихъ послѣдняго свиданія. Нервы ея были напряжены, какъ слишкомъ сильно натянутыя струны,—малѣйшее прикосновеніе могло ихъ порвать.

За обѣдомъ она ничего не ѣла, а послѣ обѣда ушла въ гостиную, подошла къ окну и, прижавшись лицомъ къ холодному стеклу, начала напряженно прислушиваться къ шуму подъѣзжающихъ экипажей и съ нетерпѣніемъ считать минуты. Теперь уже она ни о чемъ не думала, ничего не жалѣла,—она только ждала.

Она страшно вздрогнула, когда горничная принесла ей письмо. Письмо было отъ Гарденина „Не могу быть,—писалъ онъ,—такъ какъ долженъ съ курьерскимъ ѣхать въ Москву; меня вызвали по дѣлу въ имѣніе“.

Горничная постояла, дожидаясь отвѣта, и, не дождавшись, ушла, а Марья Александровна все еще перечитывала письмо, пытаясь его понять, и не понимала.

И вдругъ съ такой ясностью представилось ей, какъ велико было обрушившееся на нее несчастье, съ такой силой проснулось въ ней безумное желаніе не дать Гарденину уѣхать, вернуть его во что бы то ни стало, что она чуть, было, громко не вскрикнула. Ей даже показалось, что она закричала; она чувствовала, какъ въ головѣ у нея стучитъ, а сердце ея такъ билось и замирало въ груди, что, казалось, вотъ, вотъ, оно разорвется.

Она прошла въ прихожую и надѣла шляпу.

— Вы уѣзжаете, барыня?—спросила удивленная горничная.—Вамъ ротонду подать?

Марья Александровна посмотрѣла на дѣвушку и ничего не отвѣтила,—она не слышала вопроса. Ротонду она все-таки безсознательно надѣла и безсознательно вышла на улицу.

Digitized by Google

— Извозчика прикажете?—раздался какой-то голосъ, заставившій ее опомниться. Да, нужно было извозчика, но куда нанимать? Она долго не могла сообразить.

— На Николаевскій вокзалъ!—проговорила она, задыхаясь отъ волненія, и только когда она очутилась въ пролеткѣ и застоявшаяся лошадь дернула и быстро понеслась, поразило ее наконецъ сознаніе того, что она дѣлаетъ. Она хотѣла-было остановить извозчика, крикнуть ему, чтобы онъ вернулся, но сердце ея снова сжалось такою болью, что она не могла ничего сказать,—только вся съёжилась и невольнымъ движеніемъ обѣими руками закрыла лицо.....

Была ли она счастлива теперь? Искупало ли ея счастье ту казнь, которой она теперь подверглась? Какъ ни старалась она не задавать себѣ этого вопроса и не думать, настойчивый голосъ все громче и громче твердилъ:—нѣтъ и нѣтъ! Нѣтъ, уже не разъ въ продолженіе минувшаго года охватывало ее гнетущее чувство пустоты и неудовлетворенности, охватывала жгучая тоска по прошлому. И теперь тоска эта навалилась на нее всей своей тяжестью. Ей захотѣлось опять бѣжать,—но куда?

Утромъ она такъ рвалась на выставку, съ неясной надеждой увидѣть что-то близкое, милое, родное. И вотъ что она увидѣла! Если это была месть, то какъ же она была жестока! Она понимала, что теперь для нея не можетъ уже быть и рѣчи о счастьѣ, даже призрачномъ, даже искусственномъ. Вѣчной отравой будетъ для нея воспоминаніе о любимомъ и горестномъ дѣтскомъ личикѣ, которое она никогда не забудетъ,—нѣтъ, никогда. И она все стояла, не обращая вниманія на то, что давно уже прозвучалъ звонокъ, что послѣдніе посѣтители поспѣшно уходили. Она все стояла.

— Маруся, милая!—умоляющимъ голосомъ произнесъ, наконецъ, Юрій Павловичъ:—пойдемъ же, вѣдь давно пора, поѣдемъ домой.

Марья Александровна очнулась, будто ее разбудили.

— Домой?—съ усиліемъ повторила она, не отрывая глазъ отъ картины.

— Да, домой.—И Юрій Павловичъ вдругъ поблѣднѣлъ, потому что глаза Марьи Александровны были полны того же выраженія укора и зависти, съ которымъ смотрѣла на него съ полотна бѣлокурая дѣвочка въ черномъ платьѣ.

В. Б—на.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ

О

ДЕШЕВЫХЪ КВАРТИРАХЪ

ДЛЯ РАБОЧАГО КЛАССА.

Вопросъ о дешевомъ и вмѣстѣ здоровомъ помѣщеніи для бѣднаго населенія большихъ городовъ представляетъ повсюду очень трудную задачу. Въ крупные промышленные центры безпрерывно совершается притокъ различныхъ элементовъ изъ провинціи, что̀ увеличиваетъ и безъ того большую скученность ихъ населенія. Туда идетъ семейный человѣкъ, который находитъ, что дома жить не при чемъ, или желаетъ лучшаго. Бываетъ такъ, что сначала онъ оставляетъ свою семью въ деревнѣ, а потомъ, устроившись, вызываетъ ее къ себѣ. Но нерѣдко онъ не дѣлаетъ послѣдняго изъ чисто экономическихъ разсчетовъ. Въ деревнѣ есть своя изба и прожить тамъ дешевле, нежели въ городѣ. Потому для отца семейства прямая выгода—оставить жену и дѣтей дома. Тогда онъ самъ устраивается на холостую ногу. Въ большой городъ родители посылаютъ неженатаго сына, чтобы онъ своимъ заработкомъ покрылъ нѣкоторыя неотложныя нужды, напр. уплату податей. Ему волей-неволей приходится устраиваться одиноко. Нерѣдко въ большой городъ отправляется молодая дѣвушка съ цѣлью найти себѣ тамъ какое-либо занятіе. Обыкновенно она принадлежитъ къ очень бѣдной семьѣ и оказывается лишнимъ ртомъ, отъ котораго желательно избавиться, или бываетъ круглой сиротой, обязанной полагаться исключительно на свои собственныя силы. Если въ городѣ у нея нѣтъ родственниковъ, у кото-

Digitized by Google

рыхъ она можетъ жить, то она должна пристраиваться у чужихъ. Въ большіе города стремится также не мало такихъ людей, которые предпочитаютъ жить на чужой счетъ и вовсе не желаютъ работать: нищіе, бродяги, различные преступники. Весь этотъ одинокій людъ, хорошій и дурной, обязательно долженъ найти въ городѣ пріютъ и устроиться такъ или иначе.

Одинокіе рабочіе люди, пріѣзжающіе въ большой городъ для заработка, живутъ въ разнообразныхъ квартирныхъ условіяхъ. Прежде всего они помѣщаются, часто только на короткое время, до пріисканія другого жилища, у своихъ родныхъ, знакомыхъ или просто земляковъ. Затѣмъ, если нельзя тамъ остаться, то пріискиваютъ себѣ какое-либо другое убѣжище. Деревенскій житель, попавшій въ первый разъ въ большой городъ, чувствуетъ себя до того потеряннымъ въ немъ, что готовъ мириться съ самымъ отвратительнымъ угломъ въ самой ужасной конурѣ, лишь бы не разставаться со своими земляками. Онъ очень хорошо понимаетъ, что у нихъ онъ скорѣе найдетъ помощь и добрый совѣтъ, нежели у совершенно чужихъ и незнакомыхъ. Это же сознаніе побуждаетъ одинокихъ людей, пріѣхавшихъ въ большой городъ изъ одной и той же мѣстности, соединяться въ артели и селиться въ одной квартирѣ. При изслѣдованіи жилищъ петербургскихъ рабочихъ, намъ нерѣдко приходилось встрѣчать подобные случаи. Жизнь въ артели удовлетворяетъ потребности одинокаго рабочаго имѣть возлѣ себя кого-нибудь близкаго и обходится дешевле.

Очень многіе изъ одинокихъ мужчинъ устраиваются на квартирахъ у семейныхъ людей. Въ такомъ случаѣ рабочій весьма рѣдко занимаетъ отдѣльную комнату. Если это и бываетъ, то послѣдняя оказывается очень микроскопическихъ размѣровъ и часто напоминаетъ собою просто темный чуланъ. Намъ приходилось видѣть въ жилищахъ бѣднаго петербургскаго населенія такого рода отдѣльныя помѣщенія. Темный уголъ отгораживается отъ остальной комнаты перегородкой. Иногда послѣдняя не доходитъ до потолка, а иногда надъ угломъ устраивается нѣчто въ родѣ крыши. За перегородкой можетъ установиться кровать и табуретка, иногда столъ. Подобное помѣщеніе, несмотря на темноту и тѣсноту, тамъ господствующія, всегда цѣнится дороже обыкновеннаго угла, потому что человѣкъ чувствуетъ себя тамъ изолированнымъ отъ остальныхъ жильцовъ. Нерѣдко въ семейныхъ квартирахъ мнѣ приходилось встрѣчать одинокихъ мужчинъ, нанимающихъ кровать въ темныхъ коридорахъ, передникъ, на кухнѣ. Но чаще всего они устраиваются иначе. Квартирные

Digitized by Google

хозяева отводятъ одну, двѣ или болѣе комнатъ для одинокихъ и пускаютъ туда только ихъ. Въ такомъ случаѣ рабочіе или сами подыскиваютъ себѣ товарищей и земляковъ, или хозяева сдаютъ койку, а еще чаще полкойки—кому пришлось. Благодаря этому обстоятельству, совершенно незнакомые люди тѣснятся вмѣстѣ на небольшомъ пространствѣ въ одной комнатѣ или занимаютъ даже одну кровать. Безъ всякаго сомнѣнія, совмѣстная жизнь при подобныхъ условіяхъ очень часто оказывается не особенно пріятной. Мы встрѣчаемъ также не мало примѣровъ, что хозяинъ, у котораго одинокіе рабочіе находятъ занятіе, даетъ имъ квартиру отъ себя. Если въ томъ случаѣ, когда они нанимаютъ квартиру самостоятельно, санитарное положеніе послѣдней оказывается невозможнымъ по отношенію къ простору, освѣщенію дневнымъ свѣтомъ, чистотѣ воздуха и всей окружающей обстановки, то въ послѣднемъ все это бываетъ еще хуже. Слѣдующіе два примѣра показываютъ намъ, какъ хозяева заботятся о помѣщеніяхъ своихъ рабочихъ.

Обѣ квартиры населены петербургскими ломовыми извозчиками. Одна изъ нихъ находится на Васильевскомъ Островѣ и состоитъ изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ помѣщается двадцать человѣкъ. На каждаго приходится не болѣе половины кубической и квадратной сажени. Въ одной комнатѣ господствуетъ полумракъ. Рабочіе спятъ на нарахъ, шириною 14 вершковъ. Страшная грязь и духота. Другая квартира находится на Петербургской Сторонѣ. Она расположена въ первомъ этажѣ грязнаго деревяннаго дома и состоитъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Помѣщеніе сырое. Водопровода въ квартирѣ нѣтъ, и вода хранится въ простой кадкѣ въ кухнѣ. Изъ шести оконъ, находящихся во всѣхъ трехъ помѣщеніяхъ, два выходятъ къ грязно-содержимому простому отхожему мѣсту, откуда постоянно распространяется зловоніе. Освѣщеніе дневнымъ свѣтомъ дурно. Форточка всего одна. Кромѣ нея, есть еще два вентилятора, но они никогда не употребляются. Здѣсь живетъ также двадцать человѣкъ, и на каждаго приходится, приблизительно, столько же кубическаго и квадратнаго пространства, какъ и въ первой квартирѣ. Есть двѣ кровати для четырехъ человѣкъ. Остальные всѣ спятъ на нарахъ, имѣя въ своемъ распоряженіи 15 вершк. ширины. О чистотѣ и вентиляціи никто не заботится. Подобную квартиру даетъ своимъ рабочимъ хозяинъ-домовладѣлецъ. Очевидно, онъ отвелъ имъ самое худшее помѣщеніе въ своемъ домѣ.

Такъ размѣщаются одинокіе рабочіе, которые пріѣзжаютъ въ Петербургъ на болѣе или менѣе продолжительное время, рас-

Digitized by Google

полагая остаться въ немъ годъ, два и болѣе. Что касается до пришлыхъ временныхъ рабочихъ,—напр., пріѣзжающихъ въ столицу только на лѣтніе заработки,—то нерѣдко они устраиваются подобнымъ же образомъ: соединяются въ артели и нанимаютъ самостоятельно квартиру или разселяются по угламъ. Иногда они получаютъ квартиру отъ хозяина, у котораго работаютъ, помѣщаются въ лѣтнихъ баракахъ или просто на баркахъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ санитарныя условія ихъ жилищъ представляютъ очень печальную картину.

Въ 1898 году петербургская городская санитарная комиссія предприняла изслѣдованіе жилищъ рабочихъ, пріѣзжающихъ въ столицу на лѣтніе заработки. Осмотры показали, что тамъ господствуетъ страшная тѣснота. Сдавая углы, квартирные хозяева не обращаютъ никакого вниманія на кубическій объемъ помѣщенія. Жильцы также проявляютъ къ этому совершенное равнодушіе. Квартирантовъ пускаютъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ всякая возможность поставить гдѣ-нибудь койку. Спятъ не только въ комнатахъ, но и въ темныхъ коридорахъ, въ кухнѣ, въ передней. Для спанья служатъ простыя деревянныя койки, 20—24 вершка ширины, на которыхъ въ большинствѣ случаевъ спятъ по-двое. Кровати размѣщены такъ, что изголовье одной тѣсно примыкаетъ къ ногамъ другой. Часто вмѣсто нихъ употребляются многомѣстныя нары, сдѣланныя нерѣдко просто изъ нестроганныхъ досокъ. На нихъ всѣ спятъ въ повалку; перегородокъ не имѣется. Грязь, духота, отсутствіе вентиляціи, а нерѣдко и дневного свѣта, служатъ характерной чертой подобныхъ жилищъ.

Бываетъ также, что пришлые рабочіе помѣщаются въ ночлежныхъ домахъ. Идутъ туда иногда ненаходящіе работы или потерявшіе мѣсто. Но ночлежные дома служатъ пріютомъ главнымъ образомъ для людей уже опустившихся и испорченныхъ: нищихъ, бродягъ, преступниковъ. Въ Петербургѣ подобнаго рода учрежденія, особенно принадлежащія частнымъ лицамъ, представляютъ изъ себя нѣчто невозможное. Ночлежники спятъ на нарахъ, спятъ подъ нарами и въ промежуткахъ между ними въ такомъ количествѣ, сколько можетъ помѣститься бокъ-о-бокъ. Матрацевъ имъ не полагается. Масса мокраго и вонючаго тряпья, наполняющаго воздухъ отвратительнымъ смрадомъ, обсушивается около печей и каминовъ въ той же комнатѣ, которая предназначена для спанья. Иногда чьи-нибудь онучи, положенныя въ печь для просушки, начинаютъ тлѣть и наполняютъ комнату чадомъ и угаромъ. Отхожее мѣсто нерѣдко расположено довольно далеко отъ помѣщенія, и потому ночлежники, вмѣсто него, поль-

Digitized by Google

зуются дворомъ. Въ кухнѣ постоянно находится толпа грязныхъ людей, которые идутъ черезъ нее въ отхожее мѣсто и обратно, готовятъ въ ней себѣ горячую закуску, а иногда просто грѣются, лежа на кухонномъ столѣ. Все это представляетъ очень безотрадную картину.

Ночлежные дома не только въ Петербургѣ, но и въ другихъ русскихъ большихъ городахъ отличаются въ высшей степени анти-санитарными условіями. По свидѣтельству д-ра Матвѣева, скученность подобныхъ учрежденій въ Саратовѣ такова, что ее надо было бы уменьшить въ восемь разъ, чтобы удовлетворить требованіямъ гигіены. На такомъ пространствѣ, гдѣ, согласно послѣдней, могло бы помѣститься 0,8, 4,0, 29 чел., на самомъ дѣлѣ помѣщается 9, 80, 256 ночлежниковъ. Во всѣхъ ночлежныхъ пріютахъ обнаруживается сырость, нечистота, грязь. Всѣ они представляютъ такой видъ, какъ будто споконъ вѣку они не чистились и не ремонтировались. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ приспособленій для провѣтриванія, а въ другихъ если и есть форточка, то ею обыкновенно не пользуются. Потому воздухъ въ частныхъ ночлежныхъ домахъ не только спертый и удушливый, но даже прямо зловонный, вызывающій дурноту у непривычнаго человѣка. Зимней ночью подобное учрежденіе представляетъ слѣдующую картину: „Масса людей копошится въ безпокойствѣ на грязныхъ нарахъ, не находя себѣ всю ночь покоя и сна, вслѣдствіе полной невозможности дышать отъ громаднаго количества угольной кислоты, смѣшанной съ ядовитыми продуктами испаренія тѣлъ и одежды ночлежниковъ. Они сбрасываютъ съ себя одежду, бѣлье, прикрывающія ихъ лохмотья, и остаются совершенно нагими, надѣясь хоть этимъ уменьшить мучительное чувство удушья и облегчить дыханіе, — но изъ этого, конечно, ничего не выходитъ. На минуту является обманчивое чувство какъ бы прохлады, но дышать все-таки нечѣмъ. И мечется цѣлую ночь несчастный ночлежникъ на своей грязной, кишащей клопами и другими насѣкомыми нарѣ“.

Въ подобныхъ учрежденіяхъ многіе проводятъ цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы, оставаясь тамъ не только по ночамъ, но и днемъ. Есть много и такихъ, которые живутъ въ ночлежныхъ домахъ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ. Изъ 1.216 саратовскихъ ночлежниковъ таковыхъ оказалось 562 человѣка.

Всѣ ночлежныя помѣщенія въ Саратовѣ темноваты. Въ нихъ есть не мало комнатъ совершенно темныхъ, безъ оконъ. Для искусственнаго освѣщенія употребляется дурной керосинъ, который не горитъ, а коптитъ, портя и безъ того уже дурной воз-

Digitized by Google

духъ. Нѣкоторыя зданія до того ветхи, что угрожаютъ разрушеніемъ, и опасны для жизни ихъ обитателей.

Здѣсь совершенно умѣстно напомнить то впечатлѣніе, которое было произведено на графа Льва Толстого посѣщеніемъ московскихъ ночлежныхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ:

„Всѣ квартиры были полны, — говоритъ онъ, — всѣ койки были заняты не однимъ, а часто двумя. Ужасно было зрѣлище по тѣснотѣ, въ которой жался этотъ народъ, и по смѣшенію мужчинъ съ женщинами. Женщины, не мертвецки-пьяныя, спали съ мужчинами. Многія женщины съ дѣтьми на узкихъ койкахъ спали съ чужими мужчинами. Ужасно было зрѣлище по нищетѣ, грязи, оборванности и испуганности этого народа. И, главное, ужасно по тому огромному количеству людей, которые были въ этомъ положеніи. Одна квартира и потомъ другая такая же, и третья, и десятая, и двадцатая, и нѣтъ имъ конца. И вездѣ тотъ же смрадъ, та же духота, то же смѣшеніе половъ, тѣ же пьяные до одуренія мужчины и женщины, и тотъ же испугъ, покорность и виновность на всѣхъ лицахъ".

Все вышеприведенное относится преимущественно къ одинокимъ мужчинамъ, живущимъ въ большихъ городахъ для заработка или пребывающимъ тамъ вслѣдствіе какихъ-либо другихъ побужденій. Что касается до одинокихъ работницъ, то условія ихъ жизни, въ большинствѣ случаевъ, также представляются очень тяжелыми.

Изъ тѣхъ наблюденій, которыя намъ пришлось произвести при изслѣдованіи жилищъ рабочихъ, мы могли сдѣлать выводъ, что у одинокихъ работницъ существуетъ бо́льшая потребность въ лучшемъ жилищѣ, нежели у одинокихъ работниковъ. Одинокая дѣвушка или женщина-работница, въ общемъ, всегда получаетъ меньше мужчины. Несмотря на это, она часто затрачиваетъ на свое жилище больше послѣдняго. Нанимая уголъ, постороннія рѣдко помѣщаются по двѣ на одной кровати, что́ мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ среди петербургскихъ мужчинъ-рабочихъ. Если двѣ женщины занимаютъ одну кровать, то почти всегда это бываютъ родственницы: мать съ дочерью, бабушка съ внучкой, двѣ сестры и т. д. Одинокая работница старается пріютиться или въ одной комнатѣ съ другими женщинами, или въ помѣщеніи семейныхъ квартирныхъ хозяевъ, или семейныхъ жильцовъ. Иногда она ютится одна въ какомъ-нибудь темномъ коридорѣ или кухнѣ. Бываютъ также случаи, что она помѣщается въ одной комнатѣ съ одинокими мужчи-

Digitized by Google

нами. Это нежелательное явленіе встрѣчается въ Петербургѣ не особенно часто, но, во всякомъ случаѣ, существуетъ.

Многія промышленныя учрежденія, гдѣ примѣняется женскій трудъ, устраиваютъ для одинокихъ женщинъ общежитія. Послѣднія встрѣчаются чаще всего въ различныхъ швейныхъ мастерскихъ. Такъ какъ въ нихъ, обыкновенно, бываютъ ученицы, для которыхъ нужно какое-нибудь помѣщеніе, то кстати устраивается жилье и для работницъ. Санитарныя условія подобныхъ жилищъ часто оставляютъ желать очень многаго. Если и существуютъ отдѣльныя спальныя комнаты, то въ нихъ бываетъ и тѣсно, и душно. А нерѣдко ученицы и работницы помѣщаются ночью въ той же мастерской, гдѣ днемъ работаютъ.

Таковы жилищныя условія порядочныхъ работницъ, имѣющихъ болѣе или менѣе постоянный заработокъ. Что касается до одинокихъ женщинъ, которыя не принадлежатъ къ ихъ числу,—не имѣющихъ постояннаго заработка, нищихъ, бродягъ,—то для нихъ, какъ и для мужчинъ подобнаго сорта, находится пріютъ въ ночлежныхъ домахъ. Изъ 1.216 челов. въ саратовскихъ ночлежныхъ пріютахъ, 187 было взрослыхъ женщинъ.

Въ большихъ городахъ вопросъ объ улучшеніи жилищъ бѣднаго населенія тѣсно связанъ съ улучшеніемъ жилищъ одинокихъ работниковъ и работницъ. При очисткѣ одной нездоровой мѣстности въ Гласго, былъ сдѣланъ подсчетъ населенія, которое необходимо было выселить оттуда. Собранныя свѣдѣнія показали, что посторонніе жильцы составляли 14% всего населенія однокомнатныхъ квартиръ, 27%—дву-комнатныхъ и 32%—трехъ-комнатныхъ. Изъ этихъ данныхъ гласговское городское управленіе вывело заключеніе, что если устроить особыя помѣщенія для одинокихъ, то уменьшится скученность въ семейныхъ квартирахъ. Руководствуясь подобнымъ соображеніемъ, оно устроило шесть ночлежныхъ домовъ для мужчинъ и одинъ для женщинъ. Его примѣру послѣдовали нѣкоторые частные предприниматели и выстроили также нѣсколько ночлежныхъ домовъ. Въ 1890 г. въ Гласго въ подобныхъ учрежденіяхъ могло помѣститься 7.230 чел. Такая мѣра оказала несомнѣнное вліяніе на уменьшеніе скученности. Процентъ такъ называемыхъ „ticketed houses“ (домовъ, гдѣ полиція находила чрезмѣрную скученность) упалъ съ 71% до 29%, что способствовало улучшенію санитарнаго положенія всего города.

Въ большихъ русскихъ городахъ также существуетъ обычай пускать жильцовъ въ семейныя квартиры. При изслѣдованіи жилищъ петербургскихъ рабочихъ намъ пришлось убѣдиться, что

Digitized by Google

только ничтожная часть семейныхъ квартирохозяевъ обходилась безъ нихъ. При этомъ оказалось, что главный контингентъ жильцовъ составляютъ одинокіе мужчины. Потому улучшеніе жилищъ послѣднихъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду различныхъ санитарныхъ мѣръ для оздоровленія столицы.

За границей мы встрѣчаемъ довольно любопытное обсужденіе даннаго вопроса. Тамъ находятся лица, которыя высказываются противъ постройки образцовыхъ ночлежныхъ домовъ для одинокихъ мужчинъ или „отелей для бѣдныхъ", какъ ихъ обыкновенно называютъ. Такъ, м-ръ Mills, построившій подобный домъ, за послѣдніе годы, въ Нью-Іоркѣ, вызвалъ нападки одного американскаго филантропа.

„Я совершенно согласенъ съ вами,—говоритъ послѣдній,—что необходимы строгія правила въ ночлежныхъ домахъ и тщательный надзоръ надъ ними. Но признаю неправильнымъ ваше мнѣніе, что ночлежные дома, устраиваемые муниципалитетомъ или филантропами, могутъ оказать существенное вліяніе на улучшеніе города и помочь нуждающимся. Въ данномъ случаѣ, я совершенно не могу васъ понять. Безъ всякаго сомнѣнія, вы должны сознавать, что жизнь въ подобныхъ учрежденіяхъ не можетъ быть полезной для общества. А между тѣмъ, ихъ улучшеніе служитъ для привлеченія туда все бо̀льшаго и бо̀льшаго числа людей. Многіе изъ тѣхъ, которые идутъ въ хорошіе отели для бѣдныхъ,—сыновья, пренебрегающіе своими родителями, мужья, бросившіе своихъ женъ и дѣтей, вообще, люди, которые должны бы выполнять извѣстныя обязанности, имѣть свой домашній очагъ, приносить пользу обществу, но уклоняются отъ этого. Что̀ должны представлять изъ себя существа, живущія въ подобныхъ казармахъ и освободившія себя отъ всякаго долга и обязанностей?

„Однимъ изъ доказательствъ необходимости подобныхъ учрежденій служитъ малый заработокъ. Но они сами могутъ создавать работниковъ, которые, находя въ нихъ полное удовлетвореніе для себя, перестанутъ стремиться къ повышенію своей заработной платы.

„Мнѣ кажется, что вашъ дешевый отель составляетъ большое зло для нашего города, и я надѣюсь, что другіе не послѣдуютъ вашему примѣру".

Такимъ образомъ, по мнѣнію нью-іоркскаго филантропа, постройка хорошихъ жилищъ, предназначенныхъ исключительно для одинокихъ мужчинъ, способствуетъ тому, что послѣдніе начинаютъ пренебрегать своими семейными и гражданскими обя-

Digitized by Google

занностями, и даже отнимаетъ у нихъ стремленіе улучшить свое положеніе своими собственными силами.

Смотря на данный вопросъ съ подобной точки зрѣнія, въ концѣ концовъ можно придти къ заключенію, что ничего не надо дѣлать. Думая такимъ образомъ, мы, пожалуй, откажемся протянуть руку помощи неумѣющему плавать человѣку, который тонетъ на нашихъ глазахъ. „Пусть учится плавать, — скажемъ мы, — авось, какъ-нибудь и выберется самъ".

Подобный взглядъ представляется особенно неправильнымъ по отношенію къ дешевымъ и здоровымъ жилищамъ, устраиваемымъ для бѣднаго населенія. Опытъ показалъ, что они имѣютъ благотворное вліяніе не только на физическое здоровье жильцовъ, но и на повышеніе ихъ нравственнаго уровня. Лучшія жилища, при соблюденіи извѣстныхъ требованій, которымъ должны подчиняться ихъ обитатели, вызываютъ лучшія привычки и вовсе не способствуютъ развитію у нихъ индифферентизма къ своей собственной судьбѣ. Лордъ Bell, говоря объ образцовыхъ ночлежныхъ домахъ въ Гласго, замѣчаетъ: „Въ результатѣ получается не только улучшеніе положенія ихъ жильцовъ, но и пробужденіе въ нихъ стремленія къ лучшему". М. Николь, казначей гласговскаго городского управленія, — слѣдовательно, человѣкъ, который имѣетъ возможность близко познакомиться съ сутью дѣла, — говоритъ: „Образцовые ночлежные дома имѣютъ большое значеніе въ нравственномъ и физическомъ отношеніи. Они могутъ окупать себя и пріучаютъ населеніе къ порядку, что̀ много значитъ само по себѣ. Двадцатилѣтній опытъ показалъ, что они улучшаютъ положеніе и всѣхъ остальныхъ ночлежныхъ домовъ, измѣняютъ характеръ жильцовъ къ лучшему, оказываютъ благотворное вліяніе на народное здравіе и доставляютъ пять процентовъ чистаго барыша". Джорджъ Дэвисъ, пасторъ въ одной изъ лондонскихъ частей, Вестминстерѣ, неутомимый посѣтитель самыхъ дурныхъ ночлежныхъ пріютовъ, замѣтилъ, что приведеніе въ исполненіе болѣе строгихъ требованій относительно ночлежныхъ домовъ вообще и постройка лордомъ Rowton образцоваго отеля для бѣдныхъ оказали несомнѣнное вліяніе на улучшеніе нравственности и повышеніе матеріальнаго благосостоянія ихъ обитателей.

Можно было бы привести еще нѣсколько доказательствъ того, какое большое значеніе имѣетъ постройка образцовыхъ домовъ для бѣднаго населенія вообще и улучшеніе жилищъ одинокихъ въ частности, но и только-что приведенныхъ совершенно достаточно для этого. Подобная мѣра не только способствуетъ со-

Digitized by Google

храненію физическаго здоровья населенія, но и пробужденію въ немъ потребности къ лучшему. Это совершенно понятно. Если взять для сравненія петербургскую артельную или угловую квартиру, гдѣ тѣснятся одинокіе работники вдвоемъ на одной узенькой койкѣ или на нарахъ, грязныхъ, изобилующихъ насѣкомыми, и заграничный образцовый отель для бѣдныхъ съ его чистенькими отдѣленіями для каждаго человѣка, желѣзными кроватями, опрятными матрацами и постельнымъ бѣльемъ, даровыми ваннами, библіотекой, читальной комнатой и такъ далѣе, то нельзя будетъ усомниться въ томъ, что послѣдній окажетъ болѣе благотворное вліяніе на своихъ обитателей, нежели первыя.

Что касается до финансовой стороны дѣла, то улучшенные ночлежные дома и отели для бѣдныхъ представляются выгодными предпріятіями и даютъ не менѣе пяти процентовъ въ годъ чистаго барыша. Капиталисты найдутъ въ нихъ вѣрное помѣщеніе для своихъ денегъ.

Изъ вышеприведеннаго описанія мы видимъ, что въ русскихъ большихъ городахъ ночлежные дома отличаются наихудшими санитарными условіями. Артельныя и угловыя квартиры, гдѣ ютятся одинокіе, дурны, но ночлежные дома—еще хуже. Потому естественно было бы думать, что прежде всего надо обратить вниманіе на послѣдніе. Мы признаемъ весьма желательнымъ, чтобы городскія власти установили болѣе строгій надзоръ надъ существующими ночлежными домами и занялись улучшеніемъ ихъ санитарнаго положенія. Что касается до постройки новыхъ, то мы отдаемъ предпочтеніе постройкѣ дешевыхъ отелей для бѣдныхъ одинокихъ рабочихъ, но не ночлежныхъ домовъ для того сброда, который обыкновенно наполняетъ послѣдніе. Первое оказывается наиболѣе выгоднымъ для общества.

Ночлежный домъ представляетъ изъ себя самый низшій сортъ жилищъ въ цивилизованномъ обществѣ. Туда идутъ, главнымъ образомъ, отбросы послѣдняго. Только иногда попадаютъ и порядочные рабочіе, которые почему-либо остались безъ занятій.

Въ одномъ изъ саратовскихъ ночлежныхъ домовъ были собраны свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя въ немъ находили пріютъ. Наибольшую часть ихъ составляли мѣщане, чернорабочіе и неграмотные, преимущественно мужской молодой элементъ. Старики, женщины и дѣти дали всего четвертую часть. Изъ 1.216 ночлежниковъ во всѣхъ саратовскихъ ночлежныхъ домахъ только 134 чел. были неспособны къ труду. Остальные 1.082 могли работать.

По словамъ д-ра Матвѣева, 90% всего наличнаго числа

Digitized by Google

ночлежниковъ имѣютъ возможность зарабатывать кусокъ насущнаго хлѣба, но въ общемъ всѣ они очень бѣдны. Отвратительное жилище, грязныя лохмотья вмѣсто одежды, сухой черный хлѣбъ, гнилая рыба, въ лучшемъ случаѣ—грязный кипятокъ, подъ видомъ щей или супа, рубцы, печенка, шея, легкія, для пищи,—вотъ какова ихъ жизнь.

Почему эти люди должны влачить такое жалкое существованіе? Д-ръ Матвѣевъ объясняетъ данное явленіе слѣдующимъ.

Случай или судьба выбиваетъ человѣка изъ колеи жизни, и онъ попадаетъ въ ночлежный домъ. Голодный, холодный, въ отрепьяхъ, слабый, съ надорванными силами отъ плохого питанія и нужды, онъ отправляется оттуда на поиски куска насущнаго хлѣба. Работа есть, но не всегда и не для всѣхъ. Для работы нужно или знаніе какого-либо ремесла, или здоровыя и сильныя мышцы. Но у ночлежника нѣтъ ни того, ни другого. Ремесла онъ въ большинствѣ случаевъ не знаетъ, а для труда чернорабочаго у него не хватаетъ силъ. Работодатель это знаетъ,—знаетъ, что такому рабочему цѣна грошъ, а поэтому грошъ ему онъ и даетъ. Но и такая работа не всегда находится, особенно осенью и зимой.

Такимъ образомъ д-ръ Матвѣевъ видитъ главную причину, которая удерживаетъ людей, способныхъ къ труду, въ ночлежномъ домѣ,—въ скудномъ заработкѣ или отсутствіи послѣдняго. Намъ кажется, что подобный выводъ страдаетъ односторонностью. Изъ статистики, приводимой д-ромъ Матвѣевымъ, видно, что изъ 455 ночлежниковъ одного дома 30 человѣкъ знали какое-нибудь ремесло: серебряники, столяры, сапожники и проч. При желаніи они могли бы найти себѣ работу. Что касается до мускульнаго труда, то ночлежники далеко не всегда представляютъ изъ себя такія слабыя существа, которыя оказываются не въ состояніи имъ заниматься.

Интересуясь вопросомъ, кто населяетъ ночлежные дома, мы посѣтили одинъ изъ петербургскихъ, наиболѣе благоустроенныхъ, принадлежащій обществу ночлежныхъ домовъ. Среди ночлежниковъ было много здоровыхъ и сильныхъ людей, которые могли бы исполнять трудъ, требующій довольно большой мускульной работы. Смотритель дома сообщилъ намъ также, что громадное число ночлежниковъ состоитъ не изъ такихъ, которые почему-либо не могутъ работать, но изъ такихъ, которые не желаютъ этого: привычныхъ бродягъ, нищихъ и проч. Не мало тамъ бываетъ также людей, которые совершенно опустились вслѣдствіе пьянства. Порядочные рабочіе, постоянно живущіе въ Петер-

Digitized by Google

бургѣ, даже при очень тяжелыхъ условіяхъ жизни, во время безработицы, туда не пойдутъ. А если случай и загонитъ ихъ туда, то они остаются тамъ недолго. Временно-пріѣзжающіе рабочіе, напр. катальщики дровъ съ барокъ, нерѣдко ищутъ пріюта въ ночлежныхъ домахъ,—вѣроятно, находя это болѣе выгоднымъ и удобнымъ для себя, нежели нанимать постоянную квартиру. Вообще же, въ ночлежныхъ домахъ собираются преимущественно негодные или вредные для общества люди.

Вопросъ о томъ, кто наполняетъ ряды отбросовъ общества, представляется очень важнымъ въ данномъ случаѣ. Идутъ ли туда преимущественно пришлые изъ деревень, или болѣе или менѣе постоянные жители города? Статистика д-ра Матвѣева даетъ намъ отвѣтъ на это. Изъ 256 ночлежниковъ въ одномъ домѣ, крестьянъ было только 61 чел., а мѣщанъ 130 человѣкъ; остальные были военные, почетные граждане, чиновники, дворяне, цеховые и нѣкоторые другіе. Такимъ образомъ, города создаютъ большую часть того люда, который наполняетъ ночлежные дома.

Въ этомъ отношеніи очень интересны свѣдѣнія, приводимыя Чарльсомъ Бутсомъ въ его сочиненіи „Life and labour of the people of London“.

Въ рабочемъ домѣ и больницѣ для бѣдныхъ одного лондонскаго прихода, Whitechapel, были собраны свѣдѣнія о происхожденіи лицъ, обращавшихся туда за помощью. Оказалось, что 58,4% находящихся въ рабочемъ домѣ и 54,4% пользовавшихся больницей родилось въ Лондонѣ. Эти цифры покажутся еще больше, если принять во вниманіе, что въ данномъ приходѣ было всего 28% взрослаго населенія, родившагося въ Лондонѣ.

Остальные обитатели рабочаго дома и больницы принадлежали къ пришлымъ. Огромная часть ихъ прожила въ Лондонѣ болѣе двадцати лѣтъ.

Такимъ образомъ, большіе города несомнѣнно способствуютъ созданію того элемента, который наполняетъ ночлежные и рабочіе дома, больницы для бѣдныхъ и т. д. Потому на ихъ обязанности лежитъ главнымъ образомъ принятіе мѣръ, предупреждающихъ подобное явленіе.

Выше мы уже упоминали о томъ, какое большое значеніе для физическаго и нравственнаго здоровья населенія имѣютъ образцовые ночлежные дома и отели для бѣдныхъ. Это представляетъ хорошую предупреждающую мѣру. Благодаря вліянію подобныхъ учрежденій, одинокій рабочій сохранитъ не только

Digitized by Google

физическое здоровье, но пріобрѣтетъ также чувство собственнаго достоинства, которое будетъ предохранять его отъ нравственнаго паденія. Такимъ образомъ будетъ предупреждаться появленіе того элемента, который наполняетъ ночлежные дома низшаго разряда. Люди, родившіеся въ городѣ или постоянно живущіе въ немъ долгое время, даютъ главнымъ образомъ негодныхъ или вредныхъ членовъ общества. Потому прежде всего слѣдуетъ позаботиться объ улучшеніи ихъ жилищъ.

Не говоря уже объ Англіи, которая ранѣе всѣхъ другихъ странъ обратила вниманіе на улучшеніе ночлежныхъ домовъ и занялась постройкой дешевыхъ отелей для бѣдныхъ одинокихъ рабочихъ, другія европейскія страны и Америка также начинаютъ слѣдовать ея примѣру и пытаются, при помощи улучшенія жилищъ, хотя нѣсколько уменьшить дурное вліяніе городовъ на физическое и нравственное здоровье населенія, удѣляя при этомъ немалую долю вниманія постройкѣ домовъ для одинокихъ рабочихъ.

Въ Гамбургѣ существуетъ компанія, которая занимается устройствомъ дешевыхъ и очень хорошихъ ресторановъ. Въ 1892 году она открыла весьма хорошій ночлежный домъ, названный „Конкордія“. Его постройка обошлась въ 950.000 марокъ. Онъ содержитъ въ себѣ 425 кроватей. Въ одной комнатѣ помѣщается не болѣе двухъ человѣкъ. Въ каждой спальнѣ существуетъ большое окно, выходящее на открытый дворъ. Въ зданіи много дневного свѣта, превосходная вентиляція, безукоризненная чистота. Въ нижнемъ этажѣ устроена прачешная, гдѣ, кромѣ стирки, также занимаются починкой бѣлья за дешевую плату. Есть ванны, но, къ сожалѣнію, за нихъ берутъ отдѣльную плату, и потому ими очень мало пользуются. За спальную комнату на двоихъ взимается 70 пфенниговъ за одну ночь. Если обитатель уплатилъ за пять ночей подъ-рядъ, то ему дается добавочная марка на двѣ ночи даромъ. Если онъ платитъ аккуратно въ продолженіе трехъ недѣль, то четвертую онъ живетъ даромъ. За два мѣсяца постоянной платы дается третій безплатный. При „Конкордіи“ устроенъ прекрасный дешевый ресторанъ.

„Конкордія“ окупаетъ себя и приноситъ 3—5% въ годъ. Въ сравненіи съ господствующимъ типомъ ночлежныхъ домовъ, она представляетъ изъ себя большой шагъ впередъ, но во многомъ уступаетъ отелямъ для бѣдныхъ, выстроеннымъ въ Нью-Іоркѣ м-ромъ Mills, о которомъ мы уже упоминали.

Свои дома онъ открылъ для жилья только въ послѣдніе годы,

Digitized by Google

и они представляютъ изъ себя новѣйшій образецъ отелей для бѣдныхъ. Побужденія, которыми онъ руководствовался при ихъ устройствѣ, м-ръ Mills высказалъ при открытіи своего перваго дома. Онъ говоритъ, что существуетъ вопіющая нужда въ порядочныхъ помѣщеніяхъ для людей, имѣющихъ небольшой заработокъ. Свой домъ онъ предназначаетъ не для тѣхъ лѣнтяевъ и пьяницъ, которые экономятъ на пищѣ и одеждѣ, чтобы истратить деньги на водку. Подобные люди туда не допускаются. Только человѣкъ, обладающій чувствомъ собственнаго достоинства, живущій на свой собственный заработокъ, желающій быть независимымъ и пользоваться нѣкоторымъ комфортомъ, найдетъ тамъ пріютъ. М-ръ Mills не скрываетъ, что въ своемъ предпріятіи онъ руководствовался гуманными побужденіями и желаніемъ помочь своимъ ближнимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что онъ осуществляетъ это на коммерческихъ началахъ, и надѣется получать барышъ,—потому не считаетъ свои дома благотворительными учрежденіями. Онъ старается только, чтобы бѣднякъ, за ту цѣну, которую въ состояніи заплатить, получилъ возможныя удобства, научился лучше думать о себѣ и быть болѣе человѣчнымъ и хорошимъ гражданиномъ.

Въ двухъ домахъ м-ра Mills'a имѣется 2.155 кроватей, помѣщающихся въ отдѣльныхъ комнатахъ. Для ста кроватей назначена плата 30 центовъ за ночь. За всѣ остальныя взимается по 20 центовъ. Въ домѣ устроена прекрасная читальня, курильная комната, кабинетъ для письма, библіотека, различныя игры. Безплатными ваннами пользуются болѣе пятой части всѣхъ ночлежниковъ ежедневно. Есть прачешная, гдѣ каждый желающій можетъ самъ выстирать свое бѣлье и высушить. Во всякомъ этажѣ есть чистая туалетная комната, снабженная необходимыми принадлежностями. При домѣ устроены также разныя приспособленія, которыя можно найти только въ первоклассныхъ отеляхъ. Спальныя отдѣленія, площадью около квадратной сажени, снабжены прекрасными желѣзными кроватями со стальной сѣткой, волосянымъ матрацомъ, подушками и хорошимъ постельнымъ бѣльемъ. Въ отдѣленіи есть коврикъ, стулъ и шкапикъ съ замкомъ. Каждый можетъ удержать за собой свое отдѣленіе продолжительное время, уплачивая деньги впередъ за ночь. При отелѣ существуетъ хорошій ресторанъ, гдѣ за дешевую плату можно получить удовлетворительную пищу. Обѣдъ, состоящій изъ супа, мясного блюда, овощей, дессерта и чая, кофе или молока, стоитъ всего 15 центовъ.

Для ночлежниковъ установлены нѣкоторыя правила, которымъ

Digitized by Google

они обязаны подчиняться. Съ половины десятаго до половины шестого спальныя отдѣленія должны оставаться свободными. На дворѣ огонь тушится въ 11 час. вечера, а въ общихъ комнатахъ—въ полночь. Въ спальномъ отдѣленіи можетъ помѣщаться только одинъ человѣкъ. Спиртные напитки и пьяные люди въ отель не допускаются. Куреніе и громкій разговоръ въ спальныхъ комнатахъ и коридорахъ запрещены.

Отели м-ра Mills'a пользуются большой популярностью среди бѣднаго населенія Нью-Іорка. Они постоянно наполнены жильцами, а зимой приходится многимъ отказывать. Въ отдѣленія по 20 центовъ попадаетъ нѣкоторое количество ночлежниковъ низшаго разряда. Но большинство одѣты очень чисто и прилично и ведутъ себя подобно джентльменамъ. Послѣдній разрядъ ночлежниковъ составляютъ люди, которые ищутъ работы или не имѣютъ постоянныхъ занятій. Есть много и такихъ, заработокъ которыхъ малъ и требуетъ экономіи. Вообще, большинство тамъ живущихъ не принадлежитъ ни къ числу тѣхъ людей, которые наполняютъ дешевые ночлежные дома, ни къ числу тѣхъ, которые помѣщаются въ хорошихъ отеляхъ, а состоитъ изъ одинокихъ рабочихъ людей, которые прежде ютились, гдѣ пришлось.

Несмотря на различныя удобства и дешевую плату, м-ръ Mills не несетъ убытка со своего предпріятія. Это, конечно, объясняется громаднымъ количествомъ жильцовъ, а также умѣньемъ вести дѣло.

Отели м-ра Mills'a въ Нью-Іоркѣ, лорда Rowton'a въ Лондонѣ, м-ра Burns'a въ Гласго и различныя попытки этого рода на европейскомъ континентѣ показываютъ намъ, что для улучшенія жилищъ бѣдныхъ работниковъ въ большихъ городахъ дѣлается довольно много. Относительно работницъ слѣдуетъ сказать обратное. Несмотря на то, что, благодаря своему меньшему заработку сравнительно съ мужчинами, работницѣ приходится уплачивать изъ него болѣе значительный процентъ на жилище и жить въ такихъ же дурныхъ помѣщеніяхъ, какъ и мужчины, теряя тамъ свое физическое и нравственное здоровье,—о ней очень мало заботятся. За-границей мы находимъ только слабыя попытки улучшенія жилищъ одинокихъ работницъ. Въ Лондонѣ, гдѣ выстроены городомъ и частными лицами нѣсколько очень хорошихъ домовъ для одинокихъ бѣдныхъ работниковъ, только христіанская ассоціація женщинъ устроила квартиры, гдѣ могутъ помѣститься 514 одинокихъ работницъ. Въ Нуддерсфильдѣ существуетъ порядочный ночлежный домъ для женщинъ только на 12 кроватей; въ Гласго, повидимому для низшаго раз-

Digitized by Google

ряда работницъ или бродягъ,—на 125 кроватей. Фирма „Bon Marché“ въ Парижѣ устроила довольно удовлетворительныя жилища для женщинъ, находящихся на ея службѣ. Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ также дѣлаются слабыя попытки въ этомъ родѣ, но въ общемъ очень мало. Объяснить данное явленіе мы можемъ отчасти тѣмъ, что одинокихъ женщинъ-работницъ значительно меньше, нежели мужчинъ. Потому ихъ жилищныя условія не такъ сильно бросаются въ глаза. Но онѣ заслуживаютъ не мѣньшаго вниманія. Одинокая молодая работница, поселившись въ одной квартирѣ со всякимъ сбродомъ, очень часто оказывается въ очень печальномъ и безпомощномъ положеніи. Грубая окружающая среда мало-по-малу отнимаетъ у нея все хорошее, что она пріобрѣла въ семьѣ, и создаетъ изъ нея порочное существо, которое постепенно доходитъ до самой низкой ступени паденія.

Въ заключеніе надо замѣтить, что въ нашихъ большихъ городахъ было бы очень желательно устройство хорошихъ жилищъ для одинокихъ работниковъ и работницъ въ родѣ заграничныхъ отелей для бѣдныхъ. Они способствовали бы не только повышенію умственнаго и нравственнаго уровня населенія, но и улучшенію существующихъ ночлежныхъ домовъ. Они отвлекали бы изъ послѣднихъ лучшую часть ночлежниковъ: порядочнаго рабочаго, потерявшаго занятіе или пріѣхавшаго для пріисканія мѣста, временныхъ рабочихъ и т. д. Кромѣ того, образцовые дома для одинокихъ, служа примѣромъ санитарнаго благоустройства, могли бы оказать вліяніе въ этомъ отношеніи и на ночлежные дома. Примѣръ всегда и вездѣ является хорошимъ учителемъ. И въ данномъ случаѣ онъ, навѣрное, способствовалъ бы постепенному исчезновенію существующихъ въ русскихъ городахъ ночлежныхъ пріютовъ, которыхъ нельзя и назвать человѣческимъ жильемъ.

М. И. Покровская.

Digitized by Google

РАБЫНЯ

РОМАНЪ.

— The slave. By Robert Hichens. London, 1900.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

Послѣ того, какъ Обрэ переѣхалъ въ Паркъ-Лэнъ, ему принесли однажды съ прежней квартиры карточку. На ней было напечатано: „Альфъ Фликъ. Чудо-семейство Фликовъ“. Въ углу карточки было написано карандашомъ круглымъ дѣтскимъ почеркомъ: „Большой театръ Варьете, Чампіонъ-Сквэръ“. Изъ этого можно было заключить, что Альфъ воспользовался приглашеніемъ Обрэ и приходилъ къ нему въ гости. Обрэ написалъ мальчику записку, приглашая его въ Паркъ-Лэнъ, но нѣсколько недѣль не было никакого отвѣта. Это, впрочемъ, не удивило Обрэ, потому что онъ какъ-то видѣлся съ Діамондой, узналъ отъ нея, что Флики уѣхали на гастроли въ Марсель и не должны были вернуться въ Англію раньше весны. Въ одинъ прекрасный весенній день лакей съ видимымъ изумленіемъ ввелъ Альфа въ гостиную Обрэ. Мальчикъ вошелъ съ своимъ обычнымъ невозмутимымъ и увѣреннымъ видомъ. Волосы его были тщательно расчесаны и прилипли ко лбу, потому что были намочены водою. На немъ былъ огромный, завязанный бантомъ галстухъ, купленный во Франціи, и въ одной рукѣ онъ держалъ мягкую черную

---

[1]) См. выше: іюнь, 723 стр.

Digitized by Google

шляпу. Когда лакей вышелъ, то Альфъ подбросилъ свою шляпу на воздухъ такъ, что она завертѣлась со свистомъ и упала какъ разъ на большую китайскую вазу. Потомъ онъ очень важно раскланялся съ Обрэ, который пригласилъ его садиться. Онъ сразу опустился на кресло съ такимъ видомъ, какъ будто исполнилъ все нужное, упорно, не моргая, смотрѣлъ на Обрэ, и только въ глазахъ его мелькала неуловимая насмѣшка. Обрэ, удивляясь и не понимая, зачѣмъ онъ пришелъ, счелъ, однако, нужнымъ завести разговоръ:

— Вы, кажется, были въ Марсели?

— Да, сэръ.

— Имѣли успѣхъ?

— Оглушительный. Четыре вызова каждый вечеръ послѣ „сцены съ трупомъ"; французишки—не такіе болваны, какъ можно подумать по ихъ лопотанью.

Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ словъ, удивительно вѣрно подражая пѣвучей звонкости французской рѣчи и сопровождая свои слова усиленной жестикуляціей, удивительно характерной, хотя и каррикатурной. Произнеся послѣднюю фразу, онъ снова погрузился въ молчаніе, устремивъ на Обрэ свои маленькіе сѣрые глаза.

— Воображаю, какъ всѣ радуются вашему возвращенію въ Милькъ-Кортѣ,—сказалъ Обрэ.

— О, нѣтъ, сэръ! Дѣло-то не въ Милькъ-Кортѣ, — проговорилъ мальчикъ, покосился недовѣрчиво на Обрэ и вдругъ оттопырилъ правую щеку языкомъ.

Обрэ почувствовалъ, что по какой-то тайной причинѣ маленькій акробатъ относился къ нему довольно недружелюбно.

— Помните, какъ я васъ провожалъ тогда отъ насъ домой?— спросилъ мальчикъ.

Обрэ утвердительно кивнулъ головой.

— Вы замѣтили, что я за вами слѣдилъ? Я вѣдь все понялъ.

— Что такое вы поняли?

— Вашу игру, сэръ.

— Какую игру? Что вы такое говорите?

— Ди уже одинъ разъ провалилась сквозь сѣтку и чуть не сломала себѣ шею. Вѣдь съ нею это и еще разъ можетъ случиться. Не правда ли?

Въ лицѣ Альфа появилось старческое выраженіе. Обрэ, наконецъ, начиналъ догадываться, на что намекалъ его посѣтитель, онъ сталъ ему милъ, благодаря этому,—хотя намекъ мальчика смутилъ его.

Digitized by Google

— Вѣдь миссъ Діамонда не акробатка,—какъ же она могла провалиться сквозь сѣтку?—спросилъ онъ.

— Это у меня такая манера выражаться. Однимъ словомъ, я стою у каната и оберегаю Ди, чтобы она не свалилась.

Его маленькіе сѣрые глаза приняли грозное выраженіе.

— Вы вѣдь ходите въ Милькъ-Кортъ не для того, чтобы играть въ мячикъ съ Сузи,—продолжалъ онъ серьезно. — И не для того, чтобы заниматься съ Чарли,—я полагаю.

— Я былъ у васъ, потому что миссъ Діамонда пригласила меня въ день своего рожденія и потому что я къ ней сердечно расположенъ.

На подвижномъ лицѣ Альфа появилась гримаса.

— Сердечно расположенъ! — повторилъ онъ.—Тотъ человѣкъ тоже былъ сердечно расположенъ. Несмотря на это, она все-таки провалилась сквозь сѣтку въ самомъ лучшемъ видѣ. Я не допущу, чтобы съ нею еще разъ это случилось, мистеръ. Я прямо вамъ это говорю. Я оберегаю Ди, чтобы она не свалилась съ каната. Вотъ что.

Его лицо приняло серьезное, упрямое выраженіе, и весь онъ напоминалъ собою маленькую злую собачку, стерегущую свою хозяйку. Кончикъ намоченной пряди волосъ на лбу слегка приподнялся, какъ у ощетинившагося звѣрка, а жесткими, костлявыми, маленькими руками онъ судорожно сжималъ колѣни, пристально глядя на Обрэ.

— Такъ-то!—повторилъ онъ съ вызывающимъ видомъ.

— Вы ровно ничего не понимаете, Альфъ,—сказалъ Обрэ.— Поговорите объ этомъ съ миссъ Діамондой, и она вамъ объяснитъ, какъ дико то, что вы придумали.

Альфъ улыбнулся совсѣмъ не по-дѣтски.

— Тотъ тоже былъ сердечно расположенъ къ Ди,—повторилъ онъ.

— Тотъ былъ подлецъ, — сказалъ Обрэ горячо и начиная слегка раздражаться.

— Такихъ подлецовъ очень много,—проговорилъ Альфъ съ упорной недовѣрчивостью.—Бросьте все это, мистеръ, бросьте!— продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія. — Знаете, какъ въ пѣснѣ поется: „Оставьте бѣдняжку, оставьте ее“!..

Въ его манерахъ было такое странное смѣшеніе мужской рѣшительности и насмѣшливости дьяволёнка, его лицо выражало поперемѣнно такую заботливую грусть и горькую житейскую мудрость, что Обрэ казалось, будто онъ сидитъ не съ однимъ, а съ двумя или тремя людьми разныхъ возрастовъ и разнаго

Digitized by Google

умственнаго развитія. Онъ рѣшился говорить съ Альфомъ болѣе откровенно.

— Я понимаю, что̀ вы подразумѣваете,—сказалъ онъ,—и нахожу вполнѣ естественнымъ, что вамъ пришла въ голову такая мысль, но все-таки вы ошибаетесь. Мы съ миссъ Діамондой—добрые друзья, и по моей винѣ съ ней никогда не случится ничего дурного.

— Вы, можетъ быть, такъ и думаете, но это потому, что вы не дѣвушка.

— Причемъ же это здѣсь?

— Это ужъ такая судьба. Мужчина можетъ дольше держать гири, чѣмъ дѣвушка, и потому онъ дольше, чѣмъ она, можетъ оставаться добрымъ другомъ, какъ вы говорите. Пока вы будете думать, что Ди въ полной безопасности на канатѣ, а она въ это время уже свалится,—какъ съ нею это уже разъ и случилось. Держите ухо востро̀, мистеръ, и обдумайте хорошенько, что̀ можетъ произойти въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, я васъ предупредилъ, что я стою у каната и гляжу въ оба.

Проговоривъ это, онъ вскочилъ съ кресла. Ему, очевидно, надоѣла долгая вынужденная неподвижность, и онъ жаждалъ движенія.

— Терпѣть не могу сидѣть!—сказалъ онъ, сразу весь мѣняясь.—Ну, теперь баста!

Одну секунду онъ стоялъ не шевелясь, и было что-то мальчишеское въ его очевидномъ желаніи поскорѣе изобразить что-нибудь.

— Видѣли мой новый фокусъ? — вдругъ закричалъ онъ, и прежде чѣмъ Обрэ успѣлъ отвѣтить, онъ схватилъ со стола книгу—это оказался „Маріусъ“ Вальтера Петерса — прошелся по полу на рукахъ, вытянувъ туловище и ноги кверху, подбросилъ книгу на воздухъ, поймалъ ее на большой палецъ ноги и сталъ перебрасывать съ одной ступни на другую, быстро двигаясь на рукахъ то туда, то сюда.

Въ эту минуту въ дверь постучались, и сэръ Рёбенъ вошелъ, чтобы поговорить съ Обрэ о какихъ-то дѣлахъ. Прежде всего ему бросились въ глаза ноги маленькаго акробата и подпрыгивающій въ воздухѣ „Маріусъ“—и онъ остановился въ полномъ изумленіи. Альфъ медленно изогнулся дугой, перегнулся нѣсколько разъ, становясь то на ноги, то на руки,—наконецъ, принялъ естественное положеніе и серьезно посмотрѣлъ на сэра Рёбена.

— По настоящему это продѣлывается съ мячикомъ,—про-

Digitized by Google

говорилъ онъ, кладя на столъ chef d'oeuvre Петерса,—но его легко замѣнить чѣмъ угодно.

— А-а!—произнесъ сэръ Рёбенъ, который все еще стоялъ у дверей, съ улыбкой глядя на маленькаго акробата:—ты учишься гимнастикѣ, Обрэ?

Обрэ немного смутился.

— М-ръ Альфъ Фликъ,—онъ взглянулъ на Альфа,—другъ одного изъ моихъ друзей,—добавилъ онъ.

Альфъ поклонился.

— Чудо-семейство Фликовъ, сэръ,—сказалъ онъ сэру Рёбену въ видѣ поясненія. Потомъ схватилъ свою шапку, подбросилъ ее къ потолку, подставилъ подъ нее свою голову, и, очутившись въ шляпѣ, направился къ выходу. Сэръ Рёбенъ остановилъ его.

— Вы куда-нибудь торопитесь, мой милый?—спросилъ онъ.

— Никуда особенно,—отвѣчалъ Альфъ.—Что вамъ угодно, сэръ?

Онъ окинулъ испытующимъ взоромъ всю маленькую старческую фигуру сэра Рёбена, замѣтилъ его красную феску, и ему пришло въ голову—не „злой ли это, гадкій турка"?

— Хотите вы видѣть какой-нибудь фокусъ, сэръ?—прибавилъ онъ, видимо угадавъ желаніе сэра Рёбена и готовясь исполнить цѣлый рядъ кувырканій; но сэръ Рёбенъ остановилъ его.

— Только не здѣсь,—сказалъ онъ.—Хотите показать ваши фокусы одной дамѣ?

— Ея величеству?—сказалъ Альфъ, принимая взволнованный драматическій видъ.—Ея величество никогда не видала Фликовъ, и должна увидать ихъ всѣхъ за-разъ, въ настоящемъ представленіи. Вы никогда не видали чудо-Фликовъ въ двигающихся картинахъ, сэръ? какъ они изображаютъ выростающую виноградную лозу,—змѣю до и послѣ того, какъ она съѣдаетъ маленькаго бѣднаго кролика,—машину, проѣзжающую въ часъ шестьдесятъ миль? Вы никогда этого не видали, сэръ?

— Никогда,—сказалъ сэръ Рёбенъ.—Но я говорю не объ ея величествѣ, такъ что можно обойтись и безъ двигающихся картинъ. Хочу позабавить Кэриль,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Обрэ.

Обрэ кивнулъ утвердительно головой. Ему казалось, что если лэди Кэриль увидитъ Альфа, то это приблизитъ хотя немного Діамонду къ этому другому живому брилліанту.

— Хорошо, я согласенъ,—проговорилъ Альфъ и послѣдо-

Digitized by Google

валъ за сэромъ Рёбеномъ, въ концертный залъ, гдѣ Анно потерпѣлъ такое пораженіе.

Бѣлые стулья чинно стояли вдоль стѣнъ. Рояль такъ и оставался на маленькой эстрадѣ.

— Подождите здѣсь одну минуту,—сказалъ сэръ Рёбенъ Альфу.—Я сейчасъ приведу мою даму.—Онъ вышелъ, какъ всегда немного шаркая ногами.

— Что онъ, турокъ?—спросилъ Альфъ у Обрэ.

Обрэ улыбнулся и покачалъ отрицательно головой.

— Ну, все-таки,- продолжалъ Альфъ,—мнѣ сдается, что онъ что-то въ этомъ родѣ. А кто же эта дама? Вѣдь у этихъ турокъ...

По его выраженію было видно, что онъ хочетъ сказать что-то неприличное объ интимной жизни восточныхъ народовъ, но въ эту минуту сэръ Рёбенъ вернулся въ сопровожденіи лэди Кэриль, которая была одѣта для выѣзда. Она была вся въ черномъ, что всегда еще подчеркивало сіяющую бѣлизну ея лица. Альфъ уставился на нее съ явнымъ восхищеніемъ, что придало ему почти сентиментальный видъ.

— Ну ужъ если это не ея величество, такъ все-таки это сама королева брилліантовъ!—прошепталъ онъ Обрэ.

— Сейчасъ у насъ будетъ представленіе, какъ у султана въ его частномъ театрѣ, Кэриль,—сказалъ сэръ Рёбенъ.—Мастеръ Фликъ, вотъ дама, о которой я говорилъ. Хотите показать ей ваше искусство?

Альфъ отбѣжалъ въ сторону и, двигаясь какъ бы между рампой и опущеннымъ занавѣсомъ, сталъ кивать головой, дуть на руки и потирать ихъ, какъ дѣлаютъ опытные акробаты. Продѣлывая все это, онъ достигъ эстрады и легко вскочилъ на нее. Онъ уже хотѣлъ стащить съ себя куртку, какъ вдругъ остановился:

— Вы мнѣ позволите, милэди?—спросилъ онъ, обращаясь къ лэди Кэриль.—Она кивнула ему головой. Ей нравилось это нарушеніе обычнаго дневного порядка.

Альфъ мгновенно сбросилъ куртку и вертѣлся въ воздухѣ, какъ мячъ. Лэди Кэриль сидѣла возлѣ самой эстрады, чтобы лучше видѣть его, совсѣмъ такъ же, какъ она сидѣла въ туманную ночь во время концерта Анно, слушая пѣсню о жемчужинѣ. Но теперь у нея былъ веселый видъ, какъ у школьницы. Когда Альфъ остановился, чтобы перевести духъ, она захлопала ему.

— Браво!—закричала она.

Digitized by Google

Альфъ остановился у стѣны, пристально глядя на лэди Кэриль, къ которой, очевидно, были направлены всѣ его мысли и для которой одной онъ и старался,—и крикнулъ:

— Хотите видѣть, какъ я жонглирую, милэди?

— Да, хочу,—отвѣчала она.

Альфъ оглядѣлся.

— Мнѣ нужно какую-нибудь вещь для жонглированія,—дайте мнѣ что-нибудь, милэди!—сказалъ онъ, осматривая ее.

Платье лэди Кэриль было заколото спереди длинной змѣей изъ темно-зеленой эмали съ большими желтыми аметистами вмѣсто глазъ.

— Дайте мнѣ змѣйку, милэди,—сказалъ Альфъ, протягивая къ ней руку.—Я ее сдѣлаю живой для васъ.

При первыхъ его словахъ, лэди Кэриль положила руку на змѣю и отрицательно покачала головой, но послѣднія слова, казалось, измѣнили ея рѣшеніе.

— Сдѣлаете ее живой?—повторила она.

— Да-съ,—сказалъ Альфъ.—Заставлю ее ползать по мнѣ, какъ настоящую и ручную. Лэди Кэриль отстегнула змѣю и передала ее ему. Сэръ Рёбенъ, наблюдавшій за тѣмъ, какъ она колебалась и какъ потомъ это колебаніе исчезло, взглянулъ на Обрэ. Альфъ взялъ змѣю осторожно, почти нѣжно своими жесткими, жилистыми руками. Онъ завернулъ рукава своей рубашки и обнажилъ руки. Потомъ сталъ быстро перекладывать змѣю изъ одной руки въ другую; она скользила между разставленными пальцами и ползла по согнутой ладони. Въ этомъ состояло все искусство. Онъ, казалось, позволялъ зеленой змѣйкѣ съ выпуклыми желтыми глазами дѣлать, что она хотѣла, и она, очевидно, хотѣла ползать. Безчисленныя движенія рукъ мальчика были такъ ловки и проворны, что совершенно ускользали отъ непривычнаго взгляда. Казалось только, что змѣя ожила и сама двигается. Лэди Кэриль совсѣмъ забыла о мальчикѣ; она съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за маленькимъ зеленымъ существомъ, которое было ея собственностью и такъ смирно лежало у нея на груди, а теперь вдругъ стало проявлять такое странное оживленіе и неожиданную способность двигаться. Наконецъ Альфъ, съ необыкновенно таинственнымъ видомъ, заставилъ змѣю скользнуть въ карманъ своего жилета.

— Она устала, милэди,—замѣтилъ онъ,—хочетъ бай-бай.

Онъ поправилъ рукава рубашки, натянулъ на себя куртку и спрыгнулъ съ эстрады. Лэди Кэриль смотрѣла на него болѣе чѣмъ съ восхищеніемъ,—съ тѣмъ особеннымъ и полнымъ внима-

Digitized by Google

ніемъ, съ какимъ дѣти смотрятъ на чудодѣевъ. Она ничего не сказала, но все-таки протянула руку.

— О, милэди, ей не надо мѣшать,—сказалъ Альфъ, слегка щупая свой карманъ.—Какъ? она уже проснулась!

И какимъ-то необычайнымъ движеніемъ онъ сдѣлалъ такъ, что змѣя выскользнула изъ кармана, поползла, вздрагивая, по его рукѣ и упала къ лэди Кэриль на колѣни. Послѣдняя подняла ее и осмотрѣла.

— У меня постоянно было такое чувство, какъ будто она живая,—сказала она.

Потомъ она приколола змѣю къ своему платью и поблагодарила Альфа за представленіе. Было ясно, что Альфъ совсѣмъ потерялъ свое сердце.

— Мнѣ бы хотѣлось,—сказалъ онъ тихо сэру Рёбену, когда лэди Кэриль встала, чтобы уходить: — мнѣ бы хотѣлось, чтобы эта дама видѣла наши двигающіяся картины, чтобы она увидала выростающую виноградную лозу.

— Она ее увидитъ,—сказалъ сэръ Рёбенъ съ добротой, которая тронула Обрэ.

— Кэриль,—прибавилъ онъ:—мастеръ Фликъ хочетъ, чтобы ты видѣла его и его родственниковъ въ движущихся картинахъ.

— Да, съ Вогсаломъ и всѣми остальными, милэди!—закричалъ Альфъ съ забавной серьезностью.—Выростающая виноградная лоза, змѣя—только не ваша—до и послѣ того, какъ она съѣдаетъ маленькаго бѣднаго кролика, машина, дѣлающая въ часъ 60 миль. Ничего подобнаго вы не увидите ни въ какомъ театрѣ, милэди,—особенно выростающая лоза. Я изображаю гроздь винограда на самой верхней вѣткѣ.

Лэди Кэриль улыбнулась ему, но уже довольно равнодушно. Повидимому, мысль увидать представленіе Альфа и его родственниковъ не особенно восхищала ее.

— Можетъ быть, я пріѣду когда-нибудь,—сказала она и вышла, потрогивая свою змѣйку и глядя внизъ, на нее.

— Въ такомъ случаѣ я...—началъ Альфъ.—Да она, кажется, и впрямь повѣрила, что ея змѣя живая!..

Сэръ Рёбенъ разсмѣялся.

— Это—благодаря вашему искусству,—сказалъ онъ.

Онъ вынулъ два соверена и далъ ихъ Альфу, который подбросилъ ихъ на воздухъ и поймалъ оба, подставивъ, когда они падали, оттопыренные карманы своего жилета.

— Я обѣщаю вамъ, что привезу милэди посмотрѣть, какъ

Digitized by Google

вы изображаете верхнюю гроздь винограда на лозѣ,—сказалъ сэръ Рёбенъ.—Такъ что вы ужъ не безпокойтесь.

Альфъ весь просіялъ отъ радости.

— Ужъ я для нея постараюсь! — воскликнулъ онъ: — вѣдь она прямо-таки королева брилліантовъ.

— А! вы это замѣтили?—сказалъ сэръ Рёбенъ и, взглянувъ на Обрэ, вышелъ вслѣдъ за лэди Кэриль.

— Что, этотъ турокъ—отецъ, что-ли, этой дамы?—спросилъ Альфъ.

— Этотъ джентльменъ—ея мужъ,—отвѣчалъ Обрэ холодно.

Альфъ свистнулъ.

— Вотъ такъ штука!—произнесъ онъ.

Онъ смотрѣлъ на Обрэ, то сжимая, то вытягивая губы.

— А для васъ?—прибавилъ онъ.

— Что для меня?—спросилъ Обрэ.

— Для васъ это не удивительно?

Обрэ не отвѣчалъ, и направился къ выходу.

— Ну-съ,—произнесъ Альфъ, слѣдуя за нимъ:—я отправляюсь. Не буду больше надоѣдать вамъ.

Они пришли въ обширную переднюю, и Обрэ самъ отворилъ выходную дверь. Альфъ стоялъ и смотрѣлъ на него. День былъ солнечный, и яркій свѣтъ падалъ на обоихъ. Взглянувъ назадъ, на темную, роскошно расписанную переднюю, гдѣ журчала тонкая струя фонтана, Альфъ проговорилъ:

— Такъ, значитъ, турокъ ея мужъ,—правда?

Онъ снова взглянулъ на Обрэ.

— А вы—ея братъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Обрэ.

— И не родственникъ?

— Нисколько.

Альфъ подбросилъ шапку и поймалъ ее прямо на голову.

— Скажите ему, турку-то, чтобы онъ не забылъ привезти свою даму посмотрѣть на наше представленіе,—сказалъ онъ.—Счастливо оставаться, мистеръ!—и онъ исчезъ за дверями.

Обрэ вернулся въ свои комнаты, сѣлъ въ кресло и сталъ думать о Діамондѣ. Ему вспомнились слова Альфа, что она одинъ разъ уже провалилась сквозь сѣтку, и что онъ не допуститъ, чтобы это случилось еще разъ. Этого теперь не могло, конечно, случиться. Ему живо представилась фигура мальчика, когда онъ сидѣлъ, опершись руками въ колѣни, и онъ ему казался такимъ милымъ.

Digitized by Google

II.

Сэръ Рёбенъ всегда держалъ свое слово. Онъ не забылъ обѣщанія, даннаго имъ Альфу, но двѣ или три недѣли прошли, прежде чѣмъ представилась возможность исполнить это обѣщаніе. Въ теченіе этихъ недѣль Обрэ нашелъ случай повидаться съ Діамондой. Посѣщеніе Альфа произвело на него впечатлѣніе и заставило задуматься надъ тѣмъ, чего прежде онъ даже мысленно не допускалъ, какъ возможное. Ему хотѣлось видѣть Діамонду теперь, когда предостереженія Альфа сдѣлали его болѣе осторожнымъ и подозрительнымъ. Онъ пошелъ встрѣчать Діамонду послѣ представленія. Былъ апрѣль мѣсяцъ, и на землю тихо сошла теплая весенняя ночь. Днемъ было нѣсколько ливней и въ дыханіи ночи чувствовалось что-то упоительное даже въ безобразныхъ улицахъ, подобно аромату фіалокъ въ погребѣ. Стоя въ ожиданіи на тротуарѣ, противъ театральнаго подъѣзда, Обрэ увидалъ, какъ подъѣхалъ тяжелый омнибусъ съ чудо-семействомъ Фликовъ. Обрэ отошелъ въ сторону; ему не хотѣлось встрѣчаться съ Альфомъ именно теперь. Издали онъ видѣлъ, какъ выскакивали акробаты изъ омнибуса съ свойственной имъ ловкостью и быстро скрывались въ подъѣздѣ. Альфъ былъ послѣднимъ. Онъ сдѣлалъ, по обыкновенію, какой-то удивительный скачокъ для забавы собравшихся зѣвакъ. Они засмѣялись и проводили его аплодисментами. Обрэ подошелъ ближе и сталъ ждать. Онъ живо чувствовалъ прелесть ночи, несмотря на отвратительный узкій и темный проѣздъ, въ которомъ стоялъ, и его потянуло куда-нибудь подальше, въ деревню. Ему представились сельскія улицы, съ веселыми огоньками въ окнахъ котэджей, съ садами, овѣянными атмосферой тишины и покоя. Кто-то нѣжно коснулся его руки. Онъ вздрогнулъ и увидалъ, что передъ нимъ стояла Діамонда.

— Здравствуйте!—сказала она своимъ тихимъ голосомъ.— Можно подумать, что вы заснули или замечтались!

— Можетъ быть и замечтался, Діамонда, — отвѣчалъ онъ. Онъ вдругъ замѣтилъ легкую краску на ея лицѣ, и подивился, отчего она покраснѣла. Онъ забылъ, что до сихъ поръ всегда называлъ ее—„миссъ Діамонда“.

— Вы очень устали за сегодняшній вечеръ?—спросилъ онъ.

— Нисколько,—отвѣчала она.

— Не хотите ли отправиться въ паркъ и посидѣть тамъ

Digitized by Google

немного? Такъ тепло, точно лѣтомъ, и тамъ мы будемъ далеко отъ этихъ домовъ и городского шума.

— Отлично!—согласилась Діамонда.—Я никогда не бывала въ паркѣ ночью.

Онъ кликнулъ извозчика и велѣлъ ему ѣхать на уголъ Гайдъ-Парка.

Когда они подъѣхали, то Діамонда легко выскочила изъ экипажа. Она была очень весела, и ее забавляло это маленькое приключеніе. Когда они входили въ ворота, то полицейскій посмотрѣлъ на нихъ съ двусмысленной улыбкой. Обрэ замѣтилъ это, но его спутница не замѣтила ничего. Они пересѣкли широкую дорогу и подошли къ деревьямъ.

Всходила луна, озаряя края легкихъ, мелкихъ облаковъ и придавая небу прозрачность и таинственность. Діамонда радостно оглядывалась кругомъ.

— Какъ хорошо!—сказала она.—Куда же мы пойдемъ?

Мимо нихъ прошло нѣсколько оборванцевъ, бросая на нихъ нахальные, выспрашивающіе взгляды. Обрэ вдругъ захотѣлось броситься на нихъ.

— Пойдемте подъ деревья и отыщемъ себѣ два стула,—сказалъ онъ.—Вы не боитесь, что трава сырая?

— Я?—нисколько.

Они нашли два стула подъ деревьями, далеко отъ прохожей дороги. Фонари горѣли далеко; далеко стучали экипажи. Діамонда сняла свою соломенную шляпу, подставляя легкому вѣтерку свои пушистые темные волосы.

— Какъ пріятно здѣсь послѣ театра!—сказала она.—Точно маленькая вакація. Ахъ! вы никогда не видали меня на вакаціи. Я тогда дѣлаюсь совсѣмъ другая.

— А на сколько времени васъ отпускаютъ? — спросилъ Обрэ, смотря на луну сквозь древесныя вѣтви.

— На двѣ недѣли. Я тогда уѣзжаю въ *Винчестеръ* на морѣ.

— Съ кѣмъ?

— Съ Сузи. Мы тамъ останавливаемся въ гостинницѣ. Одно лѣто Альфъ къ намъ пріѣзжалъ. А одинъ разъ и *онъ*.

Она остановилась, и глаза ея наполнились слезами.

— О, Господи! какъ намъ было весело тогда!—продолжала она.—Онъ бралъ Сузи съ собою—ловить креветокъ. Дѣвочка съ ума сходила отъ радости, играя среди скалъ въ маленькихъ лужицахъ. Сколько разъ она въ нихъ падала,—но вѣдь соленая вода полезна—онъ это всегда говорилъ. О, Боже мой!

Digitized by Google

Темная фигура вынырнула изъ мрака и встала передъ ними.

— Два пенса пожалуйте,—пробормотала она, отворачивая голову и протягивая руку.

Обрэ заплатилъ, взялъ два билета, и фигура удалилась, разыскивая въ темнотѣ другія пары.

— Мнѣ чуть дурно не сдѣлалось, — сказала Діамонда, — такъ онъ вдругъ появился! Мнѣ бы здѣсь страшно было одной.

Она пододвинулась ближе къ Обрэ. Онъ чувствовалъ, какъ ея стройное тѣло касалось его руки.

— Въ тотъ годъ и Альфъ пріѣзжалъ, — продолжала Діамонда.—Мы любили смотрѣть вмѣстѣ восходъ солнца.

Она отклонилась немного въ сторону, и по ея позѣ Обрэ понялъ, что она вся ушла въ свои воспоминанія.

— Ахъ, какой Альфъ былъ смѣшной!—продолжала она.—Онъ разъ ночью при лунѣ сталъ выдѣлывать на пескѣ всѣ свои фокусы,—ну, точно какой-то чертенокъ! И какъ онъ перепугалъ тогда одну старую лэди,—она какъ закричитъ: „Да это самъ чортъ на берегу“!.. Мы просто умерли отъ смѣха. Я не знаю, что бы мы стали дѣлать безъ Альфа.

— А вы его очень любите?—спросилъ Обрэ.

— Да. Онъ добрый мальчикъ. Онъ все готовъ для меня сдѣлать. Да онъ даже...—она колебалась.

— Ну?—произнесъ Обрэ.

— Онъ хотѣлъ съ *нимъ* расправиться, когда... вы знаете. Для меня онъ на все готовъ. Вѣдь онъ хоть и маленькій такой, а ничего не боится. Вотъ потому-то всѣ и говорятъ, что съ нимъ никогда не можетъ быть несчастнаго случая. Вогсалъ готовъ за него жизнь отдать,—такъ онъ имъ гордится.

— Онъ говорилъ вамъ, что былъ у меня?

— Да, и что жонглировалъ передъ этой дамой. Онъ просто сумасшествуетъ,—такъ хочетъ опять ее увидать. Говоритъ, что она—королева брилліантовъ. А вѣдь этотъ старый бука—простите, я хотѣла сказать, мужъ ея...

— Сэръ Рѣбенъ?

— Да. Онъ обѣщалъ привезти ее посмотрѣть выростающую виноградную лозу. Что же, она пріѣдетъ?

— Конечно, пріѣдетъ.

— Ну, такъ увидите, что Альфъ будетъ выдѣлывать въ этотъ вечеръ. Онъ для этого случая готовитъ какую-то новую штуку, ужасно опасную. Она его совсѣмъ плѣнила. Просто страсть!

Обрэ улыбнулся. Но обожаніе Альфа къ лэди Кэриль доставляло ему удовольствіе и внушало ему почти любовь къ ма-

Digitized by Google

ленькому дьяволёнку. Онъ сидѣлъ молча, думая о ней и о томъ очарованіи, которое въ ней было и которое испытывали всѣ, даже маленькій акробатъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что Діамонда коснулась его руки.

— О чемъ вы думаете?—спросила она.

— Не знаю. Всегда какъ-то задумываешься въ лунную ночь.

— Да, и мнѣ тоже въ такія ночи приходитъ на умъ: зачѣмъ это люди такъ зло относятся другъ къ другу? Развѣ это не странно?

— Не съумѣю объяснить вамъ. Во всякомъ случаѣ, мы съ вами, Діамонда, никогда не сдѣлаемъ другъ другу никакого зла.

— О! вы-то никогда, я въ этомъ увѣрена.

И опять Обрэ показалось, что она ближе придвинулась къ нему.

— Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — люди сами не могутъ знать, на что они способны. У нихъ бываютъ добрыя минуты, но бываютъ и злыя.

— А вы думаете, что они всегда сознаютъ свою жестокость?—сказала она.—Вы думаете, *онъ* сознавалъ? У меня часто является такое сильное желаніе это знать. И порою мнѣ кажется, что у меня въ душѣ что-то бьется, трепещетъ, точно птица. Я хотѣла бы выразить, что это такое, да не могу. Вѣдь это смѣшно, правда? Разъ какъ-то я сказала объ этомъ м-ру Кингу, а онъ говоритъ...—она замолчала.

— Ну, что же онъ говоритъ?

— А онъ говоритъ: „Это ни отъ чего больше не происходитъ, какъ только отъ желудка, миссъ Діамонда. И вы этого не запускайте,—онъ говоритъ,—а то будетъ трудно вылечить“. И потомъ прислалъ мнѣ пилюли. Онъ очень добрый. Я пилюли принимала, только онѣ не помогли. Вотъ и сегодня я то же чувствую. Я думаю, это отъ луны.

— Да, и со мной это бываетъ,—сказалъ Обрэ.

Онъ уже забылъ о предостереженіяхъ Альфа и о своемъ намѣреніи убѣдиться, основательны они или нѣтъ. Его увлекала безсознательная прелесть Діамонды. Какъ сильно и просто она чувствовала! Какъ мало знала!

— Однако, что же это можетъ быть?—проговорила она.

— Только не то, что говоритъ м-ръ Кингъ и что предполагаетъ большинство людей,—не разстройство печени или что-нибудь въ этомъ родѣ. Нѣтъ, Діамонда, никогда не старайтесь удерживать такія чувства. Никогда не старайтесь не имѣть совсѣмъ никакихъ чувствъ.

Digitized by Google

Самъ того не сознавая, онъ произнесъ эти слова съ внезапной силой. Она посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Знайте, Діамонда,—продолжалъ онъ,—это очень страшно: не быть способнымъ испытывать даже настоящаго горя.

Онъ повернулся и смотрѣлъ ей прямо въ лицо. Рука его лежала на тонкой спинкѣ стула, на которомъ она сидѣла. Облако, проплывая, закрыло луну, и вѣтеръ качнулъ вѣтви деревьевъ надъ ихъ головами. Нѣсколько капель влаги, задержанной листьями, скатились и упали, какъ холодныя слезы, на лицо Діамонды. Она стерла ихъ своей тонкой рукой. Лицо ея выражало замѣшательство, какъ лицо ребенка, которому разсказываютъ сложную исторію.

Они сидѣли нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи. Двѣ или три обнявшіяся парочки промелькнули между деревьями. Онѣ шептали какія-то безумныя слова или хихикали въ темнотѣ. Одна дѣвушка, въ длинной черной кофтѣ и шляпѣ, разукрашенной перьями и лентами, вырвалась отъ своего кавалера и бросилась очень неловко бѣжать, оглядываясь черезъ плечо, чтобы знать, бѣжитъ ли онъ за нею. Онъ бросился въ погоню. Она взвизгнула съ выраженіемъ ужаса, но и торжества, попробовала-было убѣжать, но споткнулась на пень и упала. Онъ схватилъ ее за руку. Она разразилась пронзительными криками и смѣхомъ, стала съ хохотомъ бороться, кувыркаться и наконецъ покатилась по травѣ. Онъ поднялъ ее, надѣлъ ей на растрепавшіеся волосы свалившуюся шляпу, обхватилъ ее рукой и утащилъ, а она истерически визжала и дѣлала видъ, что сопротивляется. Діамонда наблюдала за ними спокойно и безъ того отвращенія, которое испытывалъ Обрэ. Она давно привыкла къ такимъ грубымъ сценамъ.

— Вотъ раздурачились-то!—сказала она, когда темныя фигуры, вертясь и изгибаясь, исчезли во мракѣ.—А я всего этого не люблю.

— Еще бы! надѣюсь, что нѣтъ,—сказалъ Обрэ.

— Да и отецъ никогда не позволилъ бы намъ, дѣвушкамъ, такъ свободно себя держать. Впрочемъ, и *онъ* никогда бы не позволилъ себѣ ничего такого. А я всегда буду себя вести такъ, какъ еслибы... еслибы все кончилось какъ слѣдуетъ.

— Вы все еще о немъ думаете, Діамонда?

— О, да.

— Вы все такъ же чувствуете себя несчастной?

Ему хотѣлось испытать и убѣдиться въ неосновательности

Digitized by Google

подозрѣній Альфа. Она готовилась отвѣчать, но вдругъ сжала губы и посмотрѣла на Обрэ.

— Иногда,—проговорила она наконецъ.

— Не всегда?

— Теперь нѣтъ; при васъ я забываю о своемъ горѣ.

Это признаніе вышло у нея безъ малѣйшаго замѣшательства. Обрэ почувствовалъ себя неловко, сознавъ справедливость предсказаній Альфа.

— Почему же такъ?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Вѣроятно, потому, что мнѣ пріятно быть съ вами.

— А еслибъ мы никогда и не встрѣчались?—Блѣдный лунный свѣтъ, скользнувъ сквозь вѣтви деревьевъ, освѣтилъ блѣдное лицо, въ которомъ вдругъ появилось выраженіе безпокойства.

— Почему же? Что вы это? Теперь вы познакомились съ отцомъ и съ Альфомъ и со всѣми, и я думала...

— Что?

— Я думала, что вы—нашъ настоящій другъ.—Обрэ взялъ ее за руку. Было что-то въ нервномъ звукѣ ея голоса, что заставило его это сдѣлать. Онъ любилъ, любилъ и теперь, какъ всегда, любовью, не имѣвшей ничего общаго со всѣмъ, что совершалось въ его жизни. Но ни къ одному человѣку онъ не испытывалъ такой горячей и чистой дружбы, какъ къ Діамондѣ. Она явилась въ ужасную минуту его жизни и безсознательно спасла его отъ безнадежнаго, глубокаго отчаянія. Въ его чувствѣ къ ней не было никакой темной страсти, никакого низкаго, томительнаго желанія. Она сжала свои тонкіе пальцы, удерживая его руку. Рука у нея была холодная и влажная отъ капель, упавшихъ съ древесныхъ листьевъ, и которыя она стерла съ своего лица. Влажное прикосновеніе этой руки, не выпускавшей его руку, вызвало въ немъ чувство холода и страха. Онъ подумалъ объ Альфѣ; ему казалось, что онъ видитъ маленькіе сѣрые глаза акробата, пристально наблюдающіе за нимъ изъ-за темнаго угла парка.

— Зачѣмъ это вы такъ дѣлаете?—раздался голосъ Діамонды.

— Что дѣлаю?

— Такъ скрежещете зубами?

— Да неужели?

— Да, точно сердитесь.

— Можетъ быть, я и сержусь.

— На меня? За что?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не на васъ, Діамонда,—на васъ никогда,—но на судьбу, на жизнь, на ту силу, которая насъ такъ странно создала.

— Какъ! На то, что наши родители поженились?

— Нѣтъ, на ту силу, которая создала всѣхъ, и мужчинъ, и женщинъ.

— Такъ это вы Бога разумѣете. Какой вы злой! Не сердитесь на Бога,—вѣдь это и безполезно къ тому же.

Она точно дѣлала выговоръ Сузи.

— Это совершенно безполезно,—продолжала она, все еще держа его руку въ своихъ рукахъ, которыя начинали согрѣваться отъ этого прикосновенія.—Это все равно, какъ еслибы я стала сердиться на madame за то, что она не даетъ мнѣ отдѣльнаго выхода. Мы все должны переносить терпѣливо.

— Конечно. Но... но... вы не должны давать мнѣ ничего такого, что помѣшало бы мнѣ переносить жизнь терпѣливо.

Онъ нагнулся къ ней.

— Я!—сказала она.—Что такое вы говорите?

— Да, вы, Діамонда. Будьте всегда моимъ другомъ, именно другомъ. Пойдемте!

Онъ всталъ. Ея руки, согрѣвшіяся и начинавшія постепенно горѣть, дали ему понять, что продолжать такъ сидѣть было бы опасно. Діамонда тоже встала, но съ видимой неохотой.

— Развѣ уже надо уходить?—сказала она.

— Сыро подъ деревьями.

— Въ такомъ случаѣ погуляемъ немного. Мнѣ еще не хочется уходить.

Обрэ сознавалъ, что было бы лучше уйти совсѣмъ, но не могъ выдержать ея умоляющаго взгляда. Они тихо пошли по травѣ и вышли на большую дорогу. Тамъ медленно двигались люди, иные вмѣстѣ, другіе въ одиночку и крадучись, какъ шпіоны. Послѣдніе были плохо одѣты и имѣли отталкивающій, лишенный человѣческаго достоинства видъ.

— Что имъ тутъ нужно?—спросила Діамонда.

— Не знаю,—отвѣчалъ Обрэ.—Вѣроятно, они и сами не съумѣли бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Развѣ вы не знаете, что Лондонъ кишитъ людьми, которые бродятъ днемъ и ночью безъ всякой опредѣленной цѣли, а только съ надеждой найти что-нибудь или кого-нибудь, кто бы измѣнилъ ихъ существованіе и облегчилъ ихъ нужды?

— Да, мнѣ попадаются такіе люди на улицахъ, но что они могутъ здѣсь найти?

Digitized by Google

— Мнѣ кажется, они и сами этого хорошенько не знаютъ. Не глядите на нихъ.

Она послушно отвела глаза отъ бродившихъ въ темнотѣ фигуръ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось гулять съ вами такъ каждый вечеръ!—сказала она просто.—Развѣ мы не могли бы поѣхать какъ-нибудь на денекъ въ деревню?

— Днемъ я бываю очень занятъ,—отвѣчалъ Обрэ быстро, почти рѣзко. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Поднялся вѣтеръ, и въ его влажномъ дыханіи чувствовалось что-то таинственное.

— Скоро дождь пойдетъ,—сказалъ Обрэ.—Намъ нужно идти назадъ.

— Да, пойдемте,—согласилась Діамонда.

Ея голосъ звучалъ принужденно и въ немъ не было обычной пріятности. Обрэ догадывался о причинѣ этого. Онъ не глядѣлъ на нее.

Когда они шли, направляясь къ выходу, то онъ чувствовалъ, что между ними разверзается пропасть. Онъ зналъ, что она страдала, какъ чувствительный цвѣтокъ, закрывающій лепестки отъ чуждаго прикосновенія. Когда они подошли къ воротамъ, то Діамонда проговорила:

— Я сяду въ омнибусъ. Нѣтъ, не провожайте меня, пожалуйста, сегодня, нѣтъ!

Въ ея голосѣ слышалась рѣшимость. Обрэ подсадилъ ее на подножку омнибуса и смотрѣлъ, какъ она взбиралась по лѣстницѣ наверхъ.

Онъ не замѣтилъ проѣхавшей мимо двумѣстной кареты сэра Рёбена, ѣхавшаго на балъ съ лэди Кэриль. Но сэръ Рёбенъ ясно разглядѣлъ его и Діамонду въ ту минуту, когда они выходили изъ воротъ парка. Онъ вдругъ нагнулся и сталъ смотрѣть въ окно кареты.

— Что̀ такое, Рёбенъ?—спросила лэди Кэриль.

— Нѣтъ, это мнѣ такъ что-то показалось на улицѣ,—отвѣчалъ сэръ Рёбенъ. Онъ откинулся назадъ и снова устремилъ глаза на жену. Когда онъ чувствовалъ себя очень старымъ и уставшимъ,—а за послѣднее время это часто съ нимъ случалось, особенно по вечерамъ,—то видъ лэди Кэриль, этой [illegible] его, сіявшей радостью и молодостью, доставлялъ ему чувство отдохновенія и успокоенія. Онъ жаждалъ напиться изъ того источника, изъ котораго она такъ обильно черпала свою жизненную силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, какъ будто какой-то мягкій,

Digitized by Google

но тяжелый и безпощадный звѣрь лежалъ у него на груди и душилъ его. Онъ старался его сбросить, но не могъ, и отъ усилія чувство тяжести только увеличивалось.

Прошло нѣсколько дней, и однажды сэръ Рёбенъ сообщилъ Обрэ, что досталъ ложу въ театръ въ Чампіонъ-Сквэрѣ.

— Передай это твоему пріятелю, маленькому бѣсенку,— прибавилъ онъ.—Вѣдь онъ влюбился въ Кэриль, и будетъ доволенъ, узнавъ, что она пріѣдетъ посмотрѣть, какъ представляютъ онъ и его родственники. Кстати, я пригласилъ твою мать съ нами въ ложу.

Лэди Рангклифъ рѣдко бывала въ Паркъ-Лэнѣ. Она чувствовала себя тамъ очень неуютно, и такъ какъ ей было трудно притворяться, то она не являлась на неоднократныя приглашенія Аллабрутовъ, даже не приводя уважительныхъ причинъ.

— Ваша мать недолюбливаетъ меня, — сказала однажды Кэриль Обрэ.

— Ахъ, нисколько!—отвѣчалъ онъ поспѣшно.—Но она вѣдь всегда такъ занята. Вѣчно возится съ своими бѣдными.

— Да, но все-таки я знаю, что она меня недолюбливаетъ. Еслибы это было не такъ, почему бы ей не пріѣзжать къ намъ? А вѣдь они были большими друзьями съ моимъ мужемъ, и она должна желать ему счастья. А я сдѣлала его счастливымъ настолько, насколько—сдѣлала его счастливымъ.

— Да.—Обрэ не нашелся сказать ничего больше. Онъ былъ очень доволенъ, когда лэди Рангклифъ приняла приглашеніе сэра Рёбена ѣхать съ ними въ театръ. Онъ написалъ объ этомъ Діамондѣ, съ которой не видался послѣ прогулки въ паркѣ, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Еслибы вы знали, что дѣлается съ Альфомъ. Онъ приготовилъ какой-то новый фокусъ, и все время говоритъ о королевѣ брилліантовъ. Онъ увѣряетъ, что она сойдетъ съ ума отъ восторга, когда увидитъ, какъ онъ нырнетъ. Въ это время никакой музыки не будетъ, одни барабаны будутъ бить. Я ему говорю, что они такъ бьютъ только на похоронахъ, когда хоронятъ военныхъ. Сузи и всѣ наши будутъ въ театрѣ, чтобы посмотрѣть его новую штуку, и я попрошу позволенія у madame постоять за кулисами съ Лиль“. Письмо было подписано:

„Ваша вѣрная Діамонда Маннерсъ“.

Обрэ сообщилъ лэди Кэриль, съ какимъ волненіемъ ее ожидаютъ въ театрѣ, и о тѣхъ особыхъ приготовленіяхъ, которыя дѣлались въ честь ея. Она слегка улыбнулась.

— Этотъ вашъ маленькій другъ похожъ на гнома,—сказала

Digitized by Google

она.—Мнѣ кажется, что онъ выѣзъ изъ какого-нибудь древеснаго ствола, чтобы продѣлать свои фокусы, и въ одинъ прекрасный день исчезнетъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, среди листвы, и никто никогда больше его не увидитъ.

— Онъ просто обожаетъ васъ,—сказалъ Обрэ.

— Въ самомъ дѣлѣ! неужели? — проговорила она такимъ ледянымъ тономъ, что Обрэ на мгновеніе стало холодно. Но потомъ онъ вспомнилъ, что вѣдь лэди Кэриль не была знакома съ семьей Альфа, не знала, на какой пьедесталъ возводили его всѣ домашніе, а слѣдовательно и не могла ясно себѣ представить, что ея присутствіе въ театрѣ будетъ величайшимъ событіемъ въ скромной жизни Милькъ-Корта.

Лэди Рангклифъ пріѣхала обѣдать въ Паркъ-Лэнъ въ день представленія, послѣ котораго сэръ Рёбенъ собирался отправиться съ лэди Кэриль на большой балъ въ Портманъ-Сквэрѣ, куда былъ приглашенъ и Обрэ. На этомъ балу долженъ былъ присутствовать одинъ изъ членовъ королевской фамиліи. Лэди Кэриль была вся въ черномъ. На ней былъ ея знаменитый изумрудъ, и еще множество изумрудовъ въ черной оправѣ украшали ея бѣлокурую голову, возвышаясь надъ прической. Она имѣла сіяющій видъ, но сэръ Рёбенъ—лэди Рангклифъ это тотчасъ же замѣтила—опять страдалъ отъ простуды и мучился кашлемъ. Видъ у него былъ очень утомленный.

— Вамъ навѣрное не слѣдовало бы выѣзжать сегодня,—отрѣзала она.—Видъ у васъ ужасный.

— Я всегда сопровождаю Кэриль,—отвѣчалъ онъ.

Лэди Рангклифъ услышала упрямую нотку въ его голосѣ, вспомнила объ его умершей женѣ—и ничего больше не сказала.

Когда доложили, что экипажи поданы, то сэръ Рёбенъ укутался въ огромное мѣховое пальто, которое дѣлало его похожимъ на какого-то страннаго маленькаго звѣрка. Онъ усталой походкой направился къ каретѣ вслѣдъ за женою. Обрэ поѣхалъ съ матерью въ ея экипажѣ. Дорогой они мало говорили, но у нихъ всегда разговоръ плохо клеился. Лэди Рангклифъ замѣтила, что у сэра Рёбена больной видъ.

— Я думаю, что это обыкновенная простуда, — сказалъ Обрэ.—Ему вредно жить въ Англіи послѣ жаркаго климата.

— Да, ему слѣдовало бы опять туда уѣхать; но, можетъ быть, это будетъ вредно для нея?

— Для лэди Кэриль? Не знаю. Мнѣ кажется, она создана для солнца.

Эти слова какъ-то непроизвольно вырвались у него, но онъ

Digitized by Google

тотчасъ заговорилъ о другомъ, и больше не возвращался къ начатому разговору. Лэди Рангклифъ такъ была бы рада подольше поговорить съ сыномъ въ полу-мракѣ кареты; его откровенность доставила бы ей почти райское блаженство, но ей приходилось довольствоваться молчаніемъ и сознаніемъ, что сынъ ее любитъ такъ, какъ только мать можетъ желать быть любимой.

Вѣтеръ задувалъ огни, горѣвшіе передъ театральнымъ подъѣздомъ. Аллабруты и Рангклифы взошли въ ложу какъ разъ передъ началомъ балета. Театръ былъ полонъ. Чудо-семейство Фликовъ всегда привлекало многочисленную публику. Въ этотъ вечеръ кромѣ нихъ еще какая-то длинная и странная француженка пѣла отвратительныя пѣсенки объ ужасахъ парижскихъ улицъ. Она была блѣдна, просто одѣта и у нея были черныя перчатки, доходившія до самыхъ плечъ. Тусклымъ голосомъ пѣла она, изображая жизненную трагедію бѣдняковъ и преступниковъ. А нарядное свѣтское общество спѣшило послѣ обѣда въ театръ, чтобы услышать изъ ея блѣдныхъ устъ разсказъ о нравственномъ паденіи жертвъ морфина или о тѣхъ ужасахъ, которые снятся пьяницамъ.

Обрэ сидѣлъ между своей матерью и лэди Кэриль и смотрѣлъ балетъ. Діамонда не должна была появляться раньше сцены на островѣ. Въ ожиданіи ея, Обрэ вспоминалъ всѣ обстоятельства своего перваго знакомства съ Діамондой. Наконецъ занавѣсъ поднялся, открывая знакомую декорацію, и сердце Обрэ учащенно забилось. Забили барабаны и рядъ молодыхъ дѣвушекъ понесся впередъ. Между ними была и Діамонда, которую очень мѣнялъ золотисто-рыжій паричъ и гибкія, томныя движенія восточнаго танца. Она взглянула на Обрэ. Сэръ Рёбенъ нагнулся впередъ и сталъ разсматривать ее въ бинокль. Ему хотѣлось знать, та ли это дѣвушка, которую онъ видѣлъ съ Обрэ въ воротахъ парка. У него невольно возникала мысль о пошлой интригѣ, а многолѣтній горькій опытъ нашептывалъ ему, что всѣ мужчины одинаковы. Онъ взглянулъ на Обрэ, и увидалъ, что его глаза устремлены на лэди Кэриль. Лэди Рангклифъ, очень рѣдко бывавшая въ театрѣ, была всецѣло поглощена происходившимъ на сценѣ. Она поворачивала голову, чтобы лучше слышать музыку, и, не отрываясь, смотрѣла въ бинокль.

— Эта танцовщица хорошо танцуетъ, Обрэ,—сказалъ сэръ Рёбенъ.

— Да, очень хорошо.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, такая ли она и внѣ сцены,—

Digitized by Google

продолжалъ сэръ Рёбенъ, внимательно наблюдая за своимъ крестникомъ.

Обрэ ничего не отвѣтилъ. Онъ отвелъ глаза отъ лэди Кэриль и, казалось, слѣдилъ за представленіемъ.

— Вѣроятно она очень обыкновенная и неинтересная,—заключилъ сэръ Рёбенъ. Онъ замѣтилъ, какъ при этихъ его словахъ Обрэ покраснѣлъ,—и подумалъ: „Неужели онъ уже излечился?"

Передъ возможностью такого факта онъ вдругъ почувствовалъ презрѣніе къ своему крестнику. Когда кончился балетъ и занавѣсъ упалъ, то сэръ Рёбенъ сталъ разговаривать, между приступовъ кашля, съ лэди Рангклифъ. Лэди Кэриль сидѣла молча и, казалось, не обращала никакого вниманія на то, что многіе изъ публики разглядывали ее съ интересомъ. Молчалъ и Обрэ, думая о томъ состояніи возбужденнаго ожиданія, въ которомъ долженъ былъ находиться теперь Альфъ. Онъ взглянулъ на толпу людей, которые всѣ сливались въ одну темную массу подъ расписнымъ потолкомъ, сіявшимъ электрическими огнями. Гдѣ-нибудь среди этой публики сидѣла и Сузи съ маленькимъ Чарли. Обрэ представлялъ себѣ, какъ они должны были волноваться, и какъ гордились тѣмъ, что Альфъ—ихъ родственникъ. И въ самомъ дѣлѣ, дѣти сидѣли въ первомъ ряду галлереи за рѣшоткой и не замедлили сообщить своимъ сосѣдямъ, что близко заинтересованы въ предстоявшемъ представленіи. Вскорѣ всѣ уже знали, что маленькій мальчикъ и дѣвочка въ первомъ ряду, съ красными отъ волненія и сіявшими отъ радостнаго ожиданія лицами—приходились родственниками „чудо-Фликамъ" и жили въ самомъ тѣсномъ общеніи съ знаменитымъ Альфомъ. Всегда серьезно настроенному Бобу то-и-дѣло приходилось отвѣчать на вопросы, которые ему задавали сидѣвшія рядомъ съ ними лица изъ публики: мальчишки изъ райка, вдругъ сдѣлавшіеся необыкновенно почтительными, два солдата въ ярко-красныхъ мундирахъ, нѣсколько молодыхъ женщинъ въ нарядныхъ шляпкахъ и одна дородная дама съ золотыми серьгами и въ шолковой накидкѣ, объявившая, что „страсть какъ любитъ всякихъ смѣльчаковъ, все равно, кто бы они ни были!"

Къ концу балета возбужденное состояніе дѣтей еще усилилось. Они вытягивали шею изъ-за рѣшотки и пискливыми голосами давали объясненія публикѣ. Сузи, все замѣчавшая, какъ настоящая женщина, разсмотрѣла Обрэ въ ложѣ возлѣ сцены.

— Вонъ тамъ этотъ джентльменъ! — пропищала она. — Джентльменъ, который, помнишь, приходилъ къ намъ ужинать!

— А вонъ и эта *красавица*!—закричалъ Чарли, замѣтивъ

Digitized by Google

блѣдное лицо и золотистые, украшенные изумрудами волосы лэди Кэриль. Альфъ не скрывалъ своего обожанія, и разсказывалъ дѣтямъ о лэди Кэриль, представляя ее какой-то чудесной сказочной королевой. Бобъ, не утративъ своего степеннаго вида, все-таки нагнулся впередъ, чтобы посмотрѣть на нее, и глаза доброй половины публики на галлереѣ устремились на ложу сэра Рёбена.

— Такихъ, какъ она, немного, ужъ это вѣрно!—сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Батюшки вы мои, что̀ за драгоцѣнные камни!—вскричала дородная дама въ шолковой накидкѣ и съ золотыми серьгами.—Небось, какія деньги-то за нихъ заплачены!

Въ это время надъ головами публики, сидѣвшей въ креслахъ внизу, была протянута, съ помощью невидимыхъ канатовъ и блоковъ, большая сѣтка. Надъ этой сѣткой покачивалась маленькая трапеція, съ которой свѣшивалась веревка.

— Онъ туда полѣзетъ! — закричалъ Чарли, внѣ себя отъ волненія.—Онъ полѣзетъ на потолокъ!

Занавѣсъ взвился, и семейство Фликовъ выпрыгнуло на авансцену, граціозно раскланиваясь и улыбаясь самоувѣренной и развязной улыбкой.

— А гдѣ же мальчикъ?—спросилъ одинъ изъ солдатъ.

— Его еще нѣтъ,—пропищалъ Чарли.—Онъ потомъ самъ *плидетъ*. А это Вогсаль, *который зинатъ* на моей *сестлѣ*.

И онъ весь покраснѣлъ, какъ горячій уголекъ, отъ гордости и самодовольства.

Къ великолѣпной фигурѣ Вогсала очень шло черное трико, расшитое серебромъ по рисунку, сдѣланному Лиль, о чемъ Суси поспѣшила сообщить окружающей публикѣ. Онъ стоялъ въ свободной позѣ послѣднимъ въ ряду родственниковъ, съ лицомъ, повернутымъ по направленію кулисъ. Съ минуту длилось молчаніе, и всѣ были неподвижны, послѣ чего, по знаку, данному Вогсаломъ, Альфъ выбѣжалъ на сцену, быстро семеня ногами, кивая головой съ прилизанными и намоченными волосами и посылая воздушные поцѣлуи. Обрэ увидалъ Діамонду и Лиль, выглядывавшихъ изъ-за кулисъ, чтобы видѣть новое торжество своего маленькаго брата. Онъ замѣтилъ также, какъ Діамонда украдкой бросила взглядъ на ихъ ложу. Ея большіе глаза остановились сначала на лэди Кэриль, а потомъ она перевела ихъ на него, и Обрэ вдругъ захотѣлось знать, не были ли вызваны эти два быстрые взгляда какимъ-нибудь вполнѣ женскимъ чувствомъ.

Лэди Рангклифъ, страстно любившая всякія упражненія, тре-

Digitized by Google

бующія большой силы и смѣлости, вся подалась впередъ, нервно подергивая головой.

— Этотъ мальчикъ отлично тренированъ,—сказала она.— На немъ нѣтъ ни золотника жира. Изъ него вышелъ бы прекрасный жокей. Не правда ли, Обрэ?

— Да, мама,—отвѣчалъ Обрэ, и обратился къ лэди Кэриль:

— Сегодня онъ будетъ дѣлать всѣ свои штуки только для васъ,—сказалъ онъ ей.

Она холодно улыбнулась Альфу, чтобы показать, что узнала его. Альфъ увидалъ эту улыбку, и его глаза засверкали при свѣтѣ рампы. Въ эту минуту онъ особенно гордился своей физической ловкостью, и это чувство гордости пробѣжало огнемъ по его жиламъ. Онъ зналъ, что Чарли, Сузи и Бобъ смотрѣли на него съ галлереи. Взглядывая искоса, онъ видѣлъ Лиль и Діамонду за кулисами. А королева брилліантовъ улыбалась ему изъ своей ложи. Это былъ величайшій день въ его жизни, и онъ чувствовалъ, что въ немъ зарождалось сверхъестественное возбужденіе и какая-то демоническая отвага. Ему хотѣлось совершить что-нибудь такое, чего прежде онъ никогда не пробовалъ. И подъ звуки музыки мозгъ его усиленно заработалъ. Машинально схватилъ онъ тамбуринъ, брошенный ему Вогсаломъ, и потрясая въ воздухѣ бубенчиками, сталъ ударять въ него, въ то время какъ его братья и отецъ исполняли первую фигуру. Онъ все время смотрѣлъ на лэди Кэриль. Ему хотѣлось сдѣлать такъ, чтобы ея щеки вспыхнули и глаза загорѣлись. Въ немъ проснулось страстное желаніе актера подчинить себѣ человѣка, который изъ всей публики наименѣе способенъ взволноваться. Онъ сразу увидалъ, опытнымъ, привыкшимъ къ толпѣ глазомъ, что своею смѣлостью легко приведетъ въ восторгъ даму въ черномъ съ рѣзкими чертами лица—мысленно онъ назвалъ ее безобразной,—сидѣвшую рядомъ съ лэди Кэриль. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что долженъ совершить почти чудо, чтобы заставить затрепетать эту сказочную королеву. Всѣ эти мысли въ мгновеніе ока промелькнули въ его головѣ, сопровождаемыя звуками громкой музыки. Потомъ настала его очередь. Онъ отбросилъ въ сторону тамбуринъ, протянулъ руки, чтобы привлечь на себя вниманіе, завертѣлся кубаремъ, сдѣлалъ скачокъ въ воздухѣ и упалъ, какъ мертвое тѣло, на ноги своего отца. Руки его были прижаты къ туловищу, ноги вытянуты и большіе пальцы ногъ повернуты кверху. Это была знаменитая сцена съ мертвымъ тѣломъ: Альфа перебрасывали отъ одного родственника къ другому, подбрасывали высоко на воздухъ, бросали на самый край сцены, ставили

Digitized by Google

на большой палецъ ноги, запускали, какъ волчокъ, во всѣ четыре стороны и держали въ стоячемъ положеніи на головѣ, причемъ онъ все время сохранялъ упругость и неподвижность трупа. Эта сцена всегда пользовалась успѣхомъ и иногда повторялась, если апплодисменты бывали очень настойчивы. Альфъ и сегодня хотѣлъ бы, чтобы ее повторили, потому что, изображая мертвое тѣло, онъ имѣлъ время обдумывать смѣлый фокусъ, особенную, неподражаемую штуку, такое кувырканіе съ необыкновенной высоты, которое должно было, наконецъ, плѣнить эту волшебницу, съ огромнымъ драгоцѣннымъ камнемъ на бѣлоснѣжной груди.

Вогсалъ принялъ лежачее положеніе, и Альфа подбросили высоко на воздухъ по направленію къ нему. Все продолжая думать, Альфъ сдѣлалъ необходимое усиліе для того, чтобы перевернуться два раза на лету. Онъ упалъ какъ разъ на подставленныя подошвы ногъ Вогсала. Раздались громкіе апплодисменты. Альфъ едва обратилъ на нихъ вниманіе. Правда, это была новая трудная штука, и онъ надѣялся произвести ею сильное впечатлѣніе, но теперь, въ присутствіи этой равнодушной красавицы, этого казалось недостаточно. Вогсалъ высоко подбросилъ его, и онъ завертѣлся, какъ мячъ.

— Можно побожиться, что онъ неживой, — проговорила дама въ накидкѣ, добродушное лицо которой было все покрыто каплями пота. Чарли и Сузи сидѣли совершенно безмолвно. Широко-раскрытыми, неподвижными глазами смотрѣли они на своего великаго родственника, какъ смотрятъ на священное видѣніе.

Между тѣмъ Альфа продолжали крутить, вертѣть, катать и подбрасывать подъ непрерывные звуки веселой музыки. Онъ не могъ видѣть лэди Кэриль, а ему очень хотѣлось знать, слѣдитъ ли она за нимъ. Теперь, во всякомъ случаѣ, она обратитъ вниманіе, когда его станутъ поднимать къ потолку. Онъ въ послѣдній разъ взлетѣлъ высоко на воздухъ, весь изогнулся, перевернулся два раза и всталъ на подмостки, спокойно оглядывая безчисленную публику. Дыханіе его не ускорилось, щеки не покраснѣли. Онъ поклонился, по своему обыкновенію, бокомъ въ отвѣтъ на сильнѣйшіе апплодисменты и взглянулъ на ложу сэра Рёбена. Лэди Кэриль сидѣла опустивъ голову и глядѣла на свой изумрудъ. Кровь бросилась въ лицо мальчика, и онъ, тяжело дыша, отошелъ въ уголъ. Онъ не вышелъ оттуда, несмотря на требованія повторенія. Отецъ взглянулъ на него, но Альфъ только покачалъ головой. Старый Фликъ не настаивалъ. Онъ зналъ, что Альфъ никогда ничего не дѣлалъ на публичномъ представленіи

Digitized by Google

безъ основательной причины. На сцену выступилъ Вогсалъ, и гордость Чарли и Сузи была еще разъ удовлетворена горячимъ одобреніемъ окружавшей ихъ публики. Но симпатія галлереи, равно какъ и симпатія обитателей Милькъ-Корта, главнымъ образомъ все-таки принадлежала Альфу. Вогсалъ, при всей своей ловкости, не воспламенялъ публику до такой степени, какъ Альфъ, который своимъ крошечнымъ ростомъ и смѣлостью, доходившей до дерзости, какъ-то особенно дѣйствовалъ на воображеніе толпы. Когда кончился „выходъ“ Вогсала, то семейство Фликовъ приготовилось къ „движущимся картинамъ“, какъ они ихъ называли. Въ этомъ представленіи принимали участіе всѣ шестеро: отецъ и пять сыновей. Это былъ настоящій блестящій калейдоскопъ. Фликъ-отецъ, могучій и коренастый, какъ вѣковой дубъ, служилъ великолѣпнымъ фундаментомъ для каждой новой фигуры. Сыновья карабкались по немъ, какъ кошки, цѣпляясь ногами за его широкія бедра, бросались къ нему на плечи и, въ свою очередь, помогали всѣмъ своимъ тѣломъ тѣмъ изъ братьевъ, которые лѣзли еще выше. Быстрота и та напряженная, почти яростная сила, съ которой составлялась и потомъ распадалась каждая фигура, ослѣпляла зрителей и производила впечатлѣніе быстраго движенія машины или фантастической игры огненныхъ языковъ.

Лэди Рангклифъ была совершенно поглощена представленіемъ. Она то-и-дѣло нервно подергивала головой и щурила свои близорукіе глаза. Но лэди Кэриль сохраняла полное спокойствіе. Сэръ Рёбенъ наблюдалъ за нею изъ глубины ложи. Вниманіе Обрэ было привлечено тѣмъ, что дѣлалось на сценѣ. Онъ былъ лично заинтересованъ въ представленіи, думалъ о Діамондѣ, сочувствовалъ горячему восторгу Чарли и Сузи, даже немного гордился, совершенно по-дѣтски, этимъ представленіемъ, потому что зналъ интимную жизнь всей семьи, всѣ ея безпокойства, ея сердечность и искренность.

Теперь настала очередь „выростающей лозы“. Фликн выстроились на фонѣ большого холста, изображавшаго рѣшотку, вокругъ которой должна была обвиться виноградная лоза; Альфъ стоялъ спокойно, не принимая участія въ дѣйствіяхъ остальной семьи. Старшій Фликъ захлопалъ въ ладоши; Альфъ быстро повернулся, отошелъ, пятясь задомъ, къ рампѣ, разбѣжался, прыгнулъ къ отцу, вскарабкался къ нему на плечи, сталъ ему на голову, скользнулъ, съ поразительной быстротой, обвиваясь вокругъ ногъ и рукъ всѣхъ братьевъ и, наконецъ, достигъ высшей точки всей группы, гдѣ и принялъ видъ какого-то шара или виноградной кисти, согнувшись вдвое. Послѣдовала минутная

Digitized by Google

пауза, во время которой Фликн стояли неподвижно, какъ фигуры, вырѣзанныя изъ чернаго дерева, а скрипки въ оркестрѣ играли пронзительное tremolo. Потомъ раздался ударъ большого барабана. Этотъ могучій звукъ, казалось, встряхнулъ черную гроздь съ верхней вѣтки, и она покатилась внизъ. Толстая дама въ накидкѣ закричала отъ страха:

— Господи, онъ убьется! Расшибется на смерть!—взвизгнула она, закрывая разгоряченное лицо пухлыми руками.

Но вдругъ она услыхала взрывъ апплодисментовъ, и подняла голову. Фликн строились въ рядъ передъ рампой, весело улыбались и раскланивались. Зазвонилъ звонокъ, и занавѣсъ медленно опустился, скрывая ихъ отъ зрителей. Дама въ накидкѣ вздохнула съ облегченіемъ.

— А я-то думала, что онъ убился до смерти!—пробормотала она. — Такъ и думала, что разбился въ куски. Вѣрно говорю.

Солдаты и всѣ окружавшіе смѣялись надъ ея волненіемъ, стучали ногами, пронзительно свистали и апплодировали. Сузи и Чарли стучали своими маленькими кулаками о перила, пока руки ихъ не сдѣлались совсѣмъ красными. Занавѣсъ снова взвился. Теперь настала очередь Альфа. Онъ выступилъ впередъ. Тамъ, высоко на галлерѣ, Бобъ, Сузи и Чарли трепетали отъ ожиданія. Даже старшій изъ нихъ, несмотря на свойственную ему сдержанность и серьезность, не могъ дольше скрывать своего волненія. За кулисами Лиль и Діамонда стояли неподвижно, устремивъ глаза на Альфа. Оркестръ пересталъ играть, и среди наступившаго молчанія Альфъ подбѣжалъ къ рампѣ, впрыгнувъ въ сѣтку, протянутую надъ партеромъ и, осторожно подвигаясь по ней, съ плавностью ловкаго танцора, достигъ веревки, спускавшейся съ трапеціи. Онъ схватилъ ее, подалъ знакъ, и его подняли на воздухъ. Ноги его были сжаты и все упругое, вытянутое тѣло покачивалось изъ стороны въ сторону. Поднимаясь такимъ образомъ къ трапеціи, висѣвшей какъ разъ по срединѣ между поломъ и потолкомъ огромнаго театра, онъ очутился въ уровень съ лэди Кэриль, которая, наконецъ, обратила на него вниманіе. Внезапно прекратившаяся музыка заставила ее поднять голову. Повидимому она забыла о своемъ изумрудѣ, сѣла такъ, чтобы лучше видѣть Альфа и, замѣтивъ, что онъ смотритъ на нее, слегка улыбнулась и сказала что-то Обрэ, стоявшему за ея кресломъ.

Порывъ неудержимой смѣлости охватилъ мальчика. Его мускулы напряглись, маленькія жесткія руки сильнѣе сжали веревку и все тѣло сдѣлалось какъ будто стальнымъ. Лэди Рангклифъ

Digitized by Google

поднесла бинокль къ глазамъ. Сэръ Рёбенъ вытянулъ шею, чтобы лучше видѣть. Альфъ достигъ трапеціи, схватилъ ее одной рукой, выпустилъ веревку, покачался въ воздухѣ, перебросилъ ногу черезъ перекладину и усѣлся на ней, спокойно оглядываясь кругомъ. Вогсалъ подошелъ къ самому краю сцены и стоялъ, подбоченившись и пристально глядя на брата съ безстрастнымъ выраженіемъ, подъ которымъ скрывались сильное волненіе и восхищеніе. Сузи прижалась къ Чарли. Ей, повидимому, становилось страшно. Чарли отодвинулся и отстранилъ ее локтемъ. Альфъ поглощалъ все его вниманіе, и онъ не хотѣлъ отвлекаться какими-то женскими глупостями. Бобъ сказалъ Сузи: „Ш-ш!“, а дама въ накидкѣ прошептала два раза сдавленнымъ голосомъ: „Господи, Боже мой!“ Сразу смолкшая музыка произвела какое-то жуткое впечатлѣніе на публику. Только маленькая фигурка въ черномъ трико съ серебряной вышивкой, царившая надъ толпою, имѣла беззаботный и безпечный видъ. Но зато какая жизнь трепетала въ ней, какой дикій вихрь юнаго счастья и отваги! Альфъ казался въ высотѣ какою-то черной птицей. Онъ точно парилъ надъ театромъ, выбирая мѣсто, чтобы камнемъ упасть съ высоты. Онъ даже посвистывалъ, какъ птица. Дама въ накидкѣ вздрогнула, услыхавъ этотъ ясный, тонкій звукъ.

Ея нервная система была чувствительнѣе, чѣмъ можно было предположить, судя по ея наружности. Вогсалъ услыхалъ свистъ и отвѣтилъ на него. Снизу продолжали тянуть веревку, и тонкая трапеція, на которой сидѣль Альфъ, скользила незамѣтно все выше, къ огнямъ, горѣвшимъ на потолкѣ. Всѣ сидѣвшіе въ переднихъ рядахъ креселъ повернули головы и подняли лица, принявшія странный бѣловатый оттѣнокъ отъ холоднаго свѣта электрическихъ лампъ. Волненіе Сузи, Чарли и даже Боба—хотя онъ тщательно скрывалъ это—достигло высшей степени, когда ихъ знаменитый родственникъ, поднявшись на одинъ уровень съ ними, осчастливилъ ихъ, дружески кивнувъ имъ головою (это было замѣчено всѣми окружавшими) и сталъ подниматься еще выше, къ расписному потолку, на фонѣ котораго казался маленькой черной мушкой.

Сузи сжала маленькую, влажную руку Чарли, издавъ какой-то дѣтскій звукъ: не то вздохъ, не то кряхтѣнье. Дама въ накидкѣ стала шумно дышать.

— Къ чему это еще потащили туда ребенка, что̀ ему тамъ дѣлать?—проговорила она, скатывая въ комочекъ свой носовой платокъ и видимо страдая отъ страха.—Голова кружится смотрѣть на него. Что̀ такое онъ будетъ тамъ дѣлать?

Digitized by Google

— Онъ прыгнетъ внизъ на сѣтку,—сказалъ Бобъ, стараясь говорить спокойно, какъ подобаетъ всякому вполнѣ серьезному молодому человѣку.

— Прыгнетъ — что?! Да онъ убьется, онъ себѣ шею сломитъ!—воскликнула толстая дама, закрывая глаза одной рукой, а другой хватаясь за голову.

Бобъ улыбнулся.

— О! съ Альфомъ никогда не можетъ случиться никакого несчастья!—отвѣчалъ онъ.—Онъ ничего не боится,—ему это все равно, что вамъ спрыгнуть со стула, сударыня.

— Съ Альфомъ никогда не будетъ несчастнаго *смюгля*!—пропищалъ Чарли.—Ахъ! ахъ!

Въ оркестрѣ вдругъ раздался ударъ барабана, рѣзкій и короткій. Альфъ всталъ на трапецію. Вогсалъ выступилъ на шагъ впередъ, не спуская глазъ съ своего маленькаго брата, который готовился нырнуть внизъ головою въ сѣтку, сдѣлавъ на лету два опасныхъ скачка. Чтобы сдѣлать все это, Альфъ долженъ былъ стать лицомъ къ сценѣ, и теперь онъ становился, устремивъ глаза на лэди Кэриль, которая была видна ему тамъ, далеко внизу. Раздался глухой бой барабановъ; онъ усиливался, переходилъ въ гулкій громъ и снова затихалъ зловѣщимъ ропотомъ. Вогсалъ захлопалъ въ ладоши, подавая этимъ сигналъ. Вдругъ Альфъ перевернулся на трапеціи и сталъ лицомъ въ противоположную сторону. Вогсалъ вздрогнулъ отъ изумленія.

— Что это онъ задумалъ? — прошепталъ Фликъ-отецъ, сохраняя на лицѣ стереотипную улыбку, съ которой онъ всегда обращался къ публикѣ. Вогсалъ покачалъ головой. Глухой грохотъ барабановъ усилился. Альфъ отнялъ одну руку отъ красной веревки, на которой висѣла трапеція.

— Господи! — прошепталъ Вогсалъ:—онъ хочетъ прыгнуть назадъ! вотъ дьяволёнокъ!—и его неподвижное, какъ бы каменное лицо густо покраснѣло отъ волненія.

Грохотъ барабановъ все усиливался. Альфъ наклонился, отнялъ и другую руку отъ веревки и прыгнулъ назадъ.

Въ воздухѣ блеснуло серебро, и тѣло мальчика съ глухимъ стукомъ упало въ сѣтку. Напряженно ожидавшая толпа разразилась бурей рукоплесканій. Вогсалъ подошелъ къ краю сѣтки, чтобы подать Альфу руку, когда онъ будетъ перескакивать на сцену. Но Альфъ лежалъ неподвижно, вытянувшись въ сѣткѣ надъ цѣлымъ моремъ блѣдныхъ, повернутыхъ кверху лицъ.

— Ишь, бѣсенокъ! Какъ притворяется, чтобы напугать ихъ!—прошепталъ Вогсалъ братьямъ, вытянувшимся въ рядъ сзади него.

Digitized by Google

Онъ привыкъ къ проказамъ Альфа. Братья улыбнулись. Вдругъ апплодисменты смолкли; слышался только зловѣщій бой барабановъ. Публика на галлереѣ и въ ложахъ нагибалась, чтобы заглянуть въ сѣтку. Полная дама, въ накидкѣ, отняла свою пухлую руку отъ глазъ и сказала:

— Слава Богу! Я такъ рада, что это кончилось. Я нахожу, что это просто жестоко, и такія вещи нужно запрещать,—вѣрно я говорю!

Бой барабановъ прекратился. Удивленные и испуганные барабанщики опустили свои палочки. Краска исчезла съ лица Вогсала; молча прыгнулъ онъ въ сѣтку и наклонился надъ Альфомъ.

— Вылѣзай же, Альфъ!—проговорилъ онъ.—Ты ихъ всѣхъ напугалъ!

— Возьми меня на руки!—прошепталъ Альфъ.

Губы у него совершенно побѣлѣли.

— Господи!—выговорилъ Вогсалъ.

Онъ нагнулся и взялъ брата на руки. Потомъ, переступая по сѣткѣ колеблющимися шагами и невольно подпрыгивая на ходу, онъ понесъ Альфа къ сценѣ надъ головами публики, глядѣвшей на нихъ съ испуганнымъ удивленіемъ.

— Поставь меня на ноги,—прошепталъ Альфъ.—Слышишь, Вогсъ? Я хочу раскланяться на вызовы.

Вогсалъ сталъ поддерживать его въ стоячемъ положеніи. Онъ улыбнулся, поднялъ руку, послалъ воздушный поцѣлуй, хотѣлъ наклонить голову, но не могъ.

— Господи! Какъ больно!—прошепталъ онъ.

Занавѣсъ упалъ; никто не апплодировалъ. Всѣ были испуганы. Воцарилась глубокая тишина.

Черезъ минуту или двѣ занавѣсъ немного оттащили назадъ, и высокій, весь лоснящійся господинъ, во фракѣ и съ блестящимъ цилиндромъ въ рукахъ, подошелъ къ рампѣ. Онъ поднялъ свою большую, пухлую руку, на которой блестѣлъ огромный бриллiантовый перстень.

— Нѣтъ ли въ театрѣ доктора? — сказалъ онъ громко. — Если есть, то дирекція покорнѣйше проситъ его пожаловать за кулисы.

III.

Около полуночи лэди Кэриль разговаривала съ принцемъ. Онъ отпускалъ ей множество довольно тяжеловѣсныхъ компли-

Digitized by Google

ментовъ и, произнося ихъ, не спускалъ глазъ съ ея огромнаго изумруда. Позднѣе, онъ сказалъ хозяйкѣ дома:

— У принцессы нѣтъ такихъ великолѣпныхъ драгоцѣнныхъ камней, какъ у лэди Кэриль. Сэръ Рёбенъ—или второй Монте-Кристо, или же открылъ философскій камень, превращающій все въ золото.

Хозяйка дома улыбнулась довольно двусмысленно. У нея былъ при этомъ такой лукавый видъ, что любопытство принца еще болѣе разгорѣлось. Онъ любилъ узнавать раньше другихъ лондонскія сплетни.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ въ полголоса, отстраняясь отъ горячей перепелки, лежавшей у него на тарелкѣ.

Хозяйка дома нагнулась къ нему черезъ цвѣты.

— Говорятъ, ваше высочество,—прошептала она,—что сэръ Рёбенъ не похожъ на Монте-Кристо. У героя Дюма источники доходовъ не были ограничены.

— А-а! Ну, а у сэра Рёбена?

— Въ Сити говорятъ, что если онъ еще долго проживетъ, то разорится.

Принцъ посмотрѣлъ на сэра Рёбена, ужинавшаго за сосѣднимъ столомъ.

— У него не такой видъ, чтобы онъ могъ промотать свое состояніе.

— По натурѣ онъ не таковъ, но онъ во власти очень странной женщины.

Принцъ улыбнулся и рѣшилъ поближе познакомиться съ лэди Кэриль.

Обрэ за ужиномъ не было. Онъ появился въ танцовальномъ залѣ около часа ночи, какъ-разъ въ то время, когда лэди Кэриль и ея мужъ собирались уѣзжать. Онъ былъ очень блѣденъ и вѣки его покраснѣли. Поздоровавшись съ хозяйкой дома, онъ прямо подошелъ къ лэди Кэриль.

— Пожалуйста, я долженъ вамъ сказать два слова,—проговорилъ онъ.—Пойдемте, сядемъ.

Онъ отвелъ ее въ оконную нишу. Оркестръ игралъ вальсъ.

— Кэриль,—сказалъ Обрэ нетвердымъ голосомъ:—бѣдный мальчикъ умираетъ.

— Какой ужасъ!—проговорила она.

Въ ея лицѣ появилось выраженіе спокойной жалости.

— Я такъ и думала, что онъ серьезно пострадалъ.

Она бросила взглядъ на танцующихъ. Дама съ удивительными брилліантами въ волосахъ пронеслась, вальсируя, мимо

Digitized by Google

оконной ниши, въ которой они сидѣли. Свѣтъ люстры упалъ на драгоцѣнные камни. Они засверкали. Лэди Кэриль слегка нагнулась впередъ, чтобы лучше разсмотрѣть даму.

— Какъ это грустно!—прибавила она.

— Въ самомъ дѣлѣ ужасно!—повторилъ Обрэ взволнованно.

Звуки вальса вызывали въ немъ чувство тошноты. Ощущеніе было совершенно физическое.

— У него какое-то страшное внутреннее поврежденіе,—продолжалъ онъ,—причиняющее жестокія боли. Сначала думали сдѣлать операцію... Какъ этотъ оркестръ невыносимо громко играетъ!

— Да. Это мода въ этомъ году. Бѣдный мальчикъ!

— Потомъ рѣшили, что операція, все равно, его не спасетъ.

Обрэ прочистилъ себѣ горло, какъ будто охрипъ отъ простуды. У него на лбу выступили капли пота.

— Вѣроятно, нигдѣ оконъ не отворено, — сказалъ онъ съ раздраженіемъ.—Невыносимо жарко!

— Я этого не чувствую, — возразила лэди Кэриль. — Мы только-что собрались уѣзжать.

— Тѣмъ лучше, потому что, видите ли, онъ, вѣроятно, умретъ рано утромъ.

— Какъ, утромъ?

— Да.

— Какой ужасъ!

— Онъ желаетъ... ему хотѣлось бы... Вы знаете, у умирающихъ являются странныя фантазіи...

— Въ самомъ дѣлѣ? Я не люблю думать о смерти.

Въ тонѣ ея голоса послышалось нѣкоторое упорство. Обрэ этого не замѣтилъ. Онъ былъ мучительно возбужденъ, хотя казался спокойнымъ и сидѣлъ неподвижно рядомъ съ нею.

— Его отвезли домой, въ... въ Милькъ-Кортъ. Это близко отъ театра, то-есть, не очень далеко. Послушайте, Кэриль,—вы не захотите туда поѣхать сейчасъ?

Она сдѣлала движеніе, и ея платье слегка зашуршало.

— Я!—проговорила она быстро.—Зачѣмъ? Для чего? Что-жъ я могу сдѣлать?

— Конечно, ничего, чтобы спасти его, бѣдняжку.

— Ну, да, вотъ именно. Эти вещи ужасны, но ничего не подѣлаешь. При немъ есть докторъ, конечно?

Дама съ удивительными брилліантами опять пронеслась мимо нихъ. Лэди Кэриль внимательно прослѣдила за нею глазами.

Digitized by Google

— Докторъ ничего не можетъ подѣлать. Кэриль, онъ васъ хочетъ видѣть.

— Меня?

Обрэ снова откашлялся.

— Моя мать уже тамъ. Она вѣдь отлично умѣетъ ухаживать.

— А я совсѣмъ не умѣю.

— Не въ этомъ дѣло. Онъ именно видѣть васъ хочетъ.

— Но, право, это странно! Зачѣмъ?

Съ каждой фразой ея голосъ звучалъ холоднѣе.

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что, видите ли, Кэриль, онъ сдѣлалъ этотъ прыжокъ, отъ котораго онъ умретъ черезъ нѣсколько часовъ... онъ сдѣлалъ его для васъ, несчастный! Онъ не подготовился къ нему. Онъ думалъ... онъ хотѣлъ...

Обрэ остановился и плотно сжалъ губы. Онъ сердился на самого себя. Наконецъ, онъ проговорилъ очень быстро:

— Онъ хотѣлъ сдѣлать что-нибудь необыкновенное, чтобы понравиться вамъ.

— Какъ это странно!

— Это было просто безуміе, но онъ самый... я никогда не видалъ болѣе смѣлаго мальчика. И вотъ теперь онъ поплатился за это. Но передъ смертью онъ хочетъ васъ видѣть. Послушайте, Кэриль, вы не пугайтесь. Тамъ нѣтъ ничего такого... ужаснаго. Это поврежденіе—вѣдь оно внутреннее, вы понимаете. У него такой же видъ, какъ обыкновенно, увѣряю васъ—только онъ очень блѣденъ. Онъ совершенно...

— Я не могу ѣхать,—сказала лэди Кэриль, и лицо ея исказилось выраженіемъ отвращенія.

— Но, Кэриль...

— Я не могу... я не могу!—Она произнесла это рѣзко.

— Но, Кэриль, почему же? Заѣзжайте хоть на нѣсколько минутъ. Ему хочется, чтобы вы ему сказали... вы... ему... это дико, я знаю... онъ хочетъ, чтобы вы ему сказали, что вамъ было интересно въ театрѣ... понимаете... что его представленіе доставило вамъ удовольствіе.

— Да, да. Вы ему это и скажите. Поѣзжайте и скажите ему это. Бѣдный мальчикъ!

Она отколола нѣсколько бѣлыхъ лилій отъ своего корсажа.

— Вотъ, возьмите и передайте ихъ ему вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ. Скажите, что онѣ были на мнѣ весь вечеръ, и что я ихъ ему посылаю, что я опечалена... огорчена... что мнѣ очень понравилось его представленіе... что я нахожу его чудес-

Digitized by Google

нымъ... Рёбенъ, Рёбенъ!—позвала она мужа.—Поѣдемъ домой. До свиданія, м-ръ Геррикъ!

— Зачѣмъ ты дала Обрэ лиліи? — спросилъ сэръ Рёбенъ, когда они садились въ карету.

— Я просила его передать ихъ этому бѣдному мальчику. Онъ сильно расшибся. Я подумала, что цвѣты доставятъ ему удовольствіе, утѣшатъ его, можетъ быть.

— Кэриль!

Въ каретѣ было темно, но по голосу было слышно, что сэръ Рёбенъ растроганъ. Онъ взялъ жену за руку.

— Вотъ какая ты добрая!

И по тону его голоса можно было заключить, что онъ немного удивленъ.

— Я надѣюсь, что это не кончится плохо,—продолжалъ онъ.

— О, я тоже надѣюсь. Съ акробатами вѣдь часто бываютъ такіе случай, не правда ли?.. и потомъ они поправляются?

— Конечно. Дастъ Богъ, и на этотъ разъ все кончится благополучно. Я радъ, что ты послала эти лиліи.

Онъ поцѣловалъ ее въ темнотѣ кареты, и почувствовалъ, что щека ея болѣе горяча, чѣмъ обыкновенно.

IV.

Обрэ вышелъ въ Портманъ-Сквэръ, держа въ рукахъ лиліи лэди Кэриль. Ихъ душный, нездоровый ароматъ производилъ на него впечатлѣніе чего-то искусственнаго. Онъ чувствовалъ, что ненавидитъ эти цвѣты, но держалъ ихъ очень осторожно, стоя на мостовой, передъ рядомъ каретъ съ зажженными фонарями. Человѣкъ побѣжалъ ему за извозчикомъ. Дожидаясь его, онъ слышалъ еще звуки оркестра, игравшаго лансье. Лакеи, стоявшіе кучкой у дверей, смотрѣли на цвѣты, которые онъ держалъ въ рукахъ, перешептывались и улыбались. Обрэ обрадовался, когда, наконецъ, подъѣхалъ извозчикъ.

Весь погруженный въ свои мысли, откинулся онъ на спинку экипажа, и даже вздрогнулъ, услыхавъ неожиданно голосъ извозчика:

— Куда прикажете, сэръ?

— Поѣзжайте въ Милькъ-Кортъ, Грэмъ-Стритъ, — сказалъ онъ.

— Куда, сэръ? — переспросилъ извозчикъ удивленнымъ голосомъ.

Digitized by Google

— Милькъ-Кортъ, близъ Чампіонъ-Сквэра. Поѣзжайте какъ можно скорѣе!

— Вотъ такъ штука! — пробормотатъ извозчикъ, закрывая дверцу маленькаго окошечка, черезъ которое говорилъ.—Милькъ-Кортъ!

Онъ стегнулъ лошадей, и рядъ ожидавшихъ каретъ промелькнулъ и исчезъ изъ глазъ. Обрэ не смотрѣлъ кругомъ. Тяжелый ароматъ лилій раздражалъ его нервы. Онъ подумалъ о томъ, гдѣ эти лиліи будутъ скоро лежать, и снова испыталъ желаніе, часто являвшееся у него и прежде: ему хотѣлось узнать, чувствуютъ ли что-нибудь цвѣты. Если чувствуютъ, то какими безпомощными должны они сознавать себя въ рукахъ людей! Эти лиліи взяли изъ бальнаго зала, чтобы положить ихъ, быть можетъ очень скоро, на грудь мертвеца.

— Это Чампіонъ-Сквэръ, сэръ,—раздался голосъ извозчика.—Точно-то я не знаю, гдѣ Грэмъ.

Обрэ далъ ему указанія, куда ѣхать, и скоро показались высокія, красныя съ бѣлымъ строенія Милькъ-Корта.

Подойдя къ большому дому, въ которомъ жили Слэги, Обрэ испыталъ чувство трусости, почти ужаса. Ему казалось, что горе надвигается на него какъ непобѣдимый врагъ. Онъ простоялъ нѣсколько времени во дворѣ, прежде чѣмъ собрался съ духомъ и рѣшился постучать въ ту дверь, въ которую въ первый разъ ввела его Діамонда, вечеромъ въ день своего рожденія. Ему необыкновенно ясно вспомнился этотъ вечеръ: счастливая группа родственниковъ, собравшаяся у огня, картина на стѣнѣ, изображавшая туристку въ пелеринкѣ; вспомнились замѣчанія присутствовавшихъ и ясно представилась фигура Альфа въ то время, какъ онъ соскальзывалъ со спинки стула къ столу, накрытому для ужина. Все это вспомнилось такъ живо—и вмѣстѣ съ тѣмъ казалось такимъ далекимъ. Наконецъ онъ постучалъ въ дверь. Немедленно послышался звукъ шаговъ, и Бобъ слегка пріотворилъ дверь.

— Она не пріѣхала, сэръ?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ, увидавъ что Обрэ стоитъ одинъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Обрэ, переступая черезъ порогъ.

Бобъ взглянулъ на лиліи.

— Когда же она пріѣдетъ, сэръ?

Обрэ покачалъ головой.

— Какъ!—вырвалось у Боба.—Вѣдь онъ просто—я ужъ и не знаю...

Обрэ направился въ гостиную, дверь которой была полу-

Digitized by Google

открыта. Оттуда доносился шопотъ голосовъ. Войдя, Обрэ увидалъ, что комната полна народа. Всѣ стояли, какъ будто ожидая, что ихъ сейчасъ позовутъ. Всѣ Фликн были въ сборѣ, кромѣ Вогсала. М-съ Слэгъ и Лиль плакали, уткнувши лицо въ платокъ. М-ръ Слэгъ, страшно блѣдный и съ остановившимися глазами, выпятилъ впередъ губы и какъ будто собирался засвистать. Когда Обрэ вошелъ въ комнату, то шопотъ сразу стихъ, и всѣ устремили глаза на него и на его лиліи. Только обѣ женщины, едва взглянувъ на него, продолжали плакать, отвернувшись къ стѣнѣ. Было что-то страшное въ этой кучкѣ молчаливо выжидающихъ людей.

М-ръ Слэгъ первый прервалъ молчаніе. Неестественно тихимъ голосомъ, какимъ говорятъ въ церкви, онъ спросилъ:

— М-ръ Геррикъ, сэръ, такъ, значитъ, эта лэди не пріѣдетъ?

— Она... она не можетъ пріѣхать,—сказалъ Обрэ, тщетно стараясь принять непринужденный видъ.—Она прислала вотъ эти цвѣты. Она очень опечалена и огорчена.

Какими холодными и пустыми показались ему самому эти слова!

— Ну, что̀ Альфъ?—спросилъ онъ.

М-ръ Слэгъ опять сжалъ и выпятилъ губы.

— Плохо, очень плохо, сэръ. Докторъ, кажется, сейчасъ выйдетъ. Онъ не можетъ ничего подѣлать.

Наступившее молчаніе было прервано приходомъ доктора. Онъ тихо вошелъ, застегивая перчатки. Это былъ пожилой, крѣпко сложенный человѣкъ съ добродушнымъ лицомъ. Всѣ глаза устремились на него. Даже обѣ женщины повернули къ нему свои заплаканныя лица. Онъ взялъ м-ра Слэга подъ руку и увелъ его въ коридоръ. Было слышно, какъ они тамъ шептались, потомъ донесся звукъ удаляющихся шаговъ и тихо закрывшейся двери.

М-ръ Слэгъ вернулся въ комнату, оглядѣлъ присутствовавшихъ и откашлялся, точно собирался говорить рѣчь. Онъ произнесъ торжественно:

— Докторъ говоритъ, что ему нечего дѣлать. Онъ придетъ еще разъ утромъ—если понадобится.

М-ръ Фликъ вдругъ обернулся къ нему и сказалъ съ глухимъ раздраженіемъ.

— Понадобится! Что̀ онъ подъ этимъ разумѣетъ? Конечно, понадобится.

— Видишь ли,—м-ръ Слэгъ, казалось, собирался съ силами, чтобы сдѣлать что-то необычайно трудное:—видишь ли,—по-

Digitized by Google

вторилъ онъ,—я ужъ тебѣ прямо скажу, Самъ. Мертвому докторовъ не нужно.

М-ръ Фликъ приподнялся со стула. Обрэ показалось, что онъ готовъ ударить Слэга. Потомъ онъ опять упалъ на стулъ, вытянулъ свои могучія руки и уронилъ на нихъ голову. Въ коридорѣ послышался легкій шелестъ, и лэди Рангклифъ просунула голову въ дверь.

— Пожалуйста, подите сюда!—сказала она, обращаясь къ женщинамъ.—Нужно поскорѣе согрѣть еще припарку.

Лиль поднялась вся дрожа.

— Пойдемъ, мама!—проговорила она сквозь рыданія.

Она взяла мать подъ руку. М-съ Слэгъ встала и послѣдовала съ ней въ кухню. Лэди Рангклифъ прослѣдила за ними глазами и сдѣлала знакъ Обрэ, чтобы онъ вышелъ къ ней въ коридоръ. Обрэ повиновался и заперъ за собою дверь. Въ коридорѣ было довольно темно. Лэди Рангклифъ стояла рядомъ съ сыномъ совсѣмъ близко и глядѣла ему въ лицо своими близорукими глазами.

— Гдѣ же она, Обрэ?—спросила она, нервно подергивая головой.—Онъ все спрашиваетъ, когда она пріѣдетъ.

Обрэ густо покраснѣлъ. Одно мгновеніе онъ колебался. Потомъ, въ первый разъ въ жизни, онъ сказалъ своей матери сознательную ложь.

— Мама, я нашелъ, что не слѣдуетъ привозить ее сюда.

— Почему, Обрэ? — спросила лэди Рангклифъ, наклоняя голову, чтобы лучше слышать.

— Я нашелъ, что ей лучше не пріѣзжать. Она слишкомъ молода. Она еще никогда... никогда не видала (голосъ его перешелъ въ шопотъ)... смерти.

— Ты хочешь сказать, что не просилъ ее пріѣхать?—сказала лэди Рангклифъ, нарочно пристально глядя въ лицо сына.

Обрэ наклонилъ голову и протянулъ ей лиліи.

— Она была ужасно огорчена и прислала вотъ эти цвѣты. Она отколола ихъ отъ своего платья, чтобы прислать ему.

Но лэди Рангклифъ не взяла лиліи. Она стояла неподвижно, и лицо ея въ полумракѣ приняло странно суровое выраженіе. Она указала ему на боковую дверь.

— Обрэ, ты можешь повторить ему эту ложь,—сказала она.—Да... постарайся... сдѣлай такъ, чтобы онъ повѣрилъ. Не нужно его больше мучить.

И она быстро замигала глазами, уходя въ кухню.

Обрэ остался одинъ въ коридорѣ, колеблясь и не зная,

Digitized by Google

что дѣлать. Его вдругъ стали одолѣвать тоска и усталость. Черезъ минуту онъ машинально пошелъ за матерью и заглянулъ черезъ дверь въ кухню.

Тамъ былъ разведенъ огонь. Раскаленные уголья ярко освѣщали очагъ. Лэди Рангклифъ стояла у кухоннаго стола, дожидаясь припарки. Передъ нею былъ разложенъ кусокъ кисеи. Фамильныя драгоцѣнности, украшавшія ея длинную, тонкую шею, сверкали при огнѣ.

Стоя въ ожиданіи, она то-и-дѣло подергивала головой, и тѣнь, отбрасываемая на стѣнѣ ея фигурой, повторяла то же движеніе,—только тѣнь производила болѣе комичное, безобразное впечатлѣніе. М-съ Слэгъ и Лиль были заняты подогрѣваніемъ овсяной муки и сопровождали свою работу рыданіями.

— Дай мнѣ, пожалуйста, ложку, мама!—проговорила Лиль, всхлипывая.

— Какую ложку, Лиль?—спросила та едва слышно.

— Деревянную. Ахъ, мама,—это убьетъ Вогсала! Ахъ, это его убьетъ!

Овсяная мука начала дымиться.

Обрэ, стоя въ дверяхъ, почувствовалъ ея запахъ.

— Что, уже горячо?—спросила лэди Рангклифъ дѣловымъ тономъ.

— Да, милэди,—всхлипнула Лиль.

— Ну, отлично. Несите ее сюда, я заверну въ кисею.

Лиль взяла деревянную ложку и, переложивъ муку на тарелку, понесла ее къ столу, но ея руки такъ дрожали, что тарелка выскользнула, упала на полъ и разбилась. Молодая женщина бросилась на стулъ и разразилась истерическими рыданіями, повторяя:

— Не могу я, не могу... О, Альфъ! Альфъ!

Лэди Рангклифъ опустилась на колѣни, быстро собрала муку и завернула ее въ кисею. Потомъ взяла другую тарелку, положила на нее припарку и направилась къ дверямъ. Но прежде чѣмъ уйти, она подошла къ Лиль, нагнулась къ ней, поцѣловала и сказала:

— Ничего, моя милая. Постарайтесь быть твердой. Вспомните, что мы должны сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы облегчить его страданія.

— Да, да,—проговорила Лиль.—Но только это такъ ужасно! Я такъ боюсь...

Обрэ былъ понятенъ ея страхъ. Ему казалось, что узкій

Digitized by Google

коридоръ, въ которомъ онъ стоялъ, былъ весь полонъ какого-то ужаса. Проходя мимо сына, лэди Рангклифъ остановилась.

— Когда я положу ему эту припарку, то ты можешь войти, Обрэ,—сказала она.—Это облегчитъ его на нѣсколько минутъ. Бѣдный ребенокъ! Онъ мужественъ, какъ левъ—такая сила воли!—И она ушла, оставляя за собою легкіе клубы пара отъ горячей муки. Черезъ три или четыре минуты она вернулась.

— Теперь можешь войти,—прошептала она.

Обрэ двинулся по коридору, ожидая чего-то ужаснаго. Подойдя къ двери той комнаты, гдѣ лежалъ Альфъ, онъ постучалъ. Діамонда отворила дверь. У нея всегда было блѣдное лицо, и теперь она была все та же, только въ ея широко раскрытыхъ глазахъ появилось особенно напряженное выраженіе. Увидавъ Обрэ, она кивнула ему и посмотрѣла на лиліи.

— Онъ васъ спрашиваетъ,—прошептала она.—Онъ уже знаетъ, что она не пріѣдетъ.

Обрэ снова почувствовалъ тотъ же острый стыдъ, который испыталъ, когда солгалъ своей матери.

— Вогсъ здѣсь,—продолжала Діамонда.—Онъ не хочетъ уйти ни на минуту.

Она шире растворила дверь, и Обрэ вошелъ въ комнату. Стѣны ея были оклеены дешевыми сѣрыми обоями съ разбросанными по нимъ пучками красныхъ цвѣтовъ. Возлѣ одного изъ узкихъ оконъ, выходившихъ во дворъ, стоялъ рукомойникъ съ мѣднымъ тазомъ. У этого же окна, опираясь въ стѣну спиной, стоялъ Вогсалъ. Онъ снялъ пальто и въ своемъ черномъ съ серебромъ костюмѣ производилъ странное, неподходящее и театральное впечатлѣніе, какъ будто нарядился для какой-нибудь игры или маскарада. Его сильныя, мускулистыя руки были скрещены на могучей груди, и онъ стоялъ совершенно неподвижно, устремивъ глаза на узкую желѣзную кровать, на которой лежалъ его братъ.

Обрэ тоже взглянулъ туда съ чувствомъ мучительнаго страха. Онъ смутно ожидалъ увидѣть что-то ужасное, что собственно—онъ самъ не зналъ.

Альфъ лежалъ на спинѣ; голова его ушла въ мягкую подушку, которая, приподнимаясь вокругъ лица, на половину закрывала уши. Волосы его все еще были прилизаны и прилѣплены ко лбу, покрытому потомъ. Лицо его было совсѣмъ бѣлое. Чтобы облегчить немного невыносимую боль, онъ подобралъ колѣни подъ пестрымъ одѣяломъ, такъ что ступни его ногъ стояли прямо на простынѣ. Его руки были вытянуты вдоль ту-

Digitized by Google

ловища и пальцы судорожно сжаты, а ротъ полу-открытъ. Отъ времени до времени онъ начиналъ тяжело дышать. Когда Обрэ посмотрѣлъ на него, то онъ чуть-чуть повернулъ голову и попробовалъ кивнуть. Возлѣ кровати стоялъ камышевый стулъ.

— Садитесь, сэръ,—сказалъ Альфъ. — Голосъ его звучалъ какъ обыкновенно, только въ немъ слышалась какая-то сухость.

Обрэ сѣлъ. Альфъ вопросительно посмотрѣлъ на лиліи. Обрэ тихонько положилъ ихъ ему на кровать.

— Зачѣмъ это?—спросилъ Альфъ, глядя на цвѣты, но не трогая ихъ.

Обрэ почувствовалъ, что недостаточно владѣетъ своимъ голосомъ, и потому ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что же, сэръ?—спросилъ Альфъ.

— Это она прислала ихъ вамъ въ знакъ своей дружбы.

— Она... какъ, эта лэди?

— Да. Эти цвѣты были на ней. Она отколола ихъ отъ своего платья и дала ихъ мнѣ, чтобы я отвезъ ихъ вамъ.

— А! — произнесъ Альфъ и, съ усиліемъ взглянувъ вбокъ на своего брата, прибавилъ:

— Выйди на минуту, Вогсъ. Хорошо?

Вогсалъ отрицательно покачалъ головой.

— Да, Вогсъ, прошу тебя,—сказалъ Альфъ капризно, двигая нетерпѣливо ногами подъ одѣяломъ.—Говорю тебѣ, уйди!

— Зачѣмъ?—спросилъ Вогсалъ, не двигаясь.

— Я хочу поговорить съ...

Онъ не договорилъ и заскрежеталъ зубами. Все лицо его исказилось.

Обрэ содрогнулся.

— Ради Бога, лежи смирно, Альфъ, и не разговаривай! — сказалъ Вогсалъ. Онъ тоже весь дрожалъ.

Въ комнатѣ наступила тишина. Капли пота сбѣгали со лба Альфа и текли по щекамъ. Онъ судорожно сжималъ руками стеганое одѣяло. Глаза его были устремлены въ потолокъ. На лицѣ его было сердитое выраженіе. Наконецъ онъ опять повторилъ:

— Уходи, Вогсъ, уходи!

На этотъ разъ въ его голосѣ было что-то такое, что заставило его брата послушаться. Онъ тихо направился къ двери, открылъ ее и вышелъ, не оглянувшись. Альфъ посмотрѣлъ на Обрэ и на лиліи.

— Значитъ, она не пріѣдетъ,—сказалъ онъ.

Обрэ покачалъ головой. Онъ не былъ въ состояніи передать словами отказъ лэди Кэриль.

Digitized by Google

— А почему она не пріѣдетъ?—спросилъ Альфъ.—А?

Ему на минуту стало легче и онъ разжалъ пальцы.

— Было очень поздно,—заикаясь, пробормоталъ Обрэ.

Онъ все-таки не могъ послушаться матери. Онъ не могъ произнести лжи этому маленькому существу, стоявшему на порогѣ великой истины.

— Ей не захотѣлось пріѣхать,—сказалъ Альфъ.

Онъ помолчалъ, и потомъ прибавилъ:

— Но все равно. Это не важно.

Произнося эти слова, онъ сдѣлалъ умышленное или нечаянное движеніе, и лиліи лэди Кэрилъ упали съ постели на полъ. Онъ, казалось, не замѣтилъ этого. Безумная жалость овладѣла Обрэ.

— Она можетъ пріѣхать завтра,—сказалъ онъ.

— Ну, это ужъ ни къ чему, — повторилъ Альфъ, и Обрэ ничего не могъ ему отвѣтить.

— Ну, да это ничего, — проговорилъ мальчикъ, какъ будто говоря съ самимъ собою и отвѣчая на собственныя мысли. Потомъ онъ посмотрѣлъ на Обрэ.

— Ну, а понравилось ей — спросилъ онъ — представленіе-то? А?

— Да.

— Это вѣрно?

— Вѣрно. Я знаю. Она нашла... она нашла его великолѣпнымъ.

— Ну хорошо.

Двѣ или три минуты онъ лежалъ спокойно съ неподвижно поднятыми колѣнями. Казалось, онъ усиленно думалъ. Наконецъ, онъ проговорилъ:

— Вы знаете Кинга?

— Ну да, конечно.

— Онъ славный малый—Кингъ. Вы какъ думаете?

— Да,—отвѣчалъ Обрэ.—Но, кажется, онъ не особенно нравится миссъ Діамондѣ.

Альфъ повернулъ голову на подушкѣ и пристально посмотрѣлъ на него.

— Да, потому что вы ей нравитесь, сэръ.

— Я? Я только хочу, чтобы она была счастлива.

Альфъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Видите ли что, сэръ, — сказалъ онъ. — Порѣшимъ это дѣло. Я не могу больше оберегать Ди. Сегодняшнее паденіе меня прикончило.

Digitized by Google

— Но вы можете поправиться.

— Нѣтъ, со мной все кончено, — повторилъ онъ. — Я не слыхалъ, что̀ говорилъ докторъ, да мнѣ этого и не нужно. Когда Вогсъ поднялъ меня изъ сѣтки, для меня все уже стало ясно.

Обрэ положилъ руку на горячую руку Альфа.

— Если вамъ что-нибудь отъ меня нужно,—сказалъ онъ,— то говорите все прямо.

— Оставьте Ди, сэръ. Оставьте ее совсѣмъ. Перестаньте видаться съ нею. Вы ей нравитесь.

— Мы друзья.

— Вы благороднаго происхожденія, а она—нѣтъ. Перестаньте видаться съ нею, и они столкуются съ Кингомъ. Теперь этого не можетъ случиться, пока вы тутъ. Не будьте другомъ Ди,—изъ этого не выйдетъ толка. Пусть она поплачетъ и будетъ думать, что вы—такой же, какъ другіе,—такой же, какъ этотъ газетный писака.

— Это ужасно тяжело!—сказалъ Обрэ.

— А мнѣ не тяжело оставлять ее безъ защитника!?

Въ первый разъ, казалось, онъ подумалъ о себѣ съ жалостью, и слезы сверкнули въ его маленькихъ глазахъ.

— Хорошо, я не буду видаться съ Діамондой, — сказалъ Обрэ, глядя въ сторону.—Можетъ быть, вы и правы. Но я никогда не хотѣлъ сдѣлать ей никакого зла.

— Я знаю, что не хотѣли. Бѣдная... бѣдная Ди!

Въ комнатѣ стало тихо. Блѣдный свѣтъ проникъ въ окно, только отчасти закрытое тонкой бѣлой сторой. Это былъ свѣтъ луны, умиравшей отъ близости разсвѣта. Альфъ тяжело вздохнулъ. Обрэ быстро повернулся къ нему.

— Альфъ!—проговорилъ онъ почти страстно:—видитъ Богъ какъ я хотѣлъ бы сдѣлать для васъ что-нибудь.

— Вы уже сдѣлали, сэръ. Я чувствую облегченіе, право. Вогсъ теперь можетъ войти, а вы, пожалуйста... пожалуйста, попросите эту высокую даму дать мнѣ лекарство, которое докторъ оставилъ на случай, если ужъ... мнѣ совсѣмъ станетъ плохо.

Послѣднія слова были произнесены быстро и перешли въ тихій сдерживаемый плачъ. Обрэ поспѣшно всталъ. Отворивъ дверь, онъ почти наткнулся на Вогсала, который стоялъ какъ разъ за дверью въ коридорѣ. Вогсалъ взглянулъ на него и бросился въ спальную.

— Мама! мама!—позвалъ Обрэ:—гдѣ ты?

Лэди Рангклифъ поспѣшно вышла изъ кухни, и въ то же время дверь гостиной отворилась, и м-ръ Фликъ показался на по-

Digitized by Google

рогѣ. Онъ стоялъ въ полосѣ свѣта, уставившись глазами на лэди Рангклифъ и Обрэ.

— Мама,—поспѣшно проговорилъ Обрэ:— иди помочь ему. Тебѣ докторъ далъ какое-то лекарство—онъ требуетъ его... Ужасно!

— Что такое хотите вы дѣлать съ моимъ мальчикомъ?— сказалъ м-ръ Фликъ невѣжливымъ, грубымъ тономъ, не владѣя собою отъ страха и любви.—Я не хочу, чтобы съ нимъ что-нибудь дѣлали. И что это значитъ, что докторъ его такъ оставилъ?

Онъ сталъ посреди коридора, загораживая своей огромной фигурой путь въ комнату Альфа, а сыновья столпились въ дверяхъ. Лэди Рангклифъ показала ему коробочку съ лекарствомъ.

— Это морфій,—сказала она.—Онъ облегчитъ его страданія. Пожалуйста, пропустите меня и позвольте дать ему лекарство.

— А ему это не повредитъ?

— Нѣтъ, это спасетъ его отъ невыносимой боли.

Изъ спальни раздался призывающій крикъ Альфа:

— Лэди, лэди!

Его голосъ былъ ужасенъ. М-ръ Фликъ задрожалъ и отступилъ. Лэди Рангклифъ прошла въ спальную. Тогда всѣ братья Флики вышли въ коридоръ. Ихъ сильныя, мужественныя лица были пепельнаго цвѣта отъ ужаса. Всѣ они стояли прислушиваясь и затаивъ дыханіе. Они услыхали, какъ Альфъ задыхался, и какъ шуршало платье лэди Рангклифъ, а потомъ раздался тихій жуткій звукъ. Это Воксалъ рыдалъ, прислонившись къ окну и закрывая руками уши.

— Что это такое?—спросилъ м-ръ Фликъ.

Діамонда вышла въ коридоръ и взяла его подъ-руку.

— Пойдемте отсюда, пойдемте! — прошептала она и увела его назадъ въ гостиную.—Теперь вы всѣ должны сидѣть смирно, —сказала она нѣжно.—Лэди поможетъ ему. — Она заставила его сѣсть и снова вышла. Въ коридорѣ она встрѣтилась съ лэди Рангклифъ, которая сказала ей:

— Черезъ нѣсколько минутъ ему станетъ легче отъ морфія. Онъ васъ спрашиваетъ.

Діамонда вошла въ комнату Альфа. Агонія уже началась, и глаза его были обращены на дверь.

Воксалъ опирался о косякъ окна, схватившись руками за голову. Онъ не издавалъ никакого звука, только плечи его вздрагивали. Альфъ сдѣлалъ Діамондѣ знакъ, чтобы она сѣла у кро-

Digitized by Google

вати. Она взяла его руку и держала ее въ своихъ до тѣхъ поръ, пока морфій не началъ дѣйствовать. Онъ вытянулъ ноги и вздохнулъ разъ или два.

— Теперь лучше?—спросила Діамонда. Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Мнѣ хочется видѣть Сузи,—сказалъ онъ,—и Чарли.

— Они ужъ легли. Женни съ ними.

— Но вѣдь они не спятъ еще!—сказалъ Альфъ.

Повидимому ему казалось невѣроятнымъ, чтобы кто-нибудь въ домѣ могъ спать.

— Зачѣмъ ты хочешь ихъ видѣть, Альфъ?—спросила Діамонда.

— Потому что мнѣ такъ хочется. Развѣ нельзя?

Діамонда встала и пошла въ дѣтскую.

— Женни,—сказала она, тихонько отворяя дверь:—Женни!

Женни подошла съ блѣднымъ заплаканнымъ и испуганнымъ лицомъ.

— Что такое?

— Дѣти спятъ?

— Да. Они ужасно плакали, но наконецъ заснули. А что?

— Альфъ хочетъ ихъ видѣть.

— Зачѣмъ? О, Ди, ему лучше?

Діамонда покачала головой.

— Нѣтъ, не думаю. Это не то.

Слезы покатились по щекамъ Женни.

— Что же, разбудить ихъ?—спросила она сквозь рыданія.

— Ужъ не знаю,—отвѣтила Ди, колеблясь.

Она вошла въ комнату и посмотрѣла на Сузи и Чарли, крѣпко спавшихъ въ своихъ маленькихъ кроваткахъ. Розовые кулачки Сузи лежали на бѣломъ одѣялѣ. Чарли держалъ одинъ палецъ въ полу-открытомъ рту. Они ровно и тихо дышали.

— Жалко будить,—сказала Діамонда.

— Но только... о, Женни! Если мы теперь ихъ не разбудимъ, то утромъ, пожалуй, будетъ слишкомъ поздно.

— Слишкомъ поздно! Для кого, Ди? — спросила Женни нервнымъ голосомъ.

— Для Альфа,—отвѣтила Діамонда. Женни ничего не сказала и сѣла на край кровати. Діамонда раздумывала.

— Женни,—сказала она наконецъ. — Мы ихъ возьмемъ и отнесемъ къ Альфу. Постарайся не разбудить ихъ. А тамъ пусть онъ дѣлаетъ, что захочетъ. Ты возьми Сузи.

Она нагнулась и съ большой осторожностью взяла на руки

Digitized by Google

младшаго брата. Онъ пробормоталъ что-то и сдѣлалъ движеніе руками, но не проснулся. Дѣти были въ изнеможеніи послѣ всѣхъ волненій, испытанныхъ въ теченіе вечера. Когда Діамонда и Женни внесли дѣтей къ Альфу, то онъ зашевелился на кровати.

— Они спятъ! — прошепталъ онъ, увидѣвъ ихъ закрытые глаза.

— Разбудить ихъ? — спросила Діамонда.

— Нѣтъ, не нужно. Поднесите ихъ ко мнѣ.

Діамонда нагнулась къ нему, держа Чарли на рукахъ. Альфъ пристально поглядѣлъ на ребенка, погладилъ его свѣсившуюся ручку и сказалъ:

— Теперь Сузи.

Женни подошла, опустилась на колѣни у кровати и вдругъ расплакалась.

— Тише! — прошепталъ Альфъ, но Сузи уже открыла глаза. Она посмотрѣла на Альфа затуманеннымъ взглядомъ и надула розовыя губы. Съ большимъ трудомъ Альфъ приподнялъ голову, чтобы поцѣловать ее.

— Прощай, прощай, Сузи! — тихо сказалъ онъ.

— Прощай! — повторила Сузи неяснымъ тонкимъ голоскомъ.

Голова Альфа откинулась на подушку. Дѣтей унесли въ дѣтскую. Когда они проснулись утромъ, Альфъ уже не могъ больше цѣловать ихъ. Морфій оказалъ свое благотворное дѣйствіе. На нѣкоторое время боли значительно уменьшились, но на разсвѣтѣ агонія возобновилась, и онъ видимо сталъ слабѣть. Лэди Рангклифъ шепнула Діамондѣ, чтобы она позвала отца и братьевъ. Они всѣ пришли и стали вокругъ кровати, глядя на маленькаго брата, который всегда былъ ихъ общей гордостью. Діамонда послѣдняя поцѣловала его. Тогда Альфъ слабо прошепталъ имя Вогсала. Тотъ подошелъ, взялъ его за руку, крѣпко сжалъ и почти грубо потрясъ ее.

— Одинъ бы денекъ поупражняться, и ты бы отлично спрыгнулъ, — сказалъ онъ громко, наклоняясь надъ постелью.

Альфъ слабо двинулся, вытянулся и остался неподвижнымъ.

V.

Когда Альфъ умеръ, Обрэ съ матерью вышли на зарѣ въ Ковентъ-Гарденъ. Небо было сѣрое и холодное, и вѣтеръ поднималъ и кружилъ соръ, скопившійся на грязныхъ камняхъ мо-

Digitized by Google

стовой. Лэди Рангклифъ шагала, укутавшись въ свою накидку и повязавъ голову чернымъ кружевнымъ шарфомъ. Передъ лавочкой съ навѣсомъ, въ глубинѣ которой лежало множество красныхъ розъ, она остановилась.

— Мнѣ нужно цвѣтовъ,—сказала она, обращаясь къ торговцу, маленькому, блѣдному человѣку.—Пожалуйста, дайте мнѣ пучокъ побольше.

Торговецъ подалъ ей букетъ красныхъ розъ и сказалъ цѣну.

— Съ тобой есть деньги, Обрэ? У меня ничего нѣтъ,— проговорила она.

Обрэ дрожащими руками съ трудомъ вытащилъ изъ кошелька соверенъ.

„Эта парочка возвращается съ пирушки“,—подумалъ маленькій продавецъ, умудренный опытомъ.

Онъ внутренно расхохотался, посмотрѣвъ на лэди Рангклифъ, и подивился, какъ можно было выбрать такую странную даму для кутежа.

— Нужно сейчасъ же отнести эти цвѣты тутъ недалеко, черезъ дорогу,—сказала лэди Рангклифъ.

— Куда именно, сударыня?—спросилъ маленькій человѣкъ съ возростающимъ удивленіемъ.

Лэди Рангклифъ назвала нумеръ въ Милькъ-Кортѣ, подождала, пока посланный не ушелъ съ цвѣтами, и тогда отправилась дальше въ сопровожденіи сына. Скоро имъ попался кэбъ, она остановила его и сѣла въ экипажъ. Обрэ захлопнулъ дверцу.

— Ты не поѣдешь со мною, Обрэ?—спросила она.

Онъ отрицательно покачалъ головою. Его лицо казалось сѣрымъ при утреннемъ свѣтѣ. На минуту онъ облокотился на дверцу экипажа.

— Зачѣмъ ты послала эти цвѣты, мама?—спросилъ онъ.

Лэди Рангклифъ не отвѣчала.

— Я знаю,—сказалъ Обрэ.—Тебѣ хотѣлось... хотѣлось прикрыть ея лиліи.

— Я послала ему свѣжія розы; бѣдняжка вполнѣ заслужилъ ихъ,—сказала лэди Рангклифъ.

Обрэ отнялъ руки отъ дверцы, и кучеръ стегнулъ своихъ жалкихъ клячъ.

Только въ эту минуту Обрэ отдалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что думала его мать о лэди Кэриль. До сихъ поръ онъ былъ слишкомъ взволнованъ и оглушенъ быстротой и ужасомъ предшествовавшихъ событій. Онъ сознавалъ ясно только одно— полнѣйшую неохоту возвращаться именно теперь въ Паркъ-Лэнъ,

Digitized by Google

и черезъ нѣсколько времени стоялъ на широкомъ подъѣздѣ своего родительскаго дома въ Итонъ-Сквэрѣ. Лэди Рангклифъ отворила ему, прежде чѣмъ онъ успѣлъ позвонить.

— Я думала, что ты, можетъ быть, придешь, Обрэ,—сказала она спокойно.—Пройди въ комнату отца. Его нѣтъ дома.

Больше она ничего не сказала, повернулась и быстро пошла по лѣстницѣ наверхъ. Обрэ почувствовалъ къ ней нѣжную благодарность за ея молчаніе и за то, что она оставила его одного.

Когда все кругомъ проснулось, ему было необходимо отправиться въ Паркъ-Лэнъ. Онъ твердо сознавалъ свои обязанности въ качествѣ наемнаго помощника своего крестнаго отца и совершенно не хотѣлъ уклоняться отъ нихъ. Часть его гардероба оставалась въ домѣ отца. Онъ переодѣлся, напился чаю въ отцовскомъ кабинетѣ, надѣлъ шляпу и перчатки. Было одиннадцать часовъ утра. Съ минуту онъ колебался, идти ли ему къ матери передъ уходомъ. Потомъ спустился въ нижній этажъ и остановился передъ дверью будуара лэди Рангклифъ. Онъ услышалъ, какъ она ходила по комнатѣ, съ шумомъ заперла что-то, и отворилъ дверь. Лэди Рангклифъ обернулась, чтобы посмотрѣть, кто вошелъ. Обрэ приблизился къ ней и неожиданно поцѣловалъ ее.

— Спасибо тебѣ за эту ночь, мама! — проговорилъ онъ и быстро вышелъ изъ комнаты, оставивъ мать всю вспыхнувшей, какъ молодая дѣвушка.

Придя въ Паркъ-Лэнъ, Обрэ отворилъ дверь собственнымъ ключомъ и прошелъ въ свои комнаты. На письменномъ столѣ лежало множество писемъ, на которыя онъ долженъ былъ отвѣчать. Онъ сѣлъ и принялся за работу. Черезъ полчаса вошелъ сэръ Рёбенъ. Онъ тотчасъ же замѣтилъ выраженіе утомленія и почти ужаса на лицѣ своего крестника.

— Ну, что этотъ бѣдный мальчикъ?—спросилъ онъ, садясь у стола и плотнѣе надвигая феску на свои жидкіе волосы.

— Онъ умеръ сегодня рано утромъ,—отвѣчалъ Обрэ, распечатывая конвертъ и пробѣгая глазами письмо.

Лицо сэра Рёбена выразило искренній ужасъ.

— Умеръ... Боже мой!—сказалъ онъ.—Что же, онъ сильно страдалъ?

— Очень сильно,—отвѣтилъ Обрэ.—Тутъ вотъ есть письмо отъ Перкинса по поводу закладной,—прибавилъ онъ.

Онъ прочелъ письмо вслухъ.

Сэръ Рёбенъ посмотрѣлъ на него сначала съ изумленіемъ, потомъ съ жалостью, понявъ причину его страннаго поведенія.

Digitized by Google

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить объ этомъ мальчикѣ,—сказалъ онъ.

Онъ увидалъ, что Обрэ вздрогнулъ, но все-таки продолжалъ:

— Кэриль такъ волновалась о немъ. Она будетъ ужасно огорчена.

Обрэ ничего не сказалъ.

— Онъ былъ въ сознаніи до конца?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Да.

— И онъ взялъ лиліи?

— Да.

Голосъ Обрэ звучалъ холодно и принужденно. Тонъ его поразилъ сэра Рёбена.

— Съ ея стороны это было такъ мило—послать ихъ ему!?—сказалъ онъ, какъ будто спрашивая.—А обрадовался онъ имъ, бѣдняжка?

Обрэ вдругъ посмотрѣлъ на своего крестнаго отца.

— Да какъ онѣ могли бы доставить ему удовольствіе?

— Но почему же? Я тебя не понимаю.

— Вѣдь онъ хотѣлъ совсѣмъ другого.

— Да чего же такого онъ хотѣлъ?

— Видѣть самоё лэди Кэриль.

Наступило минутное молчаніе. Потомъ сэръ Рёбенъ началъ:

— Что такое ты хочешь сказать? Онъ хотѣлъ... онъ просилъ...

— Видѣть ее передъ смертью. Да. Я пріѣхалъ на балъ съ его порученіемъ... и она дала мнѣ лиліи.

Сэръ Рёбенъ опять поправилъ свою феску. Въ его глазахъ было странное выраженіе,—не то печальное, не то горько-насмѣшливое. Онъ думалъ о томъ, какъ поцѣловалъ свою жену въ каретѣ, когда они возвращались съ бала. Въ эту самую минуту раздался стукъ въ дверь, и вошла лэди Кэриль. Обрэ всталъ, чтобы поздороваться съ нею.

— Ну, что?—спросила она.—Что этотъ бѣдный мальчикъ? Отдали вы ему мои цвѣты?

— Да,—отвѣчалъ Обрэ.

— Онъ былъ доволенъ? Что онъ сказалъ?

— Не помню.

Сэръ Рёбенъ былъ пораженъ сходствомъ голосовъ Обрэ и его матери, когда онъ проговорилъ эту отрывистую фразу.

— Ну, а теперь, какъ онъ себя чувствуетъ?—продолжала лэди Кэриль.

Digitized by Google

Она подошла къ письменному столу и стояла, положивъ на него одну руку.

— Онъ умеръ,—проговорилъ Обрэ безъ всякаго волненія.

Лэди Кэриль отступила назадъ.

— Умеръ!—воскликнула она недовѣрчиво.—Уже умеръ!

— Онъ умеръ нѣсколько часовъ тому назадъ,— сказалъ Обрэ.

— Какой ужасъ!—проговорила она.

— Было еще гораздо ужаснѣе, пока онъ былъ живъ.

— Ахъ, не говорите!—сказала она, протягивая руку, какъ будто для того, чтобы остановить его.—Не надо!

— Онъ получилъ твои цвѣты, Кэриль,— сказалъ сэръ Рёбенъ.—Они не опоздали.

— Ну, это хорошо, я рада.

Она произносила слова быстро, направляясь къ мужу.

— Я еще пошлю цвѣтовъ. Бѣдный мальчикъ!

— О цвѣтахъ не безпокойтесь,—сказалъ Обрэ.—Моя мать уже послала множество цвѣтовъ. Она была при немъ до конца.

— Твоя мать!—проговорилъ сэръ Рёбенъ.—До конца!

Онъ оглянулся на жену. Лэди Кэриль сказала въ отвѣтъ на этотъ взглядъ:

— Лэди Рангклифъ училась ухаживать за больными.

— А-а!—протянулъ сэръ Рёбенъ.—Вотъ въ чемъ дѣло.

Онъ готовъ былъ разсмѣяться, вспомнивъ опять о своемъ поцѣлуѣ въ каретѣ. Лэди Кэриль все еще стояла возлѣ его кресла, какъ бы не зная, что ей дѣлать.

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ!—снова повторила она.

Обрэ не обращалъ на нее вниманія. Онъ смотрѣлъ на письма, разложенныя на столѣ, видимо желая продолжать работу. Лэди Кэриль воспользовалась этимъ.

— Я не буду вамъ мѣшать,—сказала она, поворачиваясь, чтобы уйти. — У меня, собственно, не было никакого дѣла къ вамъ, а только я не могла удержаться, чтобы не придти узнать, что тамъ дѣлалось. Меня это такъ безпокоило. А теперь—какой ужасъ... ужасъ!

Она вышла изъ комнаты. Обрэ усѣлся, чтобы продолжать работу, а сэръ Рёбенъ помѣстился у противоположнаго края стола; посматривая отъ времени до времени на Обрэ. Лицо молодого человѣка было блѣдно и сурово, и сэръ Рёбенъ подумалъ: „Наконецъ, мой урокъ принесъ ему пользу. Теперь онъ ее знаетъ“. Но потомъ вспомнилъ собственное заблужденіе и подивился своей способности обманываться, несмотря на долгій жизненный опытъ.

Digitized by Google

Вѣдь онъ ласкалъ Кэриль послѣ концерта Аннѝ, подумавъ, на мгновеніе, что она будетъ жалѣть его, если онъ умретъ. Вѣдь онъ поцѣловалъ ее въ темнотѣ кареты, возвращаясь съ бала, растроганный тѣмъ, что она послала лиліи умирающему акробату. Даже онъ могъ обманываться! А этотъ юноша—развѣ ему могъ когда-нибудь пойти въ пользу урокъ, трудный до такой степени, что даже старикъ, выучившій его давнымъ-давно, забывалъ его съ такою легкостью?

— Сэръ Рёбенъ, — сказалъ Обрэ, когда утренняя работа была окончена:—мнѣ нужно... я хочу поговорить съ вами.

— Что̀ такое, мой милый?

Обрэ опустилъ глаза.

— Я долженъ прекратить мои занятія у васъ.

— А-а!—произнесъ сэръ Рёбенъ.

— Вы были слишкомъ добры ко мнѣ, но все-таки я долженъ отказаться.

— Не назвавъ мнѣ причины?

Обрэ все еще стоялъ, опустивъ глаза, какъ будто ему было очень стыдно, но онъ старался побороть въ себѣ это чувство.

— Я не знаю, могу ли я назвать какую-нибудь причину,—отвѣтилъ онъ тихо.—Но я долженъ уйти. Мнѣ очень жаль.

Сэръ Рёбенъ понялъ то чувство горечи, которое омрачало юную душу Обрэ именно теперь.

— Я не стану тебя удерживать,—сказалъ онъ спокойно.—Но мнѣ будетъ очень недоставать тебя.

— Мнѣ ужасно жаль,—повторилъ Обрэ.

Больше они ничего не сказали другъ другу, да и не время было разговаривать. Въ тотъ же день лэди Рангклифъ получила слѣдующую телеграмму:

„Урокъ, который мнѣ хотѣлось дать,—кажется, принесъ пользу. — Рёбенъ Аллабрутъ“:

Къ вечеру явился и Обрэ со своими вещами.

— Я проживу у тебя нѣсколько дней, мама, если можно,—сказалъ онъ.—Я бросилъ занятія у сэра Рёбена. Ты вѣдь знаешь,—онъ это все придумалъ только для меня. Въ сущности, ему никого не нужно.

Лэди Рангклифъ не стала разсуждать по поводу случившагося, но въ ея обращеніи съ сыномъ въ этотъ вечеръ чувствовалась особенная, скрытая нѣжность.

Обрэ отправился на похороны маленькаго Альфа. На него этотъ обрядъ произвелъ самое странное впечатлѣніе. До тѣхъ поръ онъ ни разу не бывалъ на похоронахъ. Онъ стоялъ на

Digitized by Google

Бромптонскомъ кладбищѣ въ толпѣ людей, какихъ прежде я представить себѣ не могъ. Среди нихъ было много разныхъ акробатовъ, явившихся отдать послѣдній долгъ тому, кто стоялъ во главѣ ихъ всѣхъ, несмотря на свой дѣтскій возрастъ. Были тамъ и балетныя танцовщицы, принесшія цвѣты, чтобы осыпать ими могилу. Были и балаганные актеры, съ широкими, какъ будто сдѣланными изъ резины лицами; были всякаго рода горбуны и другіе уроды, умѣвшіе извлекать пользу изъ своихъ физическихъ недостатковъ на потѣху публики съ извращеннымъ вкусомъ; были силачи, разрывавшіе цѣпи; мимическіе актеры и кулачные бойцы съ бычачьими затылками, любившіе Альфа за его удивительную смѣлость и безстрашіе. Большинство этихъ людей совсѣмъ не привыкло слушать торжественныя слова и изреченія изъ священнаго писанія или думать серьезно о жизни, не имѣющей ничего общаго съ ихъ профессіей. По непривычкѣ, они чувствовали себя неловко и непріятно, помимо огорченія, причиненнаго имъ потерею „добраго маленькаго товарища“. Нѣкоторые изъ нихъ косились на балетныхъ танцовщицъ и начали было улыбаться, но опомнились и, сдѣлавъ страшное усиліе, приняли видъ, долженствовавшій, по ихъ мнѣнію, выражать покорность волѣ Всемогущаго. Особенно трагическое выраженіе было у профессіональныхъ комиковъ. Можетъ быть, это былъ для нихъ настоящій отдыхъ отъ ихъ публичной дѣятельности.

Всѣ чудо-Флики стояли впереди толпы. Они были неузнаваемы въ своихъ приличныхъ случаю черныхъ парахъ и высокихъ цилиндрахъ съ широкими траурными перевязями.

Впрочемъ, шляпы теперь были сняты, и они стояли съ обнаженными головами. Ихъ костюмы сглаживали то, что было особеннаго въ ихъ наружности. Ихъ великолѣпное сложеніе и удивительные мускулы были скрыты, и они принимали неуклюжія позы, неловко переступая ногами въ блестящихъ кожаныхъ башмакахъ. Теперь Вогсалъ былъ самымъ младшимъ изъ братьевъ. Онъ смотрѣлъ на яму, вырытую въ землѣ, и переводилъ глаза на гробъ съ тѣломъ мальчика, которымъ онъ такъ гордился. Никогда не разлучаясь съ Альфомъ, онъ привыкъ видѣть его въ постоянномъ движеніи. Альфъ не только самъ былъ очень живой, но его дьявольская ловкость оживляла, казалось, всѣ неодушевленные предметы, которыхъ онъ касался. Поэтому было что-то неестественное и страшное въ его теперешнемъ спокойствіи. Лиль стояла рядомъ съ мужемъ, глядя на него испуганными глазами. Діамонда держала за руки Сузи и Чарли. Сузи плакала. Но Чарли былъ слишкомъ возбужденъ новизною положенія,

Digitized by Google

чтобы предаваться горю. Онъ таращилъ глаза то въ одну, то въ другую сторону, стараясь понять ужасную сцену, происходившую вокругъ него. Отъ времени до времени его вниманіе на минуту или на двѣ всецѣло поглощалось его новымъ чернымъ костюмомъ и короткими черными чулками, отъ которыхъ его голенькія ноги казались особенно бѣлыми. Потомъ его занялъ ящикъ, стоявшій по срединѣ толпы. Онъ указалъ на него пальцемъ, дернулъ Діамонду за платье и прошепталъ:

— А тамъ-то что?

Діамонда взглянула на него, покачала головой и зарыдала. Это испугало Чарли, и, видя, что и Сузи плачетъ, онъ заплакалъ самъ, уткнувъ лицо въ платье Діамонды. М-ръ Слэгъ взялъ его на руки и невнятно прошепталъ ему какія-то слова утѣшенія. Очутившись такъ высоко, Чарли немного успокоился и уставился глазами на пастора съ черными бакенбардами удивительныхъ размѣровъ.

Все вниманіе Обрэ было обращено на маленькій кружокъ людей, для которыхъ Альфъ былъ главнымъ жизненнымъ интересомъ, гордостью и радостью. Онъ смотрѣлъ на заплаканное лицо Діамонды и вспоминалъ, какъ она разъ сказала:

— Развѣ Альфъ можетъ когда-нибудь успокоиться!..

Упало нѣсколько капель дождя. Балетныя танцовщицы торопливо раскрывали зонтики и подбирали подолы платьевъ.

Когда наступила послѣдняя минута и гробъ скрылся отъ глазъ, то Обрэ подумалъ о Кэриль. Ея холодная, чарующая красота была причиной этого трагическаго случая съ Альфомъ, а слѣдовательно и этой церемоніи. Это она вырыла могилу и опустила въ нее трупъ мальчика.

Дождь барабанилъ по зонтикамъ, и толпа торопливо расходилась.

Обрэ сдержалъ слово, данное имъ умершему мальчику. Онъ не пошелъ повидать Діамонду послѣ похоронъ. Онъ написалъ ей письмо съ выраженіемъ сочувствія, и получилъ очень оффиціальный отвѣтъ. Послѣ этого онъ совсѣмъ бросилъ знакомство съ нею. Альфъ просилъ его быть жестокимъ, и онъ былъ жестокъ, быть можетъ, болѣе всего къ самому себѣ. Покровитель Діамонды исчезъ, но Обрэ сказалъ самому себѣ, что теперь ее и нечего было оберегать. А о собственномъ одиночествѣ онъ не думалъ.

Лэди Рангклифъ удивлялась, почему онъ никогда не упоминалъ о семьѣ, въ трагической судьбѣ которой былъ замѣшанъ.

Digitized by Google

Она сама изрѣдка посѣщала Милькъ-Кортъ, и замѣтила, что Діамонда никогда не заговаривала объ Обрэ.

Это двойное молчаніе смущало и волновало ее. Обрэ никогда не разсказывалъ ей, какъ познакомился съ Діамондой. Ей хотѣлось бы знать, какъ это произошло, но она не думала ничего дурного ни объ этой простой и теперь такой грустной молодой дѣвушкѣ, ни о своемъ сынѣ. Иногда она отправлялась на Бромптонское кладбище и отвозила цвѣты на могилу „бѣднаго мальчика".

VI.

Въ обществѣ продолжали оживленно толковать о лэди Кэриль и сэрѣ Рёбенѣ. Многихъ удивляла та невозмутимая ясность, съ какой она принимала драгоцѣнности, сыпавшіяся на нее градомъ. Что касалось сэра Рёбена, то въ немъ ясности не было. Его беззаботная щедрость напоминала собою быстро ростущее капризное тропическое растеніе, особенно пышно расцвѣтающее передъ увяданіемъ. Къ нему ужъ подползало сѣдое, унылое чувство старости, и тяжелый, безпощадный звѣрь давилъ ему грудь, и онъ не могъ стряхнуть его. Въ припадкахъ своей расточительной щедрости онъ находилъ какое-то острое услажденіе. Нѣкоторые люди чувствовали, что было что-то ужасное въ его жаждѣ дарить, и, правда, онъ дарилъ для того, чтобы избавиться отъ ужаса. Но Кэриль не принадлежала къ числу этихъ чуткихъ людей, и онъ зналъ, что она никогда не пойметъ его. Въ своихъ мысляхъ она всегда отожествляла его съ драгоцѣнными камнями. Нѣкоторые думали, что въ ней было что-то неестественное и что она любила своего мужа, другіе—что она была ловкой притворщицей. Но она не любила и не притворялась. Его поступки ее вполнѣ удовлетворяли. Его страстная щедрость дѣлала ее счастливой. У нея не было желанія понять его сложную натуру. Она довольствовалась тѣмъ, что мужъ понималъ ее. Все скрытое и тайное въ его жизни для нея не существовало. Духъ умершей креолки не преслѣдовалъ ея. Она не прислушивалась къ тому, что говорили въ городѣ, къ перешептыванью дѣльцовъ, хорошо знакомыхъ со всѣми хитросплетеніями финансовыхъ операцій. Она не замѣчала того вниманія, съ какимъ всѣ къ ней относились, а вмѣстѣ съ тѣмъ о ней толковали вездѣ, начиная съ высшаго свѣта и кончая воровскими притонами.

Иногда правда такъ же странно всплываетъ на поверхность лондонской жизни, какъ и ложь. Настоящая причина смерти

Digitized by Google

Альфа скоро стала всѣмъ извѣстна. Онъ, недостаточно напрактиковавшись, сдѣлалъ необыкновенный прыжокъ, только чтобы доставить удовольствіе лэди Кэриль. Этотъ прыжокъ убилъ его, а она отказалась придти на минуту къ его смертному одру и сказать ему, что ей понравилось его представленіе. Какими-то незамѣтными путями отъ убитой горемъ семьи разсказъ объ этомъ распространился повсюду и сдѣлался предметомъ обсужденій.

Но въ теченіе сезона произошло еще нѣчто болѣе интересное, что взволновало особенно женщинъ. Смерти маленькаго акробата не придавали особеннаго значенія. Альфъ былъ божествомъ въ Милькъ-Кортѣ, и балетныя танцовщицы плакали надъ его могилой. Но Аннò былъ богомъ въ гораздо болѣе широкихъ сферахъ, и дамы не изъ балета готовы были заплакать, еслибы съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе. Аннò принялъ ангажементъ въ Оперу на лѣто. Онъ нигдѣ не пѣлъ послѣ концерта въ Паркъ-Лэнѣ и не показывался въ парижскомъ обществѣ. Въ газетахъ передавалось много слуховъ о немъ. Писали, что онъ потерялъ голосъ, былъ боленъ, собирался бросить сцену и заняться сельскимъ хозяйствомъ. Всѣ эти слухи благополучно замолкли, когда было объявлено, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ и будетъ пѣть въ теченіе всего сезона.

Лэди Сэнтъ-Орминъ была въ восторгѣ. Она вернулась изъ-за границы съ нѣсколькими новыми protégés и множествомъ удивительныхъ парижскихъ платьевъ.

Аннò выступилъ первый разъ въ оперѣ въ половинѣ мая. По обыкновенію онъ исполнялъ партію верховнаго жреца, и его поклонники собрались во множествѣ, чтобы шумно привѣтствовать его. Лэди Сэнтъ-Орминъ сидѣла въ своей ложѣ бенуара возлѣ сцены, Аллабруты—недалеко отъ нея. М-съ Паркинсонъ, въ желтомъ бархатѣ и съ желтыми украшеніями, занимала кресло въ партерѣ. Всѣ критики были на лицо, перешептывались или дѣлали замѣтки въ записныхъ книжкахъ. Въ концѣ третьяго акта одинъ изъ нихъ сказалъ другому:

— Ради Бога, что̀ такое съ Аннò?

— Я думаю, онъ не въ духѣ,—отвѣчалъ тотъ.

— Самое непріятное пѣніе, какое я когда-либо слышалъ.

— Прежней мягкости и прелести его голоса—какъ не бывало!

— Мнѣ кажется, что онъ поетъ, какъ человѣкъ, не любящій музыки,—сказалъ второй критикъ, обладавшій нѣкоторою тонкою проницательностью.

— Не простудился ли онъ, переѣзжая каналъ, — сказала

Digitized by Google

лэди Сэнтъ-Орминъ молодому композитору, произведенія котораго отличались необыкновенной сладостью.

Сэръ Рёбенъ нагнулся къ лэди Кэриль. Ея сверкающіе брилліанты привлекали въ этотъ вечеръ вниманіе даже самыхъ искреннихъ любителей музыки, тѣснившихся толпой на галлереѣ.

— Кэриль,—сказалъ онъ:—слышишь ли ты, что ты сдѣлала съ его голосомъ?

Занавѣсъ снова взвился. Аннѝ, въ широкомъ, расшитомъ облаченіи, стоялъ на неудобныхъ ступеняхъ храма. Его могучія руки были воздѣты къ небу, и онъ началъ пѣть торжественный гимнъ, который подхватывала толпа неопрятныхъ итальянцевъ, стоявшихъ внизу. Кэриль стала слушать. Голосъ Аннѝ звучалъ хрипло и сухо, какъ будто жрецъ былъ разсерженъ.

— Слушай! слушай!—произнесъ сэръ Рёбенъ, касаясь руки своей жены.—Слышишь? Эта нота!—а эта!—и онъ улыбнулся ей.

— Ты находишь, что онъ не въ голосѣ, Рёбенъ?

Она оглядѣла публику и потомъ поднесла бинокль къ глазамъ, чтобы разсмотрѣть сапфиры, сверкавшіе краснымъ огнемъ на платьѣ какой-то дамы въ противоположной ложѣ.

— Прискорбно, весьма прискорбно!—сказалъ Поль Виллэ, авторъ „Пѣсни о жемчужинѣ“.

Онъ сидѣлъ въ ложѣ бенуара съ дородной вдовствующей графиней и черноволосой отставной актрисой, на которой недавно женился.

— Настоящее посрамленіе!—добавилъ онъ.

Видъ онъ имѣлъ растолстѣвшаго, и тонъ очень авторитетный. Онъ зарабатывалъ теперь восемь гиней въ часъ, давая уроки пѣнія и „создавая“ голоса по новой методѣ, которая, по его словамъ, была ему открыта во снѣ.

Вдовствующая графиня согласилась, что хоръ пѣлъ отвратительно.

— Нѣтъ, нѣтъ—Аннѝ! — воскликнулъ Виллэ.—Его голосъ въ ужасномъ состояніи. Онъ долженъ обратиться ко мнѣ. Mon Dieu! Послушайте, какъ онъ беретъ это fa!

— Аннѝ слѣдуетъ истолочь въ ступкѣ,—сказала одна остроумная молодая дѣвица въ партерѣ высокому господину, большому любителю охоты, сидѣвшему съ нею рядомъ и почти заснувшему.

— Ступка должна быть побольше, — отвѣчалъ любитель охоты, зѣвая.

На верху, на галлереѣ, гдѣ на деревянныхъ скамейкахъ помѣщались люди болѣе развитые умственно и лучше и серьезнѣе

Digitized by Google

относившіеся къ музыкѣ, было высказано еще болѣе замѣчаній и сердечныхъ сожалѣній. Широкоплечій, бородатый человѣкъ, съ партитурой въ рукахъ и въ широкомъ костюмѣ цвѣта горчицы, замѣтилъ, что Аннѝ пѣлъ безъ всякой искренности.

— Голосъ у него не въ порядкѣ,— сказалъ онъ.—Но въ его пѣніи есть еще что-то худшее. Онъ весь какъ будто не въ порядкѣ. А обыкновенно онъ бывалъ такъ великолѣпенъ въ этой партіи.

Онъ покачалъ своей львиной головой, а маленькая женщина, въ скромномъ зеленомъ платьѣ, сидѣвшая съ нимъ рядомъ, прошептала:

— Да, Вильямъ, я также это замѣтила.

Аннѝ привыкъ встрѣчать повсюду удачу. При немъ всегда находился его услужливый, дѣятельный слуга—его искусство. Теперь все измѣнилось. Искусство возмутилось, и онъ былъ поставленъ втупикъ. Онъ не могъ растрогать лэди Кэриль своимъ пѣніемъ, возненавидѣлъ музыку и сталъ относиться къ ней презрительно. Онъ проклиналъ свое долгое и терпѣливое служеніе искусству. Воспоминаніе о годахъ ученія было ему невыносимо. Всѣ жертвы, принесенныя имъ музыкѣ, вставали вокругъ него какъ привидѣнія, то блѣдныя и трагическія, то злыя и насмѣшливыя. Въ юности, когда жизнь распахивала передъ нимъ двери, онъ захлопнулъ эти двери, отказался отъ всякаго удовольствія и весь предался непрерывному труду. И вотъ какова была его награда. Одна потеря заставила его забыть весь прежній успѣхъ. Перемѣна, происшедшая съ его голосомъ, стала басней всего города, и вслѣдствіе этого на воображеніе всѣхъ еще сильнѣе стала дѣйствовать ослѣпительная фигура лэди Кэриль, возвышавшаяся надъ жизненнымъ водоворотомъ въ блескѣ своего знаменитаго изумруда, на которомъ была вырѣзана ея судьба. Ея странная любовь къ драгоцѣннымъ камнямъ сдѣлалась извѣстной лондонскимъ оккультистамъ, звѣздочетамъ, гадалкамъ и ясновидящимъ. Одна гадалка явилась къ лэди Кэриль, была принята и изрекла слѣдующее пророчество:

— Я вижу васъ счастливой во мракѣ, куда никогда не придетъ ни одинъ изъ вашихъ друзей, съ человѣкомъ, котораго ни одинъ изъ вашихъ друзей не захочетъ знать. И тамъ, во мракѣ, вы носите большой драгоцѣнный камень, у васъ много денегъ и вы покинуты всѣми людьми, которые теперь васъ окружаютъ.

Лэди Кэриль улыбнулась, напоила гадалку чаемъ, подарила ей золотой и въ тотъ же вечеръ, послѣ обѣда, разсказала обо

Digitized by Google

всемъ сэру Рёбену. Онъ нахмурился и посмотрѣлъ на нее съ страннымъ выраженіемъ.

— Ты вѣришь предсказаніямъ, Рёбенъ?—спросила она.

— Иногда они сбываются,—отвѣтилъ онъ.

Въ тотъ же день, вернувшись домой, онъ снова упомянулъ о своемъ желаніи увидать Кэриль при свѣтѣ южнаго солнца.

— Будущей зимой мы поѣдемъ путешествовать,—сказалъ онъ.—Я увезу тебя за океанъ, въ тѣ мѣста, гдѣ у меня были рабы.

Вдругъ онъ схватилъ ее за руки и посмотрѣлъ на ея красивое лицо; предъ нимъ блеснули украшавшіе ее брилліанты.

— Счастливая!—проговорилъ онъ, повторяя слова предсказанія.—Во мракѣ—съ человѣкомъ, котораго не захочетъ знать ни одинъ изъ твоихъ друзей. Кэриль, гдѣ же я тогда буду?

Его лицо исказилось выраженіемъ страсти, а глаза его пытливо наблюдали за нею. Казалось, онъ соображалъ что-то.

— Большой драгоцѣнный камень—это твой изумрудъ,—продолжалъ онъ, какъ будто говоря съ самимъ собою:—да,—изумрудъ. Съ нимъ ты будешь счастлива. Я понимаю—понимаю. Но вѣдь я далъ тебѣ его. Я бы долженъ былъ быть тѣмъ человѣкомъ.

Онъ выпустилъ ея руки и сѣлъ на диванъ, все еще слѣдя за нею глазами, въ которыхъ мелькало выраженіе подозрительности.

— Когда я поѣду,—продолжалъ онъ,—я вѣдь могу и тебя взять съ собою. Ты должна путешествовать со мною повсюду, гдѣ бы я ни былъ! Вѣдь я далъ тебѣ счастье—я!

— Да, Рёбенъ,—сказала она.—И я всюду поѣду съ тобою.

— Ну, а если это будетъ невозможно?—проговорилъ онъ въ полголоса.

— Почему? Какой ты странный сегодня!..

Теперь его взглядъ устремился на ея изумрудъ, и выраженіе страстной ненависти появилось въ его глазахъ. Онъ указалъ на изумрудъ своимъ худымъ, смуглымъ пальцемъ.

— Это останется,—произнесъ онъ хрипло.—Мой даръ останется, а я... Иди ложиться спать, Кэриль,—иди ложиться!

Онъ быстро отвернулся отъ нея. Она послушалась и вышла изъ комнаты. Какой-то инстинктъ подсказалъ ей не надѣвать ея изумруда нѣсколько дней послѣ этого разговора. Она любовалась на него тайкомъ, и ей очень хотѣлось, чтобы мужъ совсѣмъ забылъ о немъ.

Въ теченіе всего сезона сэръ Рёбенъ повсюду сопровождалъ

Digitized by Google

жену. Всѣ привыкли видѣть его маленькую, сгорбленную фигуру, двигавшуюся по многолюднымъ пріемнымъ комнатамъ, слегка шаркая ногами, или сидѣвшую, устало откинувшись на спинку кресла въ оперѣ. Лэди Кэриль была весела, и онъ хотѣлъ, чтобы ее вездѣ видѣли такою. Онъ всегда жалѣлъ восточныхъ людей, которые скрываютъ отъ чужихъ глазъ свои сокровища. Въ этомъ отношеніи ему больше нравились европейскіе нравы, тѣмъ болѣе, что самъ онъ въ глубинѣ души оставался некультурнымъ человѣкомъ. Его радовало, что Кэриль приносила несчастіе людямъ. Когда всѣ стали говорить, что Аннѝ потерялъ голосъ, то онъ подумалъ объ умершей креолкѣ,—и почувствовалъ удовлетвореніе. Аннѝ стали гораздо меньше приглашать пѣть въ концертахъ, чѣмъ въ прежніе годы, и оперная дирекція стала относиться къ нему пренебрежительно,—онъ былъ заходящей звѣздой,—но сэръ Рёбенъ написалъ ему, приглашая пѣть въ Паркъ-Лэнѣ. А Поль Виллэ явился къ нему, настойчиво совѣтуя подвергнуть свой голосъ вліянію его новой методы. Сэръ Рёбенъ предложилъ ему щедрое вознагражденіе, а Поль Виллэ—цѣлый рядъ даровыхъ уроковъ. Аннѝ послалъ Виллэ къ чорту, позвонилъ лакею и велѣлъ ему вывести Виллэ и никогда больше не принимать. Предложеніе сэра Рёбена онъ отклонилъ, отказавшись пѣть въ концертѣ, устроиваемомъ лэди Кэриль. Сэръ Рёбенъ улыбался, читая письмо. Виллэ сталъ ѣздить повсюду, браня Аннѝ и разсказывая о его неблагодарности.

— Кто, какъ не я,—восклицалъ онъ,—способствовалъ его величайшему успѣху, давъ ему первому спѣть мою „Пѣсню о жемчужинѣ“!

Аннѝ, крайне тщеславный по натурѣ, испытывалъ адскія мученія. Когда онъ входилъ въ театръ на репетиціи, то въ глазахъ его появлялось дикое подозрительное выраженіе. А въ обществѣ онъ всегда бывалъ на сторожѣ, опасаясь какого-нибудь знака невниманія,—все ему казалось признакомъ того, что онъ потерялъ свое прежнее обаяніе. Аннѝ теперь часто имѣлъ удовольствіе видѣть Поля Виллэ, окруженнаго обожательницами, въ то время какъ его едва замѣчали.

Разъ онъ былъ приглашенъ пѣть въ концертѣ, устроенномъ м-съ Паркинсонъ. На этомъ концертѣ были Аллабруты, monsieur и madame Виллэ, лэди Сэитъ-Орминъ и все свѣтское музыкальное общество. Аннѝ пѣлъ хрипло и нетвердо, безъ настоящей законченности и безъ всякой тонкости выраженія. Онъ видѣлъ, какъ Виллэ пожималъ плечами. Въ концѣ вечера новый баритонъ, изъ Парижа, спѣлъ „Пѣсню жемчужины“ съ измѣнен-

Digitized by Google

нымъ концомъ. Виллэ аккомпанировалъ ему. Всѣ были въ восторгѣ. Аннѝ рано уѣхалъ. Черезъ два или три дня онъ явился къ лэди Кэриль и засталъ ее дома одну. Она протянула ему руку. Онъ поклонился, не беря ея руки, и когда лакей вышелъ изъ комнаты, сказалъ:

— Вы довольны, милэди? Вы рады? Скажите мнѣ!—Онъ говорилъ грубо, едва владѣя своимъ голосомъ и глядя пристально на лэди Кэриль, которая смотрѣла на него съ спокойнымъ удивленіемъ.

— Что вы хотите сказать, monsieur?—спросила она.

— Развѣ вы не смѣетесь надъ моей гибелью? Не смѣетесь вмѣстѣ съ Виллэ, вмѣстѣ со всѣмъ Лондономъ?

— Надъ вашей гибелью! Но вы не погибли. Что такое вы говорите?

— Я говорю то, что всѣ говорятъ. Сила моего пѣнія исчезла. Говорятъ, что мой талантъ погибъ. Это вы—вы его погубили. Говорятъ, что я не умѣю больше управлять моимъ голосомъ. А развѣ я не умѣлъ управлять имъ до встрѣчи съ вами? Я утверждаю, что умѣлъ. Онъ подчинялъ мнѣ все общество, это общество, которое теперь смѣется надо мною, mon Dieu! Я покорялъ всѣхъ, кого хотѣлъ, до встрѣчи съ вами. Я отдалъ моему искусству все—юность, умъ, силы физическія и нравственныя. Я все принесъ ему въ жертву,— о, эти жертвы!.. Но для васъ это непонятно. Вы никогда не приносили никакихъ жертвъ. Вы довольствуетесь тѣмъ, что принимаете ихъ отъ другихъ. Но я—я былъ рабомъ музыки—говорю вамъ,—чтобы сдѣлать музыку моимъ рабомъ—слышите—моимъ? Все, что я хотѣлъ имѣть, я получилъ, благодаря музыкѣ, все—все, до встрѣчи съ вами.

— Monsieur Аннѝ!..

— Я любилъ музыку—и говорю вамъ, что я любилъ ее за то, что она для меня дѣлала и давала мнѣ. Теперь я ненавижу ее за то, что она не хочетъ для меня сдѣлать, и отъ ненависти къ ней я падаю, падаю все ниже. Мой голосъ еще здѣсь!—быстрымъ движеніемъ онъ поднялъ руку и коснулся своего горла.—Глупцы говорятъ, что онъ пропалъ. Я утверждаю, что онъ не пропалъ. Но какъ могу я управлять голосомъ, предавая его проклятію? Скажите мнѣ—вы! Всѣ они смѣются, и Виллэ вмѣстѣ съ другими,—этотъ человѣкъ, котораго я спасъ отъ голодной смерти! Они не хотятъ меня больше слушать. И все это отъ того, что вы—вы смѣялись, вы не слушали, вы сопротивлялись, вы презирали мое пѣніе настолько же, насколько вы презираете

Digitized by Google

все и всѣхъ,—этого юношу, который отъ васъ уѣхалъ,—вашего мужа,—все—все, кромѣ вашего огромнаго изумруда!..

Въ немъ чувствовалось страстное возбужденіе. Глаза у него были точно у сумасшедшаго.

Лэди Кэриль, пытавшаяся вначалѣ остановить потокъ его рѣчи, теперь сидѣла совершенно молча. Лицо ея приняло холодное и жестокое выраженіе, но глаза были устремлены на Аннò съ видимымъ интересомъ.

— Вашъ изумрудъ,—повторилъ онъ,—говорятъ, что это—единственная вещь, которую вы любите, которая васъ трогаетъ. А! Теперь вы слушаете! Теперь вы слышите! Такъ и есть! Значитъ, правду говорятъ!

Вдругъ онъ потерялъ всякое самообладаніе, нагнулся впередъ и воскликнулъ:

— О! еслибы я могъ вырвать — еслибы я могъ такъ же вырвать его у васъ, какъ вырвали вы все у меня! Еслибъ я—еслибъ я...

Онъ рѣзкимъ движеніемъ поднялъ руки, какъ бы собираясь схватить что-то, и протянулъ ихъ къ груди лэди Кэриль.

Она внезапно вскочила. Все спокойствіе въ ней исчезло. Она имѣла видъ страшно взволнованный, страшно испуганный. Она схватилась руками за грудь и остановилась у двери. Въ эту самую минуту дверь изъ передней отворилась, и сэръ Рёбенъ вошелъ въ комнату. Она схватила его за руку одной рукой, продолжая держать другую на груди.

— Рёбенъ! Рёбенъ!—воскликнула она, задыхаясь, хриплымъ отъ ужаса голосомъ. Потомъ, повернувшись къ Аннò, она прошептала въ лицо ему:

— Воръ!

Она опустила взглядъ къ себѣ на грудь. Тамъ не сверкало никакого драгоцѣннаго камня. Сэръ Рёбенъ слегка поддерживалъ ее, глядя на пѣвца и ожидая объясненія отъ него. Аннò подошелъ къ нимъ. Въ лицѣ его появилось выраженіе какого-то дикаго любопытства. Онъ остановился совсѣмъ близко отъ нихъ и произнесъ:

— Онъ у нея тутъ, онъ у нея тутъ—спрятанъ—эта единственная вещь, которую она любитъ! Обыщите ее и увидите!

Потомъ онъ повернулся, чтобы уходить, и, уже держась за ручку двери, сказалъ, обращаясь къ сэру Рёбену:

— Вы не боитесь? Вы не боитесь прикасаться къ ней? Да что она такое? Что она такое?—Больше онъ не произнесъ ни

Digitized by Google

слова. Казалось, онъ былъ въ ужасѣ отъ лэди Кэриль и поспѣшно вышелъ изъ дома.

Сэръ Рёбенъ отстранилъ руку жены и коснулся ея груди. Онъ почувствовалъ что-то твердое, спрятанное подъ платьемъ. Она вскрикнула и оттолкнула его руку.

— Ахъ, Кэриль!—сказалъ онъ:—береги свое сокровище, но не забывай, что это я его тебѣ подарилъ, и не бойся меня.

Тогда она обвила руками его шею и спрятала лицо у него на груди.

VII.

Аннò не пѣлъ больше въ этомъ году въ оперѣ. Онъ попросилъ дирекцію освободить его отъ контракта, ссылаясь на нездоровье. М-ръ Вильсонъ объявилъ ему покровительственнымъ тономъ, что онъ можетъ уѣхать во всякое время безъ всякой помѣхи и препятствій со стороны дирекціи.

— Примите мой совѣтъ, Аннò, дружище,—сказалъ онъ,—дайте отдохнуть вашему голосу. Разводите розы, займитесь сельскимъ хозяйствомъ и садоводствомъ. Желаю вамъ всего хорошаго. Бернардинъ будетъ исполнять ваши партіи.—Бернардинъ былъ новый баритонъ, котораго м-ръ Вильсонъ отыскалъ гдѣ-то въ Лапландіи или въ другомъ столь же отдаленномъ мѣстѣ. Онъ сгоралъ желаніемъ замѣнить Аннò.

— Бернардинъ занимался съ Виллэ,—прибавилъ м-ръ Вильсонъ, покручивая усы.

Аннò раскланялся. Повернувшись, чтобы уходить, онъ почувствовалъ страшное желаніе поколотить или даже убить м-ра Вильсона, но, конечно, овладѣлъ собою. Черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ въ Парижѣ, гдѣ у него было множество очень странныхъ знакомствъ. Каждую недѣлю ему препровождали изъ Лондона газету, прочитывая которую, онъ какъ бы съ птичьяго полета обозрѣвалъ жизнь высшаго лондонскаго общества. Изъ Парижа онъ не переставалъ слѣдить за лэди Кэриль. Однажды онъ прочиталъ замѣтку, въ которой говорилось о ея большомъ изумрудѣ. Въ какомъ-то обществѣ одинъ современный магъ дотронулся до него и разсказалъ лэди Кэриль отчасти ея прошлое, отчасти будущее. Аннò показалъ эту замѣтку человѣку, съ которымъ сидѣлъ въ это время въ café.

Отношенія Обрэ къ Аллабрутамъ за послѣднее время не были особенно близкими. Онъ часто встрѣчался съ ними въ обществѣ, часто разговаривалъ съ ними, но послѣ смерти Альфа

Digitized by Google

онъ всегда испытывалъ какую-то неловкость, находясь съ Кэриль. Онъ былъ увѣренъ, какъ всегда, что она не понята другими, свѣтомъ, но и ему она показалась безчеловѣчной на балу въ тотъ вечеръ, когда умиралъ Альфъ. Потомъ онъ сталъ разсуждать съ собою. Онъ мысленно рѣшилъ, что въ Кэриль все еще было много дѣвическаго, и что она просто испугалась и отступила передъ ужасомъ еще никогда ею не виданной смерти. Развѣ это не было вполнѣ естественно? Онъ зналъ, что мать его безмолвно осудила ее за отказъ исполнить требованіе Альфа, но вѣдь въ характерѣ его матери всегда было что-то мужественное. Кэриль была испугана и даже не отдала себѣ отчета въ томъ впечатлѣніи, которое ея особенная красота произвела на маленькаго акробата. Повидимому, она никогда не думала о своемъ вліяніи на другихъ и о той власти, которую ея красота могла имѣть надъ мужчинами. Все это и заставляло Обрэ цѣнить ее такъ высоко. Эпизодъ съ Альфомъ заставилъ его отступить временно отъ Кэриль, и теперь еще она ему казалась далекой, но его привязанность оставалась неизмѣнной. Въ Паркъ-Лэнѣ продолжалась по прежнему постоянная покупка драгоцѣнныхъ камней. Тамъ появлялись очень странные люди: восточные торговцы изъ-за океана, шведы съ жемчугами, индійскіе торговцы и евреи, искавшіе покупателей для своихъ хозяевъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Тунисѣ и Персіи, сибиряки и кавказцы, люди изъ степей Азіи и изъ Бразиліи. Лэди Кэриль никогда не обращала вниманія на деньги, которыя платились за ея любимыя вещи, а сэръ Рёбенъ никогда не говорилъ съ нею о деньгахъ. Но на биржѣ стали часто обсуждать странность и сложность его огромныхъ денежныхъ оборотовъ. Онъ съ какой-то дикой жадностью бралъ деньги подъ большіе проценты и велъ крупную игру на биржѣ.

— Аллабрутъ нуждается въ деньгахъ,—говорили биржевики,—и ему все равно, какимъ бы способомъ ихъ ни достать.

Еще никогда сэръ Рёбенъ не жилъ такъ, какъ жилъ теперь въ своемъ вѣчномъ стремленіи покупать драгоцѣнности для своей рабыни. Его неестественная энергія днемъ еще усиливалась, а ночью ярче разгорались воспоминанія о дняхъ юности. Кэриль, принимая его необузданную щедрость, была ему покорной рабой. Она вполнѣ принадлежала генію, который велъ ее къ чудесамъ волшебнаго подземелья. Онъ вспоминалъ объ умершей креолкѣ и, держа въ своихъ объятіяхъ Кэриль, смѣялся надъ преслѣдовавшей его тѣнью. Когда онъ мягкими шагами подходилъ къ женѣ, принося ей какую-нибудь новую драгоцѣнность, то онъ

Digitized by Google

оглядывался черезъ плечо, не слѣдитъ ли за нимъ завистливая тѣнь.

Къ концу сезона онъ выразилъ свое давнишнее желаніе увидать свою жену въ иной обстановкѣ, среди женщинъ другой расы и совсѣмъ иныхъ привычекъ. Она слушала его страстное описаніе тѣхъ странъ, гдѣ онъ путешествовалъ, той удивительной обстановки, въ которой онъ жилъ. Но въ ея длинныхъ глазахъ не вспыхивало выраженіе интереса. Мысли о дикой природѣ и дикихъ народахъ, о могучихъ, жестокихъ мужчинахъ и о покорныхъ, безотвѣтныхъ женщинахъ или о жизни гаремныхъ затворницъ—подобныя мысли не волновали, не трогали ея и не вызывали ни малѣйшей краски на ея блѣдномъ лицѣ.

— Ты не хочешь ѣхать, Кэриль?—сказалъ сэръ Рёбенъ.—Ты не хочешь?

— О, нѣтъ, Рёбенъ,—отвѣчала она ему:—мнѣ хотѣлось бы видѣть эти мѣста, этихъ людей.

Но онъ отлично видѣлъ, что это было не такъ. Она была настолько удовлетворена, что больше ничего не хотѣла. Съ минуту онъ сидѣлъ молча, испытывая чувство холода и безсилія, потомъ въ его глазахъ промелькнулъ недовѣрчивый, хитрый огонекъ. Онъ наклонился къ ней, какъ въ тотъ разъ за обѣдомъ, когда передавалъ ей и Обрэ свои мысли и странныя сказки о драгоцѣнныхъ камняхъ.

— Развѣ тебѣ не хотѣлось бы, Кэриль,—сказалъ онъ мягко,—увидѣть тѣ страны, откуда привозятъ драгоцѣнные камни?

Ея лицо измѣнилось,—въ немъ появилось выраженіе живого интереса.

— Знаешь ли ты,—продолжалъ онъ,—что одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ цѣломъ свѣтѣ сапфировъ былъ найденъ въ Бенгаліи бѣднымъ дровосѣкомъ. Онъ не любилъ драгоцѣнные камни, какъ ты. А ты вотъ вѣчно живешь здѣсь, въ холодной Англіи, куда драгоцѣнные камни привозятся, правда, но гдѣ они все-таки какъ бы въ изгнаніи. Развѣ онъ не зналъ о драгоцѣнныхъ камняхъ больше тебя, и развѣ онъ не былъ къ нимъ ближе тебя, этотъ бѣдный дровосѣкъ, нашедшій одно изъ самыхъ знаменитыхъ сокровищъ Европы! А твой изумрудъ, твое второе *я*—вѣдь изумрудныя горы лежатъ возлѣ египетскаго города Асна. А ты не хочешь видѣть Египта? Неужели ты не хочешь видѣть Перу, гдѣ когда-то жили жрецы, разсказывавшіе народу о богинѣ Эсмеральдѣ,—о тебѣ, Кэриль, о тебѣ. Кто можетъ утверждать въ самомъ дѣлѣ, что ты не богиня Эсмеральда, страннымъ, таинственнымъ образомъ вновь сошедшая на землю?

Digitized by Google

Можетъ быть, ты снова воплотилась, чтобы составить одно цѣлое съ твоимъ большимъ изумрудомъ здѣсь, въ моемъ домѣ, вмѣстѣ со мной.

Сильнѣйшее волненіе овладѣло имъ. Это волненіе захватило и ее. Въ подобныя минуты этотъ маленькій человѣкъ совершенно зачаровывалъ ее. Ей казалось, что онъ зажегъ факелъ и, держа ея нѣжную руку въ своей, уносилъ ее,—уносилъ ее съ собою на крыльяхъ своей страстной рѣчи. Они умчались вмѣстѣ далеко въ эту душную лѣтнюю ночь, когда въ Лондонѣ пировали и спали, когда женщины прокрадывались вдоль улицъ, вглядываясь въ темноту своими впалыми, голодными глазами, на скамьяхъ вдоль набережной, скорчившись, засыпали нищіе, а въ паркѣ—утомленныя голодныя дѣти, просидѣвшія до полночи въ укромныхъ мѣстахъ между деревьями, теперь выѣзали, ложились въ траву у воды и дремали. Въ эту ночь Рёбенъ и Кэриль путешествовали и видѣли странныя вещи. Они побывали въ Бразиліи и повидали старую негритянку, нашедшую бриллiантъ, который Парижъ долгое время называлъ „звѣздою юга". Въ Аравіи они любовались опалами. Они слушали молитву, похожую на крикъ, искателей жемчуга на водахъ Индійскаго океана. Въ пустынныхъ пространствахъ Сибири топазы улыбались имъ, а въ горахъ Кавказа на нихъ смотрѣли глаза бирюзы. Въ эту ночь Кэриль, засыпая, сказала своему мужу:

— Возьми меня съ собой, Рёбенъ,—я хочу путешествовать съ тобою по свѣту.

Онъ засмѣялся, крѣпко сжалъ ее своими тонкими, высохшими руками и сказалъ:

— Прежде всего я повезу тебя въ страну солнца, гдѣ когда-то жилъ среди рабовъ, потому что вѣдь и ты—раба моя Эсмеральда.

— Какъ это?—спросила она.

— Если даже не моя раба, то раба своихъ драгоцѣнностей.

Засыпая, она почувствовала на своихъ губахъ его сухія губы, и послѣдній звукъ, достигшій ея слуха, былъ тихій смѣхъ ея мужа въ темнотѣ.

VIII.

Когда всѣ стали разъѣзжаться изъ Лондона въ іюлѣ, Аллабруты остались въ Паркъ-Лэнѣ. Послѣ той ночи, когда сэръ Рёбенъ такъ увлекъ свою жену страстными фантастическими разсказами, Кэриль утратила свое прежнее душевное равновѣсіе. Она сдѣлалась безпокойной, томясь желаніемъ болѣе широкихъ

Digitized by Google

горизонтовъ. Тяжелыя рѣшотки на окнахъ, ограничивавшія ея зрѣніе, когда она бывала дома, порождали въ ней безпокойныя мысли, вызывая представленіе о тюрьмѣ. Часто сэръ Рёбенъ, неожиданно входя къ ней, заставалъ ее ходившею по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Онъ улыбался, невольно сравнивая ее съ красивымъ звѣремъ въ клѣткѣ.

— Почему ты такъ улыбаешься, Рёбенъ?—спросила она.

Онъ не сказалъ ей, что радовался тому, что своими рѣчами такъ встревожилъ ея душу.

— У тебя явилось, наконецъ, желаніе путешествовать?—сказалъ онъ.

— Да, явилось. Когда мы поѣдемъ?

— А когда ты хочешь ѣхать?

— Ты знаешь, Рёбенъ.

Она и не старалась сказать ему, совершенно полагаясь на его полнѣйшее пониманіе.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—мнѣ кажется, я знаю. Кэриль, мы проживемъ здѣсь спокойно, пока не кончится лондонскій мертвый сезонъ. Мы будемъ отдыхать, какъ отдыхаютъ во время долгой жары на Востокѣ. Мы будемъ отдыхать, окруженные тѣмъ, что мы такъ любимъ.

При этихъ словахъ она улыбнулась.

— Кромѣ того,—продолжалъ онъ,—мнѣ нужно устроить нѣкоторыя дѣла, привести въ порядокъ нѣкоторыя вещи, кое съ кѣмъ повидаться. Въ теченіе этого мертваго сезона все это можно устроить. А потомъ, осенью, мы отправимся путешествовать на родину драгоцѣнныхъ камней. Это будетъ странное путешествіе,—не правда ли? Лондонъ не будетъ знать, зачѣмъ мы ѣдемъ и куда, и что за цѣль нашего путешествія. Мы будемъ нѣжно охранять нашу тайну.

— Да, да.

Теперь она успокоилась. Она усѣлась и стала улыбаться почти мечтательно. Ея сѣрые глаза, обращенные къ окнамъ, закрытымъ рѣшотками, казалось, созерцали какіе-то отдаленные предметы.

— Отдохни, Кэриль, отдохни немного!—сказалъ онъ.—Вѣдь наше странствіе будетъ долгое и мы побываемъ во многихъ краяхъ.

Произнося послѣднія слова, онъ, казалось, былъ пораженъ какой-то горькой мыслью. Лицо его омрачилось, и онъ замолчалъ, но потомъ довѣрчиво повторилъ:

— Да, во многихъ, во многихъ краяхъ.

Digitized by Google

Послѣднею новостью въ этомъ сезонѣ было извѣстіе, что Аллабруты собираются совершить кругосвѣтное путешествіе.

Они отказались отъ всѣхъ приглашеній на лѣто въ деревню; даже не собирались ѣхать къ лэди Сэнтъ-Орминъ въ Гэмпширъ. Она наняла тамъ мызу и дѣлала приготовленія, чтобы населить ее французскими композиторами, итальянскими пѣвцами, русскими писателями и всѣми англичанами, умѣющими благоговѣть и преклоняться.

Лэди Рангклифъ уѣхала въ имѣніе мужа, а Обрэ отправился къ своимъ друзьямъ въ Шотландію. Monsieur и madame Виллэ поспѣшили въ Гомбургъ, въ погоню за какими-то высокопоставленными особами. Нездоровая духота исключительно жаркаго лѣта окутывала Лондонъ, тяжело опускалась на опустѣвшія улицы и приникала къ домамъ, имѣвшимъ слѣпой видъ, благодаря закрытымъ ставнямъ. Эта душная жара томительно тяготѣла надъ рѣкою, какъ задыхающееся чудовище, обдавала зноемъ узкіе переулки бѣдныхъ кварталовъ, наполняя каждый день мучительнымъ желтымъ блескомъ и тоскливой дремотой, а каждую ночь— бездонной чернотой и томительной безсонницей.

Лѣниво бродили истомленные люди по городу. Женщины сидѣли у открытыхъ оконъ, слѣдя за ссорами играющихъ въ пыли дѣтей, мечтая о жизни на берегу моря, гдѣ дуетъ соленый, животворный вѣтеръ и слышится шопотъ волнъ. А за рѣзными рѣшотками своего дома сэръ Рёбенъ и лэди Кэриль наслаждались долгимъ отдыхомъ, въ ожиданіи отъѣзда въ тѣ страны, которыя рисовало имъ ихъ воображеніе.

Кэриль успокоилась и проводила въ одиночествѣ долгіе часы, предаваясь своимъ мечтамъ или прилежно читая книги. Эти книги были ей подарены сэромъ Рёбеномъ. Это были исторіи драгоцѣнныхъ камней, описанія странъ, гдѣ они находятся, изобрѣтательные разсказы объ ихъ предполагаемыхъ добрыхъ и злов редныхъ свойствахъ, объ ихъ составѣ и вліяніяхъ. Одна изъ этихъ книгъ была очень старая. Ея темный коричневый переплетъ, на которомъ вмѣсто этикетки съ названіемъ остались одни оборванныя лохмотья, сначала отнялъ у Кэриль всякую охоту брать книгу въ руки, но, разъ прочитавъ ее, она была совершенно очарована ею и задумалась надъ новымъ способомъ леченья, описаннымъ въ книгѣ. Тамъ приводились многочисленные примѣры цѣлебныхъ свойствъ драгоцѣнныхъ камней.

Однажды вечеромъ она очень много толковала мужу объ этой книгѣ и о своей вѣрѣ въ то, что въ ней было написано.

— Еслибъ мнѣ нужно было выбирать какую-нибудь профес-

Digitized by Google

сію, Рёбенъ,—сказала она,—то я сдѣлалась бы докторомъ и стала бы исцѣлять драгоцѣнными камнями. Они замѣняли бы мнѣ лекарства.

И она передала ему нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ люди съ помощью драгоцѣнныхъ камней вылечивались отъ ужаснѣйшихъ страданій.

Сэръ Рёбенъ выслушивалъ эти сказки. Онѣ казались ему сказками „Тысячи и одной ночи“ и дѣлали Кэриль еще болѣе похожей на прекрасную рабыню.

Ночь была жаркая и тихая. Большая августовская луна стояла надъ городомъ. Сэръ Рёбенъ велѣлъ слугѣ-арабу отдернуть драпировку отъ двери той комнаты, гдѣ они сидѣли, чтобы можно было слышать, какъ звенѣли въ сѣняхъ струи фонтана, съ плескомъ котораго сливался голосъ Кэриль.

Однажды, возвращаясь къ разговору о цѣлебныхъ свойствахъ драгоцѣнныхъ камней, она сказала мужу:

— Рёбенъ, я буду изучать этотъ предметъ, и если ты когда-нибудь заболѣешь, то я вылечу тебя однимъ изъ твоихъ же подарковъ.

Онъ лежалъ, откинувшись на подушки дивана, и ничего не сказалъ. Она посмотрѣла на него совсѣмъ близко съ любопытствомъ. Въ первый разъ и, быть можетъ, вслѣдствіе своего новаго увлеченія, она замѣтила въ немъ особенное оживленное выраженіе, свойственное человѣку въ ненормальномъ состояніи здоровья.

— Ты совершенно здоровъ, Рёбенъ?—спросила она.

— Почему ты меня спрашиваешь?—отвѣчалъ онъ сквозь облако табачнаго дыма.

Она пододвинулась къ нему поближе и дотронулась до его руки. Онъ вздрогнулъ и сѣлъ.

— Ты хочешь отыскать во мнѣ болѣзнь, Кэриль?—спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ, нѣтъ, Рёбенъ!

И она заговорила о другомъ. Но послѣ этого вечера онъ сталъ замѣчать, что она наблюдала за нимъ съ новымъ внимательнымъ выраженіемъ въ глазахъ и болѣе чѣмъ когда-либо зачитывалась своими книгами.

Душные дни проходили. Къ сэру Рёбену являлось множество посѣтителей. Онъ часто запирался съ дѣловыми лицами изъ Сити. Его близкій отъѣздъ на долгое время сталъ всѣмъ извѣстенъ. Повидимому, очень многимъ хотѣлось видѣть его до отъѣзда. Онъ никогда не говорилъ съ Кэриль объ этихъ посѣщеніяхъ, и она ими нисколько не интересовалась.

Digitized by Google

Яхта сэра Рёбена „Изумрудъ“ стояла снаряженная въ Соутгамптонѣ. Они должны были отплыть въ послѣднихъ числахъ сентября. Кэриль замѣчала, смотря съ своей новой докторской точки зрѣнія, что странное выраженіе неестественнаго оживленія все усиливалось въ лицѣ сэра Рёбена. Она наблюдала за нимъ, и онъ это зналъ, какъ зналъ все, что она дѣлала, почти все, что она думала. Эта новая въ ней способность наблюденія была непріятна ему. Это дѣлало ее другой, а онъ не хотѣлъ, чтобъ она была другою.

— Никогда не мѣняйся!—сказалъ онъ ей однажды.

И рѣшилъ закрывать глаза на всякую перемѣну въ ней, еслибъ эта перемѣна и явилась. Онъ весь отдался теперь порыву жизненной энергіи, иногда пробуждающейся у стариковъ. Уединившись въ своемъ большомъ, безмолвномъ и роскошномъ домѣ, среди замирающей жизни огромнаго города, онъ хотѣлъ устроить себѣ повтореніе медоваго мѣсяца. Кэриль была молода, какъ настоящая новобрачная, и ему захотѣлось тоже притвориться молодымъ. Такъ прошли августовскіе дни и закатились вмѣстѣ съ августовской луной.

Насталъ сентябрь, принося съ собою признаки и предчувствія осени. Чѣмъ болѣе приближалось время отъѣзда, тѣмъ чаще заговаривалъ сэръ Рёбенъ о предстоявшемъ путешествіи. Ему уже слышался шумъ океана и видѣлось сіяніе тропическаго солнца.

— Я ненавижу Лондонъ!—вырвалось у него какъ-то разъ неожиданно, и въ глазахъ появилось выраженіе почти ужаса.

Кэриль сидѣла въ креслѣ, читая книгу о драгоцѣнныхъ камняхъ. Она подняла голову.

— Почему?—спросила она.

Мужъ собрался отвѣчать ей, но раздумалъ и ничего не сказалъ. Было ясно, что слова готовы были сорваться съ его губъ, но онъ сдержалъ ихъ въ послѣднее мгновенье. Видя, что Кэриль пристально смотритъ на него, онъ подумалъ и сказалъ:

— Онъ утомилъ меня. Вотъ и все. У меня въ крови страсть къ путешествіямъ!

Кэриль снова углубилась въ чтеніе. Прочитавъ двѣ или три страницы, она услыхала голосъ мужа.

— Ты воображаешь, что я не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи, Кэриль?—въ его голосѣ слышалась подозрительность. Она опустила книгу.

— Не въ нормальномъ состояніи?—повторила она.—То-есть, какъ это?

— Это ужъ ты должна мнѣ сказать.

Digitized by Google

— Но я этого и не думаю!—сказала она, желая сдѣлать ему пріятное.

— Ты увѣрена, что эта мысль ни разу не приходила тебѣ за послѣднее время?

Она, улыбаясь, покачала головой, но въ эту минуту поняла, что и онъ сознавалъ, что въ немъ совершался какой-то странный процессъ. Было ли это что-нибудь физическое или нравственное, или же и то, и другое вмѣстѣ?

— Мнѣ кажется, что у тебя—какъ бы это сказать...—она остановилась, соображая, что̀ именно ей казалось:—что ты кажешься необыкновенно молодымъ въ послѣднее время,—докончила она.

Онъ видимо остался доволенъ.

— Только и всего? Да, я чувствую себя молодымъ. Ты меня дѣлаешь молодымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я женился на тебѣ, я стряхнулъ съ себя бремя старости.

Весь этотъ вечеръ онъ былъ очень веселъ, много говорилъ, то шутя, то давая волю своему воображенію. Но, оставшись одна, Кэриль стала рыться въ своихъ книгахъ, пока не нашла одну, озаглавленную: „Странность всего привычнаго“. Это была любопытная, довольно несвязная книга, написанная издателемъ одной газеты, весьма распространенной среди оккультистовъ. Слѣдующее мѣсто особенно сильно поразило Кэриль. Смутное воспоминаніе о немъ и заставило ее взять книгу съ полки и снова перелистать ея страницы.

„Духъ жизни непрестанно бесѣдуетъ съ нами, но мы не хотимъ его слушать. Онъ существуетъ и говоритъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ, въ деревьяхъ, цвѣтахъ и растеніяхъ. Иногда наше равнодушное отношеніе къ тому, что̀ онъ говоритъ намъ, сердитъ его и приводитъ въ отчаяніе. Это случается часто, когда онъ говоритъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Но никогда не бываетъ Духъ жизни въ такомъ безпокойномъ состояніи, какъ передавая намъ вѣсть въ періодъ, непосредственно предшествующій моменту, въ который онъ долженъ уйти изъ человѣческаго тѣла. Онъ встаетъ тогда, какъ отъѣзжающій гость, протягиваетъ намъ руку и говоритъ: „Прости!“... Какъ часто мы отклоняемъ эту руку и не слушаемъ прощальнаго привѣта! Какъ часто жалуемся мы потомъ, что внезапное исчезновеніе Духа жизни поразило насъ своею неожиданностью, что мы были совершенно подавлены горемъ и ужасомъ! Такъ называемыя внезапныя смерти устрашаютъ насъ. Это случается потому, что мы никогда не стараемся быть по настоящему наблюдательными. Я убѣжденъ, что Духъ жизни

Digitized by Google

рѣдко или никогда не покидаетъ тѣла, не подавъ предварительно опредѣленнаго знака, что онъ собирается это сдѣлать. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ изъ этихъ признаковъ является необычная и кажущаяся неестественной веселость, оживленность, пламенная энергія или сильное безпокойство, выказываемое мужчиной или женщиной".

Вслѣдъ за этимъ авторъ приводилъ примѣры людей, выказавшихъ такое неестественное оживленіе и безпокойство непосредственно передъ своею такъ-называемою смертью и когда они казались совершенно здоровыми. Потомъ онъ старался доказать, что нѣкоторые драгоцѣнные камни предсказываютъ иногда смерть своихъ обладателей. Особенно онъ приписывалъ такое свойство сапфиру, который,—по вѣрованію древнихъ,—теряя способность предохранять отъ смерти, указываетъ моментъ, когда у него отнимается его предохранительная сила. Онъ, по словамъ автора книги, становится тусклымъ, затуманеннымъ и почти чернымъ, какъ будто смущаясь собственною безполезностью и безсиліемъ.

Дойдя до этого мѣста, Кэриль отложила книгу и долго сидѣла погруженная въ думы.

Въ тотъ же вечеръ къ обѣду она надѣла удивительное сапфировое кольцо, подаренное ей мужемъ вскорѣ послѣ свадьбы.

Сэръ Рёбенъ не особенно много разговаривалъ за обѣдомъ, но Кэриль казалось, что его безмолвное оживленіе и впечатлѣніе необыкновенной энергіи, производимое его неподвижной фигурой, еще значительно усилились.

Она думала о только-что прочтенной книгѣ и смотрѣла на сапфиръ, медленно вертя кольцо на пальцѣ. Ей хотѣлось, чтобы мужъ надѣлъ его. Ей хотѣлось сдѣлать тогда наблюденіе надъ камнемъ. Въ ней проснулось глубокое любопытство, въ которомъ не было ничего общаго со страхомъ. Это было совершенно особенное чувство, отдѣльное отъ всѣхъ другихъ.

Ей хотѣлось доказать самой себѣ... что? Едва ли она могла бы отдать себѣ ясно отчетъ въ своемъ желаніи. Она смотрѣла на сапфиръ, потомъ подняла глаза на мужа.

Онъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла и вытянувъ ноги. Въ рукѣ онъ держалъ стаканъ вина, готовясь поднести его къ губамъ. Прежде часто рука его дрожала, когда онъ бралъ что-нибудь, но въ этотъ вечеръ она была тверда, какъ скала. Онъ медленно прихлебывалъ вино. Потомъ поставилъ стаканъ на столъ и сказалъ:

— Я купилъ тебѣ сегодня подарокъ, Кэриль.

Digitized by Google

— Какой? Драгоцѣнный камень?—спросила она быстро.

— Нѣтъ, походную шкатулку, чтобы прятать твои драгоцѣнности. Я зналъ, что ты захочешь взять ихъ или часть изъ нихъ съ собою на яхту.

Она поблагодарила его.

— Я покажу ее тебѣ послѣ обѣда, — сказалъ онъ; — она удивительно устроена и въ ней столько замысловатыхъ приспособленій.

Выкуривъ папиросу и выпивъ кофе, онъ велѣлъ слугѣ-арабу принести шкатулку въ курительную комнату, гдѣ они сидѣли. Онъ отперъ ее и сталъ показывать Кэриль всѣ многочисленные выдвижные ящики, скрытыя углубленія, маленькія дверцы, гнѣздышки для ожерелій и узенькіе желобки для колецъ. Она разсматривала все это, но съ меньшею живостью, чѣмъ онъ ожидалъ. Шкатулка была устроена такъ, чтобы въ ней могло помѣститься какъ можно больше драгоцѣнностей, и при этомъ была сравнительно невелика. Кэриль и сэръ Рёбенъ разговорились о томъ, что̀ можетъ стоить ея содержимое, если всю ее наполнить. Вдругъ сэру Рёбену пришла блестящая мысль.

— Уложимъ твои драгоцѣнности въ шкатулку, — сказалъ онъ,—чтобы ужъ она была готова къ нашему путешествію.

— Къ нашему путешествію,—повторила она.—Хорошо.

Видъ у нея былъ какой-то озабоченный. Онъ не понималъ, отчего это, и ему захотѣлось расшевелить и развлечь ее. Поэтому онъ рѣшилъ сейчасъ же начать укладку драгоцѣнностей, въ увѣренности, что ихъ видъ и прикосновеніе къ нимъ пробудятъ Кэриль отъ тѣхъ странныхъ туманныхъ сновъ, которые, повидимому, заволакивали ея душу. Онъ самъ пошелъ на верхъ за ея драгоцѣнными камнями. Все время, пока его не было въ комнатѣ, Кэриль сидѣла, глядя на сапфиръ, украшавшій ея палецъ, упиваясь его рѣдкой красотой и чистымъ голубымъ блескомъ. Развѣ могъ такой сіяющій камень затуманиться и сдѣлаться чернымъ? Это казалось невозможнымъ.

Сэръ Рёбенъ возвратился. Слуга-арабъ унесъ кофе. Походная шкатулка стояла открытая на диванѣ.

— Теперь, Кэриль, иди помогать мнѣ вынимать твои драгоцѣнности изъ футляровъ.

Онъ разставилъ ихъ въ комнатѣ по длиннымъ диванамъ, потомъ подошелъ къ стѣнѣ, и вся комната озарилась электрическимъ свѣтомъ. Кэриль встала и открыла два или три футляра. Драгоцѣнные камни, находившіеся въ нихъ, заискрились красными, бѣлыми, пестрыми, желтыми и зелеными огнями. Сэръ Рёбенъ

Digitized by Google

открылъ остальные футляры. Огромный изумрудъ засверкалъ на своемъ бѣлоснѣжномъ бархатномъ ложѣ. Большая, гладкая, молочно-бѣлая жемчужина, купленная сэромъ Рёбеномъ у индійца за пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, нѣжно сіяла среди болѣе яркихъ и замѣтныхъ окружавшихъ ее драгоцѣнностей: среди цѣлаго ряда рубиновъ, бриллiантовыхъ цѣпей, искрившихся сапфировъ и аметистовъ, среди украшеній, тѣсно усаженныхъ бирюзой, изумрудами и опалами и ярко-красными, кровавыми гранатами. Вся комната наполнилась самымъ разнообразнымъ блескомъ, яркимъ, матовымъ, смолистымъ и стекловиднымъ.

— Я люблю смотрѣть на тебя такъ, когда ты стоишь среди твоихъ драгоцѣнныхъ камней, Кэриль, — сказалъ ея мужъ. — Теперь мы вмѣстѣ съ тобою—въ волшебномъ подземельѣ Аладина.

Въ немъ появилось какое-то почти дѣтское веселье, и онъ взялъ ее за руку.

— Ну, хорошо!—воскликнула она, впадая въ его тонъ. — Если ты геній драгоцѣнныхъ камней, то ты долженъ быть покрытъ ими. Они должны цѣпляться за твою одежду, какъ будто любятъ тебя.

Она нѣжно разсмѣялась.

— Дай, я наряжу тебя, какъ генія!—воскликнула она.

Она была весело возбуждена. Сэръ Рёбенъ охотно подчинился ея милой фантазіи. Все это было похоже на какую-то гаремную игру,— а вокругъ нихъ раскинулся Лондонъ, горячій и черный, дремавшій въ какомъ-то тягостномъ оцѣпенѣніи.

— Ты хочешь нарядить меня въ драгоцѣнности,—сказалъ онъ,—и сдѣлать меня похожимъ на восточнаго царя?

— Да, да! Развѣ ты не съ Востока?

— Сегодня я это особенно чувствую. А ты, ты — настоящая прекрасная черкешенка, съ твоей ослѣпительной кожей и блестящими глазами.

Онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но она быстро отступила назадъ. Мгновенное выраженіе страха или отвращенія промелькнуло въ ея лицѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она. — Нельзя, пока ты не сдѣлаешься моимъ настоящимъ геніемъ.

Она взглянула на сапфиръ на своемъ пальцѣ, потомъ—на руки своего мужа и, быстро подойдя къ дивану, стала вынимать изъ футляровъ драгоцѣнные камни. Онъ внимательно наблюдалъ за нею, думая совершенно по-юношески о поцѣлуѣ, въ

Digitized by Google

которомъ она ему отказала, но который остался за нею. Она подошла къ нему съ руками, полными драгоцѣнныхъ камней.

— Вотъ бриллiантовая цѣпь для генiя,—сказала она, вѣшая ее ему на шею. — Вотъ изумрудъ для его фески, — и она прикрѣпила ему изумрудъ къ фескѣ, которую онъ носилъ на головѣ.—А вотъ и рубины для его одежды.

Медленными движенiями, въ которыхъ было что-то чувственное, покрыла она драгоцѣнными камнями шолковые лацканы его смокинга. Сапфировъ она ему не надѣла, но каждый камень, который она прикрѣпляла, приближалъ ее къ цѣли; она шла къ ней, не торопясь, съ наслажденiемъ предвкушая удачу и чувствуя страстный, никогда не испытанный ею раньше интересъ. Она заставляла мужа поворачиваться во всѣ стороны. Его смуглое лицо улыбалось среди драгоцѣнныхъ камней, а смуглыя руки прикасались съ привычной осторожностью и нѣжностью къ драгоцѣнностямъ, украшавшимъ его узкую грудь. И Кэриль видѣла, что эти драгоцѣнности, вмѣсто того, чтобы совершенно затмевать его, еще сильнѣе выдѣляли и подчеркивали оживленное выраженiе его лица и ту жизненную силу и энергiю, которыя, казалось, исходили изъ всего его существа. Она осторожно и украдкой наблюдала за нимъ.

— Теперь я—настоящiй раджа,—сказалъ онъ.—Ну, что, идутъ мнѣ мои драгоцѣнности? Скажи мнѣ, Эсмеральда!

Снова онъ хотѣлъ коснуться губами ея губъ. Она избѣжала его поцѣлуя, принявъ равнодушный видъ, а въ сущности, преслѣдуя скрытую отъ него цѣль.

— Подожди, Рёбенъ, подожди!—воскликнула она.—У тебя еще нѣтъ колецъ на рукахъ.

Говоря это, она сняла съ третьяго пальца сапфировое кольцо.

— Вотъ что ты долженъ надѣть,—сказала она.

— Оно для меня мало,—возразилъ онъ.—Оно мнѣ не будетъ впору.

— Попробуй... попробуй, на маленькiй палецъ.

Онъ сдѣлалъ невольную гримасу, потому что она почти грубо надвинула кольцо на маленькiй палецъ его правой руки.

— Какая ты сильная и энергичная, Кэриль! — сказалъ онъ. — Ну, да, оно надѣлось, но все-таки очень узко. Теперь я—настоящiй волшебный геniй! Кэриль, ты слышишь? Я говорю: я теперь настоящiй волшебный геniй! — повторилъ онъ, потому что она ничего не отвѣчала и, казалось, даже не слышала его.

Digitized by Google

Она внимательно смотрѣла на сапфиръ на его рукѣ, и ея пристальный взглядъ горѣлъ нетерпѣніемъ.

— Да, Рёбенъ, ты теперь волшебный геній. Пойдемъ и сядемъ.

Она подвела его къ дивану. Онъ сѣлъ, скрестивъ ноги и принявъ лѣнивую, немного надменную, восточную позу. Случайно его рука, на которой былъ надѣтъ сапфиръ, легла такъ, что ее совершенно закрыла подушка дивана. Кэриль попробовала тихонько отодвинуть подушку.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?—спросилъ онъ.

— Тебѣ удобно?

— Совершенно. Я могъ бы просидѣть такъ цѣлые часы.

Подушка все еще заслоняла его руку. Кэриль нахмурилась. Видно было, что она была чѣмъ-то недовольна. Она безпокойно задвигалась на диванѣ. Сэръ Рёбенъ началъ говорить объ ихъ приближавшемся путешествіи съ свойственнымъ ему страннымъ полу-фантастическимъ, полу-серьезнымъ краснорѣчіемъ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, оживленіе его все усиливалось. Кэриль замѣчала это. Никогда еще онъ не казался такимъ удивительно, почти неестественно молодымъ и энергичнымъ. Можетъ быть, драгоцѣнные камни передавали ему часть своего блеска. Во время его рѣчи она много разъ задавала себѣ этотъ вопросъ. Рука его все еще была закрыта шолковой подушкой, и она не могла видѣть сапфира. Это обстоятельство ужасно раздражало ее и такъ занимало, что она едва слушала то, что онъ говорилъ. Наконецъ, она рѣзко прервала его:

— Рёбенъ, — сказала она: — какъ ты можешь сидѣть такъ неудобно сгорбившись? Ты долженъ отдохнуть послѣ обѣда. Ложись, а я подложу подушки тебѣ подъ голову.

Онъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ мнѣ отдыхать? Вѣдь я—геній, а не обыкновенный смертный. Въ тебѣ нѣтъ ничего романическаго, Кэриль. Твое представленіе о геніи, который долженъ лежать и отдыхать послѣ обѣда, не дѣлаетъ тебѣ чести.

И онъ продолжалъ говорить о ихъ путешествіи. Теперь онъ былъ на Цейлонѣ. Она стиснула зубы. Съ большимъ трудомъ удерживалась она, чтобы не отдернуть подушки, закрывавшей его руку. Удивительныя краски Цейлона сверкали и быстро проносились передъ ея глазами. На мгновеніе она закрыла ихъ и подняла руки, чтобы зажать уши, но быстро овладѣла собою и продолжала сидѣть, слушая съ притворнымъ вниманіемъ. Съ Цейлона сэръ Рёбенъ перенесся въ Индію. Его описаніямъ,

Digitized by Google

казалось, не будетъ конца, и онъ видимо думалъ, что Кэриль совершенно увлечена открывающеюся передъ ней перспективою. Его воображеніе и память работали одновременно, выливаясь въ огненныхъ словахъ и стремясь все впередъ и впередъ. Кэриль замѣчала все это, и контрастъ между неподвижностью его тѣла и страстнымъ оживленіемъ его рѣчи казался ей невыносимымъ. Вдругъ у нея явилась счастливая мысль.

— Рёбенъ, ты не куришь,—сказала она.—Я принесу тебѣ папиросу.

— Спасибо, Кэриль,—отвѣтилъ онъ.

Она встала съ дивана. Онъ сидѣлъ, слѣдя за нею, пока она подошла къ столу, на которомъ стоялъ ящикъ съ папиросами. Онъ опустилъ вѣки такъ, что ея фигура представлялась ему туманной, похожей на видѣніе. Полузакрывъ глаза, онъ продолжалъ глядѣть на нее чувственнымъ взглядомъ, слѣдилъ, какъ она подняла серебряную крышку ящика, вынула изъ него папиросу и пошла назадъ, осторожно держа ее нѣжными пальцами. Она подошла къ нему.

— Вотъ возьми, Рёбенъ.

На мгновеніе онъ остался неподвижнымъ, продолжая глядѣть на нее. Никогда еще онъ не наслаждался такъ живо и такъ сильно сознаніемъ того, что она ему принадлежитъ, какъ въ этотъ вечеръ.

— Рёбенъ!..—повторила она, и въ ея голосѣ послышалось раздраженіе.

Онъ поднялъ свою руку изъ-за подушки и протянулъ ее за папиросой. Она дала ее ему и наклонилась, чтобы посмотрѣть на сапфиръ въ то время, какъ онъ произносилъ, растягивая слова, съ лѣнивой страстью:

— Огня, моя Эсмеральда!

Кэриль вздрогнула. Она быстро повернулась, опять подошла къ столу и взяла маленькій серебряный стаканчикъ, въ которомъ рдѣлъ огонекъ. Сэръ Рёбенъ нагнулся впередъ. Онъ взялъ папиросу въ зубы и опять спряталъ руку за подушку. Папироса коснулась стаканчика и загорѣлась. Кэриль едва удержалась, чтобы не вскрикнуть отъ нетерпѣнія и гнѣва. Ей хотѣлось бросить стаканчикъ на полъ. Но въ ту минуту, когда она готова была потерять послѣднее самообладаніе, ея мужъ поднялъ руку съ дивана, вынулъ папиросу изо рта и сказалъ:

— Что такое, Кэриль? Почему у тебя такой раздраженный видъ?

Не отвѣчая, она пристально глядѣла на сапфиръ. Въ камнѣ

Digitized by Google

не было больше той прозрачной ясности и удивительной окраски, дѣлавшихъ его такимъ рѣдкимъ по красотѣ. Легкая дымка заволокла его, и онъ сдѣлался почти чернымъ. Нагнувшись, чтобы ближе разсмотрѣть его, она уронила серебряный стаканчикъ.

— Кэриль, ради Бога, что̀ такое?

Сэръ Рёбенъ нагнулся легко и быстро и поднялъ стаканчикъ съ пола. Она слѣдила глазами за его рукой совершенно разочарованная. Онъ отставилъ стаканчикъ въ сторону.

— Почему ты такъ смотришь на мою руку? Что̀ ты нашла въ ней такого удивительнаго?

— Черный сапфиръ!—произнесла она.

Онъ взглянулъ на кольцо.

— Какія необыкновенныя фантазіи являются у тебя!—воскликнулъ онъ.—Сапфиръ этотъ совсѣмъ не черный. Развѣ это можетъ быть?

— Черный, — повторила она: — онъ почернѣлъ на твоемъ пальцѣ.

Въ ея голосѣ было такое особенное, глубокое значеніе, что онъ былъ испуганъ какъ бы предчувствіемъ угрожающей опасности.

— На моемъ пальцѣ?—проговорилъ онъ.—Развѣ это можетъ имѣть на него вліяніе?

И вдругъ, почти безсознательно, онъ сталъ стараться снять кольцо, но это было трудно сдѣлать, такъ какъ оно было дѣйствительно мало ему. Кольцо впилось въ тѣло; усиліе снять его было безполезно и только причиняло боль. Невозможность исполнить совершенно инстинктивное желаніе показало ему всю нелѣпость этого желанія.

— Какъ глупо!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ мнѣ его снимать? Только оно мало,—вѣдь я и говорилъ,—его будетъ трудно стащить.

— Да, — произнесла она, продолжая глядѣть на него необыкновенно внимательно.

Онъ читалъ въ ея глазахъ выраженіе страстнаго ожиданія. Это выраженіе было такъ опредѣленно, такъ живо, что ему казалось, что она выражала его въ словахъ.

— Чего ты ждешь?—сказалъ онъ безпокойно.

Онъ оглянулся во всѣ стороны. Онъ стоялъ и прислушивался, самъ не зная—къ чему. Часть ея мыслей и настроенія передалась и ему, но не вполнѣ, такъ что онъ не могъ ясно отдать себѣ отчета въ своемъ предчувствіи. Такъ эхо повторяетъ слова вѣрно, но безсознательно.

Digitized by Google

— Кэриль, да что же такое?—повторилъ онъ настойчиво.— Скажи же мнѣ, чего ты ждешь?

Въ его голосѣ слышался страхъ.

— Это ты долженъ мнѣ сказать,—почти прошептала она.

— Я?—пробормоталъ онъ.—Я?

При этихъ словахъ внезапный порывъ жизни охватилъ его. Потокъ мыслей затопилъ его мозгъ. Огни запрыгали передъ его глазами. Какая-то страшная сила подхватила его и повлекла къ ужасной зіяющей безднѣ. Кэриль видѣла, что съ нимъ происходило, потому что все, что онъ испытывалъ, отражалось въ его наружности, придавая всему его существу видъ неестественнаго и безобразнаго напряженія. Она видѣла, какъ онъ двинулся къ ней, и машинально протянула руки, чтобы подхватить его. Но прежде чѣмъ она его коснулась, жизнь вдругъ исчезла въ немъ, какъ гаснетъ свѣтъ лампы, поставленной на окошко, отъ порыва ночного вѣтра. Еще мгновеніе онъ стоялъ передъ нею, весь потемнѣвшій, какъ окно, въ которомъ умеръ свѣтъ лампы; потомъ закачался и упалъ къ ея ногамъ—лицомъ внизъ. Она стояла неподвижно, глядя на темную массу на полу, и тонкая улыбка промелькнула на ея лицѣ.

— Сапфиръ сказалъ мнѣ правду!—прошептала она и почувствовала радостный трепетъ. Это было мгновенное чувство, но и когда оно исчезло, она не испытала ужаса. Она встала на колѣни, тихо и осторожно повернула голову мужа и посмотрѣла на его лицо. Его глаза были широко раскрыты и глядѣли на нее. Въ нихъ не было отсутствія выраженія. Онъ не былъ мертвъ, и среди украшавшихъ его драгоцѣнностей только сапфиръ казался затуманеннымъ и темнымъ. Она вспомнила о цѣлебномъ свойствѣ нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ камней, и вновь ее охватило страстное любопытство и желаніе.

Когда, черезъ нѣсколько минутъ, слуга-арабъ внесъ въ комнату воду со льдомъ, которую сэръ Рёбенъ имѣлъ обыкновеніе пить на ночь, то онъ увидалъ, что его господинъ лежалъ неподвижно на полу и голова его покоилась на подушкѣ. Лэди Кэриль сидѣла съ маленькой книжкой въ рукахъ, вся погруженная въ чтеніе. Отъ ярлыка, на которомъ старинными буквами было написано названіе книги, оставались только обрывки.

Арабъ нагнулся, посмотрѣлъ близко на своего господина, потомъ подошелъ къ лэди Кэриль и тихонько коснулся ея руки.

Digitized by Google

Она вздрогнула и подняла голову. Но потомъ сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ не мѣшалъ ей.

— Я вылечу его,—сказала она, указывая на сэра Рёбена.— Я вылечу его, Даубъ, не бойся.

Но арабъ заставилъ ее встать и подвелъ къ сэру Рёбену. Въ его глазахъ не было больше никакого выраженія. Онъ былъ мертвъ.

П. С.

Digitized by Google

ИЗЪ
ИСТОРІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ
СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Характеризуя состояніе начальнаго образованія въ Забайкальѣ, составитель „Обзора Забайкальской области" за 1897 г. находитъ его весьма безотраднымъ: число училищъ въ области оказывается ничтожнымъ, и почти все тамошнее населеніе, и русское, и инородческое, коснѣетъ въ невѣжествѣ. Причина плохого состоянія начальнаго образованія у забайкальскихъ инородцевъ, по мнѣнію составителя „Обзора", заключается въ томъ, что у бурятъ и тунгусовъ, составляющихъ $^1/_3$ всего населенія области, очень слабо распространено сознаніе необходимости обученія, а также въ томъ, что большинство изъ нихъ ведетъ кочевую или бродячую жизнь, съ которой несовмѣстно устройство школы. Въ послѣдніе годы, оговаривается авторъ, „стало замѣтнымъ возростаніе, какъ у русскаго, такъ и у инородческаго населенія, запроса на начальное образованіе, но отсутствіе средствъ на учрежденіе новыхъ училищъ и на преобразованіе одноклассныхъ въ двухклассныя лишаетъ возможности удовлетворять вполнѣ этой одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей". Намъ кажется, что указанныя выше причины неудовлетворительнаго состоянія начальнаго образованія у забайкальскихъ инородцевъ —не только не исчерпывающаго характера, но даже не главныя. Фактъ слабаго распространенія русскаго просвѣщенія среди забайкальскихъ бурятъ и тунгусовъ чрезвычайно сложнаго характера, и онъ можетъ быть объясненъ только при тщательномъ

Digitized by Google

анализѣ того положенія, которое занимаютъ съ нѣкотораго времени эти инородцы, и образа дѣйствія лицъ и учрежденій, на обязанность которыхъ возложено руководство народнымъ просвѣщеніемъ.

Было время, когда отъ необходимости удѣлять нѣкоторое вниманіе вопросу о просвѣщеніи инородцевъ отдѣлывались весьма просто: заявлялось, что инородцы вымираютъ, что они тупы, неспособны къ ученію, и возиться съ ними не стоитъ труда. Такая легенда создалась также, съ легкой руки Георги, а затѣмъ и Словцова, относительно бурятъ, главнаго инородческаго населенія Забайкальской области. Но близкое изученіе характера и способностей бурятъ доказало всю несостоятельность этой легенды. Уже Николай Бестужевъ, прожившій много лѣтъ среди бурятъ, въ своихъ „Разсказахъ стараго моряка“ характеризуетъ ихъ такъ: „буряты смѣтливы и на все способны; въ умственномъ отношеніи они идутъ наравнѣ со всѣми лучшими племенами человѣческаго рода“. Чѣмъ больше знакомились съ бурятами, тѣмъ больше убѣждались, что это племя—любознательное, способное, даровитое. О способностяхъ бурятъ отзываются хорошо даже лица, вообще не очень благосклонно относящіяся къ этимъ инородцамъ, а, по мнѣнію огромнаго большинства учителей бурятскихъ и русскихъ училищъ, бурятскіе мальчики обнаруживаютъ несомнѣнно хорошія умственныя способности, большую сообразительность и замѣчательную любознательность и воспріимчивость, не говоря объ ихъ прилежаніи, которое весьма часто ставится въ примѣръ русскимъ ихъ товарищамъ. Потерпѣвъ пораженіе на этомъ пунктѣ, просвѣтители стали распространять слухъ, что буряты знать не хотятъ русскаго просвѣщенія, и что такъ какъ насилія въ такихъ случаяхъ употреблять невозможно, то ихъ волей-неволей приходится предоставлять ихъ невѣжеству и дикости. Доводъ этотъ обладалъ бы неопровержимой убѣдительностью, еслибы только онъ оправдывался фактами, но небольшая историческая справка покажетъ намъ, что если кто-нибудь и виноватъ въ печальномъ положеніи начальнаго образованія у забайкальскихъ инородцевъ, то во всякомъ случаѣ не сами инородцы.

Всѣ нынѣ существующія при степныхъ думахъ приходскія училища для бурятскихъ дѣтей возникли 40—50, а то и больше лѣтъ тому назадъ; учителями назначались обыкновенно буряты же, такъ какъ дѣти, присылаемыя изъ улусовъ, не знали ни слова по-русски и не стали бы вовсе учиться, еслибы учителемъ оказался чужой русскій человѣкъ.

Digitized by Google

Болѣе или менѣе интеллигентныхъ людей среди бурятъ можно было насчитывать единицами, а изъ нихъ далеко не всѣ соглашались идти въ учителя. Понятно, что на цензъ учителей приходскихъ училищъ обращалось очень мало вниманія; довольствовались тѣмъ, чтобы учитель зналъ немного русскій языкъ, умѣлъ плавно читать, хорошо (красиво) писать и считать. При такой постановкѣ школьнаго дѣла, успѣхи учащихся были очень слабы; мальчики учились въ школахъ годы, а выносили очень мало. И буряты скоро поняли, что приходское училище нуждается въ улучшеніи, что нужны лучшіе учителя, что имъ, наконецъ, необходимы свои, вполнѣ образованные люди. Они съ радостью встрѣчаютъ въ 60-хъ годахъ вѣсть о предполагающемся въ Читѣ открытіи пансіона; жертвуютъ въ его пользу огромныя деньги (одни хоринскіе буряты пожертвовали 38.000 р.), а когда пансіонъ на самомъ дѣлѣ открывается—посылаютъ въ Читу 30 мальчиковъ, ассигновавъ на каждаго по 150 р. въ годъ. При пансіонѣ открывались постепенно классы, въ которыхъ предметы проходились въ объемѣ гимназическаго курса. Въ 1868 г. уже было открыто четыре класса, бурятскіе мальчики оказывали весьма хорошіе успѣхи; и всѣ были увѣрены, что пансіонъ вскорѣ будетъ преобразованъ въ полную гимназію. Но въ 1869 г. пансіонъ неожиданно закрылся, такъ какъ была обнаружена огромная растрата денегъ, собранныхъ начальствомъ въ пользу этого учебнаго заведенія.

Такимъ образомъ буряты лишились единственнаго разсадника просвѣщенія, который въ будущемъ могъ бы снабжать ихъ образованными, хоть сколько-нибудь годными учителями. Попытки инородцевъ увеличить число школъ въ своихъ улусахъ тоже потерпѣли полную неудачу. Частныя школы, гдѣ предполагалось обучать дѣтей монгольскому и тибетскому языкамъ, были признаны нежелательными. Пробовали буряты также улучшать свои приходскія училища. Такъ, въ 1864 г., ачинскіе буряты составили приговоръ объ основаніи при Николаевскомъ приходскомъ училищѣ *библіотеки* и отпускаютъ по 100 р. въ годъ на содержаніе ея. Въ 1883 г. въ этой библіотекѣ уже имѣлось книгъ и учебныхъ пособій на 763 р. Въ ачинскомъ приходскомъ училищѣ хоринскаго вѣдомства дѣло тоже расширяется. Вмѣсто одного учителя, *въ виду наплыва учениковъ*, признается необходимымъ содержать двухъ, причемъ старшему учителю, за плодотворную дѣятельность, жалованье увеличивается съ 475 р. до 600 р. въ годъ. Подобныя же попытки расширить дѣятельность приходскихъ училищъ замѣчаются и въ селенгинскомъ и баргу-

Digitized by Google

зинскомъ вѣдомствахъ. Но всѣ эти улучшенія оказывались совершенно ничтожными палліативами.

Нуждалась въ просвѣщеніи огромная масса, а учились только единицы. Населеніе между тѣмъ быстро росло, кое-гдѣ оно удвоилось, даже утроилось, а число школъ (5—6) оставалось все то же. Буряты не жалѣли денегъ, изъявляли готовность на жертвы, лишь бы имъ были открыты пути къ просвѣщенію, но въ отвѣтъ на подобныя ходатайства неизмѣнно получались или отказы, или формальныя отговорки, ничего не объяснявшія и откладывавшія разрѣшеніе жгучаго вопроса на неопредѣленное время.

Несомнѣнно, что застой въ школьномъ дѣлѣ у забайкальскихъ инородцевъ обусловливался совершенно ненормальной постановкой его. Всѣ бурятскія приходскія училища основаны въ мѣстахъ осѣдлыхъ, т.-е. такихъ, гдѣ преобладающее населеніе составляютъ крещенные инородцы. Имѣлось при этомъ въ виду пріучать маленькихъ номадовъ къ осѣдлой, культурной жизни; но эта цѣль большею частью не достигалась, ибо крещенные инородцы далеко не могутъ быть названы носителями русской культуры. Они сами очень крѣпко придерживаются обычаевъ своихъ предковъ, довольно плохо иногда говорятъ по-русски и во всякомъ случаѣ весьма охотно говорятъ по-бурятски между собою. При такихъ условіяхъ бурятскій мальчикъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ селеніи, едва-едва усвоивалъ русскую рѣчь. Родители такими успѣхами своихъ дѣтей оставались очень недовольны, ибо, съ ихъ точки зрѣнія, училище должно было бы дать, прежде всего, знаніе русскаго языка, столь необходимое при сношеніяхъ съ русскими. Не менѣе поверхностны оказывались прочія свѣдѣнія, которыя приносили изъ школы домой бурятскіе мальчики. Дѣло въ томъ, что учебный матеріалъ, проходимый вообще въ приходскихъ училищахъ, оказывался совершенно неподходящимъ для ребенка-номада. Для него всѣ эти свѣдѣнія о злакахъ, о мятьѣ конопли, объ изготовленіи холста и пр. были пустыми звуками. Ему приходилось сразу знакомиться съ цѣлой массой новыхъ понятій, и онъ ихъ усвоивалъ съ трудомъ, а затѣмъ весьма легко забывалъ. Неудивительно, что бурятскіе мальчики, кончившіе приходское училище, черезъ два-три года по возвращеніи домой, не только забывали все, что проходили по учебникамъ, но разучивались нерѣдко говорить и писать по-русски. А такіе рецидивы безграмотности чрезвычайно неблагопріятно дѣйствовали на родителей учащихся. Уваженіе и довѣріе къ приходскому училищу падало, и всякій мало-мальски состоятельный бурятъ старался посылать своихъ сыновей въ ближайшій городъ,

Digitized by Google

въ городское или уѣздное училище, или даже въ гимназію. Тамъ, разсуждали родители, мальчики по крайней мѣрѣ научатся говорить по-русски, и знанія кое-какія пріобрѣтутъ.

Бурятскія приходскія училища можно было бы, конечно, поднять, оживить, но для этого нужны были образованные, преданные дѣлу просвѣщенія учителя, а такихъ именно учителей у бурятъ нѣтъ—и, надо опять-таки оговориться, не по ихъ винѣ.

Сознавая, что школьное дѣло не можетъ быть поставлено хорошо полуграмотными, неподготовленными учителями, буряты неоднократно ходатайствовали о допущеніи бурятскихъ мальчиковъ въ иркутскую учительскую семинарію. Они выражали готовность содержать мальчиковъ на свой счетъ, доказывали, что у нихъ нужда въ хорошихъ учителяхъ, со спеціальнымъ педагогическимъ образованіемъ, неотложна; но на всѣ ходатайства получался одинъ отвѣтъ,—что въ иркутскую учительскую семинарію принимаются только лица *православнаго вѣроисповѣданія*. Такимъ образомъ передъ инородцами ставилась альтернатива: или довольствоваться своими полу-образованными учителями, или приглашать чужихъ учителей—православныхъ или крещенныхъ инородцевъ. А такъ какъ буряты никакъ не могли себѣ объяснить, зачѣмъ имъ, буддистамъ, имѣющимъ свою вѣру и желающимъ учиться русскому языку, ариѳметикѣ, географіи и другимъ *свѣтскимъ* наукамъ, непремѣнно нуженъ *православный учитель*, то они предпочли остаться при старомъ положеніи. Такое рѣшеніе вопроса не покажется удивительно, если принять во вниманіе, что православные учителя въ Забайкальѣ нерѣдко не прочь поглумиться надъ инородцемъ и показать ему, что они, люди „высшей расы“, дѣлаютъ азіатамъ большое одолженіе, обучая ихъ.

Былъ моментъ, когда забайкальскимъ инородцамъ улыбнулась надежда увидѣть своихъ образованныхъ родовичей учителями и просвѣтителями. Это было именно тогда, когда стали поговаривать объ открытіи въ Читѣ полной мужской гимназіи. Буряты и тунгусы съ радостью откликнулись на призывъ къ пожертвованіямъ въ пользу гимназіи и собрали около 132.000 руб. (а всего было собрано 182.000 руб.). Надежды ихъ, однако, не оправдались. Гимназія не готовила учителей, притомъ большинство мальчиковъ, учившихся въ гимназіи, вынуждены бывали оставлять ее до окончанія курса, такъ какъ родители ихъ не видѣли прямой пользы отъ изученія ихъ дѣтьми разныхъ непонятныхъ наукъ. Были и такіе воспитанники, которые кончали и гимназію, и университеты, но часть изъ нихъ оставалась въ столицахъ, другая—хотя и возвращалась въ свои родныя степи—

Digitized by Google

принимала больше участіе въ общественныхъ дѣлахъ, а просвѣщеніемъ своего народа почти не занималась. Притомъ ихъ было очень мало, а одна ласточка, какъ извѣстно, весны не дѣлаетъ. Благодаря всѣмъ такимъ обстоятельствамъ, забайкальскіе инородцы стоятъ и понынѣ передъ вопросомъ о просвѣщеніи столь же безпомощно, какъ и 40—50 лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ жизнь въ Забайкальѣ за эти 40—50 лѣтъ измѣнилась коренным образомъ. Нужда въ просвѣщеніи, хоть элементарномъ, стала неотложной; жизнь новая, незнакомая, безпощадная обступаетъ со всѣхъ сторонъ забайкальскаго инородца; прежніе способы борьбы за существованіе устарѣли,—надо усвоивать новые, нужно знаніе новыхъ условій жизни, нужно умѣнье разобраться во вновь возникающихъ отношеніяхъ,—а постигнуть все это инородецъ смогъ бы только тогда, еслибы хоть нѣсколько поднялся умственно, хоть сколько-нибудь просвѣтился. Не предоставить же ихъ себѣ самимъ въ такой критическій моментъ! Прогрессъ жизни не ждетъ,—онъ концентрическими кругами захватываетъ инородцевъ; обмѣнъ проникаетъ въ самые глухіе улусы,—обмѣнъ не по законамъ рынка и свободной конкурренціи, а кулацкій, эксплуататорскій. Желѣзная дорога ухитряется извлекать для себя „свободныя руки“ инородцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ, изъ глубины степей и тайги. Къ чему можетъ привести инородцевъ безпощадная эксплуатація наѣзжихъ купцовъ и чему можетъ научить полудикаго тунгуса или степного бурята та пестрая толпа, которая работаетъ на пріискахъ или при желѣзной дорогѣ,—легко себѣ представить. А противовѣса всѣмъ этимъ гибельнымъ вліяніямъ забайкальскіе инородцы никакого противоставить не могутъ. Болѣе состоятельные такъ или иначе приспособляются къ новымъ условіямъ жизни: они усвоиваютъ пріемы русскихъ, разстаются со своими обычаями, замѣняютъ старую мораль родового быта современною. Они все чаще и чаще посылаютъ своихъ дѣтей въ городскія и уѣздныя училища, считая городъ очень хорошей школой жизни. Понятно, что дѣти такихъ бурятъ, по окончаніи курса наукъ, больше думаютъ о своемъ собственномъ благополучіи, нежели о своихъ сородичахъ. Какъ болѣе образованные, они становятся во главѣ своего народа въ качествѣ тайшей, родоначальниковъ, старостъ, но дѣйствовать сознательно, солидарно въ интересахъ этого народа они большею частью не способны: имъ не хватаетъ для этого нравственной подготовки и широты взгляда. Словомъ, забайкальскіе инородцы имѣютъ полу-интеллигенцію, направляющую ихъ повседневную общественную жизнь, но у нихъ нѣтъ еще настоя-

Digitized by Google

щей интеллигенціи, которая умѣла бы ставить широкія задачи и разрѣшать ихъ безкорыстно, съ самоотверженіемъ истинныхъ общественныхъ дѣятелей. И положеніе забайкальскихъ инородцевъ въ виду выдвигаемыхъ теперь жизнью серьезныхъ задачъ—по истинѣ печальное. Спрашивается: гдѣ же выходъ изъ этого положенія? И есть ли, вообще, выходъ? По нашему, безусловно есть. Буряты—народъ настолько способный, они настолько сохранили душевной свѣжести и такъ закалились въ борьбѣ за существованіе, что могутъ многое сдѣлать, лишь бы имъ на пути не ставили непреодолимыхъ препятствій. Статистико-экономическія изслѣдованія Забайкальской области доказали, какъ хорошо справилась огромная часть бурятъ и тунгусовъ съ такой трудной задачей, какъ переходъ отъ чисто скотоводческаго быта къ осѣдло-земледѣльческому, и мы не сомнѣваемся, что они такъ же справились бы съ задачей распространенія въ народѣ начальнаго образованія. Но надо имъ помочь хоть тѣмъ, чтобы не заграждать имъ пути. Если инородцамъ нужны просвѣщенные учителя, слѣдуетъ открыть передъ ними двери учительскихъ семинарій, къ какому бы вѣроисповѣданію учащіеся ни принадлежали. Закрывая доступъ въ семинаріи инородцамъ-буддистамъ, учебное начальство этимъ самымъ какъ бы признается, что не вѣритъ въ благотворное дѣйствіе нашей науки.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели же сила нашего просвѣщенія такъ ничтожна, что знанія, пріобрѣтенныя многолѣтнимъ усидчивымъ трудомъ, всѣ новые завѣты цивилизаціи, всѣ горизонты, открываемые передъ нами европейской наукой, могутъ померкнуть передъ невѣжественной критикой степного бурята или даже схоластической критикой ламы? Опасаться того, что учителя-буддисты, по окончаніи учительской семинаріи, все-же будутъ строить какія-то козни—значитъ абсолютно не вѣрить въ силу нашего знанія, и мы положительно отказываемся понимать, что могло вызвать такую мѣру, какъ запрещеніе бурятамъ-буддистамъ поступать въ учительскія семинаріи. Одно изъ двухъ: если наше просвѣщеніе совершеннѣе, лучше того, которое буряты могутъ получить изъ Монголіи или Тибета, то намъ нечего бояться его конкурренціи; если же наша наука такъ безсильна сама по себѣ, что боится соперничества ламайской науки, то намъ остается одно—благородно ретироваться, а не прибѣгать къ мѣрамъ принужденія или стѣсненія. По нашему, тутъ не можетъ быть никакихъ колебаній. Мы вѣримъ глубоко, что европейская наука имѣетъ огромную притягательную силу, и еслибы ее дали такому любознательному народу, какъ буряты, въ надлежащей формѣ,—

Digitized by Google

завоеванія ея въ улусахъ были бы поразительны. Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что кочевая жизнь мѣшаетъ правильному устройству школьнаго дѣла среди бурятъ. Огромное большинство этихъ инородцевъ нынѣ живетъ довольно большими улусами, да и разстояніе между улусами совсѣмъ не такъ велико. Будь у бурятъ хорошіе учителя, можно было бы множество улусовъ обратить въ центры просвѣщенія; лишнія стойбища бурятъ представляютъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно неподвижные пункты, и для преданнаго дѣлу просвѣщенія учителя не представляло бы никакого труда собирать въ одномъ мѣстѣ дѣтей изъ нѣсколькихъ ближайшихъ улусовъ. Бурятскія дѣти привыкли къ стужѣ; они—прекрасные наѣздники и отлично управляются съ конемъ, и если крестьянскія дѣти отправляются зимой въ школу въ ближайшую деревню за двѣ, три и даже пять верстъ пѣшкомъ, то бурятскимъ мальчикамъ это было бы еще легче дѣлать, такъ какъ у нихъ почти у всѣхъ имѣются лошади или верховыя, или упряжныя. Такія школы встрѣтили бы также большое сочувствіе въ бурятской массѣ, такъ какъ онѣ избавили бы многихъ бѣдныхъ родителей отъ лишнихъ расходовъ по содержанію дѣтей въ чужомъ селеніи, и кромѣ того давали бы имъ (родителямъ) возможность пользоваться услугами мальчиковъ въ послѣклассное время. Есть еще одинъ путь, при помощи котораго мы могли бы заинтересовать инородцевъ своей наукой, своими знаніями. Среди бурятъ очень распространена монгольская грамотность; нерѣдки улусы, гдѣ 25, 50 и даже 75% всего мужского населенія читаютъ и пишутъ по-монгольски [1]). Но это богатое пріобрѣтеніе пока приноситъ имъ мало пользы; монгольская свѣтская литература крайне бѣдна; религіозныя же сочиненія, большею частью составляющія переводы съ тибетскаго, мало кому доступны, и грамотный бурятъ, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ удовлетворить своей любознательности. Между тѣмъ небольшая группа хорошихъ учителей-бурятъ, прошедшихъ спеціальный педагогическій курсъ, могли бы имъ открыть цѣлый новый міръ знанія. У насъ имѣется не мало хорошихъ популярныхъ книжекъ для народа. Однѣ знакомятъ съ главнѣйшими явленіями природы; другія прекрасно объясняютъ и описываютъ жизнь разныхъ народовъ въ различныхъ странахъ; третьи будятъ совѣсть, учатъ, какъ жить лучше, честнѣе; четвертыя

[1]) Во время статистическаго изслѣдованія Забайкальской области въ 1897 г. буряты сплошь и рядомъ скрывали, что они грамотны по-монгольски; боялись они какихъ-то послѣдствій, еслибы обнаружилось, что среди нихъ сильно распространена монгольская грамотность.

Digitized by Google

дають практическія свѣдѣнія, необходимыя всякому въ повседневной жизни. Для цѣлой группы учителей не стоило бы большого труда перевести на первое время хоть нѣкоторыя изъ такихъ книжекъ на монгольскій языкъ. Имъ бы, конечно, помогли въ такой работѣ многіе родовичи, у которыхъ до сихъ поръ не хватало иниціативы начать такое дѣло, но у которыхъ нашлась бы охота и умѣнье помочь иниціаторамъ своимъ посильнымъ трудомъ, и мы не сомнѣваемся, что такимъ путемъ сердца инородцевъ во много разъ скорѣе были бы привлечены къ русской культурѣ, нежели всякими другими путями; ибо никто не умѣетъ быть столь признательнымъ за истинно оказанную помощь, какъ простой человѣкъ, человѣкъ изъ народа, и особенно инородецъ. А такія книжки давали бы инородцамъ именно ту духовную пищу, въ которой они такъ долго нуждаются, которой они такъ давно жаждутъ. Словомъ, распространенію образованія среди инородцевъ можно содѣйствовать самыми разнообразными способами. Стоитъ только захотѣть; а захотѣть мы должны. Мы знаемъ, что однимъ распространеніемъ просвѣщенія не излечиваются всѣ недуги, но хорошо будетъ и то, если для просвѣщенія инородцевъ будетъ сдѣлано хоть что-нибудь, и если эти небольшіе результаты хоть сколько-нибудь облегчатъ имъ борьбу съ обступающими ихъ неблагопріятными условіями.

М. К.

Digitized by Google

ИЗЪ

РИЧАРДА ГАРНЕТТА

1.—Пловцы.

Насъ было семеро, и въ лебедѣ-челнѣ
Безмолвно мы гребли съ надеждою во взорѣ;
Стремились пылко мы къ далекой сторонѣ,
И привлекало насъ невѣдомое море.

Но тутъ предстала намъ русалка при лунѣ,
Плѣняла пѣснь ея волшебною отрадой:
—„Забудьте о моряхъ, о дальней сторонѣ,
Идите въ мой чертогъ лазоревый ко мнѣ,—
Объятія мои да будутъ вамъ наградой!..“

Она разсѣялась мгновенно, какъ туманъ,
Но мы все ждемъ ее съ надеждою во взорѣ;
Своими чарами обуталъ насъ обманъ,—
На мѣстѣ мы стоимъ, вдали отъ чуждыхъ странъ,
И не влечетъ пловцовъ невѣдомое море.

Digitized by Google

2.—Восточная сказка.

Налогомъ разоренъ, подобнымъ грабежу,
Туземецъ умолялъ о милости раджу:
—Плоды моихъ трудовъ забралъ ты, повелитель,
Остался ни-при-чемъ смиренный твой проситель,
И такъ какъ изъ меня до капли выжать сокъ,
То укажи, молю, счастливый уголокъ,
Въ которомъ я бы могъ трудиться на свободѣ.—
—Что жъ,—вымолвилъ раджа,—ступай себѣ въ Мадрасъ.—
—Но братъ твой, господинъ, тамъ правитъ въ томъ же родѣ.—
—Въ Пенджабъ!—Тамъ дядя твой не меньше грабитъ насъ.—
—Въ Тангеръ!—Племянникъ твой—въ томъ городѣ правитель.—
—Ну, къ чорту уходи!—воскликнулъ повелитель,
Упорствомъ бѣдняка разгнѣванный въ конецъ.
—Увы! Онъ, государь, твой царственный отецъ!—

О. Михайлова.

Digitized by Google

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ

ПО ДАННЫМЪ

САНИТАРНОЙ СТАТИСТИКИ

I.

Впервые въ 1896 году, въ Парижѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ, была выставлена картина Рошгросса: „Борьба за счастье". Большое полотно, написанное безъ яркихъ красокъ, но полное жизни, производило громадное впечатлѣніе всюду, гдѣ только выставлялась эта картина; толпа посѣтителей невольно останавливалась передъ превосходной композиціей и переживала то, что изобразилъ въ картинѣ художникъ. Что же такъ привлекало и останавливало вниманіе? Прежде всего бросается въ глаза высокая и крутая скала; на эту скалу, по ея крутизнамъ, карабкаются, ползутъ люди; громадная толпа внизу стремительно двигается также къ вершинѣ скалы; въ этой толпѣ не видно спокойствія; она возбуждена, она какъ бы потеряла почву подъ ногами, и вся, цѣликомъ, стремится къ тому, что въ видѣ неяснаго образа носится въ облакахъ, къ тому невѣдомому, неопредѣленному, къ тому счастью, котораго такъ жадно желаетъ толпа, всѣ отдѣльныя лица въ этой разнохарактерной толпѣ. По мѣрѣ того какъ мы вглядываемся попристальнѣе въ отдѣльныя фигуры, интересъ къ картинѣ возростаетъ съ каждою минутой. Тутъ и женщины, тутъ и мужчины, здѣсь и богатые, здѣсь и бѣдные, представители культуры и чернаго, тяжелаго труда; элегантные, изысканно одѣтые франты и модницы, и наряду

Digitized by Google

съ этимъ—босоногіе, разбитые и увязанные отъ поврежденій и ранъ чернорабочіе; чопорные, пожилые люди—и увлеченные молодые энтузіасты; живущіе надеждой—и уже кончающіе свои счеты съ жизнью.

Вся эта масса людей стремительно гонится за призракомъ счастья; въ этой погонѣ за счастьемъ, желая, во что бы то ни стало, получить его, люди не замѣчаютъ, какой тяжелый, кровавый слѣдъ они оставляютъ за собою. Свергая слабыхъ и двигаясь по трупамъ ихъ, они идутъ и идутъ впередъ, не замѣчая того, что дѣлается позади нихъ и рядомъ съ ними; кажется, вотъ они достигли счастья, а между тѣмъ и тутъ новыя жертвы, новыя преграды. Затоптанные, умершіе и умирающіе видны здѣсь и тамъ; протянутыя руки къ неясному призраку полны мольбы, мольбы горячей, полной жизни. Обнаженная рука женщины въ бальномъ платьѣ, жилистая, крѣпкая рука рабочаго, восторженно поднятыя руки молодой женщины, стиснутыя до боли руки дѣвушки—всѣ молятъ о счастьѣ.

Жизнь блещетъ во всѣхъ уголкахъ этой картины, и ясная, опредѣленная мысль художника еще болѣе подчеркивается тою декораціей, которую умѣло далъ онъ своей картинѣ. Внизу и вдали—громадный городъ, тысячи зданій, тысячи крышъ можно обозрѣвать съ этой скалы, и все это подернуто сѣрой дымкой пыли, копоти, отъ множества фабричныхъ трубъ, жадно выбрасывающихъ продукты сгоранія, отравляющихъ воздухъ, всю атмосферу большого торговаго города, въ которомъ тысячи человѣческихъ жизней приносятся въ жертву какому-то призраку, чему-то неопредѣленному, неясному, тому счастью, которое такъ удачно изображено Рошгроссомъ.

Картина производитъ глубокое впечатлѣніе и яснымъ отпечаткомъ ложится въ мозгу; впечатлѣніе не скоро проходитъ, много мыслей роится въ головѣ, но анализъ беретъ свое, и, отрѣшаясь отъ картины, невольно спросишь себя: неужели же городъ, эта сѣрая дымка, эти закоптѣлыя трубы, вся эта сутолока городской интенсивной жизни производятъ всѣхъ тѣхъ, которые такъ жадно стремятся достичь счастія, которые безъ разбора давятъ себѣ подобныхъ,—неужели городъ, именно городъ, могъ дать такую яркую картину, которая написана художникомъ?

Оставляя картину, переносясь изъ области художественнаго творчества къ тѣмъ фактамъ, которые приходится наблюдать въ современной жизни, посмотримъ, нѣтъ ли въ нихъ такихъ, которые могли бы показать намъ, что такое городъ. И

Digitized by Google

нѣтъ ли въ городѣ такихъ особенностей, которыя могутъ вредно вліять на его обитателей?

Вторая половина XIX столѣтія и по преимуществу послѣднее двадцатилѣтіе знаменуется выдающимся общественнымъ явленіемъ, а именно: чрезвычайнымъ ростомъ городовъ и рѣзкимъ подъемомъ городской жизни. Во всѣхъ культурныхъ странахъ сельское населеніе оставляетъ родныя нивы, насиженныя мѣста въ деревняхъ и стремится въ города. Такое стремленіе, конечно,—не случайное явленіе, и обусловливается тѣмъ, что населеніе деревень, вслѣдствіе особенныхъ запросовъ современной жизни, роковымъ образомъ тяготѣетъ къ городу и по необходимости должно жить такъ, какъ живетъ городъ. Въ настоящее время городская жизнь представляетъ такое крупное общественное явленіе, съ такими особенностями, что всякій человѣкъ, отдающій себѣ отчетъ въ окружающей его обстановкѣ, необходимо долженъ остановиться на немъ и по возможности ознакомиться съ нимъ.

Успѣхи техники въ области пара и электрической энергіи, дающіе возможность съ громаднымъ преимуществомъ замѣнять многія отрасли ручного труда, наряду съ этимъ усовершенствованные пути сообщенія—сдѣлали то, что людскія сношенія достигли высокой степени: обмѣнъ деревни съ городомъ такъ возросъ, что деревенскій житель не можетъ теперь господствовать, какъ онъ господствовалъ раньше; богатства городовъ быстро возростаютъ; облегченный и доступный кредитъ въ городахъ даетъ возможность капиталу накладывать свою тяжелую руку на всѣ отрасли производства и труда, и мы теперь являемся очевидцами необычайнаго роста городовъ, развивающихся съ изумительною скоростью и быстротою.

Если взять Англію и посмотрѣть, какъ въ этой странѣ увеличивались города, то мы увидимъ, что въ 1688 году, послѣ Лондона, столицы государства, только два города, Бристоль и Норвичъ, имѣли отъ 28.000 до 29.000 жителей и, кромѣ Лондона, еще въ одиннадцати городахъ было болѣе 4.000 жителей. Развертывая статистическія таблицы, которыми при своихъ разсчетахъ пользуются современные статистики, легко замѣтить, что въ настоящее время въ этомъ всемірномъ городѣ, пригороды котораго отдѣляются отъ самаго города условленною границею и гдѣ курьерскій поѣздъ съ головоломною быстротою несется по заселеннымъ городскимъ мѣстамъ болѣе получаса,

Digitized by Google

прежде чѣмъ достигнетъ центральнаго желѣзнодорожнаго вокзала, въ этомъ Лондонѣ живетъ столько жителей, сколько жило во всей Англіи въ XV столѣтіи и сколько теперь живетъ въ королевствѣ Даніи.

Обрабатывающая промышленность въ Англіи достигла высокаго развитія, и наряду съ этимъ выросло и городское населеніе. Въ Шотландіи, въ этой странѣ со строгимъ деревенскимъ строемъ и вѣками освященною любовью къ простору полей и луговъ, совершается рѣзкій переворотъ. За десять лѣтъ, съ 1871 по 1881 годъ, деревенское населеніе сократилось на 4%, а въ слѣдующее десятилѣтіе—на $5^1/_3$%; наряду съ этимъ городское населеніе выросло на 14 и 18%, а приростъ сельчанъ былъ очень малъ. По переписи 1891 года, шотландцевъ было болѣе 4.000.000 человѣкъ, и изъ нихъ постоянно жили въ деревнѣ только 928.000 человѣкъ, въ городахъ—2.631.300 человѣкъ, и частью въ городѣ, частью въ деревнѣ — 465.800. Высчитывая отношеніе между этими крупными общественными группами и сравнивая прошлое Шотландіи съ настоящимъ, легко замѣтить, что въ прежнія времена на одного горожанина приходилось три деревенскихъ жителя,—теперь, наоборотъ, на одного деревенскаго жителя приходится три горожанина.

То, что такъ ясно замѣтно для Шотландіи, повторяется по всей Англіи, и старые города графствъ со своей многовѣковой исторіей, съ чудными остатками старины и той упорной и горячей борьбой, которую приходилось выносить имъ, теперь совершенно забыты и, оставшись привлекательными для туриста, отдали все свое значеніе новымъ городамъ, новымъ центрамъ, въ которыхъ промышленные интересы нашли себѣ полное удовлетвореніе. Манчестеръ, Ливерпуль, Бирмингамъ и многіе другіе города королевства составляютъ тѣ промышленныя сердца, въ которыхъ бьется полный пульсъ современной жизни. И если приростъ жителей въ городахъ будетъ идти съ тою же энергіею, какъ это было до сихъ поръ, то, какъ говоритъ Шоу, въ города „скоро соберется около трехъ четвертей всего англійскаго народа“.

Не въ одной Англіи мы замѣчаемъ это поразительное явленіе. Германія послѣ франко-прусской войны проявила такую энергію, такой подъемъ народнаго духа, передъ которыми останавливаются всѣ лучшія политико-экономическія силы, и въ то время какъ до провозглашенія германской имперіи въ городахъ жила только одна треть,—теперь уже половина нѣмцевъ, если не больше. Въ Голландіи и Бельгіи наблюдается то же тяго-

Digitized by Google

тѣніе къ городамъ, и торговые и промышленные центры являются тою притягательною силою, къ которой стремится деревня. Во Франціи этотъ приростъ не такъ очевиденъ, такъ какъ приростъ населенія, вслѣдствіе слабой рождаемости, крайне малъ; тѣмъ не менѣе, и эта страна не представляетъ исключенія. Большіе города возросли, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и Парижъ, напримѣръ, за сто лѣтъ увеличилъ свое населеніе въ пять разъ, Ліонъ и Марсель — въ три раза, и можно думать, что теперь во Франціи городское населеніе составитъ 40% всѣхъ жителей, въ то время какъ въ 1851 году въ городахъ жила только четвертая часть.

Переносясь за океанъ, въ Сѣверо-Американскіе Штаты, мы видимъ, что, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, жили въ городахъ только 1½ милліона жителей, а теперь—20 милліоновъ. Ростъ американскихъ городовъ—чрезвычайный, изъ ряда вонъ выходящій. Небольшіе поселки и удачно выбранныя мѣста съ богатой природою въ очень короткій срокъ превращаются въ громадные торговые и культурные центры. Фермерская жизнь, если и имѣетъ мѣсто на обширныхъ территоріяхъ и въ новыхъ штатахъ на Западѣ, сокращается въ восточныхъ и, если можно такъ выразиться, уже пережившихъ періодъ фермерской жизни и вступившихъ на путь индустріальный, на путь обрабатывающей промышленности. Эти города восточныхъ штатовъ увеличиваются какъ на счетъ пришлаго, эмигрирующаго изъ Европы населенія, такъ и на счетъ деревенскихъ поселянъ. Въ частности, перемѣщеніе общественныхъ группъ по государствамъ и изъ деревни въ городъ, другими словами, вліяніе городовъ на сельское населеніе ясно видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	% горожанъ.	% поселянъ.
Въ Германіи въ 1871 году.	36,1	63,9
„ „ „ 1890 „	47,0	53,0
Во Франціи въ 1851 году	25,5	74,5
„ „ „ 1886 „	36,0	64,0
Въ Соедин. Штатахъ въ 1840 году. . . .	8.5	91,5
„ „ „ „ 1890 „	23,1	70,9

Такое передвиженіе населенія должно неминуемо сопровождаться какими-либо общественными явленіями, и если начать отыскивать ихъ, то мы легко отмѣтимъ многія изъ нихъ.

Вглядываясь въ ростъ любого большого города, въ немъ всегда можно найти ту первоначальную территорію, изъ которой началъ образовываться городъ,—въ немъ всегда есть центръ, къ которому сводятся всѣ дороги; и если правъ былъ гордый

Digitized by Google

римлянинъ, когда говорилъ, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, то, съ другой стороны, правы всѣ современные горожане большихъ городовъ, которые станутъ утверждать, что всѣ дороги города сходятся въ центрѣ; въ немъ жизнь, въ немъ дается тонъ городской жизни,—этотъ центръ господствуетъ надъ всѣмъ городомъ и придаетъ ему ту или другую внѣшность. Для насъ имѣютъ значеніе не крупные административные центры, а тѣ города, въ которыхъ промышленная дѣятельность свиваетъ прочное гнѣздо. Ростъ такихъ городовъ не есть дѣло случая; ростъ ихъ обусловленъ самою жизнью, и приливъ въ нихъ новаго населенія совершается съ необыкновенною быстротою. Не обращаясь къ росту городовъ западной Европы, остановимъ вниманіе на Москвѣ, и мы увидимъ, что въ этомъ городѣ за послѣднія 15 лѣтъ населеніе ежегодно прибываетъ, въ среднемъ, на 15.000 человѣкъ. Москва уже теперь является однимъ изъ величайшихъ городовъ Европы и въ своей окружности насчитываетъ милліонъ жителей.

Если представить себѣ эту территорію,—нѣтъ, лучше не представлять ея, а лучше обозрѣть ее или съ высоты нашего Кремля, или, что лучше, Воробьевыхъ горъ. Какая масса жилыхъ домовъ, общественныхъ зданій, фабрикъ, заводовъ разстилается передъ глазами, какой огромный человѣческій муравейникъ, сколько проявленій духовной и промышленной жизни сосредоточивается въ этомъ городѣ, въ этомъ сердцѣ Россіи, сколько человѣческихъ жизней находятъ здѣсь себѣ счастье и сколько, наряду съ этимъ, несбывшихся надеждъ, разбитыхъ жизней!—да вѣдь это та же картина Рошгросса...

Чудный осенній или ясный морозный день, съ прозрачнымъ воздухомъ нашей географической широты, представляетъ Москву въ особомъ свѣтѣ: Москва съ высоты—одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ; однако, нѣтъ ли чего-либо въ ней такого, что можетъ расхолодить и непріятно дѣйствовать на его обитателей? Спускаясь съ высотъ и попадая въ этотъ городъ, обозрѣватель сразу поражается ея неблагоустройствами: плохо мощенныя улицы, тучи песку, пыли, грязь, нечистота во дворахъ, недостатокъ воды, отсутствіе уличныхъ стоковъ, подчасъ невыносимое зловоніе, плохія жилыя помѣщенія, обиліе промышленныхъ заведеній, которыя, вслѣдствіе быстраго роста города, очутились въ городской чертѣ и по роду своихъ производствъ заражаютъ воздухъ, и многое другое—невольно останавливаютъ вниманіе вновь прибывшаго. Москва—одинъ изъ городовъ Европы, который несетъ за свое

Digitized by Google

нерадѣніе заслуженную кару, такъ какъ смертность въ Москвѣ очень высока.

Фактъ давно извѣстный, что деревенскіе округа не даютъ такой высокой смертности, какую даютъ города, и въ то время, какъ въ деревенскихъ округахъ Англіи, по Фарру, смертность не превышаетъ 17,5 на 1.000 жителей, въ Лондонѣ она равна 24, и во всѣхъ англійскихъ городахъ, въ среднемъ, — 28 на 1.000 жителей. По даннымъ Финкельнбурга, для всей Пруссіи смертность равна 25,7 на 1.000, а для Берлина она равна 31,5 на ту же 1.000 живущихъ. Гдѣ бы мы ни просматривали статистику смертности, мы вездѣ увидимъ, что *въ городахъ смертность значительно выше, чѣмъ въ деревнѣ, — вотъ первая отрицательная сторона густо населенныхъ мѣстъ.* Мало того, замѣчена строгая зависимость между густотою населенія и смертностью; чѣмъ скученнѣе живутъ обитатели города, чѣмъ меньше воздуха и пространства приходится на одного жителя, тѣмъ больше смертность, тѣмъ больше, наряду съ этимъ, смертность отъ заразныхъ болѣзней,—какъ это очень убѣдительно показалъ д-ръ Полякъ для Варшавы. Но не въ этомъ одномъ отношеніи сказывается неблагопріятное вліяніе городовъ. Дѣтская смертность въ городахъ очень велика и, по датской статистикѣ, на 1.000 родившихся дѣтей умирали:

	Въ рабочемъ классѣ.	Въ остальныхъ классахъ населенія.
Въ Копенгагенѣ.	204	167
„ провинціальныхъ городахъ. .	147	113
„ деревняхъ.	120	118

Напряженный, тяжелый трудъ, который приходится нести мужскому населенію въ городахъ, сказывается какъ въ большей заболѣваемости, такъ и въ большей смертности ихъ. Для города Кёльна и его окрестностей эта зависимость сказывается въ слѣдующихъ цифрахъ: изъ 1.000 живущихъ въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ умираетъ:

	Среди мужчинъ.	Среди женщинъ.
Въ городѣ Кёльнѣ.	19,0	12,0
„ земледѣльческомъ округѣ того же наименованія.	13,0	12,4

Вообще слѣдуетъ сказать, что какъ на дѣтскій, такъ и на пожилой возрастъ жизнь въ городахъ дѣйствуетъ крайне неблагопріятно, отнимая у нихъ годы жизни.

Digitized by Google

Причины такой высокой смертности лежатъ частью во внѣшнихъ условіяхъ городской жизни, частью же — и даже большею — стоятъ въ связи съ тою средою, въ которой приходится проводить время городскимъ жителямъ, какъ во время своихъ служебныхъ обязанностей, такъ и дома.

Не имѣя возможности въ короткой статьѣ указать на рядъ крайне интересныхъ цифръ, иллюстрирующихъ эту сторону городской жизни, остановимъ вниманіе на жилищахъ рабочихъ, этихъ забытыхъ, но необходимыхъ представителей труда.

Въ юго-восточной части Москвы раскинулись на большомъ пространствѣ нѣсколько большихъ заводовъ и ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ. Тысячи рабочихъ рукъ, тысячи семей рабочихъ ютятся по близости тѣхъ промышленныхъ учрежденій, въ которыхъ протекаетъ добрая половина ихъ жизни. Однако, посмотрите, гдѣ они живутъ, въ какой атмосферѣ ростутъ ихъ дѣти! Изслѣдованія, которыя были опубликованы недавно женщиною-врачомъ госпожею Ротъ и обнимающія наблюденія за десятилѣтній срокъ, заслуживаютъ особаго вниманія.

Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что городъ Москва явился неподготовленнымъ по отношенію жилищъ, когда наплывъ въ него пришлаго населенія возросъ, и жилищная нужда или извѣстный „квартирный вопросъ“ составляетъ злобу дня. Если эта неподготовленность города тяжело отзывается на среднемъ обывателѣ, то она еще тяжелѣе, неизмѣримо тяжелѣе, ложится на простолюдина. Рабочій на фабрикѣ долженъ по необходимости селиться близко отъ нея, такъ какъ наибольшій срокъ времени, которымъ онъ располагаетъ для удовлетворенія своихъ потребностей питанія, составляетъ отъ одного, полутора и до двухъ часовъ въ продолженіе дня. Въ этотъ часъ онъ долженъ дойти до квартиры, долженъ пообѣдать, и снова придти на фабрику, чтобы, по свистку, быть за своимъ станкомъ или приборомъ, который ввѣренъ его надзору. Есть ли тутъ возможность выбора чистаго, свѣтлаго, съ достаточнымъ просторомъ, съ достаточнымъ объемомъ воздуха жилища? Конечно, нѣтъ; приходится брать то, что̀ есть, первый попавшійся домъ, который рѣшается пріютить эту „душу живу“, считается годнымъ для жилья, и рабочій нанимаетъ или койку, или часть комнаты, или каморку.

Какая дороговизна существуетъ въ этихъ домахъ, переполненныхъ рабочими, видно изъ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся тѣмъ же авторомъ. Квадратная сажень пола квартиры даетъ дохода, въ среднемъ, 1 руб. 50 коп., а въ каморкахъ она доходитъ до 3 рублей и выше. Чѣмъ скученнѣе живутъ рабочіе,

Digitized by Google

тѣмъ бо́льшую цѣну приходится имъ платить за квартиру; каждая пядь пола доставляетъ высшій барышъ. Объемъ воздуха значительно ниже того минимума, который требуется для одного человѣка, и въ среднемъ равняется 0,70 куб. сажени,—и нельзя не согласиться съ заявленіемъ автора, говорящаго, что „эта мѣрка громадна для человѣка, какъ живой машины, но не для человѣка, къ которому мы предъявляемъ извѣстныя нравственныя требованія". Не будетъ казаться ни страннымъ, ни удивительнымъ, если рабочій, изо дня въ день проводящій свое трудовое время въ такой обстановкѣ по необходимости,—въ свободное время, въ праздничные дни, оставляетъ свой непривѣтливый, сырой, темный, душный, зловонный уголъ и бѣжитъ на улицу, бѣжитъ въ любой трактиръ, чтобы тамъ найти удовлетвореніе своей наболѣвшей душѣ.

Жизнь въ этихъ каморочныхъ квартирахъ представляетъ такую массу отрицательныхъ сторонъ, что становится страшно за людей и трудно было бы ожидать, чтобы живущіе въ такой обстановкѣ не страдали, не только физически, но и нравственно. Если таково вліяніе плохихъ квартиръ на взрослыхъ, то каково же оно должно быть на подростковъ и дѣтей? Заразныя болѣзни находятъ здѣсь себѣ удобную почву и сотни молодыхъ жизней погибаютъ, не успѣвая вырости. Если прибавить къ этому нравственную атмосферу, окружающую дѣтей, атмосферу пьянства, грубаго, фабричнаго разгула, разнузданности, отсутствіе всякихъ моральныхъ устоевъ, то по истинѣ не разъ содрогнется умъ и сердце за этихъ „забытыхъ" людей.

Пико прямо говоритъ, что „жилищный вопросъ составляетъ краеугольный камень всей соціальной проблемы настоящаго времени. Никакое доброе чувство не можетъ держаться въ этихъ жилищахъ, готовящихъ городскихъ бѣдняковъ. Семейное начало подрывается въ корень и гибнетъ. Бѣднякъ возвращается въ свой подвалъ съ отвращеніемъ и при первой возможности бѣжитъ въ кабакъ. Жена и дѣти также не выносятъ домашней жизни. И такое положеніе вещей угрожаетъ не однимъ только рабочимъ классамъ, но и здоровью всего общества, ибо эпидеміи зарождаются и разносятся именно изъ этихъ очаговъ всевозможной инфекціи". „Нужно быть не только добродѣтельнымъ человѣкомъ, но просто героемъ,—говоритъ Дю-Мениль,—чтобы, живя въ подвалахъ, не воспылать ненавистью къ обществу". „Я изучалъ,—писалъ Бланки,—съ величайшею внимательностью частную жизнь работника, и смѣло утверждаю, что нездоровое жилище есть исходная точка нищеты и всякихъ пороковъ".

Digitized by Google

Если таковы условія, въ которыхъ живутъ рабочіе нашихъ окраинъ, то, съ другой стороны, санитарныя условія квартиръ точно также заставляютъ желать многаго, и горожанинъ, по необходимости живущій въ городѣ осень, зиму и часть весны, съ удовольствіемъ переселяется на лѣто за городъ, „на дачу".

Сомнѣнія нѣтъ, что хорошая санитарная обстановка города можетъ сдѣлать многое, и должно настойчиво твердить о необходимыхъ исправленіяхъ или улучшеніяхъ тѣхъ условій, которыя неблагопріятно отзываются на здоровьѣ обитателей вслѣдствіе жизни въ городахъ. Однако, какъ бы ни улучшали эти условія, тѣмъ не менѣе едва ли можно будетъ такъ оздоровить городъ, чтобы онъ могъ сравниться съ деревней. Своевременное удаленіе отбросовъ и даже совершенная канализація, чистота почвы, обиліе воды и цѣлый рядъ другихъ санитарныхъ мѣръ, которыми имѣютъ въ виду оградить горожанъ отъ вредно дѣйствующихъ причинъ, не могутъ замѣнить намъ тѣхъ внѣшнихъ, благопріятно дѣйствующихъ на нашъ организмъ, на наше общее самочувствіе, условій, которыя такою широкою рукою даетъ намъ природа.

Чѣмъ моложе возрастъ, тѣмъ сильнѣе сказываются условія городской жизни, и маленькій горожанинъ уже съ ранняго дѣтства носитъ на себѣ отпечатокъ особенной впечатлительности, воспріимчивости, нервности, даже неустойчивости, физической слабости; маленькій горожанинъ, это—тепличное растеніе, требующее внимательнаго ухода. Масса впечатлѣній, получаемыхъ ребенкомъ при жизни въ городѣ, заставляютъ его умъ много работать; наблюдательность его не знаетъ отдыха, картины уличной жизни, интересныя витрины со множествомъ разнообразныхъ вещей, останавливающихъ вниманіе ребенка, слишкомъ рано обогащаютъ его рядомъ свѣдѣній. Наоборотъ, спокойное созерцаніе природы отсутствуетъ; чистый, возбуждающій воздухъ лѣсовъ, полей, луговъ—ему недоступенъ, а между тѣмъ въ немъ организмъ черпаетъ свою силу, свое здоровье.

Подобно дѣтямъ и юношамъ, отдаютъ свою дань городу и люди въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Интенсивная, напряженная дѣятельность, требующая огромнаго запаса какъ физическихъ, такъ и духовныхъ силъ, порождаетъ рядъ болѣзней, въ которыхъ болѣе всего страдаютъ органы, на долю которыхъ достается наибольшая работа, а именно сердце, почки, мозгъ. Обильное употребленіе возбуждающихъ средствъ, среди которыхъ алкоголь стоитъ на первомъ планѣ, вызываетъ у горожанъ частое заболѣваніе сердца и почекъ.

Digitized by Google

По прусской статистикѣ, изъ 10.000 живущихъ заболѣваютъ:

	въ городѣ		въ деревнѣ	
	мужчинъ	женщинъ	мужчинъ	женщинъ
Болѣзнями сердца. . .	3,1	3,4	0,9	0,9
Болѣзнями почекъ. . .	2,8	1,7	0,8	0,4

Тѣ же данныя, собранныя германскимъ санитарнымъ вѣдомствомъ, показываютъ намъ, что число умирающихъ на тѣ же 10.000 отъ болѣзней мозга значительнѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, и въ то время какъ въ городахъ изъ мужчинъ умираетъ 9,8, а изъ женщинъ 7,5,—въ деревняхъ значительно меньше, втрое меньше, а именно изъ мужчинъ 3,2 и женщинъ—2,6. Вспоминая, какое вредное вліяніе оказываетъ ночная работа, сверхсмѣтная работа, увеличивающая рабочій день до 16—18 часовъ въ сутки,—такъ какъ только при такихъ необычныхъ усиліяхъ удается получить необходимую заработную плату, чтобы удовлетворить насущныя жизненныя потребности,—и цѣлый рядъ другихъ неблагопріятныхъ условій,—станетъ очевидною тиранія города, низводящая человѣка до степени простой машины въ огромной лабораторіи городской жизни.

Типичнѣйшая болѣзнь конца прошлаго вѣка, неврастенія, превосходное описаніе которой сдѣлано впервые американцемъ Брэдомъ, есть продуктъ жизни въ американскихъ городахъ-колоссахъ; а сколько такихъ больныхъ въ настоящее время—трудно себѣ представить; къ сожалѣнію, этому нервному разстройству не ведется подсчета, но врачамъ хорошо извѣстна эта болѣзнь, проявляющаяся какъ слабыми симптомами въ видѣ общей слабости, усталости, плохого сна или безсонницы, такъ и тяжелыми разстройствами вплоть до нарушенія психической дѣятельности,—и во многомъ, если не сказать во всемъ, виною городъ.

Всѣ только-что приведенные факты, равно и статистическія данныя въ достаточной мѣрѣ показываютъ, какимъ богатымъ матеріаломъ располагаетъ современная гигіена. Въ настоящее время цифровой матеріалъ настолько обширенъ, что даетъ право не только обобщать явленія, но и предлагать на основаніи изученія ихъ цѣлый рядъ санитарныхъ мѣръ.

Правъ былъ Гёте, когда сказалъ, „что если цифры и не управляютъ міромъ, то показываютъ, какъ міръ управляется". Санитарная статистика широко пользуется цифровыми выводами и на основаніи ихъ было предложено много разумныхъ мѣръ. Съ болѣзнями массъ можетъ бороться только гигіена; только она одна можетъ указать, гдѣ причины, порождающія недуги

Digitized by Google

общественныхъ группъ, и только въ ней одной можно найти указанія на то, какъ лечить общественные недуги.

II.

Животный организмъ и, въ частности, человѣкъ можетъ существовать въ окружающей средѣ только при извѣстныхъ условіяхъ; между средой и животнымъ организмомъ существуетъ постоянное взаимодѣйствіе.

Правильныя отправленія органовъ, а слѣдовательно, и жизнь всего организма, возможны только тогда, когда среда обладаетъ извѣстными свойствами, благопріятными для его существованія; измѣненіе этихъ необходимыхъ для жизни свойствъ колеблется въ довольно узкихъ предѣлахъ; отступленія за эти предѣлы обыкновенно тяжело отзываются на существованіи, и человѣку грозятъ какою-либо болѣзнью и даже смертью.

Если взглянуть на таблицу смертности, въ которой можно найти группировку умершихъ по причинамъ смерти, то замѣтимъ, что на первомъ мѣстѣ стоитъ число случаевъ смерти дѣтей отъ болѣзней пищеварительнаго тракта и заразныхъ, затѣмъ слѣдуетъ бугорчатка, остальныя инфекціонныя заболѣванія и, наконецъ, простуда. Или, группируя тѣ же случаи по причинамъ, обусловливающимъ смерть, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить зараженіе, инфекцію, затѣмъ неправильное питаніе и, наконецъ, недостаточную регуляцію тепла.

Во внѣшнихъ условіяхъ существованія лежитъ причина болѣзней, а слѣдовательно, и смертности, и потому чѣмъ совершеннѣе будутъ изучены эти условія, тѣмъ надежнѣе и вѣрнѣе будутъ мѣропріятія въ борьбѣ съ вредными вліяніями. Однако, прежде чѣмъ перейти къ изученію этихъ условій, необходимо показать, чѣмъ располагаетъ гигіена, которая занимается „внѣшними жизненными условіями и обычной обстановкой человѣка, и старается открыть въ нихъ тѣ факторы, которые чаще и въ болѣе значительной степени даютъ поводъ къ разстройствамъ въ организмѣ, или въ состояніи ослабить его способность къ дѣятельности“.

Невольно задаешь вопросъ: гдѣ мѣрило, при посредствѣ котораго можно было бы воочію показать благотворное вліяніе санитарныхъ мѣропріятій?

Если, при оцѣнкѣ какого-либо заболѣванія, лечебной медицинѣ приходятся обращать вниманіе на ближайшія причины и

Digitized by Google

тѣ внѣшнія условія, среди которыхъ имѣлъ мѣсто тотъ или другой случай, то гигіена захватываетъ вопросъ и шире, и глубже. Здравохраненіе обращаетъ вниманіе по преимуществу не на единичные случаи, но на массу, и конечною своею цѣлью ставитъ выясненіе тѣхъ причинъ, которыми могли обусловливаться болѣзни въ массѣ; здравохраненіе, шагъ за шагомъ изучая причины, обусловливающія большую или меньшую рождаемость, болѣзненность и смертность населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ рядъ условій, способствующихъ или противодѣйствующихъ имъ. Орудіемъ для такого рода изслѣдованій служитъ статистическій методъ и, въ частности, санитарная статистика. При посредствѣ этого метода можно производить, если можно такъ выразиться, массовыя наблюденія, благодаря чему отдѣльныя случайности сглаживаются и какое-либо общественное явленіе обрисовывается въ возможной полнотѣ; во многихъ случаяхъ удается подмѣтить извѣстную законность, повторяемость явленій. „Открытіе подобныхъ законосообразностей имѣетъ величайшее значеніе для общественной гигіены и для всѣхъ санитарныхъ мѣропріятій вообще“, —говоритъ профессоръ Эрисманъ. —„Констатировавъ постоянство извѣстнаго неблагопріятнаго явленія, мы получаемъ возможность составить болѣе или менѣе раціональный планъ борьбы съ нимъ, даже въ томъ случаѣ, если ближайшія причины его остаются еще невыясненными. Санитарная статистика и открываемыя ею статистическія законосообразности или эмпирическіе законы составляютъ краеугольный камень общественно-гигіеническихъ мѣропріятій“.

Само собою разумѣется, что вліяніе неблагопріятно дѣйствующихъ условій среды на человѣческій организмъ крайне разнообразно, и изученіе ихъ можетъ быть достигнуто или личнымъ наблюденіемъ, или опытомъ, но есть цѣлый рядъ общественныхъ явленій, которыя не могутъ быть изучены другимъ путемъ, какъ только статистическимъ; мало того, въ томъ же статистическомъ методѣ мы имѣемъ контроль надъ санитарными мѣропріятіями, благодаря которому возможно судить о цѣлесообразности работы въ области общественнаго здоровья. Обратимся, однако, къ фактамъ и посмотримъ, что они намъ даютъ.

Статистика показываетъ, что сила смертности въ различныхъ государствахъ Европы представляетъ значительныя колебанія. Такъ, по даннымъ Бодіо, среднее число умершихъ въ годъ на 1.000 жителей той или другой страны колеблется въ большихъ предѣлахъ отъ 17,3 до 38,0 на 1.000 жителей. Наименьшая смертность, ниже 20-ти на 1.000, встрѣчается въ сѣверныхъ

Digitized by Google

государствахъ — Швеціи, Норвегіи и Даніи; въ государствахъ западной и отчасти центральной Европы смертность уже выше и колеблется отъ 20 до 30 на 1.000, и, наконецъ, свыше 30 мы встрѣчаемъ смертность въ государствахъ восточной части Европы; наибольшая смертность встрѣчается въ Сербіи—32, въ Европейской Россіи—36,7 и, наконецъ, въ Венгріи—38. Подобное явленіе можно отмѣтить не только въ цѣломъ государствѣ, но и въ отдѣльныхъ большихъ городахъ. Наивысшая смертность въ большихъ городахъ опять-таки замѣчается въ восточной части европейскаго материка, и еслибы у насъ была такая же смертность, какъ въ Англіи или во Франціи, то мы имѣли бы только $^2/_3$ настоящаго числа смертныхъ случаевъ, т.-е. $^1/_3$ часть погибающихъ оставалась бы въ живыхъ. Потери, которыя приходится нести городамъ или государствамъ вслѣдствіе высокой смертности, огромны. Петтенкоферъ говоритъ, что гор. Мюнхенъ теряетъ ежегодно вслѣдствіе болѣзней населенія около $1^1/_2$ милліона рублей. Эрисманъ для Москвы эту потерю опредѣляетъ около 8 милліоновъ, а Рошаръ для населенія Франціи высчитываетъ этотъ убытокъ въ колоссальной цифрѣ 708 милліоновъ франковъ. Эти немногія данныя показываютъ, какимъ тяжелымъ бременемъ ложатся на народонаселеніе его болѣзни.

Оставляя въ сторонѣ ту связь, которая существуетъ между рождаемостью и тѣми экономическими условіями, среди которыхъ приходится жить населенію, можно утверждать, что самое число смертей, общая смертность, коэффиціентъ смертности, довольно опредѣленно говорятъ намъ о степени общественнаго здоровья.

Болѣе подробное ознакомленіе съ цифрами смертности указываетъ на то, что разница между ними главнымъ образомъ состоитъ въ связи съ большею или меньшею дѣтскою смертностью: гдѣ она выше, тамъ коэффиціентъ смертности также высокъ; конечно, не одно только это условіе вліяетъ на увеличеніе числа смертей, но во всякомъ случаѣ этому фактору должно принадлежать огромное значеніе. При сравненіи смертности дѣтей въ возрастѣ трехъ, четырехъ, пяти лѣтъ, мы видимъ, что въ Норвегіи умираетъ 17,6% на 1.000 дѣтей, въ Англіи и Франціи—по 36, въ Пруссіи—42,6 и въ Россіи—64,5, т.-е. смертность дѣтей въ этомъ возрастѣ превышаетъ норвежскую почти въ четыре раза. Дальнѣйшее сравненіе возрастной смертности указываетъ намъ на еще болѣе печальное явленіе; въ то время, какъ въ Норвегіи и вообще въ Скандинавіи коэффиціентъ смертности съ возрастомъ становится меньше, въ Россіи смертность и въ цвѣтущемъ возрастѣ, наиболѣе продуктивномъ для госу-

Digitized by Google

дарственной и экономической жизни страны, остается довольно высокою.

Тщательное изученіе причинъ, уменьшающихъ возрастную смертность, равно и увеличивающихъ ее, служитъ серьезнымъ указателемъ для тѣхъ мѣропріятій въ области частной и общественной гигіены, которыми въ настоящее время располагаетъ медицина. Однимъ изъ важныхъ факторовъ, вліяющихъ на высоту смертности, является экономическое состояніе страны, и данныя статистики Кёреши для Буда-Пешта даютъ тому яркое подтвержденіе.

Опредѣляя среднюю продолжительность жизни умершихъ въ возрастѣ выше 5-ти лѣтъ, исключивъ такимъ образомъ дѣтскую смертность и раздѣливъ населеніе по зажиточности на богатыхъ, средняго достатка и, наконецъ, бѣдныхъ и нищихъ, онъ нашелъ, что для первой группы—богатыхъ—средняя продолжительность жизни равняется 52 годамъ, для второй группы—46 и, наконецъ, для бѣдныхъ—только 41-му году 7-ми мѣсяцамъ,—другими словами, „дитя, выросшее въ хорошей обстановкѣ и достигшее 5-лѣтняго возраста, можетъ разсчитывать прожить цѣлыхъ 10 лѣтъ больше, чѣмъ ребенокъ бѣдныхъ родителей".

Другія данныя того же статистика показываютъ намъ, что чѣмъ богаче живетъ народонаселеніе, чѣмъ оно зажиточнѣе, обезпеченнѣе, тѣмъ меньше погибаетъ людей отъ заразныхъ болѣзней и чахотки, и тѣмъ больше замѣчается случаевъ старческой слабости, дряхлости и нервныхъ страданій въ видѣ апоплексій (нервнаго удара) и параличей. Естественнымъ поэтому является вопросъ: какія же болѣзни по преимуществу обусловливаютъ высокую смертность?

По оффиціальному отчету баварскаго министерства внутреннихъ дѣлъ за 1877—78 гг., отъ разныхъ болѣзней дыхательнаго аппарата, которыя въ настоящее время въ большинствѣ причисляются также къ заразнымъ формамъ, умерло около 8%, отъ чахотки—также 8% и отъ различныхъ заразныхъ болѣзней, каковы: тифъ, скарлатина, корь и т. п.—до 16%, или, въ общемъ, 32%. Въ Пруссіи отъ эпидемическихъ болѣзней умираетъ 19% и отъ чахотки 10,7%,—то-есть, смертность еще выше; въ Англіи болѣзни легкихъ вмѣстѣ съ чахоткою составляютъ больше четверти всѣхъ умершихъ, заразныя же болѣзни вообще—болѣе одной шестой. Статистика смертности большихъ городовъ съ ихъ скученнымъ населеніемъ даетъ еще болѣе неутѣшительные итоги; число умирающихъ въ городахъ очень велико; въ Берлинѣ на 100 смертныхъ случаевъ приходится около 44—46 смертей отъ

Digitized by Google

заразныхъ болѣзней и заболѣваній дыхательныхъ органовъ, включая и чахотку; въ Москвѣ тѣ же болѣзни даютъ около 60%, а въ Петербургѣ—еще выше, около 64%.

Въ частности, нѣкоторыя болѣзни, постоянно господствующія среди населенія, заслуживаютъ особеннаго вниманія, и на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить у насъ въ Россіи дифтерію, получившую такую печальную извѣстность на нашемъ югѣ и востокѣ.

Дифтерія въ предѣлахъ Россіи видимо существуетъ уже давно. Такъ, еще докторъ Маркевичъ въ Кіевѣ, въ своемъ сочиненіи „О народонаселеніи полтавской губерніи", изданномъ въ 1855 году, указываетъ намъ, что злокачественная жаба была одною изъ главныхъ причинъ дѣтской смертности. Послѣ крымской войны въ различныхъ мѣстахъ наблюдались отдѣльныя вспышки дифтеріи, но долгое время, по разнымъ причинамъ,—по недостаточности статистическихъ свѣдѣній, по несвоевременности доставленія ихъ, по недостатку врачей, такъ какъ районы для наблюденія были крайне велики, наконецъ потому, что дифтерія не принимала грозныхъ размѣровъ послѣднихъ эпидемій, а наблюдались только отдѣльные спорадическіе случаи,—они мало занимали общество, но въ концѣ 70-хъ годовъ южныя губерніи Россіи жестоко пострадали отъ этой болѣзни. Такъ, напримѣръ, въ полтавской губерніи умерло отъ дифтеріи въ 1875 году 480 человѣкъ, а въ слѣдующемъ году смертность возросла въ 10 разъ и умерло 4.935 человѣкъ; возростать число умершихъ продолжало до 1879 года, когда отъ дифтеріи погибло 20.367 человѣкъ; въ послѣдующіе годы смертность, унеся такую массу жертвъ, стала ослабѣвать, но все еще была велика. Во многихъ уѣздахъ смертность доходила до 12 на 1.000, а въ миргородскомъ уѣздѣ—даже до 20 на 1.000. По отдѣльнымъ участкамъ, гдѣ дифтерія свила себѣ гнѣздо, смертность была ужасающая; такъ, въ мѣстечкѣ Сорочинцы заболѣло 28% изъ наличнаго состава населенія и умерло изъ заболѣвшихъ 79%. За четырехлѣтнее существованіе эпидеміи переболѣла *третья* часть населенія и умерла почти *шестая*. Наиболѣе страдало дѣтское населеніе въ возрастѣ до 15-ти лѣтъ, среди которыхъ по преимуществу дифтерія и намѣчала свои жертвы; дѣти до 2-хъ лѣтъ менѣе воспріимчивы и видимо легче переносятъ болѣзнь, чѣмъ дѣти отъ 2-хъ до 10-ти лѣтъ; въ общемъ, заболѣла почти половина всего дѣтскаго населенія—до 42%.

Если дифтерія даетъ такую ужасную картину, то при этомъ необходимо отмѣтить только одно обстоятельство: дифтерія только

Digitized by Google

тогда даетъ столь высокую заболѣваемость и смертность, когда распространяется въ видѣ эпидеміи. Совершенно иное наблюдается по отношенію къ другой, самой губительной болѣзни,—по отношенію туберкулеза (бугорчатки), и въ частности чахотки легкихъ. По свидѣтельству Гирша, отъ $^1/_7$ до $^1/_5$ всего числа умирающихъ нужно отнести на долю бугорчатки, а заболѣваемость ею, вѣроятно, еще выше (по Cornet—доходитъ до $^1/_3$). Согласно указаніямъ Рошара, во Франціи, въ 1886 году, убытки отъ смерти и болѣзни отъ чахотки, при населеніи въ 38,6 милліоновъ человѣкъ, достигли 500 милліоновъ франковъ. Таковы тѣ неощутительные единичные случаи, когда имъ подводятъ итоги!

Культура, принося цѣлый рядъ усовершенствованій, вмѣстѣ съ тѣмъ еще недостаточно выдвинула санитарные вопросы; вопросы гигіены и общественнаго здоровья еще не составляютъ вопросовъ первостепенной важности. Культура двигаетъ массу впередъ, голова загромождается цѣлыми рядами спеціальныхъ свѣдѣній, современная жизнь все больше и больше отвлекаетъ человѣка отъ природы, гонитъ его въ города съ ихъ вѣчной суетолокой и постояннымъ усиленнымъ запросомъ на нервную работу——мозговую работу—вплоть до переутомленія, результатомъ чего является масса больныхъ или же людей, не стойкихъ въ борьбѣ съ болѣзнями.

Что дѣйствительно земледѣльческая среда и частое пребываніе на свѣжемъ, открытомъ, доступномъ для постояннаго обновленія воздухѣ дѣйствуетъ благотворно на организмъ, показываютъ статистическія данныя Швейцаріи, по которымъ оказалось, что въ деревняхъ смертность отъ чахотки достигаетъ 1,1 на 1.000 человѣкъ, въ смѣшанномъ населеніи 1,7, а въ промышленныхъ округахъ уже 2,5 на 1.000, т.-е. смертность возростаетъ болѣе, чѣмъ вдвое. Далѣе мы видимъ, что лишеніе свободы, угнетающія психическія вліянія дѣйствуютъ пагубно на человѣческій организмъ, созидая благопріятныя условія для развитія болѣзни. Беръ для тюремъ нашелъ, что въ нихъ смертность отъ чахотки бываетъ въ 3—4 раза больше, чѣмъ внѣ ихъ; такъ, при общей смертности въ 14—15%, въ тюрьмахъ она доходитъ до 40—50%, а въ одиночномъ заключеніи—даже до 60%. Изслѣдованія Штангеева и Пирскаго точно также показываютъ намъ, что извѣстное соціальное положеніе не остается безъ вліянія на распространеніе бугорчатки. При поголовномъ осмотрѣ крестьянскаго населенія извѣстныхъ районовъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ оказалось, что больше всего заболѣваютъ

Digitized by Google

чахоткой холостые мужчины, затѣмъ уже слѣдуютъ незамужнія женщины; живущія же въ брачномъ сожительствѣ болѣе выносливы въ борьбѣ съ этою болѣзнью, чѣмъ внѣ его.

Перенесемся въ другую область; посмотримъ, какъ на человѣка вліяютъ тѣ искусственныя условія, которыя по необходимости создаются имъ, чтобы защитить себя отъ вредно дѣйствующихъ условій естественной среды, и остановимъ вниманіе только на жилищѣ.

Жилище защищаетъ человѣка отъ случайныхъ колебаній состоянія атмосферы, говоря обыденнымъ языкомъ—отъ непогоды; оно создаетъ особую газовую оболочку, въ которой человѣкъ можетъ сохранить свое тепловое равновѣсіе и тѣмъ самымъ даетъ возможность развивать ему массу трудовой энергіи; но то же самое жилище, если оно не удовлетворяетъ извѣстнымъ санитарнымъ требованіямъ, можетъ быть источникомъ многихъ бѣдъ, такъ какъ въ плохо устроенныхъ и содержимыхъ жилищахъ накопляется масса продуктовъ газоваго обмѣна, вредно дѣйствующихъ на работу органовъ и ткани, накопляется масса сору, грязи и отбросовъ домашняго хозяйства, которыя могутъ служить источникомъ или же матеріаломъ для поддержанія жизни возбудителей многихъ инфекціонныхъ болѣзней.

Изслѣдованія, предпринятыя съ цѣлью выясненія вліянія жилищъ на ихъ обитателей, довольно велики и многочисленны, но мы остановимъ вниманіе на работахъ особой коммиссіи, изслѣдовавшей квартирный вопросъ въ городѣ Варшавѣ, и особенно той части, которая посвящена описанію подвальныхъ жилищъ.

Если населеніе живетъ тѣсно, скученно, а слѣдовательно и бѣдно, то при такихъ условіяхъ элементарныя требованія гигіены—чистота и опрятность—едва ли могутъ быть соблюдены, а отсутствіе этихъ требованій роковымъ образомъ ведетъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ. Еще Руссель, съ цифрами въ рукахъ для большихъ городовъ Ирландіи, показалъ, что между высотою смертности и числомъ жильцовъ на одну комнату существуетъ опредѣленное отношеніе, а Сойка нашелъ, что если на одного человѣка въ городахъ Англіи приходится 102 квадратныхъ ярда квартирнаго пространства, то ежегодно умираетъ изъ 49 человѣкъ одинъ; если же пространство это равняется только 32 квадратнымъ ярдамъ, то умираетъ уже одинъ изъ 32. То же подтверждаетъ Кёреши для Буда-Пешта и Вассерфуръ для Берлина. По Кёреши смертность отъ заразныхъ болѣзней для Буда-Пешта представляется такою: комнаты, обитаемыя однимъ или двумя лицами, даютъ смертность въ 20 на тысячу, отъ 3 до

Digitized by Google

4-хъ жильцовъ—29 на тысячу, отъ 6 до 10—уже 32 на тысячу, и при населеніи большемъ, чѣмъ въ 10 человѣкъ—колоссальную цифру—79 на тысячу обитателей. Въ Берлинѣ, гдѣ на одинъ домъ приходится среднимъ числомъ по 91 обитателю, изъ 1.000 живущихъ въ такихъ кварталахъ умирало 38 человѣкъ; при меньшемъ населеніи въ домахъ, и именно при 34 человѣкахъ, изъ тѣхъ же 1.000 живущихъ умираетъ только 18 въ годъ.

Профессоръ Фохтъ для квартиръ гор. Берна твердо установилъ другой весьма важный фактъ, что тѣ жилища, которыя лишены благодѣтельнаго вліянія солнечнаго свѣта, дали высшую болѣзненность и смертность, и старая итальянская пословица справедливо говоритъ: „куда не попадаетъ солнечный свѣтъ, туда приходитъ врачъ". Чѣмъ моложе, чѣмъ слабѣе организмъ, тѣмъ тяжелѣе должны отзываться эти неблагопріятныя условія, и дѣтскій организмъ платитъ этимъ плохимъ квартирнымъ условіямъ ужасную дань. Госелэ для города Лилля, въ которомъ существуютъ ужасные жилые подвалы, показалъ, что изъ 21.000 дѣтей, не достигшихъ пятилѣтняго возраста, умираетъ 20.700 человѣкъ.

Что же мы видимъ въ подвальныхъ жилищахъ Варшавы? Въ то время, какъ на одну комнату приходится два жильца (1,83), въ подвальныхъ помѣщеніяхъ—4,36; наряду съ этимъ объемъ воздушнаго куба очень малъ, и въ Варшавѣ много такихъ подваловъ, гдѣ на одного жильца приходится не болѣе 3—4 куб. метровъ воздуха, т.-е. меньше четверти того наименьшаго пространства, которое опредѣляется законоположеніями различныхъ государствъ на одного человѣка для казармъ и училищъ. Высота подваловъ не превышаетъ въ среднемъ 2,3 метра, средняя площадь подвальнаго помѣщенія равняется 4 квадратнымъ саженямъ, и на такой-то площади живутъ 4—5 человѣкъ, живутъ семьи, отдавая въ наемъ углы или часть помѣщенія; прибавляя къ этому стоимость 1 куб. сажени воздуха, которая въ подвалахъ и чердакахъ наивысшая, станетъ ясною та ужасная санитарная обстановка, въ которой приходится влачить, въ полномъ значеніи этого слова, свое существованіе бѣдняку.

Представивъ такимъ образомъ нѣсколько фактовъ и ограничиваясь этими указаніями, добытыми изученіемъ при посредствѣ статистическаго метода, я позволю себѣ привести и другіе,— я представлю результаты работъ въ области общественнаго здравохраненія.

Англійскій народъ, первый оцѣнившій значеніе санитарныхъ

Digitized by Google

мѣръ, сталъ широко проводить ихъ въ жизнь. Англійскій народъ можетъ во многихъ случаяхъ служить образцомъ такой работы на пользу городского населенія, и то, чего не могли достигнуть лечебными мѣрами въ теченіе ряда лѣтъ, а именно пониженія смертности, то стало возможнымъ, какъ только удалось провести рядъ общественно-санитарныхъ мѣръ. Даже на мѣстахъ возникновенія заразы,—что̀ можно видѣть относительно холеры въ Индіи,—въ Калькуттѣ правильнымъ дренажемъ почвы, устройствомъ канализаціи, проведеніемъ чистой воды, удалось значительно ослабить интенсивность ея. Подобные же результаты можно замѣтить во многихъ городахъ западной Европы. Что такого рода мѣры не только вліяютъ на одну какую-либо болѣзнь, а и на смертность вообще, это можно считать вопросомъ уже выясненнымъ. Такъ, въ Данцигѣ, послѣ устройства канализаціи въ довольно короткій срокъ, за 7 лѣтъ, смертность съ 36 на 1.000 жителей упала до 28,5, а смертность отъ брюшного тифа, который раньше уносилъ многихъ, свелась почти къ нулю. Англійскій инженеръ Latham, сравнивая смертность въ городѣ Кройдонѣ до и послѣ производства санитарныхъ работъ, показываетъ намъ всю выгоду отъ такихъ мѣропріятій. Оказалось, что средняя смертность за нѣсколько лѣтъ до устройства водопровода и стоковъ въ этомъ городѣ равнялась 23,66, а послѣ устройства, въ послѣдующія 13 лѣтъ, она упала до 18,64 на 1.000 жителей. Дѣлая разсчетъ на разницу въ уменьшеніи смертности, онъ нашелъ, что за этотъ короткій срокъ удалось сохранить 1.307 жизней, и, сравнивая стоимость этихъ жизней съ затратами на санитарныя сооруженія, оказалось, что уменьшеніе болѣзненности и смертности населенія этого города не только окупило первоначальныя затраты, но даже дало 25% прибыли.

Проф. Цимссенъ, разрабатывая статистику умершихъ отъ туберкулеза для города Мюнхена съ 1871 по 1888 годъ и располагая ее по трехлѣтіямъ, нашелъ, что:

Съ 1871—73	умерло	5,5%	на	1000	живущихъ
„ 1874—76	„	4,10%	„	„	„
„ 1877—79	„	4,07%	„	„	„
„ 1880—82	„	3,84%	„	„	„
„ 1883—85	„	3,99%	„	„	„
„ 1886—88	„	3,06%	„	„	„

т.-е., смертность отъ чахотки сравнительно за короткій срокъ уменьшилась на 1,84,—на добрую треть, какъ выражается авторъ. По послѣднимъ даннымъ, сообщеннымъ проф. Боллинге-

Digitized by Google

ромъ, оказывается, что улучшеніе гигіеническихъ условій во многихъ городахъ западной Европы повело къ тѣмъ же результатамъ.

Въ 1881 году въ Мюнхенѣ умирало 40,8 на 1000 жителей, а въ 1893 году—30,8; въ Берлинѣ, за тѣ же года, смертность съ 34,7 упала до 25,7, а въ Вѣнѣ—съ 69,29 до 42. Всюду, гдѣ только были широко организованы и приведены въ исполненіе общественныя санитарныя работы, въ самомъ непродолжительномъ времени результатъ сказывался на общей смертности. Англійскій статистикъ Фарръ, разбираясь въ массѣ данныхъ, сообщенныхъ англійскими городами, имѣлъ возможность вычислить ту цифру смертности, которая, по его мнѣнію, можетъ служить лучшимъ показателемъ санитарнаго состоянія страны, города или той или другой мѣстности: эта цифра—17 на 1.000.

Сравненіе показало, что даже въ деревенскихъ округахъ, гдѣ жители пользуются чистымъ воздухомъ, гдѣ трудъ почти все время на открытомъ воздухѣ, и тамъ смертность не спускается ниже 15 на тысячу. Эта норма позволяетъ тому же статистику, просмотрѣвъ отчеты многихъ европейскихъ городовъ и государствъ, придти къ выводу, что Лондонъ есть самая здоровая изъ европейскихъ столицъ, несмотря на частые туманы и ту кипучую дѣятельность въ области промышленности, какую развиваетъ эта столица. Такъ, въ теченіе іюня мѣсяца 1892 года, въ Лондонѣ умерло 10,3 на тысячу жителей, въ то время какъ въ Берлинѣ—18,3, въ Парижѣ—20,5 и въ Вѣнѣ—22,5. Поразительный примѣръ связи, которая существуетъ между уменьшеніемъ смертности и улучшеніемъ санитарныхъ условій, представляетъ столица Скандинавіи—Стокгольмъ. Съ 1871 по 1875 г. въ этомъ городѣ умирало 35,3, съ 1876—1880 г.—28,7, съ 1881—1885 г.—24 и 1886—1890 г.—только 20,8 на тысячу. Уменьшеніе смертности преимущественно сказалось на болѣзняхъ дыхательныхъ органовъ, заразныхъ и пищеварительнаго тракта. Отъ заразныхъ болѣзней смертность упала на-половину. Въ 1892 году умерло отъ бугорчатки только 2,87, а отъ брюшного тифа—0,18 на тысячу, или, другими словами, два человѣка на 10.000 населенія. Въ Вѣнѣ, по докладу доктора Камерера, замѣчалось то же самое. Данныя Камерера обнимаютъ огромный промежутокъ времени въ 60 лѣтъ и крайне интересны:

Digitized by Google

Въ	1830—39	годахъ	умирало	46,6	на 1000	человѣкъ
„	1840—49	„	„	42,3	„ „	„
„	1850—59	„	„	41,1	„ „	„
„	1860—69	„	„	34,2	„ „	„
„	1870—79	„	„	33,1	„ „	„
„	1880—89	„	„	28,0	„ „	„
„	1890	„	„	25,18	„ „	„

Уменьшеніе смертности особенно сказалось на заразныхъ болѣзняхъ, каковы брюшной и сыпной тифы, дизентерія, катарръ желудка и кишокъ и чахотка. Съ 1873 года число умершихъ отъ заразныхъ болѣзней по отношенію общаго числа умершихъ, выраженное въ процентахъ, съ 24% упало на 19% въ 1879 г.; переводя это на деньги, капитализируя эти смерти, оказывается, что, за послѣднія десять лѣтъ, санитарныя мѣры сберегли порядочный капиталъ въ 8.336.800 гульденовъ.

Если таковы результаты, полученные для большихъ культурныхъ центровъ Запада, то еще болѣе останавливаютъ вниманіе благіе результаты, полученные послѣ многихъ усилій, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе санитарныхъ условій для цѣлой страны.

Въ Англіи съ 1837 по 1860 г. умирало на каждую 1.000 жителей въ годъ 22,5; а съ 1871 по 1880 г. эта цифра нѣсколько уменьшилась и равнялась 21,3, и съ 1891 по 1895 г. уже умирало только 18,8 [1]). Значеніе такого, на первый взглядъ небольшого уменьшенія выступаетъ яснѣе, если пересчитать его на населеніе всего Соединеннаго Королевства. Такъ, въ 1895 году, по оффиціальнымъ даннымъ, умерло 735.000 человѣкъ; еслибы коэффиціентъ смертности оставался тотъ же, что̀ и въ шестидесятыхъ годахъ, то число умершихъ было бы 881.000 человѣкъ (не слѣдуетъ упускать изъ виду вообще приростъ населенія, но, для простоты, предполагаемъ, что населеніе осталось одно и то же),—стало быть, благодаря улучшенію санитарныхъ

---

[1]) Въ Англіи, въ 1837 году, была введена регистрація смертныхъ случаевъ, съ правильнымъ оповѣщеніемъ этой работы для свѣдѣнія всего населенія. Въ 1840 и 1843 годахъ палатою общинъ были назначены особыя комиссіи, которыя изучали санитарныя состоянія многихъ мѣстъ и преимущественно городовъ Англіи. Данныя, представленныя этой комиссіей, послужили основаніемъ для перваго „акта объ общественномъ здравіи“ въ 1848 году. За этимъ актомъ было учреждено особое управленіе — „главный санитарный совѣтъ“, компетенція котораго крайне широка; наконецъ, въ 1875 году многія санитарныя постановленія пересмотрѣны, исправлены, дополнены и изданы, въ видѣ отдѣльнаго акта: „Билль объ общественномъ здоровьѣ“.

Digitized by Google

условій, страна сберегла 146.000 человѣкъ, цѣлую армію, или ежедневно 400 человѣкъ.

Но не на одну смертность оказываетъ вліяніе это улучшеніе санитарныхъ условій,—уменьшается и заболѣваемость населенія. Строгая статистика въ Англіи, по вычисленіямъ Фарра, показала, что въ обыкновенное время, когда нѣтъ какихъ-либо повальныхъ болѣзней, можно считать, что число больныхъ въ каждый день года равняется двойному числу числа смертныхъ случаевъ за годъ; если взять тотъ же 1895-й годъ, то число больныхъ равнялось 1.470.000 человѣкъ. Еслибы смертность была прежняя, то число больныхъ равнялось бы 1.762.000 или, другими словами, въ 1895 году заболѣло на 292.000 человѣкъ меньше; а такъ какъ каждый больной стоитъ странѣ 2 шиллинга въ день, то, слѣдовательно, страна ежедневно сберегаетъ 29.000 фунтовъ стерлинговъ, или десять съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, что на наши деньги составляетъ сто милліоновъ рублей.

Приведенныя немногія данныя ясно показываютъ, что общественно-санитарныя мѣропріятія, стоющія очень дорого, съ лихвою окупаются и рѣзко отражаются на экономіи государственнаго механизма, почему правъ былъ Дизраэли, когда говорилъ, что „общественное здравіе есть фундаментъ, на которомъ покоятся благоденствіе народа и могущество государства“ [1]).

В. Е. Игнатьевъ.

---

[1]) Литература: Альбертъ *Шоу*, „Городскія управленія въ Западной Европѣ“, Москва, 1899 г. — *Гуно*, „Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи“, Спб., 1898 г. — *Rubner*, „Hygienisches von Stadt und Land“. — *Захарьинъ*, „Здоровье и воспитаніе въ городѣ и за городомъ“, Москва, 1873 г. — *Ротъ*, А. К., „Дѣятельность въ безплатной лечебницѣ при фабрикѣ торговаго дома „А. Михайловъ и сынъ“, Москва 1899 г. — „Итоги санитарной переписи гор. Варшавы“, т. I. — *Святловскій*, „Подвальныя жилища“.

Digitized by Google

ПОРТРЕТЪ

Палитра ждетъ тебя, прекрасное явленье,
Въ потомство передать дай краскамъ по холсту—
Изъ поколѣнія въ другое поколѣнье—
Твою волшебную, какъ сказка, красоту!

Я молодость твою отъ времени укрою,
Головку—отъ зимы, отъ сумрака—чело.
На старыхъ правнуковъ прабабкой молодою
Ты взглянешь, какъ глядишь, и въ будущемъ свѣтло!

Ни горе, ни болѣзнь, ни страсти, ни ошибки,
Ни всѣ заботы дня съ безсонницей ночей
Не удалятъ отъ устъ чарующей улыбки,
Не охладятъ тепла сіяющихъ очей.

Твой правнукъ, возвратясь въ домъ отчій,—стариками
Друзей утекшихъ лѣтъ на родинѣ найдетъ,
Но, на тебя взглянувъ, къ поблекшей старой рамѣ
Онъ отъ живыхъ людей съ восторгомъ подойдетъ.

Ни складокъ на лицѣ его ты не замѣтишь,
Ни блекнущихъ ланитъ, ни снѣга въ волосахъ,
И на привѣтъ его улыбкою отвѣтишь,
Знакомой лаской въ немеркнущихъ очахъ.

Любуяся тобой, онъ вспомнитъ дни расцвѣта
Обманутыхъ надеждъ, былыхъ весеннихъ грёзъ,

Digitized by Google

И сердце оживитъ воспоминаній лѣто,
Въ груди растаетъ ледъ и отойдетъ морозъ.

Любуяся тобой, отдастся онъ мечтами
Тому, что̀ далеко осталось позади...
Иди ко мнѣ! Я жду съ палитрой и кистями.
Мольбертъ мой у окна. Красавица, иди!

Н. Б. Хвостовъ.

Digitized by Google

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ
СТАРОЙ ФИНЛЯНДІИ
СЪ НОВОЮ.

(1811 г.)

Историческій очеркъ.

I.

Часть нынѣшней выборгской губерніи была, какъ извѣстно, присоединена къ Россійской имперіи по ништадтскому миру 30-го августа 1721 года—къ „имперіи", потому что какъ разъ во время торжества, по случаю заключенія этого мира, Петръ Великій принялъ титулъ Императора Всероссійскаго. Въ этой завоеванной тогда части Финляндіи сохранено было дѣйствіе стариннаго земскаго уложенія (landstag) короля Христофора и городскихъ законовъ, а жителямъ присоединеннаго края предоставлена была свобода вѣроисповѣданія. Вслѣдъ затѣмъ, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, а именно по абовскому миру 1743 года, къ Россіи была присоединена еще часть Финляндіи, простирающаяся до рѣки Кюммене; жителямъ этого вновь покореннаго края также предоставлена была свобода религіи, но въ немъ уже не примѣнялось уложеніе короля Христофора, а законъ 1736 года, введенный въ шведской Финляндіи за нѣсколько лѣтъ до абовскаго мира.

Объ эти части Финляндіи составили такъ называемую „ста-

Digitized by Google

рую Финляндію", занимавшую 376 квадр. миль и насчитывавшую въ 1811 году, ко времени ея возсоединенія съ остальной „новой Финляндіей", пріобрѣтенной отъ Швеціи по фридрихсгамскому миру, около 200.000 чел. населенія. Такимъ образомъ составилась нынѣшняя выборгская губернія, которая въ продолженіе частью 90 лѣтъ, а частью около 70 лѣтъ была русской провинціей. Положеніе „старой Финляндіи" за этотъ періодъ времени успѣло въ нѣкоторомъ отношеніи замѣтно измѣниться, и притомъ измѣниться не совсѣмъ къ лучшему, что̀ слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ слѣдующимъ обстоятельствамъ: указанному выше двойственному внутреннему порядку въ обѣихъ частяхъ провинціи, плохой администраціи и хозяйничанью въ краѣ вліятельныхъ владѣльцевъ жалованныхъ имѣній и ихъ управляющихъ.

Въ Финляндіи, кромѣ восточной Корелiи, крѣпостного права не существовало вовсе, и, съ присоединеніемъ части ея къ Россіи, свобода крестьянъ была обезпечена ништадтскимъ и абовскимъ мирными трактатами съ Швеціей. Правительственнымъ распоряженіемъ 29-го апрѣля 1726 года подтверждалось между прочимъ, что подати въ покоренномъ краѣ должны быть распредѣляемы „во избѣжаніе разоренія края" такимъ же образомъ, какъ во времена шведскаго владычества; абовскимъ мирнымъ договоромъ за жителями покореннаго края утверждены были ихъ права и привилегіи, которыми они пользовались при шведскихъ корольхъ; всѣ эти права утверждены были и за прежде присоединенной частью Финляндіи. Между тѣмъ, тотчасъ же послѣ присоединенія старой Финляндіи, огромныя въ ней имѣнья жалуются за разныя заслуги лицамъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ при дворѣ. Этимъ новымъ владѣльцамъ удается добиваться цѣлаго ряда указовъ и распоряженій изъ Петербурга, оказывающихъ имъ всякаго рода милости на счетъ крестьянъ пожалованныхъ имъ имѣній. Экономическое положеніе крестьянъ ухудшается. Вслѣдствіе постепеннаго обѣднѣнія края, крестьяне начинаютъ впадать въ экономическую зависимость отъ господъ помѣщиковъ, которые умѣли также выбирать себѣ соотвѣтствующихъ управляющихъ въ имѣнья. Эти послѣдніе являлись не только замѣстителями помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ бы правительственными чиновниками. На ихъ обязанности, въ большинствѣ случаевъ, лежало поддержаніе общественнаго порядка, сборъ казенныхъ податей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ ихъ рукахъ сосредоточивалась и судебная власть. Полагаясь на защиту своихъ вліятельныхъ господъ, они проявляли полный произволъ въ обращеніи съ крестьянами и, совершенно игнорируя ихъ права и привилегіи, почти приравъ-

Digitized by Google

нивали ихъ къ крѣпостнымъ въ русскихъ помѣстьяхъ: широко примѣняли наказаніе розгами, подвергали тюремному заключенію и т. п. Если же крестьяне, выведенные изъ терпѣнія, осмѣливались обращаться съ жалобами къ судебнымъ властямъ, то они, пользуясь безсиліемъ этихъ послѣднихъ, обыкновенно только усиливали свои притѣсненія и прижимки.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка положеніе крестьянъ ухудшается еще болѣе, благодаря усиливающемуся стремленію владѣльцевъ жалованныхъ имѣній, въ цѣляхъ извлеченія большихъ выгодъ изъ своихъ помѣстій, добиться отъ правительства тѣхъ же правъ въ отношеніи ихъ финляндскихъ имѣній, какими они пользовались въ остальной Россіи. И дѣйствительно, свободные люди въ жалованныхъ имѣніяхъ начинаютъ постепенно закрѣпощаться, пока они, наконецъ, фактически не обратились почти совершенно въ крѣпостныхъ,—„glebae adscripti"; ихъ даже стали продавать вмѣстѣ съ землей, и отъ былой свободы едва сохранили они одно только право—не быть проданными лично.

Первоначально во многихъ мѣстностяхъ старой Финляндіи крестьяне упорно отказывались платить увеличенный оброкъ и ходить чаще прежняго на барщину. Дѣло доходило даже до суда, но въ этихъ тянувшихся обыкновенно безъ конца процессахъ, во время которыхъ дѣла переносились изъ инстанціи въ инстанцію, побѣдителями все-таки, въ концѣ концовъ, оставались большею частью вліятельные владѣльцы. Такимъ образомъ постепенно отмѣнялось прежнее распредѣленіе оброковъ и податей, и крестьяне теряли право свободнаго выселенія, закрѣпощались къ землѣ. Переходъ этотъ произошелъ далеко не мирнымъ путемъ. Крестьяне не оставались равнодушными къ попранію ихъ правъ и прибѣгали иногда къ сопротивленіямъ силою. Этотъ мрачный періодъ въ исторіи старой Финляндіи ознаменованъ цѣлымъ рядомъ возстаній крестьянъ; такихъ бунтовъ насчитываютъ не менѣе *двадцати восьми* за сравнительно небольшой промежутокъ времени. Для подавленія подобныхъ крестьянскихъ бунтовъ приходилось прибѣгать даже къ военной силѣ, а во многихъ имѣньяхъ вошло даже въ обычай выгонять крестьянъ на барщину при помощи той же военной силы. Въ сохранившихся до нашихъ дней письмахъ нѣкоего К. Г. Кликъ (Anjalamannen), относящихся къ этой эпохѣ, встрѣчается слѣдующая характеристика положенія дѣлъ въ старой Финляндіи: „Существовали—пишетъ онъ—и такіе господа, которые были глубоко убѣждены, что подвластные имъ крестьяне были, въ сущности, ихъ крѣпостными; другіе присвоивали себѣ право выселять крестьянъ изъ ихъ владѣній, но наряду съ подоб-

Digitized by Google

ными лицами встрѣчались и такіе, которые ограничивались лишь умѣреннымъ оброкомъ деньгами или зерномъ по разсчету, установленному еще во время шведскаго владычества"... Та же путаница въ понятіяхъ господствовала и въ судахъ, на разрѣшеніе которыхъ восходили дѣла между крестьянами и помѣщиками. Среди высшей администраціи также, повидимому, замѣчался подобный же хаотическій взглядъ на существующій въ краѣ правовой порядокъ.

Наконецъ, за угнетаемыхъ крестьянъ поднялъ свой голосъ самъ военный губернаторъ старой Финляндіи — Мейендорфъ, человѣкъ возвышенныхъ въ этомъ отношеніи взглядовъ; но и этотъ крупный администраторъ оказался безсильнымъ въ борьбѣ съ владѣльцами жалованныхъ имѣній, пользовавшихся огромнымъ довѣріемъ и вліяніемъ при дворѣ. Такъ, правительствующій сенатъ въ 1804 году, по поводу тяжбы между крестьянами въ Сальмисѣ и графомъ Орловымъ, опредѣлилъ, что каждое заявленіе крестьянъ о правѣ свободнаго выселенія со своихъ мѣстъ должно разсматриваться какъ ослушаніе волѣ монарха, и наказываться какъ преступленіе.

Графъ Г. М. Армфельтъ, игравшій, какъ будетъ указано ниже, самую выдающуюся роль въ дѣлѣ возсоединенія выборгской губерніи, высказывалъ незадолго до этого „возсоединенія", въ письмѣ къ женѣ (5-го ноября 1811 г.), мечту, что въ скоромъ времени „несчастныя существа въ старой Финляндіи могутъ надѣяться опять увидѣть гражданское существованіе (existence civile) и выйдутъ изъ своего скотскаго состоянія" [1]). Въ запискахъ, составленныхъ Армфельтомъ по порученію императора Александра I, по вопросу объ округленіи Финляндіи [2]), состояніе старой Финляндіи рисуется очень мрачными чертами. Указавъ на тяжелое и безправное положеніе крестьянъ, доводящее ихъ до отчаянія и даже до преступленій, Армфельтъ добавляетъ, что правосудіе въ этомъ разоренномъ краѣ было продажно, и достоинство его роняло негодностью самихъ судей; экономическое положеніе населенія было нищенское; ни одна даже изъ сравнительно умѣренныхъ податей не могла быть уплачиваема; богатые лѣса въ странѣ были истреблены; разореніе было полное и общее. Надо полагать, что описанія Армфельта не были преувеличенными. По поводу своей записки, внесенной въ государственный совѣтъ, въ которомъ Армфельтъ въ это

[1]) Переписка Армфельта.

[2]) Всѣхъ ихъ хранится въ бумагахъ Армфельта четыре; при одной имѣется собственноручный конспектъ

Digitized by Google

время пользовался правомъ голоса, онъ писалъ, въ самый день внесенія записки, Фр. Шернвалю: „Увидимъ, выйду ли я съ честью изъ этого дѣла. Все, что могу сказать, это—то, что я доволенъ своимъ мемуаромъ, хотя никто, конечно, не найдется въ Петербургѣ, кто хотѣлъ бы написать его, а еще менѣе прочесть въ присутствіи нѣкоторыхъ лицъ. Это прямая атака противъ тѣхъ беззаконій и того насилія, которымъ подвергалась старая Финляндія, со времени ея покоренія". Не мало найдется писемъ и записокъ очевидцевъ-современниковъ, вполнѣ подтверждающихъ жалкое состояніе старой Финляндіи во время, непосредственно предшествовавшее „возсоединенію". Капитанъ Г. Веренгіельмъ, проѣзжавшій лѣтомъ 1808 года, въ качествѣ военнопленнаго послѣ капитуляціи Свеаборга, черезъ восточную Финляндію во внутреннюю Россію, свидѣтельствуетъ, что „финскіе крестьяне, хотя они еще не крѣпостные, имѣютъ, однако, чрезвычайно угнетенный видъ"... И. Маннергеймъ, въ своихъ „запискахъ" о поѣздкѣ „финской депутаціи" черезъ ту же восточную Финляндію, замѣчаетъ, что „разница между нашей и старой Финляндіей болѣе чѣмъ замѣтна".

Наконецъ, печальное состояніе старой Финляндіи засвидѣтельствовано было и съ высоты престола. Въ заботахъ своихъ о нуждахъ этого края, императоръ Александръ I учредилъ 19 мая 1802 г. особую коммиссію для изслѣдованія дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ „Старой Финляндіи". Въ изданномъ по этому случаю императорскомъ указѣ говорится, что „со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи" были приняты различныя мѣры къ тому, чтобы улучшить экономическое положеніе этой страны и народное въ ней благосостояніе, но „къ скорби Нашей"—значится далѣе въ указѣ—„страна эта въ настоящее время оказывается въ дѣйствительности въ такомъ жалкомъ состояніи, которое мало отличается отъ того, въ какомъ она находилась во время ея покореній". Но коммиссія эта была вскорѣ, а именно 18 октября 1809 года, распущена, и на ея мѣсто учреждена была новая, съ программой, составленной уже соотвѣтственно измѣнившимся къ тому времени обстоятельствамъ.

Безспорно, за время съ 1721 по 1811 гг., старая Финляндія успѣла до нѣкоторой степени обрусѣть, главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что большинство землевладѣльцевъ-помѣщиковъ въ ней были русскіе дворяне и вельможи; торговля также перешла, благодаря угнетенности мѣстнаго населенія въ экономическомъ отношеніи, въ руки русскихъ купцовъ, и русская рѣчь при такихъ условіяхъ получила нѣкоторое распространеніе въ массѣ

Digitized by Google

народонаселенія, но тѣмъ не менѣе тѣ же обстоятельства не позволяли обрусенію пустить болѣе глубокіе корни, обоснованные не на произволѣ и насиліяхъ, а на культурномъ воздѣйствіи.

Габріэль Лагусъ, въ своей исторіи города Выборга [1]), не безъ основанія указываетъ, что обрусенію выборгской губерніи не благопріятствовалъ именно установившійся въ ней порядокъ высшаго управленія. Первоначально во главѣ мѣстной администраціи очень долгое время стоялъ графъ Шуваловъ, чуждый, какъ извѣстно, всякой обрусительной идеи; затѣмъ губернія подчинена была лифляндской коллегіи, которая, благодаря въ особенности тому, что въ Выборгѣ жило множество единовѣрныхъ финляндцамъ нѣмцевъ, конечно, не была склонна къ обрусенію края и, наоборотъ, оберегала прежнія права и привилегіи края. По словамъ Лагуса, шведскій король Густавъ IV Адольфъ лично убѣдился, во время своего посѣщенія Выборга, что въ старой Финляндіи сохранились не только еще старые шведскіе законы, но и народные обычаи, воззрѣнія и самая народная жизнь не подверглись существенному измѣненію и вполнѣ сохранили свои національныя черты.

Вотъ, слѣдовательно, въ какомъ состояніи должна была представиться старая Финляндія взгляду гуманнѣйшаго императора Александра I, когда онъ, послѣ фридрихсгамскаго мира въ 1809 году, могъ, наконецъ, лично и ближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ восточной Финляндіи и сравнить его съ состояніемъ остальной части Финляндіи, расположенной по ту сторону рѣки Кюммене.

II.

18-го октября 1809 года, т.-е. черезъ нѣсколько недѣль послѣ заключенія фридрихсгамскаго мира, послѣдовалъ Высочайшій указъ императора Александра I, которымъ учреждена была одна общая коммиссія для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся устройства какъ „недавно присоединенной Финляндіи“, такъ и „старой финляндской губерніи“. Уже это обстоятельство служитъ указаніемъ, что императору Александру I не была уже чужда въ то время мысль о возсоединеніи обѣихъ частей Финляндіи, и въ этомъ именно направленіи далъ онъ первый толчокъ теченію событій.

Врядъ ли представляется возможнымъ видѣть первоначальное возникновеніе идеи округленія Финляндіи въ замыслахъ такъ-

[1]) Lagus, „Ur Wiborgs historia“. 1893.

Digitized by Google

называемыхъ „аньяльскихъ заговорщиковъ“. Это общественное движеніе, проявившееся сравнительно задолго до присоединенія Финляндіи Россіей, а именно въ царствованіе Густава III, имѣло своей цѣлью отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи и образованія изъ нея самостоятельнаго государства. Иниціаторомъ и душой этой партіи, получившей наименованіе „аньяльцевъ“, называютъ полковника Г. М. Спренгтпортена, игравшаго выдающуюся роль при Густавѣ III, и котораго этотъ король считалъ настолько опаснымъ держать при дворѣ, что отправилъ даже на казенный счетъ путешествовать за границу. Во время этого путешествія произошло сближеніе Спренгтпортена, жизнь котораго протекала чрезвычайно бурно, въ различнаго рода превратностяхъ, съ графомъ Г. М. Армфельтомъ, тогда еще двадцати-двухлѣтнимъ юношей. Мечты „аньяльцевъ“ не только хорошо были извѣстны русскому правительству, но даже нашли въ немъ сочувствіе и поддержку, чего, конечно, не могло быть, еслибы въ замыслы заговорщиковъ входило предположеніе о присоединеніи къ отторгаемой отъ Швеціи Финляндіи тѣхъ ея частей, которыя находились подъ скипетромъ русской императрицы. Сочувствіе русскаго правительства замысламъ „аньяльцевъ“ объясняется, напротивъ того, стремленіемъ ослабить свою многовѣковую сѣверную соперницу—Швецію, не причиняя тѣмъ самымъ себѣ никакого ущерба. Дѣйствительно, когда „аньяльцы“ обратились за поддержкой къ Россіи, особое государственное совѣщаніе, разсматривавшее по повелѣнію императрицы Екатерины II ихъ домогательства, высказалось за поддержаніе ихъ стремленія къ обособленію отъ Швеціи, и сама императрица отвѣтила аньяльскому представителю, что финляндцы могутъ разсчитывать на ея помощь „во всемъ, что будетъ согласоваться съ пользою Россіи“ [1]).

Существуютъ также указанія, что мысль о возсоединеніи выборгской губерніи съ остальной Финляндіей была впервые высказана въ началѣ войны 1808 года Спренгтпортеномъ въ его „Новогоднихъ размышленіяхъ 1808 года“, въ которыхъ, между прочимъ, намѣчался планъ возсоединенія старой Финляндіи съ остальной частью этой страны послѣ совершеннаго ея покоренія.

Но врядъ ли можно допустить, что мысль объ округленіи Финляндіи была заимствована императоромъ Александромъ I отъ кого-либо и тѣмъ болѣе отъ Спренгтпортена, не пользовавшагося у императора никакимъ вліяніемъ. Всякаго рода предположенія и планы объ образованіи самостоятельной Финляндіи

[1]) Danielson, „Wiborgs-läns återförening med det öfriga Finland“.

Digitized by Google

существовали и до, и послѣ того, какъ Александръ I категорически выразилъ свое намѣреніе, не имѣвшее, разумѣется, ничего общаго съ этими планами. Въ 1810 г., между прочимъ, даже Армфельтъ, въ письмѣ къ другу своего дѣтства, генералу Аминову (въ февралѣ мѣсяцѣ, т.-е. лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ фридрихсгамскаго мира), развивалъ идею самостоятельности Финляндіи подъ англійской гарантіей, а въ бумагахъ Армфельта имѣется его собственноручная записка, носящая характеръ замѣтокъ къ мемуару: „Considération sur les affaires de continent, présentées au marquis de Wollesley", въ которой тотъ же планъ развитъ довольно подробно. Однако, всѣ эти проекты и предположенія имѣли въ виду, главнымъ образомъ, всякаго рода политическія комбинаціи междугосударственныхъ отношеній и касались обще-европейскихъ интересовъ, тогда какъ дѣло возсоединенія выборгской губерніи съ Финляндіей по ту сторону рѣки Кюммене являлось по характеру своему вопросомъ внутренней политики, въ основѣ котораго положены были гуманнѣйшія побужденія его иниціатора: чувство справедливости и забота о благосостояніи подданныхъ.

„Вопросъ объ округленіи финляндскаго государства, — говоритъ историкъ Александра I, Н. К. Шильдеръ, въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Императоръ Александръ Первый" [1]),—былъ уже давно рѣшенъ въ умѣ императора Александра, и едва ли мысль объ этомъ принадлежала Сперанскому, хотя современники и признавали его виновникомъ этого проекта [2]); напротивъ того, подобное облагодѣтельствованіе завоеваннаго края вполнѣ соотвѣтствовало излюбленнымъ, сокровеннымъ мыслямъ государя и было тѣсно связано съ его представленіемъ о превосходствѣ конституціоннаго порядка надъ неограниченнымъ самодержавіемъ".

[1]) Т. III, стр. 8.

[2]) Напр., П. В. Чичаговъ, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, пишетъ: „Le premier jour de mon entrée au Conseil, on proposa d'assimiler les deux Finlandes. J'allais m'y opposer, je demandai, à quoi cela pouvait être bon et quel changement cela devait produire pour notre ancienne Finlande? Spéransky a eté le promoteur de ce projet. Il voulut répondre, mais l'Empereur lui-même prit la parole et m'assura que cela ne produirait aucun changement, que toutes les deux étaient gouvernées sur les mêmes principes, que par le fait était déjà réunies, on ne les réunissait que de nom. Je n'étais point d'humeur à entrer dans de grands détails, et encore moins à manifester ma première séance par une dispute avec le souverain, et je n'ai plus rien à dire. Vraisemblablement, si j'avais même dit beaucoup de choses que j'eusse même donné de bonnes raisons en opposition aux très mauvaises qu'on alléguait alors, cela n'aurait produit aucun effet. Je l'ai vu ensuite par expérience. Tout ce que voulait Spéransky devait se faire immanquablemet, et toute opposition devenait une peine perdue". Архивъ князя Воронцова, кн. 20-я, стр. 178.

Digitized by Google

Дѣйствительно, что касается Сперанскаго, то никакіе историческіе источники не даютъ до сихъ поръ достаточнаго освѣщенія его роли въ вопросѣ о возсоединеніи старой и новой Финляндіи. Однако, изъ того обстоятельства, что 17-го апрѣля 1809 года императору Александру угодно было возложить на него званіе канцлера абовскаго университета, а также, что въ своихъ „Наблюденіяхъ, касающихся Финляндіи", онъ съ нескрываемой симпатіей говоритъ о законахъ и учрежденіяхъ Финляндіи, и, наконецъ, изъ того, что въ основу устройства новоприобрѣтеннаго по фридрихсгамскому миру края онъ высказалъ принципъ: „Финляндія есть государство, а не губернія",—можно придти къ выводу, что къ этому вопросу онъ относился сочувственно, —но тѣмъ не менѣе отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ былъ его иниціаторомъ.

Нельзя также приписывать этотъ проектъ генералу барону Г. М. Армфельту.

Мысль о „возсоединеніи", повидимому, сложилась въ умѣ императора въ видѣ вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія гораздо ранѣе, чѣмъ Армфельту представилась возможность высказать императору свои воззрѣнія по этому вопросу. Существуютъ, однако, указанія, что Армфельтъ, будучи еще шведскимъ подданнымъ и проживъ съ мая мѣсяца бо́льшую часть лѣта 1810 года въ своихъ финляндскихъ имѣніяхъ (Оминне), составилъ здѣсь особую записку о финляндскихъ дѣлахъ, которую и отвезъ тогда же въ Петербургъ, куда онъ ѣздилъ для того, чтобы подготовить свое переселеніе изъ Швеціи въ Финляндію. Эту записку (memorial) онъ вручилъ 10-го іюня черезъ Сперанскаго государю. Никакого разговора съ императоромъ Александромъ I о Финляндіи въ этотъ пріѣздъ у него не было, и самъ Армфельтъ свидѣтельствуетъ, что императоръ сказалъ ему „лишь нѣсколько вѣжливыхъ и банальныхъ фразъ". Но въ поданной имъ запискѣ, на которую, по увѣренію Сперанскаго, императоръ не преминетъ обратить должное вниманіе, Армфельтъ представилъ „просвѣщенному взгляду и справедливому отеческому сердцу монарха" картину, представляемую раздѣленной на двѣ части въ продолженіе почти столѣтія Финляндіей; „члены одной и той же націи,—между прочимъ значилось въ этой запискѣ,—живущіе въ однихъ и тѣхъ же климатическихъ условіяхъ, говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ, имѣющіе одинаковые нравы и одинаковые въ общемъ добродѣтели и недостатки, могутъ такимъ образомъ совершенно стать чуждыми другъ другу, потерять все сходство и общность,

Digitized by Google

составляющія необходимое основаніе разумнаго единенія и совмѣстной дѣятельности на пользу общественную".

Разумѣется, этому отдаленному намеку никакъ нельзя придавать какого-либо значенія при выясненіи обстоятельствъ возникновенія въ императорѣ намѣренія округлить Финляндію. Во второй пріѣздъ Армфельта въ Петербургъ, происходившій почти черезъ годъ, а именно въ маѣ 1811 года, когда Армфельтъ былъ вызванъ самимъ императоромъ изъ Финляндіи, онъ былъ 19-го мая приглашенъ къ императорскому столу, а послѣ обѣда удостоенъ продолжительной бесѣдой государя, въ которой его величество вполнѣ точно уже формулировалъ свое рѣшеніе объединить обѣ части Финляндіи.

Вотъ какъ самъ Армфельтъ передаетъ этотъ знаменательный разговоръ въ письмѣ къ женѣ, писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ на другой же день послѣ бесѣды:

„Моя аудіенція продолжалась $1^1/_2$ часа, и нельзя болѣе меня радоваться бесѣдѣ съ монархомъ, быть довольнѣе этимъ самодержцемъ милліоновъ. Его образъ мыслей о благѣ Финляндіи таковъ, что эта страна должна быть счастлива, если забіяки не помѣшаютъ ея благополучію. Мое же несчастіе въ томъ, что я не имѣю достаточнаго понятія въ дѣлахъ, чтобы оказаться достойнымъ того милостиваго довѣрія, которое государь, кажется, питаетъ къ моему патріотизму и моимъ способностямъ. Я, по его желанію, долженъ провести зиму въ Петербургѣ, въ качествѣ перваго человѣка этой страны, которому, благодаря тому, будетъ открытъ болѣе легкій доступъ къ особѣ императора. О нашихъ законахъ и конституціи его величество высказался такимъ образомъ: Я сказалъ:—„Je conçois que V. M. I. ne peut qu'être embarrassée de toutes les formes, qu'exige la marche de l'autorité; non que V. M. I. puisse en être autrement genée que par extrême différence qu 'Elle y trouve entre les mêmes formes et celles, dont le reste de l'emprire se gouverne".—„Mon cher baron,—me répondit l'empereur,—je vous jure que ces formes me plaisent bien davantage que cet exercice d'un libre arbitre, qui n'a pour base que ma volonté et qui admet un principe de perfection chez le souverain, qui n'est pas — hélas! — dans l'humanité. Ici (въ Финляндіи) je ne peux me tromper, que parce que je le veux bien; toutes les lumières me sont offertes; là je ne suis entouré que d'incertitude et presque toujours d'habitudes, qui ont suppléé aux loix. Vous verrez,—ajouta-t-il,—comme je pense sur cela là, où il y a moyen d'opérer un changement dans mes états, puisque incessament je vais réunir la vielle Finlande à

Digitized by Google

vous autres et lui donner la même constitution et les mêmes formes de liberté". („Вполнѣ понимаю, что тѣ порядки, которыхъ проситъ финляндское правительство, затрудняютъ ваше императорское величество. Но затрудненіе вашего императорскаго величества является только вслѣдствіе того, что эта форма правленія такъ рѣзко отличается отъ порядковъ въ остальной имперіи".—„Добрѣйшій баронъ,—отвѣтилъ мнѣ императоръ,—клянусь вамъ, что эти порядки нравятся мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ пользованіе свободной волею, основанной лишь на моей личной волѣ и предполагающей въ монархѣ такую степень совершенства, которая, увы, несвойственна человѣчеству. Тамъ я могу ошибиться только въ такомъ случаѣ, еслибы я этого пожелалъ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія предоставляются въ мое распоряженіе; тутъ же я окруженъ одними сомнѣніями и почти всегда привычками, замѣнившими собою законы. Вы увидите,—прибавилъ онъ,—какъ я думаю объ этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда представится возможнымъ произвести перемѣну въ моихъ государствахъ, потому что я имѣю въ виду присоединить въ скоромъ времени старую Финляндію къ остальной ея части и даровать ей ту же конституцію и тѣ же формы свободы" [1]).

Армфельтъ, очарованный мыслями Александра I, замѣтилъ: „Императоръ ангелъ и *умный* ангелъ. Работать съ нимъ — это рай" [2]).

Такимъ образомъ, императоръ категорически заявилъ о своемъ намѣреніи *въ скоромъ же времени* (incessament) возсоединить выборгскую губернію съ остальной Финляндіей. Намѣреніе это, повидимому, сложилось у Александра I послѣ того, какъ онъ во-очію убѣдился въ положеніи дѣлъ въ частяхъ Финляндіи по обѣ стороны рѣки Кюммене, убѣдился въ преимуществахъ порядка, существовавшаго въ новоприобрѣтенномъ краѣ, убѣдился, наконецъ, въ томъ „жалкомъ" состояніи, въ которомъ находилась масса населенія, главнымъ образомъ крестьяне, въ старой Финляндіи. Гуманныя воззрѣнія Александра I подсказали ему мысль освободить сотни тысячъ людей отъ гнета, близкаго къ крѣпостной зависимости, совершить великое освободительное дѣло, подобное тому, которое черезъ полъ-вѣка навсегда запечатлѣло имя Александра II въ сердцахъ родного ему русскаго народа.

„Это, дѣйствительно, великое дѣло,—писалъ 5-го ноября

---

[1]) Elof Tegnér: „Gustaf-Mauritz Armfelt". Stockholm. 1887. III, p. 294.

[2]) Тамъ же, p. 295.

Digitized by Google

1811 г. Армфельтъ своей женѣ,—и для человѣчества немалый успѣхъ, потому что несчастныя существа въ старой Финляндіи могутъ надѣяться, что они опять увидятъ гражданское существованіе (existence civile) и выйдутъ изъ своего „скотскаго“ состоянія“.

Но не многіе изъ современниковъ съумѣли оцѣнить возвышенность намѣренія императора. На современниковъ, въ большинствѣ случаевъ, это событіе не произвело никакого впечатлѣнія.

„При неизмѣримомъ пространствѣ земель, коимъ владѣетъ Россія, — писалъ одинъ изъ такихъ современниковъ, — нѣкоторые только посмотрѣли на то, какъ на уступку немногихъ десятинъ богатою вотчиною другой небольшой сосѣдней деревнѣ, одному же съ нею помѣщику принадлежащей. Всѣ взоры устремлены были на западъ и на югъ, а до сѣвера никому дѣла не было. Лучше сказать, никто почти не узналъ о томъ; въ этомъ случаѣ Россія была какъ огромная хоромина, для изображенія величины которой есть поговорка, что въ одномъ углу обѣдаютъ, а въ другомъ не вѣдаютъ“ [1]).

Даже въ руководящихъ сферахъ самой Финляндіи далеко не всѣ понимали вполнѣ значеніе этого политическаго событія и сомнѣвались въ пользѣ возсоединенія къ ихъ родинѣ старой Финляндіи; одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Армфельта—баронъ Ребиндеръ—выразился, какъ говорятъ, такимъ образомъ: „Выборгская губернія—тотъ утесъ, о который разобьется самостоятельность Финляндіи“. Позднѣе (въ 1826 году) онъ представлялъ даже докладъ, не имѣвшій, впрочемъ, никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, о томъ, чтобы возвратить обратно Россіи три уѣзда этой губерніи.

Но возсоединеніе старой Финляндіи имѣло несомнѣнную связь съ политическимъ состояніемъ Европы въ то время. Наполеонъ находился тогда на высотѣ своего могущества и самовластно рѣшалъ судьбы міра, направляя ревнивые взоры на свою могущественную соперницу—Россію. Этой послѣдней нельзя было особенно разсчитывать на миролюбіе и слабость Швеціи [2]), отъ которой столицу Россіи отдѣляла только недавно передъ тѣмъ покоренная Финляндія; общественное же мнѣніе этой послѣдней, безъ сомнѣнія, не могло еще примириться съ тѣмъ, что исконный ея врагъ—Россія—стала теперь ея ближайшимъ другомъ; безъ сомнѣнія, она чувствовала нѣкоторое тяготѣніе къ Швеціи.

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва. 1892. Часть 3-я, стр. 184.

[2]) Наслѣдникомъ престарѣлаго и слабаго Карла XIII былъ въ это время провозглашенъ извѣстный наполеоновскій генералъ Бернадотъ.

Digitized by Google

„Не ждите, государь, — говорилъ Александру I въ 1812 г. Эренстремъ [1]),—чтобы финляндцы могли въ столь короткое время проникнуться чувствомъ дружбы и расположенія къ русскому народу, на который они смотрѣли, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, какъ на народъ имъ враждебный, или чтобы они могли вдругъ порвать узы дружбы и любви къ Швеціи, съ которой были связаны въ теченіе пятисотъ лѣтъ, и отъ которой заимствовали свою вѣру, языкъ, образованность, свои законы и обычаи. Ваши взгляды, государь, слишкомъ возвышенны и великодушны, чтобы вы могли не презирать въ душѣ народъ, способный измѣнить, такъ сказать, въ одинъ день свои склонности, свои чувства, привязанности и свою признательность, какъ мы мѣняемъ бѣлье".

При такихъ условіяхъ Россія должна была особенно позаботиться о томъ, чтобы на случай угрожавшей ей европейской войны обезпечить себя мирнымъ путемъ отъ всякаго нападенія со стороны Швеціи, не терявшей еще надежду создать въ Финляндіи благопріятное положеніе вещей для обратнаго ея завоеванія.

Фр. Шернваль въ своемъ мемуарѣ, находящемся въ бума-

---

[1]) Въ запискахъ Іоанна-Альберта Эренстрема этотъ разговоръ императора Александра I, происходившій въ Гельсингфорсѣ въ самый день прибытія императора въ 1812 г., передавъ такимъ образомъ: „Разговоръ продолжался такъ долго, что я, можетъ быть, и противъ правилъ строгаго этикета, осмѣлился напомнить государю, что было уже поздно, и ему, утомленному путешествіемъ, слѣдовало бы теперь отдохнуть. Указаніе это, однако же, не было ему непріятно. Послѣ глубокаго поклона я вышелъ въ смежную комнату; государь слѣдовалъ туда за мною, продолжая разговоръ. Онъ желалъ узнать, довольна ли Финляндія настоящимъ своимъ положеніемъ. На это я отвѣтилъ: „Je ne me trouve pas dans les cas, Sire, de répondre avec exactitude et connaissance de cause à cette question. Je n'ai pas été assez longtemps dans le pays pour avoir pu m'informer de cette situation, et depuis qu'il a plu à Votre Majesté de me charger de la présidence du comité des bâtisses, je suis fixé ici et moins que jamais en état de connaître la disposition des esprits dans les provinces. Ce dont je suis sûr, parce que cela m'a été confirmé de tout, c'est que la personne de V. M. est généralement aimée en Finlande, qu'on est rempli d'admiration pour sa magnanimité, ainsi que de la plus profonde reconnaissance pour sa justice et sa bonté. Mais que V. M. ne s'attende pas, qu'en si peu de temps les Finlandais puissent se livrer à des sentiments d'intimité et d'affection envers la nation russe, que pendant des siècles ils ont envisagé comme une nation ennemie, ou que tout d'un coup ils puissent rompre leurs liaisons d'amitié et d'attachement avec la Suède, avec laquelle ils ont été unis pendant cinq cents ans et d'où ils ont tiré leur religion, leur langue, leur civilisation, leurs lois et leurs usages. Vos sentiments, sire, sont trop élevés et trop généreux pour que dans votre âme vous ne méprisassiez une natoin, capable de changer en un jour, ainsi dire, ses penchants, ses sentiments, ses affections et sa reconnaissance comme on change une chemise".

Digitized by Google

гахъ Армфельта, писалъ между прочимъ: „Здравая политика Россіи должна признавать, что лучше имѣть въ Финляндіи вѣрную, мирную и твердую границу противъ Швеціи, нежели покоренную провинцію, постоянно готовую мстить за свою конституціонную свободу и за дѣйствительныя и незаслуженныя страданія и обиды, которыя причинялись бы ей безъ достаточнаго повода и надобности".

Такимъ образомъ, Александръ I, благодѣтельствуя Финляндіи, не только поступалъ такъ изъ побужденій любви къ человѣчеству, изъ-за своихъ либеральныхъ воззрѣній, но также и по глубокимъ государственнымъ соображеніямъ, а потому весьма странно слышать и читать въ наши дни мнѣніе, внушенное, повидимому, слишкомъ узко понимаемымъ національнымъ, что возсоединеніе выборгской губерніи съ остальной Финляндіей представляется „однимъ изъ самыхъ грустныхъ фактовъ нашей исторіи, такъ какъ имъ оскорблено русское національное чувство и унижено наше государственное достоинство", что „это мирное отторженіе отъ Россіи завоеванія Петра Великаго свидѣтельствуетъ о нашемъ неуваженіи къ самимъ себѣ и къ тѣмъ дѣятелямъ, которые составляютъ гордость и славу русскаго народа. Петръ I, пріобрѣтая выборгскую губернію, желалъ усилить и укрѣпить государственное тѣло Россіи, имѣлъ въ виду спокойствіе столицы, а также добивался внутренней и внѣшней безопасности; а императоръ Александръ I „безъ насилія извнѣ, одною каплею чернилъ" отдалъ это русское пріобрѣтеніе „горсти иноземныхъ враговъ—шведамъ, ненавидящимъ Россію", забывъ, что завоеванія суть достоянія цѣлаго народа" [1]).

Такимъ образомъ, вѣроятнѣе всего, что мысль объ округленіи Финляндіи принадлежала самому императору Александру I; вѣрнымъ же и усернымъ исполнителемъ этой монаршей воли явился баронъ Густавъ-Морицъ Армфельтъ, человѣкъ съ ярко выраженной индивидуальностью и богато одаренный во всѣхъ отношеніяхъ.

III.

4-го апрѣля 1811 года, Армфельтъ покидаетъ навсегда Швецію и переселяется на свою родину—въ Финляндію. Здѣсь его встрѣчаютъ съ большимъ почетомъ (на Аландѣ, въ Або) какъ мѣстныя военныя и гражданскія власти, такъ и населеніе. Съ

[1]) Абовъ, „Густавъ-Морицъ Армфельтъ."—„Наблюд." 1896 г.

Digitized by Google

этого момента Армфельтъ уже перестаетъ существовать для Швеціи и переноситъ всю свою энергичную и неутомимую дѣятельность въ новоприобрѣтенный Россіею край.

Интересно поэтому выяснить отношенія Армфельта къ обоимъ названнымъ государствамъ въ связи съ его характеристикою.

Отецъ Густава-Морица Армфельта, баронъ Магнусъ-Вильгельмъ, прославившійся своей красивой наружностью, владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ въ Финляндіи [1]). Онъ занималъ постъ абовскаго губернатора, дослужившись на военной службѣ до генеральскаго чина. Здѣсь, въ Финляндіи, у него родился 31 марта 1757 года [2]) сынъ Густавъ-Морицъ. Бойкій, смѣтливый и увлекающійся мальчикъ уже шестнадцати лѣтъ окончилъ курсъ кадетскаго корпуса и былъ произведенъ въ офицеры, а вскорѣ затѣмъ, благодаря покровительству друга своего отца, полковника Спренгтпортена, пользовавшагося большимъ вліяніемъ при дворѣ, былъ переведенъ на службу въ гвардію въ Стокгольмъ. Съ этого времени начинается его чрезвычайно богатая приключеніями самостоятельная жизнь. Войдя въ блестящее высшее шведское общество, слѣдовавшее примѣру двора молодого короля, весело проводившаго время въ разнообразныхъ развлеченіяхъ, молодой Армфельтъ не могъ не почувствовать всей тягости матеріальной необезпеченности; однако это обстоятельство не мѣшало ему стремиться попасть ко двору. Вскорѣ (въ 1775 г.) ему дѣйствительно удается заслужить вниманіе Густава III; произошло это во время поѣздки короля въ Финляндію, куда Армфельтъ, какъ мѣстный уроженецъ, былъ назначенъ его сопровождать. Счастье, повидимому, начинало улыбаться молодому человѣку, унаслѣдовавшему отъ отца красивую наружность, а съ нею и славу „le beau Suédois“. Однако дуэль, бывшая послѣдствіемъ какого-то романическаго похожденія, навлекла на него неудовольствіе короля. Армфельтъ отправляется тогда искать счастья въ иностранной службѣ и уѣзжаетъ, въ качествѣ спутника Спренгтпортена, въ заграничное путешествіе. Это скитанье по бѣлу-свѣту, во время котораго Армфельту удается завязать связи во вліятельныхъ сферахъ при дворахъ европейскихъ монарховъ, послужило для него прекрасной жизненной школой. Онъ пріобрѣлъ необходимый опытъ, знаніе жизни и человѣческой души, пріобрѣлъ тотъ особенный лоскъ свѣтскаго человѣка, которымъ не только очаровывалъ дамскія сердца, но побѣждалъ и сердца королей.

[1]) Это было имѣнье, пожалованное отъ казны, такъ называемый бустель (boställe).

[2]) Самъ Армфельтъ считаетъ днемъ своего рожденія 1-е апрѣля.

Digitized by Google

Въ 1780 г., онъ возвращается въ Стокгольмъ; принятый съ открытыми объятіями при дворѣ, Армфельтъ вскорѣ становится любимцемъ Густава III, неизмѣннымъ его товарищемъ, неистощимымъ во всякаго рода развлеченіяхъ. Несмотря на свою молодость (ему было всего двадцать-три года), Густавъ-Морицъ сдѣлался не только „maître des plaisirs“ при шведскомъ дворѣ, но и пользовался, повидимому, огромнымъ вліяніемъ на окружавшее его придворное общество. Оксеншерна, напримѣръ, свидѣтельствуетъ, что онъ обладалъ дѣйствительно „умѣньемъ быть въ обществѣ: его голосъ, его шутки, его нападки страстно выслушивались иными пажами“.

Молодой, чрезвычайно изящный и красивый собой, Армфельтъ соединялъ въ себѣ наиболѣе типичныя черты царедворца той эпохи: очаровательное обращеніе, изысканныя манеры, веселость, находчивость и остроуміе, не щадившее никого, умѣнье приспособляться къ лицамъ и обстановкѣ и въ то же время изумительное легкомысліе, въ особенности по отношенію къ женщинамъ, и ту нравственную распущенность, которой отличалась великосвѣтская жизнь конца XVIII вѣка. Молодая и остроумная герцогиня Зюдерманландская такъ характеризовала съ этой стороны Густава-Морица Армфельта въ 1782 году: „Мнѣ кажется, что сердце его, въ сущности, не злое, но у него есть крупный недостатокъ—это страсть блестѣть своей бойкостью; ради остраго словца онъ можетъ пожертвовать всѣмъ, и это вредитъ ему“.

Дѣйствительно, своимъ острымъ перомъ и неумолимой, злой критикой онъ наживалъ себѣ массу враговъ, которые, озлобленные негодованіемъ, не хотѣли замѣчать даже такихъ неоцѣнимыхъ въ немъ качествъ, какъ безспорная талантливость, энергія, упорство въ трудѣ, настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли, несомнѣнный смѣлый реформаторскій строй мысли, вполнѣ согласованный съ пылкимъ воображеніемъ и изобрѣтательностью насчетъ всякаго рода плановъ и проектовъ. Адлербергъ, характеризуя въ своихъ историческихъ запискахъ Армфельта въ молодые годы, пишетъ: это былъ человѣкъ „красивый, интересный, склонный къ увлеченіямъ, и изобрѣтатель въ нихъ новаго, насмѣшливый, тщеславный, вѣтренный, но съ хорошей головой и съ убѣжденіями, которыя онъ умѣетъ примѣнить, и вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкій, нерадивый, сладострастный и расточительный человѣкъ, съ потребностями, не знающими границъ“. Другіе, какъ, напримѣръ, Ферзенъ, еще болѣе рѣзки въ своихъ характеристикахъ Армфельта; зато не мало было у послѣдняго преданныхъ и восторженно отзывавшихся о немъ друзей, въ числѣ которыхъ

Digitized by Google

былъ Адлерспарре, письма къ которому Армфельта проливаютъ свѣтъ на многіе моменты въ жизни этого выдающагося человѣка. Особенно обращаетъ на себя вниманіе склонность Армфельта къ романическимъ похожденіямъ. Энебладъ даже подчеркиваетъ въ немъ „свободомысліе, какъ въ нравственности, такъ и въ религіи“. Самъ же Армфельтъ писалъ про себя: „je suis vif, tendre et sensible; mais une constitution forte et sensuelle ne se corrige pas avec la vertu même“.

Въ числѣ многихъ романовъ Армфельта особенно широкую огласку получила его любовная интрига съ извѣстной въ то время красавицей—статной, высокой и прелестной Магдалиной Руденшельдъ, фрейлиной принцессы Софіи-Альбертины. „La belle Madeleine“, какъ прозвали юную красавицу, блистала въ то время при дворѣ Густава III, пользуясь общимъ поклоненіемъ. Связь ея съ Армфельтомъ была роковой для всей послѣдующей ея жизни. Приговоренная впослѣдствіи вмѣстѣ съ нимъ къ смертной казни за государственную измѣну, она едва избѣжала позорной плахи; ея интимныя отношенія къ Армфельту получили самую широкую огласку, имя ея было осрамлено; послѣ многолѣтняго заточенія въ темницѣ, она увидѣла опять свободу для того только, чтобы, падая все ниже и ниже въ общественномъ мнѣніи, дойти до грубаго разврата и одиноко влачить послѣдніе годы своего существованія почти въ совершенномъ нищенствѣ, не встрѣчая поддержки даже близкихъ родныхъ.

Для полной характеристики Армфельта слѣдуетъ еще замѣтить, что, кромѣ славы искуснаго царедворца, ловкаго и умнаго дипломата, онъ пользовался еще извѣстностью, какъ военачальникъ, стяжавшій себѣ боевую славу на поляхъ битвъ въ Помераніи, Норвегіи и Финляндіи. Хотя военныя дарованія Армфельта многими и оспариваются, быть можетъ даже не безъ основанія, но тѣмъ не менѣе его извѣстный докладъ—„Mémoire politique et militaire sur les circonstances présentes“, въ которомъ онъ съ большимъ предвидѣніемъ будущаго излагалъ военно-политическія воззрѣнія на событія войны 1812 г., этотъ докладъ, почти во всемъ оправдавшійся, указываетъ, что Армфельтъ, кромѣ несомнѣннаго государственнаго ума, обладалъ и вѣрнымъ стратегическимъ взглядомъ.

Въ Россіи Армфельтъ впервые появляется во время своихъ странствованій со Спренгтпортеномъ. Затѣмъ, въ 1783 году, онъ присутствовалъ при свиданіи Густава III съ императрицей Екатериной въ Фридрихсгамѣ. Отъ этого свиданія, какъ извѣстно, Густавъ III ждалъ огромныхъ послѣдствій, надѣясь заручиться

Digitized by Google

содѣйствіемъ Россіи въ вопросѣ объ отторженіи отъ Даніи Норвегіи и присоединеніи ея къ Швеціи. Однако, надежды Густава не только не оправдались,—напротивъ того, между обоими дворами произошло охлажденіе, дошедшее почти до открытой вражды.

По возвращеніи изъ Фридрихсгама, Армфельтъ женился на фрейлинѣ Гедвигѣ Делагарди,—своей всепрощающей и самоотверженной любовью поддерживавшей впослѣдствіи мужа въ самые тяжелые годы его жизни.

Въ 1788 году, во время войны Швеціи съ Россіей, Армфельтъ командовалъ отрядомъ и былъ даже раненъ. Его дипломатическому искусству приписывается заключеніе мира въ Вереле (на р. Кюммене), который, несмотря на то, что далеко не былъ блестящъ для Россіи, тѣмъ не менѣе настолько удовлетворилъ императрицу Екатерину, что на Армфельта посыпались отъ нея подарки и награды.

1-го марта 1792 года, въ Швеціи произошло событіе, сыгравшее огромную роль въ жизни Армфельта: Густавъ III былъ убитъ Анкарсвердомъ, во время выхода изъ маскарада. За малолѣтствомъ короля Густава IV Адольфа и при ничтожествѣ регента, дяди его, Карла Зюдерманландскаго, государствомъ фактически правилъ Рейтергольмъ—личный врагъ Армфельта. Этому послѣднему, болѣе чѣмъ кому-либо изъ прочихъ „густавіановъ", составившихъ оппозицію новому правительству, нельзя было оставаться долѣе въ Швеціи. Вотъ почему, не добившись назначенія генералъ-губернаторомъ въ Померанію, принадлежавшую еще въ то время Швеціи, Армфельтъ отправляется странствовать по Европѣ. Все это время онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими „густавіанами", продолжалъ вести оживленныя сношенія съ русскимъ правительствомъ, направленныя противъ установившагося въ Швеціи новаго правленія. И вотъ, когда онъ, наконецъ, получаетъ назначеніе на постъ министра въ Италію, зорко слѣдившее за нимъ шведское правительство получаетъ свѣдѣнія о компрометтирующихъ его сношеніяхъ съ Россіей и рѣшается его арестовать. Но во-время предупрежденный Армфельтъ успѣваетъ бѣжать въ Россію.

Тѣмъ не менѣе, высшій судъ въ Стокгольмѣ разсматриваетъ дѣло о немъ и его соучастникахъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, и 22-го сентября 1794 года приговариваетъ Армфельта, Эренстрема и Руденшельда къ лишенію чести и смертной казни. Приговоръ этотъ въ отношеніи Армфельта былъ утвержденъ; но такъ какъ, въ виду его бѣгства, казнь не могла быть приведена въ исполненіе, то къ позорному столбу на мѣстѣ

Digitized by Google

казни было приговорено объявленіе, гласившее: „Густавъ-Морицъ (фамилія поименована не была) отечества измѣнникъ, лишается защиты закона (fridlös) на пространствѣ всего шведскаго государства и въ подвластныхъ ему земляхъ".

Изгнанный такимъ образомъ подъ страхомъ смерти изъ своего отечества, Армфельтъ и въ Россіи не встрѣтилъ радушнаго пріема. 22-го мая 1794 года, онъ отправленъ былъ подъ фамиліей Брандта въ Калугу, откуда ему воспрещенъ былъ всякій выѣздъ. Не красна была его жизнь въ этой глуши. Съ воцареніемъ императора Павла I, графиня Гедвига Армфельтъ тщетно хлопочетъ за мужа передъ императоромъ; ей отказываютъ даже въ аудіенціи. Въ Швеціи, гдѣ за Армфельта не менѣе энергично хлопочетъ эта самоотверженная женщина, ей удается добиться, 16-го ноября 1799 г., повелѣнія короля о возстановленіи имени, дворянства и чести мужа [1]), и это повелѣніе было опубликовано въ 1800 году.

Въ это время Армфельтъ, получившій разрѣшеніе выѣхать изъ Калуги еще въ декабрѣ 1797 г., путешествовалъ по Европѣ. Тамъ, въ 1801 г., онъ получаетъ увѣдомленіе о назначеніи шведскимъ envoyé въ Вѣну. Очевидно, присутствіе Армфельта въ Стокгольмѣ и даже въ Швеціи считается опаснымъ и нежелательнымъ. За границей Армфельтъ пространствовалъ съ 1798 по 1802 годъ. Онъ все еще не порываетъ связи съ Швеціей и даже дѣлаетъ попытки вернуться опять къ государственной въ ней дѣятельности. Послѣ кончины императора Павла (около мѣсяца спустя), Армфельтъ прожилъ нѣкоторое время въ своемъ имѣніи Оминне, въ шведской Финляндіи. Плодомъ досуга, которымъ онъ пользовался въ деревнѣ, явился его мемуаръ: „Relation des événements, qui ont rapport à la mort de Paul I, empereur de toutes les Russies"; этотъ мемуаръ онъ представилъ, при письмѣ отъ 22 апрѣля 1801 г., королю Густаву IV Адольфу. Затѣмъ, передъ столкновеніемъ съ Россіей въ 1807 г., Армфельтъ дѣлаетъ вторичную попытку, написавъ свои „Мысли о защитѣ Финляндіи". Однако, попытки эти не измѣнили установившихся отношеній къ нему шведскаго правительства. Недовольство Армфельта Швеціей ростетъ. Въ то же время въ Россіи наблюдается совершенно обратное отношеніе къ Армфельту; высказывается желаніе привлечь его на свою сторону и даже проектируется предположеніе вручить ему главное начальствованіе надъ покоренной шведской

[1]) Повсемѣстное преслѣдованіе Армфельта въ Швеціи прекращено было въ октябрѣ 1797.

Digitized by Google

Финляндіей [1]). Но Армфельтъ категорически отвергъ сдѣланную въ этомъ направленіи, черезъ Алопеуса [2]), попытку; даже послѣ паденія Свеаборга, когда южная Финляндія, а съ нею и имѣнье Армфельта, перешли въ русскія руки, онъ, не колеблясь, предпочитаетъ конфискацію его имѣнія принятію русскаго подданства: „Будь, что̀ будетъ,—писалъ онъ,—низостями не покупаю хлѣба [3]).

Однако отношенія его къ Швеціи продолжали ухудшаться, угрожая полнымъ разрывомъ. Армфельтъ начинаетъ даже подумывать о переѣздѣ навсегда въ покоренную Финляндію, но его останавливаетъ еще мысль, что она—русская. Его даже возмущаютъ до глубины души всякія предположенія о томъ, будто онъ переходитъ въ русское подданство. Въ октябрѣ 1809 года, онъ въ письмахъ своихъ рѣзко протестуетъ противъ подобныхъ слуховъ: „Я никогда не думалъ и не говорилъ, что желалъ бы поступить на русскую службу". Біографъ Армфельта, Тегнеръ, удостовѣряетъ, что онъ далеко еще не былъ въ это время доброжелателенъ къ Россіи.

Но долго такое положеніе, очевидно, не могло продолжаться, и Армфельтъ долженъ былъ, наконецъ, склониться въ ту сторону, въ которую толкали его сами событія. Черезъ годъ онъ начинаетъ, повидимому, сдаваться на компромиссы: „Не могъ ли бы я,—спрашиваетъ онъ русскаго представителя въ Швеціи,—Сухтелена,—получить все это такъ, чтобы, не дѣлаясь русскимъ, остаться независимымъ, и тогда я разсчитался бы здѣсь со всякой службой и отправился бы странствовать по свѣту—въ Парижъ, въ Швейцарію; въ противномъ же случаѣ—что̀ остается мнѣ дѣлать"?.. Армфельтъ сознаетъ всю безвыходность своего положенія. Въ маѣ 1810 года, онъ рѣшается, наконецъ, переѣхать въ Оминне. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ въ Финляндіи со времени ея покоренія, предубѣжденія Армфельта противъ Россіи начинаютъ постепенно разсѣиваться. Онъ, какъ утверждаетъ его біографъ, во-очію убѣдился, что русское владычество не легло тяжелымъ бременемъ на страну, а напротивъ того, со стороны русскаго правительства замѣчается стремленіе закрѣпить связь новоприобрѣтеннаго края съ имперіей на культурныхъ началахъ, сблизить интересы обоихъ народовъ, цементируя эту связь признательностью побѣжденныхъ и уступчивостью побѣдителей. У Армфельта начинаетъ склады-

[1]) Главнокомандующій графъ Буксгевденъ.

[2]) М. И. Алопеусъ—епископъ въ Борго.

[3]) Въ письмѣ къ Адлерспарре.

Digitized by Google

ваться убѣжденіе, что Россія, стремясь создать изъ Финляндіи какъ-бы аванпостъ, оберегающій имперію отъ всякаго покушенія съ сѣвера, не только держится совершенно правильной политики, но и проводитъ ее въ жизнь вполнѣ цѣлесообразными мирными средствами. „Способъ, которымъ они желаютъ держать Финляндію въ рукахъ,—пишетъ онъ осенью 1810 г.,—въ сущности соотвѣтствуетъ этому плану, хотя, желая добра, они, однако, дѣлаютъ глупости. Правда, они ничего не даютъ, но и не берутъ изъ страны ни полушки. Впрочемъ, достатокъ—общій, а у многихъ—настоящее богатство".

Такимъ образомъ, путь примиренія уже найденъ. Армфельтъ начинаетъ ясно понимать обоюдныя отношенія княжества и имперіи, ихъ общіе интересы, и признаетъ полное raison d'être установившагося положенія: Россія, предоставляя Финляндіи внутреннюю самостоятельность, тѣмъ самымъ привлекаетъ ее къ себѣ и тѣмъ гарантируетъ безопасность со стороны Швеціи. Симпатіи Армфельта рѣзко склоняются въ пользу русской политики; отвергнутый въ Швеціи, но признанный въ Финляндіи—на своей родинѣ, онъ начинаетъ проникаться интересами этой послѣдней, а вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть всю выгоду укрѣпленія ея связи съ Россіей. Побывавъ лѣтомъ 1810 года въ Петербургѣ, чтобы подготовить свое переселеніе въ Финляндію, онъ уже пишетъ своей женѣ: „Ты видишь, моя Геддочка, что мой взглядъ былъ вѣренъ, и если я въ скоромъ времени не сдѣлаюсь русскимъ, то моя поѣздка сюда не приведетъ ни къ чему".

Въ это время шведскій сеймъ въ Оребро совершенно устранилъ отъ престола династію Вазы и провозгласилъ наслѣдникомъ неспособнаго и дряхлаго Карла XIII—наполеоновскаго генерала Бернадота. Ненависть Армфельта къ Бонапарту была слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ, не исключая даже самого Наполеона. Очевидно, Армфельтъ долженъ былъ при такихъ условіяхъ окончательно порвать все со Швеціей, и дѣйствительно, вотъ что пишетъ онъ въ это время: „Разъ, что не принцъ Густавъ будетъ наслѣдникомъ, то мнѣ уже рѣшительно все равно, будетъ ли имъ Понте-Корво, или мамелюкъ Рустанъ. Я готовлюсь къ тому, чтобы не быть подъ такимъ владычествомъ". И Армфельтъ перешелъ въ русское подданство. Въ Швеціи, въ отвѣтъ на это, его и жену его лишили графскаго титула, но онъ получилъ такой же въ Россіи отъ Александра I—благодѣтеля его родного края. Работая въ Россіи, сближаясь съ русской жизнью, учась понимать русскій народъ, Армфельтъ постепенно проникается къ нему уваженіемъ. Во время отечественной войны,

Digitized by Google

слѣдя за дѣйствіями Кутузова и за народнымъ настроеніемъ, Армфельтъ пишетъ: „Русскій народъ превзошелъ испанцевъ и покрылъ себя неувядаемой славой. Никогда нельзя себѣ представить тѣхъ огромныхъ жертвъ, которыя были въ этой странѣ принесены чистѣйшею любовью къ Богу и отечеству и преданностью монарху. Какой народъ! Какой національный духъ! Я не смѣю сдѣлать никакого сравненія ни съ тѣмъ, что я пережилъ, ни съ другими воспоминаніями, какого бы рода они ни были"... „Въ чужой странѣ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—я нахожу все, на что имѣлъ право въ томъ краю, которому принесъ въ даръ столько лѣтъ службы, и пролилъ кровь въ борьбѣ съ тѣмъ, кто теперь осыпаетъ меня проявленіями своей доброты".

IV.

Итакъ, усерднымъ и ревностнымъ исполнителемъ намѣренія императора Александра I объединить новую и старую Финляндію явился Армфельтъ. Изъ сдѣланной выше характеристики этого выдающагося дѣятеля и его отношеній къ Швеціи и Россіи съ достаточной ясностью видно, что, вручая дѣло „возсоединенія" въ руки Армфельта, государь отнюдь не рисковалъ отдать его „горсти иноземныхъ враговъ—шведамъ, ненавидящимъ Россію" [1]), а человѣку, серьезно понимающему пользу своей родины и необходимость болѣе тѣсной связи ея съ русской имперіей, человѣку, понявшему намѣренія императора, проникнутому уваженіемъ къ русскому народу [2]) и безповоротно порвавшему всякія связи со Швеціей.

Намѣреніе императора округлить Финляндію не могло быть осуществлено тотчасъ же; осенью долженъ былъ быть образованъ въ Петербургѣ особый финляндскій комитетъ, и лишь послѣ того соединительная реформа могла быть окончательно завершена. Предсѣдателемъ комитета финляндскихъ дѣлъ былъ назначенъ, 7-го ноября 1811 г., Армфельтъ, за исключеніемъ котораго, а также ген.-маіора Аминова и статсъ-секретаря Ребиндера, всѣ остальные члены (лагманъ І. В. Гисингеръ, Г. І. Валленъ, а впослѣдствіи, съ присоединеніемъ къ Финляндіи выборгской губерніи, и статскій совѣтникъ Розенкампфъ) были юристы, что было особенно важно уже потому, что дѣла Финляндіи находи-

[1]) Какъ увѣряетъ, напр., г. Абовъ.

[2]) Не таково было его отношеніе къ правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ, стоящимъ во главѣ ихъ.

Digitized by Google

лись въ совершенно хаотическомъ порядкѣ: отъ Сперанскаго, напр., доставлено было четыре воза нерѣшенныхъ финляндскихъ дѣлъ. Въ началѣ декабря 1811 года, комитетъ приступилъ къ занятіямъ. Армфельтъ доноситъ по этому поводу императору, что „учрежденіе новаго комитета и всѣ новыя доказательства отеческой доброты, которыя ваше величество только-что явили Финляндіи, произвели сильное впечатлѣніе даже въ Швеціи, и въ такой мѣрѣ, что многія лица изъ всѣхъ классовъ помышляютъ о переѣздѣ и водвореніи здѣсь“ (т.-е. въ Финляндіи). Вотъ именно въ качествѣ предсѣдателя этого комитета Армфельтъ и получилъ Высочайшее повелѣніе провести соединительную реформу.

Еще 19 октября (1811 г.), т.-е. вскорѣ послѣ прибытія въ Петербургъ, Армфельтъ писалъ женѣ: „Сегодня началъ я мою большую работу по соединенію вновь обѣихъ Финляндій, и если мнѣ посчастливится исполнить ее, то я пожну великое удовлетвореніе, и какъ человѣкъ съ сердцемъ, и какъ гражданинъ“. За дѣло онъ принялся съ изумительной энергіей. „Въ этой странѣ,—пишетъ Армфельтъ изъ Петербурга,—не годятся „mezzo termine“ (умѣренные пріемы) и нельзя дѣлать никакихъ уступокъ въ ущербъ справедливости и чести“. Прямодушіе, съ которымъ Армфельтъ отнесся къ этому дѣлу, достаточно указываетъ, что имъ не руководили никакія другія побужденія, кромѣ желанія блага своей родинѣ. „Такъ какъ я въ этомъ дѣлѣ слѣдовалъ убѣжденію, чести и совѣсти, то я ставлю себя не только выше всякихъ толковъ („le quand dit-on“), но и выше всего того, что можетъ случиться со мною лично, такъ какъ я предпочитаю страницу въ исторіи всѣмъ корыстолюбивымъ и эгоистическимъ преимуществамъ“.

Онъ первоначально работалъ, совѣщаясь во всемъ съ императоромъ, съ которымъ работать было для него, какъ самъ онъ выражался, „раемъ“. Прямодушная откровенность Армфельта нравилась императору, который писалъ ему по этому поводу: „Loin de trouver à redire à votre franchise, général, je vous suis, au contraire, infiniment gré, et vous invite instamment à continuer toujours de même. C'est la meilleure et la véritable manière de m'être utile“. („Я далекъ отъ мысли осуждать вашу откровенность, генералъ; напротивъ, я вамъ очень признателенъ за все, и прошу васъ и на будущее время продолжать въ томъ же духѣ. Это—лучшій и самый настоящій способъ быть мнѣ полезнымъ“).

Такимъ образомъ, совмѣстная работа привела ихъ къ обоюдному

Digitized by Google

удовольствію, и Армфельтъ могъ только радоваться за будущность своей родины. „Въ Финляндіи слѣдовало на колѣняхъ благодарить Бога за счастье, которымъ мы пользуемся. Оно легко можетъ кончиться, такъ какъ одна человѣческая жизнь составляетъ все наше блаженство“,—писалъ онъ въ началѣ 1812 г. своему брату, разумѣя императора Александра I.

5-го ноября, императоръ одобрилъ составленный Армфельтомъ мемуаръ, въ которомъ въ яркихъ и правдивыхъ чертахъ обрисовано было современное состояніе старой Финляндіи,—состояніе почти полнаго упадка. Какъ средство упорядоченія дѣлъ въ краѣ, предлагалось перенести границу Финляндіи къ Сестрорѣцку и Ладожскому озеру и обезпечить манифестомъ жителямъ старой Финляндіи тѣ же законы и конституціонныя права, которыми пользовалась остальная Финляндія [1]); сообразно этому, memorial Армфельта заключалъ въ себѣ слѣдующіе главнѣйшіе отдѣлы: конституція, религія, законы и государственная экономія. Какъ на основные законы, Армфельтъ указывалъ на форму правленія 1772 года и на актъ соединенія и безопасности 1789 года. Мѣстное русское управленіе, съ гражданскимъ губернаторомъ во главѣ, надлежало замѣнить выборгскимъ ландсгевдингомъ, съ управленіемъ, устроеннымъ по образцу таковыхъ въ прочей Финляндіи. На обязанности ландсгевдинга возлагалось упорядоченіе податного обложенія и введеніе поземельнаго размежеванія. Судебная власть въ Выборгѣ сосредоточивалась въ гофгерихтѣ, а церковныя дѣла и народное просвѣщеніе передавались въ вѣдѣніе борговскому епископу.

Этотъ докладъ былъ 6-го ноября разсмотрѣнъ въ присутствіи самого императора въ государственномъ совѣтѣ, причемъ императоръ, какъ уже было указано выше, самолично выражалъ на запросъ по поводу доклада, сдѣланнаго членомъ совѣта П. В. Чичаговымъ. Затѣмъ, на слѣдующій же день, императоръ утвердилъ подписью своей письмо къ епископу въ Борго, М. И. Алопеусу, въ которомъ ему предлагалось тотчасъ же, „не выжидая объявленія общаго гражданскаго соединенія“, принять подъ свое попеченіе новыхъ духовныхъ чадъ въ старой Фин-

[1]) Въ своихъ „Réflexions sur la réunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande“ Армфельтъ писалъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ новая Финляндія очутилась подъ могущественнымъ скипетромъ кроткаго Александра, счастливые жители ея съ восторгомъ видятъ, что сохранена ихъ конституція, оставлены ихъ законы... Но для полнаго счастья имъ желательно заключить въ свои братскія объятія народъ, живущій по другую сторону Кюммене; они хотятъ, чтобы и тѣ наслаждались плодами свободной конституціи и справедливости“.—Danielson.

Digitized by Google

ляндіи, которыя съ этихъ поръ въ духовномъ отношеніи „должны быть подвѣдомственны его епископской епархіи". Наконецъ, 11-го (23-го) декабря послѣдовали два Высочайшихъ манифеста,— одинъ для имперіи, другой—для великаго княжества, и такимъ образомъ оффиціально объявлено было воссоединеніе выборгской губерніи съ остальной Финляндіей.

Манифестъ 11-го декабря, опубликованный обычнымъ порядкомъ въ Россіи, заключалъ въ себѣ слѣдующее: „Съ присоединеніемъ Новой Финляндіи къ Россійской имперіи, различіе между Старою и Новою Финляндіею, какъ въ наименованіи ихъ, такъ и въ самомъ образѣ управленія, находя излишнимъ и настоящему положенію сего края несвойственнымъ, внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, признали Мы за благо постановить слѣдующее: 1. Старую и Новую Финляндію отнынѣ совокупно именовать Финляндіею; 2. Прежняя Финляндская губернія, наравнѣ съ губерніями, въ Финляндіи существующими, отнынѣ состоять будетъ въ главномъ управленіи, для сей страны Нами учрежденномъ" [1]).

Манифестъ, изданный 23-го декабря въ Финляндіи, заключалъ въ себѣ гораздо большее число постановленій. Въ первомъ же его параграфѣ опредѣляется, что финляндская губернія присоединяется къ великому княжеству финляндскому и, какъ составная его часть, будетъ впредь именоваться выборгской губерніей; затѣмъ, въ послѣдующихъ параграфахъ постановлялось, что всѣ государственные доходы съ этой губерніи должны поступать, съ 1812 года, въ финляндскую государственную казну; что управленіе новой губерніи должно быть учреждено на основаніи правилъ, существующихъ и для прочихъ финляндскихъ губерній, и городъ Выборгъ назначается губернскимъ. Выборгская губернія должна временно, до учрежденія особаго гофгерихта, подлежать юрисдикціи абовскаго гофгерихта и принадлежать борговской епархіи, причемъ въ этотъ гофгерихтъ назначается еще одинъ членъ, а въ правительствующій совѣтъ—два члена спеціально отъ выборгской губерніи. Съ 1-го января 1812 г., въ воссоединенной губерніи должны были уже примѣняться финскіе законы. Временный комитетъ въ Выборгѣ, работавшій надъ осуществленіемъ соединительной реформы, долженъ былъ состоять изъ членовъ, избираемыхъ правительствующимъ совѣтомъ, и предсѣдательство въ немъ возложено было на ландсгевдинга. Всѣ прежніе чиновники, какъ административные,

[1]) Полное собр. закон., томъ XXXI, ст. 24907.

Digitized by Google

такъ и судебные, за исключеніемъ городскихъ магистратовъ, отставлялись отъ должностей, съ сохраненіемъ имъ жалованья на полгода. Въ милиціонномъ дѣлѣ вводился общій для княжества порядокъ.

Но особенное вниманіе, конечно, отведено было въ указѣ вопросу объ упорядоченіи отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Съ введеніемъ въ дѣйствіе финскихъ законовъ, права помѣщиковъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ были весьма ограничены, и всѣ указы, изданные послѣ ништадтскаго и абовскаго договоровъ, на которыхъ обосновывались эти права помѣщиковъ, были, такимъ образомъ, отмѣнены; юридическое положеніе крестьянъ сразу улучшилось, а для урегулированія ихъ экономическаго положенія на правительствующій совѣтъ было возложено выработать новое оброко-обложеніе.

Императоръ Александръ I съ живымъ интересомъ относился къ этой соединительной реформѣ. Онъ внимательно просматривалъ всѣ доклады, относящіеся къ ней, и часто собственноручно дѣлалъ въ нихъ исправленія или замѣчанія. Такъ, въ одномъ изъ рескриптовъ, находящихся въ бумагахъ Армфельта, онъ зачеркнулъ слова: „incorporée à notre empire“, — опредѣляющія отношеніе Финляндіи къ имперіи.

Такимъ образомъ, дѣятельность Армфельта въ этомъ періодѣ реформы стоитъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью самого императора. Но Армфельтъ особенно гордился своимъ дѣломъ. Избравъ въ правители новой губерніи подполковника Карла Шерваля, Армфельтъ писалъ его брату Фридриху: „Когда я достигъ соединенія Финляндіи, когда теперь это великое дѣло, какъ въ политическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи совершилось; когда я, послѣ тягчайшей борьбы, достигъ почетной, а для человѣчества и Финляндіи въ высшей степени полезной побѣды, — меня удивило бы, еслибы благородный человѣкъ и вполнѣ добрый финнъ измѣнилъ мнѣ, когда я призываю его усердіе и дѣятельность для завершенія этого предпріятія“ [1]). Своей женѣ Армфельтъ писалъ 28-го декабря 1811 года: „Еслибы мнѣ пришлось этимъ закончить мою политическую карьеру, то я считалъ бы честью эту побѣду въ пользу угнетеннаго человѣчества“.

31-го декабря 1811 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ, гласившій: „Манифестомъ, въ 11 день декабря 1811 года изданнымъ, присоединивъ Выборгскую губернію къ Великому Княжеству Финляндіи, вслѣдствіе того, нынѣ признали Мы за благо

[1]) Въ декабрѣ 1811 г.—Кастренъ—„Två landshöfdingar“.

Digitized by Google

постановить главныя правила, на коихъ преобразованіе сей губерніи имѣетъ быть располагаемо, и кои должны служить руководствомъ какъ финляндскому Генералъ-Губернатору, Совѣту и мѣстному начальству, такъ и частнымъ лицамъ, въ точномъ исполненіи означеннаго манифеста" [1]).

Проектъ этого указа, составленный Армфельтомъ, былъ представленъ императору, и Александръ I собственноручно сдѣлалъ нѣсколько въ немъ исправленій, а затѣмъ одобрилъ этотъ проектъ. Первый пунктъ указа, говорящій „о правахъ сословій", былъ включенъ самимъ императоромъ. Въ этомъ пунктѣ значится: „Порядокъ представленія всѣхъ сословій на сеймѣ государственныхъ чиновъ учреждается въ Выборгской губерніи на общихъ правилахъ, въ конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ" [2]).

Второй пунктъ манифеста 31 декабря заключалъ постановленія „о губернскихъ чинахъ и присутственныхъ мѣстахъ"; третій—„о правахъ владѣльцевъ и объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами", и, наконецъ, четвертый—„о мѣрахъ исполнительныхъ".

Осуществленіе и проведеніе въ жизнь реформы было, впрочемъ, дѣломъ нелегкимъ. Въ лицѣ Карла Шернваля, предсѣдательствовавшаго въ организаціонномъ комитетѣ, Армфельтъ нашелъ чрезвычайно энергичнаго и неутомимаго помощника. Съ другой стороны, Армфельтъ всегда находилъ могущественную поддержку въ самомъ монархѣ, сказавшемъ ему: „Если вы замѣтите противодѣйствіе въ проведеніи вашихъ намѣреній, то сообщите только мнѣ,—у меня найдутся хорошія шпоры" [3]). Дѣйствительно, Армфельтъ очень нуждался въ поддержкѣ императора, такъ какъ ему не легко было искоренить во многихъ помѣщикахъ „esprit d'aristocratie et de barbarie" [4]). Соединительная реформа главнымъ образомъ была противна интересамъ вліятельнаго класса помѣщиковъ, которымъ, конечно, не могли нравиться новые порядки, ограничивавшіе ихъ беззаконія и произволъ.

„Права и обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ вообще, равно какъ и въ особенности права помѣщиковъ,—значилось въ манифестѣ 31 декабря 1811 года,—по финляндской конституціи въ гейматахъ или хозяйственныхъ дѣлахъ крестьянъ ихъ (на что бы они ни простирались, на оброкъ, работу или

[1]) Полное собр. зак., т. XXXI, ст. 24934.

[2]) Тамъ же, и Кастренъ, стр. 364.

[3]) „Hufvudstadsbladet", 1900.

[4]) Слова Армфельта.

Digitized by Google

другія повинности) постепенно приводимы будутъ въ тѣ же самые предѣлы, по коимъ отправляются тѣ и другія въ Новой Финляндіи" (ст. 11).

„Для точнѣйшаго и постояннаго опредѣленія общественныхъ обязанностей, равно какъ и частныхъ отношеній крестьянъ и земледѣльцевъ къ ихъ помѣщикамъ, правительствующій совѣтъ составитъ начертаніе правилъ оцѣнки земель и расчисленія податей и другихъ повинностей съ недвижимыхъ имуществъ" (ст. 12).

„До изданія же сихъ правилъ: 1) государственныя подати взимать на основаніи существующаго порядка; 2) въ губерніяхъ, по нейшлотскому трактату присоединенныхъ, при опредѣленіи обязанностей крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ, руководствоваться ревизіею 1728 года; въ провинціяхъ же, пріобрѣтенныхъ по трактату абовскому, держаться правилъ, тогда существовавшихъ. Частныя повинности, сими положеніями въ свое время опредѣленныя, имѣютъ быть исправляемы во всей ихъ силѣ; всѣ же другіе, послѣдующими учрежденіями введенныя и съ вышеозначенными несогласныя, до изданія общаго узаконенія, въ предъидущей статьѣ предначертаннаго, отмѣняются" (ст. 13).

„Права и обязанности крестьянъ и земледѣльцевъ, поселенныхъ въ Финляндіи, какого бы они ни были происхожденія и откуда бы переведены они ни были, опредѣляются на тѣхъ же самыхъ правилахъ, какъ и вообще для всѣхъ коренныхъ обывателей Финляндіи" (ст. 15).

„Споры, каковые бы могли возникнуть по сему предмету между частными лицами, поступаютъ на разрѣшеніе судовъ Великаго Княжества по принадлежности; въ сужденіи ихъ они руководствуются существующими законами и правилами сего Положенія" (ст. 17).

Многіе изъ прежнихъ помѣщиковъ предпочли даже распродать скорѣе свои имѣнья, чтобы не подчиниться невыгодному для нихъ порядку. „Законы и конституціонные порядки—для нихъ чумные желваки",—писалъ Армфельтъ; а въ одномъ изъ меморіаловъ, поданныхъ имъ императору, между прочимъ, говорилось: „много лѣтъ уже вліятельныя лица соединились для того, чтобы лишить крестьянъ защиты законовъ"; слова эти значились въ томъ самомъ меморіалѣ, въ которомъ указывалось на всякаго рода проволочки, чинимыя центральными учрежденіями въ дѣлѣ упорядоченія положенія крестьянъ въ выборгской губерніи, и испрашивалось соотвѣтствующее Высочайшее повелѣніе министру юстиціи.

Однако, несмотря на неудовольствіе старыхъ помѣщиковъ

Digitized by Google

и чиновниковъ и оказываемое ими противодѣйствіе, несмотря даже на несочувствіе и нѣкоторыхъ финляндскихъ помѣщиковъ, организаціонный комитетъ, съ Шернвалемъ во главѣ, выполнилъ свою задачу соединенія выборгской губерніи съ такой энергіей, что уже къ концу 1813 г. всѣ главнѣйшія работы были окончены. Составленные имъ проекты были, затѣмъ, разсмотрѣны государственнымъ совѣтомъ и постепенно представлены на утвержденіе императора, послѣ чего и были изданы, какъ особыя постановленія для выборгской губерніи.

Такимъ образомъ завершилось предпринятое императоромъ Александромъ I въ гуманныхъ цѣляхъ дѣло освобожденія сотни тысячъ крестьянъ отъ гнета и произвола крѣпостничества, вмѣстѣ съ соединеніемъ Старой Финляндіи съ Новою.

V.

Какъ извѣстно, выборгская губернія за истекшій девятидесятилѣтній періодъ успѣла почти сравняться въ своемъ развитіи съ остальной Финляндіей во всѣхъ отношеніяхъ. Такого положенія выборгская губернія достигла, конечно, не сразу, а путемъ усилій нѣсколькихъ поколѣній. Еще Армфельтъ, въ бытность свою въ званіи финляндскаго генералъ-губернатора много трудился надъ поднятіемъ благосостоянія выборгской губерніи, бывшей когда-то чуть ли не житницей всей Финляндіи, во всякомъ случаѣ—наиболѣе промышленной въ странѣ. Онъ даже мечталъ о проведеніи съ этой цѣлью Сайменскаго канала. Но главнѣйшей заботой устроителей вновь присоединенной губерніи являлось, безспорно, ея земельное устройство, упорядоченіе аграрныхъ отношеній восточно-финляндскихъ крестьянъ. Вопросъ о выкупѣ такъ-называемыхъ донаціонныхъ земель былъ разрѣшенъ, наконецъ, сеймомъ только въ 1863 году. Безъ выкупа жалованныхъ имѣній экономическое положеніе крестьянъ не могло быть, разумѣется, улучшено въ достаточной мѣрѣ. Для реализаціи выкупа разновременно и послѣдовательно изъ государственныхъ средствъ княжества было израсходовано 17.293.466 фин. марокъ, не считая другихъ отдѣльныхъ расходовъ. Эту сумму казна выплатила отчасти безвозвратно, частью же она пополняется ежегодно крестьянскими податями, которыя постановлено было взимать въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ съ тѣмъ, чтобы размѣры погашенія не превышали прежнихъ крестьянскихъ оброковъ. Только въ 1899 году крестьяне бывшаго жалованнаго имѣ-

Digitized by Google

нія Сазанлахта получили „шкатовыя“ грамоты на заселенное ими имѣніе. Передъ тѣмъ, такія же шкатовыя грамоты были выданы крестьянамъ на земляхъ, выкупленныхъ казной, бывшихъ жалованныхъ имѣній Корписелькя и Суоярви. Надобно полагать, что въ скоромъ времени будутъ окончательно сведены разсчеты по продажѣ въ шкатовое владѣніе всѣхъ выкупленныхъ имѣній.

Наряду съ упорядоченіемъ земскаго вопроса, не мало приложено было энергіи и труда, а также произведено затратъ на улучшеніе промышленности и торговли въ этой губерніи, отставшей въ этомъ отношеніи отъ прочихъ. Въ 1853 г., была осуществлена мечта Армфельта и открытъ для судоходства Сайменскій каналъ, устройство котораго обошлось странѣ въ 12,5 милл. марокъ. Затѣмъ, желѣзная дорога и пароходныя сношенія связали эту губернію съ прочими, и съ тѣхъ поръ она, можно сказать, сравнялась съ ними въ экономическомъ отношеніи.

Народонаселеніе губерніи, составлявшее въ 1811 году лишь 208.619 человѣкъ, достигло къ 1890 году до 351.600; въ томъ числѣ говорящихъ по-русски насчитывалось около 4.000 человѣкъ. Особенное вниманіе обращено было на народное образованіе, и хотя грамотность въ губерніи въ процентномъ отношеніи въ настоящее время нѣсколько ниже, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Финляндіи, а именно—совершенно неграмотныхъ въ выборгской губерніи насчитывается 6,1%, тогда какъ во всей странѣ—лишь 2,1; несмотря на то, что сравнительно небольшая часть населенія этой губерніи имѣла возможность пройти полный курсъ народной школы, тѣмъ не менѣе, успѣхи въ этомъ отношеніи достигнуты, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, громадные, въ особенности при сравненіи съ данными о состояніи грамотности, за тотъ же 1890 годъ, въ другихъ государствахъ, гдѣ было неграмотныхъ: въ Англіи—14%, въ Австріи—27%, во Франціи—32%, въ Италіи—46%, въ Испаніи—52%, и т. д.

А. Т—на.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1901.

Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Анастасіи Николаевны и Высочайшее повелѣніе 5-го іюня.—Работы коммиссіи по переустройству средней школы. — Сокращеніе гимназическаго курса.—„Единая" школа и древніе языки. — Школа и національность.—Еще о „земской" реформѣ въ западномъ краѣ и на окраинахъ.—Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна 5-го минувшаго іюня, въ Петергофѣ, благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью Великою Княжною, нареченною при святой молитвѣ Анастасіею. Въ тотъ же день состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

„Государь Императоръ, въ неизреченной Своей милости и въ любвеобильномъ снисхожденіи къ увлеченіямъ учащейся молодежи, Высочайше повелѣть соизволилъ:

„1) Студентовъ Императорскихъ университетовъ, уволенныхъ изъ сихъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ и отбывающихъ въ настоящее время воинскую повинность въ видѣ наказанія, которые имѣютъ по семейному положенію льготу 1-го разряда или имѣютъ тѣлесные недостатки, дѣлающіе ихъ неспособными къ службѣ въ строю, нынѣ же уволить отъ обязательной службы.

„2) Всѣхъ остальныхъ студентовъ, отбывающихъ нынѣ воинскую повинность въ видѣ наказанія, возстановить въ правахъ по отбыванію сей повинности, безъ отношенія къ назначенному имъ сроку службы въ войскахъ.

„3) Въ видѣ изъятія изъ закона считать срокъ службы всѣмъ студентамъ, отбывающимъ нынѣ воинскую повинность въ видѣ наказанія, съ перваго числа мѣсяца, слѣдующаго за ихъ поступленіемъ на службу".

Въ началѣ минувшаго мѣсяца вниманіе всего русскаго общества было обращено на коммиссію, работавшую, подъ предсѣдательствомъ

Digitized by Google

министра народнаго просвѣщенія, надъ переустройствомъ средней школы. Отъ коммиссіи, учрежденной съ тою же цѣлью года два тому назадъ, новая коммиссія отличалась какъ своимъ составомъ, такъ и способомъ дѣйствій. Прежняя коммиссія была чрезвычайно многочисленна, трудъ ея подвигался впередъ очень медленно; новая коммиссія состояла всего изъ двадцати-пяти членовъ, засѣдала почти ежедневно и менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли покончила съ своей задачей [1]). Къ участію въ ней были призваны, кромѣ высшихъ чиновъ учебнаго вѣдомства, и академики (П. В. Никитинъ и А. Н. Пыпинъ, оба—бывшіе профессора с.-петербургскаго университета), и профессора (П. Г. Виноградовъ и А. И. Кирпичниковъ), и представители высшихъ спеціальныхъ школъ, и директора гимназій и реальныхъ училищъ; въ числѣ членовъ ея былъ и медикъ, для научнаго освѣщенія физіологическихъ вопросовъ, связанныхъ съ постановкой школьнаго дѣла. Имена нѣкоторыхъ изъ членовъ коммиссіи заранѣе служили ручательствомъ въ томъ, что она услышитъ голосъ русскаго общества, пойметъ и раздѣлитъ чувства, возбуждаемыя, въ громадномъ его большинствѣ, господствующей учебной системой. Оправдывается эта надежда всѣмъ тѣмъ, что̀ сообщалось въ печати о дѣятельности коммиссіи. Не будетъ больше той пропасти между различными разрядами среднихъ учебныхъ заведеній, которая заставляетъ родителей предрѣшать судьбу своихъ дѣтей, прежде чѣмъ успѣли обрисоваться ихъ наклонности и вкусы. Въ младшихъ классахъ среднихъ школъ, къ какой бы категоріи онѣ ни принадлежали, преподаваніе будетъ поставлено настолько одинаково, что никакихъ серьезныхъ затрудненій переходъ изъ одной въ другую представлять не будетъ. Отпадетъ восьмой годъ ученья, безъ всякой надобности и пользы замедляющій окончаніе средняго образованія. Уже этого одного было бы достаточно, чтобы возвести проектируемую реформу на степень истиннаго блага для русской учащейся молодежи, а слѣдовательно и для всего русскаго народа; но перемѣна, повидимому, будетъ еще болѣе глубокой. Предстоитъ, повидимому, коренное измѣненіе программъ средней школы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширеніе круга лицъ, для которыхъ открытъ доступъ въ университетъ. Если вѣрить газетамъ, къ числу необязательныхъ предметовъ коммиссія отнесла не только греческій, но и латинскій языкъ. Древніе языки сохранятъ выдающуюся роль только въ небольшомъ числѣ классическихъ гимназій, пріуроченныхъ къ университетскимъ и еще нѣкоторымъ большимъ городамъ. И въ этихъ гимназіяхъ, впрочемъ, преподаваніе латинскаго языка будетъ начинаться только съ третьяго, преподаваніе греческаго

[1]) Весьма вѣроятно, впрочемъ, что трудъ коммиссіи былъ значительно облегченъ работами ея предшественницы.

Digitized by Google

языка—только съ четвертаго класса, при значительно меньшемъ, чѣмъ теперь, количествѣ уроковъ (по латинскому языку—30 недѣльныхъ часовъ вмѣсто 42, по греческому—20 вмѣсто 33). Во всѣхъ другихъ среднихъ (не-спеціальныхъ) учебныхъ заведеніяхъ латинскій языкъ будетъ изучаться только желающими, изъ которыхъ составится (вѣроятно—начиная съ 4-го класса) латинское отдѣленіе; остальные ученики образуютъ реальное отдѣленіе, въ которомъ мѣсто латинскаго языка должны занять естествовѣдѣніе и черченіе. Въ старшихъ классахъ такъ-называемой единой школы (но не въ классическихъ гимназіяхъ) вводится преподаваніе законовѣдѣнія. Обязательнымъ, въ этой школѣ, признается изученіе *двухъ* новыхъ языковъ (въ классическихъ гимназіяхъ—только одного). Гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ теперь, займетъ преподаваніе русскаго языка, русской литературы, исторіи и отечествовѣдѣнія. Для послѣдняго назначается, вмѣстѣ съ географіей, 15 часовъ, и заканчиваться изученіе его будетъ въ шестомъ классѣ (въ настоящее время географіи посвящено, въ первыхъ четырехъ классахъ гимназіи, всего 8 часовъ, изъ которыхъ только два приходятся на долю географіи Россіи). Предполагается, далѣе, усилить занятія гимнастикой и воинскими физическими упражненіями, а также ввести подвижныя игры, ручной трудъ, регулярныя школьныя экскурсіи и прогулки. Аттестаты зрѣлости рѣшено замѣнить свидѣтельствами объ окончаніи курса. Отъ окончившихъ курсъ единой школы по латинскому отдѣленію будетъ требоваться дополнительный экзаменъ по греческому языку при поступленіи на историко-филологическій факультетъ, а отъ окончившихъ курсъ по реальному отдѣленію—дополнительный экзаменъ по латинскому языку при поступленіи на факультеты юридическій, медицинскій и восточный (въ объемѣ, установленномъ соотвѣтствующими факультетами). Первый шагъ къ осуществленію этой послѣдней реформы уже сдѣланъ: молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ реальномъ училищѣ, разрѣшено поступать въ военно-медицинскую академію, подъ условіемъ выдержанія экзамена изъ латинскаго языка, по программѣ первыхъ четырехъ классовъ гимназіи. Позволительно ожидать, что эта мѣра будетъ распространена какъ на медицинскіе, такъ и на физико-математическіе факультеты (если только по отношенію къ послѣднимъ удержано будетъ требованіе знакомства съ латинскимъ языкомъ). Замѣтимъ, мимоходомъ, что возможность пріобрѣтенія солидныхъ медицинскихъ свѣдѣній безъ основательнаго знанія обоихъ древнихъ языковъ доказана у насъ уже давно, примѣромъ женскихъ врачебныхъ курсовъ и женскаго медицинскаго института. Мѣра, открывающая реалистамъ доступъ къ изученію медицины, симпатична какъ сама по себѣ, такъ и потому, что она отнимаетъ у

Digitized by Google

нашихъ обскурантовъ главный ихъ аргументъ противъ женщинъ-врачей и высшаго женскаго образованія.

Чѣмъ радикальнѣе готовящееся преобразованіе, тѣмъ больше оно затрогиваетъ привычекъ, предразсудковъ, интересовъ—и тѣмъ больше, слѣдовательно, встрѣчаетъ враговъ, тайныхъ и открытыхъ. Перестройка средней школы едва ли явится исключеніемъ изъ этого общаго правила. Противъ нея должны ополчиться всѣ охранители quand même, всѣ боязливые рутинеры, всѣ приверженцы тенденцій, наиболѣе яркимъ представителемъ которыхъ былъ гр. Д. А. Толстой—и, съ другой стороны, всѣ убѣжденные поклонники классицизма. Покамѣсть эти различные голоса слышатся сравнительно рѣдко; не началась еще ежедневная пальба изъ главной газетной твердыни реакціоннаго доктринерства—но безъ борьбы, ожесточенной и упорной, дѣло обойтись не можетъ: слишкомъ тѣсна связь между преданіями, колеблемыми проектомъ реформы, и устоями обскурантизма, такъ пышно расцвѣтшаго въ послѣднія десятилѣтія. Весьма можетъ быть, что главная аттака будетъ ведена за кулисами: печать извѣстнаго оттѣнка такъ давно не стояла въ оппозиціи къ власти, что не рѣшится, быть можетъ, прямо выступить противъ новшества, идущаго изъ правительственныхъ сферъ. Гораздо удобнѣе для нея дѣйствовать изъ-за спины тѣхъ противниковъ реформы, искренность которыхъ столь же несомнѣнна, какъ и ихъ просвѣщенность. Къ числу такихъ противниковъ принадлежитъ профессоръ кн. С. Н. Трубецкой, статья котораго, появившаяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", удостоилась перепечатки и одобрительнаго отзыва въ газетѣ г. Гринмута. Великодушно забывая характеристику реакціонной печати, данную кн. Трубецкимъ, годъ или два тому назадъ, въ полемикѣ съ кн. Цертелевымъ, „Московскія Вѣдомости" радостно привѣтствуютъ въ немъ своего союзника. И эта радость вполнѣ понятна: еслибы точка зрѣнія, на которую сталъ кн. Трубецкой, могла быть признана правильной, то побѣда, по крайней мѣрѣ въ области мысли, должна была бы остаться за классицизмомъ. Князю Трубецкому кажется, что „въ нашемъ обществѣ растетъ не по днямъ, а по часамъ стихійное влеченіе къ безграмотству и невѣжеству, являющееся грознымъ предвѣстникомъ надвигающагося варварства". Признаками этого *стихійнаго влеченія* кн. Трубецкой считаетъ какъ „неприкрытый, злобный обскурантизмъ", такъ и „плачъ неутѣшной Рахили о переутомленіи виолеемскихъ младенцевъ",—какъ „походъ противъ нѣкоторыхъ буквъ россійскаго алфавита",—такъ и „*походъ противъ классицизма*",—какъ „травлю женскихъ курсовъ", такъ и „агитацію, стремящуюся обратить высшія учебныя заведенія въ студенческіе клубы, съ оффиціантами въ синихъ фракахъ, или въ бюро для устройства различныхъ процессій". „Когда люди",—продолжаетъ кн.

Digitized by Google

Трубецкой,—„когда люди, считающіе себя ревнителями просвѣщенія и всеобщаго обученія, неустанно возглашаютъ, что ученье — свѣтъ, а невѣжество съ тѣмъ требуютъ, чтобы дѣтей и юношей учили какъ можно меньше и чтобы ихъ, по возможности, освобождали отъ всякаго серьезнаго умственнаго труда — мы недоумѣваемъ. Намъ понятно, когда враги просвѣщенія видятъ въ немъ чуму, но намъ странно, когда его друзья принимаютъ по отношенію къ нему противочумныя мѣры. Во всякомъ случаѣ крайности слишкомъ часто сходятся теперь въ одномъ лозунгѣ: *поменьше ученья*!.. Въ области школьной реформы у насъ *сумлеваться* [1]) не принято. Для того, чтобы *оболванить* самую коренную реформу средней школы, не требуется ни спеціальныхъ знаній, ни даже общаго образованія; достаточно одной смѣлости и рѣшительности, иногда даже одной ненависти къ теперешней школѣ". На чью мельницу подливается здѣсь вода—это не требуетъ поясненій. Для сторонниковъ мрака,—а кн. Трубецкой видитъ ихъ тамъ же, гдѣ и мы,—почтенный профессоръ, самъ того не желая, создаетъ позицію какъ нельзя болѣе удобную и выгодную: онъ даетъ имъ возможность выступать въ роли защитниковъ просвѣщенія. На самомъ дѣлѣ, конечно, оно не нуждается въ такой защитѣ. Лозунгъ: „поменьше ученья" не только не можетъ считаться общимъ для крайнихъ реформаторовъ и крайнихъ охранителей—онъ неприемлемъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. „Поменьше *учащихся*" — вотъ настоящій девизъ послѣднихъ; „поменьше *ненужнаго*, забивающаго ученья" —вотъ pium desiderium первыхъ. Школьный классицизмъ, въ его господствующей формѣ, требуетъ отъ учащихся работы отнюдь не малой—но онъ дѣлаетъ образованіе трудно доступнымъ для большинства и направляетъ ученье на пути, наиболѣе далекіе отъ жизни. Именно этимъ и только этимъ онъ дорогъ крайнимъ реакціонерамъ—и ненавистенъ „крайнимъ реформаторамъ", т.-е., въ сущности, всѣмъ желающимъ *измѣненія системы*, а не частичныхъ, робкихъ поправокъ и передѣлокъ. Предложеній, которыя клонились бы къ *свободѣ отъ ученья*, къ существенному уменьшенію суммы знаній, пріобрѣтаемыхъ въ средней школѣ, къ обращенію школы въ мѣсто отдыха и забавы — мы до сихъ поръ не встрѣчали.

Присмотримся поближе къ вѣроятнымъ основамъ обвиненія, взводимаго кн. Трубецкимъ на „реформаторовъ-педагоговъ" — обвиненія, типичнаго для цѣлой группы противниковъ реформы. Быть можетъ, къ числу такихъ основъ относится проектируемое сокращеніе курса

[1]) Непосредственнымъ поводомъ къ статьѣ кн. Трубецкого послужила попытка нѣкоторыхъ московскихъ педагоговъ достигнуть упрощенія русской орѳографіи,—попытка, напомнившая автору легендарную резолюцію генерала Сухозанета: „сумлеваюсь, штопъ кволю успѣлъ оболванить".

Digitized by Google

средней школы съ восьми до семи лѣтъ [1])? Но вѣдь ни для кого теперь не тайна, что прежняя семиклассная гимназія давала лучшую подготовку или, по крайней мѣрѣ, бо́льшее развитіе, чѣмъ нынѣшняя восьмиклассная. Таково, за рѣдкими исключеніями, убѣжденіе окончившихъ курсъ гимназіи тридцать и болѣе лѣтъ тому назадъ—и съ ними въ этомъ отношеніи почти никогда не расходятся ихъ преемники. Если въ воспоминаніяхъ о гимназіи у первыхъ преобладаетъ доброе чувство, у вторыхъ — раздраженіе, не смягчаемое даже давностью, то это объясняется, между прочимъ, горечью, накопляющеюся въ душѣ восьмиклассниковъ. Тяжело сознавать себя прикованнымъ на цѣлый годъ къ средней школѣ, когда она больше ничего дать не можетъ, когда все дѣло сводится къ ненужному, крайне утомительному вслѣдствіе своей ненужности повторенію пройденнаго. Тяжело, чувствуя себя способнымъ къ самостоятельной работѣ, подчиняться школьнымъ порядкамъ и топтаться на одномъ мѣстѣ, когда пора двинуться впередъ. Тяжела во многихъ случаяхъ, и для самого учащагося, и для его родителей, отсрочка того момента, когда первый перестаетъ нуждаться въ матеріальной поддержкѣ со стороны послѣднихъ. Слишкомъ часто въ восьмомъ классѣ теряется или ослабѣваетъ привычка къ труду, растрачивается понапрасну значительная часть энергіи, которая нашла бы себѣ подходящее примѣненіе въ университетѣ. Безусловныхъ защитниковъ восьмого класса въ его настоящемъ видѣ мы до сихъ поръ не встрѣчали; но намъ приходилось слышать, что слѣдовало бы сохранить восьмилѣтній курсъ ученья, посвятивъ послѣдній годъ основательному изученію предметовъ, теперь проходимыхъ въ гимназіи кое-какъ (напр. космографія, физика, логика) или вовсе не проходимыхъ (напр. психологія, законовѣдѣніе). Мы думаемъ, что та же цѣль можетъ быть достигнута, съ гораздо бо́льшимъ успѣхомъ, отчасти измѣненіемъ программъ въ старшихъ классахъ средней школы, отчасти введеніемъ въ университетѣ общихъ для всѣхъ факультетовъ образовательныхъ курсовъ, о которыхъ неоднократно шла рѣчь въ печати и попытки осуществленія которыхъ были уже дѣлаемы на практикѣ [2]). Итакъ, сокращеніе гимназическаго курса съ восьми до семи лѣтъ не имѣетъ ничего общаго съ формулой: *поменьше ученья*; оно знаменуетъ собою только болѣе раціональное распредѣленіе учебнаго матеріала.

---

[1]) Объ уменьшеніи продолжительности курса средней школы болѣе, чѣмъ на одинъ годъ, до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, вовсе не было рѣчи. Замѣтимъ, въ добавокъ, что въ реальныхъ училищахъ (считая и дополнительный классъ) ученье и теперь продолжается только семь лѣтъ, и, слѣдовательно, сокращеніе курса касается однѣхъ лишь гимназій.

[2]) См. ниже, „Общественную Хронику“.

Digitized by Google

Не заключается ли *уменьшеніе ученья* въ замѣнѣ древнихъ языковъ, вполнѣ или отчасти, другими предметами, усвоеніе которыхъ требуетъ меньше усилій со стороны учащихся? Мы сталкиваемся здѣсь съ тезисомъ о незамѣнимости, будто бы, древнихъ языковъ, какъ „умственной гимнастики". Аргументы въ пользу и противъ этого тезиса исчерпаны уже давно, и мы считаемъ излишнимъ возобновлять старый споръ, важность котораго въ значительной степени преувеличена силою привычки. Нѣтъ такого предмета, изученіе котораго, при извѣстной опытности преподавателя, не могло бы развить охоту и умѣнье трудиться—и нѣтъ, съ другой стороны, такого напряженія умственныхъ силъ, которое, преслѣдуя чисто формальные результаты, не приводило бы къ усталости и апатіи. Количествомъ труда, употребленнаго для пріобрѣтенія знаній, не измѣряется ни достоинство ихъ, ни прочность; иначе слѣдовало бы признать, что съ наибольшей пользой они даются ученикамъ мало даровитымъ, но усерднымъ. Весьма цѣнны, конечно, педагогическіе пріемы, благодаря которымъ работа ученика становится систематичной, послѣдовательной, самостоятельной—но они не пріурочены къ однимъ древнимъ языкамъ; даже самые рьяные поклонники послѣднихъ допускаютъ возможность такихъ пріемовъ въ области математики. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что достаточно поводовъ къ ихъ примѣненію представляетъ и преподаваніе новыхъ языковъ, въ особенности иностранныхъ,—разумѣется, если ему отведено надлежащее мѣсто, если признана его равноправность съ такъ называемыми „главными" предметами (нужно надѣяться, впрочемъ, что въ преобразованной средней школѣ раздѣленія предметовъ на главные и второстепенные не будетъ вовсе). Что при новомъ учебномъ строѣ увеличится сумма получаемыхъ учениками *свѣдѣній*—этого, вѣроятно, не станутъ отрицать и защитники status quo; но мы идемъ дальше и утверждаемъ, что увеличится и сумма *ученья*, т.-е. возрастетъ производительный, реальный, а не мнимый трудъ учащихся. Теперь, когда на первомъ планѣ стоятъ въ гимназіи предметы антипатичные громадному большинству, когда утомленіе, вызываемое классными и домашними занятіями, не уравновѣшивается живымъ интересомъ, любовью къ дѣлу,—среди учениковъ процвѣтаетъ „отлыниванье" отъ ученья, обходъ школьныхъ требованій. Широко распространены различные способы *казаться* знающимъ, въ сущности зная очень мало (пользованіе подстрочниками и подсказываньемъ, списыванье чужихъ работъ, вдалбливанье съ помощью репетитора, оставляющее въ памяти едва замѣтный, быстро сглаживающійся слѣдъ). Бороться съ этимъ глубоко вкоренившимся зломъ преобразованной средней школѣ будетъ гораздо легче, потому что въ ней не будетъ главнаго источника антагонизма между вкусами уче-

Digitized by Google

никовъ и предъявляемыми къ нимъ требованіями. Мы далеки отъ мысли, чтобы древніе языки всегда и неизбѣжно принадлежали къ числу предметовъ, отталкивающихъ ученика, парализующихъ желаніе учиться; мы очень хорошо знаемъ, что при извѣстныхъ условіяхъ они могутъ быть изучаемы съ пользой и даже съ удовольствіемъ — но именно этихъ условій у насъ въ настоящее время нѣтъ, и создать ихъ едва ли возможно. Почти всеобщей, во-первыхъ, является у насъ антипатія къ существующему гимназическому строю, краеугольный камень котораго—обязательное изученіе обоихъ древнихъ языковъ. Въ основаніи ея лежитъ, отчасти, способъ осуществленія гимназическаго устава 1871 года, проникнутый презрѣніемъ къ общественному мнѣнію, сухимъ, бездушнымъ формализмомъ и прямолинейнымъ упорствомъ, очень похожимъ на неразборчивость въ выборѣ средствъ; но въ глазахъ большинства крайности исполненія неразрывно сливаются съ системой, и настроеніе, вызванное первыми, обращается противъ послѣдней. Дальнѣйшій шагъ по пути смягченій, внесенныхъ гр. Деляновымъ въ ригоризмъ гр. Д. А. Толстого, не примирилъ бы русское общество съ порядкомъ, знаменующимъ, для него вавилонское плѣненіе русской школы; не измѣнилось бы и традиціонное нерасположеніе къ гимназіи, уже три десятилѣтія сряду переходящее, словно по наслѣдству, отъ одного поколѣнія гимназистовъ къ другому. Весьма важно, далѣе, и то, что вѣра въ единоспасающую силу классическаго образованія поколеблена даже тамъ, гдѣ она держалась всего крѣпче и откуда ее заимствовали наши доморощенные фанатики классицизма. Въ Германіи передъ реалистами начинаютъ открываться двери университетовъ; во Франціи появляются школы новаго типа и распространяются взгляды, которые еще недавно были бы провозглашены непозволительною ересью. Отсюда неизбѣжный ростъ сомнѣній въ законности господства классической школы на русской почвѣ.

Никто не утверждаетъ, что знаніе древнихъ языковъ составляетъ интегральную часть *средняго* образованія: оно считается необходимымъ только какъ фундаментъ для *высшаго общаго* образованія и пріурочивается, поэтому, только къ одной категоріи среднихъ учебныхъ заведеній—къ гимназіямъ, за которыми и признается монополія подготовки къ университету. Въ основаніи этого взгляда, еще недавно возводившагося на степень аксіомы, лежитъ крупная ошибка. Университеты, въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь, давно уже не соотвѣтствуютъ своему названію, давно уже перестали быть *учеными* школами, дающими дѣйствительно *общее*, т.-е. всестороннее образованіе. Нѣкоторые изъ университетскихъ факультетовъ—медицинскій, юридическій, восточный—въ такой же мѣрѣ спеціальныя

Digitized by Google

прикладныя школы, какъ и институты разныхъ наименованій (сельскохозяйственный, лѣсной, горный, технологическій, путей сообщенія и др.). Остальные факультеты—историко-филологическій и физико-математическій—имѣютъ менѣе прикладной характеръ, но общеобразовательными, въ полномъ смыслѣ этого слова, ихъ все-таки назвать нельзя, и непосредственную связь съ древними языками представляетъ только первый. Трудно объяснить себѣ, почему изученіе медицины требуетъ знанія обоихъ древнихъ языковъ, а къ изученію сельскаго хозяйства или лѣсоводства можно приступить не учившись ни латинскому языку, ни греческому. И тамъ, и тутъ главную роль играютъ чисто практическія задачи; и тамъ, и тутъ переходу къ прикладнымъ предметамъ предшествуютъ весьма серьезныя научныя занятія (анатоміей и физіологіей въ одномъ случаѣ, ботаникой и зоологіей—въ другомъ, физикой и химіей—въ обоихъ). Если изъ среды медиковъ выходятъ иногда профессора и кабинетные ученые, то вѣдь то же самое можно сказать и о бывшихъ студентахъ сельско-хозяйственнаго или лѣсного института. Математикой инженеръ путей сообщенія долженъ владѣть не въ меньшей степени, чѣмъ окончившій курсъ на физико-математическомъ факультетѣ,—а гимназическій аттестатъ обязательно долженъ имѣть только второй. Сама жизнь, слѣдовательно, доказываетъ возможность высшаго образованія безъ классическихъ устоевъ, и рѣчь можетъ идти только о томъ, для какихъ отраслей его и въ какой мѣрѣ необходимо знаніе древнихъ языковъ. На эту единственно правильную точку зрѣнія стала коммиссія П. С. Ванновскаго, предположивъ установить дополнительные экзамены: по греческому языку—для окончившихъ курсъ въ латинскомъ отдѣленіи „единой“ школы, если они желаютъ поступить на историко-филологическій факультетъ университета, и по латинскому языку—для окончившихъ курсъ въ реальномъ отдѣленіи, если они желаютъ поступить на факультеты медицинскій, юридическій или восточный.

Нетрудно предвидѣть, но нетрудно и опровергнуть возраженія, которыя можетъ вызвать это рѣшеніе коммиссіи. Могутъ сказать, что изученіе предмета второпяхъ, передъ самымъ экзаменомъ и исключительно ради экзамена, непремѣнно должно оказаться поверхностнымъ, фиктивнымъ. Но развѣ знанія, медленно, постепенно пріобрѣтаемыя въ школѣ, не оказываются, сплошь и рядомъ, столь же поверхностными, если единственнымъ стимуломъ къ ихъ пріобрѣтенію была необходимость получить удовлетворительныя отмѣтки? Многіе ли изъ нынѣшнихъ гимназистовъ въ состояніи читать, черезъ годъ или два послѣ выпуска, латинскаго или греческаго автора, даже не изъ числа особенно трудныхъ? Предметъ, изучаемый добровольно, въ сравнительно зрѣлые годы, усвояется обыкновенно гораздо скорѣе, врѣзы-

Digitized by Google

вается въ память гораздо глубже, чѣмъ обычный, да еще въ добавокъ нелюбимый матеріалъ школьнаго преподаванія. Сосредоточеніе воли, въ виду близкой и дорогой цѣли, дѣлаетъ чудеса; затрудненія, передъ которыми останавливается мальчикъ, учащійся по принужденію, легко преодолѣваются юношей, свободно избирающимъ для себя излюбленную дорогу. Пишущій эти строки убѣдился въ этомъ по собственному опыту: рѣшившись, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія курса, изучить греческій языкъ, онъ менѣе чѣмъ въ годъ могъ переводить Софокла. Конечно, онъ не зналъ всѣхъ правилъ греческой этимологіи и синтаксиса—но вѣдь не въ никъ, какъ это теперь признается почти всѣми, заключается суть и цѣль знакомства съ древними языками, и не они будутъ служить главнымъ содержаніемъ дополнительныхъ экзаменовъ, проектируемыхъ коммиссіею: иначе не предполагалось бы уменьшить въ такой мѣрѣ число уроковъ, отводимыхъ древнимъ языкамъ въ будущихъ классическихъ гимназіяхъ... Выборъ спеціальности не всегда пріурочивается къ самому послѣднему моменту. Если въ ученикѣ латинскаго отдѣленія „единой“ школы влеченіе къ исторіи, философіи или языкознанію проснется хотя бы за годъ до окончанія курса, онъ успѣетъ, ко времени вступленія въ университетъ, запастись необходимыми свѣдѣніями по греческому языку; то же самое слѣдуетъ сказать объ ученикѣ реальнаго отдѣленія, рѣшающемся изучить латинскій языкъ съ цѣлью получить доступъ на факультетъ юридическій, медицинскій или восточный. Въ крайнемъ случаѣ и тому, и другому достаточно отложить на одинъ годъ вступленіе въ университетъ—и, конечно, они употребятъ этотъ годъ съ бо́льшей пользой, чѣмъ еслибы провели его на скамьяхъ нынѣшняго восьмого класса. Система, на которой остановилась коммиссія, хороша именно тѣмъ, что она отдаляетъ безповоротное рѣшеніе, сохраняетъ какъ можно дольше свободу перехода съ одного пути на другой, возможность исправить невольную ошибку. Нужно только облегчить для молодыхъ людей пользованіе правомъ, которое имъ предоставитъ законъ. Трудно изучить латинскій или греческій языкъ въ короткое время, безъ опытнаго руководителя—а оплатить его трудъ изъ собственныхъ средствъ будутъ въ состояніи лишь немногіе. Учителямъ латинскаго языка въ „единой“ школѣ и учителямъ греческаго языка въ классической гимназіи слѣдовало бы вмѣнить въ обязанность открывать вечерніе курсы: первымъ—для учениковъ реальнаго отдѣленія „единой“ школы, желающихъ учиться латинскому языку, вторымъ—для учениковъ латинскаго отдѣленія той же школы, желающихъ учиться греческому языку. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ не будетъ классическихъ гимназій, преподаваніе греческаго языка можетъ быть возложено на одного изъ учителей латинскаго языка. При такомъ

Digitized by Google

порядкѣ перемѣна первоначально выбранной—или указанной родителями—дороги не могла бы сдѣлаться привилегіей однихъ достаточныхъ людей... Есть полное основаніе надѣяться, что уменьшенію числа лицъ, *учившихся* древнимъ языкамъ, будетъ соотвѣтствовать увеличеніе числа лицъ, *знающихъ* эти языки, занимающихся ими съ любовью, находящихъ въ нихъ не только точку опоры для своей дѣятельности, но и источникъ живыхъ наслажденій. *Количественная* потеря будетъ болѣе чѣмъ уравновѣшена *качественнымъ* выигрышемъ. Интересъ къ классической древности, упавшій у насъ именно въ эпоху господства школьнаго классицизма, поднимется, быть можетъ, до прежней или еще бо̀льшей высоты, когда школьное изученіе обоихъ древнихъ языковъ перестанетъ быть условіемъ sine qua non для доступа въ университетъ, безъ различія факультетовъ.

Проектируемую реформу средняго образованія нѣкоторые о̀рганы печати привѣтствуютъ потому, что видятъ въ ней путь къ устройству *національной* школы. Имъ возражаютъ газеты, стоящія обыкновенно на сторонѣ самаго узкаго націонализма. „Московскія Вѣдомости“, напримѣръ, ссылаются на авторитетъ Хомякова, чтобы доказать, что даже славянофилы вовсе не думали о созданіи спеціально русской школы и считали древніе языки (въ чемъ сходился съ ними, впослѣдствіи, и Вл. Соловьевъ) необходимой основой гимназическаго образованія. Мы думаемъ, что *національность* школы, не имѣющая ничего общаго съ *націонализмомъ*, должна и можетъ выражаться только въ особо тщательномъ изученіи всего касающагося данной страны, ея прошедшаго и настоящаго. Это изученіе отнюдь не должно идти въ ущербъ тому, что̀ одинаково важно вездѣ и для всѣхъ. Еслибы для полноты и основательности средняго образованія, какъ ступени къ высшему, было необходимо знаніе древнихъ языковъ, въ томъ объемѣ, въ какомъ они преподаются въ нынѣшней гимназіи, никакими „національными“ или „націоналистическими“ соображеніями нельзя было бы оправдать существенное отступленіе отъ дѣйствующей системы. Въ области образованія, какъ и во всякой другой, болѣе чѣмъ странно руководствоваться только пристрастіемъ къ *своему* и нерасположеніемъ къ *чужому*. Изъ того, что классицизмъ до сихъ поръ играетъ важную роль въ германской, англійской, французской школѣ, еще отнюдь не слѣдуетъ, что онъ не долженъ играть аналогичной роли у насъ въ Россіи. Наше сочувствіе реформѣ обусловливается не тѣмъ, что она ведетъ къ торжеству національнаго начала, а тѣмъ, что она разумна и цѣлесообразна. Весьма важно, конечно, и то, что она позволяетъ усилить преподаваніе русскаго языка, русской литературы, географіи и исторіи Россіи—но какъ ни цѣнно это

Digitized by Google

пріобрѣтеніе, отъ него слѣдовало бы отказаться, еслибы оно должно было повлечь за собою пониженіе уровня средняго образованія.

Уже во время своихъ занятій коммиссія П. С. Ванновскаго не принимала никакихъ особыхъ мѣръ къ сохраненію ихъ въ тайнѣ; тѣмъ болѣе широкую гласность она предполагаетъ дать результатамъ своей работы. Сгруппированные по отдѣламъ, они будутъ разосланы попечителямъ учебныхъ округовъ, для обсужденія въ педагогическихъ совѣтахъ, а также губернаторамъ, для обсужденія въ совѣщаніяхъ, въ составъ которыхъ войдутъ предводители дворянства, предсѣдатели земскихъ управъ, городскіе головы и другія лица, по усмотрѣнію правительства. Можно надѣяться, что одновременно съ этимъ работы коммиссіи будутъ оглашены во всеобщее свѣдѣніе и сдѣлаются доступными для подробнаго разбора въ печати.

Такъ-называемая (по образцу извѣстной этимологіи: „lucus—a non lucendo“) „земская“ реформа въ западныхъ и окраинныхъ губерніяхъ Россіи продолжаетъ быть предметомъ славословій со стороны реакціонной печати — славословій тѣмъ болѣе горячихъ, что защита этой реформы равносильна порицанію или отрицанію существующихъ земскихъ учрежденій. До какихъ софизмовъ доходитъ все превозмогающее усердіе хвалителей, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Стараясь доказать, что *назначеніе* гласныхъ неизбѣжно дастъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ выборъ, „Московскія Вѣдомости“ восклицаютъ: „не слѣдуетъ забывать, что земскіе гласные назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ и что еслибы областная администрація, вслѣдствіе какихъ-либо личныхъ отношеній, и обошла назначеніемъ человѣка способнаго и знающаго свой край, то и у него, и у другихъ заинтересованныхъ людей всегда есть достаточные способы къ тому, чтобы обжаловать неправильныя дѣйствія“. Мы въ первый разъ слышимъ, что предметомъ *жалобы* можетъ быть неназначеніе—или непредставленіе—на должность, замѣщеніе которой зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія администраціи. Жалоба предполагаетъ либо нарушеніе права, либо нарушеніе закономъ охраняемаго интереса. Права претендовать на назначеніе гласнымъ, при системѣ проекта, не имѣетъ никто; ничьего личнаго, частнаго интереса неназначеніе гласнымъ нарушить не можетъ, а общій интересъ—т.-е. интересъ цѣлой мѣстности—не принадлежитъ, въ данномъ случаѣ, къ числу охраняемыхъ закономъ. Допустимъ, однако, что московской газетой допущенъ только lapsus linguae, что рѣчь идетъ не о жалобѣ, а просто о сообщеніи такихъ данныхъ, которыя могутъ склонить министра къ назначенію гласнымъ не представленнаго губернаторомъ

Digitized by Google

лица, но кого-либо другого. Кто возьметъ на себя подобное сообщеніе? То самое лицо, которое считаетъ себя обойденнымъ? Но вѣдь для того, чтобы достигнуть цѣли, ему нужно доказать не только свою способность, но и неспособность или меньшую способность оффиціальнаго кандидата. И то, и другое несовмѣстно съ чувствомъ самоуваженія, съ самою элементарною порядочностью. Для постороннихъ одна половина задачи—указаніе на достоинства обойденнаго лица—не представляетъ особыхъ неудобствъ, но другая половина—критическая оцѣнка лица представленнаго—затруднительна почти въ такой же мѣрѣ, какъ и для самого обойденнаго. Неизбѣжно, притомъ, долженъ возникнуть вопросъ о мотивахъ, вызвавшихъ вмѣшательство просителей—и разрѣшеніе его, въ силу весьма понятнаго скептицизма, рѣдко окажется благопріятнымъ для рекомендуемаго ими кандидата. Нѣкоторые шансы успѣха контръ-представленіе могло бы имѣть развѣ тогда, еслибы оно шло отъ организованной, самостоятельной коллегіи, составленной изъ мѣстныхъ жителей; но такой коллегіи проектъ не создаетъ. „Уѣздный земскій комитетъ“ не имѣетъ съ нею ничего общаго; ожидать отъ него открытаго выраженія несогласія съ губернаторомъ нельзя уже потому, что большинство его членовъ (земскіе начальники, волостные старшины, земскіе уполномоченные)—подчиненные губернатора. Припомнимъ, въ добавокъ, что число гласныхъ проектируется весьма ограниченное: отъ каждаго уѣзда ихъ будетъ по одному или, самое бо̀льшее, по два. Чѣмъ больше число кандидатовъ, тѣмъ легче обнаружить пробѣлъ, допущенный при составленіи кандидатскаго списка; но доказать, что единственную на весь уѣздъ вакансію слѣдуетъ замѣстить лицомъ А, а не лицомъ Б—почти немыслимо... Возможность жалобы или возраженія противъ представленія губернатора обусловливается, далѣе, его общеизвѣстностью; между тѣмъ, ничто не обязываетъ губернатора оглашать имя представленнаго имъ лица—а основать обращеніе къ министру на однихъ только предположеніяхъ и слухахъ едва ли кто-нибудь рѣшится. Нужно обладать, наконецъ, немалой долей независимости и гражданскаго мужества, чтобы вступить въ конфликтъ съ губернаторомъ по одному изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ мѣстной жизни. Получивъ возраженіе или жалобу, министерство, безъ сомнѣнія, сообщитъ ихъ на заключеніе губернскаго начальства. Имя возражателя или жалобщика не можетъ, такимъ образомъ, остаться въ тайнѣ—и это неминуемо должно отразиться на числѣ жалобъ или возраженій...

Выводъ изъ всего вышесказаннаго совершенно ясенъ: при дѣйствіи проектируемой системы назначеніе гласныхъ будетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, исключительно дѣло̀мъ губернскаго начальства. Съ точки зрѣнія реакціонной прессы это, впрочемъ, не аргументъ

Digitized by Google

противъ „земской“ реформы. „У областной администраціи“—читаемъ мы въ той же статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“—„нѣтъ и не можетъ быть никакого интереса вести дѣло неудовлетворительно. Наоборотъ, она заинтересована въ томъ, чтобы дѣло мѣстнаго благоустройства шло лучше, если даже не изъ побужденій долга и чести, то просто въ силу вполнѣ субъективныхъ соображеній: губернаторъ, у котораго мѣстное хозяйственное управленіе будетъ процвѣтать, можетъ больше разсчитывать на поощреніе своего начальства и на дальнѣйшую служебную карьеру. То же самое можно сказать и о всѣхъ остальныхъ подчиненныхъ органахъ. Поэтому, поскольку выборъ мѣстныхъ людей, наилучше знающихъ мѣстныя условія, будетъ зависѣть отъ нихъ, имъ рѣшительно нѣтъ никакого основанія отдавать предпочтеніе лицамъ, знающимъ эти условія менѣе удовлетворительно. Для облегченія собственнаго труда имъ будетъ желательно привлечь къ дѣлу людей возможно болѣе освѣдомленныхъ, способныхъ и энергичныхъ“. Всѣ эти разсужденія отчасти бьютъ мимо цѣли, отчасти идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Никто изъ противниковъ „земской“ реформы не утверждалъ и не утверждаетъ, что мѣстная администрація имѣетъ или можетъ имѣть интересъ въ *неудовлетворительномъ* веденіи мѣстнаго хозяйства; но достаточно ли развить въ ея средѣ *активный* интересъ въ удовлетворительномъ его веденіи, и онъ ли одинъ, онъ ли преимущественно будетъ руководить ею какъ въ выборѣ кандидатовъ на званіе гласнаго, такъ и вообще въ мѣропріятіяхъ, касающихся земскаго дѣла?... Несомнѣнно, что для постоянныхъ жителей мѣстности, связанныхъ съ нею и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ, благосостояніе ея дороже и ближе, чѣмъ для должностныхъ лицъ, вчера не имѣвшихъ съ нею ничего общаго и завтра могущихъ очутиться на другомъ концѣ Россіи. Соображенія карьернаго характера, которымъ московская газета, съ похвальною откровенностью, придаетъ столь большую силу, обоюдоостры: они могутъ усилить заботу о такой отрасли хозяйства, на которую, въ данную минуту, почему-либо обращено особое вниманіе центральной власти—но могутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ или даже именно потому, повлечь за собою равнодушіе или пренебреженіе ко всему остальному. Съ этой точки зрѣнія гораздо болѣе гарантій представляетъ земство, которое не только въ лицѣ гласныхъ, но даже, за сравнительно рѣдкими исключеніями, въ лицѣ предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, дѣйствуетъ не въ виду наградъ и другихъ видовъ служебнаго поощренія. Болѣе чѣмъ наивно думать—или болѣе чѣмъ смѣло утверждать,—что при назначеніи гласныхъ будетъ приниматься въ разсчетъ, главнымъ образомъ, знаніе ими мѣстныхъ условій. Рѣшающее значеніе будутъ имѣть—конечно не всегда, но сплошь

Digitized by Google

и рядомъ—другія условія, скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго свойства. Уживчивость часто будетъ цѣниться выше, чѣмъ энергія, безцвѣтность—выше, чѣмъ способность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только присмотрѣться къ столь многочисленнымъ, въ послѣднее время, случаямъ неутвержденія въ разныхъ выборныхъ должностяхъ по земскому и городскому самоуправленію. Въ одесской городской думѣ было, на дняхъ, заявлено публично, что одинъ изъ гласныхъ не былъ утвержденъ членомъ исполнительной театральной комиссіи въ виду непріятностей, которыя онъ имѣлъ съ полиціей (см. „Россія", № 762). По словамъ вятскаго корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 113), предсѣдателемъ малмыжской (вятской губерніи) уѣздной земской управы не утверждено лицо, девятилѣтняя безупречная дѣятельность котораго извѣстна всему населенію уѣзда. Въ той же вятской губерніи „независимые земцы изъ крестьянъ устранились отъ земской дѣятельности, или по собственному желанію, сознавая свое безсиліе, или же по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависящимъ. Достаточно такому гласному выразить небольшой протестъ противъ какого-нибудь предложенія предсѣдателя собранія—и въ слѣдующее трехлѣтіе онъ уже не числится въ спискѣ гласныхъ, хотя бы своею волостью былъ избранъ единогласно. Достаточно даже не поладить съ приставомъ, чтобы земская карьера гласнаго-крестьянина была окончена". Въ белебеевскомъ уѣздѣ (уфимской губерніи) не утверждено предсѣдателемъ уѣздной земской управы лицо, занимавшее эту должность три трехлѣтія. На вновь происходившихъ выборахъ никто поставить свою кандидатуру въ предсѣдатели не пожелалъ, кромѣ одного лица, которое было забаллотировано подавляющимъ большинствомъ (21 противъ *пяти*)—и нѣсколько мѣсяцевъ спустя это самое лицо *назначено* предсѣдателемъ той же управы („Русскія Вѣдомости" № 130). Замѣтимъ, что неутвержденіе избраннаго лица всегда возбуждаетъ толки, производитъ нѣкоторый шумъ, не особенно пріятный для администраціи. Другое дѣло—представленіе кандидата въ гласные; здѣсь никто прямо не устраняется, никому не наносится прямой обиды, общественное мнѣніе не приводится въ движеніе новыми выборами. Ничто, поэтому, не будетъ стѣснять дѣйствія мотивовъ аналогичныхъ съ тѣми, которыми такъ часто обусловливается неутвержденіе въ должности. Можно сказать, не рискуя ошибиться, что чѣмъ энергичнѣе администраторъ, чѣмъ больше онъ разсчитываетъ на свои знанія, опытность, энергію, тѣмъ сильнѣе будетъ для него соблазнъ окружить себя безличными и послушными гласными и достигнуть, такимъ путемъ, единовластія въ губернскомъ земскомъ комитетѣ. Примѣръ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій удостовѣряетъ, что высшіе губернскіе чины рѣдко

Digitized by Google

подаютъ голосъ противъ предложеній губернатора; но еслибы нѣкоторые изъ нихъ, засѣдая въ губернскомъ земскомъ комитетѣ, и оказались болѣе самостоятельными, то съ помощью гласныхъ, неуклонно идущихъ по стопамъ губернатора, ихъ всегда легко будетъ оставить въ меньшинствѣ.

Другой пріемъ, употребляемый реакціонною печатью для прославленія излюбленнаго ею проекта, заключается въ низведеніи земскаго дѣла на степень чего-то до крайности простого и легкаго, не требующаго сложной организаціи. Намѣтить сѣть уѣздныхъ дорогъ, школьную сѣть, сѣть больницъ или пріемныхъ покоевъ могутъ-де и пришлые люди; участіе мѣстныхъ жителей во всѣхъ этихъ земско-хозяйственныхъ функціяхъ отнюдь не необходимо. Оставаясь послѣдовательными, защитники этой точки зрѣнія должны были бы признать, что гласныхъ, хотя бы и назначенныхъ, не нужно вовсе; но они великодушно соглашаются развести бюрократическій элементъ небольшою примѣсью мѣстнаго, съ тѣмъ, однако, чтобы послѣдній былъ поглощенъ или ассимилированъ первымъ... Въ аргументаціи, направленной къ упраздненію земства, нетрудно замѣтить цѣлыхъ три ахиллесовы пяты. Прежде чѣмъ приступить къ исполненію того или другого предпріятія—къ установленію, напр., школьной или больничной сѣти,—нужно рѣшить въ принципѣ, что это предпріятіе необходимо, и ассигновать потребныя для него средства. Тридцатипятилѣтній опытъ удостовѣряетъ, что именно въ этомъ первомъ фазисѣ дѣла незамѣнимо земство—настоящее, не номинальное земство. Только оно, въ сферѣ мѣстнаго хозяйства, обладаетъ достаточною иниціативой, только оно пролагаетъ здѣсь новые пути, только оно не отступаетъ передъ затратами, безъ которыхъ не можетъ быть достигнута намѣченная цѣль. Указать, какіе пункты наиболѣе удобны для школъ или больницъ, сравнительно легко—но нелегко признать, что начальное образованіе и медицинская помощь *должны* быть сдѣланы доступными для всего населенія. Къ такому рѣшительному выводу не приходилъ, до сихъ поръ, никто, кромѣ земскихъ собраній. Незамѣнимы они, затѣмъ, и въ оцѣнкѣ сравнительной важности различныхъ отраслей земскаго хозяйства, т.-е. въ выборѣ той или тѣхъ изъ нихъ, которыя, въ данную минуту, всего больше нуждаются въ развитіи или поддержкѣ... Тенденціозно умалчивается, дальше, та масса безвозмезднаго труда, которую вызываетъ земство. Немалая доля этого труда упадаетъ на самихъ гласныхъ, исполняющихъ порученія собранія — состоящихъ санитарными попечителями, завѣдующихъ земскими дорогами, работающихъ въ разныхъ коммиссіяхъ и совѣтахъ. Къ нимъ присоединяются, обыкновенно, и многіе другіе жители, готовые помочь своему земству... Игнорируется, наконецъ, существенно важное значеніе земскихъ ходатайствъ.

Digitized by Google

Кто не ослѣпленъ угодливостью, кто не порабощенъ доктриной объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ", тотъ не можетъ не признать, что земскія ходатайства — цѣлая сокровищница полезныхъ указаній, изъ которыхъ многія не прошли безслѣдно. Ничего подобнаго этимъ указаніямъ нельзя ожидать отъ губернскихъ земскихъ комитетовъ, составленныхъ изъ должностныхъ лицъ и назначенныхъ гласныхъ.

Увлекаясь тою стороною проектированной реформы, которая можетъ быть обращена въ боевое орудіе противъ земства, реакціонная печать отодвигаетъ на задній планъ спеціальный вопросъ о возможности нормальныхъ земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ. Въ тѣхъ немногихъ замѣчаніяхъ, которыя она посвящаетъ этому предмету, она такъ же далека отъ истины, какъ и во всемъ остальномъ. Несомнѣннымъ предполагается то, что̀ на самомъ дѣлѣ подлежитъ большому спору. „Еслибы въ западныхъ губерніяхъ" — утверждаютъ „Московскія Вѣдомости"—„были допущены выборы, то, въ силу особенностей разноплеменнаго состава этихъ губерній, надо думать, что организація выборовъ была бы иная, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. При преобладаніи въ краѣ польскаго землевладѣнія, выборы по дѣйствующему положенію о земскихъ учрежденіяхъ дали бы въ земскомъ представительствѣ такое преобладаніе польскаго элемента, какое, въ виду особенностей политическаго положенія края, не могло бы быть допущено... Пришлось бы, вѣроятно, установить представительство по національностямъ, что̀ едва ли допустимо, или же выборы должны были бы быть организованы такъ, чтобы дать преобладаніе выборщикамъ русской національности—но это повело бы къ чисто искусственному исключенію представительства поляковъ изъ общественныхъ учрежденій". Это совершенно невѣрно. Законопроектъ 1898 года не установлялъ представительства по національностямъ и не исключалъ поляковъ изъ состава земскихъ собраній—но не давалъ имъ и преобладанія въ земствѣ, потому что расширялъ, сравнительно съ общимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, рамки крестьянскаго представительства [1]). Въ случаѣ осуществленія этого законопроекта, лицамъ польскаго происхожденія навѣрное былъ бы открытъ доступъ въ составъ земскихъ собраній; а найдутъ ли они мѣсто въ губернскихъ земскихъ комитетахъ — это подлежитъ большому сомнѣнію. При незначительномъ числѣ назначенныхъ гласныхъ всегда легко будетъ признать, что въ каждомъ уѣздѣ лучшимъ кандидатомъ на званіе гласнаго является лицо русскаго, а не польскаго происхожденія. Возможны будутъ, конечно, отдѣльныя исключенія, но они

[1]) Содержаніе законопроекта 1898 года изложено во „Внутреннемъ Обозрѣніи" № 12 „Вѣстника Европы" за тотъ же годъ.

Digitized by Google

едва ли внушатъ полякамъ сознаніе равноправности съ русскими, которое могла бы имъ дать *настоящая* земская реформа. Чтобы быть представленнымъ и назначеннымъ въ гласные, поляку нужно будетъ заявить себя сугубо благонамѣреннымъ и покорнымъ.

Съ вопросомъ о земской реформѣ въ западныхъ губерніяхъ отчасти связанъ вопросъ о сохраненіи мѣстныхъ генералъ-губернаторствъ—связанъ не потому, чтобы генералъ-губернаторы всегда оказывались личными противниками земства [1]), а потому, что все поддерживающее обособленность края препятствуетъ примѣненію къ нему общеимперскихъ порядковъ. Подчиненіе трехъ сѣверо-западныхъ и трехъ юго-западныхъ губерній дѣйствію нормальныхъ правилъ о губернской администраціи могло бы послужить первымъ шагомъ къ введенію и тамъ, и тутъ нормальныхъ земскихъ учрежденій. За упраздненіе генералъ-губернаторствъ говорятъ и многія другія соображенія, приведенныя нами четыре года тому назадъ, когда, послѣ смерти генерала Оржевскаго, постъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора нѣсколько мѣсяцевъ оставался незамѣщеннымъ. „Генералъ-губернаторства"—писали мы тогда [2])—„существуютъ не на всѣхъ окраинахъ Россіи; ихъ нѣтъ ни въ прибалтійскомъ, ни въ новороссійскомъ краѣ. До Вильны столько же часовъ ѣзды, какъ и до Риги—да и что̀ значитъ разница въ 100-200 верстъ при теперешнихъ телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ?... Все *чрезвычайное*, подъ опасеніемъ внутренняго противорѣчія, должно быть *временнымъ*, т.-е. зависѣть отъ временныхъ, скоропреходящихъ обстоятельствъ—а религія и національность (ссылкою на которыя мотивируется, обыкновенно, сохраненіе генералъ-губернаторствъ въ западномъ краѣ) не измѣняются вовсе или измѣняются крайне медленно. Враждебное настроеніе края—если допустить, что оно существуетъ—не обусловливается ли, отчасти, именно чрезвычайными полномочіями, которыя признаются необходимыми для его подавленія? Нѣтъ ли здѣсь заколдованнаго круга, изъ котораго только одинъ выходъ—забвеніе прошлаго, не какъ историческаго урока, а какъ источника мѣропріятій?... Достаточнымъ соединительнымъ звеномъ между губернаторами служитъ центральная власть, нимало, при обыкновенныхъ условіяхъ, не нуждающаяся въ посредничествѣ генералъ-губернатора"... Вѣскіе доводы за упраздненіе виленскаго генералъ-губернаторства мы встрѣтили недавно въ „Новомъ Времени" (№ 9070). „Всѣ виленскіе

[1]) Недавно скончавшійся виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ, генералъ Троцкій—какъ и его предшественникъ, генералъ Оржевскій,—высказался противъ земскихъ учрежденій, но генералъ-губернаторъ кіевскій, подольскій и волынскій, генералъ Драгомировъ, подалъ голосъ за ихъ введеніе.

[2]) См. „Внутр. Обозр." въ № 7 и „Общ. Хрон." въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

Digitized by Google

генералъ-губернаторы послѣ Потапова"—говоритъ газета—„не сдѣлали въ краѣ ничего, чего не сдѣлали бы обыкновенные губернаторы, каждый въ своей губерніи. Эти губернаторы, предоставленные собственной самостоятельной дѣятельности, навѣрное бы сдѣлали больше для края, чѣмъ подъ эгидой генералъ-губернатора... Самостоятельный губернаторъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за свою дѣятельность въ губерніи и естественно старается выполнить ее наилучшимъ образомъ. Напротивъ, губернаторъ генералъ-губернаторства не чувствуетъ на себѣ ближайшей отвѣтственности, потому что его дѣятельность, весьма часто несогласная съ его взглядомъ на дѣло, навязана ему генералъ-губернаторомъ, или, что тоже нерѣдко, важная мѣра, выработанная губернаторомъ, почему-либо не одобряется генералъ-губернаторомъ. Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ парализируетъ дѣятельность своихъ губернаторовъ, служитъ тормазомъ для нихъ. И парализируя дѣятельность своихъ губернаторовъ, генералъ-губернаторъ самъ не можетъ сдѣлать ничего важнаго въ краѣ. Чтобы сдѣлать что-либо солидное въ краѣ, нужно знать край, а кромѣ Муравьева ни одинъ изъ послѣдующихъ генералъ-губернаторовъ не зналъ края; и потому они толкались какъ въ потемкахъ или куда натолкнетъ ихъ случай. Даже еслибы они пожелали серьезно заняться изученіемъ края, для нихъ безконечно труднѣе изучить всѣ три губерніи, чѣмъ для губернатора одну собственную". Заканчивается статья „Новаго Времени" слѣдующими знаменательными словами генерала Тотлебена, сказанными имъ въ бытность виленскимъ генералъ-губернаторомъ: „какъ командующій войсками округа, я имѣю много дѣла, но какъ виленскій генералъ-губернаторъ не вижу никакого. Вотъ я прожилъ въ Вильнѣ шесть мѣсяцевъ—и не имѣлъ ни одного дѣла, ради котораго стоило бы держать виленскаго генералъ-губернатора"...

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1901.

Правительство и оппозиція въ Англіи.—Споры о королевскомъ бюджетѣ въ парламентѣ.—Жалобы на стѣсненіе печати въ Ирландіи.—Англійскіе либералы и имперіалисты о южно-африканскихъ дѣлахъ.—Герцогъ Корнваллійскій въ Австраліи.—Памятникъ Бисмарку въ Берлинѣ.

Въ одной изъ своихъ недавнихъ рѣчей британскій премьеръ, лордъ Сольсбери, обратилъ вниманіе слушателей на чрезмѣрное ослабленіе оппозиціонныхъ партій вслѣдствіе внутренняго разлада, вызваннаго новѣйшими успѣхами имперіализма. „Уніонисты, — выразился онъ между прочимъ,—должны теперь задуматься надъ тѣмъ, не настолько ли они расшатали силу оппозиціи, что вѣсы конституціи перестали работать съ обычной правильностью". Ему, премьеру, это положеніе вещей представляется нежелательнымъ, и онъ предпочелъ бы видѣть дѣйствіе конституціи въ традиціонномъ порядкѣ. Другими словами, правительство хотѣло бы, чтобы оппозиція была сильнѣе, чтобы въ ней было больше сплоченности и единства, чтобы она могла служить достаточнымъ противовѣсомъ министерской партіи и способна была, въ случаѣ надобности, взять на себя управленіе государственными дѣлами при соотвѣтственной перемѣнѣ общественнаго мнѣнія, подобно тому, какъ это было при Гладстонѣ и Биконсфильдѣ.

Не странно ли это заявленіе въ устахъ главы кабинета? По обычнымъ понятіямъ, всякое правительство должно стремиться къ ослабленію оппозиціи, и если послѣдняя обнаруживаетъ признаки упадка и безсилія, то это принимается за доказательство прочности существующаго порядка и ставится въ особую заслугу министрамъ. Правительственные дѣятели, которые жаждали бы усиленія оппозиціи, встрѣчаются довольно рѣдко въ континентальной Европѣ, и мысль, высказанная лордомъ Сольсбери, вѣроятно для многихъ останется неясною или даже загадочною. Между тѣмъ для англичанъ она вполнѣ естественна: даже самые консервативные патріоты Англіи никогда не смѣшиваютъ интересовъ правительства, составленнаго изъ опредѣленныхъ лицъ, съ интересами государства, какъ цѣлаго, обнимающаго всѣ общественные классы, партіи и направленія. Слабость оппозиціи представляетъ большое удобство для министровъ, обезпечивая имъ сохраненіе власти на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ это требуется, быть можетъ, интересами страны; но для государства въ ши-

Digitized by Google

рокомъ смыслѣ этого слова необходимо, чтобы существующее въ народѣ разнообразіе интересовъ, потребностей и стремленій находило себѣ полное и свободное выраженіе въ правительственныхъ сферахъ, не встрѣчая преграды въ постоянствѣ личнаго состава кабинета. Британскіе министры привыкли жить и дѣйствовать въ атмосферѣ безпрестанной публичной критики, среди шумной борьбы различныхъ направленій и оттѣнковъ общественнаго мнѣнія; они не освобождаются отъ критики и борьбы даже при отсутствіи правильно организованной оппозиціи въ парламентѣ. Парламентская оппозиція есть родъ государственной службы въ Англіи; графъ Розбери въ палатѣ лордовъ и сэръ Кемпбель-Баннерманъ въ палатѣ общинъ занимаютъ такое же оффиціальное положеніе въ качествѣ предводителей либеральнаго меньшинства, какъ и министры, состоящіе руководителями большинства. Лордъ Розбери и сэръ Кемпбель-Баннерманъ являются заранѣе намѣченными кандидатами на министерскіе посты, въ случаѣ отставки нынѣшняго кабинета подъ вліяніемъ какой-нибудь существенной неудачи въ парламентѣ; а такъ какъ фактически ни лордъ Розбери, ни сэръ Кемпбель-Баннерманъ не могли бы принять на себя отвѣтственность за проведеніе извѣстной правительственной программы, при отсутствіи единства среди оппозиціонныхъ группъ, то министры лишены были бы возможности уступить власть противникамъ, еслибы случился поворотъ общественнаго или парламентскаго настроенія въ пользу оппозиціи. Разстройство оппозиціонныхъ силъ, сдѣлавшись хроническимъ, затруднило бы правильную смѣну министерствъ, требуемую интересами государства, и обычный традиціонный ходъ конституціи былъ бы такимъ образомъ нарушенъ. Вожди оппозиціи очутились бы въ положеніи людей, вліяніе которыхъ на политику не связано съ отвѣтственностью, т.-е. съ готовностью нести бремя министерской службы; а это рѣшительно противорѣчило бы установившимся англійскимъ понятіямъ. Лордъ Сольсбери не настолько ослѣпленъ, чтобы считать себя незамѣнимымъ; напротивъ, онъ твердо знаетъ, что государство ничего не проиграло бы отъ перехода обязанностей премьера къ лорду Розбери,—точно также какъ Бальфуръ въ нижней палатѣ чувствуетъ себя не выше и не лучше Кемпбеля-Баннермана, сэра Гаркорта или Джона Морлея. Въ дѣйствительности государство могло бы только выиграть отъ обновленія своего правительственнаго персонала, которое иногда составляетъ такую же потребность, какъ періодическое освѣженіе воздуха въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Еще ранѣе упомянутой рѣчи премьера, лондонскій „Times“, защищающій вообще политику правительства, высказывалъ тѣ же соображенія и опасенія по поводу чрезмѣрной прочности нынѣшняго уніонистскаго кабинета. „Безполезно было бы пытаться,—говорилъ

Digitized by Google

„Times“ въ передовой статьѣ 3 іюня (нов. стиля),—замаскировать тотъ фактъ, что существуетъ значительное недовольство въ рядахъ уніонистскаго (правительственнаго) большинства. Недовольство это вовсе не ограничивается либеральными уніонистами, и, быть можетъ, наиболѣе рѣшительные и непримиримые выразители его принадлежатъ къ старой консервативной партіи. Огромное большинство, выбранное въ палату общинъ какъ протестъ противъ сторонниковъ „Малой Англіи“ и безусловнаго мира, не питаетъ особеннаго довѣрія къ своимъ вождямъ. Это чувство все болѣе распространяется, хотя оно сдерживалось естественною и здоровою реакціею противъ несправедливыхъ нападеній на правительство и войну... Въ числѣ лицъ, далеко не поколебленныхъ въ своей преданности уніонизму, есть не мало такихъ, которые находятъ, что правительство лорда Сольсбери не исполнило своихъ обѣщаній... Постоянное и незамѣтное усиленіе этого недовольства можетъ со временемъ привести къ парламентскому взрыву. Мы не предсказываемъ пока наступленія такого кризиса. Политика можетъ постепенно преобразоваться, за исключеніемъ вопросовъ, въ которыхъ національная воля выразилась съ достаточною рѣшительностью, какъ это было по отношенію къ южно-африканскимъ дѣламъ. Администрація могла бы измѣниться въ своемъ характерѣ при помощи надлежащихъ увольненій и перемѣщеній. Преобразованіе состава правительства послѣ всеобщихъ выборовъ сдѣлано было, по общему мнѣнію, неудовлетворительно. Перемѣны въ распредѣленіи и замѣщеніи видныхъ оффиціальныхъ постовъ были большею частью непонятны публикѣ, хотя нельзя утверждать, что онѣ не оправдывались какими-либо мотивами, скрытыми отъ постороннихъ. Требованіе, чтобы кабинетъ состоялъ главнымъ образомъ изъ молодыхъ и энергическихъ дѣятелей, проникнутыхъ духомъ вѣка и настроеніемъ націи,—не подлежитъ никакому спору. Дѣло только въ томъ, гдѣ найти этихъ людей. Еслибы они появились, они были бы встрѣчены живѣйшей поддержкой со стороны народа и наложили бы свою печать на открывающееся столѣтіе. Оппозиція, пока она не примирила своихъ разногласій и не установила какой-нибудь программы, которую она могла бы предложить избирателямъ, какъ сильная и цѣльная партія,—не въ состояніи серьезно соперничать съ уніонистами. Но можно идти слишкомъ далеко въ надеждахъ на недостатокъ соперничества. Недовольство въ рядахъ уніонистовъ не излечивается отсутствіемъ могущественной и солидной партіи на другой сторонѣ парламента. И теперь, какъ и всегда, подтверждается справедливость пословицы, что противникъ приноситъ помощь“. Съ этой точки зрѣнія становится яснымъ, почему слабость противниковъ министерства невыгодна для государства и косвенно обезсиливаетъ само правитель-

Digitized by Google

ство. Взглядъ лорда Сольсбери совпадаетъ въ данномъ случаѣ съ замѣчаніями „Times“ и соотвѣтствуетъ, очевидно, кореннымъ основамъ и обычаямъ англійской политической жизни.

Кабинетъ лорда Сольсбери имѣетъ многочисленныхъ и вліятельныхъ враговъ, но между ними нѣтъ единства; парламентская борьба потеряла прежнюю стройность и приняла отчасти характеръ партизанскихъ стычекъ, иногда рѣзкихъ и серьезныхъ, но лишенныхъ системы и послѣдовательности. Продолжительные споры возбуждались въ палатѣ общинъ вопросомъ о размѣрѣ суммъ, которыя должны быть ассигнованы государственнымъ казначействомъ на содержаніе королевской фамиліи. Правительство предлагало назначить 543 тысячи фунтовъ стерлинговъ въ годъ, вмѣсто прежней цифры въ 476 тысячъ,—т.-е. увеличить расходъ на 67 тысячъ въ годъ; причемъ канцлеръ казначейства пояснилъ, что эти средства почти сполна покрываются доходами съ коронныхъ имѣній, которыя были въ свое время уступлены казнѣ взамѣнъ опредѣленной ежегодной уплаты. Предводитель оппозиціи, сэръ Кемпбель-Баннерманъ, одобрилъ предложеніе и выразилъ надежду, что оно будетъ принято единодушно. Само собою разумѣется, что объ единодушіи въ дѣйствительности не могло быть и рѣчи. Редмондъ, отъ имени ирландскихъ націоналистовъ, заявилъ, что они не могутъ подать голосъ за предложеніе по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, король, при вступленіи на престолъ, принесъ присягу въ формѣ, оскорбительной для католиковъ, и законъ до сихъ поръ еще не измѣнилъ текста этой присяги. Во-вторыхъ, на Ирландію возложена несоотвѣтственная часть общихъ расходовъ королевства, и въ-третьихъ, при настоящей конституціи государства, главою котораго состоитъ король, Ирландія лишена своихъ конституціонныхъ правъ и фактически низведена на степень безправной провинціи. Радикальный ораторъ и публицистъ, Лабушеръ, съ своей стороны, соглашаясь съ необходимостью назначить средства на содержаніе королевской фамиліи, настаивалъ на излишествѣ нѣкоторыхъ затратъ, связанныхъ съ существованіемъ такого „безполезнаго средневѣковаго учрежденія, какъ дворъ“, и совѣтовалъ уменьшить смѣту требуемыхъ расходовъ до 415 тысячъ фунтовъ. Въ засѣданіи 10 іюня Лабушеръ повторилъ свои аргументы, доказывая историческими справками, что коронныя имѣнія принадлежали королю только какъ главѣ государства, а не по праву частной собственности, и потому переходъ ихъ въ казну не увеличилъ правъ короны на полученіе средствъ отъ государственнаго казначейства. Большинство высказалось, конечно, противъ толкованія Лабушера, который нашелъ въ палатѣ 67 единомышленниковъ. Представитель рабочихъ, Кейръ-Гарди, объявившій себя раньше — вѣроятно по недоразумѣнію—республиканцемъ, по-

Digitized by Google

желалъ выдѣлить королевѣ 50 тысячъ фунтовъ въ годъ, вмѣсто получаемыхъ ею отъ короля 33 тысячъ. Особенно энергично возражали тѣ же члены парламента противъ назначенія 30 тысячъ фунтовъ въ годъ наслѣднику престола и его супругѣ, ссылаясь на получаемые ими доходы съ герцогства Корнваллійскаго; но Бальфуръ увѣрилъ противниковъ, что нынѣшній король, будучи наслѣдникомъ, получалъ значительно больше. Любопытно, что радикалъ Лабушеръ находилъ неудобнымъ точное опредѣленіе различныхъ статей расхода въ королевскомъ бюджетѣ, такъ какъ, по его словамъ, „болѣе почтительно было бы предоставить королю расходовать свои деньги по усмотрѣнію". Канцлеру казначейства пришлось здѣсь вступиться за права парламента, который лишился бы возможности какого бы то ни было контроля относительно придворныхъ чиновъ, еслибы означенное перечисленіе было исключено изъ бюджета. Сэръ Вильямъ Гаркортъ поддержалъ въ этомъ случаѣ консерватора Бальфура, напомнивъ, что по всегдашней конституціонной практикѣ парламентъ долженъ въ точности указывать, какъ должны распредѣляться суммы, входящія въ составъ „цивиль-листа", и что нарушеніе этого правила при Георгѣ III повело къ большимъ злоупотребленіямъ.

Въ концѣ концовъ, эти щекотливые вопросы обсуждались въ чисто-дѣловомъ тонѣ, безъ всякихъ партійныхъ тенденцій: не замѣтно было разницы въ мнѣніяхъ между консерваторами и либералами; а радикалы и соціалисты обнаруживали иногда готовность допускать уступки, которыя казались нежелательными самимъ министрамъ. Монархія, какъ общее національное учрежденіе, представляетъ или должна представлять одинаковый интересъ для всѣхъ партій; ни одна изъ общественныхъ и парламентскихъ группъ не осмѣливается брать корону подъ свое спеціальное покровительство и выступать отъ ея имени, намекая на свою солидарность съ идеями и цѣлями носителей королевской власти, какъ это практикуется часто въ другихъ странахъ. Въ Англіи совершенно не существуетъ того разряда охранителей, который подъ предлогомъ благонамѣреннаго усердія присвоивалъ бы себѣ право розыска относительно монархическихъ чувствъ обывателей и пріобрѣталъ бы такимъ способомъ привилегированное положеніе въ странѣ. Корона въ Англіи охраняется законами, учрежденіями и нравами, и она не нуждается, повидимому, въ иной охранѣ. Если кто-нибудь позволитъ себѣ напечатать или распространять оскорбительные отзывы о лицахъ королевской фамиліи, то онъ подлежитъ за это суровой карѣ закона по суду; администрація въ подобныхъ случаяхъ можетъ только налагать арестъ на противозаконное произведеніе печати, да и то подъ страхомъ отвѣтственности предъ судомъ въ случаѣ ошибочнаго истолкованія и примѣненія закона. Недавно такого рода мѣра

Digitized by Google

принята была въ Дублинѣ противъ газеты „Irish People“, органа ирландской лиги, за напечатаніе несомнѣннаго пасквиля противъ короля, и несмотря на то, что дѣло шло лишь о задержаніи одного нумера газеты, который можно было перепечатать безъ преступной статейки, ирландскіе представители въ парламентѣ подняли по этому поводу сильный шумъ и рѣзко привлекли къ отвѣту министра по дѣламъ Ирландіи. На запросъ Диллона министръ отвѣчалъ, что арестъ произведенъ былъ съ цѣлью предупредить распространеніе пасквиля и что мѣстныя полицейскія власти дѣйствовали согласно общему закону, уполномочивающему предупрежденіе преступленій. Диллонъ обратилъ вниманіе палаты на незаконныя дѣйствія администраціи, стремящейся подорвать свободу печати въ Ирландіи и возстановить старинную систему произвола. „Задержанный нумеръ газеты—по словамъ Диллона—дѣйствительно заключалъ въ себѣ горячее нападеніе на короля; но ирландской исполнительной власти не подобало рѣшать, былъ ли напечатанъ мятежный пасквиль противъ его величества. Это—вопросъ, относящійся исключительно къ компетенціи суда. Въ англійскихъ газетахъ помѣщались въ прошлое царствованіе оскорбительныя статьи о королевѣ, и никакихъ преслѣдованій не предпринималось“. Редмондъ подкрѣпилъ заявленіе своего коллеги догадкой, что истиннымъ мотивомъ задержанія газеты было помѣщеніе въ томъ же нумерѣ полнаго текста рѣчи, содержащей въ себѣ нападки на министра по дѣламъ Ирландіи. Министръ (или собственно „главный секретарь для Ирландіи“) представилъ палатѣ подробный отчетъ объ обстоятельствахъ ареста нумера „Irish People“; онъ лично распорядился принять эту мѣру, какъ только ему передали по телеграфу сущность статьи противъ короля, и прежде еще чѣмъ онъ могъ узнать о нападкахъ газеты на него лично. По его мнѣнію, „не только правительство, но и всякое частное лицо изъ числа вѣрныхъ подданныхъ короны имѣло по закону право и обязанность“ помѣшать распространенію столь гнуснаго пасквиля. Однако Редмондъ полагалъ, что арестъ возбудилъ только преувеличенный и всеобщій интересъ къ задержанному нумеру газеты, многіе экземпляры котораго остались все-таки свободными и успѣли распространиться въ публикѣ; но какъ бы то ни было, оцѣнка такихъ преступленій печати—дѣло суда, а не администраціи. Въ преніяхъ участвовалъ и „лидеръ“ палаты, Бальфуръ; за нимъ говорили еще бывшій либеральный министръ Аскитъ, Лабушеръ, О'Конноръ, Бринъ-Робертсъ и Бернсъ. „Нѣтъ достаточно сильныхъ эпитетовъ,—сказалъ между прочимъ министръ Бальфуръ,—для обозначенія этого пасквиля, направленнаго противъ особы, которая въ такихъ случаяхъ является особенно безпомощною; ибо монархъ, благодаря своему высокому положенію, менѣе способенъ отразить по-

Digitized by Google

добныя нападенія, чѣмъ любой изъ его подданныхъ. Совершено было грубое нарушеніе общественнаго приличія и общественной морали. Если исполнительные органы дѣйствовали неправильно, то націоналистская партія имѣетъ противъ этого надлежащее лекарство, такъ какъ судебныя учрежденія имъ открыты. Великое и священное дѣло свободы печати не пострадало отъ того, что задержано распространеніе грязныхъ выходокъ противъ главы государства въ его частной жизни". Въ томъ же смыслѣ высказался и Аскитъ; онъ еще сильнѣе подчеркнулъ истинное положеніе англійской администраціи въ дѣлахъ, касающихся печати. Указавъ на то, что палата не можетъ постановить никакого рѣшенія по вопросу о степени законности принятой мѣры, Аскитъ замѣтилъ, что въ этой области „исполнительная власть имѣетъ не больше правъ, чѣмъ первый встрѣчный человѣкъ на улицѣ: пусть завтра же заинтересованная сторона обратится въ компетентный судъ, и правительство не въ состояніи будетъ прикрыться какою-либо привилегіею". Палата превысила бы свои полномочія, еслибы вмѣшалась въ это дѣло. Изъ остальныхъ замѣчаній можно привести еще мнѣніе соціалиста Бернса, что „король по всей вѣроятности бросилъ бы предполагаемый пасквиль въ корзину, еслибы содержаніе статьи было доведено до его свѣдѣнія". Любопытнѣе всего то, что самъ король, по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, раздѣляетъ точку зрѣнія Бернса; онъ выразилъ, какъ говорятъ, свое неудовольствіе по поводу усердія ирландскихъ властей и далъ понять, что было бы гораздо лучше предоставить общественному мнѣнію противодѣйствовать распространенію пасквилей, направленныхъ противъ короны. Не надо забывать, что редакція „Irish People", какъ признаются и ирландскіе депутаты, совершила проступокъ, сурово караемый уголовнымъ судомъ и оставленный въ данномъ случаѣ безъ преслѣдованія; виновники отдѣлались лишь легкимъ административнымъ воздѣйствіемъ, которое, какъ оказывается, могло быть предпринято и по почину любого частнаго лица, въ силу общихъ законовъ о предупрежденіи преступленій. Такимъ образомъ, газета не только не пострадала отъ произвола администраціи, но еще выиграла отъ нежеланія ея возбудить судебный процессъ, который привелъ бы къ ненужному оглашенію возмутительной статейки; — и однако ирландскіе націоналисты негодуютъ, взываютъ къ суду и жалуются на незаконное стѣсненіе свободы печати! Обращаться въ самомъ дѣлѣ къ суду имъ нѣтъ никакого разсчета, ибо никому нѣтъ охоты навлекать на себя законную кару изъ принципа; но они горячо протестуютъ, обрушиваются съ негодованіемъ на правительство и повидимому искренно чувствуютъ себя жестоко обиженными. Если судить по этому эпизоду съ газетою „Irish People", то исключительныя полномочія администраціи въ Ирландіи могутъ назы-

Digitized by Google

ваться исключительными только по особой англійской терминологіи, мало доступной языкамъ другихъ странъ. Ирландскія жалобы въ этомъ случаѣ и вызванныя ими парламентскія разъясненія подтверждаютъ только старую истину, что все относительно въ этомъ мірѣ.

Главнымъ источникомъ разлада среди политическихъ партій въ Англіи остается упорно продолжающаяся война въ южной Африкѣ. Опустошеніе значительной части территоріи Трансвааля и Оранжевой республики, сожженіе мѣстныхъ фермъ и безпощадное уничтоженіе имущества боэровъ, подъ предлогомъ отнятія средствъ и точекъ опоры у враждебныхъ партизанскихъ отрядовъ, постоянныя кровавыя стычки, усиленное развитіе смертности и болѣзней,—все это превратило войну въ мучительную колоссальную трагедію не только для прямыхъ участниковъ, но и для многихъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ жителей, особенно женщинъ и дѣтей. Британскія военныя власти устроили обширные спеціальные лагери для семействъ сражающихся или погибшихъ боэровъ и для людей, оставшихся безъ крова; эти люди и семейства содержатся въ качествѣ военноплѣнныхъ для того, чтобы побудить ихъ родныхъ и близкихъ бросить оружіе и подчиниться англійскому владычеству, а отчасти, можетъ быть, и для того, чтобы не дать умереть съ голода бѣдствующимъ въ разоренной странѣ. Корреспонденты патріотическихъ газетъ сообщаютъ, что положеніе боэрскихъ семействъ въ главнѣйшихъ изъ этихъ лагерей должно быть признано довольно сноснымъ; для дѣтей устраиваются развлеченія, основываются школы—голландскія и англійскія, и послѣднія будто бы посѣщаются съ наибольшимъ усердіемъ. Попытка дѣлать различіе даже въ количествѣ раздаваемой пищи между семействами сражающихся боэровъ и мирныхъ обывателей—отмѣнена, послѣ рѣзкихъ осужденій, вызванныхъ ею въ англійской печати, и весьма вѣроятно, что въ послѣднее время употребляются серьезныя усилія смягчить участь обитателей этихъ странныхъ и ужасныхъ лагерей, насколько это доступно для мѣстной военной администраціи, озабоченной своими собственными бѣдствіями и нуждами. Но самый фактъ принудительнаго скопленія женщинъ и дѣтей въ немногихъ отгороженныхъ мѣстахъ до того противорѣчитъ элементарнымъ гигіеническимъ требованіямъ,—не говоря уже объ условіяхъ и обычаяхъ культурной жизни,—что было бы наивно принимать на вѣру оптимистическія описанія англійскихъ газетныхъ патріотовъ. Между англичанами есть и просвѣщенные, глубоко гуманные и самоотверженные дѣятели, постоянно раскрывающіе злоупотребленія отечественныхъ властей и бичующіе зловредныя оправдательныя теоріи злобнаго, бездушнаго патріотизма; и эта благородная работа ничѣмъ не можетъ быть остановлена или стѣснена, при существующихъ въ Англіи законахъ и порядкахъ. На банкетѣ „Na-

Digitized by Google

tional Reform Union" въ Лондонѣ, 14 іюня, сэръ Кемпбель-Баннерманъ заявилъ, что „война въ южной Африкѣ ведется варварскими способами" и что необходимо добиться болѣе точныхъ свѣдѣній объ обращеніи съ боэрами въ „лагеряхъ сосредоточенія". Сэръ Гаркортъ выразился, что правительство и парламентское большинство обнаруживаютъ признаки старческаго безсилія; онъ считаетъ войну „величайшимъ изъ несчастій, какія выпали на долю британской націи въ новѣйшее время". Въ основѣ этой войны лежитъ „преступленіе, организованное бывшимъ первымъ министромъ Капской колоніи, въ видѣ вооруженнаго набѣга на Трансвааль". Въ томъ же духѣ говорилъ и Джонъ Морлей. Многіе либералы, и между ними такіе выдающіеся, какъ сэръ Эдуардъ Грей, Аскитъ, Тревельянъ, Лаусонъ и другіе, не присутствовавшіе на банкетѣ, находили, что несправедливо нападать на правительство за практикуемые имъ варварскіе способы войны, пока нѣтъ о нихъ точныхъ извѣстій. По мнѣнію этихъ либераловъ, многое изъ того, что происходило въ упомянутыхъ лагеряхъ, достойно сожалѣнія; но впослѣдствіи сдѣланы разныя улучшенія, нѣкоторыя изъ наиболѣе осуждаемыхъ мѣръ перестали примѣняться, и правительство по возможности старается улучшить условія жизни плѣнныхъ боэровъ и ихъ семействъ. Притомъ всякая война влечетъ за собою неисчислимыя страданія, и положеніе лицъ, собранныхъ въ лагеряхъ, было бы еще хуже, еслибы они были оставлены на произволъ судьбы. Что касается коренной причины этихъ ужасовъ, то нельзя относить ее ни къ набѣгу Джемсона, ни къ политикѣ Англіи и ея министровъ; война вызвана была непосредственно боэрами и ихъ правителями, которые понадѣялись на поддержку Германіи и другихъ державъ. Такой точки зрѣнія держится нынѣ огромное большинство англичанъ; подобные же взгляды раздѣляются значительною частью либеральной партіи, съ Аскитомъ во главѣ.

Вопросъ о судьбѣ боэрскихъ семействъ былъ поставленъ и въ парламентѣ, въ засѣданіи 17 іюня. Военный министръ сообщилъ, что въ „лагеряхъ сосредоточенія" въ южной Африкѣ содержится всего 63.127 человѣкъ, а именно въ Трансваалѣ 37.739, въ территоріи Оранжевой рѣки 20.374, въ Наталѣ 2.524, и въ Капской колоніи 2.490. Въ трансваальскихъ лагеряхъ умерло въ теченіе мая мѣсяца 39 мужчинъ, 47 женщинъ и 250 дѣтей; въ лагерѣ при Іоганнесбургѣ за тотъ же періодъ времени умерло двѣнадцать взрослыхъ и 68 дѣтей. Либеральный членъ палаты, Ллойдъ-Джоржъ, предложилъ отсрочить засѣданіе, чтобы выразить протестъ противъ безцѣльныхъ жестокостей, совершаемыхъ въ южной Африкѣ; онъ требовалъ, чтобы правительство немедленно приняло надлежащія мѣры къ прекращенію того порядка вещей, о которомъ свидѣтельствуетъ сообщеніе военнаго министра.

Digitized by Google

Ллойдъ-Джоржъ прочиталъ затѣмъ выдержки изъ отчетовъ одного англійскаго филантропа, ѣздившаго въ южную Африку съ спеціальною цѣлью осмотрѣть лагери и помочь нуждающимся; женщины и дѣти скучены въ плохихъ палаткахъ, получаютъ пищу нерѣдко дурного качества и терпятъ отъ многихъ неудобствъ. Такъ какъ большинство этихъ лицъ удерживается въ лагеряхъ противъ воли, то съ ними надо было бы по крайней мѣрѣ обращаться болѣе внимательно. „Держать ихъ въ настоящемъ положеніи,—закончилъ свою рѣчь Ллойдъ-Джоржъ,—не позволяетъ ни человѣчность, ни разумная политика, и парламентъ обязанъ вмѣшаться для ихъ защиты". Другой ораторъ, м-ръ Эллисъ, указалъ на „дьявольскую систему", нынѣ уже оставленную, и заключавшуюся въ уменьшеніи количества пищи для семействъ тѣхъ боэровъ, которые находятся въ рядахъ дѣйствующихъ непріятельскихъ отрядовъ; онъ особенно настаивалъ на улучшеніи санитарныхъ условій и совѣтовалъ разрѣшить англійскимъ дамамъ посѣщать лагери и госпитали для оказанія помощи женщинамъ и дѣтямъ. Военный министръ Бродрикъ пытался въ длинной рѣчи опровергнуть приведенныя обвиненія и объяснить невозможность предупрежденія многихъ бѣдствій въ военное время; снабжать достаточнымъ продовольствіемъ не только армію въ 250 тысячъ человѣкъ, но еще 63 тысячи семействъ, содержаніе которыхъ было бы непосильно для непріятеля, — задача крайне трудная, и нельзя особенно строго критиковать администрацію за возможные недостатки и недочеты. Въ лагеряхъ дается та же самая пища, какая получается и англійскими солдатами, и если въ данный моментъ нѣтъ на мѣстѣ ничего лучшаго, то въ этомъ не виновато правительство. Вѣрнѣйшимъ средствомъ покончить съ тяжелымъ положеніемъ дѣлъ въ южной Африкѣ было бы прекращеніе войны, а это всецѣло зависитъ отъ боэровъ и ихъ вождей. Политическій исходъ борьбы уже не можетъ быть измѣненъ, а заступничество англійской оппозиціи только поощряетъ боэровъ къ безплодному сопротивленію, давая имъ напрасную надежду на спасительный для нихъ поворотъ въ политикѣ Англіи. Объясненія и доводы Бродрика, конечно, не подѣйствовали на убѣжденныхъ и искреннихъ защитниковъ гуманности въ парламентѣ. Сэръ Кемпбель-Баннерманъ откровенно высказалъ мнѣніе, что система сосредоточенія мирныхъ жителей и семействъ въ особыхъ лагеряхъ есть система варварская; онъ не вѣритъ, чтобы тамъ собраны были бѣглецы, искавшіе спасенія отъ голодной смерти и отъ нападеній кафровъ; во всякомъ случаѣ, необходимо отпустить на свободу женщинъ, у которыхъ сохранились фермы или которыя имѣютъ родственниковъ и друзей въ Капской колоніи. Правительство должно бы также послать соотвѣтственный штатъ врачей и сидѣлокъ и сдѣлать вообще все то, что̀ предписывается

Digitized by Google

долгомъ человѣчности. Изъ либеральныхъ членовъ палаты, несогласныхъ съ вождемъ оппозиціи, выступилъ только одинъ м-ръ Гальдэнъ, встрѣченный неодобрительными возгласами среди своей партіи; онъ выразилъ сожалѣніе, что въ пренія внесена излишняя страстность и что употреблены такія выраженія, какъ „варварскій". Никто, по его словамъ, не сочувствуетъ насильственному сосредоточенію мирныхъ боэровъ и ихъ семействъ въ немногихъ пунктахъ; но онъ не знаетъ, чѣмъ замѣнить эту мѣру при данныхъ обстоятельствахъ. Въ результатѣ, палата большинствомъ 252 голосовъ противъ 149 постановила перейти къ другимъ предметамъ, стоявшимъ на очереди, такъ что предложеніе Ллойда-Джоржа было отклонено. Единомышленники Аскита и сэра Эдуарда Грея, въ числѣ около пятидесяти человѣкъ, воздержались отъ участія въ голосованіи, что̀ подало поводъ къ толкамъ о новомъ распаденіи и безъ того расшатанной либеральной партіи. Это распаденіе касается пока только спеціальной группы вопросовъ, относящихся до южно-африканской войны; но, очевидно, оно обнимаетъ цѣлую область иностранной политики, задачи которой понимаются совершенно различно обѣими фракціями. Группа Аскита, въ сущности, теперь солидарна съ уніонистами, которые отдѣлились отъ либераловъ сначала на почвѣ отношеній къ Ирландіи, а затѣмъ изъ-за международныхъ отношеній въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Движеніе въ пользу или, вѣрнѣе, въ защиту боэровъ, оффиціально признаваемое почти измѣннническимъ, свободно проявляется въ Англіи; недавно еще (19 іюня н. ст.) собирался въ Лондонѣ многолюдный и шумный митингъ, подъ предсѣдательствомъ Лабушера, при участіи многихъ членовъ парламента, для выраженія протеста противъ южно-африканской политики правительства. Послѣ содержательной рѣчи бывшаго министра Капской колоніи, Зауера, Ллойдъ-Джоржъ предложилъ слѣдующую резолюцію: „Митингъ осуждаетъ политику правительства въ южной Африкѣ, какъ противорѣчащую высшимъ интересамъ и благороднѣйшимъ традиціямъ британской націи; протестуетъ противъ продолженія несправедливой и опустошительной войны и требуетъ скорѣйшаго предложенія бургерамъ обѣихъ республикъ такихъ условій мира, какія могутъ быть съ честью приняты храбрымъ и свободолюбивымъ народомъ". Другая резолюція, предложенная Джономъ Диллономъ, формулирована была гораздо рѣзче: „Митингъ выражаетъ чувства негодованія и ужаса по поводу дѣйствій правительства, заключающихся въ употребленіи британской арміи въ южной Африкѣ для варварской работы по сожженію фермъ, для арестованія женщинъ и дѣтей и содержанія ихъ въ зачумленныхъ лагеряхъ, и требуетъ немедленной отмѣны этой системы „сосредоточенія", которая была всѣми осуждена во время установленія ея испанцами на островѣ Кубѣ, какъ оскорбле-

Digitized by Google

ніе для войскъ, вынужденныхъ исполнять приказы, противные чести и достоинству порядочныхъ людей". Обѣ резолюціи были приняты большинствомъ, и митингъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, доведенъ былъ благополучно до конца, несмотря на неоднократныя попытки патріотовъ нарушить порядокъ разными скандальными выходками и столкновеніями. По увѣренію лондонскихъ газетъ, давно уже не бывало публичнаго собранія, которое потребовало бы такого количества пѣшихъ и конныхъ полицейскихъ силъ для охраны уличнаго спокойствія, какъ этотъ митингъ „за боэровъ"; громадная толпа народа стояла передъ зданіемъ, гдѣ происходило сборище, и наполняла прилегающія улицы; а полиція, по обыкновенію, усердно оберегала анти-правительственный митингъ отъ покушеній противниковъ, которые по неволѣ должны были довольствоваться громкими возгласами въ честь британской арміи и наиболѣе популярныхъ ея генераловъ. Англійское общество раскололось какъ будто на двѣ части, и съ обѣихъ сторонъ замѣчается одинаковая страстность; но насколько можно судить по внѣшнимъ признакамъ, народныя массы находятся не на сторонѣ оппозиціи. Народъ несомнѣнно хочетъ окончанія войны, но не видитъ пользы въ запоздаломъ великодушіи, послѣ тяжелыхъ жертвъ, когда непріятель фактически уже почти лишенъ возможности дальнѣйшаго сопротивленія. Правительство же твердо стоитъ на разъ усвоенной точкѣ зрѣнія, въ надеждѣ на скорую добровольную сдачу послѣднихъ войскъ боэровъ; на манифестаціи миролюбцевъ оно отвѣчаетъ своими манифестаціями, возводитъ въ герои посредственнаго, но энергическаго администратора британской южной Африки, сэра Альфреда Мильнера, награждаетъ его званіемъ пэра, подъ именемъ барона Сенъ-Джемсъ и Каптаунъ, и на каждомъ шагу подтверждаетъ свою безповоротную рѣшимость подчинить злосчастныя южно-африканскія республики британскому владычеству. Въ близкомъ будущемъ этимъ республикамъ обѣщается полная внутренняя автономія, по образцу Капской колоніи, и еслибы боэры могли соблазниться такой перспективою, то миръ былъ бы давно уже заключенъ. Но и боэры не хотятъ отказаться отъ послѣдней надежды; они боролись слишкомъ долго и потеряли уже слишкомъ много, чтобы рѣшиться на подчиненіе, пока есть у нихъ въ рукахъ оружіе. Въ интересахъ человѣчества слѣдовало бы желать, чтобы эта мужественная горсть боэровъ примирилась съ неизбѣжнымъ и чтобы съ своей стороны англичане облегчили имъ этотъ заключительный актъ геройскаго самоотверженія. Къ несчастью, цѣли такого рода не достигаются при помощи дѣятелей, подобныхъ лорду Мильнеру и Чамберлэну.

Характерныя черты англійскаго колоніальнаго управленія обрисовываются съ поучительною наглядностью въ газетныхъ корреспонден-

Digitized by Google

ціяхъ о пребываніи наслѣдника престола, герцога Корнваллійскаго, въ Австраліи. Отдѣльныя автономныя колоніи, имѣющія свои выборныя законодательныя палаты и своихъ отвѣтственныхъ министровъ, подъ контролемъ британскихъ губернаторовъ,—Викторія, Кинслендъ, Новый южный Валлисъ, Тасманія, Новая Зеландія, Южная и Западная Австралія,—образовали федерацію, для которой конституція была выработана участвующими государствами и утверждена правительствомъ метрополіи послѣ долгихъ переговоровъ и частичныхъ передѣлокъ. Первый соединенный парламентъ Австраліи торжественно открылся въ Мельбурнѣ 9 мая, въ присутствіи герцога Корнваллійскаго и высшихъ британскихъ властей. Въ празднествахъ, устроенныхъ по случаю этого событія, принимали дѣятельное участіе всѣ классы населенія; передъ герцогомъ проходили тысячи членовъ разныхъ обществъ съ знаменами, члены мѣстныхъ рабочихъ союзовъ съ знаменемъ, сохранившимся еще съ 1856 года и имѣющимъ на себѣ надпись: „восьмичасовой рабочій день", причемъ впереди шли старѣйшіе изъ дѣятелей этого движенія; произнесены были многочисленныя оффиціальныя публичныя рѣчи, въ которыхъ излагались программы будущаго политическаго и культурнаго развитія союзныхъ странъ. Такія же празднества повторялись затѣмъ въ другихъ центрахъ австралійскихъ колоній, при послѣдовательномъ объѣздѣ ихъ герцогомъ Корнваллійскимъ и его свитою; только въ Окландѣ (на островѣ того же имени, принадлежащемъ къ Новой Зеландіи) настроеніе было отчасти испорчено любопытнымъ инцидентомъ: туземные маорисы устроили политическую манифестацію противъ перваго министра колоніи, м-ра Седдона, распоряженіями котораго они были почему-то недовольны. Маорисы не сомнѣвались въ своемъ правѣ открыто выражать неудовольствіе противъ правительства, и это право съ такою же безспорностью признаетъ за ними и глава ново-зеландскаго министерства, м-ръ Седдонъ. Трансваалю и Оранжевой республикѣ предстоитъ со временемъ водвореніе подобнаго же режима, который самъ по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего устрашающаго для населенія.

Въ Берлинѣ состоялось 16 іюня съ большою торжественностью открытіе памятника Бисмарку, воздвигнутаго передъ зданіемъ имперскаго сейма. Колоссальная бронзовая статуя на гранитномъ пьедесталѣ изображаетъ „желѣзнаго канцлера" въ надменной, вызывающей позѣ, которая многимъ кажется выраженіемъ величія и могущества; онъ грозно смотритъ на западъ, опираясь на эфесъ своей шпаги; военный мундиръ и тяжелая прусская каска, сдвинутая нѣсколько назадъ, придаютъ ему видъ кавалерійскаго генерала, задумавшаго смѣлую, но

Digitized by Google

рискованную аттаку для нанесенія рѣшительнаго удара непріятельскимъ войскамъ. Внизу расположены фигуры, долженствующія символически опредѣлить значеніе Бисмарка и его дѣятельности: Атласъ держитъ на плечахъ земной шаръ, согнувшись подъ его тяжестью; кузнецъ—по нѣкоторымъ догадкамъ Зигфридъ—куетъ огромный мечъ; женщина въ классическомъ одѣяніи, съ жезломъ въ рукѣ, упирается одной ногой въ спину дракона, или, какъ полагаетъ „Berliner Tageblatt"—издыхающей пантеры; по мнѣнію названной газеты, „эта женщина съ суровымъ и величественнымъ лицомъ должна олицетворять энергію Бисмарка"; другіе думаютъ, что это—традиціонная фигура Германіи. Есть еще женщина, сидящая на сфинксѣ и погруженная въ чтеніе старинной книги. „Воплощаетъ ли она государственную мудрость канцлера?—спрашиваетъ проницательный сотрудникъ „Berliner Tageblatt";—но едва ли,—прибавляетъ онъ съ осторожностью,—эта фигура соотвѣтствуетъ характеру Бисмарка". Другіе догадываются, что это—муза исторіи. Въ общемъ получается впечатлѣніе чего-то очень крупнаго, но безвкуснаго.

Императоръ Вильгельмъ II, вопреки обыкновенію, не произнесъ никакой рѣчи при открытіи монумента; онъ возложилъ только вѣнокъ съ краткою, но весьма краснорѣчивою надписью: „Великаго императора великому слугѣ". Зато говорилъ—и очень хорошо говорилъ—имперскій канцлеръ, графъ Бюловъ, который, однако, не принялъ во вниманіе истиннаго смысла этой надписи; онъ приписалъ Бисмарку самостоятельную роль въ созданіи и укрѣпленіи новой германской имперіи, упомянувъ о „Вильгельмѣ Великомъ" только для красоты слога. Нѣмецкія газеты сообщаютъ по этому поводу о скрытой размолвкѣ между Вильгельмомъ II и его канцлеромъ, и предвидятъ даже возможность отставки Бюлова, чему, однако, никто не вѣритъ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1901.

— Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ двѣнадцати томахъ, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томы I—IV. Спб. 1900—1901.

Въ 1898 году прошелъ пятидесятилѣтній срокъ по смерти Бѣлинскаго, и по нашимъ законамъ о печати сочиненія его перешли въ общественное достояніе. Память Бѣлинскаго вызвала цѣлую литературу, довольно значительную: сообщеніе нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ его біографіи, неизданныхъ писемъ; опыты новыхъ историческихъ опредѣленій и оцѣнокъ, гдѣ къ согласному представленію его высокаго значенія въ развитіи литературныхъ и общественныхъ понятій присоединились, какъ и подобало, ненавистническіе голоса новѣйшихъ обскурантовъ, продолжавшихъ преданія обскурантовъ старыхъ; появились, наконецъ, выборки изъ самыхъ сочиненій Бѣлинскаго. Недоставало одного основного труда, который завершилъ бы достойнымъ образомъ эти знаменательныя историческія поминки,—именно недоставало новаго, обстоятельнаго, по возможности полнаго, критически обставленнаго изданія сочиненій Бѣлинскаго. Предпріятіе г. Венгерова обѣщаетъ выполнить эту задачу, и вышедшіе до сихъ поръ четыре тома свидѣтельствуютъ, что она выполняется съ обычной у автора обстоятельностью и полнотой.

До послѣдняго времени единственнымъ изданіемъ Бѣлинскаго было извѣстное изданіе Солдатенкова, въ двѣнадцати томахъ. Въ свое время это изданіе было великой заслугой. По смерти Бѣлинскаго, имя его было вычеркнуто цензурой изъ литературы: еще въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда писались „Очерки Гоголевскаго періода“, Бѣлинскій не могъ быть названъ и оставался безъименнымъ „критикомъ Гоголевскаго періода“. Какъ только явилась первая возможность, Солдатенковъ пріобрѣлъ у семьи право изданія сочиненій, чѣмъ вмѣстѣ оказалъ ей существенную матеріальную поддержку. Исполни-

Digitized by Google

телемъ изданія сталъ Н. Х. Кетчеръ, давній другъ Бѣлинскаго, извѣстный переводчикъ Шекспира. Впослѣдствіи, изданію дѣлали упреки въ неполнотѣ; но въ тѣ времена, сорокъ лѣтъ назадъ, еще не развилась, какъ теперь, критическая требовательность; во времена Бѣлинскаго смѣялись, даже негодовали, когда усердные издатели собирали всякія мелочи, полагая, что „намъ дорога каждая строка, оставленная великимъ, или извѣстнымъ, писателемъ". Кетчеръ, въ такихъ же мысляхъ, не счелъ нужнымъ печатать *всего*, написаннаго Бѣлинскимъ, намѣренно не помѣстилъ длиннаго ряда мелкихъ рецензій, но, впрочемъ, перечислилъ пропущенное; въ самыхъ статьяхъ онъ выпускалъ длинныя цитаты, и т. п. Въ то время, предъ почитателями Бѣлинскаго стояла другая цѣль—дать литературѣ основную массу его сочиненій, ставшихъ недоступными и долженствовавшихъ занять въ литературѣ подобающее имъ историческое мѣсто и оказать на новыя поколѣнія благотворное дѣйствіе ихъ нравственнаго и художественнаго энтузіазма. Не хотѣли, быть можетъ, и слишкомъ увеличивать размѣры изданія, которое и въ этомъ, не совершенно полномъ, составѣ дошло до двѣнадцати томовъ.

Своей цѣли изданіе достигло. Бѣлинскій былъ возвращенъ русской литературѣ послѣ тяготѣвшаго надъ нимъ остракизма, и положено было первое основаніе къ его историческому изученію. Г. Венгеровъ, въ предисловіи, судитъ объ этомъ старомъ изданіи слишкомъ строго. Онъ говоритъ:

„Въ немъ (изданіи Солдатенкова) очень много пропусковъ, а помѣщенное часто урѣзано. Редакторъ изданія К. Т. Солдатенкова—покойный Н. Х. Кетчеръ—не только не бралъ всѣхъ статей Бѣлинскаго (онъ совсѣмъ не включилъ больше 400 небольшихъ отзывовъ), но и въ томъ, что̀ бралъ, выбрасывалъ цѣлыя страницы и тирады. Въ особенности онъ былъ безжалостенъ къ цитатамъ, которыя ему, очевидно, казались лишнимъ балластомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ничто такъ не содѣйствуетъ усвоенію мыслей критика, какъ удачно подобранныя выдержки. Не мало статей осталось ему и совершенно неизвѣстнымъ (и). Наконецъ, крупнѣйшимъ недочетомъ перваго собранія сочиненій Бѣлинскаго является то, что въ немъ совершенно нѣтъ одной изъ драгоцѣннѣйшихъ частей духовнаго наслѣдства Бѣлинскаго —его писемъ. Не стѣсняемый внѣшними соображеніями, Бѣлинскій въ письмахъ весь отдавался своему порыву и достигалъ силы изумительной. Въ письмахъ къ друзьямъ и въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю Бѣлинскій поднимался до вершинъ воодушевленія и негодующаго краснорѣчія.

„Указанные недочеты, оставляя въ сторонѣ разные недочеты второстепенные, ставятъ на очередь вопросъ объ изданіи полномъ и удо-

Digitized by Google

влетворяющемъ требованіямъ историко-литературной обстоятельности, съ провѣреннымъ и полнымъ текстомъ, съ историко-литературными комментаріями, съ объясненіями непонятныхъ уже теперь намековъ и неясностей, съ указаніемъ литературы предмета, съ портретами, рисунками, снимками, съ подробными указателями встрѣчающихся именъ и затронутыхъ сюжетовъ"...

Выше мы упомянули, чѣмъ могли объясняться сокращенія, сдѣланныя Кетчеромъ: безъ сомнѣнія, и въ его мысляхъ изданіе дѣлалось въ цѣляхъ не столько учено-критическихъ, сколько популярныхъ. Въ изданіи нѣтъ никакихъ критическихъ и историческихъ комментаріевъ; быть можетъ, отсутствіе ихъ, при тогдашнихъ взглядахъ цензуры, было просто требованіемъ благоразумной осторожности. Что касается „крупнѣйшаго недочета", это обвиненіе совсѣмъ несправедливо. Дѣло шло сорокъ лѣтъ тому назадъ; не говоря о томъ, что были вживѣ многіе корреспонденты Бѣлинскаго,—которые могли пока не желать появленія его писемъ,—самое содержаніе писемъ по тому времени могло бы встрѣтить немалыя затрудненія: „одна изъ драгоцѣннѣйшихъ частей духовнаго наслѣдства Бѣлинскаго" во многихъ случаяхъ и особенно „знаменитое письмо къ Гоголю" физически *не могли* явиться въ печати. Большой заслугой Солдатенкова, и вѣроятно также Кетчера, было то, что они собрали и сберегали это драгоцѣнное наслѣдіе.

Но справедливо то, что̀ говоритъ г. Венгеровъ по поводу изданій, явившихся съ 1898 года.

„Нашлись, къ сожалѣнію, „систематизаторы", — замѣчаетъ онъ,— которые (часто съ лучшими намѣреніями) выхватывали отдѣльныя страницы изъ разныхъ статей Бѣлинскаго и подгоняли ихъ подъ тѣ рубрики, которыя они произвольно устанавливали. Мы называемъ такое отношеніе кощунственнымъ потому, что всякая статья Бѣлинскаго есть одно органическое цѣлое, изъ котораго, какъ изъ пѣсни, какъ изъ стихотворенія, нельзя выкинуть ни одного слова, не лишивъ аромата, не ослабивъ внутренняго пламени, придающаго такое неотразимое обаяніе всему, что̀ вышло изъ-подъ пера великаго искателя истины. Бѣлинскій всегда писалъ статьи въ своего рода экстазѣ и выражалъ въ нихъ все то, что̀ его въ данный моментъ мучило и волновало, хотя бы оно непосредственно къ предмету статьи и не относилось. Это несомнѣнно приводило и къ длиннотамъ, и къ отступленіямъ, которыя иному „систематизатору" покажутся и лишними, и неидущими къ „дѣлу". Но именно эти-то „отступленія", этотъ-то порывъ выразить всю полноту внутренней работы высокаго духа и великаго сердца и составляетъ сущность литературнаго значенія Бѣлинскаго, и кастрировать ихъ—значитъ, вынимать изъ его статей жи-

Digitized by Google

вую душу. Вотъ почему, при желаніи издавать неполное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, есть только одинъ способъ—давать избранныя статьи, но давать непремѣнно цѣликомъ. Такому условію вполнѣ удовлетворяютъ нѣкоторыя (въ ряду ихъ особенно изд. О. Н. Поповой, подъ ред. Н. А. Котляревскаго) изъ появившихся въ 1898 году изданій, и нельзя не пожелать имъ самаго полнаго успѣха. Еще большаго сочувствія заслуживаетъ мысль издавать отдѣльныя статьи Бѣлинскаго и по дешевой цѣнѣ пускать ихъ въ большую публику. Такимъ путемъ нѣсколько издателей сдѣлали общимъ достояніемъ знаменитый „восьмой томъ“ прежняго 12-томнаго изданія, т.-е. статьи о Пушкинѣ, превратившіяся у Бѣлинскаго въ цѣлый курсъ исторіи русской литературы“.

Настоящее изданіе Бѣлинскаго должно выполнить ту программу, которая выше указана была г. Венгеровымъ: это должно быть полное изданіе сочиненій съ подробнымъ историко-литературнымъ комментаріемъ. Общій планъ его поставленъ такъ:

„Томы I—X будутъ заключать въ себѣ все, что̀ когда-либо вышло изъ-подъ пера Бѣлинскаго. Войдутъ: 1) Всѣ статьи, уже напечатанныя въ первомъ собраніи сочиненій, но въ полномъ видѣ, безъ урѣзокъ. 2) Всѣ небольшіе отзывы и рецензіи (478), только названные въ первомъ изданіи, но опущенные тамъ „по незначительности“. Списокъ ихъ, составленный А. Д. Галаховымъ, прилагался къ каждому тому прежняго изданія. 3) Рядъ рецензій, не указанныхъ въ спискахъ Галахова. 4) Юношеская драма Бѣлинскаго. 5) Грамматика, составленная Бѣлинскимъ. 6) Переводы. Къ отдѣльнымъ статьямъ или въ концѣ тома будутъ даны примѣчанія и разнаго рода указанія и объясненія.

„Томъ XI будетъ посвященъ письмамъ. Въ поясненіяхъ къ нимъ предположено дать характеристики лицъ, съ которыми Бѣлинскій особенно усердно переписывался.

„Томъ XII будетъ посвященъ литературѣ предмета и указателямъ. Подъ „литературою предмета“ тутъ понимается не одно только перечисленіе статей, посвященныхъ Бѣлинскому. Предположено воспроизвести (полностью или въ существенныхъ извлеченіяхъ) всѣ статьи, которыя представляютъ біографическій или литературный интересъ, за исключеніемъ, конечно, цѣлыхъ сочиненій.

„По приблизительному разсчету, вмѣсто 220 печатныхъ листовъ прежнихъ изданій, въ нашемъ изданіи будетъ около 400.

„При разныхъ томахъ будутъ даны портреты Бѣлинскаго, членовъ его семьи и ближайшихъ друзей, виды Чембара, пензенской гимназіи, дома, гдѣ умеръ Бѣлинскій, могилы на Волковомъ кладбищѣ и много др.“

Въ исполненіе своей программы г. Венгеровъ наибольшую часть

Digitized by Google

перваго тома посвятилъ юношескимъ литературнымъ опытамъ Бѣлинскаго, помѣстилъ здѣсь его записную книжку со стихами, выписанными изъ журналовъ, его собственныя пробы стихотворства, драму „Дмитрій Калининъ", переводы съ французскаго и первую статью, съ которой началась серьезная критическая дѣятельность Бѣлинскаго, „Литературныя мечтанія". Къ этой послѣдней статьѣ г. Венгеровъ присоединилъ обширныя примѣчанія (чтобы объяснить различные отзывы Бѣлинскаго въ „Мечтаніяхъ"), и затѣмъ, чтобы опредѣлить степень зависимости или независимости Бѣлинскаго отъ Надеждина, г. Венгеровъ даетъ литературную біографію Надеждина и въ приложеніяхъ помѣщаетъ до ста страницъ выписокъ изъ тогдашнихъ его сочиненій.

Во второмъ томѣ помѣщены статьи Бѣлинскаго и переводы (съ французскаго), помѣщенные въ „Молвѣ" и „Телескопѣ" за 1834—1836 годы. Большею частью, статьи Бѣлинскаго состояли изъ короткихъ библіографическихъ отзывовъ о книгахъ и театральныхъ пьесахъ; но въ 1835 г. была написана вторая, послѣ „Мечтаній", крупная и знаменательная статья „о русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя", „отчетъ" издателю „Телескопа" о русской литературѣ. Въ концѣ г. Венгеровъ помѣстилъ обширныя примѣчанія, гдѣ кромѣ объясненія отдѣльныхъ частностей онъ касался и важныхъ историческихъ вопросовъ въ дѣятельности Бѣлинскаго, какъ, напр., тотъ, что Бѣлинскій былъ первымъ истолкователемъ глубокаго значенія Гоголя въ нашей литературѣ.

Въ третьемъ томѣ—окончаніе статей изъ „Телескопа" и „Молвы" 1836 года, „Основанія русской грамматики" и статьи изъ „Московскаго Наблюдателя" 1838 года. Въ концѣ—примѣчанія, гдѣ опять любопытныя объясненія литературныхъ и личныхъ отношеній Бѣлинскаго, напр. къ Полевому, кн. Вяземскому и пр.

Въ четвертомъ томѣ—статьи, литературныя и театральныя хроники, драма „Пятидесятилѣтній дядюшка или странная болѣзнь", изъ „Московскаго Наблюдателя" 1838—1839 года, и затѣмъ изъ „Литературныхъ прибавленій къ Русск. Инвалиду" и „Отечественныхъ Записокъ" 1839—1840 г. Въ приложеніи—„Гимназическія рѣчи Гегеля" съ предисловіемъ переводчика, Михаила Бакунина; наконецъ опять примѣчанія, гдѣ кромѣ разныхъ частныхъ объясненій г. Венгеровъ посвятилъ особый трактатъ „Бакунинско-гегельянскому періоду жизни Бѣлинскаго".

Въ каждомъ томѣ являются приложенія,—портреты Бѣлинскаго въ разное время, портреты его друзей, факсимиле и т. п.

Нѣкоторые критики находили излишество въ обширныхъ приложеніяхъ, какъ перепечатка статей Надеждина и т. п.; изданіе стано-

Digitized by Google

вится точно хрестоматіей,—но мы не видимъ въ этомъ особой бѣды; напротивъ, многіе любители исторіи литературы съ удовольствіемъ встрѣтятъ эти приложенія—потому въ особенности, что изданія, какъ „Телескопъ", „Московскій Наблюдатель" и т. п., откуда онѣ взяты, составляютъ теперь большую библіографическую рѣдкость; немногія библіотеки владѣютъ ихъ полными экземплярами. Критическія замѣчанія даютъ вообще читателю очень цѣнныя указанія о взглядахъ Бѣлинскаго въ данное время, объ его литературныхъ отношеніяхъ и т. п. Таковы, напр., замѣчанія объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Надеждину, Полевому, Бакунину и пр.; таковъ отвѣтъ нѣкоторымъ новѣйшимъ критикамъ, которые усиливались доказывать, что Бѣлинскій „не понималъ", какъ слѣдуетъ, философіи Гегеля и т. п. При этомъ, г. Венгеровъ,—не по обычаю, весьма распространенному,—увлекаясь изученіемъ Бѣлинскаго, умѣлъ сохранить безпристрастіе, и не однажды указываетъ ошибки, и довольно крупныя, въ его взглядахъ и отзывахъ (напр. однажды въ отношеніи къ кн. Вяземскому), иногда объясняя ихъ, напр., спѣшностью работы и забывчивостью, иногда не находя имъ объясненія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объясненіе находилось, вѣроятно, въ какихъ-нибудь обстоятельствахъ, которыя извѣстны были внѣ литературы.

Въ послѣднихъ строкахъ предисловія г. Венгеровъ такъ говоритъ о внутреннемъ значеніи всей литературной дѣятельности Бѣлинскаго:

„Печать необыкновенно высокаго духа Бѣлинскаго лежитъ на каждой строчкѣ, имъ написанной, и оттого такъ жгучи понынѣ эти старыя журнальныя статьи и рецензіи, болѣе полувѣка тому назадъ написанныя и часто по поводамъ совершенно ничтожнымъ. Мысли старѣются и становятся банальными, что можно сказать про многія положенія Бѣлинскаго, превратившіяся въ труизмы. Но истинный пафосъ никогда не старѣетъ и всегда сообщается читателю. И какъ вѣрующій, заглядывающій въ минуту поисковъ душевнаго утѣшенія въ псалтирь, находитъ въ ней слова успокоенія, хотя они сказаны совсѣмъ по иному поводу, такъ и сочиненія Бѣлинскаго, раскрытыя въ любомъ мѣстѣ, даютъ источникъ великаго наслажденія всякому, волнующемуся вопросами морали, назначенія литературы и выясненія истинныхъ задачъ человѣческаго существованія. Безграничное воодушевленіе Бѣлинскаго уноситъ и читателя его въ горныя вершины духа. Есть немногіе избранники, при встрѣчѣ съ которыми всякій нравственно подтягивается и куда-то далеко-далеко прячетъ всѣ мелкіе помыслы. Заразительно вѣдь не только зло, но и добро. Бѣлинскій—одинъ изъ такихъ избранниковъ. Въ этомъ было его значеніе въ кружкахъ превосходившихъ его знаніями пріятелей его; въ этомъ его значеніе и теперь. Въ его духовномъ присутствіи отпадаетъ все ничтож-

Digitized by Google

ное и пошлое, и всякій чувствуетъ неодолимую потребность чѣмъ-нибудь приблизиться къ его душевной чистотѣ и настроить себя въ унисонъ съ біеніемъ его великаго сердца".

Странно вспомнить, что этотъ писатель былъ одно время удаленъ изъ русской литературы, до послѣдняго времени былъ удаляемъ изъ русской школы, и въ годъ его пятидесятилѣтней памяти вызывалъ еще озлобленныя выходки новѣйшихъ обскурантовъ.

— В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. В. Покровскаго. М. 1899.

По поводу новаго изданія сочиненій Бѣлинскаго намъ вспомнилась книжка г. Покровскаго, такъ какъ въ ней затронутъ вопросъ о введеніи Бѣлинскаго въ школьное чтеніе, точнѣе—въ школьныя библіотеки. Г. Покровскій—дѣятельный педагогическій писатель и собиратель. Ему принадлежитъ обширная хрестоматія, сборникъ историческихъ изслѣдованій по разнымъ эпохамъ русской литературы, и хрестоматія сокращенная, книга о педагогическомъ значеніи класснаго чтенія, систематическій диктантъ, орѳографическій словарь, наконецъ сборникъ историко-литературныхъ статей Бѣлинскаго по новой литературѣ, наконецъ настоящая книжка.

Въ первыхъ словахъ г. Покровскій такъ характеризуетъ особенности литературнаго характера и дѣятельности Бѣлинскаго:

„Какъ въ *неорганической* природѣ и органической *животной*, среди обычныхъ, постоянно смѣняющихся явленій, къ которымъ присматривается человѣческій глазъ, не часто выпадаютъ такія, которыя или своею мощью, или неотразимо чарующими свойствами, на время затмевая въ нашемъ сознаніи другія, исключительно къ себѣ приковываютъ: такъ точно въ органической духовной природѣ человѣка, въ ряду поколѣній, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ, очень рѣдко на общечеловѣческомъ горизонтѣ выдвинется лицо, которое или силою своего геніальнаго ума, или возвышенностью благороднѣйшихъ чувствъ, или величіемъ характера, просвѣтленнаго разумомъ, привлечетъ къ себѣ всеобщее вниманіе и становится предметомъ невольнаго и восторженнаго удивленія. Природа, далеко не расточительная въ надѣленіи людей духовными благами, долгіе годы бережетъ ихъ, какъ будто затѣмъ, чтобы сразу истощить всѣ свои дары на одномъ избранникѣ. Такимъ избранникомъ былъ В. Г. Бѣлинскій. Его ясный, живой, логическій умъ, его безграничное стремленіе къ саморазвитію и обогащенію себя познаніями, его тонкое, художественное чутье, его пламенное стремленіе къ истинѣ, его правдивость, доходившая

Digitized by Google

до фанатизма, и безстрашная борьба за нее, его энергія и горячность въ защитѣ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, его, наконецъ, отзывчивость, искренность и нелицепріятность,—все это вызываетъ въ насъ полныя къ нему наши симпатіи. И понятно: онъ явился изъ среды нашего народа какъ будто для того, чтобы намъ воочію показать, до какой идеальной чистоты и благородства можетъ возвыситься человѣческая личность".

Нельзя сказать, чтобы „неорганическая" и „животная" природа были удачно привлечены къ сравненію; вообще, книжка, хотя не отличается особенной оригинальностью и новизной, составлена съ нѣкоторой начитанностью въ исторіи новой русской литературы, но характеристики выходятъ довольно блѣдны. Авторъ сопоставляетъ Бѣлинскаго съ его современниками, какъ Мерзляковъ, Полевой, Надеждинъ, Шевыревъ, Булгаринъ, Сенковскій,—но не совсѣмъ понятно, почему (быть можетъ, по особымъ педагогическимъ соображеніямъ) онъ не воспользовался многими яркими чертами, какія были собраны у историковъ Бѣлинскаго или даже находятся въ его собственныхъ сочиненіяхъ, и сопоставленія остаются неясны. Возьмемъ, напр., опредѣленіе Шевырева. Указавъ образчики совсѣмъ разныхъ взглядовъ Бѣлинскаго и Шевырева на тогдашнихъ русскихъ писателей, г. Покровскій пишетъ: „Такая противоположность въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго и Шевырева... вытекала изъ коренного ихъ различія во взглядахъ на поэзію и въ частности на натуральную школу"; а откуда вытекало различіе во взглядахъ? Авторъ указываетъ у Шевырева вліяніе эстетиковъ романтической школы,—но главное было просто въ отсутствіи живого пониманія литературы и общественной жизни, и авторъ могъ бы воспользоваться при этомъ объясненіями самого Бѣлинскаго.

Въ концѣ книжки авторъ ставитъ двѣ главы: „Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность", и „Ошибочность воззрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторыя произведенія новѣйшей литературы".

„Отмѣтивъ выдающіяся заслуги Бѣлинскаго, какъ критика, въ интересахъ истины мы должны отмѣтить и тѣневыя стороны его критической дѣятельности, указать на тѣ погрѣшности, которыя ему, какъ всякому человѣку и сыну своего вѣка, были присущи. Погрѣшности эти, правда, больше сказались въ оцѣнкѣ произведеній русской народной поэзіи и книжной словесности древняго періода,—тѣмъ не менѣе таковыя можно найти и въ его отзывахъ о произведеніяхъ новаго періода русской литературы.

„Хотя къ чести Бѣлинскаго и должно отнести, что онъ первый обратилъ вниманіе на произведенія народной словесности, заключавшіяся въ сборникахъ Кирши Данилова и Сахарова, однакожъ его

Digitized by Google

воззрѣнія на этотъ предметъ исполнены противорѣчій и во многомъ ошибочны. Не говоря о неправильномъ дѣленіи Бѣлинскимъ народнаго эпоса, невѣрномъ объясненіи имъ различія былины отъ сказки, признаніи интереса за послѣдней только въ формѣ и болѣе поздняго, послѣ былинъ, ея происхожденія, фальшивомъ утвержденіи сходства былинъ кіевскихъ съ новгородскими; не говоря о непониманіи внутренняго состава народнаго эпоса, неумѣньи отыскать въ немъ миѳическій элементъ, такъ ясно видимый, и понять былины; не принимая во вниманіе односторонней и неправильной характеристики нѣкоторыхъ богатырей, даже и такихъ выдающихся, какъ Илья Муромецъ, неправильнаго мнѣнія о самихъ собирателяхъ пѣсенъ, ложнаго толкованія роли миѳологіи въ былинахъ, бѣдности содержанія поэзіи всѣхъ славянскихъ племенъ, мы остановимся только на его общемъ взглядѣ на народную поэзію и богатырей"...

Затѣмъ г. Покровскій указываетъ, что даже въ сужденіяхъ о Пушкинѣ Бѣлинскій, впервые давшій замѣчательное опредѣленіе его дѣятельности, впадалъ въ ошибки.

„Даже въ поздній періодъ своей критической дѣятельности, — говоритъ авторъ,—Бѣлинскій не призналъ достоинствъ за „Повѣстями Бѣлкина". „Дѣйствительно,—пишетъ онъ,—хотя и нельзя сказать, чтобы въ нихъ уже вовсе не было ничего хорошаго, все-таки эти повѣсти были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то въ родѣ повѣстей Карамзина, съ тою только разницею, что повѣсти Карамзина имѣли для своего времени великое значеніе, а повѣсти Бѣлкина ниже своего времени. Особенно жалка изъ нихъ одна—„Барышня-крестьянка"—неправдоподобная, водевильная, представляющая помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія".

„Несоотвѣтственно достоинству и важности произведенія мы видимъ отношеніе Бѣлинскаго къ „Капитанской дочкѣ": онъ удѣлилъ ей меньше вниманія, чѣмъ другимъ произведеніямъ Пушкина, гораздо ниже стоящимъ. Въ первой своей замѣткѣ (1838 г.), въ четыре строчки, Бѣлинскій, по умѣнью писать повѣсти, ставитъ поэту въ примѣръ Гоголя. Въ 1841 г. Бѣлинскій повѣсть „Дубровскій", сравнительно далеко не законченную, по „богатству содержанія, разнообразію и быстротѣ дѣйствія", ставитъ выше „Капитанской дочки".

„Въ оцѣнкѣ Бѣлинскимъ сказокъ Пушкина можно замѣтить невѣрное освѣщеніе ихъ, такъ какъ сказки, по мнѣнію Бѣлинскаго, явились какъ „плодъ довольно ложнаго стремленія къ народности".

„Нельзя не отмѣтить также здѣсь и не вполнѣ правильнаго взгляда Бѣлинскаго на Кольцова. Дѣйствительно, Бѣлинскій первый открылъ этотъ самородный талантъ, указалъ отличительныя его свойства, но

Digitized by Google

несомнѣнно преувеличилъ его значеніе и роль въ исторіи русской литературы.

„Мы указали только на нѣкоторыя ошибки Бѣлинскаго въ толкованіи имъ произведеній древней и новой литературы; но, несомнѣнно, преимущественно въ интересахъ школы, взгляды Бѣлинскаго *должно подвергнуть болѣе подробному пересмотру*, особенно въ виду настойчиваго *домогательства* нѣкоторыхъ внести *полностію* всѣ его сочиненія въ школьныя библіотеки".

Этотъ послѣдній выводъ кажется намъ весьма неожиданнымъ и страннымъ. Въ школьной библіотекѣ (разумѣемъ гимназію или среднюю школу) не должно быть полнаго собранія сочиненій писателя, котораго самъ г. Покровскій называетъ „создателемъ исторіи новой русской литературы", человѣкомъ „идеальной чистоты и благородства", „огромнаго эстетическаго чутья, ничѣмъ незамѣнимаго качества для художественнаго критика", человѣкомъ съ „пламеннымъ стремленіемъ къ истинѣ, правдивостью, доходившею до фанатизма", „искренностью и нелицепріятностью"! Что же должно быть въ школьной библіотекѣ? Надо бы думать, что, напротивъ, именно такія произведенія должны быть школьнымъ чтеніемъ, чтобы питать юношескій идеализмъ и добрыя стремленія. Разумѣется само собою, что это было бы чтеніе для питомцевъ старшихъ классовъ (болѣе юнымъ это чтеніе было бы просто непосильно), тѣхъ, которымъ вскорѣ должна предстоять университетская наука. Если есть у Бѣлинскаго мнѣнія ошибочныя, учитель можетъ ихъ указать; если у Бѣлинскаго были невѣрныя представленія о народной поэзіи, юному читателю надо объяснить, что такія представленія отвѣчали тому времени, что только позднѣе началось у насъ первое научное изслѣдованіе этого предмета, что съ тѣхъ поръ и донынѣ прошелъ цѣлый періодъ новой, усиленной научной работы.

Безъ такихъ и подобныхъ объясненій не можетъ обойтись въ школьномъ чтеніи ни одинъ писатель,—обязанность преподавателя въ томъ и должна состоять, чтобы дать руководство юному читателю. Упираться противъ „домогательства (!) нѣкоторыхъ внести *полностію* сочиненія Бѣлинскаго въ школьныя библіотеки" есть testimonium paupertatis для педагога средней школы.

— Р. Ѳ. Брандтъ. О ложнаучности нашего правописанія. (Публичная лекція). Воронежъ, 1901.

Авторъ, филологъ и профессоръ, давно недоволенъ русскимъ правописаніемъ, а отчасти и русскимъ языкомъ (въ своихъ спеціальныхъ

Digitized by Google

трудахъ онъ вводитъ не мало новыхъ терминовъ своего сочиненія, которые, впрочемъ, до сихъ поръ не имѣли успѣха, такъ какъ не принимаются другими). Существующее правописаніе онъ считаетъ ненаучнымъ, но доказываетъ это аргументами совсѣмъ разнородными и одинъ другому противорѣчащими. Наше обычное правописаніе — этимологическое, или хочетъ быть этимологическимъ, но этого принципа не выдерживаетъ: напр. мы пишемъ „высшій", но это неправильно,— мы выговариваемъ собственно „вышшій", и такъ писалось въ древнемъ языкѣ. Но главное въ томъ, по мнѣнію г. Брандта, что само этимологическое правописаніе есть фальшивое: надо употреблять правописаніе звуковое, т.-е. писать такъ, какъ мы именно выговариваемъ. Необходимость звукового правописанія, сколько мы поняли, заключается въ томъ, что, учась нашему правописанію принятому, мы теряемъ безплодно много времени,—между прочимъ употребляемъ пять совсѣмъ ненужныхъ буквъ (ѵ, ѳ, і, ѣ, ъ), и много другихъ лишнихъ вещей. По мнѣнію автора, надо бросить наше этимологическое правописаніе, потому что оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному нашему выговору, и притомъ не выдержано; надо писать, какъ мы говоримъ (какъ Богъ послалъ), надо выкинуть пять лишнихъ буквъ, выкинуть ненужныя прописныя буквы („имъ ничего не соотвѣтствуетъ въ произношеніи"), выкинуть „нѣмыя" буквы (напр. надо писать: серце, позній, прелесный, сонце и т. д.), выкинуть нѣкоторые знаки препинанія („фонетическое письмо естественно является врагомъ запятой, когда она искусственно выдѣляетъ воображаемыя вводныя предложенія"), ввести вмѣсто нынѣшняго раздѣленія словъ старинное слитное письмо („дополненное знаками ударенія и нѣкоторыми знаками препинанія для выраженія интонацій, старинное слитное письмо представляется мнѣ идеальнымъ"), и т. д. Въ общемъ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„Такъ какъ письмо существуетъ не для однихъ образованныхъ людей, а должно быть общимъ достояніемъ, то ему слѣдуетъ быть по возможности доступнѣе, то-есть проще.

„Мы пишемъ для того, чтобы передать свои мысли, а не для того, чтобы блеснуть знаніемъ грамматики (?).

„Мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить; слѣдовательно, естественно писать такъ, какъ говорятъ.

„Разногласье письма съ выговоромъ обусловлено 1) несовершенствомъ пришлыхъ, недостаточно приспособленныхъ къ даннымъ языкамъ азбукъ, 2) сохраненіемъ, по косности, начертаній, соотвѣтствующихъ произношенію прежнихъ временъ, но противорѣчащихъ современному, и 3) мудрствованіемъ грамматистовъ.

„Историческое развитіе словъ есть движеніе, а движеніе нельзя

Digitized by Google

изобразить на письмѣ: орѳографія можетъ уловить только одинъ какой-нибудь моментъ.

„Естественно брать для изображенія настоящій моментъ, развѣ что считать современный языкъ искаженіемъ древняго.

„Наше правописаніе, будучи преисполнено непослѣдовательностей и анахронизмовъ, не только затруднительно, но и не даетъ надежныхъ указаній ни по современной, ни по исторической грамматикѣ.

„Этимологическій элементъ допустимъ въ орѳографіи лишь постольку, поскольку сказывается въ живомъ литературномъ языкѣ, безъ справокъ съ его исторіей и діалектологіей, доступныхъ только немногимъ и дающихъ къ тому не разъ противорѣчивыя данныя.

„Еще менѣе, чѣмъ съ языкомъ областнымъ и старинным, слѣдуетъ справляться относительно правописанія съ языками иностранными.

„Вопроса объ отношеніи орѳографіи къ нарѣчіямъ и говорамъ незачѣмъ и затрогивать, такъ какъ нельзя придумать правописанія, при коемъ безъ знанія литературнаго языка можно бы писать по литературному.

„Сокращеніе азбуки на 3—4 буквы не слѣдуетъ считать ничтожнымъ сокращеніемъ и малымъ облегченьемъ: и 3 изъ 36 довольно большой процентъ.

„Отмѣна нѣсколькихъ произвольныхъ правилъ не есть искаженіе живого русскаго языка, а, напротивъ того, возстановленье его въ своихъ правахъ.

„Упростивъ орѳографію и получивъ возможность сократить занятія по ней, мы въ школѣ выиграемъ время для другихъ (?) занятій по языку и словесности.

„Нѣтъ никакой надобности въ полномъ единствѣ орѳографіи: разнообразіе только (?) не должно быть столь велико, чтобы затруднять пониманіе.

„Въ вопросахъ правописанія нельзя руководствоваться чутьемъ: тутъ намъ кажется естественнымъ и хорошимъ то, къ чему мы привыкли, хотя бы оно было во всѣхъ отношеніяхъ дурно.

„Для усвоившихъ уже ходячую грамоту измѣненье ея представить (временно, а можетъ быть, и навсегда) нѣкоторое затрудненіе: упрощенье предпринимается не для нихъ, а для будущихъ поколѣній“.

Читателю, конечно, бросится въ глаза, что „если письмо существуетъ не для однихъ образованныхъ людей“, если не нужны „справки съ исторіей, съ языкомъ старинным и языками иностранными“ (послѣднее вѣроятно относится къ словамъ, изъ нихъ заимствованнымъ), если „нельзя руководствоваться чутьемъ“,—то въ результатѣ получится не что иное какъ чепуха вавилонскаго столпотворенія: всякому

Digitized by Google

предоставляется писать на свой ладъ, какъ кому вздумается, ничѣмъ не стѣсняясь, и получится то „правописаніе", предъ какимъ и теперь мы недоумѣваемъ въ писаніяхъ дворниковъ и мелочныхъ лавочниковъ.

Авторъ обдумывалъ способы введенія своей реформы; онъ полагаетъ, что „дѣло едва ли можетъ обойтись безъ распоряженія свыше", —и это насъ успокоиваетъ, потому что свыше едва-ли послѣдуетъ распоряженіе о смѣшеніи языковъ—на письмѣ.

Предложенія г. Брандта, какъ извѣстно, были предметомъ оживленныхъ споровъ въ одномъ московскомъ ученомъ обществѣ, и въ концѣ концовъ приняты не были; проф. кн. Трубецкой отозвался объ этомъ предметѣ въ газетной статьѣ подъ заглавіемъ, писаннымъ по правописанію г. Брандта: „Сумлеваюсь штопъ". Мы также „сумлеваемся штопъ", и, не повторяя возраженій, прибавимъ одно замѣчаніе.

Удивительно, что авторъ реформы, ученый филологъ, совсѣмъ не принялъ въ соображеніе одной, и существенной, стороны вопроса, именно исторической. Стремленіе къ извѣстной (хотя бы и условной) правильности и единообразію составляетъ господствующую черту въ исторіи письма и печати. При всей скудости древняго русскаго просвѣщенія, очень цѣнилось знаніе „грамматикіи", и оно заключалось, конечно, въ соблюденіи извѣстныхъ, раньше принятыхъ правилъ. Съ теченіемъ времени правописаніе болѣе или менѣе измѣнялось, съ измѣненіями въ самомъ языкѣ, но, гдѣ существовала болѣе или менѣе обширная *литература*, кажется, никогда не появлялось мысли о такомъ радикальномъ переворотѣ въ правописаніи: кромѣ безсознательной привычки къ старымъ способамъ написанія, было даже въ массѣ отчасти сознаваемое желаніе сохранить традицію прошедшаго. Г. Брандтъ въ одномъ мѣстѣ разсуждаетъ: „Жалобу на затруднительность нашего правописанія часто стараются (?) отпарировать ссылкою на бо̀льшую еще неудовлетворительность правописаній французскаго и англійскаго, которая, однако, не побуждаетъ французовъ и англичанъ къ фонетической реформѣ. Но отчего бы намъ хоть *въ чемъ-нибудь* не опередить другіе народы?" Но французы и англичане—люди неглупые, и опережать ихъ *въ этомъ*, можетъ быть, не совсѣмъ завидно. Лучше бы, если не опередить, то хоть сравняться въ чемъ-нибудь другомъ. Французы и англичане въ своемъ правописаніи сохраняютъ преданія латинскія и средневѣковыя, и вѣроятно находятъ въ этомъ извѣстную пользу; мы сохраняемъ преданіе церковно-славянское и старое русское, и въ этомъ есть большой смыслъ.

Авторъ утверждаетъ, что новое звуковое правописаніе освободитъ учениковъ отъ излишняго труда и оставитъ имъ больше времени для изученія „языка и словесности",—но, во-первыхъ, трудность изученія нынѣшняго правописанія вовсе не такъ велика—нѣсколько сообрази-

Digitized by Google

тельные ученики легко усвоиваютъ его однимъ чтеніемъ; во-вторыхъ, вся „словесность“ писалась до сихъ поръ не звуковымъ правописаніемъ, слѣдовательно для изученія ея все-таки пришлось бы знать *прежнее* правописаніе: нельзя же всю прежнюю литературу перепечатать по звуковому способу.

Наконецъ, авторъ просто искажаетъ факты выговора. Онъ пишетъ, напр., и теперь: „грацьёзный“, „провинцьяльный“ и т. п.; первое, по его мнѣнію, отвѣчаетъ французскому gracieux; но наше „граціозный“ стоитъ въ связи съ „грація“; слово „провинція“ мы говоримъ съ совершенно яснымъ *і*, и въ прилагательномъ оно также ясно. Авторъ находитъ, что не слѣдуетъ писать „англійскій“, когда говорятъ: „аглицкой“,—но „аглицкой“ говорятъ только приказчики. Авторъ думаетъ, что надо писать „жывой“, „жызнь“,—но мы такъ не произносимъ; или: „Цыцеронъ“, но, опять, такъ сказалъ бы только приказчикъ или дворникъ, но мы, при нашей классической школѣ, все-таки выучились латинской формѣ этого имени, и другая для насъ уродлива, и т. д.

Въ своихъ, приведенныхъ выше, положеніяхъ авторъ упоминаетъ между прочимъ, что порчѣ нашего правописанія содѣйствовали „умствованія грамматистовъ“. Не встрѣчаемся ли мы въ планѣ звукового правописанія съ тѣми же умствованіями?—Т.

— *П. Х. Шванебахъ.* Денежное преобразованіе и народное хозяйство. Спб 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ нашего финансоваго управленія отличаются отъ предшествующаго времени во многихъ важныхъ отношеніяхъ. Въ этотъ періодъ значительно подвинулось впередъ дѣло преобразованія системы прямого обложенія (начатое, впрочемъ, раньше) въ смыслѣ переложенія податной тяготы съ классовъ общества, переобремененныхъ платежами, на такъ называемые владѣющіе классы; въ суммѣ государственныхъ доходовъ невиданную до того роль начали играть поступленія хозяйственнаго характера, которыя въ настоящее время даютъ государственному казначейству даже болѣе, чѣмъ всѣ косвенные налоги; роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ стала заключаться не только безъ дефицитовъ, сдѣлавшихся-было ея естественной принадлежностью, но и съ значительнымъ превышеніемъ первыхъ надъ послѣдними; и, наконецъ, блестящимъ, повидимому, образомъ завершена реформа возстановленія металлическаго обращенія. Если къ сказанному выше прибавить, что главнымъ образомъ министерству же финансовъ мы обязаны необык-

Digitized by Google

новеннымъ для нашей страны промышленнымъ оживленіемъ послѣднихъ лѣтъ, и что, кромѣ покровительства отечественной промышленности, государство беретъ на себя и ея регулированіе или нормировку, то, кажется, мы можемъ безъ колебанія высказать заключеніе, что дѣятельность финансоваго вѣдомства въ теченіе пятнадцати послѣднихъ лѣтъ есть интереснѣйшее явленіе нашей общественной жизни и что представляется весьма желательнымъ, чтобы ученые подвергли этотъ предметъ обстоятельному изслѣдованію. Изслѣдованіе это должно имѣть въ виду не только изученіе финансово-экономической политики двухъ послѣднихъ министерствъ самой по себѣ, но и опредѣленіе связи между этой политикой и экономическимъ состояніемъ общества, равно какъ и ея вліяніе на это послѣднее. Всестороннее освѣщеніе этого вопроса въ настоящее время кажется намъ, однако, невозможнымъ, и не только потому, что текущая злоба дня какъ бы исключаетъ совершенно объективное отношеніе къ предмету, но и по той причинѣ, что русское общество остановилось въ недоумѣніи передъ картиной явленій, какъ бы исключающихъ другъ друга въ теоріи, но мирно уживающихся въ нашей дѣйствительности: быстрыхъ успѣховъ промышленности и быстраго же разоренія населенія цѣлыхъ обширныхъ районовъ. Мы не знаемъ хорошо, какъ слѣдуетъ цѣнить эту комбинацію явленій; въ насъ возникло сомнѣніе—не стоятъ ли отрицательныя стороны картины въ извѣстной связи съ явленіями, въ которыхъ видятъ выраженіе нашего прогресса; мы не увѣрены въ томъ, что грозные признаки экономическаго разстройства исчезнутъ скоро и безслѣдно, и по всѣмъ этимъ причинамъ общая оцѣнка направленія нашей экономической эволюціи для насъ затруднительна, а безъ такой оцѣнки нельзя вполнѣ правильно отнестись и къ финансовой политикѣ государства.

Всестороннему изслѣдованію предмета естественнымъ образомъ, однако, должно предшествовать частичное, такъ сказать, изученіе входящихъ въ данную сферу явленій, и указанный въ заголовкѣ нашей замѣтки трудъ г. Шванебаха принадлежитъ къ числу сочиненій такого именно рода. Трудъ этотъ можно разсматривать съ двухъ сторонъ: какъ освѣщеніе финансово-экономической политики послѣднихъ лѣтъ и какъ изслѣдованіе того вліянія, какое имѣла эта политика на народное хозяйство. Наибольшій интересъ трудъ г. Шванебаха представляетъ въ первомъ отношеніи. По мнѣнію автора, главнѣйшіе факты финансовой и экономической нашей политики съ половины 80-хъ годовъ объясняются, если на нихъ взглянуть съ точки зрѣнія возстановленія металлическаго обращенія. Стремленіе устранить дефицитъ изъ бюджета, конечно, является самостоятельной цѣлью, къ которой считали своей обязанностью стремиться всѣ министры фи-

Digitized by Google

нансовъ; но энергія, съ какой эта цѣль достигалась при Вышнеградскомъ, безъ соображенія, подчасъ, съ другими и болѣе важными государственными интересами, объясняется тѣмъ, что устраненіе дефицита имѣло для этого министра особенно серьезное значеніе, какъ необходимое предварительное условіе возстановленія металлическаго обращенія. Однимъ изъ средствъ возстановленія равновѣсія государственныхъ доходовъ и расходовъ было тогда безжалостное взысканіе крестьянскихъ платежей и недоимокъ, но эта же мѣра имѣла и болѣе важную для финансоваго вѣдомства цѣль—заставить населеніе по возможности больше вывозить мѣстные продукты за границу и способствовать, такимъ образомъ, притоку въ страну золота для накопленія металлическаго запаса, безъ котораго нельзя было мечтать о введеніи металлическаго денежнаго обращенія. Передача завѣдыванія желѣзнодорожными тарифами въ руки министерства финансовъ и строгій контроль надъ желѣзными дорогами въ этомъ отношеніи мотивировался и вызывался задачею упорядоченія желѣзнодорожной дѣятельности. Но полное подчиненіе тарифовъ желѣзныхъ дорогъ финансовому вѣдомству и извѣстное направленіе тарифной политики находитъ себѣ достаточное объясненіе въ томъ же фактѣ желательности для этого вѣдомства форсировать нашъ внѣшній вывозъ для склоненія торговаго баланса въ нашу пользу. Предшественникъ нынѣшняго министра финансовъ прославляется нашими протекціонистами за мудрую политику покровительства отечественной промышленности путемъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ. Но есть вѣскія основанія полагать, что гораздо болѣе министръ интересовался при этомъ сокращеніемъ ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, въ видахъ достиженія той же цѣли прилива въ Россію изъ-за границы золота.

Равнымъ образомъ и многіе крупные факты финансово-экономической политики нынѣшняго министерства находятъ себѣ объясненіе съ точки зрѣнія замѣны бумажнаго денежнаго обращенія металлическимъ.

Накопленіе золотого запаса въ странѣ преимущественно путемъ выгоднаго для насъ торговаго баланса въ послѣдніе годы сдѣлалось затруднительнымъ, потому что нашъ вывозъ былъ форсированъ до максимума. Уже въ предшествующее управленіе финансами, и въ интересахъ развивающейся промышленности (главнымъ образомъ желѣзнодорожнаго дѣла), нужно было облегчить ввозъ многихъ товаровъ изъ-за границы. Пришлось, поэтому, прибѣгать къ другимъ средствамъ привлеченія золота въ страну: внѣшнимъ займамъ и поощренію учредительства предпріятій промышленнаго характера. Сохранять же занимаемыя суммы въ подвалахъ казначейства не раціонально; ихъ

Digitized by Google

нужно пустить въ обращеніе, а прямымъ средствомъ для этого служитъ расширеніе промышленной дѣятельности, устройство новыхъ предпріятій, постройка, напр., новыхъ рельсовыхъ путей, которая и производится у насъ съ небывалой энергіей. По нѣкоторымъ соображеніямъ, металлическое обращеніе было у насъ введено очень быстро и прежде чѣмъ успѣли завершиться всѣ подготовительныя къ тому мѣры. Это потребовало быстраго прилива къ намъ иностраннаго золота, и такъ какъ путь устройства на заграничныя деньги солидныхъ частныхъ промышленныхъ предпріятій не давалъ золотого тока желательной быстроты, то появилось усиленное развитіе спекуляціи и биржевой игры. Поощреніе національной промышленности имѣетъ и болѣе интимную связь съ прочностью нашей денежной валюты: сокращая потребность въ иностранномъ товарѣ и доставляя новые источники для вывоза мѣстныхъ продуктовъ за границу, развитіе промышленности способствуетъ тому, чтобы разсчетный балансъ сложился въ нашу пользу.

Мы указали только главнѣйшіе факты нашей финансово-экономической политики, освѣщенные съ точки зрѣнія подготовленія и упроченія металлическаго обращенія. Но къ этому же первоисточнику можно свести и многія другія финансовыя мѣры послѣдняго десятилѣтія, въ родѣ конверсій и обращенія погашаемыхъ внутреннихъ займовъ въ непогашаемые.

Указывая на денежную реформу, какъ на основаніе для тѣхъ или другихъ мѣропріятій министерства финансовъ, г. Шванебахъ не думаетъ утверждать, что для нихъ не было и другихъ мотивовъ. Онъ только отмѣчаетъ фактъ соотвѣтствія этихъ мѣропріятій съ требованіемъ денежной реформы и объясняетъ происхожденіе нѣкоторыхъ ихъ особенностей: „Здѣсь идетъ рѣчь не столько о дѣйствіи, проявляющемся какъ результатъ сознательной планомѣрности, сколько о той симметріи, какая, внѣ зависимости отъ воли руководителей, неизбѣжно устанавливается тогда, когда крупная задача выдвигается въ центръ государственныхъ заботъ: всѣ силы народнаго организма располагаются какъ бы радіусами къ этому центру; но, становясь опорою для него, эти силы невольно напрягаются въ одностороннемъ направленіи“ (стр. 233).

Энергичная политика министерства финансовъ не могла не отразиться такъ или иначе на народномъ хозяйствѣ. Въ сферѣ земледѣлія она вызвала усиленный вывозъ хлѣбовъ, разорительный для производителя, потому что онъ совершался подъ давленіемъ сборщика податей, съ одной стороны, и форсированнаго преобразованія натуральнаго хозяйства въ денежное—съ другой. Голодъ 1891—92 гг. былъ естественнымъ отвѣтомъ на тѣ требованія, какія министерство финансовъ предъ-

Digitized by Google

являло къ крестьянину. Это было только острое проявленіе оскудѣнія, которое поразило черноземный центръ и востокъ Россіи. Въ промышленности политика министерства финансовъ отразилась созданіемъ—на ряду съ жизнеспособными—многихъ искусственныхъ предпріятій и способствовала болѣе острому проявленію кризиса, который, при другомъ отношеніи къ предмету, министерство, напротивъ того, могло бы предотвратить или ослабить. „Наши промышленные успѣхи были бы прочнѣе, еслибы, безъ опасенія за валюту, можно было мириться съ болѣе спокойнымъ приливомъ капитала, еслибы надъ нами не тяготѣлъ Дамокловъ мечъ неблагопріятныхъ для золотой валюты международныхъ разсчетовъ“ (стр. 234).

Г. Шванебахъ отказывается отъ категорическаго отвѣта на вопросъ, поставленный имъ своему изслѣдованію: каковы наши шансы на удержаніе золота въ странѣ? „Въ дѣлѣ живомъ и текущемъ окончательныхъ выводовъ искать въ научномъ изслѣдованіи нельзя; ихъ только можетъ дать будущее“,—говоритъ онъ какъ бы въ объясненіе своей недомолвки. Онъ, однако, настаиваетъ на томъ, что центральной точкою нашей экономической политики должно бы сдѣлаться „поднятіе русской деревни и коренного русскаго промысла, земледѣлія“. „Только при такомъ направленіи хозяйственной политики валюта и будетъ окончательно упрочена и не окажутся напрасными тяжелыя жертвы, понесенныя Россіей на обзаведеніе золотымъ монетнымъ инвентаремъ“ (стр. 236).

Какъ можетъ усмотрѣть изъ вышеизложеннаго читатель, трудъ г. Шванебаха отличается единствомъ проникающей его идеи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и односторонностью воззрѣнія на причины экономическихъ затрудненій Россіи. У автора не возникаетъ вопроса о томъ—совмѣстимо ли съ высокимъ благосостояніемъ массы населенія малокультурной земледѣльческой страны, по географическимъ условіямъ которой земледѣльцы могутъ отдаваться своему промыслу лишь въ теченіе половины года,—быстрое развитіе промышленности на почвѣ полнаго раздѣленія индустріи и сельскаго хозяйства? Въ этомъ развитіи, въ созданіи многочисленныхъ внѣ-деревенскихъ потребителей сельскихъ произведеній, авторъ, напротивъ того, и видитъ возможность улучшенія положенія крестьянъ (стр. 226). Но почему же можно надѣяться на то, что индустрія создастъ столь многочисленный классъ потребителей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какой нуженъ для преобразованія земледѣлія многомилліонной страны? Для кого будутъ производить эти массы фабрично-заводскихъ рабочихъ, когда главный внутренній потребитель „находится на уровнѣ самыхъ первобытныхъ жизненныхъ потребностей“ (стр. 227)? Такимъ образомъ, изслѣдованіе г. Шванебаха о вліяніи денежной реформы на народное хозяй-

Digitized by Google

ство указало на тѣ причины, которыя повели къ обострению кризиса, переживаемаго земледѣльческимъ населеніемъ Россіи, но не разъяснило вопроса о томъ, гдѣ нужно искать основныхъ причинъ этого кризиса и какими средствами можно надѣяться достигнуть его устраненія. — В. В.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Андресъ, Б., д-ръ.—Сургучъ и его производство. Съ нѣм. п. р. М. Петрова. Спб. 901. Ц. 30 к.

Арепьевъ, Н.— Организація общеобразовательныхъ экскурсій въ средней школѣ. М. 901.

Б. 2.—Огонекъ въ угольѣ. Повѣсть. Спб. 901.

Балталонъ, Ц.—Воспитательное чтеніе, какъ основа преподаванія русскаго языка, въ семьѣ и въ школѣ. М. 901. Ц. 25 к.

Баранцевичъ, Е. М.— Идеи и принципы судебнаго дѣятеля. Этюдъ изъ области судебной этики. Памяти Ѳ. П. Ивкова. М. 901. Ц. 1 р.

Болтонъ Кингъ.—Исторія объединенія Италіи. Т. I. Съ англ. перев. Н. Кончевской. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Брандтъ, Р. Ѳ.—О ложенаучности нашего правописанія. Публ. лекція. Воронежъ. 901.

Бунинъ, Ив.—Листопадъ. Стихотворенія. М. 901. Ц. 1 р.

Волынскій, М. Н.—Всесословная волость, какъ судебно-административная и земская единица. Спб. 901. Ц. 75 к.

Воротынскій, Б. И.—Исторія въ наукѣ и въ жизни. Публичная лекція. Каз. 901. Ц. 35 к.

Вѣтринскій, Ч.—„Божьи дѣти“. Сборникъ. М. 901. Ц. 7 к.

Георгіевскій, П. И.—Политическая Экономія. 3-е изд. Спб. 901. Стр. 612. Ц. 3 р. 50 к.

Добрыв, А. П.—Біографія русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ. Спб. 900. Ц. 2 р.

Іодко, О. С.—Карманный весь Петербургъ, съ желѣзнодорожными и пароходными росписаніями, товарными и пассажирскими тарифами. Спб. 901. Ц. 20 к.

Коркуновъ, Н. М.— Русское государственное право. Т. I: Введеніе и Общая часть. Изд. 4-ое. Спб. 901. Ц. 3 р.

Кривенко, С. К.—На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М. 901. Ц. 80 к.

Кусте, Эрн.—Электрическое освѣщеніе. Съ франц. п. р. М. Петрова. Съ 35 рис. Спб. 901. Ц. 40 к.

Ломакинъ, Н.—Изъ жизни мужчинъ и другіе разсказы. М. 901. Ц. 50 к.

Меньшиковъ, М. О.— Начала жизни. Нравственно-философскіе очерки, Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Павловъ, Ѳ. П.—За десять лѣтъ практики. М. 901. Ц. 50 к.

Паппенгутъ, А.—Деревянные дома—дачи. Руководство къ постройкѣ лѣтнихъ и зимнихъ домовъ. Съ атласомъ чертежей: плановъ, разрѣзовъ, фасадовъ дачъ и конструкцій отдѣльныхъ частей ихъ. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Digitized by Google

Переферковичъ, Н. — Талмудъ. Мишна и Тосефта. Т. III: кн. 5 и 6. Спб. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Петровъ, М.—Гальванопластика, золоченіе, серебреніе, никкелированіе и т. п. Съ 21 рис. Спб. 901. Ц. 50 к.

——— Электрическіе звонки. Съ 35 рис. и черт. Спб. 901. Ц. 25 к.

——— Буквопечатающій аппаратъ Юза. Съ портр. и біограф. Юза. Спб. 901. Ц. 50 к.

Писаревскій, Г.—Вызовъ колонистовъ изъ южной Европы и бунтъ корсиканцевъ. Очеркъ изъ исторіи колонизаціи въ Россіи. М. 901. Ц. 40 к.

Рахмановъ, В., врачъ.—Физическіе способы леченія. Общедоступныя бесѣды о томъ, какъ и какія болѣзни можно лечить безъ лекарствъ—свѣтомъ, воздухомъ, тепломъ, холодомъ, водою и движеніемъ. М. 901. Ц. 75 к.

Романовскій, В. Е.—Педагогическіе этюды: Задачи воспитательнаго обученія. Классныя бесѣды учителя исторіи. О связи географіи и исторіи съ словесностью. Тифл. 901. Ц. 50 к.

Семеновъ, Вл. — На дальнемъ Востокѣ. Очерки и разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р.

Служивый.—Очерки покоренія Кавказа, съ рисунками и картами. Спб. 901. Ц. 1 р. 75 к.

Спальвинъ, Е.—Японскій прогрессъ. Рѣчь, произнесенная на первомъ годичномъ актѣ Восточнаго Института, 21 окт. 1900 г. Владивост., 901.

Старостинъ.—Выбранное—что̀ лучше: Наше счастье, романъ; Похожденія Хлопова, повѣсть; Послѣдняя, повѣсть; Мой другъ Вагонъ, разсказъ. Спб. 901. Ц. 2 р.

Терперъ, Ѳ.—Государство и землевладѣніе. Ч. II: Крестьянское землевладѣніе. Спб. 901. Ц. 2 р 50 к.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. I, вып. VII: 1840—1877 г. М. 901. Ц. кажд. вып. 40 к.

Шереметевъ, гр., Павелъ. — Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова. 1883—1895 гг. Спб. 901. Ц. 1 р.

Шиллеръ. Собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Съ историко-литературными комментаріями, эстампами и рисунками въ текстѣ. Томъ II. Изданіе Акціон. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 901. Стр. 566. Ц. 5 р.

Янчевецкій, В.—Записки пѣшехода. Т. I. Ревель. 901. Ц. 1 р.

La Bruyère. — Les Caractères ou les Moeurs de ce siècle. Избранные отрывки для школьнаго употребленія, ред. П. Д. Первовъ. Изд. 2-е. М. 901. Ц. 55 к.

Loiseau, Charles.—L'Équilibre adriatique. L'Italie et la question d'Orient. Par. 901.

— Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Воронежской губерніи, лѣтомъ 1900 года. Изд. Воронежск. губ. земства. Ворон. 901.

— Дневникъ звѣрскаго избіенія московскихъ бояръ въ столицѣ въ 1682 году и избраніе двухъ царей, Петра и Іоанна. Спб. 901.

— Краткій историческій очеркъ развитія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи. Спб. 900.

— Краткій историческій очеркъ учебныхъ заведеній вѣдомства путей сообщенія. Спб. 900.

Digitized by Google

— Обзоръ Уфимской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1899—900 гг. Вып. II. Уфа. 901. Ц. 1 р.

— Отчетъ Коммиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ за 1900 г. Двадцать-четвертый годъ. 1877—1901. Спб. 901.

— Отчетъ Общества приморскихъ санаторій для хронически-больныхъ дѣтей. за 1900 г. Спб. 901.

— Сборникъ статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній по народному образованію во Владимірской губерніи. Вып. 2 и 3. Владим.-на-Кл. 900.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1899 годъ. Годъ XIII. Херс. 901.

— Статистическое Отдѣленіе Орловской Губернской Земской Управы: 1) Сельско-хозяйственный обзоръ по Орловской губерніи за 1900 г. Вып. I: Зима и весна. Орелъ, 900. 2) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по начальному народному образованію въ Орловской губерніи за 1899—900 учебный годъ. Ор. 900.

— Стенографическій отчетъ XXXVI очередного Новгородскаго губерн. земск. собранія съ 30 ноября по 14 декабря 1900 г. Новг. 901.

— Тридцатилѣтіе дѣятельности Черниговскаго городского общественнаго управленія 1870—1901 г., съ очеркомъ исторіи г. Чернигова. Черниг. 901.

— Труды опытныхъ лѣсничествъ. Научный отдѣлъ. Т. I: Н. П. Адамовъ, Метеорологическія наблюденія въ опытн. лѣсничествахъ, 1896—98 гг. Приложеніе къ т. I, за 1894—1898 гг. Спб. 901.

——— Маріупольское лѣсничество: Г. Н. Высоцкій, Біологическія, почвенныя и фенологическія наблюденія въ Велико-Андолѣ и Лѣсныя культуры въ Маріуп. лѣснич. 1896—1900 гг. Спб. 901.

——— Деркульское лѣсничество: К. Юницкій, Лѣсныя культуры Деркульск. опытн. лѣсничества. С. Кравковъ, Изслѣдованія надъ физическими свойствами чернозема дѣвственной степи. Спб. 901.

——— Каменно-степное лѣсничество: Г. Морозовъ, Матеріалы по изученію лѣсныхъ насажденій въ районѣ Каменно-степн. опытнаго лѣсничества и Лѣсныя культуры въ Каменно-степномъ опытн. лѣснич. 1896—1900 г. Спб. 900.

——— Н. П. Адамовъ, Краткое содержаніе „Трудовъ“ изданія 1900 г.

— Труды совѣщанія при Воронежской губернской управѣ гг. земскихъ врачей по вопросу объ организаціи лѣтнихъ деревенскихъ яслей-пріютовъ. 19—21 апрѣля 901 г. Ворон. 901.

— Художественныя ремесла. Художникъ-любитель. Содержитъ 30 способовъ приготовленія различныхъ художественныхъ украшеній. Спб. 901. Ц. 75 коп.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Leo Berg. Gefesselte Kunst. Berlin, 1901. Стр. 165.

Книга Лео Берга касается очень жгучаго вопроса въ современной нѣмецкой литературѣ. Авторъ говоритъ объ отношеніи общества къ искусству, о положеніи писателей, о подчиненіи литературы вкусамъ и требованіямъ неразвитого большинства, и касается также теоретической стороны вопроса, т.-е. говоритъ о томъ, что̀ связываетъ по существу писателя съ читателемъ; въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ очеркахъ онъ разсуждаетъ о назначеніи критики, о взаимодѣйствіи искусства и дилеттантства—и высказываетъ по этому поводу оригинальныя мысли. Книга написана въ рѣзкомъ обличительномъ тонѣ—за исключеніемъ, конечно, теоретическихъ главъ. Это настоящій походъ противъ пошлости, которая грозитъ затопить современную нѣмецкую литературу. На первый взглядъ можетъ показаться, что самый вопросъ, поднятый Л. Бергомъ, не имѣетъ существеннаго литературнаго значенія. Конечно, огромная масса читающей публики предпочитаетъ занятный фельетонный романъ серьезному художественному произведенію; кромѣ того, буржуазное общество дорожитъ извѣстными устоями нравственности—хотя бы и совершенно условными—и негодуетъ на всякое нарушеніе ихъ въ произведеніяхъ искусства. Несомнѣнно также, что издатели журналовъ и книгъ,—поскольку это будутъ люди, преслѣдующіе только коммерческія цѣли,—предпочитаютъ то, что̀ соотвѣтствуетъ вкусамъ публики, и не умѣютъ оцѣнить внутреннія достоинства произведенія, которое не можетъ разсчитывать на популярность у средняго читателя. Всѣ эти печальныя, но очень обыкновенныя и въ другихъ странахъ условія литературнаго труда не помѣшали, однако, выдвинуться и прославиться въ той же Германіи писателямъ наиболѣе враждебнымъ нѣмецкой буржуазности. И Ницше, и Гауптманъ и Зудерманъ, не говоря о другихъ, шли своимъ путемъ, ни въ чемъ не уступая „духу толпы“, а между тѣмъ успѣхъ ихъ безконечно превышаетъ популярность романистовъ, драматурговъ и публицистовъ, льстящихъ вкусамъ и убѣжденіямъ буржуазнаго общества. Но Лео Бергъ не говоритъ объ исключительныхъ явленіяхъ въ литературѣ, и вовсе не утверждаетъ, что выдающійся писатель не-

Digitized by Google

премѣнно долженъ погибнуть, задавленный враждебнымъ отношеніемъ къ нему общества. Онъ только показываетъ, въ какихъ условіяхъ живетъ нѣмецкая литература, какія оковы накладываетъ на нее отсутствіе художественно развитой публики. Обличенія Берга вовсе не сводятся къ голословнымъ обвиненіямъ филистеровъ, къ дешевому крику возмущенія. Напротивъ того—и въ этомъ достоинство его книги—онъ старается глубже заглянуть въ причины разлада и приходитъ такимъ образомъ къ интереснымъ теоретическимъ выводамъ, устанавливая, отчасти историческимъ путемъ, тѣ условія, въ которыхъ литература можетъ процвѣтать и пользоваться необходимой ей нравственной свободой. Доказавъ, что ни одного изъ этихъ условій не существуетъ теперь въ Германіи, онъ приходитъ къ выводу, что современное положеніе литературы совершенно логично вытекаетъ изъ общаго хода вещей.

Изъ всѣхъ современныхъ нѣмецкихъ критиковъ Лео Бергъ, быть можетъ, наиболѣе способенъ разрѣшить взятую имъ на себя задачу, т.-е. разобраться въ взаимныхъ отношеніяхъ искусства и общественныхъ идеаловъ и настроеній. Онъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ теперешнихъ критиковъ, и, начиная съ половины 80-хъ годовъ, стоялъ всегда въ рядахъ оппозиціи противъ всякихъ переживаній въ литературѣ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими писателями, онъ распространялъ принципы натурализма, возставалъ противъ узкаго шовинизма, разъяснялъ значеніе Ибсена. Его брошюры въ серіи „Literarische Volkshefte“ („Henrik Ibsen u. das Germanenthum in der modernen Literatur“, „Ernst v. Wildenbruch u. das Preussenthum in der modernen Literatur“) написаны рѣзко и горячо, и уже въ нихъ критикъ выступаетъ главнымъ образомъ обличителемъ буржуазности. Книга его „Der Naturalismus“ (1892) содержитъ въ себѣ эстетическую теорію автора; Лео Бергъ придаетъ большое значеніе индивидуализму въ творчествѣ, говоря, что въ искусствѣ отраженная дѣйствительность имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а лишь какъ то, что̀ изъ нея дѣлаетъ художникъ. Одно изъ основныхъ положеній эстетики Берга заключается въ томъ, что художникъ творитъ для публики, состоящей изъ художниковъ; люди безъ всякаго художественнаго пониманія не могутъ имѣть поэтому значенія для художника даже въ качествѣ публики. Не для нихъ онъ работаетъ,—ихъ требованія и ихъ судъ не могутъ приниматься имъ въ соображеніе. Разработкой этого теоретическаго положенія и является новая книга Берга, „Die Gefesselte Kunst“, гдѣ онъ доказываетъ примѣрами, какъ пагубно несоблюденіе этого непреложнаго правила: когда художникъ выходитъ изъ сферы равныхъ себѣ, когда онъ подчиняется требованіямъ и суду чуждой ему по духу публики—онъ умираетъ для искусства.

Digitized by Google

Еще бо́льшимъ защитникомъ индивидуализма и отчасти аристократизма въ литературѣ Бергъ является въ чрезвычайно интересной книгѣ—„Der Uebermensch in der modernen Literatur“ (1897). Вліяніе Ницше на литературу онъ приводитъ въ связь съ развитіемъ индивидуализма, который коренится въ романтизмѣ и развивается все шире и шире вплоть до нашихъ дней. Бергъ очень удачно группируетъ писателей различныхъ странъ по ихъ отношеніямъ къ тому, что̀ онъ считаетъ основной чертой современной литературы—т.-е. къ индивидуализму и преобладанію интеллектуальности надъ чувствами и страстями.

Въ „Gefesselte Kunst“ Лео Бергъ возвращается къ теоретическимъ взглядамъ, высказаннымъ въ прежнихъ книгахъ и статьяхъ, но примѣняетъ ихъ главнымъ образомъ къ выясненію разлада между искусствомъ и вкусами публики въ Германіи. Первыя главы его книги написаны въ сатирическомъ тонѣ и очень зло вышучиваютъ нѣмецкихъ буржуа. Въ очеркѣ „Die ungeschriebene Lex Heinze“ онъ передаетъ свой разговоръ съ пріятелемъ, добропорядочнымъ берлинцемъ, который возмущается пресловутымъ „Lex Heinze“; онъ надѣется, что если законъ даже войдетъ въ силу, то „любовь къ свободѣ“ окажется достаточно сильной у нѣмецкихъ художниковъ, и они предпочтутъ тюремное заключеніе всякой уступкѣ унизительному закону—и станутъ такимъ образомъ „мучениками за идею“. Это дешевое возмущеніе упитаннаго и довольнаго собой филистера выводитъ изъ себя писателя, который достаточно настрадался отъ всякихъ нарушеній свободы творчества, вызванныхъ не предписаніями полиціи, а такъ называемымъ „общественнымъ мнѣніемъ“. Пріятель его полагалъ, что поступаетъ очень благородно, выражая свой протестъ противъ стѣсненія свободы искусства, но, къ великому его изумленію, писатель отвѣчаетъ ему, что судьба закона Гейнце его совершенно не интересуетъ, потому что и помимо этого закона общество само всячески стѣсняетъ свободу творчества. Въ Германіи,—говоритъ онъ,—царитъ теперь „ненаписанный законъ Гейнце“, т.-е. цѣлый рядъ властныхъ предразсудковъ и стѣснительныхъ условій, болѣе обременительныхъ для свободнаго развитія литературы, чѣмъ всякое вмѣшательство закона. Разъясняя свою мысль, критикъ даетъ интересную картину литературныхъ нравовъ въ Германіи. Величайшимъ тираномъ, гнетущимъ литературу, онъ считаетъ публику; онъ видитъ въ ней олицетвореніе несвободы, потому что она уже въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій воспрещаетъ литературѣ многое, разрѣшенное и закономъ Гейнце, и всякими другими законами. А власть публики очень велика: ни одинъ нѣмецкій журналъ и ни одна газета не рѣшаются печатать того, что̀ могло бы не понравиться глупѣйшему изъ многихъ тысячъ подписчи-

Digitized by Google

ковъ или оскорбить стыдливость какой-нибудь неразвитой провинціальной барышни. Тиранія публики убиваетъ свободу духа, отказывая искусству въ правѣ понимать нравственность по-своему. Въ Германіи установилось мнѣніе, что существуетъ только одно единственное пониманіе нравственности—то, которое доступно дѣвочкамъ отъ 12 до 16 лѣтъ. Въ другихъ областяхъ интеллектуальной и практической дѣятельности существуетъ полная возможность понимать законы нравственности по-своему: ученые спокойно занимаются вивисекціей, считая ее необходимой для своихъ цѣлей; есть особая мораль для людей военнаго дѣла, даже купцамъ предоставляется понимать требованія нравственности по-своему—и никого не возмущаетъ своеобразность ихъ морали; художникъ же, наиболѣе нуждающійся въ свободѣ, принужденъ стать рабомъ ограниченнаго мѣщанскаго катехизиса нравственности. Лишая писателей нравственной свободы, буржуазное общество пользуется еще своей властью для того, чтобы, по выраженію Берга, „морить ихъ медленной голодной смертью". Публика зѣваетъ въ театрѣ на представленіяхъ „Фауста"; всякое независимое, не написанное въ духѣ толпы, драматическое произведеніе оплачивается грошами, въ то время какъ комедіи какого-нибудь Оскара Блюменталя собираютъ полный театръ и обогащаютъ автора. Серьезный художникъ, если его работа служитъ ему единственнымъ источникомъ матеріальныхъ доходовъ, обреченъ въ Германіи на постоянное голоданіе, если онъ рѣшается не измѣнять своему призванію и не дѣлать уступокъ вкусамъ публики.

Величайшимъ зломъ Бергъ считаетъ то, что образовался цѣлый классъ посредниковъ между вкусами публики и писателями, и что такимъ образомъ въ литературѣ прочно укрѣпилось господство капитализма. „Искусство и литература,—говоритъ Бергъ,—уже давно перестали созидаться художниками и литераторами, и перешли въ руки издателей и торговцевъ, которые заказываютъ и пріобрѣтаютъ лишь то, что̀ никого не можетъ задѣть; они стараются понизить норму художественнаго производства, тѣмъ болѣе, что это обходится дешевле". Бергъ указываетъ на постоянно увеличивающееся число чисто промышленныхъ предпріятій въ литературѣ, на разныя серіи такъ называемыхъ популярныхъ книгъ по искусству, литературѣ и исторіи, сдѣланныхъ очень поверхностно, безъ всякихъ руководящихъ идей, съ единственной цѣлью какъ можно шире захватить предметъ и привлечь публику содержательностью оглавленія. Есть книги по исторіи литературы, доведенныя до самыхъ послѣднихъ дней XIX в., хотя очевидно, что никакой исторически безпристрастной оцѣнки текущей, еще не опредѣлившейся литературы дать нельзя. Такого рода ремесленныя, иногда очень недобросовѣстныя произведенія убиваютъ всякое серьезное отно-

Digitized by Google

шеніе къ дѣлу, всякую дѣльную критику, не говоря уже о чисто художественномъ творчествѣ, къ которому публика, а слѣдовательно и издатели, предъявляютъ требованія, ничего общаго съ литературой не имѣющія. Дополняя эту печальную картину литературныхъ нравовъ, Бергъ говоритъ въ другомъ очеркѣ,—„Verstümmelte Kunst"—о томъ, въ какомъ видѣ доходитъ обыкновенно до публики художественное произведеніе. Особенно рѣзко это видно въ драматическихъ пьесахъ. Сначала цензура, а потомъ режиссеръ часто совершенно искажаютъ замыселъ драматурга—и дѣлаютъ это все во имя того же всевластнаго тирана—публики, которой непремѣнно нужно угождать. Представленія пьесы на сценѣ порождаютъ новыя несоотвѣтствія между намѣреніями автора и пониманіемъ публики. Въ живописи тоже очень многое зависитъ отъ внѣшнихъ условій,—отъ того, какъ повѣшена и освѣщена картина. Столь же или даже еще больше зависимости отъ внѣшнихъ условій—въ дѣятельности музыканта. Во взаимодѣйствіи художественнаго произведенія и публики, созерцающей его при извѣстныхъ условіяхъ, есть нѣчто роковое и не зависящее отъ внѣшнихъ воздѣйствій. Пьеса, представленная на сценѣ, уже есть нѣчто составное, сравнительно съ тѣмъ, какъ она сложилась въ умѣ автора: публика со своимъ отношеніемъ входитъ въ составъ общаго впечатлѣнія; она не безучастна—если пьеса болѣе или менѣе интересна,—и, воспринимая болѣе чутко то или другое въ пьесѣ, она часто открываетъ автору то, чего онъ самъ не предполагалъ въ своемъ произведеніи. Часто задуманные авторомъ комическіе эффекты становятся трогательными въ глазахъ публики—и наоборотъ; иногда пьеса, написанная, предположимъ, въ демократическомъ духѣ, производитъ противоположное впечатлѣніе, если представители враждебной партіи болѣе логичны и сильны въ своихъ доводахъ. Такъ, напр., на первыхъ представленіяхъ „Vor Sonnenaufgang" Гауптмана, публика усиленно апплодировала рѣчамъ инженера, защитника капитализма и врага героя пьесы, соціалиста Лота. Это противорѣчило замыслу пьесы, но доказывало, что изображенный авторомъ соціалистъ—бездушный доктринеръ, въ поступкахъ котораго многое открыто для справедливыхъ обвиненій. Публика въ этомъ случаѣ была права и раскрыла своимъ непосредственнымъ чутьемъ основной недостатокъ драмы. Часто публика судитъ несправедливо—и, понимая пьесу по-своему, искажаетъ ея истинный смыслъ. Но во всякомъ случаѣ драма, изображенная на сценѣ, имѣетъ какъ бы обособленное отъ автора существованіе, и въ него входитъ психологія зрителя, его настроеніе, всѣ случайныя причины, вліяющія на его сужденіе. При чтеніи художественнаго произведенія тоже дѣйствуютъ очень разнообразные психологическіе факторы—и никогда нельзя вынести совершенно одинаковое впечатлѣніе,

Digitized by Google

читая снова даже хорошо извѣстную классическую вещь, какъ, напр., „Фауста". Взаимодѣйствіе художественнаго произведенія и мѣняющагося къ нему отношенія читателя или зрителя лежитъ въ основѣ законовъ эстетики, и съ этимъ нужно считаться, изучая психологію художественнаго творчества. Не нужно только, какъ справедливо заключаетъ Бергъ, чтобы къ этому примѣшивались внѣшнія вліянія и препятствія—практическія соображенія издателей, директоровъ театровъ, предразсудки неразвитого буржуазнаго общества.

Въ общемъ, судя по тѣмъ фактическимъ даннымъ, которыя Бергъ приводитъ о литературныхъ нравахъ въ современной Германіи, главное зло заключается въ господствѣ капитализма: газеты и журналы находятся въ рукахъ промышленниковъ, озабоченныхъ главнымъ образомъ отдѣломъ объявленій и подыскивающихъ для своихъ изданій „ходкій товаръ", т.-е. то, что̀ можетъ занять читателей, или, вѣрнѣе, читательницъ средняго круга съ ихъ крайне узкимъ пониманіемъ морали и неразвитымъ вкусомъ. Отсюда чрезмѣрное развитіе такъ называемаго „Familienblattroman"'а, лишеннаго всякаго литературнаго значенія, и полный упадокъ серьезнаго художественнаго творчества, которому трудно бороться противъ практическихъ вкусовъ издателей. Отсюда и перевѣсъ ремесленнаго труда въ другихъ областяхъ литературы—въ критикѣ и исторіи. Искусству и литературѣ мѣшаютъ быть свободными, ихъ сковываютъ узами буржуазныхъ вкусовъ и промышленнаго духа. „Искусство стоитъ на перепутьи", говоритъ Бергъ, заканчивая очеркъ о порабощеніи искусства. Оно необходимо должно выбраться на широкое поле личной и экономической свободы, такъ какъ это для него—вопросъ жизни. Царская дочь ждетъ своего Персея, который освободилъ бы ее отъ когтей капитализма.

Въ книгѣ Берга, посвященной, преимущественно, изображенію печальныхъ условій, въ которыхъ живетъ современная нѣмецкая литература, есть двѣ главы, или, вѣрнѣе, два отдѣльныхъ очерка болѣе теоретическаго характера. Одинъ изъ нихъ относится къ вопросу о литературной критикѣ. Бергъ начинаетъ свои разсужденія съ нападокъ на современное состояніе критики въ Германіи. Подъ вліяніемъ общаго тяготѣнія къ сенсаціонности и внѣшнимъ интересамъ, критика превратилась въ репортерство; критикомъ называютъ того, кто проводитъ вечера въ театрѣ и ночью пишетъ отчетъ о представленіи—для того, чтобы берлинскій обыватель уже за утреннимъ кофе имѣлъ возможность составить себѣ мнѣніе о представленной наканунѣ пьесѣ; критикой называютъ, кромѣ того, бѣглые, поверхностные отзывы о только-что вышедшихъ книгахъ. Публику интересуютъ „злобы дня", а въ литературѣ таковыми являются только послѣднія новинки; поэтому о книгѣ говорятъ или когда она только-что вышла, или со-

Digitized by Google

всѣмъ не говорятъ. Нельзя не согласиться съ Бергомъ, когда онъ осуждаетъ этотъ репортерскій родъ критики и говоритъ о тѣхъ условіяхъ, которыя необходимы для того, чтобы критика была истиннымъ творчествомъ, носительницей плодотворныхъ идей въ литературѣ. Онъ настаиваетъ на томъ, что критика имѣетъ не только обязанности (разъяснять публикѣ новыя явленія въ литературѣ), но и права. Критикъ нуждается въ свободѣ, какъ и художникъ. Ему нужна прежде всего свобода времени—чего не можетъ понять публика съ ея погоней за сенсаціонностью. Но еще болѣе важно для него другое—свободное отношеніе къ своему сюжету. Критикъ долженъ относиться къ разбираемому произведенію, какъ относится къ своему сюжету художникъ. Послѣдній имѣетъ значеніе лишь тогда, когда онъ поднимается выше своего сюжета, вноситъ въ него нѣчто свое, преображаетъ дѣйствительность своимъ индивидуальнымъ пониманіемъ. Это—то, что Золя выразилъ своей извѣстной формулой: „l'oeuvre d'art—c'est la nature vue à travers un tempérament". Примыкая къ нему, Бергъ утверждаетъ, что идеалъ критики—произведеніе искусства, еще разъ прошедшее черезъ индивидуальное пониманіе критика. Для того, чтобы осуществился этотъ идеалъ, нужно прежде всего, чтобы критикъ самъ былъ отчасти художникомъ. Въ подтвержденіе своей мысли, Бергъ указываетъ на примѣры великихъ нѣмецкихъ писателей, которые были одновременно и художниками, и критиками—какъ Гёте, Шиллеръ, Людвигъ Тикъ. Критикъ долженъ соединять въ себѣ разрушительную силу съ творческой. Эта мысль не нова; уже Тэнъ утверждалъ, что критикъ — неудавшійся поэтъ, и Бергъ повторяетъ въ данномъ случаѣ старую истину—очевидно имѣя въ виду, что въ Германіи она неизвѣстна или забыта.

Бергъ говоритъ о различныхъ родахъ критики, группируя ихъ по отношенію писателя къ своему сюжету: критикъ можетъ подчинять себя разбираемому произведенію или изучаемому автору: это критика описательная, біографическая, разъясняющая, защищающая; она имѣетъ несомнѣнное историко-литературное значеніе. Или же критикъ ставитъ себя выше своего сюжета,—это критика полемическая, доктринальная, ограничительная, раскрывающая. Выше этихъ двухъ родовъ Бергъ ставитъ третій—идеалистическую критику, которая подчиняетъ и сюжетъ, и самоё себя третьему, высшему началу, существующему не какъ реальная дѣйствительность, а какъ отвлеченная идея. Этимъ третьимъ, объединяющимъ критика и его сюжетъ началомъ можетъ быть искусство, философская или религіозная истина, идея высшей нравственности, красота и т. д. Бергъ перечисляетъ еще много другихъ родовъ критики, имѣющихъ своихъ представителей въ литературѣ,—говоритъ о „возсоздающей" критикѣ (каково,

Digitized by Google

напр., разъясненіе Гамлета въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“ Гёте), о чисто художественной, занимающейся изученіемъ и оцѣнкой формъ, о діалектической (методъ Лессинга), исторической, психологической и т. д. Онъ упоминаетъ и о догматическомъ методѣ, который превращаетъ критика въ судью, исходящаго изъ понятія цѣлесообразности въ искусствѣ; типичный представитель ея—Франциск Сарсэ, который считалъ единственнымъ вѣрнымъ критеріемъ для своихъ оцѣнокъ—потребности и вкусы средняго читателя и средняго зрителя. Но всѣ эти различія критическихъ методовъ Бергъ сводитъ къ двумъ основнымъ родамъ: творческая (schöpferische) критика, и та, которая возбуждаетъ къ творчеству (die anregende). Существованіе твердыхъ критеріевъ онъ отвергаетъ, требуя только отъ критиковъ идейнаго содержанія и непремѣннаго сочетанія художественности, т.-е. созидательной силы, съ критическимъ анализомъ, т.-е. разрушительной силой. Это—его основное положеніе въ пониманіи критики: „Творчество есть разрушеніе, и разрушеніе—творчество, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на то и другое. Искусство становится критикой въ минуты скептицизма и у художника, обладающаго скептическимъ умомъ; творческій умъ превращаетъ критику въ созидательное искусство“. Для того, чтобы могъ осуществиться этотъ идеалъ критики, она должна быть ограждена отъ всякихъ внѣшнихъ препятствій и вмѣшательствъ—должна быть свободной. До тѣхъ поръ, пока въ Германіи этой свободы не наступитъ, критика будетъ все болѣе сводиться къ репортерству, не имѣющему никакого литературнаго значенія.

Въ очеркѣ „о психологіи дилеттантства“ Бергъ защищаетъ довольно оригинальную мысль. Онъ не считаетъ дилеттантство пагубнымъ для искусства, а напротивъ того, считаетъ его составной частью искусства. Есть три условія художественнаго совершенства: желаніе создать нѣчто истинно художественное, умѣнье сдѣлать это—и наконецъ достиженіе желаемаго. Пагубны для искусства лишь ремесленность и пошлость, когда дѣло идетъ о достиженіи не совершенства, а только внѣшняго успѣха—какими угодно и возможно легкими средствами; когда при созиданіи художественнаго произведенія нѣтъ ни желанія служить искусству, ни умѣнья. Истинный дилеттантъ—кто обладаетъ однимъ изъ двухъ средствъ, ведущихъ къ совершенству: или волей, лишенной таланта, или талантомъ, плохо направленнымъ волей. Истинное искусство не можетъ быть результатомъ такой половинчатости, но во всякомъ случаѣ это путь къ художественной правдѣ. Всякій художникъ, къ тому же, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—непремѣнно дилеттантъ, такъ какъ искусство требуетъ всесторонности, недостижимой для человѣческихъ силъ. Есть, конечно, дилеттантизмъ другого рода—и очень пагубный для искусства. Онъ порождается успѣхомъ произведеній, не

Digitized by Google

имѣющихъ особенныхъ достоинствъ. Этотъ успѣхъ заражаетъ людей, еще менѣе способныхъ создать нѣчто художественное,—и тогда начинается торжество дилетантства, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющаго. Защищая дилетантство въ высшемъ смыслѣ этого слова, Бергъ является, конечно, ярымъ противникомъ дилетантства, порожденнаго пошлостью и неразвитостью общества.

Бергъ занимается еще въ своей книгѣ вопросомъ объ отличіи истинной нравственности отъ того катехизиса морали, который считается обязательнымъ для художниковъ и писателей. Бергъ требуетъ для искусства полной свободы, для живописцевъ—права изучать и изображать человѣческое тѣло, и придаетъ большое значеніе эротическимъ мотивамъ въ искусствѣ. Въ общемъ книга его интересна главнымъ образомъ какъ историческій документъ; она ярко освѣщаетъ положеніе искусства и литературы въ Германіи и производитъ впечатлѣніе искренняго „cri de coeur“ писателя, которому тяжело дышется среди окружающей его полу-интеллигентной толпы.

II.

W. C. Morrow. Le singe, l'idiot et autres gens. Отр. 300. Paris, 1901.

В. С. Морроу — американскій писатель, изъ семьи французскаго происхожденія. Онъ живетъ въ Санъ-Франциско, пишетъ въ большихъ американскихъ газетахъ статьи по текущимъ вопросамъ, и кромѣ журнальныхъ работъ извѣстенъ оригинальными разсказами и повѣстями. Сборникъ его разсказовъ: „The ape, the idiot and other people“, имѣлъ большой успѣхъ въ Америкѣ и Англіи—и въ настоящее время появился въ прекрасномъ французскомъ переводѣ. Французы — уже вслѣдствіе затрудненій, которыми обставлены переводы со всѣхъ языковъ кромѣ русскаго—переводятъ лишь наиболѣе выдающіяся произведенія иностранныхъ литературъ, и потому самое появленіе разсказовъ Морроу по-французски довольно знаменательно: американскій разсказчикъ перестаетъ быть мѣстной знаменитостью, превозносимой въ угоду національной гордости, и входитъ въ кругъ писателей международныхъ. Французское изданіе разсказовъ Морроу представляетъ поэтому особый интересъ,—оно даетъ возможность судить объ авторѣ съ общелитературной точки зрѣнія, а не какъ о писателѣ, имѣющемъ значеніе только для своей страны.

Стоитъ прочесть одинъ или два разсказа Морроу, чтобы убѣдиться въ его принадлежности къ школѣ Эдгара По. Великій американскій поэтъ ввелъ новый элементъ въ литературу: всю силу своей неисчер-

Digitized by Google

паемой фантазіи онъ направлялъ на возбужденіе чувства ужаса. Творчество его—не безсознательное, а точно расчитанное, намѣренное; онъ всегда имѣетъ въ виду дѣйствіе своихъ словъ, хочетъ поработить себѣ читателя, играть на его нервахъ какъ на послушномъ инструментѣ, вызывая именно тѣ настроенія, которыя онъ желаетъ вызвать. Общее впечатлѣніе ужаса, производимое его разсказами, не является прямымъ слѣдствіемъ его необузданной мрачной фантазіи. Напротивъ того, это сознательная цѣль, которую онъ достигаетъ и силой своего творчества, и главнымъ образомъ своей виртуозностью, своей мастерской техникой. Казалось бы, что эта сознательность художественныхъ пріемовъ должна производить впечатлѣніе искусственности и расхолаживать читателя. Эдгаръ По, однако, становится властелиномъ читателя и не даетъ ему ни на минуту возможности освободиться отъ гипноза. Это происходитъ оттого, что за искусственностью пріемовъ таится нѣчто стихійное—и оно роднитъ читателя съ художникомъ. Въ душѣ Эдгара По живетъ безграничное чувство ужаса, чуткое и острое сознаніе всѣхъ безднъ, всей тайны человѣческаго бытія. Все, что онъ пишетъ, проникнуто неотступной мыслью о таинственности всего существующаго, объ ужасахъ, которыми мы окружены, изъ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть исхода. Мы забываемъ о нихъ, и только потому можемъ жить спокойной, свѣтлой жизнью. Но въ насъ спитъ чувство, которое связываетъ насъ съ окружающей тайной; чувство это—страхъ, и стоитъ разбудить его въ насъ, чтобы намъ все казалось грознымъ и непонятнымъ, чтобы исчезли границы между возможнымъ и невозможнымъ и явилась вѣра въ самое несбыточное, почти противорѣчащее законамъ явленій; потому что и самое обыденное, осязательное, становится подъ вліяніемъ страха—и его крайней степени, ужаса — непостижимымъ и таящимъ въ себѣ грозныя опасности. На этомъ чувствѣ построено все творчество Эдгара По, и виртуозность его пріемовъ утрачиваетъ чисто внѣшній характеръ, отражая глубокую психологическую правду.

Новизна Эдгара По заключалась, такимъ образомъ, въ самой основѣ его творчества. Но и техническая сторона его произведеній представляетъ много особенностей. Онъ совершенно отрѣшился отъ грубыхъ пріемовъ воздѣйствія на нервы, и никакихъ сенсаціонныхъ фантастическихъ выдумокъ, никакой небывальщины нѣтъ въ его разсказахъ. Онъ имѣетъ въ виду скептическій умъ современнаго культурнаго человѣка и никогда не прибѣгаетъ къ сказочнымъ чудесамъ, не имѣющимъ власти надъ разсудительнымъ и трезвымъ воображеніемъ. Но фантазія его нашла новый источникъ,—онъ открываетъ чудесное въ обыденныхъ явленіяхъ, въ жизни, въ чувствахъ и страстяхъ сложной современной дѣйствительности, въ томъ, что возможно и что слу-

Digitized by Google

чается въ условіяхъ правильнаго культурнаго существованія, что совмѣстимо даже съ научными теоріями; онъ какъ бы вкрадывается въ довѣріе читателя необычайной точностью своихъ первыхъ посылокъ, придаетъ вымыслу характеръ строгой фактической правды, обставляетъ изложеніе событій документами и научными доказательствами. Потомъ, когда читатель вполнѣ освоился съ его посылками и повѣрилъ мастерскому разсказу, авторъ постепенно вводитъ его въ область предположеній, продолжая строго обосновывать каждый дальнѣйшій выводъ, подавляя богатствомъ фактическихъ подробностей, хотя и оставаясь въ предѣлахъ правдоподобности. И уже тогда, когда читатель окончательно зачарованъ, авторъ дѣлаетъ незамѣтный скачокъ въ область чистой фантазіи, причемъ логическая связь со всѣми предшествующими посылками вполнѣ сохранена, и фантастическій вымыселъ является какъ будто послѣднимъ крайнимъ выводомъ изъ всего предыдущаго. Въ этомъ заключается тайна обаянія По и успѣха его виртуознаго метода. Онъ ищетъ образовъ для воплощенія чувства ужаса, царящаго въ его душѣ, — и находитъ ихъ въ происшествіяхъ, совмѣстимыхъ съ нормальными условіями человѣческой жизни, только доведенныхъ до крайнихъ предѣловъ, въ которыхъ они становятся фантастическими.

Такова сущность и пріемы творчества Эдгара По. Сочетаніе мистицизма съ твердымъ логическимъ умомъ, требующимъ обоснованности и даже научности въ самыхъ смѣлыхъ порывахъ фантазіи, сдѣлало По однимъ изъ наиболѣе интересныхъ поэтовъ въ новѣйшей литературѣ, учителемъ цѣлаго поколѣнія художниковъ и писателей. Къ самымъ выдающимся его послѣдователямъ, очень сильно отразившимъ его вліяніе въ своихъ произведеніяхъ, принадлежатъ Бодлэръ, Вилье-де-Лиль-Аданъ, англійскій писатель Льюисъ Стевенсонъ. Всѣ они, слѣдуя его примѣру, искали чуднаго въ обыденномъ, стремились возбуждать ужасъ, не уклоняясь отъ вѣроятности, и дѣлали все болѣе и болѣе изысканной художественную форму изложенія. Различіе между американскимъ писателемъ и его французскими и англійскими послѣдователями заключается въ томъ, что послѣдніе большей частью придаютъ сатирическую окраску вымысламъ фантазіи и пользуются своимъ талантомъ для обличенія разныхъ темныхъ сторонъ культурной жизни. Эдгаръ По, напротивъ того, настолько поглощенъ глубокимъ трагизмомъ жизни, что внѣшніе диссонансы не задѣваютъ его; его фантазія совершенно свободна отъ всякой „actualité“. Онъ предпочитаетъ для своихъ разсказовъ романтичную обстановку внѣ пространства и времени—и тѣмъ самымъ возможную для всѣхъ временъ, или же, говоря о жизни въ современныхъ городахъ, описываетъ происшествія столь глубоко трагическія, что всякое критическое отношеніе къ описываемымъ нра-

Digitized by Google

вамъ исчезаетъ передъ раскрывающимся трагизмомъ положеній и чувствъ.

На родинѣ Эдгара По послѣдователи его болѣе склонны слѣдовать его мрачной фантазіи, не примѣшивая къ ней ироніи и сарказма. Морроу—одинъ изъ новѣйшихъ представителей манеры Эдгара По. Въ его разсказахъ есть сильная мѣстная окраска: онъ говоритъ о Калифорніи и ея обитателяхъ, о происшествіяхъ возможныхъ въ странѣ, гдѣ еще такъ силенъ духъ приключеній,—но онъ совершенно не судитъ своихъ соотечественниковъ, не занимается психологіей людей, въ которыхъ сохранилось еще много стихійнаго, несмотря на быстрый ростъ культурной жизни и научнаго прогресса. Въ этой жизни, открытой для самыхъ разнообразныхъ неожиданностей и приключеній, онъ видитъ только ея драматизмъ; онъ изображаетъ положенія, которыя, при всей своей правдоподобности, обнажаютъ рѣзко и выпукло ужасъ, болѣе скрытый подъ внѣшней упорядоченностью европейской жизни. Въ основѣ всѣхъ разсказовъ Морроу лежитъ исканіе самыхъ неожиданныхъ противопоставленій, драматическихъ контрастовъ, трагическихъ столкновеній. Онъ доводитъ всякое положеніе до крайнихъ предѣловъ напряженія,—и конечное столкновеніе становится трагической необходимостью. Первый разсказъ, по которому названъ и весь сборникъ, носитъ странное заглавіе: „Обезьяна, идіотъ и другіе люди“. Обезьяна, убѣжавшая изъ клѣтки, отправляется искать приключеній. Она совершаетъ рядъ подвиговъ, освобождая всѣ существа, которыя встрѣчаетъ на пути. Обезьяна стала понимать радость свободы, побывавъ въ плѣну у людей,—и по своей стихійной склонности повторять все однажды испытанное, видѣнное и сдѣланное, ей хочется повторять „жестъ освобожденія“, доставившій ей самой столько радости,—хочется ломать рѣшотки, открывать запертыя двери. Такова въ дѣйствительности психологія наивной человѣческой натуры, которая инстинктивно хочетъ того же блага другимъ, какое считаетъ полезнымъ для себя. Освобожденія, которыя совершаетъ обезьяна, очень своеобразны: блуждая по большой дорогѣ, она приходитъ къ оградѣ пріюта для идіотовъ, видитъ за рѣшоткой существо, похожее на себя, понимаетъ, что и оно жаждетъ свободы, и, выламывая рѣшотку, увлекаетъ идіота за собой. Эта странная чета бродитъ по міру—какъ новое воплощеніе донъ-Кихота и его слуги—и приноситъ свободу другимъ существамъ, у которыхъ инстинкты также преобладаютъ надъ разумомъ. Они открываютъ дверцы клѣтки, въ которой томится плѣненный скворецъ; разрѣзываютъ ремни, прикрѣплявшіе младенца къ его колыбели, и уносятъ съ собой ребенка въ свободу лѣсовъ, и т. д. Инстинктъ становится закономъ свободной жизни. Конецъ ихъ приключеній указываетъ на

Digitized by Google

торжество инстинкта даже надъ тѣмъ, что въ предѣлахъ ограниченнаго разума кажется смертью. Обезьяна и ея спутникъ попали на кладбище и присутствуютъ при погребеніи маленькой китайской дѣвочки. Китайцы, живущіе вдали отъ родины, не закапываютъ очень глубоко своихъ мертвецовъ,—чтобы при первой возможности вырыть ихъ изъ ненавистной христіанской почвы и перенести въ родной край. Погребальная церемонія совершается; обезьяна и идіотъ присутствуютъ при ней, притаившись за могильнымъ камнемъ. Какъ только могильщики и семья умершей удалились, обезьяна и идіотъ радостно берутся за повтореніе только-что происходившихъ передъ ними дѣйствій. Работая заступомъ, они очень скоро отрываютъ дѣвочку, которая оказывается живой; смерть ея была мнимой. Ихъ освободительная миссія завершается, такимъ образомъ, истиннымъ торжествомъ;—дѣвочка возвращается въ китайскій кварталъ города, къ оплакивающей ее матери, но ея спасители снова попадаютъ въ руки людей и лишаются свободы: обезьяну водворяютъ на прежнее мѣсто, въ клѣтку, идіота запираютъ въ пріютѣ. Разсказъ написанъ очень красиво, и столкновенія между существами столь различныхъ міровъ изображены съ большой драматической силой; въ нихъ отражено многообразіе соприкосновеній между всѣмъ, что живетъ въ мірѣ своей обособленной жизнью.

Не всѣ разсказы Морроу проникнуты символическимъ замысломъ, какъ этотъ первый. Большей частью онъ изображаетъ совершенно реальныя происшествія, и сила мрачной фантазіи сказывается въ сосредоточенности трагическихъ подробностей. Одинъ изъ лучшихъ разсказовъ носитъ названіе: „Передъ бутылкой полынной водки“. Въ немъ изображены муки голодающаго человѣка: Кимберлинъ ничего не имѣлъ во рту три дня, и физическія муки голода доводятъ его до галлюцинацій; онъ бродитъ вокругъ ресторановъ, впитываетъ въ себя запахъ вкусной пищи и еще болѣе изнемогаетъ и страдаетъ. У порога одного питейнаго дома онъ встрѣчаетъ страннаго съ виду незнакомца, который зоветъ его съ собой, усаживается съ нимъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, предлагаетъ ему выпить вмѣстѣ и поиграть въ кости. Кимберлинъ, уже возбужденный голодомъ, совершенно теряетъ всякое самообладаніе и дѣйствуетъ какъ во снѣ: незнакомецъ далъ ему деньги, и Кимберлинъ пошелъ къ прилавку, купилъ водки и принесъ ее въ кабинетъ; незнакомецъ почему-то боится звать слугу, и Кимберлинъ долженъ самъ принести водку и кости для игры. Первый стаканъ опьяняетъ измученнаго голодомъ Кимберлина, который не рѣшается попросить поѣсть. Они начинаютъ играть; Кимберлинъ выигрываетъ огромныя суммы денегъ; незнакомецъ вынимаетъ одну за другой пачки банковыхъ билетовъ и проигрываетъ,

Digitized by Google

удвоивая ставки. Наконецъ поставлена огромная ставка, причемъ незнакомецъ заявляетъ, что это послѣднія его деньги—или онъ отыграетъ все свое состояніе, или все потеряетъ. На столѣ между игроками лежатъ сорокъ-восемь тысячъ долларовъ—и Кимберлинъ проигрываетъ. Онъ опять безъ гроша, не успѣвъ воспользоваться своимъ неожиданнымъ сказочнымъ богатствомъ для того, чтобы поѣсть. Нужно опять идти въ пространство голоднымъ. Кимберлинъ встаетъ и заявляетъ своему собесѣднику о томъ, что намѣренъ уйти,—но останавливается, услышавъ странный разговоръ за перегородкой. Два сыщика говорятъ объ ускользнувшемъ отъ нихъ смѣломъ ворѣ, похитившемъ сорокъ-восемь тысячъ долларовъ изъ банка. Кимберлинъ понимаетъ, что странный незнакомецъ и есть исчезнувшій воръ. Онъ смотритъ на него—и приходитъ въ ужасъ отъ его остановившагося стекляннаго взгляда. Кимберлину приходитъ въ голову дикая мысль: взять лежащія на столѣ деньги и уйти съ ними. Это такъ просто:—собственникъ денегъ ничего не видитъ и не слышитъ. Кимберлинъ чувствуетъ, что его какъ бы что-то ударило въ голову: ему кажется, что онъ уже на улицѣ, съ цѣлымъ сокровищемъ въ карманѣ,—онъ будетъ ѣсть, ѣсть безъ конца. Онъ мечтаетъ о грудѣ яствъ, о всевозможныхъ лакомствахъ, но ему всего мало, онъ не можетъ ни на чемъ остановиться,—ему нужно бо̀льшаго; передъ его глазами мелькаютъ рестораны, съ выставленными въ окнахъ блюдами, но онъ идетъ дальше, ищетъ лучшаго, большихъ количествъ ѣды. Ему кажется, что онъ выросъ, что онъ становится все болѣе высокимъ, что всѣ вокругъ превратились въ карликовъ. Улицы расширились, звѣзды затмили электричество, воздухъ полонъ ароматовъ, слышатся сладчайшіе звуки музыки, и Кимберлинъ самъ хохочетъ, поетъ и игра̀етъ. Черезъ нѣсколько времени сыщики, узнавъ отъ хозяина питейнаго дома о двухъ странныхъ посѣтителяхъ, запершихся въ отдѣльномъ кабинетѣ, стучатся туда, взламываютъ дверь, не получивъ отвѣта, и видятъ обоихъ игроковъ, застывшихъ въ той позѣ, въ какой они ставили послѣднюю ставку. Оба мертвы: одинъ умеръ отъ голода, другой—отъ ужаса, почувствовавъ, что его накрыли. Весь разсказъ построенъ на рѣзкости контрастовъ: голодная смерть становится тѣмъ болѣе страшной, что она происходитъ передъ близостью богатства, а таинственный грабитель умираетъ отъ ужаса въ тотъ моментъ, когда сыщики хотятъ уйти, отчаявшись найти ловкаго преступника. И въ самой встрѣчѣ двухъ людей, у которыхъ—по разнымъ причинамъ—напряженность чувствъ доходитъ до трагизма, есть нѣчто роковое, сцѣпленіе надежды и страха, полноты жизни и момента смерти.

Лучшіе разсказы Морроу—всѣ въ томъ же родѣ. Трагизмъ великой надежды, разбитой почти въ самый моментъ ея осуществленія, пред-

Digitized by Google

ставленъ въ „Золотой усыпальницѣ“: человѣкъ, дошедшій до безумія въ своей жаждѣ найти сокровище, испытываетъ моментъ величайшаго экстаза; онъ не хочетъ золота, добываемаго мелкими частицами изъ руды, и ждетъ, чтобы разверзлась гора, которую онъ считаетъ хранительницей несмѣтныхъ сокровищъ, и чтобы глыбы золота открылись ему сами собой. Сильное землетрясеніе исполняетъ его мечту: гора дала трещину, и въ ней искатель клада замѣчаетъ желтую сверкающую отполированную массу,—это и есть желанное золото. Но его блаженство служитъ и причиной его гибели: онъ отважно идетъ вглубь горы за кладомъ, но второй ударъ потрясаетъ гору и погребаетъ искателя подъ грудами найденнаго имъ золота. Внезапная встрѣча непримиримыхъ враговъ и двоякій исходъ этого столкновенія—или завершенная месть, или внезапное превращеніе ненависти въ любовь—служатъ мотивомъ двухъ другихъ разсказовъ: „Заключенный“ и „Непримиримый врагъ“. Оба разсказа изобилуютъ трагическими подробностями и ужасами, и напряженіе стихійныхъ инстинктовъ представлено какъ источникъ творческой силы въ человѣкѣ. Въ сборникѣ есть нѣсколько разсказовъ, въ которыхъ мрачный фантастическій вымыселъ исходитъ изъ научныхъ посылокъ: медикъ берется за фантастическіе научные опыты—и катастрофа опять вызвана столкновеніемъ непримиримыхъ элементовъ: докторъ какимъ-то научнымъ чудомъ превратилъ живого человѣка въ безформенную массу, живущую безъ вынутаго изъ головы его мозга; но это чудовище, обладающее безграничной силой, душитъ своего палача, и т. д.

Въ сборникѣ Морроу есть и сентиментальные разсказы, въ которыхъ изображено торжество добра и гуманныхъ чувствъ; но авторъ гораздо сильнѣе въ изображеніи трагизма и ужаса, царящихъ въ жизни,—и въ этомъ сказывается его близость къ Эдгару По.

З. В.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1901.

Старый, но не состарившійся вопросъ объ общеобразовательныхъ университетскихъ курсахъ.—Университетскій судъ и судъ товарищей-студентовъ.—Полемическіе пріемы реакціонной печати.—Новый учебный планъ.—Общества грамотности.—„Гражданинъ“ и А. И. Георгіевскій.—Русскія публичныя чтенія въ Парижѣ.—Еще о елизаветградскомъ уѣздѣ.—Запрещеніе „Жизни“.—С. В. Максимовъ и К. Т. Солдатенковъ †.—Post-Scriptum.

Много лѣтъ тому назадъ, когда доживалъ свои послѣдніе дни старый университетскій уставъ, одинъ изъ профессоровъ петербургскаго университета, извѣстный не только какъ ученый, но и какъ художникъ слова, напечаталъ замѣчательную статью, въ которой указалъ чрезвычайно мѣтко главный недостатокъ университетскаго строя. „Университетъ, — писалъ, въ 1883 г., Н. П. Вагнеръ [1]),—не удовлетворяетъ самой насущной, самой законной потребности человѣческаго ума. Университетская молодежь жадно ищетъ мысли, синтеза, матеріала для міровоззрѣнія или готоваго философскаго міросозерцанія—и этого не даетъ ей университетъ“. Исходя изъ этого несомнѣннаго факта, Н. П. Вагнеръ предлагалъ уменьшить на одинъ годъ продолжительность гимназическаго курса (т.-е. упразднить восьмой классъ) и предпослать спеціальнымъ факультетскимъ курсамъ (юридическому, медицинскому и т. п.) курсъ общій для всѣхъ студентовъ, обнимающій собою одинаково важные для всѣхъ образовательные предметы (исторію философіи, основы астрофизики и біологическихъ наукъ, нѣкоторыя обобщенія изъ химіи и физики, краткіе курсы сравнительнаго языкознанія, всеобщей литературы, сравнительнаго законовѣдѣнія и философіи права, краткій философскій курсъ всемірной исторіи). Голосъ г. Вагнера не былъ услышанъ; университетскій уставъ 1884 года не внесъ ничего новаго въ составъ и планъ университетскаго преподаванія. Въ 1891 г. Н. П. Вагнеръ вновь возвратился къ поднятому имъ вопросу [2]), по прежнему находя, что спеціализмъ, господствующій въ университетѣ, „давитъ естественныя и законныя требованія каждаго молодого человѣка. Наука ничего не потеряетъ и не пострадаетъ, если каждый образованный человѣкъ будетъ знать ея конечные общіе выводы, положенія и законы, и не

[1]) См. „Общественную хронику“ въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1883 г., гдѣ подробно изложенъ планъ г. Вагнера и выражено полное къ нему сочувствіе.

[2]) См. „Обществ. хронику“ въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1891 г.

Digitized by Google

будетъ знать тѣ частности, на которыхъ построены эти выводы. Человѣкъ не будетъ образованъ, если онъ не усвоитъ себѣ общихъ положеній *всѣхъ* наукъ—хотя бы онъ зналъ до тонкости всѣ спеціальности какой-нибудь *одной* науки. Онъ будетъ спеціалистомъ, техникомъ, ученымъ, но не будетъ *образованнымъ* человѣкомъ". На этотъ разъ Н. П. Вагнеръ и два товарища его по университету—Н. И. Карѣевъ и А. И. Введенскій—сдѣлали попытку перейти отъ теоріи къ практикѣ: они объявили краткіе общеобразовательные курсы по энциклопедіи естествознанія, исторіи и философіи. Само собою разумѣется, что этимъ осуществлялась лишь весьма небольшая часть первоначальнаго плана, и осуществлялась, притомъ, при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ: курсы, не входившіе въ установленную программу, могли быть посѣщаемы студентами только въ часы, свободные отъ слушанія обязательныхъ предметовъ, да и время для нихъ было отведено позднее, неудобное для большинства. Двое изъ лекторовъ (Н. П. Вагнеръ и А. И. Введенскій) скоро прекратили, по болѣзни, чтеніе объявленныхъ ими курсовъ, а курсъ Н. И. Карѣева вошелъ въ общую факультетскую схему, хотя и привлекалъ студентовъ разныхъ факультетовъ. Между тѣмъ, потребность въ общемъ образованіи постоянно растетъ, и настоящій моментъ,—если одновременно съ средней школой подвергнется преобразованію и высшая,—особенно благопріятенъ для ея удовлетворенія. Весьма кстати, поэтому, Н. И. Карѣевъ напомнилъ недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 135) о симпатичномъ опытѣ 1891 г., неудавшемся вслѣдствіе причинъ отчасти случайныхъ, отчасти коренившихся въ тогдашнихъ университетскихъ порядкахъ. Если состоится упраздненіе восьмого гимназическаго класса, то выигрываемый такимъ образомъ годъ съ наибольшей пользой можетъ быть обращенъ на расширеніе, въ указанномъ выше смыслѣ, рамокъ университетскаго преподаванія. Общая продолжительность университетскаго курса можетъ, при этомъ, и не возрасти, если—по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ факультетахъ — изученіе спеціальныхъ предметовъ будетъ ограничено тремя (или четырьмя) годами, вмѣсто нынѣшнихъ четырехъ (или пяти). На возможность такого ограниченія указываетъ примѣръ германскихъ университетовъ, а также нашихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній—училища правовѣдѣнія, александровскаго лицея, лицея Цесаревича Николая. Ее признаетъ, въ вышеупомянутой статьѣ, и Н. И. Карѣевъ, лишь бы только на старшихъ курсахъ была устранена многопредметность и введена бо̀льшая спеціализація...

Чѣмъ лучше будетъ устроена средняя школа, чѣмъ больше она будетъ давать хорошо усвоенныхъ свѣдѣній по общеобразовательнымъ предметамъ (русской литературѣ, исторіи, естествознанію, физикѣ,

Digitized by Google

отечествовѣдѣнію), тѣмъ легче станетъ организація общаго университетскаго курса, служащаго какъ бы предисловіемъ ко всѣмъ остальнымъ. Полезные результаты такого нововведенія были бы по истинѣ неисчислимы. „Представимъ себѣ, — говорили мы восемнадцать лѣтъ тому назадъ,—представимъ себѣ будущаго историка или лингвиста, едва знающаго имя Дарвина и сущность дарвинизма; можно ли назвать его достаточно приготовленнымъ къ разрѣшенію задачъ, съ которыми непремѣнно поставитъ его лицомъ къ лицу болѣе глубокое погруженіе въ собственную его спеціальность? Какъ отнесется онъ къ тѣмъ представителямъ исторической или филологической науки, исходной точкой которыхъ служитъ именно эволюціонизмъ, такъ или иначе понимаемый? Ему будетъ угрожать, очевидно, одно изъ двухъ: или игнорированіе взглядовъ, играющихъ важную роль въ избранной имъ отрасли знанія, или принятіе ихъ на вѣру, впредь до столкновенія съ теоріей, имъ враждебной. Эта теорія, въ свою очередь, можетъ стушеваться передъ другою, мотивированною съ бо̀льшею яркостью и силой—и такъ далѣе до безконечности. Кто не захочетъ ни пройти мимо вопроса, ни двигаться на чужомъ буксирѣ, тому не останется ничего иного, какъ самому приняться за изученіе дарвинизма; но всегда ли онъ, среди текущихъ, обязательныхъ занятій, найдетъ для того время и возможность, всегда ли окажется способнымъ воспринять новыя знанія съ тою легкостью, которая составляетъ преимущество молодого ума, молодой памяти? Въ такомъ же затруднительномъ положеніи можетъ очутиться и естествоиспытатель, никогда не занимавшійся философіей и чувствующій на каждомъ шагу соприкосновеніе своей науки съ философскими вопросами. Возьмемъ, наконецъ, не ученаго спеціалиста, а просто образованнаго человѣка, желающаго понимать все совершающееся кругомъ него, сознательно слѣдить, на разныхъ дорогахъ, за новыми завоеваніями научной мысли. Какому бы факультету онъ ни былъ обязанъ своимъ образованіемъ, онъ встрѣтитъ множество едва преодолимыхъ затрудненій, коренящихся именно и только въ неполнотѣ запаса, даннаго ему средней школой и университетомъ. Моментъ вступленія въ университетъ совпадаетъ, для массы молодыхъ людей, съ моментомъ наибольшей свѣжести ума, наибольшаго возбужденія любознательности; особенно привлекательнымъ представляется въ это время не изученіе подробностей, фактовъ, на которыхъ такъ долго сосредоточивалось вниманіе въ гимназіи, а знакомство съ общими законами природы и жизни. Преподаваніе, удовлетворяющее этому стремленію, было бы будильникомъ, звукъ котораго долго не умолкалъ бы въ умѣ слушателя. Глубокій интересъ лекцій наполнилъ бы собою существованіе студента и помогъ бы ему пережить, не отвлекаясь въ сторону, критическую ми-

Digitized by Google

нуту перехода отъ школьной скамьи къ академической свободѣ—а профессорамъ, оживленнымъ многочисленными, внимательными аудиторіями, легче было бы не замыкаться въ отдѣльныя, узкія клѣтки преподаваемыхъ ими предметовъ". Когда мы писали эти слова, основаній надѣяться на внесеніе новой, свѣжей струи въ университетскую жизнь не было почти вовсе; теперь обстоятельства измѣнились къ лучшему, и для тогдашней мечты приближается, быть можетъ, переходъ въ дѣйствительность.

Извѣстный юристъ и публицистъ П. Н. Обнинскій напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 148) интересную статью о „желательномъ типѣ университетскаго суда". Не касаясь подробностей плана, предлагаемаго авторомъ, остановимся только на нѣкоторыхъ его чертахъ, вызвавшихъ ожесточенныя нападки со стороны реакціонной печати. Университетскій судъ, по мнѣнію г. Обнинскаго, долженъ быть двоякій: одинъ, состоящій изъ профессоровъ—для дѣлъ о нарушеніи университетскихъ правилъ или общихъ узаконеній, ограждающихъ общественный порядокъ; другой, состоящій изъ студентовъ—для дѣлъ о поступкахъ безнравственныхъ или безчестныхъ. Систему взысканій, назначаемыхъ первымъ изъ этихъ судовъ, г. Обнинскій предлагаетъ установить примѣнительно къ уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, не включая въ нее увольненіе, удаленіе и исключеніе изъ университета; второму, товарищескому суду онъ считаетъ нужнымъ предоставить право исключенія изъ университета, съ тѣмъ, чтобы обвинительный приговоръ могъ быть обжалованъ совѣту. Изъ профессоровъ, входящихъ въ составъ перваго суда, одинъ (предсѣдательствующій) долженъ быть, по мнѣнію г. Обнинскаго, избираемъ совѣтомъ, два другіе—студентами. Нетрудно угадать, что̀ именно, во всемъ этомъ, возбудило негодованіе газетныхъ реакціонеровъ. Они недоумѣваютъ, какимъ образомъ г. Обнинскій, отказываясь отнести исключеніе изъ университета къ числу наказаній, налагаемыхъ судомъ профессоровъ, допускаетъ примѣненіе этой карательной мѣры судомъ студентовъ, т.-е. отдаетъ судьбу молодыхъ людей „въ руки нафанатизированныхъ подростковъ, готовыхъ предать казни всякаго несогласно съ ними мыслящаго"? Недоумѣніе это разрѣшается весьма просто. Нарушеніе *порядка*, отступленіе отъ установленныхъ *правилъ*,—если оно не заключаетъ въ себѣ признаковъ *преступленія*, караемаго общимъ закономъ,—нельзя ставить на одинъ уровень съ нарушеніемъ требованій *чести*. Кто виновенъ только въ первомъ, тотъ можетъ, понеся дисциплинарное взысканіе, остаться въ прежней товарищеской средѣ; для виновнаго во второмъ она

Digitized by Google

должна быть закрыта. Могутъ быть, конечно, случаи, когда наказаніе, назначенное закономъ за нарушеніе порядка, удаляетъ осужденнаго, ipso facto, изъ студенческой среды, подвергая его ссылкѣ или лишенію свободы; но вѣдь въ такихъ случаяхъ,—предусмотрѣнныхъ и г. Обнинскимъ,—наказаніе назначается не университетскимъ, а общимъ судомъ. Если оно не сопряжено съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, то нѣтъ основанія безусловно преграждать лицу, его отбывшему, обратный доступъ въ университетъ. Другое дѣло—исключеніе изъ университета за дѣйствіе, противное правиламъ чести, но не наказуемое уголовнымъ закономъ (напр. альфонсизмъ, систематическое, хотя бы и безъ прямого шулерства, обыгрыванье неопытныхъ юнцовъ, систематическая, не вслѣдствіе недостатка средствъ, неуплата долговъ, присвоеніе чужого умственнаго труда): оно является единственнымъ нормальнымъ средствомъ порвать, de jure, товарищескую связь, de facto переставшую быть возможной. Отсутствіе, въ такихъ случаяхъ, правильно организованнаго товарищескаго суда опасно какъ для самого заподозрѣннаго или обвиняемаго, такъ и для массы студентовъ: для перваго—потому что онъ лишенъ возможности оправдаться, для второй—потому что негодованіе, не находящее легальнаго исхода, легко можетъ привести къ самовольной расправѣ или къ нарушенію порядка въ стѣнахъ университета. Въ своемъ стихійномъ движеніи толпа способна пойти дальше цѣли, принять подозрѣніе за доказательство, осудить не выслушавъ защиты—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ея предубѣжденіямъ и страстямъ слѣпо подчинялись избранные ея представители. Даже „нафанатизированные“ юноши (не говоримъ: *подростки*, потому что этотъ терминъ непримѣнимъ къ нашимъ теперешнимъ студентамъ), обратясь въ *судей*, съумѣютъ освободиться отъ предвзятой мысли и, сознавая упадающую на нихъ отвѣтственность, безпристрастно и спокойно отнесутся къ своей задачѣ. Не нужно углубляться особенно далеко въ исторію студенческихъ волненій, чтобы придти къ убѣжденію, что существованіе товарищескаго суда—одинъ изъ „предохранительныхъ клапановъ“, обезпечивающихъ правильное теченіе университетской жизни. Перенести его функціи на обыкновенный университетскій (т.-е. профессорскій) судъ неудобно уже потому, что задача послѣдняго совершенно иная: онъ призванъ охранять порядокъ и дисциплину, а не понятіе корпоративной чести, выработка котораго должна быть дѣломъ самой корпораціи. Конечно, вполнѣ свободнымъ отъ увлеченій и ошибокъ товарищескій судъ не будетъ; необходимы гарантіи, и одну изъ нихъ—обжалованіе приговоровъ совѣту—мы находимъ и въ проектѣ г. Обнинскаго. Намъ кажется, что къ ней слѣдовало бы прибавить еще другую, не менѣе важную. Предусмотрѣть заранѣе всѣ виды нарушенія

Digitized by Google

корпоративной чести едва ли возможно; нельзя, слѣдовательно, установить съ полною точностью предѣлы компетентности товарищескаго суда. Между тѣмъ, самое привлеченіе къ суду можетъ нанести обвиняемому тяжелый ущербъ, нелегко вознаградимый. Отсюда необходимость предварительнаго разрѣшенія вопроса, подлежитъ ли данный поступокъ обсужденію товарищескаго суда. Въ этомъ первомъ фазисѣ дѣла хладнокровное отношеніе къ нему особенно важно—и особенно трудно: осторожнѣе, поэтому, предоставить роль обвинительной камеры коллегіи, составленной изъ профессоровъ. Участіе студентовъ въ выборѣ членовъ этой коллегіи—какъ и въ выборѣ членовъ университетскаго суда—не представляло бы, въ нашихъ глазахъ, ничего анормальнаго. Члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ постановляютъ, сплошь и рядомъ, обвинительные приговоры противъ своихъ избирателей; гдѣ же причина думать, что аналогичный образъ дѣйствій оказался бы не подъ силу профессорамъ, вошедшимъ въ составъ суда по выбору студентовъ? Большой важности этому вопросу мы, впрочемъ, не придаемъ: если выборному началу будетъ возвращено, въ средѣ университетовъ, то мѣсто, которое принадлежало ему по уставу 1863 года, то гарантіей безпристрастія судей будетъ служить и выборъ ихъ совѣтомъ.

Борьба съ противниками—одна изъ главныхъ задачъ и безспорное право періодической печати. Нельзя ставить ей въ вину ни обостренность аргументовъ, ни горячность полемическаго тона, ни даже нѣкоторую несдержанность выраженій; но для нея безусловно обязательно воздержаніе отъ попытокъ залѣзть въ чужую душу, заподозрить искренность чужихъ словъ, приписать ихъ побочнымъ мотивамъ, да еще, въ добавокъ, мотивамъ низменнаго свойства. Есть, къ сожалѣнію, газеты, не признающія—для себя—обязательности этого требованія. Не довольствуясь опроверженіемъ доводовъ г. Обинскаго, не довольствуясь указаніемъ на противорѣчіе между его прежними и нынѣшними взглядами, „Московскія Вѣдомости“ (№ 151) ставятъ вопросъ о причинѣ этого противорѣчія—и, зная по опыту, что единственнымъ отвѣтомъ со стороны допрашиваемыхъ бываетъ, въ подобныхъ случаяхъ, презрительное молчаніе, сами берутся за его разрѣшеніе. „Въ 1888-мъ году,—восклицаетъ газета, ссылаясь на статью, напечатанную г. Обинскимъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ [1]), —г. Обинскій осуждаетъ мировой судъ и приписываетъ всѣ его недостатки *выборному началу*, а въ 1901 г. онъ считаетъ выборное начало и въ судѣ, и въ университетѣ необходимымъ жизненнымъ нер-

[1]) Мы возражали противъ этой статьи въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1888 г. (Внутреннее Обозрѣніе).

Digitized by Google

вомъ и надежнѣйшимъ регуляторомъ... Въ 1888 году г. Обнинскій былъ чиновникомъ министерства юстиціи, *а потому онъ стоялъ за правительство.* Въ 1901 г. онъ только получаетъ неотъемлемую пенсію за то, что былъ чиновникомъ министерства юстиціи, *а потому онъ высказывается противъ правительства*". Такой непозволительной выходки трудно было ожидать даже отъ „Московскихъ Вѣдомостей". Къ игрѣ понятіями, посредствомъ которой защита выборнаго начала отождествляется съ противодѣйствіемъ правительству, мы уже привыкли, сама по себѣ она бы насъ не удивила; но къ ней присоединяется на этотъ разъ нѣчто иное, гораздо худшее. Что̀ сказала бы московская газета, еслибы кто-нибудь сталъ доискиваться сокровенныхъ причинъ перемѣны, происшедшей во взглядахъ М. Н. Каткова, и нашелъ бы ихъ въ обстоятельствахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ естественной эволюціей убѣжденій? А между тѣмъ, эта перемѣна гораздо глубже и шире той, которая произошла въ мнѣніяхъ г. Обнинскаго. Послѣдняя касается одного частнаго вопроса, первая—почти всѣхъ главныхъ основъ русской государственной и общественной жизни. П. Н. Обнинскій всегда былъ и не перестаетъ быть поклонникомъ великихъ реформъ, защитникомъ новаго судебнаго строя; М. Н. Катковъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, сжигалъ все, чему поклонялся четвертью вѣка раньше... Чтобы понять, почему г. Обнинскій примирился съ выборнымъ судомъ, стоитъ только припомнить все пережитое нами за послѣднія тринадцать лѣтъ, стоитъ только сравнить дѣйствующія судебно-административныя учрежденія съ мировымъ институтомъ, созданнымъ судебными уставами императора Александра II-го. Поводовъ къ тому, чтобы убѣдиться въ ошибочности нападеній на выборный мировой судъ, у г. Обнинскаго оказалось болѣе чѣмъ достаточно—и онъ откровенно призналъ свою ошибку [1]). Чтобы перетолковать въ дурную сторону нѣчто столь понятное и простое, нужно особое умѣнье—умѣнье предполагать во всемъ и во всѣхъ только мелкое, низкое и пошлое; но обладатели такого умѣнья вредятъ гораздо больше самимъ себѣ, нежели тѣмъ, противъ которыхъ оно направлено. Репутація П. Н. Обнинскаго установлена слишкомъ прочно, чтобы ее могли поколебать навѣты „Московскихъ Вѣдомостей". Вся литературная дѣятельность его, до и послѣ оставленія имъ государственной службы, составляетъ одно стройное цѣлое, гармонію котораго не можетъ нарушить неодинаковое, на разстояніи десяти слишкомъ лѣтъ, отношеніе къ одному частному вопросу.

---

[1]) См. статью П. Н. Обнинскаго въ сборникѣ: „Выборный мировой судъ" (Спб., 1898).

Digitized by Google

Нѣсколько дней спустя послѣ окончанія работъ коммиссіи П. С. Ванновскаго въ газетахъ появились свѣдѣнія о проектированныхъ ею программахъ единой школы. Интересно сравнить ихъ съ нынѣ дѣйствующимъ гимназическимъ учебнымъ планомъ. Число уроковъ Закона Божія въ каждомъ классѣ остается прежнее. Латинскому языку, изученіе котораго начинается только въ четвертомъ классѣ (теперь—въ первомъ) отводится 16 часовъ (теперь—42), русскому языку, съ словесностью и логикой—30 часовъ (теперь, въ восьми классахъ—29), математикѣ, съ космографіей—30 (теперь 29), физикѣ—9 (вмѣсто 7), исторіи—19 (вмѣсто 13), географіи и отечествовѣдѣнію—15 (вмѣсто 8), новымъ языкамъ—36 (вмѣсто 38; но обязательнымъ было до сихъ поръ изученіе одного только новаго языка, при 19 часахъ), чистописанію, рисованію и *черченію* (послѣднее теперь въ гимназіяхъ не преподается вовсе)—20 (вмѣсто 10). Вновь вводятся естествовѣдѣніе (9 часовъ) и законовѣдѣніе (4 часа). Изъ 16 часовъ, назначенныхъ въ латинскомъ отдѣленіи на латинскій языкъ, въ реальномъ отдѣленіи 6 часовъ идутъ на усиленіе преподаванія естествовѣдѣнія, 10—черченія и рисованія. Въ первомъ, второмъ и третьемъ классахъ ученики будутъ заняты по 26 часовъ въ недѣлю, въ четвертомъ—32 часа, въ пятомъ, шестомъ и седьмомъ—по 33, а всего 209 часовъ [1]) (теперь въ первыхъ семи классахъ гимназіи число часовъ равняется для обучающихся обоимъ новымъ языкамъ—196, одному французскому—179, одному нѣмецкому—180; maximum часовъ въ недѣлю—29, minimum—23). Тридцать-три часа въ недѣлю—это, среднимъ числомъ, $5^1/_2$ часовъ въ день; даже въ трехъ младшихъ классахъ на каждый день приходится больше 4 учебныхъ часовъ. Мы сказали бы, что это слишкомъ много, еслибы не были увѣрены, что увеличивающаяся продолжительность учебнаго дня будетъ уравновѣшена съ одной стороны бо̀льшею привлекательностью и разнообразіемъ ученья, съ другой—болѣе правильнымъ распредѣленіемъ учебнаго времени (напр. введеніемъ болѣе продолжительнаго полуденнаго отдыха), бо̀льшею заботливостью о пищѣ приходящихъ учениковъ и бо̀льшимъ развитіемъ физическихъ упражненій (гимнастики, маршировки, ручного труда), на которыя предполагается назначить по 20 часовъ въ недѣлю... Къ измѣненію учебныхъ плановъ министерство народнаго просвѣщенія намѣрено приступить, въ видѣ временной мѣры, съ самаго начала

[1]) Цифру 209 мы находимъ какъ въ „Россіи“, такъ и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, и она соотвѣтствуетъ суммѣ недѣльныхъ часовъ во всѣхъ семи классахъ; но если сложить цифры уроковъ по предметамъ (также одинаковыя въ обѣихъ газетахъ), то выходитъ не 209, а 202. Которая изъ этихъ цифръ соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Если первая, то желательно было бы знать, какіе учебные часы пропущены въ вышеприведенномъ перечнѣ уроковъ.

Digitized by Google

наступающаго учебнаго года: предполагается, между прочимъ, прекратить въ первомъ и второмъ классахъ преподаваніе латинскаго, въ третьемъ и четвертомъ—преподаваніе греческаго языка.

Занятія коммиссіи П. С. Ванновскаго возобновятся осенью: она не успѣла разрѣшить включенные въ ея программу вопросы о начальной школѣ и о женскомъ образованіи. Къ этому же времени будутъ получены, вѣроятно, отзывы университетовъ и другихъ высшихъ школъ о реформѣ высшаго образованія. Работы предстоитъ еще много, и можно только пожелать, чтобы всѣ послѣдующіе ея фазисы закончились столь же успѣшно и столь же скоро, какъ и первый, касавшійся средней школы. Вообще, наслѣдство, полученное нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія отъ его предшественниковъ, весьма велико и весьма сложно. На очереди стоитъ, между прочимъ, вопросъ объ обществахъ грамотности, такъ неудачно замѣнившихъ собою, въ 1896 г., упраздненные комитеты грамотности (московскій и петербургскій). Необходимо опять ввести въ оборотъ ту массу полезнаго труда, которую давала и можетъ давать правильно организованная общественная забота о народномъ образованіи. Достигнуть этой цѣли можно только возстановленіемъ самостоятельности обществъ: пускай они подлежатъ строжайшему контролю, но пускай избираютъ сами своихъ членовъ и свое управленіе. Этому основному условію не соотвѣтствуетъ проектъ новаго устава московскаго общества грамотности, содержаніе котораго было недавно оглашено въ печати [1]). Предсѣдатель общества назначается министромъ народнаго просвѣщенія и можетъ быть имъ же смѣщенъ; товарищъ предсѣдателя и восемь членовъ правленія избираются обществомъ, но въ составъ правленія, кромѣ того, обязательно входятъ одинъ изъ инспекторовъ учебнаго округа, одинъ директоръ и одинъ инспекторъ народныхъ училищъ, представитель мѣстной администраціи (по назначенію губернатора) и одинъ изъ профессоровъ университета. На девять избранныхъ (подъ условіемъ утвержденія министромъ) приходится, такимъ образомъ, шесть назначенныхъ членовъ. При такомъ составѣ правленія трудно ожидать отъ него единодушной, дружной и, слѣдовательно, плодотворной дѣятельности. Извѣстный просторъ, извѣстное довѣріе—это атмосфера, внѣ которой общество не можетъ развиваться, не можетъ, иногда, даже возникнуть. Московское юридическое общество, напримѣръ, до сихъ поръ не открылось вновь—очевидно, вслѣдствіе условій, которыми бывшій министръ народнаго просвѣщенія обставилъ его возрожденіе [2]), и московскій университетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся Мо-

[1]) См. „Россія“, № 752.

[2]) См. „Обществ. хронику“ въ №№ 8 и 9 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

Digitized by Google

ства, уже цѣлыхъ два года лишены существенно важнаго звена въ цѣпи просвѣтительныхъ учрежденій. Будемъ надѣяться, что въ этой области совершится такой же поворотъ къ лучшему, какъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія.

Для новаго дѣла нужны и новые люди. Въ теченіе мая мѣсяца министерство народнаго просвѣщенія оставили товарищъ министра, Н. А. Звѣревъ, и предсѣдатель ученаго комитета, членъ совѣта министра, А. И. Георгіевскій; и тотъ, и другой назначены сенаторами. Особенно важную роль игралъ послѣдній, не безъ основанія считавшійся, вмѣстѣ съ М. Н. Катковымъ, П. М. Леонтьевымъ и Н. А. Любимовымъ, главной опорой гимназическаго классицизма и главнымъ противникомъ университетскаго устава 1863-го года. Его уходъ внушилъ „Гражданину“ одну изъ тѣхъ статей, въ которыхъ кн. Мещерскій — самъ или въ лицѣ своихъ сотрудниковъ — нежданно-негаданно перестаетъ быть тѣмъ, что онъ есть, и является выразителемъ чуждыхъ ему обыкновенно взглядовъ. Вотъ что мы читаемъ въ № 37 „Гражданина“: „изъ министерства ушелъ совсѣмъ необыкновенный человѣкъ, представлявшій собою тридцать лѣтъ несокрушимый авторитетъ, гипнозу котораго подчинялись съ рабскою покорностью всѣ министры народнаго просвѣщенія, начиная съ графа Толстого, и подчинялись въ самомъ невѣроятномъ и въ самомъ существенномъ — въ примѣненіи ко всей гражданской школѣ ужаснаго принципа безличія, благодаря которому, во-первыхъ, изъ школы было изгнано воспитаніе юношества, какъ задача государства, во-вторыхъ, введена система средняго классическаго образованія на началахъ желѣзнаго педантизма и мертваго формализма, и въ-третьихъ, совсѣмъ изгнано изъ школы сердечное участіе къ судьбѣ учащагося юноши. Чтобы все это совершить и поддержать въ второстепенной роли совѣтника, при рядѣ министровъ разныхъ характеровъ и разныхъ взглядовъ, начиная съ желѣзнаго графа Толстого, и кончая мягкосердечнымъ гр. Деляновымъ, у всѣхъ заставить сердце не биться любовью къ молодежи, руководя ея ученіемъ, надо было быть необыкновеннымъ человѣкомъ... И такимъ и былъ А. И. Георгіевскій во все время своего фактическаго 30-лѣтняго диктаторства въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Не было директора гимназіи, инспектора, учителя въ вѣдомствѣ гражданской школы, который въ теченіе этихъ 30 лѣтъ не подчинялъ свою душу долгу—усердіе по службѣ и исполненіе воли начальства видѣть въ атрофіи сердца къ учащемуся юношеству. И тотъ ужасный типъ вицъ-мундирнаго педагога, который за эти 30 лѣтъ создался на всемъ пространствѣ русской земли, типъ человѣка, превратившаго учащагося юношу въ бальную отмѣтку, насажденъ на почвѣ русской школы этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ“. Въ этой характеристикѣ

Digitized by Google

намъ кажется спорнымъ лишь одно: едва ли гр. Д. А. Толстой *подчинялся*, хотя бы и не рабски, А. И. Георгіевскому. Главная, рѣшающая роль во всѣхъ мѣропріятіяхъ министерства народнаго просвѣщенія съ 1866 по 1880 г. принадлежала, безъ сомнѣнія, самому министру.

Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ наши университеты понесли длинный рядъ чувствительныхъ потерь, при обстоятельствахъ, о которыхъ даетъ понятіе документъ, напечатанный въ недавней статьѣ А. С. Фаминцына (см. іюньскую книжку „Вѣстника Европы", стр. 775). Мы вспомнили объ этихъ потеряхъ, когда прочли въ парижской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 161) о публичныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ въ Парижѣ для русскихъ слушателей. Задуманныя первоначально русской группой международной выставочной школы, эти лекціи продолжались цѣлый годъ, имѣли большой успѣхъ и внушили мысль—близкую къ осуществленію—объ открытіи въ Парижѣ постоянной „русской высшей школы общественныхъ наукъ". Между лекторами, уже выступавшими и ожидаемыми, мы встрѣчаемъ имена М. М. Ковалевскаго, А. И. Чупрова, Ю. С. Гамбарова, Н. И. Карѣева, И. И. Мечникова, Е. В. Де-Роберти, А. А. Исаева, Н. А. Котляревскаго. Само собою разумѣется, что мы отъ души сочувствуемъ новому учрежденію; но не обидно ли думать, что многимъ изъ вышеназванныхъ лицъ закрытъ доступъ къ русской университетской каѳедрѣ? Не слѣдовало ли бы признать за ними право, котораго они были лишены при увольненіи—право узнать, въ чемъ именно ихъ обвиняютъ, и представить, затѣмъ, возраженія противъ обвиненій? Вѣдь въ этомъ правѣ не отказываютъ обвиняемымъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Весьма вѣроятно, что безпристрастное разслѣдованіе повлекло бы за собою возвращеніе университетамъ если не всѣхъ, то многихъ потерянныхъ ими научныхъ силъ. Выдающимися учеными Россія не такъ богата, чтобы лишать хотя бы одного изъ нихъ, безъ достаточной причины, возможности работать на русской почвѣ.

Въ „Финляндской газетѣ" напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе: „Государю Императору 7-го (20-го) іюня с. г. благоугодно было Всемилостивѣйше соизволить на ходатайство консисторіи гельсингфорсскаго александровскаго университета объ уравненіи правъ женщинъ съ правами мужчинъ по отношенію къ вступленію въ императорскій университетъ въ Финляндіи освобожденіемъ ихъ отъ обязанности испрашивать у вице-канцлера особое разрѣшеніе на подачу ректору университета прошенія о допущеніи къ вступительному экза-

Digitized by Google

мену". Нѣкоторыя русскія газеты усматриваютъ въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи разрѣшеніе „допускать въ гельсингфорсскій университетъ лицъ обоего пола на равныхъ правахъ" и черпаютъ въ немъ надежду, что въ скоромъ времени то же основное начало будетъ примѣнено и къ русскимъ университетамъ. Мы очень желали бы раздѣлять эту надежду, но основаніе, на которомъ она построена, кажется намъ крайне шаткимъ. Высочайшее повелѣніе 7-го (20-го) іюня не вводитъ въ порядки гельсингфорсскаго университета ничего существенно новаго: въ студенты этого университета женщины допускаются уже давно, и онѣ освобождены теперь лишь отъ соблюденія одной формальности, требовавшейся отъ нихъ при вступленіи въ университетъ. Только въ этомъ и заключается „уравненіе", о которомъ идетъ рѣчь въ Высочайшемъ повелѣніи 7-го (20-го) іюня. Радостное волненіе, вызванное имъ въ русской прессѣ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что въ нашемъ обществѣ широко распространено желаніе видѣть доступъ въ университеты открытымъ для женщинъ наравнѣ съ мужчинами.

Въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ намъ нѣсколько разъ приходилось говорить о печальномъ положеніи нѣкоторыхъ селеній елизаветградскаго уѣзда (херсонской губерніи), сильно пострадавшаго отъ неурожая. Мѣсяцъ тому назадъ, въ газетахъ появилось правительственное сообщеніе, заключающее въ себѣ подробный обзоръ продовольственнаго дѣла въ этомъ уѣздѣ. По словамъ сообщенія, „продовольственная нужда населенія елизаветградскаго уѣзда, равно какъ потребность въ обсѣмененіи яровыхъ полей, удовлетворены, и прискорбныя явленія, выразившіяся въ распространеніи эпидеміи брюшного тифа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и обнищаніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ семействъ, не могутъ быть признаны послѣдствіемъ исключительно неурожая и не имѣютъ непосредственной съ нимъ связи. Посему и принимая въ соображеніе, что какъ предупрежденіе отдѣльныхъ случаевъ нищеты, имѣющихъ мѣсто въ селахъ и городахъ, независимо отъ неурожая хлѣба, такъ и помощь бѣднымъ семействамъ, встрѣчающимся повсемѣстно, составляетъ задачу общественнаго призрѣнія и частной благотворительности, а не завѣдывающихъ продовольственнымъ дѣломъ учрежденій, и что, съ другой стороны,—отъ администраціи и земства не зависитъ устраненіе всѣхъ, неизвѣстныхъ притомъ въ точности, причинъ, вызывающихъ появленіе тифозной эпидеміи, время отъ времени посѣщающей тѣ или другія мѣстности, даже въ урожайные годы,—было бы несправедливо ставить въ вину учрежденіямъ, завѣдывающимъ продовольственнымъ дѣломъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ, наличность тѣхъ печальныхъ случаевъ нужды и за-

Digitized by Google

болѣваній, о коихъ сообщалось газетами, еслибы таковыя и имѣли мѣсто на дѣлѣ. Напротивъ, если при томъ вниманіи, которое обращено было множествомъ частныхъ лицъ и обществъ и органами печати на продовольственныя мѣропріятія въ елизаветградскомъ уѣздѣ, и при той неограниченной свободѣ обсужденія этого вопроса, которая была предоставлена во все время продовольственной кампаніи не только безцензурнымъ газетамъ, но и подцензурнымъ мѣстнымъ изданіямъ, замѣченъ былъ лишь одинъ, и то недоказанный еще, случай употребленія въ пищу негоднаго хлѣба, въ одномъ семействѣ, и указывалось на недостаточность врачебной и продовольственной помощи въ одномъ или двухъ селеніяхъ на всемъ пространствѣ обширнаго, пострадавшаго отъ неурожая уѣзда, съ полумилліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ, то представляется серьезное основаніе утверждать, что продовольственная кампанія въ елизаветградскомъ уѣздѣ проведена успѣшно, и учрежденія, на отвѣтственность коихъ она была возложена, выполнили свои обязанности добросовѣстно, въ мѣрѣ своихъ силъ и возможности".—Основательны ли газетныя свѣдѣнія о препятствіяхъ и стѣсненіяхъ, встрѣченныхъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ частными лицами, желавшими придти на помощь населенію—этого мы изъ сообщенія не узнаемъ; но важно уже и то, что оно признаетъ значеніе частной благотворительности, какъ необходимаго дополненія къ оффиціальной борьбѣ съ послѣдствіями неурожая. Это позволяетъ надѣяться, что въ случаѣ повторенія аналогичнаго бѣдствія—а этого можно, къ несчастію, ожидать въ ближайшемъ будущемъ—частныя лица явятся *желанными* союзниками администраціи и такихъ учрежденій, какъ общество Краснаго Креста... Замѣтимъ еще, что послѣднія, по времени, донесенія херсонскаго губернатора, упомянутыя въ правительственномъ сообщеніи, относятся къ половинѣ апрѣля и, слѣдовательно, не касаются тѣхъ фактовъ, на которые, въ концѣ апрѣля и началѣ мая, студентъ Альбицкій и врачъ Фрейфельдъ обращали вниманіе елизаветградской уѣздной земской управы [1]).

Распоряженіемъ четырехъ министровъ запрещенъ совершенно, выходившій въ Петербургѣ (подъ цензурой), журналъ „Жизнь". Въ послѣдніе годы эта чрезвычайная мѣра примѣняется гораздо чаще, чѣмъ прежде. Введенная временными правилами 1882-го г., она постигла прежде всего (въ 1884 г.) „Отечественныя Записки"; затѣмъ мы не помнимъ случаевъ ея примѣненія до 1895-го г., когда было прекращено изданіе газеты „Русская Жизнь". Въ 1897 г. запрещено,

---

[1]) См. іюньскую „Общественную хронику", стр. 874—5.

Digitized by Google

въ томъ же порядкѣ, „Новое Слово“, въ 1890 г.—„Начало“, въ 1899 г.—„Русскій Трудъ“, въ 1900 г.—„Сѣверный Курьеръ“.

Текстъ новаго закона, предоставляющаго нѣкоторыя облегченія періодической печати, въ ту минуту, когда мы заканчиваемъ нашу хронику, еще не обнародованъ. Разсмотрѣніе его удобнѣе, поэтому, отложить до слѣдующей книжки нашего журнала.

3-го іюня скончался, на 70-мъ году отъ рожденія, извѣстный писатель С. В. Максимовъ. Его права на благодарную память русскаго общества весьма разнообразны: онъ былъ однимъ изъ первыхъ изслѣдователей народнаго быта, знакомившихся съ нимъ на мѣстахъ, не отступая передъ неудобствами пѣшеходнаго странствованія; онъ побывалъ на дальнемъ Сѣверѣ и дальнемъ Востокѣ, далъ цѣльныя картины различныхъ отраслей русской жизни—тюрьмы и ссылки, раскола, „бродячей Руси“, хлѣбной торговли; онъ внесъ цѣнный вкладъ въ исторію русскаго языка, объяснивъ, въ „Крылатыхъ словахъ“, происхожденіе разныхъ оборотовъ народной рѣчи; онъ составилъ или редактировалъ множество книжекъ для народнаго чтенія. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ представителей литературнаго поколѣнія, выступившаго на сцену въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Двумя недѣлями раньше умеръ К. Т. Солдатенковъ, неутомимый и безкорыстный издатель длиннаго ряда цѣнныхъ научныхъ (преимущественно историческихъ) сочиненій. Его симпатичная личность прекрасно обрисована въ статьѣ г. М. Щепкина, напечатанной въ № 139 „Русскихъ Вѣдомостей“. Солдатенковъ родился и выросъ въ очень грубой и невѣжественной средѣ Рогожской окраины Москвы, не получилъ никакого образованія; но довольно было его встрѣчи съ лучшими людьми московскаго общества сороковыхъ годовъ, чтобы въ душѣ молодого богача „громко заговорила скрывавшаяся въ немъ большая внутренняя сила, потянувшая его къ свѣту, истинѣ, правдѣ и добру“. Когда, по возстановленіи здоровья Солдатенкова, сильно потрясеннаго года два тому назадъ, г. Щепкинъ заговорилъ съ нимъ о возможности продолженія его издательской дѣятельности, Солдатенковъ отвѣчалъ: „Этой дѣятельности я не оставлю, пока я живъ. Этимъ исполню я дорогой завѣтъ, данный мнѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ славными представителями университета“. Бросая яркій свѣтъ на самого Солдатенкова, эти слова показываютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ велико было обаяніе, окружавшее Грановскаго и достойныхъ его товарищей. Оно переживаетъ полвѣка, сохраняя всю свою силу и непрерывно побуждая къ работѣ на общую пользу.

Digitized by Google

P. S. Упомянувъ, во внутреннемъ обозрѣніи, о неутвержденіи избраннаго предсѣдателя белебеевской уѣздной земской управы и о назначеніи предсѣдателемъ лица, передъ тѣмъ забаллотированнаго земскимъ собраніемъ, мы считаемъ долгомъ оговорить, что, какъ видно изъ опроверженія уфимскаго губернатора („Русскія Вѣдомости" № 165), это послѣднее лицо и въ 1897-мъ, и въ 1900-мъ году было выбрано собраніемъ въ члены уѣздной земской управы и при баллотировкѣ въ предсѣдатели получило не 5 избирательныхъ голосовъ противъ 21 неизбирательнаго, а 12 избирательныхъ противъ 16 неизбирательныхъ.

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

На основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, симъ доводится до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1) *Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.* — Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2) *Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.* — Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ:—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго по-

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

Digitized by Google

казать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3) *Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.*—Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ. — Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденія этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

4) *Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.*—Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (общеславянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія.

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою коммиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.

Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ, и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Политическая экономія, П. П. Георгіевскаго, ординарнаго профессора Имп. Спб. Университета. Третье изданіе. Спб. 901. Ц. 3 р. 50 к.

Въ новомъ изданіи авторъ оставляетъ безъ измѣненія систему изложенія, а потому, послѣ введенія къ изученію теоріи народнаго хозяйства нашего времени, у него слѣдуетъ ознакомленіе съ предварительными понятіями экономической науки и разсмотрѣніе основъ современнаго соціально-экономическаго строя; затѣмъ, возлѣдуетъ ученіе о субъектѣ народнаго хозяйства - населенія, и о процессахъ, изъ которыхъ слагается народное хозяйство. Въ послѣднемъ изданіи авторъ указывалъ, что „вся суть вопроса о распредѣленіи цѣнностей (съ чисто-экономической точки зрѣнія) сводится къ тому, насколько существующій порядокъ удовлетворенія потребностей общественности цѣлесообразенъ, т.-е., что центръ тяжести, при изученіи народнаго хозяйства, долженъ быть въ отдѣлѣ такъ-называемаго потребленія цѣнностей"; въ настоящемъ изданіи онъ осуществилъ эту мысль, намѣченную имъ въ послѣднемъ изданіи, а въ близкомъ будущемъ обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ: 1) Очеркъ исторіи политической экономіи, и 2) Указатель литературы по политической экономіи.

Е. В. Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени. Въ приложеніи: 1) Переводъ „Утопіи" съ латинскаго; 2) Неизданная рукопись современника о Томасѣ Морѣ. Спб. 901. Стр. 225+127. Ц. 1 р. 50 к.

Интересная и содержательная книга г. Евг. Тарле заключаетъ въ себѣ не только характеристику личности и идей Томаса Мора, но и подробный разборъ его „Утопіи" въ связи съ соціальными построеніями Платона и св. Августина, и полный переводъ знаменитаго трактата, послужившаго образцомъ для цѣлаго ряда такъ-называемыхъ „государственныхъ романовъ". До сихъ поръ содержаніе „Утопіи" было извѣстно у насъ только по сокращеннымъ пересказамъ; переводъ былъ изданъ еще при Екатеринѣ II, но, какъ говоритъ г. Тарле, „по справкамъ оказывается, что внѣ ни одного экземпляра этого перевода нѣтъ",—ни въ Императорской Публичной библіотекѣ, ни въ Британскомъ музеѣ, которыя „старательно собираютъ всѣ переводы англійскихъ авторовъ на иностранные языки". Такимъ образомъ, переводъ, сдѣланный г. Тарле, представляетъ весьма замѣтный пробѣлъ въ нашей литературѣ. Томасъ Моръ, начавшій свою карьеру въ роли просвѣщеннаго гуманиста и окончившій жизнь на плахѣ, въ качествѣ убѣжденнаго защитника притязаній папства, послѣ того какъ былъ канцлеромъ и другомъ жестокаго Генриха VIII,—является несомнѣнно одною изъ загадочныхъ фигуръ XVI вѣка, достойною внимательнаго изученія. Г. Тарле старается объяснить дѣятельность и убѣжденія Мора съ единственной правильной точки зрѣнія—исторической, связывая ихъ съ условіями его эпохи, и въ этомъ смыслѣ настоящая книга, при всей своей общедоступности, представляетъ и научную цѣнность.

Р. Майо Смитъ. Статистика и соціологія. Переводъ съ англійскаго М. Энгельгардта, подъ редакціею Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Москва. 901. Стр. 407. Ц. 1 р. 25 к.

Исходя изъ опредѣленія соціологіи, какъ „науки о соціальной организаціи", авторъ справедливо утверждаетъ, что для правильности своихъ выводовъ и обобщеній она не можетъ обойтись безъ тщательно обработанной статистики. Такъ какъ соціологія, — говоритъ Майо Смитъ,—„имѣетъ дѣло не съ индивидуальнымъ человѣкомъ, а съ обществомъ, то, очевидно, весь ея матеріалъ можно обнять однимъ словомъ: „населеніе". Тѣ факты населенія, въ которыхъ обнаруживаются законы соціальной организаціи, имѣютъ значеніе для соціологіи, и только они" (стр. 12). Съ этой точки зрѣнія авторъ поставилъ себѣ задачей разработать въ научной формѣ статистическія данныя о населеніи, по результатамъ переписей, произведенныхъ въ 1890—91 годахъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, Великобританіи, Германіи, Франціи, Австріи и Индіи. Впрочемъ, Майо Смитъ вполнѣ признаетъ недостаточность статистики для объясненія тѣхъ категорій фактовъ, въ которыхъ главную роль играетъ качество, а не количество. Статистика, —замѣчаетъ онъ,—имѣетъ своимъ предметомъ явленія, могущія быть выраженными въ цифрахъ, и всегда находитъ количественное выраженіе для этихъ явленій или ихъ отношеній; этимъ и опредѣляется кругъ компетенціи и примѣнимости статистическаго метода. Несмотря на сравнительную устарѣлость многихъ свѣдѣній и цифръ, трудъ Майо Смита заслуживаетъ вниманія по самой постановкѣ основныхъ вопросовъ статистики и по добросовѣстной обработкѣ собраннаго матеріала.

А. фонъ-Фрикенъ. Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Ч. IV. Москва. 901. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Стр. 310. Ц. 2 р.

Первыя три части этого обширнаго труда вышли въ разное время, съ 1891 года, и только теперь, съ появленіемъ четвертаго и послѣдняго тома, можно судить о достоинствахъ и недостаткахъ изслѣдованія, предпринятаго г. фонъ-Фрикеномъ. Въ пространномъ введеніи, помѣщенномъ въ первой части (стр. 1—126), излагаются общіе взгляды автора на ходъ умственнаго и эстетическаго развитія народовъ съ древнѣйшихъ временъ, причемъ проводится принципіальное разграниченіе между началами арійскими и семитическими. Вопросы искусства разсматриваются авторомъ въ связи съ явленіями культуры и политической исторіи, и эта особенность его метода придаетъ книгѣ значительный общій интересъ. Книга посвящена была въ 1891 году „Козьмѣ Терентьевичу Солдатенкову", нынѣ уже покойному московскому меценату, справедливо пріобрѣвшему такую громкую и почетную извѣстность своею вполнѣ безкорыстною и въ высшей степени полезною издательскою дѣятельностью.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1901 г.
(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію тѣхъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-Я.

АВГУСТЪ, 1901.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1901.

Стр

I.—РУССКАЯ АРМЕНІЯ.—Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа.—Окончаніе.—X-XI.—**Евг. Маркова** 433

II.—ВЪ ВЕНЕЦІИ.—Разсказъ.—I-VI.—**В. Микуличъ** 469

III.—ПАМЯТИ ВЛАДИМІРА СЕРГѢЕВИЧА СОЛОВЬЕВА.—21 іюля 1900 г.—Стихотвореніе.—**С. М. Л—нова** 512

IV.—ЗОЛОТЫЯ ДЕНЬГИ ВЪ РОССІИ.—I-III.—**Проф. П. А. Никольскаго.** . . . 515

V.—ВЪ СРЕДѢ ОБРАЗОВЪ ЗВѢРИНЫХЪ.—Повѣсть.—I-XV.—**О. Ромера.** . . . 554

VI.—ЭКСПЛУАТАЦІЯ СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ въ XIX вѣкѣ.—Эпизодъ изъ исторіи пермскаго края.—**И. Тыжнова** 617

VII.—РАБЫНЯ.—Романъ.—The slave, by R. Hichens.—Окончаніе.—IX-XVII. — Съ англ. **П. С.** 650

VIII.—НИЦШЕАНСТВО и его отношенія къ политическимъ и соціальнымъ теоріямъ европейскаго общества.—I-IX.—**Евг. Тарле** 704

IX.—СВОРЩИЦА.—Разсказъ.—I-IX.—**Ив. Ивановича** 731

X.—ВЪ КОЛИЗЕѢ.—Монологъ Манфреда. Изъ Байрона.—**Ив. Бунина** 777

XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Высочайшій манифестъ о новомъ уставѣ о воинской повинности для Финляндіи.—Изъ пропилаго земской статистики.—Періодъ затишья земскихъ изслѣдованій.—Способы земскихъ изученій крестьянскаго хозяйства. — Подворная перепись.—Задачи сводки данныхъ переписи.—Поселенная сводка; групповая и комбинаціонныя таблицы. — Губернскія сводки данныхъ подворной переписи.—Оживленіе земскихъ изслѣдованій и задачи, имъ открывающіяся.—**В. В.** 779

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Проектъ новаго таможеннаго тарифа въ Германіи. — Протесты промышленныхъ протекціонистовъ противъ протекціонизма аграрнаго.—Противорѣчія экономической политики и промышленный кризисъ.—Внутреннія дѣла Франціи.—Новый законъ объ ассоціаціяхъ. —Событія въ Даніи и въ балканскихъ государствахъ 808

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Графъ Павелъ Капнистъ, Къ вопросу о реорганизаціи средняго образованія. — Труды и протоколы Педагогическаго общества при Казанскомъ университетѣ.—**А. П.**—Новыя книги и брошюры. 821

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Max Nordau, Die zeitgenössischen Franzosen. — II. Maeterlinck, La vie des abeilles.—**З. В.** 840

XV.—НЕКРОЛОГЪ.—I. М. И. Сухомлиновъ.—II. И. Н. Ждановъ.—**А. Н. Пыпина.** 867

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Дополненіе къ ст. 144 уст. о цензурѣ и печати объ установленіи срочности первыхъ двухъ предостереженій, и его значеніе для цензуры и печати. — Распоряженіе г. министра вн. дѣлъ 12 іюня—касательно третьяго предостереженія. — По поводу приближающагося 25-лѣтія дѣятельности городской училищной коммиссіи въ С.-Петербургѣ, и ея отчетъ за истекшій учебный 1900-1901 годъ.—Тридцатилѣтіе дѣятельности городской думы въ Черниговѣ на поприщѣ народнаго образованія. — Результаты работъ особой коммиссіи при мин. народ. просв. по преобразованію средней общеобразовательной школы.—Отголоски о томъ въ печати, и крайнее мнѣніе о преимуществахъ туземныхъ гимназій предъ русскими. — Критика работъ коммиссіи генерала Вашковскаго въ „Гражданинѣ“ 881

XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Комитета по сооруженію въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю. 889

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Ѳ. Терновъ, Государство и землевладѣніе. Часть II. Крестьянское землевладѣніе. — Проф. Л. В. Ходскій. Основы государственнаго хозяйства.—Вольтонъ Кингъ, Исторія объединенія Италіи. Т. I. Перев. съ англ. Н. Кончевской.—А. Богдановъ, Познаніе съ исторической точки зрѣнія.

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

☞ **Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1901 года.** ☜
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

РУССКАЯ АРМЕНІЯ

Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа.

Окончаніе.

X.—По полямъ кровавыхъ битвъ.

Наша теперешняя дорога вся тянется черезъ гладкую равнину у подножія горъ Аладжи кровавой памяти. Мы проѣзжаемъ теперь какъ разъ мимо Учъ-Тоба, что̀ значитъ: три горы. На этихъ трехъ горахъ и разыгралась въ 1877 г. та жестокая многодневная битва, которая началась рядомъ неудачъ для русскихъ войскъ, а окончилась плѣненіемъ всей арміи Мухтара-паши. На одной изъ горъ, гдѣ стояла ставка великаго князя Михаила Николаевича, виднѣется небольшой каменный памятникъ. На самомъ полѣ битвы, у этихъ трехъ горъ,—армянское селеніе Тала, поголовно вырѣзанное турками послѣ одержанной побѣды. Отсюда, впрочемъ, видны намъ не однѣ историческія высоты Аладжи, а и Алагёзъ, обильно убравшійся снѣгами за эту холодную ночь, и далекая, почти воздушная пирамида Большого Арарата. Но Малый Араратъ задвинутъ ближними горами и нѐ въ силахъ уже выглянуть изъ-за нихъ, какъ его большой брат[illegible]

внина подъ Аладжею вся покрыта полями; жнивье очень , несмотря на мало урожайный годъ; въ цѣлое лѣто упало ⁻па дождя, да и то не во̀-время; почва здѣсь чрезвычайно

⁻м. выше: іюль, 5 стр.

Digitized by Google

плодородна, и одинъ хорошій годъ кормитъ за пять лѣтъ. Мы ѣдемъ все еще бывшею турецкою землею, теперешнею Карскою областью; населеніе тутъ большею частью татарское, но и армянскихъ селеній тоже не мало. Проѣзжаемъ село Гамза-Каракъ; мы засмотрѣлись на оригинальный замокъ „мухтаровъ", бывшихъ сельскихъ начальниковъ, которыхъ турецкое правительство сажало въ крѣпкихъ каменныхъ башняхъ среди беззащитнаго армянскаго села, какъ коршуна, караулящаго съ своего недоступнаго гнѣзда куриное стадо. Мухтары, конечно, назначались только изъ мусульманъ и смотрѣли на подвластныхъ имъ жителей какъ на свою крѣпостную вотчину, въ жизни и смерти которыхъ, въ имуществѣ и чести—вольны они одни. Самая башня ихъ,—такъ-называемая „мухтаръ-кала", типическій образецъ которой мы видѣли въ Гамза-Каракѣ,—строилась на счетъ жителей. Неуклюжая, но крѣпкая башня эта самымъ устройствомъ своимъ съ безцеремонною откровенностью выдаетъ свое истинное назначеніе—служить боевымъ оплотомъ противъ населенія, еслибы оно возмутилось противъ жестокостей и насилій мухтара, и осаднымъ дворомъ для него и его военной стражи. Узкія окошки пробиты высоко вверху; еще выше ихъ висятъ со всѣхъ сторонъ каменныя прикрытія бойницъ, для стрѣльбы сверху внизъ въ осаждающихъ, которые вздумали бы приставить къ башнѣ лѣстницы или разбивать ея стѣны. Единственная дверь тоже поднята на половину высоты башни, и изъ нея опускается подъемный мостикъ на кирпичный столбъ съ ступенями, стоящій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ башни. Когда мостикъ поднятъ, нѣтъ никакихъ способовъ проникнуть въ башню. „Мухтаръ-калы", которыя мы видѣли почти въ каждомъ селеніи Карской области,—построены всегда около армянской или греческой церкви. Это сосѣдство съ христіанскимъ храмомъ давало возможность мухтарамъ слѣдить изъ своихъ оконъ за праздничною толпою, узнавать, кто изъ жителей богаче другихъ, у кого подороже конь или одежда, выбирать самыхъ красивыхъ дѣвушекъ и молодаекъ, за которыми они потомъ безъ малѣйшаго стѣсненія посылали своихъ вооруженныхъ чепаровъ, отнимая ихъ силою у мужей и отцовъ, и безпощадно наказывая тѣхъ, кто рѣшался сопротивляться. Такое средневѣковое или, пожалуй, ветхозавѣтное отношеніе завоевателя къ завоеваннымъ сохраняется до сихъ поръ во всѣхъ армянскихъ мѣстностяхъ, принадлежащихъ Турціи. Всѣ и все тамъ взяты подъ строгій караулъ, все у всѣхъ отнимается силою.

По дорогѣ встрѣчается намъ много курдовъ-мусульманъ. У

Digitized by Google

всѣхъ лица смѣлыя, самоувѣренныя; длинные усы безъ бородъ, головы умотаны высокими тюрбанами, у всѣхъ шали вмѣсто поясовъ, на многихъ характерныя верхнія одѣжды съ башлыками въ крупныхъ букетахъ, сдѣланныя, будто бы, изъ персидскаго ковра; но вообще они—такіе же оборванцы, какъ и армяне и татары. А между тѣмъ, говорятъ, у нихъ много скота и они богаты. Курдскія деревни, главнымъ образомъ, окружаютъ Алагёзъ,—это ихъ настоящее царство. Два раза пришлось переѣхать вбродъ рѣчку Аладжу; теперь мы въ долинѣ рѣки Карсъ-чая, почти у самаго впаденія ея въ Арпачай. Оттого Карсъ-чай здѣсь порядочно широкъ. Красноватая глина его обрывистаго берега вся изрыта старинными пещерами. У впаденія его—большое село Аргино, первая почтовая станція на шоссе изъ Александрополя въ Карсъ. Тутъ же, всего въ трехъ верстахъ, и новая тифлисско-карская желѣзная дорога. Зять нашъ Г. прожилъ здѣсь два съ половиною года на постройкѣ желѣзной дороги и отлично зналъ всѣ окрестности.

Въ глубинѣ долины, на самомъ берегу Карсъ-чая—двѣ большія, отлично устроенныя мельницы, хозяева которыхъ были пріятельски знакомы и нашему зятю, и Дрампову, такъ какъ этотъ дѣятельный хлѣбный торговецъ по необходимости долженъ разъѣзжать по земледѣльческимъ уголкамъ области и вести знакомства съ мѣстными хозяевами.

Ближняя мельница, въ которую мы заѣхали раньше, принадлежитъ Меликъ-Акопову, кажется, отставному капитану; это пожилой, чернобородый мужчина суроваго вида, въ военномъ сюртукѣ, еще вполнѣ бодрый. Нашъ инженеръ и Драмповъ почему-то величали его „ага“. Ага любезно пригласилъ насъ въ свою столовую позавтракать съ дороги, прежде чѣмъ мы отправимся осматривать его мельницу. Тутъ намъ представился его молодой племянникъ, Сергѣй Ханаговъ, вмѣстѣ съ нимъ ведущій мельничное дѣло, а за хозяйку явилась молоденькая, красивая брюнетка сестра Ханагова, такъ какъ жена „аги“ живетъ въ Эривани, гдѣ они воспитываютъ дѣтей. Узнавъ отъ Степана Ивановича К—на, что тотъ на-дняхъ возвращается въ Эривань, „ага“ попросилъ его свезти своей женѣ ящикъ съ деревенскимъ вареньемъ, —что онъ, конечно, взялся охотно исполнить.

Къ завтраку подали намъ отличный домашній сыръ, говядину въ кусочкахъ, которую здѣсь заготовляютъ разомъ мѣсяца на три, зарывая въ бочкахъ въ землю, жареную курицу съ маринованнымъ виноградомъ и огурцами, и, конечно, цѣлую бат-

Digitized by Google

тарею кахетинскаго вина, коньяку и наливокъ, закончивъ угощеніе чашкою кофе.

За стаканами вина Меликъ-Теръ-Акоповъ разошелся и сталъ вспоминать свои боевые подвиги 1877 года; онъ участвовалъ, между прочимъ, въ роковомъ боѣ при Аладжѣ. По его словамъ, положеніе насъ, русскихъ, послѣ перваго пораженія было почти безвыходное. Авліяръ, Учъ-Тоба и всѣ другія наши позиціи были уже во власти турокъ; у насъ оставался только Караялъ, на которомъ еще держались наши небольшія уцѣлѣвшія силы. Но Мухтаръ-паша, имѣвшій, будто бы, 60.000 войска, по непостижимой причинѣ не двигался съ мѣста. Двинься онъ на насъ тогда же, пока не подошли подкрѣпленія, онъ безъ всякаго труда взялъ бы и Александрополь, и самый Тифлисъ. Александропольскую крѣпость мы сами бросили, потому что нынѣшнія орудія уничтожили бы ее въ прахъ съ окрестныхъ высотъ; наши войска укрѣпились подальше города, на высокой горѣ. Бездѣйствіе Мухтара-паши до того удивляло всѣхъ, что въ войскѣ стали разсказывать, будто онъ получилъ арбузъ, начиненный червонцами, за то, чтобы не двигался; другіе увѣряли, будто къ нему пришла телеграмма отъ султана изъ Константинополя, чтобы не рисковалъ вторгаться въ русскіе предѣлы, а ограничился бы защитою турецкой границы.

Какъ бы то ни было, но онъ на свою бѣду далъ время подойти нашимъ подкрѣпленіямъ, а самъ сидѣлъ себѣ спокойно на горахъ, не воображая, чтобы русскіе могли подняться на Аладжу въ такіе холода и по такимъ кручамъ. Наши войска успѣли окружить турокъ со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ они тронулись съ мѣста. Ѣсть имъ стало нечего, они мерзли отъ страшныхъ холодовъ, и наконецъ рѣшились сдаться. 7.000 человѣкъ положили оружіе, остальные бѣжали къ Карсу.

Когда наша армія подошла къ Карсу, Лорисъ-Меликовъ и все начальство, по увѣренію Теръ-Акопова, были противъ приступа. Холода были большіе, солдаты притомились труднымъ походомъ, войска было мало. Но Лазаревъ и Граббе стояли за немедленный приступъ, пока турки не опомнились и не ждали еще нападенія отъ утомленныхъ русскихъ войскъ. Лазаревъ не умѣлъ разбирать карты, былъ почти неграмотный, никогда не читалъ бумагъ и инструкцій, но отлично зналъ мѣстность и духъ солдатъ. Ночью приступомъ взяли Канлы и Карадагъ; четыре тысячи нашихъ легло на приступѣ, Граббе тоже былъ убитъ. Великій князь и Лорисъ-Меликовъ, по словамъ разсказчика, вѣ-

Digitized by Google

рить не хотѣли, что взять неприступный Карадагъ. На другой день сдался и весь Карсъ...

Мельница Теръ-Акопова устроена совсѣмъ по современнымъ образцамъ, съ турбиною и всякими усложненіями. Прекрасные куклеотборники отлично очищаютъ пшеницу, поступающую на мельницу, и мука выходитъ черезъ это чрезвычайно бѣлою и чистою. Шурагельская пшеница и сама по себѣ славится во всемъ Закавказьѣ бѣлизною и выгоднымъ выходомъ. Ловаши изъ этой муки сохраняются долѣе, чѣмъ всякіе другіе. Ага повелъ насъ и въ кухни, гдѣ пекутся эти ловаши, очень длинные и очень бѣлые. Запекаются они разомъ на три мѣсяца, и огромными стопами сушатся на солнцѣ. Но бабы-пекарки и здѣсь такъ же возмутительно грязны, какъ и въ простыхъ армянскихъ домахъ.

Старый „ага“ и его племянникъ все на своей мельницѣ устраиваютъ сами, безъ помощи инженеровъ и архитекторовъ, и не держатъ никакихъ ученыхъ машинистовъ. Машину, за которую въ Берлинѣ требовали 1.800 рублей, они заказали по собственной модели въ Тифлисѣ за 500 рублей, и исправно работаютъ теперь ею.

Тотъ же обычай и у сосѣда ихъ Попова. Мельница его стоитъ на другомъ берегу, нѣсколько выше по теченію рѣки; она много обширнѣе и устроена еще гораздо сложнѣе и лучше, чѣмъ мельница Теръ-Акопова. Ага проводилъ насъ черезъ мостъ на другой берегъ, а племянникъ его отправился такъ, какъ сидѣлъ, даже не захвативъ шапки, вмѣстѣ съ нами въ гости къ Попову, съ которымъ нашъ зять былъ знакомъ особенно близко. Обширная усадьба Попова обнесена крѣпкою стѣною изъ тесаннаго камня; на дворѣ—громадная четырехъ-ярусная мельница-крупчатка. Самъ Поповъ—крестьянинъ-субботникъ, но уже оцивилизовавшійся, побывавшій вездѣ, и имѣетъ видъ человѣка вполнѣ интеллигентнаго. Его молодая, рослая фигура, широкія плечи, русая умная голова, спокойная, сдержанная рѣчь—такъ выразительно обрисовываютъ нарождающійся на нашихъ окраинахъ демократическій типъ смѣлыхъ и смѣтливыхъ разработывателей нашихъ непочатыхъ природныхъ богатствъ, — русскихъ американцевъ своего рода, прокладывающихъ первые пути отечественной промышленности и торговлѣ въ полудикихъ пустынныхъ рубежахъ далекой Азіи.

Жена его—подъ стать мужу; обстановка ихъ жизни совсѣмъ культурная, разговоръ—тоже. Въ прихожей—велосипедъ, въ кабинетѣ—книги, въ гостиной—обычное убранство. Поповъ охотно

Digitized by Google

потащилъ насъ по всѣмъ ярусамъ своего завода, показывая и объясняя дѣйствія разныхъ вентиляторовъ, элеваторовъ, куклеотборниковъ, обдирныхъ цилиндровъ и проч. Онъ тоже все устраиваетъ здѣсь самъ, своею русскою дѣловитою смѣткою, присматриваясь, какъ дѣлается у другихъ, вычитывая нужныя свѣдѣнія изъ книгъ, и тоже не держитъ на такомъ большомъ заводѣ ни одного ученаго мастера, хотя у него все дорогіе и сложные снаряды. Хозяйничаютъ они вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, котораго не было дома, и который больше занятъ торговою стороною ихъ очень крупнаго дѣла. Они имѣютъ склады муки во многихъ большихъ городахъ Кавказа и берутъ крупные подряды на муку. Чистота и аккуратность во всѣхъ уголкахъ ихъ громадной мельницы—по истинѣ голландскія.

Глядя на этого „субботника“,—одного изъ представителей гонимой у насъ, объявленной вредною, секты,—я съ грустью подумалъ, какая великая нравственная неправда и какая глубокая политическая ошибка—преслѣдовать людей за таинственный міръ ихъ вѣрованій, не похожій на наши собственныя.

Чѣмъ же, думалъ я въ глубинѣ своей совѣсти, можетъ быть вреденъ этотъ трезвый, разумный, честно трудящійся человѣкъ, основывающій въ невѣжественной странѣ съ такимъ талантомъ и энергіей полезныя промышленныя предпріятія, дающій выгодный заработокъ множеству мѣстныхъ людей и облегчающій условія жизни всему населенію страны удовлетвореніемъ его существенныхъ потребностей? Чѣмъ онъ хуже, чѣмъ опаснѣе всякаго изъ насъ, и кому мѣшаютъ особенности его личной вѣры и его религіозныхъ обрядовъ, какъ бы ни казались они намъ нелѣпыми? Вѣдь въ какомъ множествѣ случаевъ, даже по отзывамъ самой мѣстной администраціи, всѣ эти духоборы, прыгуны и субботники, доказывали свой горячій русскій патріотизмъ и свою вѣрность русскому царю; жители Закавказья хорошо помнятъ, что безъ подводъ духоборовъ, безъ сѣна, овса и муки изъ „Духоборья“, наши пограничные отряды, выдерживавшіе натиски турецкихъ войскъ въ кампаніи 54-го и 77-го годовъ,—оставались бы безъ лошадей и, пожалуй, безъ людей.

Село Аргино—теперь довольно значительный, торговый и частью административный центръ мѣстной округи. Здѣсь почта, телеграфъ, сберегательная касса и большое транзитное движеніе товаровъ; но, къ сокрушенію здѣшнихъ хозяевъ, на дняхъ всѣ эти учрежденія переводятся на станцію новой желѣзной дороги, и Аргину грозитъ неминуемое запустѣніе.

Digitized by Google

Въ далекой древности Аргино было не только городомъ, но даже резиденціей армянскихъ католикосовъ. Тутъ же пребывали нѣкогда и владѣтельные князья Шурагельской области—Камсараканы. Мы осмотрѣли развалины древняго храма,—единственнаго памятника былого величія Аргина. Въ храмѣ этомъ были похоронены два католикоса, но въ настоящее время гробницы ихъ завалены обрушившимися камнями стѣнъ, и нѣтъ возможности увидѣть ихъ. Храмъ огромный и прекрасно построенный, съ высокими, круглыми сводами, съ надписями и рѣзьбою на стѣнахъ, въ родѣ соборнаго храма Ани, но отъ него уцѣлѣла только одна передняя стѣна да небольшая часть боковой. Нѣтъ сомнѣнія, что лѣтъ черезъ пять-шесть рухнетъ и эта послѣдняя сохранившаяся стѣна, и исчезнетъ всякій слѣдъ прежняго историческаго значенія Аргина. Но мы еще въ близкомъ сосѣдствѣ съ болѣе свѣжими и болѣе намъ родными воспоминаніями исторіи. Не доѣзжая Башъ-Шурагеля, мы проѣзжаемъ мимо селенія Башъ-Кадыклара славной памяти, виднѣющагося за холмами, вправо отъ дороги. Вонъ и горы Большая и Балая Ягны, на которыхъ кипѣлъ бой въ послѣднюю турецкую войну.

На столовой горѣ Башъ-Шурагеля, закрытаго теперь отъ насъ этою самою горою, живописно торчатъ хорошо сохранившіяся развалины большого средневѣкового замка, съ шестью круглыми башнями, выступающими изъ его стѣнъ, словно сдвинутыми въ грозное неподвижное каре, ощетинившееся во всѣ стороны своими бойницами.

Это—Ираз-Давурдъ, старая крѣпость армянскихъ царей, извѣстная еще въ 834 г., при царѣ Сембатѣ I-мъ. Здѣсь они имѣли обыкновеніе останавливаться по дорогѣ въ свою столицу Ани. У ногъ столовой горы, увѣнчанной этимъ романтическимъ замкомъ, раскинулись два селенія Цетнисъ,—нижній Цетнисъ, населенный татарами, съ характерною „мухтаръ-калою“, — и Цетнисъ верхній, населенный армянами.

Деревня Курюкъ-Дара, прославленная нашими геройскими войсками почти въ одно время съ Башъ-Кадыкларомъ,—тоже въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ нашей дороги. Желѣзная дорога тутъ вездѣ подходитъ близко къ шоссе, по которому мы ѣдемъ, и одинъ изъ разъѣздовъ ея даже носитъ названіе Курюкъ-Дара. Само селеніе немного дальше этого разъѣзда, а поле знаменитой битвы—кругомъ насъ.

Вонъ, влѣво отъ дороги, виднѣется памятникъ на горѣ Караялѣ, какъ разъ надъ Курюкъ-Дара; другой маленькій памятникъ, по-

Digitized by Google

ставленный товарищами одному убитому офицеру, торчитъ среди поля.

Впрочемъ, вся вообще желѣзная дорога полна историческихъ именъ нашей боевой славы. Есть станція Башкадыкларъ, а первая отъ Александрополя станція—„Ставка Караялъ", гдѣ находился великій князь Михаилъ Николаевичъ во время послѣдняго боя на Аладжѣ. У горы Караялъ, собственно, и происходила самая ожесточенная битва.

Проѣзжая эти роковыя мѣста, обильно политыя и турецкою, и русскою кровью, нельзя воздержаться отъ невольныхъ воспоминаній о славныхъ боевыхъ подвигахъ нашего по истинѣ геройскаго кавказскаго войска.

Для меня лично это еще очень живыя юношескія воспоминанія—если и не очевидца, то все-таки современника, съ страстнымъ трепетомъ слѣдившаго по газетамъ за тогдашнею колоссальною борьбою одинокой Россіи съ четырьмя могучими державами Европы.

Князь Бебутовъ, неустрашимый побѣдитель турецкихъ полчищъ при Башкадыкларѣ и Курюкъ-Дарѣ,—сталъ тогда любимымъ героемъ русскаго народа, извѣстнымъ каждому крестьянину, каждому лавочнику; его орлиный носъ и орлиный взглядъ знакомы были всѣмъ по множеству литографированныхъ портретовъ, раскупавшихся нарасхватъ даже простымъ народомъ. Блестящія побѣды его надъ гораздо сильнѣйшими турецкими арміями были еще отраднѣе и утѣшительнѣе для русскаго сердца потому, что онѣ хотя сколько-нибудь вознаграждали чувство народной гордости за постоянныя неудачи и потери крымскаго театра войны и спасали старую славу русскаго войска.

Башкадыкларомъ ознаменовался 1853-й, Курюкъ-Дарою — 1854-й годъ.

Положеніе нашей кавказской арміи, призванной защищать азіатскіе рубежи наши отъ вторженія турецкихъ армій, было въ то время далеко не блестящее. Въ то время какъ турки, вслѣдствіе союза своего съ Франціей, Англіей и Италіей, вооруженнаго нейтралитета коварной Австріи, заставившей насъ очистить отъ своихъ войскъ Дунайскія княжества и Болгарію,—получили возможность сосредоточить всѣ свои силы на азіатскомъ театрѣ войны, Россія, напротивъ того, вынуждена была напрягать самыя отчаянныя усилія, чтобы отстаивать съ честью противъ грознаго ополченія четырехъ союзниковъ свою севастопольскую твердыню и все южное побережье Россіи; при этихъ обстоятельствахъ,—также какъ при громадныхъ разстояніяхъ азіатской гра-

Digitized by Google

ницы отъ центра имперіи и непроѣздныхъ дорогахъ, — кавказская армія не могла разсчитывать на сколько-нибудь сильные резервы, на скорую помощь изъ Россіи свѣжихъ боевыхъ частей. Вооруженіе, ея обозная и врачебныя части были болѣе, чѣмъ недостаточны. Эти прискорбныя условія поставили кавказскихъ военачальниковъ въ горькую необходимость перемѣнить обычные пріемы нашихъ азіатскихъ войнъ. Вмѣсто смѣлаго вторженія въ непріятельскую страну, одушевляющаго собственное войско и смущающаго врага,—какъ это всегда бывало прежде,—намъ приходилось теперь ждать его нападенія и защищать отъ него свои города и села.

Но если стратегически мы вынуждены были стать обороняющеюся стороною, то наши храбрецы генералы, Андроникова, Бебутовъ, Врангель, тактически всегда переходили въ наступленіе и первые наносили молодецкіе удары двигавшемуся въ наши предѣлы сильнѣйшему врагу, не считая его силъ...

Битва подъ Башкадыкларомъ произошла 19-го ноября 1853 г., всего черезъ пять дней послѣ громкаго пораженія подъ Ахалцыхомъ 18-тысячнаго турецкаго корпуса Али-паши 7-тысячнымъ отрядомъ кн. Андроникова, прикрывавшаго подступы къ Гуріи и Мингреліи. Въ отрядѣ кн. Бебутова было всего 10.000 пѣхоты и 3.000 конницы, но зато это были истыя кавказскія войска, закаленныя въ битвахъ съ горцами, привычныя не останавливаться ни передъ какими препятствіями, трудами и опасностями. Тутъ были прославленные боевыми подвигами куринцы, ширванцы, грузинцы, эриванцы; тутъ были никогда не знавшіе отступленія и страха знаменитые нижегородскіе драгуны, были наши неизмѣнные и незамѣнимые казаки.

Ахмедъ-паша двигался изъ Карса на Александрополь съ арміею въ 36.000 человѣкъ и съ 46-ю орудіями, стало быть, почти въ тройныхъ силахъ противъ русскихъ. Бебутовъ встрѣтился съ турками на равнинѣ, изрѣзанной глубокими рѣчными оврагами, у подножія Караяла, который мы видимъ теперь почти у самой дороги нашей, и съ разныхъ сторонъ бросился на ихъ линіи и ихъ баттареи. Турки бились храбро и не разъ заставляли отступать нападающихъ. Въ самую рѣшительную минуту, когда отчаянная аттака грузинскаго полка на турецкія батареи, не поддержанная запоздавшими эриванцами, была отбита энергическимъ встрѣчнымъ натискомъ турецкой пѣхоты, и грузинцы, потерявъ множество людей, поспѣшно отступали назадъ, князь Бебутовъ, схвативъ изъ обознаго прикрытія двѣ роты эриванцевъ, бросился на встрѣчу отступающимъ и крикнулъ имъ спокойнымъ голосомъ:

Digitized by Google

„Ну, братцы, теперь пора опять впередъ!“ Грузинцы остановились, выстроились и, одушевленные своимъ храбрецомъ-вождемъ, снова ринулись въ аттаку... Героями этого дня были главнымъ образомъ эриванцы, овладѣвшіе 20-пушечною баттареею и опрокинувшіе своимъ натискомъ главный центръ турецкой арміи. Разбитые на всѣхъ пунктахъ, турки въ полномъ безпорядкѣ ударились бѣжать къ своему неприступному Карсу. 24 орудія, весь обозъ и лагерь достались побѣдителямъ; до 6.000 человѣкъ выбыли изъ непріятельскаго строя; но и наши потери были тоже тяжки. Зато, нравственное вліяніе этого жестокаго пораженія втрое сильнѣйшей турецкой арміи было громадное. Кавказскіе горцы, нетерпѣливо ждавшіе разгрома нашихъ сравнительно слабыхъ силъ, чтобы поголовно возстать и хлынуть изъ своихъ горныхъ трущобъ на беззащитныя области Кавказа,— сразу одумались и почувствовали старую силу хорошо имъ знакомаго русскаго оружія. Къ сожалѣнію, наша геройская армія не могла воспользоваться вполнѣ своими блестящими побѣдами, ворвавшись вслѣдъ за бѣгущими турками въ предѣлы ихъ страны и уничтоживъ уцѣлѣвшіе остатки ихъ войскъ, прежде чѣмъ они успѣли бы оправиться и пополниться. Вина была, конечно, не въ отсутствіи энергіи и мужества у военачальниковъ, а въ совершенной неподготовленности обозныхъ, врачебныхъ и боевыхъ средствъ, необходимыхъ для наступленія въ чужую землю. Во всемъ александропольскомъ отрядѣ князя Бебутова было, напр., всего-на-все шесть врачей!..

Эта хозяйственная неподготовленность нашей арміи стоила намъ очень дорого, потому что протянула азіатскую войну еще на два года.

Битва при Курюкъ-Дарѣ разразилась уже не осенью, а въ развалъ лѣта 1854 г. и, какъ нарочно, также противъ втрое сильнѣйшаго врага и также черезъ нѣсколько дней послѣ молодецкаго дѣла подъ Баязетомъ генерала Врангеля—начальника эриванскаго отряда.

Селеніе Аргино, которое мы только-что посѣтили, точно также какъ самая дорога, по которой мы ѣдемъ, и всѣ окрестности разъѣзда Курюкъ-Дара были полемъ этой второй славной побѣды князя Бебутова.

Гора Караялъ и тутъ играла важную роль, какъ во всѣхъ нашихъ битвахъ въ этой мѣстности въ 1853, также какъ въ 1854, также какъ въ 1877 годахъ. На ней главнымъ образомъ сосредоточивался бой этого кроваваго дня. Курюкъ-дарынскій бой былъ еще ожесточеннѣе, чѣмъ Башкадыкларскій. Обѣ арміи,

Digitized by Google

словно по сговору, въ одно и то же время двинулись другъ противъ друга, но аттаковали все-таки наши. Турки бились какъ львы; битва то-и-дѣло переходила въ отчаянныя рукопашныя схватки. Наша желѣзная пѣхота безъ одного выстрѣла лѣзла въ штыки прямо на турецкія пушки. Рѣзня была такая, что одинъ только баталіонъ грузинскаго полка потерялъ въ нѣсколько минутъ 450 человѣкъ, арабистанскіе полки турокъ были почти поголовно истреблены въ безпощадной сѣчѣ съ эриванцами и грузинцами; а турецкій кавалерійскій полкъ, бросившійся отбивать захваченныя орудія, былъ также весь изрубленъ тверскими драгунами и линейцами Скобелева. Наша легкая артиллерія оказала здѣсь чудеса храбрости и проворства. Она снималась съ передковъ почти у носа непріятельскихъ рядовъ, обсыпала ихъ тучами картечи и тотчасъ же уносилась обратно. Турки хотя и захватили вначалѣ нѣсколько нашихъ орудій, но лихачи нижегородцы своими отчаянными аттаками отбили и ихъ, и много турецкихъ орудій.

Въ концѣ концовъ, несмотря на всю свою стойкость и беззавѣтное мужество, турецкіе полки дрогнули и побѣжали. Драгуны и линейцы преслѣдовали и рубили бѣгущихъ, пока не изморили въ конецъ и себя, и лошадей; охотники Лорисъ-Меликова и грузинская милиція дорвались даже до турецкаго лагеря. Разбитые турки все-таки успѣли спастись въ стѣнахъ Карса, и кн. Бебутовъ, также какъ и послѣ Башкадыклара, былъ не въ силахъ уничтожить ихъ окончательно дальнѣйшимъ движеніемъ своего побѣдоноснаго войска къ стѣнамъ Карса. Побѣда эта стоила намъ большихъ жертвъ: однихъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ оказалось 140, да около 3.000 рядовыхъ (изъ нихъ убито 578). Турецкихъ же убитыхъ было насчитано 3.000, не считая раненыхъ и 2.000 попавшихъ къ намъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ 15-ью орудіями...

Въ Александрополь въѣзжаемъ по прекрасному мосту черезъ Арпачай. Бывшій нашъ пограничный казацкій постъ на его берегу теперь вошелъ въ составъ цѣлаго городка новенькихъ казармъ и конюшенъ сѣверскаго драгунскаго полка. За ними на холмѣ опять городокъ казармъ бакинскаго полка, а немного дальше по дорогѣ въ городъ—еще третій казарменный поселокъ знаменитаго въ лѣтописяхъ кавказскихъ войнъ кабардинскаго полка. Съ другой стороны, за крѣпостью, такіе же многочисленные и обширные корпуса артиллерійскихъ казармъ; въ Александрополѣ стоятъ постоянно артиллерійская бригада, ле-

Digitized by Google

тучій паркъ и крѣпостная артиллерія. Вообще, здѣсь центръ войсковыхъ частей разнаго рода,—готовыхъ двинуться по первому сигналу—и на защиту Карса, и черезъ турецкую границу. Это придаетъ простому уѣздному городу эриванской губерніи совершенно особенную физіономію и равняетъ его во многихъ отношеніяхъ съ губернскими городами. Тутъ много хорошихъ магазиновъ, четыре клуба, пять кондитерскихъ, нѣсколько фотографій. Войска проживаютъ порядочно денегъ, и армянскимъ торговцамъ есть на чемъ заработать.

Въ Александрополѣ мы посѣтили оригинальный и дорогой для русскаго сердца уголокъ,—такъ называемый „холмъ чести". Довольно крутая одинокая горка, обсаженная кругомъ деревьями и обращенная въ зеленый садикъ, съ аллеями и скамеечками,—служитъ вполнѣ подходящимъ мѣстомъ мирнаго успокоенія послѣ боевыхъ трудовъ многочисленнымъ героямъ русскаго воинства, офицерамъ и генераламъ, павшимъ на полѣ битвы или умершимъ во время походовъ отъ ранъ и болѣзней. Много славныхъ именъ, записанныхъ въ военныя лѣтописи Кавказа, читается на этихъ мраморныхъ, гранитныхъ и чугунныхъ памятникахъ, сплошь усѣявшихъ собою и темя, и скаты этого холма героевъ. Они хоронятся тутъ съ самаго 1804 года, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда князь Циціановъ овладѣлъ въ первый разъ турецкимъ городомъ Гумри; хоронились въ особомъ обиліи послѣ блестящей кампаніи 53—54 и 55-го годовъ, поддержавшей историческую славу русскаго оружія въ печальные дни севастопольскаго погрома; хоронились и въ послѣднюю турецкую войну 1877 г., которой память еще такъ свѣжа у всѣхъ здѣшнихъ жителей. Гранитный храмъ-часовня суроваго цвѣта, суроваго вида, осѣняетъ своимъ золотымъ крестомъ эту общую боевую могилу русскихъ орловъ, словно пастырь, благословляющій поверженныхъ кругомъ его воиновъ... Русскіе люди съ особеннымъ благоговѣніемъ посѣщаютъ этотъ тихій священный уголокъ, возбуждающій столько чувствъ и воспоминаній.

Турецкій городъ Гумри стоялъ на очень важномъ перепутьи караванныхъ путей изъ Карса и Эрзерума—съ одной стороны въ Тифлисъ, съ другой стороны въ Эривань. Кромѣ того, здѣсь сходился узелъ рубежей трехъ сосѣднихъ государствъ—грузинскаго, турецкаго и персидскаго. Быстрины и обрывистые берега Арпачая дѣлали, къ тому же, этотъ городъ удобнымъ для защиты. Поэтому турки и учредили здѣсь изстари укрѣпленную таможню и пограничный сторожевой постъ. Гумри и значитъ по-турецки „таможня". Императоръ Николай I велѣлъ переименовать ту-

Digitized by Google

рецкій Гумри въ русскій Александрополь, въ честь Государыни Александры Ѳеодоровны, и построилъ на его крутыхъ холмахъ сильную для того времени крѣпость, сообщающую и теперь Александрополю весьма воинственный видъ, хотя она, собственно говоря, давно уже разжалована изъ дѣйствительныхъ крѣпостей въ артиллерійскій и интендантскій складъ, служа удобнымъ резервомъ всякаго рода для Карса, обращеннаго, по взятіи его въ 1877 году, въ громадную первоклассную крѣпость.

Въ Александрополѣ, какъ во всякомъ молодомъ городѣ, мало любопытнаго для путешественника. Послѣ присоединенія его къ Россіи, его заселили главнымъ образомъ армяне, бѣжавшіе изъ турецкихъ владѣній отъ притѣсненій турокъ; онъ сохранилъ и до сихъ поръ характеръ армянскаго города; русскіе тутъ только войска и чиновники. Мы зашли, однако, въ нашу православную церковь св. Георгія. Этотъ маленькій храмъ почему-то построенъ не въ русскомъ вкусѣ, съ многочисленными золотыми маковками и кокошничками, въ которыхъ столько наивной прелести и какого-то радостно-свѣтлаго выраженія, а въ обычномъ, порядочно намъ надоѣвшемъ своимъ сухимъ однообразіемъ, грузино-армянскомъ стилѣ шестигранной башни съ заостренною пирамидою крыши.

Да и прячется эта церковка въ какомъ-то узенькомъ переулочкѣ, какъ разъ сзади обширнаго и сравнительно великолѣпнаго армянскаго собора, словно на задворкахъ его. Невольно приходитъ въ голову, что было бы очень кстати именно здѣсь, на далекой окраинѣ, среди чуждыхъ племенъ и религій, проявить русскому православному храму особенное величіе и красоту, а не стираться такъ скромно и бѣдно передъ иновѣрными храмами.

Насъ интересовали особенности церковной службы армянъ, религія которыхъ, въ сущности, очень близка къ православію во всѣхъ главныхъ догматахъ, и мы отправились въ большой армянскій соборъ. Армяне только въ концѣ VI-го вѣка отдѣлились отъ греческой церкви; ихъ просвѣтитель св. Григорій чтится какъ святой и православною церковью. На первыхъ трехъ вселенскихъ соборахъ, возставшихъ противъ лжеученій Арія, Несторія и Евтихія, армяне оставались въ полномъ единеніи съ константинопольскимъ, іерусалимскимъ и александрійскимъ духовенствомъ, и только четвертый вселенскій соборъ, собранный въ Халкедонѣ, вслѣдствіе ошибочныхъ толкованій смысла его постановленій, былъ отвергнутъ армянскими епископами, по иниціативѣ первенствующаго епископа ихъ Авраама.

Digitized by Google

Соборъ армянскихъ епископовъ въ Дувинѣ, тогдашней столицѣ армянскаго царства, осудилъ въ 596 году, какъ еретиковъ, всѣхъ защитниковъ ученія халкедонскаго собора и воспретилъ всякое сообщество армянъ съ греками. Не позволялось даже вступать съ ними въ торговые договоры. Такое полное отчужденіе отъ вселенской церкви одной изъ христіанскихъ церквей, со всѣхъ сторонъ окруженной язычествомъ и мусульманствомъ, имѣло очень гибельное вліяніе на ея собственную судьбу, лишивъ армянскую церковь могущественной поддержки византійскихъ императоровъ. Но попытки возсоединить и примирить церкви все-таки продолжались съ обѣихъ сторонъ еще въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ благоразумнѣйшихъ изъ вождей той и другой церкви. Даже въ IX вѣкѣ знаменитый константинопольскій патріархъ Фотій,—при которомъ началось и отпаденіе римской церкви,—употреблялъ всѣ старанія убѣдить армянскихъ епископовъ въ ихъ ошибочномъ толкованіи постановленій халкедонскаго собора и разсѣять предразсудки армянъ противъ грековъ,—и почти успѣлъ въ этомъ.

Съ другой стороны, армянскій патріархъ Нерсесъ Благодатный, въ XII столѣтіи, на собранномъ въ г. Хромклѣ многочисленномъ соборѣ армянскаго духовенства, добился почти окончательнаго примиренія съ греческою церковью, но послѣ его смерти ненависть армянъ къ грекамъ, воспитанная многовѣковою исторіею, одержала верхъ, и рознь между церквами увеличилась еще больше. Римскіе папы тотчасъ же постарались воспользоваться такимъ удобнымъ для нихъ обстоятельствомъ и стали искусно дѣйствовать черезъ монашескіе ордена и открываемыя ими училища въ пользу соединенія армянской церкви съ римскою. Такимъ образомъ возникла мало-по-малу понынѣ существующая армяно-католическая церковь. Въ то же время и внутри армяно-григоріанской церкви, страдавшей подъ игомъ мусульманскихъ завоевателей, произошло пагубное для нея раздѣленіе, остающееся и до сихъ поръ: епископъ Сисскій былъ признанъ самостоятельнымъ католикосомъ армянской церкви для Малой Азіи, Сиріи и Палестины; епископъ маленькаго островка на озерѣ Ванѣ также объявилъ себя самостоятельнымъ католикосомъ Ахтамарскимъ и подчинилъ себѣ ближайшія мѣстности, такъ что католикосъ Эчміадзина хотя и продолжалъ считаться старѣйшимъ между ними, но епархія его уже была сильно ограничена, особенно послѣ того, какъ, съ завоеваніемъ турками Византіи, Магометъ II перевелъ въ Константинополь армянскаго епископа Бруссы, со всею

Digitized by Google

его паствою, и сдѣлалъ его независимымъ отъ Эчміадзина патріархомъ армянъ, населявшихъ турецкія владѣнія въ Европѣ.

Нужно изумляться, какія неуловимыя схоластическія тонкости послужили причиною такого крупнаго событія, какъ отпаденіе армянской церкви отъ греческой. Человѣку, не искусившемуся въ хитросплетеиныхъ изворотахъ средневѣковой діалектики, просто непонятенъ даже общій смыслъ мнимой разницы въ ученіи ихъ. Наиболѣе искренніе изъ армянскихъ архипастырей и богослововъ всегда сознавали это и при состязаніяхъ съ греческимъ духовенствомъ на различныхъ соборахъ открыто признавались, что не видятъ существенной разницы между исповѣданіемъ вѣры грековъ и армянъ. Католикосъ Захарія, которому Фотій писалъ свое посланіе, приведенъ былъ въ крайнее удивленіе, какъ армяне въ теченіе столькихъ лѣтъ оставались въ невѣдѣніи объ истинномъ содержаніи опредѣленій халкедонскаго собора, и какъ могли они обвинять его въ поддержкѣ ереси Несторія, раздѣлявшаго Христа на два лица, когда соборъ этотъ подтверждалъ осужденіе первыми тремя соборами и лжеученія Несторія, и лжеученія Евтихія, сливавшаго въ одно оба естества Спасителя.

А католикосъ Нерсесъ на соборѣ въ Хромклѣ не противился признать два естества во Христѣ, но только желалъ удержать и прежнее армянское исповѣданіе единаго естества, вмѣстѣ съ тѣмъ осуждая ученіе Евтихія о единомъ естествѣ Христа, какъ ересь, оскорбительную для христіанской церкви.

„Мы не раздѣляемъ съ Несторіемъ единаго Христа на два лица,—писалъ Нерсесъ въ своемъ исповѣданіи вѣры,—и не смѣшиваемъ съ Евтихіемъ въ единое естество, но признаемъ съ великимъ Григоріемъ Богословомъ, что во *Христѣ два естества*: Богъ и человѣкъ. Если же говоримъ: единое естество, то потому что научились этому отъ православныхъ учителей церковныхъ и въ особенности отъ св. Кирилла. Итакъ, признаемъ съ св. Кирилломъ *единое естество слова*, воплотившееся по причинѣ неизреченнаго соединенія, и съ св. Григоріемъ *исповѣдуемъ два естества*, по ихъ неизмѣнности и непреложности. Согласно преданію св. православныхъ отцовъ, *предаемъ проклятію* тѣхъ, которые *допускаютъ единое естество Слова*, воплотившееся по превращенію и измѣненію одного естества въ другое“.

И вотъ, подумаешь, эти мнимые мудрецы, такъ самоувѣренно принимавшіе на себя смѣлость анализировать до мельчайшихъ тонкостей внутреннюю сущность невѣдомаго и невидимаго Бога и недоступную никому тайну воплощенія Божія, сами безнадежно путавшіеся въ лабиринтѣ своей казуистической софистики,—по-

Digitized by Google

зволяли себѣ во имя охраненія истины и евангельскаго ученія любви и мира—публично проклинать, отлучать отъ своего общенія, изгонять изъ отечества, заточать въ темницы, — тѣхъ изъ собратьевъ своихъ, которые съ такою же искренностью и такою же самонадѣянностью, какъ они сами, стремились постигнуть непостижимое, опредѣлить неопредѣлимое, но только розни ли съ ними въ какихъ-нибудь неуловимыхъ оттѣнкахъ мысли.

До того доводитъ людей даже и самыхъ лучшихъ намѣреній духъ нетерпимости и неуваженія къ свободѣ другихъ.

Армянскій соборъ въ Александрополѣ совсѣмъ той же архитектуры, какъ и древніе храмы, которые мы видѣли въ Эчміадзинѣ, Ани и Абаранскомъ ущельѣ. Онъ очень красивъ и великъ. Съ перваго взгляда внутренность его напомнила мнѣ русскіе храмы; тотъ же многорусный иконостасъ, увѣнчанный крестомъ, Евангеліемъ и сосудами св. Тайнъ. Только иконостасъ этотъ не спереди, а сзади престола, отдѣляетъ собою помѣщеніе ризницы, гдѣ одѣваются священники. Алтарь же на высокой солеѣ всегда открытъ и только въ рѣдкія минуты богослуженія затягивается занавѣсомъ; другой, маленькій занавѣсъ закрываетъ, кромѣ того, престолъ, когда священникъ причащается св. Тайнъ. Живопись на иконостасахъ—современной итальянской школы. Престолъ съ полочками, какъ у католиковъ, и всѣ полочки уставлены свѣчами. Службу совершалъ старый архимандритъ, суроваго вида, со многими священниками. Оригинальны митры и ризы армянскихъ архимандритовъ. Митра, увѣнчанная крестикомъ, окружена кольцомъ высокихъ и узкихъ золотыхъ образковъ съ ликами святыхъ; такія же золотыя или серебряныя, закругленныя сверху таблички съ изображеніемъ двѣнадцати апостоловъ—составляютъ стоячій воротъ ризы.

Можетъ быть, по незнанію языка, только я не нашелъ рѣшительно никакого сходства съ нашимъ богослуженіемъ. Архимандритъ благословляетъ народъ какъ-то бокомъ, не обращаясь къ нему; священники все время поютъ, кадятъ и потрясаютъ рипидами съ бубенчиками. Вмѣсто ризъ, на священникахъ и дьяконахъ, а можетъ быть, и причетникахъ, —какіе-то мятые, по пятки длинные халаты съ темными крестами на спинѣ, на ногахъ — туфли безъ задковъ. Очень часто поетъ подолгу и на всю церковь одинъ священникъ, а другіе въ это время скрываются въ темной ризницѣ. Кромѣ священниковъ, поетъ и хоръ. Онъ собирается ниже солеи, передъ алтаремъ, въ пространствѣ,

Digitized by Google

отгороженномъ отъ публики рѣшоткою. Канторъ, въ полосатомъ стихарѣ, управляетъ десяткомъ мальчиковъ въ бѣлыхъ коленкоровыхъ стихаряхъ и выводитъ, не жалѣя себя, самыя замысловатыя модуляціи. Къ хору этому сошли одинъ разъ въ теченіе обѣдни нѣсколько священниковъ въ черныхъ ризахъ, постояли, поклонились другъ другу и ушли. Поклоновъ, вообще, очень много въ армянскомъ богослуженіи. Народъ тоже не разъ долженъ кланяться другъ другу въ извѣстныхъ мѣстахъ обѣдни; это исполняется благоговѣйно, со сложенными на груди руками. Но богомольцевъ вообще очень мало, да и то все простонародье, почти одни старики и женщины. Женщины, какъ у магометанъ, помѣщаются назади, на хорахъ. Немногія изъ нихъ, опять-таки по-мусульмански, сидятъ на коврикахъ, ближе къ серединѣ. И стоятъ армяне въ своей церкви какъ мусульмане, вытянувъ ладони впередъ и вверхъ, и садятся на полъ по-мусульмански, поджавъ подъ себя ноги. Конечно, это внѣшность, не имѣющая значенія и говорящая только о многовѣковомъ игѣ мусульманъ надъ этимъ народомъ, такъ стойко защищавшимъ свое христіанство. Меня особенно заинтересовалъ обрядъ, который происходилъ въ сторонкѣ, во время слишкомъ долго длившейся обѣдни. На одномъ изъ ковриковъ сидѣла молодая, богато одѣтая родильница съ младенцемъ на рукахъ, окруженная своими домашними. Она вручаетъ своего ребеночка мальчику лѣтъ десяти, который несетъ его, провожаемый такими же крошками-ассистентами, къ нишѣ въ боковой стѣнѣ, гдѣ выдолблена каменная купель крестообразной формы; туда наливаютъ изъ ведра теплой воды, зажигаютъ кругомъ свѣчи, является священникъ въ митрѣ, болѣе простой, чѣмъ у архимандрита, въ бѣлой старой ризѣ, крайне неказистаго вида, и совершаетъ крещеніе младенца, передавая его обратно принесшему мальчику. Мать вновь пеленаетъ хорошенько ребенка, и тогда священникъ несетъ его на солею въ алтарь и держитъ сначала передъ боковымъ престоломъ, читая какія-то молитвы, потомъ передъ главнымъ престоломъ, гдѣ прилегаетъ вмѣстѣ съ нимъ на полъ, не переставая причитывать...

При непониманіи смысла пѣнія, всѣ эти безчисленные, утомительно долго повторяющіеся внѣшніе обряды производятъ очень странное впечатлѣніе, мало напоминающее простоту и сердечность истинно-христіанской молитвы.

Digitized by Google

XI.—На баттареяхъ Карадага.

Простившись съ нашимъ спутникомъ, Степаномъ Ив. К—номъ, которому давно уже пора было ѣхать домой, и на бѣду котораго Алагёзъ за послѣднія двѣ ночи весь съ макушки до пятокъ покрылся снѣгомъ, прихватившимъ и шоссейную дорогу,—отправились мы рано утромъ на поѣздъ, отходившій въ Карсъ.

Признаюсь, объ этой новой, еще совсѣмъ не осѣвшей и далеко не оборудованной желѣзной дорогѣ мы еще въ Тифлисѣ слышали столько ужасающихъ разсказовъ, читали въ газетахъ про столько кровавыхъ катастрофъ, слѣдовавшихъ иногда по нѣскольку одна за другою,—что не безъ жуткаго чувства готовились сѣсть въ поданный поѣздъ вмѣстѣ съ нашимъ инженеромъ-строителемъ, который нисколько не обнадеживалъ насъ въ этомъ отношеніи; дѣйствительно, отъ дороги, едва оконченной вчернѣ, открывшей только временное движеніе и не имѣвшей еще настоящаго служебнаго персонала, необходимаго для ея эксплоатаціи, невозможно было и требовать, чтобы ея ничтожный по числу и по вознагражденію временный составъ нижнихъ служащихъ,—изъ которыхъ каждый вынужденъ былъ исполнять въ одиночку работу троихъ,—успѣвалъ все предусмотрѣть и все предупредить. Но, перекрестившись, надо было пускаться въ путь, на спасительный русскій „авось"! Съ нами отправился и старшій участковый инженеръ, г. Р., человѣкъ бывалый и опытный, успѣвшій прекрасно познакомиться со всѣми мѣстными условіями края, и потому очень интересный для меня.

Позавтракалъ съ нами на прощанье, въ компаніи К—на и нѣсколькихъ молодыхъ инженеровъ, на недостроенномъ еще обширномъ александропольскомъ вокзалѣ, и нашъ недавній знакомецъ, субботникъ Поповъ. Выпили за здоровье другъ друга и особенно за то, чтобы цѣлыми доѣхать до Карса, и разсѣлись по своимъ вагонамъ.

Инженеръ Р. производилъ изысканія уже начатой другой желѣзной дороги изъ Александрополя въ Эривань, и могъ поэтому сообщить намъ точныя свѣдѣнія о ней.

Дорога—стратегическая и вмѣстѣ транзитная; она должна идти на Сардаръ-Абадъ, мимо Эчміадзина, на Нахичевань и Джульфу. Отъ Джульфы предполагается персидская желѣзная дорога, для чего уже производятся предварительныя изысканія партіею нашихъ инженеровъ. Хотя армяне и жалуются, что новая дорога совсѣмъ не заходитъ въ Эривань и проходитъ

Digitized by Google

мимо Эчміадзина, но ихъ жалобы неосновательны, по мнѣнію г-на Р. Стратегическая и транзитная дорога должна быть по возможности короче; заѣздъ же на Эривань заставилъ бы каждый пудъ груза и каждаго пассажира платить даромъ за нѣсколько десятковъ верстъ и терять полъ-дня времени. Между тѣмъ уже утверждена вѣтка на Эривань отъ главной линіи,—слѣдовательно, всѣ товары Эривани найдутъ себѣ свободный выходъ; а отъ Эчміадзина дорога проходитъ всего версты двѣ, три, и онъ не имѣетъ ни малѣйшаго торговаго значенія.

Да и Эривань, по мнѣнію Р., все равно, не могла бы при желѣзной дорогѣ сохранить свое теперешнее значеніе складочнаго мѣста для окрестнаго хлопка, идущаго теперь черезъ Акстафу въ Тифлисъ и Москву. Лодзинскіе и московскіе фабриканты, покупающіе здѣсь хлопокъ и имѣющіе свои плантаціи, конечно, при постройкѣ желѣзной дороги стали бы прессовать свой хлопокъ уже не въ Эривани, а на ближайшихъ станціяхъ желѣзной дороги, откуда бы и отправляли прямо въ Тифлисъ и далѣе.

Особенныя трудности для проведенія этой дороги представляетъ Алагёзъ; со всѣхъ другихъ сторонъ онъ даетъ массы воды, а съ той стороны, гдѣ его огибаетъ новая дорога по пути къ Сардаръ-Абаду, онъ не даетъ ровно ничего; у подножія его стелется настоящая библейская пустыня,—ни жителей, ни полей, одни камни. Тамъ оказалось необходимымъ устроить крайне дорогой и трудный водопроводъ. Пришлось поднимать воду изъ Арпачая на огромную высоту въ запасный бассейнъ, и уже оттуда пускать воду внизъ по чугуннымъ трубамъ, зарытымъ въ землѣ. Сооруженіе это стоитъ до 800.000 рублей.

Курдовъ Алагёза Р. знаетъ отлично. Онъ не разъ бывалъ въ ихъ селеніяхъ и даже гостилъ у нихъ. Въ 1895 г., всего черезъ мѣсяцъ послѣ убійства пристава Монастырскаго, который преслѣдовалъ одного убійцу-курда, курдскія деревни праздновали освобожденіе изъ тюрьмы своего земляка и приглашали къ себѣ на пиръ Р. Онъ ѣхалъ черезъ ихъ селенія съ урядникомъ пристава, самымъ отчаяннымъ изъ разбойниковъ, не успѣвшимъ только попасться. Курды встрѣчали его вооруженными отрядами, богато разодѣтые, съ дорогимъ оружіемъ, и цѣлою сотнею джигитовали вокругъ его коляски.

Между Александрополемъ и Карсомъ тянется такъ называемое Духоборье. Земли, покинутыя турками, ушедшими за нашу

Digitized by Google

границу послѣ присоединенія Карсской области, правительство заселило русскими сектантами, сосланными въ Закавказье, особенно духоборами. Эти трудолюбивые, трезвые и умные люди въ короткое время превратили пустынный край въ житницу Кавказа и сами достигли такого благосостоянія, о которомъ жители коренной Россіи не имѣютъ понятія. Къ великому прискорбію всѣхъ честныхъ людей, неумѣлыя мѣры мѣстной администраціи привели къ необходимости выселить громадное большинство этихъ незамѣнимыхъ хозяевъ вонъ изъ отечества и обезлюдить хуже чѣмъ бѣдствіями войны эту прежде цвѣтущую мѣстность. Русскіе пограничные рубежи, безъ того заселенные почти вездѣ татарами, курдами, армянами, лишились черезъ это могучаго русскаго ядра, которое становилось-было надежнѣйшимъ оплотомъ русскаго вліянія и русской власти въ этихъ далекихъ враждебныхъ окраинахъ. Эту несчастную мѣру можно сравнить только съ безумнымъ кровопусканіемъ изъ истощеннаго организма, нуждающагося въ усиленномъ подъемѣ своего питанія.

Духоборскія опустѣвшія селенія встрѣчаются намъ одно за другимъ и производятъ гнетущее впечатлѣніе какихъ-то громадныхъ кладбищъ.

Вотъ Кирилловка, куда начинаютъ понемножку переселяться нѣсколько семействъ съ Кубани. Ее караулятъ теперь чепары. Большія, чистыя избы духоборовъ и ихъ хозяйственно устроенные обширные дворы отдаются переселенцамъ за опредѣленную плату. Пустыя стоятъ также Спасовка, Покровка, Терпѣнье, переименованное, по приказу мѣстнаго начальства, въ „Плодородное“, и много другихъ селъ.

Говорятъ, будто въ послѣднее время возвратилось два, три семейства духоборовъ изъ Канады, гдѣ хозяйство требуетъ слишкомъ большихъ денегъ и не подъ силу многимъ изъ нихъ, привыкшимъ къ дешевому вольному хозяйству нашихъ окраинъ.

Духоборы, по словамъ нашихъ спутниковъ, ушли, впрочемъ, не всѣ. Процентовъ десять ихъ осталось на старыхъ мѣстахъ и подчинились всѣмъ требованіямъ правительства. Остались именно такъ называемые „мясники“, допускающіе употребленіе мяса; всѣ же остальные, вегетаріанцы,—или травоѣды, если хотите,—ушли въ Америку. О причинѣ ихъ ухода говорятъ здѣсь разно. Одни увѣряютъ, будто они слышать не хотѣли не только о солдатчинѣ, но вообще ни о какой службѣ; а большинство стоитъ за то, что ихъ не умѣли уговорить и уяснить имъ дѣло, что съ ними обращались слишкомъ рѣзко и грубо,—казаки, будто бы, безъ церемоніи грабили у нихъ все. Духоборовъ возмущало

Digitized by Google

особенно то обстоятельство, что имъ не позволяли откупаться отъ военной службы, между тѣмъ какъ всѣмъ кавказскимъ татарамъ дозволено платить деньги вмѣсто отправленія воинской повинности.

Продаю, конечно, за что купилъ, не подтверждая и не отрицая фактовъ, переданныхъ мнѣ мѣстными жителями.

Что духоборы были вообще народъ мирный и послушный —это утверждаютъ здѣсь единогласно всѣ, кто жилъ съ ними. Р. видѣлъ своими глазами, какъ всего только два чепара вели въ тюрьму цѣлое населеніе духоборской деревни; эти рослые, здоровые, закаленные въ трудѣ люди шли смирно, какъ стадо овецъ, распѣвая псалмы, радуясь своему мученичеству; а женщины ихъ сидѣли и стояли на скалахъ кругомъ дороги, по которой ихъ гнали, и тоже пѣли имъ въ напутствіе священные гимны. Даже простой народъ плакалъ, глядя на эту трогательную картину, напоминавшую библейскія времена.

У духоборовъ не полагается священныхъ книгъ. Они признаютъ, какъ увѣряли меня, одну „животную книгу“,—„написанную въ сердцѣ живую совѣсть человѣческую“,—и на этомъ основаніи считаютъ справедливымъ подчиняться только Богу, а не людямъ.

Село Терпѣнье—за станціею „Ставка Караялъ“; тутъ еще осталось нѣсколько богатыхъ „мясниковъ“ изъ духоборовъ. Недавно одного изъ нихъ убилъ и ограбилъ рублей на семьсотъ разбойникъ Тали-Юсуфъ. Онъ—житель сосѣдней татарской деревни Ак-бабы и, какъ разсказываютъ, сдѣлался разбойникомъ совсѣмъ случайно. Онъ завелъ себѣ винтовку, вопреки строгому запрещенію; александропольскій уѣздный начальникъ узналъ про это и вызвалъ его въ городъ, чтобы отобрать оружіе. Тали-Юсуфъ не захотѣлъ разстаться съ пріобрѣтенною драгоцѣнностью, которая для него была дороже жены и дѣтей; онъ скрылся изъ города; послали въ догонку за нимъ чепаровъ, поднялась перестрѣлка,—и Тали-Юсуфъ вынужденъ былъ послѣ этого уйти въ горы и стать разбойникомъ.

Спасовка,—или, по прежнему татарскому названію, Шахъ-Наларъ,—очень близко отъ желѣзной дороги, слѣва, у Карсъ-Чая. Правильно разбитые дворы ея очень похожи на хохлацкіе; такіе же опрятно-причесанныя, смазанныя бѣлою глиною, соломенныя крыши, только болѣе плоскія. Тамъ уже шевелятся кое-гдѣ переселенцы. Правительство скупило у духоборовъ, уходившихъ въ Канаду, ихъ дома, по 250 руб. за дворъ, также какъ все сѣно

Digitized by Google

и солому, остававшіяся въ ихъ дворахъ, чтобы переселенцы могли чѣмъ-нибудь кормить въ первое время свой скотъ. Конечно, уплаченныя суммы будутъ взыскиваться потомъ съ переселенцевъ, но съ раскладкою на нѣсколько лѣтъ.

Противъ Спасовки, на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая—историческая въ нѣкоторомъ смыслѣ гора, на которой духоборы, подъ вліяніемъ учителя своего Веригина, торжественно сожгли все свое оружіе и постановили никогда болѣе не осквернять имъ рукъ своихъ. Духоборье справа и слѣва окружено по сосѣднимъ горамъ селеніями курдовъ и татаръ, противъ которыхъ долгое время приходилось имъ вести постоянную войну, защищая свои стада и дома. Поэтому духоборы, набравъ много денегъ во время турецкой войны, обзавелись дорогимъ оружіемъ и сдѣлались ловкими стрѣлками; въ то же время избытокъ средствъ вредно отразился на ихъ нравственности; они стали развратничать и пьянствовать, позабывъ основныя правила своей секты. Но Петръ Веригинъ, сдѣлавшійся ихъ духовнымъ вождемъ послѣ смерти ихъ извѣстной учительницы, Лукерьи Васильевны Калмыковой,—своими страстными рѣчами убѣдилъ ихъ исправиться, бросить водку и кутежи, сжечь оружіе, не ѣсть мяса и строго преслѣдовать всякій развратъ.

Несмотря на близость Карсъ-Чая, станціи карсской желѣзной дороги довольно бѣдны водою. Вода здѣсь вездѣ, начиная отъ станціи Караяла до самаго Карса, съ минеральными солями, какъ и на баку-тифлисской дорогѣ. Поэтому приходится брать хорошую воду въ духоборскомъ селѣ Горѣловкѣ, въ трехъ верстахъ отъ станціи Башкадыкларъ, поднимать ее машинами и по трубамъ проводить до станцій; тутъ даже въ поѣздахъ вы всегда увидите вагонъ-цистерну для воды, которую развозятъ по работамъ и отчасти по станціямъ.

Къ станціи Башкадыкларъ подъѣзжаешь тремя очень глубокими выемками въ скалистыхъ стѣнахъ, напоминающими тунели своего рода; по нимъ можно судить, какихъ трудовъ стоило прорубаніе дороги сквозь эти крѣпкія какъ гранитъ породы. За станціею влѣво за горою, большое озеро Чалдыръ-Гелъ; это прекрасное озеро, протянувшееся на 18 верстъ высоко въ горахъ, полно форели и всевозможной дикой птицы: лебеди, бабы-птицы и всякая другая дичь кишмя-кишитъ тамъ, и наши инженеры, строившіе дорогу, развлекались отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ и однообразной жизни интересною охотою на его роскошныхъ берегахъ.

Digitized by Google

Уже на первой станціи, Караялѣ, мы наткнулись на крушеніе поѣзда. Съ нами въ вагонѣ, кромѣ инженеровъ, ѣхалъ еще исправлявшій должность карсскаго губернатора, генералъ Г., сопровождаемый мѣстнымъ окружнымъ начальникомъ. Оказалось, что путь поврежденъ и загроможденъ упавшими вагонами, и что придется обождать, пока его расчистятъ. Мы всѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Г., отправились осматривать сокрушившійся поѣздъ, довольные въ душѣ, что эта бѣда пришлась не на нашу долю. По счастью, пострадало всего только три человѣка, да и то сравнительно легко, такъ что одинъ изъ раненыхъ, послѣ перевязки фельдшера, отправился пѣшкомъ куда-то домой. Поѣздъ былъ товарный, и несчастіе произошло отъ самой пустой причины: въ одной изъ ступенекъ вагона откололась половина доски; прикрѣплявшій ее винтъ съ гайкою, вслѣдствіе этого, провалился и повисъ нѣсколько ниже, чѣмъ при доскѣ, а черезъ это онъ зацѣпилъ, при проходѣ поѣзда, за рычагъ стрѣлки,—рычагъ повернулся, сбросилъ стрѣлочника въ ровикъ и направилъ вторую половину поѣзда, уже продвинувшаго свои передніе вагоны по одному пути,—на другой путь; понятно, что поѣздъ, растягиваемый въ разныя стороны, сталъ рваться, коверкая и опрокидывая вагоны, сбивая рельсы.

Страшно было смотрѣть на эти тяжелыя желѣзныя полосы, ссученныя словно пеньчная веревка, на эти желѣзныя громады, изломанныя словно картонные домики, лежавшіе вверхъ колесами съ распоротымъ брюхомъ, будто убитыя колоссальныя животныя. Толпа народа стояла въ безплодномъ раздумьи надъ ними, какъ надъ трупами утопленниковъ, только-что вытащенныхъ изъ воды.

Генералъ Г. и наши инженеры допытывались отъ участниковъ крушенія подробностей катастрофы, и все заставляло думать, что дѣйствительно виною ея былъ этотъ незамѣченный вовремя злополучный винтъ.

„Ставка Мацра“ — послѣдняя станція передъ Карсомъ. Названа она въ память той „ставки Мацры“, въ которой находился главнокомандующій нашею арміею, великій князь Михаилъ Николаевичъ, при взятіи Карса въ 1877 году,—которая, однако, была не здѣсь, а на пять верстъ выше, на горѣ.

Мацра—высшая точка карсской дороги, на 6.055 футовъ отъ уровня моря. Станція Карсъ уже на 30 саженъ ниже.

Въ Карсъ мы пріѣхали уже вечеромъ и не стали осматривать его до утра.

Digitized by Google

Въ гостинницѣ „Имперьяль“ намъ отвели два маленькихъ, но довольно чистенькихъ номера, по 1 р. 50 к.; столъ тоже оказался порядочный и недорогой. Прежде всего нужно было добыть билеты на право завтрашняго осмотра крѣпости и фортовъ, для чего мы съ зятемъ тотчасъ же отправились въ крѣпостной штабъ. Тамъ, однако, уже не было никого изъ начальства, и пришлось сноситься телеграфомъ съ адъютантомъ. Получивъ его обѣщаніе прислать разрѣшеніе, мы поручили писарю принести намъ его въ гостинницу и съ удовольствіемъ усѣлись за поздній, но зато достаточно плотный обѣдъ, или, вѣрнѣе, ужинъ. Выспались отлично, и въ $8^1/_2$ часовъ утра у крыльца уже ждала насъ приличная коляска парою, нанятая за 3 руб. для поѣздки во всѣ форты. Еще рано утромъ, только вскочивъ съ постели и открывъ настежь широкое окно, мы съ женою любовались, не отрывая глазъ, на оригинальный видъ, стоявшій передъ нами, словно какая-то чудная, фантастическая картина въ рамѣ окна. Послѣ вчерашняго дождика, моросившаго съ перерывами почти цѣлый день, утро сіяло жаркое и яркое, какого не бываетъ даже и въ іюлѣ у насъ, на холодной Руси. На фонѣ синяго южнаго неба вырѣзалась прямо передъ нами своими рѣзкими черными силуэтами капризно изломанная коническая скала, а высоко на макушкѣ ея и по ея обрывамъ—зубчатыя стѣны и башни старой турецкой цитадели, увѣнчанной русскимъ флагомъ. Плоскокрышіе кубики турецкихъ домиковъ, съ ихъ чуть слѣпленными балкончиками и рѣшотчатыми окнами, живописно лѣпятся со всѣхъ сторонъ по обрывамъ и уступамъ этой защитной скалы, взлѣзая на голову одинъ другому, карабкаясь вверхъ со дна долины словно ступени лѣстницы; такіе же каменные кубы и деревянные балкончики, перемѣшанные съ темно-зелеными пирамидами тополей, съ стройными иглами минаретовъ, съ куполами мечетей и бань, насыпаны безпорядочною кучею у подножія скалы, въ глубокой котловинѣ между суровыми, голыми горами, ощетинившимися жерлами пушекъ и насыпями баттарей...

Городъ сначала уходитъ внизъ, въ эту глубокую лощину, по берегамъ Карсъ-Чая, потомъ поднимается круто на горы и къ подножію крѣпостной скалы. Общій видъ его издали—азіатскаго города; но когда ѣдешь по улицамъ, то видишь уже много по-европейски построенныхъ домовъ, магазиновъ, лавокъ, фаэтоны извозчиковъ, хотя и мало по-европейски одѣтой публики среди турецкой и татарской толпы. Солдаты, офицеры — на каждомъ шагу.

Направляясь въ крѣпость, мы заѣхали въ очень древній со-

Digitized by Google

боръ Карса, построенный, какъ думаютъ, въ X-мъ столѣтіи. Этотъ соборъ 12-ти апостоловъ былъ сначала армянскій, потомъ лѣтъ четыреста онъ принадлежалъ грекамъ, потомъ былъ обращенъ турками въ мусульманскую мечеть. Послѣ присоединенія Карса къ Россіи, поднялся ожесточенный споръ между армянами и греками,—кому отдать древнюю святыню. Императоръ Александръ III очень просто разрѣшилъ этотъ споръ, обративъ соборъ въ русскій православный, и сдѣлалъ его главнымъ войсковымъ и городскимъ храмомъ во имя св. Михаила Архангела.

Соборъ въ общеармянскомъ стилѣ, съ двѣнадцатигранною башнею, крытою тяжелыми каменными плитами, съ основаніемъ о десяти выступахъ. Кругомъ оконъ и дверей, по карнизамъ—обычная каменная рѣзьба, а въ простѣнкахъ—вырѣзанныя на камнѣ же фигуры святыхъ младенчески-неумѣлаго рисунка, доходящаго въ иныхъ подробностяхъ своихъ до нелѣпости и безобразія. Уже этотъ первобытный характеръ скульптуры, далеко не похожій на гораздо болѣе художественныя изображенія древнихъ храмовъ Ани и Эчміадзина, подтверждаетъ глубокую древность карсскаго собора.

Славная грузинская царица Тамара владѣла нѣкоторое время Карсомъ, и мѣстные жители увѣряютъ, будто она-то первая и дала теперешнее имя городу. По мѣстной легендѣ, когда Карсъ взятъ былъ грузинами послѣ кровопролитнаго боя, то изъ ущелья, гдѣ было множество убитыхъ, неслось такое зловоніе отъ разлагающихся труповъ, что царица сказала съ отвращеніемъ: „Этотъ городъ нужно назвать „*харсъ*“ (т.-е. „вонь“).

Въ книгахъ, однако, дается другое объясненіе имени „Карсъ“, которое производятъ отъ грузинскаго слова „кари“—„двери или ворота“,—„Карисъ-Канаки“ („городъ-двери“),—обозначая, будто бы, этимъ важное положеніе города на главномъ пути изъ азіатской Турціи въ Грузію.

Дѣйствительно, Карсъ издревле игралъ роль порубежной крѣпости между Турціею, Персіею, Арменіею и Грузіей. Особенно сильно укрѣпили его турки во время своихъ войнъ съ персами въ XVI-мъ столѣтіи при султанѣ Мурадѣ III.

Это не помѣшало, однако, нашимъ кавказскимъ молодцамъ подъ предводительствомъ Паскевича съ налета овладѣть въ 1828 году Карсомъ, ворвавшись въ него вслѣдъ за разбитыми турецкими войсками.

Проѣхали мимо дома военнаго собранія на ту сторону рѣки, ѣдемъ черезъ турецкую часть города, облѣпившую кругомъ ци-

Digitized by Google

тадель. Высоко надъ нашими головами виситъ словно какая-то изумительно-картинная декорація, забравшаяся на вершину нагроможденныхъ другъ на друга скалъ, неприступная средневѣковая крѣпость съ ея зубчатыми стѣнами, спалзывающими внизъ по отвѣснымъ обрывамъ; висятъ надъ нашею головою, стоя другъ на другѣ, и эти своеобразные азіатскіе дома, со вторымъ этажемъ шире перваго, съ третьимъ этажемъ шире второго, открывая теперь изблизи всѣ домашнія тайны своихъ грязныхъ двориковъ, лѣсенокъ и балкончиковъ; широкіе и огромные глиняные купола поднимаются какъ могильные курганы на турецкихъ баняхъ, поросшихъ вѣниками. Толпа тутъ такая же восточная, какъ и жилища: турецкія и армянскія бабы, съ укутанными лицами, турки въ курточкахъ и въ широчайшихъ шароварахъ, словно сваливающихся съ нихъ, жалкіе и словно смущенные своимъ новымъ положеніемъ.

Когда мы объѣхали, наконецъ, скалу цитадели, то очутились въ глубокомъ живописномъ ущельѣ, со всѣхъ сторонъ заслоненномъ горами; солнце еще не успѣло заглянуть въ это глухое провалье, и въ немъ еще стояла прохладная сырость и полутьма ночи. Пѣнистый быстрый потокъ Карсъ-Чая гудитъ внизу, извиваясь между сдавившими его громадами горныхъ кручъ. На этой сторонѣ—цитадель, вздернутая Богъ знаетъ какъ высоко, къ самымъ облакамъ; къ ней поднимается со дна ущелья почти отвѣсная каменная лѣстница, устроенная уже русскими для удобнаго сообщенія съ фортами и городомъ.

Вся скала подъ цитаделью—въ тунеляхъ и тайныхъ ходахъ, секретъ которыхъ тщательно сохраняется. Никто, кромѣ подлежащаго начальства, не знаетъ, гдѣ ходы къ водѣ, гдѣ скрыты телеграфные и телефонные кабели; съ подрядчиковъ, строившихъ эти подземные коридоры, взяты, говорятъ, строжайшія подписки о сохраненіи тайны. Мы теперь въ громадной природной котловинѣ, отовсюду защищенной неприступными горами и неприступными фортами. Внутри этого мѣшка можно спрятать безопасно цѣлую армію, а уже во всякомъ случаѣ безопасно передвигать ее, куда требуется. Здѣсь, глубоко внизу, на берегу рѣки, дома военныхъ инженеровъ и домъ коменданта Карса, соединенный особымъ мостикомъ съ мухлисскими высотами. Крутизны горъ, обставившихъ своими естественными стѣнами это отлично укрытое и вмѣстѣ просторное ущелье, изрѣзаны словно налиневанными на нихъ бѣлыми зигзагами чрезвычайно пологаго и гладкаго шоссе, по которому не только могутъ легко двигаться во всѣ стороны колонны пѣхоты и эскадры конницы, но даже мо-

Digitized by Google

жетъ на всѣхъ рысяхъ нестись на самый верхъ горъ, къ грознымъ фортамъ Карадага и Мухлиса, самая тяжелая артиллерія. Между горою Карадага и мухлисскими высотами устроена еще колоссальная каменная лѣстница совершенно римской грандіозности, въ нѣсколько саженъ ширины, съ безчисленнымъ множествомъ великолѣпныхъ гранитныхъ ступеней, сходящихъ съ Мухлиса на дно котловины, къ руслу Карсъ-Чая, перехваченному такимъ же прочнымъ мостомъ, и потомъ поднимающихся на такую же высоту, такимъ же множествомъ широчайшихъ ступеней, по кручамъ Карадага къ форту Рыдзевскаго. Мнѣ говорили, что въ обѣихъ лѣстницахъ полторы тысячи ступеней и стоила она 200.000 рублей. Полки пѣхоты могутъ сбѣгать и взбѣгать по этимъ роскошнымъ лѣстницамъ, не изнуряя себя, какъ прежде, на лазанье черезъ отвѣсные обрывы по непроходимымъ тропинкамъ. Будь у турокъ, во время послѣдняго ночного приступа русскихъ, такія удобныя сообщенія между фортами,—кто знаетъ, удалось ли бы нашимъ храбрецамъ-кутаисцамъ остаться хозяевами неожиданно захваченнаго Карадага, господствовавшаго надъ всѣмъ городомъ, и принудить на другое утро сдаться неприступный Карсъ. Можно представить себѣ, однако, какихъ денегъ должно было стоить намъ все вмѣстѣ—эти лѣстницы, тунели, мосты и шоссе, соединившіе теперь между собою рѣшительно всѣ, даже самые отдаленные форты Карса. Увѣряютъ, будто одного шоссе проведено внутри крѣпостныхъ верковъ не менѣе 30-ти верстъ. На самомъ берегу Карсъ-Чая, подъ защитою карадагской горы, построены три каменныхъ домика подъ желѣзной крышей, окруженные выше головы земляным валомъ. Это—склады динамита, помѣщенные въ самомъ недоступномъ уголкѣ ущелья. Какъ разъ противъ нихъ, подъ мухлисскими высотами—нѣсколько большихъ складовъ хлѣба и разныхъ съѣстныхъ припасовъ для гарнизона. Склады эти несгараемые, потому что построены каменными сводами, подъ желѣзомъ, безъ малѣйшаго участія дерева.

Коляска наша съ четырьмя сѣдоками легкою рысью вкатилась по превосходному шоссе, обнесенному оградой, на самый верхъ карадагскихъ высотъ.

На половинѣ дороги стоитъ крѣпкій замокъ военной тюрьмы, сложенный изъ тесаннаго трахита. Это—центральный пунктъ, перерѣзающій отступленіе изъ Карадага, изъ цитадели и изъ другихъ мѣстъ. Мимо нѣсколькихъ входовъ въ тунели, просверливающіе гору въ разныхъ направленіяхъ, добрались мы и до фор-

Digitized by Google

товъ Карадага. Слѣва все время провожали насъ, хмурясь, черныя пушки форта Рыдзевскаго, на которомъ виднѣется небольшой памятникъ погибшимъ на немъ героямъ. Взятіе его стоило намъ многихъ жертвъ, но взять его все-таки было необходимо, потому что выстрѣлы его страшно поражали русскихъ, когда тѣ ворвались въ Карадагъ. Пороховой складъ стоитъ отдѣльно, тоже весь изъ одного камня и желѣза, и тоже огороженный выше крыши своей земляным валомъ и утыканный цѣлымъ лѣсомъ вѣтвистыхъ и перистыхъ громоотводовъ. Черезъ высокій земляной валъ мы подъѣхали къ желѣзнымъ воротамъ каменнаго форта, сложеннаго также изъ обдѣланныхъ глыбъ трахита. Его окна-бойницы закрываются огромными желѣзными ставнями. Вообще, здѣсь нигдѣ не увидишь ничего кромѣ желѣза, земли и камня,—ни одного куска дерева. Мы попросили вызвать къ намъ офицера, завѣдующаго фортомъ, и представили ему билетъ, выданный намъ изъ крѣпостного управленія. Тотчасъ же къ намъ былъ отряженъ старшій фейерверкеръ, который и повелъ насъ пѣшкомъ по всѣмъ баттареямъ форта. На пути къ нему присоединился еще зачѣмъ-то крѣпостной жандармъ, старослуживый воинъ, оказавшійся, кстати, изъ воронежской губерніи, богучарскаго уѣзда,—стало быть, въ родѣ земляка; онъ, съ своей стороны, всячески старался дополнять объясненія не особенно разговорчиваго артиллериста. Карадагскіе форты — это цѣлый лабиринтъ земляныхъ валовъ. уставленныхъ пушками, и глубокихъ рвовъ, тянущихся во всевозможныхъ направленіяхъ; каждая пушка защищена сзади и съ боковъ высокими и широкими земляными насыпями, которыя предохраняютъ ее отъ выстрѣловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не даютъ ядру или бомбѣ, попавшимъ-таки въ помѣщеніе этой пушки, поражать своими осколками прислугу сосѣднихъ орудій. Пушки тутъ всевозможныхъ родовъ,—мѣдныя, чугунныя, стальныя; эти черныя длинныя чудовища бьютъ настолько далеко, что могутъ осыпать непріятеля шрапнелью, не подпуская его на пять верстъ до крѣпости, а бомбами и гранатами—даже за 8 верстъ. Все это—орудія своего русскаго литья. Глубокіе и широкіе наружные рвы выложены по своимъ эскарпамъ и контръ-эскарпамъ трахитовыми камнями, и въ нихъ проведены въ разныхъ мѣстахъ черезъ толщи скалы потерны для незамѣтнаго выхода войскъ въ эти самые рвы. Впереди рвовъ, на нѣкоторомъ разстояніи—ложементы для стрѣлковъ, чтобы обстрѣливать изъ ружей аттакующаго врага, когда онъ приблизится настолько, что крѣпостныя орудія уже не могутъ дѣйствовать противъ него. На углу карадагскихъ высотъ, обращенномъ къ цитадели и городу, — ровная

Digitized by Google

круглая площадка, на которой въ прежнее время, при туркахъ, вращались по рельсамъ подъ угломъ 90° двѣ огромныя крѣпостныя пушки, — на которыя у нихъ была особенная надежда. Тутъ же около—турецкій каменный фортъ Зіаретъ, сохранившій на своихъ стѣнахъ даже врѣзанную въ нихъ старую доску съ турецкою надписью; въ подвалѣ этого форта погребенъ какой-то очень чтимый турецкій святой, къ которому до сихъ поръ ходятъ на поклоненіе мусульманскіе богомольцы. Вѣроятно надпись доски относится къ этому магометанскому святому. Фадѣевъ, геройскій командиръ кутаисскаго полка, взялъ Карадагъ, пройдя какъ разъ подъ этими вращающимися громадными пушками, къ воротамъ Зіарета. Онъ ѣхалъ по кручѣ верхомъ на конѣ во главѣ своихъ храбрецовъ.

Когда наши войска, въ ночь съ 5-го на 6-ое ноября 1877 года, были двинуты на штурмъ Карса, туманъ и нетвердое знаніе мѣстности вызвали много опасныхъ неожиданностей. Еще раньше два баталіона кутаисскаго полка, подъ начальствомъ Фадѣева, совершенно случайно забрели въ укрѣпленія турецкаго форта Гафиза, и взяли его молодецкимъ натискомъ; но ихъ не поддержали, и утромъ они очистили фортъ, забравъ плѣнныхъ. Въ ночь же общаго штурма войска наши то-и-дѣло ошибались въ направленіи своихъ аттакъ и натыкались на неодолимыя преграды. Правый берегъ Карсъ-Чая вокругъ Карса былъ сплошь покрытъ фортами, которые не всѣ были извѣстны начальникамъ аттакующихъ колоннъ. Несмотря на беззавѣтное мужество нашихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, цѣлый рядъ ночныхъ аттакъ окончился сначала полною неудачею; князь Меликовъ съ своею колонною, захвативъ фортъ Сувари, двинулся-было черезъ предмѣстья Карса къ сильному форту Чимъ, на гористой лѣвой сторонѣ рѣки, но былъ убитъ, и его отрядъ вынужденъ былъ отступить не только отъ Чима, но и отъ Сувари... Комаровъ также былъ отбитъ отъ Чима. Отчаянная аттака Граббе на Канлы также не удалась, и храбрецъ-генералъ палъ однимъ изъ первыхъ на валахъ форта. Во рвахъ Тохмаса—углового и передового форта карсскихъ укрѣпленій лѣвой стороны, — палъ другой нашъ храбрецъ—Бучкіевъ, и отрядъ его отступилъ съ большими потерями.

Въ это время три баталіона кутаисцевъ съ своимъ славнымъ полковникомъ Фадѣевымъ опять-таки случайно зашли въ сумракѣ ночи слишкомъ вправо отъ назначеннаго имъ пути и попали подъ перекрестный огонь форта Гафиза и устроенной у подножія Карадага траншеи съ баттареею, откуда ихъ немилосердно

Digitized by Google

били турецкіе штуцерники. Фадѣевъ тотчасъ же двинулъ своихъ молодцовъ-кутаисцевъ на убійственную для нихъ баттарею, и послѣ жесточайшей схватки выбилъ оттуда туровъ, которые въ безпорядкѣ бѣжали спасаться, кто въ городъ, кто на Карадагъ. Фадѣевъ бросился за ними, и его молодцы-кутаисцы, безстрашно карабкаясь по отвѣснымъ обрывамъ скалъ, ворвались вслѣдъ за бѣжавшими врагами въ неприступнѣйшій изъ турецкихъ фортовъ.

Въ 10 часовъ вечера на Карадагѣ уже развѣвался русскій флагъ. Шесть отчаяннѣйшихъ турецкихъ приступовъ къ Карадагу были отбиты съ огромными для нихъ потерями.

Это геройское дѣло сразу измѣнило весь ходъ штурма. Алхазовъ послѣ упорнаго боя взялъ фортъ Гафизъ. Въ 5 ч. утра взятъ былъ также послѣ жестокой сѣчи Канлы.

Долѣе другихъ отстрѣливался и производилъ большія опустошенія на Карадагѣ сосѣдній съ нимъ фортъ Арабъ-Табія. Рыдзевскій, долго бомбардировавшій его, сталъ уже отступать, думая, что штурмъ совсѣмъ не удался, но, получивъ на пути приказъ штурмовать Арабъ-Табію, бросился на его окопы, и черезъ четверть часа грозный Арабъ былъ уже въ русскихъ рукахъ. Теперь этотъ фортъ и называется именемъ Рыдзевскаго. Тогда защитники фортовъ мухлисскихъ и шорахскихъ высотъ бѣжали, не дожидаясь новыхъ аттакъ. Гуссейнъ-паша, комендантъ Карса, успѣлъ бѣжать всего съ сотнею всадниковъ; остальной гарнизонъ Карса, безъ порядка бросавшійся спасаться, кто куда могъ, былъ перехваченъ нашими отрядами и сдался. Проскочило на волю только триста всадниковъ, а 9.000 солдатъ остались военнопленными; взято было 303 орудія и множество всякихъ припасовъ. Но и нашихъ храбрецовъ-солдатъ пало на валахъ Карса около 3.000.

Поручикъ Войнаровичъ первый взворвалъ ворота Зіарета, фортъ былъ взятъ, а за нимъ и другія баттареи Карадага. Цитадель сдалась на другой день безъ выстрѣла.

Теперь устроили баттарею и ниже форта Зіарета, на полугорѣ, чтобы лучше защищать тотъ именно склонъ горы, по которому поднялся на Карадагъ съ своими кутаисцами полковникъ Фадѣевъ. Сейчасъ же внизу—тунель для прикрытія солдатъ и артиллерійскихъ снарядовъ. Капитанъ, начальствующій надъ карадагскимъ фортомъ, вышелъ къ намъ на нѣсколько минутъ и тоже объяснилъ намъ кое-что насъ интересовавшее.

Изъ Карадага пришлось отправиться, опять-таки мимо тюрьмы, въ старую турецкую цитадель. Она теперь не имѣетъ значенія защитнаго укрѣпленія, а обращена въ казармы и военные склады.

Digitized by Google

Но она, тѣмъ не менѣе, сохранила вполнѣ свой воинственный и романтическій видъ средневѣковой крѣпости. По очень крутой и длинной каменистой лѣстницѣ поднялись мы на самый пикъ скалы, гдѣ стоитъ мачта съ горделиво развѣвающимся русскимъ военнымъ флагомъ, и откуда стрѣляетъ обыкновенно въ полдень и въ зорю сигнальная пушка...

Съ высоты башни—великолѣпнѣйшій видъ на городъ, утопающій въ туманѣ своихъ дымковъ у ногъ утесистой скалы, на снѣжныя цѣпи горъ, обложившія кругомъ Карсъ по горизонту,—Алагёзъ, Аладжу и разныя другія,—на суровые валы и стѣны Карадага, владычествующіе высоко надъ этою высоко забравшеюся цитаделью и готовые разгромить ее по первому мановенію; на всю картину окрестныхъ скалъ, хмурящихся черными бойницами и черными пушками своихъ фортовъ, и глубоко провалившагося между ними темнаго ущелья Карсъ-Чая, что свинцово-синею змѣею опоясываетъ и эти скалы, и городъ. У самыхъ ногъ нашихъ виднѣлся военный соборъ, и намъ было видно, словно съ птичьяго полета, полковой парадъ на площади передъ соборомъ, по случаю исполнившейся сегодня двадцати-двухъ-лѣтней годовщины взятія Карса 6 ноября 1877 года.

Трудно представить себѣ что-нибудь живописнѣе, оригинальнѣе и выразительнѣе этой старой турецкой цитадели, торчащей птичьимъ гнѣздомъ на макушкѣ своихъ утесовъ, въ грозной обстановкѣ современной неприступной крѣпости...

Изъ цитадели мы отправились черезъ превосходно устроенный мостъ на мухлисскія высоты. Проѣхали мимо громадныхъ корпусовъ военнаго госпиталя съ отдѣльною церковью, съ поэтическимъ памятникомъ доблестному врачебному персоналу, самоотверженно погибшему отъ тифа, при леченіи безчисленныхъ больныхъ кавказской арміи. На высокой пирамидѣ сѣраго трахита—громадная чаша изъ чернаго камня, обвитая мѣднымъ зміемъ, съ крыломъ и лавровою вѣтвью; на стѣнкахъ памятника начертаны на мраморныхъ доскахъ длинные скорбные списки врачей, фельдшеровъ и сестеръ милосердія, положившихъ душу свою за страдающихъ братьевъ.

За госпиталемъ мы переѣхали такъ-называемую „главную ограду“, упирающуюся съ лѣвой стороны въ фортъ Александра Второго (прежній „Вели-Паша“) и спускающуюся до нижнихъ утесовъ надъ самымъ городомъ. Ограда эта не кажется ни грозною, ни неприступною: валъ довольно низкій, за нимъ— широкій

Digitized by Google

ровъ съ каменнымъ эскарпомъ и контръ-эскарпомъ, за рвомъ—гласисъ, покатый подъ гору, на ровной и открытой площади котораго такъ удобно пушкамъ крѣпости скашивать ядрами и картечью ряды наступающаго врага; валы и рвы главной ограды охватываютъ съ турецкой стороны всѣ мухлисскія высоты. Но и передъ ними есть еще отдѣльно разбросанные другіе, передовые форты,—фортъ „Бучкіевъ“ (прежній Тохмасъ), „генералъ Роопъ“, „Лорисъ-Меликовъ“. Это—уже крайній оплотъ Карса со стороны турецкой границы.

Мы съѣхали въ лощину и опять поднялись на легкій изволокъ, чтобы посѣтить фортъ Тохмасъ. Онъ остался въ томъ самомъ видѣ, какъ былъ при туркахъ, какимъ мы взяли его. Точно также и другіе дальніе форты. Только Карадагъ приведенъ въ вполнѣ современное вооруженное состояніе. Фортъ Тохмасъ—огромный четырехугольникъ валовъ, уставленныхъ пушками и окруженныхъ рвами, на углу крутого спуска въ довольно глубокую лощину. По серединѣ его—каменный блокгаузъ съ плоскою крышею, на которую тоже ставятъ пушки. Рвы совсѣмъ не облицованы камнемъ и мѣстами обвалились. Земляныхъ траверсовъ для защиты пушекъ отъ выстрѣловъ—очень мало. За контръ-эскарпомъ форта устроенъ равелинъ изъ земляныхъ ложементовъ подъ всевозможными углами, для обстрѣла подходящаго врага въ какомъ бы ни было направленіи. Намъ любезно показывали и объясняли свое военное хозяйство капитанъ, начальствующій фортомъ, и молодой артиллерійскій поручикъ, лихо проскакавшій сюда верхомъ изъ Карса мимо нашей коляски. Пунктъ, на которомъ стоитъ Тохмасъ—самый опасный, потому что очень близко отъ форта, за высокими холмами—такія же ущелья и долины, въ которыхъ можетъ безопасно скрываться отъ нашихъ выстрѣловъ большое войско. Эти „мертвыя пространства“—пресквернная вещь для крѣпости; ничего не стоитъ быстро перебѣжать изъ такой засады до рвовъ форта прежде, чѣмъ выстрѣлитъ хотя одна пушка, и неожиданно овладѣть валами. Въ фортѣ Тохмасѣ и другихъ передовыхъ фортахъ постоянно дѣлаются пробы, чтобы подготовиться къ отраженію нечаянныхъ ночныхъ нападеній: стрѣляютъ свѣтящимися ядрами, которыя загораются, ударяясь о землю, пускаютъ свѣтящіяся ракеты, вспыхивающія высоко вверху и далеко освѣщающія окрестности; ко всякой лощинкѣ, ко всякому пригорку здѣсь всѣ давно пристрѣлялись, и по таблицамъ стрѣльбы каждый фейерверкеръ отлично знаетъ, подъ какимъ угломъ, куда навести пушку. За день до нашего пріѣзда въ Карсъ, здѣсь былъ генералъ Фрезе, помощникъ коман-

Digitized by Google

дующаго войсками, и производилъ пробную ночную стрѣльбу изъ фортовъ по подвижнымъ мишенямъ, разставленнымъ на дальнихъ горкахъ, также съ помощью свѣтящихся ракетъ. По разсказамъ капитана, стрѣльба оказалась поразительно мѣткая—отъ 75 до 95% попали въ цѣль.

Фортъ Тохмасъ названъ „Бучкіевымъ" по имени храбраго полковника, который въ 1854 году былъ раненъ на этомъ фортѣ, а въ 1877 г. убитъ при его взятіи.

Онъ стоитъ настолько высоко, что отсюда хорошо виденъ весь городъ Карсъ, и Карадагъ, и Мухлисъ, и далекая равнина съ востока отъ Карса, по которой разсѣяны на холмикахъ многіе низенькіе форты, когда-то пролившіе много русской крови. Тутъ и знаменитое „Канлы", составившее теперь собою фортъ Лазарева, и фортъ Граббе, фортъ Алхазовъ, фортъ Чавчавадзе, фортъ Комаровъ. Канлы защищался долѣе всѣхъ другихъ турецкихъ фортовъ правой стороны, и нашихъ погибло очень много на его валахъ. Войска, которыя были двинуты противъ Тохмаса, наткнулись неожиданно на теперешній фортъ Комарова, существованія котораго не подозрѣвали, и должны были сперва взять его.

Капитанъ объяснилъ намъ, что, въ случаѣ войны и осады Карса, войска и баттареи будутъ выдвинуты еще дальше передовыхъ фортовъ, на всѣ сосѣдніе холмы и горки.

Фортъ Тохмасъ-Табія гораздо болѣе полонъ воспоминаній 1855 г., чѣмъ 1877 года. Это былъ главный очагъ кровопролитнаго и несчастнаго для насъ боя при неудавшемся штурмѣ 17-го сентября 1855 года, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева. Я уже былъ въ это время студентомъ старшихъ курсовъ и жадно слѣдилъ по газетамъ за ходомъ роковой для насъ войны. Мое молодое русское сердце обливалось кровью, читая о страшныхъ потеряхъ нашихъ въ геройской, но безплодной борьбѣ на шорахскихъ и чахмахскихъ высотахъ.

Нашъ талантливый и умный главнокомандующій, задумавъ этотъ штурмъ, повидимому, очень мало зналъ о дѣйствительномъ состояніи карсскихъ укрѣпленій, которыя такъ легко были захвачены русскими во времена Паскевича, но которыя въ пятидесятыхъ годахъ были приведены въ неприступное положеніе энергическими стараніями англійскихъ инженеровъ и офицеровъ, Вильямса, Тисделя, Лека и Томсона, засѣвшихъ вмѣстѣ съ 26.000 турками за валы Карса и главнымъ образомъ руководившихъ его защитою, за-одно съ неустрашимымъ и талантливымъ венгерцемъ Кмети,—тѣмъ самымъ Измаиломъ-пашею, который, собственно, и отбилъ всѣ отчаянные приступы русскихъ

Digitized by Google

войскъ къ фортамъ Карса, и одинъ только изъ турецкихъ вождей не сдался потомъ русскимъ, а ушелъ изъ Карса.

Правда, Муравьевъ почти все время отказывался отъ мысли штурмовать Карсъ и хотѣлъ заставить его сдаться тѣсною блокадою, во время которой онъ одерживалъ одну побѣду за другой надъ отдѣльными отрядами турокъ, пытавшихся нападать на него или прорывать блокаду. Но когда печальный оборотъ на крымскомъ театрѣ войны позволилъ Омеръ-пашѣ высадиться съ значительнымъ отрядомъ въ Абхазіи и Мингреліи, съ цѣлью идти на освобожденіе Карса, а паденіе Севастополя настоятельно потребовало какого-нибудь блестящаго реванша на азіатскомъ театрѣ войны, гдѣ и войска нетерпѣливо ждали рѣшительнаго боя,— Муравьевъ не счелъ возможнымъ отлагать долѣе взятіе Карса и двинулъ свои войска, въ ночь на 17-ое сентября, нѣсколькими колоннами на приступъ передовыхъ укрѣпленій лѣваго берега, господствовавшихъ надъ всѣми фортами.

Съ всегдашнею своею отвагою и рѣшимостью бросились наши виленцы, тульцы, ряжцы, бѣлевцы на кручи и скалы, увѣнчанныя сильнѣйшими баттареями, но, далеко не добѣжавъ до стѣнъ и валовъ ихъ, измученные этимъ карабканьемъ по обрывамъ, попали подъ губительный перекрестный огонь траншей и фортовъ и падали сотнями, тысячами, залегали въ непріятельскіе рвы, за трупы товарищей, и цѣлыми часами безнадежно отстрѣливались отъ осыпавшихъ ихъ отовсюду гранатъ, картечи и пуль; врывались много разъ въ окопы и форты, и устилали ихъ своими трупами. Одинъ генералъ за другимъ, одинъ полковникъ за другимъ, безстрашно бросавшіеся въ аттаку впереди своихъ полковъ, выбывали изъ строя, убитые и раненые, и команда то-и-дѣло переходила отъ новаго начальника къ новому, отъ генераловъ чуть не къ оберъ-офицерамъ, разстраивая и смущая отряды... Генералы Ковалевскій и князь Гагаринъ, полковникъ Шликевичъ, Серебряковъ, Ганецкій, Москалевъ, Лузановъ, Брещинскій и множество майоровъ, капитановъ, поручиковъ были убиты или опасно ранены.

Тохмасъ-Табію пришлось брать генералу Майделю съ отборнымъ цвѣтомъ кавказскаго войска, съ ветеранами мингрельскаго, грузинскаго, эриванскаго и др. полковъ. Храбрецы гренадеры опрокинули массы турокъ, овладѣли однимъ изъ лагерей, захватили баттарею съ орудіями и даже ворвались въ самый редутъ Тохмасъ-Табіи, но, поражаемые изо всѣхъ сосѣднихъ турецкихъ баттарей, не имѣя лѣстницъ, чтобы взлѣзать на отвѣсныя стѣны редутовъ, не могли держаться на захваченныхъ мѣстахъ и отли-

Digitized by Google

вали назадъ, устилая путь мертвыми и ранеными. Послѣ Майделя три раза водилъ на отчаянный штурмъ Тохмаса-Табіи своихъ рязанцевъ храбрый полковникъ Кауфманъ; онъ тоже овладѣлъ-было двумя редутами, переколовъ тамъ всѣхъ защитниковъ, но перекрестная канонада изъ Тохмасъ-Табіи и Вели-Паша-Табіи обращала поле битвы въ сплошное жерло огня и дѣлала безплоднымъ всякое геройство. Только изумительному присутствію духа Кауфмана (впослѣдствіи правителя Средней Азіи) и его быстрой сообразительности рязанцы обязаны были тѣмъ, что могли пробиться мимо центральныхъ фортовъ Карса на соединеніе съ частями войскъ, дѣйствовавшихъ противъ другой линіи укрѣпленій, потерявъ менѣе трети людей.

Послѣ полудня русскія войска, потерявъ всякую надежду на успѣхъ штурма, были отведены назадъ; по оффиціальному донесенію Муравьева, у насъ выбыло изъ строя около 7.500 человѣкъ,—изъ нихъ болѣе 250 однихъ генераловъ и офицеровъ; а быть можетъ, эта цифра была еще нѣсколько уменьшена противъ дѣйствительности.

Однако, эта прискорбная неудача не смутила твердаго духомъ Муравьева, и, обложивъ еще тѣснѣе Карсъ, онъ имѣлъ счастіе все-таки овладѣть имъ со всѣми его войсками и орудіями, за что и получилъ въ награду прозваніе Муравьева-Карсскаго. 16 ноября того же 1855 года, всего черезъ два мѣсяца послѣ злополучнаго штурма, русская кавказская армія вступила въ ворота Карса, и въ тотъ же день Муравьевъ доносилъ государю:

„Карсъ у ногъ Вашего Величества. Сегодня сдался военноплѣннымъ изнуренный голодомъ и нуждами гарнизонъ сей твердыни Малой Азіи. Въ плѣну у насъ самъ главнокомандующій изчезнувшей тридцатитысячной анатолійской арміи, Муширъ-Васифъ-паша; кромѣ него, восемь пашей, много штабъ и оберъ-офицеровъ и вмѣстѣ съ ними англійскій генералъ Виліямсъ со всѣмъ его штабомъ. Взято 130 пушекъ и все оружіе“.

Теперешнія укрѣпленія Карса произвели на меня очень внушительное впечатлѣніе. Это уже не крѣпость, какъ понимали ее въ старину—тѣсное мѣсто, окруженное стѣною и башнями. Это—цѣлый громадный воинскій станъ, занявшій собою пространство въ десятки квадратныхъ верстъ, цѣлая система отдѣльныхъ крѣпостей, взаимно помогающихъ другъ другу и разобщенныхъ на многія версты другъ отъ друга. Милліоны затратили на эту крѣпость турки, милліоны, хотя опять-таки турецкіе, затратили

Digitized by Google

на нее потомъ англичане, изъ дружбы къ Россіи посылавшіе на защиту и укрѣпленіе Карса своихъ инженеровъ и генераловъ; не одинъ, должно быть, милліонъ затратила, наконецъ, Россія, чтобы эту неприступную твердыню обратить въ болѣе неприступную, въ первоклассную пограничную крѣпость, достойную великаго государства.

Можно даже думать, что при теперешнемъ состояніи Карса ни одинъ изъ нашихъ возможныхъ азіатскихъ враговъ не подумаетъ и попытаться брать его, такъ что, по всей вѣроятности, удары турецкой арміи, если они когда-нибудь будутъ, направятся уже не на Карсъ, а на Эривань, гдѣ не встрѣтитъ врага ни одна сильная крѣпость...

Хотя мое патріотическое чувство, еще не освободившееся отъ дикихъ инстинктовъ животной борьбы, переполняется горделивымъ удовлетвореніемъ при сознаніи народной силы, такъ блестяще проявленной въ этомъ несокрушимомъ оплотѣ нашего государственнаго рубежа,—но вмѣстѣ съ тѣмъ другое, болѣе грустное чувство шевелится въ тайникахъ души, и дѣлается жалко и больно, что трудовые заработки столькихъ нуждающихся, бѣдно и тѣсно живущихъ людей должны идти не на улучшеніе ихъ собственнаго быта, не на умноженіе свѣта и добра въ средѣ человѣчества, а на орудія взаимнаго истребленія,—что столько молодыхъ и здоровыхъ силъ, цвѣтъ своего отечества, отрываются на многіе годы отъ мирнаго и плодотворнаго труда, для того, чтобы, вооружившись съ ногъ до головы, быть готовымъ каждую минуту столкнуться въ озлобленной схваткѣ съ народомъ-сосѣдомъ, осыпать безъ счета ядрами и пулями, яростно колоть и рубить своего брата-человѣка... И какъ не вспомнить съ благодарнымъ чувствомъ, бродя среди этой сплошной страны всякихъ человѣкоубійственныхъ устройствъ и снарядовъ,—именуемой крѣпостью Карсомъ,—великодушной попытки нашего молодого Государя прекратить, наконецъ, общимъ согласіемъ правительствъ и народовъ безумное взаимное соревнованіе государствъ огнемъ и мечомъ, пушками и арміями, и возвратить безплодно растрачиваемыя теперь на вооруженія и крѣпости сотни милліоновъ народнаго заработка ихъ истинному назначенію—посильному улучшенію внутренней жизни народовъ!..

Евгеній Марковъ.

Digitized by Google

ВЪ ВЕНЕЦІИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Набережная Венеціи свѣтилась вечерними огнями. На Пьяццеттѣ гремѣла военная музыка, и знаменитый старый соборъ благодушно прислушивался къ современнымъ оперным мелодіямъ, маршамъ и вальсамъ, подъ звуки которыхъ тѣсная пестрая толпа оживленно двигалась вокругъ оркестра, разливаясь и на площадь, и на набережную.

У рѣшотки Королевскаго сада играли и бѣгали дѣти. Дѣвочки, поднимая страшную пыль, прыгали черезъ веревочку, громко считая: „undici, dodici“ и т. д. Мальчики боролись, барахтались, падали, вскакивали и разбѣгались съ громкимъ хохотомъ и восклицаніями. Взрослые гуляли тутъ же или сидѣли на нѣсколькихъ, обращенныхъ къ водѣ, скамейкахъ, разглядывая публику, которая выходила изъ пристающихъ здѣсь гондолъ.

Въ небѣ горѣли звѣзды. Длинныя черныя гондолы съ маленькими фонариками тихо скользили по темной водѣ, въ которой красиво колебались отраженія огней. Слѣва, съ Пьяццетты долетали сюда звуки военной музыки; справа, съ Большого канала доносилось пѣніе. Тамъ, у церкви della Salute, ярко пестрѣли фонарики пловучей серенады. И туда направлялось большинство гондолъ.

Мы втроемъ тоже плыли къ церкви della Salute. Мамаша, какъ всегда принаряженная и подтянутая, въ хорошенькой, дорогой шляпкѣ съ пышными страусовыми перьями и сверкающимъ стеклярусомъ, красиво полулежала въ гондолѣ, вытянувъ

Digitized by Google

передъ собой маленькія, изящно обутыя ноги. Мой женихъ, Леонидъ Владиміровичъ, какъ dandy лондонскій, одѣтый во все свѣтло-сѣрое, съ розовымъ цвѣткомъ въ петличкѣ, въ мягкой сѣрой шляпѣ, которую онъ умѣлъ съ особеннымъ шикомъ надѣвать на свои свѣтлыя кудри, сидѣлъ противъ нея. Оба они были такъ красивы и элегантны, что я, въ моемъ простенькомъ лѣтнемъ платьѣ и въ шляпкѣ canotier съ широкой черной бархаткой, вѣроятно, казалась пятномъ около нихъ. Но это нимало не тревожило меня. Я была такъ счастлива!..

— Хоть бы онъ немножко поторопился!—говорила я, оглядываясь на гондольера. — Мы опять пропустимъ самое лучшее. Это *она* поетъ; я слышу...

— Не все ли равно, кто тамъ поетъ!—пренебрежительно замѣтила мамаша.—Всѣ они поютъ прескверно. Не понимаю, что ты находишь въ ея пѣніи? Самый обыкновенный голосъ и необработанный. Она поетъ—какъ горничная...

— Ну нѣтъ! — вступился за мою любимицу Леонидъ Владиміровичъ.—У нея славный, мягкій, въ душу льющійся голосъ. Только она поетъ не какъ итальянка, безъ огня, безъ страсти, безъ жизнерадостности. Ея пѣніе далеко отъ Везувія. И оно грустно, какъ что-то сѣверное, холодное...

— Это „Colomba"! Подумайте, она поетъ „Colomba"! Леонидъ Владиміровичъ, скажите же ему грести скорѣе!.. Presto, presto!..

— Всѣ они поютъ прескверно,—рѣшительно повторила мамаша.—Въ другой обстановкѣ мы не стали бы ихъ и слушать. Юля первая заткнула бы себѣ уши. Только потому, что въ Венеціи, полагается наслаждаться этимъ пѣніемъ...

— Ну, ужъ заѣхали въ Венецію, такъ и будемъ наслаждаться всѣмъ, чѣмъ полагается,—добродушно перебилъ ее Леонидъ Владиміровичъ. — Къ чему попирать обычаи? И право же вечеръ такъ хорошъ, что никакое пѣніе не испортитъ его.

Гондольеръ молча гребъ, сильно наклоняясь впередъ, и узкая, длинная гондола легко подвигалась по черной водѣ съ тѣмъ особеннымъ запахомъ лагуны, который я любила, какъ любила все въ этомъ городѣ.

Вотъ и Canal Grande. Старые дворцы, хранящіе память о быломъ величіи Венеціи, задумчиво смотрятъ другъ на друга, на темное звѣздное небо и на свой Canalazzo. Дворцы, обращенные въ отели, сіяютъ огнями, при свѣтѣ которыхъ на балконахъ и у открытыхъ оконъ виднѣются силуэты величавыхъ кельнеровъ и гостящихъ иностранцевъ. Дворцы, оставшіеся дворцами, гордо кутаются въ темноту. Пыхтящіе пароходики не ходятъ

Digitized by Google

уже по каналу въ этотъ часъ вечера, и теперь все здѣсь тихо, темно, поэтично. Все слышнѣе и все ближе пѣніе. Мы ясно различаемъ уже отдѣльныя слова знакомой пѣсенки: „Capitosa... Graziosa“...

Искусно лавируя среди другихъ гондолъ, нашъ итальянецъ подвозитъ насъ къ лодкѣ съ пѣвцами какъ разъ въ ту минуту, когда прекрасное, чистое сопрано, щегольнувъ высокой заключительной нотой, умолкаетъ и раздаются дружныя рукоплесканія.

— Пропустили-таки самое лучшее! — говорю я съ сокрушеніемъ.

— Споетъ еще!—утѣшаетъ меня Леонидъ Владиміровичъ.

У берега, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ красивой церкви Santa Maria della Salute, въ простой лодкѣ подъ балдахиномъ, украшеннымъ множествомъ цвѣтныхъ фонариковъ, сидитъ нѣсколько плохо одѣтыхъ пѣвцовъ и музыкантовъ съ гитарами, скрипками и мандолинами. Лодку эту окружаютъ, тѣсно сдвинувшись, бортъ къ борту, гондолы съ разнообразной, разноплеменной публикой. Слѣва отъ насъ, ближе всѣхъ къ поющимъ, сидятъ двѣ ярко одѣтыя американки съ ихъ кавалерами. Всѣ четверо держатъ себя непринужденно, громко смѣются, шутятъ и заговариваютъ съ музыкантами. Справа отъ насъ, въ богатой ненаемной гондолѣ, полулежитъ благообразный старикъ съ сѣдыми, какъ серебро, кудрями. Съ нимъ—моложавая, красивая дама. Два стройныхъ гондольера въ бѣлымъ шляпахъ, въ бѣлыхъ платьяхъ съ широкими красными поясами, кажутся въ полутемнотѣ двумя бѣлыми изваяніями, поставленными на концахъ этой богатой гондолы. Остальные гондольеры, менѣе нарядные, но не менѣе живописные, тоже стоятъ точно въ воздухѣ, высоко надъ привезенной ими публикой. Ихъ живыя, типичныя лица, ихъ позы, платья, причудливо освѣщенныя свѣтомъ пестрыхъ фонариковъ, черныя тѣни, тихій плескъ веселъ и таинственно перебѣгающіе огоньки гондолъ придаютъ что-то волшебное, сказочное этому плавучему концерту.

Въ темномъ небѣ ярко горятъ звѣзды. Черная вода блеститъ и искрится. Хоръ въ лодкѣ дружно и съ одушевленіемъ поетъ: „Mia cara Venezia“, а стоящіе точно въ воздухѣ гондольеры улыбаются, подтягиваютъ и покачиваютъ въ тактъ головами.

Мы съ Леонидомъ Владиміровичемъ тоже улыбаемся и переглядываемся, и я думаю: „Cara, cara Venezia“!..

Американка съ всклокоченной модной прической, поманивъ къ себѣ длинной рукой въ бѣлой перчаткѣ перегнувшагося черезъ бортъ музыканта, говоритъ ему что-то по-французски. Въ

Digitized by Google

лодкѣ раздается: „Il tenore! il tenore"!.. шелестятъ передаваемыя тетради нотъ. Маленькій, коренастый теноръ, съ выразительнымъ, подвижнымъ лицомъ, становится въ позу, приготовляясь пѣть; а скрипачи, тряхнувъ волосами и низко наклонивъ головы, играютъ прелюдію серенады Брага.

Новыя гондолы тихо подплываютъ, присоединяясь къ прежнимъ; а молодой теноръ, вытягивая шею и приподнимаясь на цыпочки, сладко поетъ о больной дѣвочкѣ, которая слышитъ въ бреду пѣніе ангеловъ.

No! No!.. Non è mortal la musica che ascolto, o madre mia...

Всѣмъ нравится простенькая мелодія и свѣжій голосъ итальянца, и когда онъ умолкаетъ, изъ темноты раздаются рукоплесканія. Теноръ удивленно кланяется и громко говоритъ по-французски: „Mercì!.." А товарищъ его, спрыгнувъ къ американкамъ, протягиваетъ шляпу и собираетъ деньги, перебираясь изъ гондолы въ гондолу. Леонидъ Владиміровичъ тоже берется за кошелекъ.

— Но какая убійственная скрипка! — говоритъ мамаша, точно очнувшись отъ непріятнаго сна.

Мы съ Леонидомъ Владиміровичемъ переглядываемся и смѣемся.

— Чему вы это?—спрашиваетъ она обиженно.

— Да тому, что этой бѣдной Венеціи никакъ не угодить на тебя.

Мамаша хмурится и вздыхаетъ; а Леонидъ Владиміровичъ спѣшитъ согласиться съ тѣмъ, что скрипка дѣйствительно возмутительна и мѣшала пѣнію.—И потомъ,—прибавляетъ онъ,—это непремѣнно должна пѣть женщина; а то, извольте радоваться, встаетъ здоровенный парень и вдругъ слышитъ пѣніе ангеловъ!..

На смѣну маленькому тенору, послѣ нѣкоторой паузы, встаетъ рослый баритонъ и зычнымъ голосомъ начинаетъ ревѣть арію торреадора.

Мамаша морщится и, съ выраженіемъ неподдѣльнаго ужаса, говоритъ:

— Часъ отъ часу нелегче!

Мы всѣ смѣемся, и, махнувъ рукой гондольеру, Леонидъ Владиміровичъ приказываетъ ему плыть дальше. Впереди ярко пестрѣютъ другіе фонарики и звучатъ новыя серенады. Въ одномъ мѣстѣ хоръ поетъ „Funiculi", въ другомъ—звучный женскій альтъ бойко исполняетъ „Il segretto per esser felice". И, прорываясь сквозь это смѣшанное пѣніе, долетаетъ намъ въ догонку и ревъ торреадора.

Digitized by Google

— А издали оно лучше? — замѣчаетъ Леонидъ Владиміровичъ.

— Да, только не все сразу,—говоритъ мамаша.

— А мнѣ нравится именно все сразу, — говорю я: — такъ больше жизни, больше оживленія, больше Венеціи!

— И есть возможность выбора,—прибавляетъ Леонидъ Владиміровичъ.—Хотите остановиться еще гдѣ-нибудь?

— О, нѣтъ, гораздо лучше плыть!

— Ну, плыть, такъ плыть.

Безшумно и не спѣша, гондола наша плыветъ по каналу, между двумя рядами хорошо знакомыхъ дворцовъ, которые выглядятъ теперь совсѣмъ иначе, чѣмъ днемъ. Темнота скрываетъ изящныя скульптурныя украшенія, легкія колонны, мраморное кружево огивъ и арокъ, коринѳскія капители, дорическіе пилястры, все прихотливое разнообразіе стилей, составляющее оригинальную красоту Венеціи. Кое-гдѣ мелькаютъ фонари, свѣтятся отдѣльныя окна; но и при свѣтѣ этихъ рѣдкихъ огней трудно сказать, который изъ этихъ темныхъ дремлющихъ дворцовъ palazzo Balbi, который—Contarini, гдѣ—Tiepolo, Foscari...

Серенады звучатъ все слабѣе и тише, и каналъ становится все молчаливѣе и мечтательнѣе.

— Хорошо! — невольно говорю я, взглянувъ на звѣзды.— Кажется, совсѣмъ безъ музыки еще лучше.

— Посмотримъ, какъ вы будете восторгаться, когда начнутся здѣсь лунныя ночи.

— А когда это будетъ?

— Да на дняхъ. Вы увидите, какъ преобразится Венеція. О, луна здѣсь—желанная гостья!..

— Ну, не вѣрю, чтобы могло быть еще лучше, чѣмъ сейчасъ. Можетъ быть, будетъ другая красота; но лучше быть не можетъ.

— Увидимъ, увидимъ, что вы скажете послѣ-завтра.

— При лунѣ Венеція красива,—снисходительно замѣчаетъ мамаша. — Она только при лунѣ и красива. А теперь что же хорошаго? Ничего не видно.

— Какъ не видно? Я все вижу. Вотъ домъ Байрона, palazzo Mocenigo.

— Вы мнѣ каждый разъ показываете новый домъ Байрона. У тебя онъ здѣсь жилъ, а Леонидъ Владиміровичъ показывалъ мнѣ совсѣмъ другой домъ.

— Да онъ и жилъ и здѣсь, и тамъ; онъ вѣдь долго жилъ здѣсь...

Digitized by Google

Какъ всегда, когда рѣчь заходитъ о Байронѣ, мамаша начинаетъ восхищаться „Донъ-Жуаномъ“ и знаменитой первой пѣснью. Ни въ какой литературѣ она не встрѣчала ничего умнѣе, блестящѣе, талантливѣе. Теперь нѣтъ поэтовъ, теперь такъ не пишутъ!.. И тѣмъ обиднѣе, что Леонидъ Владиміровичъ зарываетъ свое дарованіе, что онъ пишетъ такъ мало и печатаетъ такъ рѣдко. Это просто грѣхъ, грѣхъ!..

Леонидъ Владиміровичъ у насъ поэтъ, и мы съ мамашей, конечно, гордимся этимъ и принимаемъ къ сердцу его литературные успѣхи. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что онъ создастъ еще нѣчто геніальное, классическое, безсмертное. Онъ молодъ, ему тридцать лѣтъ. Правда, Пушкинъ и Лермонтовъ въ эти годы уже дали свое лучшее, но вѣдь то было другое время, другіе люди, другая жизнь! И мы такъ вѣримъ въ дарованіе Леонида Владиміровича, которое несомнѣнно еще расцвѣтетъ и ярко просіяетъ на темномъ небосклонѣ нашей литературы. Пожуривъ его за то, что онъ мало пишетъ, мамаша проситъ его сказать его послѣднее стихотвореніе. Онъ охотно начинаетъ декламировать; и подъ тихій плескъ весла, при яркомъ блескѣ звѣздъ, мы слушаемъ, молча глядимъ на него и восхищаемся.

Я слушаю его и вспоминаю, какъ вчера мы съ нимъ катались здѣсь вдвоемъ и какъ онъ цѣловалъ меня. Онъ звалъ меня и сегодня; но я побоялась, что мамашѣ будетъ скучно безъ насъ. Передъ нами еще цѣлая жизнь; мы-то еще успѣемъ и нагуляться, и нацѣловаться, а теперь надо подумать о ней. Мы съ ней такъ различны во всемъ, во всемъ. Я, напримѣръ, ничего не боюсь, всюду хожу одна, и не только не скучаю въ одиночествѣ, но радуюсь, когда могу побыть сама съ собой; а она—напротивъ. А я не хочу, чтобъ она скучала; я хочу, чтобъ мы всѣ были счастливы въ моей Венеціи! Мнѣ кажется, что во всемъ моемъ романѣ съ Леонидомъ Владиміровичемъ есть что-то роковое, предопредѣленное. Недаромъ эта старая пестрая Венеція кажется мнѣ такой родной и знакомой. Я точно уже была здѣсь когда-то, точно видѣла уже эти дворцы, слышала эти серенады...

— Неужели вы ничего не напишете о моей Венеціи?—говорю я умолкнувшему поэту.

— Не хотите ли импровизаціи?

— Развѣ вы можете и это?

— Я все могу, если только захочу, — говоритъ онъ полушутя, но довольно побѣдоносно. И онъ закручиваетъ усы, поправляетъ цвѣтокъ въ петличкѣ, мѣняетъ позу и, поднявъ голову, короткими, легкими стихами начинаетъ говорить о Венеціи, о ея

Digitized by Google

прошломъ, о домахъ, о Совѣтѣ Десяти, объ убійствахъ, казняхъ и карнавалахъ, о Буцентаврѣ и обрядѣ обрученія морю. Онъ сравниваетъ Венецію съ Неаполемъ и Флоренціей, и, отдавая должное красотѣ этихъ двухъ городовъ, все-же признаетъ ее *единственною*...

Я въ восхищеніи и отъ стиховъ, и отъ похвалъ Венеціи, и отъ моего жениха, обнаружившаго еще новое дарованіе. Мамаша тоже хвалитъ стихи, но кажется чѣмъ-то недовольной, разстроенной. Она находитъ, что мы очень преувеличиваемъ красоты Венеціи. Гдѣ онѣ? въ чемъ онѣ?.. Старый, грязный городъ съ нелѣпыми кривыми площадями и темными, смрадными переулками, безобразная дороговизна магазиновъ и отелей, скверная итальянская кухня, сырыя салфетки за столомъ, сырыя простыни въ постеляхъ, плутоватые, жадные итальянцы и довѣрчивые, глупые туристы, надоѣвшіе англичане, праздношатающіеся русскіе...

— Блестящая импровизація!—улыбаясь, перебиваетъ ее Леонидъ Владиміровичъ.—Но будто ужъ въ Венеціи нѣтъ ничего кромѣ праздношатающихся русскихъ и сырыхъ салфетокъ за столомъ?..

— Не знаю,—говоритъ мамаша.—Конечно, если у человѣка хорошо на душѣ, то онъ способенъ поэтизировать что угодно. Все—въ насъ самихъ. Все внѣшнее такъ ничтожно, такъ ненужно, такъ надоѣло и такъ повторяется!... Есть молодость и есть старость. Есть любовь и нѣтъ ея. Если человѣкъ старъ или несчастливъ, то никакія красоты природы и искусства не вернутъ ему того, что онъ утратилъ...

— До Ріальто и обратно?—спрашиваетъ ее Леонидъ Владиміровичъ своимъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— Мнѣ все равно,—грустно отвѣчаетъ она.—Какъ хочетъ Юля.

II.

Я привыкла звать Ольгу Александровну мамашей; но я не была ея дочерью. Она взяла меня изъ воспитательнаго дома послѣ того, какъ умеръ ея единственный ребенокъ. До восемнадцати лѣтъ я ничего объ этомъ не знала, и была увѣрена въ томъ, что я—родная дочь мамаши и ея мужа.

Ольга Александровна была изъ богатой купеческой семьи и прямо съ пансіонской скамьи вышла замужъ за своего учителя, извѣстнаго педагога и профессора, съ которымъ ей очень тяжело жилось. Мнѣ было восемь лѣтъ, когда онъ умеръ и мы зажили

Digitized by Google

вдвоемъ съ мамашей. Мы не разставались съ ней и обожали другъ друга. Я никогда не говорила: „*я* хочу, *я* люблю", а всегда: „*мы* хотимъ, *мы* любимъ"... А мамаша, въ свою очередь, серьезно говорила: „когда *мы* выростемъ, когда *мы* будемъ большими"...

Двѣнадцати лѣтъ меня отдали въ институтъ, по желанію и завѣщанію покойнаго отца, который былъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ инспекторомъ. Въ институтѣ меня приняли какъ свою, и скоро я сдѣлалась общей любимицей и одной изъ лучшихъ ученицъ. Мамаша гордилась моими успѣхами; а я, въ свою очередь, гордилась впечатлѣніемъ, которое она производила, появляясь по четвергамъ и воскресеньямъ въ институтской пріемной. У насъ много говорили о ея красотѣ и туалетахъ, прибавляя:—А ты совсѣмъ непохожа на свою мать; ты не будешь такой красавицей!—Я отвѣчала съ гордостью:—Еще бы! Мамаша—красавица, а я передъ ней—сущее чучело!

Мамаша казалась мнѣ совершенствомъ и, конечно, была неизмѣримо выше меня не одной наружностью. Я знала, что никогда мнѣ не быть такой женственной и безмятежной, такой уравновѣшенной, какъ она. Гдѣ мнѣ! Я всегда была вспыльчивой и необузданной, и тѣмъ болѣе цѣнила ея кротость и сдержанность.

Лѣто передъ институтомъ мы провели въ Швейцаріи. На пути изъ Люцерна въ Интерлакенъ мы случайно познакомились съ молодымъ московскимъ студентомъ, который самъ заговорилъ со мною, услыхавъ, что мы—русскія. На пароходѣ по Бріенцскому озеру мы уже ѣхали съ нимъ вмѣстѣ, въ Интерлакенѣ остановились въ одномъ отелѣ и, сдѣлавшись неразлучными, вмѣстѣ предпринимали восхитительныя экскурсіи по горамъ и озерамъ. Это было хорошее лѣто, и съ тѣхъ поръ Леонидъ Владиміровичъ сдѣлался нашимъ близкимъ другомъ и частымъ гостемъ мамаши, которая, конечно, скучала, отдавъ меня въ институтъ.

Леонидъ Владиміровичъ тоже навѣщалъ меня по четвергамъ и воскресеньямъ. И его замѣтили и одобрили въ институтѣ. Меня спрашивали:—Это твой братъ? — Нѣтъ. — Двоюродный братъ? Дядя?..—Да нѣтъ же, просто знакомый!—Онъ носилъ мнѣ книжки и развивалъ меня. Я любила его и была высокаго мнѣнія о его умѣ и способностяхъ.

Пять лѣтъ моего пребыванія въ институтѣ быстро пролетѣли, и я вернулась домой взрослой, семнадцатилѣтней дѣвушкой съ густой и длинной рыжей косой, цвѣтъ которой приводилъ меня въ отчаяніе. Мнѣ казалось, что ужасно стыдно быть рыжей, и

Digitized by Google

я краснѣла до слезъ, если при мнѣ говорили объ этомъ. Вообще, я легко смущалась и поминутно краснѣла.

— Ну что жъ, надо показать тебя роднымъ,—сказала мамаша.—А то потомъ обидъ не оберешься.

И мы поѣхали къ ея московскимъ кузинамъ, которыя приняли насъ очень радушно, много восхищались моимъ сложеніемъ и моимъ цвѣтомъ лица и еще больше—моложавостью мамаши, которая казалась моей сестрой. Но, несмотря на всѣ эти любезности, родственницы показались мнѣ неискренними и недоброжелательными. Возвращаясь домой, я сказала объ этомъ мамашѣ.

— Конечно, страшныя сплетницы!—согласилась она.—Но вѣдь я тебя не стѣсняю. Хочешь бывать у нихъ—бывай; не хочешь—какъ хочешь. Надо было свозить тебя къ нимъ, потому что иначе онѣ бы обидѣлись. Я-то у нихъ почти не бываю...

— Ты ихъ не любишь?

— Нѣтъ, ничего!.. Только онѣ такія топорныя и размашистыя. Съ утра въ брильянтахъ и чего-чего на нихъ только не налѣпано! Леонидъ Владиміровичъ не выноситъ ихъ за ихъ руки и ноги...

Дома я застала Леонида Владиміровича на правахъ домашняго человѣка. Онъ сопровождалъ мамашу на выставки, въ театры и концерты, дома читалъ ей вслухъ или игралъ съ ней въ четыре руки. Мамаша разсказала мнѣ, что его ужасно балуютъ и портятъ женщины, у которыхъ онъ имѣетъ большой успѣхъ. Особенно приставала къ нему одна поэтесса, замужняя женщина и мать трехъ дѣтей. Она преслѣдовала его и письмами, и стихами, и всевозможными бурными выраженіями своего чувства. Слушая эти разсказы мамаши, я негодовала и думала: „Господи, да неужели вправду бываютъ такія женщины?! Какъ ей не стыдно!“—И вмѣстѣ съ мамашей мы сокрушались о томъ, что онъ вѣдь такой добрый, мягкій до безхарактерности. Неужели онъ поддастся ей? Боже сохрани!.. Надо спасти его!

Я, впрочемъ, не особенно волновалась по этому поводу. Сама я въ то время была слишкомъ счастлива для того, чтобы много думать о другихъ. Все было для меня источникомъ безмѣрной радости, и я постоянно ощущала приливъ и избытокъ молодыхъ силъ, который заставлялъ меня смѣяться, бѣгать, прыгать и пѣть съ утра до вечера. У меня было порядочное сопрано, а у мамаши—чудный альтъ. И по вечерамъ мы съ ней пѣли дуэты Мендельсона, а Леонидъ Владиміровичъ переворачивалъ намъ страницы и строго распекалъ меня, если я прерывала пѣніе болтовней или смѣхомъ. И въ Москвѣ мнѣ жилось не дурно,

Digitized by Google

но лѣтомъ, въ деревнѣ, конечно, было еще лучше. Тамъ былъ рай! Тамъ были друзья: ребятишки, молодухи, старики и старухи, знавшіе меня съ дѣтства, родныя березки, знакомые овраги и избы, знакомыя коровы и лошади... И, Боже мой, сколько радостей у меня было въ деревнѣ!.. Проснуться рано-рано утромъ, вылѣзти изъ окна въ садъ и бѣгать босикомъ по росѣ, снимая лицомъ паутину съ фруктовыхъ деревьевъ. Днемъ, забраться въ глухую чащу лѣса и бродить тамъ, прислушиваясь къ хрустѣнью сухихъ вѣтокъ у себя подъ ногами, къ шелесту свѣжихъ вѣтокъ у себя надъ головой. Мнѣ казалось, что кромѣ этого шелеста, кромѣ щебетанья и чириканья птицъ, кромѣ журчанья ключа, я слышу еще какой-то голосъ, говорящій не то о жизни міра, не то о жизни моего сердца. Пробродивъ въ лѣсу цѣлое утро, я выходила къ опушкѣ и купалась тутъ же въ рѣчкѣ, вволю плавая и брызгаясь между зелеными берегами; а потомъ грѣлась гдѣ-нибудь на солнышкѣ, лежа на травѣ и глядя въ небо. А зеленыя вѣтки все шумѣли и шумѣли...

Возвращаясь домой, я заставала на балконѣ мамашу, изящно одѣтую и причесанную, неизмѣнно лежащую въ качалкѣ, въ тѣни маркизы, и подлѣ нея Леонида Владиміровича въ чи-чун-чѣ, въ какомъ-нибудь модномъ свѣтломъ галстучкѣ. Онъ читалъ ей вслухъ романъ Мопассана или другого французскаго автора. Я была рада видѣть ихъ, но мнѣ обидно было, что они заняты не мною, а своими Жаннами и Жаками. И проходя черезъ балконъ, я говорила:—Извините, что я васъ прерываю. Я хотѣла только спросить: не помѣшаю я вамъ, если буду пѣть въ гостиной? Я затворю окна.

— Пой, пожалуйста,—отвѣчала мамаша.—И не закрывай оконъ. Мы будемъ рады послушать. Леонидъ Владиміровичъ усталъ читать.

Я открывала рояль и начинала рыться въ нотахъ, перебирая и перелистывая ихъ. Сколько тутъ было музыки, мелодій, стиховъ, въ которыхъ повторялась все та же радость жизни, то же упоеніе жизнью, которое я только-что слышала въ журчаньѣ ручья, въ шелестѣ лѣсныхъ вѣтокъ. Боже мой, сколько на свѣтѣ хорошаго!.. И я перелистывала ноты, не зная, съ чего начать.

Леонидъ Владиміровичъ приходилъ мнѣ на помощь. Онъ подкладывалъ мнѣ на пюпитръ раскрытую тетрадь романсовъ Шумана и, шепнувъ:—Спойте вотъ это!—возвращался на балконъ, къ мамашѣ.

Я покорно пѣла:

Ты какъ цвѣтокъ пре-е-кра-асна!..

Digitized by Google

И пока я пѣла, мнѣ казалось, что я кружусь въ небѣ, какъ жаворонокъ, и что пѣть, это—такое счастье, такое блаженство, выше котораго ничего нѣтъ и не можетъ быть!..

— Спойте „Солнечный Лучъ“,—говорилъ Леонидъ Владиміровичъ, показываясь въ окнѣ.

— Ты сегодня въ голосѣ,—прибавляла издали мамаша.— Спой „Лунную ночь“ или „Лотосъ“...

— А потомъ спойте: „И ночью я видѣлъ“...

И я пѣла имъ и то, и другое, и третье, и никогда не перестала бы, еслибъ не звали обѣдать.

А вечеромъ я садилась на ограду сада и мечтала, и слушала, какъ щелкаютъ соловьи, какъ гремитъ на пруду хоръ лягушекъ, какъ перекликается въ полѣ коростель. Разъ я просидѣла такъ на оградѣ цѣлую ночь напролетъ, любуясь полемъ, освѣщеннымъ луною и прислушиваясь къ ночнымъ звукамъ. Я была поражена и очарована красотой этой ночи въ полѣ, и когда на разсвѣтѣ глухо закуковала кукушка, я подумала, что это—лучшая ночь въ моей жизни!

Въ Москвѣ я много училась, много читала и много танцовала. Я выѣзжала одна, потому что танцовала все у родныхъ мамаши. Она вполнѣ довѣряла мнѣ, и я гордилась тѣмъ, что ѣзжу на балы одна, безъ провожатыхъ. Мамашины кузины прозвали меня за это „американкой“, но благоволили ко мнѣ и усердно звали къ себѣ. Я собиралась къ нимъ иной разъ лѣниво и неохотно; но стоило мнѣ войти въ освѣщенную залу, гдѣ звучали бальные танцы, и я вся отдавалась бальному настроенію. Мнѣ становилось весело, и я танцовала съ увлеченіемъ и безъ отдыха. Я любила всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я танцовала, и не сомнѣвалась въ томъ, что и они меня любятъ. А воротясь домой, я не вспоминала уже ни объ одномъ изъ этихъ милыхъ, кружившихъ меня кавалеровъ, и, разбросавъ, гдѣ попало, мои юбки, шпильки, ленты, я засыпала какъ убитая, чувствуя боль въ усталыхъ, но неугомонныхъ ногахъ, которымъ хотѣлось еще и еще танцовать. Всѣ родныя мамаши ласкали меня; но особенное расположеніе внушила я тетѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ.

— Господи, какъ она мнѣ надоѣла!—говорила мамаша.— Знаетъ, что утромъ ты на курсахъ, и все заѣзжаетъ: „дома ли Юлія?“ Я ужъ сегодня сказала ей:—Дай ты Юлѣ заниматься, пожалуйста!

Но тетя Анна Ѳедоровна не унималась и продолжала то заѣзжать, то звать меня къ себѣ. Она говорила всѣмъ, что я—единственный человѣкъ, способный понять ее, и поэтому ей всегда

Digitized by Google

хотѣлось поговорить со мной *по душѣ*. Сначала она стала жаловаться мнѣ на своего толстаго, краснаго мужа, который будто бы подавалъ ей поводы къ ревности. Потомъ, видя, что это мало трогаетъ меня, она разсказала мнѣ все, что знала о моемъ рожденіи. Это неожиданное открытіе страшно потрясло меня. Я бросилась домой, взволнованная и разстроенная, и сейчасъ же пошла къ мамашѣ спросить ее, правда ли все это?

Мамаша тоже взволновалась и разсердилась.—Кто сказалъ тебѣ это? Къ чему она разсказала тебѣ это?

А почемъ я знала—къ чему! Я хотѣла только, чтобъ она сказала мнѣ: кто мои настоящіе родители, гдѣ они, кто отнесъ меня въ воспитательный домъ.

Но мамаша сама ничего не знала о нихъ. Она умышленно брала такого ребенка, родители котораго не безпокоили бы ее, заявляя о своемъ существованіи.

Въ этотъ вечеръ мы съ мамашей много и долго плакали. Она разсказала мнѣ то, о чемъ никогда раньше не говорила со мною, о своей жизни съ мужемъ. Она была такъ несчастна, такъ несчастна и такъ горевала послѣ смерти своей дѣвочки, что, вѣроятно, сошла бы съ ума, еслибъ не взяла меня...

Она привязалась ко мнѣ какъ къ родной дочери, и мнѣ незачѣмъ искать другой матери. Если я ея не люблю, если я не успокоюсь, не перестану думать объ этихъ неизвѣстныхъ, можетъ быть, уже несуществующихъ родителяхъ, это будетъ и нехорошо, и неблагодарно съ моей стороны!

Я цѣловала ея руки, плакала и обѣщала не огорчать ея. Въ этотъ вечеръ, какъ въ раннемъ дѣтствѣ, она сама уложила меня и сидѣла подлѣ меня, пока я не заснула.

Мнѣ было трудно оправиться отъ этого неожиданнаго удара. Страшно было привыкнуть къ мысли, что я—такая же сирота безъ роду и племени, какъ наши институтскія горничныя въ тиковыхъ платьяхъ. Мамаша окружила меня всей роскошью, доступной богатымъ и образованнымъ людямъ, и хотѣла довести свое благодѣяніе до конца, навсегда скрывъ отъ меня, что я занимаю чужое мѣсто, что я родилась такой же нежеланной, непрошенной, какъ всѣ эти бѣдныя дѣти за нумерами, которыхъ развозятъ по деревнямъ. Кто же мои родители? Гдѣ они? Еслибъ они были хорошими, они не бросили бы меня, не скрывались бы отъ меня. Много-много новыхъ мыслей и ощущеній вызвало во мнѣ это открытіе. Мнѣ было больно думать, что родители мои сдѣлали что-то нехорошее, должны были чего-то стыдиться. Мнѣ было больно и въ себѣ самой чувствовать большой запасъ того

Digitized by Google

зла, тѣхъ темныхъ силъ, отъ которыхъ люди страдаютъ и мучатся. Я и раньше стыдилась своихъ недостатковъ; теперь я казалась себѣ заклейменной, почти преступной. Проснувшись среди ночи, я въ тоскѣ и съ ужасомъ думала о своей еще не проявившейся, но предполагаемой порочности, которая стояла передо мной какъ кошмаръ, какъ угроза. Вотъ отчего я не была такой чистой, спокойной, прекрасной, какъ мамаша!.. Я боялась себя самой, я боялась будущаго, въ которомъ мнѣ мерещилось что-то жестокое, ужасное!. А между тѣмъ мнѣ всей душой хотѣлось бы жить хорошо и скромно, хотѣлось прожить, не прибавляя зла къ этой чудовищной лавинѣ, которая грозитъ задавить насъ всѣхъ. И я чувствовала, что это трудно, что это почти невозможно. Теперь все представлялось мнѣ въ новомъ свѣтѣ и передо мной вставала жизнь милліоновъ людей, о которыхъ я раньше и не думала. Я нарочно ходила мимо Воспитательнаго Дома, который и манилъ, интересовалъ, и мучилъ меня. Я разспрашивала о немъ нашу горничную Настю. И все, что Настя говорила мнѣ, заставляло меня глубоко задумываться.

Я продолжала учиться; но выѣзжать и танцовать я была уже не въ силахъ. Роскошь нашего кружка постыла и опротивѣла мнѣ, и мнѣ стыдно было надѣвать эти хорошенькія платья, которыхъ у меня было такъ много.

А мамаша сердилась, замѣчая мое настроеніе. Она говорила, что незачѣмъ такъ трагически относиться къ самымъ простымъ вещамъ, что я страшно преувеличиваю и совсѣмъ не люблю ея. Она поссорилась изъ-за меня съ тетей Анной Ѳедоровной, которая, обидѣвшись, перестала бывать у насъ. Конечно, это ничего уже не поправило, и я продолжала тосковать и думать о моихъ несчастныхъ родителяхъ и о судьбѣ тѣхъ дѣтей, которыхъ вмѣстѣ со мною принесли въ воспитательный домъ.

Тутъ-то Леонидъ Владиміровичъ и сталъ утѣшать меня. Онъ лучше меня самой понималъ все, что происходило у меня въ душѣ. Это удивляло и трогало меня. Раньше онъ обращался со мной какъ съ ребенкомъ, то шутилъ, то ворчалъ на меня. Теперь онъ говорилъ со мной какъ съ равной, и говорилъ о томъ, что было близко моему сердцу: о незаконныхъ дѣтяхъ, объ отношеніи къ нимъ государства и общества, о нравственности, о грѣхѣ, о семьѣ, о бракѣ, о предразсудкахъ и условностяхъ... Если входила мамаша, мы умолкали, чтобъ не огорчать и не сердить ея; и незамѣтно мы стали искать случаевъ поговорить о душѣ въ ея отсутствіе; у насъ завелись секреты...

Эти новыя дружескія отношенія съ Леонидомъ Владимірови-

Digitized by Google

чемъ были сначала очень пріятны и утѣшали и радовали меня; но понемногу за ними стали открываться какіе-то новые горизонты, новыя области, въ которыхъ все было смутно и тревожно. Простота и ясность, которыя я всегда такъ цѣнила, совсѣмъ исчезли изъ нашихъ отношеній.

Прежде, когда онъ уходилъ отъ насъ вечеромъ, я прыгала вокругъ него на одной ногѣ, танцовала венгерку, примѣряла передъ зеркаломъ его шляпу и, дергая его за рукавъ, спрашивала:

— Слушайте, а въ которомъ часу вы завтра придете?..

Теперь я провожала его молча, и только горящій взглядъ мой спрашивалъ его, помимо моей воли: — Вѣдь ты придешь еще?—А онъ отвѣчалъ мнѣ какой-то странной, неловкой улыбкой, которой я не понимала, но боялась.

Прежде я иной разъ критиковала его стихотворенія. Теперь всѣ они казались мнѣ безупречными уже потому, что были написаны его почеркомъ. Прежде я съ нимъ спорила, возражала ему, высказывалась. Теперь я чувствовала себя скованной, связанной, и мучилась тѣмъ, что ему со мной скучно!

Его единственная сестра, жившая гдѣ-то въ глухой провинціи, опасно заболѣла и вызвала его телеграммой. Онъ взялъ отпускъ на два мѣсяца и уѣхалъ къ ней. Когда онъ уѣхалъ, мнѣ стало ясно, что я люблю его. Издали любить было легче, и я немножко отдохнула и успокоилась за эти два мѣсяца.

Отложивъ въ сторону томившіе меня *вопросы* о людскомъ неравенствѣ, о несправедливости и тупости общества, я думала теперь только *о немъ*, о томъ, скоро ли онъ вернется, о томъ, отчего онъ тогда улыбнулся?..

Я снова легкомысленно занялась моими платьями, привела ихъ въ порядокъ, купила два новыхъ кушака, новыя туфли, нѣсколько галстучковъ, усовершенствовала мою прическу, такъ что даже мамаша похвалила меня за это и сказала:—Ну, вотъ такъ тебѣ гораздо болѣе къ лицу, и видно, по крайней мѣрѣ, какіе у тебя чудные волосы!—Я рѣшила держать себя съ нимъ просто, но съ достоинствомъ. Онъ былъ слишкомъ избалованъ женщинами, и не надо было забывать объ этомъ. Я рѣшила сказать ему и то, и то... Я наготовила очень много умнаго, хорошаго и, главное, такого, что должно было уяснить и поправить наши отношенія. Но когда онъ пріѣхалъ, когда я снова увидѣла его, услыхала его голосъ, я позабыла все умное, и снова почувствовала себя въ блаженномъ хаосѣ, среди котораго ясно было только то, что онъ со мною, что у меня бьется сердце и что онъ—лучшій изъ людей!

Digitized by Google

Сестра его не умерла, а поправилась, и онъ много разсказывалъ намъ о ея болѣзни, о ея семьѣ, о своихъ дорожныхъ впечатлѣніяхъ, а глаза его, встрѣчаясь съ моими сіяющими радостью глазами, неудержимо продолжали наши прежніе, прерванные, нѣмые разговоры.

Въ эту ночь я совсѣмъ не могла спать. Я думала: надо сказать мамашѣ! Но что сказать? Все было еще такъ смутно и неопредѣленно. Онъ вѣдь только смотрѣлъ на меня; онъ не сказалъ еще ни слова, которое могло бы сколько-нибудь разсѣять тотъ туманъ, въ которомъ я находилась. И потомъ, сказать мамашѣ—вѣдь это все равно, что сказать ему. Она все ему разсказываетъ. А развѣ можно сказать *это?!*...

И въ темнотѣ я отрицательно качала головой, улыбалась и плакала, и отирая слезы рукавомъ ночной рубашки, думала: „Какой онъ хорошій!“

Я знала, что теперь я снова буду видѣть его каждый день; но теперь и этого было мало. Каждый день мнѣ казалось, что онъ опаздываетъ и опаздываетъ умышленно, только затѣмъ, чтобъ помучить меня.

И я мучилась, и волновалась, и ссорилась съ нимъ. Я нарочно говорила ему грубости и рѣзкости, чтобъ онъ зналъ, что ничего мнѣ отъ него не нужно!.. Онъ самъ не оставлялъ меня въ покоѣ. Зачѣмъ? Что ему надо отъ меня? Зачѣмъ онъ точно ведетъ меня куда-то, точно толкаетъ на что-то?.. Можетъ быть, онъ смѣется надо мной?.. Если во всемъ этомъ нѣтъ ничего дурного,—отчего онъ не скажетъ прямо?

Я съ безпокойствомъ оглядывалась на мамашу; но она рѣшительно ничего не замѣчала и еще говорила мнѣ:

— Что ты такъ раскраснѣлась, Люлюша? Ты не простудилась ли?..

„Простудилась“! О, Господи! Мнѣ такъ хотѣлось разсказать ей всю правду, посовѣтоваться съ ней и облегчить мою душу. Но каждый разъ что-то удерживало меня отъ признаній. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ я ждала развязки и боялась разбить мою мечту, заговоривъ о ней преждевременно. Вѣдь для меня это было такъ важно! Для меня это былъ вопросъ: быть или не быть?..

А время шло. Прошло еще два года, и вотъ какъ-то, въ началѣ февраля, тетя Анна Ѳедоровна, успѣвшая помириться съ мамашей, заѣхала къ намъ поболтать и, за чашкой чаю, неожиданно спросила:

— А Леонидъ Владиміровичъ женится?

Digitized by Google

Мы молчали.

— Женится,—повторила она утвердительно.—Я вчера была у Костроминыхъ. Тамъ всѣ говорили объ этомъ.

Гостья сидѣла еще у насъ, помѣшивая чай ложечкой и сообщая дальнѣйшія подробности; а я, накинувъ на себя что попало, выбѣжала, какъ сумасшедшая, на улицу. Я побѣжала прямо къ нему, спросить его, правда ли это? Его не оказалось дома. Онъ былъ на службѣ. Я пошла туда; но, походивъ передъ большимъ домомъ съ внушительнымъ толстымъ швейцаромъ, я оробѣла и не вошла. Какое право имѣла я допрашивать его? Обѣщалъ онъ мнѣ что-нибудь?—Нѣтъ! Онъ ничѣмъ не былъ виноватъ передо мною и воленъ былъ жениться на комъ угодно. Только зачѣмъ онъ завлекъ меня, зачѣмъ такъ мучилъ меня и игралъ мною? Конечно, я сама хотѣла быть его женою. Я поняла, что я не хочу ничего другого, и знаю, что безъ него для меня никогда не будетъ никакого счастья, свѣта, радости!.. Цѣлый день я не пила и не ѣла, цѣлый день бродила по улицамъ Москвы, заходя изрѣдка въ церкви, гдѣ я машинально ставила свѣчи или плакала передъ образами. Я рѣшила въ день его свадьбы уѣхать къ прокаженнымъ. Пускай знаетъ, что онъ со мной сдѣлалъ!.. Вечеромъ я вернулась домой въ лихорадкѣ и съ головной болью. Мамаши не было дома. Она вернулась очень поздно и, пройдя ко мнѣ, застала меня совсѣмъ больной. Утромъ послали за докторомъ, который велѣлъ мнѣ оставаться въ постели и предписалъ леченье. Я прохворала больше трехъ недѣль; а когда я выздоровѣла, мамаша объявила мнѣ, что на дняхъ мы поѣдемъ въ Италію, гдѣ мнѣ легче будетъ окончательно поправиться. Леонидъ Владиміровичъ тоже пріѣдетъ туда. Я хотѣла спросить: съ невѣстой?.. съ женой?.. но ничего не спросила, и стала укладываться. Въ Вѣнѣ онъ присоединился къ намъ, и втроемъ мы проѣхали прямо въ Неаполь.

Леонидъ Владиміровичъ былъ оживленъ и веселъ и ни о какой невѣстѣ не было и помину. Въ Сорренто у насъ было съ нимъ много хорошихъ разговоровъ, изъ которыхъ выяснилось, что про невѣсту все рѣшительно выдумали. Въ Римѣ мы съ нимъ жестоко ссорились и даже не разговаривали. Зато во Флоренціи!.. Во Флоренціи мы уже цѣловались и обнимались, такъ какъ оказалось, что мы любимъ другъ друга и настолько, что рѣшено было повѣнчаться. Мнѣ хотѣлось сейчасъ же сказать объ этомъ мамашѣ. Но Леонидъ Владиміровичъ просилъ меня подождать немножко. Онъ хотѣлъ самъ поговорить съ ней.

Digitized by Google

Я удивилась, но, конечно, сдѣлала, какъ онъ желалъ, и только сказала ему:

— Мнѣ хотѣлось поскорѣй обрадовать мамашу. Я знаю, какъ она будетъ счастлива!..

Онъ самъ поговорилъ съ мамашей, и въ Венецію я пріѣхала счастливой невѣстой. Я была наверху блаженства. Мнѣ казалось только, что мамаша недостаточно радуется моему счастью. Она всегда была сдержанной и замкнутой; но теперь она казалась просто грустной. Отчего?.. Положимъ, отчасти это было понятно. Вѣдь всю свою жизнь она жила только мною и для меня. И теперь ей кажется, что у нея отнимаютъ послѣднее. Но напрасно она огорчается! Мы всегда будемъ жить вмѣстѣ, и въ нашемъ счастьѣ она не будетъ чужою. Да развѣ я сама могла бы жить безъ нея?!

III.

Сидя весеннимъ теплымъ вечеромъ въ гондолѣ, рядомъ съ мамашей, я съ безпокойствомъ поглядывала на ея красивое блѣдное лицо съ маленькимъ ртомъ и большими черными глазами. Я думала:—Не расхворалась бы она еще! Въ ея годы болѣзни подкрадываются незамѣтно. Надо не давать ей хандрить и задумываться. Это главное...

У широкой темной арки Ріальто гондольеръ повернулъ, и мы поплыли обратно въ той же тишинѣ и темнотѣ. Скоро снова запестрѣли передъ нами цвѣтные фонарики, снова зазвучали серенады, и когда мы вернулись къ церкви „della Salute“, тамъ опять пѣла моя любимица.

Сложивъ на груди руки и слегка закинувъ непокрытую черноволосую голову, она стояла въ лодкѣ, въ своемъ скромномъ коричневомъ платьѣ, въ большомъ платкѣ, накинутомъ на плечи, и пѣла простенькую національную пѣсенку съ веселымъ хоровымъ припѣвомъ. Мотивъ пѣсни былъ веселый, но въ самомъ голосѣ пѣвицы всегда звучали грустныя нотки. Что бы она ни пѣла, пѣніе ея всегда казалось кроткой жалобой на то, что ее не то обидѣли, не то обманули, и что жизнь не дала ей всего, что судила... Отъ времени до времени, прерывая эту нѣжную жалобу, раздавался взрывъ разудалаго хора. Сильные мужскіе голоса кричали что-то задорно и весело, точно подсмѣиваясь надъ робкой женской пѣсенкой, которая спѣшила умолкнуть.

Я съ наслажденіемъ слушала мою любимицу. Мамаша печально смотрѣла своими черными глазами на черную воду, и

Digitized by Google

мнѣ казалось, что щемящія нотки въ пѣніи итальянской пѣвички будили въ ея душѣ горькія воспоминанія о безрадостно проведенной молодости, въ обществѣ ворчливаго и раздражительнаго супруга. Какъ жизнь ея не удалась! И какъ мнѣ стыдно было передъ ней за то, что я такъ счастлива! такъ безбожно счастлива!...

Мой свѣтлокудрый, синеокій Лёлёся сидѣлъ противъ насъ съ беззаботнымъ, веселымъ выраженіемъ лица, и я видѣла, что онъ доволенъ и погодой, и Венеціей, и серенадой, и своими дамами.

— Что это за пѣсня? Она въѣдается,—сказалъ онъ.—Завтра мы всѣ будемъ пѣть ее.

Хоръ еще разъ прокричалъ свой веселый припѣвъ и смолкъ. Пѣвица въ коричневомъ платьѣ улыбалась и кланялась въ отвѣтъ на рукоплесканія. Я тоже усердно апплодировала, а Леонидъ Владиміровичъ, наклонившись ко мнѣ, спросилъ не то насмѣшливо, не то ласково:

— Такъ хорошо въ Венеціи?

Я даже вздохнула и отвѣтила:

— Такъ хорошо, такъ хорошо, что иногда мнѣ кажется, что все это сонъ или неправда!

— Что̀ неправда?

— Все! И Венеція, и серенады... И *вы!*—прибавила я еще тише. Онъ улыбнулся и отвѣчалъ мнѣ взглядомъ, который я одна видѣла въ темнотѣ. И чувствуя, какъ намъ хочется сейчасъ поцѣловаться, я отвернулась отъ него и поспѣшила заговорить съ мамашей.

— А ты хочешь завтра утромъ въ Belle-Arti?

— Да,—апатично отвѣчала она.—А вы что̀ дѣлаете?

— Леонидъ Владиміровичъ поѣдетъ съ тобою, а я, пока вы будете восхищаться вашими Тиціанами и Веронезами, махну въ Лидо и подышу у моря. Къ завтраку сойдемся у себя въ отелѣ, и тогда рѣшимъ дальнѣйшее.

— Отчего же Леониду Владиміровичу не поѣхать съ тобой въ Лидо? Я могу идти въ музей и одна!

— Оттого, что ему самому несравненно пріятнѣе смотрѣть съ тобой хорошія картины, чѣмъ собирать со мной раковинки.

— Мнѣ нравится, что за меня рѣшаютъ, не освѣдомляясь о моемъ мнѣніи. Это всегда такъ будетъ?

— Конечно. И для вашего же блага.

— Благодарю васъ. Но я думаю, сударыня, что и вамъ, для вашего блага, не худо бы спросить меня, позволю ли я вамъ ѣхать одной въ Лидо?

Digitized by Google

— Отчего же мнѣ не ѣхать?

— Во-первыхъ, потому, что это недостаточно прилично и безопасно...

— О, какіе пустяки! Всегда и вездѣ я ѣздила одна.

— А во-вторыхъ, мнѣ, можетъ быть, обидно, что меня желаютъ сплавить. Неужели я уже такъ надоѣлъ?...

— Поѣдемте всѣ вмѣстѣ въ музей! — предложила мамаша.

— О, нѣтъ!—сказала я.—Вѣдь я вамъ только испорчу все удовольствіе. Ужъ я знаю: меня сейчасъ же затошнитъ, разболится голова, я начну зѣвать и вздыхать, а вы будете возмущаться тѣмъ, что я не понимаю и не восхищаюсь. Знаю я ваши музеи! Нѣтъ, ужъ лучше поѣзжайте вдвоемъ. Посмотрите за меня и разскажите мнѣ. Такъ гораздо лучше.

— Ну, какъ хочешь!—сказала мамаша, пожимая плечами.— Я нахожу только, что ты что-то напускаешь на себя. Отчего вдругъ такая ненависть къ музеямъ? Мужикъ можетъ не понимать искусства, но дѣвушка, воспитанная и образованная, не можетъ не интересоваться художественными произведеніями. Воля твоя, это аффектація!...

Пожуривъ меня еще немножко, мамаша нашла, что уже поздно и пора домой. Повинуясь ея желанію, мы тихо поплыли къ выходу изъ Большого канала, а вслѣдъ намъ долго еще лилась сладкая и жалостная мелодія Тости, которую пѣлъ теперь маленькій теноръ:

Vorrei morir quando tramonta il sole,
Quando sul prato dormon le viole...

Мы плыли молча и слушали. Черная вода блестѣла и искрилась, а въ темномъ небѣ горѣли крупныя, яркія звѣзды.

На слѣдующее утро я встала въ особенно свѣтломъ и радостномъ настроеніи. Я видѣла, что и мамаша въ духѣ и одѣвается съ удовольствіемъ, а не съ апатіей, какъ все это послѣднее время. Она вынула изъ шкафа свое новое черное платье, которое было ей особенно къ лицу. Леонидъ Владиміровичъ находилъ, что ей идетъ черное, и она неизмѣнно ходила въ черномъ, мѣняя только отдѣлку, которая могла быть желтой, красной, бѣлой или лиловой; но это платье было все черное, очень легкое, модное, элегантное.

Радуясь ея замѣтному оживленію, радуясь тому, что теперь, наконецъ, всѣмъ хорошо и весело, я тоже принялась одѣваться. Онъ любилъ меня въ бѣломъ, и я рѣшила надѣть все бѣлое—отъ шляпки до ботиновъ. Пока мамаша, медлительно и аккуратно,

Digitized by Google

какъ и все, что̀ она дѣлала, разбирала на умывальникѣ свои щетки и флаконы, я проворно расчесывала мои длинные рыжіе волосы и, глядя на себя въ зеркало, думала: „Какъ я некрасива! Боже мой, какъ я некрасива! Совершенный кусокъ мяса!.. Только зубы и хороши, да еще глаза ничего, и рѣсницы, и брови... Положимъ, и все бы ничего, еслибы не эти гадкіе волосы. Сущее несчастье“!.. Но сейчасъ же я побѣдоносно улыбалась, вспоминая все, что̀ *онъ* говорилъ мнѣ по этому поводу. Онъ говорилъ, что всѣ настоящія красавицы, начиная съ Евы и Венеры, были рыжими. И Фрина, и Клеопатра, и еще тамъ кто-то!.. А Форнарина, а Тереза Гвиччіоли!.. Здѣсь, въ Венеціи, этотъ цвѣтъ волосъ особенно въ чести, а Венеція—*мой* городъ; это—*нашъ* городъ!.. Вчера еще онъ говорилъ мнѣ, что я лучше всякой красавицы, что моя жизнерадостность сквозитъ въ каждомъ моемъ движеніи, въ каждомъ звукѣ моего голоса, и въ горячемъ блескѣ моихъ темно-сѣрыхъ глазъ, и въ моей улыбкѣ, глядя на которую, нельзя не улыбнуться. Э, онъ много говорилъ мнѣ... Кабы знали только все, что̀ онъ говорилъ мнѣ!.. А въ стихахъ-то, въ стихахъ!..

И сдвигая гребешки въ моей почти оконченной прическѣ, я мысленно декламировала:

...Я далеко отъ васъ; но властью грезъ я съ вами.
Вы вѣчно предо мной съ лучистыми глазами,
Съ улыбкой молодой...

Мамаша внимательно оглядѣла мое новое бѣлое платье tailleur и новую бѣлую шляпку и сказала, вытирая руки мохнатымъ полотенцемъ:

— Тебѣ не жалко съ утра надѣвать новое платье? У воды запачкаешься...

— Нѣтъ, я поберегу его.

— Не опаздывай же къ завтраку, пожалуйста! Мы будемъ ждать тебя. Не опоздаешь?

— О, нѣтъ! Къ двумъ часамъ я буду здѣсь въ номерѣ. Ты не поднимайся, если устанешь, и проходи прямо въ столовую; а за мной пришли. До свиданья, мамаша!—И цѣлуя ея только-что вымытую, душистую руку, я прибавила съ искреннимъ восхищеніемъ:

— Какая ты сегодня красавица!

Мамаша не удержалась отъ самодовольной улыбки, но сейчасъ же сказала:

— Хороша красавица, старая такая!.. Прошла моя красота!..

Digitized by Google

Не опаздывай же къ завтраку, Люлюша! И будь осторожнѣе, смотри, не утони тамъ...

— Постараюсь!

Мы еще разъ крѣпко поцѣловались. Она стала, не торопясь, надѣвать на свои длинные, тонкіе пальцы множество колецъ съ рубинами, опалами и брильянтами; а я вышла изъ комнаты, напѣвая вчерашнюю итальянскую пѣсенку.

Спустившись этажемъ ниже, я нарочно свернула въ боковой коридоръ, чтобы пройти лишній разъ мимо двери Леонида Владиміровича. Я надѣялась случайно встрѣтить его.

Мнѣ хотѣлось поскорѣй показаться ему въ новомъ платьѣ. Но въ коридорѣ никого не было. Дверь его была заперта, и передъ ней стояла пара вычищенныхъ ботинокъ.

„Спитъ!—подумала я съ негодованіемъ.—Экой соня! Спать въ Венеціи и въ такое чудное утро. А еще поэтъ!..“

Я сдѣлала ему гримасу, потомъ сбѣжала внизъ и, раскрывъ свой бѣлый шолковый зонтикъ, вышла на залитую солнцемъ улицу.

День былъ жаркій; но на водѣ было удивительно хорошо! Прибывъ въ Лидо, я прошла по зеленой аллейкѣ, мимо знакомыхъ дачъ и ресторановъ, къ зданію ваннъ, и повернула направо. Передо мной сейчасъ же открылось чудное южное синее море. Я пошла берегомъ, верхней тропинкой, и рвала по дорогѣ полевые цвѣты, попадающіеся кое-гдѣ колосья и ярко-красный макъ, который особенно любила мамаша. Потомъ я сѣла въ тѣни кустовъ, чтобы разобрать и связать мои цвѣты.

Утренній воздухъ былъ необыкновенно чистъ и прозраченъ; роса блестѣла въ травѣ и на цвѣтахъ; но солнце уже горячо грѣло и маленькія юркія ящерицы пугливо и стремительно сновали вокругъ меня. Связавъ букетъ, я спустилась къ водѣ, воткнула въ песокъ мой зонтикъ, бросила подлѣ него цвѣты и перчатки, сняла чулки и башмаки, высоко подобрала юбки, подколола ихъ англійскими булавками и въ такомъ видѣ пустилась гулять по морю. У берега было мелко, а вода была теплая,—хоть сейчасъ купайся. И я съ наслажденіемъ забиралась все дальше и дальше, то наклоняясь, чтобы поднять хорошенькую раковину или разсмотрѣть медузу, маленькаго краба, то выпрямляясь, чтобы вдоволь надышаться свѣжестью моря и налюбоваться свѣтлой далью.

Бѣлыя облака плыли по голубому небу, бѣлые паруса скользили по синему морю, и мнѣ жаль было, что со мной нѣтъ Лёлёси и мамаши. Неужели ихъ Веронезы лучше того, что у меня сейчасъ передъ глазами?..

Digitized by Google

Становилось все жарче. Изрѣдка проходили мимо люди, больше все простой народъ, рыбаки, солдаты, ребятишки, продавцы устрицъ. Прошла высокая, худая англичанка съ огромнымъ биноклемъ на ремнѣ черезъ плечо. Она остановилась, глядя на меня; потомъ прошла дальше, тоже разулась и тоже пошла въ море—за его ласками и сказками.

А я, нагулявшись, вернулась къ моему зонтику и, стараясь не измять новаго платья, легла на пескѣ, вытянувъ босыя ноги, чтобы просушить ихъ на солнышкѣ. Я легла лицомъ къ морю и, опершись на локоть и глядя на свѣтлые далекіе паруса, я стала думать о Леонидѣ Владиміровичѣ.

„Какой онъ хорошій! Какой умный, чуткій, даровитый!.. Какъ легко будетъ жить съ нимъ! Онъ такъ тонко, такъ вѣрно все понимаетъ. И за что именно мнѣ такое счастье! Все судьба!

„Всѣ встрѣчи на землѣ недаромъ. Восемь лѣтъ тому назадъ я встрѣтила Леонида Владиміровича для того, чтобы наши жизни слились въ одну. Я буду его женой.

„Еслибы онъ женился на другой, я ушла бы къ прокаженнымъ. Я знаю: бываютъ дѣвушки гордыя, сильныя, самодовлѣющія. Я не такая. Я могу жить только для него и подлѣ него. Это—мое мѣсто, и я никому, никому не уступлю его.

„Боже! Какъ жизнь моя начинается свѣтло и ярко, какъ счастливо! Положимъ, за послѣдніе два года онъ таки-порядкомъ меня помучилъ. Но и это хорошо!..“

И глядя на паруса и улыбаясь то насмѣшливо, то нѣжно, я мысленно перебираю всѣ мои минувшія тревоги и огорченія, наши ссоры и размолвки.

Разъ, въ Неаполѣ, мы собирались въ гости къ одной знакомой русской дамѣ, которая выдавала дочь за богатаго пожилого итальянца. Мамаша одѣвалась у себя въ номерѣ; а мы съ Леонидомъ Владиміровичемъ сидѣли на балконѣ. Я разрѣзала большимъ костянымъ ножомъ новую англійскую книгу, а онъ дымилъ папироской, сидя на перилахъ. И онъ началъ говорить о хорошенькой невѣстѣ, о томъ, какъ она обманываетъ своего жениха, притворяясь влюбленной въ него, въ угоду своей матери.

— Но и глупъ же женихъ, который этому вѣритъ!—прибавилъ Леонидъ Владиміровичъ, закуривая новую папироску.— Еслибы мнѣ какая-нибудь дѣвушка стала говорить о своей любви, я, конечно, не повѣрилъ бы. Я понялъ бы, что она хочетъ только устроиться, только выйти замужъ...

Я мгновенно вспыхнула, швырнула въ одну сторону ножикъ, въ другую книгу и, не оглядываясь, вышла, хлопнувъ дверью.

Digitized by Google

Мнѣ хотѣлось рвать, ломать, разбивать вещи; но ломать было нечего. Видъ раздѣтой мамаши, спокойно стягивающей передъ зеркаломъ корсетъ, нѣсколько отрезвилъ меня. Я стала искать, потомъ растягивать и надѣвать мои перчатки.

Успокоившись, я осторожно выглянула на балконъ. Леонида Владиміровича тамъ уже не было; онъ ушелъ черезъ садъ. Мамаша тоже удивилась, не найдя его ни на балконѣ, ни въ его комнатѣ, и мы молча пошли вдвоемъ въ гости. Я была въ отчаяніи, ожидая, что придется теперь просидѣть безъ него цѣлый вечеръ съ чужими скучными людьми. Но первое, что я увидѣла, войдя въ переднюю, была его мягкая сѣрая шляпа, которую я столько разъ цѣловала украдкой. Потомъ я услышала его голосъ. О, какой это былъ вечеръ!..

Во Флоренцію я пріѣхала несчастной, измученной. Мнѣ казалось, что все потеряно, все кончено, все безповоротно испорчено. И вдругъ онъ сталъ говорить мнѣ о своей любви къ кому-то... Я слушала его какъ въ бреду, плохо сознавая, на землѣ ли я, на небѣ ли или въ преисподней? И я спросила его строго и сурово:

— Кого вы любите?

— А нужно говорить это?—сказалъ онъ.

Я хотѣла сказать такъ же строго:—Да, нужно!—Но вмѣсто этого я горько заплакала. А онъ обнялъ и поцѣловалъ меня. Съ тѣхъ поръ я ужъ не плакала.

— О, чудная, чудная Флоренція!..

Бѣлыя облака плыли по голубому небу, сѣрые паруса носились по синему морю, а я все перебирала, припоминала подробности и мелочи, совсѣмъ неинтересныя для другихъ, но для меня-то полныя значенія. Вѣдь все это были тѣ узелки, тѣ петельки, изъ которыхъ понемножку соткалось мое счастливое настоящее и мое свѣтлое, лучезарное будущее! И глядя на паруса и на облака, я думала о нашемъ счастьѣ, о нашей будущей семейной жизни, о нашихъ дѣтяхъ...

И вдругъ, неожиданно, въ самомъ разгарѣ этихъ свѣтлыхъ мечтаній, сердце мое сжалось какимъ-то тоскливымъ предчувствіемъ. Что такое? Мнѣ ли горевать о чемъ? И стыдно, и грѣшно! Надо пересилить, преодолѣть это. И я старалась развеселиться, старалась заставить себя снова мечтать; но что-то ужъ не мечталось. Непонятная тоска, какъ змѣя, потихоньку обвилась вокругъ моего сердца, и ни небо, ни море уже не развлекали и не радовали меня.

Я взглянула на часы. Не было еще двѣнадцати. Возвра-

Digitized by Google

щаться въ Венецію было рано. Да и жди теперь парохода! Впрочемъ, кажется, есть еще пароходъ... А здѣсь меня замучитъ эта тревога. Отчего мнѣ такъ страшно? Что-нибудь случилось съ ними?..

Не въ силахъ оставаться дольше на мѣстѣ, я поспѣшно стала обуваться. Букетъ мой уже завялъ и высохъ, макъ осыпался. Я бросила погибшіе цвѣты въ море и, съ тревогой поглядывая на часы, поспѣшила къ пристани.

Все время переѣзда на пароходѣ сердце мое тоскливо ныло подъ гнетомъ какого-то тяжелаго предчувствія, а въ ушахъ неотвязно звучала вчерашняя итальянская пѣсенка, и мнѣ начинало казаться, что и съ пѣсенкой этой связано что-то невыразимо-грустное. Я нѣсколько успокоилась, завидя знакомыя очертанія Венеціи, palazzo Ducale, palazzo Reale, Campanile, кресты и купола Санъ-Марко.

Перебѣжавъ Пьяццетту, я вышла на площадь Санъ-Марко, гдѣ чувствовала себя какъ дома. Несмотря на жару, публика толпилась и на площади, и подъ аркадами, въ галлереяхъ съ блестящими витринами. Около стараго собора тоже бродили иностранцы, осаждаемые полчищами гидовъ, пристающихъ къ нимъ на разныхъ языкахъ. Молодыя, тоненькія англичанки кормили голубей; а фотографъ-любитель снималъ ихъ. Голуби свободно гуляли, поклевывая бросаемыя имъ зерна и довѣрчиво и смѣло взлетая на плечи дѣтямъ, которыхъ это забавляло и радовало. У входа въ Campanile лежалъ на спинѣ, закинувъ руки подъ голову, черномазый, полуголый мальчуганъ, а туристка-художница, присѣвъ невдалекѣ на складномъ стулѣ, срисовывала его въ свой альбомъ. Жарко было какъ въ пеклѣ. Но видъ знакомыхъ, привычныхъ картинъ окончательно успокоилъ меня. Почти удивляясь своему недавнему волненію и уже готовая смѣяться надъ нимъ, я вошла на порогъ нашего отеля. Швейцаръ предупредительно подалъ мнѣ ключъ отъ нашего номера. Очевидно, *мои* еще не вернулись, и я успѣю пригладиться и вымыть руки до обѣда.

Проходя мимо доски съ ключами, я мелькомъ взглянула на нее и замѣтила, что ключъ Леонида Владиміровича отсутствуетъ. Вѣроятно, горничная взяла его, чтобы убрать его комнату.

Я пошла наверхъ и по привычкѣ сдѣлала небольшой крюкъ по коридору для того, чтобы пройти мимо двери Леонида Владиміровича. Ключъ былъ въ замкѣ снаружи; вѣрно, горничная убирала его комнату; но когда я поровнялась съ этой дверью, мнѣ показалось, что я слышу за ней голосъ мамаши. Это было

Digitized by Google

странно. Что случилось?.. И вдругъ мнѣ снова стало страшно, и не только страшно, но невыразимо тоскливо. Томившее меня раньше предчувствіе овладѣло мною съ новою силой. Машинально я взялась за ручку двери. Она была незаперта и отворилась.

То, что я увидѣла, было до такой степени непонятно, невозможно, неожиданно, что я остановилась какъ вкопанная, не въ силахъ двинуться съ мѣста, не въ силахъ произнести что-нибудь. Они оба взглянули въ мою сторону. Это были они, какъ ни трудно было повѣрить этому. Онъ взглянулъ какъ-то глупо и растерянно, а мамаша сверкнула на меня своими черными глазами съ негодованіемъ, съ гнѣвомъ и ненавистью! Взглядъ этотъ добилъ меня. Я задрожала, выронила на полъ ключъ отъ нашей комнаты, закрыла лицо руками и молча выбѣжала въ коридоръ. Я дрожала какъ въ лихорадкѣ и въ первую минуту хотѣла бѣжать отъ нихъ на край свѣта. Потомъ я одумалась, остановилась и вернулась къ двери. Мнѣ хотѣлось еще разъ услышать ихъ голоса, хотѣлось узнать, что могутъ они говорить теперь, не ошиблась ли я, не пригрезилось ли, не померещилось ли мнѣ все это? Мнѣ нужно было только узнать, правда ли это; и дрожа, и холодѣя, я остановилась за дверью, прислушиваясь. Мамаша заговорила первая. Она сказала недовольнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Какъ же вы не заперли дверь? Какъ могли вы не запереть этой двери?..

— Я думалъ, что вы ее заперли, — отвѣчалъ онъ съ досадой, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, онъ прибавилъ уже совсѣмъ грубо и сердито (такъ непохоже, такъ непохоже на него!):—вѣдь вы *всегда* ее запираете...

Сердце страшно колотилось у меня въ груди, и въ ушахъ былъ звонъ; но я ясно слышала это „*всегда*“, такъ же ясно, какъ и шуршанье шолковой юбки мамаши и его шаги. Онъ подходилъ все ближе и ближе къ двери, за которою я стояла. И при мысли, что сейчасъ онъ отворитъ эту дверь, увидитъ меня, подойдетъ ко мнѣ, можетъ быть, захочетъ дотронуться до меня, здѣсь, теперь, сейчасъ прямо отъ нея, изъ ея объятій,—при этой мысли мною овладѣлъ такой ужасъ, что я бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ, наталкиваясь на встрѣчныхъ, спотыкаясь, не сознавая, не помня и не понимая ничего, кромѣ того, что мнѣ надо бѣжать отъ нихъ, бѣжать, бѣжать...

Digitized by Google

IV.

Снова очутившись на улицѣ, подъ солнцемъ и среди людей, я машинально пошла куда-то. Я не могла еще опомниться и понять, что̀ случилось. Мнѣ только мерещился этотъ коридоръ съ его запахомъ сырости, знакомая дверь, открывшаяся за ней комната и эти два лица, такія дорогія и близкія, внезапно преобразившіяся въ какія-то новыя, чужія, враждебныя! Взглядъ мамаши особенно мучилъ меня. Столько ненависти! За что?..

Мнѣ казалось, что все на свѣтѣ рушилось и погибло. И мнѣ дико, странно было видѣть людей, которые продолжали, какъ и прежде, ходить, двигаться, разговаривать и покупать газеты. Я вернулась на площадь, по которой только-что проходила. Тѣ же англичанки кормили голубей, а туристка рисовала своего итальянскаго мальчика. Но какъ все перемѣнилось,—Боже, какъ все перемѣнилось! Дневной свѣтъ сталъ рѣзкимъ, всѣ внѣшнія впечатлѣнія—такими тяжелыми и мучительными! И какой ужасъ былъ позади, впереди, вокругъ меня! Боже мой!

Я вошла въ старый соборъ. Службы не было. Кое-гдѣ мерцали свѣчи. Иностранцы, съ сумками черезъ плечо, съ книжками въ рукахъ, съ лорнетами и биноклями, бродили въ разныхъ направленіяхъ. Одни внимательно смотрѣли себѣ подъ ноги, разглядывая старинныя мозаики пола; другіе, закинувъ головы, созерцали мозаики и живопись купола. Въ тишинѣ пустого храма гулко раздавалось покашливанье, шарканье шаговъ, рѣзкій звукъ монетъ, падающихъ въ деревянный ящичекъ, который подносило ко всѣмъ прихрамывающее духовное лицо, одѣляя жертвователей маленькими бумажными изображеніями Пречистой Дѣвы Miracolosa di San Marco. Компанія солидныхъ нѣмцевъ, съ высокимъ, худымъ гидомъ въ порыжѣлой курткѣ, направлялась къ ризницѣ.

Я прошла ко гробу св. Марка и въ изнеможеніи опустилась на ближайшую къ алтарю скамейку. Въ этой части церкви не было ни души. Въ сторонѣ, у запертой рѣшотки похаживалъ сторожъ. И это отсутствіе молитвъ и молящихся было такъ страшно и безнадежно. Точно и здѣсь не было Бога!.. Мнѣ казалось, что еслибы здѣсь звучалъ органъ, еслибы старики и старухи, поднимая вверхъ слезящіеся, моргающіе глаза, шептали свои молитвы, мнѣ было бы легче и не казалось бы здѣсь такъ пусто, такъ мертво и холодно. Что-то, не переставая, стучало подлѣ меня, какъ кастаньеты. Это была моя нога, которой я не

Digitized by Google

могла удержать. Руки мои также дрожали и лицо подергивала судорога; а на сердцѣ было такъ тяжело, такъ тяжело!..

Вѣдь вчера еще мы сидѣли втроемъ на этой самой скамейкѣ. Тогда шла служба, и здѣсь было много священниковъ. Они сидѣли двумя рядами по обѣ стороны алтаря. Я хорошо помнила бритыя лица многихъ изъ нихъ, помнила, какъ они вставали, кланялись, сморкались и кашляли, снимали и надѣвали свои шапочки, раскрывали и закрывали свои молитвенники, то пѣли, то бормотали, и снова садились, и снова начинали громко и гнусливо кричать въ перебой, то съ одной, то съ другой стороны.

Леонидъ Владиміровичъ смѣялся надъ ними и говорилъ, что это—лицемѣріе. Да, лицемѣріе, если они кричали Богу, что любятъ его, не любя... Неужели всѣ на свѣтѣ только лгутъ и лицемѣрятъ? Тогда лучше не жить!

Я такъ любила ихъ, такъ вѣрила имъ, а теперь ихъ точно нѣтъ, точно ихъ убили. Или меня убили... Все перемѣнилось!

„Вѣдь она знала, что онъ—*мой* женихъ! За что же этотъ взглядъ ненависти? Неужели она сама его любитъ? Неужели они любятъ другъ друга? Тогда зачѣмъ же они не сказали объ этомъ раньше? Какъ жестоко!.. Но, можетъ быть, я ошиблась? Можетъ быть, все это мнѣ померещилось?.. Нѣтъ! Глаза могли бы обмануть меня; но эта глухая тоска, этотъ мертвый холодъ въ сердцѣ не обманываютъ. Какъ тяжело!.. Что же мнѣ теперь дѣлать? Вернуться къ нимъ? Ни за что на свѣтѣ! Лучше умереть! Неужели Богъ не сжалится надо мной и не пошлетъ мнѣ смерти?“

Давно еще, въ деревнѣ, у насъ была знакомая дѣвушка, которая узнала о томъ, что ея мать въ связи съ ея женихомъ. Она отравилась. А мать жива до сихъ поръ. Значитъ, это бываетъ.

И дрожа, и ощущая тяжелую, тупую боль во всемъ тѣлѣ, я вспомнила, какъ онъ просилъ меня не говорить мамашѣ о нашемъ объясненіи, какъ въ ея присутствіи онъ бывалъ всегда совсѣмъ другимъ, совсѣмъ не такимъ, какъ безъ нея. Я вспоминала, что о днѣ моей свадьбы, о томъ, какъ, когда и гдѣ это будетъ, никогда никто и не заговаривалъ. Я припоминала многое, и почти отъ всего, что я припоминала, морозъ подиралъ по кожѣ. Главное, не будь это *мамаша*!..

Я вышла изъ собора съ той же болью и мукой на сердцѣ, съ какими вошла туда. Куда же теперь? Снова въ Лидо? Да, подальше, подальше отъ нихъ, отъ Венеціи!..

Я успѣла добѣжать до пристани и сѣсть на пароходъ, который сейчасъ же отчалилъ. День былъ солнечный, ослѣпитель-

Digitized by Google

ный. Пароходъ легко несся по волнамъ, оставляя за собой красивый серебристый слѣдъ. Едва я увидѣла волны, брызги и бѣлую пѣну у колеса, какъ мнѣ неудержимо захотѣлось броситься въ воду и разомъ покончить съ собой. Это—лучшій исходъ. Но люди не дали бы! помѣшали бы! Вонъ ихъ сколько! Все чужіе, злые, грубые!.. Какъ они кричатъ, смѣются, курятъ!.. Имъ нѣтъ дѣла до меня, они не знаютъ меня; а утопиться не дадутъ, вмѣшаются, остановятъ! Вонъ тотъ толстый, черноглазый итальянецъ съ большими усами,—какъ онъ смотритъ на меня пристально и подозрительно. Вѣрно онъ принимаетъ меня за сумасшедшую. А можетъ быть, я уже сошла съ ума!.. И мнѣ хочется спрятаться отъ людей. Отвернувшись отъ нихъ, я смотрю на воду и думаю.

Это невозможно! Онъ не можетъ любить ее. Вѣдь она—старуха. Ей сорокъ-два года. Она старше его на двѣнадцать лѣтъ. Онъ любитъ меня. Я знаю, что онъ любитъ меня.—Какъ же это?—Неужели я видѣла ихъ сегодня собственными глазами?.. Если это было здѣсь,—стало быть, это было и раньше, и въ Неаполѣ, и въ Римѣ, и въ Москвѣ, и въ деревнѣ. Какъ могла я не видѣть, не понимать этого? Да какъ же понять?.. Вчера онъ обнималъ и цѣловалъ меня, а сегодня—ее. Кого же онъ любитъ? И ту, и другую, или ни той, ни другой? Онъ цѣловалъ меня потихоньку отъ нея, а ее—потихоньку отъ меня. Зачѣмъ? Можетъ быть, онъ цѣловалъ меня изъ жалости?.. Я чувствовала себя жалкой, раздавленной и униженной. Слезъ у меня не было, и я только пристально смотрѣла въ воду, потому что это доставляло нѣкоторое облегченіе. Ну, что-жъ, пріѣду въ Лидо и утоплюсь. Другого исхода нѣтъ. Вернуться къ нимъ, услышать ихъ голоса, встрѣтить ихъ взгляды, жить съ ними, зная то, что я знаю, помня то, что я видѣла,—это хуже смерти. Это мнѣ не по силамъ. И развѣ они когда-нибудь простятъ мнѣ то, что я видѣла? Никогда! Я прощу имъ, а они мнѣ не простятъ; и тѣмъ дальше, тѣмъ хуже они будутъ ненавидѣть меня. Мнѣ хотѣлось понять, за что они могутъ ненавидѣть меня; но въ головѣ что-то все зацѣплялось, и путалось, и мѣшало понимать. Лучше всего, скорѣй утопиться. Это грѣхъ—правда. А не грѣхъ—то, что они дѣлаютъ, то, что они со мной сдѣлали? И она еще называла себя моей *матерью*, *матерью*!.. И при этомъ словѣ, при этой мысли, въ сердцѣ моемъ вставала такая мучительная смѣсь негодованія, любви и жалости, отвращенія и ужаса, что мнѣ казалось—мозгъ мой не вынесетъ этого.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ? Они—хорошіе люди, развитые и

Digitized by Google

образованные, даже передовые и либеральные. Они такъ строго судятъ и осуждаютъ всѣхъ, кто поступаетъ несправедливо, негуманно. Они восхищаются Байрономъ, Тиціаномъ и Бетховеномъ. Они говорятъ, что любятъ все прекрасное!.. Зачѣмъ же они меня обманывали? Развѣ это прекрасно?.. Если я теперь сойду съ ума,—они посадятъ меня въ лечебницу. Только бы не навѣщали!.. Боже мой, вчера еще я была безумно счастлива, а сегодня все разбито, поругано, разрушено навсегда,—все, все, что составляло радость и счастье моей жизни!

Какой-то человѣкъ въ фуражкѣ съ галуномъ, обходя пассажировъ, остановился и передо мною, приглашая меня взять билетъ. Я спросила: „пароходъ идетъ въ Лидо"? Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мѣня. „Вовсе нѣтъ. Пароходъ идетъ въ Кіоджу". Я ошиблась пристанью. Сейчасъ будетъ Malamocco, потомъ Pellestrina. Я могу сойти въ Malamocco.

Я взяла билетъ до Кіоджи. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Отдавая плату за билетъ, я замѣтила, что у меня много денегъ. Можетъ быть, я могу съ ними вернуться въ Москву? Но зачѣмъ? У меня и тамъ никого нѣтъ. Моя единственная подруга—далеко, въ Петербургѣ. Да и развѣ я могла бы разсказать ей то, что случилось? Развѣ у меня когда-нибудь повернется языкъ сказать такую вещь о моей матери? Конечно, никогда!.. И зачѣмъ? Что я поправлю, что передѣлаю?

Пароходъ прибылъ въ Кіоджу, и вслѣдъ за другими пассажирами я вышла на берегъ, гдѣ на насъ сразу набросились лодочники, предлагая прогулку подъ парусомъ въ открытомъ морѣ. Они кричали, торговались и приставали хуже венеціанскихъ гондольеровъ. Пассажиры разбрелись, а я пошла по улицамъ незнакомаго города, не спрашивая дороги.

Было жарко, и я долго бродила по узкимъ, смраднымъ закоулкамъ безъ малѣйшаго признака растительности, потомъ вышла на рыбачій каналъ, загроможденный большими барками съ просушивающимися на нихъ сѣтями. Здѣсь пахло смолой и рыбой. Оборванные смуглые ребятишки гурьбой бѣжали за мною, покрикивая: „Un soldino, signora! Un soldino, madama"!.. Я одѣлила ихъ мелкими деньгами, и дѣти разбѣжались съ радостнымъ смѣхомъ и восклицаніями, а я вышла за городъ, прошла довольно далеко по пустынной и пыльной дорогѣ, потомъ вернулась въ городъ и, зайдя въ церковь, сѣла отдохнуть.

Церковь была такая, какихъ я много видѣла въ Италіи. Бѣлыя стѣны, бѣлыя статуи, колонны, обитыя краснымъ штофомъ, множество алтарей, украшенныхъ свѣчами и цвѣтами, по-

Digitized by Google

серединѣ—ряды скамеекъ. Наверху, съ лѣвой стороны былъ маленькій балкончикъ, съ котораго свѣшивалась деревянная рука, держащая распятіе. Я смотрѣла съ тяжелымъ сердцемъ на эту плохо сдѣланную, уродливую и манерную руку и думала: „Еслибъ ко мнѣ протянулась теперь живая дружеская рука! Еслибы кто-нибудь пожалѣлъ меня, сказалъ мнѣ, что это неправда. Можетъ быть, онъ все-таки любитъ меня? Иначе зачѣмъ ему было говорить о бракѣ? Вѣдь онъ хорошій, правдивый человѣкъ. Его слову можно вѣрить. А если онъ меня любитъ,—зачѣмъ мнѣ приходить въ отчаяніе, зачѣмъ умирать? Я выйду за него замужъ, мы уѣдемъ куда-нибудь подальше и будемъ счастливы. А она... А она будетъ одна бродить по улицамъ, какъ брожу теперь я“... Эта мысль была тоже мучительна. Я чувствовала, что я люблю ее, что я была бы не въ состояніи умышленно сдѣлать ей больно. Мнѣ вспоминалось мое дѣтство, мое счастливое, свѣтлое дѣтство, согрѣтое ея неизмѣнной добротой и лаской, всѣ хорошіе дни, часы, минуты, пережитые вмѣстѣ съ нею. Какъ мы любили другъ друга! Неужели теперь мы будемъ ненавидѣть другъ друга только за то, что мы обѣ его... *любимъ*? Какъ странно, что все это называется *любовью*! Мнѣ вспоминалось, какъ въ дѣтствѣ мамаша говаривала: „когда *мы* выростемъ, когда *мы* будемъ большими“... Ну, вотъ мы и выросли!.. Боже мой!..

Изъ церкви я прошла по главной улицѣ города, подъ аркадой, мимо скромныхъ магазиновъ и ресторановъ, мимо дома съ надписью, гласящей о томъ, что съ этого балкона Гарибальди сказалъ жителямъ Кіоджи такія-то знаменательныя слова. — Улица эта привела меня прямо къ пароходной пристани.

Въ ближайшемъ къ ней ресторанѣ, за столиками, передъ домомъ, сидѣли англичане, французы, итальянцы и нѣмцы, пріѣхавшіе со мной изъ Венеціи. Толстый итальянецъ съ черными глазами былъ тутъ же и снова уставился на меня, покручивая длинный усъ. Всѣ они уже покатались въ открытомъ морѣ, осмотрѣли все, что можно было осмотрѣть въ Кіоджѣ, и теперь кушали макароны, „risotto“ и „costoletti di vitello“, запивая ихъ виномъ и пивомъ, въ ожиданіи обратнаго парохода. Я прошла до конца пристани и сѣла на край деревяннаго помоста. У ногъ моихъ свѣтилась вода, и въ головѣ у меня сейчасъ же мелькнуло: „*Вотъ гдѣ*! Здѣсь глубоко: здѣсь пристаютъ большіе пароходы“...

Я оглянулась. Кромѣ меня, на пристани стоялъ только лодочникъ, да двѣ маленькія итальяночки, послѣдовавшія за мною съ берега. Онѣ молча и безъ улыбки таращили на меня свои

Digitized by Google

большіе черные глаза и ощупывали у меня за спиною мой шолковый зонтикъ. Лодочникъ усердно звалъ меня въ открытое море. Я не слушала его и думала о своемъ; но онъ не унимался и приставалъ до тѣхъ поръ, пока я, наконецъ, не поняла, въ чемъ дѣло, и не кивнула ему головой въ знакъ согласія.

Обрадованный итальянецъ, продолжая громко торговаться и показывать пальцами цѣну прогулки, прыгнулъ въ лодку и принялся ставить парусъ.

Мы вышли въ открытое море. Свѣжій вѣтеръ, особенно пріятный послѣ духоты и зноя каменной Кіоджи, пахнулъ мнѣ въ лицо, оживляя и подбодряя меня. Вытянувшись на тюфячкѣ, который подостлалъ мнѣ лодочникъ, я глядѣла на волны и на свѣтлое небо, и мнѣ казалось, что я уже утопилась, утонула, разсталась съ жизнью и съ землею, что я лежу не въ лодкѣ, а на волнѣ, которая, качая и баюкая, уноситъ меня все дальше и дальше отъ берега, на которомъ осталось мое горе, не въ силахъ угнаться за мною.

Кругомъ виднѣлось еще много другихъ парусовъ, сѣрыхъ, красныхъ, полосатыхъ. Они надувались, наклонялись, обгоняли другъ друга. Солнце клонилось къ закату. Укрѣпленія Кіоджи скрылись изъ виду, и передъ моими глазами была только линія горизонта, солнце и волны, волны, волны...

— Una buona brisa, — сказалъ лодочникъ, закуривая трубку, — e molto bene.

Онъ былъ радъ, что залучилъ меня въ лодку, и болталъ, разсказывая мнѣ о богатомъ англичанинѣ, который учился у него управлять парусомъ, о больномъ молодомъ человѣкѣ, который катался здѣсь по предписанію врача. Потомъ, чтобы потѣшить меня, а больше для собственнаго развлеченія, онъ началъ перегоняться съ другими парусами. Это веселило его, и онъ громко хохоталъ, жестикулировалъ и перекрикивался съ перегоняемыми, поддразнивая ихъ.

А я лежала въ лодкѣ, которая сильно накренялась то въ одну, то въ другую сторону, и, мало развлекаясь регатой, все думала *о нихъ*. Что-то они теперь дѣлаютъ, что говорятъ, что думаютъ? Безпокоятся ли они обо мнѣ?..

Я глядѣла на свѣтлое небо, на свинцово-сѣрыя волны съ красноватымъ отблескомъ, и мнѣ казалось, что это *они* бросили меня въ море, и я плыву теперь, по волѣ вѣтра, не зная, гдѣ причалю, гдѣ встану. Но я знала, что не погибну. И въ просторѣ, и въ вольномъ вѣтрѣ, и въ этомъ грубомъ сѣромъ парусѣ было что-то бодрящее и приподнимающее, что-то сильное, какъ

Digitized by Google

вѣра, свѣтлое, какъ надежда. Подъ открытымъ небомъ, среди безпредѣльнаго колыханія волнъ, я чувствовала присутствіе Бога.

И мнѣ казалось, что надо все-таки жить. Зачѣмъ дѣлать имъ больно? Вѣдь если они любятъ другъ друга, это еще не преступленіе. Во всякомъ случаѣ, я должна радоваться, что узнала объ этомъ не позже. Страшно подумать о томъ, что̀ бы это былъ за бракъ! Вѣдь они продолжали бы обниматься за моей спиной. Не удержались теперь, не удержались бы и позже...

А лодочникъ все болталъ и болталъ, разсказывая мнѣ о своихъ двухъ мальчикахъ, которые такъ любятъ море. И мнѣ жаль было, когда два часа катанья прошли и надо было снова возвращаться на землю.

V.

Заплативъ итальянцу, я прошла въ ближайшій къ пристани ресторанъ и спросила себѣ краснаго вина и чернаго кофе. Вино было кисло и отвратительно, но сейчасъ же ударило мнѣ въ голову, и я почувствовала себя опьянѣвшей. Послѣдній пароходъ ушелъ въ Венецію, и волей-неволей я должна была ночевать въ Кіоджѣ. Мнѣ стало жутко и грустно безъ *своихъ*. Мнѣ было стыдно и неловко сидѣть одной за столикомъ въ моемъ бѣломъ платьѣ, подъ взглядами чужихъ людей. Хорошо еще, что теперь здѣсь сидѣли простые кіоджане, и ихъ добродушные, наивные взгляды были куда безобиднѣе, чѣмъ взгляды только-что сидѣвшихъ здѣсь культурныхъ туристовъ.

Я спросила у подававшаго мнѣ лакея, есть ли у нихъ комнаты?.. Хозяйка ресторана, полная итальянка съ вкрадчивыми манерами и пышной прической, украшенной высокимъ гребнемъ, повела меня по деревянной лѣсенкѣ во второй этажъ и отворила дверь просторной комнаты въ два окна и съ двумя большими кроватями. Она говорила что-то о томъ, что у нихъ нѣтъ комнаты въ одну кровать, но что она не дорого возьметъ и за эту. Мнѣ было все равно, что̀ стоитъ комната. Я заняла ее, сняла шляпку и положила ее съ перчатками и зонтикомъ на зеркало, въ которомъ я увидѣла блѣдное, постарѣвшее лицо съ замученными, дикими глазами. Да, мы всѣ перемѣнились. Все перемѣнилось. Все кончилось.

Вошла простенькая горничная со свѣчой и съ графиномъ воды. Она положила чистыя полотенца и молча стала открывать постель. Когда она вышла, я заперлась на ключъ и сѣла къ

Digitized by Google

окну. Пароходная пристань взглянула на меня съ берега, и я снова подумала: „Вотъ гдѣ!..“

Темнѣло и въ городѣ становилось менѣе душно. Несмотря на освѣжившую меня прогулку и на выпитое вино, я чувствовала себя прескверно. Меня угнетало сознаніе моего полнаго одиночества, моей заброшенности, безпомощности и ненужности. Меня тянуло *къ нимъ*, къ ихъ жизни и ласкѣ. Неужели ихъ больше нѣтъ, неужели мнѣ придется жить безъ нихъ? Они снова представлялись мнѣ прежними, хорошими, благородными, не обманывающими. Зачѣмъ я ушла отъ нихъ? Развѣ возможно, чтобъ онъ сдѣлался для меня чужимъ, постороннимъ человѣкомъ послѣ всего, что было? И я вспоминала то, что было: его поцѣлуи, взгляды и улыбки, и слова, и стихи,—все, чѣмъ я жила эти послѣдніе два года. И слова, и поцѣлуи эти не казались мнѣ обидными, напротивъ,—они казались мнѣ дорогими, желанными.

Мнѣ казалось, что еслибъ *они* сейчасъ вошли ко мнѣ, я бросилась бы имъ на шею, повѣрила бы всему, что бы они ни сказали, сдѣлала бы все, чего бы они ни захотѣли. Я ждала, я мысленно звала ихъ, и надѣялась, и прислушивалась...

А внизу на улицѣ былъ шумъ, настоящій итальянскій уличный шумъ, который такъ напоминалъ мнѣ Венецію. Что-то тамъ теперь?—Тамъ горятъ огни; на площади играетъ музыка; окна Testolini ярко освѣщены; всѣ столики у *кафе* заняты; и за однимъ изъ нихъ сидятъ *они*; она—такая худенькая, маленькая, съ ея кошачьей граціей и глубокими черными глазами, онъ—высокій, стройный, съ властной улыбкой и веселымъ взглядомъ... Или они плывутъ теперь въ гондолѣ и слушаютъ серенады. Моя любимица поетъ имъ „Penso“ или „Colomba“... Имъ хорошо вдвоемъ, въ темнотѣ; имъ не надо притворяться и сдерживаться, и обманывать меня, его счастливую невѣсту...

Неожиданно, прекрасный мужской голосъ запѣлъ на улицѣ, подъ самымъ моимъ окномъ. Онъ пѣлъ вчерашнюю итальянскую пѣсенку, которая съ утра преслѣдовала меня и каждый звукъ которой терзалъ мнѣ сердце. Толпа на улицѣ притихла и слушала. А я положила голову на подоконникъ и заплакала тяжелыми, горькими слезами, отъ которыхъ на сердцѣ становилось еще больнѣе. И я плакала такъ, пока не грянулъ нескладный хоръ, къ которому примѣшивались и свистки, и крики, дѣтскій визгъ и восклицанія, шарканье ногъ, говоръ и смѣхъ.

А маленькая пароходная пристань, какъ темный призракъ, въ упоръ смотрѣла на меня, безъ словъ напоминая о томъ, что

Digitized by Google

можно вѣдь и утопиться, если ужъ слишкомъ тяжело! И она звала и манила меня такъ назойливо, что мнѣ стало жутко, и я принялась закрывать окна и ставни.

Я зажгла свѣчку, и при слабомъ свѣтѣ ея эта чужая непріятная комната показалась мнѣ еще болѣе зловѣщей. Темныя стѣны глядѣли на меня точно сообщники, точно ждали отъ меня чего-то нехорошаго. Страшно было и большое зеркало, и ярко-красныя одѣяла на кроватяхъ; страшно было и воспоминаніе о томъ, что я видѣла сегодня утромъ; страшно было и то, что я ясно ощущала въ этой комнатѣ чье-то невидимое, но тяжелое присутствіе. Кто былъ здѣсь со мною, кромѣ моего горя? Можетъ быть, это была моя мать, не та, которая обманывала меня, а та, настоящая, которая меня бросила, отреклась отъ меня? Можетъ быть, она умерла и теперь видитъ и жалѣетъ меня? Что ей надо отъ меня? Если она хочетъ, чтобъ я умерла,—пусть она поможетъ мнѣ умереть. Смерть близка и неизбѣжна. Вотъ какъ она подошла...

Шумъ на улицѣ не прекращался и казался теперь злораднымъ, грубымъ и угрожающимъ. Сквозь закрытыя ставни и окна прорывался говоръ и смѣхъ. Какъ они могутъ смѣяться, когда жизнь такъ ужасна, такъ тяжела?..

Я подошла къ кровати, распустила волосы и безъ гребенки, привычнымъ движеніемъ пальцевъ, стала заплетать волосы въ двѣ косы. И все время, пока я заплетала ихъ, я продолжала ощущать въ комнатѣ чье-то невидимое тяжелое присутствіе, которое наполняло мнѣ душу тоской и ужасомъ. Не раздѣваясь, только разстегнувъ и развязавъ пояса у юбокъ и снявъ мои бѣлые башмаки, я легла, погасила свѣчку и накрылась одѣяломъ. „Помолиться?“ мелькнуло у меня въ головѣ. „Нѣтъ, что же молиться, гдѣ ужъ“!.. Это хорошо было раньше, въ той прежней жизни, которая такъ ужасно оборвалась. Теперь все перемѣнилось, все кончилось.

Въ коридорѣ долго еще слышны были чьи-то шаги, пѣвучій голосъ хозяйки, веселые мужскіе голоса. Потомъ все стихло, и я крѣпко заснула.

Мнѣ приснилось что-то страшное. Сумасшедшая старуха въ лохмотьяхъ гналась за мною, а я бѣжала отъ нея. Передо мной раскрывались одна за другою двери, и передъ каждой закрытой дверью я переживала минуту ужаса. Старуха настигла меня и схватила за платье... Я проснулась въ волненьѣ и въ ужасѣ. Меня удивило, что я одѣта. Гдѣ я? День теперь или ночь? Въ комнатѣ совсѣмъ темно и тихо. Отчего же я въ платьѣ?..

Digitized by Google

Понемногу я припомнила все, что было, и когда я вспомнила, что дѣйствительность хуже и страшнѣе всякаго сна, мнѣ стало грустно до отчаянія.

Сонъ прошелъ. Я приподнялась на кровати и, дрожа, стала зажигать спички. Онѣ гасли, ломались, и я побросала ихъ множество, пока не вспыхнуло наконецъ слабое пламя свѣчки и не освѣтило сообщнически поглядывающія стѣны, страшное зеркало, красныя одѣяла и темную дверь съ ключомъ въ замкѣ. Пора, пора! говорилъ мнѣ какой-то внутренній голосъ. Пора?.. Ну что-жъ, я готова. Я застегнула юбки, взяла свѣчку и, не надѣвая башмаковъ, тихо ступая въ однихъ чулкахъ, подошла къ двери. Ключъ громко щелкнулъ, когда я повернула его въ замкѣ. Я вздрогнула и притаилась за дверью. Но никто не проснулся. Снова воцарилось безмолвіе. Только часы гдѣ-то тикали, да за стѣной раздавался густой, мѣрный храпъ. Заслоняя рукой пламя свѣчки, я тихо спустилась съ лѣстницы и, побродивъ внизу въ коридорѣ, еще разъ громко щелкнувъ ключомъ, еще разъ вздрогнувъ, я вышла во внутренній дворъ или садъ, гдѣ надъ головой моей заколыхались тѣни вѣтокъ, сквозь которыя блеснули звѣзды.

Съ трехъ сторонъ садъ окружали стѣны спящаго дома съ закрытыми ставнями; съ четвертой—высокая бѣлая ограда, среди которой темнѣла калитка. Свѣчка моя погасла, и, бросивъ ее, я стала ощупью пробираться вдоль стѣны, обвитой ползучими растеніями. Я шла какъ лунатикъ, плохо сознавая, что дѣлаю. Кто-то точно велъ меня. Наткнувшись раза два на сдвинутыя здѣсь бочки или ящики, я добралась до калитки, съ усиліемъ отворила тяжелый засовъ и очутилась на набережной.

Передо мной былъ необъятный темный небесный сводъ, усѣянный крупными, яркими звѣздами, которыя мерцали, дрожали, вспыхивали, гасли и жили въ темной глубинѣ. Внизу лежала недвижная пелена воды, тихая и гладкая, какъ зеркало, жемчужно-молочнаго цвѣта, точно застывшая въ восхищеніи передъ звѣзднымъ небомъ. Поразительны были величіе и красота этой южной ночи. Я точно вошла въ тотъ храмъ, котораго искала и жаждала. Я прошла на пароходную пристань и, стоя на краю ея, оглянулась. Никого... Нѣтъ огней. Люди спятъ. Никто не увидитъ, не узнаетъ о моей смерти.

Сзади тихо дремала бѣлая Кіоджа. Изъ-за тѣсно сдвинутыхъ итальянскихъ домиковъ вставали два темные шпица церкви. Они стройно высились надъ домами, но въ свою очередь казались такими крохотными передъ необъятнымъ небеснымъ сводомъ. По-

Digitized by Google

чему-то мнѣ вспомнился Кремль и его башенки, Москва, Россія, деревня и та ночь въ деревнѣ, которую я просидѣла на оградѣ сада.

Я отступила на шагъ отъ края пристани и задумалась. Мнѣ казалось, что только эти двѣ ночи, та да нынѣшняя, и были моей настоящей жизнью. Все остальное было сномъ, съ которымъ не жаль разстаться. Жаль разстаться только съ жизнью этихъ двухъ ночей. То было подъ Москвой, теперь я въ Италіи... Та ночь была свѣтлой и полной звуковъ, эта—торжественна и безмолвна. Тогда я была счастлива, теперь я страдаю... А если хорошо страдать? а если хорошо жить и чувствовать что-нибудь?.. Лучше жалѣть себя, чѣмъ презирать себя; а святого и высокаго въ жизни такъ много, такъ много!.. И теперь, въ тишинѣ и въ темнотѣ, это святое ярче вспыхиваетъ въ душѣ.

Что останавливаетъ меня отъ рѣшительнаго шага? Воспоминаніе о той свѣтлой ночи, которую я просидѣла на оградѣ сада, или что-нибудь другое? Я чувствую, что я люблю кого-то: я *ихъ* люблю. Да! Мнѣ хочется закричать имъ объ этомъ, хочется, чтобъ они услышали меня, чтобъ они жили со мною жизнью этой чудной ночи.

Кіоджа спитъ. Вода не шелохнется. Рядъ рыбачьихъ лодокъ вытянулся вдоль берега. Все кругомъ молчитъ; но молчаніе это такъ много говоритъ моему сердцу. Что ростетъ у меня въ душѣ, я и сама не знаю. Я только чувствую себя усмиренной, покорной, утѣшенной. Я чувствую, что я люблю не только *ихъ*, но люблю всѣхъ людей и весь міръ какой-то новой, счастливой любовью; и когда я думаю объ этомъ, мнѣ хочется плакать слезами радости, хочется обнять и людей, и эти чудныя свѣтлыя звѣзды, которыя все глубже и глубже заглядываютъ мнѣ въ сердце. А глубокое, темное, блистающее небо кажется мнѣ такимъ роднымъ и близкимъ, такимъ захватившимъ меня!

Чьи-то шаги... Въ концѣ улицы встаютъ двѣ темныя тѣни; вѣроятно, рыбаки, пробирающіеся къ своимъ лодкамъ. Я спѣшу вернуться къ калиткѣ, благополучно пробираюсь въ свою комнату и снова ложусь спать.

VI.

На слѣдующее утро я проснулась поздно и проспала первый пароходъ, который ушелъ въ Венецію. Впрочемъ, я рѣшила ѣхать туда только къ вечеру, прямо къ вѣнскому поѣзду. Все

Digitized by Google

утро я или ходила по комнатѣ, или сидѣла на окнѣ, раздумывая о томъ, какъ мнѣ теперь жить.

Хозяйка нѣсколько разъ заходила ко мнѣ, поглядывая на меня съ любопытствомъ и участіемъ. Она заставила меня поѣсть и сама сидѣла у меня, пока я ѣла. Потомъ, по моей просьбѣ, она принесла мнѣ перо, чернилъ и бумаги, и я сѣла писать письма. Я написала мамашѣ, Леониду Владиміровичу и моей петербургской подругѣ, прося ее дать мнѣ пріютъ у себя, пока я не устроюсь иначе.

Труднѣе всего было написать Леониду Владиміровичу, и я разорвала четыре листа, раньше чѣмъ написала что-нибудь. Я писала ему и плакала. Мнѣ казалось, что съ каждымъ новымъ написаннымъ словомъ онъ уходитъ отъ меня дальше и дальше, а съ нимъ—и вся радость, весь свѣтъ моей жизни.

Я знала, что если я еще разъ увижу его, услышу его голосъ,—снова начнутся колебанія, сомнѣнія, вся прежняя подлость и путаница; и я думала, что лучше разрубить сразу, уйти, не оглядываясь. Я написала ему, что уѣзжаю въ Петербургъ, гдѣ буду жить какъ съумѣю, и просила его не писать мнѣ и не видѣться со мною.

Хозяйка снова заглянула ко мнѣ и застала меня въ слезахъ. Она покачала головой и стала утѣшать меня, говоря по-итальянски то, что̀ говорятъ въ такихъ случаяхъ всѣ женщины, русскія ли онѣ, француженки или нѣмки. Она говорила, что я такъ молода, что передо мною вся жизнь, и что если я плачу изъ-за мужчины, то вотъ-то ужъ не сто̀итъ, вотъ-то не сто̀итъ!.. И пока она говорила все это словами, ея живые черные глаза смотрѣли на меня съ состраданіемъ, какъ бы говоря: бѣдная! бѣдная!.. И глаза ея утѣшали меня больше, чѣмъ слова.

Уже стемнѣло, и Венеція сіяла вечерними огнями, когда пароходъ нашъ сталъ приближаться къ берегу. Едва завидѣла я издали знакомыя очертанія волшебнаго города, съ его дворцами, мостами и гондолами, какъ сердце мое сильно забилось, все въ душѣ перевернулось, всѣ мои разумныя и честныя намѣренія разлетѣлись въ прахъ. Я позабыла обо всемъ, кромѣ того, что это—*Венеція* и что *онъ* здѣсь! Мнѣ казалось, что пароходъ нашъ стоитъ и не движется. Боже, какъ долго, какъ медленно! Сердце мое рвалось на встрѣчу Венеціи. И я могла думать, что буду въ силахъ проѣхать мимо, не повидавъ его! Гдѣ мнѣ!.. Нѣтъ, онъ крѣпко держитъ меня въ своемъ городѣ, въ нашемъ городѣ. Господи! все на свѣтѣ такой вздоръ, все вздоръ, кромѣ того, что онъ здѣсь, что сейчасъ я увижу, услышу,

Digitized by Google

обниму его, дорогого, ненагляднаго... Ахъ, скорѣй, скорѣй, скорѣй!.. И мое волненіе, моя радость становились все безумнѣе по мѣрѣ того, какъ въ глазахъ моихъ вставали знакомыя зданія, купола и памятники. Вотъ крылатый левъ, вотъ San Giorgio, золоченый ангелъ на Campanile!.. О, моя Венеція, Венеція! Боже, какъ бьется мое сердце!

Съ Пьяццетты долетаютъ уже звуки музыки. Тамъ огни, говоръ, люди, жизнь, смѣхъ и веселье... А я думала умереть. Умереть, когда онъ живъ, когда онъ здѣсь, когда я холодѣю, дрожу и блаженно теряю голову! Онъ близко! Я знаю, я чувствую это по тому, какъ радостно оживаетъ мое сердце. Мнѣ хорошо, мнѣ тепло, мнѣ весело. Точно сильныя крылья поднимаютъ меня надъ жизнью и несутъ меня къ нему на встрѣчу. Мой милый, желанный!.. Развѣ онъ такой, какъ другіе? Развѣ другіе живутъ? Только мы съ нимъ...

Стопъ! Пароходъ, покачнувшись, останавливается у пристани. Не помня себя отъ радостнаго волненія, я выхожу на берегъ и иду по набережной среди огней, говора и шума мелькающей пестрой толпы матросовъ, солдатъ, женщинъ и туристовъ. Всѣ эти люди не кажутся мнѣ чужими. Въ ихъ глазахъ, въ ихъ движеніяхъ, въ ихъ смѣхѣ и говорѣ я узнаю ту же радость, то же безуміе жизни, которое наполняетъ мнѣ сердце и влечетъ меня къ *нему*. Я точно вернулась на родину, гдѣ все мило, знакомо и дорого. Я не иду, я лечу. Но, поднявшись на мостъ della Paglia, я чувствую, что мнѣ дурно. Что-то холодное касается, окутываетъ меня извнѣ, въ глазахъ темнѣетъ, и на нѣсколько секундъ я теряю сознаніе. Очнувшись, я вижу, что стою на мосту, прислонившись къ парапету. Хорошо, что я не упала. Дурнота проходитъ, остается только слабость, и я должна отдохнуть и собраться съ силами, прежде чѣмъ идти дальше. Передо мною темный „Мостъ вздоховъ“ и вода маленькаго канала. Я смотрю на эту черную воду съ свѣтлыми, колеблющимися блестками, и почему-то мнѣ живо вспоминаются черные, блестящіе глаза Ольги Александровны, которую въ эту минуту я ненавижу всѣми силами души. Мнѣ больно и противно всякое воспоминаніе объ этой женщинѣ. Дурная, лживая, старая, развратная!.. Онъ боится ея; кто знаетъ, чѣмъ она грозитъ ему, чтобъ удержать его!.. Сорокалѣтняя женщина привязалась къ молодому человѣку и не даетъ ему жить. Какъ ей не грѣшно, не совѣстно! Я знаю, что я многимъ обязана этой женщинѣ, но чѣмъ больше я вспоминаю обо всемъ, чѣмъ я обязана ей, тѣмъ больше ненавижу ее! Все, все мнѣ противно

Digitized by Google

въ ней,—и ея наружность, эта холеная наружность, заботамъ о которой она посвящаетъ столько времени, и ея фальшивый голосъ, и эта изнѣженная, разслабленная манера выговаривать слова... Подумаешь, какая аристократка! Вѣдь она—дочь купца, такая же дочь купца, какъ и ея кузины, которыхъ сама она находитъ аляповатыми и размашистыми. Что же она мнитъ себя герцогиней?.. О, какъ я ненавижу ее за это, и за все, за все!.. И подумать, что, можетъ быть, теперь она говоритъ съ нимъ обо мнѣ, что я застану ее у него, съ *нимъ*, что я могу снова увидѣть то, что видѣла вчера!.. О, какой ужасъ!.. Какъ могла я забыть объ этомъ и бѣжать къ нему? Вѣдь они все тамъ же, все въ той же комнатѣ, въ той же ужасной комнатѣ, въ которой я вчера оставила ихъ...

И опять все рушится, и опять я чувствую себя несчастной, раздавленной, униженной. Мнѣ холодно. И какая боль и въ сердцѣ, и во всемъ тѣлѣ! Вмѣстѣ съ этой болью въ сердцѣ встаютъ и прежнія колебанія. Идти къ нему, къ нимъ?.. Зачѣмъ? Извиниться въ томъ, что вчера я вошла, не постучавшись? Успокоить ихъ на мой счетъ, сказать, что они еще не убили меня, что я пережила то, что видѣла... Нѣтъ, не пойду я къ нимъ! Незачѣмъ. Письма у меня въ карманѣ. Брошу ихъ въ ящикъ и уѣду. Такъ лучше... Или зайти къ нимъ только на минутку, проститься?.. А если я опять помѣшаю имъ?.. Онъ ея боится; онъ—въ ея власти. И она не отдастъ, не выпуститъ его. Я чувствую это по силѣ моей ненависти, моихъ мученій.

Музыка гремѣла и шумная толпа кружилась. Свѣтъ отъ ближайшаго фонаря падалъ на рѣшотчатое окно тюрьмы, старой, жестокой тюрьмы, стоящей въ двухъ шагахъ отъ собора и отъ шумной площади съ ея весельемъ и музыкой. Тамъ, за рѣшотчатымъ окномъ, сидѣлъ человѣкъ, лишенный свободы, свѣта и чистаго воздуха. И я думала: „А ему еще хуже, чѣмъ мнѣ. Я на волѣ. Я могу идти, куда хочу, могу пойти къ нимъ или не пойти. Я не связана, не заперта... Отчего же я стою здѣсь, ни на что не рѣшаясь? Пора! Гдѣ моя сила, гдѣ мое свѣтлое настроеніе нынѣшней ночи, гдѣ моя любовь къ людямъ? Сердце мое полно ненависти“... Я взглядываю на небо. Тамъ мерцаютъ тѣ же звѣзды, но онѣ кажутся такими далекими, далекими отъ этого страшнаго темнаго уголка съ его фонариками, тюрьмами, музыкой, говоромъ и страданьями. Я смотрю на часы, и не понимаю, что они показываютъ. Но и не видя ихъ, я знаю, что мнѣ пора ѣхать, что если я пропущу этотъ поѣздъ, то останусь на ночь въ Венеціи,—стало быть, пойду къ нимъ и потомъ

Digitized by Google

снова захочу умереть. Она его любитъ и ненавидитъ меня. Какъ она вчера взглянула на меня!.. Она никогда не уйдетъ отъ него. Еслибъ онъ и женился на мнѣ,—для нея это ничего не измѣнило бы. На что же я имъ?..

И толпа, и музыка, все, что за нѣсколько минутъ казалось мнѣ понятнымъ, близкимъ, веселымъ,—представляется мнѣ теперь чѣмъ-то жестокимъ, варварскимъ, дьявольскимъ. Эта музыка у самой тюрьмы, этотъ смѣхъ подъ окнами заключенныхъ—развѣ это не жестоко? Страшная темная толпа жестокихъ тѣней! Съ упавшимъ сердцемъ я вглядываюсь въ этихъ проходящихъ людей—и боюсь, и надѣюсь случайно встрѣтить *своихъ*. Какъ заговорятъ они со мной? Какъ взглянутъ они на меня? Можетъ быть, имъ тяжело меня видѣть? Можетъ быть, имъ лучше, легче безъ меня. А если такъ...

Я спускаюсь съ моста. Тѣсный рядъ гондольеровъ обступаетъ меня, твердя свое: „Gondola! Gondola!“ Нѣкоторые изъ нихъ искушаютъ меня серенадами, прибавляя скороговоркой: „Una ora due lire“... Мнѣ кажется, что гондольеры знаютъ обо всемъ, что случилось, и смѣются надъ тѣмъ, что я не могу ни на что рѣшиться. А пора... Оркестръ играетъ теперь простенькій, пошлый вальсъ, который такъ часто напѣвалъ Леонидъ Владиміровичъ:

Разъ пастушка здѣсь жила,
Полюбилъ рыбакъ ее...

Знакомая пѣсенка! Леонидъ Владиміровичъ, какъ живой, встаетъ передо мной со своей безпечной усмѣшкой, съ насмѣшливымъ выраженіемъ свѣтлыхъ глазъ... И все кружится передо мною; мнѣ кажется, что дома падаютъ на меня, въ глазахъ у меня темнѣетъ; я говорю одному изъ гондольеровъ: „Alla ferrovia!“ и сажусь въ гондолу.

Гондольеръ везетъ меня сначала по Большому каналу, потомъ по маленькому и снова по Большому. Я еще разъ вижу Ріальто, еще разъ вижу мой любимый Ca Doro, и palazzo Pesaro, и Vendramin-Calergi. Дворцы стоятъ мрачные и печальные, точно и ихъ обманули и обидѣли. Тихо и темно на каналѣ, слышится только тихій плескъ веселъ да окрики встрѣчныхъ гондольеровъ.

И взглянувъ на небо, я вижу тонкій серпъ молодого мѣсяца. Вотъ когда начнутся настоящія волшебныя ночи Венеціи! Луна взойдетъ надъ старыми дворцами, оживитъ бѣлый мраморъ колоннъ и ступеней, обольетъ нѣжнымъ сіяньемъ тихо дремлющіе садики, стекла оконъ засверкаютъ волшебнымъ блескомъ.

Digitized by Google

И *они* поѣдутъ вдвоемъ въ гондолѣ, и будутъ говорить о Донъ-Жуанѣ и Байронѣ, о Тиціанѣ и Бетховенѣ и о томъ, какъ они любятъ все прекрасное.

Ну, что-жъ, вотъ и конецъ моему счастію. Все, что я любила, обмануло меня: и женихъ, и мать, и Венеція!.. Закрытая черная гондола медленно плыветъ мнѣ на встрѣчу точно похоронный катафалкъ. Въ первый разъ мнѣ кажется, что надъ Венеціей носится что-то мрачное, погребальное. Черныя тѣни стелются точно траурныя пелены. Глухое безмолвіе каналовъ, отсутствіе грохота колесъ и щелканье бичей на площадяхъ и на улицахъ, тихо движущіяся гондолы, черные силуэты гондольеровъ, и эта печальная вода, которая кажется мнѣ теперь потоками слезъ, разлившихся по всему городу, подступившихъ къ стѣнамъ и ступенямъ старыхъ дворцовъ,—Боже, какъ все это мертво, печально и траурно!..

У вокзала желѣзной дороги я выхожу на берегъ. И когда я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на тихо ускользающую обратно гондолу, сердце мое больно сжимается. Точно все, что было во мнѣ молодого, свѣтлаго, необманутаго, уплываетъ въ темноту и уходитъ отъ меня навсегда.

Я опускаю въ почтовый ящикъ мои письма и иду взять себѣ билетъ. У меня нѣтъ никакого багажа, кромѣ моего бѣлаго шолковаго зонтика; нѣтъ и ничего теплаго на ночь; а мое бѣлое платье кажется мнѣ очень неумѣстнымъ, когда я забиваюсь въ немъ въ уголокъ купэ третьяго класса. Ну, да только добраться до Вѣны,—тамъ куплю все нужное, тамъ пойдетъ ужъ все другое, новое.

И хотя я вѣрю въ то, что моя новая жизнь не будетъ ни дурной, ни нечестной,—все же мнѣ хочется плакать о томъ, что все старое, дорогое, прежнее сломано, убито и не воскреснетъ, не вернется никогда, никогда!

Поѣздъ трогается. Опустивъ стекло, я долго стою у открытаго окна, глядя на исчезающіе огни Венеціи, на лагуны и на необъятный небесный сводъ съ его вѣчными огнями. Звѣзды смотрятъ на меня такъ же серьезно и кротко, какъ и наканунѣ, но я чувствую себя несчастной и одинокой. Точно душу мою разорвали пополамъ и навсегда отняли одну ея половину, оставивъ мнѣ другую только затѣмъ, чтобъ она помнила о томъ, что у нея отняли.

Въ Вѣнѣ мы увидѣлись съ Ольгой Александровной. Она сама пріѣхала туда по моему письму и разыскала меня черезъ

Digitized by Google

почту. Пріѣзжалъ ли съ ней Леонидъ Владиміровичъ—не знаю, не спросила. Свиданіе было очень тяжело для насъ обѣихъ. Едва мы увидѣлись, какъ сразу почувствовали, что между нами нѣтъ уже прежней любви, а есть только злоба и ненависть, которыя ростутъ съ каждымъ мгновеньемъ, съ каждымъ новымъ сказаннымъ словомъ.

— Скажи, пожалуйста, что̀ все это значитъ?—сказала она, опустившись въ кресло у меня въ номерѣ. — Ты не сошла съ ума?..

— Нѣтъ,—отвѣчала я дрожащимъ голосомъ.—Это значитъ только, что я не могу больше жить съ вами. Ты мнѣ привезла документъ, о которомъ я просила?..

— Я хотѣла бы знать, съ кѣмъ ты можешь жить. Разъ у тебя такой характеръ, ты никогда ни съ кѣмъ не уживешься. Дѣлать изъ мухи слона, такъ преувеличивать...

И пошло, и пошло. Готовясь къ этой встрѣчѣ, я изъ всѣхъ силъ старалась настроить себя на миръ и любовь. Но едва я услышала шелестъ ея шолковой юбки, ея шаги, особенно ея голосъ, я почувствовала, что меня душитъ, что все внутри меня дрожитъ и я не въ силахъ говорить спокойно. Да и что̀ могли мы говорить другъ другу? Я молчала; а она и плакала, и упрекала меня, говорила о моей неопытности, о моемъ незнаніи жизни, предлагала проводить меня до Россіи, предлагала нанять мнѣ здѣсь въ Вѣнѣ компаньонку, предлагала мнѣ денегъ; но я отъ всего отказалась. И мы разстались враждебно, сухо и холодно, и разставшись, обѣ почувствовали облегченіе.

Но когда она ушла, когда въ комнатѣ остался только запахъ ея крѣпкихъ духовъ, который такъ напоминалъ мнѣ и ее, и его, и мое дѣтство, и мою жизнь и любовь, мнѣ стало стыдно и больно за наше свиданье. Вѣдь мы люди и мы любили другъ друга. Неужели мы не могли теперь понять, пожалѣть другъ друга, стать выше того, что̀ произошло между нами, и разстаться друзьями? Я сама вѣдь такъ виновата передъ ней... Какъ могла я не сказать ей ничего добраго, сердечнаго? Какъ я смѣла такъ принять ее? Неужели мы, женщины, такія ничтожества, такія животныя, что изъ-за соперничества готовы топтать, разрушать святую, давнюю, прочную привязанность? Мнѣ хотѣлось вернуть мамашу и сказать ей все, что̀ было у меня на душѣ. Мнѣ хотѣлось обнять ее и просить у нея прощенья за все, за все!.. Я начала горько и громко рыдать. Бѣжать за ней? Но куда? Я не знаю, гдѣ она остановилась. Написать ей на почту? Но она могла сегодня же уѣхать и не зайти на почту. Все

Digitized by Google

равно, я напишу. Я схватила перо и написала: „Дорогая моя, дорогая, дорогая...“ Слезы градомъ брызнули на бумагу, чернила расплылись въ пятна, и я должна была закрыть лицо платкомъ. Какъ сказать ей все, все, что̀ у меня на сердцѣ,—гдѣ найти слова для этого?.. Только бы она простила, только бы не умерла, не простивъ мнѣ...

Я долго плакала, собираясь писать ей. Потомъ я вспомнила, что она не одна будетъ читать мое письмо. Онъ, вѣроятно, пріѣхалъ съ нею. Вѣдь она боится ѣздить одна. Онъ пріѣхалъ съ ней, и теперь они говорятъ обо мнѣ, о моемъ дурномъ характерѣ. Я вспомнила, какъ они разговариваютъ между собой; потомъ я вспомнила, какъ онъ обнималъ ее у себя въ комнатѣ, и какъ говорилъ мнѣ, что никого онъ не любилъ такъ, какъ любилъ меня... Я бросила начатое письмо, чувствуя, что я ненавижу ее.

Въ тотъ же вечеръ я уѣхала прямо въ Петербургъ.

Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ. Я спрятала мои, когда-то такъ смущавшіе меня, рыжіе волосы подъ бѣлой косынкой сестры милосердія. Мнѣ хорошо въ общинѣ. Я привыкла, успокоилась, полюбила мое дѣло и пока не желаю мѣнять его ни на какое другое.

Отношенія мои къ Ольгѣ Александровнѣ не стали лучше. Изрѣдка мы переписываемся; но письма наши нехороши и натянуты. Прежней близости нѣтъ и въ поминѣ.

Недавно пріѣзжала въ Петербургъ тетя Анна Ѳедоровна. Она была у меня и много разсказывала мнѣ о нихъ. Два года тому назадъ, Леонидъ Владиміровичъ женился на молоденькой, хорошенькой дѣвушкѣ. Онъ нанялъ для себя съ женой квартиру въ домѣ Ольги Александровны, съ которой по прежнему видится каждый день. Она же крестила ихъ новорожденную дѣвочку, къ которой она относится съ обожаніемъ и которой дѣлаетъ цѣнные подарки.

Сама Ольга Александровна по прежнему молодится и наряжается. По словамъ Анны Ѳедоровны, такія женщины не старятся, и она все еще хороша. Недавно она сдѣлала себѣ новую шубу, крытую темно-гранатнымъ бархатомъ, въ которой выглядитъ королевой. По утрамъ она занимается благотворительностью, а по вечерамъ ѣздитъ въ театры и концерты съ Леонидомъ Владиміровичемъ. Жена его сама кормитъ, и потому не выѣзжаетъ.

Я слушала все это не безъ волненія. Меня радовало, что

Digitized by Google

они живутъ спокойно, дружно, весело... Потомъ Анна Ѳедоровна уѣхала, а я вернулась къ моимъ обязанностямъ. И въ эту ночь дежурства, пока больные мои стонали и бредили, я не разъ ловила себя на томъ, что задумываюсь и брежу сама. То мерещилась мнѣ ихъ маленькая, новорожденная дѣвочка, то Венеція, темный каналъ, черныя гондолы, пестрые фонарики, мандолины, гитары и серенады.

В. Микуличъ.

Digitized by Google

ПАМЯТИ

ВЛАДИМІРА СЕРГѢЕВИЧА

СОЛОВЬЕВА

31 іюля 1900 г.

Я къ могилѣ твоей съ прежней скорбью пришелъ,
Съ одинокою думой унылой...
Суетливая жизнь прежней смуты полна,
Все такой же ненужной, постылой.

Ты вѣдь знаешь, за чѣмъ прихожу я къ тебѣ
Въ годовщину послѣднихъ свиданій:
Ты не ждешь отъ меня громогласныхъ рѣчей,
Ни безмолвныхъ и жгучихъ рыданій.

Побѣдившему смерть, надъ могилой твоей,
Я хотѣлъ бы воскликнуть: „Осанна!“
Но подавленный духъ все прикованъ къ землѣ,
Все работаетъ ей неустанно.

О, сложи за меня Вѣчной Правдѣ псаломъ,
Освящающей грѣшную волю:
Да воскреснетъ опять, какъ въ далекіе дни,
Вѣра свѣтлая въ темную долю.

Digitized by Google

Я къ могилѣ твоей съ прежней скорбью пришелъ,
Съ одинокою думой унылой...
Суетливая жизнь прежней смуты полна,
Все такой же ненужной, постылой.

С. М. Л—новъ.

Digitized by Google

ЗОЛОТЫЯ ДЕНЬГИ

ВЪ

РОССІИ

I.

Въ статьѣ о „денежныхъ кризисахъ при бумажномъ и металлическомъ обращеніи“ [1]) мы пытались указать на причины денежныхъ затрудненій, лежащія въ самомъ устройствѣ денежной системы. Но денежныя затрудненія могутъ проистекать не только отъ тѣхъ или другихъ несовершенствъ самой денежной системы, но также очень часто отъ такихъ причинъ, которыя лежатъ въ общихъ экономическихъ условіяхъ; такъ, напр., страна можетъ быстро богатѣть и потому предъявлять сильный спросъ на деньги, а между тѣмъ эта страна не располагаетъ матеріаломъ для денегъ, потому что драгоцѣнные металлы въ ней самой не добываются и, по условіямъ международнаго обмѣна, почти не притекаютъ или слабо притекаютъ изъ другихъ странъ. Въ такомъ случаѣ должны наступить въ этой странѣ денежныя затрудненія, состоящія въ томъ, что будетъ ощущаться недостача въ деньгахъ со всѣми ея послѣдствіями. Или укажемъ еще на такой примѣръ. Въ странѣ можетъ быть установлена сама по себѣ довольно совершенная денежная система, но международныя экономическія условія этой страны могутъ быть такими, что постоянно подтачиваютъ устойчивость денежнаго обращенія; такъ, можетъ быть, въ этой странѣ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1900, ноябрь.

Digitized by Google

помѣщены большія количества иностранныхъ капиталовъ, которые затѣмъ возвращаются на родину съ бо̀льшей или мѐньшей прибылью; возвратъ самихъ капиталовъ и особенно оплата прибыли на нихъ могутъ хронически подтачивать металлическій запасъ страны, создать хроническое болѣзненное ощущеніе недостачи денегъ. Укажемъ, далѣе, на то, что денежныя затрудненія и неустойчивость металлическаго обращенія зависятъ не только отъ условій народно-хозяйственныхъ, но и отъ условій государственнаго хозяйства. Даже можно сказать, что чаще всего металлическое обращеніе разстраивается подъ вліяніемъ обстоятельствъ, относящихся къ области государственнаго хозяйства; то хроническіе дефициты заставляютъ правительство прибѣгать къ выпуску бумажныхъ денегъ, то крупные экстраординарные расходы заставляютъ обращаться къ тому же источнику; а извѣстно, что разъ начались обильные выпуски бумажныхъ денегъ, то деньги металлическія могутъ быть совсѣмъ вытѣснены. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ денежныя затрудненія будутъ имѣть мѣсто независимо отъ достоинствъ самой денежной системы. Поэтому, при изученіи денежныхъ кризисовъ, весьма важно знать не только достоинства и недостатки самой денежной системы, но столь же важно знать, насколько общія экономическія условія страны благопріятны или неблагопріятны для прочности металлическаго обращенія. Предметомъ настоящей статьи и будетъ вопросъ о томъ, насколько введенное въ Россіи золотое обращеніе можетъ считаться устойчивымъ въ зависимости отъ нѣкоторыхъ основныхъ экономическихъ условій.

Обращаясь прежде всего къ разсмотрѣнію внутреннихъ экономическихъ условій, вліяющихъ на прочность золотого обращенія, мы должны испытывать нѣкоторое затрудненіе, потому что намъ придется имѣть дѣло съ такими трудными вопросами, какъ вопросы о народномъ благосостояніи и національномъ богатствѣ. Дѣйствительно, устойчивость металлическаго обращенія находится въ существенной связи съ указанными сейчасъ явленіями, и эта связь уже не разъ отмѣчалась въ русской литературѣ. Правда, въ русской литературѣ мы встрѣчаемъ на этотъ счетъ противорѣчивыя мнѣнія: одни говорятъ, что народное благосостояніе и богатство являются необходимыми условіями прочной металлической системы, причемъ представители этого мнѣнія думаютъ, что богатство страны вліяетъ на прочность денежной системы двумя путями: во-первыхъ, богатый народъ предъявляетъ постоянный и твердый спросъ на деньги, нужныя для приведенія въ движеніе его богатства; благодаря этому, богатый народъ въ со-

Digitized by Google

стояніи удержать разъ данное ему количество металлическихъ денегъ; затѣмъ, во-вторыхъ, богатство народа имѣетъ косвенное вліяніе на прочность металлическаго обращенія; это косвенное вліяніе состоитъ въ томъ, что богатый народъ исправно платитъ налоги, и потому государственное хозяйство не страдаетъ дефицитами; чрезъ это устраняется поводъ къ выпуску бумажныхъ денегъ; равнымъ образомъ богатый народъ легче дастъ средства на экстраординарные расходы, чаще всего заставляющіе выпускать бумажныя деньги. По другому мнѣнію, наоборотъ, бѣдный народъ болѣе пригоденъ къ тому, чтобы сдѣлать устойчивымъ данное ему золотое обращеніе; бѣдный народъ, говорятъ представители этого мнѣнія, не будетъ предъявлять усиленнаго спроса на золотыя деньги; бѣдный народъ потребляетъ дешевые товары, и обороты его очень мелки; поэтому такому народу ненужна дорогая золотая монета; слѣдовательно, бѣдный народъ не создастъ денежныхъ затрудненій усиленнымъ спросомъ на золотую монету; напр., не истощитъ размѣннаго фонда того кредитнаго учрежденія, на которое возложенъ выпускъ банковыхъ билетовъ, всегда имѣющихъ мѣсто въ современныхъ не чисто металлическихъ, а смѣшанныхъ денежныхъ системахъ. Даже и самый вопросъ о томъ, ростетъ ли въ настоящее время богатство Россіи, или, наоборотъ, уменьшается, — разрѣшается неодинаково: одни утверждаютъ, что Россія богатѣетъ (и даже очень быстро въ послѣднее время), а другіе говорятъ, что Россія бѣднѣетъ.

Для того, чтобы правильнѣе отнестись ко всѣмъ этимъ вопросамъ, намъ нужно твердо установить нѣкоторыя понятія, относящіяся къ области богатства или бѣдности народа; именно, намъ нужно твердо помнить, что понятія народнаго благосостоянія и національнаго богатства—не тожественны. Понятіе народнаго благосостоянія или народнаго богатства есть относительное понятіе: имъ обозначается такое состояніе богатства, при которомъ масса членовъ народнаго хозяйства пользуется нѣкоторымъ болѣе или менѣе достаточнымъ количествомъ благъ. Наоборотъ, понятіе національнаго богатства есть понятіе абсолютное: имъ обозначается общая сумма благъ, находящихся въ распоряженіи даннаго народа, независимо отъ того, какъ эта сумма распредѣляется между отдѣльными лицами. Очевидно, что оба эти понятія не совпадаютъ; очень возможно, что данный народъ располагаетъ весьма значительной массой благъ, но распредѣлена эта масса неравномѣрно; быть можетъ, она распредѣлена такъ, что сравнительно незначительная часть населенія владѣетъ огромными богатствами, между тѣмъ какъ большинству населенія достаются

Digitized by Google

скудныя средства,—быть можетъ, такія средства, которыя едва достаточны для удовлетворенія крайне необходимыхъ потребностей. О такомъ народѣ мы не можемъ сказать, что онъ пользуется благосостояніемъ; о такомъ народѣ мы говоримъ, что онъ стоитъ на невысокой степени народнаго богатства, но на высокой степени національнаго богатства.

Спрашивается теперь, если возникаетъ рѣчь о вліяніи общихъ экономическихъ условій страны на прочность золотого обращенія, то какое богатство мы должны имѣть въ виду: народное или національное? Быть можетъ, впрочемъ, мы должны имѣть въ виду то и другое, если окажется, что какъ народное, такъ и національное богатство имѣетъ связь съ денежнымъ обращеніемъ. Слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что то и другое богатство имѣетъ весьма существенное вліяніе на денежныя явленія; только вліяніе народнаго благосостоянія на денежное дѣло не такъ непосредственно, какъ вліяніе національнаго богатства. Вліяніе народнаго богатства отражается на денежныхъ системахъ черезъ посредство государственнаго хозяйства: народъ бѣдный въ этомъ смыслѣ не можетъ давать государству аккуратно и достаточно денежныхъ средствъ; особенно трудно бѣдному народу выносить экстраординарные государственные расходы (напр., на войны); поэтому государственное хозяйство у такого народа идетъ съ замѣшательствами и затрудненіями, которыя нерѣдко заставляютъ правительство разстраивать правильную денежную систему главнымъ образомъ черезъ выпускъ бумажныхъ денегъ. Вліяніе же національнаго богатства на денежный оборотъ оказывается болѣе непосредственнымъ. Какъ извѣстно, деньги призваны приводить въ движеніе именно національное богатство, т.-е. всю массу благъ, принадлежащихъ данному народу, независимо отъ способа распредѣленія этихъ благъ; поэтому между деньгами и національнымъ богатствомъ имѣетъ мѣсто самое непосредственное взаимодѣйствіе: если національное богатство ростетъ, то деньгамъ предъявляется усиленная работа; если національное богатство уменьшается, деньгамъ предъявляется малая работа. Для болѣе точнаго представленія объ отношеніи между національнымъ богатствомъ и деньгами слѣдуетъ особо подчеркнуть то обстоятельство, что непосредственное вліяніе на денежное дѣло имѣетъ только та часть національнаго богатства, которая находится въ оборотѣ и которую можно назвать товарной. Въ самомъ дѣлѣ, даже у такихъ народовъ, которые весьма далеко ушли въ обмѣнѣ, нѣкоторая часть благъ не поступаетъ въ обмѣнъ, а потребляется внутри того хозяйства, которымъ эти блага произведены. Эта

Digitized by Google

„натуральная" часть національнаго богатства, очевидно, не вліяетъ на денежныя явленія. Изъ предыдущаго видно, что при изученіи вопроса объ устойчивости денежной системы въ какой-нибудь странѣ нельзя уклониться отъ характеристики какъ народнаго, такъ и національнаго богатства этой страны. Поэтому и мы должны сдѣлать здѣсь хотя бы только бѣглую характеристику русскаго народнаго и національнаго богатства.

По отношенію къ народному богатству или благосостоянію въ Россіи можно считать твердо установленнымъ то положеніе, что это благосостояніе въ наше время скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается, и во всякомъ случаѣ стоитъ не на высокомъ уровнѣ. О народномъ благосостояніи въ Россіи приходится судить главнымъ образомъ по тому положенію, въ которомъ находится наше крестьянство, составляющее господствующую народную массу. Прогрессирующее же обѣднѣніе крестьянской массы заставляетъ все чаще и чаще говорить о себѣ. И дѣйствительно, положеніе русскаго крестьянства въ наше время является затруднительнымъ. Русскіе крестьяне получили послѣ освобожденія, какъ извѣстно, незначительные земельные надѣлы; по общему правилу, эти надѣлы были не больше того количества земель, которое находилось въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ; въ среднемъ, бывшіе помѣщичьи крестьяне получили около $3^1/_2$ дес. на душу. Правда, бывшіе государственные крестьяне были надѣлены землей гораздо щедрѣе,— получили около 7 дес. на душу. Такимъ образомъ съ самаго начала основной фондъ для хозяйственной дѣятельности крестьянъ былъ данъ въ размѣрахъ не особенно удовлетворительныхъ. Съ теченіемъ времени, благодаря росту населенія, положеніе становилось и становится все хуже и хуже: земледѣліе все менѣе и менѣе можетъ обезпечивать сколько-нибудь удовлетворительно крестьянское населеніе. Мы видимъ теперь, что крестьянство въ излишнемъ количествѣ сидитъ на своихъ земляхъ, что его трудовыя силы до значительной уже степени не поглощаются въ сельскомъ хозяйствѣ. Недавно, въ извѣстной книгѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства", были опубликованы слѣдующія данныя: надѣльныя земли крестьянъ въ настоящее время уже въ громадномъ большинствѣ случаевъ не покрываютъ продовольственныхъ нуждъ населенія; именно въ 40 губерніяхъ изъ числа 50 губерній Европейской Россіи хлѣба, собираемаго съ надѣльной земли, недостаточно для прокормленія мѣстнаго сельскаго населенія. Правда, у крестьянъ кромѣ надѣльныхъ есть еще купленныя земли, и сверхъ того въ ихъ арендѣ находится большое число помѣщичьихъ

Digitized by Google

земель. Если мы возьмемъ въ разсчетъ и тотъ хлѣбъ, который собирается съ купленныхъ и арендованныхъ земель, то окажется, что все еще въ 28 губерніяхъ изъ 50 не хватаетъ хлѣба на одно прокормленіе мѣстнаго крестьянскаго населенія. Ясно, что сельскохозяйственная дѣятельность крестьянъ становится скуднымъ источникомъ ихъ экономическаго обезпеченія. Необходимъ какой-нибудь исходъ изъ этого положенія. Само крестьянство, какъ извѣстно, прибѣгаетъ ко многимъ средствамъ помощи самому себѣ. Оно прибѣгаетъ, напр., къ переселеніямъ. Но переселенія не могутъ оказать существенной помощи: переселенія способны отвлечь ежегодно незначительную часть крестьянскаго населенія наиболѣе населенныхъ губерній Европейской Россіи. Кромѣ того, къ переселеніямъ можно прибѣгать только до тѣхъ поръ, пока есть свободныя казенныя земли, на которыя можно переселяться. Прибѣгаютъ, затѣмъ, крестьяне къ отхожимъ промысламъ, но отхожіе земледѣльческіе промыслы съ теченіемъ времени должны сокращаться потому, что увеличивающееся населеніе тѣхъ мѣстъ, куда направляются сельско-хозяйственные рабочіе, само становится все болѣе и болѣе способнымъ справиться съ мѣстными работами; кромѣ того, замѣчено стремленіе, чрезъ введеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ, освободиться отъ случайностей предложенія пришлаго труда. Помогаетъ себѣ, далѣе, крестьянство различными мѣстными кустарными промыслами. Кустарные промыслы оказались излюбленнымъ подсобнымъ занятіемъ русскаго крестьянина. По своей организаціи они дѣйствительно въ высшей степени удобны для крестьянина, такъ какъ не отрываютъ его отъ дома. Но, ставши излюбленнымъ подсобнымъ занятіемъ, кустарные промыслы получили ненормально большое распространеніе, и уже одно это можетъ сдѣлать ихъ мало прибыльными для крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, по этой и по многимъ другимъ причинамъ кустарные промыслы далеко не могутъ обогатить кустарей; всѣмъ извѣстно, насколько дѣйствительно низки доходы кустарей; недѣльный доходъ въ 2—2½ рубля считается уже удовлетворительнымъ. Какъ ни многочисленны пріемы, при помощи которыхъ русское крестьянство усиливается восполнить пробѣлы основного своего занятія, но все-же общая совокупность этихъ усилій ведетъ къ результату мало удовлетворительному. Это видно, напр., изъ изслѣдованій о крестьянскихъ бюджетахъ. Изъ этихъ изслѣдованій оказалось, что средній годичный расходъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ выражается въ 55 руб. на душу. Всякій, знающій хотя бы немного условія жизни, согласится, что при годовомъ расходѣ въ 55 руб. на человѣка

Digitized by Google

можно удовлетворять только самыя необходимыя потребности и притомъ довольно скудно.

Не можемъ мы считать высокимъ уровень благосостоянія и другихъ низшихъ слоевъ русскаго населенія. Такъ, сравнительныя данныя о высотѣ заработной платы показываютъ, что денежная плата русскаго фабричнаго рабочаго въ 3 —5 разъ меньше платы рабочихъ въ передовыхъ культурныхъ государствахъ, и что только не особенно большая часть этой разницы въ денежной платѣ объясняется различіемъ въ высотѣ цѣнъ тѣхъ товаровъ, которые потребляются рабочимъ населеніемъ. Приведенный сейчасъ фактъ и не долженъ казаться намъ особенно удивительнымъ, если мы припомнимъ, что русскій фабричный рабочій— это пришедшій изъ деревни крестьянинъ съ малой культурностью и невысокимъ уровнемъ потребностей, что онъ еще нерѣдко смотритъ на фабричное дѣло, какъ на подсобное къ его земледѣльческому занятію, и потому лѣтомъ нерѣдко покидаетъ фабрику; что, наконецъ, русскій рабочій, при установленіи платы, дѣйствуетъ изолированно и безъ содѣйствія какихъ-нибудь посредническихъ между нимъ и предпринимателемъ учрежденій. При такихъ условіяхъ, повторяемъ, неудивительно, что плата русскаго фабричнаго рабочаго не является высокой.

Высказывая такимъ образомъ мнѣніе о неблагопріятномъ положеніи народнаго богатства въ Россіи въ наше время, мы, однако, не будемъ здѣсь говорить о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы содѣйствовать возвышенію народнаго благосостоянія. Не будемъ объ этомъ говорить какъ по чрезвычайной сложности вопроса, такъ (и притомъ главнымъ образомъ) по ненужности разсмотрѣнія этого вопроса для нашей настоящей цѣли; для нашей теперешней цѣли совершенно достаточно установить только самый фактъ понижающагося или, по крайней мѣрѣ, невысокаго уровня народнаго благосостоянія.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, ростетъ ли національное богатство въ Россіи. Разрѣшеніе этого вопроса еще труднѣе, чѣмъ разрѣшеніе вопроса о ростѣ народнаго благосостоянія. Прежде всего мы должны спросить себя, какъ можно составить себѣ представленіе о всемъ объемѣ народнаго богатства. Въ экономической литературѣ встрѣчаются попытки опредѣлять объемъ національнаго богатства по мѣновой цѣнности всѣхъ тѣхъ реальныхъ благъ, которыми народъ владѣетъ въ данное время. Но подобное опредѣленіе національнаго богатства едва ли будетъ отличаться достаточной точностью. Во-первыхъ, публичныя блага, входящія въ составъ національнаго богатства, не

Digitized by Google

вступаютъ въ обмѣнъ, и потому мы не можемъ знать ихъ мѣновой цѣнности. Затѣмъ, во-вторыхъ, если отдѣльныя блага дѣйствительно обмѣниваются и отдѣльное лицо обыкновенно въ состояніи обмѣнять каждое изъ своихъ благъ, то вся совокупность какого-нибудь блага никогда фактически не можетъ быть обмѣнена однимъ народомъ другому; поэтому, если есть мѣновая цѣнность для отдѣльныхъ благъ въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, то нѣтъ ея для всей массы какого-нибудь блага по фактической невозможности самаго обмѣна. Въ-третьихъ, наконецъ, частное имущество можетъ измѣняться въ своей величинѣ не отъ увеличенія или уменьшенія количества реальныхъ благъ, но только отъ возвышенія или уменьшенія мѣновой цѣнности какого-либо изъ благъ, входящихъ въ составъ частнаго имущества; и такое увеличеніе цѣнности имѣетъ реальное значеніе для отдѣльнаго лица, такъ какъ оно ведетъ къ дѣйствительному увеличенію количества благъ, которыми отдѣльное лицо можетъ распоряжаться; такъ, если у какого-нибудь сельскаго хозяина былъ запасъ хлѣба и если, вслѣдствіе неурожая, цѣны на хлѣбъ повысились, то сельскій хозяинъ станетъ богаче, потому что, продавши весь запасъ хлѣба или часть его, онъ пріобрѣтетъ бо̀льшее количество другихъ реальныхъ благъ, чѣмъ то, которое онъ могъ бы пріобрѣсти прежде, до возвышенія цѣнъ на хлѣбъ. Но какое значеніе имѣло бы такое увеличеніе мѣновой цѣнности для всего народа? Весь народъ не сталъ бы богаче отъ того, что, напр., владѣльцы запаснаго хлѣба послѣ неурожайнаго года стали бы вдвое богаче; количество хлѣба для пользованія націи осталось бы безъ измѣненія; единственный результатъ предположеннаго обстоятельства состоялъ бы въ томъ, что потребители хлѣба отдали бы своихъ благъ вдвое больше, чѣмъ прежде, владѣльцамъ хлѣба; другими словами, произошли бы нѣкоторыя измѣненія въ частныхъ имуществахъ, но не было бы никакого измѣненія въ народномъ имуществѣ. Народное имущество, какъ видимъ, можетъ увеличиваться только отъ увеличенія реальныхъ благъ. И чтобы опредѣлить правильно объемъ народнаго богатства, остается только сосчитывать реальныя блага, находящіяся въ распоряженіи народа. Намъ могутъ сказать, что при современномъ состояніи нашихъ положительныхъ знаній объ экономической жизни народовъ трудно опредѣлить общую сумму хотя бы только главнѣйшихъ благъ какого-нибудь народа. Разумѣется, слѣдуетъ согласиться съ этимъ возраженіемъ; дѣйствительно, въ наше время еще не вполнѣ сознана неизбѣжная необходимость—для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія многихъ и притомъ чрезвычайно важныхъ

Digitized by Google

экономическихъ вопросовъ обращаться къ результатамъ массоваго (статистическаго) наблюденія. По крайней мѣрѣ, можно сказать, что сознаніе этой необходимости не настолько сильно у современныхъ правительствъ, чтобы заставить ихъ организовать должнымъ образомъ статистическія наблюденія; а вѣдь всѣмъ извѣстно, что статистическія общественныя наблюденія, къ сожалѣнію, почти не могутъ быть дѣлаемы отдѣльными изслѣдователями, что эти наблюденія для своей успѣшности, по общему правилу, требуютъ содѣйствія публичныхъ учрежденій и прежде всего, конечно, государства. Однако, принимая указанное сейчасъ возраженіе, мы все-таки не можемъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что объемъ народнаго богатства можно удобно опредѣлять по мѣновой цѣнности реальныхъ благъ, находящихся въ распоряженіи народа; мы потому можемъ не измѣнять своихъ прежнихъ положеній, что разсмотрѣнное сейчасъ возраженіе еще въ бо́льшей мѣрѣ относится и къ оспариваемому нами пріему опредѣленія величины народнаго богатства; въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы опредѣлить величину народнаго богатства по мѣновой цѣнности реальныхъ благъ, нужно сперва тоже узнать эти самыя блага. Это разъ; а затѣмъ при этомъ пріемѣ нужно еще правильно опредѣлить мѣновую цѣнность отдѣльныхъ благъ, что́ тоже не легко. Имѣя въ виду расмотрѣнное сейчасъ возраженіе, мы должны только оставить мысль о томъ, чтобы дать читателю болѣе или менѣе точную картину того, изъ чего состоитъ въ наше время національное богатство Россіи. Къ счастью, для нашей теперешней цѣли этого и ненужно.

Для того, чтобы составить себѣ представленіе о вліяніи движенія въ національномъ богатствѣ на денежную систему, намъ достаточно знать только—ростетъ національное богатство въ Россіи или уменьшается. Для отвѣта на такой вопросъ можно обойтись безъ точнаго знанія состава національнаго богатства; на такой вопросъ можно дать удовлетворительный отвѣтъ и при тѣхъ знаніяхъ, которыми мы обладаемъ въ настоящее время по отношенію къ нашей экономической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли кто-будетъ оспаривать то положеніе, что національное богатство Россіи въ наше время довольно замѣтно ростетъ. Этимъ положеніемъ утверждается только то, что общая сумма благъ, находящихся въ распоряженіи русской націи, увеличивается, что увеличивается съ каждымъ годомъ запасъ пищевыхъ средствъ, количество жилищъ и т. п. Уже a priori можно утверждать, что это такъ,—ибо еслибы было иначе, еслибы съ ростомъ населенія уменьшалась абсолютная величина національнаго имуще-

Digitized by Google

ства, то мы видѣли бы въ Россіи проявленіе рѣзкой нищеты, Россія была бы въ періодѣ экономическаго упадка; это, повторяемъ, едва-ли кто будетъ утверждать. Но если мы не захотимъ ограничиться этими апріорными соображеніями, то мы можемъ легко указать на многіе факты, подтверждающіе высказанное положеніе о ростѣ національнаго богатства. Даже по отношенію къ сельско-хозяйственной жизни можно считать несомнѣннымъ, что въ ней общій объемъ, именно абсолютная величина производимыхъ благъ—не уменьшается, а увеличивается; такъ, напр., количество всѣхъ ежегодно собираемыхъ хлѣбовъ не уменьшается; еще и въ наше время замѣчается увеличеніе пахотныхъ земель, и не только въ окраинахъ, но и въ Европейской Россіи; никто не станетъ отрицать, что жилища, другой основной видъ деревенскаго богатства, въ своемъ числѣ также съ ростомъ населенія увеличиваются. Что касается не-земледѣльческихъ видовъ промышленности, то по отношенію къ нимъ еще легче иллюстрировать прогрессивное движеніе въ смыслѣ увеличенія объема производимыхъ въ нихъ благъ. Такъ, является несомнѣннымъ ростъ обрабатывающей промышленности; по „Своду данныхъ о фабрично-заводской промышленности за 1897 г.“, число фабрикъ и заводовъ возросло съ 30.888 въ 1887 г. до 39.029, а цѣнность производства въ нихъ—съ 1.334.499 тыс. руб. до 2.839.144 тыс. руб. На нашихъ глазахъ идетъ значительное развитіе горной промышленности, особенно каменноугольной. Большое богатство представляютъ средства передвиженія, благодаря увеличенію желѣзнодорожной сѣти, и т. д., и т. д.

На первый взглядъ можетъ показаться, что положеніе объ уменьшающемся или, по крайней мѣрѣ, низкомъ народномъ благосостояніи и положеніе объ увеличивающемся національномъ богатствѣ—несовмѣстимы. На самомъ же дѣлѣ одно положеніе не противорѣчитъ другому. Уменьшеніе народнаго благосостоянія при ростѣ національнаго богатства можетъ быть—и дѣйствительно бываетъ—по двумъ причинамъ: или потому, что національное богатство,—хотя и ростетъ, но медленнѣе, чѣмъ само населеніе, или же потому, что хотя національное богатство ростетъ не медленнѣе, чѣмъ населеніе, но оно распредѣляется неравномѣрно. На вопросъ о томъ, ростетъ ли національное богатство въ наше время въ Россіи медленнѣе, чѣмъ населеніе,—или же оно ростетъ одинаковымъ темпомъ съ населеніемъ,—или наконецъ быстрѣе населенія,—точнаго и прямого отвѣта при существующихъ знаніяхъ дать нельзя. Для такого отвѣта потребовались бы точныя данныя о составѣ національнаго богатства, каковыхъ нѣтъ, какъ

Digitized by Google

уже и было выше указано. Можно только съ нѣкоторой вѣроятностью утверждать, что у насъ національное богатство не ростетъ быстрѣе населенія, на основаніи слѣдующихъ косвенныхъ данныхъ: во-первыхъ, приростъ населенія въ Россіи очень силенъ по сравненію съ приростомъ населенія въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ; такъ, дѣйствительный ежегодный приростъ населенія въ Россіи составляетъ 1.44%, между тѣмъ какъ въ германской имперіи онъ равенъ 1.07%, а во Франціи составляетъ только 0.20%. Затѣмъ, во-вторыхъ, неблагопріятнымъ обстоятельствомъ для роста національнаго богатства служитъ то, что національный трудъ въ Россіи не вполнѣ утилизируется; какъ мы уже говорили, количество труда, связаннаго съ сельскохозяйственной промышленностью, у насъ ненормально велико. Наконецъ, въ-третьихъ, техническая обстановка труда, особенно въ господствующей сельскохозяйственной промышленности, весьма несовершенна.

Что касается второй причины негармоническаго движенія въ народномъ и національномъ богатствѣ Россіи, то тутъ наши утвержденія могутъ быть болѣе рѣшительными. Послѣ реформы 1861 г., неравномѣрность распредѣленія богатства въ Россіи стала значительно увеличиваться; до этой реформы по богатству и доходу русское населеніе представляло довольно однообразную массу; особенно это относилось къ основной крестьянской массѣ. Со времени реформы открылась бо́льшая возможность накопленія богатства въ отдѣльныхъ рукахъ. Что со времени реформы открылась бо́льшая возможность основанія крупныхъ предпріятій и, слѣдовательно, возможность дальнѣйшаго капиталистическаго накопленія въ разныхъ не-сельскохозяйственныхъ промыслахъ,—объ этомъ всѣ знаютъ. Но даже и внутри крестьянскаго хозяйства замѣтенъ процессъ дифференціаціи по богатству и пріобрѣтенію; теперь крестьянская масса уже не столь однородна, какъ до реформы; нѣкоторая часть крестьянскихъ дворовъ уже совсѣмъ обезсилѣла, потеряла землю или другія необходимыя условія для веденія хозяйства (безлошадные!); рядомъ съ такими дворами появились другіе, возвышающіеся надъ среднимъ уровнемъ; кромѣ того, среди деревенскихъ жителей появились богатѣи, скопившіе средства не земледѣльческимъ промысломъ, а другими путями (торговлей, ростовщичествомъ). Вотъ это появленіе въ Россіи значительнаго количества богатыхъ людей, пользующихся своимъ имуществомъ какъ капиталомъ (т.-е. какъ средствомъ пріобрѣтенія), этотъ ростъ капитализма иногда (особенно въ правитель-

Digitized by Google

ственныхъ сферахъ) ошибочно считается за признакъ роста національнаго благосостоянія.

Итакъ, національное богатство въ Россіи ростетъ. Но еще болѣе интересно, съ точки зрѣнія денежнаго вопроса, то обстоятельство, что быстро увеличивается та часть національнаго богатства, которая поступаетъ въ обмѣнъ,—такъ называемая товарная часть національнаго богатства. Это обстоятельство также можно считать твердо установленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы припомнимъ до-реформенное время или ближайшее время послѣ освободительной реформы, то согласимся, что въ то время русское народное хозяйство было въ высшей степени натуральнымъ; сельское хозяйство въ то время почти совсѣмъ подавляло другіе виды промышленности и само почти всецѣло было построено по началамъ хозяйства натуральнаго. Возьмемъ господствующее крестьянское хозяйство; въ первое время послѣ реформы, почти все нужное для крестьянскаго хозяйства производилось внутри его и также внутри его потреблялось. Съ удаленіемъ отъ времени реформы, обмѣнъ богатства все болѣе и болѣе усиливается. Во-первыхъ, это усиленіе обмѣна объясняется тѣмъ, что рядомъ съ сельскохозяйственнымъ промысломъ все болѣе и болѣе развиваются другіе виды промышленности, которые пускаютъ въ оборотъ новыя массы товарнаго богатства; такъ, мы знаемъ уже, что фабрично-заводская промышленность въ Россіи ростетъ довольно быстро; цѣнность продуктовъ этой промышленности въ 1887 г. составляла 1.333.499 тыс. руб., а въ 1897 г. она повысилась уже до 2.839.144 тыс. руб. Съ другой стороны, и внутри земледѣльческой Россіи замѣчается процессъ распаденія натуральнаго хозяйства, и процессъ этотъ въ наше время ушелъ уже значительно впередъ. Возьмемъ нѣкоторыя любопытныя данныя опять изъ книги „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“. Оказывается, что въ наше время бюджетъ крестьянина уже до значительной степени сталъ денежнымъ, а именно „въ крестьянскомъ хозяйствѣ Европейской Россіи на 64% доходовъ и расходовъ въ натурѣ приходится 36% доходовъ и расходовъ денежныхъ“ (назв. соч., XI). Естественно также узнать, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ малоземелья процессъ ослабленія натуральности крестьянскаго хозяйства все болѣе усиливается; чѣмъ менѣе потребности крестьянина удовлетворяются продуктами собственнаго хозяйства, тѣмъ болѣе крестьянинъ долженъ искать средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей на сторонѣ, а эти сторонніе, не-земледѣльческіе заработки имѣютъ большею частью денежный характеръ. Укажемъ

Digitized by Google

для примѣра на кустарную промышленность; какъ извѣстно, кустарь работаетъ на отдаленный рынокъ, и сбытъ его товаровъ, по общему правилу, состоитъ въ продажѣ за деньги. Въ указанномъ сочиненіи, между прочимъ, мы читаемъ слѣдующее: „отношеніе натуральной и денежной долей въ крестьянскомъ бюджетѣ обусловливается степенью обезпеченности землей. Тогда какъ у всѣхъ вообще крестьянъ воронежской губ. получается 55% доходовъ и производится 61% расходовъ натурою, у государственныхъ крестьянъ, вообще болѣе обезпеченныхъ землею, натуральная часть составляетъ въ приходѣ 57%, а въ расходѣ—63%; у крестьянъ же съ дарственнымъ надѣломъ натуральная часть въ приходѣ равняется всего 26%, а въ расходѣ—даже 24%“ (ib.). Даже и хлѣбъ въ Россіи до значительной степени сталъ уже товаромъ. Такъ, установлено, что изъ 1.577 милл. пудовъ четырехъ главныхъ видовъ хлѣба (пшеница, рожь, овесъ и ячмень), ежегодно производимыхъ въ 46 губ. Европ. Россіи (за исключеніемъ области Войска Донскаго и 3 прибалт. губерній), около 500 милл. пудовъ отправляется изъ мѣстъ производства на внутренніе рынки (города) или заграничные; слѣдовательно, около 1/3 всего количества хлѣба уже несомнѣнно является товаромъ. Но кромѣ того, здѣсь не принятъ въ разсчетъ мѣстный оборотъ хлѣбомъ; особенно не взяты въ разсчетъ тѣ продажи, которыя дѣлаются крестьянами по нуждѣ осенью, и тѣ обратныя покупки хлѣба, которыя имѣютъ мѣсто зимой и весной (назв. соч., I, 53—54). Въ окончательномъ результатѣ можно съ полной увѣренностью утверждать, что товарная часть русскаго національнаго богатства ростетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ вся сумма этого богатства; какъ видно изъ предыдущаго, объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что не-земледѣльческіе виды промышленности, работающіе на обмѣнъ, развиваются въ наше время очень быстро; такъ, мы видѣли, что цѣнность продуктовъ фабрично-заводской промышленности въ теченіе десяти лѣтъ (1887—1897) болѣе, чѣмъ удвоилась. Затѣмъ, во-вторыхъ, товарная часть національнаго богатства увеличивается еще на счетъ его натуральной части. Едва-ли бы мы ошиблись, еслибъ сказали, что товарная часть національнаго богатства Россіи въ настоящее время ростетъ быстрѣе, чѣмъ населеніе.

Теперь намъ легко отвѣчать на вопросъ объ устойчивости золотого обращенія въ зависимости отъ богатства страны. Прежде всего ясно, что золото будетъ удержано русскимъ народнымъ хозяйствомъ, такъ какъ потребность въ орудіяхъ обращенія не только не уменьшается, но даже ростетъ; русское народное хо-

Digitized by Google

зяйство цѣпко будетъ держаться за свои деньги; разъ введенное въ него во время недавней денежной реформы количество золота не уйдетъ, поскольку дѣло зависитъ отъ внутреннихъ экономическихъ условій. Такъ, неосновательно то опасеніе, что какая-нибудь значительная часть золотыхъ денегъ будетъ превращена въ издѣлія; равнымъ образомъ невѣроятно и то опасеніе, что значительная часть золотыхъ денегъ будетъ спрятана населеніемъ въ кубышки, ибо чѣмъ цѣннѣе деньги, тѣмъ болѣе потерь отъ непроизводительнаго сбереженія ихъ въ качествѣ сокровища въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Послѣднее опасеніе неосновательно еще по слѣдующимъ соображеніямъ: и до денежной реформы населеніе дѣлало сбереженія въ бумажкахъ, и эти сбереженія, ни по величинѣ, ни по характеру, не были опасны для денежнаго обращенія; послѣ реформы, самое бо̀льшее, такая же сумма денегъ будетъ заключена населеніемъ въ домашнихъ сбереженіяхъ; можно даже съ большой вѣроятностью предполагать, что съ теченіемъ времени населеніе все болѣе будетъ избѣгать невыгодныхъ домашнихъ сбереженій; быстрый ростъ вкладовъ въ сберегательныя кассы подтверждаетъ это мнѣніе о характерѣ будущихъ сбереженій простого русскаго населенія. Въ такомъ случаѣ еще менѣе основаній думать, что сбереженія внутри отдѣльныхъ хозяйствъ будутъ опасны для золотого обращенія.

Будущность нашего золотого обращенія представляется затруднительною не въ томъ смыслѣ, что оно можетъ стать ненужнымъ для русскаго народнаго хозяйства, а наоборотъ, въ томъ смыслѣ, что оно можетъ натолкнуться на недостатокъ золота. Въ самомъ дѣлѣ, мы пришли къ убѣжденію, что объемъ обращающихся въ Россіи цѣнностей (товарная часть національнаго богатства) въ наше время ростетъ довольно быстро, именно, по всей вѣроятности, быстрѣе, чѣмъ населеніе. Если такъ, то для безпрепятственнаго приведенія въ движеніе этого ростущаго богатства нужно будетъ соотвѣтственное увеличеніе количества денегъ. Откуда же страна можетъ достать въ нужномъ количествѣ золото, при предположеніи, что она не находится въ обмѣнѣ съ другими странами? Очевидно,—только изъ своихъ собственныхъ рудниковъ. Посмотримъ теперь, насколько собственные рудники Россіи въ состояніи удовлетворять ростущую потребность въ деньгахъ. Въ Россіи добывается чистаго золота не особенно много; цѣнность ежегодной добычи чистаго золота можно оцѣнить приблизительно въ 45 милл. руб. Этого количества будетъ только достаточно для того, чтобы удержать денежную циркуляцію на современномъ уровнѣ (сравнительно съ

Digitized by Google

населеніемъ); для усиленія же денежнаго обращенія—собственнаго золота не будетъ достаточно. Сошлемся въ доказательство на такой разсчетъ. Въ концѣ 1898 года въ государственномъ банкѣ и въ обращеніи считалось золотыхъ денегъ на 1.591 т. р., т.-е.,—считая населеніе Россіи за тотъ же годъ въ 135 милл.,—около $11^1/_2$ руб. на душу населенія. Дѣйствительный ежегодный приростъ населенія составляетъ 1.44%, т.-е. около двухъ милліоновъ душъ. Изъ 45 милл. золота, ежегодно добываемаго, по общепринятому разсчету, на денежныя цѣли должно пойти только около половины, т.-е. 22—23 милл. Другими словами, собственное золото, дѣйствительно, какъ разъ достаточно только для того, чтобы поддерживать денежную циркуляцію на современномъ уровнѣ, именно на уровнѣ $11^1/_2$ руб. золотомъ на душу населенія. Для увеличенія же количества золотыхъ денегъ источника нѣтъ, если не имѣть въ виду международнаго обмѣна, о которомъ мы еще пока ничего не знаемъ. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока въ Россіи усиленно будутъ развиваться не-земледѣльческіе виды промышленности, пока въ Россіи будетъ усиленно развиваться товарное производство, до тѣхъ поръ эти внутреннія экономическія условія будутъ вызывать нѣкоторое стѣсненіе въ денежномъ обращеніи: именно, будетъ обыкновенно чувствоваться нѣкоторая недостача въ количествѣ денегъ. Согласно этому должна быть устроена и внутренняя денежная политика; именно эта политика, въ общемъ, должна стремиться ослабить предстоящее хроническое стѣсненіе на денежномъ рынкѣ. Конечно, препятствовать разложенію натуральнаго хозяйства или росту не-земледѣльческихъ промысловъ правительство не сможетъ, да и не захочетъ. Уменьшать потребность въ деньгахъ оно можетъ другими, болѣе посильными для него и болѣе желательными пріемами, именно: дальнѣйшимъ поощреніемъ концентраціи сбереженій (напр., дѣлая сберегательныя учрежденія еще болѣе доступными населенію); ускореніемъ обращенія денегъ (напр., черезъ усовершенствованіе переводовъ по почтѣ и телеграфу); содѣйствіемъ усовершенствованіямъ въ кредитномъ оборотѣ (лучшимъ устройствомъ чековой операціи или разсчетныхъ учрежденій) и т. п.

II.

Какъ выше уже было замѣчено, на устойчивость металлическаго обращенія можетъ вліять весьма сильно и финансовое хозяйство страны. Даже можно сказать, что чаще всего металли-

Digitized by Google

ческое обращеніе разстраивалось именно финансовыми вѣдомствами по случаю затрудненій въ удовлетвореніи обыкновенныхъ или особенно чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей. По общему правилу, народное хозяйство, предоставленное самому себѣ, всегда способно удержать металлическія деньги въ томъ или иномъ размѣрѣ, разъ въ немъ не заглохъ совершенно оборотъ богатства; правда, если падающему народному хозяйству предоставлена возможность выбора между двумя сортами денегъ, напр. между золотыми и серебряными деньгами, то оно можетъ не удержать лучшихъ денегъ и остаться при однѣхъ худшихъ, но все-же совершенно исчезнуть металлическое обращеніе въ странѣ не можетъ. Финансовому же вѣдомству открыта возможность вполнѣ изгонять изъ страны металлическое обращеніе; средство для этого общеизвѣстно,—это именно выпуски бумажныхъ денегъ, къ которымъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ правительства прибѣгаютъ, какъ къ весьма удобному для нихъ способу добывать скоро большія денежныя средства. Извѣстно также, что бумажныя деньги, разъ выпущенныя въ значительныхъ количествахъ, изгоняютъ изъ обращенія деньги металлическія.

Выпуски бумажныхъ денегъ могутъ имѣть мѣсто по разнымъ причинамъ: быть можетъ, правительство расточительно тратило свои средства, и потому вынуждено было выпускать бумажныя деньги для покрытія даже обыкновенныхъ расходовъ. Чаще всего бываетъ, впрочемъ, тотъ случай, когда даже богатое государство прибѣгаетъ къ выпуску бумажныхъ денегъ въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ правительству нужно собрать скоро и много денегъ, а заемъ затруднителенъ. Бываетъ, наконецъ, и такъ, что финансовое хозяйство страдаетъ хроническимъ недугомъ, хронической напряженностью до такой степени, что, быть можетъ, даже самыя настоятельныя государственныя потребности удовлетворяются съ затрудненіями, а необходимость всякаго экстраординарнаго расхода ставитъ правительство совсѣмъ въ безвыходное положеніе. Этотъ послѣдній случай находитъ себѣ обыкновенно объясненіе въ неблагопріятныхъ условіяхъ народнаго хозяйства, именно въ томъ, что народъ, вслѣдствіе низкаго уровня своего благосостоянія и вслѣдствіе малыхъ размѣровъ національнаго богатства, не можетъ дать въ распоряженіе государства достаточныхъ средствъ. При такомъ состояніи финансоваго хозяйства опасность выпуска бумажныхъ денегъ и, слѣдовательно, разстройства въ денежномъ обращеніи имѣетъ мѣсто даже при отсутствіи чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Какъ бы

Digitized by Google

то ни было, но все сейчасъ сказанное показываетъ, что, при разсмотрѣніи вопроса объ устойчивости металлическаго обращенія въ какой-нибудь странѣ, всегда необходимо ознакомиться съ состояніемъ финансовъ этой страны. Сдѣлаемъ и мы это сейчасъ по отношенію къ русскимъ финансамъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что современное положеніе русскихъ финансовъ является въ высшей степени благопріятнымъ. Два обстоятельства могутъ поразить не особенно пристальнаго наблюдателя: это, во-первыхъ, огромный ростъ нашего бюджета; такъ, общая сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ въ 1889 году составляла 914,5 милл. руб., а въ 1898 г. она равнялась уже колоссальной суммѣ въ 1.584,9 м. р.; такимъ образомъ въ указанный десятилѣтній періодъ общая сумма государственныхъ доходовъ возросла на 670 милл., или на 73%. Другое, на первый взглядъ также блестящее обстоятельство состоитъ въ томъ, что за тотъ же десятилѣтній періодъ почти постоянно (за исключеніемъ неурожайнаго 1891 г.) обыкновенные доходы превышали обыкновенные расходы; за весь десятилѣтній періодъ это превышеніе достигло солидной суммы въ 775,2 милл. руб. Первое изъ отмѣченныхъ обстоятельствъ можетъ заставить думать не особенно глубокаго наблюдателя, что населеніе богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ, и, богатѣя само, даетъ все бо́льшія и бо́льшія суммы государству,—что соотвѣтственно расширяется удовлетвореніе разныхъ государственныхъ потребностей. Но такія заключенія были бы слишкомъ поспѣшными. Дѣло въ томъ, что быстрый ростъ бюджета, въ сущности, является номинальнымъ, что за огромнымъ ростомъ государственныхъ доходовъ часто не скрывается соотвѣтственный ростъ чистаго государственнаго дохода, отъ котораго только и зависитъ объемъ удовлетворяемыхъ государственныхъ потребностей. Какъ извѣстно, нашъ бюджетъ является валовымъ. Поэтому, чтобы опредѣлить чистую доходность какой-нибудь статьи, нужно вычесть еще издержки по полученію этого дохода. Если продѣлать такую операцію, то иногда окажется, что, несмотря на огромный валовой доходъ отъ какой-нибудь статьи, указанный въ росписи, чистый доходъ будетъ весьма незначительнымъ, а быть можетъ, этого чистаго дохода иногда и совсѣмъ не будетъ. Возьмемъ два случая. Наибольшее абсолютное увеличеніе за десятилѣтіе 1889—1898 имѣло мѣсто по доходамъ отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ; именно, эта статья приносила въ 1889 г. только 90,8 милл. руб., а въ 1898 г. она дала уже 434,3 милл.; доходъ этотъ увеличился на 343,5 милл., или на 377%. Однако,

Digitized by Google

этотъ огромный ростъ доходовъ отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ, какъ мы выражаемся, въ сущности является номинальнымъ; чистый доходъ по этой статьѣ представляетъ гораздо болѣе скромную величину. Дѣло въ слѣдующемъ. Главное увеличеніе указаннаго въ росписяхъ валового дохода произошло отъ того, что весьма сильно увеличилась сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, весь валовой доходъ отъ которыхъ показывается подъ рубрикой доходовъ отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ. Но, разумѣется, чтобы опредѣлить чистый доходъ, даваемый казнѣ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ, нужно вычесть изъ валового дохода весьма значительную сумму издержекъ правительства по тому же желѣзнодорожному хозяйству; такъ, напр., оказывается, что въ 1898 г. желѣзнодорожное хозяйство дало казнѣ 363 милл., а само вызвало расходовъ 346 милл.; слѣдовательно, чистый доходъ составляетъ только 17 милл. Возьмемъ другой случай, гдѣ мы имѣемъ наибольшее процентное возростаніе доходности. Это случай съ правительственными регаліями. Доходъ отъ правительственныхъ регалій въ 1889 г. равнялся 32,8 милл., а въ 1898 г. онъ составлялъ 164,6 милл.; слѣдовательно, увеличеніе составляло 131,8 милл., или 412%. Но опять значительная часть этого увеличенія относится на счетъ валового, а не чистаго дохода; именно, съ 1895 года начали у насъ вводить казенную продажу вина, и въ первые же четыре года она дала болѣе 193 милл. валового дохода; но съ своей стороны введеніе казенной продажи вина, потребовало значительныхъ правительственныхъ издержекъ. Оффиціальное изданіе („Россія въ концѣ XIX столѣтія“), изъ котораго мы заимствуемъ эти фактическія данныя, говоритъ, что винная монополія въ первые четыре года потребовала издержекъ въ суммѣ около 214 милл., изъ которыхъ, впрочемъ, болѣе 66 милл. были единовременнымъ расходомъ на подготовительныя работы по постройкѣ складовъ, по устройству лавокъ и т. п.

Другое обстоятельство, по которому можно на первый взглядъ сдѣлать заключеніе объ исключительно блестящемъ состояніи нашихъ финансовъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается также не особенно прочной опорой для подобнаго заключенія. Мы говоримъ о продолжающемся уже нѣсколько лѣтъ превышеніи обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами. Ежели кто-нибудь отсюда сдѣлаетъ тотъ выводъ, что податные источники у насъ естественно все болѣе и болѣе становятся обильными, что населеніе легко даетъ казнѣ средства въ количествѣ, даже превышающемъ обычныя государственныя

Digitized by Google

нужды, тотъ сдѣлаетъ не совсѣмъ правильное заключеніе. На самомъ дѣлѣ указанное постоянное превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами является до значительной степени искусственнымъ; оно именно достигается до значительной степени тѣмъ путемъ, что новые расходы по росписи назначаются съ большой осторожностью, и въ то же время предположенные доходы вычисляются съ еще бо̀льшей осторожностью; такъ дѣлается систематически, и при такомъ способѣ вычисленія будущихъ доходовъ, конечно, почти всегда долженъ оказаться излишекъ въ доходахъ надъ расходами при исполненіи росписи. Въ литературѣ нерѣдко можно встрѣтить нападки на этотъ пріемъ нашего финансоваго вѣдомства. Говорятъ, что нужно возможно точнѣе вычислять будущіе доходы и соотвѣтственно поднимать расходы, что такимъ образомъ бо̀льшее количество текущихъ государственныхъ потребностей будетъ удовлетворено или лучше будутъ удовлетворены старыя потребности. Намъ кажется, противъ разсматриваемаго пріема едва-ли нужно особенно сильно возставать. На нашъ взглядъ, это очень благоразумный пріемъ— не пускать намѣренно всѣхъ ожидаемыхъ доходовъ въ обычные расходы того же года; въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ хозяйствѣ недурно имѣть запасы на разныя случайности или же ради единовременныхъ тратъ вообще; если такихъ остатковъ отъ обыкновенныхъ расходовъ въ государственномъ хозяйствѣ не будетъ, то росту задолженности также не будетъ, пожалуй, никакихъ предѣловъ; наконецъ, надо подумать и о погашеніи старыхъ долговъ. Разумѣется, признавая указанный пріемъ, нужно настаивать на томъ, чтобы онъ открыто признавался и чтобы онъ не служилъ основаніемъ для фальшиваго заключенія объ естественномъ обиліи податныхъ источниковъ. Податные источники, на которыхъ покоится современная податная система, уже очень сильно напряжены. Если мы еще и встрѣчаемъ дѣйствительное увеличеніе во многихъ изъ нихъ, то часто и притомъ до значительной степени это достигается простымъ увеличеніемъ окладовъ, а не естественнымъ ихъ ростомъ. Въ настоящее время, можно думать, предѣлъ для такого напряженія достигнутъ или почти достигнутъ.

Указанныя два явленія нашего государственнаго хозяйства, не будучи надежными признаками блестящаго положенія финансовъ, имѣютъ, однако, значеніе для денежнаго обращенія. Оба эти обстоятельства повышаютъ спросъ на деньги. Въ самомъ дѣлѣ, колоссальный ростъ бюджета показываетъ, что государственное хозяйство ведетъ оживленный денежный оборотъ, осу-

Digitized by Google

ществленіемъ котораго должна быть занята болѣе или менѣе значительная часть общей суммы денегъ въ странѣ. То обстоятельство, что нѣкоторая часть государственныхъ доходовъ (такъ называемая свободная наличность государственнаго казначейства) не идетъ немедленно въ расходъ и нѣсколько залеживается въ государственныхъ кассахъ, также увеличиваетъ спросъ на деньги со стороны государственнаго хозяйства; при такомъ положеніи вещей, для осуществленія той части оборотовъ, которая вызвана государственнымъ хозяйствомъ, нужна нѣсколько бо́льшая сумма денегъ, чѣмъ та, которая потребовалась бы для той же цѣли при болѣе быстрой циркуляціи казенныхъ денегъ. Такимъ образомъ, къ выше отмѣченному увеличивающемуся спросу на деньги со стороны народнаго хозяйства нужно прибавить этотъ увеличивающійся спросъ на деньги со стороны государственнаго хозяйства. Тѣмъ болѣе основаній утверждать, что наша страна крѣпко будетъ держаться за разъ данное ей количество золота.

Какъ сказано выше, податныя силы народа въ настоящее время въ Россіи очень сильно напряжены. Для насъ это положеніе кажется несомнѣннымъ уже въ силу того, что̀ намъ извѣстно о положеніи русскаго народнаго благосостоянія. Если вѣрно, что народное благосостояніе не высоко, то отсюда уже вытекаетъ, что для массы русскаго населенія несеніе податного бремени является тягостнымъ. Но мы не ограничимся этимъ апріорнымъ доказательствомъ; мы сошлемся на факты дѣйствительности. Какъ извѣстно, современная податная система въ Россіи покоится преимущественно на косвенномъ обложеніи; прямое же обложеніе у насъ играетъ весьма незначительную роль; но зато крестьянское населеніе должно вносить значительные выкупные платежи за землю, пріобрѣтенную имъ у помѣщиковъ или государства. Если мы поэтому обратимъ вниманіе на прямыя подати и эти выкупные платежи, то исправность или неисправность внесенія тѣхъ и другихъ дастъ намъ представленіе о томъ, насколько легко или трудно крестьянскому населенію выполнять свои денежныя обязательства передъ государствомъ. Оказывается, что съ теченіемъ времени, несмотря на уменьшеніе окладовъ, недоимочность крестьянскаго населенія все болѣе и болѣе ростетъ; такъ, въ пятилѣтіе 1871—1875 гг. средній годовой окладъ составлялъ 134.669 тыс. руб., а недоимка годовая равнялась 30.061 тыс. руб.; другими словами, процентное отношеніе средней годовой недоимки къ среднему годовому окладу за указанное пятилѣтіе составляло 22,3%. Въ пятилѣтіе же 1891—1895 гг., при среднемъ годовомъ окладѣ въ

Digitized by Google

103.011 тыс. руб., средняя годовая недоимка равнялась уже 98.144 тыс. руб., или, другими словами, средняя годовая недоимка составляла уже 95,2% годового оклада. Равнымъ образомъ основа русскаго обложенія—косвенные налоги—также уже сильно исчерпали платежныя силы населенія; это видно изъ того, что продолжающееся увеличеніе по различнымъ косвеннымъ налогамъ достигается главнымъ образомъ не путемъ естественнаго роста потребленія обложенныхъ предметовъ, а путемъ возвышенія самаго обложенія,—въ главнѣйшихъ видахъ обложенія замѣтно даже абсолютное уменьшеніе потребленія; такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло въ главнѣйшемъ изъ косвенныхъ налоговъ,—въ налогѣ на спиртъ; въ 1883 г. въ Европейской Россіи потреблено было спирту 28,500 тыс. ведеръ, а въ 1896 году—только 23,988 тыс. ведеръ, и хотя общая сумма акциза со спирта въ 1896 году была больше, чѣмъ въ 1883 г., но это объясняется тѣмъ, что въ 1883 г. брали 8 коп. съ градуса, а въ 1896 г.—10 коп. Въ акцизѣ табачномъ и сахарномъ, а равно и въ таможенныхъ пошлинахъ, увеличеніе доходности объясняется главнымъ образомъ увеличеніемъ обложенія. Если мы того же не можемъ сказать объ акцизахъ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ и со спичекъ, то это потому, что населенію трудно реагировать сокращеніемъ потребленія столь необходимыхъ для него предметовъ, какъ предметы освѣщенія, но зато самое введеніе акцизовъ на такого рода предметы потребленія свидѣтельствуетъ уже объ истощеніи платежныхъ силъ населенія. Какъ извѣстно, косвенное обложеніе даже его поклонниками оправдывается только въ примѣненіи къ такимъ предметамъ, которые не являются предметами необходимости; если же начинаютъ нарушать это правило, то это значитъ, что дѣло идетъ неблагополучно; это значитъ именно то, что обычными еще оправдываемыми пріемами косвеннаго обложенія нельзя добыть отъ населенія нужныхъ средствъ,—что нужно усилить давленіе на населеніе чрезъ обложеніе предметовъ необходимости. Едва ли кто будетъ спорить противъ того положенія, что и экстраординарные рессурсы Россіи также сильно напряжены; общая сумма государственныхъ долговъ Россіи къ 1-му января 1897 г. достигла колоссальной величины въ 6.735 милл. руб. (кредитными), а ежегодный расходъ по государственному кредиту въ 1898 г. составлялъ 273,5 милл., или 20,2% общей суммы государственныхъ расходовъ; расходъ по государственному кредиту занимаетъ въ нашей росписи второе мѣсто.

Если таково дѣйствительное финансовое положеніе Россіи,

Digitized by Google

то ясно, что оно неблагопріятно и въ отношеніи устойчивости металлическаго обращенія; при такомъ финансовомъ положеніи Россія будетъ стоять довольно близко къ потерѣ своихъ золотыхъ денегъ. Правда, при обычномъ теченіи дѣлъ благоразумное финансовое вѣдомство обыкновенно можетъ удержаться отъ выпуска бумажныхъ денегъ,—стоитъ ему только не предпринимать какихъ-нибудь дорогихъ дѣлъ и жить вообще по тѣмъ средствамъ, которыя можетъ еще давать народъ. Но всякіе экстраординарные расходы русское государственное хозяйство будетъ переносить съ трудомъ: дальнѣйшее увеличеніе податного бремени при данной податной системѣ будетъ обременительно для народа и народъ совсѣмъ можетъ не дать нужныхъ средствъ; такъ, по нашему мнѣнію, сколько-нибудь значительныхъ средствъ нельзя уже добыть путемъ повышенія косвенныхъ налоговъ; сколько-нибудь значительное повышеніе этихъ налоговъ, по всей вѣроятности, поведетъ только къ сокращенію потребленія предметовъ, обложенныхъ косвенными налогами. Съ другой стороны, и значительное обремененіе экстраординарныхъ рессурсовъ должно служить факторомъ, затрудняющимъ дальнѣйшее пользованіе этимъ источникомъ. Поэтому можно съ большой увѣренностью сказать, что при первой значительной экстраординарной потребности,—напр., при первой большой войнѣ,—Россія вынуждена будетъ опять обратиться къ выпуску бумажныхъ денегъ. Произойдетъ это тѣмъ путемъ, что нынѣшніе кредитные рубли перестанутъ обмѣниваться на золото и такимъ образомъ превратятся въ настоящія бумажныя деньги; правительство выпуститъ затѣмъ неразмѣнныхъ кредитныхъ рублей столько, сколько будетъ ему нужно для удовлетворенія той экстраординарной потребности, ради которой прибѣгли къ прекращенію размѣна. Золотыя деньги уйдутъ изъ обращенія и будутъ замѣнены неразмѣнными кредитными билетами; словомъ,—золотое обращеніе потерпитъ крушеніе.

Однако, не слѣдуетъ сильно бояться этой перспективы. Во-первыхъ, выпускъ бумажныхъ денегъ при исключительныхъ обстоятельствахъ (военныхъ) грозитъ не только Россіи, но даже самымъ богатымъ современнымъ государствамъ. Современныя войны требуютъ такихъ большихъ денежныхъ суммъ и притомъ такъ быстро нужно доставать эти суммы, что едва-ли многія государства, вынужденныя принять участіе въ большой войнѣ, могутъ обойтись безъ выпуска бумажныхъ денегъ; даже Франція, въ послѣдней войнѣ съ Германіей, должна была прибѣгнуть къ этому источнику. Затѣмъ, во-вторыхъ, выпускъ бумажныхъ денегъ только на время исключительной нужды въ средствахъ мо-

Digitized by Google

жетъ быть не особенно большимъ зломъ. Замѣчено, что бумажныя деньги въ первое время послѣ выпуска скопляются въ банкахъ или частныхъ кассахъ, что, слѣдовательно, онѣ не тотчасъ послѣ своего выпуска устремляются въ оборотъ и производятъ тамъ соотвѣтственный кризисъ своимъ излишествомъ для оборота. Поэтому правительство, вынужденное прибѣгнуть къ выпускамъ бумажныхъ денегъ, по минованіи исключительныхъ обстоятельствъ, можетъ и должно устранить бумажныя деньги возможно скорѣе; такъ, по окончаніи войны, нужно возможно скорѣе заключить займы, изъять излишнія бумажныя деньги и возстановить размѣнъ; въ такомъ случаѣ пользованіе бумажными деньгами будетъ сопровождаться наименьшимъ зломъ для народнаго хозяйства.

Изъ всего сказаннаго о вліяніи государственнаго хозяйства на устойчивость золотого обращенія легко видѣть, какими средствами финансовое вѣдомство можетъ ослабить опасность потери золотыхъ денегъ. Прежде всего наша финансовая политика должна быть направлена на перестройку податной системы въ томъ смыслѣ, чтобы перенести центръ тяжести отъ косвеннаго обложенія къ прямому. Мы не будемъ распространяться о томъ, что вообще прямое обложеніе по своимъ внутреннимъ достоинствамъ неизмѣримо выше обложенія косвеннаго, и что независимо отъ интересовъ денежнаго обращенія слѣдуетъ стремиться къ указанной постепенной замѣнѣ косвенныхъ налоговъ прямыми. Мы здѣсь остановимся только на нѣкоторыхъ такихъ выгодахъ этой замѣны, которыя важны съ точки зрѣнія денежнаго обращенія. Во-первыхъ, по нашему мнѣнію, только путемъ расширенія прямого обложенія на счетъ косвеннаго, или, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ косвеннымъ, можетъ быть ослаблена та напряженность податныхъ источниковъ, о которой мы выше говорили. Въ самомъ дѣлѣ, косвенное обложеніе затрогиваетъ главнымъ образомъ и сильно низшіе слои населенія, а народное благосостояніе у насъ въ настоящее время очень невысоко; поэтому косвенные налоги очень скоро могутъ натолкнуться—и, какъ мы доказывали, уже натолкнулись—на невозможность дальнѣйшаго ихъ увеличенія, вслѣдствіе отсутствія платежеспособности у той части населенія, на которую они главнымъ образомъ падаютъ. Такимъ образомъ для того, чтобы облегчить податное бремя низшихъ слоевъ населенія и для того, чтобы ростъ государственнаго бюджета совсѣмъ не пріостановился, нѣтъ иного исхода, кромѣ усиленія прямого обложенія. И такой исходъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать современному состоянію русскаго народнаго хозяйства. Косвенное обложеніе сопровождается меньшими вредными

Digitized by Google

послѣдствіями въ томъ случаѣ, когда въ странѣ богатство распредѣлено болѣе или менѣе равномѣрно; такъ, въ первое время послѣ реформы 1861 г. косвенное обложеніе было болѣе умѣстно, чѣмъ въ настоящее время, когда процессъ накопленія крупныхъ имуществъ ушелъ довольно далеко. Въ наше время слабое развитіе прямого обложенія ведетъ къ той несправедливости, что крупные доходы затрогиваются весьма мало,—вѣдь косвенные налоги по своему существу не могутъ затрогивать должнымъ образомъ крупные доходы, потому что масштабомъ ихъ является не величина дохода, а объемъ потребленія подлежащаго косвенному обложенію предмета. Итакъ, первая и наиболѣе настоятельная реформа въ нашемъ податномъ дѣлѣ должна состоять въ указанной передѣлкѣ податной системы. Съ точки зрѣнія денежныхъ интересовъ, эта реформа будетъ имѣть прежде всего то выгодное послѣдствіе, что она ослабитъ напряженность бюджета, а чрезъ это и опасность потерять золотое обращеніе. Другое выгодное послѣдствіе вытекало бы изъ того обстоятельства, что податная система, основанная главнымъ образомъ на прямомъ обложеніи, отличается бо̀льшей эластичностью, чѣмъ система, основанная главнымъ образомъ на косвенныхъ налогахъ. Вслѣдствіе этой бо̀льшей эластичности при первой системѣ легче переносятся какія-нибудь исключительно неблагопріятныя для государственнаго хозяйства событія; если нужно достать деньги на какой-нибудь экстраординарный расходъ, то эти деньги съ бо̀льшимъ успѣхомъ получаются черезъ временное повышеніе окладовъ прямыхъ налоговъ, чѣмъ черезъ временное повышеніе окладовъ косвенныхъ налоговъ; въ послѣднемъ случаѣ населеніе можетъ отвѣтить простымъ сокращеніемъ потребленія, и потому казна не получитъ нужныхъ ей средствъ. Съ той же цѣлью ослабленія напряженности нашего бюджета нужны болѣе или менѣе энергичныя мѣры по уменьшенію государственнаго долга. Въ цѣляхъ уменьшенія долга у насъ дѣлается мало: конверсіи понизили ежегодные платежи по государственному долгу, но не уменьшили капитальной суммы долга; онѣ, съ нашей точки зрѣнія, имѣли даже невыгодное послѣдствіе, именно то, что удлинили сроки долговъ. Стремленіе объединить государственные долги, т.-е. стремленіе свести ихъ къ одной рентной формѣ, также съ точки зрѣнія денежныхъ интересовъ не является обстоятельствомъ благопріятнымъ: рентная форма государственнаго долга, ослабляя заботу о погашеніи, имѣетъ тенденцію увѣковѣчивать долгъ; кромѣ того, эта форма представляетъ большой соблазнъ для не особенно осмотрительнаго пользованія государственнымъ кредитомъ: и при

Digitized by Google

не особенно настоятельной нуждѣ въ деньгахъ финансовое вѣдомство прибѣгаетъ уже къ кредиту чрезъ выпускъ новыхъ серій ренты. Опять оговариваемся, что мы не имѣемъ въ виду отрицательно относиться къ конверсіямъ и рентной формѣ займовъ,—мы только указываемъ здѣсь на невыгодныя послѣдствія этихъ явленій для денежнаго обращенія.

Пока указанныя мѣры не приняты и пока, слѣдовательно, опасность потерять золотыя деньги при исключительныхъ обстоятельствахъ является для Россіи болѣе значительной, чѣмъ для другихъ государствъ, до тѣхъ поръ нашему финансовому вѣдомству слѣдовало бы воздерживаться отъ искусственнаго выталкиванія золота изъ банковыхъ кассъ въ народное обращеніе: если Россіи еще разъ суждено прекратить размѣнъ кредитныхъ билетовъ, то въ интересахъ новаго возстановленія металлическаго обращенія желательно, чтобы прекращеніе размѣна совершилось при значительномъ размѣнномъ фондѣ. Пояснимъ это слѣдующимъ гипотетическимъ примѣромъ. Предположимъ, что въ какой-нибудь странѣ полтора милліарда золотыхъ рублей вполнѣ удовлетворяютъ денежную потребность и что въ этой странѣ прекращенъ размѣнъ банковыхъ билетовъ; въ такой странѣ легче будетъ возстановить размѣнъ въ томъ случаѣ, когда въ банкѣ, въ моментъ прекращенія размѣна, остался размѣнный фондъ въ милліардъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда въ банкѣ осталось только полмилліарда. Всѣ или почти всѣ тѣ золотыя деньги, которыя въ моментъ прекращенія размѣна находились въ народномъ обращеніи, уйдутъ за границу или будутъ превращены въ издѣлія. Поэтому въ первомъ случаѣ для возстановленія размѣна странѣ (главнымъ образомъ самому правительству) нужно будетъ пріобрѣсти вновь полмилліарда золотомъ, а во второмъ — цѣлый милліардъ.

III.

Для устойчивости металлическаго обращенія большое значеніе имѣетъ международное экономическое положеніе страны. Особенно большое значеніе международный обмѣнъ имѣетъ для такой страны, которая сама не добываетъ драгоцѣнныхъ металловъ; такая страна всю сумму своей металлической циркуляціи должна пріобрѣтать путемъ международнаго обмѣна.

Но не только для странъ, не производящихъ драгоцѣнныхъ металловъ, но и для всѣхъ вообще странъ международный экономическій оборотъ пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе, потому

Digitized by Google

что онъ предполагаетъ постоянное передвиженіе денегъ изъ одной страны въ другую. Деньги переходятъ изъ одной страны въ другую, прежде всего, какъ платежное средство въ товарномъ международномъ обмѣнѣ; правда, весьма значительная часть международныхъ платежей совершается при помощи кредитныхъ знаковъ, особенно при помощи переводныхъ векселей, но все-же для покрытія разницы между ввозомъ и вывозомъ обыкновенно пользуются деньгами. Затѣмъ деньги переходятъ въ другія страны въ качествѣ капитала: одна страна ссужаетъ другую свободными денежными капиталами или помѣщаетъ свои капиталы въ промышленныхъ предпріятіяхъ другой страны. Этотъ постоянный международный переводъ денегъ заставляетъ поставить вопросъ о томъ, не можетъ ли этимъ путемъ какая-нибудь страна лишиться своихъ денегъ вполнѣ или по крайней мѣрѣ потерять ихъ значительную часть.

При нормальныхъ условіяхъ страна не можетъ потерять путемъ международнаго обмѣна всѣхъ своихъ денегъ или хотя бы только значительную ихъ часть. Подъ нормальными условіями мы подразумѣваемъ такое положеніе страны въ международномъ оборотѣ, при которомъ она не вынуждена какими-нибудь особыми обстоятельствами изъ года въ годъ ввозить больше товаровъ, чѣмъ вывозить, а равно не вынуждена больше пользоваться чужими капиталами, чѣмъ своими капиталами ссужать другія страны. Если такихъ исключительныхъ обстоятельствъ нѣтъ, то международный обмѣнъ не грозитъ странѣ разстройствомъ денежнаго обращенія. Въ такомъ случаѣ убыль или прибыль въ денежной циркуляціи бываетъ незначительной, и притомъ эта прибыль или убыль, по общему правилу, является соотвѣтствующей интересамъ страны, а не нарушающей ихъ. Если нѣкоторое количество денегъ отливаетъ въ чужія страны, то это значитъ, что онѣ дешевле цѣнятся въ своей странѣ, чѣмъ въ другихъ; въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, владѣльцы денегъ лучше всего воспользуются ими, если отправятъ ихъ за границу; тамъ деньги пріобрѣтутъ для своихъ владѣльцевъ болѣе товаровъ или же болѣе дохода въ качествѣ капитала; а въ то же время вся страна не будетъ страдать отъ излишества денегъ. Такой отливъ денегъ за границу не можетъ быть значительнымъ; онъ имѣетъ мѣсто только до тѣхъ поръ, пока не затронута будетъ цѣнность денегъ въ собственной странѣ; если отливъ денегъ начинаетъ чувствительно уменьшать количество ихъ въ странѣ, если чрезъ это цѣнность денегъ въ собственной странѣ повысится, то дальнѣйшій отливъ прекращается, ибо безсмысленно отправлять деньги

Digitized by Google

въ чужія страны, когда дома ихъ цѣнятъ выше, чѣмъ за границей. Въ другой разъ можетъ легко имѣть мѣсто обратное явленіе, т.-е. притокъ денегъ изъ чужихъ странъ—вслѣдствіе того, что при новыхъ обстоятельствахъ деньги будутъ имѣть мѣньшую цѣнность въ чужихъ странахъ. Такимъ образомъ въ самомъ механизмѣ международнаго обмѣна заключаются силы, благодаря которымъ страна не можетъ вполнѣ или въ большомъ размѣрѣ потерять свои деньги, если она не находится въ какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ.

Тѣмъ болѣе нѣтъ основаній бояться потери денегъ для странъ съ металлическимъ обращеніемъ, что кромѣ указанныхъ сейчасъ, въ самомъ оборотѣ заключающихся силъ, въ наше время всегда принимается цѣлый рядъ искусственныхъ мѣръ противъ сильнаго отлива денегъ за границу. Какъ извѣстно, въ настоящее время обыкновенно имѣютъ мѣсто смѣшанныя денежныя системы, въ которыхъ большую роль играетъ бумажный денежный суррогатъ, именно т.-н. банковые билеты. Центральные банки, которымъ предоставляется право выпуска банковыхъ билетовъ, должны бдительно слѣдить за тѣмъ, чтобы ихъ металлическій запасъ, обезпечивающій размѣнъ банковыхъ билетовъ, не истощался значительно; иначе банки не въ состояніи будутъ поддерживать безостановочной размѣнности билетовъ и впадутъ въ несостоятельность. Эмиссіонные банки не могутъ остаться равнодушными къ значительному отливу денегъ за границу, потому что этотъ отливъ прежде всего затрогиваетъ металлическій запасъ самихъ банковъ; для вывоза золота за границу начинаютъ усиленно предъявлять къ банку билеты къ размѣну или же начинается усиленный спросъ на банковыя ссуды, причемъ предпочитаютъ получать эти ссуды золотомъ.

Такимъ образомъ усиленный спросъ золота для заграничныхъ платежей прежде всего можетъ быть опасенъ эмиссіоннымъ банкамъ. Эмиссіонные банки существуютъ уже давно и выработали довольно большое количество пріемовъ, при помощи которыхъ можно охранять ихъ металлическіе запасы. Эти пріемы можно свести къ двумъ группамъ: одни изъ нихъ имѣютъ цѣлью задержать отливъ уже находящагося на лицо въ банкѣ металлическаго запаса; другія мѣры состоятъ въ томъ, что банкъ старается привлечь къ себѣ со стороны золото. При помощи перваго рода мѣръ банкъ стремится сократить кредитъ и тѣмъ уменьшить отливъ металла изъ банковой кассы. Здѣсь главной мѣрой является повышеніе учетнаго процента. Особенно банки стараются сократить такіе виды кредита, которые наиболѣе опасны

Digitized by Google

съ точки зрѣнія охраны металлическаго запаса; такъ, кредитъ долгосрочный съ этой точки зрѣнія менѣе благопріятенъ, чѣмъ кредитъ краткосрочный; поэтому банки, въ случаѣ быстраго уменьшенія ихъ металлическаго запаса, или совсѣмъ отказываютъ въ долгосрочномъ кредитѣ, или же по крайней мѣрѣ дѣлаютъ этотъ кредитъ болѣе дорогимъ, чѣмъ кредитъ краткосрочный. Слѣдуетъ отмѣтить, что эта политика эмиссіонныхъ банковъ, сокращающая и удорожающая ихъ кредитъ, не остается безъ вліянія и вообще на положеніе кредита въ странѣ. Огромные современные эмиссіонные банки имѣютъ самое сильное вліяніе на кредитныя сдѣлки въ странѣ: такъ, назначаемая ими высота учетнаго процента вліяетъ на высоту процента, назначаемаго другими банками или же частными заимодавцами. Къ банковымъ мѣрамъ второго порядка, т.-е. къ такимъ мѣрамъ, при помощи которыхъ эмиссіонный банкъ стремится привлечь къ себѣ металлъ, относятся усиленіе и облегченіе ссудъ подъ слитки, покупка металла, пріобрѣтеніе иностранныхъ векселей и т. д. Въ общемъ результатѣ всѣ такія мѣры со стороны эмиссіоннаго банка будутъ неблагопріятны отливу металла за границу. Благодаря этимъ мѣрамъ, кредитъ становится болѣе дорогимъ и усиливается спросъ на наличныя деньги; деньги дорожаютъ, а цѣны товаровъ и кредитныхъ бумагъ падаютъ; вслѣдствіе этого выгодность покупки иностранныхъ товаровъ и бумагъ уменьшается; наоборотъ, для иностранцевъ создается мотивъ къ болѣе сильному пріобрѣтенію товаровъ и бумагъ той страны, въ которой приняты были вышеуказанныя банковыя мѣры; взамѣнъ усиленнаго отлива денегъ изъ страны, можетъ наступить усиленный ихъ приливъ, или, по крайней мѣрѣ, отливъ ослабляется.

Итакъ, страна можетъ чувствовать денежныя затрудненія по условіямъ международныхъ экономическихъ отношеній только вслѣдствіе какихъ-нибудь особыхъ обстоятельствъ, вызывающихъ хроническій односторонній отливъ денегъ за границу. Какъ видно изъ предъидущаго, эти неблагопріятныя обстоятельства могутъ относиться къ международному товарному обмѣну или же къ международному передвиженію денежныхъ капиталовъ. Правда, эти два рода обстоятельствъ, вліяющихъ благопріятно или неблагопріятно на распредѣленіе денегъ по странамъ, не являются исключительными; можно было бы указать и на нѣкоторыя другія обстоятельства, могущія оказывать вліяніе на международное передвиженіе денегъ (напр., расходы путешественниковъ); но вышеуканные два рода обстоятельствъ во всякомъ случаѣ являются главнѣйшими факторами. Поэтому, приступая къ разсмотрѣнію

Digitized by Google

вопроса о международномъ экономическомъ положеніи Россіи и вліяніи его на устойчивость нашего золотого обращенія, мы остановимся только на двухъ явленіяхъ,—а именно, во-первыхъ, на товарномъ обмѣнѣ Россіи съ другими культурными государствами, причастными къ золотому обращенію, и затѣмъ, во-вторыхъ, на объемѣ пользованія со стороны Россіи иностранными капиталами.

По отношенію къ торговому балансу еще и въ настоящее время не заглохли меркантилистическія воззрѣнія; еще и въ настоящее время очень часто говорятъ, что наилучшимъ положеніемъ въ торговомъ балансѣ нужно считать перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ, потому что такимъ образомъ обезпечивается притокъ денегъ изъ-за границы. Такое мнѣніе нельзя назвать вполнѣ правильнымъ. Собственно, такое мнѣніе можно оправдать только въ примѣненіи къ тѣмъ странамъ, которыя сами не добываютъ драгоцѣнныхъ металловъ и которыя поэтому, для удовлетворенія своей денежной потребности, должны привозить драгоцѣнные металлы изъ чужихъ странъ; для полученія драгоцѣнныхъ металловъ отъ другихъ странъ, онѣ должны отдать этимъ странамъ какія-нибудь другія реальныя блага; отсюда и получается, что страны, потребляющія драгоцѣнные металлы, а сами ихъ не производящія, часто только по этой причинѣ могутъ имѣть неблагопріятный торговый балансъ. Мы говоримъ, что при такихъ обстоятельствахъ страна часто можетъ имѣть неблагопріятный балансъ, но не говоримъ, что всегда такъ бываетъ. Иная богатая страна такъ опутаетъ долговыми обязательствами другія страны, производящія драгоцѣнные металлы, что можетъ получать эти послѣдніе, расплачиваясь не предметами собственнаго производства, а какъ-нибудь иначе; напр., такая эксплоатирующая страна можетъ получать отъ другихъ эксплоатируемыхъ странъ деньги въ видѣ процентовъ на капиталы, ссужаемые первой страной вторымъ. Какъ бы то ни было, за исключеніемъ указаннаго случая, такъ-называемый благопріятный торговый балансъ не можетъ почитаться дѣйствительно благопріятнымъ явленіемъ. Если страна не находится въ кабалѣ у другихъ, то постоянно благопріятный торговый балансъ даже не можетъ имѣть мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, постоянно благопріятный торговый балансъ означаетъ то, что страна, имѣющая постоянный перевѣсъ вывоза надъ привозомъ, должна создать постоянный перевѣсъ притока денегъ надъ отливомъ ихъ изъ страны. Но, при сдѣланномъ предположеніи объ отсутствіи задолженности, этого на самомъ дѣлѣ не можетъ быть въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго времени. Еслибы

Digitized by Google

такое положеніе вещей продолжалось болѣе или менѣе долгое время, то страна стала бы страдать обиліемъ денегъ; цѣны на всѣ блага повысились бы и ссудные капиталы стали бы дешевы; начался бы обратный процессъ привоза товаровъ изъ-за границы, а чрезъ это отливъ и денегъ. Да и что, вообще, могутъ дать деньги сами по себѣ отдѣльному лицу или всему народу? Сами по себѣ онѣ, не являясь предметомъ удовлетворенія непосредственныхъ потребностей, не содѣйствуютъ увеличенію благосостоянія отдѣльнаго лица или всего народа.

Въ частныхъ, какъ и въ международныхъ отношеніяхъ, дѣло не въ томъ, собственно, какое лицо или народъ получитъ больше денегъ на счетъ другого, а въ томъ, какое лицо или народъ получитъ больше предметовъ, дѣйствительно способныхъ непосредственно удовлетворять какія-нибудь человѣческія потребности. Если въ международномъ обмѣнѣ одинъ народъ отдаетъ другому такое же по цѣнности количество, какое получаетъ отъ другихъ народовъ, то подобный обмѣнъ можно назвать самымъ справедливымъ; при такомъ обмѣнѣ одна страна не живетъ на счетъ другихъ. При такомъ предположеніи международный обмѣнъ все еще не прекратится, потому что онъ будетъ держаться разнообразіемъ въ потребительныхъ цѣнностяхъ; одна страна будетъ отдавать другимъ такія потребительныя цѣнности, которыя она можетъ производить въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ нужно для ея собственнаго населенія; взамѣнъ этого она будетъ получать отъ другихъ странъ такія потребительныя цѣнности, которыя она сама или совсѣмъ не можетъ производить, или же производство которыхъ стоило бы ей слишкомъ дорого сравнительно съ производствомъ тѣхъ же товаровъ въ чужихъ странахъ.

Если, наконецъ, международное торговое положеніе страны состоитъ въ томъ, что она ввозитъ товаровъ больше, чѣмъ вывозитъ, то такая страна находится въ весьма выгодномъ положеніи по сравненію съ другими странами; это значитъ, что данная страна живетъ на счетъ другихъ странъ, заставляетъ работать на себя другія страны. Такимъ образомъ, „неблагопріятный“ торговый балансъ мы считаемъ самымъ выгоднымъ положеніемъ въ международной торговлѣ, хотя и не рѣшаемся считать это положеніе самымъ справедливымъ. Такое наиболѣе выгодное положеніе страны достигается тѣмъ, что страна помѣщаетъ большое количество своихъ капиталовъ въ чужихъ странахъ. Иначе, конечно, постоянный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ такъ же мало могъ бы установиться, какъ и постоянный перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ. Перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ

Digitized by Google

безъ указаннаго предположенія повелъ бы только къ денежному замѣшательству въ странѣ (именно къ сокращенію денежной циркуляціи), которое въ скоромъ времени было бы поправлено силами, скрытыми въ механизмѣ международнаго обмѣна. Постоянный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда по какому-нибудь другому основанію имѣется постоянный притокъ денегъ изъ чужихъ странъ; это другое основаніе (по крайней мѣрѣ, главнѣйшее изъ другихъ основаній) состоитъ въ томъ, что страна помѣстила много своихъ капиталовъ за границей и прибыль съ этихъ капиталовъ, доставляемая другими странами, служитъ тѣмъ источникомъ, который оплачиваетъ излишекъ ввоза надъ вывозомъ.

Но, быть можетъ, спросятъ, отчего же не можетъ быть такого положенія вещей, при которомъ страна, имѣющая постоянный перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ, въ то же время полученныя ею излишнія для оборота деньги помѣщала бы въ качествѣ ссуднаго капитала въ другихъ странахъ? Такое положеніе вещей не можетъ имѣть мѣста; при немъ не могла бы быть реализована международная прибыль; реализовать прибыль значитъ то, что страна пріобрѣтаетъ отъ другихъ или средства производства для дальнѣйшаго усиленія своего производства, или предметы непосредственнаго потребленія. Но при такомъ единственно цѣлесообразномъ поведеніи, очевидно, не можетъ быть перевѣса вывоза надъ ввозомъ. Еслибы страна поступала не такъ, а опять и опять помѣщала бы свои денежные капиталы въ чужихъ странахъ и занималась бы, слѣдовательно, постояннымъ накопленіемъ своихъ денежныхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ другихъ странахъ, то такое поведеніе было бы съ экономической точки зрѣнія безсмысленнымъ и такого поведенія никогда не бываетъ. Итакъ, мы по прежнему можемъ утверждать, что постоянный перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ свидѣтельствуетъ о сравнительной бѣдности страны, о томъ, что она задолжала другимъ странамъ, что она находится отъ нихъ въ экономической зависимости. Этотъ мало распространенный взглядъ на значеніе „благопріятнаго“ торговаго баланса не является только результатомъ отвлеченнаго вывода; онъ подтверждается и фактами дѣйствительности. Возьмите какую-нибудь дѣйствительно богатую (въ національномъ смыслѣ) страну, и посмотрите на ея товарный обмѣнъ съ другими странами; возьмите, напр., такую страну, какъ Англія, и вы увидите, что перевѣсъ товарнаго ввоза надъ вывозомъ является для нея обычнымъ явленіемъ.

Въ такомъ именно наименѣе благопріятномъ положеніи съиз-

Digitized by Google

давна находится Россія. То общее положеніе, что Россія вывозитъ больше товаровъ, чѣмъ ввозитъ, можно считать вполнѣ установленнымъ. Возьмемъ, напр., послѣднюю четверть XIX ст., и мы увидимъ, что вывозъ въ общемъ весьма сильно и почти постоянно превышаетъ ввозъ; если сгруппировать всѣ послѣднія 25 лѣтъ по пятилѣтіямъ, то окажется, что въ каждомъ изъ пятилѣтій вывозъ превышаетъ ввозъ; если же разсматривать каждый годъ отдѣльно, то немногіе годы, именно такіе, въ теченіе которыхъ Россія по какимъ-нибудь причинамъ (особенно по случаю недорода) не произвела обычнаго количества главныхъ вывозныхъ товаровъ (хлѣба и сырыхъ матеріаловъ), отличаются перевѣсомъ ввоза надъ вывозомъ; къ такимъ годамъ принадлежитъ, напр., 1899 годъ. Въ общемъ, движеніе нашего международнаго обмѣна за послѣднее время характеризуется усиленіемъ вывоза и ослабленіемъ ввоза; такъ, съ 1875 года обороты внѣшней торговли увеличились на 10%, причемъ отпускъ поднялся на 24%, привозъ же уменьшился на 8% (фактическія данныя опять взяты изъ вышеуказаннаго оффиціальнаго изданія „Россія въ концѣ XIX ст.“). Такой постоянный и сильный перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ нельзя объяснить денежными условіями: до недавней реформы Россія имѣла бумажноденежное обращеніе, и для поддержанія его не нужно было добывать *металлическихъ денегъ* отъ другихъ странъ. Правда, мы должны припомнить, что въ послѣдніе годы передъ реформой накоплялся размѣнный фондъ. Но для этой цѣли Россія имѣла достаточный источникъ въ томъ золотѣ, которое она добывала сама. Словомъ, главнѣйшей причиной, вызвавшей постоянный перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ, нужно считать огромную задолженность Россіи передъ богатыми западно-европейскими странами.

Положеніе о большой задолженности Россіи также не можетъ быть оспариваемо. Въ самомъ дѣлѣ, если Россія не владѣетъ большими свободными капиталами въ силу причинъ, выше уже указанныхъ, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что она обратилась за этими капиталами къ другимъ, болѣе богатымъ государствамъ. Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ обстоятельствѣ, что другія страны, ищущія помѣщенія для своихъ обильныхъ сбереженій, даютъ эти капиталы Россіи съ цѣлью полученія высокой прибыли. Такимъ образомъ и создалась большая задолженность Россіи. Формы этой задолженности довольно разнообразны. Прежде всего, здѣсь нужно упомянуть о государственной задолженности; наши государственные займы до значительной степени могли быть реализованы только при содѣйствіи

Digitized by Google

иностранныхъ капиталовъ; для облегченія этой заграничной реализаціи государственныхъ займовъ, многіе изъ нихъ были дѣлаемы въ металлической валютѣ въ то время, какъ въ самой Россіи господствовали бумажныя деньги. Задолженность проявилась, далѣе, въ томъ, что многія крупныя предпріятія, особенно акціонерныя, кредитовались за-границей; такъ, многія желѣзнодорожныя общества реализировали свои облигаціи при помощи иностранныхъ капиталовъ. Международная задолженность не ограничивается собственно долговыми отношеніями. Международная задолженность въ широкомъ смыслѣ обнимаетъ всякіе виды помѣщенія въ данной странѣ чужихъ капиталовъ; такъ, сюда относится пріобрѣтеніе иностранцами акцій русскихъ предпріятій и даже прямое основаніе въ Россіи предпріятій иностранцами; эти виды задолженности также сильно распространены у насъ; такъ, доказано, что нѣкоторые виды промышленности (напр., металлургической и каменноугольной) основаны и поддерживаются главнымъ образомъ иностранными капиталами. Общій объемъ задолженности Россіи точно нельзя опредѣлить по недостатку надежнаго и полнаго статистическаго матеріала. Нѣкоторое представленіе о степени задолженности Россіи можно составить изъ такого, напр., факта, установленнаго министерствомъ финансовъ: даже въ кредитной валютѣ государственныя и гарантированныя бумаги къ 1 января 1895 г. далеко не всѣ находились въ самой Россіи; на 1.040 милл. руб. (32,2%) этихъ бумагъ не найдено было въ то время въ кредитныхъ учрежденіяхъ, казначействахъ и страховыхъ обществахъ, гдѣ бумаги обыкновенно пребываютъ на храненіи или въ залогѣ; слѣдовательно, можно думать, что бо́льшая часть этихъ бумагъ находилась за границей. Съ введеніемъ въ Россіи прочной металлической денежной единицы, приливъ иностранныхъ капиталовъ еще облегчается.

Описанное сейчасъ положеніе Россіи въ международномъ оборотѣ имѣетъ слѣдующее значеніе для устойчивости ея золотого обращенія. Россія должна испытывать постоянно нѣкоторое денежное стѣсненіе, вслѣдствіе необходимости расплатъ съ другими странами по своей задолженности. Эта стѣсненность, эта постоянная напряженность денежнаго рынка будетъ вызываться, собственно, не возвратомъ капитальной суммы долговъ, а необходимостью уплаты прибыли на иностранные капиталы. Для возврата капитальныхъ суммъ по иностранной задолженности достаточнымъ источникомъ будутъ эти самые иностранные капиталы, притекающіе въ Россію. Создаются два движенія за какой-нибудь періодъ времени: съ одной стороны, въ Россію прите-

Digitized by Google

кають иностранные капиталы въ формѣ денежной или въ формѣ реальныхъ капиталовъ (машинъ, сырыхъ матеріаловъ и т. п.); съ другой стороны, въ тотъ же періодъ изъ Россіи идетъ обратный потокъ,—именно, извѣстная сумма иностранныхъ капиталовъ возвращается обратно за границу, по истеченіи долговыхъ сроковъ или вслѣдствіе амортизаціи; нѣтъ никакого основанія думать, что второе теченіе будетъ сильнѣе перваго, потому что Россія, конечно, не будетъ отдавать иностранцамъ больше капиталовъ, чѣмъ сама беретъ у нихъ. Денежныя затрудненія должна вызывать только оплата дохода на иностранные капиталы; оплата этого дохода есть односторонняя оплата. Если мы предположимъ, напр., что Россія по разнымъ основаніямъ пользуется иностранными капиталами въ размѣрѣ 3 милліардовъ, и что оплачиваетъ она эти капиталы только 4%, то при этомъ, по всей вѣроятности, весьма скромномъ предположеніи Россія должна ежегодно отдавать иностранцамъ 120 милл. руб. Необходимость въ такой ежегодной односторонней уплатѣ другимъ странамъ, естественно, заставитъ себя чувствовать въ Россіи денежнымъ стѣсненіемъ; деньги будутъ въ ней хронически дороги, цѣны на товары хронически дешевы; хронически Россія должна будетъ больше вывозить, чѣмъ ввозить; и этимъ излишкомъ въ вывозѣ, или деньгами, полученными за излишекъ въ вывозѣ, Россія будетъ оплачивать прибыль на позаимствованные у иностранцевъ капиталы.

Въ русской экономической литературѣ высказывалось опасеніе, что большая задолженность Россіи поведетъ не только къ указанному сейчасъ стѣсненію на денежномъ рынкѣ, но и можетъ совсѣмъ разстроить наше золотое обращеніе, именно путемъ массоваго притока русскихъ бумагъ изъ-за границы. Но подобное опасеніе является неосновательнымъ. При обыкновенныхъ условіяхъ совсѣмъ нельзя ожидать массоваго притока русскихъ бумагъ; во-первыхъ, потому, что наши бумаги представляютъ для иностранцевъ выгодное и прочное помѣщеніе сбереженій, и, во-вторыхъ, потому, что навязать намъ бумаги насильно иностранцы не могутъ: русскіе берутъ свои бумаги только тогда, когда находятъ это выгоднымъ для себя, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ бумагъ, срокъ платежа по которымъ наступилъ. Съ введеніемъ же у насъ устойчивой металлической единицы, наши бумаги стали еще болѣе прочнымъ помѣщеніемъ сбереженій, чѣмъ прежде, при бумажныхъ деньгахъ. Если мы будемъ говорить о какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ (о большой войнѣ, угрожающей Россіи), то при наступленіи ихъ

Digitized by Google

иностранцы, дѣйствительно, могли бы имѣть большое желаніе сбыть русскимъ ихъ бумаги, и съ этой цѣлью могли бы предлагать ихъ за цѣны, ниже номинальныхъ; но этимъ послѣднимъ едва ли можно будетъ соблазнить многихъ русскихъ, такъ какъ тѣ предполагаемыя опасности, которыя заставили бы иностранцевъ усиленно предлагать наши бумаги, дѣйствовали бы и на русскихъ только въ обратномъ смыслѣ, т.-е. заставляли бы ихъ опасаться пріобрѣтать бумаги; такъ, самая главная опасность, состоящая въ переходѣ отъ металлическаго обращенія къ бумажному, для русскихъ грозила бы столь же значительными невыгодами, какъ и для иностранцевъ.

Итакъ, задолженность Россіи, по нашему мнѣнію, поведетъ только къ хроническому стѣсненію русскаго денежнаго рынка, а не къ полному потрясенію русской металлической системы. Спрашивается теперь, сколь же долго будетъ продолжаться это неблагопріятное обстоятельство и какимъ путемъ можетъ оно быть устранено? Въ самой экономической жизни Россіи заключается дѣйствительное лекарство противъ разсматриваемаго зла. Россія рано или поздно справится съ своей задолженностью, рано или поздно перестанетъ работать на иностранцевъ и станетъ самостоятельной. Мы здѣсь говоримъ не о той національной экономической самобытности, о которой въ послѣднее время въ оффиціальной или оффиціозной экономической литературѣ нерѣдко говорятъ. Мы часто читаемъ въ этой литературѣ, что Россія велика и богата разнообразными естественными данными, что она поэтому должна стремиться устраивать у себя самые разнообразные виды промышленности, должна все сама дѣлать для себя и освободиться по возможности отъ обмѣна съ западно-европейскими государствами. Мечтать о такой самобытности и самостоятельности Россіи столь же основательно, какъ и мечтать по отношенію къ отдѣльному хозяйству о старой натуральной организаціи, о томъ времени, когда не было обмѣна и всякій хозяинъ производилъ все нужное для него своими руками. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Россіи нельзя произвести какого-нибудь товара или когда она путемъ обмѣна можетъ дешевле пріобрѣсти какой-нибудь товаръ, международный обмѣнъ будетъ имѣть мѣсто, если правительство ему не помѣшаетъ; но для того, чтобы такъ поступать, правительство должно опираться на какіе-нибудь серьезные доводы. Какъ бы то ни было, мы думаемъ только о такой самостоятельности Россіи, при которой она не должна бы дѣлиться произведеніями своего труда и почвы съ иностранцами, и при которой она не работала бы на иностранныхъ капитали-

Digitized by Google

стовъ. Это, разумѣется, будетъ возможно только тогда, когда Россія не будетъ нуждаться въ иностранныхъ капиталахъ. Время же это рано или поздно наступитъ, потому что, какъ мы уже говорили, процессъ капитализаціи въ Россіи идетъ въ наше время довольно быстро. Съ накопленіемъ капиталовъ, Россія безъ особыхъ мѣръ и постепенно освободится отъ задолженности: мало-по-малу русскіе будутъ скупать свои бумаги у иностранцевъ и пріобрѣтать иностранныя предпріятія, работающія въ самой Россіи. Когда совершится этотъ процессъ націонализаціи долговъ и предпріятій, тогда прекратится и разсматриваемое затрудненіе въ денежномъ дѣлѣ. Когда наступитъ это время, тогда измѣнится и характеръ нашей международной торговли съ Западомъ. Съ постепеннымъ приближеніемъ къ этому времени, международная торговля по своему составу будетъ измѣняться въ томъ смыслѣ, что мы все меньше будемъ вывозить хлѣба и сырья, а равно все меньше будемъ ввозить готовыя издѣлія; хлѣбъ будетъ все болѣе и болѣе потребляться своимъ ростущимъ населеніемъ, сырье будетъ перерабатываться дома. Въ концѣ концовъ, общій оборотъ съ Западомъ, по всей вѣроятности, уменьшится, а также исчезнетъ и „благопріятный“ торговый балансъ; въ торговомъ балансѣ, въ общемъ и среднемъ, будетъ господствовать равновѣсіе. Быть можетъ, въ дальнѣйшемъ наступитъ и такая стадія, когда обильные русскіе капиталы будутъ искать иностраннаго помѣщенія и Россія будетъ по отношенію къ должнымъ ей странамъ играть такую же роль, какую нынѣ по отношенію къ ней самой играютъ западно-европейскія государства. Но если такое время настанетъ, то должниками Россіи будутъ, конечно, не западно-европейскія страны.

Таможенная политика не осталась безъ вліянія на международное экономическое положеніе Россіи. Какъ извѣстно, давно уже эта политика состоитъ въ томъ, что высокими ввозными пошлинами, нерѣдко носящими почти запретительный характеръ, затрудняется привозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ. Цѣли такой политики довольно разнообразны: правительство, благодаря такой политикѣ, получаетъ значительный доходъ; затѣмъ, и это самое главное, оказывается покровительство отечественной промышленности и наконецъ, между прочимъ, съиздавна таможенная политика служила интересамъ денежнаго обращенія. При господствѣ бумажныхъ денегъ, стремились, путемъ затрудненія ввоза высокимъ обложеніемъ, поддержать курсъ этихъ денегъ; равнымъ образомъ правительство, обязанное по многимъ своимъ заграничнымъ займамъ платить деньгами металлическими, вынуждено было

Digitized by Google

добывать эти деньги путемъ международнаго обмѣна; нужно было заботиться о „благопріятномъ“ торговомъ балансѣ; съ этою цѣлью, при господствѣ въ странѣ бумажныхъ денегъ, заставляли таможенныя пошлины платить золотомъ. Съ введеніемъ золотого обращенія, правительство продолжаетъ заботиться о благопріятномъ торговомъ балансѣ, между прочимъ, съ тою же цѣлью обезпеченія притока денегъ изъ-за границы; постоянно существуетъ опасеніе, что золотыя деньги уйдутъ за границу и наша металлическая система рухнетъ. Дѣло доходитъ до того, что возникаетъ мысль уже о поощреніи вывоза; напр., заходитъ рѣчь о томъ, чтобы понизить желѣзнодорожные тарифы на хлѣбные товары, идущіе за границу. По нашему мнѣнію, эти денежныя цѣли таможенной политики не могутъ быть оправданы. Во-первыхъ, какъ мы старались показать, опасенія полнаго крушенія нашей золотой системы неосновательны; во-вторыхъ, тѣ затрудненія въ денежномъ оборотѣ, которыя дѣйствительно вызываются неблагопріятнымъ положеніемъ Россіи въ международномъ обмѣнѣ, съ теченіемъ времени будутъ ослаблены и даже совсѣмъ устранены собственными силами русскаго народнаго хозяйства. Наконецъ, въ-третьихъ, стремленіе къ поддержанію благопріятнаго торговаго баланса не можетъ, въ сущности, достигать предположенныхъ денежныхъ цѣлей: какъ было выше говорено, постоянно благопріятный торговый балансъ можетъ имѣть мѣсто только при задолженности данной страны; поэтому, если удается устанавливать постоянно благопріятный балансъ, то это значитъ, что задолженность страны по крайней мѣрѣ не уменьшается, а быть можетъ, и ростетъ. Такъ, нынѣ дѣйствующій высокій тарифъ 1891 года ведетъ къ усиленной задолженности Россіи; при этомъ тарифѣ притокъ иностранныхъ капиталовъ для помѣщенія въ русскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ сталъ особенно замѣтенъ. Быть можетъ, этотъ усиленный притокъ иностранныхъ капиталовъ съ какой-нибудь другой точки зрѣнія можно считать выгоднымъ, но съ точки зрѣнія денежнаго обращенія онъ не можетъ считаться явленіемъ благопріятнымъ, потому что усиливаетъ задолженность Россіи и вызываетъ стѣсненіе въ ея денежномъ оборотѣ. Такимъ образомъ, стремленіе установить возможно „благопріятный“ торговый балансъ можетъ повести какъ разъ къ тому, чего желаютъ избѣжать, т.-е. къ денежнымъ затрудненіямъ. Вообще намъ кажется, что съ установленіемъ металлическаго обращенія русская таможенная политика можетъ перестать заботиться о поддержкѣ денежной системы. Когда съ таможенной политики будетъ снята эта, ей въ сущности посторонняя забота,

Digitized by Google

тогда легче будетъ приспособить ее къ главнѣйшей цѣли, именно къ цѣли покровительства отечественной промышленности; тогда она должна будетъ черпать доводы своей цѣлесообразности и благодѣтельности изъ протекціонистской доктрины и не будетъ смущать своихъ противниковъ ссылками на благодѣтельность ея для денежнаго обращенія.

Итакъ, на поставленный въ заглавіи статьи вопросъ мы получаемъ такой отвѣтъ: съ введеніемъ въ Россіи золотого обращенія, на первое время слѣдуетъ ожидать стѣсненія на денежномъ рынкѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что ростетъ спросъ на деньги со стороны народнаго и государственнаго хозяйства, и, во-вторыхъ, потому, что задолженность Россіи также предъявляетъ усиленный спросъ на деньги для расплатъ съ иностранцами. Изъ этихъ причинъ вторую нужно считать главнѣйшею: первая только при второй пріобрѣтаетъ довольно замѣтное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы международное экономическое положеніе Россіи было благопріятнымъ, то она не встрѣтила бы сколько-нибудь сильныхъ затрудненій для пріобрѣтенія недостающаго ей золота изъ мірового запаса; мы знаемъ страны, которыя сами совсѣмъ не добываютъ золота и тѣмъ не менѣе пользуются устойчивымъ золотымъ обращеніемъ. Сказанное сейчасъ даетъ основаніе высказать то положеніе, что замѣтная стѣсненность на русскомъ денежномъ рынкѣ будетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока Россія не освободится отъ односторонней иностранной задолженности. Однако, съ полной увѣренностью можно утверждать, что и совмѣстное дѣйствіе обѣихъ указанныхъ причинъ не поведетъ къ полному крушенію золотого обращенія, потому что русское народное хозяйство все-же можетъ пріобрѣтать нужныя ему деньги отъ другихъ странъ; только, разумѣется, оно должно будетъ платить за нихъ своими произведеніями; именно, оно должно будетъ постоянно вывозить своихъ товаровъ больше, чѣмъ получать отъ другихъ народовъ. Опасность же полнаго крушенія золотого обращенія основывается на такихъ обстоятельствахъ, которыя во всѣхъ государствахъ, а не только въ Россіи, могутъ имѣть мѣсто; это такія исключительныя обстоятельства, которыя вынуждаютъ правительство во что бы то ни стало добыть скоро и много денежныхъ средствъ; при такихъ условіяхъ правительства часто должны прибѣгать къ выпуску бумажныхъ денегъ, и тогда металлическія системы терпятъ крушеніе, хотя при благоразумной политикѣ не надолго. Мы нашли, однако, что эта опасность полной потери золотого обращенія при исключительныхъ обстоятельствахъ для Россіи нѣ-

Digitized by Google

сколько сильнѣе, чѣмъ для другихъ, болѣе богатыхъ государствъ. Такимъ образомъ, настоящую статью, какъ и нашу первую статью, мы можемъ закончить указаніемъ на то, что испытываемыя (особенно рѣзко съ 1899 г.) денежныя затрудненія въ Россіи объясняются не только кризисомъ на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ, но и нѣкоторыми нашими собственными экономическими условіями.

П. А. Никольскій.

Казань.

Digitized by Google

ВЪ
СРЕДѢ ОБРАЗОВЪ
ЗВѢРИНЫХЪ

ПОВѢСТЬ.

„Чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй".
Тредьяковскій.

I.

— Итакъ, вы ѣдете, и надолго? Это рѣшено?

— Ѣду, Зоя Викторовна. Это необходимо и... и я все-таки чувствую, что такъ слѣдуетъ поступить, что это почти моя обязанность, долгъ.

— Обязанность! Долгъ! Почему?

— Трудно выяснить это словами, но совѣсть подсказываетъ... Я вѣдь все-таки получилъ въ свои руки нѣчто, созданное цѣлыми поколѣніями, трудомъ и заботою не только моихъ предковъ, но и толпы другихъ людей, привыкшихъ повиноваться имъ безпрекословно. Слѣдовательно, это нѣчто составляетъ до извѣстной степени не мою только личную собственность. Неужто все продать, все разорить и уѣхать поскорѣе съ добычей въ рукахъ, даже не взглянувши на народъ, который когда-то поливалъ старое гнѣздо своимъ потомъ и, можетъ быть, кровью?

— Красиво сказано!—замѣтилъ господинъ лѣтъ тридцати на видъ, въ безукоризненно сшитомъ смокингѣ.—Тѣмъ болѣе, что, не спѣша и поосмотрѣвшись, можно въ концѣ концовъ реализировать тысчёнокъ десять лишнихъ, а то и побольше.

Digitized by Google

— Вы говорите по собственному опыту, Иванъ Васильевичъ? —спросила съ нѣкоторымъ неуловимымъ оттѣнкомъ ироніи молодая и очень небольшого роста, но весьма полная блондинка.

— Разумѣется, Евгенія Петровна,—отвѣтилъ господинъ въ смокингѣ, невозмутимо закуривая папиросу.—Меня въ тамбовской губерніи гг. простодушные поселяне чуть-было не нагрѣли съ удивительной ловкостью. Но—rit bien qui rit le dernier.

Зоя Викторовна опять обратилась къ молодому человѣку, говорившему о своемъ отъѣздѣ, и въ голосѣ ея звучали не то участіе, не то досада или даже насмѣшка.

— А что же будетъ съ вашими прекрасными мечтами о карьерѣ артиста, свободнаго мыслителя, пророка новыхъ теченій въ искусствѣ и поэзіи—со всѣмъ этимъ розовымъ шелестомъ надеждъ на звучномъ фонѣ вдохновенія? Кажется, я выразилась въ достаточно-новомъ стилѣ fin или commencement de siècle.

— Пророкомъ я не собирался быть. Я просто думалъ, что въ правѣ жить по собственному вкусу. Но судьба пріуготовила мнѣ нежданную-негаданную задачу...

— И все прежнее по боку?

— Не все, Зоя Викторовна. У всякаго имѣется кое-что слишкомъ дорогое, отъ чего не оторвешься ни мыслью, ни сердцемъ...

— Вы рѣшительно поэтъ!—заявилъ господинъ въ смокингѣ, поднимаясь и взявшись за шляпу. — Вонъ Евгенія Петровна даже печатаетъ свои стихи и похваляется безпристрастными критиками; но... но...

— Но, но—молчите!—перебила его блондинка со смѣхомъ и тоже вставая.—Потому что навѣрное скажете какую-нибудь дерзость. Лучше проводите меня на Невскій. Это—въ двадцати шагахъ,—слѣдовательно, не особенно васъ обезпокоитъ.

— Не въ двадцати, а въ двухъ стахъ; и жалѣю, что не въ двухъ тысячахъ.

— Tiens! Любезность?

— Ну, да. А еслибы въ двухъ тысячахъ, я могъ бы извиниться, сославшись на недосугъ.

— Вотъ парочка!—улыбнулась Зоя Викторовна, проводивъ своихъ гостей до двери.—И вѣдь это тянется у нихъ болѣе двухъ лѣтъ quand même... Учитесь постоянству, Юрій Андреевичъ.

— А вы научитесь любить, Зоя Викторовна.

— Это еще что? Откуда вы знаете, умѣю я или нѣтъ?

— Давненько разыскиваю я дорогу къ вашему сердцу. Но это своего рода сѣверный полюсъ, до котораго и на воздушномъ шарѣ не доберешься.

Digitized by Google

— То-то и есть, что все раздутое и легковѣсное не особенно въ моемъ вкусѣ.

— Вы сами не думаете того, что̀ сказали.

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, именно вамъ-то не пристало на меня жаловаться.

— Не пристало? Вы меня измучили, истомили, Зоя! Я почти радъ, что бѣгу отъ васъ. Я жажду настоящей сильной, доброй любви, а вы меня угощаете блудящимъ огонькомъ какой-то фантастической симпатіи. Это пытка!

— Но вѣдь я еще не свободна, Юрій...

— Что̀ васъ связываетъ? Не мужъ ли, съ которымъ вы покончили полтора года тому назадъ? Не толки ли кумушекъ?

— Страхъ, Юрій, страхъ. Я слишкомъ напугана, я слишкомъ многое перестрадала...

— Ледъ, Зоя Викторовна, ледъ, и больше ничего! Онъ прекрасенъ, прозраченъ, блестящъ, но онъ—только ледъ. И мнѣ пора понять, что передъ нимъ я безсиленъ.

Молодой человѣкъ проговорилъ это покорнымъ и грустнымъ тономъ, вставая и взявшись за шляпу.

— Да, люди постарались заморозить во мнѣ многое, но не все... нѣтъ, не все! — сказала она задумчиво, словно бы про себя; а затѣмъ вдругъ встрепенулась.—Итакъ, вы ѣдете?

— Сегодня же, Зоя Викторовна.

— Надолго?

— Право не знаю, возвращусь ли вообще.

Она обѣими руками взяла его протянутую руку и нѣсколько мгновеній молча, пристально смотрѣла ему въ глаза; затѣмъ вдругъ обожгла его бѣглымъ поцѣлуемъ, прошептала: „Возвращайтесь!“ и—исчезла.

— Зоя!—бросился-было за нею Юрій Андреевичъ, но дверь оказалась уже запертой.

— Теперь уходите и уѣзжайте!—послышалось оттуда.

II.

Да, ѣхать было безусловно необходимо. И что̀ выигрывалось бы новымъ промедленіемъ въ два, три дня? Едва ли даже удалось бы добиться новаго свиданія. Юрій Андреевичъ по опыту зналъ, что послѣ каждой сколько-нибудь довѣрчивой бесѣды, послѣ каждаго въ сущности ничтожнаго, но милаго знака интимности, Зоя на недѣлю и больше уходила „въ свою раковину“,

Digitized by Google

становилась неприступной, насмѣшливой и даже жесткой. Притомъ она была всегда такъ окружена людьми, такъ выдвинута впередъ, передъ нею курили столько ѳиміамовъ... Еще бы! Большія средства, большое родство, огромный талантъ,—правда, не провѣренный на публичной сценѣ, но тѣмъ не менѣе извѣстный всему Петербургу, головокружительные туалеты, оригинальная и яркая красота...

„Чего я добиваюсь?—въ минуты унынія спрашивалъ себя Юрій Андреевичъ.—Я ей не пара. Очевидно, я слишкомъ для нея ничтоженъ. Что я такое? Просто, одинъ изъ толпы. Un jeune homme sans conséquence, qu'on n'est pas trop sûr de reconnaître parmi les autres. Надо же понимать это, и не ставить себя въ нелѣпое, смѣшное положеніе.

На вокзалѣ николаевской желѣзной дороги Юрій Андреевичъ встрѣтилъ Мѣняева, одного изъ петербургскихъ коноводовъ „марксизма“, съ которымъ онъ, впрочемъ, знакомъ былъ вовсе не близко, лишь по случайнымъ и рѣдкимъ бесѣдамъ гдѣ-нибудь на чтеніяхъ, либо въ партерѣ театра.

— Да вы, я вижу, не въ шутку куда-то собрались,—замѣтилъ Мѣняевъ, окидывая взглядомъ два довольно объемистые чемодана, съ которыми явился на вокзалъ Юрій Андреевичъ.—Далеко?

— Въ ...скую губернію, въ деревню.

— Надолго?

— Какъ поживется... Можетъ быть, и очень надолго, если окажусь на что-нибудь пригоднымъ.

— Гдѣ это? Въ царствѣ звѣриныхъ ѳбразовъ?

— Развѣ есть такое царство?

— Но какъ же иначе назвать деревню?

— Однако... это немножко смѣлое опредѣленіе.

— Въ чемъ тутъ смѣлость?

— Помилуйте, приравнивать людей, даже цѣлый народъ къ животнымъ, это... это...

Мѣняевъ усмѣхнулся.

— Да вы ужъ не собираетесь ли въ земскіе начальники? Можетъ быть, даже „миссію дворянства“ исповѣдуете?

— Отчасти,—холодно отвѣтилъ Юрій Андреевичъ.—Я все-таки русскій дворянинъ, и годы моего дѣтства прожилъ въ деревнѣ. Звѣри меня тамъ не съѣли; и звѣриныхъ ѳбразовъ я, помнится, не видалъ.

Мѣняевъ пожалъ плечами.

— Удивительная сила привычки и предвзятыхъ идей!—за-

Digitized by Google

мѣтилъ онъ полунебрежнымъ тономъ.—Казалось бы, чего проще: среда совершенно некультурная, первобытная, стоящая на самой низкой ступени умственнаго развитія. Ну, понятно, что люди такого порядка, въ сущности, даже не могли уйти много далѣе звѣрей. Это же простой здравый смыслъ свидѣтельствуетъ. А мы-то ихъ обсахариваемъ! Мы-то тщимся открыть въ нихъ великія силы духа! Народъ, народность, народная подоплёка, народный характеръ, и пр., и пр. Господи, какая удивительная чепуха!

— Однако, исторія свидѣтельствуетъ, что эта „чепуха“ оказывалась посильнѣе всѣхъ мудрованій „научной мысли“, „послѣднихъ словъ знанія“, „началъ чистаго разума“ и тому подобныхъ перловъ культуры. Народъ живетъ по-своему, не справляясь съ книжными рѣшеніями.

— Паденіе воды или бурный вѣтеръ тоже сильнѣе васъ и тоже текутъ по-своему, своей дорогой. Приходится, конечно, считаться съ ихъ стихійной мощью. Однако, слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы вы не старались и не могли культивировать ихъ по-своему, а напротивъ сами бы вполнѣ подчинились ихъ безсмысленному „величію“? Разумѣется, народъ—сила. Но вѣдь и лошадь, и слонъ—сила. Ихъ всѣхъ одинаково нужно осѣдлать, взнуздать и подчинить разумной волѣ, а не преклоняться передъ ихъ „характеромъ“ или „глубинами духа“. Можетъ быть, у призового коня дѣйствительно существуютъ эти „глубины“, однако даже „глубины“ жокея уже несравнимо совершеннѣе ихъ. А между жокеемъ и вами, напримѣръ, лежитъ еще цѣлая дистанція огромнаго размѣра. Неужто это не ясно, какъ дважды два—четыре?

Прозвенѣлъ колокольчикъ.

— Пожалуйте садиться, мѣсто занято,—предупредилъ носильщикъ, торопливо исчезая въ дверяхъ.

— Ну, желаю вамъ отыскать въ деревнѣ великія красоты подоплёки и возлежать на розахъ прогресса,—сказалъ, улыбаясь и приподнимая шляпу, Мѣняевъ.—Если розы будутъ чуточку припахивать навозцемъ—ну, что же дѣлать! Онѣ, говорятъ, на навозѣ еще ярче и пышнѣе становятся... До пріятнаго свиданія!

Оказалось, что въ вагонѣ Юрію Андреевичу пришлось сидѣть въ непосредственной близости съ княземъ М., извѣстнымъ писателемъ-беллетристомъ, знакомымъ ему, впрочемъ, только по виду, и съ какимъ-то рано созрѣвшимъ или даже перезрѣвшимъ юношей, наружности очень аристократической, но богатой всѣми признаками тряпичности, безсилія и вырожденія.

Digitized by Google

Когда Юрій Андреевичъ усѣлся на своемъ мѣстѣ, эти господа уже бесѣдовали между собою.

— Какая женщина!—восклицалъ аристократическій юноша, доставая себѣ изъ очень изящнаго портсигара папиросу своей необычайно бѣлой, худой и полупрозрачной рукою съ длинными, тонкими пальцами.—За такую женщину, за мгновенія ея любви, жизни не жаль. Задохнуться въ восторгѣ, какой бы ни было цѣною...

— Не знаю, что вы въ ней находите,—возразилъ князь.—Чѣмъ она такъ обольстительна?

— Помилуйте, красота, блескъ, остроуміе, изящество и что-то дразнящее, подмывающее—все въ ней!

— Оболочка мыльнаго пузыря тоже блеститъ радужными красками, и все-таки онъ—ничтожество.

— Позвольте! Ничтожество не въ силахъ, подобно ей, увлечь блазированную петербургскую публику чудесами таланта.

— Да, дарованіе у нея есть. Но въ томъ-то и дѣло, что изо всего она творитъ только забаву для себя или игрушку.

— Тѣмъ упоительнѣе разбудить ее, добиться любви...

— Любви? Развѣ такія любятъ? Она—мертвецъ.

— Какъ мертвецъ?!

— Неужто вы не замѣчаете, что въ этой женщинѣ вся крошечная ея душонка ушла на самообожаніе. Она любитъ только себя, свою позу, свои фантазіи (въ сущности, препошлыя), свою красоту, свои претензіи. Словомъ, для нея на свѣтѣ дорога и мила только ея собственная особа. Но такъ какъ этой особѣ въ дѣйствительности цѣна одинъ мѣдный грошъ, то и не мудрено, что она скучаетъ непомѣрно и выкидываетъ всевозможные фокусы—для развлеченія. Флиртовать или даже „падать“, если у нея имѣется темпераментъ, она можетъ; но любить—куда ей! Кукла.

— Однако, почему вы такъ думаете?

— Не думаю, а вижу. Наконецъ, ея исторія съ мужемъ—развѣ не свидѣтельство, достаточно вѣское? Года не умѣла прожить съ нимъ, и—„Ахъ, я ошиблась въ немъ! Ахъ, душа его не созвучна моей!“ Тьфу! И вѣдь какая наглость-то безсердечная! „Не созвученъ“, изволите видѣть, такъ давай ей разводъ, а вину бери на себя!

— Но вѣдь всѣ порядочные люди такъ дѣлаютъ.

„Неужто они говорятъ про Зою?—подумалъ Юрій Андреевичъ, жадно прислушиваясь къ бесѣдѣ.—Должно быть“.

— Ну, а я бы ни за что не согласился! — воскликнулъ

Digitized by Google

князь.—Съ какой стати? По моему, даже безнравственно способствовать тому, чтобы такимъ ядовитымъ грибомъ могъ подавиться еще кто-нибудь. Довольно одной жертвы. Быть супругомъ Антонины Александровны... брр! Покорно благодарю!

„Нѣтъ, они еще про кого-то,—сказалъ себѣ Юрій Андреевичъ.—И съ какой стати мнѣ вообразилась Зоя? Случайное совпаденіе. Талантъ, дѣло о разводѣ съ мужемъ“...

— Vous êtes trop sévère, mon prince. Право же, большинство нашихъ женъ не лучше Антонины Александровны, только безъ ея красоты, ума и талантовъ. Женитьба все равно глупость, на комъ бы то ни было. Это—настоящая безвыигрышная лотерея.

— Однако, есть же счастливыя семьи.

— Не знаю. Слыхать объ этомъ я слыхалъ; но видѣть не случалось. А вы видѣли?

Поѣздъ подходилъ къ Любани.

— Nous y sommes!—сказалъ князь М.

— Да. Будемъ выходить.

„Ядовитый грибъ!—думалъ про себя Юрій Андреевичъ.—Мнѣ нравится это выраженіе; въ немъ есть что-то похожее на правду. Въ самомъ дѣлѣ, какъ станешь присматриваться, то вѣдь многіе красивые грибы ядовиты... Не заснуть ли?“

III.

На слѣдующій день, въ три часа по полудни, Юрій Андреевичъ очутился въ губернскомъ городѣ, гдѣ ему приходилось пересѣсть на другой поѣздъ и затѣмъ проѣхать еще двѣ станціи до мѣста назначенія.

Свободнаго времени оказывалось много: одинъ часъ двадцать минутъ; и нашъ путникъ рѣшился пообѣдать, хотя было слишкомъ рано по его столичнымъ привычкамъ. Онъ сообразилъ, что въ деревнѣ, пожалуй, потомъ ничего не достанешь.

Присѣвши къ концу одного изъ длинныхъ столовъ вокзальнаго ресторана, уставленныхъ приборами, бутылками и нѣсколькими вазонами искусственныхъ растеній, онъ принялся за поданный ему „малороссійскій борщъ“ и по неволѣ прислушивался къ тихой бесѣдѣ лицъ, помѣстившихся у него за спиною въ очень близкомъ разстояніи, на одной изъ скамеекъ, разставленныхъ вдоль стѣны.

Скоро бесѣда эта настолько заинтересовала Юрія Андреевича, что, подъ предлогомъ надобности въ оффиціантѣ, онъ огля-

Digitized by Google

нулся на говорящихъ и окинулъ ихъ быстрымъ, но очень внимательнымъ взглядомъ. Говорили между собою какой-то сухонькій старичокъ, одѣтый въ очень-очень старомодный и потертый сюртучишко грубаго сукна, дѣвушка самой будничной наружности, въ неловко сшитомъ, очевидно домодѣльномъ ситцевомъ платьицѣ, въ дешевой соломенной шляпкѣ и въ заношенной, жалкой, смѣшной накидочкѣ, да двое подростковъ въ формѣ учениковъ реальной гимназіи. Лица у всѣхъ были серьезныя, почти озабоченныя; а отъ бесѣды ихъ повѣяло на Юрія Андреевича чѣмъ-то совершенно новымъ и непривычнымъ.

— Такъ я вамъ недѣльки черезъ двѣ еще двадцать пять рублей пришлю,—говорилъ старичокъ.—Двѣнадцать съ полтиной отдайте Амаліи Карловнѣ за квартиру и столъ. Значитъ, по 20-ое совсѣмъ будемъ въ разсчетѣ. Четыре рубля сорокъ копѣекъ отнесете въ лавку къ Сотникову, я тамъ долженъ остался; да ты, Вася, росписку возьми. Коля пусть сапоги себѣ закажетъ у Коняева,—это пять рублей. А остальное вамъ на билеты домой, ну, и еще, можетъ быть, кое-какой мелкій расходъ понадобится. Какъ разъ на все хватитъ.

— Папа, присылайте только двадцать рублей. Довольно!—рѣшительнымъ тономъ заявилъ одинъ изъ реалистовъ.—Я лѣтомъ еще и такъ пробѣгаю, сапоги терпятъ. У Мани, вонъ, обувь хуже моей разбилась. Ужъ коли кому шить, такъ ей нужнѣе.

— Какія глупости, Коля!—строго вступилась дѣвушка.—Папа лучше тебя знаетъ, кому нужно. Не дури!

— Папа тутъ ни при чемъ; это опять твои выдумки, я знаю. А у самой такіе башмаки, что даже въ церковь надѣть нечего. Небось, вонъ, прячешь ноги-то подъ платье, потому что стыдно показывать. Папа, закажите ей насильно!

— Коля, не разсуждай, пожалуйста, о чемъ тебя не просятъ. Что-жъ, ты хочешь опять по прошлогоднему, промочивши ноги, заболѣть и слечь? Папѣ, милый, не по карману безъ тебя въ самое рабочее время обходиться да еще лекарства покупать.

— При чемъ тутъ ноги? Сотни разъ я ихъ промачивалъ и не болѣлъ. Вздоръ это.

— Ну, не ссорьтесь!—рѣшилъ старичокъ.—Семеновъ обѣщалъ на дняхъ за картофель заплатить. Вотъ изъ этихъ семи рублей и Манѣ ботинки купимъ.

— Она опять уговоритъ васъ на что-нибудь другое эти деньги употребить. Знаю я ея штуки! Дайте слово.

— Папа!—торопливо вступилась дѣвушка.—Не позволяйте Колѣ мѣшаться въ хозяйство. Что онъ отсюда видитъ?

Digitized by Google

— Хозяйство!—вдругъ заговорилъ другой реалистъ.—Вотъ ты, Маня, всегда такъ. Тебѣ, видишь ли, угодно обшивать насъ. И мнѣ, Богъ знаетъ зачѣмъ, новую блузу сдѣлали. А ты того не подумаешь, что вѣдь и намъ съ Колей горько смотрѣть, какъ ты безъ приличной обуви ходишь. Пропади она, эта блуза, да и вся гимназія, если тебѣ съ папой изъ-за насъ мыкаться. Мы съумѣемъ прожить безъ аттестатовъ, пока руки и головы есть. Я тебѣ рѣшительно говорю: если все намъ да намъ, такъ я брошу учиться. Чортъ съ нимъ, съ такимъ ученьемъ, вотъ что!

— Не смѣешь ты бросить, если папа не позволитъ, и даже говорить такъ не смѣешь!—возразила дѣвушка, однако видимо присмирѣвши.—Что тебѣ, Вася, въ голову приходитъ? Какъ вамъ обоимъ не стыдно! Что я вамъ сдѣлала? Въ деревнѣ я, какъ хочу, одѣваюсь; а вѣдь вы въ городѣ живете,—васъ товарищи осудятъ.

— Миръ, миръ, дѣтки!—авторитетно заявилъ старикъ.—Больше ни слова. Я васъ теперь выслушалъ, и самъ рѣшу дѣло.

Послѣ этого разговоръ, ведомый все такъ же въ полголоса, но вполнѣ внятный для Юрія Андреевича, свернулъ на другія темы. Бесѣдовали о хозяйственныхъ мелочахъ, совершенно невообразимыхъ для столичнаго обывателя, способнаго вращаться „въ обществѣ“. Подсчитывались какіе-то мѣшки или мѣшочки съ крупою, какіе-то фунты коровьяго масла; передавались извѣстія о рябой телкѣ, о какомъ-то дѣдушкѣ-Карпѣ, которому пришлось изъ двадцати колодокъ пчелъ подкормить цѣлыхъ девять, о дядѣ-Сидорѣ, „взодравшемъ“ лужокъ подъ Нечай-Корытомъ...

„По каковски они заговорили?—спрашивалъ себя Юрій Андреевичъ.—Что значитъ подкормить колодку? и какъ это взодрать лужокъ? высѣчь его, что-ли? Но вѣдь лужокъ, это очевидно—лугъ, земля, на которой сѣно косятъ; зачѣмъ же его сѣчь? Пойми тутъ!“

Вдругъ Маня сдѣлала братьямъ совершенно неожиданный вопросъ, не вяжущійся со всѣмъ прочимъ.

— Ахъ, Вася, Коля, пришлось вамъ прочитать Тютчева, новое изданіе, которое только-что вышло?

— Нѣтъ. А что?

— Господи, какая прелесть! Мнѣ, разумѣется, Почаевъ давалъ. Еслибъ вы знали, какія тамъ есть вещи; духъ захватываетъ! Вотъ это былъ поэтъ, настоящій. Пріѣдете, я опять выпрошу у Почаева.

— Тютчева трудно достать, замѣтилъ Вася.—Но я знаю,

Digitized by Google

что онъ считается въ одномъ ряду съ такими поэтами, какъ Майковъ, либо Полонскій,—словомъ, въ числѣ самыхъ первыхъ.

— Майковъ? Полонскій? Куда тамъ!—восторженно, хотя все-таки въ полголоса, воскликнула дѣвушка.—У Тютчева нѣтъ ни одной, буквально—ни одной лишней, незначительной строчки. Это Богъ знаетъ какъ высоко! И притомъ мысли, чувства—неисчерпаемо. Понимаете ли, даже въ какомъ-нибудь описаніи природы мысли брызжутъ цѣлыми потоками. Напримѣръ, осень, послѣдняя строфа:

„Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья".

А? Ну, развѣ это не геніально?

„Вотъ тебѣ и разъ! Какъ увлеклась дѣвушка! Благодарю, не ожидалъ!—удивился про себя Юрій Андреевичъ.—Не угодно ли! А Зоя Викторовна, читающая всѣхъ и вся, еще недавно смѣшала Ѳ. Тютчева съ Ѳ. Соллогубомъ. Да, по правдѣ сказать, и я его что-то плохо помню. Въ самомъ дѣлѣ, почему его сочиненія какъ-то не попадаются на глаза?"

Въ залѣ у выходной двери появился желѣзнодорожный сторожъ и громко, съ растяжкою, провозгласилъ:

— На-а В..., Д..., Р... пер-рвый звонокъ!

— Что-жъ, пойдемъ садиться?—спросилъ старичокъ.

— Пойдемъ, папа!—засуетилась дѣвушка.—Вася, неси ты корзину, а я возьму узлы. Коля, помоги папѣ.

— Давай, давай еще одинъ узелъ мнѣ!

— Я самъ...

— Давай, говорятъ тебѣ!

Юрій Андреевичъ въ это время уже покончилъ свой обѣдъ и расплатился. Ему нужно было ѣхать тоже на В., и потому онъ послѣдовалъ за своими недавними сосѣдями по мѣсту. Кстати ему хотѣлось получше разсмотрѣть ихъ.

Идти до поѣзда приходилось довольно далеко, длинною и крытою платформой. Слѣдя за движущейся впереди семьей, Юрій Андреевичъ посмотрѣлъ на довольно жалкую фигуру старичка, высохшаго, сутулаго, на которой старомодный сюртукъ висѣлъ какъ-то особенно уныло и нескладно; но большее вниманіе посвятилъ онъ „Манѣ". Дѣвушка оказывалась средняго роста и, можетъ быть, достаточно стройной. Но плохо скроенное и очевидно не разъ мытое платьишко, невозможная шляпка и смѣш-

Digitized by Google

ная накидка совершенно ее уродовали. Любая горничная въ Петербургѣ одѣвается наряднѣе и изящнѣе.

Юрій Андреевичъ опять вспомнилъ блестящую Зою Викторовну и не могъ не улыбнуться.

„Какая между ними бездна! — сказалъ онъ себѣ. — Люди одного возраста, можетъ быть, даже одного сословія, но до чего различные! Вѣдь вотъ эта бѣдная, смѣшная, неуклюжая и некрасивая дѣвушка туда же читаетъ поэтовъ, восхищается, понимаетъ. Значитъ, есть въ ней и мысль, и чувство. А зачѣмъ? Что ей можетъ предстоять въ жизни? Не встрѣтитъ же она, такая, любви, счастья, даже хотя бы короткой вспышки простого увлеченія страстью. Невѣроятно. Кто на нее польстится? А вѣдь жить-то и ей, конечно, хочется“...

Но Юрію Андреевичу пришло въ голову новое соображеніе.

„Почему я, однако, это знаю! — вдругъ усомнился онъ.— Вѣдь вотъ, напримѣръ, была же у нея мать, которая нашла себѣ „судьбу“ съ этимъ старичкомъ. Судя по крѣпости связей въ семьѣ, въ ней очевидно были миръ да любовь. Не даромъ говорится: chaque villain trouve sa villaine... Да. Кто ее знаетъ, можетъ быть, и эта Маня найдетъ по себѣ какого-нибудь Ваню. Ничего я въ ихъ жизни не понимаю. Опять тутъ что-нибудь въ родѣ лужка, который слѣдуетъ между прочимъ высѣчь. Любопытный мірокъ, право, пока Мѣняевъ не перекультивируетъ его по-своему“.

IV.

Черезъ два часа Юрій Андреевичъ кончилъ свое путешествіе по желѣзной дорогѣ и вышелъ изъ вагона на небольшой станціи Х. Но ему еще предстояло проѣхать десятокъ верстъ на лошадяхъ.

Станція Х. вся цѣликомъ занимаетъ крошечное мѣсто среди голаго пустыря и очень немноголюдна. Разыскивать въ ней что-либо или кого-либо подолгу не приходится; Юрій Андреевичъ въ двѣ минуты убѣдился, что лошадей за нимъ не прислано, хотя онъ о томъ распорядился по телеграфу. Телеграмма его оказывалась неотосланной по назначенію и мирно была выставлена за стекломъ въ ящикѣ, повѣшенномъ на стѣнѣ станціи.

Юрій Андреевичъ въ своемъ затрудненіи обратился къ начальнику, серьезному и приличному на видъ господину среднихъ лѣтъ въ обычной желѣзнодорожной формѣ.

Digitized by Google

— Не знаю, какъ быть,—задумчиво отвѣтилъ онъ на его запросъ.—Кое-когда у насъ выѣзжаютъ къ поѣздамъ извозчики-крестьяне; но нынѣче ихъ, кажется, нѣтъ... Впрочемъ, позвольте! Вы вѣдь сказали—въ Хлуденево? Можетъ быть, устроимъ. Не довезетъ ли васъ Провальный? Сейчасъ!

И начальникъ быстро вышелъ на заднее крыльцо станціи, а Юрій Андреевичъ за нимъ.

— Иванъ Алексѣевичъ! погодите-ка! — кликнулъ начальникъ.—Вотъ господинъ тоже ѣдетъ въ Хлуденево. Неподвезете ли вы его?

— Отчего же не подвезти? Мѣсто найдется.

Юрій Андреевичъ, выйдя изъ-за спины начальника, увидѣлъ крайне невзрачный, но довольно помѣстительный тарантасъ, запряженный парою сытыхъ крестьянскихъ лошадокъ, а возлѣ него копошились, укладывая узелки, корзину и мелкія вещи, знакомый по вокзалу губернскаго города старичокъ и дѣвушка въ смѣшной накидкѣ.

Юрій Андреевичъ вѣжливо поклонился, выражая свою благодарность.

— Гдѣ же ваши вещи?—спросилъ старичокъ, отвѣчая на поклонъ.

— Я за ними послѣ пришлю, чтобы не стѣснить васъ.

— Развѣ много?

— Два чемодана.

— Ну, это помѣстить можно. Одинъ—кучеру подъ ноги, а другой—рядомъ на козлы. Давайте ихъ! А ты, Маня,—обратился онъ къ дѣвушкѣ,—приладь себѣ для сидѣнья вотъ этотъ большой узелъ, вотъ такъ, къ кучеру сядешь спиною, а ногами упрешься впередъ, въ сидѣнье. Тутъ недалеко, доѣдемъ. Пожалуйте!—пригласилъ старикъ Юрія Андреевича, показывая ему рукою на почетное мѣсто.

— Помилуйте!—сконфузился онъ.—Какъ же... mademoiselle (чортъ знаетъ, какъ и называть ее?)... Позвольте, лучше я сяду на узелъ.

— Нѣтъ, пожалуйста!—возразила дѣвушка вѣжливо и спокойно.—Это мое мѣсто. Я привыкла на телѣжномъ облучкѣ ѣздить. Впрочемъ...

Она вдругъ поднялась въ тарантасъ и сѣла на большой узелъ, подготовленный ея отцомъ.

— Вотъ и спорить больше не о чемъ.

— Но мнѣ совѣстно...

Digitized by Google

— Благо вамъ, если совѣсть вашу только подобные грѣхи тревожатъ,—усмѣхнулась дѣвушка.

Тарантасъ тронулся въ путь.

Теперь, сидя прямо напротивъ дѣвушки и въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, Юрій Андреевичъ, конечно, могъ разсмотрѣть ее внимательно, но невыгодное впечатлѣніе, производимое на него ея наружностью, только усилилось. Лицо загорѣлое, обвѣтренное и самое, самое будничное. Пожалуй, нельзя отказать ему въ нѣкоторой миловидности... Еслибы оно улыбалось, блестѣло ласковымъ либо лукавымъ взглядомъ, горѣло одушевленіемъ и т. п.—можетъ быть, оно могло бы даже приглянуться. Какая дѣвушка восемнадцати-двадцати лѣтъ совершенно лишена привлекательности? Но это выраженіе, серьезное, безучастное и вмѣстѣ самоувѣренно-дѣловитое, эти руки, красныя, загрубѣлыя и съ траурными ногтями, эта фигура въ неуклюжемъ туалетѣ домодѣльнаго производства... „Ни дать, ни взять плохая петербургская горничная,—рѣшилъ Юрій Андреевичъ.—Метелку или половую щетку ей въ руки, и готово. Да вѣдь она, конечно, что-нибудь въ этомъ родѣ и представляетъ своей особою. Братья—реалисты, но это ничего не доказываетъ. Мало ли кто нынче учится даже изъ крестьянъ? Отецъ ея, вѣрно, изъ бывшихъ дворовыхъ; можетъ быть, приказчикъ, конторщикъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Вѣроятно, слѣдуетъ просто заплатить имъ за провозъ. Не даромъ же она поспѣшила очистить мнѣ мѣсто".

Успокоившись на этой мысли, Юрій Андреевичъ, послѣ долгаго общаго молчанія, рѣшилъ кое-о-чемъ разспросить старика.

— Вы знаете Хлуденево?—началъ онъ бесѣду.

— Я тамъ живу.

— А! Не въ экономіи ли покойной Табунцевой?

— Нѣтъ, на другомъ концѣ села.

— А вы знали Наталью Николаевну?

— Деревня не городъ; у насъ всѣ другъ друга знаютъ.

— Скажите, кто теперь, послѣ ея смерти, завѣдуетъ покуда ея имѣніемъ?

— Бывшая ея экономка, Настасья Ѳедоровна, старушка изъ крѣпостныхъ, да староста, мужичокъ одинъ мѣстный, изъ хлуденевскихъ же.

— Не плутъ?

— Сколько я знаю, человѣкъ хорошій. Да вѣдь у Настасьи Ѳедоровны никто не поживится.

— Что-жъ такъ? Скупа?

— Нѣтъ, а старуха умная, знающая, и за господское добро

Digitized by Google

готова горло перегрызть. Прежняго вѣка старуха. Ждетъ теперь не дождется наслѣдника Табунцевой.

— Постой, Семенъ!—вдругъ воскликнула дѣвушка, обернувшись къ кучеру—простому работнику въ сермягѣ.

Лошади, небойко бѣжавшія трусцой, тотчасъ остановились, а дѣвушка выскочила изъ тарантаса, подняла что-то съ пыльной дороги и вернулась на свое мѣсто.

— Подкова?—спросилъ старикъ.

— Да, потерялъ кто-то. И хорошая подкова, новая,—отвѣтила она, разглядывая свою находку.

— Какъ вы ее замѣтили въ пыли?—удивился Юрій Андреевичъ.—И зачѣмъ она вамъ понадобилась?

— Подкова-то? Она вѣдь копѣекъ двѣнадцать стоитъ, и въ хозяйствѣ всегда пригодится. Да еще нужно будетъ узнать, не изъ нашихъ ли, изъ хлуденевскихъ, кто потерялъ.

— А это зачѣмъ?

— Вернуть, если хозяинъ найдется.

„Вотъ бѣднота! — подумалъ Юрій Андреевичъ. — Для нихъ даже двѣнадцать копѣекъ—деньги. Нужно будетъ заплатить старику получше“.

Остальную дорогу проѣхали почти молча.

Скоро показалось село, съ хорошей каменной церковью и довольно большой господской усадьбой на самомъ въѣздѣ.

— Это и есть Хлуденево,—замѣтилъ старикъ.

— Да? Я бывалъ здѣсь, но давно, въ дѣтствѣ.

— Что-жъ, перемѣнъ почти не найдете... Только что побѣднѣли очень крестьяне.

— Почему?

— Всѣ кругомъ бѣднѣютъ, изъ года въ годъ. Видно ужъ на то воля Божья. Земля устала кормить насъ.

— Еще Хлуденево-то позажиточнѣе другихъ селъ!—вдругъ отозвалась дѣвушка.—Гораздо позажиточнѣе.

— Надѣлы больше?

— Нѣтъ; а покойная Табунцева—помяни Господь ея душу!—была хозяйка хотя строгая, но справедливая, и работы крестьянамъ давала въ волю; даже помогала инымъ, кто побѣднѣе, если, разумѣется, стоило помочь.

— Значитъ, добрая была?

— Пятьдесятъ лѣтъ вѣдь она прожила въ Хлуденевѣ; кто же ей здѣсь чужой-то былъ?

Въѣхали въ околицу.

— Васъ куда подвезти?—спросилъ старикъ.

Digitized by Google

— Въ усадьбу Табунцевой.

— Слышишь, Семенъ? Къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ вези!—распорядился старикъ.

— Ладно,—отозвался сермяжный кучеръ и повернулъ направо, въ длинную липовую аллею.

Тарантасъ скоро остановился передъ крыльцомъ исправнаго барскаго дома на каменномъ фундаментѣ.

Юрій Андреевичъ вылѣзъ и составилъ на земь одинъ изъ своихъ чемодановъ. Другой, достаточно объемистый и тяжелый, предупредительно сняла съ козелъ дѣвушка своими сильными руками, повидимому, безъ малѣйшаго напряженія.

— Ну-съ, теперь позвольте мнѣ поблагодарить васъ,—сказалъ Юрій Андреевичъ, вынимая изъ портмонэ трехрублевку и протягивая ее старику.

— Вы хотите заплатить?—какъ бы нѣсколько удивился послѣдній, не принимая бумажки.—Хорошо. Только трехъ рублей много. Дайте семьдесятъ-пять копѣекъ; здѣсь всегда такъ возятъ.

— Возьмите!—настаивалъ Юрій Андреевичъ.—Вы меня вывели изъ непріятнаго положенія, и я очень радъ...

— Нѣтъ!—холодно перебилъ его старикъ.—Больше, чѣмъ слѣдуетъ, я не возьму. Если у васъ нѣтъ мелочи — сочтемся послѣ, пришлете. Настасья Ѳедоровна знаетъ, гдѣ я живу.

— Нѣтъ, мелочь есть.

Юрій Андреевичъ отдалъ деньги; старикъ сунулъ ихъ въ карманъ, затѣмъ молча поклонился и крикнулъ Семену:

— Ну, вези домой!

Еще не успѣлъ тарантасъ скрыться за воротами, какъ на крыльцѣ появилась худая, довольно пожилая женщина—лѣтъ пятидесяти на видъ—въ глубокомъ траурѣ.

— Кто вы будете, сударь?—спросила она Юрія Андреевича, пристально въ него всматриваясь.

— Юрій Хлуденевъ.

— Ну, слава Богу! Пожалуйте, пожалуйте, батюшка!

— А я васъ сейчасъ узналъ, Настасья Ѳедоровна,—вы нисколько не измѣнились, точно вчера я васъ видѣлъ.

— Гдѣ ужъ тамъ не измѣнилась! За двадцать-то лѣтъ!

— Ей Богу, все такая же. Вамъ больше пятидесяти никто не дастъ, увѣряю васъ.

— Семьдесятъ-одинъ мнѣ, баринъ-голубчикъ.—Мы вѣдь съ покойницей Натальей Николаевной однолѣтки были.

— Знаю. Оттого-то и дивлюсь.

Digitized by Google

V.

Солнце уже садилось, день близился къ концу, и суточное путешествіе порядочно утомило непривычнаго къ дорогамъ Юрія Андреевича. Поэтому онъ сразу запросилъ себѣ чаю и постели, чувствуя тяжесть въ головѣ послѣ безсонной почти ночи въ вагонѣ. Всякіе дѣловые разговоры съ Настасьей Ѳедоровной отложены были до слѣдующаго дня. Онъ разспросилъ ее только о подробностяхъ внезапной смерти своей тетки Табунцевой.

Зато на слѣдующій день, едва успѣлъ Хлуденевъ выпить утренній стаканъ чаю съ какими-то очень вкусными, свѣже-испеченными крендельками домашняго приготовленія, какъ Настасья Ѳедоровна уже освѣдомилась, съ чего угодно будетъ „барину“ начать пріемъ имущества: съ поля, амбаровъ, сараевъ и скотнаго двора или съ „господскаго“ дома и всей его утвари.

— Въ поле, въ лѣсъ, въ сараи и на скотный дворъ я, разумѣется, загляну сегодня, насколько меня хватитъ,— весело отвѣтилъ Юрій Андреевичъ. — Но „принимать“ отъ васъ никакого имущества не стану. Зачѣмъ это? Какъ вы правили здѣсь всѣмъ при тетушкѣ, такъ и теперь будете править; а я подъ вашимъ руководствомъ немного попривыкну и подучусь хозяйничать.

Настасья Ѳедоровна степенно и низко поклонилась.

— На добромъ словѣ покорно васъ благодарю, батюшка; но только ужъ вы меня, старуху, увольте...

— Какая вы старуха! Вы крѣпче меня, Настасья Ѳедоровна! —воскликнулъ Хлуденевъ, перебивая.

— Это воля Божія, сударь. Силы и здоровья у меня дѣйствительно еще достанетъ. Но ужъ теперь у меня одно только дѣло на умѣ. Я и то стосковалась, васъ поджидая, батюшка, покуда вся эта судейская волокита кончилась. Еслибы не воля покойной барыни, не приказъ ея передать вамъ все въ сохранности—я бы, кажется, и не выдержала. Легко ли! Цѣлые полгода!

— Вы что же надумали, Настасья Ѳедоровна?

— Въ монастырь пойду, батюшка, Юрій Андреевичъ. Какъ была я всю жизнь крѣпостной рабою вашей покойной тетушки, такъ ужъ теперь не къ чему мѣняться. Въ монастырѣ я все-таки ближе буду къ ейной душѣ. Можетъ, иной разъ и помолимся вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ?!

Digitized by Google

— А то какъ же! Ваша покойная тетушка не такой была души человѣкъ, чтобы и на томъ свѣтѣ свою старую слугу вовсе забыть.

— И какая вы ей слуга, да и еще крѣпостная! Она васъ чуть-ли не сестрой считала. Да и крѣпостныхъ уже сорокъ лѣтъ на свѣтѣ нѣтъ. Всѣ по закону свободны.

— Кому это понадобилось, тотъ и освобождайся. А меня противъ моего согласія никто освободить не могъ!—съ яркой вспышкой возразила старуха.—Какъ я весь вѣкъ была крѣпостной рабою Натальи Николаевны, такъ и умру съ тѣмъ. Никто меня не видѣлъ, чтобы я осмѣлилась когда-нибудь передъ моей барыней хотя бы на одно вольное слово, а не то что что-нибудь. А что вы изволили сказать: „за сестру почитала“ — это была ихъ воля; и какъ между нами было, когда мы въ ихней спальнѣ, запершись, вдвоемъ оставались—тому судья и свидѣтель... одинъ... Господь Богъ, Царь небесный!

Старуха не смогла удержать слезы и торопливо приложила къ глазамъ аккуратно сложенный носовой платокъ.

Юрій Андреевичъ понялъ, что всякія дальнѣйшія просьбы или уговоры съ его стороны окажутся безсильными, и это его непріятно поразило.

— На кого же вы меня бросаете?—сказалъ онъ жалобно.—Что я буду одинъ дѣлать, ничего не понимая и не зная? Хоть продавай все и бѣги скорѣе. Да и то надуютъ.

— Продавать!? Что вы, батюшка? Хлуденево-то, старинное ваше родовое гнѣздо? Даже и шутить такъ не годится. А послѣ-то что? Умирать какъ будете? Чѣмъ васъ родители и всѣ предки ваши встрѣтятъ?

Юрій Андреевичъ даже смутился.

„Удивительное дѣло! — подумалъ онъ. — Вотъ тебѣ и деревенская старуха, да еще изъ простыхъ! Точно изъ цѣльнаго камня высѣчена. Эта ужъ не задумается, какъ ей поступить, чему вѣрить, гдѣ добро и гдѣ зло... Пойди-ка, найди между нашимъ братомъ нѣчто подобное. Либо равнодушіе, либо сомнѣніе, либо истеричное самовнушеніе, и всегда—слякоть“.

— Какъ же мнѣ быть, Настасья Ѳедоровна?—спросилъ онъ вслухъ.—Какъ дѣло вести? У кого поучиться?

— Э, батюшка! Не вы первый, не вы послѣдній. Захотите —научитесь. Медвѣди, и тѣ пляшутъ. Да еще вы, пожалуй, смѣетесь надо мной. Всякимъ премудростямъ, пойди, въ столицѣ научились, все произошли; а теперь вдругъ вамъ старая баба въ совѣтницы понадобилась. Нѣвидаль!

Digitized by Google

— Премудростей я произошелъ дѣйствительно много, Настасья Ѳедоровна; но умнѣе отъ этого что-то не сдѣлался... особенно по части хозяйства. У васъ вѣдь староста есть, помощникъ вашъ, изъ мѣстныхъ крестьянъ?

— Да; Павелъ Ильичъ.

— Можно ему вѣрить?

— Что-жъ, не дурной мужикъ. Сварливъ только съ рабочими, гордится, лишняго слова ему не скажи.

— А это даже не худо.

— Ну, что ужъ хорошаго! Одна пустота. Который если настоящій стоющій человѣкъ—ему нечего на цыпочки становиться: онъ и такъ виденъ. Всѣ—люди, всѣ—дѣти Христовы, въ одной купели крещены, въ одну землю схоронятся.

— Какая жъ въ такомъ случаѣ разница между господами и крѣпостными, Настасья Ѳедоровна?

— Божье произволенье, сударь! Царь, человѣкъ, кого-нибудь начальствомъ поставитъ, и то мы покоряемся. А тутъ — Божій выборъ. Богъ знаетъ, кому гдѣ мѣсто. Плохъ рабъ, которому завидно въ господа выскочить; да плохъ и господинъ, который между собою и холопомъ разницы не видитъ. Обоимъ отвѣчать придется. Вѣдь и вы не похвалите вашихъ слугъ, если казачокъ самовольно за дворецкаго станетъ, а дворецкій въ казачки обернется. Такъ то вы, а то—Творецъ небесный. И вдругъ противъ Его воли! Подумайте-ка!

Пока Юрій Андреевичъ въ легкой рессорной телѣжкѣ объѣхалъ съ Настасьей Ѳедоровной межи своихъ новыхъ владѣній и заглянулъ въ холеный, береженый вѣковой лѣсъ—время приблизилось къ тремъ часамъ по полудни. По-петербургски это былъ еще ранній часъ; но моціонъ и деревенскій воздухъ заставили Хлуденева проголодаться до такой степени, что онъ запросилъ пощады и направился домой, не осмотрѣвъ Дальняго Хутора, который составлялъ отдѣльный и черезполосный кусокъ его владѣній.

Возвращаться на село приходилось съ его другого конца, и Юрій Андреевичъ возлѣ самой околицы примѣтилъ въ широко размытомъ оврагѣ крошечную усадебку съ небольшимъ старымъ садомъ, тщательно воздѣланнымъ огородомъ на берегу ручья, дѣлившаго оврагъ на двѣ половины, и съ домикомъ въ пять оконъ, который, несмотря на свою соломенную крышу, очевидно представлялъ собою не обычную крестьянскую постройку.

— А это что?—спросилъ Юрій Андреевичъ.

Digitized by Google

— Провальное. Здѣсь живетъ Иванъ Алексѣевичъ, который васъ вчера довезъ.

— Кто онъ такой?

— Помѣщикъ, баринъ. Только обѣднялъ очень, и давно ужъ. Дальній-то Хуторъ у него Наталья Николаевна купила. Тогда онъ здѣсь построился, на остальныхъ своихъ восьмидесяти десятинахъ. Больше тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ бѣднякомъ мается. Дочка его часто къ намъ бѣгала при покойницѣ; да и онъ, бывало, нѣтъ-нѣтъ, а тоже зайдетъ. Хорошій человѣкъ, твердый.

— Куда же онъ деньги провелъ за Хуторъ?

— Всѣ разомъ ухнули. Онъ и продалъ-то затѣмъ, чтобы за брата заплатить. „Не хочу, говоритъ, на его памяти пятно оставить“. А братъ его, слышно было, отъ отца своей невѣсты приданое получилъ за недѣлю до свадьбы, проигралъ все въ одну ночь въ карты, да и застрѣлился.

— Та-акъ... А своя семья уже была въ то время у Ивана Алексѣевича?

— Нѣтъ, онъ много позже женился, на сироткѣ и безприданницѣ, дочери священника, когда она по смерти отца осталась совсѣмъ одинокой.

— Красивая была?

— А вотъ, ни дать, ни взять, такая же, какъ ея дочка, съ которою вы ѣхали. Марья Ивановна совсѣмъ въ мать вышла.

„Однако я, кажется, глупость сдѣлалъ, предложивши этому Ивану Алексѣевичу деньги за провозъ,—подумалъ Хлуденевъ.— Впрочемъ, онъ принялъ; значитъ, ничего оскорбительнаго въ этомъ не усмотрѣлъ... А все-таки я, на всякій случай, зайду къ нему поблагодарить за любезность. Притомъ же онъ—здѣшній старожилъ, хозяинъ, можетъ мнѣ иной разъ добрый совѣтъ подать. Ну, и сосѣдъ... Хотя не думаю, чтобы онъ либо его дочка были особенно интересны“.

VI.

Пообѣдавши, отдохнувъ и повалявшись на крытомъ балконѣ въ качалкѣ, съ книгою въ рукахъ, Юрій Андреевичъ подъ вечеръ прошелъ на скотный дворъ, а затѣмъ осмотрѣлъ амбары и сараи. Все было въ образцовомъ порядкѣ, котораго, къ сожалѣнію, новый владѣлецъ еще не умѣлъ достойно оцѣнить.

При этомъ случаѣ онъ познакомился впервые со старостою, Павелъ-Ильичемъ. Это былъ еще молодой крестьянинъ — лѣтъ

Digitized by Google

подъ тридцать — съ рябоватымъ, но довольно пріятнымъ лицомъ и жиденькой, словно выщипанной бородкою.

Онъ поклонился барину очень почтительно и сталъ передъ нимъ съ непокрытой головою, но надѣлъ шапку по первому же приглашенію.

— Сколько... ты получаешь жалованья?—спросилъ Юрій Андреевичъ, чтобы сказать что-нибудь своему новому слугѣ, при чемъ словечко „ты“ не гладко соскользнуло у него съ языка; но онъ считалъ его почему-то необходимымъ въ данномъ случаѣ.

— Семь съ полтиною.

— Ну, и... доволенъ? Согласенъ остаться у меня?

— Намъ гдѣ-нибудь все равно служить нужно. А между прочимъ, какъ вашей милости будетъ угодно.

— Что-же... Я очень радъ... Какъ при покойной тетушкѣ.

— Покойная барыня—царство ей небесное!—меня довольно хорошо понимали, что я не какой-нибудь бродяга-бездомовникъ, а именно умѣю распорядиться и съ работою, и насчетъ лошадей, если, примѣромъ, хотя бы въ плугъ или въ извозъ, и во всякомъ дѣлѣ. Даже Настасья Ѳедоровна вамъ скажетъ. А я себя ни передъ кѣмъ потерять не согласенъ, чтобы мнѣ, значитъ, въ глаза плюнули.

Юрій Андреевичъ совсѣмъ не зналъ, что̀ отвѣтить на подобную рѣчь, и хотѣлъ уже двинуться дальше, когда усмотрѣлъ, что передъ нимъ стоитъ безъ шапки и низко ему кланяется какой-то молодой крестьянинъ, еще безбородый, въ лаптяхъ, заплатанныхъ на колѣнѣ портканхъ и въ грубой холщевой рубахѣ-косоворткѣ далеко не первой свѣжести и опрятности.

— Что̀... ты?—спросилъ Юрій Андреевичъ.

— Къ вашей милости.

— Да ты кто такой?

— Мы, значитъ, здѣсь у вашей милости въ работникахъ.

— А! Такъ что̀ же угодно?

— Явите божескую милость, дозвольте о своемъ дѣлѣ спросить.

— Ну?

— Можетъ ли, значитъ, общество („обчесво̀“) продать нашу повозку съ кованными колесами, которыя гдѣ да нибудь, хоть сейчасъ помереть на этомъ мѣстѣ, пятнадцать рублей сто̀ютъ, а то и всѣ двадцать, и вдругъ за одну ведерку, за̀ пять за̀ сорокъ?! Есть ли на это такое полное право?

— Какъ за одну ведерку? И почему ты именно меня объ этомъ спрашиваешь?

Digitized by Google

— А какъ же! Какъ вы есть баринъ...

— Такъ что-же, что баринъ?

— А мы—люди темные. Нѣшто насъ училъ кто-сь? Откуда намъ знать?

— Про ведерку?

— Про всякій законъ. Вашей милости виднѣе.

„Ага! — сообразилъ Юрій Андреевичъ.— Тутъ какой-то судебный инцидентъ, споръ, да еще съ обществомъ".

— Разскажи пояснѣе, изъ-за чего у васъ дѣло стало, а то я не понимаю,—сказалъ онъ громко.

— Да изъ-за земли, извѣстно. Какъ, значитъ, вернулся въ деревню Исайка Коноваловъ—больше двадцати лѣтъ пропадалъ гдѣ-то— ну, и сейчасъ: „давай мнѣ надѣлъ!" А дѣйствительно, когда его старшій брательникъ померъ, надѣлъ ихній, значитъ, отошелъ къ намъ съ Касьяномъ Закурдаевымъ, съ нашимъ, значитъ, родителемъ поровну. Полдуши Касьяну, а полдуши намъ. Такъ. Ну, значитъ, родитель нашъ землю отдать пожалѣлъ, и сталъ кланяться міру на томъ, что я, молъ, — родитель нашъ, значитъ,—за ведеркой не постою, только бы міръ меня уважилъ. Хорошо. Порѣшили отрѣзать Исайкѣ на полдуши отъ Касьяна, да на полдуши отъ вдовы Мироновой, какъ она есть неплательщица. Родитель нашъ сейчасъ проситъ: „Погодите, молъ, старички почтенные, до базара; сведу пару овецъ и ублаготворю ведеркой; а сейчасъ, значитъ, взять не откуда". Такъ куда тебѣ, и слушать не стали, а прямо ввалились во дворъ, выволокли повозку самосудно, да тутъ же и продали ее нашему же таки богатѣю, Сидору Поцѣлуйчикову, за пять за сорокъ. Извольте думать, бушованныя колеса, задокъ набранный, ось новая—объ Рождествѣ перемѣнили — и вдругъ за пять за сорокъ. Прямая разобида.

— И по дѣломъ вамъ съ батькой!—вдругъ вступилась Настасья Ѳедоровна.—Нашли кого грабить! Вдову несчастную съ тремя дѣтьми малъ мала меньше!..

— Такъ нѣшто же это отъ насъ, Настасья Ѳедоровна? На то міръ. Міръ разсудилъ. Какъ она есть неплательщица...

— Разсудилъ! Неплательщица! Безстыжіе! Кнута на васъ нѣтъ. Откуда ей взять-то? Чѣмъ дѣтей накормить? Ты, что-ли, за нее работать взялся, толстомордый?

— Съ какой надобности? Мы къ ней въ батраки не нанимались. А замѣсто этого вдругъ бушованныя колеса...

Юрій Андреевичъ, наконецъ, проникъ въ смыслъ разсказанныхъ ему событій и—возмутился.

Digitized by Google

— Да что же у васъ тутъ дѣлается! — воскликнулъ онъ въ совершенномъ недоумѣніи. — Какъ можетъ общество самовольно у одного землю отбирать, другому отдавать? Чортъ знаетъ что! За это всѣмъ влетитъ. А главное, съ какой стати вы покоряетесь подобному безобразію? Земельные споры рѣшаются окружнымъ судомъ, а не фантазіями какого-то пьянствующаго міра.

Теперь удивились деревенскіе обыватели.

— Какъ же такъ, ваше высокородіе? У насъ завсегда міръ. Первое дѣло. И земскій сказываетъ: какъ, молъ, міръ рѣшитъ.

— Не можетъ быть такихъ законовъ! — хотѣлъ воскликнуть Юрій Андреевичъ, но — воздержался, вспомнивъ, что въ деревнѣ существуетъ какая-то община, которая дѣйствительно отличается особыми порядками. — „Обчесво“ — это они такъ говорятъ по невѣжеству, — сообразилъ онъ про себя. — „Обчесво“, вѣроятно, община. А въ общинѣ бываетъ какой-то передѣлъ земель, это я знаю. Собственно говоря, слѣдовало бы гдѣ-нибудь прочитать объ этомъ и выяснить себѣ подробно.

— Одного желѣза на три на двадцать пошло, — продолжалъ парень жаловаться на свою „разобиду“. — Да кузнецу дадено...

— Желѣза! Кузнецу! — опять вступилась Настасья Ѳедоровна. — А батька твой зачѣмъ вмѣстѣ съ міромъ повозку пропивалъ? Небось, вѣдь и самъ назюзился не хуже другихъ.

— Дозвольте слово сказать, Настасья Ѳедоровна. Какъ же было родителю нашему не выпить? Его же добро пропивали міромъ, да ему же и доли нѣтъ? онъ же и послѣдній? Это ужъ никакъ невозможно, сами разсудите.

— Какъ! — удивился Юрій Андреевичъ. — Значитъ, твой отецъ добровольно отдалъ повозку, а ты теперь жалуешься?

— Никогда не добровольно! — чрезвычайно оскорбился парень. — Ругался нашъ родитель — осипъ даже съ крика; ну, и толконулъ кое-кого. Да вѣдь что же одинъ противу всего міра подѣлаешь? А родительница наша такъ вцѣпилась старостиному брату, Митрошкѣ, въ бороду, что насилу растащили. Но никогда этой подлости не было, чтобы добровольно.

— А потомъ все-таки вмѣстѣ пили?

— Извѣстно, какъ ужъ ведерку-то принесли, то съ какой же надобности нашему родителю было свое упускать? Между прочимъ онъ носилъ Поцѣлуйчикову пять сороковъ за повозку, даже шесть давалъ; а тотъ говоритъ: „Не хочешь ли вотъ этого? На-ко, выкуси! Я, говоритъ, купилъ. Неси, говоритъ, красненькую да

Digitized by Google

двѣ рублевки,—тогда получай". Да. Вотъ теперь, какъ хочешь, такъ и загадывай. Двѣнадцать!

Всѣ помолчали.

— Такъ что же вы намъ присовѣтуете, баринъ?—льстиво-просительнымъ тономъ спросилъ работникъ, кланяясь.

— Жалуйся земскому начальнику. Онъ разберетъ...

„Вотъ нравы и понятія! — про себя возмущался Юрій Андреевичъ.—Разсказывать, такъ не повѣрятъ".

VII.

Хлуденевъ зналъ деревню только по тусклымъ и полустершимся воспоминаніямъ ранняго дѣтства, а о сельскомъ хозяйствѣ не имѣлъ вовсе никакого понятія. Но онъ былъ человѣкъ неглупый, серьезный и осмотрительный въ дѣловыхъ отношеніяхъ и даже отличавшійся довольно быстрой сообразительностью.

Рѣшеніе Настасьи Ѳедоровны уйти въ монастырь, которое онъ сначала принялъ за скоропреходящую фантазію и надѣялся устранить, увѣривъ старуху, что все останется по прежнему въ полномъ ея распоряженіи, но которое затѣмъ оказалось непоколебимымъ — было для Хлуденева весьма непріятной неожиданностью.

Онъ, правда, держался твердаго намѣренія прожить все лѣто въ деревнѣ — можетъ быть, и потому, что Зоя Викторовна до сентября тоже уѣзжала въ саратовскую губернію, къ своему бездѣтному дядюшкѣ. Но онъ разсчитывалъ, не вмѣшиваясь ни во что, попригляд̀ѣться къ хозяйству, поучиться частью по книгамъ, частью на живомъ дѣлѣ, ознакомиться съ людьми и условіями, съ которыми судьба или случай связали его теперь серьезно и надолго.

Хлуденевъ, повторяю, не былъ человѣкомъ ни легкомысленнымъ, ни равнодушнымъ, ни лишеннымъ нравственныхъ стремленій. До тридцати лѣтъ отъ роду онъ служилъ кое-какъ, безъ особенныхъ цѣлей или разсчетовъ, потому что еще не рѣшилъ, чѣмъ именно ему слѣдуетъ заняться окончательно, чему посвятить свою жизнь. Но онъ много читалъ и думалъ. Карьера чиновника, и только чиновника, хотя бы очень крупнаго, его не прельщала. Онъ не былъ равнодушенъ къ власти; но при непремѣнномъ условіи сознавать себя силою не только внѣшнею, но и нравственною, быть увѣреннымъ, что можешь не только распорядиться, но и сдѣлать, что занимаешь мѣсто въ первомъ

Digitized by Google

ряду не только по рангу, но и по дѣйствительной заслугѣ. Словомъ, это было хорошее, благородное честолюбіе человѣка, не лишеннаго Божьей искры.

Большое земельное наслѣдство, выпавшее на долю Хлуденева, вдругъ разрѣшило всѣ его сомнѣнія. Онъ почувствовалъ новую почву подъ ногами. Съ одной стороны онъ призналъ долгомъ чести и совѣсти сохранить старое родовое гнѣздо въ собственныхъ рукахъ, отнесясь къ нему любовно и вдумчиво; съ другой—онъ понялъ, что въ своемъ новомъ положеніи, если онъ окажется его достойнымъ, онъ въ правѣ разсчитывать на карьеру не просто преуспѣвающаго бюрократа, а настоящаго слуги государству и народу. Эта мысль настолько прельстила Хлуденева, что даже образъ Зои Викторовны отодвинулся для него на второй планъ.

— Люблю ли я,—спросилъ онъ себя очень серьезно,—настолько, чтобы безъ этой любви потерять всякій вкусъ къ жизни? Да и прилично ли человѣку любить такимъ всепоглощающимъ чувствомъ? Нѣтъ! Если я буду имѣть возможность пойти къ строгимъ задачамъ жизни рука объ руку съ Зоей, я буду очень счастливъ; но жертвовать для нея всѣмъ и ограничиться ролью воркующаго голубка до старости лѣтъ—я не намѣренъ и не способенъ.

Предначертавъ себѣ извѣстный образъ дѣйствій, Хлуденевъ былъ непріятно пораженъ упорнымъ рѣшеніемъ Настасьи Ѳедоровны, которое сразу стало камнемъ преткновенія на его пути. Хотя спокойно-разсчетливый по природѣ, но чуждый мелкой жадности, онъ опасался не тѣхъ потерь, которыя на первыхъ порахъ пришлось бы ему, еще беззащитному, понести отъ воровства и надувательства окружающихъ, но не хотѣлъ сразу поставить себя въ положеніе обманутаго человѣка, понимая, какъ трудно будетъ затѣмъ возстановить въ деревнѣ необходимое къ себѣ довѣріе и уваженіе. Хлуденевъ прежде всего обѣщалъ себѣ быть очень осторожнымъ и нескорымъ на рѣшенія, спрашивать и учиться, не стѣсняясь, не сдѣлать ни единаго новаго шага безъ твердой увѣренности въ его полномъ успѣхѣ и цѣлесообразности.

„Если Богъ мнѣ поможетъ, — рѣшалъ онъ, хмуря брови,— то ролью наивнаго дурачка я гг. деревенскихъ обывателей не позабавлю. Какъ-нибудь постараюсь воздержаться“.

Однако, всѣ такія намѣренія были хороши и исполнимы, покуда все въ хозяйствѣ могло оставаться по старому, подъ непосредственнымъ блюденіемъ безупречно-вѣрной и честной На-

Digitized by Google

стасьи Ѳедоровны. Легко понять поэтому, въ какое затрудненіе поставилъ Юрія Андреевича ея безповоротный отказъ оставаться въ Хлуденевѣ.

Въ первую минуту онъ даже растерялся и тревожился неразрѣшимыми на видъ сомнѣніями; но обычная сообразительность его скоро выручила. Онъ даже началъ надѣяться, что выйдетъ изъ своего „осаднаго положенія“ съ честью и распущенными знаменами.

Планъ его былъ очень простъ, но вмѣстѣ и достаточно остроуменъ въ данныхъ обстоятельствахъ.

Онъ вспомнилъ разсказъ той же Настасьи Ѳедоровны объ Иванѣ Алексѣевичѣ Провальномъ и причинахъ его обѣднѣнія, вспомнилъ, что этотъ человѣкъ живетъ здѣсь же, въ Хлуденевѣ, болѣе тридцати лѣтъ,— слѣдовательно, знаетъ всѣхъ и вся до тонкости; вспомнилъ, наконецъ, что по своимъ обстоятельствамъ этотъ бѣднякъ и отецъ семейства, конечно, будетъ радъ всякому честному заработку, и пришелъ къ логичному выводу, что именно Иванъ Алексѣевичъ Провальный способенъ явиться идеальнымъ управителемъ хлуденевскаго хозяйства, такимъ же безупречновѣрнымъ и честнымъ, какъ сама Настасья Ѳедоровна, причемъ и въ готовности его нѣтъ повода сомнѣваться.

„Я даже попрошу его,—рѣшилъ Юрій Андреевичъ,—чтобы на первое время все шло именно по прежнему, безъ всякихъ перемѣнъ, но чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ мнѣ мало-по-малу выяснилъ, какія, по его мнѣнію, можно сдѣлать улучшенія въ хозяйствѣ. Однако, торопиться нечего. Настасья Ѳедоровна обѣщала мнѣ остаться еще на мѣсяцъ или два, пока я найду ей замѣстителя, и этимъ я воспользуюсь. Нужно приглядѣться покуда и къ хозяйству, насколько я успѣю, и къ Провальному съ его дочкою. Если ужъ намъ суждено поладить другъ съ другомъ, то нужно подготовить это поумнѣе впередъ, чтобы не было потомъ угловъ и столкновеній. Однѣми деньгами человѣка все-таки не купишь, да и не благовидны такія отношенія къ людямъ, съ которыми приходится жить въ тѣсной близости“.

Въ виду такихъ соображеній, Юрій Андреевичъ, на третій день своего пребыванія въ Хлуденевѣ, подъ вечеръ, отправился пѣшкомъ на другой конецъ села, намѣреваясь зайти къ Провальному, подъ предлогомъ ближайшаго сосѣдства и желанія еще разъ поблагодарить его за оказанную услугу.

Упрямое майское солнце еще стояло довольно высоко надъ горизонтомъ, когда Юрій Андреевичъ тронулся въ путь; поэтому длинная улица села оказывалась вполнѣ пустынною, если не счи-

Digitized by Google

тать полноправными ея обывателями немногихъ куръ и пѣтуховъ и двухъ совершенно крошечныхъ дѣвчонокъ, рывшихся въ пыли подъ окнами одной избёнки. Даже собаки куда-то исчезли. Юрій Андреевичъ не былъ вполнѣ увѣренъ, куда ему повернуть за околицею, направо или налѣво, а спросить было не у кого. Онъ уже проходилъ мимо послѣднихъ избъ села, когда сквозь открытыя настежь ворота увидалъ на одномъ изъ деревенскихъ дворовъ крестьянку въ розовомъ, поношенномъ и высоко подоткнутомъ ситцевомъ сарафанѣ, изъ-подъ котораго выглядывали ноги въ грубыхъ женскихъ сапогахъ съ низкими голенищами. Крестьянка держала въ своихъ рукахъ съ засученными по локоть рукавами какую-то грязную тряпицу и ведро съ такой же грязной водою, которую она выплеснула прямо на земь.

— Голубушка! — крикнулъ ей Хлуденевъ.—Скажите, какъ мнѣ пройти къ Ивану Алексѣевичу Провальному? Направо это за околицею или налѣво?

— Направо; первая дорожка, по межнику.

Она прикрыла глаза рукою и взглянула на солнце.

— Только отца теперь еще дома нѣтъ; онъ въ полѣ, пашетъ подъ озимь. Но черезъ полчаса вернется.

Голосъ крестьянки былъ знакомый. Юрій Андреевичъ всмотрѣлся ей въ лицо и узналъ — дочь Провальнаго, ту самую „Маню“, которая уступила ему свое мѣсто въ жалкомъ тарантасикѣ отца.

— Вы!—воскликнулъ онъ въ крайнемъ смущеніи.—Ради Бога, извините! Я никакъ не ожидалъ... никакъ не думалъ...

Дѣвушка какъ бы удивилась.

— Въ чемъ же тутъ извиняться?.. Такъ направо.

И она спокойно вернулась въ избу со своимъ ведромъ и тряпицей.

„Господи!—подумалъ Юрій Андреевичъ.—Это—интеллигентная дѣвушка, дворянка, кое-что даже читавшая! Правду сказалъ Мѣняевъ о звѣриномъ образѣ деревни. Ну, бѣдность,—я понимаю. Но развѣ мѣшаетъ бѣдность вымыть платье и руки? Въ какомъ она видѣ? чѣмъ отличается отъ любой коровницы либо судомойки? И хотя бы смутилась, что ее такъ застали! Нисколько. Привычное, значитъ, дѣло“.

Раздумывая такимъ образомъ, Хлуденевъ подвигался къ своей цѣли намѣренно замедленнымъ шагомъ. Но все-таки черезъ десять минутъ онъ былъ уже у воротъ крошечной усадьбы Провальнаго и присѣлъ на старой, истертой скамейкѣ, которая при нихъ оказалась.

Digitized by Google

Вечеръ былъ ясный и тихій. Въ кустахъ цвѣтущей сирени рокоталъ соловей. Закатъ горѣлъ своими багровыми огнями. Вдругъ на яркомъ фонѣ этихъ огней вырисовалась черная женская фигура, которая шла видимо къ усадьбѣ Провальнаго очень быстрой и увѣренной походкой. Черезъ минуту или двѣ Юрій Андреевичъ уже легко могъ узнать ее. Это была та же Марья Ивановна, возвращавшаяся домой.

Когда она подошла къ воротамъ, Хлуденевъ вѣжливо поднялся ей на встрѣчу. Но она только сказала ему на ходу: „Вонъ отецъ ѣдетъ“, и, не замедляя шаговъ, прошла мимо.

Юрій Андреевичъ посмотрѣлъ въ указанномъ ему направленіи. Дѣйствительно, къ усадьбѣ подъѣзжали три сѣдобородыхъ крестьянина верхомъ на невзрачныхъ лошадёнкахъ, за каждою изъ которыхъ тащилась по пыльной дорогѣ опрокинутая соха.

Всѣ трое остановились у воротъ усадьбы, и въ одномъ изъ нихъ Юрій Андреевичъ тотчасъ узналъ Провальнаго. Подобно своимъ товарищамъ, старикъ былъ въ холщовой рубахѣ-косоворткѣ, подпоясанной ремнемъ, и въ лаптяхъ; да кромѣ того черезъ спину лошади перекинута была обычная крестьянская „свита“, то-есть, армякъ изъ очень грубаго сукна.

— Ну, значитъ, счастливо оставаться, Иванъ Алексѣевичъ!— сказалъ высокій, могучій старикъ съ окладистой бородою.

— Прощайте, Сидоръ Петровичъ, добраго вамъ здоровья. Прощайте и вы, Семенъ Ѳеоктистовичъ; до завтра.

Старики обмѣнялись рукопожатіями, и двое изъ нихъ отправились дальше, къ селу, а Провальный двинулся къ воротамъ.

Тутъ только замѣтилъ онъ Юрія Андреевича, который всталъ со своей скамьи и приподнялъ шляпу со словами:

— Здравствуйте, Иванъ Алексѣевичъ!

— А! Будьте здоровы. Что прикажете?

— Я зашелъ еще разъ поблагодарить васъ...

— Помилуйте, за что же? Мы расквитались. Это—вопросъ взаимнаго соглашенія.

— Но кромѣ того я позволилъ себѣ придти къ вамъ, какъ новый вашъ сосѣдъ и притомъ самый близкій.

Провальный отвѣтилъ не сразу, а какъ бы послѣ нѣкотораго колебанія, но очень вѣжливо:

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ пожаловать въ домъ. Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ.

Digitized by Google

VIII.

Проходя къ дому небольшимъ дворомъ, съ клумбою цвѣтущей сирени по серединѣ, Хлуденевъ опять встрѣтилъ Марью Ивановну. Она несла на этотъ разъ на своемъ плечѣ коромысло съ двумя ведрами молока, вся перегнувшись на бокъ и ступая очень осторожно, чтобы не расплескать жидкость, наполнявшую ведра почти до краевъ.

„Бѣдная дѣвушка!—подумалъ Юрій Андреевичъ.—Сколько ей, однако, приходится работать. Да и старикъ—еще самъ пашетъ въ его лѣта... А впрочемъ они вѣроятно привыкли".

Хлуденевъ черезъ крытое и забранное дощатыми стѣнками крыльцо съ двумя дверями проникъ прямо въ столовую, кабинетъ или пріемную комнату домика. Разобраться въ точномъ ея назначеніи было трудно, такъ какъ между двумя окнами стоялъ очень старый письменный столъ, покрытый конторскими книгами, бумагами и кое-какими принадлежностями письменной работы; на немъ же лежали „Крестный календарь" и нѣсколько нумеровъ „Свѣта"; но вмѣстѣ съ этимъ часть комнаты заставлена была мягкимъ диваномъ и тремя креслами; наконецъ, по серединѣ ея помѣщался небольшой круглый столъ, накрытый скатертью, на которой разставлены были подносикъ съ чайнымъ приборомъ для двоихъ, большой ломоть чернаго хлѣба, блюдечко съ медомъ и крынка молока.

Хлуденевъ былъ пріятно пораженъ рѣдкой чистотою, въ которой содержалась эта комната: полъ, вымытый чисто-на-чисто, или даже выскобленный; всѣ вещицы очевидно вытертыя—нигдѣ ни пылинки; скатерть на столѣ—хотя грубаго холста, но свѣжая и выглаженная.

„Странно!—подумалъ Юрій Андреевичъ.—Въ домѣ такая чистота и порядокъ, а сами одѣваются грязно".

Онъ присѣлъ на одинъ изъ березовыхъ, очевидно домодѣльныхъ стульевъ, которые помѣщались возлѣ письменнаго стола. Но ждать ему пришлось не долго.

Минутъ черезъ пять явился старикъ Провальный, опять въ холщовой рубахѣ-косовороткѣ, въ пестрядинныхъ штанахъ, засунутыхъ теперь въ сапоги, и съ тѣмъ же ремешковымъ поясомъ. Но онъ очевидно переодѣлся во все чистое, свѣжее, вымылся или, судя по его влажнымъ еще волосамъ и бородѣ, даже выкупался. Отъ старика пахло яичнымъ казанскимъ мыломъ.

Digitized by Google

Онъ степенно поклонился Юрію Андреевичу и пригласилъ его сѣсть къ накрытому круглому столу.

— Вы ужъ меня извините,—замѣтилъ онъ,—но я стану ѣсть при васъ. Очень ужъ я проголодался. А можетъ быть, и вамъ угодно выпить молока? Чаю предлагать не смѣю, онъ у меня плохой. Но молоко вездѣ одинаковое.

— Благодарю васъ. Я бы выпилъ съ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ вотъ,—распорядитесь сами.

И старикъ передалъ Хлуденеву одинъ изъ заготовленныхъ на подносѣ стакановъ.

Въ эту минуту появилась въ комнатѣ, съ небольшимъ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ, Марья Ивановна.

Она тоже преобразилась. На ней была простая рубашка изъ бѣлаго полотна да ситцевая голубовато-сѣрая юбка. Но то и другое отличалось теперь безукоризненной чистотою.

Юрію Андреевичу суждено было испытать новое удивленіе.

„Смотрите, пожалуйста, да она даже премиленькая!—воскликнулъ онъ мысленно.—Какъ я не замѣтилъ? Это ее дурацкіе костюмы портили. Славное, умное личико".

Марья Ивановна со своей стороны, поставивъ самоваръ на столъ, окинула взоромъ Хлуденева въ креслѣ за его стаканомъ молока какъ бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, и перевела явно вопросительный взглядъ на отца.

— Маня!—сказалъ Провальный.—Юрію Андреевичу угодно было посѣтить насъ по-сосѣдски.

Дѣвушка улыбнулась, просвѣтлѣла и протянула Хлуденеву грубоватую, но маленькую и красивую руку, отъ которой на него опять пахну́ло яичнымъ казанскимъ мыломъ.

— Вотъ какъ!—замѣтила она.—Очень рада. А мы вѣдь думали, когда вы отдали отцу деньги за проѣздъ, что, значитъ, вы не хотите съ нами вовсе знаться.

— Извините мою неловкость и глупость...

— Что́ же тутъ извинять, еслибы и такъ?—спокойно и просто возразила дѣвушка.—Всякій въ правѣ знакомиться или не знакомиться съ кѣмъ хочетъ. А мы-то для васъ, конечно, не представляемъ никакого интереса. Не было бы ничего и страннаго. Но я все-таки рада знакомству, потому что вы зато среди насъ—большая сила, для каждаго нужная и интересная.

— Чѣмъ, позвольте спросить?

— А вотъ если поживете въ деревнѣ,—сами увидите. Владѣлецъ Хлуденева, легкое ли дѣло! Многое отъ васъ зависитъ.

— Надѣюсь пожить. Надѣюсь и поучиться кое-чему, напри-

Digitized by Google

мѣръ, у вашего отца, если ему угодно будетъ оказать мнѣ эту милость.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ,—просто отвѣтилъ Провальный.

— А вы, я замѣчаю, въ отличныхъ отношеніяхъ съ крестьянами?

— Конечно. А какъ же иначе? Одну вѣдь лямку тянемъ, и свой своему по неволѣ братъ.

— Ну, не совсѣмъ свой! Разница въ происхожденіи и образованіи не можетъ не сказываться.

Провальный на это только улыбнулся, не возражая.

— Вотъ и Марью Ивановну,—продолжалъ Хлуденевъ,—я сегодня тоже встрѣтилъ въ крестьянской избѣ.

— Гдѣ ты была?—спросилъ Провальный.

— У Зотиковой. Это родильница, — пояснила она Хлуденеву.—Я вчера у нея ребенка принимала; а теперь, пока она лежитъ, приходится и похозяйничать за нее. У насъ въ деревенскомъ быту всегда такъ.

— Какъ, ребенка принимали? За акушерку?

— Ну, какая я тамъ акушерка! Такъ, кое-что знаю. А все-таки хоть не допускаю увѣчить больную разными глупостями, и чуть что—даю знать земскому врачу. Вотъ вся моя мудрость.

Юрій Андреевичъ вспомнилъ про вдову Миронову съ ея малолѣтними дѣтьми и отобранную у нихъ обществомъ землю. Онъ рѣшился разспросить Провальнаго, законно ли поступилъ „міръ“, и вообще выслушать отъ него свою первую лекцію о сельскомъ самоуправленіи. Подобно многимъ другимъ, онъ былъ достаточно насыщенъ предвзятою симпатіей къ этому модному словечку; но первый пріемъ обозначаемаго имъ снадобья пришелся ему вовсе не по вкусу. А Хлуденевъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны вѣрить словамъ даже болѣе, чѣмъ собственнымъ чувствамъ.

Оказалось, что Провальный отлично знаетъ все дѣло со всѣми его подробностями, и что разсказано оно было Юрію Андреевичу вполнѣ справедливо. Оказалось также, что міръ въ данномъ случаѣ вовсе не вышелъ за предѣлы своего законнаго права.

— Но позвольте!—воскликнулъ Юрій Андреевичъ.—Почему же всѣ убѣждены, что именно община обезпечиваетъ землею самаго послѣдняго изъ своихъ членовъ? Хорошо обезпеченіе, если она, напротивъ, отбираетъ послѣднее у безпомощной вдовы съ ребятами!

— Да, но вѣдь она дѣлаетъ это въ пользу другого своего члена, вовсе безземельнаго.

Digitized by Google

— Въ пользу пьянаго гуляки, безъ вѣсти прошатавшагося гдѣ-то двадцать лѣтъ въ золоторотцахъ!

— И пьяница не теряетъ правъ собственности. Нужно все-таки отличать принципъ отъ способовъ его примѣненія. Еслибы вернувшемуся гулякѣ отдали именно ту его землю, которою въ его отсутствіе владѣли Касьянъ Закурдаевъ и отецъ вашего работника—согласитесь, что возмутительнаго въ этомъ ничего бы не было.

— Положимъ... Но зачѣмъ же давать такую власть въ руки людей, которые... Господи! Какіе люди! За ведро вина они готовы уморить голодомъ беззащитныхъ дѣтей! Это—звѣри!! Да нѣтъ, и звѣри не обижаютъ своихъ малышей. Изъ-за ведра водки! Изверги!

— Право, не изверги, — печально и спокойно произнесъ Иванъ Алексѣевичъ.—А просто темные люди, не привыкшіе ни думать въ извѣстномъ направленіи, ни владѣть своими... даже не страстями, а просто аппетитами. Я вѣдь ихъ всѣхъ хорошо знаю, каждаго лично... И повѣрьте, не мало между ними такихъ, которые, увидавъ ребенка Мироновой въ огнѣ или въ водѣ, подъ мельничными колесами, бросились бы къ нему на выручку съ явнымъ рискомъ для себя. Есть и такіе, которые сегодня пропили вдовью землю за 12 коп. на долю каждаго, а завтра той же вдовѣ сунутъ каравай хлѣба стоимостью въ 25—35 к., или мѣрку сѣмянъ, или подѣлятся картофелемъ и т. д. Не звѣри, а дѣти. Дѣти тоже часто отличаются жестокостью.

— Я, напротивъ, слышалъ, будто крестьяне отличаются необыкновенной хитростью и тонкимъ пониманіемъ людей.

— А хитрыхъ и умныхъ ребятишекъ вы развѣ никогда не видали?

— Положимъ.

— Юрій Андреевичъ! — вдругъ вступилась Маня съ волненіемъ и горячимъ румянцемъ на щекахъ:—вы, пожалуйста, не судите такъ о крестьянахъ по одному примѣру. Вы, я вижу, не плохой человѣкъ. Не спѣшите же бросать каменья. Дѣло Мироновой—отвратительное. Я бы собственными руками избила, оттаскала за мочальныя ихъ бороды всѣхъ этихъ безстыжихъ пьяницъ. Но право, право, между ними есть хорошіе, очень хорошіе люди, которыхъ нельзя не любить. А вовсе дурныхъ, вовсе безсовѣстныхъ даже почти совсѣмъ нѣтъ. Кто безгрѣшенъ? И вы вѣдь не всегда святой, надѣюсь?

— Я-то меньше всѣхъ другихъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Хлуденевъ, которому очень понравилась вспышка дѣвушки. Онъ даже

Digitized by Google

рѣшительно залюбовался ею въ данную минуту.—А о крестьянахъ я готовъ быть самаго лучшаго мнѣнія, пока у нихъ есть такой защитникъ.

Марья Ивановна какъ будто не сразу поняла эту фразу; въ глазахъ ея мелькнуло недоумѣніе.

— Ахъ, не тратьте на меня ваши городскія любезности!—молвила она потомъ, засмѣявшись.—Я вамъ очень благодарна за то, что вы меня сочли достойною ихъ. Но это—не въ коня кормъ. Я простая деревенская дѣвушка—совсѣмъ простая; не далеко ушла отъ крестьянокъ. Оттого я ихъ и люблю. Любезностями вы меня только выбьете изъ колеи, и я буду себя чувствовать какъ въ корсетѣ и въ нарядномъ платьѣ, когда даже повернуться лишній разъ боишься. Съ непривычки это очень тяжело, даже глупѣешь.

— Дичокъ она у меня!—усмѣхнулся Иванъ Алексѣевичъ, какъ бы извиняясь передъ Хлуденевымъ.—Не обезсудьте. Выросла, что травка на лугахъ, помимо всѣхъ общепринятыхъ условій воспитанія. На то была Божья воля. Пусть же Онъ самъ и судьбу ея строитъ, какъ Ему укажетъ Его безграничное милосердіе.

Старикъ глубоко вздохнулъ.

— Э, папа!—весело воскликнула дѣвушка.—Долго ли прожить жизнь? Есть о чемъ заботиться!

IX.

Юрій Андреевичъ раздѣлилъ ранній ужинъ Провальныхъ, состоявшій изъ картофеля съ масломъ и яичницы, а затѣмъ отправился домой, полный необычныхъ думъ или ощущеній.

И старикъ, и дочь очень ему понравились, но, вмѣстѣ, были настолько новыми для него фигурами, что онъ еще не въ состояніи былъ хорошенько дать себѣ отчетъ въ своемъ собственномъ впечатлѣніи. Однако онъ сразу далъ себѣ слово, дѣлавшее честь его сердцу.

„Если мнѣ суждено воспользоваться дружбой и службой этихъ людей, — размышлялъ онъ, медленно шагая по спящей улицѣ села, залитаго луннымъ свѣтомъ,—я не буду для нихъ только своекорыстнымъ и лицемѣрнымъ другомъ, а постараюсь не остаться въ долгу не только матеріальномъ, но и нравственномъ. Эти люди заслуживаютъ честной взаимности. Они же помогутъ мнѣ стать въ правильныя отношенія къ крестьянамъ и

Digitized by Google

понять свой долгъ дворянина-землевладѣльца. Ясно вѣдь, что для того, чтобы имѣть право мечтать о серьезныхъ и выдающихся задачахъ жизни, я долженъ сознавать себя дѣйствительно порядочнымъ и чистымъ человѣкомъ, насколько это достижимо".

Послѣдующіе дни Юрій Андреевичъ задумалъ посвятить визитамъ, рѣшивъ объѣздить всѣхъ вліятельныхъ лицъ въ уѣздѣ, то-есть, всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и земскихъ дѣятелей.

Разумѣется, на первую очередь поставленъ былъ мѣстный предводитель дворянства.

По дошедшимъ до Хлуденева свѣдѣніямъ, это былъ сравнительно молодой еще человѣкъ—лѣтъ тридцати-пяти—одинъ изъ сыновей очень крупнаго землевладѣльца, котораго завидное состояніе пошатнулось, однако, частью вслѣдствіе безтолковаго хозяйства, а частью вслѣдствіе неразсчетливаго образа жизни, прижимистаго въ пустякахъ и безразсудно широкаго въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно слѣдовало бы поприжаться. Молодой Пинегинъ служилъ, пользуясь цензомъ отца, и выбранъ былъ уже на четвертое трехлѣтіе, вовсе не въ силу особаго къ нему довѣрія со стороны дворянъ или его заслугъ, крайне сомнительныхъ, а просто потому, что другихъ кандидатовъ или охотниковъ баллотироваться въ предводители уѣздъ найти не могъ, какъ это теперь случается очень нерѣдко. Кое-что въ служебной дѣятельности молодого предводителя оказывалось даже весьма сомнительнымъ, если не явно скандальнымъ; но... объ этомъ предпочитали молчать. „Что выиграешь, поднимая исторію, кромѣ серьезныхъ непріятностей?"—рѣшали мѣстные мудрецы, и, пожалуй, были правы. „А гдѣ лучше взять?"—спрашивали себя люди, наиболѣе безкорыстно желавшіе добра уѣзду, и тоже были правы.

Юрій Андреевичъ ѣхалъ, впрочемъ, къ Пинегинымъ, не имѣя никакого представленія ни о членахъ этой семьи, ни о характерѣ служебныхъ дѣйствій уѣзднаго предводителя. Ему даже не случалось слышать о нихъ что-либо, кромѣ самыхъ безразличныхъ извѣстій.

Пинегинъ-отецъ встрѣтилъ Юрія Андреевича съ тѣмъ напускнымъ, грубоватымъ „русскимъ" добродушіемъ, за которымъ скрываются обыкновенно самый безпощадный эгоизмъ, глубокое двуличіе и нравственная трусость. Приняли гостя такъ, словно это было не первое знакомство, а радостная встрѣча давняго, дорогого друга послѣ многихъ лѣтъ отсутствія.

Пинегинъ-отецъ, старикъ величаваго роста и красивой наружности, прямо открылъ свои могучія объятія.

Digitized by Google

— Нѣтъ, ужъ позвольте васъ расцѣловать, по нашему, по-русски!—заявилъ онъ съ о̀ника́.—Вѣдь ваше возвращеніе въ уѣздъ—это нашъ общій дворянскій праздникъ, радость и надежда для всего уѣзда. Вѣдь Хлуденевы—наши, коренные, извѣчные, кровные, которыхъ мы, однако, не видали у себя больше тридцати лѣтъ! Такъ ка̀къ же намъ не праздновать, особенно теперь, при деревенскомъ оскудѣніи въ людяхъ!

Юрій Андреевичъ, никакъ не ожидавшій подобнаго пріема, даже смутился, не зная, чѣмъ отвѣчать на чрезвычайную привѣтливость величаваго старика, еще пользовавшагося значительнымъ престижемъ въ цѣлой губерніи. Но Борисъ Александровичъ Пинегинъ не далъ ему даже времени для смущенія, котораго какъ бы вовсе и не замѣтилъ. Словно изъ рога изобилія, сталъ онъ сыпать воспоминаніями объ отцѣ, дядяхъ, теткѣ и другихъ родственникахъ Юрія Андреевича, причемъ всѣ они оказывались превосходными, рѣдкими людьми, но каждый—въ своемъ родѣ, со своими маленькими слабостями либо забавными чертами характера, о которыхъ близкій человѣкъ говоритъ съ невольной улыбкой и вмѣстѣ нѣжностью. Выходило такъ, что Борисъ Александровичъ Пинегинъ былъ съ ними со всѣми чуть-ли не въ братскихъ отношеніяхъ, и Хлуденевъ спрашивалъ у себя, какъ могъ онъ при данныхъ условіяхъ даже не подозрѣвать о существованіи столь близкаго друга своей семьи?

— Пойдемте, однако, къ женѣ и невѣсткѣ!—вдругъ спохватился старикъ.—Онѣ обрадуются. А за моимъ Алеханомъ я уже послалъ; онъ гдѣ-то въ конюшняхъ. Больше теперь и нѣтъ никого въ домѣ. Дочка замужемъ, въ Петербургѣ. Другой сынъ служитъ въ Варшавѣ при генералъ-губернаторѣ. Пустѣетъ старое гнѣздо; только вотъ и радости мнѣ, что вожусь со внучатами, да и то ужъ не долго остается.

— Что̀ же такъ? Учить пора?

— Нѣтъ, даже и не то... Впрочемъ, отъ васъ у меня секретовъ нѣтъ; да оно же васъ близко и касается. Алеханъ мой получаетъ назначеніе вице-губернаторомъ въ N—скъ. Значитъ, уѣдетъ и съ женою, и съ дѣтками. За него радуюсь, а самому-то—грустно.

Юрій Андреевичъ удивился про себя, почему назначеніе „Алехана“ вице-губернаторомъ близко касается его, Хлуденева? Но сдѣлать по этому поводу какое-либо замѣчаніе онъ не рискнулъ.

Дамы приняли Юрія Андреевича очень любезно, даже радушно, но все-таки гораздо сдержаннѣе старика. А вслѣдъ за-

Digitized by Google

тѣмъ почти вбѣжалъ въ гостиную Алексѣй Борисовичъ Пинегинъ, уѣздный предводитель.

— Я только сейчасъ узналъ о вашемъ пріѣздѣ,—заговорилъ онъ, горячо пожимая руку гостя.—Очень радъ, даже очень счастливъ! Не знаю, какъ и выразить вамъ мое огромное удовольствіе!

Юрій Андреевичъ раскланивался, пожималъ руку, но про себя думалъ:

„Чортъ знаетъ что! Это ужъ черезчуръ. Чѣмъ я его „осчастливилъ“? Ну, еще старикъ—понятно: близокъ былъ со всей нашей семьей. А этотъ фендрикъ съ какой стати приходитъ въ экстазъ?“

Не понравилась гостю и наружность молодого Пинегина. Дѣйствительно, несмотря на свой вполнѣ зрѣлый возрастъ, довольно высокій ростъ и слишкомъ развязныя, почти неприличныя манеры, предводитель какъ-то напоминалъ собою щенка-недоноска, и такое впечатлѣніе даже усиливалось, пока онъ стоялъ ò-бокъ со своимъ величавымъ красавцемъ-отцомъ. Вздернутая головка съ узкимъ лбомъ, туповатый взглядъ и заносчивоничтожное выраженіе лица свидѣтельствовали о томъ, что Алексѣй Борисовичъ врядъ ли принадлежалъ къ числу уѣздныхъ орловъ, хотя и занималъ среди нихъ яко бы первое мѣсто, по своему служебному положенію.

— Вы, разумѣется, теперь къ намъ надолго?—спросилъ предводитель.—То-есть, къ намъ въ уѣздъ, я понимаю.

— Какъ поживется.

— Да кто жъ его пуститъ, еслибы онъ и хотѣлъ?—засмѣялся старикъ.—Нѣтъ, батюшка, Юрій Андреевичъ! Теперь вы совсѣмъ нашъ. Теперь волей-неволей потяните лямку, послужите дворянству и уѣзду.

— На что я гожусь, ничего не зная?

— А вотъ о томъ послѣ обѣда потолкуемъ.

Юрій Андреевичъ всполохнулся. Какъ, послѣ обѣда! Онъ разсчитывалъ уѣхать немедленно и еще сегодня же посѣтить своего земскаго начальника, который проживалъ тутъ же недалеко. Оказалось, однако, что Пинегины даже слушать объ этомъ не захотѣли.

— Что вы, что вы, родной!—ужаснулся Борисъ Александровичъ, поднимая руки и раскрывъ обѣ ладони въ уровень съ лицомъ.—И не воображайте! У насъ въ деревнѣ съ визитами не ѣздятъ. Чтобъ я такого гостя выпустилъ безъ обѣда? Нѣтъ, это—ахъ, оставьте!

Digitized by Google

Заволновались дамы.

Хлуденевъ понялъ, что всякое сопротивленіе окажется безполезнымъ или даже неумѣстнымъ, и потому любезно покорился. Но въ душѣ онъ немножко протестовалъ.

„Гостепріимная, радушная, но все-таки навязчивая и неудобная манера!—думалъ онъ про себя.—Пригласи, конечно, даже повтори приглашеніе съ удвоенной любезностью, если находишь нужнымъ; однако, не ставь же людямъ прямо ножъ къ горлу; это ужъ черезчуръ. Нѣтъ, право, здѣсь еще страна какихъ-то звѣриныхъ обычаевъ и нравовъ, дикая".

Послѣ обѣда—по-деревенски ранняго—оба Пинегины перешли со своимъ гостемъ въ кабинетъ старика, и тутъ, за чашкою кофе, Юрій Андреевичъ выслушалъ объясненіе нѣкоторыхъ фразъ и намековъ, ранѣе его удивившихъ.

— Я очень радъ,—вдругъ заявилъ Борисъ Александровичъ,—и считаю это просто особой милостью судьбы, что Хлуденевы опять вернулись въ свое родовое помѣстье, да еще именно въ такую минуту. Жаль, конечно, очень жаль покойницу Наталью Николаевну; но все-же это была только женщина, и притомъ старая, больная,—словомъ, такой же отжившій инвалидъ, какъ я, напримѣръ...

— Да!—вмѣшался молодой Пинегинъ.—По правдѣ сказать, Юрій Андреевичъ, вы меня выводите изъ величайшаго затрудненія.

— Я?!

— Конечно. Вѣдь вотъ уже четвертое трехлѣтіе, какъ я тяну предводительскую лямку. При нѣкоторыхъ заслугахъ съ моей стороны и при нашихъ семейныхъ связяхъ мнѣ, разумѣется, легко было бы получить вице-губернаторство, когда угодно. Мнѣ его и теперь предлагаютъ на выборъ, любое, только бы я согласился. Но на кого было покинуть уѣздъ? Все-таки довѣріе и любовь дворянства... ça oblige! Ну, а теперь я спокоенъ.

— Почему?

— Потому что вамъ, въ ваши руки я смѣло могу передать мои предводительскія обязанности.

Хлуденевъ уже подумывалъ и о земской, и о дворянской службѣ. Но ему даже въ голову не приходило, чтобы онъ могъ сразу, „ни съ того, ни съ сего", завоевать общее признаніе свободныхъ избирателей или, тѣмъ болѣе, притязать на предводительство. Онъ былъ искренно убѣжденъ, что такое „довѣріе общества" пріобрѣтается не легко и не скоро, и потому разсердился въ душѣ.

Digitized by Google

„Что это еще за комедія?—подумалъ онъ.—За болвана, что-ли, онъ меня считаетъ? И съ какой стати подобная трогательная заботливость о моей судьбѣ?“

— Мнѣ кажется, объ этомъ не можетъ быть рѣчи,—произнесъ онъ сухо.—Въ вашемъ лицѣ я первый разъ имѣлъ честь встрѣтиться съ дворяниномъ нашего уѣзда.

— Такъ что же?

— Только то, что гг. дворяне не пожелаютъ выбрать совершенно неизвѣстнаго имъ человѣка, да и я не захочу ставить себя въ подобное глупое положеніе.

— Ну, на этотъ счетъ будьте спокойны. Намъ съ отцомъ дворяне повѣрятъ безпрекословно...

— Да, но я не вижу еще, чѣмъ успѣлъ заслужить даже хотя бы ваше и вашего батюшки довѣріе, не говоря уже о томъ, что ставленникъ одной только семьи, хотя бы наиболѣе уважаемой, едва ли годится въ предводители дворянства.

Старикъ Пинегинъ замѣтилъ, что ему пора вставить свое слово.

— Одна семья! Кто говоритъ о семьѣ? Довольно будетъ вамъ показаться въ уѣздѣ, чтобы всѣ стали за васъ. Хлуденевыхъ мы знаемъ и помнимъ.

Онъ вдругъ, съ отцовской нѣжностью, обнялъ Юрія Андреевича за талію своей правой рукою.

— Не торопитесь, молодой человѣкъ! Вы еще не знаете насъ, простыхъ русскихъ людей, открытыхъ и скорыхъ на всякое чувство. Судите насъ тогда, когда сдѣлаетесь нашимъ отцомъ-командиромъ. А что это случится не позже, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что мы васъ уговоримъ и упросимъ—я головой отвѣчаю! Не были бы вы Хлуденевъ.

Юрій Андреевичъ выѣхалъ изъ Красныхъ Угловъ, имѣнія Пинегиныхъ, очень озадаченнымъ. Манеры старика и еще дальнѣйшая бесѣда, которую ему пришлось вести въ кабинетѣ, убѣдили его, что и въ самомъ дѣлѣ его кандидатура въ предводители признается вещью вполнѣ серьезною.

„Съ какой стати,—спрашивалъ онъ себя въ десятый разъ,—пока меня никто не знаетъ? Дикіе, дикіе нравы!“

X.

Хлуденевъ успѣлъ еще въ тотъ же день заѣхать къ земскому начальнику своего участка, Саввѣ Ильичу Трофимову-Завистовскому.

Digitized by Google

Этотъ человѣкъ, лѣтъ пятидесяти на видъ, полусѣдой, довольно полный, съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ, принялъ Юрія Андреевича очень любезно, но гораздо сдержаннѣе Пинегиныхъ, что̀ не помѣшало, впрочемъ, столичному гостю опять найти много поводовъ для законнаго недоумѣнія.

Прежде всего его удивила необычайная откровенность Саввы Ильича, который какъ будто не допускалъ даже мысли, что новый и невѣдомый ему гость можетъ быть стѣсненъ либо недоволенъ вопросами совершенно личнаго свойства, поставленными прямо въ упоръ. Почти съ первыхъ же словъ, Савва Ильичъ очень спокойнымъ тономъ выпалилъ, напримѣръ, такимъ зарядомъ:

— Что же вы теперь совсѣмъ къ намъ въ уѣздъ пожаловали, или только залетомъ?

— Какъ поживется.

— Я не въ томъ смыслѣ. А намѣрены ли вы по прежнему оставаться петербуржцемъ, или будете признавать себя помѣстнымъ дворяниномъ, хозяиномъ, и пустите корни въ землю?

— Я еще этого не рѣшилъ. Нужно присмотрѣться.

— А! Въ такомъ случаѣ вы нашъ.

— Почему?

— Прежде, чѣмъ вы успѣете надуматься, мы васъ проглотимъ цѣликомъ, выберемъ предводителемъ дворянства и такъ прикрутимъ къ уѣзду всякими узлами и веревочками, что выпутаться уже вамъ не удастся. Наше болото всасываетъ.

Юрій Андреевичъ былъ удивленъ. Опять предводитель дворянства! Да что̀ это въ дикихъ странахъ повѣтріе, что̀-ли, какое, или idée fixe, или простая формула вѣжливости, въ родѣ той преданности и готовности къ услугамъ, о которыхъ свидѣтельствуется въ концѣ каждаго письма? Юрій Андреевичъ, въ виду откровенной беззастѣнчивости своего хозяина, рѣшился и самъ на нѣкоторую нескромность, чтобы сдѣлать опытъ.

„Нужно же мнѣ понять, наконецъ, — подумалъ онъ, — чѣмъ именно эти господа меня потчуютъ“.

— Я сегодня уже слышалъ о своемъ будущемъ предводительствѣ, — сказалъ онъ, усмѣхаясь и слегка пожимая плечами.

— Отъ кого?

— Отъ обоихъ Пинегиныхъ. Алексѣй Борисовичъ, кажется, получаетъ новое назначеніе, и былъ такъ любезенъ, что обѣщалъ мнѣ всякое покровительство на дворянскихъ выборахъ.

— Въ его покровительствѣ вы нисколько не нуждаетесь, — сухо замѣтилъ Савва Ильичъ. — Вы будете предводителемъ не-

Digitized by Google

премѣнно,—разумѣется, если на то согласитесь,—и были бы имъ даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ никакого назначенія не получилъ.

— Это какъ же?

— Очень просто. Пинегина только терпятъ, по необходимости.

— А я-то что? Кто меня знаетъ?

— Никто. Но знаютъ, что вы—человѣкъ образованный, со средствами и молодой. Значитъ, есть шансы, что изъ васъ выйдетъ что-нибудь путное. А это и нужно. Отъ Пинегина ждать ужъ нечего. Другихъ вовсе нѣтъ. Ясно, что вы будете предводителемъ, какъ только сами этого пожелаете.

— Оригинальное отношеніе къ человѣку, который не только никого и ничего не знаетъ въ уѣздѣ, но даже вообще полнѣйшій профанъ во всякомъ сельскомъ дѣлѣ! Я вѣдь перваго шага ступить не умѣю.

— Людей нѣтъ,—хладнокровно объяснилъ Савва Ильичъ.—Разумѣется, будь хоть кто-нибудь въ виду, мы бы и не подумали хвататься за новичка. А теперь еще и накланяемся вамъ. Я бы лично даже Пинегина предпочелъ на первое время, покуда вы немного оглядитесь; да вѣдь что же подѣлаешь? Онъ и то, бѣднята, лазилъ-лазилъ по петербургскимъ прихожимъ,—насилу выпросилъ себѣ бутербродъ съ вицегубернаторствомъ...

Въ кабинетѣ появилась дѣвчонка лѣтъ семнадцати, одѣтая необычайно грязно и неряшливо.

— Барыня спрашиваютъ,—объявила она, ковыряя въ носу:—чаю вамъ сюда принести, или въ столовую придете?

Савва Ильичъ вопросительно взглянулъ на гостя.

— Позволите попросить васъ къ самовару,—сказалъ онъ, вставая,—и познакомить съ моей женою?

— Очень вамъ благодаренъ. Я на это надѣялся.

— Пожалуйте!

Хозяинъ вѣжливо пропустилъ гостя впередъ.

Въ большой, но узковатой столовой—она же и зала—одинъ конецъ довольно длиннаго обѣденнаго стола былъ накрытъ скатертью и заставленъ чайными принадлежностями. Вокругъ, на гнутыхъ вѣнскихъ стульяхъ помѣщались три дамы и одинъ господинъ среднихъ лѣтъ, въ военной формѣ. Савва Ильичъ познакомилъ Хлуденева съ дамами, назвавъ одну изъ нихъ женою, другую—матерью жены, а третью—дочерью; но не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на господина въ военной формѣ, хотя тотъ

Digitized by Google

и всталъ при появленіи гостя. Поэтому Юрій Андреевичъ ограничился по его адресу молчаливымъ поклономъ издали.

Хозяйка обратилась къ гостю только съ двумя, тремя фразами, самыми незначительными; остальныя дамы и военный упорно молчали; а Савва Ильичъ хотя поддерживалъ кое-какъ бесѣду съ Юріемъ Андреевичемъ о неурожаяхъ въ уѣздѣ, но видимо принужденную, и время отъ времени исподлобья бросалъ на своихъ дамъ взгляды, далеко не дружелюбные.

„Ого! — подумалъ Хлуденевъ. — Здѣсь семейнымъ несогласіемъ пахнетъ, или по крайней мѣрѣ какой-нибудь крупной размолвкою".

Въ то же время онъ дивился на изумительную грязь и неряшливость, которыми отличалась обстановка Трофимовыхъ-Завистовскихъ. Слѣды значительной стѣсненности въ средствахъ, конечно, проглядывали во многомъ; но никакой бѣдностью нельзя было объяснить безпорядочно разбросанный повсюду хламъ, невычищенный самоваръ, слои пыли на столахъ и фортепьяно, оконный занавѣсъ въ лохмотьяхъ, и т. п.

„Что же дѣлаютъ здѣсь эти три женщины? — спросилъ себя Юрій Андреевичъ.—Какъ имъ самимъ не гадко?"

Выпивъ стаканъ чаю, онъ рѣшилъ уѣхать, и никто не почелъ нужнымъ его удерживать.

Хозяинъ проводилъ гостя въ переднюю.

— Застану я васъ послѣ-завтра дома? — спросилъ Савва Ильичъ, прощаясь.—У меня, кстати, и дѣльце есть.

— Хорошо, что предупредили. Я человѣкъ свободный и буду васъ ждать, такъ какъ для меня покуда всѣ дни равны.

— Ну, и прекрасно... А давненько не бывалъ я въ хлуденевскомъ барскомъ домѣ, хотя вотъ и близкій сосѣдъ.

— Что-жъ такъ?

— Наталья Николаевна и Настасья Ѳедоровна очень меня не жаловали.

— За что?

— Право, хорошенько не знаю,—спокойно пожалъ онъ плечами.—Мы, земскіе начальники, въ такомъ ужъ положеніи. И самъ не угадаешь, чѣмъ не угодилъ либо провинился.

Юрій Андреевичъ, по дорогѣ домой, пытался дать себѣ отчетъ, какое впечатлѣніе производитъ на него Трофимовъ-Завистовскій, и—не успѣлъ въ этомъ. Ему нравилось спокойное достоинство, съ которымъ принялъ его Савва Ильичъ; нравилось откровенное признаніе, что новичка цѣнятъ только на вѣру, по необходимости и за неимѣніемъ лучшаго; нравилась видимая увѣренность этого

Digitized by Google

человѣка въ собственныхъ силахъ и пониманіи вещей. Но, съ другой стороны, въ умномъ и красивомъ лицѣ Саввы Ильича ему чудилось что-то несимпатичное или даже фальшивое. Стараясь по возможности ясно возстановить это лицо въ собственной памяти, Юрій Андреевичъ вдругъ почти вслухъ воскликнулъ:

„Да, да, вотъ оно что! вотъ что мнѣ сразу показалось знакомымъ! Вѣдь въ случайныхъ выраженіяхъ этого лица, въ подъемѣ бровей, въ складкѣ рта, въ морщинкахъ возлѣ глазъ есть нѣчто совершенно общее съ Могориннымъ. Неужто Трофимовъ тоже, прежде всего, мелкій, грязный развратникъ, а при случаѣ и воръ или мошенникъ? Интересно бы разспросить о немъ".

— Настасья Ѳедоровна! — обратился Хлуденевъ къ своей домоправительницѣ по пріѣздѣ домой, опять сидя за самоваромъ.— За что покойная тетушка не жаловала нашего земскаго начальника?

— За то, что—дрянь-человѣкъ. Взяточникъ, вымогатель, развратникъ, а пуще всего сплетникъ и враль. Тѣмъ и кормится.

— У него же имѣніе.

— Женино. Да и то онъ разорилъ.

— Все-таки, изъ-за чего именно тетушка прекратила съ нимъ знакомство?

— Онъ самъ прекратилъ. Повыпросилъ тысячи полторы въ заемъ—росписки и сейчасъ въ вашемъ бюро валяются,—а когда покойница больше не стала давать, про нее же распустилъ такія мерзости, что въ рожу плюнуть ему слѣдовало.

— А почему тетушка долгъ съ него не взыскивала?

— Мараться еще! Чтобы сказали, будто она за вранье сердится... Подавись онъ этими деньгами! Да и что съ него взять-то? а если все женино? Давно третью часть изъ жалованья вычитаютъ.

— Какъ же такой человѣкъ можетъ быть земскимъ начальникомъ? Это вѣдь несообразно.

— Не моего ума дѣло. А хотите знать всю подноготную объ уѣздѣ—поѣзжайте къ Петру Семеновичу Почаеву. Это—честный человѣкъ, котораго они за то отовсюду и выжили. Онъ же старинный пріятель Натальи Николаевны; вамъ радъ будетъ. Петръ Семеновичъ не боится говорить всю правду, на чистоту. Они бы и рады живымъ его съѣсть—да руки коротки.

— Кто они?

— Нынѣшніе наши господа начальство.

Въ тонѣ Настасьи Ѳедоровны слышалось невыразимое презрѣніе.

— А предводитель что же?

Digitized by Google

— Предводитель, и папаша его, и земскіе—все дворяне называются... Да вы спросите Петра Семеновича. Не мое дѣло!

И она стиснула губы, махнувъ рукою.

XI.

Разговоръ съ Настасьей Ѳедоровной заставилъ Хлуденева призадуматься довольно серьезно.

„Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ онъ себѣ, — если мнѣ суждено жить и дѣйствовать среди данныхъ людей, данныхъ условій и въ данной мѣстности, то, очевидно, я прежде всего долженъ имѣть о нихъ хотя нѣкоторое достовѣрное представленіе. Обстоятельства, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ могутъ сложиться такимъ образомъ, что изъ роли спокойнаго наблюдателя я долженъ буду волей-неволей перейти въ роль дѣйствующаго лица гораздо ранѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Но въ такомъ случаѣ, не зная, съ кѣмъ имѣешь дѣло, легко натворить непоправимыхъ глупостей. Старуха права. Нужно оглядѣться покуда хоть чужими глазами“.

Петра Семеновича Почаева Хлуденевъ зналъ давно, по его довольно громкой репутаціи. Это былъ прекрасный хозяинъ-практикъ, извѣстный далеко за предѣлами собственной губерніи, серьезный знатокъ деревни и земскаго дѣла,—наконецъ, человѣкъ достаточно образованный и обратившій на себя нѣкоторое вниманіе своими статьями въ періодической печати. Статьи эти, правда, появлялись рѣдко, имѣли характеръ болѣе или менѣе случайный, но дышали искренностью, убѣжденіемъ и совершенной независимостью мысли отъ какихъ-либо модныхъ ученій. Хлуденевъ, подобно многимъ другимъ, замѣтилъ ихъ и выдѣлилъ изъ массы того печатнаго хлама, которымъ ежедневно угощаютъ публику присяжные борзописцы. Но помимо этого и прежде всего, Юрій Андреевичъ зналъ по многимъ разсказамъ или семейнымъ воспоминаніямъ о неподкупной честности и правдивости старика Почаева, ибо въ этомъ смыслѣ существовали сказанія почти анекдотическія либо легендарныя.

„Эврика! — сказалъ себѣ Юрій Андреевичъ. — Я завтра же поѣду къ Почаеву, откровенно объясню ему мое положеніе и намѣренія, а затѣмъ попрошу просвѣтить меня насколько возможно. Съ покойной тетушкой онъ дѣйствительно дружилъ много лѣтъ. Но, я думаю, и безъ того онъ не откажетъ, если обратиться къ нему съ открытой и честной просьбой“.

Digitized by Google

На слѣдующій день Хлуденевъ предпринялъ задуманную поѣздку.

Какъ ни мало онъ былъ знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ, но даже его поразило рѣзкое отличіе владѣній Почаева отъ всего, что̀ ему доселѣ приходилось видѣть. Необыкновенныя пышныя озими, луга ровные, какъ скатерть зеленаго бархата, небольшія саженныя рощи въ каждомъ овражкѣ, на каждомъ крутомъ склонѣ и даже на болотистой впадинѣ, изрѣзанной канавами; затѣмъ, ближе къ усадьбѣ, цѣлыя десятины огородныхъ грядъ, рѣчонка съ какими-то необычайными запрудами, заводями и постройками явно техническаго характера, громадный плодовый садъ съ рядами деревьевъ, выращенныхъ словно по заказу на одинъ образецъ, и вездѣ, вездѣ люди, десятки людей, стада, вереницы пашущихъ орудій—словомъ, жизнь и трудъ въ полномъ развитіи.

— Это и есть Почаевская земля?—обратился Юрій Андреевичъ къ своему кучеру, хотя самъ догадывался, что ничьей иной она быть не можетъ.

— Почаевская, ваше высокородіе, Почаевская! Она самая. Первая по всей губерніи. Вотъ ужъ баринъ, такъ баринъ! Имѣніе, сказать бы, не очень велико; а что̀ вокругъ его народу кормится! И не то чтобы разобида отъ него кому-нибудь, а вѣрный, правильный человѣкъ. Своего не упуститъ, конечно, а только и чужого ему не нужно, ни Боже мой!

— Значитъ, съ рабочими ладитъ?

— Ну! Кто-жъ супротивъ такого барина насмѣлится? Развѣ ужъ который вовсе отчаянный. Къ нему безъ договора идутъ. Къ нему тоже судиться по старой памяти ходятъ.

— Какъ по старой памяти?

— Да вѣдь онъ много лѣтъ мировымъ у насъ былъ. Это еще когда Чолоковъ Иванъ Александровичъ предводительствовалъ, царство ему небесное. Ну, и Панчулидзевъ Аркадій Михѣевичъ, и Глумовъ Павелъ Павловичъ живы были. Съ ними Петръ Семеновичъ, Почаевъ-то, всегда за-одно держался и служили вмѣстѣ. А теперь бросилъ.

— Что̀-жъ такъ?

— Прямо сказать, не захотѣлъ съ нынѣшней шушерой водиться. Нѣшто это господа? Сквалыжники! Только-что превозносятся: я-ста да я, молъ, такой, сякой. А между прочимъ дѣла такія дѣлаютъ, что даже нашему брату иной разъ зазорно. Тьфу!

— Какія же дѣла?

— Одно слово, ярыжническія. Фальшь. А туда же вели-

Digitized by Google

чаются, рукой не достать. Нѣтъ ужъ коли ты баринъ, такъ и держи себя строго, по-господски, а не то что въ карманъ хапать. Перевелись нынче настоящіе господа, надо прямо сказать; оттого и народу тѣсно.

— Тѣсно?

— Не приведи Богъ, ваше высокородіе! Прямо что правды для нашего брата вовсе не стало... Ну, вы, шевелись, что-ли! Чего уши-то развѣсили?.. Ну! Я-те похитрю, лукавая!

Коляска въѣзжала уже въ усадьбу Почаева, и кучеръ видимо намѣревался подкатить къ крыльцу съ достаточной лихостью.

Почаевъ принялъ гостя ласково и вмѣстѣ шутливо, что было съ его стороны знакомъ искренняго благоволенія.

— Душевно радъ васъ видѣть!—заявилъ онъ, крѣпко пожимая руку Хлуденева.—Сынъ Андрея Николаевича и племянникъ Натальи Николаевны не можетъ не быть для меня дорогимъ, желаннымъ гостемъ. Но вы-то какъ рѣшились посѣтить такую опальную персону, какъ я? Позвольте васъ, однако, познакомить. Нашъ земскій врачъ, Сергѣй Кирилловичъ Бологонцевъ. Ваше Хлуденево тоже въ его участкѣ.

— Очень радъ.

Юрій Андреевичъ протянулъ руку господину лѣтъ тридцати на видъ, съ некрасивымъ и немножко хмурымъ лицомъ, въ какой-то рабочей блузѣ не первой чистоты и въ высокихъ, такъ называемыхъ „болотныхъ“ сапогахъ.

Врачъ поклонился Хлуденеву, но, къ нѣкоторому его изумленію, спряталъ обѣ свои руки назадъ, за спину.

— Простите!—сказалъ онъ.—Я не позволяю себѣ пожать вамъ руку, потому что пріѣхалъ сюда „по оспенному дѣлу“, уже посѣтилъ всѣхъ больныхъ и не переодѣвался. Не лучше ли мнѣ уйти пока, Петръ Семеновичъ?

— Это ужъ пусть рѣшаетъ нашъ столичный гость. Вы какъ? Боитесь заразы?

— Право, не знаю. Никогда объ этомъ не думалъ. Да вѣдь вотъ вы же не боитесь?

— Ну, мы въ деревнѣ обстрѣлянные люди. Гдѣ тутъ беречься! Я вотъ ужъ шестьдесятъ-пять лѣтъ все трусь возлѣ всевозможныхъ заразъ, но покуда—не сглазить бы—остался цѣлъ и невредимъ. Однако, если почитать всѣ ученые ужасы по поводу микробовъ—поневолѣ убѣжишь отъ господъ докторовъ безъ оглядки.

— Ну,—рѣшилъ Юрій Андреевичъ,—я вѣдь теперь тоже деревенскій; значитъ, беречься и мнѣ не къ лицу.

Digitized by Google

Въ душѣ, однако, Хлуденевъ, истый петербуржецъ, былъ не совсѣмъ спокоенъ. „Скверная болѣзнь!“—думалъ онъ про себя.

— Садитесь, дорогой гость!—пригласилъ хозяинъ.—Что же, успѣли вы у насъ сколько-нибудь осмотрѣться? Нравится вамъ?

— Еще ничего не понимаю. Точно съ луны свалился. Я вѣдь къ вамъ съ нескромной, можетъ быть, просьбой, Петръ Семеновичъ: разскажите мнѣ о здѣшнихъ людяхъ.

— А вы успѣли съ кѣмъ-нибудь познакомиться?

— Съ Пинегиными и съ Трофимовымъ-Завистовскимъ.

— И, конечно, всѣ они усиленно приглашали васъ занять предводительское мѣсто?

— Почему вы знаете?

— Ну, вотъ!

— Что же это, подвохъ, насмѣшка, или просто болтовня?

— Нисколько. Правильный разсчетъ. Предводителемъ, если пожелаете, вы будете непремѣнно, по самой силѣ вещей, хотятъ эти господа или нѣтъ. Слѣдовательно, имъ явная выгода—сразу примкнуть къ необходимому рѣшенію вопроса, да еще и выслужиться въ вашихъ глазахъ. Мы-де для васъ усердствовали!

— Хорошо. А прилично ли и умно ли будетъ съ моей стороны разомъ лѣзть въ предводители?

— Если вы рѣшили жить и трудиться съ нами, почти забывъ о Петербургѣ, то да, прилично и умно, при существующихъ обстоятельствахъ. Но, разумѣется, вамъ нужно заручиться добрымъ расположеніемъ и откровенными совѣтами лучшихъ людей въ уѣздѣ. Это у насъ не трудно. Первое время походите на помочахъ, осторожно, а тамъ и на свои ноги станете.

— Такъ не лучше ли переждать это первое время въ тѣни и не лѣзть впередъ?

— Нѣтъ, не лучше. Некого пустить на предводительское мѣсто, не у кого вамъ будетъ поучиться. Да и чѣмъ скорѣе сами окунетесь въ настоящее дѣло, тѣмъ скорѣе выростете изъ пеленокъ. А вы здѣсь нужный, очень нужный человѣкъ.

— Позвольте, Петръ Семеновичъ, вы меня не знаете. Я могу оказаться самымъ вздорнымъ шалопаемъ.

Старикъ улыбнулся.

— И къ этому мы привыкли. Такъ васъ тогда и запишемъ. Но слухами земля полнится. Кое-что не совсѣмъ плохое мы съ докторомъ уже про васъ слышали. Правда, Сергѣй Кириловичъ?

— Да, отъ такихъ людей, которые рѣдко ошибаются.

Хлуденевъ удивился.

Digitized by Google

— Меня здѣсь еще никто не знаетъ. Неужто отъ Пинегиныхъ или Трофимова-Завистовскаго?

— Ну, подобной рекомендаціи мы съ докторомъ особаго значенія не придаемъ. Правда, Сергѣй Кирилловичъ?

Бологонцевъ отвѣтилъ только презрительной гримасой.

— Такъ отъ кого же?

— А вотъ докторъ побывалъ вчера у васъ во Хлуденевѣ, тоже по оспенному дѣлу...

— Какъ, развѣ и тамъ есть?

— Начинается. Занесли!—хмуро буркнулъ Бологонцевъ.— И, пожалуй, пойдетъ широко... Скверный характеръ.

— Покорнѣйше благодарю!

— Поживете у насъ—всего насмотритесь.

— Но развѣ оспу не прививаютъ дѣтямъ обязательно?

— Какъ не прививать—прививаютъ.

— Въ такомъ случаѣ, откуда же?..

— Да, вотъ, откуда! А могу я ручаться, что въ участкѣ съ пятью сотнями квадратныхъ верстъ я усмотрѣлъ каждаго ребенка въ каждой избѣ, особливо если отъ меня еще иной разъ и прячутся съ большого ума?

— Неужто прячутся?

— Ну, теперь, положимъ, кажется, ужъ нѣтъ этого; но прятались. Кромѣ того, эпидемія съ такимъ анаѳемски-злостнымъ характеромъ, какъ нынѣшняя, не щадитъ вѣдь и взрослыхъ.

— Покорнѣйше благодарю!

— Не на чемъ.

Помолчали.

— А что за люди, скажите,—обратился Юрій Андреевичъ къ Почаеву,—Пинегины и Трофимовъ-Завистовскій?

— Пинегиныхъ вы, конечно, ужъ сами разсмотрѣли. А Трофимовъ—человѣкъ тонкій, теперь первый воротила въ уѣздѣ, хотя за душой у него ни копѣйки. Интриганъ, мѣдный лобъ, но вмѣстѣ съ этимъ человѣкъ очень заносчивый; крайне неразборчивъ въ нравственномъ смыслѣ, то-есть, по просту, воръ и взяточникъ при всякомъ удобномъ случаѣ; все добытое, однако, тутъ же и прокучиваетъ самымъ безтолковымъ способомъ. Наконецъ, онъ—спеціальный другъ и пріятель нашего почтеннаго доктора, Сергѣя Кирилловича,—души въ немъ не чаетъ.

Петръ Семеновичъ говорилъ это, улыбаясь, а Бологонцевъ фыркалъ, съ гнѣвнымъ блескомъ въ глазахъ.

— То-есть, онъ меня ненавидитъ, и поклялся выжить изъ уѣзда. Ну, и чортъ съ нимъ! Конечно, выживетъ... Еслибы не

Digitized by Google

одно обстоятельство, я бы самъ минуты не остался. Большая охота въ такомъ земствѣ служить! Провались они...

— Позвольте, Сергѣй Кирилловичъ!—воскликнулъ Почаевъ, явно поддразнивая.—А что же станется съ великой идеей земской медицины? со служеніемъ народу? съ выдержкою, не только матеріальной, но и нравственной? съ готовностью поступиться, ради дѣла, всѣми побрякушками самолюбія, личной раздражительности и т. д.? Это все въ трубу?

— Жить и служить можно въ другомъ мѣстѣ...

— Хотѣлъ бы я знать, какое же это „одно обстоятельство" оказалось болѣе устойчивымъ, чѣмъ всѣ былыя мечты и рѣшенія?.. Ужъ не зовутъ ли это обстоятельство Марьей Ивановной? а, докторъ?

Бологонцевъ густо покраснѣлъ.

— Ну! Глупости!—буркнулъ онъ кратко, отмахиваясь рукой.

XII.

Юрій Андреевичъ пробылъ у Почаева до поздняго вечера, явно успѣлъ ему понравиться и велъ со старикомъ длинныя, откровенныя бесѣды какъ о дѣлахъ и людяхъ въ уѣздѣ, такъ и о своихъ собственныхъ хозяйственныхъ затрудненіяхъ. Рѣчь шла о текущихъ интересахъ земскаго дѣла въ уѣздѣ и въ губерніи, объ его очередныхъ задачахъ и выдающихся дѣятеляхъ, о хозяйственномъ положеніи мѣстнаго крестьянства, постановкѣ волостныхъ учрежденій, и пр., и пр. По естественному чувству приличія и сдержанности, Хлуденевъ коснулся своихъ личныхъ дѣлъ и предполагаемыхъ занятій въ новомъ имѣніи лишь очень слегка, въ самыхъ общихъ чертахъ, считая неделикатнымъ сразу навязываться съ ними къ незнакомому дотолѣ человѣку, какъ бы ни было искренно и долготерпѣливо его добродушіе. Но Почаевъ такъ просто, такъ охотно пошелъ къ нему на встрѣчу даже въ этомъ отношеніи, выказалъ такое искреннее удовольствіе, узнавъ, что молодой собственникъ не намѣренъ оставаться праздным неучемъ среди своихъ же владѣній,—наконецъ, самъ первый безъ всякой просьбы такъ щедро засыпалъ его предложеніемъ своихъ услугъ—„по-сосѣдски", „по старинѣ", „какъ бывало съ покойной Натальей Николаевной",—что Хлуденевъ не то смутился, не то умилился духомъ. Старикъ готовъ былъ подѣлиться съ начинающимъ хозяиномъ и сѣменами, и рѣдкими плодовыми растеніями, и племенной птицею или другими, еще

Digitized by Google

болѣе цѣнными представителями своего хозяйственнаго животноводства, заслужившаго громкую извѣстность.

Хлуденевъ, наконецъ, даже сконфузился.

— Позвольте, Петръ Семеновичъ,—сказалъ онъ,—зачѣмъ же я васъ обирать буду? съ какого права?

— Меня обирать? Нѣтъ, сударь, не на того напали. За все взыщу съ васъ чистыми денежками; самъ обдеру васъ, какъ липку... Послушайте, а еслибы даже вы мнѣ, старику, и остались немножко обязаннымъ—убыло бы васъ отъ этого? Право, вы, нынѣшніе молодые люди, слишкомъ ужъ къ намъ строги, къ умирающимъ-то. Мы и безъ того, волей-неволей, уступаемъ вамъ дорогу; такъ ужъ не великодушно съ вашей стороны еще и фыркать на насъ. Погодите, сами состаритесь. Тогда вы, можетъ быть, испытаете, какъ дорого человѣку знать, что не все его дѣло вмѣстѣ съ нимъ уходитъ въ могилу, что кое-какой слѣдъ на землѣ, хотя бы самый маленькій и скромный, онъ все-же за собой оставитъ. Я любилъ свое дѣло не изъ-за однѣхъ выгодъ...

— У Петра Семеновича ни для кого изъ хозяевъ нѣтъ отказа ни въ совѣтѣ, ни въ помощи,—вмѣшался докторъ Бологонцевъ.—Однако, очень немногіе умѣютъ не только оцѣнить это, какъ слѣдуетъ, а даже пользоваться такой благодатью хотя бы въ интересахъ своего собственнаго брюха. Народецъ!

— Ну, Сергѣй Кирилловичъ у насъ пессимистъ давно извѣстный!—разсмѣялся Почаевъ.—Онъ даже Агнію Степановну отрицаетъ.

— А это кто—Агнія Степановна?

— Молодая, чувствительная вдова, дочь предсѣдателя земской управы и собственница прекраснаго хуторка. Несмотря на несокрушимое здоровье, она лечится не только съ изумительнымъ постоянствомъ, но и сама готова въ любой моментъ сдѣлаться докторшею... по мужу. Такъ вѣдь, Сергѣй Кирилловичъ?

Бологонцевъ сердито насупился.

— Не знаю. Не спрашивалъ.

— Вотъ это-то и дурно съ вашей стороны, коль скоро вопроса ждутъ такъ нетерпѣливо.

— Охота вамъ, право... языкъ чесать!

Докторъ досадливо всталъ со своего стула и отошелъ къ окну, повернувшись спиною къ собесѣдникамъ.

— Не нравится?—спросилъ Почаевъ.—То-то вотъ и есть! Совѣсть не чиста. Врачъ долженъ быть готовъ на все, чтобы

Digitized by Google

облегчить страданія и умѣрить горячечный пылъ своихъ паціентовъ.

— Довольно, Петръ Семеновичъ! Не то я уйду...

— Ну, ну, не сердитесь! Я вѣдь при Марьѣ Ивановнѣ держу языкъ за зубами, не выдаю васъ.

Появилась горничная съ докладомъ, что къ доктору пришелъ фельдшеръ, ѣздившій на пунктъ за запасомъ медицинскихъ средствъ. Онъ, молъ, все привезъ, что было приказано.

— Привезъ?—живо обернулся докторъ.—Ну, и отлично. Значитъ, я сейчасъ ѣду. Петръ Семеновичъ, фельдшера я у васъ, какъ было условлено, покуда оставляю; а самъ буду опять въ четвергъ.

— Вы теперь куда же?

— Въ Хлуденево, завезу лекарства, пересмотрю больныхъ и сейчасъ же въ Ступовку. Тамъ покуда эпидемія всего сильнѣе, а слѣдовательно тамъ и моя главная квартира будетъ.

— У кого же? Попъ васъ не пуститъ.

— Притулюсь гдѣ-нибудь въ хатёнкѣ... Не бѣда.

— Если вы въ Хлуденево, такъ позвольте мнѣ подвезти васъ,—предложилъ Юрій Андреевичъ.

— Очень благодаренъ, если это васъ не стѣснитъ.

— Стемнѣло совсѣмъ, и ночь безлунная,—замѣтилъ Почаевъ.—Можетъ быть, переночевали бы, а?

— Я не могу,—отвѣтилъ Бологонцевъ.—Завтра чуть свѣтъ нужно приняться за дѣло.

— А ко мнѣ хотѣлъ завтра пріѣхать Трофимовъ-Завистовскій,—отозвался Юрій Андреевичъ.—Даже предупредилъ меня о томъ; и Богъ вѣдаетъ, когда именно онъ вздумаетъ пожаловать,—можетъ быть, тоже въ ранній часъ.

Распростившись съ новымъ знакомцемъ, Хлуденевъ поѣхалъ домой въ очень пріятномъ расположеніи духа. Онъ пріобрѣлъ множество цѣнныхъ свѣдѣній о людяхъ и дѣлахъ въ уѣздѣ, а главное—получилъ увѣренность, что въ случаѣ надобности онъ всегда можетъ разсчитывать на умный и нелицепріятный совѣтъ или на правдивое указаніе. Такимъ образомъ, онъ на новомъ мѣстѣ впервые почувствовалъ нѣчто въ родѣ твердой почвы подъ своими ногами.

— Сергѣй Кирилловичъ!—обратился Хлуденевъ къ своему спутнику, когда они стали усаживаться въ коляску.—Развѣ мы поѣдемъ вдвоемъ?

— А кто же еще?

— Фельдшера вы не берете съ собою?

Digitized by Google

— Нѣтъ, онъ здѣсь необходимъ.

— Я знаю. Но я полагалъ, что другого вы дадите въ Хлуденево. Кто же будетъ смотрѣть за больными?

— Другого? Откуда? У меня только одинъ и есть на цѣлый участокъ. Такъ онъ необходимъ при пріемномъ покоѣ. Тотъ, что у Почаева остался, уже добавочный, экстренный, изъ уѣзднаго города. Насилу добился его отъ управы. Но больше не дадутъ, хоть распросись. Впрочемъ, въ Хлуденевѣ у меня и безъ фельдшеровъ дѣло пойдетъ какъ нельзя лучше.

— Почему?

— Тамъ у меня есть фельдшеръ-доброволецъ, любитель, который, однако, за поясъ заткнетъ всѣхъ аттестованныхъ.

— А! Ну, это прекрасно! А меня привлеките къ отвѣтственности. Чѣмъ только могу вамъ посодѣйствовать,—пожалуйста, не стѣсняйтесь требовать.

— Спасибо. Воспользуюсь.

Въ Хлуденево пріѣхали поздно, во второмъ часу ночи. Юрій Андреевичъ, ложась въ постель, приказалъ разбудить себя въ девять часовъ утра, и думалъ, что совершаетъ нѣкоторое подвижничество для усвоенія себѣ настоящихъ деревенскихъ привычекъ. Но когда на слѣдующій день онъ вышелъ изъ спальни въ столовую, гдѣ кипѣлъ самоваръ на столѣ, обильно уставленномъ вкусными вещами, и освѣдомился о своемъ гостѣ-докторѣ, оказалось, что того и слѣдъ простылъ.

— Когда же онъ всталъ?—удивился Юрій Андреевичъ.

— Да еще на зорькѣ, солнце не всходило.

— Напился ли онъ чаю, по крайней мѣрѣ?

— Было не хотѣли, заторопились. Но у Настасьи Ѳедоровны самоваръ въ ту пору уже готовъ былъ; такъ они выпили два стакана съ чернымъ хлѣбомъ. Они всегда такъ: скоро, скоро; минуточки даромъ не упустятъ.

— Что-жъ, развѣ дѣла много?

— Дѣловъ много, что и говорить. Отъ нихъ никому нѣтъ отказа. Прямо сказать, богомольцевъ за Сергѣя Кирилловича найдется довольное число.

XIII.

Около полудня, на тройкѣ сборныхъ и сомнительныхъ лошадёнокъ, но въ довольно нарядномъ тарантасѣ, пріѣхалъ къ Юрію Андреевичу Трофимовъ-Завистовскій.

Digitized by Google

Земскій начальникъ держалъ себя просто, вѣжливо, умно и вмѣстѣ съ какой-то удивительной, почти стихійной открытостью. Можно было подумать, что этотъ человѣкъ не только не способенъ затаить въ себѣ мысль или чувство, но даже не въ состояніи допустить эту способность въ другихъ. Онъ при случаѣ такъ же естественно и непринужденно говорилъ о своихъ собственныхъ интимныхъ обстоятельствахъ или поступкахъ, какъ естественно и непринужденно предлагалъ нѣсколько неожиданные вопросы собесѣднику. Несмотря на нелестную аттестацію Почаева или Настасьи Ѳедоровны, несмотря даже на недовѣріе, возбуждаемое въ Хлуденевѣ какимъ-то отдаленнымъ сходствомъ Саввы Ильича съ лицомъ предосудительной нравственности, въ общемъ земскій начальникъ производилъ на нашего героя впечатлѣніе пріятное или даже почти симпатичное.

Почти тотчасъ же послѣ первыхъ привѣтствій Савва Ильичъ заговорилъ о дѣлѣ, которое, „помимо соображеній о личномъ удовольствіи", привело его къ Хлуденеву.

— Къ покойной Натальѣ Николаевнѣ, — говорилъ земскій начальникъ, — сосѣдніе лупихинскіе крестьяне предъявили совершенно нелѣпый искъ или споръ о завладѣніи ею, будто бы, одной десятиною принадлежащаго имъ луга. Спорный лужокъ находится въ урочищѣ Пожарномъ, на суходолѣ, въ видѣ отдѣльнаго куска, и за рѣчкою Лызять, которая составляетъ живой рубежъ между владѣніями хлуденевской экономіи и крестьянъ деревни Лупихино; то-есть, лужокъ находится на хлуденевскомъ берегу. Кромѣ того, Савва Ильичъ, какъ мѣстный старожилъ и бывшій непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія, отлично знаетъ, что лужкомъ всегда пользовалась Наталья Николаевна, а лупихинскіе крестьяне только брали его въ аренду. Слѣдовательно, претензія ихъ вздорная; возникла же единственно потому, что покойная владѣтельница почему-то отказала имъ въ продолженіи многолѣтней аренды. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ Наталья Николаевна на судоговореніе по вызову не явилась и никого за себя не прислала, истцы же подтверждали свои претензіи какими-то сомнительными свидѣтелями, Савва Ильичъ, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ постановить рѣшеніе о возстановленіи владѣнія крестьянъ лужкомъ, яко бы нарушеннаго покойной Натальей Николаевною. Савва Ильичъ былъ, конечно, вполнѣ увѣренъ, что со стороны послѣдней тотчасъ послѣдуетъ апелляція и рѣшеніе будетъ отмѣнено. Но Наталья Николаевна, по непостижимымъ соображеніямъ, не апеллировала, такъ что рѣшеніе земскаго начальника вошло въ законную силу, и предпочла заявить споръ о правѣ собствен-

Digitized by Google

ности на землю въ окружномъ судѣ, навязавши такимъ образомъ себѣ и наслѣднику крайне непріятныя хлопоты — непріятныя тѣмъ болѣе, что лужкомъ-то повуда безъ всякаго права будутъ пользоваться лупихинцы, а это ихъ торжество можетъ развлекомить и другихъ на захваты. Для Юрія Андреевича, какъ для новаго хозяина, крайне важно сразу положить предѣлъ подобнымъ мечтаніямъ и доказать, что съ него взятки гладки. Хотя рѣшеніе о лужкѣ вступило въ законную силу, но, въ виду болѣзни покойной Натальи Николаевны и наступившаго затѣмъ въ Хлуденевѣ хозяйственнаго междуцарствія, Савва Ильичъ находитъ возможнымъ возстановить срокъ для подачи апелляціонной жалобы, при чемъ готовъ поручиться, что съѣздъ отмѣнитъ рѣшеніе непремѣнно, и такимъ образомъ все это непріятное и нелѣпое дѣло будетъ благополучно закончено. Юрію Андреевичу необходимо только подать прошеніе о возстановленіи срока, съ указаніемъ вышеизложенныхъ мотивовъ. Хлопотливую же и ненужную волокиту въ окружномъ судѣ можно затѣмъ отмѣнить вовсе. А что лупихинскіе крестьяне удовлетворятся рѣшеніемъ съѣзда и никакихъ иныхъ кляузъ не затѣютъ, въ томъ земскій начальникъ опять-таки безусловно увѣренъ и ручается.

Юрію Андреевичу, разумѣется, оставалось только благодарить Трофимова-Завистовскаго за его любезность.

— Нѣ за что!—спокойно отвѣтилъ Савва Ильичъ.—Какой же былъ бы земскій начальникъ, еслибы допускалъ захваты и беззаконія, только довольствуясь соблюденіемъ формы! Духъ сутяжничества и безъ того черезчуръ развивается между крестьянами. Теперь часто услышишь такое требованіе: кто правъ, кто виноватъ—это, молъ, Господу вѣдомо; а судить прошу „по закону“. То-есть, другими словами, совѣсть и законъ въ глазахъ крестьянъ—двѣ вещи совершенно различныя.

— Откуда же это сталось?

— Гм!... По правдѣ сказать, ни администрація, ни судъ не воспитывали въ деревнѣ особаго уваженія въ правдѣ. А тутъ еще эти сельскіе аблакаты поразвелись, профессіональные и любители. У васъ въ Хлуденевѣ тоже имѣется яко-бы безкорыстный другъ и защитникъ крестьянъ, на самомъ же дѣлѣ отъявленный кляузникъ и задира, отъ котораго я васъ очень предостерегаю... хотя онъ, кажется, пользовался особыми симпатіями вашей экономки, слѣдовательно и покойной Натальи Николаевны.

— Кто это?

— Нѣкій Провальный. Въ высшей степени злобный смуть-

Digitized by Google

янъ и пакостникъ, готовый навредить каждому даже вполнѣ безкорыстно, просто изъ любви къ искусству. Онъ тѣмъ опаснѣе, что корчитъ изъ себя праведника, и притомъ настолько ловко, что умѣлъ втереться чуть не въ дружбу не то что къ какой-нибудь Настасьѣ Ѳедоровнѣ—они два сапога пара,— а, напримѣръ къ самому Почаеву. Этотъ человѣкъ не можетъ успокоиться, пока не сочинитъ какой-нибудь мерзости или, по крайней мѣрѣ, не разогорчитъ и не разобидитъ чувствительно всякаго, кто ему покажется выше и лучше его. Зелье, однимъ словомъ!

— А что такое Почаевъ?

— Умнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ во всемъ уѣздѣ, да, пожалуй, и во всей губерніи.

— Отчего же онъ не у дѣлъ?

— Самъ уклонился... Можетъ быть, отчасти и потому, что его дразнили... Но, вообще, такой человѣкъ, конечно, не могъ мириться съ тѣми людьми и съ тѣмъ режимомъ, которые у насъ теперь царятъ въ уѣздѣ... къ огорченію всѣхъ порядочныхъ людей.

— Вы меня удивляете,—рѣшился сказать Юрій Андреевичъ, смѣло глядя Трофимову-Завистовскому прямо въ глаза.—А Почаевъ утвердительно говорилъ мнѣ вчера, будто именно вы являетесь главнымъ воротилою въ нашемъ уѣздѣ, по дудочкѣ котораго всѣ пляшутъ, и первый между всѣми—предводитель Пинегинъ.

Савва Ильичъ чуть-чуть усмѣхнулся, поводя плечами.

— Музыка знакомая!—сказалъ онъ спокойно.—Петръ Семеновичъ не можетъ простить мнѣ, что я продолжаю служить и даже ладить съ нынѣшними гг. дѣятелями, послѣ того, какъ видалъ въ уѣздѣ лучшіе дни. Онъ не хочетъ понять, что не всѣ, подобно ему, въ состояніи сложить руки въ спокойномъ far niente. У меня семья и долги вмѣсто имущества. Да, признаться, я и не усматриваю особыхъ заслугъ въ воздержаніи. Развѣ лучше все отдать въ ненадежныя руки? Почему я брошу свое дѣло, пока могу вести его, какъ умѣю и какъ нахожу лучшимъ? Относительно всѣхъ другихъ я только молчу и не вмѣшиваюсь, пока знаю, что совершенно безсиленъ. Но пусть явится хотя маленькая надежда на поворотъ къ лучшему въ дѣлахъ уѣзда, и, конечно, я не останусь безучастнымъ. Я не уѣздный воротила, разумѣется. Это слишкомъ много чести для человѣка въ моемъ положеніи и безъ всякихъ средствъ. Но, благодаря моему знакомству съ уѣздомъ и довѣрію многихъ, которымъ я позволю себѣ немножко гордиться, я, конечно, сыгралъ бы не послѣднюю

Digitized by Google

роль въ уѣздной революціи. Вотъ пусть бы Петръ Семеновичъ Почаевъ согласился баллотироваться въ предводители,—я, конечно, готовъ былъ бы безпрекословно и не разсуждая повиноваться каждому его указанію.

— А въ самомъ дѣлѣ, почему онъ не баллотируется? Развѣ онъ не имѣетъ шансовъ пройти?

— Богъ съ вами! Ни одного чернаго шара не явилось бы.

— Такъ почему же?

— То-то и есть, что критиковать легче, чѣмъ самому лѣзть въ петлю. Впрочемъ, я признаю, что Петръ Семеновичъ уже столько послужилъ уѣзду и въ такихъ лѣтахъ, которыя даютъ ему право на отдыхъ и спокойствіе... Какъ ни верти,—придется за васъ браться. Спасибо еще, что подвернулись въ самое время. Что-жъ, все-таки хоть свѣжимъ воздухомъ повѣетъ. А можетъ быть, дастъ Богъ, еще и путное что-нибудь выйдетъ.

— Но я совсѣмъ новичокъ, ничего не знаю.

— Ну, найдутся люди, которые на первое время готовы будутъ помочь вамъ всячески. Одинъ Почаевъ Петръ Семеновичъ чего стоитъ! Если захочетъ вступиться—можете довѣрять ему слѣпо. Правда, онъ по-стариковски властолюбивъ и не терпитъ противорѣчій, немножко непріятенъ въ этомъ отношеніи... Но, для пользы дѣла, можно и перенести кое-что. Вамъ же, Хлуденеву и владѣльцу Хлуденева—говорю это по совѣсти и по убѣжденію — даже неприлично отказываться отъ предводительства въ настоящихъ обстоятельствахъ. А тамъ— поступайте, какъ знаете!

XIV.

Трофимовъ-Завистовскій произвелъ на Юрія Андреевича рѣшительно благопріятное впечатлѣніе.

„Я не ребенокъ, — говорилъ себѣ Хлуденевъ,—чтобы смотрѣть на людей только чужими глазами. Конечно, очень можетъ быть и даже вполнѣ вѣроятно, что Савва Ильичъ далеко не безупречная личность. Онъ вѣдь и самъ не отвергаетъ, что способенъ на компромиссы. „Семья, молъ, а вмѣсто имущества — долги". Но... гдѣ же они, абсолютные-то праведники? особливо изъ неимущихъ? Допускаю, наконецъ, что „земскій" и пожить любитъ, или любилъ въ свое время, можетъ быть больше, чѣмъ въ обычномъ среднемъ размѣрѣ. Ну, и что же изъ того? Значитъ ли это, что въ немъ ужъ ничего нѣтъ, кромѣ свинства?

Digitized by Google

Однако, онъ далеко не восхищенъ существующимъ порядкомъ дѣлъ въ уѣздѣ, хотя, по словамъ Почаева, играетъ въ немъ не только выгодную, но даже почетную и вліятельную роль. Это ужъ кое о чемъ свидѣтельствуетъ. А его отношеніе къ самому Почаеву! Не можетъ вѣдь Завистовскій не знать, что Петръ Семеновичъ отзывается о немъ презрительно или даже злобно, и однако—признаетъ его „умнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ во всемъ уѣздѣ". Неужто способенъ на это отпѣтый негодяй? Понравилось мнѣ и признаніе, что Провальный „пакоститъ безкорыстно". Видимо, между ними вышло столкновеніе, можетъ быть, не разъ даже; однако и врага Завистовскій оклеветать не рѣшается. А что Провальный нѣсколько озлобился въ своихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, сталъ сварливъ и недовѣрчивъ, такъ это очень можетъ быть. Какъ угодно, но даже вліятельное и прочное положеніе въ уѣздѣ такого прогорѣвшаго бѣднякa, какъ Завистовскій, доказываетъ, что въ немъ есть что-то цѣнное и сильное... Нужно, однако, разспросить Настасью Ѳедоровну о дѣлѣ съ лупихинскими крестьянами".

Хлуденевъ отправился разыскивать свою домоправительницу и сообщилъ ей предложеніе земскаго начальника о возстановленіи срока апелляціи и пересмотрѣ дѣла въ съѣздѣ.

Настасья Ѳедоровна выслушала холодно и дѣловито.

— Что-жъ, это хорошо,—рѣшила она сразу.— Разумѣется, такъ выгоднѣе, чѣмъ тянуть дѣло въ окружномъ судѣ. Только денегъ Завистовскому не давайте. Это онъ занять у васъ подбирается.

— Какъ, денегъ! Какое же это имѣетъ отношеніе?

— Да ужъ вѣрно я вамъ говорю!—объявила домоправительница съ гримаской невыразимаго презрѣнія. — Мнѣ ли его не знать? Да вѣдь и дѣло-то все онъ же затѣялъ, на зло покойницѣ. Сами лупихинскіе и не подумали бы.

— Какъ, онъ затѣялъ?

— А такъ! Приказалъ имъ подать себѣ жалобу, научилъ подставить свидѣтелей — все какъ есть. Наталья Николаевна даже повѣстки не захотѣли принять,— знали, что правды, все равно, не будетъ, а прямо обратились въ окружный судъ.

— Не могъ же онъ, однако, на судѣ противъ документовъ постановить рѣшеніе!

— Какіе документы? Купчую или планъ онъ не въ правѣ принять къ разсмотрѣнію. А снимали крестьяне лугъ по словесному, а не по письменному договору; такъ повелось издавна. Слѣдовательно, и документовъ нѣтъ. Крестьяне могутъ доказать,

Digitized by Google

что косили лугъ дѣйствительно они. А какъ косили, по какому праву—это можно установить только свидѣтельскими показаніями. Кто же мѣшаетъ земскому крестьянскимъ свидѣтелямъ вѣрить, а вашимъ нѣтъ?

— Однако, Настасья Ѳедоровна, вы настоящая законница.

— Слава Богу, не малолѣтняя. Пора и знать что-нибудь. Пришлось повидать всякое...

— Я, впрочемъ, все-таки не могу понять разсчета крестьянъ. Ну, хорошо, земскій присудитъ. Такъ вѣдь зато окружный судъ все дѣло опять повернетъ, и виновнымъ въ захватѣ придется заплатить убытки вдвое или втрое, да еще судебныя пошлины, за веденіе дѣла и пр. Это—чистое разореніе.

— Кто же съ нихъ взыскивать будетъ?

— Разумѣется, судебный приставъ.

— Да, но продажа ихъ имущества можетъ состояться только съ разрѣшенія того же земскаго начальника. Крестьяне покосомъ все-таки года два попользуются даромъ—не такъ вѣдь скоро въ судахъ толку добьешься—и взять съ нихъ потомъ нечего, потому что земскій начальникъ не усмотритъ въ ихъ имуществѣ ничего допустимаго въ продажу.

— Позвольте, Настасья Ѳедоровна, да что же это—безсудица какая-то!

— А какъ вы думали?

— Наконецъ, и на постановленіе земскаго начальника можно жаловаться.

— Какъ? Во-первыхъ, у крестьянъ сплошь да рядомъ и въ самомъ дѣлѣ продать нечего, а во-вторыхъ... Да вотъ случай. Натальѣ Николаевнѣ приходилось взыскать сто восемь рублей шестьдесятъ копѣекъ съ Мирончика—это такой богатѣй есть въ сосѣднемъ селѣ, въ Алексѣевскомъ. Всѣ знаютъ, что онъ крестьянамъ деньги подъ закладъ раздаетъ. Ну, а Завистовскій, на зло покойницѣ, ничего изъ имущества по описи продать не разрѣшилъ, да и опись-то сдѣлали неправильно, многое скрыли. Однако, все-таки, значились въ ней и лишнія постройки, и три лошади, и овцы. Наталья Николаевна разгнѣвались и обжаловали постановленіе земскаго начальника. А ему только того и нужно. Что тутъ поднялось! На всю губернію звонъ пошелъ; даже въ газетахъ писали, будто Наталья Николаевна, богатая помѣщица, не совѣстится съ нищихъ крестьянъ послѣднее тащить. Это покойница-то! Изъ справедливыхъ справедливая! Даже плакали онѣ разъ надъ газетой—такъ имъ горько показалось. А Завистовскій въ губернскомъ городѣ подписку устроилъ, помочь-де бѣдняку

Digitized by Google

Мирончику съ жадной старухой расплатиться; даже свои десять рублей подписалъ. Но потомъ, разумѣется, всѣ деньги себѣ прикарманилъ, а Мирончика заставилъ уплатить сполна.

— Не можетъ быть!?

— Разспросите у насъ объ этомъ кого угодно, хоть самого Мирончика—всѣ знаютъ. Провальный Иванъ Алексѣевичъ тогда же все провѣдалъ и даже уговорилъ Мирончика подать искъ на Завистовскаго въ суммѣ ста рублей, которые собраны въ его пользу, но ему не выданы.

— Не можетъ быть!? Ну, и что же вышло изъ этого иска?

— Помирились. До судебнаго рѣшенія не дошло.

— И это все знали въ уѣздѣ?

— Конечно, знали.

— Ну, и что же?

— Какъ, что?

— И всѣ ничего? Всѣ по прежнему?

— А чему быть-то? Э, сударь, то ли у насъ дѣлается да съ рукъ сходитъ. Вотъ поживете—увидите. Спросите, на какія средства Завистовскій проживаетъ четыре, пять тысячъ въ годъ? Вѣдь, кажется, видимое дѣло, что взять ему ихъ негдѣ. Всѣ это отлично понимаютъ. Не можетъ не знать этого и начальство... не за горами тоже живетъ, на людяхъ же. Ну?

— Почему же это терпятъ?

— Потому что плохонькаго щенка и безъ вины всякій ногой пихнётъ; а вороватому, но зубастому псу многое спускается. Какъ бы, молъ, не тяпнулъ такъ, что долго помнить будешь. Ну его! Пусть съ нимъ возятся тѣ, кого онъ обидѣлъ. А вѣдь умный песъ хорошо знаетъ, гдѣ можно своровать, а гдѣ и святошей прикинуться надо.

— Такъ Завистовскій—умный песъ?

— Уменъ. Прорывается только на томъ, что слишкомъ ужъ злобенъ да мстителенъ, да высоко о себѣ понимаетъ. Каждаго надѣется вокругъ пальца обернуть... Ну, иной разъ и нарвется. Впрочемъ, гдѣ нельзя взять ловкостью, онъ безстыдствомъ своего добивается. Вѣдь у него лобъ не то что мѣдный, а всякую мѣдь прошибетъ насквозь.

„Чортъ побери, однако!—подумалъ Хлуденевъ, разставшись съ домоправительницей. — Въ средѣ господъ провинціальныхъ дѣятелей разобраться вовсе не такъ легко, какъ это съ перваго взгляда кажется. Гм! Я передамъ Почаеву всю бесѣду съ Завистовскимъ цѣликомъ, во всей подробности; посмотримъ, что онъ скажетъ. А какова Настасья Ѳедоровна! Прямо министръ-баба.

Digitized by Google

Ума палата. Какъ, однако, понять ея смиренную, беззавѣтную преданность покойной Натальѣ Николаевнѣ, которая была, положимъ, доброй и честной женщиной, но самаго обыкновеннаго ума и характера? Такъ о ней отзываются всѣ, ее знавшіе, да и самъ я ее очень хорошо помню именно такой же. Вѣдь мы не видались только послѣдніе два-три года, а прежде она постоянно наѣзжала къ покойному отцу и живала у насъ по недѣлямъ или даже мѣсяцамъ. Хорошая, сердечная была старуха, но—и только. А вотъ баба-министръ благоговѣетъ даже передъ ея памятью, въ монастырь идетъ, чтобы быть поближе къ „душенькѣ“ дорогой покойницы... Разберись тутъ!“

XV.

Юрію Андреевичу доложили, что его желаютъ видѣть какіе-то крестьяне.

— Зачѣмъ?

— Насчетъ работы поговорить.

— Вы не знаете, Настасья Ѳедоровна, въ чемъ дѣло?

— А это, должно быть, Васька Козловъ съ компаніей,— презрительно отвѣтила старуха.—На меня жаловаться пришли. Козловъ вѣдь?—спросила она, обернувшись къ докладчику, молодому деревенскому парню, только-что взятому въ господскій домъ „для услугъ“.

— Онъ самый!—широко улыбаясь, подтвердилъ парень.

— На васъ, жаловаться?

— Да. Они скверно вспахали свои десятины, а я не принимаю, приказала перепахать еще разъ. Вотъ и жалуются. И вѣдь говорила я Павлу Ильину, чтобы съ этимъ Козловымъ не связываться, не пускать его въ круговые—вѣчно подобьетъ на какую-нибудь пакость—такъ нѣтъ...

— Ага! Такъ это изъ тѣхъ, что обязались обработать Дальнее Поле.

— Да, да.

— И очень они плохо напахали?

— Не всѣ. Большинство сработали какъ всегда. А ужъ эти шестеро—и смотрѣть-то срамно!

— Ну, я съ ними потолкую.

Юрій Андреевичъ вышелъ къ крестьянамъ, которые поджидали его у крыльца.

— Здравствуйте. Что вамъ угодно?

Digitized by Google

Ораторомъ за всѣхъ выступилъ оборванный и краснорожій мужиченко съ лицемѣрно-степенной миною, которой противорѣчилъ живой и плутоватый взглядъ небольшихъ, глубоко-сидящихъ глазъ, иной разъ свѣтившихся скрытымъ смѣхомъ.

— Мы къ вашей милости, насчетъ разобиды. Помилосердуйте! Мы на вашей работѣ не то что лошадей, а сами себя не пожалѣли, начисто убились. Земельку-матушку пухомъ раздѣлали, чего лучше нельзя. А ваша управительница требуетъ— паши еще разъ. Помилосердуйте! Этого въ условіи не было. Я и такъ день на печи провалялся съ натуги на вашей работѣ— спину разломило. И все не въ угоду!

— Такъ вы, значитъ, хорошо вспахали, не хуже другихъ?

— Лучше, баринъ, много лучше, провалиться на семъ самомъ мѣстѣ! Для того, что, намъ извѣстно, Настасья Ѳедоровна всегда къ намъ привязывается... Бабы наши не угодили ей, видно.

— Чѣмъ?

— Ягодками, грибками, яичками ранними. Извѣстное дѣло, по нашему мужицкому положенію... А гдѣ ихъ взять?

— Такъ. Ѣдемъ смотрѣть вашу работу. Ступайте туда сейчасъ же, а я поспѣю раньше, чѣмъ вы придете. Яковъ! Скажи, чтобы мнѣ подали дрожки, да позови Павла Ильича, старосту. Я его съ собой возьму.

Хлуденевъ понималъ, что въ первомъ своемъ столкновеніи съ крестьянами онъ не долженъ выказать слабость или непониманіе собственныхъ интересовъ. Нужно было выйти изъ затрудненія съ честью и съ распущенными знаменами. Поэтому онъ поспѣшилъ къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ, чтобы посовѣтоваться и разузнать подробнѣе, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло.

Оказалось, что всѣ шестеро—„маломочные и лядащіе мужичонки“, принятые зимою на работу изъ жалости и частью по старой памяти, такъ какъ покойница Наталья Николаевна приказывала „не обижать“ такихъ и даже на отработки по условію смотрѣть снисходительно, сквозь пальцы, однако все-же въ мѣру. Да никакихъ споровъ и не бывало давно. Все затѣялъ навѣрное Васька Козловъ, чтобы поиспытать „новаго барина“. Это лѣнтяй, бездомовникъ и пьянчужка, всегда готовый пропить послѣднюю копѣйку въ веселой компаніи; но малый неглупый, задира, забіяка и неисправимый воръ. Онъ уже много разъ попадался. То сѣмена съ посѣва украдетъ, то въ лѣсу лыка надеретъ, то на огородахъ его поймаютъ, а разъ даже съ пьяныхъ глазъ въ господскую баню забрался, стащилъ ведро и оконную раму.

Digitized by Google

Первое же его наслажденіе—поднадуть кого-нибудь и выманить деньги обманомъ.

— Еще на дняхъ вышла у насъ смѣшная исторія,—разсказала Настасья Ѳедоровна съ невольной улыбкой.—Перевели нашу земскую учительницу въ другое село, по ея же просьбѣ, и нужно ей было туда свой скарбъ перевезти. Ну, стала она нанимать подводу. Разумѣется, заломили. Туда, сюда—меньше трехъ никто не беретъ. Тутъ и подвернись Васька Козловъ. „Барышня!"—говоритъ:—„дешевле меня, видно, никто не возьмется. Давай, ужъ за два свезу. Деньги до зарѣза понадобились".—Что-жъ, вези!—обрадовалась учительница.—Только постой! Вѣдь у тебя никакъ и лошади нѣтъ вовсе?—„Что вы, барышня! Зимой точно, что не было. А лѣтомъ развѣ намъ можно безъ лошади? Хоть самъ себя заложи, а купить надо. Еще какую лошадь-то я насмотрѣлъ!" — Ну, что-жъ, вези.—„Пожалуйте деньги".—На вотъ тебѣ рубль. А другой на мѣстѣ.—„Помилуйте, барышня. Я изъ-за того и взялся дешево, что деньги сейчасъ нужно. А то и Богъ съ вами! Вотъ, берите вашъ рубль назадъ".—Подумала барышня—отдала и остальной рубль.—Я сейчасъ стану укладываться. А потомъ пришлю тебѣ сказать, или сама зайду.—„Ладно!"—Что же вы думаете? Когда учительница на слѣдующій день собралась въ дорогу, Васька докладываетъ ей, что ему везти ее не на чемъ, а нужно погодить съ недѣльку, пока онъ соберется съ силами лошадку купить.—Какъ, купить! Ты же говорилъ, что у тебя есть лошадь?—„Помилуйте, барышня! Я вамъ докладывалъ, что насмотрѣлъ лошадку, важнѣющую, а купить еще покуда духу у меня не хватаетъ".—Что это за глупости! Такъ давай мои деньги назадъ!—„Никакъ невозможно. Деньги я уже въ задатокъ за кобылёнку отдалъ.—А вы не извольте безпокоиться, черезъ недѣльку, либо двѣ—доставлю васъ въ наилучшемъ видѣ".—Учительница, разумѣется, разсердилась, раскудахталась...

— Ну?

— А что же! Покричала, покричала—да съ тѣмъ и уѣхала. Пропали два рублика. Смѣялись надъ этимъ много по селу, дразнили ее дешевой подводой.

— Хорошъ, однако, гусь этотъ Васька!

— Вздорный мужичонко! Ему, пожалуй, не столько два рубля дороги, а вотъ въ кабакѣ повеличаться: ловко, молъ, обдѣлалъ, умственно! Другому не выдумать.

Юрій Андреевичъ отправился въ поле, захвативъ съ собою

Digitized by Google

старосту. Онъ обдумалъ, какъ ему поступить, обстоятельно посовѣтовавшись съ Настасьей Ѳедоровной.

Крестьяне уже поджидали его на мѣстѣ.

— Павелъ Ильичъ!—громко скомандовалъ Хлуденевъ.—Показывай мнѣ ихъ десятины!

Староста поѣхалъ верхомъ впередъ, Юрій Андреевичъ за нимъ, а сзади или о-бокъ толпою шли крестьяне.

Хлуденевъ дѣлалъ видъ, что внимательно смотритъ на пахоту и, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ напрягалъ все свое вниманіе; но—увы!—никакъ не могъ сообразить, чѣмъ одна десятина вспахана лучше или хуже другой.

Онъ упорно молчалъ, только изрѣдка покачивая головой или дѣлая неопредѣленный жестъ рукою. Повидимому, это бодрило крестьянъ. Васька Козловъ такъ и разливался сзади.

— Это ли еще не работа?—говорилъ онъ. — Коли бъ мы свои-то загоны такъ пахали—съ хлѣбомъ бы были. Да на своей земелькѣ никто насъ не подгоняетъ... Глянь-ка! Глянь-ка! Что это? Пухъ. Подъ огородъ раздѣлано, не иначе... Терёха! Это твоя десятина? Ну, молодчина ты, братъ, прямо сказать. Любодорого! Первый работникъ во всей деревнѣ.

Остальные пятеро крестьянъ поддерживали Ваську Козлова лишь краткими реченіями сочувственнаго характера:

— Вѣстимо такъ!—Что и говорить!—Кому же намъ постараться, если не барину? И т. д.

Наконецъ, всѣ шесть десятинъ были осмотрѣны.

Юрій Андреевичъ, все-таки сидя на дрожкахъ, повернулся къ крестьянамъ и спокойнымъ тономъ спросилъ:

— Такъ, по вашему, это настоящая работа, добросовѣстная?

Послѣдовали отвѣты—почти востóрженно-утвердительные.

— Павелъ Ильичъ!—такъ же спокойно обратился Хлуденевъ къ старостѣ. — Найми кого-нибудь перепахать эти шесть десятинъ. А ихъ имена—онъ кивнулъ на крестьянъ—перепиши и подай мнѣ сегодня же.

Лица вытянулись.

— Что же это будетъ? Вы судиться съ нами хотите?

— Зачѣмъ? Я до судовъ не охотникъ. А имена мнѣ нужны для памяти. Павелъ Ильичъ! Этихъ молодцовъ никогда больше на круги не брать. Поденныхъ изъ ихъ дворовъ тоже чтобы не было. И землю имъ въ аренду больше не отдавать совсѣмъ. Слышишь? Однимъ словомъ, никакого дѣла съ ними никогда не имѣть.

Digitized by Google

— Помилосердуйте, зачѣмъ же такъ? Мы лучше согласны перепахать.

— Не нужно. По вашему, вы хорошо сдѣлали, а мнѣ не нравится. Я и не спорю съ вами, а только вы мнѣ больше не нужны. Я найду такихъ, которые по-моему работаютъ.

— А мы-то какъ же?

— Это до меня не касается.

Юрій Андреевичъ тронулъ лошадь возжею.

Двое изъ крестьянъ опустились на колѣни, а за ними остальные.

— Баринъ! Пожалѣйте! Намъ безъ земли пропадать... Виноваты мы. Простите на первый разъ!

Хлуденевъ сдержалъ лошадь.

— Въ чемъ же вы виноваты? Вѣдь, по-вашему, вы хорошо вспахали? лучше чего не надо быть?

— Ну, гдѣ ужъ тамъ хорошо! Виноваты мы, что̀ и говорить. Грѣхъ попуталъ... Лошадёнокъ пожалѣли... Простите, на первый разъ, явите божескую милость!

Юрій Андреевичъ помолчалъ, раздумывая.

— Ну, хорошо. Пусть на первый разъ такъ будетъ. Вы пятеро перепашите; я пріѣду посмотрѣть. А ты, Василій Козловъ, ужъ не трудись! Ты, братъ, слишкомъ для меня хитеръ, страху на меня нагналъ. Гдѣ же мнѣ, питерскому барчуку, съ такимъ ловкачомъ тягаться! Право, я тебя боюсь, какъ бы ты совсѣмъ меня въ дураки не поставилъ. И объявляю тебѣ, вотъ при свидѣтеляхъ: чтобы впередъ нога твоя не была у меня въ усадьбѣ, ни на моей землѣ; не то я тебя связаннаго представлю къ земскому начальнику. Слышишь? Потому что у меня съ тобой никакихъ дѣлъ нѣтъ и не будетъ; значитъ, если ты ко мнѣ заберешься вопреки моей волѣ, то не иначе какъ для воровства. Ну, до свиданія!

И Юрій Андреевичъ отъѣхалъ крупной рысью.

Васька Козловъ стоялъ съ шапкою въ рукахъ, совершенно растерянный и уничтоженный.

— Что̀, братъ, попыталъ питерскаго барина?—обратился къ нему одинъ изъ товарищей.—Обморочилъ его въ лучшемъ видѣ? Ты жъ хвастался! Черезъ тебя и мы-то... Эхъ! Ворона ряженая! Видно, это не въ кабакѣ горло драть!

— Ну, и баринъ, однако!—задумчиво поскрёбъ у себя въ затылкѣ другой крестьянинъ.

— Скрознóй баринъ!—сочувственно откликнулись остальные.

— Тьфу!—неожиданно и ожесточенно плюнулъ Васька Коз-

Digitized by Google

ловъ, съ размаха надѣвая себѣ шапку на голову.—И откуда такіе берутся, Господи ты Боже мой? Нѣшто это баринъ настоящій? Это больше ничего—питерскій выжига... Тьфу!

— Ожогъ онъ тебя ловко, это вѣрно!—послышался насмѣшливый отзывъ.—Хорошій поднесъ стаканчикъ. Ай не вкусно?

— Чему радъ, зубы оскалилъ? Ты больно уменъ!

— Ужъ гдѣ намъ! Насъ питерскіе господа не опасываются даже нисколько.

— Ха-ха-ха!—раздался дружный хохотъ.

Ѳ. Ромеръ.

Digitized by Google

ЭКСПЛУАТАЦІЯ
СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ
ВЪ XIX ВѢКѢ.

Эпизодъ изъ исторіи нарымскаго края.

Въ исторіи эксплуатаціи сибирскихъ инородцевъ, со времени покоренія ихъ Россіей, изслѣдователи находятъ различные періоды, смотря по тому, какую форму эта эксплуатація принимала. При самомъ завоеваніи страны и въ первое время послѣ завоеванія, инородецъ былъ для казака конца XVI-го и начала XVII-го столѣтія непріятелемъ, котораго слѣдовало сдѣлать вѣрноподданнымъ, обложить ясакомъ, „подвести подъ высокую государеву руку". Этотъ періодъ характеризуется войнами съ туземнымъ населеніемъ Сибири, военными грабежами, а затѣмъ инородческими возстаніями и борьбой инородцевъ за свою свободу, что̀ носило названіе „бунтовъ". По мѣрѣ усиленія нашей власти въ странѣ, когда военная сила, подкрѣпляемая слѣдовавшей за ней, а иногда и сопутствовавшей ей силой промышленниковъ, сдѣлала свое дѣло, тогда уже начинается собственно эксплуатація инородческаго населенія, эксплуатація мирная. Это—второй періодъ. Онъ характеризуется рабствомъ инородцевъ, которое явилось какъ продуктъ завоеванія. Но эта форма пользованія завоеванной силой, при усиленіи власти центральнаго правительства въ краѣ, была отвергнута этимъ правительствомъ, которое съ самаго начала завоеванія смотрѣло на вновь пріобрѣтаемыхъ подданныхъ исключительно съ точки зрѣнія фиска, и

Digitized by Google

въ обращеніи инородцевъ въ рабство со стороны сибирскаго русскаго населенія и администраціи увидѣло для себя конкурренцію. Рабство, хотя и не сразу, пало. Но сибирское населеніе, чиновники, казаки, а за ними торговые и промышленные люди, не могли легко отказаться отъ пользованія даровой силой; между государствомъ и его русскими подданными въ Сибири начинается борьба. Рабство въ его чистой формѣ исчезаетъ, но оно перерождается и вырождается въ форму зависимости инородца отъ русскаго на экономической основѣ; форма эта приняла въ разныхъ мѣстахъ разные оттѣнки, крайнимъ же выраженіемъ ея явилась кабала. За инородцемъ было признано, наконецъ, право на личную свободу; но это право обошлось ему дорого: лично свободный, онъ попадаетъ въ кабалу.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, путь, по которому шли сношенія инородческаго населенія Сибири съ русскимъ. Сначала—періодъ военныхъ столкновеній, что приводило къ завоеванію и подчиненію чужому господству [1]), затѣмъ—обращеніе въ рабство, далѣе—освобожденіе отъ рабства и экономическая кабала.

Законодательство объ инородцахъ, преслѣдовавшее, какъ было уже упомянуто выше, единственно фискальныя цѣли, шло чрезвычайно медленно и надолго отставало отъ жизни; этимъ объясняется, между прочимъ, въ значительной степени тотъ фактъ, что злоупотребленія администраціи въ Сибири доходили до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ ни въ какой другой части государства. Новыя законоположенія, имѣвшія цѣлью уничтожить злоупотребленія чиновничества, находили въ Сибири уже прочно сложившійся жизненный укладъ и по бо̀льшей части объ этотъ укладъ разбивались. Центральному правительству, не имѣвшему возможности, по отдаленности кран, контролировать дѣйствія своихъ агентовъ, приходилось вступать въ борьбу съ этими агентами. Мѣстная администрація деморализовала населеніе, уже и безъ того достаточно деморализованное. Такимъ образомъ государственной власти приходилось вести борьбу на два фронта: противъ чиновниковъ и противъ русскаго населенія. Гдѣ было возможно, тамъ борьба шла на легальной почвѣ,—своеобразно толковали законъ; гдѣ это было невозможно, тамъ законъ обхо-

[1]) Бывали случаи, когда инородцы сами принимали русское подданство; но случаи эти составляютъ исключеніе въ общемъ ходѣ подчиненія туземнаго населенія Сибири русской власти. Притомъ должно принять во вниманіе, что разница между инородцами, покоренными силой и добровольно принявшими подданство, скоро исчезла.

Digitized by Google

дили и нарушали. Во всякомъ случаѣ борьба шла, принимая разнообразныя формы. Въ первой половинѣ XVII, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ концѣ этого столѣтія, еще можно было грабить инородцевъ открыто, но въ первой половинѣ XVIII в. это было уже опасно; тогда грабежъ прикрывался благовиднымъ предлогомъ, необходимостью усмирить небывалыхъ бунтовщиковъ. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка и это не всегда удавалось,—тогда довольствовались пріобрѣтенными рабами-инородцами; но въ началѣ XIX вѣка и рабство было признано незаконнымъ. Долго обходили это узаконеніе при помощи разнаго рода уловокъ, и наконецъ, при нѣкоторомъ развитіи торговли и приливѣ въ страну торговаго капитала, создалась кабальная зависимость инородца. Въ этой борьбѣ государства со своими подданными изъ-за инородца, борьбѣ трудной и упорной, самъ инородецъ часто забывался. Правда, при усвоенной государствомъ опекѣ надъ своими подданными, инородца кормили, чтобы ему не умереть съ голода, чего, впрочемъ, не всегда достигали; дѣлали слабыя попытки къ его умственному просвѣщенію,—но попытки эти скоро глохли.

Движеніе законодательства объ инородцахъ, какъ уже сказано, совершалось чрезвычайно медленно; правительство, въ своей дѣятельности относительно сибирскихъ туземцевъ, долго ограничивалось лишь административными указаніями по разнымъ частнымъ случаямъ, и до начала XIX-го вѣка спеціальнаго и систематическаго законодательства объ инородцахъ не было. Оффиціально извѣстные подъ именемъ „ясачныхъ", „иновѣрцевъ" или „басурманъ", они входили въ общую массу пестраго населенія Сибири и управлялись на основаніи общихъ законовъ. Первая попытка выдѣлить сибирскихъ туземцевъ въ особую группу относится къ 1763 году, когда имп. Екатерина II издала манифестъ о переписи инородцевъ въ Сибири, съ цѣлью опредѣлить ихъ число и составить новыя окладныя книги,—слѣдовательно, съ чисто фискальною цѣлью. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ взиманія податей, инородцы оставались подчиненными дѣйствію общихъ законовъ, и такое положеніе дѣла продолжалось до Сперанскаго. Уставъ объ управленіи инородцевъ, входившій въ составъ „Учрежденія для управленія сибирскихъ губерній" 1822 года, выдѣляетъ инородцевъ уже въ совершенно обособленную группу населенія и даетъ для нихъ спеціальное законодательство. Уставъ 1822 года впервые устанавливаетъ опредѣленныя отношенія туземнаго сибирскаго населенія къ государству и проводитъ установленіе этихъ отношеній

Digitized by Google

систематически по всѣмъ отраслямъ управленія. Но благія намѣренія Сперанскаго, воодушевлявшагося мыслью установить право тамъ, гдѣ до того времени царствовали сила и произволъ, облегчить положеніе инородцевъ созданіемъ для нихъ особыхъ законовъ, сообразно ихъ экономическому быту, образу жизни и умственному развитію,—при проведеніи устава въ жизнь не осуществились. Безъ преувеличенія можно даже сказать, что этотъ уставъ послужилъ къ бо́льшему отягощенію инородцевъ. Причина этой неудачи заключалась въ томъ, что введеніе устава, а затѣмъ и самое управленіе инородцами были ввѣрены той же администраціи, въ рукахъ которой инородцы находились и ранѣе.

Слѣдовательно, причина неудачи лежала не въ самомъ уставѣ и не въ Сибирскомъ Учрежденіи, многія и важныя части котораго даже не были проведены въ жизнь [1]); внѣ власти Сперанскаго, стремившагося установить управленіе Сибирью на раціональныхъ началахъ, было устранить тѣ основанія административной системы, которая была въ его время на-лицо. Вмѣсто провинціи, управляемой на основахъ точныхъ законовъ, Сибирь осталась такою же сатрапіей, какою была и до Сперанскаго.

Слѣдовавшее за уставомъ 1822 г. законодательство объ инородцахъ сохраняло основанія, указанныя Сперанскимъ; таково, напр., Учрежденіе объ инородцахъ 1872 года; иногда же дѣлались поправки болѣе или менѣе существеннаго свойства, не всегда ведшія къ благополучію инородческаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со введеніемъ спеціальнаго инородческаго законодательства борьба изъ-за инородца не прекратилась; обѣ заинтересованныя стороны—администрація и торговое сословіе—только приспособились къ новому порядку вещей, а поправки, время отъ времени вносимыя въ законодательство, предоставляли той или другой сторонѣ бо́льшее удобство для эксплуатаціи инородческаго населенія.

Въ слѣдующемъ ниже очеркѣ читатель найдетъ изложеніе эпизода изъ исторіи экономической эксплуатаціи одного изъ инородческихъ племенъ Сибири, теперь уже угасающаго,—остяковъ нарымскаго края. Эпизодъ этотъ, относящійся къ 40-мъ годамъ XIX столѣтія, связанъ именно съ одной изъ такихъ поправокъ къ законодательству Сперанскаго,—съ указомъ сената отъ 9 ноября 1843 года, устанавливающимъ сроки для торговли съ инородцами. Для уясненія значенія этой поправки, необходимо изложить

[1]) См. Ядринцевъ, Сперанскій и его реформы въ Сибири. „Вѣстн. Европы", 1876 г., кн. 6, стр. 492.

Digitized by Google

тѣ начала, которыя были положены въ основу административнаго и финансоваго управленія инородцами въ то время, и указать на экономическое положеніе туземцевъ нарымскаго края, обусловленное соотношеніемъ здѣсь общественныхъ группъ. Матеріалъ для перваго даетъ Учрежденіе объ управленіи инородцевъ 1842 года; экономическое же положеніе нарымскихъ остяковъ выясняется въ запискѣ, поданной торговымъ сословіемъ нарымскаго края въ коммиссію ревизіи государственныхъ имуществъ Западной Сибири въ 1841 году.

Еще по уставу 1822 года, сибирскіе инородцы были раздѣлены на три разряда: имѣющіе осѣдлость, хлѣбопашество и живущіе въ деревняхъ или городахъ были причислены къ осѣдлымъ. Второй разрядъ—инородцы кочевые; они перемѣняютъ мѣсто жительства сообразно съ требованіями промысла, хотя они и имѣютъ постоянную осѣдлость; деревень у нихъ нѣтъ, а есть стойбища, улусы, наслеги. Къ послѣднему разряду относятся тѣ инородцы, которые отдѣльными родами или семьями переходятъ съ мѣста на мѣсто, по лѣсамъ, рѣкамъ и урочищамъ, для звѣринаго или рыбнаго промысла; они не имѣютъ никакой осѣдлости. Это—инородцы бродячіе [1]). Нарымскіе инородцы были включены въ составъ третьяго разряда; они управлялись родовыми старостами, которые были подчинены земской полиціи, въ лицѣ отдѣльнаго земскаго засѣдателя [2]). Въ отношеніи уплаты податей, инородцы были раздѣлены также на три категоріи: одни уплачивали подати звѣриными шкурами (ясакъ), другіе—частью шкурами, частью деньгами, и, наконецъ, третьи—однѣми деньгами. Ясакъ поступалъ въ Кабинетъ его величества. Податной окладъ состоялъ изъ сборовъ на земскія повинности и повинности внутреннія, по содержанію родового управленія, и изъ ясака. Какъ размѣръ ясака, такъ и самое обложеніе производились черезъ особыя ясачныя коммиссіи, которыя чрезъ извѣстный промежутокъ времени посылались въ инородческія кочевья, для изслѣдованія ихъ экономическаго положенія. За податную единицу принимался родъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ ревизскихъ душъ, сообразно съ исчисленіемъ по послѣдней ревизіи, при чемъ годными работниками, подлежащими обложенію, считались инородцы въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ [3]). Раскладка ясака должна была производиться въ сентябрѣ на слѣдующій годъ; къ этому времени губер-

[1]) См. Вагинъ. Историч. свѣдѣнія о дѣятельности Сперанскаго въ Сибири, т. II, Спб., 1872, стр. 259 и слѣд.

[2]) Св. Зак., изд. 1842 г. т. II; Учрежд. Сиб. Инородц., ст. 3.

[3]) Св. Зак., изд. 1842 г., т. V. Уставъ о податяхъ, Разд. III, ст. 876—878.

Digitized by Google

наторы составляли разсчетъ, сколько приходилось всего сборовъ съ инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ данной территоріально-административной единицы, и сколько приходилось на каждый родъ и душу. Раскладка же внутри каждаго рода и сборъ податей предоставлялись инородческому управленію, т.-е. степнымъ думамъ и родовымъ управленіямъ, а тамъ, гдѣ ихъ не было, губернскому начальству. Но уплата собственно ясака была изъята изъ этого правила; онъ уплачивался, какъ уже сказано, каждымъ родомъ отдѣльно, по числу ревизскихъ душъ. Такъ какъ за податную единицу принимался родъ, то родъ и отвѣчалъ за исправное поступленіе податей,—слѣдовательно, создавалась нѣкоторымъ образомъ родовая круговая порука [1]). Въ случаѣ, если родовые старосты не могли собрать денегъ для взноса той части податей, которыя положено уплачивать деньгами, они имѣли право возмѣщать недостающую часть звѣриными шкурами; точно также, въ случаѣ неулова звѣря, инородецъ могъ уплатить ясакъ шкурами, не названными въ окладныхъ книгахъ, т.-е. меньшей цѣнности, но во всякомъ случаѣ по установленной цѣнѣ. Взносъ всѣхъ сборовъ, какъ денежныхъ, такъ и звѣриныхъ шкуръ, производился на ярмаркахъ земскими чиновниками, отдѣльными засѣдателями и даже городовыми казаками. Мѣсто и время ярмарокъ опредѣляются главнымъ мѣстнымъ начальствомъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ такихъ ярмарокъ не было, то же начальство должно устанавливать мірскія собранія инородцевъ (сугланы), въ той надеждѣ, что эти собранія привлекутъ къ себѣ и торговцевъ, что̀ дастъ инородцамъ возможность сбыть товары и уплатить подати [2]). Участіе мѣстной администраціи въ ярмаркахъ и сугланахъ выражалось тѣмъ, что она должна была заботиться о возможно бо̀льшемъ стеченіи народа и взыскивать подати. Вмѣшиваться же въ частныя сдѣлки чиновникамъ было строго запрещено, ибо это могло повліять на цѣны товаровъ; взысканіе податей дѣлалось уже по окончаніи торговли. Затѣмъ производилась оцѣнка рухляди, причемъ она дѣлилась на два разряда: рухлядь обыкновенную и дорогую. Цѣна первой, въ составъ которой входятъ соболь, бѣлка, красная лисица, волки, опредѣляется губернаторами на три года, съ утвержденія мѣстнаго главнаго управленія; дорогая же рухлядь (черныя и чернобурыя

[1]) Тамъ же, ст. 879, 882, 883, 886, 887. Св. Зак. т. II, изд. 1842 г. Учрежд. объ управл. инородц. отд. 2, ст. 76.

[2]) Уставъ о податяхъ, ст. 890, 892, 893, 906, 907.

Digitized by Google

лисицы) оцѣнивается сборщиками, а затѣмъ переоцѣнивается въ Общемъ Присутствіи [1]).

Что касается недоимокъ, то взысканіе ихъ обращается на родовыхъ старостъ. Законъ рекомендуетъ три мѣры къ понужденію взноса недоимокъ: во-первыхъ, настоятельное убѣжденіе; во-вторыхъ, задержаніе старосты, его сына или ближайшаго родственника. Если эти мѣры оказывались недѣйствительными, то конфисковалась часть привезенныхъ на ярмарку звѣриныхъ шкуръ; послѣднія двѣ мѣры примѣнялись тогда, когда на родѣ оказывалась недоимка болѣе 1/3 годового сбора [2]).

Такъ какъ разборъ законодательства о сибирскихъ инородцахъ дѣлался уже не разъ, то для цѣлей дальнѣйшаго изложенія достаточно отмѣтить только слѣдующее. Что касается собственно управленія инородцами, то въ основу его было положено полное подчиненіе инородцевъ полицейской власти, олицетворяемой земскимъ засѣдателемъ. Но не въ этомъ еще лежитъ центръ тяжести инородческаго управленія,—онъ находится въ системѣ податного обложенія. Органы полицейской власти суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и органы финансоваго управленія: они собираютъ подати и дѣлаютъ предварительную оцѣнку ясака. Даже торговля подчинена этой податной системѣ; она существуетъ для того, чтобы инородецъ могъ сбыть свой товаръ и уплатить подати. Начальство должно заботиться о возможно большемъ стеченіи инородцевъ на ярмарки тамъ, гдѣ онѣ существуютъ; тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, устраивать мірскія собранія инородцевъ и ожидать появленія торговцевъ, т.-е. создавать искусственно рынки для сбыта продуктовъ инородческаго промысла,—и все это опять въ интересахъ фиска. Такимъ образомъ ясно, что все законодательство пріобрѣтаетъ фискальный характеръ.

Въ самой системѣ податного обложенія были проведены или, вѣрнѣе, смѣшаны два начала—уплата податей звѣриными шкурами, т.-е. продуктами промысла, и деньгами. На первый взглядъ такое требованіе закона, при господствѣ въ краѣ мѣновой торговли и отсутствіи значительнаго денежнаго капитала, существенно облегчало положеніе инородцевъ: тѣ изъ нихъ, которые не могли уплатить подати звѣриными шкурами, могли уплатить деньгами, и наоборотъ. Дѣйствительно, ст. 913 устава о податяхъ гласитъ, что всѣ инородцы имѣютъ право платить обыкновенною рухлядью, точно такъ же, какъ наличными деньгами,

[1]) Тамъ же, ст. 896, 909, 910, 912.
[2]) Тамъ же, ст. 923, 926, 929.

Digitized by Google

сообразно съ оцѣнкою, подати и повинности, а равно за покупаемые въ казнѣ хлѣбъ, порохъ и свинецъ. Но эта замѣна касалась только обыкновенной рухляди. Точно также допускалась замѣна денегъ звѣриными шкурами въ случаѣ, если инородецъ не имѣлъ денегъ; но нигдѣ нѣтъ указаній на то, чтобы можно было вносить деньги вмѣсто дорогой рухляди, ради которой собственно и былъ установленъ ясакъ. Первыя двѣ группы инородцевъ обязательно уплачивали подати звѣриными шкурами, первая—исключительно рухлядью, а вторая—частью; допускалась лишь замѣна шкуръ бо́льшей цѣнности шкурами мѣньшей. Такое требованіе на практикѣ вело къ тому, что, въ случаѣ неулова звѣря, инородцы должны были пріобрѣтать и пріобрѣтали звѣриныя шкуры у торговцевъ по высокой цѣнѣ, чтобы уплатить ясакъ; въ случаѣ же обильнаго улова звѣря, цѣна мягкой рухляди, при отсутствіи торговой конкурренціи, падала, а отъ этого проигрывали тѣ изъ инородцевъ, которые должны были уплачивать подати деньгами или вполнѣ, или частью. Въ томъ и другомъ случаѣ страдалъ инородецъ къ благополучію купца. Правда, статья 894-я устава о податяхъ предоставляла инородцу весьма важное право—полную свободу участвовать въ продажѣ вещей, внесенныхъ въ уплату податей; онъ могъ даже выкупать эти вещи и употреблять ихъ затѣмъ по своему желанію. Но на дѣлѣ инородецъ врядъ-ли могъ воспользоваться этимъ правомъ, во-первыхъ, уже потому, что вещи поступали на ярмаркѣ въ распоряженіе родового старосты, который и распоряжался ихъ продажей. Во-вторыхъ, инородцу совсѣмъ невыгодно было выкупать свои мѣха на ярмаркѣ съ тѣмъ, чтобы здѣсь же затѣмъ ихъ продать, ибо послѣднее онъ могъ съ бо́льшимъ удобствомъ для себя и съ бо́льшей выгодой сдѣлать на мѣстѣ кочевья, да и не всѣ инородцы могли посѣщать ярмарки. А самое главное то, что цѣна рухляди устанавливалась не на ярмаркахъ, куда попадало лишь ничтожное количество этого товара, а въ кочевьяхъ инородцевъ и, притомъ, по произво́лу торговцевъ. Нарымская ярмарка, какъ увидимъ ниже, отличалась ничтожностью торговыхъ оборотовъ [1]).

Такимъ образомъ, самая система податного обложенія, уже по своему существу, на практикѣ вела инородца къ экономической зависимости отъ торговца. Эта же система податного обло-

[1]) Ниже мы встрѣтимъ оффиціальное заявленіе относительно того, что подати взыскивались до заключенія торговыхъ сдѣлокъ на ярмаркахъ, а не послѣ, какъ того требовалъ законъ. Очевидно, при такомъ положеніи дѣла статья 894 теряла всякій смыслъ.

Digitized by Google

женія вела инородца къ экономической зависимости и отъ администраціи, притомъ отъ низшихъ ея агентовъ, земскихъ засѣдателей, сборщиковъ податей, оцѣнщиковъ, каковыми были городовые казаки, ибо хотя окончательная оцѣнка рухляди производилась губернскимъ начальствомъ, ближайшая расцѣнка дѣлалась при пріемѣ ясака на мѣстахъ (ярмаркахъ, сугланахъ) земскими чиновниками; отъ нихъ зависѣло принять мѣха по той или иной цѣнѣ,—а это, разумѣется, отражалось на благосостояніи инородцевъ. Итакъ, законодательство объ инородцахъ 1842 года было организовано съ фискальной цѣлью и вело къ экономической зависимости инородцевъ отъ двухъ общественныхъ группъ: торговаго сословія и администраціи. Теперь разсмотримъ, въ какомъ отношеніи стояли эти группы къ инородцамъ въ нарымскомъ краѣ въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка.

Въ февралѣ 1841 года коммиссія ревизіи государственныхъ имуществъ Западной Сибири обратилась къ нарымскому торговому сословію съ требованіемъ дать свѣдѣнія о ходѣ торговли на ярмаркѣ въ г. Нарымѣ. На это требованіе купечество посмотрѣло какъ на весьма удобный случай заявить о своемъ угнетенномъ положеніи, и, вмѣсто того, чтобы ограничиться представленіемъ требуемыхъ свѣдѣній, оно даетъ цѣлую памятную записку, представляющую драгоцѣнный и въ своемъ родѣ единственный матеріалъ для сужденія объ экономическомъ положеніи всего края.

Прежде всего нарымскіе торговые люди, купцы и мѣщане, заявляютъ, что въ нарымскомъ краѣ торговля съ инородцами, по правамъ, присвоеннымъ купеческому сословію, за отсутствіемъ въ краѣ людей другого званія, производится издревле этимъ сословіемъ, и можно по всей справедливости сказать, что польза отъ этой торговли ощутительна болѣе для инородцевъ, чѣмъ для русскихъ купцовъ. Послѣдніе доставляютъ инородцамъ всѣ средства какъ къ сбыту добываемаго ими пушного товара, такъ—и это еще важнѣе—къ обезпеченію ихъ жизни, такъ какъ они снабжаютъ инородцевъ хлѣбомъ, одеждой и всѣмъ необходимымъ для существованія. Мало того, торговцы, въ случаѣ неулова звѣря и рыбы, даютъ инородцамъ ссуды, изъ которыхъ тѣ уплачиваютъ подати и повинности. Эти ссуды выдаются часто безъ всякаго вознагражденія и безъ надежды получить ихъ обратно, ибо инородцы, продавъ свои товары, употребляютъ деньги единственно на удовлетвореніе своей безпредѣльной склонности къ пьянству, а потомъ снова берутъ у торговцевъ хлѣбъ и прочіе жизненные припасы въ долгъ. А ежели торговецъ хотя однажды

Digitized by Google

дастъ ссуду и затѣмъ не получитъ ея, то долженъ уже, сколько изъ человѣколюбиваго состраданія, столько же изъ боязни потерять одолженный капиталъ, продолжать выдачу денегъ, необходимыхъ для содержанія семейства инородца и оплачиванія имъ податей. Поэтому долгъ ростетъ и остается часто неуплаченнымъ, по неулову звѣря, по болѣзни и смерти должниковъ и, наконецъ, по частымъ ихъ обманамъ, которые остаются безъ возмездія. Инородецъ, получивши ссуду отъ одного торговца, уклоняется отъ расплаты и продаетъ звѣря не кредитору, а иному купцу. Получивъ деньги, онъ тратитъ ихъ „по собственному произволу", предъ кредиторомъ же отзывается несостоятельностью и убѣждаетъ его дать новую ссуду. Всѣ эти обманы и ухищренія инородцевъ иногда доходятъ до того, что они стараются сбывать свои товары въ дальнихъ мѣстахъ, что̀ для нихъ весьма удобно, такъ какъ нѣкоторыя ихъ жилища находятся на границахъ округовъ—тарскаго, васъюганскаго, кетскаго, чаинскаго, кенгинскаго, енисейскаго; живущіе же по рѣчкамъ Чижапкѣ и Чузоку уходятъ въ каинскій округъ.

Изъ этихъ округовъ нерѣдко приходятъ иногородные торговцы въ районъ нарымскаго края для торговли, а иногда и сами инородцы ходятъ въ чужіе округа для сбыта своихъ товаровъ, обманывая заимодавцевъ. Расправы и удовлетворенія отъ такихъ должниковъ трудно достигнуть, такъ какъ ссуда дается безъ всякаго обезпеченія и письменнаго свидѣтельства, а поручительства не можетъ быть вслѣдствіе общей ихъ бѣдности, въ которую повергаетъ ихъ пьяная и распутная жизнь; между тѣмъ каждый изъ нихъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, сто рублей, чтобы запастись на зиму хлѣбомъ и одеждой. Вслѣдствіе этой всеобщей бѣдности, безпечности и пьянства, поручительство за отдѣльнаго члена общества было бы обременительно для родового начальства. Поэтому взысканіе долговъ производится самими торговцами чрезъ своихъ приказчиковъ; но и эта мѣра приноситъ торговому сословію болѣе убытковъ, чѣмъ выгодъ, такъ какъ достаточно только взглянуть на ихъ бѣдноту, чтобы склониться къ мысли о новой для нихъ ссудѣ. Главнѣйшая причина этого неустройства лежитъ въ пьянствѣ, къ которому инородцы всѣ пристрастны до невѣроятности. Поощряемые къ этому пороку виноторговцами и притомъ пользуясь даннымъ имъ правомъ ввоза вина въ свои стойбища [1]), они предаются пьянству

[1]) По Торговому уставу, ввозъ и продажа спиртныхъ напитковъ въ стойбищахъ и на ярмаркахъ кочующимъ были строжайше запрещены, но сами инородцы имѣли право ввозить вино какъ для собственнаго употребленія, такъ и для продажи родичамъ. Св. Зак. изд. 1842 г., т. 11. Торгов. Уст., ст. 417 и 418.

Digitized by Google

и распространяютъ по своимъ жилищамъ нищету, оскудѣніе и развратъ. Отсюда становится понятнымъ, почему они стараются обманывать торговцевъ, для пріобрѣтенія себѣ хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ, безъ всякаго препятствія со стороны мѣстныхъ властей. При такомъ порядкѣ вещей, когда торговцы не встрѣчаютъ никакой помощи отъ мѣстной администраціи, они, при всей своей благонамѣренности и желаніи поддержать хозяйство инородца, ничего не могутъ для нихъ сдѣлать. Хотя казна и заготовляетъ для инородцевъ ржаной хлѣбъ, который хранится въ продовольственныхъ магазинахъ, но онъ не можетъ удовлетворить вполнѣ ихъ потребности въ продовольствіи, такъ какъ, при выдачѣ инородцамъ хлѣба изъ магазина, соблюдаются экономія и разсчетъ; ссуда выдается только благонадежнымъ, каждому не болѣе десяти пудовъ, а въ послѣднее время и того менѣе. Приходя изъ дальнихъ мѣстъ за полученіемъ хлѣбной ссуды, инородцы въ скоромъ времени успѣваютъ съѣсть выданный хлѣбъ, а затѣмъ, лишенные средствъ пропитанія, не могутъ идти далеко на звѣриные промыслы, въ мѣстности, обильныя звѣремъ. Поэтому они возвращаются за хлѣбомъ, входятъ въ долги и казнѣ, и частнымъ лицамъ, безъ надежды выйти когда-либо изъ такого положенія. Такъ обстоитъ дѣло со звѣринымъ промысломъ.

Далѣе нарымскіе купцы выясняютъ положеніе рыбнаго промысла, который также страдаетъ отъ отрицательныхъ качествъ инородческаго населенія. Рыболовство, по указанію записки, составляетъ немаловажную отрасль промышленности нарымскаго края, и оно могло бы свободно развиваться, еслибы опять тому не препятствовали обманы, развратъ и „неустойки“ остяковъ. Нанявшись на неводныя работы, нерѣдко у нѣсколькихъ хозяевъ въ одно и то же время, и получивъ задатокъ для уплаты, а также обезпечивъ на нѣкоторое время существованіе свое и своей семьи, они на работы совсѣмъ не являются, а если и являются, то, поработавъ нѣсколько времени, убѣгаютъ въ лѣса, откуда ихъ уже нельзя извлечь, или къ другимъ промышленникамъ. Наказать ихъ за такое поведеніе невозможно; всѣ жалобы безплодны, такъ какъ наемъ рабочихъ дѣлается безъ письменныхъ обязательствъ; да и заключать какія-либо письменныя условія на законномъ основаніи тоже невозможно съ людьми, которые кочуютъ съ мѣста на мѣсто и жилища которыхъ разсѣяны по громадному пространству цѣлаго края. Къ этому присоединяется еще и то, что родовые ихъ старшины, будучи безграмотными и не имѣя понятія о святости и правильности пись-

Digitized by Google

менныхъ условій, сами также отлучаются на продолжительное время. Такимъ образомъ, инородцы, оставаясь „необузданными", внѣ всякаго страха, и пользуясь правомъ закона, запрещающаго давать имъ въ долгъ болѣе пяти рублей, безбоязненно покушаются на всякіе обманы, изощряются въ нихъ, а отъ этого, естественно, торгующее сословіе приходитъ въ упадокъ и капиталы его уменьшаются.

Указавъ на стѣсненное положеніе торговли въ краѣ и на тѣ невыгодныя условія, въ которыя поставлены нарымское купечество и мѣщанство, записка обращается, наконецъ, къ отвѣту на поставленный коммиссіей вопросъ о ходѣ торговли на нарымской ярмаркѣ. И здѣсь отражаются тѣ же неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится торговля цѣлаго края. Ярмарка не имѣетъ никакого коммерческаго значенія, такъ какъ всѣ товары скупаются у инородцевъ странствующими торговцами въ инородческихъ кочевьяхъ; если инородцы и являются въ Нарымъ, то лишь затѣмъ, чтобы уплатить подати. Кто изъ нихъ отправляется на ярмарку съ пушнымъ звѣремъ, тотъ, по большей части, не доѣзжаетъ до Нарыма, а сбываетъ товаръ первому встрѣчному виноторговцу, а затѣмъ, пропивъ товаръ, да въ придачу свое платье, возвращается во-свояси съ пустыми руками, удовлетворивши своей неистовой страсти къ пьянству. На ярмарку съѣзжаются только ближайшіе остяки и особенно крестьяне, которые привозятъ бѣличьи шкуры, частью своего улова, частью пріобрѣтенныя отъ инородцевъ. Ярмарочный оборотъ простирается отъ 10 до 20 тысячъ рублей.

Подлинную записку подписали 34 человѣка,—изъ нихъ 2 почетныхъ гражданина (купцы 2-й гильдіи), 2 купца третьей гильдіи, остальные же 30 человѣкъ—мѣщане города Нарыма. Изъ числа подписавшихъ 5 человѣкъ принадлежатъ къ одной фамиліи, стоявшей во главѣ всѣхъ торговыхъ предпріятій въ краѣ [1]).

Такимъ образомъ, записка нарымскаго торговаго сословія, содержаніе которой приведено выше, изображаетъ торговлю, состояніе промысловъ и положеніе инородческаго населенія въ краѣ въ самомъ безотрадномъ видѣ. Нищета, развратъ, „неистовое" пьянство—вотъ основныя черты инородческаго быта. Къ этому присоединяются долги, въ которые инородцы входятъ

[1]) Какъ эта записка, такъ и другіе документы, на которыхъ основано дальнѣйшее изложеніе, находятся въ дѣлѣ, заимствованномъ нами изъ нарымскаго архива. Оно озаглавлено такъ: „Переписка о невъѣздѣ Торговцевъ въ ясашныя кочевья для производства торговли до окончанія взноса въ казну ясака. Началось съ 9 февраля 1844 года: кончено 25 октября 1846 года". На 46 листахъ.

Digitized by Google

благодаря нищетѣ и которые остаются за ними вѣчно. Единственной поддержкой для нихъ въ этомъ жалкомъ существованіи является лишь нарымское торговое сословіе, которое поддерживаетъ своей торговлей, къ явной невыгодѣ для себя, эту жалкую жизнь, и лишенные этой поддержки инородцы погибли бы. Основываясь на запискѣ, можно сказать, что въ нарымскомъ краѣ населеніе раздѣляется на два разряда: съ одной стороны—нищее, пьяное и развратное стадо остяковъ, а съ другой—добродѣтельное торговое сословіе города Нарыма, которое пасетъ это стадо и не даетъ ему, изъ человѣколюбія, окончательно погибнуть.

Такъ представляется дѣло съ узко-сословной точки зрѣнія купцовъ, добивавшихся, очевидно, еще бо́льшей свободы въ торговлѣ съ инородцами, хотя, кажется, далѣе въ этомъ направленіи идти было уже некуда. Однако, если отбросить явно несправедливыя указанія на деморализацію инородческаго населенія, то останется несомнѣнно правдивое изображеніе того положенія, въ которомъ находились въ то время инородцы, ихъ полной зависимости отъ купцовъ, и названіе этой зависимости—торговая кабала. Вся торговля въ краѣ была построена на двухъ началахъ: на ссудахъ и на спаиваньи инородца виномъ. Давая ссуды инородцамъ, торговцы все крѣпче и крѣпче связывали узелъ, изъ котораго остякъ уже не могъ выбраться, и дѣлались мало-по-малу истинными владыками всего края. Сами того не замѣчая, купцы своей запиской о положеніи инородческаго населенія создали противъ себя обвинительный актъ. Должно обратить вниманіе и на то, что они совершенно умалчиваютъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя были бы желательны для поднятія торговли. Судя по представленнымъ ими даннымъ, они должны были бы хлопотать прежде всего о подъемѣ экономическаго положенія инородцевъ, но, разумѣется, этого отъ нихъ ожидать было невозможно; указывая на филантропическій характеръ своей торговли, они, повидимому, ждали отъ начальства дальнѣйшаго поощренія.

Итакъ, къ сороковымъ годамъ XIX вѣка нарымскіе инородцы находились въ полной экономической зависимости отъ мѣстнаго торговаго сословія, о чемъ свидѣтельствуетъ само торговое сословіе. Но это закабаленіе инородцевъ произошло не сразу, хотя и быстро. Если мы обратимся ко времени, непосредственно предшествовавшему введенію устава 1822 года, то увидимъ иныя отношенія въ краѣ.

Изъ тѣхъ фактовъ, которые были добыты ревизіей Сперанскаго и которые относятся непосредственно къ нарымскому краю,

Digitized by Google

явствуетъ, что въ первой четверти XIX вѣка мѣстные инородцы находились въ экономической зависимости отъ администраціи, и при слѣдствіи о злоупотребленіяхъ мѣстнаго начальства, между прочимъ, обнаружилось, что торговлей здѣсь завладѣли исключительно чиновники. Бывшій нарымскій исправникъ Пенкинъ торговалъ съ остяками своими товарами, подъ видомъ казенныхъ, неправильно распоряжался продажей казеннаго хлѣба изъ продовольственнаго магазина и держалъ у себя печати инородческихъ старшинъ, которыя употреблялись ими вмѣсто подписей. Пенкинъ самъ призналъ, что по торговымъ оборотамъ съ инородцами казна должна получить съ него 9.200 рублей. Исправникъ Ѳедоровъ обвинялся также въ незаконныхъ торговыхъ операціяхъ и во взяткахъ. Въ притѣсненіи инородцевъ обвинялись и нѣкоторые крестьяне, которые служили посредниками при противозаконной торговлѣ властей съ инородцами. Казаки обвинялись во взяткахъ [1]). До какой степени доходили здѣсь злоупотребленія, можно видѣть изъ того, что къ Шкларевскому, посланному Сперанскимъ для ревизіи въ нарымскій край, явилось съ жалобами 200 человѣкъ старшинъ и инородцевъ [2]). Изъ своей ревизіи Сибири Сперанскій вынесъ убѣжденіе, что инородцы отягощаются невѣроятнымъ ростовщичествомъ, доходящимъ иногда до взиманія 200%, продажей товаровъ въ долгъ по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ и взысканіемъ долговъ звѣриными шкурами, по цѣнамъ, произвольно устанавливаемымъ купцами. Задатки, умножаясь годами, переходятъ по наслѣдству, отъ отца къ сыну и т. д. Причину всѣхъ безпорядковъ Сперанскій видѣлъ въ недостаткѣ капиталовъ, въ маломъ числѣ торгующихъ, но болѣе всего въ неправильныхъ и превратныхъ дѣйствіяхъ волостной, земской и городской полиціи, „отъ недоразумѣнія, а большею частью отъ пристрастія происходящихъ“ [3]).

Устранить эти безпорядки и искоренить зло долженъ былъ уставъ 1822 года. Установленіе опредѣленнаго законодательства должно было уничтожить произволъ администраціи, а свобода торговли, вводимая уставомъ, должна была привлечь капиталы и образовать среди торговаго сословія конкурренцію, которая повела бы, въ концѣ концовъ, къ поднятію экономическаго быта инородческаго населенія. Но мы видѣли, что надежды Сперанскаго не осуществились. Административный произволъ

[1]) Вагинъ, Истор. свѣд., etc., т. I, стр. 86, 87, 644.—С. Прутченко, Сибирскія окраины, т. II, Спб. 1899 г., стр. 150 и слѣд.

[2]) С. Прутченко, Сибирскія окраины, т. II, стр. 146—156.

[3]) Вагинъ, II, 306.

Digitized by Google

хотя нѣсколько и сократился, но не исчезъ; свобода торговли, дѣйствительно, привлекла капиталы, но имѣла слѣдствіемъ не торговую конкурренцію, а закабаленіе инородцевъ торговымъ сословіемъ. Въ эксплуатаціи инородческаго населенія чиновника замѣнилъ купецъ. Но мы должны здѣсь оговориться, что было бы не вполнѣ справедливо относить всецѣло къ уставу 1822 года такую перемѣну въ положеніи вещей и видѣть въ этомъ уставѣ единственную причину перехода кабалы инородцевъ изъ рукъ чиновниковъ въ руки торговаго сословія; мы хотѣли голько указать на то, что этотъ уставъ лишь содѣйствовалъ упомянутому измѣненію; положеніе же инородцевъ осталось прежнимъ.

Слабыя стороны устава 1822 г. не замедлили мало-по-малу обнаружиться, и правительство скоро увидѣло, что онъ несостоятеленъ именно въ той части, на которую возлагались наибольшія надежды. Предполагалось, что свобода торговли дастъ казнѣ болѣе прибыли, чѣмъ это было прежде. До введенія устава, когда администрація держала въ своихъ рукахъ всѣ торговые обороты, она старалась доставить ясакъ, и доставляла его полностью; теперь же, при всемъ своемъ стараніи, она не могла сдѣлать этого; экономическое положеніе инородцевъ ухудшалось, а лучшій пушной товаръ отливалъ въ частныя руки,—ясакъ годъ отъ году уменьшался, а тѣ шкуры, которыя поступали въ Кабинетъ Его Величества, были худшаго качества. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе правительства. Очевидно, въ уставѣ была допущена ошибка, которую слѣдовало исправить какъ можно скорѣе. Принципъ свободной торговли повелъ здѣсь не къ возникновенію торговой конкурренціи, а къ конкурренціи между государствомъ и однимъ изъ сословій, и правительство отказывается отъ этого принципа.

Въ 1843 году, командированный по Высочайшему повелѣнію для ревизіи Восточной Сибири, гр. Толстой просилъ министра двора, кн. Волконскаго, исходатайствовать Высочайшее повелѣніе на измѣненіе 3 п. 896 ст. V тома Св. Законовъ (изд. 1842 г.) и постановить на будущее время, чтобы сибирскіе инородцы имѣли дѣла съ купцами по окончаніи взноса въ казну ясака; къ тому же обязать и торговцевъ. Виновныхъ въ нарушеніи этого постановленія предполагалось наказывать въ первый разъ конфискаціей незаконно пріобрѣтенныхъ отъ инородцевъ пушныхъ товаровъ въ пользу Кабинета Его Величества; во второй разъ виновные, кромѣ конфискаціи, подвергались еще штрафу въ сто рублей и въ третій, сверхъ конфискаціи штрафа, предавались суду, какъ нарушители установленнаго правительствомъ

Digitized by Google

порядка. По докладѣ объ этомъ кн. Волконскимъ, имп. Николай согласился на предложенную Толстымъ мѣру, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ввести ее лишь въ видѣ опыта, на время пребыванія гр. Толстого въ Сибири, и сдѣлать ее постоянной, если опытъ приведетъ къ благопріятнымъ результатамъ. Чрезъ министра юстиціи, гр. Панина, о новомъ законѣ былъ увѣдомленъ сенатъ, который указомъ 9 ноября 1843 года извѣстилъ объ этомъ генералъ-губернатора Западной Сибири [1]).

Повидимому, указъ 9 ноября 1843 года вводилъ частичную поправку въ существующія узаконенія о торговлѣ съ инородцами; измѣнялось только время торговли, но при введеніи указъ этотъ не ограничилъ свободную торговлю, но совершенно ее уничтожилъ.

Указъ сената пошелъ по инстанціямъ и въ февралѣ 1844 г. былъ объявленъ торговому сословію тогурскаго отдѣла нарымскаго округа. Вотъ съ этого-то момента и начинается борьба торговаго сословія съ новымъ законоположеніемъ. Нарымскіе купцы не пожелали сразу помириться съ утратой свободы торговли или, вѣрнѣе, съ утратой того положенія, которое они заняли въ краѣ и которое отдавало въ ихъ руки все инородческое населеніе. Мы можемъ прослѣдить нѣкоторые фазисы этой борьбы и выяснить тѣ пріемы, которыми они пользовались въ этой борьбѣ [1]).

Прежде всего нарымское купечество, какъ можно заключить изъ отношенія отдѣльнаго тогурскаго засѣдателя Верещагина на имя нарымскаго городового старосты, заявило, что оно незнакомо съ сенатскимъ указомъ, ограничивающимъ время торговли съ инородцами, и требовало его присылки. Засѣдатель на это требованіе отвѣтилъ, что указъ напечатанъ для всеобщаго свѣдѣнія въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“, которыя городскимъ сословіемъ получаются, а потому онъ считаетъ излишнимъ посылать копію этого указа отдѣльно. Эта первая попытка затормозить примѣненіе новаго закона чисто приказнымъ способомъ потерпѣла неудачу. Слѣдующая попытка уже не была такъ наивна. Въ томъ же 1844 году нѣкоторые торговцы просили засѣдателя Хантинскаго, который смѣнилъ Верещагина, чтобы онъ разрѣшилъ имъ въѣздъ въ инородческія стойбища, для охраненія оставленныхъ тамъ съѣстныхъ припасовъ и заведенныхъ лодокъ. Съ такою же просьбою обратился нарымскій мѣщанинъ Герасимовъ,

---

[1]) Списокъ съ указа, „Переписка“, л. 19 и слѣд.

[1]) Отношеніе тогурск. отд. Засѣд. отъ 26 февр. 1844 г., № 221. „Переписка“, л. 3.

Digitized by Google

который хотѣлъ проѣхать къ р. Васъюгану. Засѣдатель, повидимому, самъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Герасимовъ, какъ и прочіе торговцы, охранялъ свое имущество въ инородческихъ кочевьяхъ въ теченіе цѣлаго года, такъ какъ ранѣе онъ далъ такое разрѣшеніе мѣщанамъ Дѣеву и Соснину; однако, въ виду строгаго подтвержденія наблюдать за торговцами, на этотъ разъ онъ не рѣшился дать позволеніе Герасимову и сдѣлалъ запросъ въ томское губернское правленіе [1]). Тѣмъ временемъ купцы изобрѣтали другія средства для обхода указа, пользуясь его недомолвками. По толкованію ихъ выходило, что указъ 9-го ноября 1843 года не можетъ быть примѣняемъ въ Западной Сибири, на томъ основаніи, что онъ изданъ по ходатайству гр. Толстого, командированнаго въ Восточную Сибирь, слѣдовательно тамъ онъ и долженъ примѣняться, о Западной же Сибири въ немъ нѣтъ и упоминанія [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили точно указать имъ, когда можно торговать съ инородцами, и когда нельзя. Вынужденный этими требованіями, Хантинскій просилъ губернское начальство выслать копіи указа и постановленія губернскаго правленія, которымъ этотъ указъ вводился въ дѣйствіе. То и другое было ему выслано, и тогда для нарымскихъ купцовъ уже не оставалось сомнѣнія въ томъ, что запрещеніе торговать съ инородцами до взноса ими ясака имѣетъ силу и въ Западной Сибири. Въ указѣ губернскаго правленія разъяснялось, что никто изъ торговцевъ не имѣетъ права устраивать на инородческой территоріи постоянныхъ магазиновъ, лавокъ и складовъ; непроданные товары должно немедленно вывозить по окончаніи торга; а потому дозволеніе, данное Хантинскимъ мѣщанамъ Дѣеву и Соснину на въѣздъ къ инородцамъ въ неуказанное время, губернское начальство признало незаконнымъ и объявило ему выговоръ по службѣ. Время торга было установлено такимъ образомъ: съ января по февраль, до начала весенняго лова звѣрей, и затѣмъ послѣ взноса инородцами ясака, съ 15-го іюня по 1-е сентября, до времени отправленія инородцевъ на осенній ловъ, стойбища ихъ открыты для торговли; не во время весенняго и осенняго лова звѣрей, до взноса ясака, т.-е. съ 1-го февраля по 15-е іюня и съ 1-го сентября до 1-го января, торговля была запрещена. Такимъ образомъ, кочевья инородцевъ въ теченіе $8^1/_2$ мѣсяцевъ оказались для нарымскихъ

[1]) Отношеніе Хантинскаго къ нарымск. городов. старостѣ 21-го марта 1844 г. „Переписка“, л. 11 и слѣд.

[2]) Они просили также разъяснить, что̀ должно разумѣть подъ словомъ „и о прочемъ“, которое было присоединено къ оглавленію указа.

Digitized by Google

купцовъ недоступными. Хантинскій, подъ вліяніемъ сдѣланнаго ему губернскимъ правленіемъ выговора, объявилъ, что онъ неукоснительно будетъ наблюдать за исполненіемъ указа 1843 года [1]).

Когда дѣло нарымскихъ торговцевъ въ губернской инстанціи было проиграно и имъ сказали, что въ теченіе $8^1/_2$ мѣсяцевъ въ году они обречены на бездѣйствіе, тогда они обратились въ слѣдующую высшую инстанцію. Въ декабрѣ 1844 года они подаютъ въ главное управленіе Западной Сибири докладную записку, въ которой ходатайствуютъ объ изъятіи ихъ изъ дѣйствія указа 1843 года. Главный интересъ „записки" заключается въ тѣхъ соображеніяхъ, которыми они мотивируютъ свое ходатайство.

Торговцы указываютъ въ своей запискѣ на то, что Высочайшимъ повелѣніемъ, по представленію сенатора гр. Толстого, запрещено только покупать и вымѣнивать пушной товаръ у инородцевъ до взноса ясака и недоимокъ, но не запрещенъ въѣздъ въ инородческія стойбища, какъ это сдѣлано въ постановленіи томскаго губернскаго управленія. Въ этомъ случаѣ торговцы особенно настаиваютъ на томъ, что интересы фиска и ихъ собственные совпадаютъ; даже болѣе,—первые зависятъ отъ послѣднихъ. Недоимки за хлѣбъ переходятъ изъ года въ годъ, и нѣтъ надежды, чтобы они были уплачены вслѣдствіе скуднаго улова звѣря и дороговизны хлѣба, продаваемаго казной. Далѣе, не всѣ инородцы выѣзжаютъ на звѣриный промыселъ въ то время, которое указано въ распоряженіи губернскаго начальства; бо̀льшая часть, а въ особенности кочующіе по р. Оби, зимою занимаются рыболовствомъ, а лѣтомъ—сборомъ кедровыхъ орѣховъ, ягодъ, охотой на птицъ; иные же нанимаются на работы, и этимъ снискиваютъ себѣ пропитаніе и добываютъ средства на уплату податей. Эта часть населенія имѣетъ возможность сбывать свои товары лишь на мѣстѣ, пріѣзжающимъ къ нимъ торговцамъ, такъ какъ сами они, за отдаленностью, по недостатку времени и средствъ, не могутъ доставлять свои товары на городской рынокъ. А потому, запретить торговцамъ въѣздъ въ стойбища приобскихъ инородцевъ—значитъ лишить послѣднихъ возможности сбывать свои продукты во̀-время и по выгодной для нихъ цѣнѣ, съ одной стороны, и пріобрѣтать отъ пріѣзжихъ торговцевъ все необходимое для существованія — съ другой. Такой порядокъ совершенно убьетъ торговлю: торговцы отъ несвоевременной по-

[1]) Отношеніе Хантинскаго на имя нарымск. городов. старосты, 24-го іюня 1844 г., № 746. „Переписка", л. 21–23.

Digitized by Google

купки товаровъ понесутъ убытки, а многіе и совсѣмъ откажутся отъ торговли.

Сроки, назначенные для торговли съ инородцами, крайне неудобны. Торговля можетъ производиться зимою лишь въ теченіе одного мѣсяца—января; но одного мѣсяца недостаточно, по мѣстнымъ условіямъ путей сообщенія, такъ какъ торговцу приходится дѣлать иногда болѣе тысячи верстъ въ одинъ конецъ, часто безъ всякой дороги, по глубокимъ снѣгамъ и наледямъ, тащить съ собой грузъ на нартахъ, запряженныхъ собаками; въ случаѣ неудачи, должно товаръ везти обратно, такъ какъ имѣть склады въ инородческихъ стойбищахъ запрещено. Понятно, что въ теченіе одного мѣсяца не успѣешь сдѣлать всего этого. Съ начала января купцы отправляютъ пушные товары на ирбитскую ярмарку,—слѣдовательно, къ половинѣ мѣсяца товаръ долженъ быть у торговца на лицо; теперь же въ началѣ года купцы могутъ отправлять приказчиковъ только еще за товарами къ инородцамъ; разумѣется, къ сроку прибыть на ярмарку они не успѣютъ, а если ускорить доставку товаровъ на ярмарку, то это обойдется слишкомъ дорого, ибо придется везти ихъ на перемѣнныхъ лошадяхъ, и даже выгодная продажа не вознаградитъ издержекъ по пріобрѣтенію и провозу.

Лѣтнимъ временемъ для торговли, съ 15-го іюня по 1-е сентября, торговцы также не могутъ воспользоваться по слѣдующимъ причинамъ. По вскрытіи рѣкъ, многіе инородцы изъ отдаленныхъ мѣстностей выплываютъ на р. Обь, для ловли мелкой рыбы; переѣзжая съ мѣста на мѣсто, они вымѣниваютъ свой уловъ на вино и пропиваютъ здѣсь свой трудъ, или же увозятъ рыбу въ сосѣдніе округа, гдѣ и продаютъ ее, а въ это время ихъ уже стерегутъ вахтеры, которые ѣздятъ по стойбищамъ за полученіемъ хлѣбныхъ ссудъ и принимаютъ въ уплату долговъ звѣриныя шкуры. Если что и останется у инородца послѣ всего этого, то купцу совсѣмъ невыгодно купить эти остатки. Съ первыхъ чиселъ іюня товары отправляются на нижегородскую ярмарку,—между тѣмъ въѣздъ въ кочевья запрещенъ до 15-го іюня, а ярмарка открывается 20-го іюня. Опять въ теченіе одного мѣсяца купецъ долженъ успѣть пріобрѣсти товаръ отъ инородцевъ, которые лѣтомъ разсѣиваются по р. Оби и ея притокамъ, и доставить его на ярмарку. Но онъ не успѣетъ доставить товаръ не только къ началу, но даже и къ концу ярмарки, такъ какъ разстояніе отъ Нарыма до Нижняго простирается до 4.000 верстъ и значительное время уходитъ на перегрузку. Товаръ долженъ лежать до ирбитской ярмарки. Такимъ образомъ, капи-

Digitized by Google

талъ остается безъ оборота, подвергаясь при этомъ риску колебанія цѣнъ.

Вмѣсто установленныхъ сроковъ, торговцы просятъ дозволить торговлю съ инородцами въ періодъ съ 20-го декабря до 20-го сентября; къ 20-му декабря — пріурочить и взносъ ясака, на томъ основаніи, что инородческіе старосты пріѣзжаютъ для сдачи ясака въ Нарымъ въ декабрѣ, и къ этому времени инородцы могутъ имѣть звѣриныя шкуры лучшаго качества, такъ какъ осенній ловъ звѣря даетъ пушной товаръ высшей доброты. Въ послѣдніе дни августа и въ началѣ сентября инородцы занимаются сборомъ кедровыхъ орѣховъ; этотъ товаръ, легко подвергаясь порчѣ, не выноситъ длиннаго перевоза, а потому инородцы должны сбывать его на мѣстѣ. Чтобы избавить инородцевъ отъ убытковъ, необходимо дозволить купцамъ въ это время въѣздъ въ инородческія жилища, на что они, собственно, и имѣютъ право, на основаніи 77 ст. XI т. Св. законовъ. Такимъ образомъ, еще до замерзанія рѣкъ можно будетъ отправить этотъ товаръ въ Тобольскъ и другіе города. Если же наступившіе холода не дозволятъ торговцамъ отправить грузъ воднымъ путемъ, то слѣдуетъ дать разрѣшеніе оставить купленные товары и непроданные припасы въ инородческихъ стойбищахъ. Благодаря такому порядку, торговля была бы выгодна для обѣихъ сторонъ.

Таково содержаніе просьбы нарымскаго торговаго сословія, подписанной 27 лицами изъ купцовъ и мѣщанъ [1]).

Главное управленіе Западной Сибири послало ходатайство это на заключеніе въ томское губернское правленіе, которое, въ свою очередь, потребовало отъ нарымской полиціи дополнительныхъ свѣдѣній о ходѣ торговли въ нарымскомъ краѣ, о способахъ и срокахъ взноса инородцами ясака, а пока снова предписало тогурскому засѣдателю наблюдать за исполненіемъ указа 1843 года [2]). Рѣшеніе дѣла затянулось на цѣлыхъ полтора года. 5-го іюля 1846 г. послѣдовало постановленіе совѣта главнаго управленія Западной Сибири; оно было столько же кратко, сколько и рѣшительно. Совѣтъ объяснялъ, что запрещеніе торговцамъ посѣщать инородческія стойбища послѣдовало по Высочайшему повелѣнію, а потому никакихъ дальнѣйшихъ разговоровъ быть не должно.

Такимъ образомъ, главное управленіе Западной Сибири отнес-

[1]) Постановленіе нарымскихъ купцовъ и мѣщанъ 15-го декабря 1844 г. „Переписка“, л. 24—29.

[2]) Указъ Томскаго Губ. Правленія, 10-го сентября 1845 г., № 3785. „Переписка“, л. 36—37.

Digitized by Google

лось къ приведенному ходатайству купцовъ съ чисто формальной стороны и не разсматривало его по существу. Да и трудно было бы возразить что-либо противъ тѣхъ доводовъ, которые приведены торговцами въ защиту торговли. Еслибы вопросъ шелъ только объ одной торговлѣ и указъ 9-го ноября 1843 г. былъ основанъ лишь на незнакомствѣ правительства съ мѣстными условіями края, то, казалось, запрещеніе свободной торговли съ инородцами должно было пасть послѣ того, какъ эти мѣстныя условія были выяснены. Но указъ 9-го ноября 1843 г., какъ мы видѣли, былъ связанъ съ фискальными цѣлями: должно было уничтожить конкурренцію торговаго сословія съ государствомъ, а это могло быть достигнуто только уничтоженіемъ свободы торговли. Цѣль была достигнута: указъ уничтожилъ конкурренцію, убилъ свободу торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую торговлю.

Здѣсь необходимо отмѣтить еще то, что совѣтъ главнаго управленія Западной Сибири согласился съ доводами томскаго губ. правленія, которое въ своихъ возраженіяхъ противъ ходатайства купцовъ также не исчерпало всего содержанія представленной ими записки. Такъ, возражая противъ сроковъ, о которыхъ просило купечество для торговли съ инородцами, томское губ. правленіе указываетъ на то, что инородцы съ давнихъ поръ являются для сдачи ясака въ Нарымъ не въ декабрѣ, а въ маѣ и іюнѣ, во время ярмарки, а ловъ звѣрей производится ими въ два періода: съ сентября по декабрь и съ февраля по май. Такой порядокъ, по желанію инородцевъ, былъ оставленъ и въ 1844 году. Что же касается просьбы торговцевъ о въѣздѣ въ инородческія стойбища и дозволеніи оставлять тамъ нераспроданные товары, то правленіе привело противъ этого весьма курьёзное соображеніе: кочевые инородцы нарымскаго края, особливо тѣ, которые живутъ въ отдаленныхъ и дикихъ мѣстахъ, еще такъ *просты*, что торговцы, ежели позволить имъ постоянное пребываніе въ тѣхъ мѣстахъ, будутъ покупать и вымѣнивать лучшія звѣриныя шкуры, во вредъ казнѣ. Это могло имѣть мѣсто при прежнемъ порядкѣ взноса ясака, когда инородцевъ понуждали къ уплатѣ въ началѣ ярмарки, но не можетъ уже имѣть мѣста послѣ изданія новаго закона, запрещающаго торгъ съ инородцами до взноса ими ясака. При помощи такихъ наивныхъ, чтобы не сказать болѣе, соображеній вела администрація борьбу противъ торговаго сословія [1]).

[1]) Копіи журнала Главнаго Управл. Зап. Сибири 5-го іюля 1846 г., № 118, и Положенія Томскаго Губ. Совѣта 12—15 іюня 1846 г., № 82, находятся при Указѣ томск. губ. управл. тогурскому отд. засѣдателю № 3463. „Переписка“, л. 41—44.

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, но оффиціально борьба была окончена; ходатайство торговцевъ было названо даже домогательствомъ, о чемъ имъ и было объявлено. На бумагѣ казенный интересъ восторжествовалъ; посмотримъ, что было въ дѣйствительности. Указъ 9-го ноября 1843 года отнялъ отъ торговцевъ право свободной торговли и, въ силу тѣхъ условій, которыя существовали въ краѣ, уничтожилъ торговлю; очевидно, торговля должна была принять характеръ незаконный. Такъ и случилось; развилась контрабанда. Но этотъ родъ торговли требуетъ особаго класса людей, которые служили бы посредниками между торговцами и потребителями. Такими посредниками и явились здѣсь лица, живущія постоянно среди инородцевъ: крестьяне, вахтеры хлѣбныхъ магазиновъ, казаки и даже часть самихъ инородцевъ. Капиталъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ уже настолько окрѣпъ, что могъ оплачивать услуги этого добавочнаго класса посредниковъ, возмѣщая убытки, конечно, съ тѣхъ же инородцевъ. Такимъ образомъ, развитіе незаконной торговли, образованіе новаго класса посредниковъ и вздорожаніе привозныхъ товаровъ были первыми ближайшими слѣдствіями указа 9-го ноября 1843 года.

Если прежде, до изданія указа 9-го ноября 1843 года, купецъ давалъ инородцу ссуду, то послѣдній, благодаря этой ссудѣ, могъ уплачивать подати и кое-какъ перебиваться; теперь ссуду отъ торговца получить было уже трудно, ибо купецъ могъ потерять свой товаръ и рисковалъ подвергнуться уголовной отвѣтственности. Послѣднее обстоятельство и вообще все производство незаконной торговли ставило купца въ зависимость отъ мѣстной администраціи. Такимъ образомъ, преобладающее значеніе въ краѣ снова переходитъ къ чиновникамъ, т.-е. возвращается такое положеніе дѣла, которое было во время, предшествовавшее введенію устава Сперанскаго. Это было вторымъ слѣдствіемъ указа 9-го ноября 1843 года.

До 1843 года въ нарымскій край ввозилось товаровъ, среднимъ числомъ, на сумму 200.000 рублей; въ первые же годы послѣ изданія указа цифра эта упала до 60—50 тысячъ рублей; до 1843 года вывозилось отсюда пушного звѣря на сумму 300—150 тыс. рублей, а въ 1854 году на ирбитскую ярмарку было вывезено только на 13 тыс. рублей [1]). Несомнѣнно, цифры эти стоятъ въ причинной связи: съ уничтоженіемъ свободной

[1]) См. ст. Шашкова: „Сибирскіе инородцы въ XIX ст.“. Собраніе соч., изд. Поповой, т. II, стр. 611 и слѣд.

Digitized by Google

торговли палъ и звѣриный промыселъ, составлявшій главный источникъ существованія инородческаго населенія. Прежде инородецъ сбывалъ продукты своего промысла,—теперь онъ долженъ обратиться къ другимъ заработкамъ, и онъ продаетъ свой личный трудъ. Онъ нанимается въ работники къ тому же купцу, къ крестьянину, или идетъ на работы въ немногія промышленныя предпріятія. Здѣсь онъ отдаетъ весь свой трудъ, получая взамѣнъ скудное пропитаніе и деньги на уплату податей. Является уже личная зависимость инородца отъ нанимателя, безъ надежды выйти когда-либо изъ этой зависимости. Такимъ образомъ, ухудшеніе экономическаго положенія инородцевъ и созданіе условій для личной ихъ кабалы было третьимъ и самымъ главнымъ слѣдствіемъ указа 9-го ноября 1843 года.

И. Тыжновъ.

Томскъ.

Digitized by Google

РАБЫНЯ

РОМАНЪ.

— The slave. By Robert Hichens. London, 1900.

Окончаніе.

IX *).

Извѣстіе о внезапной смерти сэра Рёбена отъ паралича очень удивило людей, готовыхъ всегда удивляться всему внезапному. Но нѣкоторые врачи, равно какъ опытные и разумные люди, приняли это извѣстіе безъ удивленія, а нѣкоторые дѣльцы изъ Сити подумали, что, собственно, ожидали такого трагическаго конца. Причина ихъ ожиданія скоро выяснилась. Сэръ Рёбенъ сошелъ въ могилу среди полнѣйшаго разоренія, и дѣловые люди говорили, что онъ просто сошелъ съ ума на старости лѣтъ. Одни думали, что онъ умеръ отъ отчаянія, другіе—что смерть его произошла отъ излишествъ. Кредиторы знали только, что онъ умеръ, и предъявляли свои требованія.

Неизвѣстно, какъ подѣйствовала бы смерть сэра Рёбена на Кэриль, еслибъ за этой смертью настало время естественнаго спокойствія и тишины.

Разореніе не дало ей ни на минуту возможности разыграть ту роль вдовы, которая была наиболѣе свойственна ея натурѣ. Разореніе наступило внезапно, а вмѣстѣ съ разореніемъ—шумъ и суматоха. Среди всей этой житейской бури, спасительной мрач-

---

*) См. выше: іюль, стр. 204.

Digitized by Google

ной скалой для лэди Кэриль служилъ ея большой изумрудъ, единственная вещь, закрѣпленная за нею мужемъ. Но этотъ изумрудъ одинъ представлялъ собою цѣлое состояніе.

Послѣ смерти сэра Рёбена, все его имущество было описано: его огромный домъ, яхта и всѣ другія драгоцѣнности. Всякое разореніе ужасно и трогаетъ людей, а это разореніе производило особенно тяжелое впечатлѣніе, потому что жертвой его была одинокая женщина. Когда адвокаты выяснили Кэриль настоящее положеніе вещей, то она не имѣла ни удивленнаго, ни испуганнаго вида. Они говорили ей о потерѣ денегъ и о необходимости перемѣнить образъ жизни. Они говорили все это очень сочувственно. Она выслушивала ихъ спокойно. Всѣмъ имѣвшимъ съ нею дѣло она казалась женщиной съ большой силой воли. Позднѣе тѣ же люди стали отзываться о ней иначе, и, упоминая о ней, содрогались, какъ при мысли о чемъ-то уродливомъ и таинственномъ. Только когда она узнала, что ни одинъ драгоцѣнный камень, кромѣ изумруда, не принадлежитъ ей больше, она выказалась отчасти въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Была минута, когда ея адвокаты стали бояться ея, и этой минуты они никогда не могли забыть. Иногда человѣкъ блѣднѣетъ отъ злобы, какъ море, когда на него налетаетъ шквалъ. Эта блѣдность ужаснѣе темноты и заставляетъ иногда людей представлять себѣ адъ—бѣлымъ.

Обрэ не было возлѣ Кэриль, когда онъ узналъ о ея горѣ. Онъ явился потомъ, когда уже ему не давала покоя болтовня лэди Сэнтъ-Орминъ, кричавшей какъ растерявшаяся сорока, лорда Сэнтъ-Орминъ и всѣхъ знакомыхъ, выражавшихъ сочувствіе. Страдая за нее гораздо больше другихъ, онъ не рѣшался тревожить ее въ ея горѣ, котораго еще не былъ въ состояніи понять и ясно представить себѣ. Того, что таилось въ самой глубинѣ его собственнаго чувства, онъ не пытался разъяснить себѣ. Онъ зналъ, что весь міръ какъ будто вдругъ измѣнился, но какимъ образомъ—этого онъ не сознавалъ. Вся его жизнь пришла въ разстройство. Въ сердцѣ его царилъ хаосъ противорѣчивыхъ и сложныхъ чувствъ: тамъ былъ и страхъ, и что-то еще другое. Онъ самъ не зналъ, что это была надежда. Бѣлый шквалъ пронесся надъ моремъ, но ему ни разу не случилось его видѣть. Онъ написалъ Кэриль, что придетъ къ ней, когда она захочетъ, когда она позоветъ его. Но прошло нѣсколько недѣль, а приглашенія все не было. Наконецъ, отъ нея пришла очень короткая записка изъ отеля, находившагося въ одной изъ аристократическихъ частей города. Она назначала ему часъ на

Digitized by Google

другой день, когда обѣщала ждать его. Въ этотъ часъ онъ поднялся въ подъемной машинѣ и подошелъ къ дверямъ ея гостиной въ сопровожденіи лакея. Она сидѣла у окна и смотрѣла на площадь передъ отелемъ, гдѣ стояло множество кэбовъ.

Былъ сырой осенній день, одинъ изъ тѣхъ дней, когда Лондонъ весь блеститъ отъ дождя и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ невыразимо тоскливый видъ. Мелкій и настойчивый дождикъ моросилъ, не переставая, съ самаго утра. Онъ падалъ терпѣливо, скромно и неустанно, желая, повидимому, остаться незамѣченнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оказать страшное вліяніе на большой городъ, отданный ему въ жертву.

Глядя поперемѣнно на блестящія шапки кучеровъ, на блестящія крыши каретъ, на блестящую мостовую и на блестящія крыши противоположныхъ домовъ, Кэриль думала о путешествіи, которому не суждено было осуществиться, и воображеніе рисовало ей бѣлые паруса „Изумруда“, надуваемые горячимъ вѣтромъ среди сливающейся лазури неба и океана. Лакей проговорилъ что-то, остановившись въ дверяхъ. Она обернулась и увидала Обрэ, стоявшаго среди банальной обстановки номера. Она увидѣла рѣзкое выраженіе изумленія, проскользнувшее въ лицѣ Обрэ, но не обратила на это вниманія. Она отошла отъ окна медленно, какъ будто ей было тяжело ея черное платье, протянула Обрэ руку и попросила его садиться. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и взглянулъ на нее украдкой. Изумленіе исчезло съ его лица, но осталось въ сердцѣ. Она казалась ему до такой степени измѣнившейся, что на мгновеніе онъ почувствовалъ, что сидитъ съ какой-то чужой женщиной. Она не постарѣла. Она не имѣла опредѣленно несчастнаго вида, но вся точно потускнѣла, какъ затуманенное стекло. Ея глаза выражали, еслибы онъ захотѣлъ точно и правдиво передать свое впечатлѣніе— настойчивое упрямство. Въ губахъ было то же упрямое выраженіе. Во всемъ ея существѣ чувствовалось какое-то сопротивленіе, какая-то застывшая дѣятельная энергія. Онъ подумалъ, что ничто не придаетъ такого сурового и жесткаго вида, какъ затаенное горе. Желая скрыться, оно по неволѣ прячется за желѣзную дверь.

Они заговорили о безразличныхъ вещахъ. Звукъ ея голоса былъ тоже глухой и тусклый.

— Долго вы здѣсь проживете?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Здѣсь слишкомъ дорого.

Онъ вздрогнулъ. Она улыбнулась.

Digitized by Google

— Цѣны здѣсь ужасныя,—сказала она.—А вѣдь я теперь бѣдна, какъ вамъ извѣстно.

— Но куда же вы переѣдете?—спросилъ онъ.

— Я наняла маленькую квартиру вблизи Бэкеръ-Стрита.

— Бэкеръ-Стрита!—повторилъ онъ.

Мысль о томъ, что Кэриль будетъ жить въ такомъ кварталѣ, казалась ему дикой.

— Вы тамъ будете жить?

— Да.

— Одна?

— Конечно. Съ кѣмъ же я могу жить?

— Я не могу себѣ представить...—началъ онъ.

— Чего?—спросила она, когда онъ замолчалъ.

— Я не могу себѣ представить, чтобы вы могли вынести подобную жизнь.

— Почему?

— Потому, что вы къ ней совершенно не привыкли. Вы и представить себѣ не можете, что̀ это такое.

— А что̀ жъ бы вы мнѣ посовѣтовали?

Онъ посмотрѣлъ на нее. Онъ думалъ объ изумрудѣ, который еще у нея оставался и который навѣрное представлялъ собою огромное состояніе.

— Я получаю только маленькую пенсію отъ моего отца,—сказала она.—Со временемъ, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, я наслѣдую состояніе лорда Веррендера, дяди моего отца. Но онъ еще не очень старъ и довольно крѣпокъ. Я могу умереть раньше его—умереть въ окрестностяхъ Бэкеръ-Стрита. Почему бы и нѣтъ?

Обрэ нечего было сказать. Онъ сравнивалъ ея бѣдность съ бѣдностью въ Милькъ-Кортѣ. Бѣдность Кэриль казалась ему ужасной и безнадежной, а бѣдность родственниковъ Альфа, сравнительно, вполнѣ естественной. Мысль о бѣдности Кэриль онъ не могъ допустить.

— Я увѣренъ,—сказалъ онъ,—что вы сами найдете такое существованіе для себя невозможнымъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ. Я наняла шесть комнатъ, двѣ людскихъ и кухню за девяносто-шесть фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Это удивительно дешево, и въ комнатахъ гораздо больше свѣта, чѣмъ можно ожидать. Я какъ разъ сегодня подписала контрактъ.

— На какой срокъ?

— На три года.

Digitized by Google

Въ ея голосѣ не слышно было жалости къ самой себѣ. Обр удивлялся силѣ ея характера.

— Вы не думаете поѣхать—прожить нѣсколько времени съ лэди Сэнтъ-Орминъ?—рискнулъ онъ спросить.

Ему страстно хотѣлось защитить ее отъ того, что онъ считалъ ея собственной жестокостью.

— Съ моей матерью?—О, нѣтъ!—сказала она.

Ея лицо выразило раздраженіе.

— Моя мать совершенно не понимаетъ меня,—прибавила она.—Мы никогда не можемъ ужиться.

Въ эту минуту дверь комнаты отворилась, и лакей доложилъ о приходѣ лэди Сэнтъ-Орминъ. Раздраженіе лэди Кэриль еще усилилось, когда мать ея быстро вошла въ гостиную.

Лэди Сэнтъ-Орминъ была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ особенно свѣтскій и нарядный видъ, когда носятъ трауръ.

Пока дочь терпѣливо подчинялась ея безчисленнымъ поцѣлуямъ, лэди Сэнтъ-Орминъ воскликнула:

— А! м-ръ Геррикъ! Вы здѣсь! Я вамъ такъ благодарна. Теперь у меня будетъ союзникъ. Вы—такой другъ Кэриль и у васъ столько здраваго смысла, что... Я всегда говорю, что люди тратятъ половину своего времени на то, чтобы скрывать свой здравый смыслъ, изъ страха, что ихъ сочтутъ устарѣвшими. Но бываютъ минуты... Кэриль, у меня есть большая новость для тебя.

Говоря это, она усѣлась на диванъ. Лэди Кэриль слушала съ видимымъ равнодушіемъ, но двѣ рѣзкія линіи образовались въ углахъ ея рта.

— Князь Мирзоровъ опять былъ сегодня у твоего отца, и все это великолѣпно устроится безъ всякой огласки. Не понадобится ѣздить къ разнымъ куцпамъ и все такое. Въ горѣ такъ тяжело имѣть дѣло съ чужими людьми,—не правда ли, м-ръ Геррикъ? Горе должно быть священно, но въ Лондонѣ ничто не священно, даже самыя святыя движенія души. Я помню, какъ-то разъ, когда я расплакалась въ оперѣ—знаете, во время смерти Тристана, когда онъ раскрываетъ раны и при этомъ такой удивительный аккомпаниментъ,—такъ объ этомъ напечатали во всѣхъ вечернихъ газетахъ. Это было такъ зло! И озаглавили: „Плачущая графиня“. Но приходится переносить такія вещи. Ну, такъ вотъ, Кэриль: князь согласенъ на всякую цѣну. Это—такое счастье. Онъ хочетъ купить его для маленькой Біондетти, той самой, которая произвела такой фуроръ на скачкахъ прошлой весной. Кажется, она видѣла его на тебѣ у принца и... что такое съ тобой? Ты больна?

Digitized by Google

Лицо Кэриль выражало глубокое холодное негодованіе.

— Нѣтъ, я не больна, мама,—отвѣчала она.—О чемъ ты говоришь? Я не понимаю.

— Объ изумрудѣ, конечно. Твой отецъ хочетъ дать его оцѣнить Ричингу, и съ этими деньгами ты можешь устроиться очень недурно. Сколько дохода приносятъ въ годъ тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, м-ръ Геррикъ? Вы служили въ Сити, такъ что навѣрное знаете всѣ эти вещи. Только не поручай отцу покупать на эти деньги бумагъ, Кэриль, потому что если ты это сдѣлаешь, то никогда...

— Да нечего будетъ и покупать.

— Какъ нечего? Вѣдь князь...

— Никогда мой изумрудъ не будетъ принадлежать князю Мирзорову...

— Что? Такъ ты нашла другого покупщика? Право, Кэриль, ты могла бы избавить меня отъ всѣхъ этихъ хлопотъ. Я два раза приглашала князя завтракать. А вѣдь онъ самый... вѣдь вы знаете, что это за человѣкъ, м-ръ Геррикъ? Онъ путешествовалъ по всему свѣту, но можетъ разговаривать только о хорошенькихъ танцовщицахъ. Для него не существуетъ ничего, кромѣ танцовщицъ съ хорошо развитыми мускулами. Онъ никогда и не слыхивалъ о Вагнерѣ, хотя и жилъ мѣсяцами въ Германіи. Кого же ты нашла, Кэриль?

— Я никого не нашла.

— Въ такомъ случаѣ князь...

— Я не собираюсь продавать изумруда, мама.

— Но ты должна!

Голосъ лэди Сэнтъ-Орминъ сдѣлался рѣзкимъ.

— Ты должна. Если ты этого не сдѣлаешь, то умрешь съ голода. М-ръ Геррикъ, развѣ не ужасно, что бѣдный сэръ Ребенъ такъ бросалъ деньги направо и налѣво, что...

— Не будемъ этого обсуждать, мама.

Обрэ всталъ, чтобы уходить. Онъ чувствовалъ, что дѣло принимаетъ трагическій оборотъ.

Кэриль говорила очень сдержанно, но онъ догадывался, какая глубина чувства скрывается подъ этимъ видимымъ спокойствіемъ. Онъ вспомнилъ, что изумрудъ былъ единственнымъ воспоминаніемъ, оставшимся Кэриль отъ мужа, и ему казалось, что онъ понималъ ея возмущеніе. Ему такъ хотѣлось заставить замолчать лэди Сэнтъ-Орминъ и показать ей всю утонченность скорби, которая была выше ея пониманія. Но онъ чувствовалъ,

Digitized by Google

что ему слѣдуетъ уйти. Онъ протянулъ руку Кэриль, но она быстро сказала:

— Пожалуйста, останьтесь, м-ръ Геррикъ!

Она посмотрѣла ему въ лицо и, быть можетъ, прочла его мысли. Лэди Сэнтъ-Орминъ всегда очень быстро приходила въ раздраженное состояніе. Ея лобъ, обрамленный напудренными волосами, покраснѣлъ.

— Кэриль!—воскликнула она.—Ты теперь бѣдна и должна...

— Жить, какъ подобаетъ бѣдной женщинѣ. Я и собираюсь это дѣлать, мама, но не собираюсь продавать первый подарокъ моего мужа.

Она угадала мысль Обрэ, а онъ воображалъ, что угадалъ ея мысль. Лэди Сэнтъ-Орминъ пыталась прервать дочь, но лэди Кэриль продолжала:

— Я буду жить очень скромно, и мнѣ не понадобится много денегъ.

— Жить очень скромно!—воскликнула лэди Сэнтъ-Орминъ съ такимъ ужасомъ, какъ будто дочь сказала ей, что собирается жить на воздушномъ шарѣ.

— Что ты хочешь сказать этимъ, Кэриль?

— Я наняла маленькую квартиру возлѣ Бэкеръ-Стрита.

— Бэкеръ-Стритъ!—воскликнула ея мать.—Это тамъ, гдѣ музей восковыхъ фигуръ и гдѣ проходитъ подземная желѣзная дорога.

На минуту она, казалось, онѣмѣла, потомъ повернулась къ Обрэ и проговорила:

— Слышали вы что-нибудь болѣе ужасное, м-ръ Геррикъ?

— Бэкеръ-Стритъ, мнѣ кажется, вполнѣ приличное мѣсто,— сказалъ Обрэ, съ трудомъ удерживаясь отъ улыбки, и даже лицо Кэриль нѣсколько прояснилось.

— Можетъ быть, оно и приличное, но это все равно, потому что тамъ никто не живетъ. Нѣтъ, Кэриль, это невозможно. Еслибы ты была вдовою дантиста или вообще чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, тогда это было бы другое дѣло. Но теперь...

— Милая мама, не будемъ спорить. Пожалуйста, скажи князю, что изумрудъ не продается.

— Я не могу. Онъ страшно разсердится. Повидимому, эта маленькая Біондетти рѣшила, что...

— Никогда мой изумрудъ не будетъ принадлежать подобной женщинѣ,—проговорила Кэриль.

Ея спокойствіе, ея упрямое самообладаніе вдругъ покинуло ее, и она произнесла послѣднія слова такъ горячо, что это по-

Digitized by Google

разило и даже испугало ея мать. Съ минуту лэди Сэнтъ-Орминъ сидѣла молча, глядя на дочь, потомъ нѣсколько оправилась и проговорила:

— Въ наше время, лучшія драгоцѣнности находятся въ рукахъ такихъ женщинъ. Это всѣмъ извѣстно. Почему бы...

— Я не стану говорить о нихъ,—сказала Кэриль,—и мой изумрудъ не продается.

Уѣзжая, лэди Сэнтъ-Орминъ сказала Обрэ, провожавшему ее до лифта.

— Я боюсь, что внезапная смерть сэра Рёбена такъ потрясла ее, что... вы понимаете, м-ръ Герринкъ?—на квартирѣ въ Бэкеръ-Стритѣ со своимъ изумрудомъ! Это—настоящее безуміе. Но постарайтесь повліять на нее. Я всегда говорю, что мужчины...

Лифтъ сталъ опускаться, унося ея слова въ нижній этажъ. Обрэ вернулся къ лэди Кэриль. Она посмотрѣла на него съ непривычной добротой и привѣтливостью, которыя заставили сильно забиться его сердце.

— Вы понимаете меня,—сказала она.—Сегодня я это чувствую.

— Да.—Сегодня я, кажется, васъ понимаю. Но...

Онъ замолчалъ, думая о томъ, какъ часто она его удивляла и почти пугала.

— Но что?—спросила она.

— Я думалъ о томъ, что часто невѣрно понималъ васъ,—отвѣчалъ онъ.

— А можетъ быть, также невѣрно судили обо мнѣ?—сказала она.

Ни разу съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, не говорила она съ нимъ такъ тепло. Слушая ее, Обрэ почувствовалъ въ первый разъ, что отсутствіе сэра Рёбена должно было длиться вѣчно, и что онъ говорилъ съ женщиной, у которой не было мужа.

— Мнѣ кажется, вы правы,—сказалъ онъ почти смиренно.

Онъ подумалъ о смерти Альфа, и рѣшилъ все это забыть.

— Васъ трудно разгадать,—продолжалъ онъ.—А я вѣроятно очень глупъ, и часто заблуждаюсь. Можетъ быть, съ сегодняшняго дня я буду меньше ошибаться. Я постараюсь быть умнѣе.

— Онъ былъ уменъ всегда,—проговорила она тихо.—Онъ даже умеръ умно.

Голосъ ея звучалъ такъ, какъ будто она была одна и говорила сама съ собою.

Digitized by Google

Уйдя отъ нея, Обрэ спрашивалъ себя, что могли означать ея послѣднія слова.

Онъ не зналъ, что большой сапфиръ, оставшійся на рукѣ мертвеца, былъ зарытъ вмѣстѣ съ нимъ на дно темной могилы.

X.

Несмотря на ужасъ лэди Сэнтъ-Орминъ, разсказывавшей всѣмъ направо и налѣво о безуміи собственной дочери; несмотря на упреки и мольбы лорда Сэнтъ-Орминъ, разсчитывавшаго получить кругленькую сумму за коммиссію при продажѣ знаменитаго изумруда; несмотря на все это и еще на многія другія помѣхи и препятствія, лэди Кэриль все-таки переѣхала въ Бэкеръ-Стритъ. Переднія окна ея квартиры въ нижнемъ этажѣ выходили на узкій дворъ, обнесенный рѣшоткой съ остроконечными зубцами. А передъ окнами другихъ комнатъ находился другой дворъ, вымощенный асфальтомъ. Чтобы отнять возможность у неизвѣстныхъ жильцовъ густо населеннаго огромнаго дома разсматривать ея скромное помѣщеніе, лэди Кэриль завѣсила окна заднихъ комнатъ бисерными портьерами. Онѣ пропускали свѣтъ, но скрывали внутренность комнатъ отъ постороннихъ взглядовъ. Кромѣ того, всѣ окна были снабжены ставнями, которыя затворялись и запирались на ночь.

Кэриль убрала свою квартиру очень просто и проводила бо́льшую часть времени въ маленькой задней комнатѣ, походившей болѣе на библіотеку, чѣмъ на будуаръ хорошенькой женщины. Тамъ находилось то единственное, что́ купила Кэриль на распродажѣ вещей сэра Рёбена—коллекція книгъ о драгоцѣнныхъ камняхъ. Онѣ были разставлены на большихъ полкахъ, тянувшихся вдоль трехъ стѣнъ. Кэриль часто засиживалась тамъ цѣлыми часами, погруженная въ чтеніе.

Она вспоминала прошлое или, мечтая, забывала настоящее и уносилась мыслью далеко, пока наконецъ окружающая реальная жизнь со всей своей скукой не блѣднѣла и не умирала. Иногда она начинала какъ бы искать чего-то, протягивала руку къ знакомой рукѣ или старалась разглядѣть во мракѣ дружескую тѣнь. Не тосковала ли она въ эти минуты о маленькой, сгорбленной фигурѣ, похожей на добраго гнома, которая всегда такъ заботливо шла возлѣ нея, собирая ей своими крючковатыми, смуглыми пальцами всѣ ея любимыя диковины? Этого добраго генія не было больше съ нею. Онъ лежалъ теперь тихо во мракѣ мо-

Digitized by Google

гилы, и черный сапфиръ, предсказавшій роковую истину, оберегалъ его тамъ на вѣки. Онъ не могъ больше улыбаться восторгамъ своей рабыни. Иногда Кэриль вздыхала, откладывала въ сторону книгу и пристально смотрѣла передъ собою въ глубину унылой комнаты. Ей казалось, что между поломъ и потолкомъ, въ полумракѣ сумерекъ, на фонѣ полокъ съ книгами, вставала, колеблясь, блѣдная тѣнь, тонкій ротъ улыбался, старческіе глаза, лукавые и блестящіе, сіяли ей то съ выраженіемъ торжества, то напротивъ, съ выраженіемъ холоднаго отчаянія. Она прислушивалась и воображала, что слышала далекій шопотъ какого-то голоса, слабаго и неяснаго, снова разсказывавшаго ей странныя исторіи о драгоцѣнныхъ камняхъ, исторіи ея драгоцѣнныхъ камней, перешедшихъ въ чужія руки. Дождь моросилъ по асфальту унылаго двора, спускался зимній вечеръ, темнѣло, и колебавшаяся тѣнь исчезала, какъ бы таяла среди книгъ, вытянувшихся неподвижными, безмолвными рядами. Кэриль вставала, шла въ спальную и отыскивала въ потайномъ мѣстѣ то, что ей было всего дороже.

Она просиживала цѣлыми часами, держа въ рукахъ огромный изумрудъ. И когда она его такъ держала — она была счастлива.

Черезъ нѣсколько времени Кэриль стала снова выѣзжать въ свѣтъ. О ней много говорили въ обществѣ. Даже переселеніе въ Бэкеръ-Стритъ не могло лишить ее значенія, пока она еще обладала такимъ сокровищемъ, какъ изумрудъ. Многіе даже находили ее теперь болѣе интересной, чѣмъ въ дни ея несомнѣннаго торжества. Въ ея положеніи было что-то совсѣмъ особенное. Не каждый день можно встрѣтить разорившуюся аристократку, которая живетъ чуть не въ подвалѣ и бережетъ въ своемъ бѣдномъ углу драгоцѣнный камень. А между тѣмъ, продавъ этотъ камень, она могла бы не только жить въ бэль-этажѣ, но вообще пользоваться всѣми удобствами. Когда, по окончаніи срока траура, Кэриль стала бывать въ нѣкоторыхъ домахъ, то мужчины поворачивались, чтобы посмотрѣть, какъ она входила въ скромномъ, недорогомъ платьѣ и со своимъ удивительнымъ драгоцѣннымъ камнемъ на груди. Женщины перешептывались о ней и глядѣли на нее завистливыми глазами. Она никогда не проходила незамѣченной и никогда не уходила, не произведя вполнѣ опредѣленнаго, но очень страннаго впечатлѣнія. Хотя у нея былъ менѣе блистательный видъ и менѣе увѣренныя манеры, чѣмъ въ то время, когда она управляла домомъ Аллабрута въ Паркъ-

Digitized by Google

Лэнѣ, тѣмъ не менѣе она не казалась ни смущенной, ни недовольной.

Лэди Рангклифъ одна изъ первыхъ явилась навѣстить ее въ ея квартирѣ и отнеслась къ ней наиболѣе дружелюбно. Она не была способна постоянно думать о комъ-нибудь дурно, особенно когда этотъ человѣкъ былъ въ несчастіи. Но, несмотря на ея незлопамятность и человѣколюбіе, ей не суждено было сойтись съ лэди Кэриль. Онѣ всегда испытывали въ обществѣ другъ друга какую-то неловкость и необходимость дѣлать надъ собою какое-то усиліе, и не могли преодолѣть въ себѣ этого чувства. Лэди Рангклифъ чувствовала это еще сильнѣе, чѣмъ лэди Кэриль, и не могла не замѣчать при этомъ, что ея сынъ гораздо болѣе былъ друженъ съ молодою женщиной, чѣмъ она. Обрэ сдѣлался самымъ близкимъ знакомымъ лэди Кэриль. Въ это время онъ, подобно многимъ людямъ изъ общества, не обладающимъ особеннымъ талантомъ, попалъ въ биржевой кругъ. Шумная толпа подхватила его, и онъ проводилъ время въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раздается однообразный и противный звонъ денегъ. Онъ не позволялъ себѣ больше осуждать денежныхъ дѣльцовъ и съ презрѣніемъ относиться къ занятіямъ въ Сити. Онъ находилъ, что работа необходима и что стоитъ работать.

Существованіе веселаго лѣнтяя и бездѣльника пугало его больше, чѣмъ сѣрый трудъ, даже наименѣе отвѣчавшій его вкусамъ. Онъ сталъ служить въ Сити, и повидимому могъ разсчитывать со временемъ на полный успѣхъ. Ему везло, и онъ старался развить въ себѣ терпѣніе и настойчивость. Только одинъ человѣкъ зналъ тайную причину этой дѣловой энергіи. Лэди Рангклифъ начинала догадываться, что у Обрэ опять явилось одно сильное желаніе. Она вспоминала свой разговоръ съ сэромъ Рёбеномъ въ Итонъ-Сквэрѣ, но ее совершенно обезоруживало необычайное постоянство сына.

Иногда Обрэ заходилъ къ лэди Кэриль довольно поздно, возвращаясь изъ Сити въ Жерминъ-Стритъ, куда онъ снова переселился. Иногда онъ сидѣлъ съ нею въ маленькой комнатѣ, окна которой выходили на унылый дворъ. Однажды, дожидаясь ее, онъ раздвинулъ одну изъ бисерныхъ портьеръ и отъ нечего дѣлать сталъ смотрѣть на асфальтъ и на многочисленныя окна противоположныхъ квартиръ. Ему невольно захотѣлось знать, кто были безчисленные обитатели всѣхъ этихъ помѣщеній, проводившіе въ нихъ свою незамѣтную жизнь. Что-то удивительно непріятное заключалось для него въ томъ, что лэди Кэриль жила среди этого человѣческаго улья. Онъ вспомнилъ, какъ стара-

Digitized by Google

тельно охранялъ сэръ Рёбенъ себя и лэди Кэриль отъ вторженія внѣшней дѣловой лондонской жизни, и представилъ себѣ, каковъ былъ бы ужасъ сэра Рёбена, если бы онъ могъ знать, гдѣ жила теперь Кэриль. Сравнивая прошедшее съ настоящимъ и переводя глаза съ одного окошка на другое, Обрэ началъ составлять себѣ по разнымъ признакамъ представленіе о жизни разнообразныхъ обитателей квартиръ. Изъ одного окна наверху выглянула служанка, держа въ обнаженныхъ по локоть рукахъ худенькаго ребенка. Она глядѣла на небо, по которому медленно проносились облака. Ребенокъ взглянулъ наверхъ и заплакалъ. Тотчасъ же появилась еще фигура. Обрэ разглядѣлъ хорошенькое, свѣжее личико и руки, жадно схватившія ребенка, стараясь унять его. Онъ понялъ, что за этимъ окномъ жили люди недавно женатые, что тамъ шла молодая жизнь, полная заботы и суеты. Опустивъ немного глаза, онъ увидалъ часть фигуры старика, читавшаго книгу, одну половину его утомленнаго лица, длинную бороду и руки, державшія книгу, и близорукіе глаза въ очкахъ. Онъ подумалъ объ уединенной и однообразной жизни ученыхъ среди измѣнчивой и шумной лондонской жизни. Продолжая блуждать взглядомъ по безобразной стѣнѣ, онъ наконецъ дошелъ до ряда оконъ, находившихся на одномъ уровнѣ съ окнами лэди Кэриль, какъ разъ надъ дворомъ, вымощеннымъ асфальтомъ. Сквозь открытое почти прямо передъ нимъ окно онъ увидалъ фигуру человѣка, который прошелъ, исчезъ, вернулся и сталъ неподвижно. Онъ не могъ разсмотрѣть его лица, но почувствовалъ, что глаза человѣка устремлены на окно лэди Кэриль. Позднѣе онъ вспоминалъ о непріятномъ чувствѣ, охватившемъ его при мысли, что какой-то посторонній человѣкъ могъ разсматривать Кэриль, думать о ней. Три или четыре минуты простоялъ онъ, наблюдая за неподвижной фигурой. Потомъ она вдругъ исчезла. Обрэ уже хотѣлъ опустить портьеру, какъ вдругъ у другого окна, ближе и лѣвѣе, онъ увидалъ молодую дѣвушку, стоявшую къ нему спиною. У нея были темные волосы и соломенная шляпа съ черной лентой. Въ ея фигурѣ и позѣ было что-то, показавшееся Обрэ удивительно знакомымъ. Пока онъ раздумывалъ объ этомъ, онъ услыхалъ сзади шаги Кэриль и совершенно забылъ о всѣхъ другихъ квартирахъ и о всѣхъ другихъ жильцахъ.

Но въ тотъ же день, выйдя изъ огромнаго строенія на улицу, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Діамондой. Она не испугалась, увидавъ его; только на ея блѣдныхъ щекахъ вспыхнули два красныя пятнышка, и одну секунду она колебалась, узнавать

Digitized by Google

его или нѣтъ. Потомъ, когда онъ приподнялъ шляпу, она слегка кивнула и прошла мимо, не останавливаясь. Обрэ въ ту же секунду понялъ, что именно ее онъ и видѣлъ въ окнѣ налѣво отъ оконъ лэди Кэриль. Онъ пошелъ за нею, раздумывая, что ему сдѣлать. Діамонда не оглядывалась, какъ оглядывалась когда-то давно, вечеромъ въ день ихъ первой встрѣчи. Она все шла дальше, не торопясь, но и не замедляя умышленно шаговъ. Повидимому, она совершенно не хотѣла, чтобы онъ ее сопровождалъ, но Обрэ почувствовалъ, что даже обѣщаніе, данное Альфу, не должно было заставить его избѣгать ее при такой близкой и непредвидѣнной встрѣчѣ. Онъ ускорилъ шаги и догналъ ее.

— Миссъ Діамонда, — сказалъ онъ и протянулъ ей руку. Онъ видѣлъ, что она колебалась, протягивать ли свою, но наконецъ пожала его руку, ни слова не говоря. Они остановились на тротуарѣ и глядѣли вопросительно другъ на друга.

Обрэ чувствовалъ себя непріятно смущеннымъ, почти виноватымъ.

— Мнѣ кажется, я васъ только-что видѣлъ,—началъ онъ.— Я былъ въ одномъ изъ нижнихъ этажей и смотрѣлъ во дворъ. Это не вы ли стояли, повернувшись спиной къ окну и разговаривали съ кѣмъ-то?

— Да,—отвѣчала она.—Ну что, какъ поживаете?

— Хорошо. А вы? Надѣюсь, что дѣти—всѣ ваши...

— Они всѣ здоровы, благодарю васъ. — Она двинулась дальше.

— Діамонда,—сказалъ онъ поспѣшно,—это дико. Мнѣ съ вами по дорогѣ. Я хочу поговорить съ вами. Можно?

— Я не могу понять, зачѣмъ это вамъ,—проговорила она прежнимъ простымъ тономъ, который онъ такъ хорошо помнилъ.— Вѣдь мы не друзья, такъ къ чему же это?

— Не друзья!—повторилъ Обрэ.

Онъ почувствовалъ глубокую обиду.

— Какъ вы можете это говорить?—продолжалъ онъ.

— Могу, потому что это правда. Когда-то я думала, что мы съ вами друзья. Но я такая глупая и всегда ошибаюсь.

Теперь она не смотрѣла на него. Она опустила глаза и кончикомъ зонтика проводила воображаемыя черты по тротуару.

— Всегда во всѣхъ ошибаюсь,—повторила она,—кромѣ...

Ея голосъ замеръ.

— Кромѣ кого?—спросилъ Обрэ.

Онъ не зналъ, что сказать, какъ объяснить, что такъ долго избѣгалъ ея.

Digitized by Google

— Кромѣ м-ра Кинга,—сказала она.—Я скоро... я скоро за него замужъ выхожу.

— Выходите за м-ра Кинга! Когда?

— На будущей недѣлѣ. Мы будемъ жить въ нижнемъ этажѣ на той квартирѣ, гдѣ вы меня видѣли сегодня. Онъ такой добрый!

Обрэ казалось, что тяжесть внезапно свалилась у него съ плечъ. Предсказаніе Альфа готово было исполниться, и Обрэ чувствовалъ, что можетъ теперь сказать хоть часть правды. Медленно проходя съ Діамондой по пустынной улицѣ, онъ началъ:

— Я такъ радъ. Знаете ли, Діамонда, вѣдь это было желаніе Альфа.

— Альфа!—повторила она грустнымъ голосомъ.—Ахъ, какъ мы всѣ его жалѣемъ! Это такой ужасъ! Было Лиль хлопотъ съ бѣднымъ Вогсомъ. Теперь все перемѣнилось,—все. Я довольна, что не буду больше танцовать. Очень довольна. Каждый разъ теперь, какъ вижу огни и слышу музыку, особенно барабаны,—такъ и представляется мнѣ, какъ онъ падалъ. Бѣдный Альфъ! Онъ такъ меня любилъ.

— И я хочу вамъ разсказать, до какой степени онъ васъ любилъ,—быстро сказалъ Обрэ.

— Вы мнѣ хотите разсказать? — сказала Діамонда совершенно удивленная.

— Да, Діамонда. Передъ смертью Альфъ говорилъ мнѣ о васъ.

— Что же такое?

— О васъ и о м-рѣ Кингѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы вы поженились, и думалъ...

Обрэ колебался. Онъ не зналъ, какъ передать подозрѣнія Альфа въ такой формѣ, которая не оскорбила бы чуткую, деликатную Діамонду и не сдѣлала бы невыносимымъ его собственное положеніе.

— Ну, что же?—спросила Діамонда.

— Онъ думалъ, что, можетъ быть, мы слишкомъ часто съ вами видались.

— Почему? Что же тутъ такого было?

Въ ея голосѣ слышалось искреннее удивленіе.

— Видите ли, Діамонда,—можетъ быть, Альфъ былъ и правъ, хотя зналъ очень мало. Мы съ вами часто говорили объ... ну, объ...

— О Бертѣ, вы хотите сказать?

Digitized by Google

— Да, и Альфъ хотѣлъ, чтобы вы все это забыли и вышли замужъ за хорошаго человѣка. Теперь понимаете?

— И онъ вамъ это сказалъ?

— Да, когда онъ такъ мучился. Онъ требовалъ прямо, чтобы я ушелъ отъ васъ. Ему не хотѣлось, чтобы мы обо всемъ этомъ говорили. Вотъ почему я ни разу не былъ у васъ съ тѣхъ поръ—съ самыхъ похоронъ. Онъ умеръ, но и меня удалилъ отъ васъ. Вы понимаете? Я обѣщалъ ему, что не буду ходить къ вамъ.

Все время, пока онъ говорилъ, она смотрѣла на него пристально, по-дѣтски. Когда онъ замолчалъ, она сказала:

— Я рада. Значитъ, это не потому, что мы вамъ надоѣли?

— Нѣтъ. Мнѣ хотѣлось приходить, но я не могъ.

— Какой онъ былъ странный, Альфъ!—сказала она.—Потому что вѣдь, все равно, ничего не измѣнилось оттого, что вы перестали бывать.

— Не измѣнилось?

— Нисколько,—т.-е., я хочу сказать, что не перестала думать о Бертѣ. Все равно, мнѣ было такъ тяжело. Какъ я разъ объ этомъ плакала! Ужасъ, какъ плакала!

— Плакали?—робко переспросилъ Обрэ.

— Да. Это ночью было. Я думала объ Альфѣ и о васъ,—помните, какъ мы ночью тогда въ паркѣ сидѣли подъ деревьями и еще эта женщина, которая ссорилась съ мужчиной, и другія женщины, которымъ ѣсть нечего, и у насъ-то денегъ не было, и Бертъ, и все это вмѣстѣ. Мнѣ такъ хотѣлось въ эту ночь уйти за Альфомъ, чтобы сразу со всѣмъ этимъ покончить. Вотъ я плакала! Вся подушка была на другое утро мокрая!..

— Бѣдная Діамонда!—проговорилъ Обрэ.

Онъ испытывалъ чувство глубокаго облегченія при видѣ ея полнѣйшаго невѣдѣнія относительно подозрѣній Альфа.

— Мнѣ было тогда очень тяжело,—продолжала она.—Но вѣдь нельзя умереть, когда хочешь. Правда? А смерть приходитъ, когда мы и не думаемъ,—вотъ какъ съ Альфомъ было,—когда, можетъ быть, считаешь себя всего счастливѣе. Это очень странно. Я никакъ не могу понять этихъ вещей. М-ръ Кингъ говоритъ, что и не надо стараться ихъ понять.

— Надѣюсь, что онъ правъ. Такъ, значитъ, вы полюбили его наконецъ?

— Да.

Она замолчала и раздумывала. Потомъ кивнула головой въ отвѣтъ на собственную мысль и прибавила:

Digitized by Google

— Потому что я знаю, что онъ добрый. Вотъ почему. Дѣвушки обыкновенно не за это любятъ, и я не за это любила Берта. Глупо любить только потому, что любится, и я прежде была глупа.

Обрэ подумалъ, что и его любовь такая же, но нашелъ, что это—опасная тема для разговора, и рѣшительно заговорилъ о м-рѣ Кингѣ. Онъ узналъ, что берейторъ нанялъ большую квартиру въ нижнемъ этажѣ, по сосѣдству съ лэди Кэриль.

— Вотъ какъ, Діамонда!—сказалъ онъ. — Значитъ, вы будете жить наискось отъ одной моей хорошей знакомой, отъ...

Вдругъ онъ остановился, вспомнивъ про смерть Альфа и про отношеніе къ ней лэди Кэриль.

— Съ какой хорошей знакомой?—спросила Діамонда.

— Да вотъ... ну, съ лэди Кэриль Аллабрутъ.

Лицо Діамонды вспыхнуло.

— Вы были въ ея квартирѣ, когда увидали меня сегодня? —спросила она.

— Да.

Она ничего не сказала, только такъ сжала губы, что онѣ слегка выдались впередъ, и въ ея темныхъ глазахъ появилось почти суровое выраженіе. Обрэ понималъ ея чувство. Сначала онъ хотѣлъ заговорить о другомъ, но потомъ желаніе пробудить въ Діамондѣ болѣе мягкое чувство заставило его сказать:

— Діамонда, я знаю, что вы думаете. Мнѣ хочется, чтобы вы думали иначе.

— Все равно, я не могу,—отвѣчала она. — Она жестоко поступила съ Альфомъ, очень жестоко.

Въ ея тихомъ голосѣ слышались упрямство и горькое чувство.

— Его смерть очень огорчила ее. Она не была виновата, что онъ умеръ.

— Она не хотѣла пріѣхать. Онъ просилъ, чтобы она пріѣхала, а она не захотѣла. Она—безчувственная.

— Она просто испугалась. Она совсѣмъ не привыкла видѣть больныхъ. Вы не можете понять, что она чувствовала.

— Нѣтъ. Она просто безчувственная, и мнѣ непріятно жить съ ней рядомъ,—сказала Діамонда.—Мнѣ будутъ видны ея окна черезъ дворъ?

— Да.

— Я не стану на нихъ смотрѣть, и все-таки мнѣ будетъ непріятно. Я все буду думать о ней и объ Альфѣ. Она безчувственная.

Digitized by Google

Ее очевидно очень разстроило открытіе, что она будетъ жить рядомъ съ лэди Кэриль.

Обрэ увидалъ, что было бы безполезно разсуждать теперь объ этомъ, но все-таки не удержался и сказалъ:

— Когда-нибудь вы узнаете, можетъ быть, что у нея есть чувство.

— Какимъ образомъ?—сказала Діамонда.—Я никогда ея не увижу, и не буду говорить съ нею, надѣюсь.

— Можно мнѣ побывать у васъ, когда вы выйдете замужъ?—спросилъ Обрэ, когда они подошли къ омнибусу, въ который хотѣла сѣсть Діамонда.

— Да. Такъ, значитъ, вы хотите насъ видѣть?—и ея грустное лицо просіяло.

— Очень хочу.

— Мы будемъ очень рады. М-ръ Кингъ всегда вспоминаетъ, какой вы были милый и тихій въ тотъ вечеръ—въ день моего рожденія. Онъ любитъ тихихъ людей. Онъ очень добрый.

Обрэ пожалъ ея тонкую руку.

— Вы будете съ нимъ счастливы, надѣюсь,—очень счастливы.

Ея глаза снова затуманились, но она сказала:

— Онъ очень добрый, и надо любить людей за ихъ доброту. Я постараюсь быть счастливой.

Обрэ казалось очень страннымъ, что черезъ недѣлю она и лэди Кэриль должны были начать жить одна возлѣ другой. Сведетъ ли ихъ когда-нибудь судьба? Это казалось невозможнымъ. Эти двѣ женщины были такъ различны, такъ чужды одна другой. Одна принесла ему много страданій, другая—немного утѣшенія. Къ обѣимъ онъ испытывалъ глубокую симпатію, и у него явилось желаніе свести вмѣстѣ сложную натуру съ простой, блестящую загадку съ полной искренностью, тайну съ откровеніемъ, одинокую душу съ душой, подвластной всему человѣческому.

Когда Діамонда сѣла въ омнибусъ и уѣхала, то Обрэ еще нѣсколько времени простоялъ неподвижно на мрачной улицѣ, не замѣчая толпы, криковъ и движенія. Ему представлялись двѣ женщины, наблюдающія черезъ дворъ другъ за другомъ изъ своихъ окошекъ. Солнечный свѣтъ исчезалъ, сгущались сумерки, наступалъ вечеръ. Тихо и молча наблюдали онѣ. Ночь спускалась на маленькій дворъ, и все погружалось въ глубокій мракъ.

Но иногда вмѣстѣ съ темнотою является сіяющая истина.

Digitized by Google

XI.

Діамонда сдѣлалась миссисъ Кингъ и скоро устроилась на своей новой квартирѣ рядомъ съ лэди Кэриль,—но того, о чемъ мечталъ Обрэ, въ дѣйствительности не случилось. Двѣ женщины не садились у оконъ и не наблюдали другъ за другомъ черезъ маленькій дворъ, раздѣлявшій ихъ. Лэди Кэриль не знала о близости Діамонды, а еслибы и знала, то навѣрное отнеслась бы совершенно равнодушно къ присутствію женщины не изъ ея класса, съ которой она даже ни разу не разговаривала. Еслибы она и узнала о близкомъ родствѣ Діамонды съ маленькимъ умершимъ акробатомъ, то это едва ли вызвало бы въ ней ясное воспоминаніе о немъ. Когда-то ей сказали, что умиралъ какой-то мальчикъ, и она послала ему лиліи. Онъ умеръ. Лиліи завяли. Все это было давно и случилось по ту сторону бездны, раздѣлявшей ея настоящее отъ ея прошедшаго. Она никогда не вспоминала объ этомъ, и никогда чужія окна не привлекали ея вниманія. Положительно, Діамонда не играла никакой роли въ ея жизни. Но въ жизни Діамонды она не была только тѣнью. Въ простой натурѣ молодой женщины было много постоянства и упорства. Ея легкая возбудимость не была слѣдствіемъ слабости, и она не легко забывала, хотя легко плакала. Когда она встрѣтилась съ Обрэ и онъ объяснилъ ей причину своей видимой холодности и небрежнаго отношенія къ ней, то ей живо вспомнился Альфъ, этотъ мальчикъ, старавшійся оградить ее въ будущемъ отъ всякаго горя, даже въ послѣднюю, мучительную, предсмертную минуту. Разставшись съ Обрэ, она проплакала, сидя въ омнибусѣ, но эти слезы только оживили ея воспоминанія, а воспоминанія усилили ея непріязненное чувство къ той женщинѣ, которую Альфъ напрасно призывалъ передъ смертью. Сознаніе близости лэди Кэриль сильно на нее дѣйствовало. Мало-по-малу она стала терять душевное равновѣсіе, потому что нервы ея сдѣлались болѣе обыкновеннаго чувствительны въ первый періодъ замужней жизни. Чтобы выйти за м-ра Кинга, она бросила сцену, оставила свои занятія, къ которымъ успѣла привыкнуть за нѣсколько лѣтъ, жила въ непривычной праздности и умъ ея не былъ ничѣмъ занятъ. Мысли ея, такъ долго сосредоточивавшіяся на театрѣ, полновластныхъ балетныхъ антрепренершахъ, на положеніи, занимаемомъ ею въ труппѣ, на ея товаркахъ, на планахъ относительно будущихъ успѣховъ,—всѣ эти мысли должны были теперь обратиться на что-нибудь другое. Вскорѣ онѣ обра-

Digitized by Google

тились на окна лэди Кэриль. Вначалѣ, когда она даже не глядѣла на нихъ, ей минутами казалось, что она видитъ, какъ лэди Кэриль входитъ въ комнату, выходящую окнами во дворъ, или сидитъ въ этой комнатѣ, такъ близко, что онѣ могли бы переговариваться другъ съ другомъ. Потомъ она начала испытывать безпокойство и непріятное волненіе. То на нее нападалъ страхъ, то какое-то неестественное раздраженіе, несмотря на всю нѣжность и дѣтскую мягкость ея характера. Она представляла себѣ лэди Кэриль вполнѣ счастливую, сосредоточенную въ самой себѣ и невозмутимую, и потомъ припоминала всѣ ужасы мучительной смерти Альфа и его неисполненнаго ожиданія. Въ этомъ было что-то особенно жалкое, благодаря мужественному самообладанію, съ какимъ бѣдный мальчикъ перенесъ разочарованіе въ своей послѣдней надеждѣ. Діамонда не разбиралась въ своихъ чувствахъ, но начинала относиться съ ужасомъ къ маленькому унылому дворику, и зиала—почему...

Она никогда ни слова не сказала обо всемъ этомъ своему мужу. Онъ былъ слишкомъ ослѣпленъ своимъ счастьемъ, чтобы заниматься изслѣдованіями разныхъ неуловимыхъ тонкостей или выискивать что-нибудь незримое. Когда онъ бывалъ дома, то такъ и сіялъ, всячески стараясь угодить женѣ, а находясь въ отсутствіи, думалъ о ней, не сомнѣваясь, что она весело проводитъ время въ своей уютной, спокойной квартиркѣ. Онъ или обдумывалъ, какъ будетъ учить Діамонду верховой ѣздѣ, или начиналъ весь сіять, мечтая о будущемъ.

Время шло, и Діамонда все чаще и настойчивѣе думала о томъ, что происходило за сосѣдними окнами. Скрытое любопытство, порожденное чувствомъ непріязни, еще усилилось послѣ того, какъ у нея побывалъ Обрэ. Во время этого посѣщенія, Діамонда сдѣлала открытіе. Быть можетъ, съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, она стала болѣе чуткой, или онъ теперь меньше съ нею сдерживался,—только для нея стали ясны надежды, которыя онъ возлагалъ на будущее, и она поняла, что онъ любилъ лэди Кэриль. Она поняла также, какую власть имѣла эта женщина, уже давно втайнѣ ею осужденная, надъ человѣкомъ, котораго она уважала и которымъ восхищалась. И съ того дня, когда Обрэ въ первый разъ пришелъ къ ней на ея новую квартиру, она начала испытывать странное желаніе подходить къ окну и смотрѣть во дворъ. Она раздумывала, какъ это разъ было съ Обрэ, о жизни невидимыхъ обитателей всѣхъ этихъ квартиръ. Она наблюдала, какъ рѣдкіе солнечные лучи проникали вглубь темнаго двора, и прислушивалась къ сложнымъ и жалобнымъ

Digitized by Google

звукамъ дождевыхъ капель, ударявшихъ по асфальту. Она знала, какой видъ принималъ дворъ утромъ и вечеромъ, но никогда не видала лэди Кэриль. Часто, когда она стояла и смотрѣла на темное стекло противоположнаго окна, въ которомъ никогда никто не появлялся,—ее охватывало страстное желаніе увидѣть эту женщину, чтобы имѣть возможность самой судить о ней. Думая объ этой женщинѣ, которой Альфъ отдалъ свою жизнь, сэръ Рёбенъ—свои умственныя силы и состояніе, а Обрэ, повидимому, —свое сердце,—Діамонда жаждала быть съ нею хотя на короткое время, услышать ея голосъ и наблюдать за нею во время разговора. Какая-то почти непреодолимая сила влекла ее къ этимъ нѣмымъ окнамъ, за которыми находилась тайна. Однажды, подойдя къ окну, она увидала какого-то человѣка въ окнѣ, противъ квартиры лэди Кэриль. Онъ стоялъ неподвижно и не у самаго окна, а немножко отступивъ въ темную глубину комнаты. Діамонда не могла точно разсмотрѣть лица, но почувствовала, что этого человѣка привлекло къ окну общее съ нею чувство любопытства. Она простояла нѣсколько минутъ, наблюдая за незнакомцемъ, и потомъ ушла, чтобы распорядиться чѣмъ-то по хозяйству. Вечеромъ въ этотъ день она нѣсколько разъ ловила себя на томъ, что начинала думать о незнакомцѣ. Мужъ ея что-то говорилъ ей, но она едва слушала его.

Еще два раза она видѣла эту неопредѣленную человѣческую фигуру, видимо поглощенную созерцаніемъ, и во второй разъ произошло нѣчто, поразившее ее. Солнечный свѣтъ проникалъ во дворъ и было необыкновенно свѣтло. Тамъ и здѣсь нахально чирикали воробьи, прыгая по асфальту, потомъ вспорхнули въ узкомъ пространствѣ между стѣнъ и понеслись надъ крышами къ необъятной лазури. Діамонда стояла и смотрѣла на неподвижнаго незнакомца, лицо котораго она не могла видѣть. Онъ напоминалъ ей восковую фигуру съ выставки, и она безсознательно начинала думать, что онъ всегда останется неподвижнымъ, какъ вдругъ внезапно онъ двинулся впередъ, нагибаясь, какъ бы для того, чтобы лучше разсмотрѣть что-то. Она была поражена. Внезапное движеніе незнакомца такъ ясно говорило о появленіи какого-то новаго лица, что, не стараясь больше разсмотрѣть его самого, Діамонда перевела глаза по направленію его взгляда. Она увидала, что одна изъ сторъ лэди Кэриль была отдернута, чтобы впустить въ комнату солнечный свѣтъ, который яркой полосой падалъ на фигуру женщины съ блѣднымъ лицомъ и сіяющими волосами; она стояла какъ разъ возлѣ окна, держала что-то въ лѣвой рукѣ и разсматривала. Діамонда увидала, какъ

Digitized by Google

сверкнула зеленая искра, потомъ стора упала и скрыла женщину. Діамонда повернулась, чтобы посмотрѣть на незнакомца, но его уже не было возлѣ окна. Она догадалась, что блестящій зеленый предметъ былъ знаменитый изумрудъ лэди Кэриль. Потомъ она подумала о странномъ волненіи незнакомца. Ея нервы были натянуты, какъ будто чувствовали приближеніе опасности. Въ эту ночь она не могла заснуть. Она лежала неподвижно и прислушивалась къ тихому дыханію мужа. Этотъ тихій звукъ сначала смущалъ, потомъ сталъ раздражать ее. Ей казалось, что онъ мѣшалъ ей прислушиваться къ чему-то другому. Къ чему? Она сама не знала. Медленно тянулись часы. Спутанныя, дикія мысли боролись въ ея умѣ. Зеленая искра плясала передъ ея закрытыми глазами, удалялась, исчезала. Тогда появлялись фигуры мужчинъ и женщинъ, стоявшія въ странныхъ позахъ возлѣ оконъ. Потомъ одинъ изъ людей начиналъ наклоняться надъ огромнымъ пространствомъ. Онъ наклонялся все больше и больше, упалъ изъ окна и исчезъ въ воздухѣ. Наконецъ Діамонда заснула.

Когда на слѣдующей недѣлѣ м-ръ Кингъ долженъ былъ уѣхать изъ Лондона на большую лошадиную ярмарку близъ Дарлингтона, то Діамонда почти обрадовалась, что останется одна. Онъ уговаривалъ ее пригласить къ себѣ на это время Женни, но она отказалась. Она мечтала о томъ, какъ проведетъ двѣ ночи въ полной тишинѣ.

XII.

На второй день послѣ отъѣзда м-ра Кинга, случилось такъ, что лэди Кэриль собиралась остаться вечеромъ дома. Днемъ къ ней пришелъ Обрэ. Онъ просидѣлъ долго и, уходя, нерѣшительно остановился въ дверяхъ.

— Что такое? — спросила она его. — Вы хотите мнѣ еще что-то сказать?

— Да, Кэриль. Я не понимаю, какъ вы можете выносить такую жизнь. Неужели вы не несчастны? Простите, что я спрашиваю васъ, но я не могу не думать о томъ, что вы — которая должны были бы имѣть все отъ жизни — чувствуете...

Онъ замолчалъ. Онъ говорилъ съ волненіемъ, весь сгарая желаніемъ дать ей со временемъ другую жизнь, не похожую на это жалкое существованіе, которое такъ не шло къ ней. Но ея спокойное лицо, ея глаза съ выраженіемъ вопроса смутили его. Она не требовала ни жалости, ни участія.

Digitized by Google

— Я не несчастна,—сказала она.

— Нѣтъ? Но вотъ теперь, когда я уйду, что̀ вы будете дѣлать? Вѣдь до сна еще остается много часовъ.

Онъ окинулъ взглядомъ маленькую комнату.

— Вы будете одна, никто къ вамъ не придетъ. Еслибъ вы были мужчина, вы могли бы выѣхать, отправиться въ клубъ или еще куда-нибудь, гдѣ встрѣтили бы людей. Но что̀ дѣлать женщинѣ, куда дѣвать свое время въ долгіе одинокіе вечера?

Вѣроятно онъ въ первый разъ задумался объ этомъ.

— Я не имѣю представленія о томъ, что̀ дѣлаетъ большинство женщинъ,—сказала она,—но мнѣ не доставило бы особеннаго удовольствія ѣхать въ клубъ, хотя я даже могла бы это сдѣлать. Вѣдь вы знаете, что я—членъ одного клуба.

— Въ такомъ случаѣ васъ совершенно не тяготитъ одиночество?—Онъ проговорилъ это почти съ мольбой. Ему страстно хотѣлось въ эту минуту, чтобы она выказала слабость, даже скорбь, желаніе найти въ немъ опору, возбудить въ немъ сочувствіе.

Въ отвѣтъ на его слова она сказала:

— Когда-то давно вы задали мнѣ этотъ же вопросъ или въ этомъ же родѣ. Вы помните?

— Подождите,—когда это было? Ахъ, да, вспомнилъ. Мы были съ вами въ паркѣ.

— И я отвѣтила вамъ, что совершенно не боюсь одиночества. Вы сказали, что я не знаю его. Ну, такъ вотъ, теперь я его знаю. Вы видите, что я понимала себя даже тогда, когда была еще почти дѣвочкой.

Она встала и улыбнулась ему, и, видя ея улыбку, онъ почувствовалъ, до какой степени было невозможно ее жалѣть. Въ ней было что-то непобѣдимое. Она обладала силой, которую нельзя было найти въ другихъ женщинахъ. Эта сила пугала его и вмѣстѣ съ тѣмъ внушала почти благоговѣніе. Когда-то, въ далекомъ прошломъ, онъ подумалъ, что она боялась увидѣть всю безобразную сторону страданья и великую тишину смерти. Теперь ему стало ясно, что и тогда онъ невѣрно понялъ ее. Ея отказъ, котораго онъ все еще не забылъ, не могъ быть слѣдствіемъ обыкновенной робости. Онъ сталъ придумывать другія причины. Онъ вѣчно искалъ ключа къ загадкѣ, олицетворявшейся въ этой женщинѣ.

Онъ ушелъ, и лэди Кэриль очень скоро забыла и о немъ, и о своемъ разговорѣ съ нимъ. Послѣ обѣда, ея единственный лакей отпросился у нея въ гости на весь вечеръ, по случаю

Digitized by Google

пріѣзда какого-то родственника. Она отпустила его и тотчасъ же забыла и о немъ, какъ объ Обрэ. Потомъ позвонила своей горничной и разрѣшила ей пойти спать или отправиться куда угодно. Повидимому, она не только не боялась, но хотѣла быть одной и наслаждаться своимъ одиночествомъ. Она заперлась въ своей маленькой комнатѣ, выходившей во дворъ. Ея лакей, въ порывѣ родственныхъ чувствъ, забылъ затворить ставни, которыя обыкновенно запирались каждый день, когда начинало темнѣть. Лэди Кэриль не замѣтила этой оплошности. Войдя въ комнату, она даже не взглянула на окна. Она постояла немного среди своихъ книгъ. Къ ея свободному длинному сѣрому платью былъ прикрѣпленъ изумрудъ. Въ этотъ вечеръ его никто не видѣлъ, кромѣ его обладательницы, и она надѣла его, какъ и всегда впрочемъ, только для своего удовольствія. Въ комнатѣ горѣла электрическая лампочка. Такъ какъ ставни не были заперты, то лучъ свѣта падалъ на темный дворъ, придавая унылому мѣсту видъ призрачнаго веселья. Діамонда, взглянувъ въ окно, увидала непривычное освѣщеніе, и подумала, что у лэди Кэриль гости. Еще одинъ изъ сосѣднихъ жильцовъ тоже замѣтилъ это освѣщеніе. Замѣтилъ также, что ставни не были закрыты и заперты, какъ это дѣлалось ежедневно съ тѣхъ поръ, какъ лэди Кэриль переселилась сюда. Между тѣмъ сама лэди Кэриль, не подозрѣвая, что ея окна своимъ непривычнымъ видомъ привлекали чье-то вниманіе, и увѣренная въ своемъ полномъ одиночествѣ, постояла съ минуту въ своей маленькой комнатѣ, съ довольнымъ видомъ оглядываясь кругомъ. Она не солгала Обрэ ни словомъ, ни взглядомъ. Одиночество, которое было бы тягостно для большинства женщинъ, повидимому, нисколько не тяготило ее. Она поподошла къ книжной полкѣ, взяла книгу и легла съ нею на диванъ, но не сразу открыла ее. Ее занимали какія-то мысли. Она смотрѣла прямо передъ собой широко раскрытыми глазами, вспоминая всю свою жизнь, перебирая всѣ свои мысли и чувства.

Чего собственно хотятъ всѣ женщины?—думала она.—Чего онѣ требуютъ, о чемъ плачутъ? Хотятъ любви, хотятъ, чтобы кто-нибудь отдалъ имъ свое сердце,—человѣческое сердце, способное ослабѣвать, подвластное измѣнѣ и смерти. Если онѣ получаютъ желаемое, то находятся въ состояніи блаженства, а если не получаютъ, то взглядъ у нихъ дѣлается голодный и угрюмый. У скольких незамужнихъ женщинъ въ Лондонѣ видѣла она такой взглядъ! Мужчины его особенно ненавидятъ,—точно чувствуютъ свою вину передъ женщинами. Но даже если женщина счастлива и первое желаніе ея удовлетворено, она

Digitized by Google

тотчасъ же начинаетъ желать чего-нибудь другого,—она хочетъ имѣть ребенка. Если дѣтей нѣтъ, то опять въ ея лицѣ появляется голодное выраженіе, и она начинаетъ окружать себя такъ называемыми одушевленными предметами: птицами или отвратительными маленькими собаками, которыя болѣютъ, капризничаютъ и вѣчно надоѣдаютъ своимъ хозяйкамъ, требуя, чтобы о нихъ заботились и что-то для нихъ дѣлали. Если же у женщины и есть ребенокъ, то она начинаетъ хотѣть другого, потому что, имѣя дѣвочку, нельзя быть счастливой до тѣхъ поръ, пока не родится мальчикъ, и наоборотъ. Между тѣмъ здоровье разстраивается, женщина дурнѣетъ, а добрый мужъ, весьма этому способствовавшій, или сердится, или относится презрительно. Мужъ начинаетъ измѣнять женѣ, а жена начинаетъ ревновать мужа. Часто дѣти болѣзненны, и матери цѣлыми годами не могутъ ни о чемъ думать, кромѣ ихъ здоровья. Онѣ читаютъ медицинскія книги и вѣчно призываютъ врачей. Если же у нихъ не развиты материнскія чувства, то дѣти скоро начинаютъ имъ надоѣдать, и онѣ жалѣютъ, что они у нихъ родились. Если у такой матери дочь хорошенькая, то она напоминаетъ ей объ ея утраченной прелести и своей молодостью подчеркиваетъ ея почтенный возрастъ. Сынъ тоже приноситъ матери страданіе, потому что не желаетъ сообщать ей о своихъ дѣлахъ, или знакомится съ людьми, которыхъ она не знаетъ, и онъ не хочетъ, чтобы она знала. Онъ ведетъ разсѣянный образъ жизни, и для матери невыносима мысль, что онъ скоро узнаетъ жизнь настолько, насколько это совсѣмъ нежелательно. Кэриль ясно видѣла весь ужасъ, всѣ отвратительныя стороны этихъ человѣческихъ отношеній, всего, къ чему стремятся женщины. Только разъ въ жизни ей показалось, что и у нея можетъ явиться такое желаніе—и отчего же это случилось? Это случилось потому, что она сидѣла въ саду послѣ обѣда и кто-то прикоснулся къ ней красивыми руками, а кругомъ была ночь. Вспомнивъ объ этомъ, Кэриль тихо разсмѣялась.

— Послѣ обѣда,—повторила она мысленно.

И такъ созданы всѣ люди, чтобы стать игрушками жалкихъ и грубыхъ инстинктовъ; подчиняться вліянію пищи, близости и прикосновенія чужой руки, чужого взгляда. Они зависятъ отъ своей физической оболочки, которая совершенно измѣняется подъ вліяніемъ такихъ причинъ, какъ пища, болѣзнь, случайное паденіе,—на которую дѣйствуетъ шумъ голосовъ, ароматы растеній или духовъ, покупаемыхъ въ магазинѣ, и еще очень многое, такъ что нельзя все перечислить. И Кэриль не хотѣла

Digitized by Google

имѣть всего того, чего обыкновенно жаждутъ женщины. Она хотѣла другого, и ея желаніе было непонятно людямъ. Только одинъ изъ нихъ понялъ ее. Онъ былъ старъ и некрасивъ и уже усталъ отъ жизни. Иные считали его сумасшедшимъ, другіе—чудакомъ. Но онъ понималъ ее, и поэтому она отдалась ему. А онъ, въ награду за это, далъ ей все, что она любила. Она любила прекрасныя безмолвныя вещи, привезенныя издалека, изъ скрытыхъ мѣстъ, изъ глубины шахтъ и изъ глубины морей. Эти сокровища не могутъ причинять зла тому, кто ихъ понимаетъ и любитъ по настоящему, какъ свою единственную цѣль. Многія женщины думаютъ, что любятъ драгоцѣнные камни, — тщеславныя, эгоистическія женщины, живущія исключительно для того, чтобы мучить другихъ женщинъ и покорять мужчинъ. Кэриль любила иначе свои драгоцѣнные камни. Они погружали ее въ мечтательные сны и уносили въ волшебную страну. Съ ними она была счастлива, и сэръ Рёбенъ зналъ это. Въ нихъ не было ничего общаго со всѣми гнусностями, со всѣмъ цинизмомъ жизни; а если въ ея мужѣ и проявлялись человѣческія страсти, то она прощала ему. Она покорялась его желаніямъ, потому что онъ такъ много давалъ ей въ жизни. Кромѣ того, его физическая природа по необходимости подчинялась всѣмъ грубымъ вліяніямъ, а ея сокровища ничему подобному не подчинялись. Они не были подвластны тѣмъ измѣненіямъ, которыя совершаются съ человѣкомъ совершенно такъ же, какъ съ самымъ низменнымъ животнымъ: съ крысой, шакаломъ или самой послѣдней собакой, живущей объѣдками, —однимъ словомъ, со всякимъ живымъ существомъ, т.-е. такъ называемымъ живымъ. Ей вспомнилось, какъ однажды ночью одинъ мальчикъ прислалъ за нею, умоляя пріѣхать и присутствовать при томъ, какъ со всѣмъ его существомъ будетъ совершаться ужасная, отвратительная перемѣна. Онъ требовалъ, чтобъ она покинула свой волшебный міръ и пришла къ нему. Но она не пошла. Неужели надо погружаться въ эту жизненную тину, присутствовать при томъ, что составляетъ проклятіе жизни? Неужели она должна была бросать свою истинную жизнь, свою настоящую родину, чтобы идти наблюдать за отвратительнымъ измѣненіемъ, совершавшимся съ кѣмъ-то, кого она почти не знала? Она не пошла и всѣ стали за это дурно объ ней думать. Но не все ли ей было равно? Ея сокровища не могли умереть, и за это она ихъ любила. Они могли быть только нарочно уничтожены или огняты силой, потому что были такъ безпомощны, такъ ужасно безпомощны! Тотъ, кто подарилъ ихъ ей, умеръ, и тогда...—она вся содрогну-

Digitized by Google

лась при этомъ воспоминаніи,—тогда пришли люди и отняли у нея все то, что она любила. Все, кромѣ одного. Но эта единственная оставленная ей вещь была ей всего дороже, всего ближе. Это была ея собственность, даже больше: это была часть ея самой. Изумрудъ и она представляли собою одно.—Лэди Кэриль уронила книгу и стала глядѣть на изумрудъ, приколотый къ ея груди, жаднымъ взглядомъ женщины, смотрящей на вещь, которой она овладѣла и которую будетъ охранять безжалостно, жестоко, страстно, если это понадобится, отъ мужчины, женщины, отъ самого дьявола. Такая любовь граничитъ съ ненавистью, и съ выраженіемъ именно такой любви смотрѣла лэди Кэриль на свой изумрудъ.

Свѣтъ изъ ея окошка падалъ на маленькій дворъ. Діамонда, въ сосѣдней квартирѣ, сидѣла за шитьемъ на плетеномъ стулѣ, скрипѣвшемъ при каждомъ ея движеніи, и держала свою работу близко къ лампѣ. Возлѣ нея на столѣ лежали моточки золотистаго и свѣтло-зеленаго шелка. Она вдѣвала шелковинку въ иголку, сдвинувъ темныя брови. Потомъ, какъ бы украдкой, сложила работу, встала и тихонько подошла къ окну. Въ комнатѣ лэди Кэриль все еще былъ свѣтъ, и Діамондѣ страстно захотѣлось прокрасться по двору и украдкой взглянуть на женщину, о которой она знала такъ много и которую знала такъ мало. Она взглянула на часы. Было десять часовъ.

Лэди Кэриль открыла книгу въ потертомъ, старомъ переплетѣ и начала читать. Она очутилась среди алмазчиковъ и стала слѣдить за ихъ сложной работой, волнуясь представлявшимися имъ трудностями и радуясь удачѣ ихъ работы, которая имѣла для нея такое важное и даже великое значеніе.

Когда Діамонда, отложивъ шитье, еще разъ выглянула въ окно передъ тѣмъ, какъ идти ложиться спать, она опять увидала полосу свѣта во дворѣ. Нѣсколько минутъ она еще постояла, глядя въ окно, потомъ какъ бы неохотно затушила лампу и вышла изъ комнаты. Было около полуночи. Черезъ полчаса лэди Кэриль закрыла книгу, поставила ее обратно на полку и затушила электричество. Она прошла черезъ коридоръ въ спальную и стала медленно раздѣваться, оставляя снятыя вещи въ комнатѣ, чтобы горничная могла взять ихъ на другое утро. Платье ея лежало на креслѣ и было похоже на какое-то унылое сѣрое привидѣніе. Отколовъ изумрудъ, она понесла его, чтобы спрятать въ футляръ, и уже открыла крышку, готовясь положить его. Но вдругъ раздумала, снова закрыла футляръ, и когда легла въ постель, то изумрудъ все еще былъ у нея въ рукахъ.

Digitized by Google

На подставкѣ въ головахъ кровати стояла маленькая электрическая лампа подъ темно-зеленымъ абажуромъ. Протянувъ руку, она могла зажечь или потушить ее. Кэриль лежала высоко на подушкахъ и смотрѣла на изумрудъ, который держала въ рукѣ подъ электрическимъ свѣтомъ. Она то открывала руку, то закрывала ее и открывала снова, напоминая ребенка этимъ быстрымъ и прихотливо-нѣжнымъ движеніемъ. Когда рука была открыта, она улыбалась, а закрывъ ее, становилась серьезной. Двѣ мысли смѣнялись въ ея умѣ, два видѣнія вставали попеременно въ ея изобрѣтательномъ воображеніи. Она мечтала о себѣ, и ей представлялась она сама съ изумрудомъ и безъ него,—то сіяющей, могущественной, съ поднятой головой и блестящими глазами, то испуганнымъ призракомъ, съ опущенной головой и потухшимъ взглядомъ.

Но вотъ, несмотря на то, что ея рука была раскрыта и изумрудъ сверкалъ передъ нею, улыбка ея вдругъ исчезла сначала въ глазахъ, потомъ на губахъ. На лбу появилась глубокая морщина. У нея бывали въ послѣднее время ужасныя минуты, когда вся ея радость умирала и злоба внезапно охватывала ея сердце. Эти минуты выпадали рѣдко, и она сама не знала, когда онѣ наступятъ—въ одиночествѣ или среди толпы людей. Въ эти минуты ей начинали представляться призрачныя процессіи всѣхъ утраченныхъ ею драгоцѣнныхъ камней. Они медленно проходили передъ нею, и у каждаго изъ нихъ былъ потускнѣвшій видъ, какъ у милой женщины, на которую годы накладываютъ свою печать. Ей казалось, что каждый драгоцѣнный камень смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ безсильнаго, но страстнаго отчаянія, съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ умирающіе смотрятъ въ послѣдній разъ на своихъ немногихъ истинныхъ друзей. Кэриль знала, что всѣ ея сокровища томились тоской, потому что были разлучены съ нею, съ единственнымъ человѣкомъ, который понималъ ихъ.

Когда эти страшныя минуты слабости находили на нее, то она чувствовала, какъ ее охватывала безконечная скорбь, подобная ужасной болѣзни, которая проходитъ только со смертью. Это чувство было не только нравственное, но и физическое, какъ всякое глубочайшее и безпощадное горе.

Она протянула руку къ электрической лампочкѣ и скрыла себя и свою пытку во мракѣ. Прошло около получаса, и свѣтъ снова озарилъ комнату. Кэриль сидѣла на кровати, откинувъ одѣяло. Сплетавшіеся и безпорядочно спутанные волосы падали ей на плечи и на спину. Въ ея лицѣ было спокойное и суровое

Digitized by Google

выраженіе. Она встала, налила холодной воды въ чашку, взяла съ туалетнаго стола серебряный флаконъ, вылила въ воду часть содержимаго въ немъ и обмыла себѣ лицо. Потомъ вынула изъ ящика большой бѣлый вѣеръ, снова легла въ постель и стала обмахиваться вѣеромъ, такъ что волосы то отлетали назадъ, то снова падали вокругъ ея влажнаго лба. Поверхъ вѣера она держала изумрудъ и смотрѣла на него до тѣхъ поръ, пока опять была въ состояніи улыбнуться. Движенія вѣера становились все неопредѣленнѣе, наконецъ онъ зашатался и упалъ на кровать. Сонъ приближался. Кэриль завернула электричество и вскорѣ уже лежала неподвижно, ровно и спокойно дыша. Въ ослабѣвшей рукѣ она все еще держала изумрудъ. Это было лекарство, употребляемое ею противъ болѣзненныхъ припадковъ отчаянія.

Между часомъ и двумя ночи кто-то въ противоположной квартирѣ, повидимому, не могъ заснуть и захотѣлъ выйти, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ комнатѣ, выходившей во дворъ, кто-то осторожно отперъ окно и, выглянувъ, убѣдился, что вездѣ было темно. Ни единаго луча свѣча не падало ни изъ одного окна, и только стѣны огромнаго зданія возвышались въ темнотѣ. Человѣкъ взялъ съ пола глухой фонарь, перепрыгнулъ черезъ подкосячный камень и очутился во дворѣ. Онъ постоялъ тамъ съ минуту и потомъ направился къ окну библіотеки лэди Кэриль. Онъ ступалъ совершенно неслышно. Подойдя къ окну, онъ снова остановился и простоялъ неподвижно нѣсколько минутъ, плотно прижавшись къ стѣнѣ. Потомъ онъ протянулъ руку къ окну и толкнулъ его. Оно медленно отворилось, такъ какъ не было даже заперто на задвижку. Бисерная портьера слегка заколебалась, издавая тихій, сухой звукъ, когда онъ раздвинулъ ее и влѣзъ въ ту комнату, гдѣ лэди Кэриль такъ часто сидѣла, читая книгу о драгоцѣнныхъ камняхъ. Онъ навелъ свѣтъ фонаря на переплеты книгъ. На корешкѣ одной изъ нихъ большая бѣлая этикетка бросилась ему въ глаза. На ней крупными буквами стояло названіе: „Исторія изумруда“. Онъ улыбнулся подъ своей тонкой черной маской и съ большой осторожностью прошелъ въ узкій коридоръ, оставивъ за собою дверь и окно открытыми. Между тѣмъ Діамонда, хотя и легла спать довольно поздно и устала отъ работы, но все-таки не могла уснуть. Наканунѣ она провела всю ночь въ томъ, что прислушивалась въ нервномъ страхѣ ко всѣмъ таинственнымъ и неуловимымъ звукамъ ночи, сидя съ открытыми глазами на кровати, и заснула тяжелымъ сномъ только подъ утро. Теперь она рѣшилась иначе бороться съ безсонницей и лежала совершенно тихо, повторяя въ умѣ

Digitized by Google

какіе-то безсмысленные стихи и сопровождая каждое слово едва замѣтнымъ движеніемъ головы на подушкѣ. Это привело ее въ состояніе какого-то отупѣнія, ее охватилъ жаръ и въ вискахъ стало стучать. Глубокая тишина томила ее. Она стала ворочаться во всѣ стороны, такъ что сбила простыни и одѣяло. Пришлось встать, чтобы оправить постель. Это разогнало послѣдній сонъ. Она взглянула на часы. Былъ второй часъ. Она надѣла капотъ, сѣла въ кресло возлѣ кровати и начала читать. Это подѣйствовало успокоительно, и мало-по-малу ее стала клонить дремота. Замѣтивъ это, она отложила книгу, встала и ослабѣвшими руками хотѣла снять съ себя капотъ, какъ вдругъ что-то заставило ее вздрогнуть. Она сама не знала въ точности, что̀ это такое было. Вѣроятно какой-нибудь отдаленный звукъ, крикъ на улицѣ. Ей казалось, что она совершенно ясно разслышала бы его, еслибъ не была въ такомъ сонномъ состояніи. Но теперь это состояніе прошло, и она стояла неподвижно, напряженно прислушиваясь. Все было тихо. Она подошла къ двери, отворила ее и остановилась передъ темнымъ коридоромъ. Послѣ минутнаго ожиданія, она совершенно ясно услыхала слабый, но, какъ ей показалось, ужаснѣйшій крикъ, короткій, рѣзкій, яростный. У Діамонды кровь застыла въ жилахъ. Она была такъ испугана, что быстро захлопнула дверь, заперла ее на задвижку, бросилась къ кровати и упала на нее, дрожа и затыкая уши одѣяломъ. Ей казалось, что она слышала, какъ кто-то закричалъ изъ ада, потому что на землѣ не могло быть такой злобной ярости. Лежа скорчившись на кровати, она не переставала громко повторять:

— Молчи! молчи! молчи!

Ей только хотѣлось, чтобъ этотъ крикъ не повторился больше, потому что она была увѣрена, что лишится разсудка, если услышитъ его опять. Мало-по-малу, однако, ея паническій страхъ прошелъ; она сѣла и разжала уши. Въ ней проснулось какое-то мучительное любопытство, и она почувствовала, что если крикъ повторится, то она будетъ слушать его, должна слушать. Она снова подошла къ двери, отперла ее, прислушалась, но ничего не услыхала. Откуда могъ раздаться этотъ крикъ? Внезапная мысль, какъ молнія, промелькнула у нея въ головѣ—это кричала лэди Кэриль, тамъ, въ своей комнатѣ, по ту сторону двора. Діамонда открыла окно и выглянула во дворъ. Было темно и тихо, но что-то влекло ее, точно кто-то взялъ ее за руку и велъ за собою. Она накинула платокъ, перешла черезъ дворъ и подошла къ таинственному окну, на которое такъ часто смо-

Digitized by Google

трѣла. Оно было отворено. Это открытіе—она сама не знала, почему—испугало ее. Но она не смѣла вернуться назадъ и, собравшись съ духомъ, перелѣзла черезъ подоконникъ въ комнату и подошла къ двери. Она тоже была отворена, и Діамонда пробралась въ коридоръ. Странное смутное чувство охватило ее. Ей казалось, что это все сонъ, и она во снѣ ходитъ по чужому темному дому. Она больше не испытывала страха, потому что относилась совершенно безсознательно къ себѣ самой, къ тому, что дѣлала и что должна была дѣлать. Она блуждала гдѣ-то во мракѣ, далеко отъ дома, нащупывая руками, куда идти. Вдругъ она почувствовала подъ рукою ручку двери, которая, повертываясь, издала слабый, но отчетливый звукъ среди глубокой тишины. И внезапно изнутри раздался стукъ въ дверь, стукъ такой неожиданный, сильный и рѣзкій, что испуганной Діамондѣ показалось, что прямо на нее посыпался вдругъ цѣлый градъ ударовъ. Она отдернула руку отъ двери и стояла тихо, едва дыша. Ей было страшно выпустить того, кто такъ стучался. Она нагнулась и увидала подъ дверью тонкую полоску свѣта, и въ то же время услыхала за дверью чье-то быстрое, прерывистое дыханіе. Діамонда не помнила, сколько времени простояла она въ нерѣшительности и какъ нагнулась, ища ключъ. Онъ едва держался въ замочной скважинѣ, какъ будто его только-что вытаскивали. Діамонда не колебалась больше,—она засунула ключъ глубже, быстро повернула его и широко распахнула дверь.

Что-то бѣлое—повидимому, какое-то животное—прыгнуло на нее и какъ будто стальными клещами сдавило ей горло.

Лэди Кэриль и Діамонда наконецъ встрѣтились.

XIII.

Сонъ, въ который погрузилась Кэриль послѣ своего страннаго припадка, былъ глубокъ, какъ сонъ ребенка. Когда человѣкъ въ маскѣ быстро и осторожно отворилъ дверь и прокрался въ ея комнату, она продолжала спать. Онъ подождалъ въ темнотѣ, прислушиваясь къ ея легкому дыханію, пока не убѣдился, что въ настоящую минуту опасности не предвидѣлось. Тогда онъ на мгновеніе освѣтилъ комнату фонаремъ и быстро окинулъ ее взглядомъ. Онъ замѣтилъ, что Кэриль лежала къ нему спиною, и это было для него очень удобно, но онъ все-таки не рѣшился направить свѣтъ фонаря близко отъ нея. Съ другой стороны, онъ не могъ продолжать свои поиски въ темнотѣ, такъ что ему при-

Digitized by Google

шлось еще разъ освѣтить комнату. Онъ увидалъ, что она была узкая и вся заставлена мебелью. Между двухъ оконъ съ свѣтло-желтыми занавѣсями стоялъ обитый атласомъ туалетный столъ съ зеркаломъ и множествомъ ящиковъ. На этомъ столѣ стояло безчисленное количество серебряныхъ туалетныхъ принадлежностей, флаконовъ, щетокъ, коробочекъ съ булавками и прочихъ мелочей.

Въ зеркалѣ блѣднымъ пятномъ отражалась кровать и фигура спавшей Кэриль. Другой маленькій столъ возлѣ камина и подальше отъ кровати былъ весь заставленъ фотографіями въ рамкахъ,—въ немъ тоже было два ящика.

Человѣкъ въ маскѣ замѣтилъ все это въ одно мгновенье. Въ комнатѣ не было ни шкапа, ни гардероба,—только софа, два или три кресла, диванъ въ углу, покрытый подушками, и тамъ и сямъ разбросанныя вещи Кэриль: атласныя туфли, шолковые чулки, комочекъ чернаго тюля, напоминавшій большую бабочку, тонкій вышитый платокъ.

Незнакомецъ всталъ на колѣни, чтобы осмотрѣть полъ возлѣ кровати. Вѣроятно онъ слышалъ о томъ, гдѣ хранила свои драгоцѣнности Кэриль, когда жила въ домѣ Аллабрута въ Паркъ-Лэнѣ. Но онъ ничего не нашелъ и, поставивъ фонарь на полъ, всталъ съ колѣнъ, подошелъ къ туалету и выдвинулъ всѣ ящики. Съ поразительнымъ проворствомъ и ловкостью перерылъ онъ все содержимое въ ящикахъ и обшарилъ всѣ углы, но ему попадались только какія-то дамскія тряпки, снурки, перчатки, сашé и недорогіе брелоки. Онъ не сталъ ихъ брать. Онъ пришелъ сюда за сокровищемъ, равнявшимся цѣлому состоянію, и ничего другого ему не было нужно. Онъ осмотрѣлъ и другой столъ, но и тамъ оказались только забытыя фотографіи, письменныя принадлежности, два французскихъ романа и небольшая запертая шкатулочка. Онъ ловко сломалъ замокъ и вынулъ какія-то квитанціи, нѣсколько золотыхъ и сложенную бумагу. Онъ поднесъ ее къ фонарю и развернулъ. Это была напечатанная исторія большого изумруда, который онъ разыскивалъ. Онъ съ живымъ интересомъ прочелъ нѣсколько строкъ, потомъ сунулъ бумагу обратно въ шкатулочку и продолжалъ обыскивать всю комнату съ безмолвной скоростью кошки. Изумруда нигдѣ не было, и незнакомецъ рѣшилъ, что онъ находится вѣроятно въ какомъ-нибудь мѣшечкѣ, прикрѣпленномъ къ кровати или подъ подушкой, на которой спала лэди Кэриль. Онъ подползъ къ кровати и въ первый разъ близко и долго посмотрѣлъ на Кэриль.

Она была очень хороша, но онъ не допустилъ въ себѣ ни-

Digitized by Google

какого романическаго чувства, хотя замѣтилъ сіяющіе волосы, разсыпавшіеся по подушкѣ, и нѣжную руку, вытянутую вдоль одѣяла. Во снѣ Кэриль сжала пальцы надъ изумрудомъ, такъ что его не было видно, но движеніе это было такое нѣжное и естественное, что незнакомецъ, взглянувъ на хорошенькую руку, сейчасъ же отвелъ глаза въ сторону, не подозрѣвая, что сокровище, которое онъ искалъ, было такъ близко отъ него. Онъ осмотрѣлъ кровать, соображая, какимъ образомъ обшарить ее, не потревоживъ спавшую. Одна его близость могла разбудить Кэриль.

Этотъ человѣкъ не былъ оккультистомъ. Очень вѣроятно, что онъ, подобно большинству своихъ товарищей по ремеслу, даже не понималъ значенія этого слова; но еслибы воры стали передавать исторію своей жизни, разсказывать объ истинѣ, скрывающейся во мракѣ, и о трагическихъ ночахъ, то насколько ихъ разсказы были бы интереснѣе разсказовъ о разныхъ удивительныхъ сеансахъ! Они могли бы сообщить факты, свидѣтельствующіе о томъ, что часто, помимо воли человѣка, его организмъ предупреждаетъ другой организмъ объ угрожающей ему опасности. Они могли бы также передать о томъ, какъ тѣло иногда возмущается противъ души, и это возмущеніе бываетъ такъ неожиданно и ужасно, что явно свидѣтельствуетъ о глубоко скрытой враждѣ тѣла съ душою. Но люди, работающіе во мракѣ, умѣютъ хранить свои тайны.

Усиліемъ воли человѣкъ въ маскѣ заставилъ себя думать о Кэриль не какъ о спящей женщинѣ, но какъ о куклѣ, на которую не стоитъ обращать вниманія и которая для него ничего не значила. Онъ сталъ обыскивать кровать, обшарилъ ее по бокамъ, наклонился надъ Кэриль и тихонько потрогалъ подушку, къ которой прикасалась ея щека. Пальцы его скользнули подъ подушку осторожно и незамѣтно, какъ проползаютъ насѣкомыя въ скрытыя мѣста. Онъ ощупалъ матрацъ, простыни и одѣяло, на которомъ такъ и лежалъ упавшій вѣеръ. Она не могла бы не почувствовать его близости, еслибы онъ, во время всѣхъ этихъ поисковъ, не избѣгалъ тщательно всякой мысли о ней. Наконецъ онъ остановился въ полномъ недоумѣніи и не зная, что дѣлать. Онъ былъ увѣренъ, что изумрудъ находится въ комнатѣ. Лэди Кэриль сохраняла его близко отъ себя,—въ этомъ онъ не сомнѣвался. Но гдѣ же онъ могъ быть? Онъ осмотрѣлъ все, кромѣ самой Кэриль. Приподнявъ осторожно пологъ, незнакомецъ скользнулъ взглядомъ по всей ея фигурѣ и по рукѣ, начиная съ плеча и кончая кистью руки. Въ первый разъ онъ за-

Digitized by Google

мѣтилъ, что пальцы ея были сжаты. Это приковало его вниманіе. Ногти согнутыхъ пальцевъ были скрыты простыней. Большой палецъ былъ подвернутъ подъ указательный и третій. Видна была только верхняя часть кисти. Можетъ быть, въ этой рукѣ лежала драгоцѣнность, которую онъ искалъ. Онъ отодвинулъ простыни и поглядѣлъ на другую руку. Она лежала открытая, ослабѣвъ во снѣ,—почему же другая была такъ плотно сжата? Была же какая-нибудь причина. Спятъ ли страсти, когда тѣло спитъ; или, можетъ быть, существуетъ преобладающая страсть, которая бодрствуетъ даже во снѣ?

Незнакомецъ еще ближе нагнулся къ Кэриль и забылъ о томъ, что дѣлало его поиски безопасными. Онъ пересталъ относиться къ спавшей какъ къ чему-то безжизненному и не имѣвшему надъ нимъ никакой власти. Это было невозможно, потому что передъ нимъ находилась живая рука, и эта рука имѣла власть держать его въ мучительной неизвѣстности.

Бываютъ мгновенія, когда люди забываютъ, что они—люди, что они живутъ, мыслятъ, чувствуютъ. Самосознаніе исчезаетъ и человѣкъ превращается въ одно страстное, горячее желаніе, трепещущее въ пространствѣ, какъ раскаленная точка. Въ эту минуту неизвѣстный человѣкъ олицетворялъ собою подобное желаніе, желаніе знать—не изъ воровскихъ цѣлей, а изъ чистѣйшаго интереса—была ли рука Кэриль просто сжата, или въ ней лежало что-нибудь.

Вдругъ Кэриль повернула руку, обнаруживая ея внутреннюю сторону и розовые ногти.

Незнакомецъ задрожалъ и отступилъ, испуганный сознаніемъ, что эта рука была готова подчиниться его непреодолимому желанію. Онъ глядѣлъ на нее изъ-за полога, и вотъ пальцы слегка раздвинулись, и онъ увидалъ изумрудъ, пріютившійся въ углубленіи нѣжной ладони.

Въ эту минуту въ первый разъ его охватило чувство благоговѣйнаго страха, такъ несвойственное его натурѣ, вмѣстѣ съ пробудившимся чувственнымъ инстинктомъ. Онъ началъ думать о Кэриль, какъ о прекрасной женщинѣ, и вспомнилъ все, что говорили о ней, и шопотомъ, и громко, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. До той минуты Кэриль была для него только обладательницей драгоцѣннаго камня, который ему хотѣлось у нея украсть; но теперь, глядя на нее и на изумрудъ, который она сжимала даже во снѣ, онъ испыталъ совсѣмъ другое чувство. Онъ смотрѣлъ на нее глазами мужчины, а не вора, припоминая все, что слышалъ о ней въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ. Во

Digitized by Google

снѣ она казалась такой молодой, чистой и спокойной. Кто могъ бы подумать, что въ этомъ нѣжномъ тѣлѣ жила хищная душа, вѣчно голодная, доведшая своей жадностью до разоренія такого ловкаго финансиста, какъ извѣстный Рёбенъ Аллабрутъ? Человѣка въ маскѣ, какъ и всѣхъ воровъ, плѣняла хитрость и житейская ловкость. Такихъ женщинъ, какъ лэди Кэриль, онъ считалъ почти товарищами по ремеслу. Эти хорошенькія жадныя женщины принадлежали, по его мнѣнію, къ высшему разряду воровъ,—ничего болѣе. Эти мысли возбудили въ немъ снова чисто дѣловое настроеніе и хищническіе инстинкты. Взглянувъ еще разъ на лицо лэди Кэриль и убѣдившись, что она все еще спала, онъ нагнулся и съ утонченной осторожностью попробовалъ заставить изумрудъ выскользнуть изъ руки на кровать. Это почти удалось ему,—но когда камень готовъ былъ упасть изъ руки Кэриль, она крѣпко сжала пальцы и перевернулась на кровати. Незнакомецъ не отодвинулся. Онъ зналъ, что она готова была проснуться. Его пристальное вниманіе, которое онъ принужденъ былъ теперь сосредоточить на ней, проникало въ область ея безсознательныхъ грезъ и смутно тревожило ее. Она зашевелилась на постели, дѣлая странныя, капризныя движенія и раскрывъ губы, какъ ребенокъ, обезпокоенный во снѣ.

Человѣкъ въ маскѣ отступилъ назадъ, сознавая, что ему нужно вооружиться терпѣніемъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ за пологомъ кровати, чтобы отвлечь отъ Кэриль свое вниманіе, волновавшее ее, какъ прикосновеніе.

При слабомъ свѣтѣ фонаря, всѣ окружавшіе предметы были похожи на какія-то странныя привидѣнія. Платье, повѣшенное на кресло, имѣло странный видъ тонкой женщины, упавшей въ обморокъ; голова ея какъ будто была скрыта диваномъ, стоявшимъ подлѣ. Ящики и украшенія на туалетномъ столѣ, вазы, подсвѣчники и фотографіи въ самыхъ разнообразныхъ рамкахъ напоминали толпу живыхъ существъ, страдающихъ безсонницей и принужденныхъ бодрствовать въ часы глубокой ночи. Отраженіе кровати въ зеркалѣ исчезало изъ глазъ въ какой-то туманной дымкѣ, какъ будто кто-то подошелъ и подышалъ на стекло. Простоявъ неподвижно нѣсколько минутъ, незнакомецъ снова раздвинулъ пологъ кровати и взглянулъ на загадочную спавшую женщину. Велика была его радость, когда онъ увидѣлъ, что пальцы опять разжались и что изумрудъ лежалъ на ладони, мерцая при слабомъ свѣтѣ. Онъ осторожно пододвинулся ближе и коснулся изумруда.

Едва онъ это сдѣлалъ, какъ Кэриль испустила ужасный

Digitized by Google

крикъ, который такъ испугалъ Діамонду. Движеніе вора вывело ее изъ соннаго состоянія такъ неожиданно и рѣзко, что это заставило ее страшно вскрикнуть. Въ одно мгновеніе къ ней вернулось полное сознаніе. Она сжала въ рукѣ изумрудъ и, рѣзкимъ движеніемъ повернувшись на подушкахъ, смотрѣла назадъ глазами, выражавшими не страхъ, но страстную угрозу. Вмѣстѣ съ изумрудомъ она захватила два пальца вора и, отвернувшись, сжала его кулакъ своей другой рукой, какъ стальными клещами. Молча смотрѣла она на этого неизвѣстнаго человѣка въ маскѣ. Ея неожиданный крикъ вызвалъ въ немъ чувство изумленія, равнявшееся ужасу. Этотъ крикъ раздался внезапно, въ ту минуту, когда онъ былъ увѣренъ, что она еще спала, и привелъ его въ такое нервное состояніе, что онъ навѣрное бросился бы бѣжать, еслибы Кэриль выпустила его руку. Но она вцѣпилась въ него съ упорствомъ звѣря, запустившаго когти въ своего врага, и совершенно инстинктивно сжимала какъ въ тискахъ его руку до тѣхъ поръ, пока страхъ не подсказалъ ему, что нельзя дольше оставаться въ бездѣйствіи. Сохраняя мертвое молчаніе, рѣшилъ онъ напасть на нее. Тогда все, что въ ней было ужаснаго, что Обрэ смутно разглядѣлъ и позабылъ, что подозрѣвалъ Аннò, что сэръ Рёбенъ зналъ отчасти и что привело въ трепетъ адвокатовъ, объявившихъ ей о потерѣ всѣхъ ея драгоцѣнностей—вся сила тигрицы, вся неестественная страсть, все животное упорство и жестокая рѣшимость—все поднялось въ ней на защиту ея изумруда. Въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ Кэриль, такъ какъ она не испытывала того ужаса, который овладѣлъ воображеніемъ вора. Лѣвой, свободной рукой онъ схватилъ пологъ кровати, мѣшавшій его движеніямъ, оторвалъ его и бросилъ на полъ. Потомъ онъ схватилъ руку Кэриль и старался вырвать у нея свои пальцы. Она нагнула голову и глубоко всадила зубы въ его руку. На мгновеніе онъ закрылъ глаза, но острое чувство боли отрезвило его, и онъ началъ толкать Кэриль, стараясь повалить ее на кровать. Но она продолжала висѣть на его рукѣ, вцѣпившись въ нее зубами и пальцами. Ея волосы разсыпались, онъ больше не видѣлъ ея лица, такъ какъ ея лобъ упирался въ верхнюю часть его руки. Она тоже не видѣла его и впивалась зубами все глубже и глубже, пока они не дошли до кости. Нагнувшись надъ кроватью, поднявъ локоть угломъ и употребляя всю свою силу, онъ старался стряхнуть ее и повалить на спину; въ такомъ положеніи ей невозможно было бы сопротивляться, но она не поддавалась ему. Все ея тѣло было точно стальное, и она извивалась, какъ змѣя.

Digitized by Google

Простыни были выпачканы кровью, кровать погнулась. Вѣеръ Кэриль былъ весь расщепленъ и перья отъ него изодраны въ клочки. Потъ катился градомъ изъ-подъ маски вора. Онъ испытывалъ мучительное чувство тошноты и начиналъ бояться, что это чувство овладѣетъ имъ и перейдетъ въ обморокъ. Собравъ всѣ силы, онъ поднялъ руку вмѣстѣ съ Кэриль высоко надъ кроватью, чтобъ сбросить ее внизъ, но она не разжала злобно стиснутыхъ зубовъ. Она не чувствовала вкуса крови, не знала даже, что кровь текла. Ей казалось, что она висѣла на воздухѣ въ какой-то глубокой и узкой ямѣ, стараясь раздавить и уничтожить что-то ей ненавистное. У вора начинала кружиться голова; ему казалось, что онъ видѣлъ зубы, причинявшіе ему невыносимую боль. Сначала они были маленькіе и неясные, потомъ они стали увеличиваться, блестѣть, приняли гигантскіе размѣры. Ужасъ этого призрака былъ такъ великъ, что придалъ вору новыя силы. Онъ повалилъ Кэриль съ постели на полъ и отчаяннымъ движеніемъ вырвалъ израненную руку изъ ея рта. Потомъ онъ схватилъ ее за горло и уставился на ея лицо, а кровь изъ его руки стекала ей на грудь. Губы у нея были красныя, зубы тоже красные. Полузакрытыми глазами, въ которыхъ не осталось ничего человѣческаго, слѣдила она за нимъ съ выраженіемъ тупой злобы. На лицѣ ея была гримаса, напоминавшая хитраго звѣря, котораго на мгновеніе отразили, но который дожидается случая снова броситься на свою добычу. Онъ сжалъ ея горло своими сильными пальцами, и кровь прилила къ ея лицу. Онъ надавилъ еще сильнѣе. Жилы на лбу ея надулись, бѣлки глазъ покраснѣли. Онъ нажималъ все сильнѣе и сильнѣе, какъ вдругъ услыхалъ слабый звукъ, какъ будто что-то упало на полъ. Онъ оглянулся и увидалъ изумрудъ, который выскользнулъ изъ ея ослабѣвшихъ пальцевъ. Продолжая держать ее за горло одной рукой, онъ нащупалъ изумрудъ другою, схватилъ его, поднялъ. Дѣлая это, онъ увидалъ, какъ страшное выраженіе ненависти и отчаянія проступило какъ бы сквозь вуаль на распухшемъ лицѣ и въ налитыхъ кровью глазахъ его жертвы. Онъ отбросилъ ее на полъ, поднялся, открылъ дверь, вытащилъ ключъ изъ замочной скважины и выскочилъ въ коридоръ. Онъ услыхалъ за собою шелестъ ея ночного платья,—она бросилась за нимъ и испустила страшный крикъ, когда онъ убѣжалъ, заперевъ ее, какъ звѣря въ клѣткѣ.

Digitized by Google

XIV.

Когда Кэриль бросилась на Діамонду, то послѣдняя была въ первую минуту въ такомъ ужасѣ, что даже не пыталась сопротивляться или вырываться. Сила, съ которой Кэриль сжала ей горло, казалась ей совершенно нечеловѣческой, и ужъ никакъ не предполагала она, что это могла быть женщина. Только когда пальцы разжались и она услыхала, что напавшій на нее отступилъ назадъ, она открыла глаза, чтобы взглянуть на это ужасное существо. Она увидала при слабомъ свѣтѣ фонаря, оставленнаго воромъ, нѣчто, имѣвшее человѣческую форму и по контурамъ своимъ напоминавшее женщину съ длинными, распущенными волосами. Но въ этихъ глазахъ и выраженіи этого лица не было ничего человѣческаго. Запекшіяся раскрытыя губы, обнажавшія побѣлѣвшія дёсна, покрытый морщинами и израненный лобъ, щеки, изъ которыхъ одна была запачкана кровью, а другая блѣдная до желтизны, руки въ безостановочномъ движеніи, старавшіяся какъ бы схватить что-то въ воздухѣ—развѣ могли онѣ принадлежать женщинѣ?

Кэриль отошла, шатаясь, и упала на запачканную кровью и безпорядочно смятую постель. Подъ изорваннымъ въ клочья капотомъ грудь ея вздрагивала при каждомъ усиліи, которое она дѣлала, чтобы втянуть въ себя воздухъ, задыхаясь и по временамъ почти рыдая. Полузакрытые отъ изнеможенія глаза глядѣли какъ-то косо и почти утратили всякое выраженіе. Она покачивала головой изъ стороны въ сторону совершенно безсознательно. Одинъ изъ прутьевъ въ рѣшеткѣ кровати былъ согнутъ, и мѣдная шишка съ верха отломилась и валялась на оторванномъ пологѣ на полу, гдѣ теперь лежали ноги Кэриль. Кресло, опрокинутое убѣгавшимъ воромъ, лежало возлѣ двери, а на двери были видны слѣды запачканныхъ кровью пальцевъ. Электрическая лампочка у кровати была разбита. Осколки стекла покрывали коверъ, а зеленый снурокъ электрическаго провода извивался тоненькой змѣйкой въ ногахъ кровати.

Діамонда переводила глаза съ этой безпорядочной комнаты на женщину, которую она нашла запертой въ этой комнатѣ, и совершенно не могла понять, кто она такая. Кэриль, схватившись руками за волосы, все продолжала покачивать головой изъ стороны въ сторону и глядѣла на Діамонду испуганными, безсмысленными глазами. Ни та, ни другая не произносили ни слова. Діамонда не помнила, сколько времени продолжалось это молчаніе,

Digitized by Google

но, наконецъ, оно стало такъ невыносимо, что она рѣшилась заговорить. Она сказала что-то—потомъ уже не помнила, что — и, произнося слова, сдѣлала шагъ впередъ. Впечатлѣніе, произведенное ея словами и движеніемъ, было потрясающее. Кэриль перестала механически покачивать головой, поглядѣла въ сторону на стѣну, потомъ вскочила, бросилась къ двери и исчезла въ темномъ коридорѣ, оставивъ Діамонду одну среди безпорядочной комнаты. Это неожиданное энергичное движеніе, послѣдовавшее за тѣмъ почти животнымъ отупѣніемъ, въ которомъ находилась Кэриль, совершенно ошеломило Діамонду. Ей было страшно съ Кэриль, но безъ нея стало еще страшнѣе. Она подождала съ минуту, но когда ея состояніе сдѣлалось совсѣмъ невыносимымъ, Діамонда тоже бросилась къ двери и пробѣжала по коридору въ маленькую комнату, выходившую окнами во дворъ. Окно было открыто, и она выглянула въ него. Сначала она ничего не увидала, кромѣ ночной темноты, окутывавшей высокія стѣны кирпичнаго строенія. Нигдѣ не было видно свѣта, который могъ бы ободрить ее. Она, какъ слѣпая, стояла съ открытыми глазами и ничего не видѣла. Потомъ жалобный ночной вѣтеръ коснулся ея щеки, и вдругъ ей показалось, какъ будто слѣпота спала съ ея глазъ, и она увидала во дворѣ лэди Кэриль, быстро пробиравшуюся вдоль стѣны, какъ бы въ припадкѣ безумія. Слышно было, какъ ея босыя ноги касались асфальта. Широкіе рукава ея капота соскользнули съ рукъ, когда она подняла ихъ, щупая оконную раму. Кэриль черезъ дворъ подошла къ квартирѣ Діамонды, нашла окно открытымъ, остановилась, потомъ прыгнула въ окно и исчезла. Обѣ женщины обмѣнялись квартирами. Но Діамонда не колебалась ни минуты. Въ ней вдругъ проснулся совершенно реальный страхъ женщины, видящей, что какой-то совершенно посторонній человѣкъ въ дикомъ состояніи вторгается въ ея жилище. Она погналась черезъ дворъ за Кэриль и вбѣжала въ свою спальню вслѣдъ за нею.

Кэриль стояла возлѣ кровати среди безпорядка, который она произвела, начавъ что-то быстро и страстно разыскивать. Портьеры на окнахъ были отброшены, и конецъ одной изъ нихъ протянулся и, зацѣпившись за столъ, свѣшивался на полъ. Дверца большого шкапа, въ которомъ Діамонда вѣшала свои платья, была отворена, всѣ платья перевернуты и одно изъ нихъ брошено на полъ. Стулья были составлены со своихъ мѣстъ и кровать отодвинута отъ стѣны. Діамонда вся вспыхнула при видѣ такого разоренія. Но прежде чѣмъ она успѣла что-нибудь сказать, Кэриль, услышавъ ея шаги, вся вздрогнула злобно, но не

Digitized by Google

нервно, и рѣзко повернулась, какъ будто готовилась напасть на всякаго, кто посмѣлъ бы прервать ея таинственные, безумные поиски. Однако, разглядѣвъ Діамонду, она остановилась. Ея глаза широко раскрылись и утратили свою неподвижность. Въ нихъ горѣлъ огонь невыразимаго отчаянія.

— Что это такое? — проговорила Діамонда. — Что все это значитъ?

Казалось, звукъ ея голоса испугалъ Кэриль. Она отодвинулась назадъ и упала на кровать. Вся она вдругъ ослабѣла и казалась безпомощной, какъ ребенокъ, котораго били до такой степени, что онъ уже больше не можетъ держаться на ногахъ. Голова и руки ея опустились, а зубы стучали, какъ будто ей было холодно. Все раздраженіе Діамонды исчезло, смѣнившись глубокой жалостью къ этому смертельно страдающему ребенку.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Что вы искали? Что все это значитъ? Вы можете сказать?

Кэриль не отвѣчала. Тогда Діамонда подошла къ ней, сѣла рядомъ на кровать и взяла ее за руки. На ея холодныхъ, влажныхъ рукахъ оставались слѣды запекшейся крови, и, прикоснувшись къ нимъ, Діамонда почувствовала мучительную жалость.

— Почему это вы были заперты?—начала она снова, произнося слова очень внятно, какъ говорятъ съ маленькими испуганными дѣтьми.—Кто это васъ заперъ?

Кэриль оглянулась кругомъ и перевела глаза на Діамонду.

— Онъ пришелъ отсюда, — проговорила она шопотомъ, и Діамонда почувствовала напряженное движеніе ея рукъ.—Онъ пришелъ отсюда, — продолжала она все тѣмъ же шопотомъ.—Онъ только отсюда могъ придти.

Діамонда, видимо, была въ замѣшательствѣ.

— Отсюда!—воскликнула она.—Что вы такое говорите? Я здѣсь живу.

Кэриль крѣпко сжала ей руку.

— Вы!—проговорила она съ силой.—Такъ скажите же мнѣ, гдѣ онъ?—И она угрожающе посмотрѣла на Діамонду.

— Я не знаю, о комъ вы говорите, — отвѣчала Діамонда, стараясь говорить твердо и не выказывать страха.—Кто это такой и что онъ сдѣлалъ?

Кэриль отодвинулась отъ Діамонды, вскочила и остановилась, глядя въ сторону. Этотъ прямой вопросъ уяснилъ ей ея положеніе, всю глубину ея несчастія.

— Что онъ сдѣлалъ? — повторила она. — Онъ укралъ его.

Digitized by Google

Онъ похитилъ храмъ богини, ея любимую вещь, похитилъ часть ея самой, часть ея души.

Она приложила указательный палецъ къ губамъ.

— Тише!—прошептала она.—Тише!—И сдѣлала два шага по направленію къ двери.—Тише!—опять прошептала она, глядя назадъ черезъ плечо на Діамонду, которая оставалась тамъ, гдѣ была, совершенно парализованная страхомъ.

— Слышите вы, — продолжала быстро шептать Кэриль,— слышите вы голоса жрецовъ? Они пробуждаются—они встаютъ изъ гробовъ—тамъ, въ той далекой странѣ,—они узнали—узнали —они встаютъ и идутъ. Развѣ вы не слышите, какъ они проклинаютъ—проклинаютъ во мракѣ—проклинаютъ того, кто осквернилъ храмъ ихъ богини! Я слышу ихъ—они приближаются—они близко—они идутъ цѣлымъ войскомъ, чтобы сражаться за меня— пустите, я должна ихъ встрѣтить. Пустите меня!..

Она двинулась къ двери, шатаясь и простирая впередъ руки. Въ ея лицѣ появилось выраженіе благоговѣнія и трепетнаго ожиданія.

— Жрецы,—проговорила она,—жрецы богини Эсмеральды!

Она стала задыхаться, жадно ловя воздухъ. Хотѣла крикнуть, броситься впередъ, но ей сдавило горло—и она остановилась, шатаясь изъ стороны въ сторону. Потомъ жалобный, раздирающій вопль вырвался изъ ея груди, и она упала, стукнувшись головой о косякъ двери. Діамонда наблюдала за нею съ кровати, не смѣя подойти ближе. Ей казалось, что кругомъ ночной мракъ и тишина были наполнены хриплыми возгласами и звукомъ шаговъ приближающихся людей.

XV.

Несчастіе, случившееся съ лэди Кэриль, скоро стало всѣмъ извѣстно. Всѣ заговорили о пропажѣ ея изумруда, всѣ съ интересомъ слѣдили за стараніями полиціи отыскать вора. И это было вполнѣ естественно. Что было менѣе естественно, это— впечатлѣніе, произведенное Кэриль на большинство людей, когда полицейскія власти, наконецъ, признали, что не могутъ ничего подѣлать, и она была принуждена считать свою потерю невозвратимою. Всѣ газеты были полны отчетами о происшествіи съ нею. Публика упивалась описаніями ея борьбы съ замаскированнымъ разбойникомъ. Фотографіи ея комнаты, до его появленія и послѣ, появились въ газетныхъ иллюстраціяхъ. Героизмъ Кэ-

Digitized by Google

риль былъ вполнѣ оцѣненъ. Къ Діамондѣ явились интервьюверы; но она мало сообщила надоѣдливымъ журналистамъ, осаждавшимъ ее. И Діамонда, и Обрэ, оба припомнили, какъ замѣтили неподвижную фигуру человѣка, внимательно смотрѣвшаго на окна Кэриль изъ противоположной квартиры. Но розыски, сдѣланные на основаніи этого, повели только къ тому, что въ этой квартирѣ отыскали почтеннаго и мирнаго стараго француза, который былъ, повидимому, очень опечаленъ несчастіемъ, случившимся съ „la belle anglaise".

Волненіе, вызванное всей этой исторіей, продолжалось довольно долго, но, наконецъ, стало утихать и совсѣмъ прекратилось. Между тѣмъ Кэриль отъ страшнаго возбужденія, овладѣвшаго ею послѣ потери изумруда, перешла къ какому-то упорному спокойствію, вызывавшему опасенія въ близкихъ ей людяхъ. Она не выказывала никакого интереса къ розыскамъ полиціи и отвѣчала на разспросы слѣдователей безъ раздраженія, но съ той небрежностью, какъ отвѣчаютъ взрослые дѣтямъ, отрывающимъ ихъ отъ интереснаго чтенія. Она едва заглядывала въ газеты, гдѣ печатались всевозможныя предположенія относительно личности вора. Когда, чрезъ нѣсколько времени, и полиція, и пресса признали, что всякій слѣдъ изумруда былъ потерянъ, она даже не стала этого обсуждать. Она не предлагала никакой награды за отысканіе вора. То, что она не сдѣлала такой естественной вещи, было сначала приписано ея бѣдности. Но судьба вскорѣ доказала, что это предположеніе было ложно: дядя ея отца, лордъ Веррендеръ, умеръ отъ удара, оставивъ ей все свое состояніе. Всѣ были увѣрены, что теперь она начнетъ энергично дѣйствовать, что будетъ предложена крупная сумма, что изумрудъ будетъ найденъ и возвращенъ ей. Но Кэриль ничего не стала предпринимать. Она даже не разсталась съ квартирой, гдѣ произошла кража. Каждую ночь засыпала она въ комнатѣ, полной для нея такихъ ужасныхъ воспоминаній, и каждый день сидѣла въ маленькой комнатѣ, окнами обращенной во дворъ. На нее нашла какая-то странная тишина, которая, не смотря на ея усиленную за послѣднее время подвижность, казалась всѣмъ похожей на тишину смерти. Выраженіе ея лица, ея голосъ, движенія и позы были безжизненны до ужаса. Но, несмотря на это мертвенное оцѣпенѣніе, въ ней было что-то неуловимое и скрытое далеко въ глубинѣ души, что жило и ожидало чего-то, какъ арабъ, сидящій на порогѣ своей палатки, устремивъ ожидающій взоръ на пески пустыни.

Еслибы Кэриль сдѣлалась затворницей,—о ней бы гораздо

Digitized by Google

меньше говорили, чѣмъ теперь. Несчастныя существа, скрывающія свои страданія тѣмъ, что скрываются сами отъ людскихъ глазъ, не привлекаютъ вниманія въ Лондонѣ. Всѣмъ становится все равно, живы они или умерли. Но Кэриль продолжала выѣзжать въ свѣтъ. Она появлялась на разныхъ собраніяхъ и каталась въ паркѣ, бывала въ театрѣ и на скачкахъ. Ея молодость, подвижность и странное равнодушіе ко всему и ко всѣмъ сдѣлали ее еще болѣе знаменитой, чѣмъ когда-либо. Пріѣзжіе добивались быть ей представленными. Публика за рѣшотками парка шептала ея имя, когда она проѣзжала мимо, слѣдя полузакрытыми глазами за оживленной толпой съ видомъ муміи. Она разговаривала безъ всякаго оживленія, упавшимъ, тихимъ голосомъ. Ея рѣдкая улыбка напоминала первый свѣтъ зари, который заставляетъ съ грустью вспоминать, какъ нѣжна и тиха была ночь. Она относилась ко всему съ поразительнымъ равнодушіемъ, и было что-то ужасное въ ея полной неспособности сердиться.

И въ своей домашней жизни она никогда не оживлялась, сохраняя всегда неизмѣнное спокойствіе. Прислуга боялась ея, дѣти разбѣгались отъ нея. Ничто молодое, непосредственное, не могло оставаться съ нею долго. Атмосфера, окружавшая ее,—была атмосферой смерти, и въ ней трудно было дышать. Многіе удивлялись, почему она такъ часто стала появляться въ обществѣ,—и Обрэ задавалъ себѣ этотъ вопросъ. Сначала, когда умеръ лордъ Веррендеръ, всѣ ожидали и ясно представляли себѣ, какъ лэди Кэриль отправится по ювелирнымъ магазинамъ. Но она не покупала драгоцѣнныхъ камней. Одинъ ея поклонникъ сдѣлалъ попытку послать ей странное персидское ожерелье, найденное имъ въ Багдадѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что это ожерелье представляло собою единственную въ своемъ родѣ вещь, и что было бы дико для мужчины оставить подобную рѣдкость у себя. Она отослала ожерелье обратно съ холоднымъ отказомъ.

Быть можетъ, страсть къ драгоцѣннымъ камнямъ умерла въ душѣ этой непонятной женщины?

Обрэ начиналъ это думать. Для него перемѣна въ Кэриль была ужасна. Сначала онъ старался побороть ее, и надѣялся, что это была только временная душевная болѣзнь, явившаяся слѣдствіемъ нервнаго потрясенія. Онъ подробно разспрашивалъ Діамонду о всемъ случившемся въ ту ужасную ночь, но она была менѣе откровенна, чѣмъ всегда, и онъ мало узналъ отъ нея. Однажды онъ подмѣтилъ въ ея глазахъ выраженіе жалости, и вспомнилъ, что такое же выраженіе ему случалось подмѣчать въ глазахъ его матери.

Digitized by Google

— Что̀ такое?—спросилъ онъ быстро.—Почему вы на меня такъ смотрите?

Она покраснѣла и сначала не хотѣла ничего сказать, но такъ какъ онъ настаивалъ, то она, наконецъ, проговорила, опустивъ глаза:

— Мнѣ кажется, было бы лучше, еслибъ вы все это бросили.

— Бросилъ... что̀?—спросилъ Обрэ, принявъ холодный, подозрительный и сдержанный тонъ.

— Вы сами знаете. Тутъ не быть добру. Вѣдь она—она не какъ всѣ.

— Что̀ вы хотите сказать?

— Не какъ всѣ женщины. Она какая-то особенная. Ей не нужно ничего такого, чего всѣ другія женщины хотятъ. Она неестественная.

Эта характеристика Кэриль, выраженная въ немногихъ словахъ, произвела на Обрэ большее впечатлѣніе, чѣмъ всѣ свѣтскіе толки и сплетни. Онъ снова началъ стараться побороть невозмутимое равнодушіе Кэриль, но напрасно. Тогда онъ сталъ убѣждать себя, что она просто была больна, тѣмъ болѣе, что лэди Сентъ-Орминъ искренно считала свою дочь ненормальной.

— Потрясеніе!—восклицала она.—Потрясеніе! Сэръ Рёбенъ не долженъ былъ такъ умирать. Онъ долженъ былъ чувствовать приближеніе смерти и слечь въ постель. Смерть гораздо естественнѣе, когда человѣкъ въ постели. Видишь его въ такомъ положеніи, и это уже подготовляетъ. Но чтобъ умереть одѣтому, на коврѣ, готовясь укладывать шкатулку,—это дѣйствительно... и я всегда буду утверждать, что бѣдная Кэриль никогда не могла вполнѣ придти въ себя. Еслибы она была нормальна, то зачѣмъ стала бы она жить въ Бэкеръ-Стритѣ?

Обрэ секретно посовѣтовался съ однимъ извѣстнымъ психіатромъ, не называя Кэриль, но описавъ очень туманно—какъ ему казалось—трагическія обстоятельства ея жизни и ея теперешнее состояніе видимаго равнодушія ко всему: къ людямъ, къ ихъ радостямъ и горестямъ.

— Вы говорите мнѣ объ очень хорошо извѣстной женщинѣ,—возразилъ спеціалистъ, пристально глядя на Обрэ.

Обрэ покраснѣлъ.

— Мы не будемъ называть ее,—продолжалъ докторъ,—но я знаю, о какой дамѣ вы говорите; я встрѣчался съ нею въ свѣтѣ. По моему, она—самое удивительное явленіе лондонскаго общества. Но вы не коснулись ея главной особенности.

Digitized by Google

Онъ остановился. Обрэ смотрѣлъ на него съ страстнымъ любопытствомъ.

— Зачѣмъ она всегда среди людей? Зачѣмъ она спѣшитъ изъ одного собранія въ другое? Странность этой женщины есть слѣдствіе не одной, а двухъ причинъ. Есть что-то наводящее ужасъ въ этомъ сочетаніи безжизненности съ дѣятельностью— безжизненности души и дѣятельности тѣла. Это неестественно— и это вмѣстѣ и пугаетъ, и зачаровываетъ людей. Они привыкли видѣть, что желанія изъ области психической переходятъ и ищутъ удовлетворенія въ области физической. Въ этой же дамѣ они видятъ, что тѣло дѣйствуетъ съ большой силой совершенно самостоятельно и, повидимому, безъ всякаго отношенія къ желаніямъ и повелѣніямъ души.

— Повидимому?—спросилъ Обрэ.

— Повидимому,—отвѣчалъ психіатръ съ тонкой улыбкой.

На этомъ ихъ свиданіе окончилось.

Съ этого времени Обрэ сталъ еще внимательнѣе наблюдать за Кэриль, но не могъ найти руководящей нити въ ея странномъ поведеніи. Какъ-то разъ онъ спросилъ ее, зачѣмъ она вѣчно куда-нибудь отправлялась, и не утомляло ли это ее.

— Нѣтъ,—отвѣчала она своимъ сухимъ, скучающимъ голосомъ.—Надо же что-нибудь дѣлать.

— Но вамъ все это не доставляетъ никакого удовольствія.

— А развѣ кому-нибудь доставляетъ?—спросила она.

Это замѣчаніе и тонъ, какимъ оно было сдѣлано, сразу обезцвѣтили всю жизнь въ его глазахъ. Обрэ вспомнилъ, что когда-то давно назвалъ Кэриль мечтательницей. Но тогда ея мечты были прекрасны, а теперь—ужасны. Время проходило, и онъ начиналъ испытывать отчаяніе. Въ Сити дѣла его шли удачно. Онъ зарабатывалъ деньги. Вскорѣ онъ долженъ былъ получить полную возможность содержать жену. Но теперь Кэриль всегда была далеко отъ него, и онъ не зналъ, какъ ему приблизиться къ ней снова. Когда ему случалось сидѣть съ Кэриль и онъ могъ бы коснуться ея руки, онъ сознавалъ, что, все равно, ея—настоящей Кэриль— съ нимъ не было, и что она и не хотѣла съ нимъ быть. Гдѣ она была—онъ не зналъ. Временами его терзало отчаяніе, мучительное желаніе знать все, свойственное любящему человѣку, любовь котораго не удовлетворена. Но была какая-то страшная власть въ томъ безчувственномъ состояніи, въ которомъ находилась Кэриль, и эта власть дѣйствовала одинаково какъ на него, такъ и на другихъ людей, равно сдерживая и самый нѣжный, и самый праздный интересъ къ ней. Лэди Рангклифъ чувство-

Digitized by Google

вала все это и страдала за сына, все еще не отрѣшавшагося отъ своего долгаго заблужденія. Она никогда не говорила объ этомъ ни съ нимъ, ни съ кѣмъ бы то ни было, но начинала думать, что въ натурѣ Обрэ было какое-то упорство любви, свойственное женщинамъ и очень рѣдко встрѣчающееся у мужчинъ. Въ концѣ концовъ она перестала молиться о томъ, чтобъ его вѣрность и постоянство въ любви исчезли, сознавая все величіе такого безумія и чувствуя, что отсутствіе этого безумія только умалило бы ея сына. Можетъ быть, втайнѣ она принадлежала къ числу тѣхъ людей съ великимъ сердцемъ, которые въ темномъ лицѣ скорби яснѣе читаютъ божественное выраженіе и видятъ Бога среди печали и слезъ.

XVI.

Въ Лондонѣ началась весна. Въ „Morning Post“ ежедневно появлялись извѣстія о возвращеніи великосвѣтскихъ путешественниковъ изъ ихъ странствованій по Европѣ. Многіе останавливались въ гостинницахъ, чтобы свободнѣе подыскивать себѣ меблированное помѣщеніе на весь сезонъ. Театры и модные рестораны каждый вечеръ были полны народа. Въ оперѣ въ Ковентъ-Гарденѣ шли дѣятельныя приготовленія къ музыкальному сезону. Нѣкоторые изъ главныхъ пѣвцовъ уже пріѣхали. Въ числѣ ихъ былъ и Аннò. Онъ опять получилъ ангажементъ, несмотря на прежнюю неудачу. М-ръ Вильсонъ случайно услыхалъ его за нѣсколько недѣль до того въ Парижѣ, и нашелъ, что онъ пѣлъ почти съ прежней силой, что голосъ его звучалъ такъ же пріятно и мягко, какъ въ былые дни. Странное нездоровье, такъ разстроившее его на время, повидимому совершенно прошло. Ему удалось увидать лэди Кэриль.

Она этого не знала. Она не знала, что онъ тайно пріѣзжалъ изъ Парижа и украдкой подстерегалъ ее, пока, наконецъ, не увидалъ ея блѣдной фигуры, когда она проѣзжала мимо него въ туманномъ сумракѣ сырого зимняго дня. Онъ стоялъ возлѣ большого, обнаженнаго дерева, и его напряженный взоръ былъ полонъ ожиданія. Она сидѣла одна въ открытомъ экипажѣ, глядя прямо передъ собою въ сгущавшіяся сумерки. Ея лошади бѣжали скоро, и въ одно мгновеніе она исчезла, но пѣвецъ былъ вознагражденъ за свое путешествіе. Ему удалось увидать отчаяніе въ образѣ прекрасной блѣдной женщины. Теперь онъ могъ снова пѣть, потому что теперь онъ былъ въ состояніи забыть.

Digitized by Google

Онъ могъ пѣть,—быть можетъ, менѣе прекрасно чѣмъ прежде, потому что, разъ померкнувъ, ничто не можетъ сіять прежнимъ блескомъ. Но онъ все-таки могъ пѣть, и отлично зналъ, что большинство людей никогда не догадается о томъ, что его вѣра въ силу великаго искусства была однажды поколеблена, разбита и повержена во прахъ. Его слава вернется. Его тріумфы еще не кончились. Лэди Сэнтъ-Орминъ была въ восторгѣ. М-съ Паркинсонъ плакала отъ радости въ исповѣдальнѣ и спрашивала отца Гримбля, былъ ли грѣхъ въ ея экстазѣ. Monsieur и madame Виллэ стали осаждать Аннò приглашеніями къ лѣнчу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія опернаго сезона, кружокъ молодыхъ художниковъ разослалъ пригласительныя карточки для входа на ихъ частную выставку. Эта выставка была протестомъ противъ академическаго искусства и знаменитостей, составлявшихъ жюри. Пригласительные билеты молодыхъ художниковъ собрали огромную толпу. Великосвѣтское общество тоже заинтересовалось выставкой, получило приглашеніе и явилось на открытіе. Всѣхъ любезно вводили въ залъ, и молодые художники давали имъ объясненія. Великосвѣтское общество прогуливалось, съ изумленіемъ разглядывая удивительныя картины, и къ пяти часамъ была такая тѣснота, что многимъ изъ непосвященныхъ начинало казаться, что они находятся на академической выставкѣ, и они инстинктивно искали по стѣнамъ обычныя устарѣвшія безвкусицы. Появились знаменитости, сразу вызвавшія, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, цѣлый рядъ сужденій и замѣчаній, какъ вдругъ произошло неожиданное и общее движеніе толпы къ дверямъ. Шопотъ пробѣжалъ по всему длинному залу. Тѣ, которые въ это время сидѣли, встали.

Вошла лэди Кэриль. Она была одна, и видъ у нея былъ еще болѣе равнодушный, чѣмъ всегда. Глаза ея глядѣли внизъ подъ опущенными вѣками, и, казалось, она никого не видѣла, медленно подвигаясь къ серединѣ галлереи. Повидимому, она не замѣчала тѣснившейся вокругъ нея толпы, и въ ней не замѣтно было желанія смотрѣть картины. Ея красота, сильная блѣдность и какое-то неестественное, отсутствующее выраженіе во всемъ ея существѣ дѣлали ее чѣмъ-то страшнымъ среди такого сборища.

Дойдя до середины галлереи, она остановилась на минуту и въ первый разъ подняла глаза. Нѣкоторые изъ стоявшихъ съ нею рядомъ невольно отступили подъ тихимъ взглядомъ ея утратившихъ выраженіе глазъ, и оживленные разговоры замерли отъ ея мертваго молчанія. Тогда къ ней рѣшился подойти одинъ смѣлый молодой человѣкъ. Онъ написалъ картину, изображавшую

Digitized by Google

Діепп ночью. На картинѣ были представлены дамы въ костюмахъ тридцатыхъ годовъ, поѣдающія апельсины передъ маленькимъ павильономъ и любующіяся Большой Медвѣдицей. Этотъ молодой художникъ привѣтствовалъ Кэриль и попытался сопровождать ее по выставкѣ. Онъ началъ прочищать ей дорогу, и она пошла за нимъ, какъ во снѣ. Онъ громкимъ голосомъ давалъ ей объясненія; она наклонила голову и дѣлала видъ, что слушаетъ. Художникъ указалъ ей на Діепп и крикливымъ голосомъ сталъ толковать значеніе апельсиновъ и символизмъ Медвѣдицы. Она слегка улыбалась въ отвѣтъ и разглядывала изображенныхъ на картинѣ дамъ безучастнымъ взглядомъ. Въ это время къ ней подошелъ Обрэ, и юный художникъ исчезъ.

— Какъ вы можете выносить такую давку?—спросилъ ее Обрэ.

— Вы же выносите ее,—отвѣчала она.

— Я зналъ, что встрѣчу васъ здѣсь,—возразилъ онъ.

Его такъ тѣснили со всѣхъ сторонъ, что онъ принужденъ былъ совсѣмъ къ ней пододвинуться и стоялъ такъ близко, что прикасался къ ней.

— Вамъ ни до чего нѣтъ дѣла, такъ зачѣмъ же вы всюду ѣздите?—спросилъ онъ тихо, и вдругъ почувствовалъ, какъ все ея тѣло вздрогнуло необыкновенно сильно, такъ сильно и неожиданно, что его нервы затрепетали.

— Что съ вами?—спросилъ онъ быстро, глядя на нее. Она положила свою руку ему на руку и крѣпко сжала пальцы. Онъ смотрѣлъ на нее и видѣлъ, какъ все ея лицо измѣнилось. Выраженіе смерти замѣнилось жизнью. Точно съ нея спала пелена, и страсть появилась вмѣсто равнодушія. Глаза ея горѣли возбужденіемъ; она нагнула къ нему голову и торопливо проговорила:

— Скажите мнѣ, кто это—этотъ человѣкъ, который только-что вошелъ?

Обрэ оглянулся кругомъ.

— Который?

— Не тамъ,—не тамъ!—воскликнула она нетерпѣливо:—налѣво!.. Посмотрите, куда я смотрю!

Обрэ обернулся и увидалъ недалеко отъ себя высокаго человѣка лѣтъ сорока, медленно подвигавшагося по направленію къ нимъ. Лицо у него было длинное, гладко выбритое, съ впалыми щеками, выдающимися скулами и рѣшительнымъ, грубо очерченнымъ ртомъ, отъ угловъ котораго шли вбокъ двѣ глубокія линіи. Обрэ не могъ хорошо разсмотрѣть его глазъ, только

Digitized by Google

замѣтилъ, что въ одномъ изъ нихъ былъ монокль въ черной оправѣ. Онъ былъ изысканно одѣтъ и на головѣ у него былъ цилиндръ съ совершенно прямыми и необыкновенно широкими полями. Когда онъ подошелъ ближе, то Обрэ замѣтилъ, что лицо у него было удивительно подвижное, а глаза маленькіе, очень свѣтлые и бѣгающіе. Онъ держался хорошо и у него былъ тотъ горделивый видъ и походка, которые люди простые и ненаблюдательные часто принимаютъ за признакъ аристократизма. Фигура у незнакомца была тонкая и платье его опредѣленно обрисовывало талію. Въ рукахъ онъ держалъ трость съ золотымъ набалдашникомъ, украшеннымъ бирюзой. У него былъ увѣренный видъ человѣка, вполнѣ владѣющаго собою. Повидимому, у него не было знакомыхъ, потому что онъ ни съ кѣмъ не здоровался, ни съ кѣмъ не разговаривалъ и никому не улыбался. Но, медленно двигаясь среди толпы, онъ глядѣлъ на каждаго какъ-то особенно вкрадчиво.

— Этотъ человѣкъ!—сказалъ Обрэ, и въ голосѣ его послышалось презрѣніе.—Я не знаю его, но, мнѣ кажется, онъ похожъ...

— Да, да!—прервала она его быстро.—Похожъ на кого? Скажите мнѣ, на кого, вы думаете, онъ похожъ? Я должна знать.

Обрэ смотрѣлъ на нее съ возростающимъ изумленіемъ. Ея волненіе было совершенно непонятно.

— Я хотѣлъ сказать, что онъ похожъ на какого-то комиссіонера,—отвѣчалъ онъ.

— Это едва-ли удачное сравненіе,—сказала Кэриль иронически.—Это слишкомъ неопредѣленно для такого человѣка.

— Почему?

— Вамъ не кажется, что онъ всѣхъ ярче и опредѣленнѣе среди этой толпы?

Обрэ снова посмотрѣлъ на незнакомца, который теперь подошелъ къ нимъ еще ближе. Онъ не зналъ, случилось ли это подъ вліяніемъ замѣчанія Кэриль, произнесеннаго съ такимъ убѣжденіемъ, но только послѣ ея словъ незнакомецъ показался ему гораздо значительнѣе всѣхъ остальныхъ людей, толпившихся на выставкѣ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Обрэ,—это опредѣленный типъ. Но какой?

— Опредѣленно отталкивающій и отвратительный,—отвѣчала она.—Въ каждомъ такой человѣкъ долженъ возбуждать чувство ненависти.

— Кэриль!—сказалъ Обрэ.

Digitized by Google

Ея страстный тонъ все болѣе изумлялъ и смущалъ его. Теперь незнакомецъ стоялъ отъ нихъ совсѣмъ близко, но ихъ не видѣлъ. Кэриль начала дрожать.

— Какія у него ужасныя руки!—прошептала она.

Обрэ взглянулъ на руки незнакомца. На нихъ были надѣты очень узкія лайковыя перчатки съ черной вышивкой.

— Какое вамъ дѣло до его рукъ?—сказалъ Обрэ.—Право, вы какая-то странная!

— Онѣ ужасныя, ужасныя!—повторила она.—Я никогда не видала болѣе отвратительнаго человѣка. Какъ онъ могъ сюда попасть?

— На такихъ выставкахъ всегда бываетъ очень смѣшанное общество. Вамъ не слѣдовало бы сюда пріѣзжать.

Въ эту минуту незнакомецъ остановился возлѣ нихъ. Онъ былъ очень высокаго роста. Взглянувъ немного внизъ, онъ встрѣтилъ взглядъ Кэриль—и тотчасъ отвелъ глаза въ сторону. Обрэ показалось, что онъ едва замѣтно вздрогнулъ и непріятное выраженіе промелькнуло въ его лицѣ. Онъ медленно двинулся дальше. Кэриль обернулась, чтобы посмотрѣть на него, и, повидимому, хотѣла идти за нимъ, но не рѣшилась.

— Пойдите,—сказала она Обрэ.—Пойдите сейчасъ же и узнайте, кто этотъ человѣкъ. Я должна знать это раньше, чѣмъ уѣду. Я должна.

— Я посмотрю, не знаетъ ли его кто-нибудь, но это...

— Идите, идите, пожалуйста, м-ръ Герринъ! Не теряйте времени.

Тонъ у нея былъ ужасно раздраженный. Произнося эти слова, она нахмурилась. Обрэ ушелъ очень удивленный и скоро потерялъ ее изъ виду въ толпѣ.

Онъ навелъ справки, чтобы узнать, что она отъ него требовала, разспросилъ знакомыхъ, но никто не могъ ничего ему сообщить о вновь пришедшемъ. Одинъ художникъ сказалъ:

— Я видѣлъ его гдѣ-то въ Парижѣ.

Но имени его никто не зналъ, и, наконецъ, Обрэ пришлось отказаться отъ намѣренія узнать, кто это былъ. Между тѣмъ незнакомецъ исчезъ въ толпѣ.

Становилось поздно. Обрэ вернулся къ Кэриль, но не нашелъ ея на прежнемъ мѣстѣ. Толпа начинала расходиться и увлекла его вмѣстѣ съ собою къ дверямъ. Онъ рѣшилъ остановиться у выхода и дождаться Кэриль. Мимо проходили люди, обмѣниваясь громкими замѣчаніями по поводу картинъ, прощальными привѣтами и условіями насчетъ будущихъ встрѣчъ. Въ

Digitized by Google

глазахъ у Обрэ зарябило отъ этого движенія и отъ вида открытыхъ ртовъ, раскраснѣвшихся щекъ и оживленныхъ глазъ. Онъ начиналъ думать, что Кэриль уже ушла, и, обернувшись, глядѣлъ вдоль по опустѣвшей теперь галлереѣ. Онъ очень изумился, когда увидалъ Кэриль, направлявшуюся къ дверямъ, въ сопровожденіи незнакомца, о которомъ она еще такъ недавно высказала такое нелестное сужденіе. Она оживленно разговаривала съ нимъ и при этомъ пристально смотрѣла ему въ лицо. Она прошла мимо Обрэ, не замѣтивъ его, и онъ былъ пораженъ контрастомъ между ея словами—немногими словами, которыя ему удалось разслышать среди шума толпы,—и ея лицомъ, когда она, не отрываясь, смотрѣла на своего собесѣдника. Она говорила съ этимъ неизвѣстнымъ ей человѣкомъ съ усиленнымъ оживленіемъ, нервно и до странности дружелюбно, но въ глазахъ ея, устремленныхъ на него, выражалась ненависть.

Обрэ медленно послѣдовалъ за Кэриль и ея спутникомъ. Выйдя на улицу, онъ увидалъ, что незнакомецъ усаживалъ Кэриль въ ея экипажъ. Фамильярно опершись на дверцу экипажа, онъ протянулъ ей руку, чтобы проститься. Ужасъ промелькнулъ въ ея лицѣ, когда онъ взялъ ее за руку.

— Пожалуйста, приходите ко мнѣ,—сказала она, быстро отдернула руку, отыскала карточку и дала ее незнакомцу.

— Вы придете?—проговорила она съ видимымъ безпокойствомъ.

Незнакомецъ поклонился и снялъ шляпу немного вульгарнымъ и дѣланнымъ жестомъ.

Когда экипажъ отъѣхалъ, онъ взглянулъ на карточку, и въ его лицѣ промелькнула улыбка, отъ которой складки въ углахъ его грубо очерченнаго рта сдѣлались еще рѣзче. Онъ вынулъ изъ бокового кармана своего сюртука маленькій зеленый съ золотомъ бумажникъ, осторожно положилъ въ него карточку, засунулъ бумажникъ въ карманъ и застегнулся на всѣ пуговицы. Потомъ онъ закурилъ толстую сигару, не торопясь пошелъ и скрылся въ сумеркахъ, начинавшихъ спускаться на Пиккадилли.

Обрэ стоялъ, наблюдая за нимъ, и когда незнакомецъ исчезъ, онъ все еще не двигался съ мѣста, глядя во мракъ, окутывавшій шумный городъ. Потомъ взялъ открытый экипажъ, сказалъ кучеру адресъ Кэриль и велѣлъ ѣхать скорѣе. Лакею, отперевшему ему дверь, онъ велѣлъ доложить о себѣ, но тотъ поглядѣлъ какъ-то нерѣшительно и видъ у него былъ сконфуженный. Онъ уже нѣсколько лѣтъ служилъ у лэди Кэриль, поступивъ въ домъ еще при сэрѣ Ребёнѣ.

Digitized by Google

— По правдѣ говоря, сэръ,—пробормоталъ онъ,—не думаю, чтобы милэди могли принимать сегодня. Онѣ... онѣ...

— Она одна?

— О, да, сэръ, совершенно одна, но только—онѣ какъ будто не въ себѣ что-то сегодня.

— Она не больна? Вѣдь я видѣлъ ее нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Нѣтъ, сэръ, нельзя сказать, чтобы были больны, а только вернулись онѣ очень разстроенныя.

— Пожалуйста, передайте ей, Чарль, что мнѣ крайне необходимо ее видѣть.

Лакей ушелъ и почти тотчасъ же вернулся.

— Милэди спрашиваютъ, не можете ли вы передать, что вамъ угодно, сэръ.

— Никакъ не могу,—возразилъ Обрэ такимъ звенящимъ, рѣшительнымъ голосомъ, что лакей ушелъ совершенно озадаченный, и на этотъ разъ долго не возвращался.

— Пожалуйте, сэръ!—проговорилъ онъ, появляясь снова, и провелъ Обрэ въ гостиную.

Прошло пять минутъ, и послышался шелестъ платья, возвѣщавшій о приближеніи лэди Кэриль. Обрэ сильно поблѣднѣлъ. Кэриль вошла медленной, слабой походкой. Онъ ожидалъ, что увидитъ на ея лицѣ все то же возбужденное выраженіе, которое появилось у нея на выставкѣ, но оно исчезло, и видъ у нея былъ такой же усталый и застывшій, какъ обыкновенно. Она тихонько притворила дверь и подошла къ нему.

— Ну, что такое?—спросила она.—Простите, я велѣла говорить, что устала и должна отдохнуть. На выставкѣ было жарко и шумно. Я только-что собиралась лечь. Что такое вы хотите сказать мнѣ?

Она замолчала. Оба они стояли у камина. Она не смотрѣла на него. Обрэ почувствовалъ холодъ отъ ея присутствія, но старался побороть это чувство.

— Пожалуйста, сядьте,—проговорилъ онъ,—и я вамъ скажу.

Она сѣла на диванъ, а онъ продолжалъ стоять, глядя внизъ на нее.

— Кэриль,—началъ онъ,—я хочу, чтобы вы мнѣ оказали величайшую милость, какую только можетъ женщина оказать мужчинѣ—право защищать ее.

Она слегка подвинулась на диванѣ, сложила руки вмѣстѣ потомъ опять разжала ихъ и произнесла холоднымъ, равнодушнымъ тономъ:

Digitized by Google

— Вы хотите защищать меня! Отъ чего?

— Что, еслибы я сказалъ прямо: отъ васъ самой!

— Отъ меня самой! Еслибы вы сказали, то что же дальше?

Она продолжала не глядѣть на него.

— Не назвали ли бы вы меня навязчивымъ, дерзкимъ? Вы не могли бы этого сдѣлать, Кэриль, и вы знаете—почему.

— Скажите мнѣ.

— Потому, что я люблю васъ и вы одинови. Я вамъ ближе, чѣмъ всѣ другіе мужчины.

— Почему это?

— Потому что люблю васъ.

— Но это еще не доказательство. Близость мужчины къ женщинѣ не зависитъ исключительно отъ его чувства къ ней.

— Отъ чего же въ такомъ случаѣ?

— Она зависитъ также отъ ея чувства къ нему, и совсѣмъ не необходимо, чтобы это было чувство любви. Должно существовать болѣе сильное чувство для того, чтобы привлечь ихъ другъ къ другу.

— Такъ что же это можетъ быть?

— Это должно быть чувство, противоположное любви.

— Отвращеніе?

— Ненависть!

Это слово вылетѣло изъ ея губъ, какъ камень. Обрэ молчалъ.

— Мы можемъ чувствовать ужасную близость къ людямъ, потому что ненавидимъ ихъ,—продолжала она.

— Вы говорите о... объ этомъ негодяѣ, котораго мы встрѣтили сегодня на выставкѣ!—неожиданно воскликнулъ Обрэ.

Онъ покраснѣлъ отъ гнѣва и сознавалъ, что какое-то необыкновенное чувство поднималось въ его сердцѣ: ревность къ той ненависти, которую Кэриль испытывала къ этому человѣку. Она сдѣлала быстрое движеніе, какъ бы удивленная, и положила руку на подушку, сжимая ее пальцами въ то время, какъ отвѣчала съ притворнымъ равнодушіемъ:

— Этотъ человѣкъ—совершенно мнѣ неизвѣстный! Какая нелѣпость!

— Но вы его знаете!—воскликнулъ Обрэ.

Произнося эти слова, онъ сѣлъ рядомъ съ нею, чтобы лучше видѣть ея лицо.

— Вы его знаете! — повторилъ онъ рѣзко и пристально глядя на нее.

Еще никогда страсть такъ не увлекала его. Онъ забылъ самого себя, свою сдержанность, и потерялъ всякое самообладаніе.

Digitized by Google

— Вы отрицаете это? — прибавилъ онъ почти съ бѣшенствомъ.

Она бросила на него непріятный, пытливый взглядъ и снова стала глядѣть въ сторону.

— Значитъ, вы видѣли, какъ мы вмѣстѣ выходили?—сказала она.

— Да.

— Прекрасно. Да, я его знаю. Что же дальше?

— Кто представилъ его вамъ? Кто смѣлъ познакомить васъ съ такимъ негодяемъ?

— Я не вижу причины отвѣчать вамъ.

Къ Обрэ сразу вернулось его самообладаніе. Онъ видѣлъ, что въ ней появилось отчаянное упрямство.

— Простите меня,—сказалъ онъ,—и скажите мнѣ. Я спрашиваю въ вашемъ же интересѣ.

— Если такъ, то вопросъ безполезенъ, и я на него не отвѣчу.

— Въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ я спрашиваю, потому что люблю васъ, потому что я—я ревную, Кэриль,—ревную даже къ вашей ненависти!..

Она нисколько не тронулась этимъ и видъ у нея былъ отсутствовавшій. Онъ рѣшился оторвать ее отъ ея отвратительныхъ мыслей. Онъ схватилъ ее за руки—какъ тогда ночью—и, крѣпко сжимая ихъ, продолжалъ:

— Я люблю васъ, я любилъ васъ все время, и вы могли бы любить меня, еслибы захотѣли. Я понялъ это давно, въ ту памятную для насъ обоихъ ночь. Я потерялъ васъ одинъ разъ, я потерялъ васъ тогда. Но время возвратило вамъ вашу свободу. И я—я тоже свободенъ.

— Знаете ли вы, что такое свобода?—сказала она съ горечью.—Нѣтъ, не знаете,—иначе вы не стали бы говорить, что я теперь свободна. Я—теперь! Это—свобода!

Ея равнодушіе исчезло. Она вырвала у него руки.

— Если это свобода, — воскликнула она, — то я рождена быть рабою.

Она посмотрѣла на него.

— Онъ это говорилъ,—продолжала она, глядя на него пристально,—а онъ меня зналъ. Во всякомъ случаѣ, если это такъ, то судьба моя должна совершиться.

— Кэриль! Васъ нужно уберечь отъ того, что не можетъ быть вашею судьбою.

— Я не нуждаюсь въ покровителѣ.

— Нуждаетесь болѣе, чѣмъ всякая другая женщина.

Digitized by Google

— Потому что я слабѣе ихъ всѣхъ?

— Потому что вы сильнѣе. Въ силѣ заключается опасность. Развѣ вы этого не знаете?

Она ничего не сказала.

— Развѣ вы этого не знаете, Кэриль?—повторилъ онъ.—Слабость ходитъ привычными путями. Слабость боится людей, судьбы, тысячи вещей—и пребываетъ въ безопасности. Гибель грозитъ тѣмъ, которые сильны и безстрашны.

Она взглянула на него, и во взглядѣ ея блеснуло лукавство, но онъ не замѣтилъ этого среди своего возбужденія.

— Кэриль,—продолжалъ онъ,—сегодня я боюсь за васъ, ужасно боюсь.

— Почему?—спросила она рѣзко.

— Вы сознательно идете на встрѣчу опасности.

— Какимъ образомъ?

— Вы идете на встрѣчу—тому, кого ненавидите,—къ этому человѣку.

Онъ остановился. Она молчала.

— Это доказываетъ силу,—продолжалъ онъ,—ту силу, которая опасна, которая меня въ васъ пугаетъ, пугаетъ невыразимо. Этотъ страхъ и привелъ меня сюда. Я не могу этого объяснить, не буду стараться извиняться за это. Я люблю васъ. Вы должны принять мою любовь. Настало время, когда вы должны принять ее, хотя бы только какъ покровительство.

Онъ говорилъ рѣшительно. Она взглянула на него съ ужасомъ.

— Вы для меня чужой сегодня,—проговорила она,—я не нуждаюсь въ покровительствѣ. Я дѣлаю, что должна дѣлать; иду, куда должна идти.

— А куда же вы идете? Что вы собираетесь дѣлать?

Онъ говорилъ серьезно, и въ этой серьезности чувствовалась страшная глубина. Его тонъ, его вопросы вызвали въ ней чувство отвращенія, которое было ей самой непонятно. Она только могла поступать согласно этому чувству—и сдѣлала это.

— Всѣ эти разсужденія безполезны,—сказала она;—вы дѣлаете ошибку, свойственную доброму, честному другу. Вы хотите оберегать мою жизнь,—т.-е., вы стараетесь измѣнить мою судьбу. Неужели вы никогда не поймете, что настолько же легко измѣнить движеніе звѣздъ, насколько помѣшать мнѣ быть тѣмъ, чѣмъ я создана.

— А чѣмъ же вы созданы быть? Ахъ, Кэриль!

— Онъ ужъ сказалъ: рабыней,—отвѣчала она тихо.

— Рабыней! Чего? Кого?

Digitized by Google

— Быть можетъ, меня самой,—проговорила она мечтательно.—Меня самой, моей собственной природы.

И она впала въ глубокую и тяжелую задумчивость.

Онъ подождалъ немного. Вся его искренность и горячность исчезли. Онъ чувствовалъ, что Кэраль ушла и покинула его, покинула почти такъ же, какъ люди покидаютъ, умирая.

Онъ всталъ и простился съ нею.

XVII.

Въ одинъ прекрасный и теплый майскій вечеръ всѣ безчисленные часы Лондона пробили восемь часовъ. На тротуарѣ Бовъ-Стрита собралась запыленная толпа зѣвакъ, чтобы поглазѣть на экипажи, медленно проѣзжавшіе къ оперному театру въ Ковентъ-Гарденѣ. Это былъ первый вечеръ лѣтняго сезона, и рядъ экипажей тянулся безконечно. Среди нихъ находилось и хорошенькое купэ съ блестящими желтыми колесами, принадлежавшее Полю Виллэ. Онъ вышелъ съ женою изъ экипажа съ видомъ человѣка, привыкшаго пользоваться успѣхомъ, и прошелъ въ фойé. Тамъ къ нимъ присоединился ихъ давнишній знакомый, Альбертъ Спригъ, только-что пріѣхавшій изъ Парижа и щеголявшій болѣе, чѣмъ когда-либо, сильнымъ французскимъ акцентомъ, самыми изысканными манерами и вкрадчивымъ голосомъ.

— Такъ мило съ вашей стороны, что вы пригласили меня въ вашу ложу,—сказалъ онъ, обращаясь къ madame Виллэ съ гримасой, которая сдѣлала бы честь любому влюбленному приказчику изъ мясной лавки.—Но прежде, чѣмъ идти садиться, я долженъ показать вамъ обоимъ нѣчто весьма интересное.

Онъ повелъ ихъ по коридору, огибавшему сзади ложи бенуара. На бѣлыхъ дверяхъ ложъ были выставлены фамиліи ихъ обладателей. Миновавъ нѣсколько дверей, онъ остановился передъ одной. На ней стояло: „Вернонъ Деметріусъ, эсквайръ“.

М-ръ Спригъ сдѣлалъ жестъ своей пухлой рукой по направленію къ этой двери.

— Вотъ!—произнесъ онъ.

Madame Виллэ прочитала фамилію и вскрикнула. Поль Виллэ всплеснулъ руками въ очень узкихъ лайковыхъ перчаткахъ.

— Mon Dieu!—воскликнулъ онъ.—Они будутъ здѣсь сегодня. Весь Лондонъ говоритъ объ этой драмѣ! Всѣ забрасываютъ меня вопросами. Какъ будто я долженъ знать всѣ секреты такой женщины! Правда, что...

Digitized by Google

— Но какъ вы думаете, кто будетъ сидѣть въ противоположной ложѣ?—прервалъ его м-ръ Спригъ, вульгарно сіяя отъ сознанія, что ему все извѣстно и онъ можетъ дѣлать такія интересныя открытія.

— Обрэ Геррикъ!—закричала madame Виллэ.

— Нѣтъ,—Фифи Сэнтъ-Орминъ! Сначала она сказала, что не пріѣдетъ. Но не могла удержаться. Онѣ вѣдь не разговариваютъ, конечно. Она прямо-таки въ бѣшенствѣ!

Говоря это, онъ направился вмѣстѣ съ Виллэ къ ихъ ложѣ.

— Что же, узнала она, кто этотъ Деметріусъ? — спросила madame Виллэ.—Какой-нибудь кучеръ, конечно. Это всѣ говорятъ—и къ тому же нищій. Это что-то невозможное! Правда ли —я слышала ужасную вещь—будто бы онъ хорошо извѣстенъ парижской полиціи? Навѣрное...

Она вошла въ ложу, сопровождаемая обоими мужчинами.

Театръ былъ уже почти полонъ. Большинство ложъ уже было занято женщинами. Онѣ садились впередъ, чтобы показывать свои туалеты и брилліанты, а мужчины скрывались въ глубинѣ и тихо разговаривали о всевозможныхъ вещахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ музыкой.

Между прочимъ, говорили и о м-рѣ Деметріусѣ. Вниманіе большинства публики было обращено на его ложу въ теченіе перваго акта.

За недѣлю передъ тѣмъ, въ „Morning Post“ появилась слѣдующая замѣтка:

„Намъ сообщаютъ, что лэди Кэриль Аллабрутъ, вдова покойнаго сэра Рёбена Аллабрута, обвѣнчалась вчера съ Верноном Деметріусомъ, эсквайромъ“.

Такъ какъ никто изъ знакомыхъ лэди Кэриль никогда ничего не слыхалъ о м-рѣ Деметріусѣ, то эта замѣтка вызвала всеобщее сильное изумленіе. Любопытство было возбуждено. Всѣ жаждали и рады были посплетничать. Но сплетничать было не о чемъ, такъ какъ великосвѣтское общество не могло ничего узнать относительно новаго мужа лэди Кэриль.

Лэди Сэнтъ-Орминъ, осаждаемая вопросами, сама знала едва-ли больше остальныхъ. Она видѣла м-ра Деметріуса уже послѣ свадьбы. То, что она сообщала о немъ, было очень плачевно. Она не знала, отвуда Кэриль достала его, и не могла получить свѣдѣній о немъ ни отъ дочери, ни отъ кого другого. Она не могла постичь, зачѣмъ Кэриль вышла за него, и только истерически утверждала, что это было невозможно, совершенно невозможно, и что она и лордъ Сэнтъ-Орминъ рѣшили не имѣть

Digitized by Google

съ этимъ человѣкомъ никакого дѣла. Она снова выражала полную увѣренность въ томъ, что Кэриль никогда не могла вполнѣ оправиться отъ потрясенія, вызваннаго въ ней смертью сэра Рёбена, и что ее нельзя было считать отвѣтственной за ея поступки. Но этотъ взглядъ не былъ принятъ всѣми. Знавшіе Кэриль считали ее скорѣе сильной, чѣмъ слабой. Особенно мужчины совсѣмъ не были склонны предполагать, чтобъ она могла, какъ истерическая женщина, выйти замужъ за какого-то проходимца только потому, что у него было красивое лицо и привлекательныя манеры.

— Лэди Кэриль ни въ грошъ не ставитъ мужчинъ,—говорили они.—И никогда не ставила. Тутъ должна быть какая-нибудь другая причина.

Но что̀ это была за причина?—И мужчины, и женщины задавали себѣ этотъ вопросъ, наводя бинокли на пустую ложу м-ра Деметріуса.

Лэди Сэнтъ-Орминъ сидѣла въ своей ложѣ возлѣ сцены съ м-съ Паркинсонъ и еще однимъ знакомымъ, которому со слезами сообщала о своемъ горѣ такимъ громкимъ голосомъ, что это развлекало пѣвцовъ и приводило въ отчаяніе капельмейстера.

Въ серединѣ перваго̀ акта въ театръ явился Аннò. Онъ не пѣлъ въ этотъ вечеръ, и у него было кресло въ одномъ изъ заднихъ рядовъ. Но онъ не пошелъ сразу на свое мѣсто. Онъ остановился въ сѣняхъ, возбужденно оглядываясь и перебрасываясь замѣчаніями кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ. Потомъ онъ прошелъ въ коридоръ, огибавшій сзади ложи бенуара, и сталъ безъ устали ходить взадъ и впередъ. Онъ видимо поджидалъ кого-то, былъ взволнованъ и разсерженъ. Нѣсколько разъ онъ останавливался передъ ложей м-ра Деметріуса, уставивъ глаза на фамилію, напечатанную на двери и окруженную золотымъ ободкомъ, и потомъ опять начиналъ ходить съ еще большимъ волненіемъ.

Лэди Рангклифъ рѣдко ѣздила въ оперу, но въ этотъ вечеръ какой-то знакомый случайно взялъ для нея ложу, и въ ту минуту, когда Аннò отвелъ глаза отъ созерцанія того имени, которое было у всѣхъ на языкѣ, она прошла мимо него въ сопровожденіи Обрэ. Лэди Рангклифъ мало была знакома съ Анно, и потому прошла, не останавливаясь, и только кивнула ему головой. Обрэ, имѣвшій блѣдный и постарѣвшій видъ, какъ будто только-что оправился послѣ болѣзни, поклонился пѣвцу и хотѣлъ послѣдовать за матерью, но Аннò остановилъ его.

— Вотъ какъ, вы пріѣхали!—сказалъ онъ, пристально глядя

Digitized by Google

на Обрэ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ насытить свою злобу чужимъ страданіемъ.—Вы также пріѣхали! Ахъ, другъ мой, какъ долго вы находились въ невѣдѣніи! Вѣдь я знаю! Я наблюдалъ за вами. Ну, такъ сегодня вы поймете, и ваши ослѣпленные глаза откроются наконецъ. Ваша мечта—ваша безумная мечта умретъ. Вы слышите меня?

Обрэ отступилъ отъ него съ надменнымъ видомъ. Губы его сжались и приняли жестокое выраженіе. Онъ холодно отвернулся и хотѣлъ идти за матерью, стоявшей передъ лѣстницей, которая вела въ бэль-этажъ, но Аннò ступилъ на шагъ впередъ, взялъ его за плечо и удержалъ силой.

— Никто не понимаетъ этого безумнаго замужества,—сказалъ онъ.—А вы?—Нѣтъ, тоже не понимаете? Такъ поглядите же—поглядите внимательно, когда явится бѣлая героиня вашихъ мечтаній, и на нее будетъ падать свѣтъ. Глядите пристально—и вы поймете, въ чемъ дѣло, и узнаете ее наконецъ такъ, какъ я ее знаю давно, и какъ ее зналъ онъ—тотъ умершій старикъ.

При этихъ словахъ лицо Обрэ измѣнилось. Въ немъ появилось выраженіе интереса, волненія и страстнаго вопроса, но онъ ничего не сказалъ, и когда Аннò отнялъ руку отъ его плеча, онъ быстро пошелъ за матерью въ ложу.

— Аннò нужно было поговорить со мною, мама,—сказалъ онъ, притворяя дверь.

Голова его горѣла, но голосъ звучалъ спокойно.

— Какъ полно сегодня въ театрѣ!—прибавилъ онъ.

Онъ подошелъ къ барьеру ложи, сѣлъ рядомъ съ матерью и холодно оглядѣлся кругомъ, раскланиваясь съ знакомыми. Но руки у него дрожали, онъ не могъ держать ихъ неподвижно, и крѣпко сжималъ пальцами ручки кресла. Онъ посмотрѣлъ внизъ на блестящій залъ, и точно облако стояло у него передъ глазами, тяжелое темное облако. Блескъ разряженной толпы и украшенія театральнаго зала слились для него въ одно ярко-желтое пятно, неровные края котораго были обведены лиловой полосой. Онъ на мгновеніе закрылъ глаза и услыхалъ звуки музыки и пѣнія. Эти звуки начали дрожать, заколебались, ярко-желтое пятно вспыхнуло, какъ фейерверкъ, и исчезло, а музыка зазвучала страшно громко и угрожающе.

— Обрэ, тебѣ нездоровится?—съ безпокойствомъ спросила его мать.

— Нѣтъ, мама,—отвѣчалъ онъ.—Кто это поетъ?

Онъ взялъ афишу, лежавшую на барьерѣ ложи, и сталъ вни-

Digitized by Google

мательно глядѣть на нее. Рука его не дрожала больше. Онъ овладѣлъ собой и устремилъ глаза на пустую ложу м-ра Деметріуса. Всѣ остальныя ложи были заняты.

— Какая ужасная толпа въ театрѣ!—сказалъ онъ.

Лэди Рангклифъ кивнула утвердительно. Ея черное платье шуршало отъ безпрерывныхъ нервныхъ движеній. Какъ разъ передъ этимъ у нея былъ одинъ изъ сильныхъ нервныхъ припадковъ, которыми она страдала съ дѣтства. Она все время неестественно отворачивалась отъ сына и не глядѣла на него даже когда говорила съ нимъ.

— Ужасно полный театръ сегодня!—сказала она и, поднеся бинокль къ своимъ близорукимъ глазамъ, стала осматривать публику.

— Только одна ложа пустая,—продолжала она нервно.—Интересно было бы знать, чья она.

— Это ложа м-ра Деметріуса, мама,—спокойно произнесъ Обрэ.

Лэди Рангклифъ чуть не выронила бинокля. Она взглянула на сына, открыла ротъ, чтобы что-то сказать, но удержалась и стала смотрѣть въ сторону.

Обрэ сидѣлъ неподвижно, не отрывая глазъ отъ пустой ложи. Въ ней было два кресла съ красными сидѣньями и бѣлыми съ золотомъ ручками. Онъ смотрѣлъ на эти кресла до тѣхъ поръ, пока ему не начало казаться, что на нихъ сидятъ двѣ фигуры, мужчина и женщина—лэди Кэриль и незнакомецъ, котораго она встрѣтила на выставкѣ, передъ которымъ она дрожала, котораго она ненавидѣла и за котораго она вышла замужъ. Что означали странныя слова Аннѣ? И какъ могла лэди Кэриль безъ словъ объяснить Обрэ причину своего безумнаго поступка? Воображаемыя фигуры исчезли. Обрэ снова ясно различалъ красныя сидѣнья креселъ съ ихъ бѣлыми съ золотомъ ручками.

Между тѣмъ музыка становилась громче, молчавшіе до тѣхъ поръ инструменты начинали говорить, и въ этихъ разнообразныхъ звукахъ слышались почти человѣческіе голоса. Одна флейта казалась Обрэ тонкимъ, но чистымъ голосомъ совѣсти, проникавшимъ сквозь гулъ болѣе сильныхъ и громкихъ голосовъ, тщетно старавшихся заглушить его. Одинъ инструментъ или цѣлый рядъ инструментовъ напоминали голосъ Аннѣ, когда онъ пѣлъ „Crépuscule“, давно, на закатѣ, въ инсомскомъ саду. Обрэ снова увидалъ красноватыхъ золотыхъ рыбъ, которыя сверкали и меркли, уходя въ прозрачную тѣнь. Онъ увидалъ дѣвушку съ

Digitized by Google

блестящими бѣлокурыми волосами и длинными сѣрыми глазами. Цвѣта и звуки сливались въ одно. Вступилъ еще одинъ инструментъ, и теперь Обрэ увидалъ красныя звѣзды, глядѣвшія какъ кровавые глаза сквозь черные листья каштановыхъ деревьевъ, и бѣлое платье, мелькавшее въ отдаленьи. Онъ послѣдовалъ за нимъ по темнымъ унылымъ дорожкамъ въ какой-то невѣдомый лѣсъ, гдѣ дремали ужасные цвѣты, сложивъ свои гигантскіе лепестки. Среди нихъ росли и умирали лиліи. Вотъ появилась бабочка, мелькая передъ нимъ во мракѣ, какъ бѣлая тѣнь. Теперь всѣ цвѣты исчезли,—онъ миновалъ царство цвѣтовъ. Вокругъ въ изобиліи разрослось только одно растеніе, болѣзненное и непривлекательное, съ вялыми листьями, по краямъ которыхъ медленно расползался ужасный недугъ. Воздухъ былъ полонъ запахомъ тлѣнія. Со всѣхъ сторонъ поднялся густой туманъ—и бѣлая бабочка исчезла во мракѣ.

Опять раздался безжалостный ясный голосъ маленькой флейты, говорившій ему, что онъ могъ бы избавить бабочку и овладѣть ею, еслибы у него было больше смѣлости, больше увѣренности въ себѣ.

Зазвучали другіе голоса, и онъ опять пошелъ за бѣлымъ призракомъ. Далеко впереди появился дрожащій свѣтъ, замелькалъ зеленый таинственный огонекъ. Онъ увеличивался, становился ярче, и Обрэ увидалъ, что это былъ изумрудъ, покоившійся на груди Кэриль. Онъ пристально смотрѣлъ на него. Музыка въ оркестрѣ превратилась въ гулъ и замолкла. Занавѣсъ упалъ. На красныхъ креслахъ въ пустой ложѣ Деметріуса опять появились двѣ фигуры—мужчины и женщины. На бѣлыхъ съ золотомъ ручкахъ креселъ видны были чьи-то руки. Фигуры становились болѣе отчетливыми. Обрэ стало страшно. Онъ слышалъ вокругъ себя звуки разговоровъ, онъ слышалъ шелестъ платья своей матери, когда она задвигалась, и все продолжалъ видѣть лэди Кэриль съ большимъ изумрудомъ, сверкавшимъ у нея на груди. Да, это была она и вся въ бѣломъ, какъ представлявшійся ему призракъ. Рядомъ съ нею сидѣлъ высокій человѣкъ, котораго Обрэ видѣлъ на выставкѣ. Она разговаривала съ нимъ и улыбалась счастливой улыбкой. Потомъ она сѣла ближе къ барьеру ложи, какъ будто для того, чтобы публика могла ее удобнѣе разглядывать.

— Могу я взять бинокль, мама?—проговорилъ Обрэ сповойнымъ голосомъ.

— Да, Обрэ,—отвѣчала лэди Рангклифъ. Она передала ему бинокль и, отвернувшись отъ него, сдѣлала видъ, что разсматри-

Digitized by Google

вала зрительный залъ. Ей казалось, что прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ она услыхала, какъ Обрэ снова сдѣлалъ движеніе. Наконецъ онъ осторожно положилъ бинокль на барьеръ ложи.

— Мама,—сказалъ онъ,—лэди Кэриль нашла изумрудъ, который у нея украли. Онъ на ней надѣтъ сегодня.

Голосъ его звучалъ совершенно спокойно. Онъ всталъ и вышелъ изъ ложи, не прибавивъ больше ни слова.

Между тѣмъ появленіе лэди Кэриль и м-ра Деметріуса произвело сильное волненіе въ театрѣ. Со всѣхъ сторонъ мужчины и женщины поворачивались и подносили бинокли къ глазамъ, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ. Лэди Сэнтъ-Орминъ, прячась за драпировкой, оглядывала дочь круглыми, возбужденными глазами и начинала что-то оживленно шептать м-съ Паркинсонъ и своему знакомому, бывшему съ ней въ ложѣ, всѣ движенія которыхъ выражали сильнѣйшее удивленіе и порицаніе. А что касается супруговъ Виллэ и Альберта Сприга, то они находились въ крайней степени возбужденія и безпокойства.

— До чего она измѣнилась!—воскликнула madame Виллэ.—У нея просто сіяющій видъ. Влюблена она, что-ли, въ этого человѣка?

— Она совсѣмъ такая, какой была въ тотъ вечеръ, — въ тотъ вечеръ, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ,—произнесъ Поль Виллэ, вставляя монокль и тараща глаза на женщину, которая извлекла его изъ нищеты и погубила его душу, создавъ ему дешевую славу.—Настоящая богиня, ma foi!

Онъ даже причмокнулъ своими чувственными губами.

— Однако,—воскликнула внезапно madame Виллэ,—на что это она такъ смотритъ? Что она рукой трогаетъ? На ней, значитъ, есть какое-нибудь украшеніе? Но вѣдь она теперь не носитъ никакихъ драгоцѣнныхъ камней. У нея ихъ и нѣтъ—съ тѣхъ поръ, какъ украденъ изумрудъ.

— Mon Dieu!—закричалъ Поль Виллэ, схвативъ за плечо Альберта Сприга.—Mon Dieu! это не можетъ... это не можетъ быть!

— Что такое, Поль?—прочирикала madame Виллэ.—У тебя, кажется, начинается какой-то припадокъ?

— Это—вѣдь это изумрудъ!—продолжалъ кричать ея мужъ.—Mon Dieu! это онъ у нея на груди!

— Изумрудъ!—воскликнула также и жена.

— Невозможно! Ты съ ума сошелъ, Поль!

Digitized by Google

— Навѣрное сошелъ!—вскрикнулъ Альбертъ Спригъ, быстро вскочивъ съ мѣста.—Дай мнѣ бинокль!

Онъ почти грубо вырвалъ его изъ рукъ madame Виллэ, которая его хотѣла взять, поглядѣлъ съ минуту на лэди Кэриль и потомъ произнесъ безъ всякаго французскаго акцента:

— Ей Богу, сдается мнѣ, что ты правъ! Сейчасъ узнаю навѣрное.

И онъ выбѣжалъ изъ ложи. Черезъ минуту они увидѣли, какъ онъ стоялъ въ партерѣ, какъ разъ подлѣ ложи Деметріуса. Вернулся онъ въ сильномъ возбужденіи.

— Ты былъ правъ, Поль, — сказалъ онъ.—Это изумрудъ. Всѣ объ этомъ говорятъ. Но что за чудо! Съ неба онъ, что-ли, свалился?

Madame Виллэ посмотрѣла на лэди Кэриль и на ея сосѣда не безъ горечи.

— Онъ скорѣе даже красивъ,—сказала она.—Но у него ужасный видъ. Откуда она могла его достать? Зачѣмъ она за него вышла?

Въ эту минуту въ ложу вошелъ Аннò. Глаза его горѣли и весь онъ былъ крайне возбужденъ. Madame Виллэ повернулась къ нему.

— Знаете вы про чудо?—спросила она.

— Чудо!

— Про изумрудъ—про то, что онъ найденъ!

— А это развѣ чудо?—сказалъ онъ.

Злая улыбка пробѣжала по его хмурому лицу.

— Такъ что же вы объ этомъ думаете?

— Я?—сказалъ Аннò.—Я?..—онъ пожалъ своими широкими плечами.—Я, можетъ быть, фантазирую—мы, артисты, какъ вамъ извѣстно, madame, всегда склонны къ фантазіямъ—но мнѣ кажется, что миледи просто посчастливилось.

— Какъ? Какимъ образомъ?—закричала madame Виллэ.

— Посчастливилось выйти замужъ за человѣка, который—ну, скажемъ, который берегъ ея сокровище, единственную любимую ею вещь, берегъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. И можетъ быть,—это опять-таки моя фантазія,—пріобрѣтя богатую невѣсту, онъ выказалъ великодушіе и возвратилъ ей ея сокровище, въ видѣ свадебнаго подарка!

Слушатели его съ минуту молчали. Изумленіе лишило ихъ способности говорить. Наконецъ, madame Виллэ сказала:

— Деметріусъ—тотъ воръ, который ее обокралъ! Но вѣдь она узнала бы его!

— А развѣ на немъ не было маски!—сказалъ Аннò.

Digitized by Google

— Но... но какъ онъ могъ ее привлечь, какъ она за него вышла?

— А развѣ изумрудъ не призывалъ ее изъ своего скрытаго мѣстечка, не привлекалъ ее, не заставлялъ идти замужъ даже противъ воли? Эхъ! да вѣдь это только произвольная теорія, дикая ребяческая фантазія, надъ которой я первый же готовъ смѣяться.

Говоря это, онъ разразился громкимъ смѣхомъ, напоминавшимъ смѣхъ Мефистофеля въ концѣ сцены въ саду. Послѣдовало неловкое молчаніе, послѣ чего Альбертъ Спригъ бросился вонъ изъ ложи, чтобы сообщить всѣмъ знакомымъ фантастическую теорію Анно. Онъ дѣлалъ это такъ удачно, что до начала третьяго акта всѣ уже знали, что лэди Кэриль связала свою судьбу съ судьбою вора, чтобы только вернуть украденное сокровище; хотя никто не могъ объяснить, какъ она узнала, что Деметріусъ былъ виновникомъ пропажи изумруда, и почему, узнавъ это, она обвѣнчалась съ нимъ, вмѣсто того, чтобы донести о немъ полиціи.

Обрэ услыхалъ всѣ эти пересуды, и къ концу оперы сказалъ лэди Рангклифъ:

— Мама!

— Что, Обрэ?

— Можешь ты сдѣлать для меня одну вещь?

— Да, Обрэ. А что такое?

— Сначала я тебѣ скажу вотъ что: я увѣренъ, что м-ръ Деметріусъ—негодяй. А теперь я попрошу тебя—можешь ты сдѣлать визитъ его женѣ, такъ, чтобы всѣ знали, что ты это сдѣлала?

— Хорошо, я это сдѣлаю, Обрэ,—отвѣчала лэди Рангклифъ очень тихо.

Оркестръ доигрывалъ финалъ. Занавѣсъ упалъ, и толпа направилась къ выходу. Въ сѣняхъ образовалась многочисленная толпа народа, дожидавшагося экипажей и оживленно разговаривавшаго о новомъ скандалѣ. Вдругъ служитель выкрикнулъ:

— Карету м-ра Деметріуса! Карету м-ра Деметріуса!

Сотни хорошенькихъ головокъ повернулись къ стекляннымъ дверямъ, мужчины двинулись впередъ и всѣ разговоры замерли.

— Карету м-ра Деметріуса!—еще громче закричалъ служитель.

Въ заднихъ рядахъ толпы произошло движеніе. Искусственно утонченный и черезъ-чуръ любезный мужской голосъ повторилъ нѣсколько разъ, становясь съ каждымъ разомъ все слащавѣе:

— Не будете ли вы такъ добры позволить пройти дамѣ?

Digitized by Google

Благодарю васъ! Благодарю васъ! Будьте такъ любезны, позвольте.. Благодарю васъ! Крайне обязанъ!

И лэди Кэриль, положивъ одну руку на руку своего новаго мужа, медленно прошла среди оглядывавшей ее толпы.

На лицѣ ея была вызывающая, презрительная улыбка, но она смотрѣла прямо передъ собою. Никто съ нею не разговаривалъ,—лэди Рангклифъ уже уѣхала. Никто ей не кланялся,—она не проходила мимо Обрэ.

Когда она сѣла въ карету, то одинъ сыщикъ, стоявшій съ своимъ товарищемъ у подъѣзда, улыбнулся, указалъ пальцемъ на м-ра Деметріуса и проговорилъ:

— Вотъ счастье-то привалило парижскому Джэку!

Товарищъ его засмѣялся, и карета отъѣхала.

Обрэ проводилъ свою мать, а самъ хотѣлъ идти пѣшкомъ въ Жерминъ-Стритъ. У выхода онъ встрѣтился съ Аделью Реккитъ, сѣдой американской поэтессой, съ которой обѣдалъ рядомъ на празднествѣ лэди Сэнтъ-Орминъ въ Ипсомѣ. Она остановила его, посмотрѣла на него съ состраданіемъ,—но въ этомъ состраданіи было столько искренности и сердечности, при полномъ отсутствіи любопытства, что оно нисколько не обидѣло Обрэ,—и ласково сказала:

— Не правда ли, вѣдь на знаменитомъ изумрудѣ вырѣзаны три фигуры?

— Да,—отвѣчалъ онъ съ удивленіемъ.

— Душа и двѣ аллегорическія фигуры наслажденія?

— Да.

— Только двѣ,—сказала она.—Помните это. Наслажденія умираютъ, но душа переживаетъ ихъ.

Она исчезла въ толпѣ, но слова ея остались съ Обрэ. Ему казалось, что онъ опять держитъ въ своихъ объятіяхъ Кэриль, снова чувствуетъ, что она не болѣе, какъ мечтательница, и что онъ одинъ имѣетъ власть пробудить ее отъ ея сна къ истинному пониманію, къ истинной и прекрасной жизни. Одно наслажденіе прошло и скрылось въ тѣни. Идя домой и глядя на звѣздное небо, Обрэ, этотъ настоящій, вѣчный мечтатель, снова отдался своимъ мечтамъ. Ему представлялся нѣжный свѣтъ вечерней зари, боровшійся и трепетавшій въ объятіяхъ сурового зимняго неба. Онъ прислушивался, и все еще вѣрилъ, что слышитъ внутренній голосъ, шептавшій въ душѣ, увлеченной наслажденіями.

П. С.

Digitized by Google

НИЦШЕАНСТВО

и

ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ И СОЦІАЛЬНЫМЪ ТЕОРІЯМЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА.

I.

„Магистраль всемірной исторіи пришла къ концу",—говорилъ умирающій Вл. С. Соловьевъ князю С. Н. Трубецкому. Для такого чистѣйшаго идеалиста и идеолога, какимъ всегда былъ и остался до конца покойный философъ, понятіе: „исторія" и понятіе: „идеалы" — совпадали; онъ, впрочемъ, и пояснилъ тотчасъ же свою мысль, упомянувъ, что „идеаловъ нѣтъ, христіанство (теперь) существуетъ только по имени". И въ буквальной, и въ переносной редакціи фраза Соловьева нуждается, конечно, въ оговоркахъ. Что касается до прекращенія „всемірной исторіи", то здѣсь человѣчески-понятенъ такой, напримѣръ, случай, какъ всегда возможный космическій катаклизмъ, въ родѣ ожидавшагося въ 30-хъ гг. XIX вѣка столкновенія земли съ кометой Біэлой (ожиданіе это, между прочимъ, увѣковѣчено въ замѣчательномъ стихотвореніи Беранже); но для Вл. Соловьева всемірная исторія „пришла къ концу" вслѣдствіе другого, моральнаго катаклизма,—вслѣдствіе исчезновенія идеаловъ. Конечно, и въ такомъ смыслѣ, слова Соловьева не совсѣмъ точно передаютъ его мысль: исторія знаетъ лишь временныя, но не вѣчныя категоріи, и, предположивъ даже правильность воззрѣнія Соловьева на современную эпоху, мы этимъ вовсе не докажемъ, что современ-

Digitized by Google

ная эпоха вѣчна. Но здѣсь насъ интересуетъ другое обстоятельство: чѣмъ былъ вызванъ этотъ совершенно безнадежный пессимизмъ покойнаго мыслителя? Должны же быть на лицо достаточно вѣскія причины, чтобы заставить его сказать: „магистраль всемірной исторіи пришла къ концу", и чтобы тысячи и тысячи людей на разные лады, въ разныхъ формахъ, на разныхъ языкахъ повторяли ту же мысль (даже ничего не зная о Соловьевѣ).

Причины *общественнаго* пессимизма могутъ проистекать непосредственно отъ обстоятельствъ характера матеріальнаго,—и могутъ также быть плодомъ болѣе сложныхъ, производныхъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ условій. Приведемъ примѣры, иллюстрирующіе сказанное. Въ первой половинѣ XIX вѣка въ Италіи жилъ и писалъ Джакомо Леопарди, поэтъ глубоко-пессимистичный; и жизнь, и произведенія его отвѣчаютъ намъ вполнѣ ясно на вопросъ о причинѣ его пессимизма: патріотъ и впечатлительный писатель, Леопарди долженъ былъ всѣ тридцать девять лѣтъ своей короткой жизни провести въ томъ душномъ меттерниховскомъ казематѣ, какимъ представлялась его уму тогдашняя Италія; здѣсь матеріальный фактъ чужеземнаго владычества прямо и непосредственно вымучивалъ изъ души поэта скорбныя пѣсни. Далѣе,—политическая философія Гоббеса носитъ явственный отпечатокъ пессимизма и мизантропіи, но эти чувства также весьма доказательно можно вывести изъ непосредственно окружавшихъ Гоббеса обстоятельствъ, хотя бы изъ впечатлѣній тѣхъ грубыхъ насилій, которыя творились всѣми безъ исключенія боровшимися за власть партіями. Но не таковъ общественный пессимизмъ переживаемаго Европою историческаго момента: онъ носитъ характеръ явленія производнаго, сложнаго. Въ самомъ дѣлѣ: обратимся къ мыслителю, фразою котораго мы начали эту работу. Извѣстно, какъ горько и болѣзненно отозвались въ душѣ покойнаго философа тѣ гнусности и злодѣйства европейцевъ, которыя вызвали отпоръ Китая въ 1900 году,—отпоръ, плохо разсчитанный, но тѣмъ болѣе варварскій. Но будто все это ново, будто превосходно знавшій исторію Соловьевъ не могъ бы припомнить множество явленій того же порядка? Европейцы и въ Китаѣ, и въ Африкѣ, и въ другихъ мѣстахъ, въ томъ же XIX столѣтіи, систематически отравляли опіумомъ, засѣкали плетьми, вѣшали, коптили дымомъ въ пещерахъ, терзали и истребляли всякими (обыкновенно, квалифицированными) способами всѣхъ, не имѣвшихъ достаточно силы имъ противиться.— Съ горечью останавливаются пессимисты и надъ злодѣйствами Англіи въ Трансваалѣ, надъ насиліями, которыя чинятся дер-

Digitized by Google

жавами Стараго и Новаго свѣта по отношенію къ болѣе слабымъ національностямъ, даже надъ тѣмъ отталкивающимъ—несмотря на весь свой комизмъ—лицемѣріемъ, съ которымъ одни насильники негодуютъ на другихъ насильниковъ по поводу попранной справедливости и иныхъ благородныхъ мотивовъ.—Но и насилія, и тартюфство, и откровенность въ пользованіи своимъ физическимъ и политическимъ превосходствомъ,—все это составляетъ главное (если не единственное) содержаніе исторіи международныхъ отношеній во всѣ вѣка и подъ всѣми географическими широтами; въ этихъ явленіяхъ нѣтъ ровно ничего характернаго именно для конца XIX и начала XX столѣтій: наша эпоха въ этой области чрезвычайно неоригинальна. Значитъ,—не здѣсь коренится источникъ современнаго общественнаго пессимизма, несмотря на то, что международныя злодѣянія по основнымъ, техническимъ, такъ сказать, причинамъ, обыкновенно бываютъ эффектнѣе всякихъ иныхъ и часто болѣе способны привлекать къ себѣ общее вниманіе.

Факты подтверждаютъ довольно краснорѣчиво, что не изъ явленій отмѣченной категоріи родится общественный пессимизмъ: можно ли указать болѣе жизнерадостное настроеніе, нежели то, которое было у Лафайета и его спутниковъ, когда они возвращались на родину послѣ войны сѣверо-американскихъ колоній за независимость? А между тѣмъ они отлично знали, что по новосозданнымъ (при ихъ дѣятельной помощи) американскимъ порядкамъ сотни тысячъ негровъ окончательно и безповоротно попадаютъ въ самую безграничную рабскую зависимость, какую только можно себѣ вообразить; что отнынѣ плантаторы уже по закону будутъ имѣть право дѣлать тѣ звѣрства, которыя раньше происходили, все-таки, до извѣстной степени въ скромныхъ потемкахъ. И однако люди, оставлявшіе многія тысячи себѣ подобныхъ на терзанія и потѣху американскимъ Румянцовымъ и Салтычихамъ,—знавшіе это превосходно и нимало этимъ не смущавшіеся,—искренно считали себя борцами за прогрессъ, вѣрили въ прогрессъ и были политическими оптимистами самой чистой воды. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, являющійся такимъ же оптимистомъ, говорившій о своемъ времени: „es ist eine Lust zu leben“,—былъ прекрасно освѣдомленъ и относительно хищнической политики всѣхъ безъ исключенія современныхъ ему странъ, ихъ алчности, взаимнаго подкарауливанья и грабежа, наконецъ относительно страшныхъ дѣяній Кортеса въ Мексикѣ, дѣяній, леденившихъ даже мало щепетильную душу средняго европейца XVI вѣка,—а Ульрихъ фонъ-Гуттенъ былъ несравненно выше

Digitized by Google

средняго уровня, и по впечатлительности и благородству врядъ ли уступилъ бы многимъ нашимъ современникамъ. И все-таки онъ признавалъ, что „удовольствіемъ становится жить", а не умереть, не погрузиться въ нирвану.—Обращаясь къ русской исторіи, остановимся хотя бы на поколѣніи конца царствованія Александра I. Эти люди, переживавшіе дѣйствія меттерниховской реакціи, аракчеевщины, нарушенія и отрицанія примитивнѣйшихъ правъ народовъ на самоопредѣленіе и самостоятельное развитіе,—эти современники и однокашники Пушкина, Бестужева, и т. д., были такъ же далеки отъ пессимизма и упадка духа, какъ тотъ пилигримъ въ восточномъ преданіи, которому все казалось, что невидимый перстъ ведетъ его чрезъ солончаки, горы и пропасти въ Мекку, и который даже умеръ отъ страшной усталости, но умеръ съ улыбкою, продолжая ощущать невидимый перстъ.

Если общественный пессимизмъ, какъ широко распространенное явленіе, не рождается отъ совершенія международной неправды, то еще доказательнѣе можно также утверждать, что не зависитъ его широкое распространеніе только отъ однихъ внутреннихъ политико-соціальныхъ золъ, отъ тѣхъ золъ, которыя непосредственно окружаютъ человѣка. Много ли послѣдователей пріобрѣлъ, — чтобы не называть новыхъ именъ,—хоть тотъ же Леопарди, который не находилъ для мыслящихъ и чувствующихъ людей своего времени ничего лучшаго, кромѣ отчаянія и смерти? Къ нему ли шла молодежь,—или къ Маццини, къ Бандьера,—у которыхъ и ученіе, и настроеніе были полны надежды на успѣшность борьбы, на отвоеваніе лучшаго будущаго? Много ли послѣдователей нашелъ въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ гг. XIX вѣка самый глубокій и яркій пессимистъ, какой только явился въ мірѣ со временъ Будды? Никто его не зналъ, и знать не хотѣлъ,—и самое имя Шопенгауэра было въ современной ему Европѣ гораздо менѣе извѣстно, нежели имена третьестепенныхъ гегельянцевъ, проживавшихъ въ Готѣ, Геттингенѣ и, какъ выражается Герценъ, „въ другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ гегельянской философіи".

Общественнаго пессимизма въ мало-мальски значительныхъ размѣрахъ не существовало ни въ до-реформенной Россіи, ни въ Англіи временъ введенія машиннаго производства, ни во Франціи эпохи безконечныхъ голодовокъ и lettres de cachet, ни въ Германіи до-революціоннаго періода; безобразія административнаго и всякаго иного самоуправства, гнетущія впечатлѣнія неутолимыхъ страданій трудящейся массы, юридическое или эко-

Digitized by Google

номическое (а иногда то и другое вмѣстѣ) рабство большинства народонаселенія—всего этого оказывалось недостаточно, чтобы сломить трудно искоренимый оптимизмъ и жизнерадостность тѣхъ интеллектуальныхъ пластовъ, которые носятъ названіе „передового, прогрессивнаго“ общества. Требовалось еще одно условіе,—и условіе главное: сознаніе безнадежности активной борьбы за лучшее будущее,—и этого-то условія въ указанныя эпохи не было. Интеллектуальные пласты европейскихъ націй всегда жили ускореннымъ темпомъ умственной жизни: „теоретическое переживаніе“ матеріальныхъ бѣдствій большинства было, конечно, не столь болѣзненно, какъ практическое,—и не препятствовало самымъ смѣлымъ и свободнымъ паренiямъ соціальной и политической мысли; идеалы создавались стройные, твердые, мірообъемлющіе, а соотношенія общественныхъ слоевъ подавали явственную надежду на близость борьбы и вѣроятность побѣды. Для общественнаго настроенія вѣра—или отсутствіе вѣры—въ будущее еще важнѣе положительныхъ или отрицательныхъ чертъ настоящаго. Общественный пессимизмъ переживаемаго западною Европою момента коренится не непосредственно въ фактахъ и впечатлѣніяхъ всеобщаго, международнаго звѣрства и не въ соціальныхъ нестроеніяхъ. Что касается до послѣднихъ, то они теперь, въ общемъ, вовсе не такъ рѣзки, какъ бывали въ прежнія времена: интересы труда, обезпеченность личности—все это въ западной Европѣ находится далеко не въ безотрадномъ положеніи, и ужъ, во всякомъ случаѣ, въ положеніи несравненно лучшемъ, нежели въ любую эпоху прошлаго. И если интеллектуальная и моральная растерянность въ современномъ европейскомъ обществѣ есть фактъ вовсе не единичный, если общественный пессимизмъ ширится и ростетъ, если о жизнерадостности настроенія нѣтъ и помину нигдѣ, ни даже въ „авангардныхъ“ партіяхъ и фракціяхъ, то всѣ эти явленія объясняются, какъ намъ кажется, не злодѣяніями Европы въ Китаѣ, не истязаніями трансваальскихъ женщинъ, не дефектами общественнаго строя,—словомъ, не тѣми обстоятельствами, которыя стары, какъ міръ, и не прекращались никогда на памяти исторіи,—но кое-чѣмъ новымъ, чего раньше не бывало (или, по крайней мѣрѣ, очень ужъ давно не бывало): отсутствіемъ видимаго выхода, избавленія хоть въ будущемъ отъ всѣхъ этихъ гнетущихъ впечатлѣній—и тягостнымъ сознаніемъ почти полнаго безсилія и безнадежности борьбы.

Не идеалы потерпѣли крушеніе: идеалы, провозглашенные и провозглашаемые со временъ Евангелія лучшими представи-

Digitized by Google

телями человѣчества, не померкли нисколько; крушеніе потерпѣла надежда когда бы то ни было ихъ осуществить, сколько-нибудь замѣтно къ нимъ приблизиться. Будущее заслонено предъ умственнымъ взоромъ всегда, но люди тоже всегда дѣлали попытки хоть однимъ глазкомъ туда заглянуть, а болѣе смѣлые—пытались даже совсѣмъ отдернуть занавѣсъ — и предлагали „схему будущаго" на двадцать пять, пятьдесятъ, сто лѣтъ впередъ. Теперь—попытокъ такихъ нѣтъ, схемы разбиты въ дребезги, новыя не предпринимаются: нѣтъ „плана кампаніи" противъ гнетущихъ впечатлѣній момента. Но,—что̀ еще могущественнѣе по моральному своему дѣйствію,—обрѣтено сознаніе и полнаго безсилія, фактической невозможности подобной кампаніи. Совсѣмъ не углубляясь здѣсь въ этотъ вопросъ,—отмѣтимъ лишь, что справедливое или неправильное сознаніе это есть господствующая черта конца XIX и начала XX вв. Вообще, вопросъ о тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ дѣйствительности является насущнымъ для пониманія настроенія и всей умственной жизни общественныхъ слоевъ,—и, говоря объ „авангардныхъ" фракціяхъ, всегда, по существу своему, наклонныхъ скорѣе къ преувеличенному оптимизму,—мы неминуемо должны принять выводъ: эти фракціи потеряли жизнерадостность вмѣстѣ съ потерею вѣры въ свою схему будущаго и, особенно, вмѣстѣ съ утратою прежняго оптимистичнаго взгляда относительно легкости сокрушенія враждебной и отталкивающей дѣйствительности. Такова была психологическая почва, психологическое состояніе весьма значительныхъ круговъ европейскаго общества, когда въ Германіи появился Фридрихъ Ницше; такою эта почва остается и теперь, когда вліяніе его популяризуется и ростетъ. Въ чемъ же разгадка этого изъ ряду вонъ выходящаго вліянія, этой захватывающей силы умственнаго порабощенія и владычества?

II.

Когда генералъ Гастонъ Галлифэ съ присущею ему „энергіей" усмирялъ коммуну, то онъ между многими прочими велѣлъ разстрѣлять и одного 13-лѣтняго мальчика, взятаго по подозрѣнію въ неблагонадежности. Какимъ-то чудомъ, послѣ града солдатскихъ пуль, ребенокъ не умеръ и его уже не добили, а израненнаго потащили въ тюремный лазаретъ. Долго потомъ парижскія дамы ѣздили смотрѣть на него,—и мальчикъ получилъ въ салонахъ и газетахъ того времени характерное названіе:

Digitized by Google

„fusillé parlant", — и ужъ, конечно, проживи ребенокъ дольше,— ни одинъ историкъ „майской недѣли", усмиренія 1871 года, не лишилъ бы себя свиданія и разговора съ этимъ живымъ памятникомъ минувшаго. Пишущему эти строки, при мысли о Ницше, всегда вспоминается этотъ несчастный „fusillé parlant". Историческая дѣйствительность въ значительной мѣрѣ сдѣлала Ницше тѣмъ, чѣмъ мы его знаемъ; роковыя, слѣпыя, безпрерывно зиждущія и безпрерывно разрушающія силы историческаго процесса захватили, покорили его, дали содержаніе его идеямъ и чувствамъ,—и онѣ же, въ еще большей мѣрѣ, создали ему учениковъ, послѣдователей, поклонниковъ и сектантовъ. Для будущаго историка европейскаго общества Ницше будетъ еще больше необходимъ при разрѣшеніи вопроса о чувствахъ и мысляхъ современнаго общества, нежели былъ бы необходимъ „fusillé parlant" для характеристики майской недѣли. Ницше былъ израненъ и истерзанъ дѣйствительностью, и думалъ, что онъ выше ея, что онъ—самый свободный человѣкъ на землѣ, а на самомъ дѣлѣ онъ смирился предъ нею, сталъ послушнымъ, порабощеннымъ апологетомъ наиболѣе важныхъ ея элементовъ. Слова: „послушный, порабощенный"—покажутся, быть можетъ, неподходящими и неумѣстными, когда рѣчь идетъ о философѣ, такъ высокомѣрно всегда настаивавшемъ на своей независимости, свободѣ, на своемъ гордомъ одиночествѣ, — но все послѣдующее изложеніе стремится вскрыть реальную сущность общественныхъ и этическихъ воззрѣній Ницше и опредѣлить, въ чемъ состояло истинное значеніе совершенно несомнѣнной его „независимости", свободы и столь же несомнѣннаго гордаго одиночества: быть можетъ, намъ и удастся показать, что вышеприведенные эпитеты не такъ ужъ ошибочны, какъ они съ перваго взгляда могутъ показаться.

Сущность вопроса заключается въ слѣдующемъ. Съ тѣхъ поръ какъ общественные взгляды людей стали достояніемъ письменности, т.-е. со временъ глубокой древности, вся политическая литература можетъ быть раздѣлена на два главныхъ, основныхъ, принципіально и несогласимо-различныхъ теченія: одно стремится консолидировать, другое—разрушить тотъ общественный строй, на почвѣ котораго возникаетъ. Цѣлый рядъ послѣдовательныхъ звеньевъ, цѣлая градація оттѣнковъ, цѣлая гамма тоновъ—отдѣляютъ эти два основныя теченія и служатъ переходомъ отъ одного къ другому,—но въ каждомъ изъ этихъ оттѣнковъ и тоновъ можно всегда почти установить, къ какому изъ главныхъ крайнихъ теченій онъ ближе. Когда въ безсмертной сценѣ у Гомера Терситъ

Digitized by Google

въ умной и страстной рѣчи укоряетъ Агамемнона въ тщеславіи, въ забвеніи интересовъ народа, когда изъ его устъ льется призывъ окончить изнурительную осаду Трои и вернуться домой,— Одиссей не находитъ для оратора другого опровержения, кромѣ побоевъ,—и бьетъ Терсита при полномъ и явномъ сочувствіи рапсода. Это — первая, классически-отчетливая картина сшибки двухъ міровоззрѣній, и глубоко-характерно, что такая сшибка происходитъ именно на почвѣ оппозиціи народнаго оратора— своего рода „военному законопроекту“ правительства. Рапсодъ, явно стоящій на сторонѣ Агамемнона, не усомнился, насколько было въ его силахъ, очернить и осмѣять Терсита: онъ сдѣлалъ его и физическимъ, и нравственнымъ уродомъ, и передалъ вѣкамъ опозоренное его имя; и еслибы у Шиллера было нѣсколько меньше благоговѣйной довѣрчивости къ Гомеровскому приговору, еслибы онъ обратилъ больше вниманія на неподражаемую въ художественномъ смыслѣ картину Терситовскаго протеста, нежели на моральную его оцѣнку авторомъ этой картины,—тогда, быть можетъ, человѣкъ, написавшій „Разбойниковъ“ и „Донъ-Карлоса“, и не противоположилъ бы съ такимъ презрѣніемъ Терсита герою-Патроклу. Одинокій, несчастный горбунъ, безъ роду, безъ племени, рядовой изъ греческаго полчища, осмѣлился, во имя интересовъ своихъ товарищей, открыто выступить на собраніи противъ „пастыря народовъ“ и окружавшаго его синклита царей и героевъ,—не получилъ ни откуда ни малѣйшей поддержки, былъ избитъ палкою и затерялся въ рядахъ. Такова первая литературно изображенная исторія столкновенія носителей политической власти и ихъ антагонистовъ. Съ тѣхъ поръ на фонѣ политической исторіографіи и литературы не перестаютъ въ различныхъ сочетаніяхъ и положеніяхъ изображаться представители указанныхъ теченій,—и сравнительно-умѣренные дѣятели оппозиціи (въ родѣ Терсита), и революціонеры, и консерваторы;—но первый вопросъ, на который необходимо долженъ отвѣтить всякій историкъ, изображающій представителей политическихъ воззрѣній, можетъ быть формулированъ такъ: къ какому изъ крайнихъ двухъ направленій стоялъ ближе описываемый дѣятель—къ строго-революціонному или строго-охранительному? Другими словами: что въ глазахъ его перевѣшивало, что, по его мнѣнію, было существеннѣе,— недостатки ли современнаго общественно-политическаго уклада или его достоинства? На что охотнѣе согласился бы онъ въ случаѣ абсолютной невозможности провести предлагаемыя имъ поправки общественнаго зданія: на совершенную, радикальную его перестройку или на полнѣйшее сохраненіе его въ не-

Digitized by Google

прикосновенности? Этотъ чрезвычайно существенный съ точки зрѣнія историка вопросъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ разрѣшимъ, либо съ полною точностью,—на основаніи прямыхъ заявленій изображаемаго героя,—либо гипотетически, съ большею или меньшею вѣроятностью, на основаніи соображеній психологическаго характера. Когда знаменитый натуралистъ Гексли, признававшій весьма много дефектовъ въ соціальномъ строѣ XIX столѣтія, написалъ статью подъ названіемъ: „Соціальныя болѣзни и еще худшія лекарства“ [1]), то онъ этимъ далъ прямое указаніе, къ какому полюсу ближе его воззрѣнія; когда Ройе-Колларъ громилъ законы противъ свободы прессы и, вообще, всѣ проявленія реакціи въ эпоху Карла X,—можно было и безъ прямыхъ указаній, основываясь исключительно на соображеніяхъ психологической категоріи, отвѣтить на вопросъ,—къ кому Ройе-Колларъ окажется ближе, несмотря на всю свою умѣренность, въ рѣшительный моментъ: къ правительству Полиньяка или къ революціонерамъ.

Такъ или иначе, но лишь отвѣтивши себѣ на этотъ коренной вопросъ, выяснивши близость дѣятеля къ одному изъ политическихъ полюсовъ,—можно разсчитывать на правильное пониманіе его воззрѣній. Мы говоримъ о близости теоретической, ибо цѣлый рядъ побочныхъ условій, черты темперамента и пр., могутъ обусловить поведеніе изображаемаго лица въ томъ или иномъ случаѣ. Эразмъ Роттердамскій, несомнѣнно, торжествовалъ бы при полномъ и безповоротномъ крушеніи католицизма,—и столь же несомнѣнно не принялъ бы ровно никакого участія въ практическихъ дѣйствіяхъ по этому поводу;—тѣмъ не менѣе взгляды его были безусловно близки къ полюсу революціонному, но не охранительному. Аракчеевъ, разумѣется, стоялъ всецѣло за нерушимую цѣльность всѣхъ порядковъ своего времени,—и однако, въ случаѣ необходимости борьбы за нихъ, убѣжалъ бы въ безопасный пріютъ,—какъ онъ убѣжалъ отъ бородинской битвы, какъ онъ убѣжалъ потомъ отъ бунта военныхъ поселеній; тѣмъ не менѣе, то, что можно назвать его „убѣжденіями“, носило окраску охранительную, а не революціонную. Словомъ,—моральный характеръ и темпераментъ историческаго дѣятеля или публициста, по необходимости, долженъ быть снятъ со счетовъ, въ цѣляхъ большей ясности, если желательно выяснить природу его *теоретическихъ воззрѣній*, а не практическихъ шаговъ.

Итакъ, главнымъ, характернымъ признакомъ всякихъ обще-

[1]) „Social diseases and worse remedies“.

Digitized by Google

ственныхъ воззрѣній является отношеніе къ *дѣйствительности въ ея цѣломъ*,—къ вопросу объ ея сохраненіи или уничтоженіи. Посмотрѣвши съ этой точки зрѣнія на политическую и соціальную исторію человѣчества, мы замѣтимъ слѣдующую небезъинтересную черту: классы (и идейные ихъ представители), отстаивающіе данный строй, всегда и вездѣ считаютъ непремѣннымъ долгомъ своимъ прикрывать дѣйствительные мотивы своихъ дѣйствій соображеніями, такъ сказать, высшаго, внѣ-классового порядка: общенаціональною пользою и пр. Точно также и классы, борющіеся противъ даннаго соціальнаго уклада, не забываютъ (и не забывали никогда) поставить на видъ, что они дѣйствуютъ во имя не своихъ только интересовъ, но общечеловѣческой солидарности, братства и т. д. Патриціанская аристократія Рима, оборонявшая современный ей строй, французская жакерія XIV вѣка, пытавшаяся разрушить окружающій порядокъ вещей,—буржуазія конца XVIII вѣка, оправдывавшая революцію интересами человѣчества, та же буржуазія XIX вѣка, объяснявшая кровавыя гекатомбы 1871 года необходимостью спасти цивилизацію [1]), и т. д., и т. д., — эти явленія, при всемъ ихъ разнообразіи—одного порядка,—и всѣ они показываютъ, до какой степени однообразна массовая психологія и какъ свойственъ большимъ политическимъ фракціямъ автогипнозъ, самообманъ—въ громадномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ искренній.

Но среди всякихъ политическихъ теченій, между всевозможными партійными оттѣнками,—попадаются отдѣльные индивидуумы, въ силу наклонностей своего ума, своего темперамента, въ силу, наконецъ, преобладанія исключительно интеллектуальныхъ и моральныхъ мотивовъ стремящіеся bona fide къ „общечеловѣческому“, а не классовому счастью, желающіе такъ или иначе стать къ окружающей дѣйствительности въ безусловно-ясныя и точныя отношенія. Почти всегда, вслѣдствіе самаго существа дѣла, отношенія эти формируются такъ, что данное лицо оказывается въ одной изъ полярныхъ партій; но случаются, иногда, инциденты чрезвычайные, если можно такъ выразиться, неожиданные, оставляющіе иногда въ исторіи культуры рѣзкій и глубокій слѣдъ.

Фридрихъ Ницше, человѣкъ огромнаго и лихорадочно работающаго ума и ненормальной, ни съ чѣмъ несоизмѣримой гордости, приступилъ къ анализу германской,—говоря шире—европейской дѣйствительности въ первые годы послѣ франко-прусской

[1]) Подлинныя слова Тьера.

Digitized by Google

войны,—а въ 1888 году страшная болѣзнь уже навсегда прервала его дѣятельность. Слѣдовательно, семидесятые и восьмидесятые годы XIX вѣка—вотъ непосредственная, живая исторія, протекавшая у него предъ глазами. Для человѣка гордости фантастической, необъятной, угрюмой и ожесточенной,—для человѣка, сказавшаго: „боговъ нѣтъ, ибо еслибъ они были, то я былъ бы богомъ“,—для такого человѣка мыслимо было лишь одно изъ двухъ—либо „испепелить“ дѣйствительность [1]), либо предъ нею совершенно, беззавѣтно преклониться. Не то, чтобы Ницше ставилъ себѣ какіе-нибудь широкіе, неосуществимые общественные идеалы: этого не было,—было, повторяемъ, лишь чувство гордости (быть можетъ, потому кажущееся ненормальнымъ, что исторія отъ него отъучила); было желаніе выпрямиться во весь ростъ; было стремленіе стряхнуть съ себя бремя гипертрофированной сознательности; было, наконецъ, влеченіе—или заглушить долетающіе до ушей стоны, или сдѣлать ихъ немыслимыми,—потому что пока они терзали его слухъ, до той поры и гордость страдала, и выпрямиться нельзя было,—и душевное равновѣсіе не приходило.

III.

Громадный умъ, безустанно анализирующій, работающій съ сумасшедшей быстротой, умъ художника, возсоздающій по намеку, по обрывку факта цѣлыя картины,—таковъ былъ аппаратъ, съ которымъ базельскій профессоръ, оторвавшись отъ филологическихъ занятій, приступилъ къ изученію и совершенію дѣйствительности. Онъ видѣлъ людей, которые пытались съ нею вести частную и общую войну,—и хотя даже враги ихъ относились къ нимъ справедливѣе, нежели Агамемнонъ въ Терситу, тѣмъ не менѣе борьба ихъ—mutatis mutandis—была почти такъ же безплодна; онъ видѣлъ одиновихъ, разбросанныхъ, гонимыхъ, очень стойкихъ, очень самоотверженныхъ, очень озлобленныхъ и очень безсильныхъ дѣятелей, которые много, горячо и рѣзко говорили о своемъ могуществѣ, но съ которыми дѣйствительность позволяла себѣ дѣлать, что̀ угодно; такъ обстояло дѣло вокругъ него,—въ непосредственной близости,—а съ запада еще несся смрадъ труповъ, пожаровъ и разстрѣливаній, еще звенѣли въ ушахъ

[1]) Слова Ницше о себѣ: „Licht wird alles, was ich fasse; Kohle—alles, was ich lasse, Flamme bin ich sicherlich“.

Digitized by Google

звуки оргій бѣшенства, мщенія и издѣвательствъ,—еще не успѣли причалить къ австралійскимъ островамъ всѣ пароходы съ бритыми и закованными каторжниками. Ницше отвернулся отъ побѣжденныхъ. Ждать онъ не былъ созданъ и не умѣлъ, а оптимистическіе прогнозы его не привлекали. Онъ взглянулъ тогда на другой полюсъ,—и вотъ тутъ-то и началась трагедія его жизни. Дѣйствительность стояла какъ недвижимая, несокрушимая гранитная гора; она никогда еще на памяти исторіи не была такъ крѣпка и устойчива, никогда не удовлетворяла столь многихъ, никогда не обладала такою физическою и моральною мощью, какъ именно въ этотъ періодъ. Но просто покориться ей, закрыть глаза на кровавыя ея раны, примириться съ нею, какъ мирятся и мирились многіе,—онъ не могъ: ему нужна была не находка, а побѣда, не простое успокоеніе, но то благоговѣйное общее молчаніе, которое царитъ въ скандинавскихъ сагахъ вокругъ Одина; онъ долженъ былъ доказать себѣ и другимъ, что имѣетъ право быть гордымъ, что рабъ—не онъ, преклонившійся предъ дѣйствительностью,—но всякій, кто не захочетъ преклониться предъ главнымъ ея элементомъ—эгоизмомъ, кто посмѣетъ сказать ему, Ницше: „ты не имѣешь основаній гордиться своимъ спокойствіемъ!“ Не отдѣльные, одинокіе голоса современниковъ говорили это Ницше и требовали отъ него опроверженій, но почти вся этическая и религіозная литература старыхъ и новыхъ временъ, весь строй воззрѣній и правилъ, если и не исполняющихся на дѣлѣ, то властвующихъ въ теоретической области,—всѣ моральныя аксіомы, кажущіяся непререкаемыми въ глазахъ даже тѣхъ людей, которые всю жизнь нарушаютъ ихъ своими поступками. Милосердіе, жалость къ страданіямъ, истинное значеніе „доброты“ и „злобы“—всѣ эти чувства и понятія, служащія базисомъ моральнымъ и этико-религіознымъ системамъ,—показались Ницше цѣнностями, требующими переоцѣнки. Вся его умственная энергія обратилась на эту работу,—и все негодованіе желающаго выпрямиться, гордаго и неукротимаго человѣка обрушилось не на пригнетавшія его реальности, а на идеалистическія и, вообще, теоретическія построенія и условности, которыя—худо ли, хорошо ли—противъ этихъ реальностей протестовали. Эта ярость и страсть обусловились еще и тѣмъ, что Ницше считалъ названныя построенія и условности чѣмъ-то могущественнымъ, способнымъ вести часто побѣдоносную борьбу съ инстинктами, чѣмъ-то *заслуживающимъ* самаго упорнаго натиска, самой сосредоточенной и напряженной вражды.

Съ Ницше случилось то же, что̀ много разъ случалось съ

Digitized by Google

людьми и бо́льшаго, и мѐньшаго умственнаго калибра,—если только они, проведя долгіе годы въ научной, теоретической области, не успѣвали отдѣлаться отъ преувеличеннаго понятія о могуществѣ и значительности отвлеченныхъ доктринъ. Началъ Ницше съ противопоставленія жизни и морали [1]),—а продолжалъ и окончилъ такою страстною защитою „жизни“ отъ „морали“, какъ еслибы онъ писалъ въ вѣкъ безпредѣльнаго и всеобщаго торжества аскетизма, а не въ послѣдней четверти XIX столѣтія. Себя ли онъ хотѣлъ убѣдить окончательно, или въ самомъ дѣлѣ отводилъ этическимъ построеніямъ и моральнымъ условностямъ чрезвычайно громадную роль,—но всѣ его произведенія остались отмѣченными одною чертою, и чертою любопытною... Если представить себѣ, напримѣръ, что всѣ источники по исторіи Римской имперіи въ I вѣкѣ нашей эры (и безъ того скудные) какимъ-нибудь путемъ пропали, за вычетомъ посланій св. Павла, свѣдѣній о его проповѣди и путешествіяхъ,—какъ бы мы должны были представить себѣ тогдашній міръ, основываясь на этомъ единственномъ источникѣ? Конечно, какъ одну, почти сплошную христіанскую общину, въ которой только, къ сожалѣнію, въ разныхъ мѣстахъ происходятъ внутренніе раздоры, несогласія, религіозныя броженія, касающіяся частностей іудейства и христіанства; а что и христіане, и іудеи, и всѣ эти полемисты, вмѣстѣ взятые, составляли тогда лишь каплю въ языческомъ морѣ, что рядомъ съ ними (и почти ничего о нихъ не зная) кипѣла и волновалась совсѣмъ другая жизнь, полная другихъ интересовъ, другихъ красокъ и звуковъ,—объ этомъ всемъ надлежащаго понятія мы не получили бы. Поглощенный интересами религіозной интерпретаціи, единства и укрѣпленія христіанства,—Павелъ приходилъ въ Аѳины—и видѣлъ въ нихъ лишь маленькую кучку сомнѣвающихся прозелитовъ; приходилъ въ Милетъ, Цезарею, Коринѳъ, Галатію,—и не замѣчалъ ни странъ, ни городовъ этихъ, ни ихъ населенія,—а замѣчалъ лишь немногихъ, сбитыхъ въ маленькую группу послѣдователей новой религіи; съ ними онъ спорилъ, ихъ убѣждалъ, на нихъ раздражался,—къ нимъ и о нихъ писалъ посланія. Точно также, еслибы будущій историкъ европейской культуры не имѣлъ понятія о всѣхъ фактахъ и дѣяніяхъ, совершенныхъ въ XIX вѣкѣ огромными человѣческими массами и ихъ уполномоченными и

[1]) Въ „Geburt der Tragödie“: „Moral ist Täuschung, Schein, Wahn, Irrthum, Ausdeutung, Zurechtmachung, Kunst“. И еще яснѣе: „das Leben ist etwas essentiell unmoralisches“.

Digitized by Google

одобряемыми представителями, еслибы объ общемъ характерѣ соціальной и политической жизни земного шара въ названный періодъ необходимо было судить исключительно по сочиненіямъ Ницше,—получилась бы слѣдующая картина, слѣдующая характеристика: „въ XIX вѣкѣ человѣчество было угнетаемо весьма сильнымъ и никогда прежде не случавшимся недугомъ—повышенною чувствительностью, гипертрофированною совѣстливостью, болѣзненною чуткостью къ чужимъ страданіямъ. Благородная и деликатная болѣзнь эта угнетала въ одинаково сильной степени и Англію, и Германію, и Францію, и иныя страны, и распространялась, преимущественно, въ высшихъ, правящихъ сферахъ общества, хотя не щадила и низшихъ. Наконецъ, эта постоянная общая моральная придавленность, этотъ вѣчно понуренный, согбенный—предъ тяжкими запросами совѣсти—видъ, заставили одинокаго мыслителя—Ницше—возвысить свой голосъ противъ крайностей нравственной впечатлительности, обуявшей его современниковъ, и побудили его подчеркнуть забытое, презираемое и безсильное значеніе инстинктовъ для нормальной жизни; представляя естественную реакцію противъ указаннаго недуга,—Ницше не избѣжалъ, въ свою очередь, догматизма, преувеличеній и пр.“. Предоставляемъ читателямъ судить, насколько вѣрна была бы подобная характеристика нашего времени,—характеристика, вытекающая, однако, изъ логическаго анализа произведеній Ницше,—если смотрѣть на нихъ какъ на единственный историческій источникъ. Подобно апостолу Павлу, обращавшемуся только къ маленькой христіанской общинѣ, Ницше обращался исключительно къ не особенно большой категоріи людей, которые, *дѣйствительно*, придерживаются идеалистической этики, и, *дѣйствительно*, считаютъ необходимымъ подчинять моральнымъ построеніямъ—свои инстинкты. Разница лишь та, что Павелъ направлялъ всѣ усилія на дѣло *закрѣпленія* и упроченія христіанства, а Ницше—на дѣло *уничтоженія* моральныхъ концепцій, владѣвшихъ умами и сердцами маленькой группы, къ которой онъ обращался; но оба эти человѣка волновались и горячились только изъ-за своихъ адрессатовъ и ихъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ заблужденій,—а объ окружавшемъ ихъ *языческомъ* мірѣ,—понимая это слово для I-го вѣка въ буквальномъ, для XIX—въ переносномъ смыслѣ,—о громадной массѣ, совершенно чуждой христіанства и христіанской этики,—ни апостолъ, ни философъ столько не думали и съ представителями ихъ такъ страстно копій не ломали.

Итакъ, Ницше обращался на самомъ дѣлѣ не къ „человѣ-

Digitized by Google

ческому стаду", полемизировалъ не съ массою, изливалъ свой гнѣвъ не на тривіальную толпу, а говорилъ исключительно съ творцами и носителями извѣстныхъ этическихъ концепцій, съ лицами, которыя, какъ онъ думалъ, изуродовали и привели къ вырожденію „великолѣпное бѣлокурое животное", т.-е. человѣка, прежде жившаго во всю ширь и мощь своихъ жизненныхъ силъ и инстинктовъ. Но откуда же эти „уродующіе" тиски явились? Каково происхожденіе этики? Этотъ вопросъ Ницше поставилъ еще въ самомъ началѣ своей яркой, короткой и грустной карьеры,—въ 1873 году.

IV.

Воззрѣнія Ницше на происхожденіе и развитіе моральныхъ понятій отличаются чрезвычайно произвольнымъ характеромъ, но, какъ и вездѣ, Ницше и здѣсь излагаетъ свои гипотезы въ видѣ аксіомъ, не допускающихъ сомнѣній и не требующихъ доказательствъ. „Несвоевременныя разсужденія", писавшіяся въ 1873—1876 гг., уже затрогиваютъ вопросъ объ этическихъ понятіяхъ и подчеркиваютъ, что правильное пониманіе происхожденія морали возможно лишь при свѣтѣ дарвинизма. Это произведеніе („Unzeitgemässe Betrachtungen") представляетъ собою первую попытку болѣе или менѣе обстоятельнаго развитія нѣкоторыхъ важныхъ основъ ницшеанства, но вопросъ объ этикѣ тамъ лишь выдвинутъ, не болѣе. Въ слѣдующемъ (хронологически) трактатѣ Ницше уже высказываетъ руководящія свои идеи объ этомъ предметѣ; трактатъ появился въ 1877 году—и носитъ странное названіе, въ которое авторъ, какъ не разъ впослѣдствіи, умѣлъ какимъ-то неизъяснимымъ образомъ вложить не только идею, но и чувство: „Menschliches, Allzumenschliches". Книжка „Человѣческое, слишкомъ человѣческое" уже содержитъ въ себѣ всѣ базисы ницшеанскаго ученія объ этикѣ. По мнѣнію автора, одной для всего общества морали—нѣтъ, но существуютъ (и существовали) двѣ морали: мораль властителей и мораль рабовъ (Herrenmoral и Sclavenmoral); первая—возникла среди могущественныхъ, правящихъ классовъ, вторая—среди обиженныхъ и обездоленныхъ,—и онѣ не имѣютъ и не могутъ имѣть между собою ничего общаго. Согласно морали властвующихъ, хорошимъ человѣкомъ назывался человѣкъ могущественный, имѣющій достаточно силы, чтобы постоять за себя, а въ понятіи „рабовъ"—хорошимъ былъ тотъ, кто не обижалъ ближняго. Сначала въ основу морали полагался принципъ непосредственной пользы, своей,

Digitized by Google

личной, индивидуальной (хорошъ тотъ, кто не обижаетъ меня; дуренъ тотъ, кто меня обижаетъ); затѣмъ, во второмъ фазисѣ развитія культуры, выступаетъ на первый планъ благо общества, соціальной группы, съ которымъ въ связь ставится собственное благо индивидуума,—и это „общее благо" становится критеріемъ людей и ихъ дѣйствій; наконецъ, на третьей ступени культуры, понятіе хорошаго и дурного не углубляется въ своемъ значеніи (мѣриломъ продолжаетъ оставаться „общее благо"), но расширяется и популяризуется, дѣлается общепринятымъ. Чѣмъ дольше тянется исторія, чѣмъ больше люди забываютъ о чисто-эгоистическомъ происхожденіи морали, тѣмъ почтеннѣе, безусловнѣе и даже святѣе дѣлаются въ ихъ глазахъ этическія условности, понятія хорошаго и дурного. Совершенно безкорыстнаго, неэгоистическаго происхожденія морали Ницше не признаетъ вовсе, и иронически замѣчаетъ, что „не будь забывчивости—свѣтъ выглядѣлъ бы чрезвычайно мало моральнымъ" [1]). Во второмъ томѣ „Человѣческаго, слишкомъ человѣческаго", появившемся въ слѣдующемъ (1879) году, Ницше снова останавливается надъ этою „забывчивостью". Благо общее начало доминировать надъ индивидуальнымъ прежде всего въ виду пользы *всѣхъ* индивидуумовъ, и пользы не мгновенной, а длящейся,—оно всегда оказывалось—въ лицѣ своихъ ратоборцевъ (т.-е. всего общества) сильнѣе отдѣльныхъ непокорныхъ и своевольныхъ индивидуумовъ,—всегда побѣждало и наказывало враговъ своихъ, внушало благоговѣніе и страхъ, и кончилось тѣмъ, что цѣлый рядъ чувствъ, благопріятныхъ общему благу и неблагопріятныхъ индивидуальному своеволію, сталъ передаваться по наслѣдственности, уже въ видѣ инстинктовъ, прирожденныхъ всякому почти члену общества. Такимъ-то образомъ мораль вошла въ плоть и кровь людей...

Мы видимъ, что въ это первое десятилѣтіе своей дѣятельности, Ницше только бросилъ мысль о „морали властителей", но анализировалъ главнымъ образомъ мораль общепринятую, т.-е. такую, въ основѣ которой, по его терминологіи, лежали понятія и чувства „рабовъ", безсильныхъ, обиженныхъ. Еслибы Ницше имѣлъ тогда обширный кругъ читателей и критиковъ (которыхъ у него совсѣмъ почти и не было въ тѣ времена), то, конечно, еще до начала 80-хъ гг., можно было предсказать, что онъ не остановится на той ступени критическаго анализа, до которой онъ дошелъ; что какая-то колоссально-трудная и смѣлая работа происходитъ въ этой головѣ; что обнародованные пока

[1]) „Ohne die Vergesslichkeit sähe die Welt eben sehr wenig moralisch aus".

Digitized by Google

трактаты суть не болѣе, какъ черновики, первые камни фундамента закладываемаго зданія; наконецъ, что отъ зданія этого позволительно ожидать чрезвычайно любопытныхъ архитектурныхъ новостей. Но имя Ницше ничего не говорило тогда ничьему уму и сердцу; и въ Россіи, и въ Германіи, и во Франціи вниманіе общества было приковано вовсе не къ нарождающейся философской системѣ... А система безостановочно ширилась и углублялась; въ 1881 году была окончена „Утренняя заря".

Въ одномъ мѣстѣ своихъ произведеній Ницше говоритъ, что онъ хочетъ, чтобы проза его напоминала красотою и отчетливостью—скульптурныя изваянія; во всякомъ случаѣ, въ „Morgenröthe" ему удалось достигнуть этого вполнѣ. „Утренняя заря"—типичное произведеніе второго періода дѣятельности философа. Слогъ здѣсь лапидаренъ, ярокъ, причудливъ; мысли высказываются какъ бы уторопленно, какъ бы съ боязнью, что не все перейдетъ на бумагу,—и, несмотря на торопливость, все ясно, и основная тенденція не подлежитъ сомнѣніямъ.

Въ „Morgenröthe" Ницше отождествляетъ понятія „свободный человѣкъ" (der freie Mensch) и злой человѣкъ (der böse Mensch): если человѣкъ не покоренъ обычаю, самостоятеленъ, не видитъ ничего уважительнаго въ общепринятой морали, охраняющей съ давнихъ поръ „общее благо", если онъ „*индивидуаленъ*" и не хочетъ подчиниться обычаю и закону,—тогда его клеймятъ именемъ безнравственнаго (unsittlich); моральныя чувства вовсе не составляютъ характерной особенности человѣческой природы,—ибо всѣ они коренятся въ подчиненіи индивидуума интересамъ группы,—а извѣстно, что даже животное, покушающееся отнять пищу или жизнь у другого, не смѣетъ покуситься противъ цѣлой стаи животныхъ. Мало того: по мнѣнію автора „Morgenröthe", самыя возвышенныя проявленія нравственности, такъ называемыя добродѣтели, напр. милосердіе, цѣломудріе и пр., въ основѣ своей покоятся на эгоистическомъ желаніи вызвать у ближнихъ болѣзненныя чувства — зависти, сознанія своего ничтожества, горькаго смиренія и т. д. Ложь и притворство, по словамъ его, воспитали понятіе о добротѣ; *казаться* добрымъ (т.-е. не вредящимъ общему благу) считалось въ теченіе ряда поколѣній весьма почтеннымъ и похвальнымъ, и, путемъ передачи по наслѣдственности, люди (особенно, наслѣдственные аристократы) въ самомъ дѣлѣ пріобрѣли извѣстный комплексъ чувствъ, вошедшихъ въ ихъ плоть и кровь и считающихся чувствами „благородными" (т.-е. общественно-полезными) по преимуществу.

Въ „Утренней зарѣ" впервые мы встрѣчаемся у Ницше съ

Digitized by Google

запальчивыми и язвительными словами о лицемѣріи (Heuchelei), на которомъ, будто бы, основаны всѣ соціальныя чувства людей вообще, и понятіе и чувство доброты—въ особенности. О чемъ, въ сущности, говоритъ здѣсь Ницше? О томъ, что, обуздывая индивидуумъ, связывая его своею моралью, пріучая его смотрѣть на одни свои поступки какъ на добрые, на другіе какъ на нехорошіе,—соціальная среда, группа, общество дѣйствуетъ только и исключительно въ своихъ интересахъ, въ видахъ самосохраненія, но не вслѣдствіе отвлеченнаго, такъ сказать, и безкорыстнаго убѣжденія. Это онъ и назвалъ „лицемѣріемъ". Интересно отмѣтить, что подозрительность у Ницше къ „лицемѣрію", вообще, была страшная, и ничто его не могло вывести такъ изъ себя, какъ наличность въ критикуемыхъ нравахъ или учрежденіяхъ этого порока. Намъ кажется, что и здѣсь Ницше негодуетъ не вполнѣ по вѣрному адресу. Организованныя „соціальныя группы" его времени (т.-е. государственные союзы), дѣйствительно, весьма часто во всеуслышаніе ссылались на общее благо и общіе интересы,—и вовсе не лицемѣрили *въ этомъ отношеніи*,—съ такой точки зрѣнія они недоступны (и никогда не были доступны) укорамъ Ницше: всѣ правительства, всѣ начальствующія лица, всѣ представительныя собранія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ (особенно въ такихъ, которыя стѣсняли свободу индивидуума), всегда прежде всего оправдывали свое поведеніе общественною пользою, интересами salut public и т. д.; еще отъ древне-римскихъ временъ образовались даже не лишенныя силы и эффекта формулы, сюда относящіяся,—и уже успѣли, отчасти, обратиться въ трюизмы, вслѣдствіе преувеличенно-частаго употребленія. Слѣдовательно, именно здѣсь лицемѣрія и нѣтъ: если, по мнѣнію Ницше, соціальная группа борется съ индивидуумомъ во имя самосохраненія, то она этого и не скрываетъ, и ея представители даже силятся всегда себя этимъ оправдать. Ницше, правда, говоритъ, что лицемѣрны не только обуздывающія дѣйствія соціальной среды, но и вся выработанная ею ad hoc мораль; однако, слишкомъ ясно (и самъ онъ это высказываетъ), что извѣстныя соціальныя чувства, передаваясь по наслѣдственности, въ современныхъ поколѣніяхъ стали уже искренними,—каково бы ни было ихъ происхожденіе. А негодуетъ Ницше въ настоящемъ времени... Разгадка феномена, быть можетъ, и здѣсь коренится въ общей, кардинальной психологической аберраціи философа: оскорбленный дѣйствительностью умъ и поруганное ею же чувство приходили въ возбужденіе, искали выхода—и устремлялись не противъ существующихъ реальностей,

Digitized by Google

а противъ моральнаго фундамента, на которомъ якобы эти реальности высились, тогда какъ онѣ-то и были живымъ отрицаніемъ тѣхъ моральныхъ доктринъ, съ которыми *словесно* себя связывали.

Несомнѣнно, лицемѣрія во времена Ницше было весьма достаточно. Не особенно углубляясь въ этотъ слишкомъ любопытный, но и слишкомъ несомнѣнный фактъ, замѣтимъ лишь, что именно въ XIX столѣтіи это качество сдѣлало весьма большіе успѣхи, вѣроятно, въ связи съ успѣхами внѣшней культуры. Многіе историки по спеціальности, которымъ приходилось (какъ и намъ) знакомиться со всевозможными „магазинами", „журналами", „спектаторами" и тому подобными періодическими изданіями XVIII вѣка, подтвердятъ, конечно, что какое-то странное простодушіе проникаетъ разныя правительственныя извѣстія и сообщенія тѣхъ временъ,—и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и т. д. Правительство откровенно сердится, откровенно признаетъ „великій безпорядокъ" въ той или иной отрасли управленія,—иногда даже въ указахъ своихъ проявляетъ библейское негодованіе противъ собственныхъ же и ближайшихъ слугъ; русскій историкъ можетъ, съ своей стороны, припомнить, какъ, напримѣръ, Анна Іоанновна опровергала участіе петербургскаго кабинета въ убіеніи шведскаго агента, барона Синклера (опроверженіе это напечатано было въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ 1739—1740 гг. и увѣщевало не вѣрить толкамъ, „несмотря на то, что, дѣйствительно, сіе дѣйствіе и важно было бы для спокойствія многихъ милліоновъ нашихъ вѣрноподданныхъ"). Не лишены интереса, въ этомъ смыслѣ, и газеты временъ императора Павла I: чуть не въ каждомъ нумерѣ можно натолкнуться на самыя гнѣвливыя и бурныя выраженія и изъясненія по адресу чрезвычайно высокопоставленныхъ лицъ, заслужившихъ немилость императора. Въ XIX столѣтіи, съ усовершенствованіемъ дипломатическаго и придворнаго обихода, съ общимъ повышеніемъ и развитіемъ утонченной внѣшней культуры, весьма большая доза прежнихъ европейскихъ привычекъ отошла въ вѣчность. Во времена Ницше въ иныхъ мѣстахъ оффиціальный эвфемизмъ проходилъ гробовымъ молчаніемъ кричащія о себѣ явленія, въ другихъ—люди власти оживленно полемизировали съ постороннею критикою, все-же умалчивая тамъ, гдѣ это казалось нужнымъ. До высоты чисто художественной, фантастической, ошеломляющей лжи китайскаго правительства, впрочемъ, не поднялся въ Европѣ никто,—но и того, что̀ видѣли въ этой области современники Ницше, было слишкомъ достаточно.

Digitized by Google

Глубочайшее и, такъ сказать, безнадежное политическое лицемѣріе могло послужить первымъ и раздражающимъ толчкомъ, направившимъ мысль Ницше въ извѣстное русло, а уже отъ природныхъ свойствъ этой мысли зависѣло, что она стремилась всегда испепелить на своемъ пути все, что встрѣтитъ... „Kohle—alles, was ich lasse“,—самъ онъ говорилъ о себѣ. Раздраженная слишкомъ реальнымъ и, потому, слишкомъ живо ощутимымъ впечатлѣніемъ, аналитическая мысль его искала себѣ болѣе трудной борьбы, болѣе страшныхъ (въ теоретическомъ отношеніи) враговъ: уже самый избытокъ умственныхъ силъ и лихорадочная быстрота ихъ работы *требовали* себѣ большой пищи, сложной задачи. Ницше могъ первоначально взволноваться, его мысль могла встрепенуться при зрѣлищѣ хотя бы того же мелкаго, ежедневнаго, завѣдомаго, общедоступнаго и общепонятнаго обмана, но заняться его обличеніемъ, громить его, приводить противъ него аргументы—все это было слишкомъ легко, и, опять-таки, слишкомъ общедоступно. Весьма вѣроятно, что именно эти свойства индивидуальной психики и способствовали до нѣкоторой (хоть и малой) степени выработкѣ ницшеанства. Доказывать лживость Бисмарка, обличать своекорыстные разсчеты германскаго или иного правительства—для Ницше должно было казаться столь же мало занимающимъ умъ дѣломъ, какъ, напримѣръ, для Гаусса или Софьи Ковалевской—производить бухгалтерскіе подсчеты. Быть можетъ, бухгалтерскіе подсчеты и были непосредственно полезнѣе и нужнѣе, нежели дебри высшей математики,—но они углублялись въ эти дебри, несомнѣнно, чувствуя именно тамъ свою мысль уравновѣшенною и имѣющею достаточно пищи и простора.

Итакъ, Ницше призналъ понятіе доброты и иныхъ великодушныхъ чувствъ — въ основѣ своей лицемѣрнымъ, выработаннымъ соціальной группой въ своихъ интересахъ, для обузданія индивидуальности и ея своеволія; и если соціальная группа лицемѣрна, то индивидуумъ, по мнѣнію философа, всегда (за ничтожными исключеніями) проявляетъ стадное послушаніе. Эта мысль въ рѣзко-презрительной формѣ выражена въ трактатѣ „Веселая наука“, написанномъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ „Утренней зари“, — въ 1882 году. „Нравственность есть стадный инстинктъ, заключающійся въ отдѣльномъ человѣкѣ“. Здѣсь же Ницше впервые безповоротно отрекается именно отъ той исторической формы морали, которая, въ видѣ христіанства, такъ могущественно повліяла на выработку европейской духовной культуры. О христіанствѣ, какъ религіи, Ницше говоритъ и въ „Веселой

Digitized by Google

наукѣ", и въ „Also sprach Zarathustra", и въ „Антихристѣ"; къ этому предмету онъ постоянно возвращается и безъ малѣйшаго исключенія всегда въ беззавѣтно-яростномъ тонѣ, съ неутолимой враждою. Именно здѣсь-то, на этомъ пунктѣ, намъ и необходимо, прервавши пока изложеніе его взглядовъ, обратиться къ непосредственной темѣ настоящей работы, ибо названная историческая форма морали и соприкасается весьма тѣсно съ политическими и соціальными ученіями, дѣлящими европейское общество.

V.

Существуетъ въ старой европейской литературѣ одна книжка, носящая чрезвычайно странный колоритъ и давно уже позабытая почти всѣми. Она не блещетъ, впрочемъ, никакими особенными внутренними или внѣшними качествами, такъ что забвеніе ею заслужено вполнѣ,—и, тѣмъ не менѣе, какъ историческій документъ—она весьма интересна, хотя и тутъ ея значеніе нѣсколько подрывается отсутствіемъ точной даты и, вообще, какихъ бы то ни было біографическихъ или библіографическихъ свѣдѣній объ ея авторѣ и составленіи. Мы говоримъ о трактатѣ, извѣстномъ съ конца среднихъ вѣковъ подъ названіемъ: „De tribus impostoribus". Пасторъ Кальтгоффъ недавно (въ 1900 г.) замѣтилъ, что Ницше—такой же врагъ христіанства, какъ и авторъ упомянутаго трактата „О трехъ обманщикахъ". Къ сожалѣнію, пасторъ только одною этою бѣглою строчкою и ограничился, хотя предметъ заслуживаетъ больше вниманія: между анонимомъ и Ницше, дѣйствительно, есть сходство, которое бросается въ глаза всѣмъ, знакомымъ съ книжкою „О трехъ обманщикахъ".

Повторяемъ, странная это книга. Ее приписывали всѣмъ выдающимся политическимъ врагамъ папства, начиная съ Фридриха Барбароссы, почти всѣмъ „еретическимъ" мыслителямъ, начиная съ Аверроэса, продолжая Боккаччіо и кончая Мильтономъ,—но, конечно, все это—чистѣйшія выдумки, отравленное полемическое оружіе. Авторъ навсегда остался неизвѣстнымъ такъ же, какъ точная дата составленія книги; во всякомъ случаѣ можно предполагать, что основная идея ея (а быть можетъ и все содержаніе) существовала уже въ концѣ среднихъ вѣковъ. Дикое, хаотическое впечатлѣніе должна была оставлять она въ душѣ своихъ прежнихъ читателей; ея содержаніе передать нельзя,—ее нужно прочесть всю, чтобы получить о ней должное понятіе. Авторъ съ совершенно несдерживающей себя яростью говоритъ

Digitized by Google

о трехъ извѣстныхъ ему монотеистическихъ религіяхъ, называя ихъ основателей „impostores". Онъ какъ будто торопится высказать все безъ остатка, какъ будто боится, что не съумѣетъ на бумагѣ излить всю свою вражду, всѣ язвительныя насмѣшки, всю терзающую его ненависть. Слишкомъ блѣдно—назвать его только атеистомъ, потому что ни у какого атеиста невозможно найти такой тонъ, такую колоратуру чисто-личнаго негодованія и злобы. Въ какомъ глухомъ нравственномъ одиночествѣ жилъ этотъ человѣкъ, не подписавшій своего произведенія, чтобы не попасть на костеръ, какою опустошенною должна была оказаться эта душа,—пойметъ всякій, кто знаетъ всю степень силы и распространенности религіозныхъ понятій и чувствъ въ тѣ времена и всю скудость тогдашней умственной атмосферы, которая внѣ религіи была совершенно мертва и неподвижна и не могла дать отрицателю вѣры никакого содержанія, никакой, хотя бы самой ограниченной, компенсаціи. Чрезвычайно, до непреодолимости могущественною должна была быть та моральная причина, которая обусловила изступленный тонъ автора и дала ему рѣшимость поднять на себя бремя полнаго одиночества и полной душевной пустоты. У Ницше тонъ относительно религіи почти такой же, какъ у автора „Трехъ обманщиковъ",—но положеніе его было уже совсѣмъ иное. Начать съ того, что онъ не ощущалъ одиночества именно въ этой, интимнѣйшей сторонѣ душевной жизни. Цѣлая группа общественныхъ фракцій рядомъ историческихъ условій была поставлена въ XIX столѣтіи по отношенію къ религіи въ непріязненную позицію. Антиклерикалы, радикалы, соціалисты почти всѣхъ толковъ, анархисты — всѣ безъ исключеній, приверженцы философскихъ системъ антидогматическаго типа, наконецъ, просто невѣрующія въ христіанство лица,—всѣ эти разнообразнѣйшія категоріи европейскаго общества либо tacito consensu, либо открытыми заявленіями оказывались въ числѣ сторонниковъ ницшеанскаго отрицанія—въ той или иной степени: антиклерикалы и радикалы—въ меньшей, анархисты и послѣдователи нѣкоторыхъ философскихъ воззрѣній въ большей мѣрѣ сочувственно прислушивались къ новой проповѣди. Но такъ дѣло обстояло, пока не дошло до христіанской этики; здѣсь уже за Ницше пошли далеко не всѣ представители перечисленныхъ нами партій. Этику, вытекающую изъ нагорной проповѣди, Ницше отвергаетъ такъ же беззавѣтно, какъ и космогоническія ученія религіи; мало того—тонъ его тутъ именно и отличается особенною безпощадностью и страстностью, доходящею до самозабвенія. Для насъ навсегда скрытъ въ значительной мѣрѣ

Digitized by Google

процессъ образованія и наростанія его идей, но положительно можно утверждать, что здѣсь-то, при выработкѣ этихъ изступленныхъ монологовъ объ основахъ христіанской морали, Ницше переживалъ самую болѣзненно-тяжелую эпоху, самый раздражающій и мучительный этапъ въ безпрерывномъ движеніи и волненіи своей мысли. Намъ попался какъ-то на глаза одинъ старый и совершенно забытый медицинской наукою (вѣроятно, по заслугамъ) трактатъ нѣкоего Мейбоніуса, врача XVIII столѣтія, автора читавшейся (до временъ Гуфеланда) книги „Flagellum Salutis". Въ вышеупомянутомъ трактатѣ Мейбоніусъ дѣлаетъ попытку произвести классификацію страстей по степени ихъ мучительности для индивидуума, ихъ переживающаго: вопреки мнѣнію Эдгара Поэ, отдающаго пальму первенства въ этомъ отношеніи чувству страха,—Мейбоніусъ высказывается за гнѣвъ, наиболѣе, какъ онъ полагаетъ, мучительное ощущеніе изъ всѣхъ возможныхъ. Эта догадка, конечно, вполнѣ произвольна (какъ и всѣ, ей подобныя), но, во всякомъ случаѣ, гнѣвъ есть чувство мучительное, особенно если онъ осложняется сознаніемъ почти полнаго безсилія въ дѣлѣ осуществленія гнѣвныхъ намѣреній.

Для читателей Ницше (особенно „Антихриста"), конечно, не можетъ ни на одну минуту укрыться его глухой, сосредоточенный и неутолимый гнѣвъ, которымъ проникнуты страницы, трактующія о христіанской морали. Намъ кажется, что напряженность этого тягостнаго чувства у гордаго и искренняго Ницше именно здѣсь-то и зависитъ всецѣло отъ его гордости и искренности: искренность не позволила ему закрыть глаза на полное забвеніе въ громадномъ большинствѣ жизненныхъ отношеній—какой бы то ни было этики, въ томъ числѣ и христіанской,—а гордость оттолкнула его тотчасъ же отъ унизительной дѣйствительности къ ликующей, лучезарной фантазіи. Почему же дѣйствительность, поправшая и попирающая христіанскую этику, должна была показаться Ницше для него лично унизительною? Потому, повторяемъ, что человѣкъ, произнесшій предъ всею читающею Европою сумасшедше-гордую фразу: „Бога нѣтъ, ибо еслибы онъ былъ,—то какъ же я вынесъ бы, что не я богъ?",—что этотъ человѣкъ, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ былъ неминуемо набрести на другую, аналогичную мысль: „христіанская этика ложна и гибельна, обезсиливаетъ и ведетъ къ упадку человѣчество, ибо еслибъ она была нужна для процвѣтанія людей, то какъ же я вынесъ бы, что я не могу дать ей въ жизни, въ реальной дѣйствительности—полное торжество?" Но это заключеніе для безостановочно-работающей мысли и волнующагося

Digitized by Google

чувства являлось лишь первымъ шагомъ, первымъ толчкомъ для дальнѣйшей работы. На христіанскую этику и всѣ родственныя ей по духу моральныя ученія Ницше усвоилъ взглядъ, какъ на явленія безусловно отрицательныя; а уже когда этотъ взглядъ сформировался, непосредственно вслѣдъ за тѣмъ выступила и другая задача, весьма сложная: какъ доказать его истинность?

Ницше съ болью и отвращеніемъ отвернулся отъ слабыхъ и раздавленныхъ, которымъ не могъ помочь,—и съ гнѣвомъ и тяжелою тоскою сталъ доказывать себѣ и всему міру, и самимъ слабымъ и раздавленнымъ, что они не имѣютъ правъ на сочувствіе, что не подъ вліяніемъ чувства своего безсилія онъ, Ницше, отъ нихъ отвернулся, а вслѣдствіе обрѣтенія новаго, „свѣтлаго" воззрѣнія на природу человѣка, на его прошедшее и будущее. Но гнѣвъ и тоска не унимались. Они совершенно явственно терзаютъ его,—восхищается ли онъ идеаломъ „великолѣпнаго бѣлокураго животнаго", какимъ „надлежитъ" стать человѣку, провозглашаетъ ли торжественно, что самъ Христосъ, проживи Онъ дольше, отъ Себя отрекся бы,—создаетъ ли онъ фантастическій образъ Übermensch'a, — пишетъ ли Брандесу, что вселенная отречется отъ старыхъ ученій и приметъ новыя, его, ницшеанскія... Послѣ всѣхъ торжествующихъ заявленій, послѣ окончательныхъ оцѣнокъ, судейски-величавыхъ приговоровъ,—снова и снова возвращается онъ къ роковому сюжету,— и наканунѣ полнаго распаденія душевной жизни, въ послѣдніе мѣсяцы борьбы съ надвигающимся помѣшательствомъ, пишетъ „Антихриста". Христіанская мораль, мораль слабыхъ, „рабовъ" — по многократнымъ заявленіямъ Ницше—есть сумма ученій, обращенныхъ и разсчитанныхъ на укрощеніе „der prächtigen blonden Bestie" и не имѣющихъ, какъ и всѣ родственныя этическія доктрины, никакой „объективной" цѣнности,—внѣ этого указаннаго служебнаго ихъ значенія. Казалось бы, не заслуживаютъ столь распаленнаго гнѣва такія „слабыя", легко опровержимыя воззрѣнія, не имѣющія, къ тому же, достаточно сдерживающей мощи въ реальной жизни... Но мысль Ницше получила отъ дѣйствительности лишь первые толчки, а ужъ всѣ этапы своего развитія совершала, подчиняясь исключительно воздѣйствіямъ сосредоточенной, взволнованной и самоуглубленной психики. „Ты спрашиваешь, почему? Я не принадлежу къ тѣмъ, которыхъ можно спрашивать объ этомъ". Такъ отвѣчаетъ Заратустра. На нѣмецкомъ языкѣ фраза выходитъ гораздо сильнѣе и ярче: „Du fragst warum? Ich gehöre nicht zu denen, welche man nach ihrem Warum fragen darf". Если философъ сердится, когда кто-

Digitized by Google

нибудь *смѣетъ* (darf) предлагать ему вопросы, прямо касающіеся всей системы, если мыслитель сознательно и твердо подчеркиваетъ, что его ученіе есть декретъ, догматъ, а не философское построеніе,—значитъ, мы не вправѣ искать у него разгадки долгой и страстной полемики противъ христіанства и христіанской морали; значитъ,—мы можемъ усвоить во всей полнотѣ взглядъ, что всѣ доктрины Ницше продиктованы его настроеніемъ и только имъ однимъ, и что гнѣвъ противъ этики есть также всецѣло продуктъ импульсовъ чувства, а не выкладокъ теоретизирующей мысли. Какое же именно чувство, по преимуществу, сыграло здѣсь роль? Все то же стремленіе „выпрямиться", найти идеалъ силы, гармонію „инстинктивной", животной жизни среди человѣческихъ обществъ.

Повидимому, съ точки зрѣнія Ницше, традиціонная этика имѣла слишкомъ мало силы, чтобы реализоваться въ дѣйствительной жизни, и достаточно могущества, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы всегда—и въ прошломъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ—разрушать рефлексіей, угрызеніями совѣсти и т. д.—гармоническое, привольное и счастливое существованіе всякой сильной индивидуальности, всякаго потенціальнаго Übermensch'a. Помочь первой бѣдѣ, т.-е. реализовать этику—Ницше, разумѣется, не былъ въ состояніи, и, какъ намъ кажется, именно потому и утверждалъ съ такимъ жаромъ, что не хочетъ и признаетъ это вреднымъ (если наша догадка справедлива, то, конечно, все это должно было происходить за порогомъ сознанія: иначе не было бы у Ницше столько неподдѣльной искренности); помочь второй бѣдѣ, т.-е. устранить изъ теоретическаго обихода традиціонную мораль и уничтожить этимъ самымъ всѣ путы, мѣшающія на полной волѣ гарцовать „великолѣпному бѣлокурому животному", показалось философу дѣломъ и возможнымъ, и для него исполнимымъ: не даромъ же онъ писалъ Брандесу (и повторялъ раньше въ разныхъ выраженіяхъ) о потрясающемъ дѣйствіи, которое произведетъ на человѣчество его философія. „Also sprach Zarathustra" писалось въ 1883—1885 гг., и только-что намѣченныя мысли его получили тамъ ясное выраженіе; съ появленія же въ свѣтъ этого трактата извѣстность Ницше начинаетъ быстро расти.

VI.

Послѣ разбора и оцѣнки идей Ницше Штейнеромъ, Н. Михайловскимъ, Шелльвиномъ, Кальтгоффомъ, Лопатинымъ—намъ

Digitized by Google

нѣтъ особой нужды останавливаться надъ трактатами „Такъ говорилъ Заратустра", „По ту сторону добра и зла" (1886 г.), „Генеалогіи морали" (1887 г.), „Der Fall Wagner", „Götzendämmerung" и „Антихриста" (1888 г.). Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ все гнѣвливѣе и нетерпимѣе становится тонъ по отношенію къ „морали рабовъ",—все ярче и рельефнѣе выступаетъ образъ Übermensch'a, идеала Ницше,—„гордости человѣчества".

Мы видѣли, что къ Ницше—отрицателю христіанской религіи—стали сочувственно прислушиваться весьма разнообразныя фракціи европейскаго общества (насколько вообще его знали въ восьмидесятыхъ годахъ); но за Ницше—отрицателемъ христіанской и всякой иной этики—открыто пошли весьма немногіе. Мы говоримъ: *открыто*, потому что „стыдливыхъ", такъ сказать, ницшеанцевъ и, съ другой стороны, ницшеанцевъ, не знающихъ о себѣ, что они ницшеанцы,—именно въ этой области существуетъ чрезвычайно много. Конечно, идеи Ницше были весьма быстро вульгаризованы и уже излагались какъ разрѣшеніе и философская carte blanche чинить всевозможныя „имморальности"; но нельзя не признать, что самъ философъ былъ въ извѣстной мѣрѣ повиненъ въ подобной вульгаризаціи: средніе умы, люди большинства, всегда стремятся конкретизировать философскія ученія,—а Ницше даже за нихъ продѣлалъ эту работу,—и въ качествѣ идеала сверхчеловѣка возвелъ на пьедесталъ Цезаря Борджіа... Цезарь Борджіа прожилъ на свѣтѣ всего тридцать одинъ годъ (1476—1507 гг.), но, хотя онъ не гнался за извѣстностью, успѣлъ добыть себѣ славу, которой съ избыткомъ хватило бы на нѣсколькихъ Геростратовъ и Тропмановъ: двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ убилъ родного брата съ цѣлью грабежа, изнасиловалъ свою родную сестру, заманилъ на ночлегъ и отравилъ политическаго соперника, зарѣзалъ руками подкупленныхъ убійцъ нѣсколькихъ дѣтей, мѣшавшихъ ему присвоить богатыя наслѣдства,—и, наконецъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, папою Александромъ VI, устроилъ въ папскомъ дворцѣ цѣлое учрежденіе, о которомъ разсказывались подробности, шокировавшія даже итальянцевъ того времени. Вотъ этого-то (всегда неизмѣнно веселаго) дѣятеля Ницше и возвелъ въ перлъ человѣчества, въ идеалъ сверхчеловѣка. „Ничто не истинно, все позволено",—восклицаетъ Ницше („Genealogie der Moral" [1]). Эта

[1]) Въ общей связи выходитъ, что это относится къ „сильнымъ", къ „властителямъ", къ послѣдователямъ „Herrenmoral"; но мы говоримъ о вульгаризаціи идей Ницше.

Digitized by Google

коротенькая и потому легко запоминающаяся фраза, особенно конецъ ея („alles ist erlaubt"), естественно, являлась въ глазахъ многихъ даже своего рода плеоназмомъ наряду съ идеализаціей Борджіа.

Глубокій пессимистъ, говорившій, что жизнь „гнусна и безсмысленна", искатель новыхъ путей, призывавшій къ пересмотру всѣхъ традицій, философъ, заставившій окружающихъ, даже всецѣло съ нимъ несогласныхъ, призадуматься надъ разными охотно забываемыми грѣхами и отрицательными сторонами цивилизаціи—отступилъ на задній планъ, стушевался въ глазахъ культурной и некультурной (но слыхавшей о немъ) толпы предъ другимъ образомъ—предъ образомъ апологета несдерживающихся инстинктовъ, пѣвца Цезаря Борджіа. Это второе вліяніе ницшеанства, по убѣжденію нашему, уже даетъ себя чувствовать—и весьма характерными симптомами. Конечно, твердое, безстрашное, увѣренное и въ сегодняшней, и въ завтрашней своей прочности торжество силы играетъ главную роль въ утратѣ послѣднихъ слѣдовъ даже внѣшней моральной застѣнчивости, которую не такъ давно считали, такъ сказать, неизбѣжнымъ декорумомъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ; но, быть можетъ, все-таки вульгаризованное ницшеанство,—само по себѣ являющееся продуктомъ исторической почвы,—своимъ авторитетомъ популярной философемы, послѣдняго слова европейской мысли, окончательно ослабило послѣднюю узду, по старой памяти препятствовавшую полной „свободѣ" иныхъ изъясненій и программъ.

Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, широко распространенныя ученія (особенно попадающія на благопріятную и подготовленную почву) дѣйствуютъ на общую умственно-моральную атмосферу и вызываютъ къ жизни явленія, которыя, можетъ быть, сами не ставятъ себя въ ясную причинную связь съ этими широко-распространенными доктринами. Въ 1900 году могущественнѣйшій человѣкъ одного изъ цивилизованнѣйшихъ народовъ земного шара горячо рекомендовалъ и приказывалъ подвластной ему силѣ—„свирѣпствовать" надъ далекимъ и несчастнымъ племенемъ, „быть гуннами" по отношенію къ этому племени; вспоминавшій съ хвалою о гуннахъ ораторъ не только могущественъ: онъ, безспорно, высокообразованъ и съ жадностью (уже вполнѣ несомнѣнною, фактически доказанною) слѣдитъ за всѣми новинками современной умственной жизни; и, что весьма важно, эти слова нашли сочувственный откликъ, конечно, во всѣхъ смыслахъ болѣе сильный, нежели вызванный ими же протестъ,—хотя этотъ литературный протестъ—литературно же—весьма собою любо-

Digitized by Google

вался и полагалъ, что „спасаетъ честь цивилизаціи“. Повторяемъ, въ данномъ случаѣ не самый фактъ приказа новъ, а нова полная „свобода“ выраженій, которымъ—завѣдомо для оратора—суждено было облетѣть оба полушарія. Весьма образованный, весьма нервный и чрезвычайно экспансивный ораторъ сказалъ то, чего очень ужъ давно не говорили аналогичные ему по характеру и положенію люди. Произошло это, конечно, не вслѣдствіе прогресса правительственной искренности: мы уже имѣли случай показать, что въ извѣстныхъ кругахъ, за истекшее столѣтіе, скорѣе прогрессировало нѣчто, діаметрально противоположное искренности. Съ вольтеровскихъ временъ предъ соціальными вершинами высится невидимый, но всегда вліятельный ареопагъ, „судъ общественнаго мнѣнія“,—какъ его принято обозначать. Правда, слишкомъ часто вліятельнымъ онъ оказывается, больше всего, въ области эвфемизма, въ требованіи извѣстнаго литературнаго благообразія, соблюденія формъ хотя бы внѣшней почтительности къ понятіямъ: „человѣколюбіе, состраданіе“ и т. д.,—но за то ужъ въ этой области, въ этихъ требованіяхъ ареопагъ былъ неумолимъ и, дѣйствительно, заставилъ всѣ европейскіе кабинеты выработать цѣлую гамму утонченнѣйшихъ и благообразныхъ оборотовъ, цѣлый арсеналъ изящныхъ словесныхъ масокъ. Но ареопагъ измѣняется вмѣстѣ съ обществомъ, мѣняются его требованія, смягчаются или обостряются его veto; и всѣ эти перемѣны тотчасъ же даютъ себя чувствовать. Если кумиръ литературныхъ салоновъ, весьма популярный и жадно читаемый философъ, послѣдній по времени выдающійся представитель умственной жизни „страны философовъ“,—если такой человѣкъ возводитъ въ идеалъ созданія—насильника, убійцу и кровосмѣсителя, ровно ничего кромѣ насилій, убійствъ и кровосмѣшеній не дѣлавшаго,—то почему же особенно затрудняться выборомъ выраженій? Почему стараться обуздать поднявшееся и хлынувшее къ сердцу чувство мщенія? Кого стѣсняться? „Ареопагъ“ занятъ переоцѣнкою цѣнностей, а если и не всецѣло поглощенъ этимъ, то самый фактъ переоцѣнки не можетъ содѣйствовать дружному протесту противъ нарушенія литературныхъ, эвфемистическихъ традицій,—ибо не есть ли подобная „свобода“ и „искренность“ одинъ изъ признаковъ натуры Übermensch'а? А именно объ Übermensch'ѣ и идутъ размышленія. Есть и еще сиротливая группа, которая опредѣленно знаетъ, что поминать гунновъ не слѣдуетъ,—но эта группа практически весьма слаба, а въ литературномъ отношеніи она одна и читаетъ свои газеты

Digitized by Google

и журналы. Прямой выводъ: одобрить гунновъ во всеуслышаніе можно, и препятствій къ этому не встрѣчается.

Въ этомъ гипотетическомъ изображеніи хода мыслей, приведшаго къ фразѣ о гуннахъ, мы намѣтили самые общіе этапы, чрезъ которые прослѣдовалъ или могъ прослѣдовать ораторъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь о гуннахъ была сказана, разумѣется, не по наитію, не подъ вліяніемъ совершенно ужъ внезапнаго, моментальнаго потрясенія: это явствуетъ изъ ея построенія, условій внѣшней обстановки и, также, изъ проскользнувшихъ въ печать положительныхъ свидѣтельскихъ показаній, говорящихъ о полной бодрости, спокойствіи и даже веселости оратора. Но еслибы даже мы имѣли тутъ дѣло съ внезапнымъ порывомъ, то нужно вѣдь всегда имѣть въ виду, что и гнѣвъ, и всякое иное чувство въ громадномъ большинствѣ случаевъ выражаются у одного и того же лица довольно разнообразно, въ зависимости отъ объекта этого чувства, говоря болѣе обще,—въ зависимости отъ *возможности* проявить свое вспыхнувшее волненіе. Мемуаристъ XVI-го столѣтія Брантомъ разсказываетъ объ одномъ вельможѣ (кажется, Ноайлѣ), который отличался бѣшенымъ нравомъ и сердился на всѣхъ изъ-за каждаго пустяка: въ кабинетѣ короля онъ скрывалъ свой гнѣвъ подъ грустной улыбкой; проходя по дворцу (послѣ аудіенціи), говорилъ язвительныя колкости придворнымъ; выйдя на улицу,—грубо бранилъ своего кучера и, пріѣхавъ домой,—колотилъ и мучилъ домашнихъ. Эта психологія и не хитра, и не нова: чувство всегда прорывается по линіи наименьшаго сопротивленія. Ораторъ, говорившій о гуннахъ, быть можетъ, продѣлалъ весь процессъ своей эмансипаціи отъ „ареопага“—задолго до „гуннской рѣчи“; весьма вѣроятно даже, что самый этотъ процессъ не отличался особою сознательностью,—что мысль, совершавшая его, не привела ни въ какую причинную связь *ослабленіе требованій* „ареопага“ съ распространеніемъ вульгаризованнаго ницшеанства; но *фактъ* этого ослабленія былъ на лицо, стоялъ предъ глазами и ужъ, конечно, не могъ не вліять на психику оратора. Сдерживающія условности (правда, и всегда имѣвшія силу преимущественно лишь въ дѣлѣ соблюденія внѣшняго благообразія) начали колебаться и шататься.

Мы взяли эпизодъ съ гуннами только потому, что онъ вполнѣ ясенъ и ничѣмъ не прикрытъ. Для всего общества западной Европы онъ самъ по себѣ не такъ ужъ характеренъ,—по крайней мѣрѣ, не такъ *непосредственно* характеренъ. Отъ вершины соціальной лѣстницы перейдемъ къ слѣдующей за нею ступени.

Digitized by Google

Если, вообще, у Ницше чуть ли не на каждую страницу его произведеній приходится другая, ее опровергающая, то сужденія этого философа объ аристократіи отличаются особенною сбивчивостью. Эти сужденія тѣсно переплетаются съ оригинальнѣйшимъ продуктомъ умственной дѣятельности Ницше, съ созданіемъ образа Übermensch'a; внѣ этой связи ихъ и разсматривать невозможно.

VII.

„Сверхчеловѣкомъ" Ницше называетъ такого представителя человѣческой породы, который живетъ сообразно природнымъ своимъ влеченіямъ и инстинктамъ.

Заратустра обливаетъ презрѣніемъ тѣхъ, „которые цѣнятъ свои добродѣтели выше себя самихъ"; онъ негодуетъ на христіанскія и всякія иныя этическія ученія не только вслѣдствіе общаго, коренного содержанія ихъ, но и вслѣдствіе того, что они даютъ рядъ правилъ для желающихъ повиноваться и „подражать".

Заратустра—сверхчеловѣкъ, а сверхчеловѣкъ долженъ ограничивать свою проповѣдь только лишь однимъ приглашеніемъ, обращеннымъ къ ближнему: приглашеніемъ прислушаться къ собственнымъ своимъ инстинктамъ, къ внутреннему голосу своихъ чувствъ и влеченій. Въ каждомъ слушателѣ Заратустры заключена полная энциклопедія практической философіи, и стремящійся къ Übermenschthum'у долженъ только предоставить всю свободу этимъ тайнымъ, но могучимъ голосамъ, не заглушать ихъ воспринятыми по наслѣдству и по традиціи правилами и сужденіями, не забывать, что эти правила и сужденія изобрѣтены для обузданія индивидуума въ интересахъ соціальной группы, и что, слѣдовательно, онъ, индивидуумъ, долженъ всегда имѣть въ виду этотъ враждебный ему характеръ происхожденія всякой этики. Таковъ рецептъ превращенія человѣка въ Übermensch'a. „Я нашелъ себя—и сталъ сверхчеловѣкомъ; я не говорю вамъ: смотрите на меня и станьте такими, какъ я; но я говорю: постарайтесь также найти себя самихъ — и вы, повинуясь *своей* природѣ, *своимъ* влеченіямъ, также поднимете надъ толпою, какъ поднялся я",—вотъ къ чему сводится сущность этого рецепта у Ницше и его послѣдователей. Благоговѣйные почитатели покойнаго философа много и религіозно останавливаются надъ двумя „символами": Заратустру сопровождаютъ умнѣйшее животное—змѣя—и самое гордое—орелъ. Умъ и гордость—два

Digitized by Google

непремѣнныхъ условія, безъ которыхъ немыслимъ Übermensch. Оба эти свойства необходимы ему, чтобы найти путь жизни,— но въ особенности нужна гордость: гордость не позволитъ человѣку подчинить себя какой бы то ни было условной морали; безъ гордости человѣкъ будетъ разсматривать свой умъ какъ подарокъ небесъ. Нужно, кстати, замѣтить, что, подобно Ларошфуко и Достоевскому, Ницше полагалъ, что „великія мысли проистекаютъ не отъ великаго ума, но отъ великаго чувства". Напримѣръ, тутъ онъ убѣжденъ, что только *чувство гордости* можетъ предохранить человѣческое самосознаніе отъ несостоятельныхъ—съ его точки зрѣнія—сужденій; успѣхамъ критической, научной или философской мысли онъ довѣряетъ мало.

Выдвигая въ качествѣ идеала образъ сверхчеловѣка, Ницше отнюдь не изображалъ его въ ореолѣ вѣчнаго блаженства, постояннаго, per fas et nefas завоеваннаго счастья: онъ считалъ, повидимому, характернымъ признакомъ „сверхчеловѣческой" натуры не столько даже стремленіе къ такому счастью, сколько *готовность къ борьбѣ* за полное и безпрепятственное удовлетвореніе своихъ природныхъ влеченій. Но на почвѣ постоянныхъ противорѣчій, загадочныхъ, часто лишенныхъ опредѣленнаго смысла изреченій, — столь многочисленныхъ у Ницше, — въ 90-хъ годахъ XIX вѣка выросла—больше всего въ Германіи, а затѣмъ уже во Франціи—цѣлая литература крылатыхъ словечекъ изъ произведеній моднаго философа, причемъ иногда мысли Ницше прямо извращались, иногда лишались всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, иногда, наконецъ, имъ давалось весьма прихотливое толкованіе и освѣщеніе. Повторяемъ, самъ Ницше въ значительной мѣрѣ виновенъ въ успѣхахъ вульгаризаціи и извращенія основъ своей философіи; виновенъ, въ особенности, и въ томъ qui pro quo, благодаря которому нѣкоторые представители аристократическихъ кружковъ Германіи, Австріи и Франціи сочли свое сословіе (въ его ближайшемъ будущемъ) предназначеннымъ осуществить идеалъ „сверхчеловѣчества". Только совершеннѣйшему отсутствію аристократической партіи, какъ спеціально-сословной, политической силы, нужно приписать то обстоятельство, что неожиданная нравственная подмога старымъ аристократическимъ притязаніямъ отозвалась лишь въ формѣ нѣкотораго литературнаго теченія, въ настоящее время, кажется, совсѣмъ ослабѣвшаго. Такія нравственныя подмоги всегда сильно оживляютъ энергію всякаго классового представительства, если только оно ведетъ активную борьбу: достаточно вспомнить роль (вѣрныхъ или невѣрныхъ) выводовъ и послѣдствій дарвинизма

Digitized by Google

въ продолжавшейся около трехъ десятилѣтій полемикѣ индивидуалистовъ и соціалистовъ. Но, волею историческихъ судебъ, аристократическихъ партій въ точномъ и строгомъ смыслѣ въ Европѣ теперь не существуетъ,—и, если не ошибаемся, Максиміліанъ Гарденъ первый замѣтилъ, что аристократизмъ ницшеанскихъ воззрѣній взволновалъ и ободрилъ всего лишь „нѣсколько автомобилистскихъ клубовъ и десятокъ салонныхъ газетъ". Намъ, впрочемъ, кажется, что даже тутъ, въ дѣлѣ оживленія аристократизма, ницшеанство представляетъ значительный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ: съ XI столѣтія, когда уже ясно обозначились главные контуры феодализма, вплоть до XIII—XIV столѣтій,—то сословіе, которое впослѣдствіи стало въ Европѣ называться античнымъ именемъ аристократіи, было могущественно и составляло, дѣйствительно, во всѣхъ отношеніяхъ вершину европейскаго общества (мы говоримъ о соціально-политическомъ его значеніи); со временъ установленія сословныхъ монархій (XIII—XIV вв.) и вплоть до французской революціи, аристократія, лишенная политическаго своего значенія, сохранила нерушимо всѣ соціальныя преимущества,—и только со временъ великой революціи начался процессъ правовой ассимиляціи этого сословія съ остальнымъ обществомъ, процессъ, закончившійся для всѣхъ странъ западной Европы въ 1848 году. Съ тѣхъ поръ аристократія существуетъ лишь въ фамильныхъ бумагахъ, въ сословныхъ традиціяхъ и—въ Германіи и Австріи—въ нѣкоторыхъ правахъ и исключительности высшихъ военныхъ сферъ. Историческая аристократія, собственно, не выработала, за все время своего могущества и упадка, никакой сословной философемы, никакого теоретическаго оправданія своего положенія и своего raison d'être: сначала въ этомъ не предвидѣлось надобности, впослѣдствіи — оно стало уже безполезнымъ и ничего спасти, все равно, не смогло бы. Существовало со временъ рыцарства понятіе о специфически-дворянской чести и т. д.,—но, собственно, о нравственныхъ правахъ аристократіи говорилось всегда весьма неясно: упоминалось о бѣлой кости, алой крови, соотвѣтствіи съ серафимами, окружающими Бога, о преимущественной способности къ управленію и защитѣ отечества, — но нигдѣ въ Европѣ, повторяемъ, не было сдѣлано попытки дать полный и ясный сводъ аргументовъ въ пользу теоретической, отвлеченной необходимости и законности существованія аристократіи. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ XIX в. было сдѣлано указаніе, что, при всемъ стремленіи примитивныхъ

Digitized by Google

людей обожествлять силы природы,—ни у одного племени никогда не возникалъ образъ спеціальнаго „бога тяготѣнія“,—хотя паденіе тѣлъ на землю есть явленіе ежеминутное; именно вслѣдствіе слишкомъ ужъ большой привычки къ этому явленію не приходило въ голову хоть какъ-нибудь попытаться его осмыслить: оно не удивляло; безъ него человѣкъ и вообразить себѣ ничего не могъ. Въ сущности, такой исконный, подъ разными наименованіями существовавшій отъ сѣдой древности, политическій институтъ, какъ аристократія, также, быть можетъ, не возбуждалъ никакихъ недоумѣній во всемъ европейскомъ обществѣ въ теченіе многихъ вѣковъ именно потому, что безъ этого института общество не привыкло себя видѣть. Спѣшимъ оговориться: при революціонныхъ броженіяхъ лоллардовъ въ Англіи XIV вѣка, въ кружкахъ гусситовъ, въ сектѣ „братьевъ свободнаго духа“, во многихъ произведеніяхъ нѣмецкой, англійской, французской народной литературы часто раздавались насмѣшки, горькіе упреки, гнѣвныя жалобы противъ аристократіи, но не было никогда попытки доказать теоретически неосновательность аристократическихъ преимуществъ,—ибо, повторяемъ, сама аристократія нигдѣ своей теоретической апологіи не дала.—XVIII-ый вѣкъ началъ путемъ литературныхъ произведеній и трактатовъ борьбу противъ аристократизма, но, доказывая несостоятельность этихъ притязаній, съ этической, философской и пр. точекъ зрѣнія,—публицисты просвѣтительной эпохи все-таки не вызвали—хотя бы въ видѣ естественной реакціи—никакой попытки построенія аристократической апологіи на основаніяхъ ли „разума“, „природы“ или иныхъ. Эта теоретическая скудость сословнаго творчества тѣмъ любопытнѣе, что она длилась вѣками и отличала сословіе одинаково и въ періодъ силы и славы, и во времена подчиненія абсолютизму, и въ эпоху отступленія предъ лицомъ торжествующей буржуазіи.

Въ годы реставраціи и, вообще, въ періоды реакціи въ XIX столѣтіи писатели аристократическаго лагеря во Франціи и въ другихъ странахъ старались выдвигать принципы и соображенія, оправдывавшіе существованіе высшаго сословія съ точки зрѣнія своего рода соціальнаго утилитаризма: „Я—опора трона; царству оборона—мой дворянскій мечъ“,—говоритъ у Беранже одинъ такой теоретикъ. Къ этой мысли—во всевозможныхъ ея развѣтвленіяхъ и выраженіяхъ—сводились въ теченіе минувшаго столѣтія всѣ подобные автопанегирики. Ясно, что только по недоразумѣнію или вслѣдствіе отсутствія логичности можно, повторяя эту старую мысль о соціальной полезности аристократи-

Digitized by Google

ческаго сословія,—въ то же время предполагать своимъ союзникомъ Ницше, человѣка, который именно и считалъ признакомъ „раба“ — подчиненіе и службу индивидуума интересамъ всего общества (какъ бы и въ чемъ эти интересы ни понимались). Историческій аристократъ и ницшеанскій „Herr“ сходны развѣ только въ томъ, что на дѣлѣ, *фактически*, первый слишкомъ часто подражалъ второму въ полномъ пренебреженіи чьими бы то ни было интересами, кромѣ своихъ собственныхъ, въ полномъ забвеніи всякихъ обязанностей,—въ безграничномъ угодничествѣ и пресмыкательствѣ предъ велѣніями своихъ инстинктовъ; но характеризующей ницшеанскаго „Herr“'а, „Übermensch“'а, *теоретической* смѣлости, безбоязненнаго признанія верховенства своихъ инстинктовъ надъ интересами и моралью общества, — словомъ, ницшеанскаго сознательнаго, головного „имморализма“—историческому аристократу всегда и вездѣ не хватало. Ницше не усомнился отвести аристократіи въ ея прошломъ весьма значительную, съ его точки зрѣнія, роль сословія, выработавшаго „мораль господъ“: владычествующіе роды и касты считали сначала „хорошимъ“ такого человѣка, который достаточно силенъ, чтобы платить зломъ за зло, добромъ за добро,— и эту-то мораль Ницше противополагаетъ „рабской“, нашедшей самое полное свое выраженіе въ христіанствѣ. Конечно, нечего спрашивать, когда эта господская мораль была, у кого изъ историческихъ народовъ она возникла и пр.; Ницше особенно фантастиченъ въ тѣхъ мѣстахъ своихъ произведеній, гдѣ ему приходится употреблять глаголы въ прошедшемъ времени, а не въ будущемъ и не въ излюбленномъ имъ повелительномъ наклоненіи. Такъ или иначе, но „сначала“ господская мораль у аристократіи была, по мнѣнію философа, налицо, а съ теченіемъ времени „сильные“ подчинились „рабской морали“, и, съ эпохи побѣды христіанства, аристократія перестала быть классомъ „господъ“—въ ницшеанскомъ смыслѣ слова. Съ тѣхъ поръ лишь чрезвычайно рѣдко, вообще, появлялись на свѣтѣ „господа“; чуть ли не однимъ изъ послѣднихъ подобныхъ господъ Ницше и считаетъ Цезаря Борджіа...

Если и могло бы дать ницшеанство „нравственную подмогу“, то, конечно, не нынѣшнимъ—политически-безсильнымъ, разучившимся даже мечтать о возрожденіи своего сословія— аристократамъ, не нынѣшнимъ фешенебельнымъ читателямъ Гюисманса и Оскара Уайльда, — а развѣ ихъ предкамъ,— если бы это ученіе явилось раньше. Ницшеанство есть хвалебный гимнъ могуществу. Самый яркій представитель всемірной

Digitized by Google

сатирической литературы началъ одно свое произведеніе язвительными словами: „пою хвалу силѣ и презрѣніе къ слабости". У Ницше эта мысль,—но уже безъ всякой иронiи,—повторяется въ разныхъ формахъ многократно. Онъ былъ апологетомъ и пѣвцомъ сильной индивидуальности, которая, не останавливаясь предъ жестокою борьбой, стремится къ полному и безпрепятственному удовлетворенію своихъ природныхъ инстинктовъ и даже,—какъ можно вывести изъ нѣкоторыхъ утвержденій Ницше, —къ владычеству надъ ближними. Прежде всего—ницшеанство проникнуто именно своеобразною тоскою по силѣ, по могуществу,—и, конечно, превратиться въ послѣдовательнаго Übermensch'a легче было бы феодалу временъ Данте, нежели потомку феодала временъ Ницше,—ибо первому достаточно было бы, ни въ чемъ почти не измѣняя своего образа жизни, усвоить себѣ только вмѣсто однихъ теоретическихъ сужденій другія теоретическія сужденія,—а для второго необходимою оказалась бы сложная и жестокая „борьба за индивидуальность",—борьба, въ которой уцѣлѣть почти всегда мудрено. Припоминая прямыя заявленія Ницше, что ему вовсе не нужны рабскіе послѣдователи, что онъ хочетъ лишь каждаго человѣка убѣдить вѣрить не ему, Ницше, а голосу собственныхъ влеченій и инстинктовъ; припоминая его восторги предъ Борджіа, его сочувственное замѣчаніе объ орденѣ ассасиновъ, гдѣ были сверху—безконтрольные владыки, внизу—безгласные рабы,—мы можемъ сказать, что аристократія могла интересовать Ницше лишь въ ея прошломъ, но никакъ не въ настоящемъ; что безграмотные феодальные грабители старыхъ временъ въ гораздо большей мѣрѣ были „ницшеанцами" (за столѣтія до появленія философа),—нежели ихъ потомки, восторгающіеся, съ сословной точки зрѣнія, вульгаризованною теоріею и, въ общемъ, боящіеся дать волю своимъ инстинктамъ,—въ виду уголовнаго кодекса и другихъ препятствій. Ницше безъ мѣры ненавидѣлъ „могущество словъ" и жаждалъ видѣть человѣка, не *говорящаго* о своей силѣ, но обнаруживающаго ее въ борьбѣ, не *размышляющаго* о преимуществахъ природныхъ влеченій надъ этическими теоріями, но *живущаго* сообразно такимъ размышленіямъ. Волею непреоборимыхъ историческихъ обстоятельствъ его философіи суждено было расплодить довольно большое количество именно только говорящихъ и размышляющихъ...

Сословныя увлеченія ницшеанствомъ выразились въ разговорахъ и статейкахъ, особаго интереса, съ общей точки зрѣнія, не имѣющихъ; общее вліяніе этого умственнаго повѣтрія въ фак-

Digitized by Google

тахъ, подобныхъ разобранному ранѣе инциденту съ гуннскою рѣчью, сказалось уже гораздо болѣе важнымъ, симптоматическимъ признакомъ: несомнѣннымъ пониженіемъ прежнихъ требованій внѣшней корректности, уменьшеніемъ въ обществѣ чувства—хотя бы внѣшней брезливости. Вульгаризація модной доктрины внесла нѣкоторое оживленіе въ замкнутую и отживающую среду потомковъ „сильныхъ“,—и одарила настоящихъ сильныхъ нѣкоторою откровенною безбоязненностью. Но ученіе Ницше, говорящее о силѣ, тѣсно связывало это понятіе съ полнымъ развитіемъ ничѣмъ не стѣсненной индивидуальности,—и на почвѣ защиты и возвеличенія интересовъ индивидуальности оно встрѣтилось съ политическими антиподами и аристократовъ, и вышеупомянутаго оратора.

VIII.

Существуетъ въ западной Европѣ, преимущественно въ латинскихъ странахъ, небольшая, угрюмая и оброшенная партія, которую почти одинаково ненавидятъ и клерикалы, и соціальдемократы, и консерваторы, и прогрессисты, и всѣ безъ исключенія національныя партіи, и всѣ оппозиціонные парламентскіе слои, и всѣ правительства. Эта партія изрѣдка даетъ о себѣ знать—то нелѣпыми и вопіюще-жестокими массовыми избіеніями (въ родѣ метанія бомбъ въ публику, собравшуюся въ барселонскомъ театрѣ),—то совершенно немотивированными политическими убійствами (императрицы австрійской и т. п.). Но время отъ времени слышится и голосъ этой партіи, часто озлобленный, иногда малопонятный, и всегда повторяющій съ различными варіаціями и отклоненіями одну и ту же основную мысль. Послѣднее исповѣданіе партійной вѣры появилось въ 90-хъ годахъ, когда ницшеанство только начинало проникать въ романскую Европу. Книга Жана Грава („La société mourante et l'anarchie“) любопытна для насъ не только вслѣдствіе своего, такъ сказать, „оффиціальнаго“ партійнаго значенія, но и потому, что ея разсмотрѣніе довольно ясно обнаружитъ всю логическую необходимость увлеченія теоретизирующихъ круговъ партіи идеями нѣмецкаго мыслителя. Замѣтимъ предварительно, что Гравъ систематизировалъ взгляды, возникшіе внѣ всякаго ницшеанскаго вліянія, да и самъ онъ едва ли былъ тогда (въ 1892—1893 гг.) знакомъ съ ученіемъ автора „Заратустры“.

Объяснивши во вступительной главѣ, что анархія ведетъ борьбу со всякою общественною властью и со всѣми нынѣ су-

Digitized by Google

ществующими соціальными институтами (семействомъ, собственностью и т. д.), Жанъ Гравъ вдругъ обрываетъ свое доктринерское и довольно витіеватое изложеніе такою заключительной тирадою, написанною въ несравненно болѣе искреннемъ тонѣ, нежели все предыдущее и послѣдующее: „капиталистическое общество такъ скудно, такъ узко, широкія воззрѣнія такъ въ немъ подавляются, оно уничтожаетъ столько добрыхъ порывовъ и чаяній, охлаждаетъ и мертвитъ столько индивидуальностей, не могущихъ примѣниться къ его узости взглядовъ, что еслибы ему удалось на время задушить голоса нынѣшнихъ анархистовъ,—его гнетъ вызвалъ бы къ жизни новыхъ, столь же неумолимыхъ". Въ этой цитатѣ изъ произведенія партійнаго публициста отмѣтимъ, въ качествѣ особенно характернаго признака, признаніе, что анархія для ея послѣдователей есть своего рода „борьба за индивидуальность", а не, главнымъ образомъ, средство соціально-экономическаго преобразованія. Въ книгахъ и брошюрахъ старшихъ теоретиковъ этой партіи (у Элизэ Реклю, князя Петра Крапоткина и др.), напротивъ, всегда подчеркивалась громадная, будто бы, роль анархіи для преобразованія общества,—а вовсе не для индивидуальной психологіи ея послѣдователей. Это любопытное измѣненіе въ тонѣ партійныхъ программъ и подготовило почву къ воспріятію ницшеанства анархистскою средою, къ внезапной популярности Ницше въ органахъ Себастьяна Фора и его единомышленниковъ,—но совершилось оно подъ вліяніемъ причинъ болѣе матеріальнаго характера. Можно принять за эмпирически-доказанный соціальный законъ—слѣдующее положеніе: въ эпохи особенной консолидаціи существующаго порядка вещей и исчезновенія надеждъ на болѣе или менѣе близкую коренную перемѣну,—въ извѣстныхъ кругахъ общества элементъ моралистическій, этическій, заботы о моральномъ самочувствіи, начинаютъ играть центральную роль и понемногу отодвигаютъ на задній планъ соціально-реформаторскія стремленія; въ эпохи колебанія существующаго порядка и времена матеріальной силы преобразовательныхъ идей—происходитъ діаметрально противоположный процессъ, и индивидуально-моралистическія тенденціи до поры, до времени ступевываются. Вспомнивъ объ этомъ постоянно повторяющемся явленіи, мы сразу поймемъ эволюцію анархизма, сказавшуюся и въ приведенной цитатѣ изъ „La société mourante", и въ сочувственной встрѣчѣ ницшеанства партійными теоретиками.

Современный анархизмъ ведетъ свое начало отъ того момента, когда Бакунинъ вышелъ изъ интернаціональнаго общества и

Digitized by Google

основалъ въ Швейцаріи „Юрскую федерацію“. Въ этомъ обществѣ идеи Бакунина объ „анархистскомъ человѣчествѣ“ и пр. получили ту форму, въ которой, съ нѣкоторыми измѣненіями, онѣ продолжали составлять партійную программу до послѣднихъ годовъ XIX вѣка. Собственно, до 1880 года анархистская группа только прозябала, довольствуясь самымъ тусклымъ, такъ сказать, фиктивнымъ существованіемъ, выпуская время отъ времени брошюрки и памфлеты, чрезвычайно туго расходившіеся. Только съ 1880 года во Франціи, съ 1885 въ Италіи, съ 1887—1888 въ Испаніи анархизмъ начинаетъ проявлять болѣе или менѣе замѣтную дѣятельность,—сначала литературную, потомъ организаціонную, впослѣдствіи—кровавою „фактическою пропагандою“. Восьмидесятые и девятидесятые годы были временемъ, когда единственная значительная реформистская фракція—соціаль-демократія всѣхъ наименованій—стояла на перепутьи: увѣренности въ близкой побѣдѣ *уже* не было; увѣренности въ крахѣ предсказаній „манифеста“ 1847 года также *еще* не было. Анархизмъ выступилъ въ качествѣ ожесточеннаго, ненавидящаго и ненавидимаго врага противъ соціаль-демократіи. Этимъ двумъ теченіямъ все было другъ въ другѣ противно: анархизмъ стоялъ за немедленное начало насильственныхъ дѣйствій противъ капиталистическаго общества, — соціаль-демократія была убѣждена въ полной ихъ невозможности; анархизмъ провозглашалъ—въ идеалѣ будущаго—совершенное отсутствіе какой бы то ни было правительственной регламентаціи,—соціаль-демократія всѣ свои разсчеты основывала на созданіи въ будущемъ „Sozialstaat“'а,—соціалистическаго *государства*; анархизмъ протестовалъ противъ стѣсненія индивидуума какою бы то ни было общественною группою,—соціаль-демократія прямо подчиняла его обществу будущаго. Чѣмъ больше замирало прежнее настроеніе рабочей партіи, тѣмъ болѣе ожесточались ея отношенія къ анархизму и тѣмъ, конечно, слабѣе и безпомощнѣе становился анархизмъ. Главное ядро крайней оппозиціи—рабочіе были всецѣло въ рукахъ соціаль-демократіи; на сторонѣ анархіи стояли разрозненныя, лишенныя опредѣленной классовой окраски группы лицъ,—или несогласныхъ съ содержаніемъ соціаль-демократическихъ идеаловъ, или, по темпераменту своему, не желавшихъ стать въ выжидательную позицію. Былъ совершенъ цѣлый рядъ въ высокой мѣрѣ нелѣпыхъ поступковъ,—нелѣпыхъ со всякой точки зрѣнія и даже не вызвавшихъ похвалы теоретиковъ анархіи: метались бомбы въ театрѣ, въ сидѣвшую на грошевыхъ мѣстахъ публику; покушались на жизнь добродушнѣйшаго и невиннѣйшаго серб-

Digitized by Google

скаго жуира—Георгіевича,—причемъ покушавшійся даже не зналъ, кто его жертва; погибло нѣсколько человѣкъ, закусывавшихъ за столиками второразряднаго кафе „Терминюсъ"; былъ убитъ постовой городовой въ Парижѣ, также въ какомъ-то символистическомъ смыслѣ, ибо самъ по себѣ никогда и никакихъ „политическихъ" порученій не исполнялъ; пронзили кинжаломъ сердце австрійской императрицы, старой женщины, никогда не вмѣшивавшейся въ государственныя дѣла и ведшей тихую и уединенную жизнь. Были и еще факты однородные, въ такой же степени лишенные какого бы то ни было смысла; отталкивающее впечатлѣніе, возбужденное этими дѣйствіями, распространилось во всемъ европейскомъ обществѣ, начиная отъ соціалистовъ и кончая правительствами; моральное сиротство и политическая слабость анархіи сдѣлались еще очевиднѣе. Вотъ тогда-то, въ эти девятидесятые годы, болѣе печальные для анархизма, нежели какая бы то ни было предшествующая эпоха,—и стали появляться работы того оттѣнка, который носитъ книга Жана Грава. Анархистская партія начала изображаться не столько какъ боевая политическая единица, сколько въ видѣ своего рода „оазиса", куда приглашались укрыться всѣ, смотрящіе на нынѣшній строй и на проектируемый — соціаль-демократическій — одинаково враждебно, вслѣдствіе боязни за свободу своей индивидуальности. Воззрѣніе анархистовъ на природу всякаго общества таково: „вполнѣ очевидно, что когда извѣстное количество отдѣльныхъ лицъ соединяются въ группу и соединяютъ свои силы,—они имѣютъ въ виду получить бо̀льшую сумму удовольствій при мѐньшей затратѣ силъ. Они вовсе не желаютъ пожертвовать своею иниціативою, своею волею, своею индивидуальностью въ пользу того, что̀ не существовало до ихъ соединенія и исчезло бы при ихъ разъединеніи" („La société mourante", 14). Держась такихъ воззрѣній, анархистская программа, признающая злоупотребленія общества относительно индивидуума, тѣмъ не менѣе, не считаетъ совершенно возможнымъ для людей жить одиночками, безъ соединеній и группировокъ: „свободный индивидуумъ, свободный совершенно — во всѣхъ способахъ своей дѣятельности, — вотъ кто нуженъ намъ; а если находятся такіе люди, которые отвергаютъ организацію (repoussent l'organisation), которые только и думаютъ объ индивидуумѣ, которые смѣются надъ общественнымъ началомъ (de la communauté), утверждая, что эгоизмъ каждаго индивидуума долженъ быть единственнымъ регуляторомъ его поведенія, что обожаніе своего „я" (de son Moi) должно быть впереди и выше всякихъ человѣческихъ соображе-

Digitized by Google

ній,—если говорящіе это считаютъ себя болѣе передовыми, нежели другіе, то такіе люди, значитъ, никогда не изучали психологической и физіологической природы человѣка, никогда не отдавали себѣ отчета въ своихъ чувствахъ (?), не имѣютъ понятія о жизни настоящаго человѣка, о его физическихъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ нуждахъ".

Какъ бы предвидя идущее изъ Германіи теченіе [1]), Жанъ Гравъ предостерегаетъ своихъ сторонниковъ отъ „гипертрофированнаго" индивидуализма. „Отвергая субстанцію: *общество*,—анархизмъ одинаково отвергаетъ и субстанцію: *индивидуумъ*, которую хотѣли создать, доведя теорію (анархіи) до абсурда". На безпорядочномъ языкѣ Жана Грава „субстанція" имѣетъ смыслъ фетиша, обожествляемаго предмета или понятія,—и это-то характеризуетъ отличіе ученія Грава отъ ученія Ницше, который, также отвергая всемогущество общества надъ индивидуумомъ,—ставитъ индивидуумъ именно въ положеніе божества, на алтарѣ котораго должно быть принесено въ жертву чуть ли не все содержаніе человѣческой культуры. Въ „Also sprach Zarathustra" государство, въ видѣ обожествляемаго идола, говоритъ людямъ: „все я вамъ дамъ, но падите ницъ и молитесь мнѣ!" Весьма характерна психологическая основа ненависти философа къ государству: онъ ненавидитъ его, главнымъ образомъ, за то, что оно создано для охраны „лишнихъ", которые безъ государства были бы оставлены лицомъ къ лицу съ „сильными", съ „господами" и т. д. Политика, занятіе политикою, общественные интересы—все это, по воззрѣнію Ницше,—въ высшей степени вредитъ цѣльности его идеала: полному, безпрепятственному и безпредѣльному развитію личности. Мы не можемъ здѣсь пройти молчаніемъ характерной черты Ницшевской психологіи,—черты, отмѣченной нами въ началѣ этого этюда: онъ отрицательно относится и къ „сильнымъ", и къ „слабымъ" современнаго общества, но „сильныхъ" онъ считаетъ сбитыми съ толку, полными „предразсудковъ" (о христіанствѣ, этикѣ и т. д.), и жалѣетъ о невозможности для нихъ стать послѣдовательными и въ теоріи, и на практикѣ—Übermensch'ами,—а слабыхъ—ненавидитъ беззавѣтно, трепещетъ отъ ярости, когда заходитъ о нихъ рѣчь.

---

[1]) Книга Грава писана въ 1893 году; въ 1891 году Гюисмансъ въ „Là-bas" воскресилъ образъ Жилля де-Ретца, навѣянный апологіей Цезаря Борджіа у Ницше. Хорошо ли зналъ уже тогда Жанъ Гравъ (и его единомышленники во Франціи) о ницшеанствѣ—опредѣленно неизвѣстно. Гюисманса издала та же фирма, что и Жана Грава.

Digitized by Google

Чѣмъ больше клонилась жизнь Ницше къ своей страшной развязкѣ, чѣмъ больше образъ сверхчеловѣка выливался въ фантастическаго, всегда свободнаго и всегда счастливаго богатыря, чѣмъ больше этотъ образъ становился пристанищемъ и отдохновеніемъ для мятущагося и больного духа,—тѣмъ изступленнѣе и ненавистнѣе заглушалъ Ницше всякую мысль о возможности какой-то внутренней неправды въ его идеалѣ, тѣмъ болѣе яростно доказывалъ онъ себѣ, что „рабы" не имѣютъ права стонать ни теперь, ни во времена Übermensch'a,—что, по крайней мѣрѣ, стоны ихъ не должны препятствовать цѣльности какого бы ни было построенія или идеала. Такъ онъ мыслитъ и относительно вредной роли политики и политическихъ интересовъ. Онъ различаетъ, повидимому, два типа политическихъ дѣятелей: дѣятели перваго типа —непосредственные и ближайшіе слуги существующаго государства; дѣятели второго типа—демократическіе партійные вожди. Первые—стремятся къ разнымъ патріотическимъ цѣлямъ, военной славѣ, къ процвѣтанію государства и т. д. Все это—вредно, потому что заставляетъ многія сильныя индивидуальности расходовать „капиталъ своей головы и своего сердца" (tägliche Abgabe von dem Kopf- und Herzkapitale) на ежедневные запросы и нужды государственнаго организма; индивидуумъ подчиняется посторонникъ, внѣ его лежащимъ цѣлямъ, удовлетвореніе своихъ влеченій становится для него невозможнымъ (во всей полнотѣ),—духовное истощеніе и утомленіе постигаетъ людей, предающихся погонѣ за политическимъ могуществомъ своей родины. Таково неодобреніе Ницше по адресу людей, стоящихъ у кормила государственнаго корабля. Переходя къ политическимъ дѣятелямъ второго типа, философъ сразу мѣняетъ укоризненно-сожалѣющій тонъ на ядовитый и враждебный. Вождь массы долженъ отличаться слѣдующими качествами: „Онъ долженъ вбить толпѣ въ голову что-нибудь такое, что̀ ей очень пріятно, и прикинуться, будто онъ обладаетъ достаточно сильною волею, чтобы завоевать толпѣ, что̀ ей пріятно. Въ остальномъ—онъ долженъ обладать всѣми свойствами толпы, ибо чѣмъ меньше она будетъ предъ нимъ стыдиться, тѣмъ популярнѣе онъ станетъ. Лучше же всего ему обладать слѣдующими качествами: быть наглымъ и завистливымъ; хищникомъ и интриганомъ; льстиво ползающимъ и надменнымъ; все—смотря по обстоятельствамъ (je nach Umständen alles)".

Всѣ представительныя учрежденія, расширяющія власть „стадныхъ людей" и „людскихъ стадъ", глубоко противны Ницше, и именно потому, что „рабы" при ихъ посредствѣ понемногу за-

Digitized by Google

нимаютъ въ жизни менѣе приниженное положеніе. Между демократическимъ и „опекунскимъ“ (vormundschaftlichen) правительствами Ницше, не колеблясь, становится на сторону второго, считая его мѣньшимъ изъ двухъ золъ. Когда Ницше съ увлеченіемъ говоритъ о прелести могучей борьбы, о „гибели въ великомъ невозможномъ“—онъ меньше всего понимаетъ подъ этимъ оппозиціонную политическую борьбу. Эстетикъ до мозга костей, онъ увлекся бы поэтическимъ ореоломъ борьбы своего времени, еслибы призналъ за нею этотъ ореолъ. Но тусклая, тягучая, протекающая въ обыденныхъ формахъ, ежедневная, кропотливая и неустанная борьба, которую онъ видѣлъ предъ собою, его эстетическаго чувства не затронула; „гибель въ невозможномъ“ онъ, правда, также засталъ,—но зрѣлище этой гибели, повидимому, лишь способствовало наростанію общаго впечатлѣнія дѣйствительности, побудило поскорѣе бѣжать отъ нея. *Содержаніе* борьбы не было ему близко, а вскорѣ сдѣлалось и прямо антипатично; вотъ почему „погибшіе въ невозможномъ“ и ихъ болѣе прозаическіе эпигоны такъ быстро превратились для него въ людей, достойныхъ яда бѣшенства и презрѣнія, въ Терситовъ, которые, по всей справедливости, подвергались и подвергаются палочнымъ ударамъ со стороны Одиссеевъ; съ его точки зрѣнія подобное обхожденіе съ ними выше всякихъ укоровъ.

Если, при всемъ томъ, ницшеанство пользуется теперь популярностью у единомышленниковъ Себастьяна Фора и Жана Грава, то подобное явленіе можетъ быть объяснено двумя факторами. Во-первыхъ, какъ мы видѣли, въ анархизмѣ индивидуально-психологическіе запросы нынѣ больше выступаютъ впередъ подъ вліяніемъ слишкомъ безъисходной соціальной слабости партіи,—и вызываютъ извѣстное оживленіе въ умственной, литературной жизни фракціи, а при такомъ оживленіи доктрина крайняго индивидуализма, какъ бы своеобразно онъ ни выражался, не могла не привлечь вниманія людей, на знамени которыхъ красуется провозглашеніе полной свободы индивидуума. Во-вторыхъ, при глубокомъ и, до извѣстной степени, неискоренимомъ невѣжествѣ французскихъ средне-образованныхъ круговъ относительно всего иностраннаго,—и при почтительномъ довѣріи итальянскихъ и испанскихъ анархистовъ къ познаніямъ ихъ французскихъ единомышленниковъ, немудрено, что и въ Парижѣ, и въ Барселонѣ, и въ Миланѣ, и въ романской Швейцаріи—Фридриху Ницше приписывается въ извѣстной прессѣ то, чего онъ никогда не говорилъ,—по слухамъ и догадкамъ. Вопреки всякой біографической правдѣ—получается иногда фигура Ницше-

Digitized by Google

демократа, „друга“ этой самой „толпы“, о которой онъ не можетъ вспомнить безъ раздраженія.

Совершая свой путь въ европейскомъ обществѣ, идеи Ницше не остались незамѣченными и среди членовъ партіи, обыкновенно гордившейся цѣльностью своего міровоззрѣнія. Правда, какъ разъ въ тѣ годы, когда потухала жизнь Ницше, дни цѣльности этого міровоззрѣнія были уже сосчитаны,—но философія ницшеанства не сыграла здѣсь ни малѣйшей роли; настоящій этюдъ мы должны закончить не констатированіемъ *успѣха* ницшеанскихъ идей въ соціаль-демократической фракціи, но лишь указаніемъ на *пріемъ*, сдѣланный ею всей системѣ базельскаго философа. Безъ такого указанія, хотя бы и самаго краткаго, наша работа была бы неполна.

IX.

Съ самаго начала распространенія и популяризаціи ницшеанства въ Германіи, соціаль-демократія отнеслась къ новой философіи вполнѣ отрицательно. Впрочемъ, чуть ли не первымъ изъ этой партіи по данному вопросу высказался Францъ Мерингъ, человѣкъ чрезвычайно узкій, типичный „начетчикъ“ исповѣдуемой доктрины, литературная физіономія котораго явственно обнаруживаетъ полнѣйшую и несокрушимую увѣренность въ обладаніи абсолютною истиною. Самодовольнымъ, узкимъ и до загадочности самоувѣреннымъ былъ онъ и когда, въ 70-хъ гг., нападалъ на марксизмъ, и впослѣдствіи, когда сдѣлался религіознымъ его сторонникомъ. Мерингъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, назвалъ Ницше „философомъ капитализма“, вѣроятно, на основаніи тѣхъ же соображеній, почему въ минувшіе вѣка многіе ученые интересовались натуралистическими открытіями съ одной и единственной безпокоившей ихъ точки зрѣнія: „противорѣчатъ“ или не противорѣчатъ эти открытія Аристотелю? Подобная специфическая точка зрѣнія на всѣ новыя явленія жизни является одною изъ наиболѣе характерныхъ чертъ всякаго религіозно-настроеннаго ума; не отсутствуетъ она и у Меринга. Но не одинъ Мерингъ является теоретическимъ представителемъ своей партіи: рядомъ съ нимъ стоятъ люди болѣе тонкой и обширной мысли. Они также относятся къ Ницше отрицательно, и тѣмъ не менѣе вовсе не такъ уже азбучно-упрощенно, какъ Мерингъ. Идеалы крайняго индивидуализма, презрительное и враждебное отношеніе

Digitized by Google

къ массамъ, къ „Menschenheerden", ученіе о двоякой морали и о преимуществахъ морали „господъ",—все это не могло не встрѣтить рѣшительнаго осужденія со стороны діаметрально-противоположнаго міровоззрѣнія. Въ частности же, Ницше говоритъ съ обычнымъ, указаннымъ уже раньше нами, раздраженіемъ о главномъ составѣ партіи, о рабочихъ: „пусть бы ихъ побралъ чортъ и статистика!"... Кромѣ прямой вражды между взглядами означенной партіи и идеями Ницше, другихъ отношеній существовать не могло. „Нѣтъ болѣе ядовитаго яда (kein giftigeres Gift), нежели ученіе о равенствѣ, потому что оно, *повидимому*, продиктовано чувствомъ справедливости, а *на самомъ дѣлѣ* представляетъ собою конецъ всякой справедливости". Не выдумывая Фридриха Ницше, какъ это дѣлали съ одной стороны аристократы, съ другой стороны анархисты, но зная доподлинно его воззрѣнія, названная партія всегда считала этого философа своимъ врагомъ. Еслибы Себастьянъ Форъ прочелъ когда-нибудь то мѣсто у Ницше, гдѣ онъ съ беззавѣтной ненавистью говоритъ объ „оскаливающихъ зубы анархистскихъ собакахъ" (..."Zähnenfletschen der Anarchistenhunde"), быть можетъ, его газета и не печатала бы наивныхъ партійныхъ похвалъ автору этой фразы. Соціаль-демократія, при всей непримиримости съ ницшеанствомъ, при всей освѣдомленности относительно его доктрины,—при всемъ отрицаніи правильности его взглядовъ,—тѣмъ не менѣе нашла возможнымъ, въ концѣ концовъ, отнестись къ этому ученію спокойнѣе, чѣмъ то было сдѣлано Мерингомъ. Не было тутъ курьезныхъ анархистскихъ qui pro quo, не было, правда, и особенной ужъ „объективности" и „научности", каковыя достоинства далеко не всегда блещутъ въ партійной литературѣ; все-же, были отмѣчены тѣ черты ницшеанства, которыя показалось необходимымъ выдѣлить изъ первоначальнаго огульнаго осужденія. Появившаяся недавно брошюра Макса Фалькенфельда, подъ названіемъ: „Marx und Nietzsche", дѣлаетъ попытку свести воедино такія черты. Какъ и слѣдовало ожидать, ихъ оказывается немного. Фалькенфельдъ останавливается на „завѣтахъ", которые Ницше далъ всякому „свободному духу". Онъ отмѣчаетъ отрицаніе національной ненависти („du sollst Völker weder lieben noch hassen"), совѣтъ отстаивать свободу своей совѣсти („du sollst dich keiner Ceremonie der Kirche unterwerfen"), увѣщаніе говорить всегда безбоязненно правду („du sollst, um die Wahrheit sagen zu können, das Exil vorziehen"). Впрочемъ, какъ принята брошюрка Макса Фалькенфельда, имѣющая цѣлью внести „примиреніе" въ

Digitized by Google

отношенія между двумя теоріями [1]), какъ отнеслись къ ней теоретики и литературные дѣятели партіи,—намъ неизвѣстно.

Всѣ политическія партіи и общественныя теченія, которыя только хотятъ стать въ опредѣленное положеніе относительно извѣстной философской системы,—по необходимости формулируютъ ея тезисы примѣнительно къ конкретному содержанію даннаго историческаго момента. Весьма часто при этомъ самая система является въ какомъ-то неожиданно-мелкомъ, упрощенномъ, грубоватомъ видѣ. Несомнѣнно, такую же метаморфозу претерпѣваетъ и претерпѣвало ницшеанство въ рукахъ разнообразнѣйшихъ политическихъ теоретиковъ; въ своей философской сущности призывъ Ницше къ индивидуализму, вѣроятно, будетъ въ свое время отмѣченъ историкомъ XIX столѣтія, какъ весьма знаменательная психологическая черта этого времени всемогущества государственныхъ, національныхъ союзовъ; а болѣзненная страстность несчастнаго философа, его бѣгство въ Альпы, гдѣ онъ вынашивалъ своего Заратустру, его желаніе построить идеалъ, который основанъ былъ бы на силѣ инстинктовъ,—все это обличаетъ глубокую неудовлетворенность не только господствующей дѣйствительностью, не только матеріальной, но и духовной культурою его времени.

Часто сравниваютъ Ницше съ Руссо, также возвысившимъ свой голосъ противъ цивилизаціи въ ея цѣломъ. Намъ кажется это сравненіе неправильнымъ. Руссо вѣрилъ въ этику, прирожденную благость примитивнаго человѣка,—и на этой вѣрѣ основываетъ свой идеалъ; Ницще именно за то, прежде всего, громитъ цивилизацію, что она выработала этику и христіанскую мораль, именно за то и возвеличиваетъ „великолѣпное бѣлокурое животное“, что оно жило во всю ширь своихъ звѣриныхъ инстинктовъ. Возвращаясь къ первымъ страницамъ настоящей работы, скажемъ: изъ двухъ политическихъ полюсовъ—ницшеанству въ его цѣломъ было ближе стремленіе закрѣпить окончательно силу и преобладаніе за ихъ обладателями,—а доктринѣ Руссо было несравненно ближе другое полярное теченіе: желаніе вырвать эту силу изъ рукъ, въ которыхъ она находилась. Руссо вѣрилъ въ подчиненную роль инстинктовъ, а Ницще—въ доминирующе ихъ значеніе, въ ихъ полную непреоборимость.

---

[1]) „Dies Schriftchen ist zür Versöhnung geschrieben. Möge es mit derselben Gesinnung aufgenommen werden!“. Falkenfeld, указ. соч., стр. 1.

Digitized by Google

Болѣзненное самолюбіе Руссо не могло страдать въ тѣ времена, когда кругомъ уже рушилось и осыпалось старое зданіе и, ощутительно для многихъ, готовился коренной пересмотръ основъ общественнаго быта: предвидѣлась борьба, предстоялъ споръ, въ которомъ, казалось, были шансы также и для торжества идей „Contrat social". Но еще болѣе патологическая гордость Ницше, въ эпоху твердаго и торжествующаго, основаннаго на матеріальной силѣ порядка, толкнула его въ сторону тѣхъ элементовъ дѣйствительности, которые показались ему не только сильными, но и вѣчными: понятіе *силы инстинктовъ* прельстило его гордый умъ, образъ Übermensch'a покорилъ больного и одинокаго эстетика. Если онъ хотѣлъ бы измѣнить міръ, то лишь въ томъ направленіи, чтобы окончательно парализовать сопротивленіе „рабовъ" и совершенно эмансипировать—въ моральномъ смыслѣ—„господъ". Безпредѣльное приволье—для „высшихъ" индивидуумовъ; полная, безгласная покорность—для низшихъ: очевидно, только въ *этомъ* направленіи, измѣненія міра ему и казались вообще мыслимыми. „Ты для себя лишь хочешь воли",—такими словами нашъ поэтъ опредѣлилъ подобный аристократическій индивидуализмъ еще въ началѣ XIX столѣтія.

Истерзанный впечатлѣніями дѣйствительности, умъ философа-художника искалъ цѣльности и красоты въ этомъ аристократическомъ индивидуализмѣ. Врядъ ли, однако, можно думать, что когда-либо возникнетъ очень ужъ многочисленная партія послѣдователей *всѣхъ взглядовъ Ницше, въ ихъ полнотѣ*: люди, руководствующіеся инстинктами и правиломъ: „je prends mon bien où je le trouve", не нуждаются ни въ какихъ теоретическихъ ободреніяхъ и успокоеніяхъ, ибо они и безъ того достаточно бодры и спокойны; а всѣ тѣ, которые находятся подъ реальнымъ воздѣйствіемъ извѣстныхъ моральныхъ мотивовъ,—могутъ, вмѣстѣ съ Вл. Соловьевымъ, жалѣть, что этика и любовь къ ближнему „существуютъ только по имени", но едва ли захотятъ себя и все человѣчество съ этимъ поздравить. Частичный интересъ, какъ мы видѣли, философія Ницше способна вызвать въ разнороднѣйшихъ общественныхъ фракціяхъ; но если нужно усматривать въ ницшеанствѣ слѣды породившей его эпохи, то, повторяемъ, они довольно явственны: 1) и дѣйствительность, и популярные идеалы слишкомъ придавили самосознаніе индивидуума представленіями о могуществѣ настоящаго и проектируемаго государствъ, Polizeistaat'a и Sozialstaat'a,—и апологія индивидуализма въ устахъ Ницше явилась естественною реакціею въ этомъ отношеніи; 2) несокрушимость порядка вещей, прочное торже-

Digitized by Google

ство матеріальной силы, безпомощность протестовъ противъ нея, —до извѣстной степени загипнотизировали философа; если Лассаль говорилъ о себѣ, что онъ—не мученикъ и не хочетъ быть мученикомъ, то Ницше не захотѣлъ быть теоретикомъ „слабости“—и сталъ теоретикомъ силы. Но уже размахъ его мысли, смѣлость концепцій, художественность натуры не позволили ему обожествлять эту силу въ бисмарковскомъ мундирѣ, въ сѣрыхъ, прозаичныхъ, реальныхъ ея формахъ, и вотъ тогда-то, изъ нѣдръ больной, но вѣчно возбужденной и вѣчно работающей фантазіи сталъ выдвигаться образъ Übermensch'a.

Евг. Тарле.

Digitized by Google

СБОРЩИЦА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Марья Васильевна позвонила у крыльца, возлѣ котораго, точно колонны, стояли два тополя.

Отворилась форточка, и изъ нея высунулась женская голова съ круглымъ лицомъ и рыжеватыми волосами.

— А... Марья Васильевна!.. Вы къ мужу или ко мнѣ?

— Къ Александру Ивановичу.

— Его нѣтъ дома.

Форточка захлопнулась, но съ лѣвой стороны крыльца открылась другая, и въ нее выглянула мужская черная голова.

— Марья Васильевна, пожалуйте!.. Сію минуту отопру дверь.

Въ передней супруги встрѣтились.

— Какъ тебѣ не стыдно, Даша...

— А тебѣ не совѣстно выставлять жену лгуньей передъ чужой?!

Дарья Степановна съ гнѣвомъ захлопнула за собой дверь, а мужъ ея отперъ крыльцо.

— Милости просимъ, Марья Васильевна! — говорилъ онъ радушно.—Не помогаю вамъ раздѣться, потому что вы этого не любите. Пойдемте ко мнѣ.

Они прошли въ прилично обставленный кабинетъ. Марья Васильевна сѣла на вѣнскій диванчикъ.

— Я у васъ отдохну немножко — страсть, какъ устала!.. Ходила къ Мироновымъ... знаете, какая даль... и прогулялась напрасно: самъ уѣхалъ и не подумалъ оставить для меня деньги,

Digitized by Google

а Надежда Антиповна говоритъ, что безъ разрѣшенія мужа она копѣйки не можетъ истратить.

Рыжеватая дама въ блузѣ, у которой были оборваны двѣ пуговицы, вошла въ кабинетъ, бросила вызывающій взглядъ Марьѣ Васильевнѣ и, усѣвшись въ кресло-качалку, закурила папиросу.

— Пріятно должно быть вамъ ходить на побирушки?..

— Много непріятнаго бываетъ, Дарья Степановна.

— А тѣмъ, къ кому вы ходите, еще больше непріятности. И я не понимаю, какъ это у васъ хватаетъ смѣлости силкомъ брать деньги!

— Даша, ты вздоръ говоришь!—замѣтилъ Александръ Ивановичъ и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, не вздоръ!.. Мы не богачи, чтобы давать по три рубля въ мѣсяцъ для какихъ-то нуждающихся... Мы получаемъ всего только двѣ тысячи. Онъ имѣлъ глупость пообѣщать вамъ, а вы этимъ и пользуетесь.

— Даша!.. Замолчи пожалуйста!

Въ голосѣ его звучалъ закипавшій гнѣвъ.

— Охъ, какой грозный!.. Не испугаюсь... А вамъ, Марья Васильевна, прямо скажу: стыдно вамъ приходить къ намъ за деньгами двадцатаго числа... Кажется, могли бы понять, какъ вамъ рады.

— Я не къ вамъ хожу,—невозмутимо отвѣчала Марья Васильевна,—а разсердить меня вамъ не удастся.

— Безъ всякой, значитъ, чувствительности ваша совѣсть...

— Даша!..—крикнулъ Александръ Ивановичъ такимъ тономъ, что жена его замолчала и ушла.

— Простите, Марья Васильевна, ради Бога! — заговорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

— Я не сержусь... но все-таки это непріятно... и я не желаю сердить Дарью Степановну своимъ приходомъ... Слѣдующіе взносы приносите лучше сами...

— Конечно, конечно!.. Какъ это я самъ этого не сообразилъ?.. Ради Бога, простите!.. Я слышалъ, вы вечеринку устраиваете?..

— Да, на будущей недѣлѣ... Заводъ сгорѣлъ, больше сотни рабочихъ остались безъ куска хлѣба, съ семьями, съ дѣтишками... Надо ихъ какъ-нибудь поддержать.

— Еще бы!.. Оставьте мнѣ штукъ пятьдесятъ билетовъ—я ихъ раздамъ...

Марья Васильевна отсчитала полсотни билетовъ и встала.

— Ну, надо дальше идти... До свиданія.

Digitized by Google

Хозяинъ проводилъ ее до передней, и пока Марья Васильевна надѣвала пальто, съ опаской поглядывалъ на дверь въ комнату жены. Вернувшись въ кабинетъ, онъ увидѣлъ въ качалкѣ Дарью Степановну.

„Ну, будетъ музыка!..“ — подумалъ онъ, сѣлъ къ столу и сталъ читать.

Дарья Степановна молчала, какъ бы собираясь съ силами; не торопясь, докурила она папиросу, положила окурокъ на виноградный листъ-пепельницу и тихо, съ легкимъ шипѣніемъ, сказала:

— И тебѣ не стыдно?..

„Начинается!“ — подумалъ Александръ Ивановичъ, и ничего не отвѣтилъ.

— Я вѣдь тебя спрашиваю, Александръ, или ужъ ты и разговаривать съ женой не желаешь?..

Онъ обернулся съ страдальческимъ лицомъ и простоналъ:

— Чего ты отъ меня хочешь?

— Я тебя спрашиваю, не стыдно тебѣ унижать жену передъ какой-то попрошайкой?

Онъ отвернулся и продолжалъ читать, думая отмолчаться.

— Вотъ какъ!.. Не желаешь и разговаривать съ женой...

Онъ молчалъ.

— Вотъ моя горькая участь!— началось причитаніе:—имѣла несчастіе выйти за него замужъ, родила ему сына, а онъ тебя въ грошъ не ставитъ... Для него интересы семьи—пустяки; чужимъ онъ готовъ отдать все жалованье, а жена ходи какъ нищая... Другія жены у хорошихъ мужей шампанское пьютъ, въ шолкъ да въ бархатъ одѣваются,—я только-что не на водѣ да на хлѣбѣ... Это называется: гуманность, прогрессъ... О другихъ надо заботиться, а жена съ сыномъ—хоть помирай съ голода! Все принципы, изволите видѣть... За сорокъ перевалило, а онъ, точно мальчишка-первоклассникъ, съ принципами носится, какъ дурень съ писаной торбой... Всякій студентъ къ четвертому курсу умнѣетъ, а у него до сихъ поръ—прогрессъ, гуманность, принципы... Поглядѣлъ бы въ зеркало: сѣдина въ бородѣ, а держишь себя, какъ мальчишка...

Она раздражительно скрипѣла, какъ арба.

— Ради Бога, не дѣлай сцены! — взмолился несчастный мужъ.—Къ чему ты плетешь всю эту ахинею?.. я слышалъ ее отъ тебя сто разъ. Говори прямо, чего тебѣ нужно, или я уйду— не могу слышать, какъ ты скрипишь.

— Уйдешь?.. Къ ней, что-ли, къ этой попрошайкѣ?.. Жена

Digitized by Google

надоѣла, любовницы захотѣлось... То-то вы больно съ ней любезничаете, Александръ Ивановичъ!..

Онъ вскочилъ и взялъ шляпу.

— Скажешь ты, чего тебѣ надо, или нѣтъ?!

— Садись, тогда скажу.

Онъ присѣлъ на кончикъ стула.

— Я хочу, — заговорила она внушительно,—я, какъ жена и мать, требую, чтобы ты пересталъ платить этотъ дурацкій налогъ... Три рубля въ семьѣ нужны.

— Этого не будетъ... Еще что?

Дарья Степановна закрыла глаза; плечи ея стали вздрагивать.

— Ха-ха-ха-ха!.. — раздался вдругъ взрывъ истерическаго смѣха.

„Вотъ она, симфонія семейнаго счастья!“ — подумалъ Александръ Ивановичъ.

Онъ зналъ все, что будетъ дальше: смѣхъ смѣнится рыданіями, потомъ пойдутъ неистовые крики, взвизгиванія, тихія слезы и едва слышный шопотъ—какъ будто умирающей.

Первая такая сцена его страшно встревожила, и онъ поѣхалъ за докторомъ, но, вернувшись вмѣстѣ съ нимъ, онъ увидѣлъ, что жена, какъ ни въ чемъ не бывало, грызетъ свое любимое лакомство — подсолнечныя сѣмечки, и ему пришлось извиниться передъ докторомъ... Теперь онъ нисколько не тревожился за здоровье жены и ждалъ обычнаго хода „музыки“.

Но на этотъ разъ послѣ нѣсколькихъ взрывовъ истерическаго хохота наступила тишина. Александръ Ивановичъ обернулся.

Жена лежала въ качалкѣ съ закрытыми глазами и, какъ ему показалось, не дышала; руки свѣсились съ кресла, какъ у мертвой. Онъ испугался... Наполнивъ графинъ холодной водой изъ крана въ кухнѣ, онъ прибѣжалъ въ кабинетъ и сталъ смачивать водой виски Дарьи Степановны.

Ни вздоха, ни движенія... Онъ хотѣлъ покапать водой на голову, но дрожащая рука слишкомъ нагнула графинъ, и холодная струя побѣжала за блузой по спинѣ Дарьи Степановны.

Умирающая вскочила.

— Дуракъ!.. медвѣдь!.. — закричала она, бросившись къ двери.

Это было такъ неожиданно, что Александръ Ивановичъ уронилъ графинъ.

„Тутъ съ ума сойдешь“,—подумалъ онъ и, схвативъ шляпу, выбѣжалъ въ переднюю, сдернулъ съ вѣшалки пальто и уже на крыльцѣ надѣлъ его.

Digitized by Google

Пройдя нѣсколько улицъ, онъ позвонилъ у низенькой двери въ глубинѣ большого двора, по которому ходило множество куръ и индѣекъ.

— Понимаю!..—встрѣтилъ его худой блондинъ съ мутными зеленоватыми глазами.

— А коли понимаете, то и хорошо,—отвѣтилъ Александръ Ивановичъ, снимая пальто:—водка есть?

— Всенепремѣнно!.. У меня сегодня два праздника.

— Какіе праздники?

— Во-первыхъ,—нѣтъ, это во-вторыхъ,—сегодня двадцатое число, а во-первыхъ, моя благовѣрная забрала всѣхъ чадъ и уѣхала на двѣ недѣли къ матери, и я, значитъ, на двѣ недѣли свободенъ, какъ англичанинъ.

— Это хорошо...

И оба сѣли къ столу, на которомъ было нѣсколько бутылокъ пива, графинчикъ водки и тарелка съ кускомъ сыра.

II.

Снимая пальто въ передней у Кукушкиныхъ, Марья Васильевна услышала торжественные вступительные аккорды Мендельсоновской симфоніи.

Она тихонько вошла въ залу и сѣла у двери.

Мужъ съ женой играли въ четыре руки. Рояль былъ прекрасный, пѣвучій. Кукушкина, игравшая secundo, старалась не ошибиться и скоро сфальшивила.

— Опять съ тобой невозможно играть!.. — воскликнулъ съ досадой мужъ.

— Ахъ, Саша!.. Я опять приняла бемоль за діэзъ!—печально проговорила молодая женщина.

— Невозможно играть!..—повторилъ Кукушкинъ и, вскочивъ со стула, увидѣлъ гостью.

— Марья Васильевна!.. Вотъ съ кѣмъ я сыграю эту симфонію!..

— Мнѣ теперь некогда, Николай Петровичъ.

— Марья Васильевна, какая я несчастная! — жаловалась Кукушкина:—мнѣ такъ хочется сыграть съ Колей симфонію, и я страшно стараюсь, и отъ этого путаюсь, а онъ сердится.

— Я не сержусь, Надюша,—отвѣтилъ онъ, любовно глядя на жену,—но вѣдь точно ножомъ рѣжутъ нервы, когда ты фальшивишь. Такъ не хотите сыграть, Марья Васильевна?

Digitized by Google

— Право же, некогда... Я къ вамъ на минуту, за обѣщаннымъ платежомъ.

— Какой платежъ?.. Я обѣщалъ?..

— Позабыли или шутите?..

— Ей Богу, позабылъ... Простите меня, Марья Васильевна, но, хоть убейте, не помню, что я вамъ обѣщалъ.

— На проводахъ Петра Аѳанасьевича.

— Помню, что я много выпилъ шампанскаго... Василій Васильевичъ рѣчь сказалъ о нуждающихся студентахъ, о пострадавшихъ отъ неурожая, о какихъ-то піонерахъ... Правда?..

— Ну, вотъ, на его рѣчь я отвѣчала... Ничего не помните изъ моихъ словъ?

— Позвольте, позвольте!.. Припоминаю... что-то насчетъ реализаціи сочувствій, высказанныхъ Василіемъ Васильевичемъ... насчетъ общественныхъ обязанностей...

— Да... и потомъ всѣ, и вы въ томъ числѣ, выразили желаніе ежемѣсячно платить, кто сколько назначилъ, на общественныя нужды...

— Совершенно вѣрно!.. Теперь вспомнилъ... Знаете, столько дѣлъ, столько впечатлѣній, что невозможно все помнить.

— Что не интересно, то, конечно, легко забывается,—печально замѣтила Марья Васильевна.

— Нѣтъ, почему же это неинтересно!.. Я теперь вспоминаю... Вы прекрасно мотивировали свое предложеніе... И мнѣ такъ понравилось, что вы напомнили намъ всѣмъ нашу обязанность... Мы какъ-то забываемъ о ней въ сутолокѣ жизни... Намъ необходимы напоминальщики, будильщики... Сколько я обѣщалъ вносить?

— По пяти рублей въ мѣсяцъ.

— Да-да-да!.. Теперь все ясно вспомнилъ...

Онъ вынулъ изъ кармана сюртука бумажникъ.

— Знаете, что мы сдѣлаемъ, Марья Васильевна... Къ будущему мѣсяцу я опять могу позабыть о своемъ обязательствѣ, и вамъ опять придется напоминать, приходить ко мнѣ спеціально для этого...

— Это пустяки, Николай Петровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Вы—наша дорогая гостья, но чтобы вы приходили къ намъ изъ-за этого сбора, этого я не допущу... Мнѣ и теперь совѣстно, что я, по безпамятности, не привезъ вамъ эти деньги... Такъ вотъ мы что сдѣлаемъ, чтобы это не повторилось... Получите съ меня сразу за весь годъ... Пятью двѣнадцать—шестьдесятъ... Вотъ, пожалуйста...

Digitized by Google

Онъ подалъ Марьѣ Васильевнѣ сторублевку.

— У меня нѣтъ сдачи.

— Ну, такъ что же!.. Вы вѣдь къ намъ придете когда-нибудь, какъ гостья, тогда и принесете сдачу... А впрочемъ, позвольте... У меня великолѣпная мысль!.. Эти сто рублей я вчера выигралъ... Возьмите ихъ полностью для вашихъ студентовъ, мужиковъ или кого тамъ знаете... Я ихъ жертвую, но не даромъ... Я предложу вамъ маленькую сдѣлку.

— Какую?

— Сыграемъ въ четыре руки эту симфонію.

— Марья Васильевна, голубушка,—заговорила Кукушкина,—сыграйте!.. Ему такое большое удовольствіе, а я не умѣю.

— Нечего дѣлать, придется сыграть,—весело сказала Марья Васильевна.

— Вотъ спасибо!—воскликнулъ Кукушкинъ.—Теперь, значитъ, роли перемѣнятся... я сажусь слѣва. Надюша, послушай, какъ у насъ хорошо выйдетъ... Вѣдь это чудная симфонія!..

Они стали играть, а Кукушкина, наблюдая наслажденіе на лицѣ мужа, ревниво поглядывала на Марью Васильевну и рѣшила разучить свою партію во что бы то ни стало.

III.

Обѣденный столъ у Персиковыхъ былъ окруженъ, точно живымъ вѣнкомъ, дѣтскими личиками. Пять дѣвочекъ въ одинаковыхъ голубыхъ платьицахъ пили молоко съ сухарями, а мать ихъ, красивая, но уже значительно поблѣкшая брюнетка, любовалась своими произведеніями. Они были очень милыя, съ такими же бойкими черными глазками, какъ у самой художницы, только у младшей глаза были сѣрые, какъ у отца.

— Марья Васильевна!.. — закричали дѣвочки и выскочили изъ-за стола; одна изъ нихъ уронила стулъ.

Дѣти окружили гостью, хватали ее за руки и кричали:

— Конфетку!.. Конфетку!..

Марья Васильевна, улыбаясь, вынула изъ кармана нѣсколько конфетокъ въ разноцвѣтныхъ бумажкахъ, перецѣловала дѣвочекъ, а потомъ—улыбающуюся отъ материнскаго счастья Ксенію Егоровну.

— Будемъ завтракать, Марья Васильевна. Я вотъ съ ними сейчасъ кончу. Манечка, допивай скорѣй молоко... Надя, и у тебя недопитый стаканъ.

Digitized by Google

— А мнѣ надо къ Павлу Григорьевичу. Онъ дома?

— Да, да!.. Манечка, не лѣзь на столъ... Катя, ты упадешь, не вертись на стулѣ.

Марья Васильевна постучала въ дверь кабинета.

— Войдите!—раздалось за дверью.

Персиковъ сидѣлъ у письменнаго стола. Приходъ Марьи Васильевны прервалъ творчество проекта, которымъ онъ надѣялся пріобрѣсти себѣ имя въ желѣзно-дорожномъ мірѣ.

Персиковъ былъ контролеръ мѣстной желѣзной дороги. Онъ весь ушелъ въ службу. Интересы желѣзно-дорожной кассы онъ близко принималъ къ сердцу и съ увлеченіемъ занимался ловлей зайцевъ. Видя, что эта ловля не достигаетъ цѣли, онъ сталъ думать о радикальномъ средствѣ уничтожить провозъ безбилетныхъ пассажировъ,—наконецъ, придумалъ и уже писалъ проектъ, храня его въ строжайшемъ секретѣ.

— Здравствуйте, Марья Васильевна,—сказалъ онъ, подвигая для нея стулъ и досадуя, что она помѣшала ему работать.

— Извините, Павелъ Григорьевичъ... на одну минуту. Сегодня двадцатое число,—хочу получить съ васъ три рубля.

Персиковъ вынулъ изъ кошелька зеленую бумажку.

— Обязался—плачу́ и не пла́чу,—сказалъ онъ,—но откровенно вамъ заявляю: на будущее время отказываюсь. Мнѣ нисколько не жаль трехъ рублей, но я—принципіальный врагъ всякихъ обязательствъ. Они обращаютъ человѣка въ какого-то раба. Свобода—прежде всего. Хочу дать три рубля—дамъ, не захочу—не дамъ; а разъ обязался—давай, хочешь или не хочешь. Это—самоограниченіе свободы... Люди борются противъ всякихъ стѣсненій, и вдругъ мы сами налагаемъ на себя какія-то цѣпи. И я удивляюсь вамъ, Марья Васильевна: вы, человѣкъ, уважающій свободу совѣсти, сдѣлали на этомъ обѣдѣ, можно сказать, крѣпостническое предложеніе. Вѣдь въ немъ выразилось несомнѣнное желаніе притѣснить нашу совѣсть, надѣть на нее оковы.

— Не понимаю, Павелъ Григорьевичъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, Марья Васильевна. Мы—люди взрослые, сознательные... Мы очень хорошо знаемъ, что существуютъ общественныя обязанности... Мы знаемъ, что есть нуждающіеся студенты, голодающіе крестьяне, честная, великодушная молодежь; что лучшимъ передовымъ людямъ приходится всегда терпѣть и нужду, и всякія непріятности. Но если, зная все это, мы сами не организовали постояннаго сбора для удовлетворенія всѣхъ этихъ нуждъ, то, значитъ, у насъ нѣтъ потребности это сдѣлать... И вдругъ вы требуете, чтобы мы выражали несуществующія со-

Digitized by Google

чувствія денежными пожертвованіями... Согласитесь съ тѣмъ, что это—насиліе надъ совѣстью.

Марья Васильевна пожала плечами.

„Неужели на это нужно возражать?“—подумала она и молчала, тоскливо глядя на Персикова.

А онъ принялъ это молчаніе за успѣхъ своей аргументаціи, и продолжалъ:

— Вотъ видите... Вы сами чувствуете, что, руководясь высокими нравственными побужденіями, вы, однако, совершили вовсе не этическій поступокъ, ибо таковымъ не можетъ быть никакой видъ насилія надъ совѣстью.

Марья Васильевна печально усмѣхнулась.

— Вы ошибаетесь, Павелъ Григорьевичъ,—я этого не чувствую. Я молчала, потому что изумляетъ меня ваша теорія свободы совѣсти... Мнѣ кажется, даже неловко спорить на эту тему. Я вамъ только одно скажу: въ моемъ предложеніи не было ничего обязательнаго, и вы, какъ человѣкъ самостоятельный, могли сказать: не хочу.

— Позвольте!.. Въ томъ-то и дѣло, что я этого не могъ сказать. Вотъ теперь, наединѣ, я вамъ прямо заявляю, что отказываюсь отъ взносовъ, и объясняю вамъ—почему... Но въ собраніи, на обѣдѣ, сказать это невозможно по многимъ причинамъ: во-первыхъ, это причинило бы непріятность вамъ; во-вторыхъ, внесло бы нѣкоторый диссонансъ въ гармонію общаго настроенія; въ-третьихъ, я вовсе не желалъ исповѣдываться публично. Сочувствую или не сочувствую, даю деньги на помощь нуждающимся или нѣтъ—это тайна моей совѣсти... Я хочу дѣлать добро такъ, чтобы шуйца не знала, что творитъ десница, и никто не смѣетъ сдѣлать мою тайну общеизвѣстной. Наконецъ, нельзя же не считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Еслибы я тогда на обѣдѣ высказался откровенно, какъ теперь говорю съ вами, то меня осмѣяли бы и по городу пошли бы нежелательные слухи. Значитъ, требовалось нѣкоторое геройство, а я—вовсе не герой, я—обыкновенный, маленькій человѣкъ, дѣлающій маленькое, но полезное дѣло... Согласитесь съ тѣмъ, что при такихъ условіяхъ я долженъ былъ дать вынужденное согласіе на ваше предложеніе, и вы это знали, и, пользуясь благопріятной для васъ обстановкой, сдѣлали покушеніе на свободу совѣсти и не только меня, но, быть можетъ, и другихъ заставили поступить противъ воли.

Марья Васильевна вынула изъ кошелька три рубля.

— Вотъ ваши деньги, Павелъ Григорьевичъ...

Digitized by Google

— Что вы, что вы!—заволновался онъ:—съ какой стати! Я говорю вообще... пожалуйста, возьмите!

— Нѣтъ!—рѣшительно возразила Марья Васильевна:—взять ихъ послѣ вашихъ словъ—значило бы, дѣйствительно, совершить насиліе надъ вашей совѣстью. Я этого не желаю.

— Ну, какъ знаете. Но вы не сердитесь на меня?

Она вздохнула.

— Не сержусь, Павелъ Григорьевичъ, но грустно все это... Далеко отошли вы отъ прошлаго... чужимъ оно для васъ стало... но вы чувствуете потребность самооправданія, и вотъ выдумали эту удивительную теорію свободы совѣсти.

— Марья Васильевна, идите завтракать! — раздалось за дверью.

— Иду.

— Онъ васъ огорчилъ,—заговорила Персикова:—свобода совѣсти? Да?

Марья Васильевна кивнула головой.

— Ахъ, я съ нимъ много спорила... Это—его странность... у всякаго есть странности...

— Я возвратила ему три рубля,—говоритъ, что я силой заставила ихъ дать.

— А отъ меня, голубчикъ, возьмите... Это—изъ моихъ денегъ... Онъ мнѣ подарилъ на платье, и я его купила, но съэкономила... Возьмете?

— Конечно, возьму.

Персикова просіяла и поцѣловала Марью Васильевну.

IV.

У Кудряшкиныхъ Марья Васильевна застала чтеніе разсказа изъ только-что полученной книжки журнала.

Въ разсказѣ была изображена жизнь семьи, въ которой отецъ и мать отвернулись отъ своего идейнаго, общественнаго прошлаго и, вращаясь въ кругу исключительно личныхъ интересовъ, стараются и въ дѣтяхъ воспитать индивидуалистовъ, а между тѣмъ у дочери развиваются тоже идейныя стремленія, которыми когда-то была красна жизнь ихъ родителей.

Читала разсказъ старшая дочь Кудряшкиныхъ, музыкантша, собирающаяся въ Москву, чтобы поступить въ консерваторію. Слушалъ самъ Кудряшкинъ, угрюмый брюнетъ съ порядочнымъ

Digitized by Google

брюшкомъ, и его жена, представительная, статная дама съ красными щеками.

— Ничего нѣтъ новаго,—сказала дѣвушка, закрывая книжку.

— Правда,—согласилась ея мать,—и вовсе не художественно написано.

Кудряшкинъ молча курилъ и хмурился.

— Марья Васильевна, вы читали этотъ разсказъ?—спросила хозяйка.

— Читала.

— Ну, каковъ онъ по вашему?

— Мнѣ разсказъ понравился... Пріятно видѣть, какъ жизнь беретъ свое. Ужъ какъ берегли Липочку отъ всякихъ идей, какъ старательно втискивали ее въ буржуазную рамку, а жизнь свое взяла... Это какъ ручьи весной... Идешь раннимъ утромъ и видишь, что ледъ оковалъ ихъ, а поднялось солнышко, и они уже бѣгутъ и журчатъ.

— Я не понимаю, — заговорилъ Кудряшкинъ, и въ голосѣ его слышалось раздраженіе, которое онъ старался скрыть:—не понимаю, какъ это авторы подобныхъ разсказовъ не замѣчаютъ, что въ этихъ шаблонныхъ упрекахъ въ измѣнѣ прошлому нѣтъ никакого смысла; это во-первыхъ; а во-вторыхъ они прямо-таки несправедливы.

Онъ ожидалъ возраженія Марьи Васильевны; она молчала.

— Почему не слѣдуетъ отворачиваться отъ прошлаго,—продолжалъ онъ, волнуясь:—неужели потому только, что въ немъ были благія намѣренія?.. А если эти намѣренія были дѣтски наивны?.. Неужели же человѣкъ, когда его умственныя силы развились, когда онъ взглянулъ критически на свои благія намѣренія и увидѣлъ, что практическая цѣна ихъ грошъ, потому что они неосуществимы, — неужели же онъ все-таки долженъ цѣпляться за свое прошлое, какъ за щепку, и, конечно, тонуть?.. По какой логикѣ?.. И какой въ этомъ прогрессъ?.. Совсѣмъ напротивъ, я полагаю.

Онъ вызывающе взглянулъ на Марью Васильевну. Ея молчаніе увеличило раздраженіе Кудряшкина, и онъ продолжалъ:

— Вотъ, напримѣръ, всѣ уши прожужжали похвалами общественности и порицаніями индивидуализма,—какъ будто это—безспорное рѣшеніе вопроса!.. И съ какой стати личность должна жертвовать своими интересами для другихъ, для общества? Это какой-то догматъ, а вовсе не доказанное положеніе... Почитайте, что объ этомъ говоритъ Ницше... Развѣ можно не считаться съ его ученіемъ!.. А Толстой?.. Кажется, авторитетъ по этикѣ?..

Digitized by Google

А онъ тоже проповѣдуетъ не общественныя добродѣтели, а индивидуальное нравственное совершенствованіе... а все остальное приложится вамъ... Или, быть можетъ, и съ Толстымъ не нужно считаться?

Онъ опять строго поглядѣлъ на Марью Васильевну.

— Надежда Марковна,—спросила она:—въ завтрашнемъ концертѣ играютъ что-нибудь Бетховеновское?

— Какъ же... Пятую симфонію.

Кудряшкинъ обидѣлся и тяжело вздохнулъ.

— Позвольте васъ спросить, Марья Васильевна, — заговорилъ онъ съ одышкой:—какъ принять ваше молчаніе?.. За согласіе?

— Вы знаете, что нѣтъ... Мы вѣдь бесѣдовали на эту тему и другъ друга не переубѣдимъ. Зачѣмъ же понапрасну спорить...

— Да-а... И значитъ, по вашему, надо обличать, упрекать отвернувшихся отъ прошлаго?

— Я не уставала бы это дѣлать, если бы была польза. Но вѣдь даже Щедринъ не разбудилъ засыпавшихъ, а теперь они спятъ летаргическимъ сномъ. Какіе ужъ тутъ упреки!.. Жаль только...

— Гмъ, — промычалъ онъ, недовольный мирнымъ тономъ отвѣтовъ Марьи Васильевны.

Прочитанный разсказъ возбудилъ въ немъ досаду—онъ самъ не зналъ, на кого именно,—и ему хотѣлось поссориться, побраниться...

— Надежда Марковна, вы достанете мнѣ даровой билетъ на эту симфонію?—спросила Марья Васильевна.

— Непремѣнно... Завтра я вамъ занесу билетъ.

Кудряшкинъ поглядѣлъ на часы и, тяжело поднявшись съ кресла, пошелъ въ свой кабинетъ.

— Алексѣй Ѳедоровичъ,—остановила его Марья Васильевна:—я къ вамъ за данью, сегодня 20-е число.

Онъ злорадно усмѣхнулся и сѣлъ.

— Двадцатое число,—повторилъ онъ:—но, съ вашего милостиваго разрѣшенія, я желалъ бы освободиться отъ этой дани.

Онъ жаждалъ язвительнаго отвѣта, чтобы имѣть поводъ закипѣть, но Марья Васильевна была невозмутима.

— Для этого не надо моего разрѣшенія,—отвѣтила она:—сами наложили на себя дань, сами и освобождайтесь.

— Да-а... Я, разумѣется, пошутилъ насчетъ вашего разрѣшенія... Но я хочу объяснить вамъ, почему отказываюсь. Выдавая вамъ три рубля, я поступалъ бы противъ убѣжденія.

Digitized by Google

— Помогать нуждающимся — противъ вашего убѣжденія?.. Это для меня новость...

— Позвольте... Помощь нуждающимся есть доброе дѣло, нашъ христіанскій долгъ. Но вѣдь вы, между прочимъ, вносите плату за право ученія бѣдныхъ студентовъ?

— Да...

— Прекрасное дѣло... но вѣдь вы при этомъ не удостовѣряетесь во взглядахъ студентовъ, которымъ помогаете. А вѣдь есть студенты и студенты... Однимъ я помогу съ удовольствіемъ, а другимъ не дамъ ни гроша... А между тѣми, которымъ вы помогаете, могутъ попасться — ну, напримѣръ, такіе глупцы, какимъ я былъ во время оно... И если теперь я признаю всѣ эти благія стремленія вредными глупостями, то какъ же я могу оказывать помощь такому глупцу?.. Это — противъ моего убѣжденія... Во всякомъ случаѣ я рискую: можетъ быть, мои деньги пойдутъ на пользу, а можетъ быть и во вредъ.

— Не рискуйте, Алексѣй Ѳедоровичъ...

— Не буду, не буду... И вамъ напрямикъ скажу: милости просимъ къ намъ, — только не сборщицей, а гостьей.

Марья Васильевна вздохнула и промолчала.

Кудряшкину непремѣнно хотѣлось задѣть ее и заставить сказать что-нибудь рѣзкое.

— Я не понимаю, — заговорилъ онъ, — какъ вы можете исполнять такую несимпатичную роль сборщицы?

— По цѣли она мнѣ симпатична.

— А!.. цѣль оправдываетъ средства! — прошипѣлъ онъ.

— Вы находите, что это — дурное средство? Не понимаю.

— Для меня вотъ что удивительно, Марья Васильевна... У васъ такое тонкое пониманіе людей... неужели же вы не догадываетесь, что всѣ, кто вамъ даетъ деньги... ну, не всѣ, а очень многіе — не рѣшаются сказать вамъ прямо, что они не желаютъ платить... Они платятъ и въ душѣ бранятъ васъ.

— На здоровье.

— То-есть, какъ же такъ на здоровье?.. Вы знаете, что они не желаютъ платить, и все-таки берете деньги?

— И буду брать, и являться каждое двадцатое число, пока они не скажутъ: не могу, или: не хочу. А если кто лицемѣритъ, заявляя о сочувствіи, котораго нѣтъ, — пусть платитъ штрафъ за лицемѣріе.

— И вамъ пріятно входить въ домъ, зная, что вашимъ приходомъ недовольны?

— Я вѣдь не для удовольствія хожу, не для себя.

Digitized by Google

— Не понимаю... не понимаю!—пробормоталъ Кудряшкинъ, потерявъ надежду разсердить Марью Васильевну, и ушелъ въ кабинетъ.

V.

Марья Васильевна шла по улицѣ съ печальными мыслями. „Столько нужды,—думалось ей,—такъ много денегъ нужно, а имъ рѣшительно все равно... Какая тоска отъ этого брюзжанія одряхлѣвшей мысли!.. А философія свободы совѣсти!.. Ну, можно ли было предсказать, что Персиковъ додумается до этой философіи"!..

На перекресткѣ ей бросились въ глаза золотыя буквы вывѣски: банкирская контора Доларова.

„Не продать ли ему билетъ на вечеринку,—подумала она.—Кто-то мнѣ говорилъ, что онъ всѣмъ даетъ, кто ни попроситъ... А если не возьметъ билета этотъ буржуй,—не будетъ такъ обидно, какъ отъ отказовъ своихъ".

И Марья Васильевна вошла на крыльцо съ золотой вывѣской. Швейцаръ показалъ ей дверь въ кабинетъ банкира.

Жизнерадостный толстякъ Доларовъ просматривалъ только-что полученную телеграмму о курсахъ на петербургской биржѣ. Увидя Марью Васильевну, онъ указалъ ей на кресло и любезно сказалъ:

— Прошу васъ присѣсть... Чѣмъ могу вамъ служить?

— Служить?—повторила Марья Васильевна, взглянувъ на него добрѣйшими сѣрыми глазами:—но вѣдь вы не слуга, а я не барыня...

Доларовъ засмѣялся.

— Вы оригиналка!—сказалъ онъ.—Охотно готовъ бросить этотъ шаблонъ вѣжливости, если онъ вамъ не нравится... Будемъ говорить просто... Не угодно ли вамъ сообщить банкиру ваше желаніе?

— Но *я* вовсе не съ банкиромъ хочу говорить.

— А съ кѣмъ же?

— Съ человѣкомъ.

Безъ умысла, Марья Васильевна страшно ему польстила.

— И человѣкъ передъ вами,—сказалъ онъ серьезно, и даже немного покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—заговорила Марья Васильевна:—вы знаете, здѣсь недавно сгорѣлъ заводъ... множество народа оста-

Digitized by Google

лось безъ работы... семьи съ дѣтишками безъ куска хлѣба... Надо имъ помочь... Устраивается для этого вечеринка... Я увидѣла вывѣску вашей конторы, и рѣшила рискнуть предложить вамъ билетъ.

— Рѣшили рискнуть?.. Въ чемъ же вы предполагали рискъ?..

— Да вѣдь банкиры не интересуются рабочими... Сытый голоднаго не разумѣетъ...

— Пожалуй, что это правда... И вы рѣшили поискать человѣка... Что же, я очень благодаренъ вамъ, что вы рискнули. Никогда я не бывалъ на такихъ вечеринкахъ—мнѣ интересно посмотрѣть, какъ тамъ веселятся... Позвольте мнѣ билетъ.

Марья Васильевна подала ему карточку съ адресомъ дома, гдѣ предполагалась вечеринка.

— Благодарю васъ,—сказалъ Доларовъ и, спрятавъ ее въ бумажникъ, положилъ передъ Марьей Васильевной сторублевку.

Она не поблагодарила и бережно спрятала бумажку въ свой поношенный кошелекъ.

— Тысченку выручите?—спросилъ Доларовъ.

— Что вы!.. Если двѣсти получимъ,—и то хорошо...

— Позвольте мнѣ посодѣйствовать раздачѣ билетовъ... Оставьте штукъ десять—продамъ по хорошему курсу.

Марья Васильевна повеселѣла.

— Ахъ, какъ это хорошо!—воскликнула она.—Какъ я рада, что рискнула зайти къ вамъ!

— Рискъ благородное дѣло...—сказалъ Доларовъ, и, проводивъ Марью Васильевну до передней, вернулся въ кабинетъ, очень довольный собою.

VI.

Еще съ улицы Марья Васильевна услышала крикъ, визгъ и плачъ дѣтей въ квартирѣ Утенковыхъ: въ этой семьѣ дѣти прибывали каждый годъ и иногда самъ-другъ.

Въ большой комнатѣ на полу валялись безрукія и безногія куклы, лошадь безъ головы, кубики, мячики, волчки; въ углу стояли дѣтскіе горшочки... На комодѣ было множество пузырьковъ, баночекъ и коробочекъ съ лекарствами.

— Охъ, какая у васъ духота!—сказала Марья Васильевна.—Отчего вы форточекъ не отворяете?..

— Боюсь дѣтей простудить,—отозвалась расплывшаяся, толстощекая блондинка, стоявшая на колѣняхъ передъ розовымъ мальчуганомъ.

Digitized by Google

— Открой ротикъ! — повторяла она то умоляющимъ, то приказательнымъ тономъ.

— Не хочу!..—упрямо повторялъ мальчикъ и моталъ головой.

— Надя, позови трубочиста,—пусть онъ возьметъ Васю.

Но Вася зналъ, что это пустая угроза, и смѣялся.

— Ахъ, какой недобрый мальчикъ!.. Мама тебя проситъ... открой ротикъ, голубчикъ!

Вася схватилъ маму за носъ и больно дернулъ...

— А... ты вотъ какой!.. Ты не получишь за это конфеты.

Но мальчикъ зналъ, что и этой угрозѣ не слѣдуетъ вѣрить, и заливался смѣхомъ.

— Марья Васильевна, помогите мнѣ... Да оставьте вы ее!— закричала она на дѣтей, цѣплявшихся за платье гостьи... Подержите Васю за головку.

— Что вы съ нимъ хотите дѣлать?

— Надо смазать горлышко керосиномъ.

— Что у него?

— Да ничего, слава Богу... Но мнѣ показалось, что какъ будто маленькая краснота. Теперь въ городѣ скарлатина, дифтеритъ,—не дай Богъ...

— Вася, давай вмѣстѣ кричать!—сказала Марья Васильевна: —а... а... а!..

— А... а...—передразнилъ Вася и широко открылъ ротъ.

— Софья Петровна, никакой красноты нѣтъ... не надо смазывать.

— Вы думаете?..

— Да конечно,—мальчикъ совсѣмъ здоровый.

— Я думала—на всякій случай... Коля, отдай игрушку Пашенькѣ!.. Зина, зачѣмъ ты ее дразнишь?.. Володя, не хочешь ли... Вижу, что хочешь... Садись, садись скорѣе!.. Петя, ты опять на столъ лѣзешь, скверный мальчишка!..

Въ углу раздался отчаянный ревъ... Ростя поцарапалъ Вѣрочку, а она, въ видѣ реванша, укусила Костю...

— Ахъ вы, разбойники!.. Вы покалѣчите другъ друга!.. Я васъ въ чуланъ запру!.. Ростя, я тебя здорово отшлепаю... Помнишь, что вчера было?

— Неужели вы ихъ шлепаете?—спросила Марья Васильевна.

— Обязательно!.. Шлепаю и прутомъ стегаю...

— А вѣдь вы педагогику проходили въ гимназіи...

Утенкова засмѣялась.

— Вотъ вспомнили!.. Педагогика хороша, когда дѣтей нѣтъ...

Digitized by Google

Всѣ эти гуманности съ дѣтьми хороши только въ книжкахъ... Развѣ съ такими сорванцами словами сладишь... Звѣреныши какъ есть,—только и боятся шлепковъ да прута. Вася, дай я тебѣ носъ утру̀...

— Ма-а-ма, дай ножикъ!..

— Ножикъ не игрушка,—не дамъ.

— Да-ай... Я хо-очу!..

— Сказано: не дамъ—и не дамъ!..

Мальчикъ заревѣлъ благимъ матомъ.

— Это—истинное наказаніе!.. Ну, на̀ тебѣ ножикъ, только не реви, ради Бога!

— Сами пріучаете ихъ капризничать,—замѣтила Марья Васильевна.

— Чѣмъ пріучаю?..

— Сказали, „нельзя“, заревѣлъ—можно...

— Ахъ, Марья Васильевна!.. Легко вамъ такъ говорить... А у меня отъ ихняго рева та̀къ голова трещитъ, что все готова имъ дать, лишь бы не ревѣли.

— Валеріанъ Егоровичъ дома?

— Нѣтъ, въ коммиссію пошелъ.. Онъ просилъ передать вамъ три рубля... Куда я ихъ положила?

Началось исканье на столѣ, въ комодѣ...

— Дѣти, вы не брали зеленой бумажки?.. Просто бѣда съ ними!.. Все они тащатъ и рвутъ... А, вотъ она!.. Я ее подъ стаканъ спрятала, да и забыла. А знаете, Марья Васильевна, я хочу васъ попросить: освободите Валеріана отъ этихъ взносовъ.

— Это его добрая воля—давать или не давать.

— Знаю... онъ хочетъ, но если не будете напоминать двадцатаго числа,—онъ мѣсяцъ-другой попомнитъ, а потомъ позабудетъ.

— Неужели вамъ трехъ рублей жаль?

— Нисколько не жаль, а я насчетъ спокойствія. Меня Алексѣй Ѳедоровичъ напугалъ... Вчера былъ у насъ и говоритъ: „вотъ мы даемъ деньги Марьѣ Васильевнѣ, она, говоритъ, вноситъ за право ученія студентовъ, а вдругъ кто-нибудь изъ нихъ попадется въ чемъ-нибудь такомъ нехорошемъ,—и мы, говоритъ, въ отвѣтѣ будемъ“.

— Ерунда это, Софья Михайловна... Скупъ онъ, и выдумалъ этотъ вздоръ, чтобы не платить денегъ...

— Да и я подумала, за что же намъ-то отвѣчать?.. вѣдь мы не знаемъ, какіе студенты... А потомъ все-же думается, ка̀къ бы чего не вышло... Довольно съ насъ... Молоды были, глупости

Digitized by Google

дѣлали... На все своя пора... До женитьбы дѣлай что хочешь, коли себя не жалѣешь. А какъ женился—баста... Всякія идеи долой... Коля, ты упадешь, сойди со стула... Имѣешь такую ораву и думай объ ней, сиди смирно, да деньги зарабатывай, чтобы на всѣхъ хватило. А съ идеями на одномъ мѣстѣ не усидишь.

— Жениться—перемѣниться,—съ печальной усмѣшкой сказала Марья Васильевна.

— Обязательно!.. Это только какой-нибудь безсердечный мужъ можетъ заниматься филантропіей, или тамъ чѣмъ-нибудь, на счетъ спокойствія и достатка семьи... Ахъ, Господи!..

Она кинулась къ отчаянно закричавшей дѣвочкѣ, которую Вася ударилъ ножемъ по рукѣ.

Мальчикъ получилъ затрещину и заревѣлъ.

— Убью тебя, негодный мальчишка! — кричала Софья Петровна.—Нюточка, милая!.. Покажи ручку!.. До крови негодяй прорѣзалъ!.. Вонъ отсюда, на глаза мнѣ не показывайся!

Она вытолкала мальчика въ другую комнату. Къ его реву присоединилось нѣсколько голосовъ.

— Давай, Нюточка, ручку...

Она посыпала ее пудрой и завязала тряпкой. Дѣвочка плакала.

— Ну, не плачь, не плачь, милая!.. На тебѣ конфетку... Охъ, бѣда съ ними, Марья Васильевна!

— Вы сами дали ему ножъ...

— Васька, иди сюда, отдай ножикъ!

— Не дамъ...—съ плачемъ отвѣчалъ Вася.

— Не дашь! Ну, я тебѣ покажу... Опять прута захотѣлъ...

Вася испугался и бросилъ ножъ на полъ.

— Негодный мальчишка! Вы чего ревете, Коля, Надя! Какъ отшлепаю я васъ всѣхъ по очереди... Съ ума съ ними сойдешь! Вы уже уходите, Марья Васильевна?.. Ну, до свиданія... Надо кашку сварить для Наташи...

VII.

Василій Васильевичъ Боковъ пріѣхалъ со службы и ждалъ обѣда. Это былъ маленькій живчикъ, прозванный въ кружкѣ товарищей Пимперле. Теперь если кто-нибудь по старой привычкѣ называлъ его этимъ прозвищемъ,—онъ обижался.

И въ самомъ дѣлѣ, какой онъ теперь Пимперле? Онъ—на-

Digitized by Google

чальникъ одной изъ службъ желѣзной дороги. У него новое прозвище — „шишка“, и оно ему очень нравится.

Василій Васильевичъ уже не живчикъ. Его когда-то худощавое тѣло покрылось толстымъ слоемъ жира, и прежній Пимперле спрятался въ немъ точно въ мѣшкѣ. И говоритъ онъ не по прежнему, не сыплетъ словами, точно горохомъ, а произноситъ ихъ съ оттяжкой, и только когда разсердится, — сбивается на скороговорку. И уже не бѣгаетъ онъ, какъ мышка, а ходитъ солидно, соотвѣтственно служебному положенію.

„Ахъ, эта несносная сборщица!“ — подумалъ онъ, увидя Марью Васильевну, но тотчасъ же придалъ своему лицу радостное выраженіе.

— Милости просимъ, Марья Васильевна!.. Я очень, очень радъ, что вы къ намъ заглянули... Вы такъ рѣдко бываете у насъ...

— Ахъ, Пимперле, какой вы стали буржуй!

— То-есть, въ какомъ же смыслѣ?—спросилъ Боковъ, поморщившись отъ своего прежняго прозвища.

— Во всякомъ. Зачѣмъ вы лебезите со мной по буржуазному? Прежде вы этого не дѣлали. Зачѣмъ вы увѣряете, что очень рады мнѣ?.. Я вѣдь чувствую, что вы вовсе не рады...

— Ей Богу, радъ, Марья Васильевна. Вы пообѣдаете у насъ?

— Нѣтъ, я теперь къ вамъ только за пятью рублями.

— Представьте себѣ, Марья Васильевна,—кромѣ мелочи на извозчиковъ, ни копѣйки нѣтъ.

— Не понимаю...

— Очень просто: жена все жалованье забрала.

— И вамъ не стыдно это говорить!.. Ахъ, Пимперле, вы просто неузнаваемы.

— Зачислите въ недоимку, Марья Васильевна,—ей Богу, нѣтъ денегъ.

— Да вы это серьезно или такъ, зря болтаете?

— Серьезно, Марья Васильевна.

— Какъ же это понять?.. Вѣдь вы изъявили желаніе платить въ мѣсяцъ по пяти рублей. Да или нѣтъ?

— Да...

— А если такъ, то вы не имѣли права отдать всѣ деньги женѣ... Вы должны были прежде всего отложить пять рублей, которые обязались вносить на общественныя нужды... Кажется, это ясно, какъ день. Или вы, можетъ быть, не желаете участвовать въ этомъ сборѣ,—тогда такъ прямо и скажите.

Digitized by Google

— Нѣтъ, почему же не хотѣть,—пробормоталъ онъ, покраснѣвъ отъ досады.

— Распекаете его, и по дѣломъ!—раздался звонкій женскій голосъ, и нарядная жена Бокова вошла въ комнату.

— Онъ у меня ужасно неаккуратный. И мнѣ даже иногда пообѣщаетъ—и не исполнитъ... Но вы представить себѣ не можете, Марья Васильевна, какъ уплываютъ деньги... Мужъ много получаетъ... Мама мнѣ присылаетъ по сту рублей въ мѣсяцъ... и едва хватаетъ на самое необходимое... Да какое хватаетъ!.. Каждый мѣсяцъ—дефицитъ.

— Это къ дѣлу не относится, — перебила ее Марья Васильевна:—вы можете свои средства тратить, какъ угодно, но общественные пять рублей должны быть для васъ неприкосновенны...

— Это придирка, педантизмъ!—сказалъ Боковъ:—вы получите эти деньги... Я только прошу отсрочить до будущаго мѣсяца... Повѣрьте, что мы едва концы съ концами сводимъ...

— Отсрочить!—воскликнула Марья Васильевна, вспыхнувъ:—вы не подумали о томъ, что̀ сказали... Вспомните, можно ли было отсрочивать вашу нужду, когда мы вмѣстѣ жили?.. А теперь, когда вы получаете шесть тысячъ, вы, не краснѣя, говорите, что тѣ, кто бѣдствуютъ, какъ вы прежде,—должны отсрочить свою нужду...

Боковъ обидѣлся и покраснѣлъ.

— Не понимаю, зачѣмъ вы горячитесь...—заговорилъ онъ:—и какой странный тонъ!.. Я не мальчикъ, чтобы выслушивать нотаціи...

Марья Васильевна печально глядѣла на него, стараясь поймать его взглядъ, но онъ говорилъ, глядя въ полъ.

— Знаете что̀, Василій Васильевичъ, — сказала она, и въ голосѣ ея слышались слезы:—вы уже совсѣмъ не Пимперле... Вижу, что и надъ вами приходится крестъ поставить... И какъ это горько, обидно—хоронить живыхъ,—хуже, чѣмъ мертвыхъ!

— Полноте, Марья Васильевна!—вступилась жена Бокова.—Ради Бога, успокойтесь... Въ самомъ дѣлѣ, Вася, разъ ты обѣщалъ,—обязательно держать свое слово... Вотъ вамъ, Марья Васильевна, пять рублей и оставимъ этотъ непріятный разговоръ. Вы у насъ отобѣдаете, да?..

Но Марья Васильевна была такъ огорчена, что отказалась отъ обѣда.

Бокова осталась очень довольна этимъ и съ усиленной вѣжливостью проводила гостью, а Боковъ съ видимымъ неудовольствіемъ подалъ ей руку.

Digitized by Google

VIII.

— Вотъ что̀ значитъ твой языкъ!—начала распекать Бокова его жена.—Молчалъ бы на обѣдахъ, а ты сейчасъ рѣчь... „Меньшой братъ“, „гражданское чувство“, „піонеры прогресса“, всякій вздоръ... И вѣдь все это—вранье... Никакихъ сочувствій у тебя нѣтъ... Съ какой же стати ты объ нихъ публично заявляешь?.. Молчалъ бы, и деньги были бы цѣлы...

— Да вѣдь она на обѣдѣ при всѣхъ предложила этотъ сборъ... Нельзя было отказаться—скандалъ!..

— А если нельзя, такъ и плати аккуратно... Вѣдь ты ее знаешь: разъ обѣщалъ,—она не отстанетъ... И она права съ своей точки зрѣнія... Съ какой стати ты ставишь себя въ такое неловкое положеніе?.. Вѣдь это срамъ—такія сцены, какъ сегодня!

— Я ей этого никогда не прощу!..

— Чего?

— Какъ смѣетъ она читать мнѣ нотаціи!..

— Самъ виноватъ... Заяви ей прямо, какъ это сдѣлалъ Ивановъ, что никакихъ сочувствій у тебя нѣтъ, и она тебя оставитъ въ покоѣ...

— Обѣдъ поданъ,—доложила горничная.

Безъ всякаго удовольствія съѣлъ его Боковъ и выпилъ стаканъ прекраснаго вина. Самолюбіе грызло его.

Послѣ обѣда онъ хотѣлъ по обыкновенію подремать, но мысли не давали ему покоя. Онъ злился то на себя, то на Марью Васильевну.

„Зачѣмъ я далъ поводъ къ этой сценѣ?.. Изъ-за какихъ-нибудь пяти рублей!.. Глупо, безтактно!.. Но какъ она смѣетъ читать мнѣ наставленія, какъ я долженъ распоряжаться своими деньгами!.. Она стала задирать носъ... Она хотѣла оскорбить меня, и я промолчалъ... Нѣтъ, я этого такъ не оставлю!“

Подзадориваемый самолюбіемъ, онъ уже позабылъ, что признавалъ себя причиной происшедшаго разговора, и Марья Васильевна, которую онъ всегда считалъ добрымъ человѣкомъ, вдругъ превратилась въ злую обидчицу. Его стала мучить жажда реванша.

Онъ подумалъ рѣшить дѣло третейскимъ судомъ, но мысль о томъ, что и онъ, Боковъ, можетъ явиться передъ нимъ, какъ подсудимый, разбила его предположеніе.

„Нѣтъ, я самъ ее проучу“!..

Онъ схватилъ перо и началъ писать: „Милостивая госуда-

Digitized by Google

рыня, позвольте вамъ замѣтить, что вы, проповѣдница гуманности, поступили относительно меня вовсе не гуманно"...

— „Глупо!—мелькнула у него отрезвляющая мысль:—какая тутъ гуманность!.. Она правду сказала... Собственно говоря, мнѣ и сердиться не слѣдуетъ".

Онъ разорвалъ листокъ на клочки и бросилъ въ корзинку.

Но черезъ нѣсколько минутъ самолюбіе снова закипѣло.

„Какъ смѣетъ она читать мнѣ мораль!.. Что я—мальчишка для нея?.. Надо ее проучить хорошенько, чтобы не зазнавалась"...

Онъ опять схватилъ перо, написалъ: „Милостивая государыня"—и остановился, обдумывая, какъ бы поострѣе отточить стрѣлу для уязвленія ея самолюбія.

„Вы напрасно воображаете себя какой-то диктаторшей. Карликамъ эта роль не къ лицу"...—написалъ онъ и подумалъ: „Ерунда"!..

Второй листокъ полетѣлъ въ корзинку...

Онъ походилъ по кабинету, составилъ мысленно все письмо и началъ писать.

„Позвольте поблагодарить васъ за разъясненіе, какой расходъ я долженъ считать первымъ и какой—послѣднимъ, и въ свою очередь позвольте и мнѣ разъяснить вамъ, такъ какъ вы этого очевидно не понимаете, что никто не уполномочивалъ васъ налагать на меня какія-либо обязательства, а равно и слагать ихъ. Я добровольно принялъ на себя обязательство, и могу отказаться отъ него, когда мнѣ угодно, не спрашивая вашего милостиваго разрѣшенія... И всѣ ваши, по меньшей мѣрѣ, неумѣстныя фразы показываютъ только, какое у васъ смѣшное самомнѣніе. Затѣмъ позвольте еще разъяснить, такъ какъ вы и этого сами, можетъ быть, не поймете, что мы надѣемся, что послѣ сдѣланной вами дерзкой сцены вы не доставите намъ удовольствія васъ видѣть".

Онъ пришпорилъ себя... Созданная болѣзненнымъ самолюбіемъ обида разрослась въ страшное оскорбленіе... Гнѣвъ затуманилъ сознаніе, и Боковъ вѣрилъ въ собственную выдумку, что Марья Васильевна говорила, что она можетъ сложить съ него принятую имъ добровольно обязанность.

Онъ торопливо запечаталъ письмо, чувствуя, какъ щеки его горятъ, позвонилъ и велѣлъ горничной немедленно отнести его.

Цѣлый часъ, волнуясь, ходилъ онъ изъ угла въ уголъ. Письмо не дало ему достаточнаго удовлетворенія. У него мелькала мысль, что Марья Васильевна придетъ къ нему извиняться—до такой степени онъ увѣрилъ себя въ томъ, что она его оскорбила.

О, съ какимъ торжествомъ онъ встрѣтилъ бы ее и велико-

Digitized by Google

душно простилъ бы, насладившись ея покаяніемъ! Погасло бы тогда пламя его самолюбія, и, успокоенный, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ поѣхалъ бы въ клубъ.

„А можетъ быть,—подумалось ему,—она напишетъ извинительное письмо: неловко вѣдь ей придти, когда я прямо отказываюсь отъ ея посѣщеній".

И онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія горничной. Когда она явилась, Боковъ смотрѣлъ на ея руки—нѣтъ ли въ нихъ письма.

Его не было, и онъ снова встревожился. Ему легче было бы получить извительный отвѣтъ, чѣмъ молчаніе. Съ чувствомъ новой обиды поѣхалъ онъ въ клубъ, но игралъ безъ удовольствія, невнимательно и прозѣвалъ малый шлемъ. Ему не хотѣлось думать о Маріѣ Васильевнѣ, и думалъ онъ только о ней. Поужиналъ раньше обыкновеннаго, онъ пріѣхалъ домой, чтобы поскорѣе заснать непріятную исторію.

Но заснуть какъ слѣдуетъ ему не удавалось. Одна и та же мысль въ разныхъ варіаціяхъ раздражала его. Чуть-чуть задремлетъ—и вдругъ горничная докладываетъ ему о приходѣ Маріи Васильевны.

— Просите!..—говоритъ онъ, предвкушая наслажденіе досыта удовлетворить свое самолюбіе,—и просыпается.

Тихо, слабый свѣтъ отъ лунной ночи... бѣлая дверь выдѣляется изъ сумерекъ.

Боковъ вспомнилъ, что въ дѣтствѣ по вечерамъ онъ боялся затворенной двери: ему казалось, что вдругъ она отворится, и войдетъ мертвецъ или какое-нибудь страшное животное. И теперь ему вдругъ стало жутко; онъ завернулся съ головой въ одѣяло; ему казалось, что за дверью кто-то притаился... Любопытство суевѣрнаго страха заставило его взглянуть на дверь.

Она была отворена. Въ лунномъ свѣтѣ стоялъ его бывшій товарищъ Креозотовъ, совершенно такой, какимъ онъ былъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ: высокій, худой, съ непослушными русыми волосами, которые онъ безпрестанно откидывалъ назадъ; тѣ же блестящіе умные глаза и тотъ же поношенный, табачнаго цвѣта пиджакъ.

— Здравствуй, Пимперле! . — раздался знакомый Бокову голосъ.

— Да вѣдь ты умеръ!—прошепталъ онъ.

— Ничего не значитъ, мой милый... Мы иногда приходимъ къ бывшимъ друзьямъ, провѣдать, что они дѣлаютъ. Вспомнимъ, братъ, старину, когда мы жили съ тобой, „на сѣверѣ дикомъ"...

Digitized by Google

самоваръ сами ставили, чаи съ брусникой распивали. Котъ на окнѣ мурлыкалъ, Надежда Авдѣевна читала вслухъ. Слышалъ я, будто бы она теперь и про себя не читаетъ... Правда, что-ли?..

— Чего тебѣ надо отъ меня? Уйди, пожалуйста!—простоналъ Боковъ.

— Я къ тебѣ съ вѣстью, какъ Ундина къ рыцарю... Помнишь?..

— Смерть...—прошепталъ Боковъ.

И показалось ему, что по его жиламъ потекли холодныя струи, направляясь къ сердцу... Вотъ-вотъ онѣ коснутся его и заморозятъ...

— Да, смерть...—повторилъ Креозотовъ:—ты умеръ сегодня, когда написалъ письмо Марьѣ Васильевнѣ... Не придетъ она больше къ тебѣ... и никто изъ живыхъ людей не побезпокоитъ тебя въ твоемъ богатомъ мавзолеѣ. Наслаждайся покоемъ смерти!

Боковъ взглянулъ на своего гостя, и вдругъ въ немъ закипѣла злоба къ нему, и къ Марьѣ Васильевнѣ, и ко всѣмъ этимъ... бывшимъ товарищамъ...

— Оставьте меня!—закричалъ онъ.

У кровати стояла его жена.

— Что съ тобой... Ты такъ страшно стоналъ и кричалъ...

— Дурацкій сонъ... А знаешь, Надя, я написалъ этой сборщицѣ, чтобы она прекратила знакомство съ нами.

— Такъ прямо и написалъ?..

— Да.

— Это напрасно... Я очень рада, что она не будетъ ходить къ намъ, давно пора отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ москитовъ... Но это можно было устроить безъ такого скандала... Стоило только отказаться отъ этихъ взносовъ, и она сама перестала бы ходить къ намъ...

— А, все равно!.. Нечего съ ними церемониться... Лучше сразу обрѣзать...

IX.

Марья Васильевна прочитала письмо Бокова и вздохнула.

„Какая пошлая развязка!—подумала она:—свезти все къ личной обидѣ... выдумать эту обиду“...

Ей стало жаль Бокова. Вспомнила она комнату съ скрипучими половицами... Некрашеная кровать, столъ и два стула. Пимперле бѣгаетъ по комнатѣ и „разноситъ“ сидящаго на его кровати смущеннаго юношу Кувшинкина.

— Неужели тебѣ надо напоминать,—горячился Пимперле:

Digitized by Google

на прошлой недѣлѣ получилъ пятьдесятъ рублей, и до сихъ поръ не внесъ пяти процентовъ... Или ты отлыниваешь?

— Не сердись, Пимперле... Это просто русская халатность.

— А почему ты по халатности не позабываешь обѣдать?.. Почему не позабылъ газету выписать? Нѣтъ, братъ, это не халатность, а свинство... буржуйный индивидуализмъ, отсутствіе общественнаго чувства...

— Довольно, Пимперле, этого больше не случится...

Но Пимперле, какъ разбѣжавшійся съ горы человѣкъ, не можетъ сразу остановиться.

— Это чортъ знаетъ что такое!.. Кажется—азбука, что общественныя нужды прежде всего, а онъ свою утробу предпочитаетъ.

Кувшинкинъ, наконецъ, разсмѣялся.

— Пимперле, ты уже даромъ тратишь заряды. Вѣдь ужъ ты раздѣлалъ меня подъ орѣхъ... Пойдемъ рыбу ловить.

Вспомнила Марья Васильевна зимніе вечера, когда товарищи собирались у нея возлѣ самовара съ хорошими разговорами, съ пѣснями подъ гитару... Всѣ чувствовали себя хорошо, несмотря на нужду... И Пимперле былъ самый жизнерадостный среди нихъ.

И вотъ теперь онъ закрываетъ передъ товарищемъ двери своей квартиры, чтобы не видѣть, не слышать напоминанія о свѣтлыхъ, хорошихъ дняхъ общественной жизни.

Марьѣ Васильевнѣ стало такъ грустно, какъ бываетъ людямъ возвращающимся съ похоронъ.

„Умеръ бѣдный Пимперле,—думалось ей,—и не одинъ онъ. Вѣдь всѣ эти, къ кому я хожу двадцатаго числа, тоже отошли отъ своего идейнаго прошлаго—оно имъ чуждо... ихъ мысли и чувства давно перестали быть общественными... въ ихъ отношеніяхъ ко мнѣ—печальная ложь... Мы давно не друзья... Перестань я бывать у нихъ—никто не опечалится... Намъ не о чемъ теперь и побесѣдовать—что для меня дорого, то для нихъ глупо. И эти гроши мнѣ даютъ, потому что неловко отказаться... въ этихъ трехрублевкахъ столько же сочувствія, сколько и въ сторублевомъ билетѣ банкира Доларова“.

Она вспомнила, какъ ее повидимому радушно встрѣчаютъ „хорошіе люди“, угощаютъ кофе, пирогами... и, какъ осенній туманъ, ее охватило чувство одиночества.

„Есть что-то обидное въ этомъ радушіи,—думалось ей:—вѣдь они смотрятъ на меня сверху внизъ, какъ на несчастную, и жалѣютъ... Вѣдь я для нихъ—взрослый человѣкъ, занимающійся дѣтскими игрушками. И они были дѣтьми, строили фантастиче-

Digitized by Google

скіе замки, но въ свое время поумнѣли, отрезвились, а я осталась ребенкомъ... И имъ жаль меня... Они не говорятъ этого, потому что не хотятъ обидѣть... Ахъ, какъ тяжелы эти фальшивыя отношенія!.. Не оборвать ли ихъ разомъ?.. Нѣтъ, нельзя... Не приди въ нимъ,—никто и не подумаетъ прислать деньги".

Сознаніе одиночества въ кругу людей когда-то близкихъ угнетало Марью Васильевну... И эти хожденія двадцатаго числа представились ей въ кладбищенскомъ видѣ: она ходитъ изъ дома въ домъ, гдѣ были друзья, и вездѣ—запахъ ладона и восковыхъ свѣчей, и при входѣ какъ будто слышитъ она шопотъ: „здѣсь покойникъ".

Съ грустью смотрѣла Марья Васильевна въ окно. Шелъ густой снѣгъ... Онъ повисъ на вѣтвяхъ деревьевъ въ саду, и онѣ безпомощно нагнулись. Онѣ ждали солнышка, которое помогло бы имъ выпрямиться, но солнышко было далеко за сѣрыми тучами.

Ея взглядъ упалъ на письмо, и она почувствовала такую жалость къ Пимперле, что на глазахъ ея появились слезы.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите!—отвѣтила она, проведя рукой по глазамъ.

— Марья Васильевна!..—весело привѣтствовалъ ее юноша въ студенческой фуражкѣ, и вдругъ точно осѣкся.

— Что съ вами?.. Вы плакали?..

Молодое сочувствіе прозвучало въ этихъ словахъ.

— Вы меня застали врасплохъ. Скверно чувствуется, когда видишь себя одинокой среди бывшихъ друзей!..

— А мы?!.. Развѣ вы одинокая среди насъ!..

И такая душевность была въ этомъ восклицаніи, что Марья Васильевна почувствовала себя не одинокой.

Она бросила письмо Бокова въ топившуюся печку и отвернулась.

— И то правда!—весело сказала она.

Ив. Ивановичъ.

Digitized by Google

ВЪ КОЛИЗЕѢ

МОНОЛОГЪ МАНФРЕДА

Изъ Байрона.

Сверкаютъ звѣзды,—полная луна
Надъ горными вершинами сіяетъ,
Надъ вѣчными снѣгами... Дивный видъ!
Люблю я ночь,—мнѣ образъ ночи ближе,
Чѣмъ образъ человѣка; въ созерцаньи
Ея спокойной, грустной красоты
Я постигаю рѣчь иного міра...

Мнѣ помнится,—когда я молодъ былъ
И странствовалъ,—въ такую ночь однажды
Я былъ среди развалинъ Колизея,
Среди останковъ царственнаго Рима.
Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,
На синевѣ полуночной темнѣя,
Чуть колыхались по вѣтру, и звѣзды
Сіяли сквозь руины; изъ-за Тибра
Былъ слышенъ лай собакъ, а изъ дворца—
Протяжный стонъ совы, и, замирая,
Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ
Далекіе напѣвы часовыхъ.
Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками,
Стояли кипарисы,—и казалось,
Что ихъ кайма была на горизонтѣ,

Digitized by Google

А между тѣмъ лишь на полетъ стрѣлы
Я былъ отъ нихъ...
Гдѣ Цезарь жилъ когда-то
И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,—
Уже не лавръ, а дикій плющъ ростетъ
И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ,
Среди твердынь, сравнявшихся съ землею.
Кровавый циркъ стоитъ еще донынѣ,—
Еще хранитъ въ руинахъ величавыхъ
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги ужъ давно
Поверглись въ прахъ и стали грудой камня...
И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,—
Лишь ты одна смягчала нѣжнымъ свѣтомъ
Сѣдую древность, дикость запустѣнья,
Скрывая всюду тяжкій слѣдъ временъ.
Ты красоты былой не измѣняла,
Но осѣняла новой красотой
Все, въ чемъ она погибла,—и руины
Священными казалися,—и сердце
Нѣмымъ благоговѣньемъ наполнялось
Передъ нѣмымъ величьемъ древней славы,—
Предъ тѣмъ державнымъ прахомъ, что до нынѣ
Изъ глубины могильныхъ урнъ царитъ.

Ив. Бунинъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1901.

Высочайшій манифестъ о новомъ уставѣ о воинской повинности для Финляндіи.—Изъ прошлаго земской статистики.—Періодъ затишья земскихъ изслѣдованій.—Способы земскихъ изученій крестьянскаго хозяйства. — Подворная перепись. — Задачи сводки данныхъ переписи.—Поселенная сводка; групповыя и комбинаціонныя таблицы. —Губернскія сводки данныхъ подворной переписи.—Оживленіе земскихъ изслѣдованій и задачи, имъ открывающіяся.

Въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“ (№ 65) напечатанъ слѣдующій Высочайшій манифестъ, отъ 29 іюня, о новомъ уставѣ о воинской повинности для Финляндіи:

„Положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ составѣ Россійской Имперіи налагаетъ на его населеніе долгъ участвовать въ защитѣ Престола и Отечества, подчиняясь наряду со всѣми Нашими вѣрноподданными узаконеніямъ, единство русской арміи обезпечивающимъ.

„Блаженныя памяти Дѣдъ Нашъ Императоръ Александръ II, въ сознаніи сего важнаго начала, закономъ $^{6}/_{18}$ декабря 1878 года установилъ для финляндскаго края, по примѣру прочихъ частей Государства, всеобщее личное отбываніе воинской повинности. По прошествіи десяти лѣтъ со времени примѣненія сего закона, опытъ удостовѣрилъ его неудобства. Вслѣдствіе сего и сообразно преподаннымъ въ Возѣ почивающимъ Родителемъ Нашимъ и Нами основаніямъ, дѣйствующія въ Финляндіи постановленія о воинской повинности были подвергнуты пересмотру для согласованія ихъ съ общеимперскими.

„По завершеніи сего труда, утвердивъ для Великаго Княжества Финляндскаго новый уставъ о воинской повинности, Мы признали за благо облегчить финскому народу переходъ къ иному порядку ея отбыванія. Въ виду сего, положили Мы, впредь до Нашего особаго указанія, зачислять новобранцевъ только въ части войскъ, пополняемыя

Digitized by Google

преимущественно финляндскими уроженцами, а также сократить численность призываемыхъ ежегодно на дѣйствительную службу людей. Да будетъ эта послѣдняя мѣра, вызывающая упраздненіе нѣкоторыхъ финскихъ войсковыхъ частей, вящшимъ засвидѣтельствованіемъ Нашего намѣренія не увеличивать до времени личную тяготу населенія Финляндіи по воинской повинности.

„Пребывая въ увѣренности, что установляемый порядокъ обезпечитъ сообразное современнымъ условіямъ исполненіе населеніемъ Финляндіи общегосударственной обязанности, Мы повелѣваемъ:

„I. Уставъ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, сего числа Нами утвержденный, ввести въ дѣйствіе взамѣнъ устава о воинской повинности $^{6}/_{18}$ декабря 1878 года со всѣми къ оному дополненіями и измѣненіями, а равно Манифеста, въ тотъ же день даннаго.

„II. Первый призывъ новобранцевъ, на точномъ основаніи новаго устава (отд. I), произвести въ 1903 году.

„III. Впредь до особаго Нашего повелѣнія: а) новобранцевъ, которые будутъ зачисляться на службу на основаніи издаваемаго устава (отд. I), направлять въ финскіе гвардейскій стрѣлковый батальонъ и драгунскій полкъ, и б) численность призываемыхъ ежегодно людей, начиная съ текущаго года, соразмѣрять съ потребностью по укомплектованію сихъ батальона и полка.

„IV. Въ срокъ, по указанію Нашему, ввести въ дѣйствіе въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ слѣдующія постановленія:

„1) Высшее завѣдываніе частями войскъ, пополняемыми преимущественно финляндскими уроженцами, принадлежитъ Военному Министру.

„2) Главное начальствованіе надъ означенными въ статьѣ 1-й частями войскъ, при расположеніи ихъ въ финляндскомъ военномъ округѣ, ввѣряется командующему войсками сего округа, который управляетъ этими частями при посредствѣ подвѣдомственныхъ ему военно-окружныхъ управленій.

„3) Опредѣленіе снаряженія и содержанія частей войскъ, пополняемыхъ преимущественно финляндскими уроженцами, зависитъ отъ Нашего усмотрѣнія. Расходы по симъ предметамъ производятся изъ финляндской казны.

„4) Части войскъ, пополняемыя преимущественно финляндскими уроженцами, могутъ быть какъ въ мирное, такъ и въ военное время употребляемы на службу, по Нашему усмотрѣнію, въ предѣлахъ Россіи и за границею.

„5) Свободное владѣніе русскою рѣчью и русскою грамотою является

Digitized by Google

непремѣннымъ условіемъ при производствѣ въ офицеры и въ унтеръ-офицеры.

„6) Жители села Райвола, Выборгской губерніи, не принадлежащіе къ туземному населенію Финляндіи, подчиняются дѣйствію общеимперскаго устава о воинской повинности (св. зак. т. IV, изд. 1897 г.), но имъ предоставляется право отбывать воинскую повинность на основаніи устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ (отд. I).

„V. Приступить къ постепенному, по особымъ Нашимъ указаніямъ, расформированію финскихъ армейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ.

„VI. До образованія окружныхъ по воинской повинности присутствій всѣ обязанности ихъ по новому уставу (отд. I) исполнять призывнымъ присутствіямъ.

„VII. Предоставить всѣмъ лицамъ, коихъ изданіе новаго устава о воинской повинности (отд. I) застанетъ въ рядахъ войскъ, въ запасѣ или въ ополченіи, отбыть воинскую повинность на основаніи правилъ устава $^{6}/_{18}$ декабря 1878 года, но съ тѣмъ, чтобы чины запаса, не прошедшіе черезъ ряды войскъ, были на соотвѣтствующій срокъ зачислены въ ополченіе перваго разряда".

Попытки болѣе или менѣе систематически собирать свѣдѣнія экономическаго характера дѣлались нѣкоторыми земствами еще въ концѣ 60-хъ годовъ и имѣли задачей отчасти выясненіе экономическихъ потребностей, удовлетворять которымъ призвано земство, отчасти—доставленіе матеріаловъ для правильнаго обложенія имуществъ. Въ общей исторіи земско-статистическихъ изслѣдованій эти попытки должны быть разсматриваемы какъ первые опыты и ощупываніе надлежащаго пути. Вполнѣ же опредѣленно на тотъ путь основныхъ экономическихъ изученій, какому она слѣдуетъ въ настоящее время, земская статистика вступила лишь въ концѣ 70-хъ гг., но затѣмъ быстро двинулась впередъ. Въ концѣ 70-хъ гг. постоянныя статистическія учрежденія существовали при шести губернскихъ земскихъ управахъ; въ 1880—1881 гг. они были открыты семью губернскими земствами, въ 1882—1883 гг. — четырьмя, въ 1884 г. — тремя, въ 1885 г.—двумя и въ 1887 г.—нижегородскимъ земствомъ. Послѣ того, земскія статистическія учрежденія не открывались до половины девяностыхъ годовъ, когда въ это дѣло было внесено нѣкоторое оживленіе изданіемъ закона 8 іюня 1893 г. объ обязательномъ производствѣ земствами оцѣночно-статистическихъ работъ.

Изъ сказаннаго уже можно заключить, что самый разгаръ земско-

Digitized by Google

статистическихъ изслѣдованій падаетъ на средину 80-хъ годовъ. И дѣйствительно, изъ 230 уѣздовъ, подвергшихся сплошному изслѣдованію экспедиціоннымъ путемъ, съ примѣненіемъ или безъ примѣненія подворныхъ переписей (не считая особо произведенныхъ изслѣдованій частновладѣльческаго хозяйства)—и по которымъ уже имѣются соотвѣтствующіе печатные труды,—18 уѣздовъ изслѣдованы въ теченіе 1876—1880 годовъ, 102 уѣзда въ 1881—1885 гг., 46 уѣздовъ—въ 1886—1887 гг., 26 уѣздовъ—въ 1888—1889 гг., 10 уѣздовъ—въ 1890 г. и 27 уѣздовъ въ теченіе 1891—1898 гг. Такимъ образомъ, на одинъ годъ падаетъ, въ среднемъ, слѣдующее число изслѣдованныхъ уѣздовъ: въ 1876—1880 гг.—$5^1/_2$, въ 1881—1885 гг.—$20^1/_2$, въ 1886—1887 гг.—23, въ 1888—1889 гг.—13, въ 1890 г.—10 и въ 1891—1898 гг.—$3^1/_2$ уѣзда.

Къ сказанному слѣдуетъ, однако, прибавить, что въ самые послѣдніе годы дѣло статистическаго изслѣдованія крестьянскаго хозяйства значительно оживилось, но собранные матеріалы еще не разработаны. Достаточно отмѣтить, что подворная перепись произведена въ это время во всей московской, полтавской и петербургской губ. и въ первый разъ въ 15—20 уѣздахъ разныхъ губерній.

Ослабленіе энергіи земствъ въ дѣлѣ изученія экономическихъ нуждъ въ теченіе только-что истекшаго десятилѣтія находитъ себѣ объясненіе отчасти въ перемѣнѣ состава земскихъ собраній послѣ преобразованія земскихъ учрежденій въ 1890 г., отчасти въ стѣсненіяхъ, наложенныхъ на свободу земскихъ изслѣдованій; нѣкоторую роль здѣсь играло, вѣроятно, и отчужденіе отъ крестьянства, характеризующее настроеніе нашей интеллигенціи послѣднихъ лѣтъ.

Казалось бы, что детальное изученіе производительной дѣятельности населенія и мѣстныхъ нуждъ не должно вызывать протеста въ самомъ земствѣ, одну изъ задачъ котораго составляетъ именно воспособленіе этой дѣятельности и удовлетвореніе этихъ нуждъ. Между тѣмъ, съ того самаго момента, какъ земство вступило на правильный путь экономическихъ изслѣдованій, вопросы о земской статистикѣ были способны возбуждать самыя страстныя пренія на земскихъ собраніяхъ и раздѣлять послѣднія на враждующія между собой партіи. Недружелюбное отношеніе части гласныхъ къ земской статистикѣ обусловливается многими обстоятельствами.

Имѣя своей задачей выясненіе экономическихъ нуждъ населенія, земская статистика, естественно, обратила главное вниманіе на положеніе крестьянъ, какъ класса, господствующаго и по численности, и по роли его въ мѣстномъ хозяйствѣ. Систематическое же изученіе земствами на мѣстахъ крестьянскаго хозяйства началось въ то время (въ концѣ 70-хъ гг.), когда литература достаточно выяснила статистически, что крестьяне, вообще, получили недостаточные надѣлы и что

Digitized by Google

отведенная въ ихъ пользованіе земля выше мѣры обременена платежами. Мѣстному изслѣдованію крестьянскаго хозяйства предстояло, поэтому, главнымъ образомъ, пролить свѣтъ не на эти стороны предмета, бывшіе результатомъ мѣропріятій государственной власти (эти положенія были только облечены изслѣдованіемъ въ плоть и кровь), а на вопросы объ отношеніяхъ крестьянъ-хозяевъ къ другимъ общественно-хозяйственнымъ элементамъ. Что у крестьянъ мало земли и что они платятъ государству слишкомъ много—мѣстное изслѣдованіе только подтверждало эти давно извѣстныя положенія. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ открывало, по какимъ цѣнамъ крестьяне арендуютъ недостающія имъ чужія угодья; на какія ужасныя условія они подчасъ вынуждены при этомъ соглашаться; какую плату получаютъ они за свой трудъ, когда—за отсутствіемъ собственной и арендованной земли—они вынуждены наниматься въ сосѣднія экономіи, и какія формы эксплоатаціи выростаютъ на почвѣ безвыходнаго положенія земледѣльцевъ безъ земли, трудящихся безъ работы, потребителей безъ обезпеченныхъ средствъ существованія. Если принять при этомъ во вниманіе, что мѣстное изслѣдованіе даетъ по этимъ вопросамъ конкретные факты, относящіеся къ совершенно опредѣленнымъ мѣстностямъ и лицамъ, то можно представить себѣ негодованіе тѣхъ землевладѣльцевъ, имена которыхъ наичаще фигурируютъ въ неблаговидныхъ сдѣлкахъ съ крестьянами. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что наиболѣе острыя столкновенія земскихъ собраній съ ихъ статистическими бюро, кончавшіяся перерывомъ мѣстныхъ изслѣдованій и даже уничтоженіемъ напечатанныхъ статистическихъ трудовъ, имѣли мѣсто въ губерніяхъ съ преобладаніемъ помѣщичьяго элемента (черниговской, рязанской, курской).

Другой причиной постояннаго возникновенія въ земской средѣ сомнѣній относительно умѣстности экономическихъ изслѣдованій была очень широкая постановка въ земствѣ этихъ послѣднихъ. Организуя дѣло экономическаго изслѣдованія, земство руководствовалось двумя мотивами: 1) совершенно опредѣленной практической задачей нахожденія основаній для наиболѣе равномѣрнаго распредѣленія между плательщиками земскихъ налоговъ и тѣхъ государственныхъ, которые раскладываются вмѣстѣ съ земскими, и 2) болѣе общей и менѣе опредѣленной задачей выясненія экономическихъ нуждъ населенія въ видахъ воспособленія ему въ дѣлѣ лучшей постановки его хозяйства и въ случаяхъ постигающихъ его бѣдствій. Объ эти задачи тѣсно соприкасаются, но не совпадаютъ одна съ другой; первая изъ нихъ уже, программа изслѣдованія здѣсь опредѣленнѣе и цѣльнѣе въ томъ смыслѣ, что, для полученія надлежащихъ результатовъ, ее нужно выполнить именно въ тѣхъ, а не другихъ размѣрахъ. Результаты изслѣдованія пойдутъ

Digitized by Google

тотчасъ въ дѣло и всякій промахъ или недостаточное выясненіе вопроса встрѣтятъ строгаго критика въ лицѣ владѣльца имущества, обложеннаго выше, нежели это слѣдовало бы по дѣйствительной его доходности. Эти такъ называемыя оцѣночныя изслѣдованія поэтому должны отличаться большой детальностью и точностью и должны быть причислены, вообще, къ очень труднымъ и отвѣтственнымъ.

Другой рядъ изслѣдованій, которыя можно назвать обще-экономическими, связанъ съ мѣньшими затрудненіями, какъ потому, что наибольшая часть подлежащаго матеріала (данныя подворной переписи) можетъ быть получена путемъ простого опроса населенія, такъ и по той причинѣ, что въ зависимости отъ разныхъ условій можно съуживать и расширять ихъ программу. Эти изслѣдованія въ то же время обѣщаютъ выясненіе вопросовъ весьма важныхъ въ практическомъ и теоретическомъ отношеніяхъ, — они поэтому привлекаютъ къ себѣ особое вниманіе каждаго свѣжаго человѣка и получили наибольшее распространеніе въ земской статистической практикѣ.

Эти изслѣдованія имѣютъ еще одну особенность.

Предпринятыя не для одной опредѣленной практической задачи, а чтобы нарисовать вѣрную картину экономическаго быта и выяснить нужды населенія—мѣстныя изслѣдованія непосредственно давали только рядъ сухихъ цифръ, важность которыхъ выясняется лишь послѣдующей разносторонней ихъ разработкой. Земскіе же статистики не находились въ такомъ положеніи, чтобы быстро выполнить эту работу. Заботясь о томъ, чтобы каждый поуѣздный сборникъ заключалъ не только сводку собраннаго матеріала, но и посильную его разработку, статистики рисковали тѣмъ, что мѣстное изслѣдованіе губерніи затянется на много лѣтъ, и собранныя для разныхъ уѣздовъ данныя будутъ относиться къ разнымъ моментамъ времени. Спѣша же съ производствомъ мѣстныхъ изслѣдованій, не оставалось ничего болѣе, какъ давать для отдѣльныхъ уѣздовъ сборники сырыхъ матеріаловъ, весьма важные, какъ справочныя изданія для мѣстныхъ дѣятелей,—но не дающіе земскому собранію ничего цѣльнаго.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда данныя мѣстныхъ изслѣдованій подвергались кабинетной разработкѣ, они не могли удовлетворить всѣмъ тѣмъ требованіямъ, какія предъявлялись къ нимъ со стороны земствъ. Полная утилизація собранныхъ матеріаловъ въ смыслѣ выясненія того, что существуетъ въ дѣйствительности, могла бы быть сдѣлана только постепенно. Отдѣльные же сборники земскихъ изданій касались по преимуществу тѣхъ или другихъ, но не всѣхъ сторонъ изучаемыхъ отношеній и были поэтому всегда уязвимы для критики. Останавливаясь въ своей работѣ на тѣхъ или другихъ сторонахъ мѣстной жизни, земскій статистикъ руководствовался отчасти своими

Digitized by Google

понятіями о болѣе или менѣе важномъ, отчасти сравнительнымъ богатствомъ матеріала. Но въ этомъ отношеніи онъ могъ разойтись съ мнѣніями вліятельныхъ земцевъ, и тамъ, гдѣ съ его стороны было только искреннее желаніе выяснить истину—ими могла быть усмотрѣна грубая тенденціозность.

Трудъ земскихъ статистиковъ оплачивался, вообще говоря, очень скромно. Воодушевленные открывшеюся передъ ними возможностью узнать, при помощи наиболѣе точныхъ методовъ наблюденія, истинное положеніе народа, многіе образованные люди отдались дѣлу мѣстныхъ изслѣдованій съ настоящимъ энтузіазмомъ и работали, крайне напрягая свои силы, вслѣдствіе чего оплата единицы труда земскихъ статистиковъ была крайне невысока. Тѣмъ не менѣе, основное изслѣдованіе губерніи требовало отъ земства затраты крупныхъ суммъ и, что особенно важно, настоящіе размѣры расходовъ опредѣлялись лишь по мѣрѣ продолженія изслѣдованія и въ большинствѣ случаевъ оказывались далеко превосходящими первоначальныя предположенія. Въ этомъ заключался новый источникъ недовольства въ средѣ земскихъ собраній, и новый поводъ тормозить дѣло со стороны противниковъ земской статистики.

Указанныя нами обстоятельства были причиной того, что въ очень многихъ губернскихъ земствахъ постоянно возникали вопросы объ упраздненіи статистики, происходили столкновенія управъ и собраній съ даннымъ персоналомъ статистиковъ, прерывались начатыя изслѣдованія и даже извлекались изъ обращенія изданные самимъ же земствомъ матеріалы. Обычными аргументами противниковъ земской статистики были при этомъ обвиненія ея въ тенденціозности, практической безполезности и въ дороговизнѣ. Приведемъ наиболѣе яркій случай борьбы земства съ статистикой.

Едва было открыто статистическое бюро при черниговской губернской земской управѣ, какъ въ собраніи сессіи 1876 г., обсуждавшемъ программу изслѣдованія, возникли разные страхи и опасенія: „Опасны разъѣзды и розыски людей, народу неизвѣстныхъ,—говорилъ, напр., одинъ гласный [1]),—съ массою вопросовъ самыхъ зажигательныхъ: о положеніи надѣла по отношенію къ помѣщичьимъ землямъ, о потравахъ, о жалобахъ на подворный раздѣлъ и ихъ послѣдствіяхъ, о безземельныхъ крестьянахъ, не испытываютъ ли крестьяне затрудненій въ пріобрѣтеніи топлива, о требахъ священнику, о долгахъ крестьянъ и условіяхъ займа, о бюджетѣ крестьянскаго хозяйства“. Другой гласный „относительно опасности и зажигательности этихъ вопросовъ ука-

[1]) Все нижеизложенное объ отношеніи нѣкоторыхъ земствъ къ статистикѣ заимствовано изъ составленнаго подъ редакціей Г. П. Сазонова „Обзора дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству“, т. I.

Digitized by Google

залъ, что многіе изъ нихъ навѣяны трудами коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, учрежденной при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Есть вопросы,—говорилъ этотъ гласный,—будущность которыхъ вполнѣ обезпечена, потому что они ставятся жизнью; къ нимъ принадлежитъ земская статистика. Еслибы собраніе и рѣшило закрыть статистическія работы, то оно пришло бы, черезъ годъ или два, къ необходимости возстановить ихъ. Прошла пора розовыхъ увлеченій и легкаго отношенія къ земскимъ вопросамъ; увеличивающіяся недоимки и недостатокъ средствъ при наростающихъ потребностяхъ дѣлаютъ экономическія изученія губерніи вопросомъ неотложнымъ и по преимуществу практическимъ". На этотъ разъ земская статистика, хотя и съ обрѣзанной программой, была сохранена; но черезъ годъ, когда были изслѣдованы два уѣзда, на губернскомъ земскомъ собраніи возникли еще болѣе страстныя пренія: предложеніе управы объ ассигнованіи средствъ на продолженіе статистическихъ работъ было отклонено, и статистическое бюро оказалось такимъ образомъ упраздненнымъ. Послѣдующій ходъ дѣла показалъ, однако, что гласный, заявившій, что вопросъ о земской статистикѣ поставленъ самой жизнью, и что, закрывъ статистическое отдѣленіе, земское собраніе само его скоро и возстановитъ, былъ совершенно правъ. Нѣкоторыя уѣздныя земства продолжали изслѣдованія на свой счетъ, а черезъ три года возстановлено было и губернское статистическое бюро, которое затѣмъ благополучно закончило порученную ему задачу оцѣнки земли и дало этимъ земству возможность произвести болѣе или менѣе равномѣрную раскладку налоговъ.

Другой случай остраго столкновенія земцевъ съ статистиками имѣлъ мѣсто въ рязанской губерніи. Статистическое бюро учреждено здѣсь въ 1881 г., и къ земскому собранію 1882 г. имъ были приготовлены сборники статистическихъ свѣдѣній о четырехъ уѣздахъ. Не всѣ, однако, эти сборники увидали свѣтъ: два изъ нихъ были задержаны собраніемъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ пущены въ обращеніе съ исключеніемъ изъ нихъ отдѣла „дополненій къ таблицамъ", въ которыхъ излагался матеріалъ изслѣдованій, не укладывающійся въ табличныя рамки, и который признавался тенденціознымъ и компрометтирующимъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Для иллюстраціи того, какого рода свѣдѣнія признавались земцами неумѣстными въ опубликовываемыхъ ими изданіяхъ, приведемъ примѣры исключеній, сдѣланныхъ губернскимъ собраніемъ 1883 г., по предложенію губернатора. Изъ работы земскаго статистика В. Н. Григорьева о крестьянскомъ хозяйствѣ въ рязанскомъ уѣздѣ рѣшено было исключить: случай, когда владѣлецъ, встрѣтивъ отказъ крестьянъ увеличить аренду съ 5 р. 44 к. до 10 р., оставлялъ 300 дес. земли впустѣ пять лѣтъ и взялъ съ крестьянъ по-

Digitized by Google

томъ за десятину отъ 12 до 14 р.; упоминаніе о томъ, что пріемы нѣкоторыхъ помѣщиковъ для пріобрѣтенія рабочей силы „мало отличаются отъ обычныхъ пріемовъ ростовщичества и, къ счастью, едва ли имѣютъ большое распространеніе"; указаніе на то, что землевладѣльцы даютъ крестьянамъ зимою 1—2 четверти ржи съ отдачею по осени, а въ благодарность выговариваютъ сжать десятину ржи за заемную четверть; указаніе на условія найма крестьянъ на работы по 9—44 к. въ день, въ то время, когда рыночная цѣна рабочаго была 30—75 к.; указаніе случаевъ насильственнаго выселенія крестьянъ на новыя земли.

Экономическое изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства въ курской губерніи начато было земствомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1882 г., и въ теченіе четырехъ лѣтъ были изслѣдованы, съ примѣненіемъ подворныхъ описей, всѣ 15 уѣздовъ, собранные матеріалы сгруппированы и отпечатаны и, кромѣ того, завѣдующимъ земскимъ статистическимъ бюро, И. А. Вернеромъ, составлено было описаніе крестьянскаго хозяйства губерніи, какъ итогъ всего изслѣдованія. На составленіе этого описанія у г. Вернера было только пять мѣсяцевъ времени; по этому одному уже можно заключить, что описаніе не могло дать земству всесторонняго разъясненія данныхъ вопросовъ—и что на него нужно смотрѣть лишь какъ на введеніе къ детальному изученію крестьянскаго хозяйства, имѣющему въ виду по преимуществу уже задачи практическаго характера. Авторъ указываетъ на это обстоятельство въ предисловіи къ своему труду и этимъ, казалось бы, предупреждаетъ предъявленіе къ нему неумѣренныхъ требованій. Но онъ коснулся въ своемъ трудѣ щекотливаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства въ губерніи, и этого было достаточно, чтобы вызвать противъ него взрывъ негодованія землевладѣльцевъ. Предсѣдатель губернской управы находилъ распространеніе труда г. Вернера настолько „неудобнымъ и даже вреднымъ", что не рѣшался раздать его гласнымъ, а земское собраніе сессіи 1886 г. постановило закрыть статистическое отдѣленіе, задержать трудъ г. Вернера и принять мѣры къ тому, чтобы и самъ авторъ лишенъ былъ возможности его распространенія. Чтобы сдѣлать понятнымъ такое постановленіе публикѣ и правительству, собраніе поручило особой коммиссіи составить къ слѣдующему, экстренному собранію подробную мотивировку принятаго рѣшенія.

Пока описанныя событія происходили въ земствѣ, труду Вернера была присуждена половина преміи имени Ю. Самарина, и курскому земству приходилось считаться не только съ авторомъ непріятнаго ему изслѣдованія, но и съ авторитетомъ московскаго университета, премировавшаго послѣднее.

Digitized by Google

Обширный докладъ назначенной земствомъ коммиссіи обсуждался собраніемъ въ слѣдующемъ году. Коммиссія высказала, что трудъ г. Вернера „построенъ безъ всякаго вниманія къ земскимъ потребностямъ, такъ какъ центръ тяжести его лежитъ не въ основныхъ отдѣлахъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, промыслахъ и матеріалахъ по опредѣленію цѣнности и доходности земли, а исключительно въ главахъ о землевладѣніи и земледѣліи, для которыхъ остальныя имѣютъ подсобное значеніе. Обработка матеріала страдаетъ тенденціозностью, необоснованностью и преждевременностью общихъ выводовъ и частныхъ мнѣній, не имѣющихъ ничего общаго съ предметомъ изслѣдованій и назначеніемъ сборника, какъ земскаго изданія. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ названное сочиненіе теряетъ практическое значеніе для земства и не можетъ быть признано имъ за изданіе, въ которомъ изображается общій характеръ сельско-хозяйственнаго положенія губерніи. Частное хозяйство рѣзко противопоставлено крестьянскому и изображено въ смыслѣ полной экономической эксплоатаціи послѣдняго первымъ, въ силу крайняго малоземелья населенія, которое авторъ доказываетъ посредствомъ искусственныхъ пріемовъ и вычисленій, преувеличивающихъ дѣйствительность и затемняющихъ истину". Въ заключеніе, собраніе постановило: „сообщить докладъ коммиссіи и мотивированное постановленіе всѣмъ земствамъ и огласить ихъ путемъ печати; отвѣтить тому учрежденію, которое премировало Самаринской преміей непроизводительную и ошибочно составленную работу; довести до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія о мотивахъ, по которымъ земство признало эту работу негодной, а деньги, затраченныя на нее,—непроизводительными; избрать одно или нѣсколькихъ лицъ для составленія мотивированнаго постановленія по этому вопросу и для составленія отвѣта на то, что писалось г. Вернеромъ и лицами, нашедшими трудъ его достойнымъ преміи".

Мы привели здѣсь тѣ случаи столкновенія земцевъ съ статистиками, которые въ свое время служили предметомъ живого обсужденія печати. Но подобныя же столкновенія происходили и въ нѣкоторыхъ другихъ земствахъ, и такое необходимое для земства учрежденіе, какъ статистика, во многихъ земствахъ постоянно висѣло на волоскѣ, что, конечно, не могло не отражаться и на ходѣ того дѣла, для котораго были организованы статистическія учрежденія. Такое отношеніе нѣкоторыхъ земцевъ къ наиболѣе преданнымъ работникамъ земскаго дѣла и ежеминутная готовность заподозрить этихъ работниковъ въ тенденціозности и чуть не враждебномъ отношеніи къ помѣщичьему классу не остались, конечно, безъ вліянія на созданіе репутаціи земскаго статистика, какъ человѣка политически неблагонадежнаго, что вело за собой усиленный надзоръ за статистиками на

Digitized by Google

мѣстахъ изслѣдованія, постоянныя изгнанія статистиковъ со службы по требованію мѣстныхъ властей и т. п.

Не будемъ искать виновниковъ этихъ недоразумѣній между земствомъ и работниками земскаго дѣла; главная причина ихъ лежала въ нашей малокультурности и непривычкѣ къ общественной дѣятельности, съ одной стороны, и въ невыясненности на первыхъ порахъ того, что̀ можетъ дать и чѣмъ должна быть земская статистика—съ другой. Земскія учрежденія, однако, представляютъ достаточно живое учрежденіе для того, чтобы эти недоразумѣнія устранились. Время идетъ, общественное сознаніе проясняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается и надлежащее отношеніе земства къ статистикѣ, какъ необходимому вспомогательному орудію въ его практическихъ мѣропріятіяхъ. Теперь уже давно не слыхать о столкновеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія имѣли нѣкогда мѣсто въ курскомъ или рязанскомъ земствахъ, и затрудненія для правильнаго хода земской статистики явились уже совсѣмъ съ другой стороны.

Выше было сказано о подозрительномъ отношеніи къ земской статистикѣ со стороны администраціи. Но въ первое время оно выражалось лишь въ непріятностяхъ, испытывавшихся земскими статистиками, и не касалось программы и пріемовъ изслѣдованій. Въ концѣ же восьмидесятыхъ годовъ наложены были ограниченія и на эти послѣднія. Такъ напр., владимірскій губернаторъ въ концѣ 1887 г. обратился въ подвѣдомственныя ему земскія управы съ объясненіемъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, циркуляромъ 10 декабря 1873 г., требовалъ, чтобы въ случаѣ производства такихъ статистическихъ работъ, при которыхъ необходимъ опросъ всего населенія данной мѣстности, программа изслѣдованія, послѣ предварительнаго разсмотрѣнія ея въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ, представлялась на утвержденіе министерства. Въ виду бывшихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ случаевъ возбужденія недоразумѣній среди населенія при изслѣдованіи по программамъ, составленнымъ съ фискальными или иными цѣлями, министръ внутреннихъ дѣлъ требуетъ, чтобы вышеуказанный циркуляръ примѣнялся къ подворнымъ изслѣдованіямъ земствъ. Хотя, по смыслу цитируемаго губернаторскаго циркуляра, требованіе министромъ внутреннихъ дѣлъ представленія на его утвержденіе программъ подворныхъ изслѣдованій вызвано недоразумѣніями при примѣненіи этихъ программъ на практикѣ, но владимірскій губернаторъ предписалъ земскимъ управамъ примѣнить данное распоряженіе и къ изслѣдованіямъ уже оконченнымъ, но еще не разработаннымъ или не изданнымъ въ свѣтъ.

Мы привели циркуляръ владимірскаго губернатора, касающійся программъ земской статистики, потому, что онъ опубликованъ въ общее

Digitized by Google

свѣдѣніе (см. „Вѣстникъ Владимірскаго Земства“ за 1888 г.); но подобныя же распоряженія сдѣланы были и въ остальныхъ губерніяхъ Россіи. Тверское губернское земское собраніе обжаловало распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, на томъ, между прочимъ, основаніи, что при подворныхъ переписяхъ опрашивается не все населеніе. Жалоба эта разсматривалась сенатомъ уже послѣ преобразованія земскихъ учрежденій; и сенатъ нашелъ, что по новому положенію правильность дѣйствій земства поставлена подъ контроль губернскаго начальства и вопросъ о правѣ административной власти входитъ въ ближайшее обсужденіе и оцѣнку дѣйствій земства не можетъ вызывать какихъ-либо сомнѣній. Въ 1895 г. издано было новое распоряженіе, пріостанавливающее—въ виду предстоявшей всеобщей переписи—всякую перепись личнаго состава населенія.

Изложенныя нами распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ въ лучшемъ случаѣ замедлили на года выполненіе статистическихъ земскихъ работъ; но нерѣдко они имѣли слѣдствіемъ существенныя измѣненія программъ изслѣдованій (какъ въ новгородскомъ земствѣ, гдѣ послѣ этого распоряженія изслѣдованія продолжались безъ примѣненія подворнаго опроса) или даже совершенное прекращеніе послѣднихъ (какъ въ смоленской губ.). Распоряженія эти, съ другой стороны, не могли не подѣйствовать парализующимъ образомъ на энергію изслѣдователей народнаго быта и усилили въ земскихъ собраніяхъ партію противниковъ статистики. По всѣмъ этимъ причинамъ, десятилѣтіе, слѣдовавшее за изданіемъ перваго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, характеризуется затишьемъ въ сферѣ земской статистики, и только въ самые послѣдніе годы проявляется опять живой интересъ къ этому дѣлу.

Говоря вообще, основная земская статистика занимается троякаго рода изслѣдованіями. Она собираетъ данныя для оцѣнки земли (и промышленныхъ предпріятій) въ видахъ равномѣрнаго распредѣленія налоговъ; изучаетъ положеніе помѣщичьяго и, преимущественно, крестьянскаго хозяйства и производитъ спеціальныя изслѣдованія тѣхъ явленій и предметовъ, которые въ данный моментъ служатъ объектами практическихъ мѣропріятій. Изслѣдованія первыя и третьи преслѣдуютъ непосредственныя практическія цѣли; изслѣдованія второго рода имѣютъ болѣе общій характеръ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ выводить заключенія, что такъ называемая оцѣночная статистика или спеціальныя земскія изслѣдованія не представляютъ съ общей точки зрѣнія никакого интереса. Оцѣнка земли производится на основаніи ея доходности, а въ этомъ смыслѣ земля составляетъ важный факторъ хозяйственной дѣятельности населенія, и входитъ поэтому въ про-

Digitized by Google

грамму изслѣдованій, имѣющихъ болѣе общій характеръ. Оцѣночная статистика, кромѣ того, на ряду съ подробнымъ изученіемъ технической стороны сельскаго хозяйства, изслѣдуетъ и такія важныя соціальныя явленія, какъ формы и условія аренды, формы наемнаго земледѣльческаго труда, высоту заработной платы и т. п. Иначе говоря, оцѣночная статистика изучаетъ тѣ же предметы, которые входятъ въ программу и общаго экономическаго изслѣдованія, но изучаетъ ихъ болѣе подробно, чѣмъ это нужно для цѣлей послѣдняго. То же самое нужно сказать и о спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, предпринимаемыхъ земствами съ практическими цѣлями. Изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ, народнаго образованія, движенія пассажировъ и грузовъ по грунтовымъ дорогамъ и т. п. даетъ много важныхъ свѣдѣній для детальной характеристики тѣхъ явленій, которыя были лишь слегка затронуты при общемъ экономическомъ изслѣдованіи, или дополняетъ эти послѣднія совершенно новыми чертами.

Ограничиваясь по отношенію къ оцѣночной статистикѣ и къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ сказаннымъ выше, мы займемся теперь земскими изслѣдованіями крестьянскаго хозяйства.

Предметомъ этихъ изслѣдованій служатъ двоякаго рода явленія:—факты, нормы и отношенія, общіе для всѣхъ жителей даннаго района, и индивидуальные признаки отдѣльныхъ хозяйствъ. Первые выясняются выборками изъ разныхъ документовъ и волостныхъ книгъ, а также бесѣдой статистиковъ съ болѣе свѣдущими крестьянами, и пріурочиваются къ общинѣ или поселенію. Вторые могутъ быть точно установлены лишь путемъ опроса тѣхъ хозяевъ, которыхъ они касаются. Программа перваго, поселеннаго изслѣдованія, въ общемъ, гораздо опредѣленнѣе, нежели второго; здѣсь очень много описательнаго матеріала, и разработка собранныхъ данныхъ имѣетъ также по преимуществу описательный характеръ. Программа подворнаго опроса, напротивъ того, можетъ расширяться до безконечности, охватывая все новыя и новыя отношенія народнаго быта. Первоначально эта программа обнимала почти исключительно производительную дѣятельность крестьянина и притомъ далеко не со всѣхъ ея сторонъ. Затѣмъ она стала детальнѣе характеризовать эту дѣятельность и распространялась на обмѣнъ, потребленіе и на другія отношенія крестьянской жизни, хотя бы и не имѣвшія экономическаго характера. Матеріалъ, доставляемый подворной переписью, состоитъ почти исключительно изъ цифръ. Представляя же точный количественный учетъ изучаемыхъ явленій, онъ очень удобенъ для разработки, уясняющей взаимную связь и причинную зависимость явленій. Касаясь же самыхъ разнообразныхъ отношеній живыхъ людей, онъ и по содержанію открываетъ возможность весьма разносторонняго изученія различныхъ за-

Digitized by Google

висимостей соціальнаго порядка. Земскимъ статистикамъ представляется, поэтому, очень трудная задача свести огромный цифровой матеріалъ подворныхъ переписей въ таблицы для общаго пользованія такимъ образомъ, чтобы онъ сохранилъ по возможности свою индивидуальность и чтобы изслѣдователь получилъ возможность оперировать надъ данными, касающимися однородныхъ группъ домохозяевъ. Задача эта не только не разрѣшена удовлетворительно, но мы не можемъ даже сказать, что ей предстоитъ когда-либо возможность получить удовлетворительное рѣшеніе.

При первыхъ земскихъ переписяхъ крестьянскаго хозяйства, повидимому, не имѣлось яснаго представленія о томъ, какое научное значеніе могутъ имѣть собираемыя при этомъ данныя, и какія перспективы для изслѣдованія ими открываются. Весьма естественнымъ образомъ статистики судили объ этомъ по предшествующему опыту, а въ прошломъ и наука (соотвѣтственно характеру имѣвшихся матеріаловъ), и практика интересовались не элементарными хозяйственными элементами—семьями или домохозяйствами, а территоріальными единицами—уѣздомъ, волостью, селеніемъ, или юридическими разрядами крестьянъ. Въ этомъ же циклѣ понятій простѣйшей единицей, на которыя разлагаются и изъ которыхъ составляются всѣ остальныя, служитъ селеніе, общество или община крестьянъ того или другого разряда. Задавшись цѣлью лучшей характеристики крестьянскаго хозяйства, первые земскіе статистики, поэтому, считали, что они достигнутъ ея, если пріурочатъ свои изслѣдованія къ этой элементарной общественной единицѣ. Эта идея казалась настолько естественной, что первая сплошная земская перепись крестьянскаго хозяйства цѣлой губерніи (московской губерніи въ 1876—77 гг.) была произведена покойнымъ Орловымъ даже путемъ не подворнаго, а поселеннаго опроса о количествѣ скота и другихъ признакахъ, характеризующихъ крестьянское хозяйство. Слѣдующія переписи, правда, были настоящими подворными, но опросъ каждаго домохозяина производился съ цѣлью собрать данныя для болѣе совершенной характеристики селенія или общины, а не различныхъ типовъ домохозяйствъ, и сообразно такой цѣли всѣ домохозяева селенія съ полученными отъ нихъ отвѣтами заносились въ одинъ списокъ, какъ составныя части селенія, и подсчетъ цифръ по графамъ давалъ итоги для цѣлаго селенія. Сообразно такому воззрѣнію на предметъ и принятой системѣ подворныхъ записей, расчисленіе собраннаго первыми земскими статистиками матеріала—при его общей сводкѣ—не могло идти дальше села или общины; и мы видимъ, дѣйствительно, что въ соотвѣтствующихъ уѣздныхъ сборникахъ полученныя путемъ подворнаго опроса свѣдѣнія пріурочиваются къ селенію и юридическому разряду крестьянъ (госу-

Digitized by Google

дарственные, удѣльные и т. д.) и даются затѣмъ въ итогахъ по волостямъ и цѣлому уѣзду. Не нужно было, однако, много времени для того, чтобы понять недостатки такой системы сведенія данныхъ подворнаго изслѣдованія.

Недостатокъ поселенной группировки прежде всего замѣченъ былъ малороссійскими статистиками. При наличности общиннаго землевладѣнія и періодическомъ повтореніи передѣловъ земли въ великороссійскихъ губерніяхъ не существовало такихъ рѣзкихъ различій площади землевладѣнія отдѣльныхъ крестьянскихъ семей, какъ въ губерніяхъ малороссійскихъ, и здѣсь можно было говорить съ нѣкоторымъ подобіемъ истины о равномѣрномъ распредѣленіи земли между домохозяевами одной общины. Съ другой стороны, благодаря тому же общинному землевладѣнію и обусловленному имъ подушному разсчету земли при отведеніи селеніямъ, великороссійскія села рѣзко различались по величинѣ душевого надѣла и оффиціально числились имѣющими 2—4—6 и т. д. десятинъ земли на душу. Въ силу сказаннаго и при пообщинной группировкѣ данныхъ подворныхъ переписей, великороссійскіе земскіе статистики получали возможность до извѣстной степени изучать вліяніе того или иного размѣра землевладѣнія на различныя отношенія народнаго быта, составляя однородныя группы по землевладѣнію не изъ отдѣльныхъ домохозяевъ, а изъ цѣлыхъ общинъ. Въ малороссійскихъ губерніяхъ отношенія были иныя, и поселеніе, какъ единица классификаціи статистическихъ данныхъ, выступало во всей чистотѣ исключительно территоріальнаго, а не хозяйственнаго признака. Малороссійскіе статистики, поэтому, сразу замѣтили отсутствіе хозяйственнаго начала въ поселенной сводкѣ собранныхъ ими матеріаловъ, и хотя они не примѣнили взамѣнъ ея другой системы, но внесли нѣкоторыя важныя особенности въ программу подсчета данныхъ подворнаго опроса.

Въ первыхъ „Сборникахъ статистическихъ свѣдѣній“ по той или другой губерніи въ соотвѣтствующихъ рубрикахъ показывалось количество земли при селеніи, но не производилось распредѣленія домохозяевъ на группы съ участками разной величины. Полтавскій же и черниговскій земскіе статистики произвели такое распредѣленіе, и ихъ таблицы, поэтому, даютъ свѣдѣнія о томъ, сколько находится въ каждомъ селеніи домохозяевъ съ тѣмъ или инымъ количествомъ земли.

Эти свѣдѣнія, правда, стоятъ въ таблицахъ рядомъ со всѣми прочими и, не будучи связаны съ другими хозяйственными явленіями, не позволяютъ сдѣлать никакихъ заключеній относительно вліянія размѣровъ землевладѣнія на тѣ или другія стороны крестьянскаго хозяйства. Но нѣкоторыя изъ этихъ сторонъ казались полтавскимъ статистикамъ находящимися въ такой ясной зависимости отъ размѣровъ

Digitized by Google

крестьянскихъ участковъ, что они сочли необходимымъ группировать относящіяся къ нимъ данныя въ комбинаціи съ данными о землевладѣніи. Такими явленіями были: съемка крестьянами чужихъ земель, наемные заработки по уборкѣ хлѣбовъ на мѣстахъ и уходъ на земледѣльческія работы въ южныя губерніи; и данныя о количествѣ дворовъ, снимающихъ чужую землю и участвующихъ въ тѣхъ и другихъ работахъ, пріурочивались къ группамъ домохозяевъ съ тѣмъ или другимъ размѣромъ надѣловъ. Это нововведеніе, однако, не измѣнило общей системы сводки матеріаловъ подворной переписи, которая въ полтавскихъ статистическихъ изданіяхъ, какъ и въ тамбовскихъ, рязанскихъ, самарскихъ, курскихъ, петербургскихъ (всѣ они выходили въ началѣ 80-хъ гг.), производилась по селеніямъ, а въ итогахъ—по юридическимъ разрядамъ крестьянъ. Измѣненіе этой системы сдѣлано было тѣми земскими статистическими бюро, которыя образовались нѣсколько позже.

Недостатки простой поселенной и поразрядной группировки данныхъ подворной переписи были, впрочемъ, ясно видны и нѣкоторымъ изъ первыхъ земскихъ статистиковъ, которые сознавали, что такая группировка не представляла возможности изслѣдовать взаимную зависимость различныхъ явленій крестьянскаго хозяйства. Это сознаніе побудило черниговскихъ статистиковъ предложить (въ 1882 г.) на ряду съ поселенно-поразрядными таблицами,—имѣющими значеніе для мѣстныхъ дѣятелей,—такую группировку данныхъ подворной переписи, которая позволяла бы уяснить взаимную зависимость главнѣйшихъ хозяйственныхъ элементовъ. Подобными элементами черниговскіе статистики признавали: площадь земельнаго участка семьи, ея рабочій составъ и количество ея рабочаго скота. И чтобы выяснить вопросъ о взаимной зависимости этихъ элементовъ, они (по мысли А. П. Шликевича) относили данныя подворныхъ переписей къ группамъ домохозяевъ, различающихся во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ, въ совокупности еще съ тѣмъ, арендуетъ ли домохозяинъ чужую землю, или сдаетъ свою. Они разбили всѣхъ домохозяевъ однороднаго въ почвенномъ отношеніи района козелецкаго уѣзда на 10 группъ, различающихся по количеству усадебной и пахотной земли; каждую изъ этихъ группъ разложили на четыре группы—по количеству рабочаго скота; полученныя такимъ образомъ 40 группъ разбили опять на три (нанимаютъ чужую землю, не нанимаютъ, сдаютъ свою), а каждую изъ 120 новыхъ группъ—на 5, различающихся по числу семейныхъ рабочихъ мужского пола. Такимъ образомъ составилось 600 возможныхъ хозяйственныхъ группъ крестьянскихъ семей (нѣкоторыя изъ образованныхъ группъ не имѣли въ данной мѣстности ни одного предста-

Digitized by Google

вителя), и къ этимъ группамъ пріурочивались различныя данныя подворнаго опроса населенія.

Насколько можно понять мысль черниговскихъ статистиковъ, предложенная ими такъ называемая комбинаціонная таблица имѣла цѣлью не столько найти опредѣленную хозяйственную единицу, къ которой бы затѣмъ относились свѣдѣнія, собранныя подворной переписью, сколько—дать „возможность всякому изслѣдователю производить по своему желанію возможно большее число сочетаній": содержаніе относимыхъ къ этимъ группамъ данныхъ было очень бѣдно и давало очень мало новаго матеріала, не предрѣшеннаго тѣми признаками, которые входили въ комбинацію. Этому, вѣроятно, обстоятельству слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что идея г. Шликевича не обратила сначала на себя вниманіе земскихъ статистиковъ, и что сами черниговскіе статистики не примѣняли его системы въ послѣдующихъ публикаціяхъ.

Новый важный шагъ въ отношеніи системы сводокъ данныхъ подворныхъ переписей сдѣланъ былъ въ половинѣ 80-хъ годовъ вновь учрежденнымъ таврическимъ земскимъ статистическимъ бюро, состоявшимъ въ завѣдываніи К. А. Вернера и С. А. Харизоменова. Названныя лица дали практическое примѣненіе системѣ группировки г. Шликевича и для каждаго уѣзда таврической губерніи составляли нѣсколько (по районамъ) комбинаціонныхъ таблицъ (эти таблицы, однако, отличались тѣмъ же недостаткомъ, что и таблица г. Шликевича, т.-е. бѣдностью содержанія). Болѣе важнымъ, однако, нововведеніемъ таврическаго статистическаго бюро слѣдуетъ считать примѣненіе такъ называемыхъ групповыхъ таблицъ, въ которыхъ различныя данныя подворной переписи, по ихъ подсчетѣ, относились не къ цѣлой общинѣ, а къ группамъ дворовъ, различающихся по площади производимаго ими посѣва. Этими таблицами открывается возможность характеризовать различными признаками группы домохозяевъ различной состоятельности. Комбинаціонная таблица въ идеѣ даетъ, правда, нѣчто большее: помимо характеристики различныхъ типовъ домохозяйствъ, она позволяетъ изслѣдовать зависимость даннаго ихъ состоянія отъ комбинацій тѣхъ или другихъ основныхъ элементовъ. Но идея комбинаціонной таблицы вообще была настолько еще мало выяснена, а самое составленіе ея требовало столько труда, что не эта таблица, а болѣе простая, групповая выдвинулась въ земской статистикѣ на первый планъ. Преимущество групповой таблицы заключается еще въ томъ, что ее удобно примѣнять по селеніямъ, что представляется почти совершенно невозможнымъ для таблицы комбинаціонной.

Примѣру таврическаго бюро относительно системы сводки данныхъ подворной переписи, т.-е. примѣненіемъ группового начала сводки,

Digitized by Google

послѣдовали новыя статистическія бюро — воронежское (завѣдующій Ѳ. А. Щербина) и орловское (завѣдующій Побѣдоносцевъ) и старое — саратовское, послѣ его перехода въ завѣдываніе г. Харизоменова. Названныя учрежденія стали примѣнять и комбинаціонную сводку матеріала, которою они, однако, не пользовались въ первыхъ своихъ трудахъ, изданныхъ раньше того момента, когда таврическіе статистики воспользовались идеей г. Шликевича. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ орловское и воронежское бюро оставили комбинаціонныя таблицы. Точно также лишь по отношенію къ одному уѣзду была примѣнена къ крестьянскому хозяйству комбинаціонная таблица вятскимъ земскимъ статистическимъ бюро (завѣдующій г. Филимоновъ). Для нѣсколькихъ уѣздовъ вятской губерніи, по типу комбинацій, составлялись таблицы о промыслахъ. Групповыя таблицы сдѣлались болѣе постояннымъ пріемомъ сводки данныхъ подворной переписи, и примѣняются въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ этого рода.

Статистическія изслѣдованія крестьянскаго хозяйства въ первую половину восьмидесятыхъ годовъ производились въ тамбовской, курской, рязанской, полтавской, самарской, саратовской, петербургской, тверской, новгородской, воронежской, вятской, екатеринославской, орловской, таврической, смоленской, пермской, херсонской и черниговской губерніяхъ; во вторую половину 80-хъ годовъ оно начато въ нижегородской губерніи. Въ херсонской, пермской и черниговской губерніяхъ подворная перепись примѣнялась при этомъ лишь въ нѣсколькихъ уѣздахъ; въ екатеринославской и смоленской губерніяхъ изслѣдованіе было прервано и возобновилось лишь въ самые послѣдніе годы; въ остальныхъ (кромѣ орловской и новгородской) оно уже закончено и результаты изслѣдованій опубликовывались въ поуѣздныхъ, а затѣмъ и въ погубернскихъ сводкахъ цифрового матеріала переписей. Губернскія сводки изданы, впрочемъ, не всѣми земствами, и нѣкоторыя изъ нихъ явились въ свѣтъ лишь много спустя по окончаніи мѣстнаго изслѣдованія. Этими сводками подводится итогъ изученію крестьянскаго хозяйства въ эпоху перваго расцвѣта земской статистики. Послѣ того въ земскихъ начинаніяхъ даннаго рода произошелъ, какъ извѣстно, перерывъ, продолжавшійся почти десять лѣтъ, а послѣдовавшимъ затѣмъ оживленіемъ, естественнымъ образомъ, открывается новый періодъ земской статистики. Губернскія сводки можно, поэтому, разсматривать, какъ отчетъ первыхъ дѣятелей на поприщѣ систематическаго статистическаго изученія народнаго быта о томъ, къ чему они стремились и чего достигли. Этими сводками, кромѣ того, земскія изслѣдованія дѣлаются доступными большему числу лицъ—уже по одному тому, что многія уѣздныя сводки сдѣлались библіографической рѣдкостью и что достать десятокъ то-

Digitized by Google

мовъ, заключающихъ губернскія сводки, легче, чѣмъ собрать сотни сборниковъ, относящихся къ отдѣльнымъ уѣздамъ.

Посмотримъ же, какого рода матеріалы и въ какой предварительной обработкѣ предлагаются земскими статистиками первыхъ призывовъ вниманію изслѣдователей крестьянскаго хозяйства [1]).

Хотя всѣ мѣстныя изслѣдованія, о которыхъ мы будемъ вести рѣчь, начаты на протяженіи какихъ-нибудь пяти лѣтъ, но мы имѣемъ уже основаніе говорить о двухъ поколѣніяхъ работавшихъ въ нихъ статистиковъ и о двухъ образцахъ созданныхъ ими изданій. Первое поколѣніе ввело подворную перепись, второе расширило ея программу и рамки печатныхъ сводокъ собранныхъ матеріаловъ. Гдѣ дольше сохранилось вліяніе перваго поколѣнія статистиковъ или гдѣ раньше начато было и окончено изслѣдованіе, тамъ сводные (губернскіе) сборники бѣднѣе содержаніемъ таблицъ и мало примѣняютъ подворную группировку данныхъ переписи.

Всего кратче таблицы сводnаго сборника по тамбовской губерніи, изслѣдованіе которой начато и окончено было раньше прочихъ губерній. Въ этомъ сборникѣ не включены даже всѣ тѣ свѣдѣнія, какія помѣщались въ уѣздныя сводки. Главную причину этого слѣдуетъ искать въ недостаткѣ времени и средствъ у статистическаго бюро. Таблицы тамбовскаго губернскаго сборника не были—подобно многимъ другимъ—перепечаткой итоговъ пообщинныхъ таблицъ, подведенныхъ въ уѣздныхъ сборникахъ. Для сводnаго тома г. Романовъ

---

[1]) Вотъ перечень губернскихъ сводокъ въ порядкѣ ихъ изданія: Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія, подъ редакціей И. А. Вернера. 1887 г.

Сводъ статистическихъ свѣдѣній по саратовской губерніи. Ч. I. Таблицы. Составленъ подъ редакціей С. Харизоменова. 1888 г.

Памятная книжка таврической губерніи, подъ редакціей К. А. Вернера. 1889 г.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по тамбовской губерніи. Т. XIV. Составилъ Н. Романовъ. 1890 г.

Сводъ данныхъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ рязанской губерніи. Составилъ А. Селивановъ. 1882 г.

Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по самарской губерніи, выпускъ 1-й. Подъ редакціей И. Краснoперова. 1892 г.

Экономическія нужды вятскаго края. Составилъ А. Новиковъ. 1896 г.

Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по тверской губерніи, выпускъ 1-й. Подъ редакціей И. Краснoперова. 1897 г.—выпускъ 2-й: Крестьянское хозяйство. Составилъ П. А. Вихляевъ. 1897 г.

Сводный сборникъ по 12-ти уѣздамъ воронежской губерніи, составленный Ѳ. А. Щербиною. 1897 г.

Цифровыя данныя по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи (приложеніе къ сводному сборнику по основному статистическому описанію полтавской губерніи). 1899 г.

Сводный сборникъ по статистическому описанію полтавской губерніи, въ 1882—89 гг., выпускъ 1-й. 1900 г.

Digitized by Google

вновь переработалъ огромный матеріалъ подворныхъ переписей, соединяя вмѣстѣ общины одного и того же юридическаго разряда крестьянъ, получившія одинаковый размѣръ надѣла на ревизскую душу и пріурочивая такимъ образомъ данныя подворныхъ переписей къ группамъ общинъ однородныхъ по двумъ признакамъ. Г. Романовъ вполнѣ признаетъ недостатки такой пообщинной группировки матеріала сравнительно съ подворною; но онъ справедливо замѣчаетъ, что группировка по разнымъ признакамъ дворовъ, а не общинъ, возможна лишь въ томъ случаѣ, если данныя подворнаго опроса двора находятся на особой карточкѣ, а не занесены въ общій поселенный списокъ, какъ это есть въ тамбовской губерніи. Пріурочиваніе данныхъ подворныхъ переписей къ группамъ общинъ съ одинаковой площадью надѣла до извѣстной степени все-таки открываетъ возможность изучать вліяніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія на различныя отношенія народнаго быта; потому что хотя—при опредѣленной величинѣ душевого надѣла—въ общинѣ находятся и малоземельные, и многоземельные домохозяева, но масса хозяевъ общины съ малымъ надѣломъ будетъ имѣть меньше земли, нежели масса хозяевъ многоземельной общины, и насколько обиліе или недостатокъ земли оказываетъ вліяніе на народный бытъ—оно проявится и въ среднихъ пообщинныхъ итогахъ. Это уже доказано, напр., относительно быстроты размноженія населенія: общины, получившія крупные надѣлы, обнаруживаютъ гораздо большій приростъ населенія со времени ревизіи, нежели общины съ малыми надѣлами,—хотя бы выселенія изъ послѣднихъ и не происходили. Группировка общинъ по размѣрамъ отведеннаго имъ надѣла и отнесеніе данныхъ подворной переписи къ образованнымъ такимъ образомъ группамъ общинъ примѣнена еще въ сводномъ сборникѣ по самарской, тверской и воронежской губерніямъ.

Краткость таблицъ тамбовскаго своднаго сборника обусловливается не столько ограниченностью предметовъ, которыхъ онѣ касаются, сколько малымъ расчлененіемъ сообщаемыхъ о нихъ свѣдѣній. Довольно полно обрисовано въ немъ лишь крестьянское скотовладѣніе; кромѣ общаго числа головъ по четыремъ родамъ скота (а въ поуѣздныхъ сводкахъ и о молодомъ скотѣ), въ таблицахъ указывается также число домохозяевъ въ каждой изъ шести группъ, на какія распадается населеніе по количеству владѣемыхъ ими лошадей. Остальные предметы характеризуются слишкомъ общими цифрами. Населеніе подраздѣляется только по поламъ; о землевладѣніи приводится лишь общая площадь надѣльной земли; аренда характеризуется числомъ домохозяевъ, нанимающихъ пашню, и площадью снятой ими земли (причемъ лишь послѣ сравненія съ поуѣздными сборниками можно догадаться, что рѣчь идетъ объ арендѣ внѣнадѣльной земли); садоводство

Digitized by Google

и пчеловодство—числомъ домохозяевъ и общей суммой принадлежащихъ всѣмъ имъ садовъ и ульевъ. Кромѣ того, въ общихъ таблицахъ имѣются свѣдѣнія о числѣ безземельныхъ домохозяевъ и необрабатывающихъ своего надѣла, о числѣ грамотныхъ и учащихся того и другого пола, и особая таблица—о числѣ промышленниковъ разнаго рода.

Слѣдующую ступень по богатству содержанія, — обусловленному главнымъ образомъ большимъ детализированіемъ цифръ,—занимаютъ сводные сборники по курской, рязанской и самарской губерніямъ. Курскій сборникъ содержитъ нѣсколько новыхъ предметовъ: купчая земля, жилыя избы, выселеніе крестьянъ, постороннее населеніе, торгово-промышленныя предпріятія, а рязанскій—еще и свѣдѣнія о холостыхъ строеніяхъ. Надѣльная земля въ курскомъ сборникѣ и купчая — въ рязанскомъ подраздѣляются по угодьямъ; надѣльные домохозяева расчленяются на обрабатывающихъ надѣлъ собственнымъ инвентаремъ, наймомъ, и на сдающихъ его; среди арендаторовъ различаются нанимающіе надѣльную и внѣнадѣльную землю; крестьяне-промышленники расчленяются на мѣстныхъ и отхожихъ, а мѣстные въ рязанскомъ сборникѣ—на мастеровыхъ, земледѣльческихъ рабочихъ и прочихъ; въ рязанскомъ сборникѣ для всѣхъ уѣздовъ, а въ курскомъ—для изслѣдованныхъ позже, приводятся свѣдѣнія о числѣ дворовъ съ различнымъ числомъ семейныхъ рабочихъ; въ рязанскомъ сборникѣ имѣется рядъ свѣдѣній о величинѣ жилыхъ строеній и матеріалѣ, изъ котораго они сдѣланы, о родахъ холостыхъ построекъ; въ курскомъ сборникѣ имѣются свѣдѣнія—и притомъ болѣе краткія—лишь о жилыхъ избахъ. Эти сборники, такимъ образомъ (равно какъ и сборникъ самарскій), даютъ больше матеріала для характеристики земледѣльческаго хозяйства крестьянъ, нежели сборникъ тамбовскій; недостатокъ же курскаго сборника, сравнительно съ тамбовскимъ, заключается въ томъ, что въ немъ нѣтъ подраздѣленія числа промышленниковъ по роду промысловъ.

Разсмотрѣнныя губерніи изслѣдованы были быстрѣе и раньше другихъ, и онѣ всего лучше, поэтому, сохраняютъ первоначальный или московскій типъ земской статистики, т.-е. изслѣдователь интересуется здѣсь почти исключительно производительной дѣятельностью населенія; подворная перепись велась по селеннымъ спискамъ, а не по семейнымъ карточкамъ, и при группировкѣ матеріаловъ переписи по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и разрядамъ крестьянъ довольствуются, главнымъ образомъ, общимъ итогомъ по данному признаку, мало прибѣгая къ расчлененію по этому признаку дворовъ, подвергавшихся переписи. Почти одновременно съ этими мѣстностями приступлено было къ мѣстнымъ изслѣдованіямъ въ полтавской губерніи, производив-

Digitized by Google

шимся подъ руководствомъ рано погибшаго талантливаго статистика, Терешкевича. Изслѣдованіе это, въ общемъ, велось по московской программѣ, но въ сводкѣ собраннаго матеріала, пріурочиваемаго также къ территоріальнымъ и юридическимъ единицамъ, широко практиковался пріемъ распредѣленія домохозяевъ на группы по степени развитія того или другого явленія и даже распредѣленія домохозяевъ по комбинаціи двухъ признаковъ. Такой пріемъ группировки матеріала облегчался здѣсь, впрочемъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что данныя переписи заносились не въ общій списокъ для цѣлаго села, а въ особую карточку для каждаго домохозяйства. Сравнимъ полтавскій сводный сборникъ съ тѣми, которые разсмотрѣны раньше.

Въ тамбовскомъ сборникѣ данныя о населеніи не подвергались никакому расчлененію по домохозяйствамъ; въ рязанскомъ и курскомъ переписанные дворы раздѣлялись на группы съ однимъ, двумя и т. д. числомъ рабочихъ мужчинъ, а въ полтавскомъ, кромѣ того, дворы безъ рабочихъ мужского пола, съ однимъ и двумя рабочими, подраздѣлялись на имѣющихъ полурабочихъ и не имѣющихъ таковыхъ. Это подраздѣленіе нельзя считать излишней роскошью, такъ какъ изслѣдованія того же полтавскаго бюро показали, что даже при двухъ рабочихъ мужского пола наличность въ семьѣ полурабочаго замѣтно отражается на хозяйственной ея состоятельности. Курскій и полтавскій сборники указываютъ еще число дворовъ, имѣющихъ грамотныхъ членовъ, а курскій—и число домохозяевъ съ дѣтьми-учащимися. Въ отдѣлѣ землевладѣнія тамбовскій сборникъ считаетъ только хозяевъ, имѣющихъ и не имѣющихъ надѣлъ, рязанскій — указываетъ также число лицъ, имѣющихъ собственную землю; курскій, если не въ таблицахъ, то въ текстѣ, для половины уѣздовъ показываетъ число домохозяевъ, пользующихся различнымъ числомъ душевыхъ надѣловъ (при общинномъ землевладѣніи)—независимо отъ того, малъ или великъ самъ этотъ душевой надѣлъ, — и число домохозяевъ съ тѣмъ или другимъ участкомъ (при подворномъ землевладѣніи); въ первомъ случаѣ образовано—5, во второмъ—6 земельныхъ группъ; полтавскій сборникъ даетъ намъ 10 земельныхъ группъ крестьянъ, а для безземельныхъ и неимѣющихъ пахоты приводитъ еще свѣдѣнія объ общемъ ихъ населеніи, изъ коихъ можно усмотрѣть, что такія семьи принадлежатъ по преимуществу къ малорабочимъ. Въ курскомъ и рязанскомъ сборникахъ такія же свѣдѣнія даются для безземельныхъ дворовъ, а въ текстѣ перваго сборника—также и относительно другихъ земельныхъ группъ. Про хозяевъ-арендаторовъ изъ тамбовскаго и рязанскаго сборниковъ мы узнаемъ только, какое число дворовъ нанимаютъ внѣнадѣльную землю; курскій указываетъ также и число арендаторовъ надѣльной земли, а среди нанимающихъ внѣнадѣльную землю различаетъ домохозяевъ, арендующихъ

Digitized by Google

ее на одинъ посѣвъ и на года. Полтавскій сборникъ указываетъ намъ, во-первыхъ, на то, какое число хозяевъ снимаетъ пахотную землю испольно, за деньги и за отработки; во-вторыхъ, какое число лицъ снимаетъ сѣнокосы и арендуетъ землю на года; въ-третьихъ, число съемщиковъ пахотной земли проводитъ по пяти земельнымъ группамъ домохозяевъ, т.-е указываетъ намъ на соотношеніе, существующее между размѣрами собственнаго участка крестьянина и его потребностью или возможностью снимать чужую землю. По земельнымъ же группамъ проводятся въ полтавскомъ сборникѣ и свѣдѣнія о числѣ хозяйствъ, нанимающихся жать со снопа и отпускающихъ членовъ на дальніе заработки; а лица, имѣющія какую-либо профессію, въ общихъ и спеціальныхъ таблицахъ (о промыслахъ) раздѣляются на занимающихся и не занимающихся хлѣбопашествомъ. По отношенію къ скотовладѣнію всѣ сборники распредѣляютъ домохозяевъ на группы по степени обезпеченности ихъ рабочимъ скотомъ. Относительно самыхъ строеній курскій сборникъ отмѣчаетъ домохозяевъ, имѣющихъ избы и не имѣющихъ таковыхъ; рязанскій—раздѣляетъ первую группу хозяевъ на владѣющихъ одной и двумя избами, а полтавскій—образуетъ еще группу хозяевъ, имѣющихъ домъ о трехъ и болѣе комнатахъ. Если къ сказанному прибавить, что хозяева-пчеловоды раздѣляются въ полтавскомъ сборникѣ на имѣющихъ менѣе и болѣе 10 ульевъ и что занимающіеся земледѣліемъ распредѣлены (для 8-ми уѣздовъ) на 9 группъ по площади ихъ посѣва, то мы легко увидимъ, насколько послѣдовательнѣе полтавскими статистиками проведена система подворной группировки данныхъ переписи. Это въ значительной степени, повторяемъ, облегчалось тѣмъ, что перепись велась здѣсь по подворнымъ карточкамъ, а не по селеннымъ спискамъ.

Кромѣ указаннаго свойства, сводки полтавскаго земства характеризуются детальностью расчлененій разныхъ другихъ данныхъ (населеніе по возрасту раздѣляется на 5 группъ, грамотные и учащіеся распредѣляются по полу, сѣнокосныя и лѣсныя угодья—по ихъ роду), обиліемъ среднихъ чиселъ и процентныхъ отношеній и введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ (о калѣкахъ, о наемныхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ рабочихъ). Благодаря всему этому, ихъ таблицы во много разъ превосходятъ таблицы другихъ разсмотрѣнныхъ нами сборниковъ. Въ то время, какъ въ тамбовскомъ сводномъ сборникѣ насчитывается (во всѣхъ таблицахъ) около 100 графъ, въ рязанскомъ—115 и въ курскомъ — 135, въ полтавскомъ сборникѣ въ общей таблицѣ находится 435 графъ. Къ разсмотрѣнному типу изданій примыкаютъ еще сводные сборники по тверской и вятской губ. Въ тверскомъ сборникѣ, составленномъ довольно подробно, въ таблицы введены, между прочимъ, свѣдѣнія о нищихъ и убогихъ и сдѣлано рас-

Digitized by Google

предѣленіе домохозяевъ по количеству владѣемыхъ ими коровъ. Графы таблицы проведены по категоріямъ хозяевъ надѣльныхъ, безземельныхъ и личныхъ собственниковъ. Вятскій сборникъ, составленный, сказать кстати, не статистическимъ бюро, а земскимъ агрономомъ, и имѣющій задачей „выясненіе условій и элементовъ сельско-хозяйственнаго производства", отличается отъ всѣхъ прочихъ въ томъ отношеніи, что въ немъ отведено очень много мѣста основнымъ и выводнымъ даннымъ агрикультурнаго характера (здѣсь, кромѣ подворной описи, производилось оцѣночное изслѣдованіе). Свѣдѣніямъ о почвѣ посвящено, напр., больше 80 графъ (изъ 396-ти), распредѣленію культуръ — 55 графъ, густотѣ посѣва—15, орудіямъ обработки земли — 30 графъ и т. д. Здѣсь же приведены свѣдѣнія объ избыткѣ или недостаткѣ земли сравнительно съ рабочими силами населенія, о количествѣ имѣющагося у крестьянъ удобренія, о нуждѣ населенія въ хлѣбѣ и сѣнѣ и о мѣрѣ удовлетворенія ея получаемыми въ хозяйствѣ продуктами и т. п. Текстъ сборника посвященъ преимущественно той же сторонѣ предмета, и данное изданіе поэтому имѣетъ спеціальный интересъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не слѣдуетъ забывать, что въ этомъ изданіи производится возможно точный учетъ явленій, весьма важныхъ съ обще-экономической стороны: степени насыщенія рабочей силы населенія имѣющеюся въ его распоряженіи землей и итоговъ его сельско-хозяйственной дѣятельности въ видѣ собраннаго хлѣба и сѣна.

Разсмотрѣнныя нами изданія, въ общемъ, образуютъ одинъ типъ земской статистики крестьянскаго хозяйства; другой его типъ представляется сводными сборниками по таврической, саратовской и воронежской губ., которые, однако, опять-таки подраздѣляются на два вида. Возможно полное отступленіе отъ московской статистики—какъ по системѣ группировки матеріала, такъ и по содержанію послѣдняго—представляетъ, впрочемъ, только сводный воронежскій сборникъ. Что же касается двухъ другихъ — они отличаются отъ московскаго типа лишь въ отношеніи выбора основанія для группировки данныхъ подворной переписи; но вполнѣ примыкаютъ къ нему въ томъ отношеніи, что интересуются почти исключительно производительной дѣятельностью населенія, и даже только факторами производства, а не его результатами, и оставляютъ въ сторонѣ обмѣнъ и потребленіе. Содержаніе ихъ таблицъ, поэтому, одинаково съ содержаніемъ уже разсмотрѣнныхъ изданій, и новыя рубрики — соотвѣтственно мѣстнымъ особенностямъ хозяйства — касаются лишь земледѣльческаго инвентаря (плуги, сохи, орудія транспорта, а въ таврическомъ сборникѣ — еще жатки и косилки); въ саратовскомъ сборникѣ есть еще свѣдѣнія о томъ, сколько и какихъ именно фруктовыхъ деревьевъ находится въ крестьянскихъ садахъ, и въ школѣ или внѣ ея пріобрѣли грамотные

Digitized by Google

свои познанія. Таврическая земская статистика (первая, систематически примѣнявшая групповыя и комбинаціонныя таблицы) настолько ограничила свою задачу изслѣдованіемъ производительной дѣятельности населенія, что въ сводныхъ таблицахъ не даетъ никакихъ свѣдѣній относительно обезпеченности населенія жилищами (саратовскій же сборникъ группируетъ жилыя строенія по роду матеріала стѣнъ и крышъ и по ихъ величинѣ). При этомъ, однако, и хозяйственная дѣятельность населенія характеризуется здѣсь не такъ обстоятельно, какъ это могло бы быть сдѣлано по свойству матеріала и какъ это наблюдается въ саратовскомъ сборникѣ. Относительно примѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ наемной силы показывается только число домохозяевъ, нанимающихъ рабочихъ, но не число нанятыхъ рабочихъ; въ групповой таблицѣ (по площади посѣва) нѣтъ свѣдѣній не только о домохозяевахъ съ различной площадью надѣла, но и о числѣ безземельныхъ семей; ни въ простой, ни въ групповой таблицѣ нѣтъ свѣдѣній о дворахъ, сдающихъ землю въ наемъ, ни о способѣ обработки поля (наймомъ, супрягой и т. д.). Всѣ эти свѣдѣнія имѣются въ саратовскомъ сводномъ сборникѣ, и многія изъ нихъ можно встрѣтить также въ уѣздныхъ сборникахъ таврической губ. Зато въ таврическомъ сводномъ сборникѣ имѣются подробныя таблицы возрастнаго состава (каждаго пола въ отдѣльности) населенія, грамотной его части и учащихся. Эти свѣдѣнія даются для уѣздовъ, четырехъ районовъ губерніи и разрядовъ крестьянъ, но не проведены по хозяйственнымъ группамъ домохозяевъ (какъ это сдѣлано въ саратовскомъ сборникѣ); по этому предмету въ таблицахъ показано только число грамотныхъ мужчинъ и число учащихся мальчиковъ въ семьяхъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, засѣвающихъ до 25 дес. и болѣе 25 дес. земли. Въ сводномъ томѣ по таврической губ. имѣются таблицы, подобныя разсмотрѣннымъ, — таблицы, въ основѣ которыхъ лежатъ итоги подворныхъ переписей, подведенные по общинамъ,—и таблицы групповыя, простѣйшими элементами которыхъ служатъ не цѣлыя общины, а домохозяева, засѣвающіе то или иное количество земли, и всѣ подсчеты данныхъ подворной переписи производятся для каждой изъ шести образованныхъ такимъ образомъ хозяйственныхъ группъ въ отдѣльности. Въ уѣздныхъ сборникахъ по таврической губ. имѣлись еще комбинаціонныя таблицы, но таковыя, къ сожалѣнію, не вошли въ сводный губернскій сборникъ. Но такія таблицы—на ряду съ групповыми (по количеству владѣемой хозяйствомъ пахотной земли)—составлены для семи уѣздовъ саратовской губерніи. Домохозяева каждаго разряда сгруппированы въ нихъ по тремъ признакамъ: площади надѣльной пашни, числу семейныхъ рабочихъ мужского пола и количеству

Digitized by Google

головъ рабочаго скота, и для каждой изъ образованныхъ такимъ образомъ 48—144-хъ группъ приводятся свѣдѣнія въ 15-ти графахъ.

Третій сборникъ, принявшій новую систему группировки матеріаловъ,—воронежскій—отличается и богатствомъ содержанія таблицъ, и разносторонностью разработки данныхъ подворной переписи. Завѣдывающій воронежскимъ земскимъ статистическимъ бюро, Ѳ. А. Щербина, пытался расширять рамки подворныхъ изслѣдованій, и тогда какъ земская статистика вообще обращала почти исключительное вниманіе на факторы земледѣльческаго производства, онъ постоянно расширялъ свою программу такъ, что въ послѣдне-изслѣдованныхъ уѣздахъ ею обнимались, кромѣ производительной дѣятельности населенія, обмѣнъ, доходы крестьянъ и ихъ расходы; да и самая производительная дѣятельность населенія характеризуется имъ полнѣе. Поэтому, кромѣ рубрикъ, общихъ другимъ сборникамъ, въ сводномъ сборникѣ по воронежской губ. находятся свѣдѣнія о займахъ крестьянъ, объ ихъ доходахъ отъ продажи скота, хлѣба, кормовъ, лѣса, отъ сдачи земли, отъ промышленныхъ предпріятій, заработковъ на сторонѣ и т. д.; о расходахъ крестьянъ на пищу, одежду, обувь, на скотъ, дрова, лѣсъ и инвентарь; о смертности населенія, о семейныхъ раздѣлахъ, падежахъ скота; о числѣ книгъ у крестьянъ, о причинахъ образованія бездомовыхъ, безскотныхъ и безрабочихъ семей, о перемѣнахъ положенія семей въ послѣднія 10 лѣтъ. Въ подробной таблицѣ о промыслахъ показывается не только число занятыхъ лицъ, на мѣстѣ и въ отходѣ, но и полученный ими заработокъ. Помимо разнообразія свѣдѣній, воронежскій сборникъ отличается и детальностью, и разносторонностью ихъ разработки. Населеніе по возрасту разбито на 9 группъ, смертность показана для 6-ти возрастныхъ группъ, калѣки разбиты на 5 (мужчины)—7 (женщины) возрастныхъ группъ; имѣется подробная таблица калѣкъ по роду убожества и по времени происхожденія послѣдняго; свѣдѣнія о крестьянскихъ арендахъ разработаны для частныхъ и общественныхъ земель особо, и въ каждомъ отдѣлѣ различаются аренды долгосрочная и краткосрочная, пашни и сѣнокоса, за деньги, изъ части, за отработки, съ указаніемъ доли арендатора, стоимости отработковъ, уплаченной (деньгами) суммы; наемные рабочіе подраздѣлены на полныхъ и полуработныхъ, годовыхъ и полугодовыхъ; раздѣлившіяся семьи—по времени, когда совершился раздѣлъ—разбиты на 4 группы и т. д. Все это касается содержанія тѣхъ свѣдѣній, которыя разрабатывались въ данномъ изданіи; но не меньшимъ богатствомъ отличается воронежскій сборникъ въ отношеніи формъ группировки собраннаго матеріала. Кромѣ простыхъ территоріальныхъ и поразрядныхъ таблицъ мы здѣсь находимъ таблицы групповыя и комбинаціонныя и не только подворныя, но и пообщинныя. Комбинаціон-

Digitized by Google

ныхъ подворныхъ таблицъ—нѣсколько: 1) обыкновенная комбинація хозяйствъ по количеству надѣльной земли, рабочему составу и скотовладѣнію; 2) комбинація хозяйствъ по размѣру надѣла и отношенію ихъ къ наемному труду (хозяйства съ нанимающимися въ батраки, нанимающими батраковъ и нейтральными); 3) комбинація хозяйствъ по размѣру надѣла и обезпеченій домами (имѣющіе дома и не имѣющіе ихъ). Кромѣ того, имѣется комбинаціонная таблица селеній по числу дворовъ, обезпеченію хозяевъ землей и скотомъ. Воронежскій сборникъ, такимъ образомъ, пытается нарисовать цифрами возможно полную картину экономическаго быта населенія,—его производство и потребленіе — и дать изслѣдователю возможность разнообразными пріемами выяснять условія, способствующія лучшему удовлетворенію народныхъ потребностей.

Въ послѣднее время, въ области земскихъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства замѣчается нѣкоторое оживленіе, и позволительно надѣяться, что недалеко время, когда порванная почти нить этого изслѣдованія будетъ связана и потянется дальше. Новымъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ придется, конечно, отправляться отъ того, на чемъ остановились ихъ предшественники, и разрабатывать вопросы, поднятые, но не рѣшенные послѣдними. Вопросы эти касаются какъ предметовъ и пріемовъ изслѣдованія, такъ и формы сводки собираемыхъ матеріаловъ. Въ первомъ отношеніи новымъ изслѣдователямъ предстоитъ рѣшить, какіе предметы—кромѣ элементовъ производства—поддаются сплошной регистраціи и удобно ли программу подворныхъ переписей расширить до объема программы воронежскаго земскаго статистическаго бюро? Если же доходы, напр., и расходы крестьянъ, кредитъ и т. п. не могутъ быть изучаемы путемъ сплошной регистраціи, то изслѣдователямъ предстоитъ выработать пріемы анкетнаго или монографическаго изслѣдованія подобныхъ предметовъ. Такую же задачу предстоитъ разрѣшить и относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, изслѣдуемыхъ сплошнымъ порядкомъ. До сихъ поръ подворнымъ опросомъ улавливалось во многихъ отношеніяхъ лишь количественное, а не качественное разнообразіе факторовъ хозяйства. Регистрируя, напр., количество скота, земская перепись ничего не говоритъ о качественныхъ его различіяхъ, а между тѣмъ лошадь и корова зажиточнаго домохозяина далеко не одно и то же, что—бѣднаго. Земской статистикѣ открывается, поэтому, задача дальнѣйшаго расчлененія изучаемыхъ уже ею предметовъ и рѣшенія вопроса—можетъ ли это расчлененіе во всѣхъ случаяхъ достигаться путемъ сплошного изслѣдованія или по нѣкоторымъ предметамъ придется ограничиться подробнымъ

Digitized by Google

изученіемъ нѣсколькихъ типическихъ хозяйствъ, съ тѣмъ, чтобы полученные выводы распространить на неизслѣдованныя хозяйства тѣхъ же типовъ.

Относительно сводки собираемыхъ подворнымъ опросомъ матеріаловъ въ статистикѣ, кажется, прочно утвердилось мнѣніе, что и при территоріальныхъ итогахъ этихъ данныхъ недостаточно ограничиваться общей суммой по каждому признаку, а слѣдуетъ возможно шире примѣнять расчлененіе домохозяевъ по степени развитія этого признака. Въ существующихъ изданіяхъ, однако, примѣненіе этого пріема далеко еще не дошло до его естественныхъ предѣловъ. Такъ, нигдѣ, кажется, въ простыхъ таблицахъ не встрѣчается дѣленіе домохозяевъ на группы по числу рабочихъ обоего пола, по количеству мелкаго скота, и очень рѣдко наблюдается распредѣленіе ихъ по величинѣ семьи, по числу женщинъ-работницъ и по количеству владѣемаго ими молочнаго скота. Примѣромъ полтавскаго сборника возбуждается вопросъ о томъ, что по нѣкоторымъ хотя бы предметамъ расчлененіе домохозяевъ слѣдовало бы производить не по одному, а по комбинаціи двухъ признаковъ. Это имѣетъ особенное значеніе тамъ, гдѣ не примѣняются такъ называемыя групповыя таблицы. Впрочемъ, эти послѣднія сдѣлаются, повидимому, постоянной принадлежностью сводокъ подворныхъ переписей; но здѣсь опять возникаетъ вопросъ о томъ—по какому признаку образовать искомыя группы домохозяевъ. Группы эти должны улавливать хозяйственное расчлененіе крестьянскихъ семей,—а этой цѣли можно достигнуть, основывая дѣленіе и на факторахъ, и на итогахъ земледѣльческаго производства. Это значитъ, что можно создать рядъ группъ домохозяевъ, различающихся по состоятельности, если положить въ основу дѣленія общіе размѣры ихъ землевладѣнія, площадь принадлежащей имъ пахотной земли, количество находящагося у нихъ рабочаго скота или, наконецъ, площадь посѣва. Статистики далеко еще не пришли къ единогласію относительно преимуществъ того или другого дѣленія, и намъ кажется, что для крупныхъ районовъ слѣдовало бы давать не одну, а нѣсколько группировокъ: это не потребуетъ большихъ затратъ, ни труда, ни мѣста въ изданіи.

Вопросъ о значеніи комбинаціонныхъ таблицъ еще совершенно не разработанъ, и послѣдующимъ дѣятелямъ въ области земской статистики предстоитъ рѣшить, можетъ ли эта форма таблицъ служить, вообще, для сводки матеріаловъ, добытыхъ подворной переписью, или ея смыслъ заключается въ разъясненіи разнаго рода зависимости въ области крестьянскаго хозяйства. Въ первомъ случаѣ пришлось бы выработать форму, общую для всѣхъ изданій; во второмъ—выборъ

Digitized by Google

признаковъ, вводимыхъ въ комбинацію, долженъ зависѣть отъ мѣстныхъ условій и особенностей крестьянскаго хозяйства.

Земскія изслѣдованія крестьянскаго хозяйства, о которыхъ велась рѣчь въ настоящей статьѣ, даютъ матеріалъ для статистическаго его изученія въ одинъ опредѣленный моментъ времени. Но въ послѣдніе годы подворныя переписи начинаютъ повторяться въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ уже были произведены однажды. Это открываетъ экономистамъ возможность изучать положеніе крестьянскаго хозяйства въ два различные момента времени и изслѣдовать такимъ образомъ процессъ его эволюціи. При этомъ сдѣлана интересная попытка изученія этого процесса не по простымъ итогамъ двухъ переписей, раздѣленныхъ промежуткомъ въ опредѣленное число лѣтъ, а путемъ констатированія тѣхъ перемѣнъ, какія испытаны всѣми домохозяевами, зарегистрированными при первой переписи. Попытка эта принадлежитъ саратовскому статистику, Н. Н. Черненкову [1]). Пріемъ этотъ, однако, слишкомъ мало разработанъ для того, чтобы на немъ останавливаться въ общемъ очеркѣ, подобномъ настоящему.

В. В.

[1]) См. его статьи: „Крестьянское хозяйство“, въ „Саратовской Недѣлѣ“ (издаваемой губернскимъ земствомъ) за 1900 г.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1901.

Проектъ новаго таможеннаго тарифа въ Германіи.—Протесты промышленныхъ протекціонистовъ противъ протекціонизма аграрнаго.—Противорѣчія экономической политики и промышленный кризисъ.—Внутреннія дѣла Франціи.—Новый законъ объ ассоціаціяхъ.—Событія въ Даніи и въ балканскихъ государствахъ.

Въ Германіи господствуетъ сильное возбужденіе по поводу обнародованнаго правительствомъ проекта новаго таможеннаго тарифа. Проектъ долго вырабатывался въ тиши и подлежалъ еще разсмотрѣнію въ союзномъ совѣтѣ, прежде чѣмъ попасть въ имперскій сеймъ и сдѣлаться предметомъ публичной оцѣнки; но нескромность одной вюртембергской газеты, напечатавшей нѣкоторые изъ важнѣйшихъ отдѣловъ проекта, побудила правительство рѣшиться на преждевременную его публикацію. Всѣмъ было заранѣе извѣстно, что канцлеръ, графъ Бюловъ, питаетъ особыя симпатіи къ „аграріямъ“, и что настойчивыя домогательства крупныхъ землевладѣльцевъ находятъ поддержку и сочувствіе въ высшихъ придворныхъ сферахъ; поэтому трудно было ожидать, что откровенная оффиціальная попытка примѣненія протекціонизма къ интересамъ сельскаго хозяйства вызоветъ такую бурю въ нѣмецкомъ обществѣ и въ печати. Особенно волнуетъ публику то обстоятельство, что сверхъ повышенія ввозныхъ пошлинъ на главные хлѣбные продукты установлены также точныя границы, до которыхъ могутъ доходить уступки при переговорахъ о заключеніи торговыхъ трактатовъ съ другими государствами; а эти предѣльныя нормы соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ общимъ тарифнымъ ставкамъ или превышаютъ ихъ, такъ что, въ сущности, не остается никакого простора для взаимныхъ компромиссовъ и соглашеній съ державами, съ которыми связываютъ Германію весьма крупные интересы ея собственной промышленности. Такъ, напр., нынѣшняя пошлина на рожь, въ размѣрѣ пяти марокъ съ центнера, понижалась до $3^1/_2$ марокъ въ силу торговыхъ договоровъ; теперь норма въ пять марокъ становится минимальной пошлиною для странъ, съ которыми будутъ заключены трактаты. Пошлина на пшеницу повышается съ пяти до шести съ половиною марокъ, а по договорамъ допускается пониженіе лишь до пяти съ половиною марокъ, тогда какъ нынѣ минимальный размѣръ составляетъ три съ половиною марки; ячмень облагается пошлиною въ четыре марки и не ниже трехъ, вмѣсто существующихъ нормъ

Digitized by Google

въ двѣ съ половиною и двѣ марки; овесъ—шестью марками и не ниже пяти, вмѣсто четырехъ и двухъ съ половиною марокъ. Предлагая эти повышенныя ставки въ качествѣ минимальныхъ, Германія, конечно, не могла бы взамѣнъ требовать какихъ-либо выгодъ для себя отъ тѣхъ государствъ, противъ которыхъ эти повышенія направлены и съ которыми предстоятъ торговые переговоры; напротивъ, она должна будетъ ожидать отъ нихъ соотвѣтственныхъ повышеній пошлинъ на продукты германскаго производства, вслѣдствіе чего международный обмѣнъ сразу перейдетъ изъ мирнаго состоянія въ боевое, и вмѣсто возобновленія трактатовъ начнется разорительная таможенная война. Нѣкоторыя изъ предположенныхъ пошлинъ имѣютъ прямо запретительный характеръ; напр., съ лошадей—отъ тридцати до *трехсотъ* марокъ за каждую, вмѣсто десяти и двадцати; съ рогатаго скота—двадцать-пять марокъ за штуку, вмѣсто девяти; съ мяса, масла и сыра пошлины повышены въ полтора раза, съ яицъ—вдвое, и т. д. Эти предметы германскаго ввоза, равно какъ и хлѣбные продукты, доставляются, главнымъ образомъ, изъ Австро-Венгріи, Россіи и Сѣверо-германскихъ Соединенныхъ штатовъ; слѣдовательно, сильнѣйшіе таможенные удары оказываются направленными именно противъ названныхъ державъ, съ которыми Германія вообще старается поддерживать близкія дружественныя и даже союзныя отношенія. Спеціальная таможенная политика идетъ здѣсь совершенно въ разрѣзъ съ дипломатіею; она подкапывается подъ международныя связи и разрушаетъ политическія комбинаціи, представляющія огромную важность для имперіи.

Послѣдствія новаго тарифа для Германіи были бы весьма значительны и разнообразны. Непосредственнымъ результатомъ было бы, съ одной стороны, вздорожаніе необходимыхъ предметовъ всеобщаго народнаго потребленія, а съ другой—увеличеніе доходовъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Косвенно пострадали бы всѣ отрасли крупной промышленности, работающія для вывоза,—въ виду неизбѣжныхъ отвѣтныхъ таможенныхъ мѣръ со стороны государствъ, служившихъ до сихъ поръ внѣшними рынками для сбыта издѣлій германскихъ фабрикъ и заводовъ. Возникновеніе таможенной войны привело бы къ опасному экономическому кризису, бѣдственному не только для капиталистовъ, но и для всего рабочаго населенія Германіи. Необыкновенный шумъ, поднятый по поводу проекта новаго тарифа, не нуждается поэтому въ особыхъ комментаріяхъ. Промышленные дѣятели и капиталисты являются въ этомъ случаѣ солидарными съ массою мелкой буржуазіи и чиновничества, съ громаднымъ большинствомъ рабочихъ и съ передовою частью нѣмецкаго образованнаго общества; богатые и бѣдные городскіе классы единодушно выступаютъ противъ притя-

Digitized by Google

заній представителей земледѣлія и землевладѣнія, обозначаемыхъ обыкновенно полу-насмѣшливою кличкою „аграріевъ“. Отъ имени послѣднихъ громко шумитъ вліятельная юнкерская партія; съ нею заодно дѣйствуетъ „союзъ сельскихъ хозяевъ“, обнимающій значительную часть аристократіи,—но не надо забывать, что къ тому же лагерю принадлежитъ многочисленное, хотя и пассивное и молчаливое, нѣмецкое крестьянство. Въ то время какъ буржуазная печать возмущается уступками, дѣлаемыми аграріямъ, послѣдніе находятъ эти уступки недостаточными и требуютъ еще болѣе энергической охраны интересовъ сельскаго хозяйства. Антагонизмъ между городскими и сельскими классами, между промышленностью въ собственномъ смыслѣ и земледѣліемъ,—раскрывается тутъ въ рѣзкой, осязательной формѣ. Но одна черта возникшаго спора невольно обращаетъ на себя вниманіе безпристрастнаго наблюдателя. Казалось бы, простая ссылка на неминуемые результаты новаго тарифа разрѣшала бы вопросъ противъ аграріевъ. Нельзя же себѣ представить, чтобы люди добросовѣстные и свѣдущіе, участвовавшіе въ составленіи спорнаго проекта, сознательно желали установить для народа искусственную дороговизну хлѣба и мяса, создать промышленный кризисъ и испортить отношенія съ могущественными державами, ради обезпеченія исключительныхъ матеріальныхъ привилегій для землевладѣльческаго класса. Сами землевладѣльцы, между которыми найдется не мало искреннихъ патріотовъ, не рѣшились бы открыто домогаться принесенія въ жертву насущныхъ интересовъ страны во имя своихъ хозяйственныхъ выгодъ, такъ какъ подобныя требованія не имѣли бы ни малѣйшихъ шансовъ успѣха и только напрасно вызывали бы всеобщее раздраженіе. Въ дѣйствительности, вопросъ далеко не такъ простъ, какъ можно было бы думать на основаніи обычной постановки его въ либеральныхъ нѣмецкихъ газетахъ. Сторонники повышенныхъ сельскохозяйственныхъ пошлинъ имѣютъ за себя общую систему промышленнаго протекціонизма и опираются на нее какъ на твердую основу своей экономической программы. Если существуетъ покровительственная система, охраняющая крупную промышленность отъ иностранной конкурренціи при помощи высокихъ таможенныхъ пошлинъ, то почему она не должна распространяться и на земледѣльческое производство? Невыгоды усиленнаго протекціонизма, опасности таможенной войны и экономическаго кризиса не принимались въ разсчетъ, когда дѣло шло о защитѣ національнаго фабрично-заводскаго производства; система все-таки вводилась въ дѣйствіе и приноситъ теперь свои плоды, которыми широко пользуются капиталисты и промышленники въ ущербъ массѣ населенія. Либеральная печать не возмущалась искусственною дороговизною такихъ необходимыхъ предметовъ потребленія, какъ сахаръ,

Digitized by Google

желѣзо, каменный уголь, различныя ткацко-прядильныя издѣлія; поэтому она не имѣетъ права негодовать, когда тѣ же охранительные принципы примѣняются къ продуктамъ сельскаго хозяйства. Въ томъ же тарифномъ проектѣ, который возбудилъ такую страстную полемику противъ корыстныхъ поползновеній аграріевъ, заключается множество статей, назначающихъ повышенныя пошлины въ области фабрично-заводской промышленности; однако, эти повышенія проходятъ почти незамѣченными, хотя они также непомѣрно увеличиваютъ дороговизну товаровъ, безъ которыхъ народъ не можетъ обойтись. Правительственный проектъ новаго германскаго таможеннаго тарифа представляетъ собою полное и послѣдовательное выраженіе обычныхъ тенденцій національнаго протекціонизма во всѣхъ сферахъ промышленной дѣятельности, а вовсе не только въ области земледѣльческаго производства; между тѣмъ всѣ споры вращаются почти исключительно около немногихъ предположеній, касающихся сельскаго хозяйства,—какъ будто проектъ былъ спеціально выработанъ для пользы аграріевъ. Противники проекта исходятъ изъ того молчаливаго предположенія, что протекціонизмъ законенъ и нормаленъ для фабрично-заводской промышленности, но становится возмутительно-несправедливымъ, когда его примѣняютъ къ сельскому хозяйству. Промышленные протекціонисты съ яростью нападаютъ на протекціонистовъ аграрныхъ и горячо обличаютъ ихъ въ томъ, что̀ составляетъ грѣхъ всякаго вообще протекціонизма. Эта любопытная особенность разгорѣвшейся партійной распри совершенно упускается изъ виду нѣмецкими публицистами при оцѣнкѣ недостатковъ и увлеченій новѣйшей экономической политики германскаго правительства. Аграріи, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, претендуютъ на равноправность съ промышленными хозяевами и капиталистами, по отношенію къ примѣненію началъ покровительственной системы, и эта претензія сама по себѣ нисколько не оправдываетъ того негодованія, которое вызвано ею въ передовыхъ органахъ нѣмецкой журналистики.

Теоретически можно утверждать, что протекціонизмъ аграрный существенно отличается отъ промышленнаго: высокія пошлины на хлѣбные продукты только возвышаютъ цѣны ихъ и облагаютъ народъ ничѣмъ не вознаградимою данью, поступающею всецѣло въ карманы землевладѣльцевъ,—тогда какъ возвышеніе таможенныхъ пошлинъ на другіе товары способствуетъ развитію туземнаго производства, открываетъ просторъ для внутренней конкурренціи и приводитъ къ постепенному пониженію цѣнъ. Количество сельскохозяйственныхъ продуктовъ, добываемыхъ въ странѣ, опредѣляется пространствомъ воздѣлываемыхъ земель и природными свойствами почвы; оно не можетъ быть значительно увеличено, и нужда въ заграничномъ привозѣ не

Digitized by Google

уменьшится подъ вліяніемъ покровительственныхъ пошлинъ; поэтому таможенная охрана земледѣлія есть не что иное какъ способъ увеличенія владѣльческихъ доходовъ путемъ принудительнаго поднятія цѣнъ, безъ всякой пользы для національнаго производства. Фабрично-заводской же промышленности доступно неограниченное развитіе; ростъ ея имѣетъ предѣлъ только въ размѣрахъ спроса и при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ даже превысить внутреннюю потребность, причемъ не только устраняется необходимость заграничнаго привоза, но пріобрѣтаются еще надежные внѣшніе рынки, благодаря доброкачественности и дешевизнѣ производимыхъ товаровъ. Такимъ образомъ промышленный протекціонизмъ усиливаетъ національную производительность и съ теченіемъ времени неизбѣжно удешевляетъ цѣны, чего мы не видимъ въ протекціонизмѣ аграрномъ. Еслибы это было такъ, то дальнѣйшее существованіе покровительственной системы въ Германіи не имѣло бы смысла, при современныхъ блестящихъ успѣхахъ нѣмецкой промышленности. На практикѣ, однако, бываетъ совсѣмъ не то, что предполагается въ теоріи. Охранительныя пошлины на фабрично-заводскія издѣлія не только удерживаются, но и систематически повышаются, несмотря на кажущееся достиженіе первоначальныхъ цѣлей таможеннаго покровительства; жалобы на иностранную конкурренцію и на недостаточность существующихъ пошлинъ повторялись многими нѣмецкими промышленными союзами еще незадолго до обнародованія новаго тарифнаго проекта. Въ передовыхъ странахъ новѣйшаго промышленнаго прогресса—въ Германіи и въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ—протекціонизмъ упорно продолжаетъ дѣйствовать и развиваться, хотя національная производительность давно уже не нуждается въ искусственномъ поощреніи; очевидно, поощреніе никогда не утрачиваетъ своей цѣнности для промышленниковъ и капиталистовъ, получающихъ все большее вліяніе на законодательство и администрацію по мѣрѣ развитія своего экономическаго могущества. Всегда отыскиваются доводы въ пользу сохраненія повышенныхъ цѣнъ на товары при помощи таможеннаго тарифа: внутреннее соперничество уступаетъ мѣсто единодушію организованныхъ стачекъ и синдикатовъ, а всякій намекъ на облегченіе тяжести, возложенной на потребителей, даетъ поводъ пугать правительство закрытіемъ многихъ предпріятій, распущеніемъ части рабочихъ, промышленнымъ кризисомъ и т. п. Никто не сомнѣвается, напр., въ томъ, что наша сахарная промышленность давно уже вышла изъ періода искусственнаго насажденія и можетъ вполнѣ свободно господствовать на отечественномъ рынкѣ, не опасаясь иностранной конкурренціи; тѣмъ не менѣе, сахарныя цѣны стойко держатся на высокомъ уровнѣ, и самому потребленію положены границы для избѣжанія воз-

Digitized by Google

можнаго упадка цѣнъ. Подобное взиманіе произвольной дани съ потребителей считается законнымъ и практикуется безпрепятственно въ теченіе многихъ лѣтъ; почему же этотъ путь обогащенія долженъ быть закрыть для однихъ только сельскихъ хозяевъ? Германскіе землевладѣльцы могутъ доказывать—и доказываютъ, что для нихъ прямо убыточны нѣкоторыя отрасли земледѣльческой промышленности при допущеніи привоза дешовыхъ заграничныхъ продуктовъ; они жаждутъ пошлинъ по такимъ же мотивамъ, какъ и промышленники, и нѣтъ логическаго основанія отказывать имъ въ томъ, что̀ щедро давалось и дается фабрикантамъ и заводчикамъ. Новый тарифный проектъ несостоятеленъ не потому, что пытается удовлетворить аграріевъ, а потому, что въ немъ слишкомъ послѣдовательно и систематично проводятся начала узкаго мнимо-національнаго протекціонизма; онъ ярко выдвигаетъ наружу коренныя погрѣшности своего фундамента, именно благодаря стремленію охватить всѣ отрасли производства, не только фабрично-заводскаго, но и земледѣльческаго. Быть можетъ, судьба этого проекта заставитъ нѣмецкое общество задуматься надъ общимъ вопросомъ о протекціонизмѣ въ нынѣшнихъ его формахъ; но пока не замѣтно еще поворота къ безпристрастной критикѣ явленій и интересовъ, ложно прикрываемыхъ флагомъ національной пользы.

Международная кампанія, предпринятая противъ германскаго таможеннаго проекта, является вполнѣ естественною и понятною. Разумѣется само собою, что австрійцы и венгерцы должны быть недовольны новымъ стѣсненіемъ сбыта ихъ хлѣбныхъ продуктовъ, рабочаго скота и лошадей, и что русскія и американскія газеты должны протестовать по такимъ же или однороднымъ мотивамъ; но не мѣшаетъ вспомнить, что Австро-Венгрія сама отраждаетъ свою территорію отъ чрезмѣрнаго привоза германскихъ фабрично-заводскихъ товаровъ, и что тѣ же русскія газеты, нападающія теперь на германскій протекціонизмъ, настойчиво воевали за обложеніе высокими пошлинами продуктовъ германской промышленности, въ видахъ усиленнаго покровительства отечественному производству. Россія въ свое время ввела у себя строгую охранительную систему, обставленную отчасти запретительными пошлинами,—чѣмъ нанесла жестокій ударъ промышленнымъ интересамъ Германіи и Австріи; притомъ нашъ тарифъ былъ введенъ сразу въ видѣ обязательнаго закона, безъ всесторонняго публичнаго обсужденія, и многочисленныя указанія на невыгодность принятыхъ мѣръ для русскаго народнаго хозяйства остались безъ послѣдствій. Едва ли логично со стороны нашей печати осуждать послѣ этого нѣмцевъ за выработку тарифа, гораздо болѣе

Digitized by Google

мягкаго, чѣмъ дѣйствующій у насъ. Сами нѣмцы съ полною свободой критикуютъ и осуждаютъ предположенія своего правительства, и, по всей вѣроятности, этотъ проектъ, если онъ даже будетъ одобренъ союзнымъ совѣтомъ, не пройдетъ въ имперскомъ сеймѣ безъ существенной передѣлки. Благодаря дѣятельному участію нѣмецкаго общественнаго мнѣнія въ важныхъ законодательныхъ работахъ, будутъ по крайней мѣрѣ устранены или смягчены главнѣйшіе недостатки проектированнаго тарифа, надѣлавшаго столько шуму въ Германіи.

Для правительства и въ частности для графа Бюлова возникаютъ трудныя и едва ли разрѣшимыя задачи въ области экономической политики. Обнародованіе тарифнаго проекта совпало съ появленіемъ серьезныхъ симптомовъ общаго промышленнаго недуга, который все болѣе даетъ себя чувствовать въ Германіи. Крупныя предпріятія не находятъ прежняго сбыта для своихъ товаровъ; огромныя массы заготовленныхъ издѣлій и продуктовъ лежатъ непроизводительно, къ ужасу предпринимателей и капиталистовъ; многіе заводы и фабрики вынуждены ограничить свое производство и распустить часть своего рабочаго персонала; менѣе богатыя промышленныя заведенія закрываются или дѣлаются несостоятельными. Крушеніе значительныхъ банковъ и акціонерныхъ компаній въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ служитъ предвѣстникомъ дальнѣйшихъ массовыхъ банкротствъ—обычныхъ спутниковъ промышленнаго кризиса. Чрезмѣрная погоня за усиленіемъ производства, поощряемая покровительственною системою, дошла повидимому до того пункта, когда предпріимчивость останавливается, за невозможностью двигаться впередъ, и вмѣсто подсчета барышей приходится считать потери и убытки. Въ такой моментъ напрашивается самъ собою вопросъ о степени разумности и цѣлесообразности всего протекціонистскаго зданія, а правительство, въ союзѣ съ ослѣпленными промышленниками и аграріями, собирается еще увѣнчать это зданіе новымъ охранительнымъ тарифомъ.

Въ политической жизни Франціи замѣчается нѣкоторое оживленіе: партіи готовятся уже къ парламентскимъ выборамъ, предстоящимъ въ маѣ будущаго года. Радикалы и соціалисты предлагаютъ цѣлый рядъ реформъ, и въ томъ числѣ, на первомъ планѣ, введеніе единаго подоходнаго налога, взамѣнъ устарѣлой и несправедливой системы „четырехъ контрибуцій“ или податей съ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ. Умѣренные республиканцы ратуютъ за борьбу съ соціализмомъ и за рѣшительное исключеніе его представителей изъ состава министерскаго большинства; вмѣстѣ съ тѣмъ они проповѣдуютъ необходимость всеобщаго внутренняго примиренія и указываютъ на

Digitized by Google

опасность какихъ бы то ни было посягательствъ на свободу и авторитетъ католичества. Націоналисты требуютъ пересмотра конституціи съ цѣлью ограниченія всемогущества парламента и передачи рѣшающей власти народу путемъ плебисцитовъ; за плебисциты стоятъ и бонапартисты, которые серьезно выдаютъ себя за истинныхъ сторонниковъ и защитниковъ идеи народнаго верховенства.

Монархисты оказываются также чрезвычайно либеральными и передовыми. „Роялизмъ—какъ говоритъ уполномоченный герцога Орлеанскаго—въ сущности не составляетъ партіи; онъ имѣетъ болѣе честолюбивую цѣль—соединить всѣхъ французовъ на почвѣ національнаго права. Поэтому можно сказать, что монархія, создавшая французское государство, есть въ дѣйствительности не что иное, какъ объединенный націонализмъ. Принципъ его есть общее наслѣдіе и охрана для всѣхъ, и его представитель, герцогъ Орлеанскій, принадлежитъ всей Франціи". Почти то же самое заявляетъ принцъ Викторъ отъ имени бонапартистовъ: „То, что называютъ бонапартистскою партіею, въ сущности не есть партія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Партія необходимо предполагаетъ исключительность; а здѣсь ея нѣтъ, не можетъ и не должно быть. Доктрина плебисцита даетъ всѣмъ одинаковое убѣжище, одинаковую охрану, подъ единымъ покровомъ національной воли". Однако, большинство французскаго народа не обнаруживаетъ намѣренія объединяться ни подъ предводительствомъ герцога Орлеанскаго, ни подъ знаменемъ принца Виктора,—такъ что ихъ объединяющіе призывы производятъ отчасти комическое впечатлѣніе. Отрицая нынѣшнюю республику, оба претендента могутъ разчитывать на сочувствіе только своихъ собственныхъ партій; а такъ какъ они отрицаютъ партійность, то съ ихъ стороны было бы логичнѣе примкнуть къ установленному государственному порядку и подать этимъ примѣръ единенія на почвѣ „національнаго права" и „національной воли". Герцогъ Орлеанскій, при всемъ своемъ либерализмѣ, опирается на старыя монархическія традиціи; онъ связываетъ свои притязанія съ заслугами предковъ и въ то же время признаетъ революціонные принципы 1789 года, положившіе конецъ французскому монархизму. Аристократическія фамиліи, воспитанныя въ чувствахъ преданности потомкамъ королей, смотрятъ на игру съ „великою революціею" и съ „народною волею", какъ на неизбѣжный политическій пріемъ для привлеченія новыхъ приверженцевъ,—хотя подобные пріемы, конечно, слишкомъ наивны и не соблазняютъ никого изъ республиканцевъ. Внутреннія противорѣчія въ заявленіяхъ монархистовъ вытекаютъ изъ двусмысленнаго положенія самой партіи, обязанной такъ или иначе считаться съ фактомъ существованія республики и съ республиканскимъ настроеніемъ народныхъ массъ. Мо-

Digitized by Google

нархисты твердо знаютъ, чего хотятъ, и нѣкоторая примѣсь эластичнаго оппортунизма не мѣшаетъ ихъ тѣсной сплоченности. Принцъ Викторъ не можетъ прямо ссылаться на свои наслѣдственныя права, какъ герцогъ Орлеанскій; онъ высказывается только за выборъ правителя всеобщимъ народнымъ голосованіемъ, такъ какъ и Наполеонъ I и Наполеонъ III были монархами не по собственному праву, а по народному выбору, въ силу плебисцита. Но Наполеонъ I сталъ избранникомъ народа послѣ того какъ выдвинулся въ качествѣ геніальнаго полководца; Наполеонъ III случайно былъ выбранъ президентомъ республики и затѣмъ присвоилъ себѣ власть и титулъ императора при помощи государственнаго переворота. Принцъ Викторъ полагаетъ, что предоставленіе народу права непосредственно избирать правителя должно выдвинуть и его, принца Виктора, на первый постъ въ государствѣ,—какъ будто народными избранниками могутъ быть только члены фамиліи Бонапартовъ. Никогда нельзя предвидѣть, каковъ будетъ результатъ плебисцита, и если послѣ февральской революціи французы увлеклись именемъ и личностью принца Луи-Наполеона, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они теперь должны выбрать принца Виктора. Принципъ народнаго избранія правителей не имѣетъ вообще никакой связи съ претензіями бонапартистовъ и по существу исключаетъ мысль о возстановленіи опредѣленной династіи; трудно даже понять, почему доктрина плебисцита можетъ служить основою для возвышенія принца Виктора. Пусть установлено будетъ, что президентъ республики избирается не конгрессомъ обѣихъ палатъ, а непосредственно народомъ.—что выиграетъ отъ этого принцъ Викторъ и его партія? Народъ выберетъ какого-нибудь популярнаго генерала или оратора, а бонапартисты съ своимъ принцемъ останутся ни при чемъ. Тѣмъ не менѣе, бонапартизмъ существуетъ во Франціи; около него группируются всѣ сторонники крѣпкой власти, выросшіе въ преданіяхъ второй имперіи или обязанные ей своимъ личнымъ благосостояніемъ.

Обѣ монархическія партіи обречены въ настоящее время на безсиліе; многіе изъ ихъ представителей перешли открыто на сторону республики, чтобы имѣть возможность дѣйствовать съ пользою для себя и для страны; другіе ждутъ только благопріятнаго момента, чтобы присоединиться къ существующему режиму. Реакціонная оппозиція прикрывается уже республиканскими принципами неограниченной свободы и равноправности, примѣняя ихъ спеціально къ охранѣ интересовъ церкви и религіи. Клерикализмъ остается единственнымъ надежнымъ оплотомъ реакціи; оттого борьба противъ клерикальныхъ тенденцій занимаетъ такое видное мѣсто въ программахъ передовыхъ республиканскихъ группъ. Сильный ударъ клерикализму нанесенъ но-

Digitized by Google

вѣйшимъ закономъ объ ассоціаціяхъ, обнародованнымъ въ окончательной формѣ въ началѣ іюля (нов. ст.). Практическое примѣненіе этого закона къ духовнымъ конгрегаціямъ дастъ еще много поводовъ къ протестамъ и столкновеніямъ, которыми несомнѣнно будутъ широко пользоваться монархисты.

Законъ объ ассоціаціяхъ, успѣшно проведенный черезъ всѣ сложные фазисы парламентскаго обсужденія подъ руководствомъ Вальдека-Руссо, составляетъ безспорно одинъ изъ наиболѣе крупныхъ законодательныхъ актовъ французской республики за послѣдніе годы. Принятый обѣими палатами текстъ закона только въ немногихъ пунктахъ отступаетъ отъ проекта, сущность котораго мы изложили въ свое время. Союзы лицъ могутъ образоваться свободно, безъ предварительнаго разрѣшенія или заявленія; но чтобы получить юридическую правоспособность, они должны сдѣлаться публичными, т.-е. сообщить мѣстной администраціи свои уставы, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о цѣляхъ, мѣстопребываніи и должностныхъ лицахъ союза. Всякое общество, исполнившее эту формальность, можетъ пріобрѣтать имущество и владѣть имъ, дѣйствовать предъ судомъ и пользоваться вообще правами юридическихъ лицъ; только владѣніе недвижимостью должно строго ограничиваться предѣлами того, что необходимо для осуществленія задачъ общества. Недвижимыя имущества, перешедшія къ ассоціаціи по завѣщанію или дарственной записи, если они не настоятельно нужны для цѣлей союза, продаются съ публичнаго торга, и вырученныя за нихъ деньги поступаютъ въ кассу ассоціаціи. Союзы, состоящіе въ большинствѣ изъ иностранцевъ, или управляемые иностранцами, или имѣющіе свой центръ за границею, могутъ быть закрыты декретомъ президента республики, если ихъ дѣятельность направлена къ извращенію нормальныхъ условій рынка или угрожаетъ внутренней или внѣшней безопасности государства. Что касается религіозныхъ конгрегацій, то онѣ учреждаются не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія, даваемаго каждый разъ спеціальнымъ закономъ, которымъ опредѣляются предметы и способы дѣйствія новаго союза. Конгрегація можетъ основывать какія-либо заведенія только въ силу рѣшенія государственнаго совѣта; она можетъ быть всегда распущена декретомъ, даннымъ въ совѣтѣ министровъ. Лица, принадлежащія къ неразрѣшенной религіозной конгрегаціи, не допускаются, ни прямо, ни косвенно, къ завѣдыванію какимъ бы то ни было учебнымъ заведеніемъ или къ преподаванію въ какой-либо школѣ. Всякая конгрегація, образовавшаяся безъ разрѣшенія, признается недозволенною. Существующія нынѣ конгрегаціи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были уже раньше разрѣшены, обязываются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ принять мѣры для исполненія предписаній закона; въ противномъ случаѣ

Digitized by Google

онѣ считаются распущенными, точно такъ же какъ и конгрегаціи, которымъ будетъ отказано въ разрѣшеніи. Законъ устанавливаетъ подробныя правила для ликвидаціи имуществъ, принадлежащихъ недозволеннымъ конгрегаціямъ. Имущества и цѣнности, внесенныя въ конгрегацію ея членами, возвращаются имъ по принадлежности; имѣнія и капиталы, доставшіеся конгрегаціи по дарственнымъ или завѣщательнымъ актамъ безъ опредѣленнаго благотворительнаго назначенія, могутъ быть потребованы дарителями и ихъ наслѣдниками, равно какъ и наслѣдниками завѣщателей, причемъ не принимаются во вниманіе никакія ссылки на давность. Эти требованія должны быть предъявлены въ шестимѣсячный срокъ со времени публикаціи рѣшенія о ликвидаціи; послѣ этого срока объявляется публичная продажа всѣхъ недвижимостей, не предназначенныхъ для благотворительныхъ учрежденій и не отыскиваемыхъ частными лицами. Изъ вырученныхъ суммъ назначаются извѣстныя выдачи нуждающимся членамъ закрытой конгрегаціи, а также членамъ, участвовавшимъ своимъ личнымъ трудомъ въ пріобрѣтеніи средствъ на покупку проданныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, изъ закона устранено всякое подобіе корыстнаго присвоенія или захвата частной собственности конгрегацій, что̀ придавало непріятный оттѣнокъ первоначальному проекту.

При многочисленности и богатствѣ духовныхъ конгрегацій во Франціи новый законъ возвѣщаетъ крутую ломку имущественныхъ отношеній и интересовъ, насильственное упраздненіе цѣлаго ряда монашескихъ учрежденій, переходъ духовныхъ имѣній и капиталовъ въ руки новыхъ владѣльцевъ и множество процессовъ о правѣ собственности на эти имѣнія и капиталы. Насколько значительна предпринятая ломка, можно судить уже потому, что общая цѣнность имуществъ конгрегацій опредѣляется приблизительно въ полтора милліарда и, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, доходитъ даже до четырехъ милліардовъ франковъ. Чтобы рѣшиться на такую радикальную мѣру противъ могущественныхъ католическихъ орденовъ и довести дѣло до конца, нужна была упорная энергія Вальдека-Руссо. Въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ выяснятся дѣйствительные размѣры переворота, совершаемаго закономъ въ клерикально-монашескомъ мірѣ Франціи. Министерство, сохраняющее власть съ марта 1899 года [1]), имѣетъ большіе шансы пережить критическій періодъ легальной борьбы съ конгрегаціями; до полнаго окончанія этого кризиса едва-ли найдется у кого-либо изъ

[1]) Считаемъ кстати нелишнимъ исправить недосмотръ, оказавшійся въ январскомъ [illegible] обозрѣніи „Вѣстника Европы“ за текущій годъ: тамъ говорится (стр. 392), что министерство Вальдека-Руссо образовалось „въ мартѣ“, причемъ пропущено означеніе года, а этотъ пропускъ, по смыслу рѣчи, даетъ основаніе предположить, что [illegible] идетъ объ истекшемъ 1900 годѣ.

Digitized by Google

республиканцевъ охота помочь клерикаламъ свергнуть ненавистный имъ кабинетъ. Разнородный составъ министерства, обезпечивающій ему поддержку не только передовыхъ республиканцевъ, но и соціалистовъ, оказался залогомъ его долговѣчности, вопреки предсказаніямъ консерваторовъ.

Небольшія государства также имѣютъ свои политическіе кризисы, иногда трудные и продолжительные; но о нихъ мало говорится въ европейской печати, и они часто проходятъ почти незамѣченными среди шумныхъ разсужденій о политикѣ великихъ державъ. Въ Даніи совершилось событіе, чрезвычайно важное для этой маленькой, но интересной страны: многолѣтняя борьба правительства противъ парламента и его либеральнаго большинства окончилась, и власть впервые перешла въ руки искреннихъ и убѣжденныхъ прогрессистовъ. Престарѣлый король Христіанъ IX, управлявшій до сихъ поръ исключительно черезъ посредство консервативныхъ и реакціонныхъ дѣятелей, поручилъ образованіе новаго министерства предводителю соединенныхъ группъ оппозиціи, профессору Дейнцеру. Эта перемѣна въ политической жизни страны привѣтствуется всѣмъ образованнымъ обществомъ Даніи, какъ начало новой эры, какъ гарантія благотворнаго внутренняго развитія и процвѣтанія. Общественныя и умственныя силы, которыя прежде тратились на безплодную взаимную борьбу, найдутъ теперь полезное примѣненіе; исчезнетъ неудовольствіе, вызываемое несправедливымъ и упорнымъ господствомъ такихъ министровъ-диктаторовъ, какъ Эструпъ, и существованіе націи вступаетъ, наконецъ, въ мирную колею. Быть можетъ, оптимисты предаются ужъ слишкомъ радостнымъ ожиданіямъ; но, во всякомъ случаѣ, датскіе либералы имѣютъ теперь возможность доказать на дѣлѣ, что практическое единеніе между властью и народомъ достигается лишь довѣріемъ короны къ народной массѣ и къ ея выборнымъ представителямъ. Кромѣ министра-президента и министра иностранныхъ дѣлъ Дейнцера, въ составъ кабинета вошли три редактора газетъ и одинъ бывшій учитель; министромъ торговли назначенъ крупный коммерсантъ, министромъ земледѣлія—землевладѣлецъ, военнымъ—артиллерійскій полковникъ, морскимъ—адмиралъ. Все это—люди выдающіеся и талантливые, по отзывамъ мѣстной печати, и, безъ сомнѣнія, они постараются оправдать возлагаемыя на нихъ надежды.

Въ послѣднее время газетамъ приходилось часто вспоминать о балканскихъ дѣлахъ. Явное сближеніе князя Фердинанда съ Россіею, выразившееся въ краснорѣчивыхъ демонстраціяхъ и празднествахъ по

Digitized by Google

случаю поѣздки великаго князя Александра Михайловича въ Варну, породило толки о предстоящемъ, будто бы, провозглашеніи независимости Болгаріи съ титуломъ королевства; но вассальное подчиненіе султану настолько фиктивно и такъ мало даетъ себя чувствовать болгарамъ, что вопросъ о формальной независимости едва-ли серьезно занимаетъ теперь правителей княжества. Сосѣдняя Сербія, будучи независимымъ королевствомъ, гораздо слабѣе Болгаріи; она вынуждена терпѣть постоянныя пограничныя нападенія турецкихъ солдатъ и албанцевъ, и только дипломатическое вмѣшательство русскаго посла въ Константинополѣ заставило Порту обратить вниманіе на неоднократныя сербскія жалобы. Сербія съ пользою для себя—какъ и Болгарія—замѣтно переходитъ изъ сферы австрійскаго вліянія въ кругъ русскаго воздѣйствія, что̀ облегчается видимымъ отреченіемъ нашей дипломатіи отъ прежней безусловно пассивной политики на Балканскомъ полуостровѣ.

Относительно внутреннихъ дѣлъ Сербіи намъ пишутъ изъ Бѣлграда: „У насъ, въ Сербіи, въ настоящее время идетъ живая приготовительная работа къ предстоящимъ парламентскимъ выборамъ. Какъ вамъ вѣстимо, по новой конституціи, кромѣ народной скупштины есть и сенатъ, гдѣ и вашъ покорнѣйшій слуга будетъ засѣдать „пожизненно“. Но вотъ и первое засѣданіе,—которое, вѣроятно, будетъ въ сентябрѣ или октябрѣ,—меня очень не привлекаетъ. Не вѣрю въ искренность дарователей новой конституціи: какъ прежняя, такъ и настоящая дарована какъ цѣна переходящихъ семейныхъ разсчетовъ. Затѣмъ возобновленная партійная борьба доказываетъ, что и послѣ Милановскаго террора мало чему научились“..

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1901.

— Графъ Павелъ Капнистъ. Къ вопросу о реорганизаціи средняго образованія. Спб. 1901.

— Труды и протоколы. I—II. Педагогическое Общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Казань, 1901.

Давно въ нашей литературѣ не говорилось такъ много о вопросахъ школы, средней и высшей, какъ въ послѣднее время, хотя было не столько большихъ, серьезно задуманныхъ и исполненныхъ работъ, сколько журнальныхъ и особливо газетныхъ статей, передающихъ главнымъ образомъ общія настроенія и желанія относительно школы. Поводомъ къ размноженію этой литературы было то, что за послѣдніе два года, по смерти гр. Делянова, министерство народнаго просвѣщенія нашло наконецъ нужнымъ обратить серьезное вниманіе особливо на положеніе классическихъ гимназій, которое стало настоящимъ больнымъ мѣстомъ нашего общественнаго образованія, предметомъ хотя невысказываемыхъ въ печати (по невозможности), но громкихъ всеобщихъ жалобъ и негодованія общества. При этомъ желаніи министерства заняться вопросомъ, какимъ-то образомъ и для печати явилась возможность высказаться; при послѣдней смѣнѣ министерства, было высказано желаніе выслушать заявленія общества. Въ настоящее время, года за два, накопилась уже большая масса разнородныхъ заявленій о жизни нашей средней и высшей школы и ихъ потребностяхъ, заявленій, сдѣланныхъ между прочимъ многими заслуженными дѣятелями литературы и университета.—Было бы исторически любопытной и, можетъ быть, практически не безполезной работой, еслибы сдѣланъ былъ сжатый обзоръ этой литературы, резюмирующій высказанныя мнѣнія общества и опытныхъ спеціалистовъ.

Въ этой литературѣ принялъ участіе и авторъ настоящей книжки, извѣстный дѣятель по администраціи школы и также авторъ книгъ: „Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія“

Digitized by Google

и „Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи". Новая книжка вызвана была тѣмъ поворотомъ во взглядахъ на классическую гимназію, какой—подъ вліяніемъ недовольства общества—высказался въ министерство Боголѣпова, и въ частности новыми „учебными планами" этого министерства, изданными 1 августа 1900 г., и объяснительной къ нимъ запиской. Если автора не удовлетворяло тогдашнее положеніе вопроса, то, очевидно, еще менѣе удовлетворила бы та постановка дѣла, какая, при нынѣшнемъ министерствѣ, была дальнѣйшимъ, на этотъ разъ естественнымъ, развитіемъ намѣченнаго тогда взгляда на современное состояніе нашей средней школы и ея давнія, наболѣвшія, нужды.

Авторъ—ревностный и убѣжденный приверженецъ классической школы, какъ единственной, какая сообщаетъ общее гуманитарное образованіе, и, конечно, строго классической. Вопросъ о *нашемъ* классицизмѣ, — какъ общество надѣется, закончившемъ теперь прежній періодъ своего существованія,—есть, безъ сомнѣнія, вопросъ исторически важный—въ отрицательномъ смыслѣ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ праздный, какъ дальше увидимъ. Должно отдать справедливость автору, что гр. Капнистъ не остался слѣпъ къ отрицательнымъ сторонамъ *нашего* классицизма, временъ графовъ Д. Толстого и Делянова; но у него недостало безпристрастія или спокойствія въ сужденіи о современныхъ потребностяхъ нашей школы. Авторъ не хочетъ ничего уступить изъ своей школьной формулы (классическая гимназія и реальное училище: первая какъ единственная гуманитарная школа; вторая какъ уступка матеріальнымъ интересамъ жизни, но стоящая на второмъ планѣ и какъ бы только терпимая).

Въ самомъ началѣ книжки гр. Капнистъ съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ говоритъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ попыткахъ устройства школы, отвѣчающей потребностямъ современной жизни. Таково, напримѣръ, „столь модное и распространенное увлеченіе легкомысленно-фантастическою идеей новаго воспитанія (Education nouvelle) француза Демолена, выдающаго *сочиненную имъ*" (авторъ подчеркиваетъ эти слова) „теорію школьной организаціи за квинтъ-эссенцію будто бы великаго англо-саксонскаго духа, но не дающаго себѣ при этомъ даже труда сообразить, дѣйствительно ли на почвѣ такой или хотя бы подобной организаціи въ теченіе вѣковъ возросла и окрѣпла англо-саксонская школа". Но вѣдь и всѣ нововводители въ дѣлѣ воспитанія, и Коменскій, и Ж. Ж. Руссо, и Базедовъ, и Песталоцци, и т. д., имѣли „сочиненную ими" теорію, такъ что это не служитъ къ осужденію теоріи Демолена, какъ и то, что онъ считаетъ свою школу слѣдующей англо-саксонскому духу: у насъ, напримѣръ, усиливались сдѣлать русской школой испорченную нѣ-

Digitized by Google

мецкую классическую школу. Точно также авторъ пренебрежительно отзывается о „наивно-утилитарныхъ теоріяхъ, типичнымъ представителемъ коихъ недавно выступилъ графъ Левъ Толстой-сынъ, поставляющій цѣлью образованія пріобрѣтеніе возможно большей суммы знаній и умѣній, признаваемыхъ *имъ, графомъ Толстымъ*, особо полезными"... Это—теоріи отжившія, которыя доказали уже свою практическую и теоретическую несостоятельность, „давно канули въ Лету и оставлены реальною школою, въ которой онѣ зародились". Что касается пренебрежительнаго тона, онъ опять ничего не доказываетъ, такъ какъ гр. Левъ Толстой-сынъ можетъ также сказать, что совсѣмъ отвергаетъ теоріи, признаваемыя „имъ, графомъ Капнистомъ", особо полезными...

Но, отвергая эти теоріи, выбранныя для примѣра изъ „десятка или больше" другихъ несостоятельныхъ предложеній, графъ Капнистъ не обратилъ достаточно вниманія на одно существенное обстоятельство. Общественное мнѣніе, вызванное министерствомъ Боголѣпова, желало не только „коренного измѣненія" старой школьной системы,—въ чемъ, по признанію гр. Капниста, „всѣ согласны",—но желало именно, чтобы новая, преобразованная, школа получила связь съ *жизнью*, отвѣчала на ея запросы и требованія. Прежняя классическая школа, установленная графами Толстымъ и Деляновымъ, не только не отвѣчала жизни, но шла прямо ей наперекоръ, противъ всѣхъ желаній общественнаго мнѣнія, была системой насильственной. Изъ этого стремленія къ живой, не мертво и фальшиво классической, школѣ и произошли, естественно, тѣ новыя теоріи, на которыя обрушивается гр. Капнистъ,—увлеченіе системой Демолена, мечты гр. Льва Толстого-сына, и т. д.; и эти новыя увлеченія тѣмъ характерны, и потому заслуживаютъ вниманія, что указываютъ на тѣ жизненные запросы, которые грубо отвергала прежняя школьная система, и всего больше та „классическая", которую восхваляетъ гр. Капнистъ.

Изложеніе книжки—не очень послѣдовательное, и частью весьма тяжелое. Основная мысль заключается въ неприкосновенности классическаго (единственно гуманитарнаго, и исключительно классическаго) и реальнаго образованія:

„Мы признаемъ въ основѣ своей совершенно правильнымъ существующее нынѣ у насъ, какъ почти и во всемъ культурномъ мірѣ, раздѣленіе среднеучебныхъ заведеній (по ихъ направленію и назначенію) на самостоятельныя категоріи школъ: классическихъ (гимназіи) и реальныхъ (реальныя училища) и считаемъ сохраненіе подобнаго раздѣленія необходимымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія просвѣщенія" (стр. 58).

„Параллельное существованіе школъ двухъ главныхъ направле-

Digitized by Google

ній,—классическаго и реальнаго,—стало въ настоящее время явленіемъ настолько общимъ, что одна уже эта всеобщность, въ странахъ различныхъ по національностямъ, характеру и по историческому прошлому, могла бы служить достаточнымъ доказательствомъ того, что явленіе это не случайное и не произвольно измышленное. Но независимо отъ такого историческаго доказательства неизбѣжность параллельнаго существованія классическихъ и реальныхъ школъ находитъ себѣ оправданіе, какъ мы постараемся выяснить, и въ самомъ существѣ культуры новѣйшаго времени.

„Колоссальный прогрессъ во всѣхъ областяхъ человѣческихъ знаній, знаменующій нашъ вѣкъ, не только обусловилъ необходимость большаго, сравнительно съ прежними временами, раздѣленія умственнаго труда на всѣхъ его ступеняхъ, но создалъ также потребность въ изысканіи разнообразныхъ путей и способовъ подготовки къ различнымъ видамъ этого труда. Миражъ всезнанія исчезъ изъ области какъ науки, такъ и педагогики, причемъ въ обѣихъ этихъ областяхъ опредѣленнѣе, чѣмъ когда-либо, обозначались два главныхъ теченія: одно, направленное преимущественно на изученіе человѣка и человѣчества въ высшихъ проявленіяхъ его духа (въ языкахъ съ ихъ литературами, въ исторіи, философіи и т. д.), т.-е. на изученіе такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ, и другое, поставляющее себѣ главною задачею наблюденіе и изученіе явленій внѣшняго міра и его законовъ и стремящееся рядомъ съ таковымъ изученіемъ овладѣть и пользоваться силами этого міра путемъ развитія прикладныхъ знаній.—Работа въ обоихъ направленіяхъ равно необходима современному человѣчеству и ни отъ одного изъ нихъ ему нельзя отказаться, какъ вообще нельзя отречься ни отъ одного изъ сдѣланныхъ уже культурныхъ пріобрѣтеній. Въ силу именно этого, образовательныя потребности, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общества и государства, въ высшей степени усложнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ воспитанію и обученію стали предъявлять самыя разнообразныя требованія, вынудившія школу развивать свою дѣятельность въ разныхъ направленіяхъ, сообразно съ тѣми главными теченіями, которыя обозначались въ общемъ развитіи просвѣщенія, причемъ, однако, очень скоро обнаружилось, что *одна школа* не въ состояніи вмѣстить въ себѣ всѣ эти теченія и все то обиліе учебнаго матеріала и разнообразныхъ упражненій, которыя необходимы для достиженія сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ въ каждомъ изъ требуемыхъ направленій, а потому наступила неизбѣжная необходимость для каждой отдѣльной школы избрать какое-либо одно опредѣленное направленіе, соображаясь съ тѣми задачами, которыя она имѣетъ въ виду разрѣшить, и съ цѣлями, которыя она себѣ поставляетъ, послѣдствіемъ же сего и явилось образованіе различ-

Digitized by Google

ныхъ группъ параллельно дѣйствующихъ школъ, а именно: гуманитарно-классическихъ и реальныхъ, одинаково стремящихся къ достиженію цѣлей общаго образованія—но, само-собою разумѣется, не въ смыслѣ одного общаго образованія для всѣхъ, а въ смыслѣ образованія, дающаго общее развитіе каждому учащемуся, т.-е. развивающаго, хотя бы въ разныхъ направленіяхъ и съ разными цѣлями, силу его мышленія, его способность къ умственному труду, и дѣлающаго его тѣмъ самымъ наиболѣе пригоднымъ къ возможно широкой дальнѣйшей умственно-научной работѣ" (одно предложеніе!!). „Изъ школъ этихъ двухъ категорій первая, т.-е. гуманитарная, по свойству предметовъ, положенныхъ въ основу ея курса, а равно по своимъ методамъ и пріемамъ, должна прежде всего имѣть въ виду достиженіе того широкаго развитія мышленія и навыка къ той интенсивной работѣ собственно ума, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ того высшаго, по преимуществу чисто-научнаго образованія, представителемъ котораго долженъ являться университетъ, хотя затѣмъ, какъ доказываетъ вѣковой опытъ (?), подготовка, даваемая правильно поставленною классической школою, можетъ вполнѣ удовлетворять требованіямъ и всѣхъ вообще видовъ высшаго образованія. Вторая же категорія школъ, т.-е. реальныя училища, имѣютъ въ виду, хотя и менѣе широкія, но не менѣе важныя для общества и государства, задачи болѣе практическаго свойства, въ видахъ разрѣшенія которыхъ реальная школа переноситъ центръ тяжести своей работы на развитіе болѣе односторонняго—(хотя и научнаго) математическаго мышленія въ связи съ пріобрѣтеніемъ тѣхъ знаній и умѣній, которыя наиболѣе необходимы для дальнѣйшихъ занятій высшею прикладною наукою. Такимъ образомъ, обѣ категоріи школъ, существенно отличаясь другъ отъ друга, преслѣдуютъ тѣмъ не менѣе цѣли общаго образованія, хотя и въ разныхъ сферахъ и въ разномъ объемѣ и направленіи, что, однако, отнюдь не даетъ еще права считать курсъ которой-либо изъ нихъ спеціальнымъ" (стр. 21—22).

Въ другомъ мѣстѣ гр. Капнистъ опять говоритъ объ исключительной способности классической гимназіи сообщать истинно гуманитарное образованіе и настаиваетъ на особомъ поощреніи этой гимназіи,—но отличается отъ обыкновенныхъ защитниковъ нашего классицизма тѣмъ, что недавней классической гимназіей графовъ Д. Толстого и Делянова онъ совсѣмъ не удовлетворенъ. „Сторонники классической гимназіи—и мы въ томъ числѣ (говоритъ авторъ),—убѣждены, что гуманитарно-классическая школа не только должна и можетъ давать лучшую подготовку къ высшему и въ особенности къ университетскому образованію, но и въ томъ, что исторія и опытъ доказываютъ, что школа эта, при *правильной* организаціи и постановкѣ дѣла

Digitized by Google

(при ложной постановкѣ никакая школа задачъ своихъ не выполнитъ, на какой бы системѣ она основана ни была), дѣйствительно всегда давала и даетъ желаемые результаты. Въ виду этого сторонники классической школы, признавая всякую спеціализацію образованія прямо противорѣчащею самому существу классическаго гуманитарнаго образованія, безусловно отвергаютъ ее въ общеобразовательныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ и, признавая, что недостиженіе гимназіями намѣченной для нихъ цѣли зависитъ отъ ошибокъ въ осуществленіи системы, а *еще больше* отъ дефектовъ организаціи и постановки учебнаго дѣла, свойственныхъ всѣмъ безъ исключенія видамъ нашей школы (о чемъ мы поговоримъ особо), желаютъ такого преобразованія гимназій, которое дало бы имъ, наконецъ, средства достигать истинныхъ цѣлей гуманитарно-классическаго образованія, чего онѣ *за послѣднія 50 лѣтъ* были *совершенно лишены*" (стр. 14—15).

Пріятно, по крайней мѣрѣ, видѣть, что сторонникъ классической школы, какъ гр. Капнистъ, признаетъ, что классическія гимназіи системы графовъ Д. Толстого и Делянова дѣйствительно не достигали истинныхъ цѣлей гуманитарнаго образованія,—въ чемъ общественное мнѣніе было убѣждено съ самаго начала этой фатальной системы.

Дальше авторъ подробнѣе говоритъ о характерѣ этого толстовско-деляновскаго классицизма. Сначала, упомянувъ о тѣхъ упрекахъ, какіе дѣлались преподаванію этой школы и въ которыхъ онъ признавалъ „значительную долю правды", гр. Капнистъ находитъ, что эти обвиненія „обыкновенно *преподносятъ* (?) нашей публикѣ въ чрезчуръ *преувеличенномъ* видѣ, *уснащая* ихъ часто излишними риторическими прикрасами" (?), но затѣмъ самъ гр. Капнистъ даетъ, вѣроятно, уже не „преувеличенную", не „уснащенную" и безъ „прикрасъ" картину, которая выходитъ, однако, жестокая.

„Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ онъ,—въ томъ, что общій школьный режимъ, установленный при осуществленіи реформы 1871 года, о которомъ мы уже говорили, отозвался на преподаваніи древнихъ языковъ болѣе рѣзко, чѣмъ на какомъ-либо другомъ предметѣ гимназическаго курса. Режимъ этотъ *лишилъ* это преподаваніе большей части его *образовательнаго и воспитательнаго значенія*, причемъ анормальность его постановки вышла даже далеко за предѣлы желаній и намѣреній составителей устава. Уставъ 1871 года былъ введенъ почеркомъ пера, безъ подготовки и безъ соображенія съ тѣмъ, что, благодаря преобразованіямъ 1848—1851 годовъ, преподаватели древнихъ языковъ, и въ особенности греческаго, почти что перевелись. Для преподаванія языковъ были набраны учителя или иностранцы, хотя хорошо знающіе древніе языки, но плохо владѣющіе русскою рѣчью, или русскіе учителя, обладающіе нерѣдко слабымъ знаніемъ древнихъ

Digitized by Google

языковъ. При такомъ положеніи дѣла, не могло быть рѣчи о сколько-нибудь широкой постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ и о связи ихъ съ роднымъ, а еще меньше о сколько-нибудь обширномъ чтеніи авторовъ. Обѣ категоріи учителей, которые далеко не всегда относились другъ къ другу доброжелательно, по необходимости, сошлись, однако, въ способахъ преподаванія. И тѣ, и другіе, одни по малому знанію русскаго языка, а другіе по слабому знанію языковъ, были вынуждены ограничивать уроки предѣлами небольшихъ заранѣе ad hoc приготовленныхъ отрывочныхъ текстовъ или фразъ, такъ какъ чувствовали, что могутъ оказаться несостоятельными, какъ скоро они выйдутъ изъ этихъ рамокъ. Благодаря этому, уроки древнихъ языковъ не замедлили превратиться въ большей части нашихъ гимназій и притомъ во всѣхъ классахъ, не исключая и старшихъ, въ однообразное пережевываніе такихъ отрывковъ и въ заучиваніе соотвѣтствующихъ грамматическихъ правилъ... Крайне узкій характеръ письменныхъ работъ, содѣйствуя очень мало развитію учащихся, имѣлъ то печальное послѣдствіе, что способствовалъ установленію все болѣе и болѣе ненормальныхъ отношеній между учащими и учащимися. Учителя, подъ вліяніемъ уже отмѣченнаго нами формально *бюрократическаго духа*, который получилъ преобладаніе въ нашей школѣ (и притомъ не въ однѣхъ гимназіяхъ), обратились какъ бы въ *ловцовъ*, главная задача коихъ заключалась не въ томъ, чтобы научить учащихся чему-нибудь, а въ томъ, чтобы уловить ученическое незнаніе или запамятованіе *въ разставленныя имъ сѣти*. Ученики же, въ свою очередь, естественно тяготясь подобнымъ хроническимъ улавливаніемъ, стали все больше и больше помышлять о томъ, какъ бы увернуться отъ него, прибѣгая для этого къ всевозможнымъ, нерѣдко даже прямо *предосудительнымъ, ухищреніямъ*. Въ такомъ положеніи нашего учебнаго дѣла, которое мало измѣнялось и понынѣ, едва-ли было бы, однако, справедливо винить учащихъ или учащихся, такъ какъ оно является гораздо менѣе послѣдствіемъ ихъ личныхъ качествъ или намѣреній, чѣмъ результатомъ общихъ условій, въ которыя, какъ мы уже указывали, поставлено все наше школьное дѣло. Условія эти производятъ одинаково *неблагопріятное давленіе* на всю школу и создаютъ ненормальное положеніе для всѣхъ, кто такъ или иначе входитъ въ ея составъ. Эти же неблагопріятныя условія дѣятельности, хотя въ извѣстной мѣрѣ всегда существовавшія у насъ, получили особое развитіе и силу подъ вліяніемъ общаго режима, установившагося въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ въ семидесятыхъ годахъ, и все глубже и глубже внѣдрялись въ школьную жизнь, несмотря на то, что вредныя ихъ стороны сознавались почти всѣми. Многіе, и при томъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ народнаго просвѣщенія,

Digitized by Google

уже давно пытались противодѣйствовать такому порядку вещей или, по крайней мѣрѣ, смягчить его послѣдствія. Но всякому, кто близко стоялъ къ школѣ, извѣстно, какъ трудно отдѣльнымъ лицамъ, хотя бы стоящимъ во главѣ школьнаго управленія, бороться съ разъ установившеюся въ школѣ рутиною, когда она находитъ себѣ опору въ дѣйствующей общей регламентаціи. Отдѣльные же учителя, за рѣдкими исключеніями, оказываются безсильными въ борьбѣ съ условіями своей дѣятельности. Принимая учениковъ отъ другихъ преподавателей или передавая ихъ имъ, они не могутъ не сообразоваться и въ своей преподавательской дѣятельности съ общепринятыми требованіями и порядками, и лишь въ очень незначительной степени могутъ повліять на ихъ измѣненіе. Такимъ образомъ, общая тина установившейся рутины постепенно втягиваетъ ихъ въ общее *болото нашей школьной организаціи*, гдѣ постепенно погибаютъ самыя добрыя намѣренія" (стр. 90—91).

Хороша была школа!

И въ другомъ мѣстѣ гр. Капнистъ говоритъ: „Порядокъ вещей, созданный графомъ Толстымъ, могъ только привести, и дѣйствительно привелъ, съ одной стороны, къ *омертвленію* школы въ образовательномъ отношеніи, а съ другой стороны—къ тому чисто *полицейскому пониманію* самой идеи о порядкѣ, которое совершенно извратило всѣ отношенія къ школѣ и которое не безъ основанія и нынѣ продолжаетъ наиболѣе раздражать учащихъ, учащихся, семью и общество.

„Думая, что бюрократическое мракобѣсіе, направленное при томъ на стерилизацію мыслей, могло проложить путь къ культурному завоеванію, каковымъ, несомнѣнно (?), должно было быть и можетъ служить правильно постановленное, возстановленіе у насъ классической школы, графъ Толстой началъ походъ безъ войска и безъ всякой подготовки, полагаясь единовременно на всесиліе своихъ распоряженій, и погубилъ дѣло, которому думалъ служить" (стр. 71—72).

Немногіе изъ противниковъ нашего школьнаго классицизма говорили о немъ такъ рѣзко, какъ защитникъ „правильнаго" классицизма, гр. Капнистъ, имѣвшій возможность близко наблюдать нашу прежнюю гимназію.

Такимъ образомъ, авторъ не является партизаномъ нашей *прежней* классической гимназіи: онъ ратуетъ за „правильную" школу, т.-е. за нѣчто идеальное, предполагаемое, чего у насъ никогда не было. Въ такомъ случаѣ мало понятны его слишкомъ враждебные отзывы о противникахъ старой гимназіи, а также и о тѣхъ, кто думалъ о новыхъ формахъ средней школы.

Старый опытъ на лицо. Какъ видимъ, онъ отвергается и противниками школьнаго классицизма, и защитниками его, какъ гр. Капнистъ,

Digitized by Google

понимающими, что наша прежняя школа только искажала систему и подрывала къ ней всякое довѣріе. Ясно, что нужно искать новыхъ формъ школы.

Книжка гр. Капниста писана до заявленія школьнаго преобразованія въ новомъ министерствѣ; но защитникъ классическаго принципа, гр. Капнистъ впередъ высказывался, и съ обычнымъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, противъ нѣкоторыхъ новыхъ формъ, какія именно вошли въ предположенія нынѣшняго министерства. Напримѣръ, онъ считаетъ совершенно невозможной и съ практическо-житейской, и съ исторической, и съ педагогической точки зрѣнія концентрическую систему школы. Онъ говоритъ:

„Система концентрической организаціи школъ является лишь одною изъ *первичныхъ формъ школьнаго устройства*, которая обыкновенно возникаетъ въ такія времена, когда въ обществѣ еще только зарождается мысль о необходимости болѣе широкаго распространенія просвѣщенія и когда въ сферу его вліянія только начинаютъ входить новые элементы, но еще не открыты новые пути для удовлетворенія потребностей этихъ новыхъ элементовъ,—благодаря чему естественно является попытка отвести имъ уголокъ въ существующей уже организаціи и приспособить школу такъ, чтобы она удовлетворяла разомъ потребности всѣхъ. Но какъ скоро просвѣщеніе распространяется вширь, является необходимость создавать особыя учебныя заведенія для удовлетворенія все возрастающаго числа тѣхъ, которые, по весьма разнообразнымъ бытовымъ, экономическимъ и общественнымъ причинамъ, не стремятся ни къ высшему, ни даже къ среднему образованію, но тѣмъ не менѣе, не могутъ удовлетвориться тѣмъ, что даетъ начальная школа, и желаютъ получить сравнительно болѣе полное и законченное образованіе, соотвѣтствующее ихъ потребностямъ и съ которымъ они могли бы вступить прямо въ жизнь съ пользою для себя и для общества. Тогда концентрическая организація школы естественно разрушается. Такъ было въ Германіи, въ которой идея о подобной организаціи имѣла многочисленныхъ поклонниковъ въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія“... (стр. 11—12).

Но если автору отвѣтятъ на это: да, это одна изъ „первичныхъ формъ школьнаго устройства“, но русское общество именно и находится въ „тѣхъ временахъ, когда еще только зарождается мысль о необходимости болѣе широкаго распространенія просвѣщенія“, когда „еще не открыты новые пути“...

И въ другомъ мѣстѣ, гдѣ гр. Капнистъ говорилъ (какъ приведено выше) о школьномъ режимѣ гр. Д. Толстого, онъ замѣчаетъ:

„Мы точно также увѣрены, что не спасутъ наше просвѣщеніе ни переработка программъ, ни замѣна однихъ предметовъ преподаванія

Digitized by Google

другими, ни мѣропріятія учебной администраціи, ни родительскіе плебисциты по отдѣльнымъ школьнымъ вопросамъ. А еще менѣе можно ожидать спасенія отъ бьющихъ не по коню, а по оглоблямъ, многочисленныхъ проектовъ всевозможныхъ „единыхъ", „новыхъ", „общеобразовательныхъ" и иныхъ школъ, столь обильно зарождающихся въ разгоряченномъ воображеніи нашихъ реформаторовъ-любителей и педагоговъ-фантазеровъ" (стр. 74).

Опять, скажемъ откровенно, очень страненъ этотъ высокомѣрный тонъ: отчего у „реформаторовъ-любителей" и „педагоговъ-фантазёровъ" будетъ непремѣнно „разгоряченное воображеніе"? Мы видѣли, напротивъ, что мысли о единой школѣ, общеобразовательной школѣ возникали у людей весьма серьезныхъ, обладающихъ большимъ жизненнымъ опытомъ,—и наоборотъ, не покажутся ли инымъ нѣкоторыя мысли гр. Капниста плодомъ разгоряченнаго воображенія. Между прочимъ авторъ не однажды впадаетъ въ противорѣчія: онъ негодуетъ на людей, не понимающихъ спасительности классической школы, но рядомъ даетъ такую картину ея порядковъ во времена графовъ Толстого и Делянова, которая совершенно объясняетъ, почему классическая школа стала для русскаго юношества и русскаго общества предметомъ отвращенія. Точно также, авторъ осуждаетъ графа Д. Толстого за его способъ введенія классической школы (способъ рѣзкій, прямо насильственный, съ грубымъ пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію),—а сейчасъ мы читаемъ насмѣшки надъ „родительскими плебисцитами", „реформаторами-любителями", т.-е. надъ выраженіями того же общественнаго мнѣнія... Извѣстно, напротивъ, съ какимъ глубокимъ сочувствіемъ приняты были русскимъ обществомъ заявленія министерства, желавшаго дать возможность общественному мнѣнію высказаться о такомъ важномъ предметѣ, какъ образованіе молодыхъ поколѣній. Въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ русское общественное мнѣніе не имѣло голоса въ такомъ дѣлѣ, которое—съ простой нравственной точки зрѣнія—есть обоюдное дѣло правительства и общества: первое представляетъ интересы государства, второе имѣетъ нравственное право и долгъ заботиться—буквально—о своей плоти и крови, и вносить въ эту заботу свой жизненный опытъ. Трудно, конечно, загадывать, къ чему, въ концѣ концовъ, приведутъ работы нынѣшняго министерства просвѣщенія, но нельзя не отдать ему глубокаго уваженія за его, такъ давно невиданное, вниманіе къ общественному мнѣнію,—которое во многихъ случаяхъ только одно и можетъ указать накопившіяся жизненныя потребности.

По случаю „плебисцита", въ послѣднее время высказались, конечно, и защитники классической школы; не останавливаясь на самыхъ крайнихъ мнѣніяхъ этого рода, доходившихъ, наконецъ, до пол-

Digitized by Google

ной ненужности ихъ разбора (упомянемъ изумительную книжку г. Фоккова), мы выбрали изъ этой литературы книжку гр. Капниста, которая,—какъ выше указано,—хотя далеко не свободна отъ школьно-классической узкости и нетерпимости, по крайней мѣрѣ признаётъ явные практическіе недостатки классической школы графовъ Толстого и Делянова, и избавляетъ отъ необходимости о нихъ говорить.

Графъ Капнистъ призналъ негодность существовавшей классической гимназіи и, защищая классицизмъ, говоритъ такимъ образомъ о чемъ-то еще желательномъ, идеальномъ, что̀ должно быть въ будущемъ.

Въ этомъ идеальномъ мы со многимъ бы согласились,—напр. въ томъ, что здраво поставленная классическая школа, въ цѣлой педагогической системѣ, была бы важною составною частью, какъ приготовленіе къ дальнѣйшему (въ университетѣ) усвоенію одной стороны современной культуры — къ историческому пониманію античнаго міра. Графъ Капнистъ (стр. 14) считаетъ подобную точку зрѣнія почти ересью: классическая школа, по его мнѣнію, служитъ вовсе не для приготовленія филологовъ, а главной задачей имѣетъ только именно общее образованіе, „развитіе силы мышленія, пріобрѣтеніе метода научной (хотя бы почти еще въ элементарномъ видѣ) работы и навыкъ къ послѣдовательному умственному труду, которые дѣлали бы учащагося наиболѣе пригоднымъ ко *всякой* дальнѣйшей умственно-научной работѣ“. Но, оставляя въ сторонѣ то, что бывшая наша классическая школа своими порядками и составомъ опостылѣла русскому обществу—и, по признанію самого графа Капниста, справедливо опостылѣла,—въ настоящее время (или даже уже давно) подвергается сомнѣнію и предполагаемое классиками исключительное свойство классической школы доставлять общее образованіе, развитіе мышленія и т. д. Почти тридцать лѣтъ наши классики утверждали, что ихъ школа, т.-е. греческая и латинская грамматика, развиваетъ мышленіе, составляетъ прекрасную гимнастику ума, и т. д. (извѣстно, что никакія возраженія противъ этого въ печати не допускались). Но развитіе мысли можетъ быть прекрасно достигаемо всякой грамматикой, если она излагается осмысленно, потому что основныя функціи языка у европейскихъ народовъ однѣ и тѣ же—тѣ же измѣненія слова въ связи съ отношеніями предметовъ; тѣ же логическія требованія синтактической постройки фразы и проч. Чисто логическая работа (какъ въ видѣ уступки соглашались и классики) можетъ достигаться всѣми отраслями преподаванія математики, отъ первыхъ четырехъ правилъ и до дифференціальнаго исчисленія. Наконецъ, логическая работа достигается всякимъ инымъ преподаваніемъ—исторіи, словесности, географіи, естествознанія и проч., если только дѣло находится въ ру-

Digitized by Google

кахъ разсудительнаго и любящаго свой предметъ преподавателя. Въ послѣднее время уже слышались отзывы, напримѣръ, что наши же реалисты вызывали больше одобреній по своей развитости, чѣмъ классики, при поступленіи въ высшія учебныя заведенія.

Элементъ собственно гуманитарный, который предполагается въ древнихъ писателяхъ, дѣйствительно существуетъ; но, во-первыхъ, классическая гимназія доставляетъ его все-таки въ слишкомъ ограниченномъ объемѣ (а наша бывшая гимназія тѣмъ паче); а во-вторыхъ, очень странно думать, даже въ чисто педагогическихъ соображеніяхъ, будто бы гуманитарный элементъ заключенъ только здѣсь. Античный міръ остается прекраснымъ историческимъ воспоминаніемъ; но человѣчество прожило почти двѣ тысячи лѣтъ христіанства и затѣмъ великой новой работы мысли и поэтическаго творчества, созданной на той почвѣ, на которой мы еще продолжаемъ жить, съ которой мы связаны безчисленными нитями въ нашей нынѣшней культурѣ, философской мысли и творчествѣ. Забыть объ этомъ, какъ забывала и еще желаетъ забывать и теперь классическая школа, есть какое-то непостижимое историческое ослѣпленіе.

Мы привели выше слова графа Капниста о „колоссальномъ прогрессѣ во всѣхъ областяхъ человѣческихъ знаній, знаменующемъ нашъ вѣкъ“: можно бы, кажется, ожидать, что авторъ признаетъ справедливость стремленія новой школы дать своимъ питомцамъ нѣкоторую воспріимчивость къ этому „колоссальному прогрессу“, съ которымъ они будутъ встрѣчаться въ жизни; но мы видѣли, что авторъ продолжаетъ упорно стоять за такую форму школы, какая явилась за столѣтія до „нашего вѣка“.

Наконецъ, еще одно соображеніе, совсѣмъ опущенное графомъ Капнистомъ и другими защитниками классической школы: имъ не приходитъ въ голову, что въ дѣло организаціи школы входятъ не одни отвлеченныя требованія педагогіи и дидактики, а также требованія національныя и историческія. Питомецъ школы не есть абсолютный человѣкъ, а человѣкъ съ національной и исторической индивидуальностью. У тѣхъ народовъ Европы, у которыхъ школа достигла наибольшаго процвѣтанія, она именно развивалась въ связи съ многоразличными моментами ихъ исторіи, начиная отъ христіанства среднихъ вѣковъ и до новѣйшаго богатаго развитія науки. Когда ревнители школы хотятъ внушить намъ спасительность классицизма, тотчасъ сыплются примѣры изъ Германіи, Франціи, Англіи, примѣру которыхъ мы, однако, не слѣдуемъ въ другихъ сторонахъ нашей жизни, и здѣсь намъ даже не совѣтуютъ слѣдовать этому примѣру. Но должно ли слѣдовать примѣру Германіи, Франціи и Англіи и въ дѣлѣ школы? Слѣдуетъ, конечно, воспользоваться извѣстнымъ техническимъ

Digitized by Google

опытомъ, но никакъ не слѣдуетъ принимать слѣпо цѣлый планъ западной школы, именно потому, что эта школа для насъ исторически чужая. Напримѣръ, тотъ латинскій языкъ, который былъ главнымъ предметомъ средневѣковой „латинской“ школы, предшественницы классической гимназіи, былъ у западныхъ народовъ языкомъ церкви, языкомъ права и языкомъ первой ученой литературы,—чего у насъ совершенно не было; точно также мы не переживали великой эпохи Возрожденія; въ XVI—XVII вѣкѣ мы остались совершенно чужды необычайному развитію классическихъ изученій, которыя стремились воссоздать весь объемъ античной литературы, сохранившейся до нашего времени въ рукописяхъ; въ XVIII и XIX вѣкѣ наша литература только ученически воспринимала крохи западной науки, которая стремилась теперь постигнуть самый духъ античной жизни, раскрыть ея историческое развитіе, изучить сущность ея философскаго и поэтическаго творчества. Западная классическая школа явилась естественно, какъ первая ступень этого громаднаго движенія, изъ котораго въ концѣ концовъ сложилась великая сила критическаго анализа, ставшая основой современной европейской науки и самого внѣшняго культурнаго прогресса.

Въ тѣхъ западныхъ вліяніяхъ, которымъ наша образованность подверглась особенно со временъ Петра Великаго, содержаніе европейской культуры стало приходить къ намъ прямо въ его новѣйшихъ формахъ, такъ что намъ уже не было нужно переживать его предварительныя ступени, и было бы, напримѣръ, странно передѣлывать всю ту работу надъ изученіемъ античнаго міра, какая была уже исполнена на Западѣ, исполнена въ подробностяхъ и сведена къ общимъ выводамъ. Такимъ образомъ, старая классическая школа, выросшая на Западѣ отъ среднихъ вѣковъ и тамъ въ свое время необходимая, у насъ не имѣла ни историческаго, ни практическаго смысла (повторимъ только сдѣланное выше исключеніе относительно спеціальныхъ классическихъ изученій). Обратившись къ XVIII вѣку, мы находимъ, что отголосокъ западной классической школы, пришедшей изъ Польши на малорусскій югъ и въ Москву, сталъ принадлежностью духовной, семинарской школы и приготовлялъ людей особаго закала (сохраняющагося и до послѣдняго времени), которые, однако, мало участвовали въ созданіи новаго русскаго образованія и литературы; но, съ другой стороны, въ высокой степени любопытно и поучительно то, какъ взглянулъ на вопросъ общественнаго образованія создатель новой Россіи. Петръ Великій началъ съ того, что отобралъ молодыхъ бояръ, жившихъ въ прежнія времена въ лѣни и порядочномъ невѣжествѣ, и прямо, безъ всякихъ приготовленій, послалъ ихъ за границу учиться разнымъ наукамъ, особливо навигацкому дѣлу, которое въ то время

Digitized by Google

считалъ очень важнымъ для вооруженія Россіи. Понятно, что молодымъ боярамъ прежде всего понадобилось учиться новымъ языкамъ и, живя за границей подолгу, они практически и необходимо знакомились съ европейскими обычаями и европейскими знаніями: извѣстно относительно многихъ изъ нихъ, что ихъ поражало это богатство европейскаго знанія. Первыя школы, основанныя Петромъ у себя дома, были прямо *цифирныя* и *навигацкія*. Великій человѣкъ, не задаваясь никакими теоріями, думалъ о ближайшемъ необходимомъ знаніи. Рядомъ съ этимъ, посовѣтовавшись съ знаменитыми европейскими учеными, онъ задумалъ основаніе Академіи Наукъ: она должна была одновременно служить и предметамъ высшей науки, и потребностямъ образовательной школы; эта школа, и основанная потомъ при Академіи, была именно характера энциклопедическаго, смотря по тому, кому какое знаніе могло понадобиться. Кромѣ учрежденія практическихъ школъ, Петръ Великій считалъ нужнымъ переводъ на русскій языкъ иностранныхъ книгъ: это были опять книги общеобразовательнаго энциклопедическаго содержанія. Затѣмъ XVIII вѣкъ на Западѣ жилъ еще въ преданіяхъ литературнаго классицизма: отъ древнихъ заимствовали литературныя формы; у нихъ искали философскаго и моральнаго поученія, и здѣсь опять принята была прямая образовательная мѣра: при Академіи основанъ былъ „переводческій департаментъ“ и на первомъ планѣ поставлены были переводы греческихъ и латинскихъ классиковъ. Извѣстно, наконецъ, что прямая потребность въ образованіи вызвала усердное изученіе новыхъ языковъ—всего больше французскаго, а также и нѣмецкаго; переводы съ французскаго въ особенности наполняли русскую литературу XVIII вѣка.

Таковъ былъ естественный ходъ дѣла, и мы вовсе не думаемъ, чтобы онъ былъ ошибоченъ. Слабая сторона образованія XVIII вѣка заключалась въ томъ, что были еще слишкомъ скудны педагогическія и школьныя средства: послѣ Петра какъ будто совсѣмъ забыли о потребностяхъ образованія,—думали, что оно можетъ идти само собой,—только во второй половинѣ XVIII вѣка былъ основанъ первый русскій университетъ и оставался единственнымъ до временъ имп. Александра I.

Если такимъ образомъ сами собой выяснялись образовательныя потребности русскаго общества въ XVIII вѣкѣ, мы не видимъ причины, чтобы и XX столѣтіе не имѣло права подобнымъ образомъ сознавать свои живыя, идеальныя и реальныя образовательныя потребности и искать своей школьной системы, которая бы имъ удовлетворяла. Что̀ бы ни говорили приверженцы классицизма,—несомнѣнно, къ ихъ прискорбію, что сама европейская школа, на которую они постоянно ссылаются, вовсе не удовлетворяется старымъ классическимъ

Digitized by Google

преданіемъ и, напротивъ, стремится къ новой школьной системѣ. Одна общая система еще не найдена и не выработалась; можно даже сомнѣваться, чтобы нашлась школа, которая могла бы быть принята съ полнымъ единодушіемъ всѣми, при различіи національныхъ характеровъ, учрежденій и преданій. Поэтому и у насъ мы считаемъ легкомысленнымъ смотрѣть пренебрежительно на стремленія найти новую школу, удовлетворяющую живымъ потребностямъ общества, а не сомнительнымъ педантическимъ формуламъ. При этомъ пренебрежительное отношеніе къ „родительскимъ плебисцитамъ" кажется намъ именно такимъ педантическимъ притязаніемъ: старая классическая система графовъ Д. Толстого и Делянова, совершенно отвергавшая всякое участіе общества въ обсужденіи школьнаго вопроса, показала въ концѣ концовъ такое внутреннее ничтожество, что защитникамъ классической системы слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, быть болѣе осторожными.

Живой интересъ къ дѣлу воспитанія и обученія сказался съ большою силою и въ провинціи. Предсѣдатель Педагогическаго Общества при казанскомъ университетѣ, г. Мищенко, въ статьѣ о задачахъ этого Общества („Труды и Протоколы", I), указываетъ дѣйствіе циркуляра министра просвѣщенія отъ 8-го іюля 1899, когда, послѣ многихъ десятковъ лѣтъ своего безправія, русское общество было нѣсколько уполномочено высказаться по предмету такого высокаго значенія, какъ воспитаніе его молодыхъ поколѣній. „Сравнительно обильная литература, быстро появившаяся вслѣдъ за оглашеніемъ циркуляра, служитъ показателемъ того, что русское общество давно волновалось этими больными вопросами, и теперь не замедлило воспользоваться случаемъ, чтобы высказать свои пожеланія, объяснить свое недовольство школой, то недовольство, на которое часто жалуются представители этой послѣдней, какъ на главный, будто бы, тормазъ успѣшности школьнаго обученія и воспитанія. При этомъ наша періодическая печать, наши журналы, общіе и спеціально-педагогическіе, оказали выясненію дѣла огромную услугу. Они дѣятельно помогали обществу разобраться въ недостаткахъ средней школы, уяснить себѣ причины того нерадостнаго явленія, что школа выпускаетъ недоучекъ безъ любознательности, безъ охоты къ дальнѣйшему образованію и безъ умѣнья работать. Рука объ руку съ печатью шли въ этомъ направленіи многочисленныя мѣстныя коммиссіи, организованныя учебнымъ начальствомъ, попечительскіе совѣты по учебнымъ округамъ, педагогическія общества, родительскіе кружки и т. д."

Авторъ напоминаетъ, что вопросы школы и воспитанія издавна, еще съ конца XVIII вѣка, вызывали живое участіе русскаго общества, и что особеннымъ благотворнымъ возбужденіемъ отмѣчены были именно

Digitized by Google

пятидесятые и шестидесятые годы, годы „великихъ реформъ“. Теперь уже немногимъ — по личному воспоминанію — памятно необычайное впечатлѣніе, которое произвели „Вопросы жизни“ Пирогова, явившіеся въ 1856 въ „Морскомъ Сборникѣ“: и въ естественной связи съ этими указаніями на достоинство человѣческой личности, на нравственный долгъ лица, общества и власти, развивался въ тѣ годы общественный идеализмъ, искавшій преобразованій, и въ частности развилась обширная педагогическая литература. Выразителями лучшихъ стремленій общества въ этомъ направленіи явился цѣлый рядъ дѣятелей школы, имена которыхъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи русской педагогіи: за Пироговымъ слѣдовали Ушинскій, Стоюнинъ, Паульсонъ, Гердъ, Резенеръ, дѣятели воскресныхъ школъ и комитетовъ грамотности, начинатели дѣла высшаго женскаго образованія.

Въ „Трудахъ и Протоколахъ“ помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: г. Мищенка, „О задачахъ педагогическаго Общества при Казанскомъ университетѣ“; г. Будде, „Къ вопросу о значеніи русскаго языка, какъ воспитательнаго и образовательнаго предмета, въ связи съ вопросомъ о современномъ положеніи школы“, и его же: „Педагогическіе взгляды Ушинскаго и ихъ значеніе“; г. Александрова, „К. Д. Ушинскій, какъ составитель „Дѣтскаго міра“ и „Роднаго слова“; г. Васильева, „Университетъ и національное воспитаніе“. Не будемъ входить въ подробности объ этихъ статьяхъ; замѣтимъ лишь, что въ каждой есть болѣе или менѣе значительныя указанія, которыя могутъ съ пользой служить при новой постановкѣ нашей школы. Упомянемъ особенно о статьѣ г. Будде о значеніи русскаго языка, какъ воспитательнаго и образовательнаго предмета, гдѣ затронутъ и весьма важный вопросъ о положеніи самого педагога, исполнителя школьной системы. Въ послѣднихъ словахъ статьи еще разъ повторяются тѣ великія ожиданія, какія внушаются начинаніями новаго министерства. „Мы переживаемъ счастливое время,—говоритъ авторъ,—когда впервые русское образованное общество призывается высшей властью къ участію въ обсужденіи вопросовъ нашей школы. Воспользуемся этимъ желаннымъ и симпатичнымъ призывомъ; вспомнимъ, что наши дѣти идутъ изъ нашего родительскаго дома въ ту же школу, и окажемъ посильное содѣйствіе тѣмъ преподавателямъ, которые нуждаются въ поддержкѣ своихъ чистыхъ идеаловъ педагога“.

Остается желать одного: чтобы новое министерство просвѣщенія нашло средства осуществить въ полной мѣрѣ тѣ общія положенія о средней школѣ, въ которыхъ высказано было много здравыхъ и благотворныхъ взглядовъ, и затѣмъ, въ довершеніе всего, выполнило университетскую реформу къ истиннымъ пользамъ высшаго научнаго образованія: и здѣсь многіе изъ лучшихъ представителей нашей уни-

Digitized by Google

верситетской науки указали уже, въ чемъ заключалось бы истинное достоинство учрежденія и лучшіе способы постановки университетскаго преподаванія.—А. П.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры.

Альмединген, Александръ.—Свѣтильный газъ. Съ 9 рисунками. Спб. 901 г. Стр. 37.

Арепьевъ, Н. Ѳ.—Путеводитель по окрестностямъ Петербурга. Вып. I—VI, всего 58 стр. картъ съ текстомъ. Ц. I вып. 50 к., II в.—60 к. III в.—50 к. IV в.—50 к., V в.—50 к., и VI в. 50. Спб. 901.

Бланкъ, М. Г.—Сахарная нормировка и вывозная премія. Спб. 901. Стр. 16.

Богдановъ, А.—Познаніе съ исторической точки зрѣнія. Спб. 901. Стр. VI + 217. Ц. 1 р.

Бокъ, В. Г.—Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта. Посмертное изданіе. Спб. 901. Стр. 94 текста и таблицъ (гравюръ) 32.

Бородинъ,—Н. А.—Уральскіе казаки и ихъ рыболовство (съ иллюстраціями въ текстѣ). Спб. 901. Стр. 31. Изд. „Вѣстн. казач. войскъ".

Герасимовъ, М.—Учительскій календарь. 1901—1902 учебный годъ. Ч. 1-я—стр. 192. Ч. 2-я—стр. 310. Спб. 901. Ц. 80 к. за обѣ части.

Гецъ, Ф.—Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу. М. 901. Стр. 42. Ц. 30 к. (Оттискъ изъ „Вопросовъ философіи и психологіи", № 56).

Гомицынъ, А. Л. Князь.—Изъ прошлаго. Матеріалы для исторіи крѣпостныхъ помѣщичьихъ театровъ въ Орловской губерніи. Орелъ. 901 г. Стр. 15.

Д'Ейхталь, Е.—Алексисъ Токвиллъ и либеральная демократія. Перев. М. Г. Васильевскаго, подъ ред. Н. И. Карѣева. Съ портретомъ Токвилля. Спб. 902. Стр. 141. Ц. 1 р.

Дюковъ, В. А.—Курсъ двойной итальянской бухгалтеріи. Приспособленъ для самообученія. М. 901. Стр. 123. Ц. 75 к.

Заринъ, А. Е.—Увлеченіе А. С. Пушкина женщинами. Спб. 901. Стр. 71. Ц. 30 к.

Зиновьевъ, К.—Казенная продажа питей. Спб. 901. Стр. 147. Ц. 1 р.

Іодль, Фридрифъ.—Давидъ Юмъ, его жизнь и философія. Перев. съ нѣмецкаго А. А. Мейера. М. 901. Стр. 147. Ц. 1 р. 20 к.

Катковъ, В. Д., приватъ-доцентъ.—Наука ли—философія права? Берлинъ. 901. Стр. 115. Ц. 1 р. 50 к.

К—ій, К.—„Чему быть—того не миновать" и другіе разсказы. Спб. 901. Стр. 223. Ц. 80 к.

Ландау, А. Е.—Еврейская библіотека. Историко-литературный сборникъ. Т. IX. Спб. 901. Стр. 506. Ц. 2 р. 50.

Любавскій, Матвѣй.—Литовско-русскій сеймъ. М. 901. Стр. 232. Ц. 4 р.

Минто, В. проф.—Дедуктивная и индуктивная логика. Переводъ съ англійскаго С. А. Котляревскаго подъ ред. В. Н. Ивановскаго. („Библіотека для самообразованія") Изд. 4-е. М. 901. Стр. 542. Ц. 1 р. 75 к.

Мордвилко, Александръ.—Къ біологіи и морфологіи тлей. Спб. 901. Стр. 947. Ц. 6 р.

Digitized by Google

Переводчиковой, А. В.—Стихотворенія. Изд. 2-е, дополненное. Саратовъ. 901. Стр. 111. Ц. 50 к.

Пресс, Аркадій.—Писатели XIX вѣка (характеристики). Гюи де Мопасанъ.—Альфонсъ Додэ.—Франсисъ Бретъ-Гартъ.—Редіардъ Киплингъ.—Эдгардъ Алленъ По. Книга первая съ пятью портретами. Спб. 901. Стр. 216. Ц. 1 р. 50 к.

Тезяковъ, Н., земскій врачъ.—Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея въ народной школѣ. 2-е изд., значит. дополнен. и исправленное, съ 4-мя рисунками. Воронежъ. 901. Стр. 137. Ц. 50 к.

Томсонъ, Дж. Дж. Начала математической теоріи электричества и магнетизма. Съ 133 рисунками. Спб. 901. Стр. 399. Ц. 3 р. 50 к.

Тумановъ, Г. М. князь.—Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ. Спб. 901. Стр. 105. Ц. 60 к.

Шингаревъ, А. И., земскій врачъ.—Ясли-пріюты для дѣтей въ деревняхъ во время лѣтней рабочей поры. Воронежъ. 901. Стр. 21. Ц. 5 к.

Шрейтерфельдтъ, К. Н.—Рѣчи обвинителя и защитника въ теоріи, въ практикѣ и по проекту новой редакціи Устава Уголовнаго Судопроизводства. Спб. 901. Стр. 114. Ц. 75 к.

Штейнъ, Л., д-ръ.—Къ аграрному вопросу. Перев. съ нѣмецкаго. М. 901. Стр. 105. Ц. 75 к.

Balachowsky-Petit, madame S., docteur en droit, avocat à la Cour d'appel. La loi et l'ordonnance dans les États qui ne connaissent pas la séparation des pouvoirs législatif et exécutif. Paris, 901. Стр. 234.

Dukmeyer, Friedrich.—Des Sittenmeisters Ärgernisse. Eine Komödie in drei Akten. München. 901. Стр. 91.

Lea, Henri Charles. Histoire de l'Inquisition au Moyen-âge. Ouvrage traduit sur l'exemplaire revu et corrigé de l'auteur par *Salomon Reinach*, membre de l'Institut. Tome II. L'Inquisition dans les divers pays de la Chrétienté. Avec un portrait de l'auteur. Paris, 901. Стр. XIX + 682. Ц. 3 фр. 50 сант.

— Журналы Уржумскаго уѣзднаго земскаго собранія XXIV очередной сессіи 1900 г. 30 сент.—12 окт., съ приложеніями. Вятка 901. Стр. 827.

— Калитинская волость Каргопольскаго уѣзда. Матеріалы для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. Часть экономическая. Спб. 901. Стр. 132.

— Карманный весь Петербургъ. Изд. О. С. Іодко. Спб. 901. Стр. 268. Ц. 20 к.

— Краткій обзоръ исполненія государственныхъ росписей въ связи съ прочими оборотами государственнаго казначейства за 1881—1899 гг., составленный по отчетамъ государственнаго контроля товарищемъ государственнаго контролера А. Иващенковымъ. Спб. 901. Стр. VI + 192.

— Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за седьмой годъ его существованія. Спб. 901.

— Отчетъ Зарайскаго окружного правленія Императорскаго Россійскаго общества спасанія на водахъ за 1900 г. Зарайскъ. 901. Стр. 31.

— Отчетъ Иваново-Вознесенской общественной публичной библіотеки за 1900 г. 36-й отчетный годъ. Губ. гор. Владиміръ. 901. Стр. 24.

— Отчетъ комитета по управленію Нижегородскимъ художественнымъ и историческимъ музеемъ за 1900 г. (3-й отчетный годъ). Нижній-Новгородъ. 901. Стр. 23.

Digitized by Google

— Отчетъ Нижегородской городской общественной библіотеки за 1900 г. (40-й отчетный годъ). Нижній-Новгородъ. 901. Стр. 89.

— Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1900 г. XXVII-й г. Спб. 901. Стр. 71.

— Отчетъ о дѣятельности Консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Московскомъ мировомъ съѣздѣ за 1900 г. М. 901. Стр. 37.

— Отчетъ о дѣятельности Пермскаго библіотечнаго общества имени Д. Д. Смышляева за 1899—1900 гг. Пермь. 901. Стр. 78.

— Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Литературно-художественный сборникъ. Спб. 901. Стр. 497. In 4°. Ц. 3 р. 50 к.

— Русское Энтомологическое обозрѣніе. Т. I. № 1—2. Ярославль. 901. Стр. 75.

— Сборникъ Учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ IV. Юрьевъ. 901. Стр. 280. Ц. 2 р.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1899 г. Нижній-Новгородъ. 901. Стр. 224. Ц. 50 к.

— Сенатскій архивъ. IX. Протоколы правительствующаго Сената 1753—1756 гг. Спб. 901. Стр. 712.

— Статистическій сборникъ по Ярославской губерніи. Выпускъ 8-й. Ярославль 901. Стр. 87.

— Труды Русскаго энтомологическаго общества въ С.-Петербургѣ. Т. XXXIII, № 3—4. Съ 22 фигурами въ текстѣ. Подъ редакціею М. Н. Римскаго-Корсакова. Спб. 901. Стр. 1012. Ц. 4 р.

— 1901 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I-й (съ одной раскрашенной картой). Изд. министер. земл. и госуд. имуществъ. Спб. 901. Стр. 92.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Max Nordau. Zeitgenössische Franzosen. Berlin, 1901. Стр. 357.

Максъ Нордау—очень разносторонній писатель. Первые его очерки Парижа („Paris", 1878, „Paris unter der dritten Republik", 1881, и др.) написаны талантливо; въ нихъ видно большое знаніе жизни, острая наблюдательность, склонность къ обличенію и своеобразный, нѣсколько поверхностный юморъ. Затѣмъ Нордау выступилъ въ роли философа и моралиста и написалъ двѣ свои лучшія книги: „Die Konventionellen Lügen der Kulturmenschheit" (1884) и „Paradoxe" (1885). Въ исторіи натурализма, или, вѣрнѣе, тѣхъ общественныхъ настроеній, которыя породили натурализмъ въ литературѣ, обѣ эти книги занимаютъ видное мѣсто. Нордау съ большой мѣткостью и оригинальностью обличаетъ въ нихъ скрытую условность и ложь буржуазнаго быта. Въ его картинахъ изъ современной жизни и въ его насмѣшкахъ много неожиданнаго, новаго, до него не подмѣченнаго. Стиль его напоминаетъ Гейне, которому онъ, впрочемъ, часто прямо подражаетъ. Въ его философскихъ и этическихъ разсужденіяхъ преобладаетъ отрицательный, разрушительный элементъ, умѣнье зло и умно вышучивать нравы времени. Обличительный талантъ Нордау—настолько яркій,—въ особенности въ этихъ его двухъ лучшихъ книгахъ,—что загипнотизированный имъ читатель не задумывается надъ вопросомъ о положительныхъ идеалахъ моралиста, о томъ, во имя чего онъ громитъ существующій порядокъ вещей. А между тѣмъ всякая критика оправдывается лишь стремленіемъ къ болѣе высокому идеалу, не осуществленному въ дѣйствительности. Гейне имѣлъ право вышучивать людей—и не только ихъ слабости и паденія, но и ихъ мнимыя святыни: онѣ казались жалкими кумирами искателю высокихъ, несбыточныхъ идеаловъ. Нордау же—какъ это легко замѣтитъ внимательный читатель его вызывающихъ обличеній—едва ли можетъ претендовать на это право. Онъ защищаетъ принципы, которые составляютъ самую основу буржуазной морали,—и потому не имѣетъ, въ сущности, достаточнаго основанія негодовать на результаты этихъ же принциповъ въ практической жизни. Онъ требуетъ, такъ сказать, немножко порядочности, нѣсколько бо̀льшаго уваженія къ семейному началу,

Digitized by Google

возстаетъ противъ излишка жадности, противъ слишкомъ большого неуваженія человѣческой личности и т. д. Всѣ его нападки очень справедливы—но писатель, который мнитъ себя моралистомъ, не долженъ ограничиваться внѣшнимъ изображеніемъ существующаго зла, простымъ бытописаніемъ. Его дѣло—понять причины „упадка нравовъ", о которомъ онъ скорбитъ, указать путь къ исцѣленію,—другими словами, намѣтить свое собственное пониманіе задачъ жизни, и тогда звать людей къ освобожденію отъ лжи и условности. Оставаясь же самъ въ мірѣ тѣхъ понятій, которыя выработало буржуазное общество, Нордау лишаетъ свой походъ противъ зла всякаго глубокаго значенія. Какъ моралистъ, онъ не пошелъ впередъ—и въ этомъ его главный недостатокъ. Но книги его все-таки имѣютъ несомнѣнное документальное значеніе, хотя и не оправдываютъ заявляемыхъ Нордау притязаній на роль философа и учителя жизни.

Послѣ „Konventionelle Lügen" и „Paradoxe" Нордау написалъ множество произведеній самаго разнообразнаго рода и содержанія. Считая себя не только философомъ и моралистомъ, но психологомъ и романистомъ, онъ пишетъ романы и драмы на современныя темы. Вопросъ о бракѣ и о „непонятой" женщинѣ, живущей въ буржуазной средѣ, составляетъ содержаніе драмы „Das Recht zu lieben"; типъ карьериста, который тщетно стремится загладить „пятно" своего мѣщанскаго происхожденія бракомъ съ аристократкой, является центромъ пьесы „Die Kugel", а вопросъ объ антисемитизмѣ очень страстно трактуется въ „Doktor Kohn". Всѣ эти пьесы успѣха не имѣли, отчасти по отсутствію сценическихъ достоинствъ, но главнымъ образомъ потому, что это—пьесы „à thèse" на слишкомъ использованныя французскими драматургами темы. Нордау менѣе всего оригиналенъ въ своемъ пониманіи психологическихъ вопросовъ. Онъ главнымъ образомъ заботится о защитѣ „нравственныхъ устоевъ" и кажется поэтому очень устарѣлымъ моралистомъ, въ особенности въ наше время, когда Ибсенъ, Толстой, Гауптманъ и друг. создали новое пониманіе нравственнаго долга, правъ личности, свободы и т. д. Романы Нордау, какъ и его публицистическіе очерки, сводятся преимущественно къ обличенію современнаго общества, развращеннаго стремленіемъ къ роскоши, къ наживѣ. Кромѣ нѣмецкой жизни, онъ хорошо знакомъ съ парижскими нравами (такъ какъ уже долгіе годы живетъ въ Парижѣ, въ качествѣ корреспондента нѣмецкихъ газетъ), и охотно избираетъ мѣстомъ дѣйствія для своихъ романовъ столицу Франціи съ ея лихорадочной жизнью и запутанностью дѣловыхъ и свѣтскихъ отношеній. Такъ, напр., въ „Drohnenschlacht" онъ выводитъ различные типы биржевыхъ дѣльцовъ, говоритъ о несчастныхъ жертвахъ биржевой лихорадки, о женщинахъ, теряющихъ всякое человѣческое чувство,

Digitized by Google

всякое пониманіе чести въ погонѣ за возможностью обогащенія игрой на биржѣ, рисуетъ шальную роскошь биржевиковъ, живущихъ вѣчно на краю пропасти, и т. д. Всю эту пеструю картину—достаточно извѣстную въ литературѣ и по „Argent“ Золя, и по „Armature“ Эрвьé, и по множеству другихъ романовъ и повѣстей — Нордау описываетъ длинно и утомительно въ двухъ большихъ томахъ, — преслѣдуя довольно неблагодарную нравоучительную цѣль, т.-е. желая предостеречь наивныхъ и увлекающихся людей отъ опасностей биржи. Романъ не отличается художественными качествами, картины быта и характеры не оригинальны; въ изображеніи свѣтской жизни Парижа Нордау настолько уступаетъ французскимъ романистамъ школы Золя, Додэ и Буржѐ, что его „Drohnenschlacht“ кажется робкимъ и неумѣлымъ подражаніемъ французскимъ образцамъ. Если же считать неудачный въ художественномъ отношеніи романъ только средствомъ къ цѣли, то нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ цѣль не оправдываетъ средства: биржевую игру никто не считаетъ благомъ, и, обличая ее, Нордау ломится въ открытыя двери. Замыслы его—всегда очень широкіе: онъ считаетъ себя борцомъ противъ упадка нравовъ, проповѣдникомъ оздоровляющихъ нравственныхъ истинъ,—а стоитъ ему взяться за разработку какого-нибудь вопроса современной жизни въ художественномъ произведеніи, чтобы ограниченность его собственныхъ идеаловъ обнаружилась съ полной ясностью; онъ обличаетъ лишь самыя мелкія проявленія царящаго въ мірѣ зла, ему недостаетъ смѣлости для проникновенія въ причины развращенности. Основы буржуазнаго строя жизни для него святы;—онъ не выработалъ самъ для себя никакихъ болѣе высокихъ принциповъ, чѣмъ общепризнанная житейская мораль, и потому вся его сатира направлена противъ частичныхъ уклоненій отъ нея. Это придаетъ его обличительнымъ романамъ—какъ и вышеупомянутымъ философскимъ книгамъ—отпечатокъ узости, близорукости и неубѣдительности. Чисто психологическіе романы и повѣсти Нордау („Gefühlskomödie“, „Seelenanalysen“ и др.) тоже поражаютъ узкой нравоучительностью, ставящей ихъ совершенно внѣ новѣйшей литературы, съ ея отрицаніемъ традицій въ области морали, съ ея стремленіемъ къ индивидуальному свободному пониманію нравственнаго долга, добра и зла.

Мы назвали Нордау крайне разностороннимъ писателемъ. Это не относится, конечно, къ богатству внутренняго содержанія его произведеній: напротивъ того, и въ философіи, и въ публицистикѣ, и въ художественномъ творчествѣ онъ вращается въ узкомъ кругу нѣсколькихъ устарѣлыхъ этическихъ правилъ. Но внѣшнее разнообразіе его писаній очень велико. Онъ не только моралистъ, журналистъ, романистъ, драматургъ; онъ къ тому же еще научный дѣятель—врачъ,

Digitized by Google

которому, повидимому, очень дорога его спеціальность: онъ постоянно вводитъ ее въ самыя чуждыя ей области,—въ литературу, основывая свои литературныя сужденія на клиническихъ наблюденіяхъ. Нордау кромѣ того—практическій дѣятель; онъ играетъ крупную роль въ такъ называемомъ „сіонистскомъ" движеніи, произноситъ пламенныя рѣчи на сіонистскихъ конгрессахъ, призывая своихъ единовѣрцевъ-евреевъ всѣхъ странъ къ эмиграціи въ Палестину. Эта сторона дѣятельности Нордау кажется намъ наиболѣе привлекательной уже потому, что въ ней страстность его темперамента направлена не на голословное обличеніе, какъ во всемъ, что онъ пишетъ, а на защиту чего-то положительнаго, какого-то идеала. Онъ глубоко и страстно вѣритъ въ возрожденіе древняго іудейскаго царства. Со стороны весь сіонизмъ кажется наивной утопіей — быть можетъ, безплодной для разрѣшенія еврейскаго вопроса; но во всякомъ случаѣ Нордау, ставшій однимъ изъ пророковъ его, выказалъ идеализмъ, отсутствующій во всей его остальной дѣятельности.

Всѣ названныя нами области литературнаго творчества и практической пропаганды еще не исчерпываютъ дѣятельности Нордау. Онъ также литературный критикъ—и едва-ли не считаетъ это своимъ главнымъ дѣломъ. Одна изъ его книгъ о современной литературѣ, „Вырожденіе", пользуется широкой извѣстностью во всѣхъ европейскихъ странахъ, а въ настоящее время вышла другая—„Die zeitgenössischen Franzosen", посвященная новѣйшей французской литературѣ. Нордау—очень любопытное явленіе въ критической литературѣ. Ему прежде всего недостаетъ того, что, казалось бы, наиболѣе необходимо для критика—литературнаго чутья. Его сужденія, за рѣдкими исключеніями, невѣрны, пристрастны, иногда чудовищны. Онъ относится къ литературѣ какъ врачъ, какъ моралистъ, охраняющій „добрые нравы", какъ нѣмецкій патріотъ, какъ врагъ антисемитовъ и т. д.—но только не какъ цѣнитель искусства. Художественное значеніе разбираемыхъ имъ писателей не интересуетъ его; онъ часто разсуждаетъ о законахъ эстетики и задачахъ искусства, но страннымъ образомъ сводитъ эстетическую оцѣнку всегда или къ медицинскому діагнозу, или къ разбору политическихъ взглядовъ того или другого автора. Нордау изучаетъ литературу „cum ira et studio"—и въ результатѣ получается крайняя произвольность и односторонность сужденій.

А между тѣмъ, именно его критическіе очерки, въ особенности книга „Вырожденіе"—имѣютъ чрезвычайно большой успѣхъ; у Нордау множество убѣжденныхъ послѣдователей, которые считаютъ несомнѣнной истиной всѣ его уничтожающія сужденія о современной литературѣ. Успѣхъ этой книги, совершенно не заслуженный ея литературными достоинствами, объясняется нѣкоторыми посторонними

Digitized by Google

обстоятельствами. Авторъ парадоксаленъ, — а это свойство всегда имѣетъ власть надъ публикой, дразнитъ ея любопытство. Нордау бросаетъ вызовъ всѣмъ установленнымъ мнѣніямъ, пренебрежительно и дерзко говоритъ о писателяхъ, окруженныхъ общимъ почетомъ—и эта смѣлость вызываетъ интересъ и даже уваженіе. Если къ тому же прибавить, что Нордау—блестящій и остроумный стилистъ, то успѣхъ его становится вполнѣ понятнымъ. Исходная точка его почти всегда неправильна, но весь дальнѣйшій ходъ разсужденій и выводы логичны, такъ что его блестящіе софизмы пріобрѣтаютъ подобіе истины. Кромѣ того, есть еще одно обстоятельство, сильно способствовавшее успѣху его „Вырожденія". Такъ называемое „новое искусство" и новая литература такъ круто порвали традиціи и классицизма, и реализма, на которыхъ воспиталось нѣсколько поколѣній, что общество было нѣсколько застигнуто врасплохъ непривычными формами и идеями. Въ то время, когда появилась книга Нордау (1893), критика еще недостаточно высказалась о сравнительныхъ достоинствахъ отдѣльныхъ писателей новаго направленія; публика же, возмущенная крайностями черезчуръ усердныхъ новаторовъ, ихъ намѣренными бравадами, глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ, чувствовала инстинктивное раздраженіе противъ такъ называемыхъ „декадентовъ"; не умѣя отличать неискреннихъ и неталантливыхъ „épateurs du bourgeois" отъ серьезныхъ явленій новой литературы, она смѣшивала все въ одну кучу, пользуясь удобной кличкой „декадентства". Писатели, вносившіе въ области мысли и чувствъ новое пониманіе (какъ Ибсенъ, Достоевскій, который именно въ 90-хъ годахъ сталъ пользоваться огромнымъ вліяніемъ во всей Европѣ и др.)—тревожили и пугали общество, успокоившееся на долголѣтнихъ традиціяхъ, а фигляры декадентства, французскіе поэты, замѣнявшіе смыслъ стихотворенія искусственнымъ чередованіемъ звуковъ и т. д., возмущали и вызывали скуку; все же это вмѣстѣ вызывало самое недружелюбное отношеніе къ новой литературѣ, тѣмъ болѣе, что не нашлось ни одного искренняго и убѣжденнаго толкователя сложныхъ задачъ новой литературы, никого, кто бы сразу отдѣлилъ пшеницу отъ плевелъ. Въ этотъ психологическій моментъ появилась книга Нордау, который разрѣшилъ задачу самымъ удобнымъ образомъ: вмѣсто того чтобы вникнуть въ смущающую новизну идей и формъ и извлечь все, что̀ есть поучительнаго и существеннаго въ стремленіяхъ новыхъ писателей—онъ даетъ простой и легко исполнимый совѣтъ: предать всю новую литературу „en bloc" посмѣянію и презрѣнію, чтобы съ легкимъ сердцемъ вернуться къ переживаніямъ реализма, къ сентиментальности, ко всему, что̀ не тревожитъ совѣсть и не нарушаетъ незыблемость буржуазной морали. У Нордау было очень удобное оружіе въ рукахъ—смѣшные и безсмысленные стихи нѣсколь-

Digitized by Google

кихъ французскихъ профессіональныхъ декадентовъ, „инструменталистовъ“ и другихъ подобныхъ имъ шутниковъ и шарлатановъ. Вышучивать ихъ было легко, хотя и недостойно серьезнаго критика; онъ долженъ былъ сразу понять, что имъ нѣтъ мѣста въ литературѣ, что это просто выродки, существующіе во всякомъ литературномъ движеніи. И во времена романтизма было не мало нынѣ забытыхъ поэтовъ, считавшихъ длинные волосы, плащъ и средневѣковыя развалины при лунномъ освѣщеніи достаточнымъ содержаніемъ поэмы, и тирады, дышащія африканской страстью,—исчерпывающей темою романовъ. Однако, ихъ бездарная игра романтическими аксессуарами не мѣшала никому понимать и признавать Гюго, Ламартина, де-Виньи и др. Нордау же очень широко воспользовался смѣшными сторонами декадентства и, нападая на нихъ, распространилъ свои произвольныя и парадоксальныя обличенія на всѣхъ лучшихъ писателей нашего времени. Такъ какъ трудно это было бы сдѣлать, оставаясь въ предѣлахъ литературной критики, то Нордау сталъ разсматривать писателей и ихъ произведенія съ точки зрѣнія врача, который щупаетъ пульсъ у своихъ паціентовъ и опредѣляетъ нормальность или ненормальность ихъ общаго состоянія. Результатъ его медицинскаго осмотра оказался очень своеобразнымъ: онъ превратилъ съ необычайной развязностью всю современную литературу въ психіатрическую клинику, давая точныя научныя опредѣленія предполагаемыхъ болѣзней своихъ паціентовъ, т.-е. лучшихъ писателей всѣхъ европейскихъ странъ: Толстой—эротоманъ; Достоевскій одержимъ нравственнымъ помѣшательствомъ (moral insanity); Россетти, изысканный поэтъ и художникъ—неизлечимый маніакъ, потому что часто кончаетъ строфы своихъ поэмъ повтореніемъ одного и того же припѣва (refrain), а это Нордау считаетъ симптомомъ „rabachage“'а, свойственнаго идіотамъ; Ибсену тоже отводится койка въ придуманномъ Нордау сумасшедшемъ домѣ; затѣмъ, къ различнымъ категоріямъ неизлечимыхъ паціентовъ причисляются Верлэнъ и французскіе поэты. Многіе критики, выведенные изъ терпѣнія насмѣшками Нордау надъ литературой, совершенно естественно спрашивали, къ какой категоріи больныхъ слѣдуетъ причислить самого автора,—и такъ какъ послѣдній не стѣснялся назвать Россетти „неизлечимымъ идіотомъ“, то и его самого съ такимъ же или даже съ гораздо бо̀льшимъ правомъ отсылали въ ту же палату. Въ общемъ, книга Нордау производитъ впечатлѣніе такого благѣрства въ области критики, какъ стихи французскихъ ультра-декадентовъ въ поэзіи. А между тѣмъ Нордау удалось увлечь публику, заставить принять въ серьёзъ свои грубыя шутки, только потому, что въ его нападкахъ была частичка правды: среди новыхъ писателей есть уродливыя явле-

Digitized by Google

нія, и Нордау справедливо вышутилъ ихъ. Во всемъ остальномъ онъ грубо заблуждается,—но этого почему-то не замѣтили.

Новая книга Макса Нордау, „Die zeitgenössischen Franzosen", написана гораздо болѣе литературно, чѣмъ знаменитая „Entartung". Въ ней сказывается знаніе предмета, т.-е. всего, что дала французская литература за послѣдніе годы; матеріалъ разработанъ очень тщательно, и читатель можетъ себѣ составить со словъ Нордау ясное представленіе о всѣхъ выдающихся явленіяхъ во французской литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Имѣя въ виду нѣмецкихъ читателей, Нордау даже слишкомъ подробно знакомитъ съ разбираемыми романами, драмами и поэмами, излагая содержаніе хорошо извѣстныхъ и за предѣлами Франціи произведеній. Нѣкоторыя характеристики—весьма немногія впрочемъ—справедливы и сдѣланы очень тонко; въ общемъ же эта книга, какъ и прежнія, поражаетъ главнымъ образомъ отсутствіемъ художественнаго чутья. Нордау—талантливый сатирикъ съ чрезвычайно страстнымъ темпераментомъ, моралистъ вполнѣ буржуазнаго образа мыслей—но не литературный критикъ. Каждая его книга имѣетъ предвзятую цѣль, не имѣющую ничего общаго съ задачами искусства. Въ „Вырожденіи" онъ разсуждалъ какъ медикъ, считающій удары пульса;—въ „Zeitgenössische Franzosen" онъ выступаетъ въ роли пристрастнаго ненавистника Франціи, который хочетъ во что бы то ни стало опорочить все, что созидается французскими умами. Вся книга—сплошной разгромъ французской литературы. Если повѣрить ему, то Франція—мертвая страна, въ которой нѣтъ ни одного таланта. Иногда онъ начинаетъ говорить о какомъ-нибудь писателѣ—напр. объ Анатолѣ Франсѣ, объ Октавѣ Мирбо и др.—съ уваженіемъ, но только для того, чтобы, такъ сказать, шире размахнуться и доказать, что и эти лучшіе писатели никуда не годятся. Критика Нордау состоитъ изъ очень разнообразныхъ элементовъ; въ ней прежде всего чувствуется непримиримый врагъ французовъ, нѣмецъ, обозленный презрительной кличкой „prussien", которою такъ часто преслѣдуютъ на улицахъ Парижа людей, говорящихъ по-нѣмецки. Чувствуется въ ней также возмущеніе—иногда справедливое—противъ разнузданности парижскихъ нравовъ, противъ крайней свободы выраженій въ литературѣ. Нордау всегда помнитъ, что онъ моралистъ и охранитель „устоевъ нравственности"; въ своемъ рвеніи онъ заходитъ, однако, слишкомъ далеко, и не дѣлаетъ различія между безцѣльной и въ самомъ дѣлѣ грязной порнографіей сказокъ Катюля Мендеса и Армана Сильвестра и смѣлой обнаженностью очерковъ Октава Мирбо въ его „Journal d'une femme de chambre". Мирбо заходитъ очень далеко въ своихъ картинахъ быта и въ особенности въ рѣзкостяхъ выраженій. Но его книга—са-

Digitized by Google

тира на буржуазію, и свидѣтельствуетъ о томъ, что самъ авторъ выше описываемой имъ жизни, пессимистъ съ здоровой душой, съ возвышенными идеалами нравственности. Нордау не вникаетъ въ отношенія писателей къ предмету ихъ описаній: если въ романѣ или въ драмѣ есть „соблазнительныя“ сцены, онъ предаетъ автора проклятію, разсуждая въ этомъ случаѣ какъ любой буржуа, не вникая въ замыселъ произведенія. Самый яркій примѣръ слѣпоты Нордау въ вопросѣ о нравственности въ искусствѣ—его характеристика Мопассана. Никто теперь не сомнѣвается, что Мопассанъ—истинный страдалецъ, для котораго чистота и высшая нравственность были святыней,—пессимистъ съ любящей и оскорбленной жизнью душой. Л. Н. Толстой считаетъ его однимъ изъ великихъ и безпощадныхъ учителей нравственности нашего времени—но для Нордау онъ только эротоманъ съ извращенной чувственностью. „Со времени появленія своей первой повѣсти, „Boule de Suif“,—говоритъ Нордау,—Мопассанъ никогда не возбуждалъ во мнѣ желанія примѣнять къ нему литературную критику. Я всегда только ставилъ діагнозъ его болѣзни“. А между тѣмъ именно „Boule de Suif“ не уступаетъ по чистотѣ замысла произведеніямъ лучшихъ моралистовъ, и нужна особая предубѣжденность и узость этическаго міросозерцанія, чтобы осудить Мопассана,—какъ это дѣлаетъ Нордау. Подъ вліяніемъ того же ложнаго толкованія нравственности, Нордау обличаетъ такъ называемый „genre rosse“, состоящій въ изобличеніи нравственной слякоти парижскаго высшаго и средняго общества. Нордау поголовно громитъ всѣхъ представителей этого рода литературы, опять-таки не разбираясь въ художественныхъ достоинствахъ отдѣльныхъ произведеній. Онъ правъ, говоря о пошлости такого романа, какъ „Façades“ Франсуа де-Ніона, но правъ только потому, что де-Ніонъ—мало даровитый и неоригинальный романистъ. Зато, какъ много другихъ романистовъ и драматурговъ, которые не останавливаются передъ грубостью картинъ и выраженій, чтобы тѣмъ ярче и жизненнѣе представить печальную правду жизни! Эрвьé изображаетъ очень рискованныя положенія въ романѣ „Armature“; Люсьенъ Мюльфельдъ рисуетъ очень рѣзкія сцены и очень непривлекательные типы и отношенія въ „Carrière d'André Tourette“; Абель Эрманъ, Куртелинъ въ своихъ сценахъ судейскаго быта и водевиляхъ изъ буржуазной жизни тоже не отличаются мягкостью выраженій и не стѣсняются обнажать самыя позорныя стороны французской жизни,—а между тѣмъ всѣ они менѣе всего безнравственные писатели, и цѣль ихъ—не подчеркиваніе грязныхъ подробностей, а сатира, оправдываемая ихъ собственнымъ болѣе высокимъ идеаломъ нравственности. Да и съ какихъ поръ нравственность, понимаемая внѣшнимъ образомъ, т.-е. въ смыслѣ приличія или неприличія опи-

Digitized by Google

саній, служитъ мѣриломъ литературнаго достоинства? Между названными нами и перечисленными въ книгѣ Нордау писателями есть даровитые и бездарные,—и задача критика, казалось бы, заключается въ выясненіи ихъ литературнаго значенія. Но для Нордау этого различія не существуетъ. Все это писатели безнравственные, рисующіе грязь жизни, и потому всѣ они не заслуживаютъ пощады. Что если бы Нордау былъ въ числѣ судей, обвинявшихъ въ безнравственности Флобера за его „Madame Bovary"? Онъ навѣрное стоялъ бы за обвинительный приговоръ: вѣдь въ романѣ такъ много „неприличныхъ сценъ".

У Нордау есть еще цѣлый рядъ другихъ симпатій и антипатій, которыя опредѣляютъ его критическія мнѣнія: онъ ненавидитъ католицизмъ и въ особенности поддѣльныя религіозныя чувства такихъ писателей, какъ Брюнетьеръ,—ненавидитъ антидрейфусаровъ и антисемитовъ. Всѣ эти чувства сами по себѣ и понятны, и законны; но когда они становятся мѣриломъ для литературныхъ оцѣнокъ—результатъ получается довольно печальный. Нужно отдать справедливость Нордау: Брюнетьера, съ его пресловутымъ „банкротствомъ науки", онъ высмѣялъ очень мѣтко, доказывая, что если наука не дала Брюнетьеру отвѣта на поставленные имъ вопросы, то это случилось потому, что Брюнетьеръ не имѣлъ права ставить какіе-либо вопросы наукѣ. Но, въ отместку Брюнетьеру за его переходъ къ католичеству, Нордау обвиняетъ цѣлый рядъ писателей въ подражаніи ему, въ намѣренномъ презрѣніи науки и неискреннемъ обращеніи къ церкви. Въ лучшихъ пьесахъ Бріэ, Эрвьё, Мориса Доннэ и др. онъ видитъ только или войну противъ науки, или устарѣлые „злободневные вопросы". Еще съ бо̀льшимъ озлобленіемъ относится онъ къ драматургамъ, пользующимся большимъ успѣхомъ, какъ Кюрель, Борнье, Мирбо и въ особенности Жюль Леметръ. Послѣдній его возмущаетъ своимъ внезапнымъ превращеніемъ въ націоналиста и антисемита. Но, какъ бы ни былъ правъ въ данномъ случаѣ Нордау, нельзя преслѣдовать писателя за его политическіе взгляды въ произведеніяхъ, чуждыхъ политикѣ. Драма Леметра „L'aimée"—чисто психологическая, Нордау же видитъ въ ней защиту католицизма, нападки на протестантскихъ пасторовъ, на евреевъ, т.-е. возводитъ на несимпатичнаго ему писателя разныя несправедливыя обвиненія. Французскіе драматурги всѣ, за исключеніемъ одного Дюма, подвергаются Нордау жесточайшему высмѣиванію, въ которомъ не трудно подмѣтить несомнѣнную jalousie de métier. Нордау самъ писалъ комедіи и драмы—не совсѣмъ удачныя и банальныя; вотъ почему онъ такъ упорно отрицаетъ всякія достоинства въ пьесахъ французскихъ авторовъ.

Особенность критическихъ очерковъ Нордау составляетъ—въ при-

Digitized by Google

дачу ко всему вышеупомянутому—его страсть къ парадоксальности. Онъ любитъ высказывать сужденія, идущія въ разрѣзъ со всѣми установленными. Въ книгѣ его множество примѣровъ намѣреннаго оригинальничанья. Эдмонъ де-Гонкуръ, по его мнѣнію, писатель, не стоющій вниманія: „въ душѣ его нѣтъ ни одного помысла, стоящаго выше уровня портнихи, занятой сплетнями"; „его вкусъ равняется вкусу модистки, его литературный горизонтъ—такой же, какъ у прикащика библіотеки для захолустныхъ читателей"; созданная Гонкурами „écriture artiste"—шарлатанство и глупость; напрасно навязали міру Эдмона Гонкура въ качествѣ серьезнаго писателя; „книги Гонкуровъ—памятникъ глубочайшаго непониманія современности, образчикъ литературы, вытекающей не изъ мыслящаго разума и чуткаго сердца, а изъ чванливой дурости". Чѣмъ, если не любовью къ парадоксамъ, или же полнымъ непониманіемъ искусства, можно объяснить подобный отзывъ о Гонкурахъ? Георга Брандеса Нордау называетъ „базарнымъ крикуномъ, выкликающимъ на всѣхъ ярмаркахъ добротность литературныхъ зубочистокъ"; Анатоля Франса онъ упрекаетъ въ недостаткѣ патріотизма и т. д. И не одни только современники, но и классики прошлыхъ вѣковъ подвергаются переоцѣнкѣ смѣлаго критика: „Отелло"—плохая трагедія,—Шекспиръ не умѣлъ изобразить ревность, Яго—не трагическое лицо, а душевно больной, страдающій нравственнымъ помѣшательствомъ. Выше „Отелло", въ смыслѣ изображенія ревности, Нордау ставитъ „Lys Rouge" Анатоля Франса, т.-е. несомнѣнно худшую вещь даровитаго французскаго писателя.

Таковъ общій тонъ книги Нордау, въ которой—повторяемъ—есть отдѣльные удачные очерки, какъ, напр., главы о Морисѣ Барресѣ, объ историческомъ романѣ изъ современной жизни (по поводу романовъ Анатоля Франса), характеристика „genre rosse" и др. Въ общемъ же Нордау далъ своей новой книгой еще одинъ примѣръ пристрастной и недобросовѣстной критики, недостатки которой не выкупаются никакими качествами ума и стиля.

II.

Maurice Maeterlinck. La vie des abeilles. Paris, 1901. Стр. 311.

Кто привыкъ соединять съ именемъ бельгійскаго поэта Метерлинка только представленіе о символической поэзіи настроеній, о бѣлыхъ лебедяхъ на спящихъ водахъ, или о мистическихъ драмахъ, гдѣ сказочныя принцессы съ серебристыми волосами рыдаютъ о кольцахъ, упавшихъ въ темную глубь прудовъ,—тотъ будетъ несомнѣнно пора-

Digitized by Google

женъ содержаніемъ недавно вышедшей его книги, „La Vie des abeilles". Заглавіе не заключаетъ въ себѣ никакого символа—авторъ говоритъ въ своей книгѣ о жизни пчелъ, о мудрости ихъ государственнаго устройства, объ оригинальности ихъ быта, и передаетъ тѣ мысли, которыя его занимали во время многолѣтнихъ наблюденій надъ пчелами. Книга его—результатъ двадцатилѣтнихъ занятій пчеловодствомъ, какъ онъ самъ заявляетъ въ первой главѣ. Онъ, очевидно, хорошо знакомъ съ литературой предмета и посвящаетъ обстоятельную главу въ началѣ своей книги разбору старинныхъ и новыхъ сочиненій о пчеловодствѣ. Но Метерлинкъ предупреждаетъ съ самаго начала, что менѣе всего намѣренъ обогатить и безъ того обширную научную литературу о пчелахъ монографіей объ „apis mellifica, ligustica, fasciata"; всѣ свои наблюденія очень спеціальнаго характера онъ откладываетъ для задуманной имъ технической работы, а въ книгѣ „О жизни пчелъ" говоритъ о „blondes avettes", по выраженію старо-французскаго поэта Ронсара, „какъ разсказываютъ о людяхъ и хорошо извѣстномъ предметѣ людямъ совершенно съ нимъ незнакомымъ".

Метерлинкъ съумѣлъ сдѣлать предметъ своего изслѣдованія крайне интереснымъ для всякаго читателя. Его исторія пчелинаго царства читается какъ романъ, въ центрѣ котораго—трагическая и таинственная героиня, окруженная преданнымъ штатомъ служителей, охраняющихъ и въ то же время властно требующихъ отъ нея исполненія ея суроваго долга. Въ этомъ романѣ, основанномъ на строгомъ изученіи дѣйствительности, есть поэтическіе и трогательные эпизоды, есть страницы, достигающія высокаго пафоса. Метерлинкъ разсказываетъ повѣсть о пчелахъ съ чарующей простотой и скромностью. Факты, имъ изученные и вполнѣ раскрывшіеся его пониманію, онъ объясняетъ точно и ясно; передъ другими онъ останавливается, сознавая свое безсиліе. „Когда я приближусь къ области сомнѣній, спорныхъ взглядовъ, гипотезъ, когда передо мною будетъ неизвѣстное,—я честно въ этомъ признаюсь. Читатель увидитъ, что намъ часто придется останавливаться передъ невѣдомымъ". Онъ ограничиваетъ свою задачу созерцаніемъ того, что̀ есть, совершенно не желая изумлять читателя разными искусственно придуманными догадками и толкованіями непонятныхъ человѣку явленій и событій въ царствѣ природы. Онъ останавливается на порогѣ тайны, каждый разъ, когда природа запрещаетъ человѣку проникнуть въ свои цѣли,—и преклоняется передъ мудростью, закрытой для человѣка. Невозможность достигнуть послѣднихъ предѣловъ знанія, все изучить и все понять,—не останавливаетъ его рвенія. Напротивъ того, созерцаніе чудесъ природы кажется ему лучшей наградой за труды. Самыя глубокія чудеса открываются тому, кто идетъ путемъ знанія и раздвигаетъ по мѣрѣ своихъ силъ предѣлы

Digitized by Google

познаваемаго въ природѣ—вотъ почему, оставивъ область фантазіи, Метерлинкъ обратился къ наблюденію дѣйствительности, и реальныя чудеса, открывшіяся на этомъ пути его взору, еще болѣе углубили его мысли о человѣкѣ и о нравственныхъ идеалахъ, вытекающихъ изъ взаимоотношеній человѣка и окружающей его природы.

„La Vie des abeilles"—результатъ его размышленій, подкрѣпленныхъ строгимъ изученіемъ дѣйствительности. Какъ ни любопытны самые факты, сообщаемые имъ, книга Метерлинка все-же менѣе всего „популярное руководство по пчеловодству"; всякій, желающій ознакомиться съ мнѣніями спеціалистовъ о жизни пчелъ, предпочтетъ вѣроятно какое-нибудь техническое сочиненіе. Книга Метерлинка—произведеніе философа и поэта; она поражаетъ любовнымъ, благоговѣйнымъ изученіемъ природы и красотами языка, описаній, образовъ. До „Vie des abeilles" Метерлинкъ написалъ двѣ книги философскаго содержанія, „Trésor des humbles" и „Sagesse et destinée", гдѣ старался указать людямъ практическій идеалъ жизни. Разсужденія Метерлинка въ этихъ двухъ книгахъ носятъ мистическій характеръ: онъ внимаетъ внутреннему голосу души, принимая за истину лишь то, что̀ переживается въ глубинѣ сознанія въ минуту глубочайшаго отчужденія отъ внѣшняго міра. Въ новой своей книгѣ Метерлинкъ тоже учитъ людей тому, какъ нужно жить и относиться ко всему окружающему,—но дѣлаетъ это болѣе доступными и общепонятными способами: примѣрами, взятыми изъ жизни природы, иногда простымъ изложеніемъ фактовъ, иногда вдумчивымъ и проницательнымъ толкованіемъ ихъ. Въ этомъ сочетаніи идеалистической философіи съ трезвымъ изученіемъ фактической осязательной правды—главное достоинство и обаяніе книги Метерлинка.

Интереснѣе всего, конечно, ознакомиться съ идейнымъ содержаніемъ „Vie des abeilles", т.-е. съ тѣми мыслями и выводами, къ которымъ приходитъ Метерлинкъ, изучая отдѣльные моменты жизни пчелъ. Оставаясь въ предѣлахъ наблюдаемыхъ имъ фактовъ, онъ почерпаетъ въ нихъ истины, указывающія путь человѣку въ его жизненныхъ сомнѣніяхъ; изъ естествоиспытателя онъ становится практическимъ философомъ, моралистомъ. Основой его ученія служитъ вѣра въ мудрость, заключенную въ мірѣ явленій. Прежде онъ прислушивался къ „таинственному голосу тишины", полагалъ, что только въ символахъ постигается основа бытія, что „истина—только въ непознаваемомъ, угадываемомъ безсознательными движеніями души". Теперь, умудренный опытомъ, онъ обратился къ дѣйствительности, открытой разуму, и нашелъ въ ней неисчерпаемый источникъ для своей жажды высокихъ истинъ. „Я уже давно отказался,—говоритъ онъ,—отъ исканія въ мірѣ болѣе захватывающаго и прекраснаго чуда, чѣмъ сама

Digitized by Google

дѣйствительность, т.-е. чѣмъ истина, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ усиліе человѣка постигнуть ее". „Не въ томъ, что̀ могло бы быть, а въ томъ что̀ есть,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—слѣдуетъ черпать самопознаваніе (notre conscience) и интересъ къ жизни". Метерлинкъ уже не ищетъ, какъ прежде въ своей поэзіи и въ драмахъ, того, что̀ поражаетъ, потрясаетъ и тѣмъ самымъ возвышаетъ душу; его цѣль—обнажить доступную истину, не прибѣгая къ вымысламъ фантазіи и символамъ. „Въ извѣстную пору жизни,—чистосердечно и просто сознается онъ,—отраднѣе говорить истинное, чѣмъ изумительное и поражающее".

Изученіе „того, что̀ есть", не приводитъ Метерлинка къ ограниченному самодовольству добытыми истинами. Напротивъ того, чѣмъ ближе онъ подходитъ къ фактамъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе его охватываетъ сознаніе тайны, царящей въ мірѣ. „Мы видимъ пчелъ,—говоритъ онъ,—перелетающихъ съ цвѣтка на цвѣтокъ,—и все въ ихъ движеніяхъ намъ кажется простымъ и яснымъ. Но если мы приблизимъ нашъ взоръ къ нимъ и постараемся дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ видимъ,—намъ откроется ужасающая сложность самыхъ естественныхъ явленій, загадочность ума, воли, судьбы, цѣли, средствъ и причинъ, непостижимой организаціи малѣйшаго дѣйствія живыхъ существъ". Созерцаніе сложнаго устройства и внутренней цѣлесообразности внѣшняго міра кажется ему тѣсно связаннымъ съ пониманіемъ того, что̀ управляетъ и жизнью человѣка, т.-е., другими словами, человѣкъ долженъ черпать въ изученіи природы средство къ выясненію своего собственнаго назначенія и учиться, наблюдая окружающій его міръ, жить, постоянно изощряя и совершенствуя силы своего разума—и покоряясь законамъ, превышающимъ пониманіе и ведущимъ къ невѣдомой, но высокой цѣли. „Малѣйшая тайна, которую мы наблюдаемъ въ природѣ внѣ предѣловъ человѣческаго существованія, быть можетъ, болѣе непосредственно соприкасается съ источниками и цѣлями человѣческой жизни, чѣмъ тайна нашихъ глубочайшихъ страстей, изученныхъ съ наибольшею изощренностью" (стр. 148).

Изъ нѣсколькихъ приведенныхъ нами цитатъ уже ясно видно, что исторія пчелинаго царства интересуетъ Метерлинка главнымъ образомъ соотношеніями между закономъ жизни пчелъ и долгомъ, которому сознательно или безсознательно подчиняется человѣкъ въ своей жизни. Соотношенія эти становятся очевидными далеко не сразу. Напротивъ того, Метерлинкъ очень тщательно выясняетъ контрасты между организаціей пчелинаго царства и устройствомъ человѣческаго міра, и самъ предостерегаетъ отъ соблазна параллелей, которыя неминуемо будутъ произвольными и безплодными. Если же есть нѣчто поучительное для человѣка въ изученіи быта и жизни пчелъ, то оно

Digitized by Google

заключается въ самыхъ далекихъ выводахъ, т.-е. въ томъ, что самое противоположное въ природѣ подчинено одинаковому вѣчному закону. Законъ этотъ заключается въ вѣчномъ сознательномъ совершенствованіи, которое ведетъ къ цѣли, навсегда сокрытой отъ взоровъ человѣка. Этимъ опредѣляется нравственный долгъ человѣка: онъ долженъ признать существованіе новой и непознаваемой цѣли, подчиняться ей, зная, что она превышаетъ его пониманіе, но съ этимъ фатализмомъ должно соединяться проявленіе всѣхъ силъ разума, вѣчное напряженіе воли и энергіи, направленной на безконечное совершенствованіе, конечная цѣль котораго скрыта отъ глазъ. Вотъ урокъ который черпаетъ Метерлинкъ изъ своихъ наблюденій.

Пчелы, самыя разумныя существа послѣ человѣка—такова первая посылка Метерлинка; но ихъ жизнь управляется законами, противоположными человѣческой натурѣ. Человѣкъ силенъ своей индивидуальностью, пчела существуетъ только какъ часть цѣлаго; ея законъ—процвѣтаніе общества, къ которому она принадлежитъ. Въ одиночествѣ пчела погибаетъ; всѣ ея активныя силы направлены на развитіе общественнаго строя, и вся мудрость пчелинаго царства заключается въ чрезвычайно цѣлесообразномъ распредѣленіи труда между отдѣльными членами общежитія. Совершенствованіе въ развитіи пчелъ—а опытъ показываетъ, что законъ прогресса также наблюдается у пчелъ, какъ и у людей—всецѣло зависитъ отъ полнаго подчиненія личнаго интереса общему, т.-е. отъ вѣчнаго самопожертвованія, и величайшій порокъ, ведущій къ гибели и всего общежитія, и каждаго члена его—проявленіе независимости. Пчелы живутъ, строго соблюдая суровый нравственный долгъ, возлагаемый на нихъ природой,—и, благодаря этому, никогда не останавливаются на пути прогресса; отсюда вытекаетъ второе условіе ихъ существованія, столь сильно отличающее ихъ отъ человѣческой природы. Жизнь человѣка управляется цѣлымъ рядомъ естественныхъ законовъ, обусловливающихъ его процвѣтаніе, но человѣкъ имѣетъ возможность не подчиняться имъ, нарушать нравственный законъ, сознательно идти къ конечной гибели, которая всегда ждетъ нарушителей законовъ; каждый человѣкъ для себя можетъ ставить свою волю выше требованій природы, и, рискуя собой, онъ не наноситъ ущерба общему теченію жизни. Пчела живетъ инстинктомъ, т.-е. не знаетъ выбора между исполненіемъ и нарушеніемъ долга, и потому всегда исполняетъ волю природы. Въ жизни пчелъ есть еще одна трудность, не существующая для человѣка: кромѣ законовъ природы, пчелы подчинены произволу человѣка, который заставляетъ ихъ служить себѣ, и съ этой цѣлью вмѣшивается въ организацію улья, распредѣляетъ богатства, видоизмѣняетъ расположеніе ячеекъ и т. д. Человѣкъ не знаетъ надъ собой иной власти, чѣмъ за-

Digitized by Google

коны природы и нравственный долгъ, которому онъ воленъ подчиняться или не подчиняться. Казалось бы, поэтому, что ему легче исполнять свое болѣе высокое назначеніе, а между тѣмъ оказывается, что въ смыслѣ исполненія нравственнаго долга для человѣка не можетъ быть болѣе поучительнаго зрѣлища, чѣмъ жизнь любого пчелинаго роя. Въ концѣ концовъ внимательный созерцатель видитъ, что, при всѣхъ указанныхъ различіяхъ, конечный смыслъ существованія пчелъ и человѣка—одинъ и тотъ же. Задача Метерлинка заключается въ опредѣленіи именно этого общаго всему живущему—и въ данномъ случаѣ человѣку, какъ и пчелѣ,—конечнаго смысла жизни.

Въ жизни пчелъ его болѣе всего поражаетъ свято чтимый законъ самопожертвованія. Во имя чего совершается оно?—спрашиваетъ онъ себя, изумляясь и преклоняясь передъ неутомимостью и мудростью маленькихъ работницъ. Населеніе каждаго улья тройкое: огромное большинство составляютъ рабочія пчелы, болѣе мелкія и стройныя, благодаря своему дѣятельному образу жизни, снабженныя безконечно сложнымъ арсеналомъ разныхъ приспособленій для работы, лопаточками для содержанія въ чистотѣ улья и т. д. Онѣ охраняютъ ячейки, выращиваютъ принцессъ, изъ числа которыхъ выйдетъ будущая молодая королева, особенно заботятся о пищѣ и сохранности этихъ избранницъ, потому что на нихъ покоится вся надежда улья; онѣ—залогъ развитія новыхъ роевъ: когда въ ульѣ появляется молодая королева, она или побѣждаетъ старую, или вылетаетъ со стаей прислужницъ, для основанія новой колоніи—и чѣмъ улей въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, тѣмъ болѣе онъ выпускаетъ новыхъ роевъ, не боясь истощить силъ и запасовъ въ этомъ служеніи „развитію рода“. Рабочія пчелы ухаживаютъ не только за принцессами, но и за другими обитателями улья—за трутнями, огромными, тяжелыми, прожорливыми самцами, проводящими яркіе лѣтніе дни въ полномъ бездѣльѣ, наполняющими улей шумомъ и суетой. Рабочія пчелы—истинныя подвижницы: онѣ не знаютъ личной жизни и радости, не знаютъ любви, не пользуются для себя соками и ароматомъ цвѣтовъ, облетая луга и сады въ яркіе солнечные дни: онѣ только собираютъ припасы, нужные улью, и несутъ добычу своимъ сестрамъ, исправляющимъ другія обязанности въ ульѣ: строительницамъ, производительницамъ воска, воспитательницамъ личинокъ, прислужницамъ королевы, и т. д. Сами же работницы довольствуются самой скромной пищей—онѣ столь же нетребовательны, какъ и неутомимы.

Но не однѣ только работницы приносятъ всю свою жизнь въ жертву обществу. Даже жизнь трутней обусловлена ихъ служеніемъ общимъ интересамъ. Въ ульѣ ихъ огромное количество—и изъ всѣхъ ихъ одинъ призванъ стать супругомъ королевы, совершить съ ней

Digitized by Google

„le vol nuptial", по выраженію Метерлинка,—истинно роковое свадебное путешествіе, потому что съ тѣхъ высотъ, на которыхъ совершается этотъ таинственный бракъ, возвращается только одна королева—ея избранникъ падаетъ на землю мертвымъ, съ растерзанными внутренностями. Онъ исполнилъ свое назначеніе цѣной жизни, и своей собственной, и всѣхъ своихъ товарищей. Всѣ они живутъ только для этой единственной минуты обладанія королевой. Когда она вылетаетъ изъ улья (одинъ только разъ за всю свою жизнь) для исполненія брачнаго долга, весь рой трутней поднимается вверхъ вслѣдъ за нею. Но полетъ ея такъ легокъ и высокъ, что слабые и недостаточно молодые постепенно отстаютъ, и только достойнѣйшій можетъ настигнуть ее. Съ возвращеніемъ королевы въ улей послѣ „vol nuptial", роль трутней окончена. Королева становится матерью и кладетъ ежедневно много тысячъ яицъ—будущность улья обезпечена; трутней еще терпятъ нѣсколько времени въ ульѣ, въ виду избытка запасовъ среди цвѣтущей лѣтней поры. Но наступаетъ роковой для нихъ день, когда присутствіе ихъ становится бременемъ для улья—и тогда тѣ же работницы, которыя съ такой заботливостью упитывали и охраняли толпу претендентовъ на любовь королевы, набрасываются толпой на разслабленныхъ своимъ тунеядствомъ трутней и убиваютъ ихъ всѣхъ—съ безпощадностью строгихъ жрицъ долга.

Самымъ привилегированнымъ существомъ въ ульѣ является, конечно, королева, на которой сосредоточены помыслы всѣхъ остальныхъ обитателей. Но и она—такое же орудіе цѣли, лежащей внѣ ея личнаго благополучія, какъ и другіе. Обязанности ея иныя—она призвана быть матерью многочисленнаго народа,—и во всемъ, что̀ способствуетъ исполненію этого долга, ея подданные (они же—ея дѣти) съ полнымъ самозабвеніемъ помогаютъ ей. Она поставлена въ наилучшія условія; ей не позволяютъ работать, для нея изготовляется самая изысканная пища; работницы оберегаютъ ее цѣной собственной жизни; въ случаѣ опасности, онѣ окружаютъ ее стѣной изъ собственныхъ тѣлъ, готовыя умереть голодной смертью, отдавая ей послѣднюю добытую ими каплю меда, и выказываютъ ей величайшій почетъ. Но все это относится не къ личности королевы, а къ ея значенію для будущности породы. Работницъ много, королева одна—и ея гибель влечетъ за собой гибель улья. Пчелы-работницы, при всѣхъ своихъ заботахъ о королевѣ, не подчиняются ей, а напротивъ, властно направляютъ ее на исполненіе ея обязанности. Онѣ гораздо внимательнѣе и почтительнѣе къ ней въ періодъ, предшествующій vol nuptial, когда въ ульѣ одна только королева и будущее не обезпечено. Когда же онѣ своимъ уходомъ подготовили королеву къ наступающему материнству, когда воздвигнуто искусное зданіе, готовы ячейки для прин-

Digitized by Google

цессъ и рабочаго населенія, магазины полны припасовъ и жизнь улья во всемъ ходу, онѣ настойчиво направляютъ свою властительницу на совершеніе ея долга. Когда она начинаетъ класть яйца, за ней неотступно слѣдятъ зоркія надсмотрщицы, не позволяя пропустить ни одной ячейки, заставляя неутомимо исполнять обязанности материнства. Періодъ полнаго почета конченъ; улей уже не связанъ съ судьбой единственной королевы—въ ячейкахъ ростутъ ея соперницы, матери новыхъ поколѣній. Королева тоже становится мученицей долга, живетъ въ темнотѣ улья, ни разу болѣе не вылетая на воздухъ—осужденная или погибнуть въ единоборствѣ съ одной изъ молодыхъ соперницъ, или жить гдѣ-нибудь въ углу, какъ бы въ почетной тюрьмѣ, когда мѣсто ея занято молодой замѣстительницей.

Въ чемъ же заключается таинственная цѣль, влекущая все населеніе улья на вѣчный подвигъ самопожертвованія? Метерлинкъ называетъ ее „l'esprit de la ruche"—жизненнымъ принципомъ улья, и говоритъ, что пчелы умѣютъ поклоняться божеству, не признаваемому людьми,—т.-е. будущему (l'avenir), таящему въ себѣ безконечный прогрессъ. Гдѣ конечная цѣль всѣхъ совершенствованій, требующихъ жертвы всѣмъ сегодняшнимъ для блага невѣдомаго завтрашняго дня? Вопросъ этотъ такъ же таинственъ для пчелъ, какъ и для человѣка, но пчелы своей организаціей учатъ человѣка исполненію предначертанной имъ цѣли. Онѣ покорны суровому закону, но не отдаются произволу, а напрягаютъ всѣ свои творческія силы въ предѣлахъ, открытыхъ ихъ сознанію. Въ томъ же долженъ состоять и долгъ человѣка: постоянно чувствуя присутствіе управляющей его жизнью тайны, онъ долженъ, однако, всѣми силами разума идти по пути знанія и активнаго дѣйствія.

Маленькій міръ пчелъ полонъ несказанныхъ чудесъ, и, раскрывая часть ихъ, Метерлинкъ показываетъ, какъ въ немъ воплощено и все чудесное человѣческой природы и божественной воли. На фонѣ этого философскаго замысла Метерлинкъ развертываетъ необычайно поэтичную картину прекрасной и мудрой жизни. Отдѣльныя главы—о весеннихъ роѣхъ (L'essaimage), о постройкѣ улья (La fondation de la Cité), въ особенности же глава „Le Vol nuptial"—составляютъ, быть можетъ, самыя вдохновенныя страницы въ новѣйшей французской литературѣ. – З. В.

Digitized by Google

НЕКРОЛОГЪ

I.—Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ.

Академія Наукъ, и въ частности Отдѣленіе русскаго языка и словесности, понесла въ серединѣ прошлаго іюля двѣ тяжелыя утраты.

8-го іюля скончался, послѣ долгой тяжелой болѣзни, М. И. Сухомлиновъ, который за послѣдніе два года былъ предсѣдательствующимъ Русскаго Отдѣленія Академіи. Онъ родился въ 1828 году въ Харьковѣ и былъ питомцемъ провинціальной средней школы и университета. Бывало обыкновенно, что провинціальныя педагогическія и особенно научныя средства не отличались богатствомъ; но харьковскій университетъ,—самое возникновеніе котораго было дѣломъ просвѣщенной частной иниціативы,—издавна имѣлъ ревностныхъ представителей науки и литературы, и въ числѣ наставниковъ М. И. Сухомлинова, въ пансіонѣ и университетѣ, были люди, тогда уже извѣстные, потомъ знаменитые—Костомаровъ и Срезневскій. Въ университетѣ уже сложились научные интересы и стремленія Сухомлинова—на всю жизнь: это были историко-литературныя изученія. Кончивъ курсъ въ университетѣ въ 1848, Сухомлиновъ въ 1850 защитилъ въ Харьковѣ магистерскую диссертацію и около 1851 переселился въ Петербургъ. Вскорѣ затѣмъ онъ принялъ участіе въ конкурсѣ, который открытъ былъ въ петербургскомъ университетѣ для замѣщенія каѳедры русской словесности—изъ двухъ каѳедръ по этому предмету одна давно оставалась незанятой, по оставленіи профессуры Плетневымъ. Изъ трехъ конкуррентовъ (другими были И. И. Введенскій и С. Лебедевъ), прочитавшихъ пробныя лекціи при факультетѣ и студентахъ, факультетъ выбралъ Сухомлинова, который затѣмъ прошелъ вскорѣ ступени адъюнкта, экстра-ординарнаго и ординарнаго профессора, наконецъ, съ 1877, заслуженнаго профессора. Въ 1858—60 годахъ Сухомлиновъ работалъ за границей.

Его вторая, докторская, диссертація, еще въ пятидесятыхъ годахъ, была о древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. Здѣсь, какъ и въ нѣсколькихъ, болѣе раннихъ, небольшихъ изслѣдованіяхъ по старой письменности сказались отличительныя черты научной работы Сухомлинова—большая точность, стремленіе къ возможно полному осмотру матеріала, осторожность въ выводахъ, но всегда и желаніе поставить частный вопросъ въ связь съ общимъ теченіемъ историческаго развитія. Не будемъ перечислять его трудовъ,

Digitized by Google

и отмѣтимъ только главнѣйшее. Послѣ первыхъ трудовъ по древней письменности, Сухомлиновъ обратилъ свои изслѣдованія преимущественно на литературу новѣйшую, XVIII и XIX вѣка. Такъ въ особенности цѣнны были его „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I“ и любопытныя отдѣльныя изслѣдованія (Новиковъ, Радищевъ, Полевой, Пушкинъ, Аксаковъ, Гоголь), собранныя потомъ въ двухъ томахъ его „Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію“.

Избранный въ 1872 въ члены Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, Сухомлиновъ предпринялъ два обширные труда, а именно многотомную „Исторію россійской Академіи“ и критическое изданіе „Сочиненій Ломоносова“: этого послѣдняго вышло до сихъ поръ четыре тома. Та и другая работа имѣла ближайшее отношеніе къ исторіи самой Академіи. Ломоносовъ былъ въ ней страстнымъ подвижникомъ русскаго просвѣщенія, какъ былъ первымъ сильнымъ начинателемъ новой русской литературы. Россійская Академія, основанная въ 1783 году, въ 1841 году была преобразована во II-е Отдѣленіе Академіи Наукъ, такъ что ея исторія, кромѣ ея общаго значенія въ судьбахъ нашей образованности, была также начальной исторіей новѣйшаго Отдѣленія русскаго языка и словесности. Эти труды не случайно заняли большую долю въ дѣятельности Сухомлинова: его привлекали первыя начинанія русской науки и въ частности науки академической на пользу русскаго просвѣщенія и литературы. Рядомъ съ этимъ онъ былъ всей душой преданъ интересамъ Отдѣленія, и когда возникалъ вопросъ о положеніи Отдѣленія въ цѣломъ составѣ Академіи (такой вопросъ возникалъ въ первые годы существованія Отдѣленія въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, и частію всплывалъ даже въ послѣдніе годы), Сухомлиновъ всегда стоялъ за извѣстную самостоятельность Отдѣленія, за возможное расширеніе его дѣятельности. Поэтому для него, быть можетъ, больше, чѣмъ для кого-либо, было великою радостью то преобразованіе въ составѣ и дѣятельности Отдѣленія, которое было результатомъ Пушкинскихъ торжествъ 1899 года. Увеличеніе состава Отдѣленія новымъ „разрядомъ изящной словесности“, увеличеніе спеціальныхъ денежныхъ средствъ Отдѣленія, явившаяся возможность новыхъ научныхъ предпріятій, а также поддержки молодыхъ, начинающихъ ученыхъ, все это открывало для него перспективу дальнѣйшаго развитія дѣятельности Отдѣленія, которое было его идеаломъ. Останавливаемся на этомъ вопросѣ потому, что этотъ идеалъ былъ характерной чертой въ отношеніяхъ Сухомлинова къ Академіи. Если въ прежнее время (и еще недавно) Сухомлиновъ настаивалъ, теоретически, на возможно большей самостоятельности и самодѣятельности Отдѣленія, онъ видѣлъ основу

Digitized by Google

своего взгляда въ томъ фактѣ, что Второе Отдѣленіе въ составѣ Академіи есть единственное, которое посвящается сполна изученію, чисто и исключительно національному; два другія Отдѣленія хотя также приносятъ съ своей стороны великую пользу русской наукѣ, изученію различныхъ сторонъ русской природы, народнаго быта и исторіи, но въ цѣломъ онѣ стоятъ на отвлеченной научной почвѣ, тогда какъ Второе Отдѣленіе по всему своему существу связано именно и только съ чисто русскими національными вопросами: въ языкѣ и словесности именно высказывалась русская національная жизнь и творчество, и новая программа Отдѣленія, при его преобразованіи въ 1899, еще расширила или дополнила кругъ его изученій на исторію и этнографію, на искусство, на изученіе славянства, наконецъ на изученіе литературъ европейскихъ въ ихъ связи съ литературой русской...

Историко-литературные труды Сухомлинова, какъ мы сказали, отличались обыкновенно стремленіемъ къ полнотѣ и точности изслѣдованія, и между прочимъ ему принадлежитъ немалая заслуга въ одномъ отношеніи: онъ видѣлъ необходимость расширить изслѣдованія,—которыя до временъ имп. Александра II ограничены были почти только книжными матеріалами, и то только въ тѣсныхъ размѣрахъ,—расширить эти изслѣдованія архивными источниками. Онъ едва ли не первый воспользовался въ нѣсколько широкихъ размѣрахъ матеріаломъ архива министерства народнаго просвѣщенія и также архива бывшаго III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи; далѣе, онъ знакомъ былъ съ государственнымъ архивомъ, издалъ массу бумагъ изъ архива Академіи Наукъ, и т. д.

II.—Иванъ Николаевичъ Ждановъ.

Въ ночь на 11 іюля скончался въ Алупкѣ другой, недавно только избранный членъ Отдѣленія русскаго языка и словесности—И. Н. Ждановъ. Онъ былъ уроженцемъ архангельской губ. (род. въ 1846) и былъ питомцемъ петербургскаго университета. Онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своими работами по старой русской исторіи и литературѣ; въ концѣ семидесятыхъ годовъ занялъ каѳедру въ кіевскомъ университетѣ и затѣмъ съ 1882 года перешелъ въ университетъ въ Петербургѣ, и читалъ также лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ, въ Александровскомъ лицеѣ и др. Съ самыхъ первыхъ работъ его изслѣдованія отличались большой внимательностью критическаго анализа; пересматривая старые вопросы, какъ русская поэзія въ до-монгольскую эпоху, литература Слова о полку Игоревѣ и т. п., онъ умѣлъ

Digitized by Google

указывать новыя стороны предмета и ставить историческіе факты въ связь ихъ преемственнаго развитія. Главнымъ трудомъ его осталась обширная книга „Русскій былевой эпосъ“ 1895 (гдѣ отчасти собраны были и ранѣе изданныя частныя его изслѣдованія). Эта книга не составляетъ цѣльнаго изслѣдованія нашего стараго эпоса, а только разборъ нѣсколькихъ его эпизодовъ, между прочимъ весьма существенныхъ: авторъ приступалъ къ вопросамъ, которые трактовались уже, между прочимъ, самыми авторитетными нашими учеными въ этой области, и умѣлъ, однако, ставить вопросъ самостоятельно, съ новой, всегда весьма оригинальной и остроумной точки зрѣнія,—начиналъ съ подробнаго изученія текста и всѣхъ извѣстныхъ варіантовъ и въ его видоизмѣненіяхъ искалъ основного мотива, указывалъ его развитіе, наконецъ изслѣдовалъ самую тему, обыкновенно въ связи, во-первыхъ, съ историческими данными старой русской жизни, и во-вторыхъ, съ распространеніемъ поэтической темы въ обще-европейскомъ средневѣковомъ преданіи; это послѣднее было ему также близко знакомо, и онъ съ большимъ искусствомъ совершалъ свои сопоставленія, иногда и увлекаясь ихъ заманчивостью. Подобнымъ образомъ Ждановъ вносилъ самостоятельную критику и въ свои (къ сожалѣнію, немногія изданныя) изслѣдованія по новой русской литературѣ. Послѣ преобразованія 1899, увеличившаго число каѳедръ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности однимъ изъ первыхъ избрало Жданова, въ надеждѣ воспользоваться его обширными знаніями для своихъ работъ, въ особенности по академическому изданію Пушкина, которое было прервано смертью Л. Н. Майкова. Къ глубокому прискорбію, этой надеждѣ не привелось осуществиться: вскорѣ по вступленіи Жданова, въ Отдѣленіи составлена была комиссія подъ его предсѣдательствомъ, которая должна была установить программу дальнѣйшаго изданія Пушкина, привлечь къ дѣлу нѣсколькихъ спеціалистовъ, для скорѣйшаго выполненія задачи. Начало труда было положено, но затѣмъ тяжелая болѣзнь отняла у Жданова возможность работы и привела къ безвременной кончинѣ.

Смерть М. И. Сухомлинова и И. Н. Жданова является тяжелой потерей не только для II Отдѣленія Академіи Наукъ, но и для цѣлой русской науки: труды обоихъ ученыхъ были драгоцѣннымъ вкладомъ въ разработку русской народно-поэтической и письменной старины и исторіи новой литературы.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1901.

Дополненіе къ ст. 144 уст. о ценз. и печати объ установленіи срочности первыхъ двухъ предостереженій, и его значеніе для цензуры и печати.—Распоряженіе г. министра вн. дѣлъ 12 іюня—касательно третьяго предостереженія.—По поводу приближающагося 25-лѣтія дѣятельности городской училищной коммиссіи въ С.-Петербургѣ, и ея отчетъ за истекшій учебный 1900-1901 годъ.—Тридцатилѣтіе дѣятельности городской думы въ Черниговѣ на поприщѣ народнаго образованія. — Результаты работъ особой коммиссіи при мин. народн. просв. по преобразованію средней общеобразовательной школы.—Отголоски о томъ въ печати, и крайнее мнѣніе о преимуществахъ турецкихъ гимназій предъ русскими.—Критика работъ коммиссіи генерала Ванновскаго въ „Гражданинѣ“.

Еще въ первой половинѣ іюня, мы, вмѣстѣ съ другими редакціями столичныхъ газетъ и журналовъ, были пріятно оповѣщены Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати о томъ, что 4-го іюня Высочайше утверждено „дополненіе статьи 144-ой уст. о цензурѣ и печати“, а 20-го іюня появился въ газетахъ и самый текстъ Высочайшаго повелѣнія: оно впервые установляетъ на будущее время *предѣльные сроки* дѣйствія предостереженій, объявляемыхъ періодическимъ изданіямъ, выходящимъ въ свѣтъ безъ предварительной цензуры. По силѣ вышеупомянутой 144-й статьи устава о цензурѣ, первыя два предостереженія давались безсрочно, и только послѣ третьяго предостереженія, вслѣдствіе котораго изданіе пріостанавливалось, не свыше, впрочемъ, шести мѣсяцевъ, изданіе, за истеченіемъ этого срока, освобождалось отъ всѣхъ трехъ предостереженій, — но засимъ, въ послѣднее время, по примѣчанію къ ст. 144, изданіе лишалось права выходить впредь безъ разрѣшенія цензуры,—а на какое именно время—рѣшеніе этого вопроса, тѣмъ же примѣчаніемъ, предоставлялось министру внутреннихъ дѣлъ.

„Государственный Совѣтъ,—говорится въ Высочайшемъ повелѣніи, утвердившемъ дополненіе статьи 144-ой уст. о ценз.,—въ соединенныхъ департаментахъ законовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ объ установленіи предѣльныхъ сроковъ дѣйствія предостереженій, объявляемыхъ повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, *мнѣніемъ положилъ:*

„I. Въ дополненіе статьи 144 уст. ценз. (Св. зак. т. XIV изд. 1890 г.) постановить:

Digitized by Google

„Первое предостереженіе сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года со дня его полученія повременнымъ изданіемъ, если за этотъ срокъ не будетъ объявлено второго предостереженія. Если въ теченіе одного года повременное изданіе получитъ два предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняетъ свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ со дня объявленія изданію второго предостереженія, если за этотъ срокъ не послѣдуетъ третьяго предостереженія. По истеченіи означенныхъ сроковъ, повременное изданіе освобождается отъ полученныхъ предостереженій, и слѣдующее за симъ предостереженіе вновь считается первымъ".

„II. Дѣйствіе правила, изложеннаго въ отдѣлѣ I, распространить на предостереженія, объявленныя повременнымъ изданіямъ до утвержденія настоящаго узаконенія.

„Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 4-го іюня 1901 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить".

Какъ видно изъ самаго положенія Государственнаго Совѣта, г. министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ о необходимости дополнить нынѣ дѣйствующій законъ о печати (ст. 144), страдавшій отсутствіемъ опредѣленія максимальныхъ сроковъ для даваемыхъ цензурнымъ вѣдомствомъ перваго и второго предостереженій, и для того назначить такіе сроки. При составленіи закона о печати 1865 года, наши составители (П. А. Валуевъ) руководились, по отношенію предостереженій, законодательствомъ французской имперіи временъ Наполеона III, гдѣ, однако, изобрѣтенныя во Франціи предостереженія имѣли для себя сроки; но именно у насъ, въ копіи, было сдѣлано отступленіе отъ французскаго образца, и предостереженія, кромѣ третьяго, вошли въ законъ безъ срока. Неудобство отъ такого порядка административнаго воздѣйствія должно было испытать на себѣ, прежде всего, само цензурное вѣдомство, дающее предостереженія; но испытать такое неудобство на себѣ оно могло не иначе, какъ по истеченіи значительнаго періода времени, какъ напримѣръ теперь, когда прошло цѣлыхъ 35 лѣтъ со времени изданія послѣдняго закона о печати, и когда во внутренней и внѣшней политикѣ могли происходить—и въ дѣйствительности происходили—значительныя измѣненія и колебанія; напримѣръ, лѣтъ 25 тому назадъ, какой-нибудь журналъ могъ получить первое предостереженіе за „вредное въ немъ направленіе", выразившееся нападками на классическую систему, избранную министерствомъ народнаго просвѣщенія при гр. Д. А. Толстомъ и принятую въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а теперь тому же самому журналу вдругъ пришлось бы дать второе предостереженіе и опять за „вредное направленіе", но которое вырази-

Digitized by Google

лось бы, однако, какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, а именно, настойчивымъ и рѣшительнымъ утвержденіемъ того, что всякая система обученія, не основанная на „строгомъ“ классицизмѣ, пагубна для страны. Нынѣ утвержденное дополненіе къ 144-й ст. устава ценз. освобождаетъ цензурное вѣдомство отъ подобныхъ противорѣчій съ самимъ собою; въ отношеніи же самой печати оно уничтожитъ величайшую несправедливость, такъ какъ въ теченіе 10, 15 или 20 лѣтъ могъ измѣниться личный составъ самой редакціи, и новому ея составу пришлось бы получить, напримѣръ, третье предостереженіе, со всѣми его *новѣйшими* послѣдствіями, тогда какъ первыя два были даны много лѣтъ тому назадъ прежней редакціи и притомъ, быть можетъ, за какое-нибудь дѣйствительное нарушеніе ею закона или циркуляра.

Но слѣдуетъ помнить, что, уничтожая несправедливость безсрочныхъ предостереженій, дополненіе къ прежнему закону о печати оставляетъ самый порядокъ полученія періодическимъ изданіемъ предостереженій безъ всякихъ измѣненій и ограниченій для администраціи, такъ что новый законъ не дѣлаетъ никакой перемѣны въ отношеніяхъ органовъ печати къ администраціи, которая по прежнему сохранитъ за собою безапелляціонное право кары при помощи предостереженій. Вѣроятно, это обстоятельство и подало поводъ газетѣ „Южное Обозрѣніе“, при разъясненіи ею своимъ читателямъ сущности новаго дополненія къ закону о печати, сдѣлать небольшую оговорку и замѣтить, что „если слѣдствіемъ этого закона не явится болѣе щедрая раздача предостереженій, то невозможно отрицать извѣстнаго облегченія, приносимаго новымъ закономъ періодической прессѣ“... Но сущность вопроса, конечно, не въ томъ, будетъ ли отнынѣ раздача предостереженій болѣе или менѣе щедра,—весь интересъ дѣла могъ бы состоять только въ томъ, будетъ ли наложеніе предостереженій по прежнему безапелляціонно и послѣ новаго дополненія, или будетъ допущена какая-нибудь апелляція; но, какъ мы выше сказали, въ этомъ отношеніи настоящее дополненіе не представляетъ собою никакихъ сколько-нибудь существенныхъ измѣненій въ положеніи печати и въ ея отношеніяхъ къ администраціи; оно ничѣмъ не ограничиваетъ правъ послѣдней, какими она пользовалась до сихъ поръ по отношенію къ органамъ печати.

Впрочемъ, въ настоящее время, въ виду позднѣйшаго примѣчанія къ ст. 148 уст. о ценз., самыя предостереженія утратили прежнюю свою силу, такъ какъ, на основаніи этого примѣчанія, вопросъ не только о временной пріостановкѣ, по третьему предостереженію, но и о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій, какъ безцензурныхъ, такъ и выходящихъ подъ цензурою, предоставляется, помимо суда, обсужденію и рѣшенію четырехъ министровъ: внутреннихъ

Digitized by Google

дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи и оберъ-прокурора св. синода. „Облегчая тяжесть предостереженій, — замѣчаетъ „Новое Время", — часто долгіе годы лежавшихъ тяжкимъ бременемъ на цензурныхъ повременныхъ изданіяхъ, — Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта не затрогиваетъ примѣчанія къ ст. 148 уст. ценз.",—безъ сомнѣнія потому, что представленіе г. министра внутреннихъ дѣлъ ограничивалось на этотъ разъ вопросомъ объ одной срочности предостереженій, а также и потому, что и самое это примѣчаніе сдѣлано впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ законовъ о печати. Вотъ собственно о чемъ и должна была бы идти рѣчь въ настоящее время, а не о тѣхъ или другихъ частичныхъ поправкахъ. Въ теченіе 35 лѣтъ дѣйствія послѣдняго закона о печати, онъ, можно сказать, сдѣлался до нѣкоторой степени неузнаваемъ, вслѣдствіе различныхъ примѣчаній, дополненій и т. п.; все это въ свое время вызывалось, быть можетъ, необходимостью, — но необходимость, вызвавшая то или другое отступленіе отъ первоначальнаго закона, давно прошла, а измѣненіе, сдѣлавшееся скоро ненужнымъ, осталось и остается до сихъ поръ, хотя оно болѣе не вызывается ничѣмъ. Какъ временная мѣра, стѣсненія печати могли быть еще понятны, но продолженіе ихъ дѣйствія и по миновании надобности въ нихъ приводитъ къ другому результату, который не можетъ быть желателенъ и правительству, а именно къ ея деморализаціи; о такой печати можно будетъ сказать, что̀ Талейранъ говорилъ о языкѣ—конечно, дипломатовъ: печать существуетъ для того, чтобы можно было укрывать свои мысли...

Настоящее „дополненіе" къ одной изъ статей закона о печати 1865 года, впрочемъ, все-таки цѣнно уже потому, что за послѣднія тридцать-пять лѣтъ (1865—1901 гг.), это—первая мѣра *въ пользу* печати: всѣ остальныя новеллы къ закону 6-го апрѣля 1865 года имѣли прямо противоположный характеръ. Достойно вниманія и то, что въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ всѣ новыя правила, касавшіяся печати, проходили, подъ именемъ *временныхъ*, черезъ комитетъ министровъ, а давность предостереженій нынѣ введена въ установленномъ законодательномъ порядкѣ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Подъ впечатлѣніемъ радостной вѣсти, въ особенности неожиданной и непривычной, легко бываетъ утратить, на время, ясное сознаніе дѣйствительности. Одной изъ петербургскихъ газетъ показалось, что законъ 4-го іюня сглаживаетъ какое-то различіе, существовавшее, будто бы, между „старыми" и „молодыми" органами. „Старые"

Digitized by Google

органы, „самою продолжительностью своего существованія доказавшіе свою безусловную лойяльность“ и успѣвшіе принести пользу государству, „обезцвѣчивались“, будто бы, мнительностью, вызванною тяготѣвшими надъ ними предостереженіями, а „молодые“, „свободные отъ всякихъ каръ и не успѣвшіе еще проявить своего, такъ сказать, государственнаго и общественнаго значенія, пользовались въ полной мѣрѣ той относительной свободой, которая предоставлена печати закономъ 1865 года“.—О *полной* мѣрѣ свободы, предоставленной печати закономъ 6-го апрѣля 1865 года, давно уже ни для кого не можетъ быть и рѣчи; она ограничена, какъ выше сказано, цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ правилъ, одинаково тягостныхъ для „старыхъ“ и для „молодыхъ“ органовъ. Весьма скоро, въ добавокъ, сглаживалось — за рѣдкими исключеніями — и различіе, обусловленное наличностью или отсутствіемъ предостереженій. Проходилъ, иногда, какой-нибудь мѣсяцъ — и „молодой“ органъ переставалъ быть предметомъ зависти для „старыхъ“: припомнимъ хотя бы судьбу „Сѣвернаго Курьера“, начавшаго выходить 1-го ноября 1899 г. и раньше конца года имѣвшаго уже два предостереженія. Одного сознанія возможности такой судьбы было уже достаточно, чтобы *мнительность* „молодыхъ“ органовъ не слишкомъ существенно отличалась отъ мнительности старыхъ. Бо́льшая или мѣньшая степень осмотрительности, свойственная тому или иному органу печати, зависѣла не столько отъ его возраста, сколько отъ другихъ причинъ, между которыми немаловажную роль играли личныя свойства издателя и редактора. Нужно ли доказывать, наконецъ, что „государственное и общественное значеніе“ органа печати далеко не всегда прямо пропорціонально продолжительности его существованія?...

Въ новомъ дополненіи къ ст. 144 уст. ценз. есть, однако, одно мѣсто, могущее послужить—и уже послужившее—поводомъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. „Если въ теченіе *одного* года,—говорится въ п. I дополненія,—повременное изданіе получитъ *два* предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняетъ свою силу въ теченіе *двухъ лѣтъ* со дня объявленія изданію второго предостереженія,—*если за этотъ срокъ не послѣдуетъ третьяго предостереженія*“... А если оно послѣдуетъ, то спрашивается,—что же будетъ съ тѣми двумя предостереженіями? „На этотъ счетъ,—замѣчаетъ газета „Россія“,—въ законѣ 4-го іюня ничего не сказано, и такъ какъ онъ составляетъ лишь дополненіе къ ст. 144 уст. ценз., то, слѣдовательно, по отношенію къ указаннымъ тремъ предостереженіямъ сохраняетъ силу старый порядокъ: третье предостереженіе, полученное въ теченіе двухъ лѣтъ до истеченія давностнаго срока для первыхъ двухъ предостереженій, отнимаетъ у

Digitized by Google

изданія право на погашеніе всѣхъ трехъ предостереженій путемъ давности". Едва ли можно давать такое толкованіе тексту дополненія и умолчанію въ немъ относительно третьяго предостереженія: прежде всего замѣтимъ, что третье предостереженіе само никогда не было безсрочнымъ, и имѣло въ законѣ 1865 г. для себя свой maximum—шесть мѣсяцевъ,—что̀ остается въ силѣ и по настоящее время, а затѣмъ, до 1882 года, по истеченіи этого срока, какъ само третье предостереженіе, такъ, разумѣется, и его предшественники, т.-е. первыя два, отпадали; но, послѣ 1882 г., вслѣдствіе временнаго „примѣчанія" къ ст. 144 [1]), является частный вопросъ: отпадаетъ ли вмѣстѣ съ симъ и главное послѣдствіе третьяго предостереженія, а именно—лишеніе права на выходъ безъ представленія газеты въ цензуру, какъ то установлено примѣчаніемъ къ той же 144-й ст. уст. ценз.? Отвѣтъ на такой вопросъ можно усматривать въ отдѣлѣ II положенія Государственнаго Совѣта, гдѣ ясно выражено, что „дѣйствія правила, изложеннаго въ отдѣлѣ I (т.-е. о срочности предостереженій) распространить на *предостереженія*, объявленныя повременнымъ изданіямъ до утвержденія настоящаго узаконенія";—итакъ, *всѣ* три предостереженія, а не одни первыя два, должны быть сняты съ повременныхъ изданій, получившихъ эти предостереженія до 4-го іюня с. г.; за снятіемъ же самаго предостереженія, не могутъ оставаться въ силѣ соединенныя съ нимъ послѣдствія. Этого требуетъ логика, и такъ, повидимому, взглянулъ совершенно справедливо и г. министръ внутреннихъ дѣлъ на этотъ вопросъ въ своемъ рас̀поряженіи, отъ 12-го іюня сего года:

„За воспослѣдованіемъ Высочайше утвержденнаго, 4-го сего іюня, мнѣнія государственнаго совѣта объ установленіи предѣльныхъ сроковъ дѣйствія предостереженій, объявляемыхъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, и въ виду распространенія силы этого постано-

---

[1]) „*Примѣчаніе.* Въ 1882 году, впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ постановленій о печати, Высочайше повелѣно: редакціи выходящихъ въ свѣтъ не менѣе одного раза въ недѣлю повременныхъ изданій (не исключая и арендуемыхъ у правительственныхъ и ученыхъ учрежденій), вызвавшихъ третье предостереженіе, обязываются, по истеченіи срока пріостановки и по возобновленіи, представлять нумера ихъ для просмотра въ Цензурные Комитеты не позже одиннадцати часовъ вечера наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ, причемъ цензорамъ предоставляется право, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, пріостанавливать выходъ его въ свѣтъ, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Порядокъ представленія таковыхъ повременныхъ изданій въ цензуру для просмотра, а также срочность или безсрочность *сего обязательства*, установляются по ближайшему усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. 1882, авг. 27 (1072) Пол. Ком. Мин., I, IV".

Digitized by Google

вленія на изданія, получившія предостереженія до утвержденія настоящаго узаконенія, министръ внутреннихъ дѣлъ *опредѣляетъ*: освободить газеты „Биржевыя Вѣдомости", „Восходъ", „Русскія Вѣдомости" и журналъ „Хозяинъ" отъ дѣйствія примѣчанія къ означенной 144 ст., примѣненнаго къ этимъ изданіямъ послѣ объявленныхъ имъ трехъ предостереженій".

Остается только пожелать, чтобы этотъ первый случай примѣненія закона 4-го іюня с. г. къ третьему предостереженію послужилъ бы правиломъ для руководства въ будущемъ.

Въ наступающемъ учебномъ 1901—1902 году закончится двадцатипятилѣтіе (1877 — 1902 гг.) со времени перехода дѣла начальнаго народнаго образованія въ столицѣ изъ рукъ министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе с.-петербургской городской думы, и притомъ исключительно на городскія средства; до 1877 года, городъ отпускалъ на народное образованіе съ небольшимъ 14 т. р. ежегодно въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія. Тогда же, 15 іюня 1877 г., была образована, при городской думѣ, особая исполнительная коммиссія по народному образованію — и именно ей теперь поручила городская дума составить историческій очеркъ двадцатипятилѣтія непосредственной и самостоятельной дѣятельности столичнаго городского общественнаго управленія на поприщѣ, главнымъ образомъ, начальнаго народнаго образованія, а также и вообще на пользу народнаго просвѣщенія. Еслибы наши города и земства, въ первую четверть вѣка своей дѣятельности, не сдѣлали ничего сверхъ того, что̀ ими было исполнено въ области народнаго образованія, то и тогда за ними нельзя было бы не признать громадной заслуги не только предъ обществомъ, но и предъ самимъ правительствомъ, которое, какъ и всякое другое, должно сознавать всю выгоду управлять страною при помощи просвѣщеннаго народа, и въ то же время понимать всю невозможность взять на себя и на свои средства повсемѣстное распространеніе народнаго образованія. Въ справедливости того легко убѣдиться при помощи простого сравненія хода народнаго образованія какъ въ земской Россіи, такъ и въ городахъ, за одну послѣднюю четверть истекшаго XIX-го вѣка, и за цѣлое предшествующее ей столѣтіе, когда народное образованіе было предметомъ дѣятельности исключительно правительственной администраціи. Если начинать исторію начальнаго народнаго образованія съ устава 1787 года, когда въ первый разъ было приступлено къ открытію такъ называемыхъ народныхъ училищъ, главныхъ и малыхъ, то, напримѣръ, въ г. Петербургѣ, 90 лѣтъ спустя

Digitized by Google

послѣ того, а именно, къ 1877 году, когда министерство народнаго просвѣщенія сдало начальныя народныя училища въ вѣдѣніе города,—ихъ было на всю столицу, съ ея населеніемъ, въ то время, около 700.000 жителей, всего *четырнадцать* (14), съ *девятьюстами* учащихся (900) обоего пола, т.-е. *1 учащійся приходился на 777 жителей*. Изъ послѣдняго отчета коммиссіи по народному образованію за истекшій 24-ый годъ ея дѣятельности (1900—1901 г.) видно, что къ концу первыхъ 25-ти лѣтъ въ рукахъ города дѣло народнаго образованія въ столицѣ сдѣлало, можно сказать, колоссальные успѣхи, такъ какъ нынѣ, при населеніи въ 1.200.000 жит., число училищъ достигло почти *450* (446), съ *22.000 учащихся* обоего пола, т.-е. 1 учащійся приходится нынѣ уже не на 777, какъ то было 25 лѣтъ тому назадъ, а только *на 54 жителя*. Если населеніе столицы за это время почти удвоилось, то число учащихся въ ней увеличилось въ 27 разъ! Такому росту просвѣтительнаго дѣла въ столицѣ, съ тѣхъ поръ, какъ оно перешло въ вѣдѣніе городского общественнаго управленія, долженъ былъ соотвѣтствовать и ростъ городскихъ на него расходовъ: до 1877 года, городъ, какъ мы видѣли, отпускалъ изъ своихъ средствъ на народное образованіе въ столицѣ всего 14.000 рублей съ небольшимъ, и самая эта сумма поступала въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія; изъ послѣдняго же отчета коммиссіи по народному образованію видно, что на истекшій учебный 1900—1901 г. было ассигновано и израсходовано всего около 1.250.000 руб., и изъ этой суммы собственно на начальное народное образованіе пошло—до 950.000 рублей; свыше 150 т. израсходовано на устройство и ремонтъ школьныхъ зданій, а остальная сумма ушла на содержаніе 22 воскресныхъ школъ, 8 безплатныхъ читаленъ, на субсидію частнымъ профессіональнымъ женскимъ школамъ, на стипендіи и плату за обученіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

О результатахъ обученія въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ города С.-Петербурга можно судить по числу окончившихъ курсъ установленнаго въ нихъ трехлѣтняго обученія. Изъ общаго числа обучавшихся въ истекшемъ учебномъ году 22.000 дѣтей обоего пола, въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ, было, при началѣ года, въ 275 старшихъ отдѣленіяхъ—свыше 5.100 дѣтей (мальч. около 2.600, и дѣв. свыше 2.500), т.-е. свыше 23% общаго числа всѣхъ учащихся, что, конечно, сравнительно съ другими учебными заведеніями, нельзя не признать весьма удовлетворительнымъ, особенно если принять въ соображеніе, что родители дѣтей въ начальныхъ училищахъ бываютъ чаще вынуждены брать дѣтей до окончанія трехлѣтняго срока обученія, а многіе изъ нихъ и не ищутъ для дѣтей ничего больше какъ

Digitized by Google

просто грамотности, что̀ достигается легко многими и послѣ двухъ лѣтъ обученія.

Какъ извѣстно, сама коммиссія по народному образованію въ начальныхъ народныхъ училищахъ не производитъ никакихъ такъ называемыхъ выпускныхъ экзаменовъ и только ограничивается, по окончаніи трехлѣтняго срока обученія, выдачею удостовѣреній или объ успѣшномъ прохожденіи ученія, или только о трехлѣтнемъ посѣщеніи школы, разрѣшая, конечно, тѣмъ изъ дѣтей, которыя не оказали успѣха или по крайней молодости (10 лѣтъ), или по болѣзни, неразвитости и т. п.,—оставаться на четвертый годъ. Но городской училищный совѣтъ, въ вѣдомствѣ котораго состоятъ всѣ частныя начальныя училища въ городѣ, въ томъ числѣ и содержимыя городской думою (почему ихъ обыкновенно называютъ не совсѣмъ правильно городскими, хотя они именно не городскія—по ихъ ограниченной программѣ)—производитъ всѣмъ мальчикамъ, окончившимъ трехлѣтнее ученіе въ начальныхъ училищахъ, въ воскресныхъ школахъ, и достигшихъ или достигающихъ къ 1 сентября 11 лѣтъ,—экзаменъ, такъ сказать, государственный, на полученіе льготы по воинской повинности; мальчики же, не достигшіе 11 лѣтъ, а также и дѣвочки, получаютъ отъ коммиссіи вышеупомянутое удостовѣреніе. Въ истекшемъ учебномъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, изъ тѣхъ 5.100 дѣтей, которыя числились въ старшихъ отдѣленіяхъ въ началѣ учебнаго года въ сентябрѣ 1900 года, осталось на лицо 4.760 дѣтей, т.-е. свыше 93%, и изъ нихъ выдержали экзаменъ на льготу по воинской повинности, или получили удостовѣреніе объ успѣшномъ прохожденіи курса начальныхъ училищъ—4.720, т.-е. 99%! „Если предположить,—говорится въ краткомъ отчетѣ коммиссіи, читанномъ на актѣ училищъ 30 мая,—что всѣ окончившіе курсъ пробыли въ школѣ три года [1]), т.-е. поступили въ 1898 г. (за три года передъ тѣмъ), то процентное отношеніе числа окончившихъ нынѣ курсъ (4.760 м. и д.) къ числу поступившихъ въ 1898 г. (8.100 м. и д.) окажется весьма благопріятнымъ для начальныхъ городскихъ училищъ, а именно 58% (54% для мальчиковъ, и 62% для дѣвочекъ); процентное же отношеніе нынѣ окончившихъ курсъ къ общему числу учившихся (10.550 м. и 9.425 д.) въ 1898 г. выразится слишкомъ въ 23% (23% для мальч. и 25% для дѣв.)“...

---

[1]) Такіе, судя по отчету коммиссіи за предшествующій учебный 1899—1900 г., составляютъ большинство: пробыли въ училищѣ три года и вышли изъ него—1.200 м. изъ 2.000. и 1.100 дѣв. изъ 1.700; по четыре года—400 м. и 270 дѣв.; по пяти лѣтъ—25 м. и 14 дѣв.; по шести лѣтъ—1 м. Зато, съ другой стороны, 320 м. и 310 дѣв. кончили ученіе съ успѣхомъ послѣ двухъ лѣтъ обученія: 100 мальч. и 90 дѣв. оставались въ училищѣ всего одинъ годъ, но они, конечно, поступили въ училище значительно подготовленные дома.

Digitized by Google

Въ истекшемъ учебномъ году, комиссія по народному образованію сдѣлала новые шаги въ томъ новомъ направленіи, какое она приняла въ послѣднее пятилѣтіе, а именно, она открыла въ собственномъ домѣ *второе* городское училище съ 20-ю соединенными классами, на 1.000 дѣтей обоего пола, въ Греческомъ скверѣ, на-Прудкахъ, и первое женское 4-хъ-классное училище по Положенію 1872 года. Первое 4-хъ-классное мужское училище было ею основано въ 1899 г., а потому оно теперь успѣло пройти первую половину всего своего пути, а *первое* Василеостровское училище, съ 12-ю соединенными классами, на 600 дѣтей обоего пола, сдѣлало нынѣ выпускъ въ 130 дѣтей, что̀ составляетъ около 75% по отношенію къ первоначальному числу учившихся въ классѣ старшаго возраста (108 м. и 68 дѣв.). Такой успѣхъ обученія въ новыхъ училищахъ, съ соединенными классами, продолжаетъ фактически уничтожать доводы такого оффиціальнаго лица, какъ г. Латышевъ, директоръ народныхъ училищъ петербургской губерніи, который съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, постоянно выступаетъ противникомъ школъ, у насъ—новаго типа, а въ Германіи существующихъ уже давно, что̀, надобно думать, остается и до сихъ поръ неизвѣстнымъ г. Латышеву; впрочемъ, онъ могъ бы познакомиться съ такими училищами, устраиваемыми въ городскихъ домахъ, съ соединенными классами, въ г. Ригѣ, гдѣ они существуютъ не менѣе тридцати лѣтъ, а слѣдовательно имѣютъ не малый за собою опытъ [1]).

Успѣхи начальнаго народнаго образованія въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Петербургъ и Москва, не представляютъ, впрочемъ, ничего особенно удивительнаго при тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, какими обладаютъ обѣ столицы, а публикуемые отчеты городскими управленіями сдѣлали эти успѣхи общеизвѣстными. Но какъ стоитъ дѣло начальнаго народнаго образованія въ другихъ городахъ имперіи,—мы рѣдко имѣемъ случай близко знакомиться съ этимъ вопросомъ, а потому не можемъ не воспользоваться появившимся недавно весьма интереснымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „Тридцатилѣтіе Черниговскаго городского общественнаго управленія (1870—1901 г.) съ очеркомъ исторіи г. Чернигова",—начинающимся съ древнѣйшихъ временъ, а именно съ 907 г., когда г. Черниговъ принималъ участіе въ извѣстномъ походѣ Олега на Константинополь, такъ что скоро наступитъ цѣлое тысячелѣтіе вполнѣ историческаго существованія Чернигова.

[1]) Годъ тому назадъ, мы подробно изложили оригинальное воззрѣніе г. Латышева на училища съ соединенными классами и указали всю его несостоятельность (см. авг. 1900 г., стр. 878—881).

Digitized by Google

какъ города. И въ отношеніи Городового Положенія 1870 года, Черниговъ оказывается старше Петербурга, гдѣ оно было введено только 20 февраля 1873 года, а въ Черниговѣ—въ декабрѣ того же 1870 года. Въ томъ же 1870-мъ году новая безсословная городская дума получила въ свое вѣдѣніе отъ министерства народнаго просвѣщенія его приходское училище, соотвѣтствовавшее нынѣшнему начальному народному училищу; петербургская же дума приняла училища въ свое вѣдѣніе, какъ мы видѣли, въ 1877 году—т.-е. семью годами позже черниговскаго городского общественнаго управленія.

Говоря относительно, исторія этого управленія на поприщѣ народнаго образованія представляется не менѣе утѣшительною, какъ такая же дѣятельность столичныхъ думъ. Вообще говоря, и самъ городъ Черниговъ сдѣлалъ громадные успѣхи подъ вліяніемъ реформъ императора Александра II: до эпохи реформъ, въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, въ Черниговѣ численность населенія едва достигала 6.500 душъ обоего пола, а въ концѣ истекшаго вѣка, по послѣдней переписи, цифра населенія поднялась почти до 30.000 жителей обоего пола (29.674 чел.). Не менѣе поразительна и финансовая исторія города со времени введенія Городового Положенія 1870 года: въ 1871 году городской бюджетъ едва достигалъ 20.000 рублей, а смѣта доходовъ г. Чернигова на текущій 1901 годъ возросла почти до 200.000 рублей. Такъ какъ въ томъ же 1870 году, когда было введено Городовое Положеніе въ Черниговѣ, было передано, какъ мы видѣли, и училищное дѣло въ вѣдѣніе города, то вмѣстѣ съ тѣмъ произошло огромное увеличеніе городскихъ расходовъ на народное просвѣщеніе, и надобно думать, что это было явленіемъ повсемѣстнымъ, послѣ передачи училищнаго дѣла въ руки городовъ: въ самый годъ передачи училищъ въ руки города въ 1871 г., Черниговъ израсходовалъ около 350 рублей на начальное образованіе; нынѣ же, тридцать лѣтъ спустя,—въ теченіе которыхъ городъ самъ вѣдалъ дѣло народнаго образованія,—цифра бюджета, ассигнуемая на народное образованіе, поднялась съ 350 рублей на 30.500 рублей... Изъ отчетовъ черниговской городской управы видно, что въ 1871 году, въ первый годъ самодѣятельности мѣстной думы на поприщѣ народнаго образованія, расходъ на этотъ предметъ составилъ едва 2% изъ общей суммы городскихъ расходовъ въ томъ же году; а въ истекшемъ 1900 году доля этого расхода составила болѣе 18%—такъ что степень участія города въ удовлетвореніи самой насущной потребности города, за истекшее тридцатипятилѣтіе (1870—1900 гг.) увеличилась почти въ 10 разъ!

Въ 1870 году, г. Черниговъ принялъ въ свое вѣдѣніе всего одно приходское мужское училище, съ весьма ограниченнымъ числомъ учащихся, и тотчасъ же приступивъ къ устройству для него помѣщенія

Digitized by Google

въ собственномъ домѣ, расширилъ самое помѣщеніе, такъ что число учащихся въ 1873 г. достигло 100 человѣкъ, а въ 1901 г. въ немъ было 120 мальчиковъ. Въ 1878 году, городъ открылъ опять въ собственномъ домѣ такое же женское училище, гдѣ обучается нынѣ около 130 дѣвочекъ. Въ 1893 г. присоединилось къ прежнимъ двумъ смѣшанное училище, на 120 дѣтей (68 м. и 52 д.), и наконецъ, въ прошедшемъ году, открыто четвертое, тоже смѣшанное и на такое же число дѣтей. Такимъ образомъ, 30 лѣтъ тому назадъ, было всего одно начальное училище съ нѣсколькими десятками учащихся мальчиковъ; нынѣ же имѣются 4 училища, въ которыхъ могутъ обучаться до 500 дѣтей обоего пола.

Относительно того, что составляетъ самую существенную сторону училищнаго дѣла, а именно относительно его организаціи, мы находимъ въ отчетѣ слѣдующія интересныя свѣдѣнія.

„Каждая изъ (четырехъ) школъ, въ виду трехлѣтняго курса обученія, раздѣляется на три самостоятельныхъ отдѣленія, съ особыми преподавателями для каждаго. Въ этомъ отношеніи,—замѣчаютъ составители отчета,—наши (черниговскія) городскія училища превосходятъ даже столичныя, въ которыхъ на одного преподавателя приходится по двѣ и даже по три группы [1]). Оклады жалованья учителей и учительницъ городскихъ школъ (420 р. + 96 квартирныхъ) почти вдвое выше, чѣмъ даже въ земскихъ школахъ наиболѣе богатыхъ уѣздовъ нашей и сосѣднихъ губерній; на учебныя пособія отпускается по 150 рублей на каждое училище... На каждаго учащаго, въ среднемъ, приходится: въ двухъ мужскихъ—по 39 учащихся, въ женскомъ—32, и въ четвертомъ, гдѣ пока существуетъ одно первое отдѣленіе,—42 (въ Петербургѣ—50). Обученіе одного дитяти обошлось городу, въ 1900 году, 16 р. 19 к. въ годъ; стоимость же обученія одного выпускного составляла, въ томъ же 1900 году, безъ малаго 100 рублей... Въ 1893 г., въ помощь управѣ образована особая исполнительная училищная коммиссія, на которую возложенъ надзоръ за городскими училищами и разработка вопросовъ, касающихся какъ улучшенія въ нихъ учебнаго и воспитательнаго дѣла, такъ и вообще мѣръ къ развитію народнаго образованія среди населенія города... Всѣ остатки по смѣтѣ на народное образованіе зачисляются коммиссіею въ особый фондъ для улучшенія библіотекъ городскихъ училищъ; коммиссіею установлено замѣщать должности учащихъ по особому конкурсному испытанію; ею же выдвинутъ и разработанъ вопросъ о реальномъ училищѣ въ Черниговѣ, учреждено Общество вспомоще-

[1]) Младшее, среднее и старшее отдѣленія.—Впрочемъ, со времени устройства новаго типа училищъ съ соединенными классами, отъ трехъ до двадцати, и въ Петербургѣ учащій занимается съ однимъ возрастомъ, а не со всѣми тремя.

Digitized by Google

ствованія учащимся, сдѣланъ въ одномъ изъ училищъ опытъ устройства даровыхъ горячихъ завтраковъ для дѣтей и проч.".

Съ неменьшимъ вниманіемъ, въ Черниговѣ, его городское общественное управленіе относилось и къ профессіональному образованію. Такъ, уже въ 1888 г., черниговская дума открыла ремесленное училище съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ, съ общеобразовательными и спеціальными предметами; изъ ремеслъ, на первое время были введены кузнечное и слесарное, столярное и токарное, а въ нынѣшнемъ году введено и литейное. Обученіе въ немъ, какъ и въ начальныхъ школахъ, даровое,—что̀ слѣдовало бы завести у себя и столицамъ,—выборъ ремесла предоставленъ учащимся или ихъ родителямъ. Училище помѣщается въ собственномъ обширномъ зданіи, постройка котораго обошлась городу въ 30.000 рублей. Содержаніе училища обходится съ небольшимъ 4.300 рублей. Другая попытка распространить техническія знанія въ Черниговѣ не удалась думѣ: въ 1889 году она ходатайствовала объ открытіи въ городѣ техническаго училища по образцу открываемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ указаніемъ на то, что „одна гимназія не удовлетворяетъ потребности населенія Чернигова: одни не могутъ поступить туда по бѣдности, другіе по неспособности къ изученію древнихъ языковъ, а многимъ отказываютъ по недостатку помѣщенія. А такъ какъ правительство заботится теперь (въ концѣ 80-хъ годовъ) объ открытіи техническихъ профессіональныхъ училищъ, то думѣ слѣдуетъ ходатайствовать, чтобы и въ Черниговѣ было открыто такое училище"... На такое ходатайство —говорится въ отчетѣ—послѣдовалъ категорическій отказъ,—на томъ основаніи, что для учрежденія промышленныхъ училищъ разныхъ типовъ и наименованій министерствомъ народнаго просвѣщенія намѣчены наиболѣе выдающіеся центры промышленной дѣятельности Россіи, къ разряду которыхъ Черниговъ не подходитъ". Такую же печальную участь имѣло и другое ходатайство думы объ устройствѣ въ Черниговѣ реальнаго училища, на что, въ какихъ-нибудь два года, было собрано по подпискѣ и посредствомъ исчисленія лишняго $^0/_0$ на производимыя городскимъ общественнымъ банкомъ ссудныя операціи, до 22 тысячъ рублей; но министерство отказало, находя собранную сумму недостаточною для устройства помѣщенія. Нельзя не признать, что сообщенныя нами свѣдѣнія о весьма почтенной дѣятельности черниговской городской думы на поприщѣ народнаго образованія таковы, что, казалось бы, ея ходатайства заслуживали бо̀льшаго вниманія...

Мы остановились на этой дѣятельности одного изъ небольшихъ губернскихъ городовъ нѣсколько дольше именно потому, что намъ рѣдко представляется случай имѣть предъ собою такой обстоятельный

Digitized by Google

отчетъ о дѣятельности по народному образованію общественнаго управленія въ одномъ изъ менѣе крупныхъ центровъ, стоящемъ притомъ въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ;—мы увѣрены, что и во многихъ другихъ городахъ мы нашли бы такое же доказательство того великаго значенія, какое имѣла для народнаго образованія передача его въ вѣдѣніе мѣстныхъ управленій, земскихъ и городскихъ, на основаніи закона, извѣстнаго подъ именемъ „Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года". Сравнивая результаты по народному образованію съ результатами, какіе принесло, за то же тридцатилѣтіе, среднее и высшее образованіе, слѣдовало бы признать, что если результаты послѣднихъ были таковы, что оказалось нынѣ необходимымъ не только въ корнѣ измѣнить ихъ основанія, но сжечь то, чему поклонялись цѣлыхъ тридцать лѣтъ, и поклониться тому, что сожигалось до сихъ поръ,—то въ отношеніи народнаго образованія желательно было бы обратное,—а именно, признать необходимымъ сохраненіе тѣхъ основъ, на которыхъ оно зиждилось болѣе четверти вѣка, и если допустить пересмотръ, то съ единственной цѣлью,—а именно, въ виду счастливаго многолѣтняго опыта, устранить въ немъ болѣе или менѣе крупныя препоны самодѣятельности земствъ и городовъ на поприщѣ народнаго образованія, внушенныя, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что законодатель въ 1874 году не имѣлъ предъ собою тридцатилѣтняго опыта, какимъ мы теперь обладаемъ вполнѣ. Для всякаго правительства невозможно взять на себя продовольствіе всей страны, какъ матеріальное, такъ и духовное, какимъ слѣдуетъ считать именно народное образованіе: и то, и другое, должно быть предоставлено самому обществу, и при этомъ для администраціи остается еще не мало труда въ формѣ контроля и наблюденія, съ цѣлью поспѣшить на помощь туда, гдѣ матеріальныя средства окажутся недостаточными. Намъ случилось читать еще весною въ газетахъ, будто бы ожидается учрежденіе при министерствѣ особаго департамента по дѣламъ народнаго образованія; мы сказали бы наоборотъ:—еслибы до сихъ поръ существовалъ такой департаментъ, то лучше бы было расходъ на его содержаніе употребить прямо на дѣло народнаго образованія...

Въ послѣднихъ числахъ іюня, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось весьма важное сообщеніе, которое положило конецъ всѣмъ предположеніямъ и слухамъ о результатахъ трудовъ особой, по преобразованію средней общеобразовательной школы, коммиссіи, организованной, съ Высочайшаго соизволенія, при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ министра, генералъ-адъютанта Ванновскаго.

Digitized by Google

„Начавъ свою дѣятельность 28 мая,—какъ сообщаетъ „Правительственный Вѣстникъ", 19 іюня с. г.,—коммиссія эта нынѣ закончила выработку основныхъ положеній для новой общеобразовательной средней школы, составила таблицы урокоръ и конспекты учебнаго плана и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсмотрѣла вопросъ о порядкѣ введенія новыхъ плановъ преподаванія въ существующія мужскія гимназіи, прогимназіи и реальныя училища. Затѣмъ, имѣя въ виду необходимость, въ интересахъ учебнаго дѣла, произвести переустройство средней школы съ возможною быстротою, коммиссія выработала подробный планъ, на основаніи котораго полное преобразованіе мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній должно быть завершено въ 1905 году.

„Согласно предположеніямъ коммиссіи, правительственная общеобразовательная средняя школа должна быть *единою*, общаго типа для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода, съ семилѣтнимъ курсомъ, съ исключеніемъ изъ программы греческаго языка, съ сохраненіемъ латинскаго лишь въ высшихъ четырехъ классахъ и съ замѣною сего языка, для *нежелающихъ* изучать его, дополнительнымъ курсомъ естествовѣдѣнія и графическими искусствами. Взамѣнъ упраздняемаго греческаго языка и сокращенія программы латинскаго, въ средней школѣ общаго типа вводится преподаваніе естественныхъ наукъ, законовѣдѣнія, обоихъ новыхъ языковъ, отечествовѣдѣнія и усиливается преподаваніе русской и всеобщей литературы, исторіи и математики. Порядокъ и условія поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія лицъ, окончившихъ курсъ средней школы съ латинскимъ языкомъ и безъ онаго, указаны въ основныхъ положеніяхъ.

„Затѣмъ въ тѣхъ же положеніяхъ: 1) указанъ порядокъ допускаемыхъ отъ этого общаго типа отступленій для школъ, содержимыхъ на средства или съ пособіемъ отъ городовъ, земствъ, обществъ, сословій и частныхъ лицъ, и 2) выработанъ планъ средней школы классической, съ обязательнымъ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ, каковыя школы, по мнѣнію коммиссіи, надлежало бы оставить во всѣхъ университетскихъ городахъ и въ гор. Вильнѣ.

„Вышеозначенные результаты работъ коммиссіи были повергаемы на Высочайшее воззрѣніе, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было вполнѣ одобрить высказанныя коммиссіей соображенія о необходимости обращенія особаго вниманія на воспитаніе учащейся молодежи и пріученіе ея къ школьной дисциплинѣ, на усиленіе преподаванія гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненій, на введеніе подвижныхъ игръ, школьныхъ экскурсій и прогулокъ, а гдѣ къ тому представится возможность, и ручного труда.

„Вмѣстѣ съ симъ, Государь Императоръ соизволилъ одобрить предположеніе генералъ-адъютанта Ванновскаго о сохраненіи вышеуказанныхъ классическихъ гимназій лишь въ пяти слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Юрьевѣ, по одной въ каждомъ.

„Засимъ съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія вышеизложенныя предположенія коммиссіи будутъ переданы чрезъ попечителей учебныхъ округовъ на обсужденіе попечительскихъ совѣтовъ и педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и на заключеніе оберъ-прокурора святѣйшаго синода, митро-

Digitized by Google

полита с.-петербургскаго и ладожскаго и тѣхъ министровъ, въ вѣдомствѣ которыхъ имѣются учебныя заведенія.

„Заключенія всѣхъ этихъ лицъ и учрежденій въ теченіе предстоящихъ зимнихъ мѣсяцевъ будутъ обсуждены министерствомъ народнаго просвѣщенія и затѣмъ дѣлу данъ будетъ ходъ въ установленномъ порядкѣ.

„Согласно выработанному коммиссіею плану, преднамѣченное постепенное преобразованіе среднихъ учебныхъ заведеній должно начаться съ младшихъ классовъ, а измѣненіе въ преподаваніи должно коснуться, прежде всего, древнихъ языковъ на томъ основаніи, что одинъ изъ этихъ языковъ (греческій) вовсе исключается изъ числа обязательныхъ предметовъ будущей средней школы общаго типа, а на другой (латинскій) затрачивается нынѣ столь чрезмѣрное число часовъ (43 часа), что весьма желательно безотлагательное сокращеніе ихъ съ цѣлью освободившееся время употребить на усиленіе преподаванія нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, въ чемъ ощущается настоятельная необходимость.

„Принимая во вниманіе интересы учащихся и вновь поступающихъ въ учебныя заведенія въ нынѣшнее переходное для школы время, а также чтобы избѣжать внезапной значительной ломки учебнаго строя, коммиссія признала, съ своей стороны, въ высшей степени желательнымъ и въ педагогическомъ отношеніи какъ нельзя болѣе полезнымъ начать нѣкоторыя подготовительныя мѣропріятія къ предстоящей реформѣ уже съ будущаго 1901—1902 учебнаго года, а именно, предположено прекратить въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ преподаваніе латинскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ и греческаго—въ 3-мъ и 4-мъ классахъ, взамѣнъ же этихъ языковъ усилить преподаваніе русскаго языка и географіи и ввести съ 1-го класса преподаваніе исторіи и одного новаго языка, а гдѣ по мѣстнымъ условіямъ представится возможнымъ, и естествовѣдѣнія, также съ 1-го класса.

„По всеподданнѣйшимъ докладамъ сихъ соображеній коммиссіи, Государь Императоръ въ 11-й и 18-й дни сего іюня Высочайше повелѣть соизволилъ:

„Въ видѣ временной, на одинъ годъ, мѣры въ существующихъ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія съ будущаго 1901—1902 учебнаго года прекратить преподаваніе латинскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ и греческаго—въ 3-мъ и 4-мъ классахъ, усиливъ, взамѣнъ сихъ языковъ, преподаваніе русскаго языка и географіи, и ввести въ 1-мъ классѣ преподаваніе исторіи и одного новаго языка, а гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, представится возможнымъ, и естествовѣдѣнія, также съ 1-го класса. По отношенію къ реальнымъ училищамъ сдѣлать измѣненіе въ распредѣленіи уроковъ въ первыхъ двухъ классахъ. Соотвѣтствующія измѣненія въ распредѣленіи уроковъ съ начала 1901—1902 учебнаго года сдѣлать и въ тѣхъ гимназіяхъ, которыя предположено оставить съ обоими древними языками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія, 11-го сего іюня, Собственноручно начертать:

Digitized by Google

„Надѣюсь, что будетъ также обращено серьезное вниманіе и на усиленіе религіозно-нравственнаго воспитанія нашего юношества“.

Можетъ быть, между нашими читателями найдутся еще такіе, которые помнятъ, съ какимъ постоянствомъ и настойчивостью „Вѣстникъ Европы“, въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, ратовалъ противъ Каткова и К°, отстаивавшихъ новую систему обученія въ гимназіяхъ, принятую тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Д. Толстымъ. Мы назвали тогда публицистовъ „Московскихъ Вѣдомостей“ — „компрачикосами“, уродователями дѣтей,—и какъ оказалось впослѣдствіи—мы не ошиблись. Къ тому, что̀ мы тогда высказали въ пользу научнаго классицизма, насажденнаго у насъ впервые графомъ С. Уваровымъ, въ началѣ 30-хъ годовъ, и противъ „грековъ и латиновъ“, знакомыхъ нашимъ духовнымъ школамъ, высшимъ и среднимъ, еще въ прошедшемъ столѣтіи, и даже ранѣе того,—мы собственно не могли бы теперь ничего прибавить; можемъ развѣ только искренно пожалѣть, что мы оказались правы: система Толстого, которую несправедливо называютъ „классическою“—между тѣмъ какъ она-то и погубила научный классицизмъ 30-хъ годовъ—эта система легла тяжелымъ бременемъ на нѣсколько слоевъ молодыхъ поколѣній, и, дѣйствительно, привязала вообще классицизмъ въ глазахъ общества къ позорному столбу, такъ что въ наше время нужна почти смѣлость, чтобы отвязать его отъ этого столба. Мы нисколько не удивляемся и даже вполнѣ понимаемъ, что, послѣ тридцатилѣтняго гнета у насъ могутъ сначала откачнуться, по неизбѣжному закону маятника, слишкомъ далеко въ противоположную сторону. Примѣромъ такого крайняго уклоненія въ противоположную сторону можетъ служить корреспонденція одной изъ столичныхъ газетъ, присланная изъ Дамаска, очевидно, съ цѣлью содѣйствовать къ разрѣшенію вопросовъ, возбуждаемыхъ обсужденіемъ предстоящей реформы средняго образованія у насъ. Авторъ спѣшитъ ознакомить читателей газеты съ устройствомъ гимназій въ Турціи, находя, что оно можетъ быть „поучительно“ для насъ, такъ какъ турецкая гимназія многіе вопросы „разрѣшила лучше русской“... „Прежде всего,—говоритъ авторъ,—бросается въ глаза, при разсмотрѣніи программы (въ Турціи), совершенное отсутствіе *мертвыхъ* языковъ“; это—первое преимущество, а засимъ перечисляются и многія другія, „такимъ образомъ,—заключаетъ корреспонденція,—турецкая гимназія, по крайней мѣрѣ по своей программѣ, стоитъ, пожалуй, выше русской, ибо программа ея гораздо жизненнѣе, цѣлесообразнѣе“ („Нов. Вр.“, 6 іюня, № 9160). Намъ остается, послѣ того, утѣшаться тѣмъ, что въ турецкихъ гимназіяхъ есть одинъ недостатокъ, уничтожающій всѣ ихъ преимущества предъ нами: „турецкая гимназія,—замѣчаетъ корреспондентъ,—конечно,

Digitized by Google

не можетъ похвалиться тѣмъ, что программа ея дѣйствительно исполняется"... Нельзя, конечно, не видѣть во всѣхъ этихъ „преимуществахъ" турецкихъ гимназій предъ русскими,—изъ которыхъ главное состоитъ въ томъ, что тамъ совсѣмъ не обучаютъ древнимъ языкамъ,—сильное отклоненіе въ противоположную сторону: для турокъ древніе языки, дѣйствительно, мертвые, а для западной цивилизаціи они остаются живыми,—но преподаваніе ихъ дѣйствительно можетъ быть живое и мертвое.

Вообще, исторія классицизма у насъ, въ истекшемъ вѣкѣ, представляетъ собою много любопытнаго, или, вѣрнѣе сказать, курьёзнаго. Намъ пришлось быть свидѣтелями самаго зарожденія у насъ научнаго классицизма въ 30-хъ годахъ, такъ какъ мы испытали его на себѣ лично во второй половинѣ 30-хъ годовъ, состоя въ числѣ учащихся въ одной изъ вновь тогда открытыхъ гр. С. Уваровымъ гимназій въ Петербургѣ, а затѣмъ, въ концѣ 40-хъ годовъ, въ числѣ учащихъ въ той же гимназіи. Первый ударъ классицизму и вообще гуманному образованію, на немъ основанному, былъ нанесенъ въ 1849 году, вслѣдствіе февральской революціи того года: классицизмъ былъ заподозрѣнъ и обвиненъ, какъ развратившій общество въ западной Европѣ, а насадитель его, гр. С. С. Уваровъ, долженъ былъ тогда же выйти въ отставку. Въ 70-хъ годахъ взглянули совершенно иначе на классицизмъ, и при помощи „грековъ и латиновъ" задумали сковать умъ и наложить на него путы, но это былъ уже не классицизмъ, а воскрешеніе схоластики,—своего рода тоже классицизмъ, хорошо знакомый, по его результатамъ, гр. Д. Толстому, какъ оберъ-прокурору св. синода.

Обращаясь, въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ къ 30-мъ годамъ и къ концу 40-хъ годовъ, когда намъ самимъ пришлось уже дѣйствовать на поприщѣ средняго образованія, мы можемъ засвидѣтельствовать, что семилѣтній курсъ того времени, съ преподаваніемъ латинскаго языка, начиная съ III кл., и греческаго—съ IV-го, по три урока въ недѣлю, былъ несравненно плодотворнѣе недавняго 8-лѣтняго курса, съ наводненіемъ гимназической программы „греками и латинами". Уваровскія гимназіи имѣли и то несомнѣнное преимущество, что онѣ представляли собою дѣйствительно общій типъ, и средняя школа была потому тогда на дѣлѣ *единою*, чего, какъ намъ кажется, нельзя будетъ достигнуть по предположеніямъ коммиссіи, хотя, повидимому, это составляетъ ея желаніе: будутъ гимназіи съ латинскимъ и греческимъ языкомъ (5 на всю Россію) и съ однимъ латинскимъ; вотъ уже два типа,—но и этого мало: будетъ предоставлено *„не желающимъ"* учиться латинскому языку замѣнить его естествовѣдѣніемъ и графическими искусствами; вотъ уже третій типъ; причемъ нельзя

Digitized by Google

не замѣтить, что едва-ли можно предоставить „желанію" ребенка 12-ти, 13-ти лѣтъ дѣлать выборъ предметовъ; даже едва-ли родители могутъ взять на себя рѣшеніе такихъ вопросовъ. Больной будетъ очень удивленъ, если врачъ предоставитъ ему выборъ леченія, и родители имѣютъ право сказать коммиссіи:—вы должны лучше насъ знать, какая программа наилучшая для достиженія цѣлей правильнаго образованія.

Впрочемъ, мы считаемъ пока преждевременнымъ дѣлать какія-нибудь замѣчанія, такъ какъ мы не имѣемъ еще предъ собою подробностей плана, составленнаго министерскою коммиссіею, которому предстоитъ пройти нѣсколько инстанцій, чтобы превратиться въ законъ. Но газеты извѣстнаго направленія, и во главѣ ихъ „Гражданинъ", уже теперь произносятъ свой рѣшительный приговоръ, и, какъ всегда, за недостаткомъ въ своемъ распоряженіи фактовъ, прибѣгаютъ къ угрозамъ и застращиваніямъ; такъ „Гражданинъ" (5 іюля, № 50, стр. 18) утверждаетъ, что школа, по плану коммиссіи генерала Ванновскаго, превратится— страшно сказать — въ „очагъ политическихъ безпорядковъ". Однимъ словомъ, сама коммиссія подвергается въ „Гражданинѣ" сомнѣнію, при чемъ авторъ „Дневника" забываетъ свою собственную теорію: коммиссія состояла изъ назначенныхъ, а не выборныхъ лицъ, и потому не могла—въ глазахъ князя В. Мещерскаго—быть опасною для дѣла; между тѣмъ, по его словамъ, коммиссія даже позволила себѣ эксплуатировать то обстоятельство, „что генералъ Ванновскій, *совсѣмъ незнакомый опытомъ съ классическимъ образованіемъ*, и принявшій задачу реформы школы подъ взрывъ со всѣхъ сторонъ раздававшихся криковъ: долой классицизмъ!—могъ до извѣстной степени поддаться впечатлѣнію, что въ этихъ крикахъ есть отголоски чего-то серьезнаго, чего-то похожаго на общественное мнѣніе"... Но кн. В. Мещерскій могъ бы съ большею основательностью сказать самому себѣ, не оттого ли и онъ такъ усердно защищаетъ классицизмъ sui generis гр. Д. А. Толстого, что онъ самъ былъ лишенъ полнаго классическаго образованія, какъ, впрочемъ, былъ его лишенъ и самъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой (не былъ ни въ классической гимназіи, ни въ университетѣ); но послѣдній, по крайней мѣрѣ, чтобы избѣгнуть упрека, взялъ, какъ говорятъ, нѣсколько уроковъ изъ греческаго языка, будучи уже министромъ,—а кн. Мещерскій, кажется, и этого не сдѣлалъ...

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Комитета по сооруженію въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю.

Комитетъ по сооруженію въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта этого памятника на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Памятникъ долженъ представлять бронзовое изваяніе Николая Васильевича Гоголя въ сидячемъ положеніи, въ костюмѣ времени жизни писателя, помѣщенное на пьедесталѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительной обстановкѣ того мѣста, которое предназначено для постановки памятника.

2. Памятникъ, обращенный лицевой стороной на Знаменку, предполагается поставить на Арбатской площади, въ той ея части, которая примыкаетъ къ оконечности Пречистенскаго бульвара, въ небольшомъ скверѣ, представляющемъ прямое продолженіе бульвара, отъ котораго скверъ будетъ отдѣляться продолженіемъ Малаго Аѳанасьевскаго переулка.

3. Мѣсто это обозначено буквою А на планѣ Арбатской площади. Какъ этотъ планъ, такъ и восемь фототипій, представляющихъ панораму площади, лица, желающія участвовать въ конкурсѣ, могутъ получать у члена Комитета А. Е. Носа (Москва, Шереметевскій переулокъ, 2).

4. Форма и размѣры памятника предоставляются усмотрѣнію составителя проекта, но проектъ долженъ быть оригинальнымъ, а не подражаніемъ существующимъ памятникамъ. Никакихъ аллегорическихъ фигуръ въ проектѣ памятника не допускается; равнымъ образомъ не допускаются и барельефныя и горельефныя изображенія по сторонамъ памятника. Простота и естественность замысла, ясность выраженія мысли, изящество и художественность очертаній признаются главнымъ условіемъ задачи.

5. Матеріалы, предназначаемые для памятника и окружающей площадку сквера рѣшотки съ мачтами для фонарей электрическаго освѣщенія, суть граниты, порфиръ и бронза.

6. Проекты должны быть представлены въ моделяхъ изъ гипса или воска въ размѣрѣ $^1/_8$ натуральной величины, съ объяснительною

Digitized by Google

запискою и подробною смѣтою полной стоимости всѣхъ работъ, необходимыхъ для сооруженія всего памятника съ соотвѣтствующимъ оборудованіемъ сквера.

7. Стоимость памятника опредѣляется въ девяносто тысячъ рублей (90.000 р.).

8. Къ участію въ конкурсѣ допускаются всѣ желающіе русскіе подданные.

9. За проекты памятника, которые будутъ признаны Комитетомъ наиболѣе удовлетворительно разрѣшившими задачу настоящаго конкурса, составители получаютъ преміи: за проектъ, признанный первымъ—1500 рублей, признанный вторымъ—1000 рублей и признанный третьимъ—500 рублей. Всѣ три премированные проекта поступаютъ въ собственность Комитета; неудостоенные же преміи возвращаются представившимъ ихъ по предъявленіи росписки въ принятіи проекта на конкурсъ.

10. Если Комитетъ признаетъ нужнымъ пріобрѣсти въ собственность неудостоенные преміи проекты, то онъ пріобрѣтаетъ таковые за цѣну по соглашенію съ авторомъ проекта.

11. Если Комитетъ признаетъ возможнымъ произвести сооруженіе памятника по одному изъ представленныхъ проектовъ съ измѣненіемъ проекта по указанію Комитета или же безъ всякаго измѣненія, то онъ поручаетъ автору проекта сооруженіе памятника вполнѣ за девяносто тысячъ рублей.

12. Срокъ представленія проектовъ въ зданіе Московской Городской Думы (Воскресенская площадь) истекаетъ 30 декабря 1901 года, въ 12 часовъ дня.

13. На каждой модели, пояснительной запискѣ и смѣтѣ долженъ быть выставленъ девизъ или знакъ, и подъ таковымъ же девизомъ или знакомъ должны быть представлены въ наглухо заклепныхъ или запечатанныхъ пакетахъ званіе, имя, фамилія и адресъ составителя.

14. Обсужденіе представленныхъ проектовъ производится Комитетомъ по сооруженію въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю не позже 15-го февраля 1902 года.

15. Всѣ представленные проекты съ обозначеніемъ присужденныхъ премій и авторовъ ихъ выставляются для публичнаго обозрѣнія, начиная съ 21 февраля по 21 апрѣля 1902 года. По закрытіи выставки, проекты, не удостоенные преміи, возвращаются ихъ авторамъ, какъ сказано выше, въ статьѣ 9 этихъ правилъ.

Объявляя настоящій конкурсъ, Комитетъ считаетъ долгомъ присовокупить, что въ настоящее время сумма поступившихъ пожертвованій составляетъ по нарицательной цѣнѣ процентныхъ бумагъ 90.500 рублей, что̀ по курсу дня составляетъ около 87 тысячъ руб-

Digitized by Google

лей, что эта сумма недостаточна на покрытіе расходовъ по стоимости сооруженія, опредѣленной въ 90 тысячъ рублей, и расходовъ на преміи (3.000 руб.) и прочіе, сопряженные съ окончаніемъ всего дѣла. Поэтому пожертвованія принимаются и въ настоящее время и будутъ приниматься впредь до открытія памятника въ Московской Городской Управѣ и у казначея Андрея Евдокимовича Носа (Москва, Шереметевскій переулокъ, 2, квартира № 15), которому Комитетъ проситъ также возвратить разосланные имъ и еще невозвращенные подписные листы вмѣстѣ съ пожертвованіями, если таковыя поступили по подписнымъ листамъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль.— Августъ. 1901.

Книга седьмая. — Іюль.

стр.

Русская Арменія.—Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа. — VII-IX.—ЕВГ. МАРКОВА 5

Обманъ.—Повѣсть.—Л. АВИЛОВОЙ 53

Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ. — По личнымъ воспоминаніямъ.— Ѳ. ВОРОПОНОВА 93

Стихотворенія.—I-II.—П. С. СОЛОВЬЕВОЙ 157

Краткая записка о возникшемъ, въ годъ Гэнъ-цзы, бѣдствіи, составленная лѣнивымъ отшельникомъ Пустыннаго острова. - Съ китайскаго—В. УСПЕНСКІЙ 159

Передъ картиной.—Разсказъ.—В. Б—НОЙ 176

Вопросъ о дешевыхъ квартирахъ для рабочаго класса.—М. И. ПОКРОВСКОЙ. 188

Равныя. — Романъ. — The slave by R. Hichens. — Часть вторая: I-VIII. — Съ англ. П. С. 204

Изъ исторіи просвѣщенія сибирскихъ инородцевъ.—М. К. 281

Стихотворенія. — Изъ Ричарда Гарнетта: 1. Пловцы; 2. Восточная сказка.— О. МИХАЙЛОВОЙ 290

Общественное здоровье по даннымъ санитарной статистики.—В. Е. ИГНАТЬЕВА. 292

Портретъ.—Стих.—Н. Б. ХВОСТОВА 315

Возсоединеніе старой Финляндіи съ новою, въ 1811 г.—Историческій очеркъ.— А. Т—НА 317

Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе. — Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Анастасіи Николаевны и Высочайшее повелѣніе 5-го іюня. — Работы коммиссіи по переустройству средней школы.—Сокращеніе гимназическаго курса.—„Единая“ школа и древніе языки.—Школа и національность.— Еще о „земской“ реформѣ въ западномъ краѣ и на окраинахъ. — Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ 347

Иностранное Обозрѣніе. — Правительство и оппозиція въ Англіи. — Споры о королевскомъ бюджетѣ въ парламентѣ. — Жалобы на стѣсненіе печати въ Ирландіи.—Англійскіе либералы и имперіалисты о южно-африканскихъ дѣлахъ. — Герцогъ Корнваллійскій въ Австраліи. — Памятникъ Бисмарку въ Берлинѣ 366

Литературное Обозрѣніе. — Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ 12-ти томахъ, п. р. и съ прим. С. А. Венгерова. Тт. I—IV. — В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы, В. Покровскаго.—Р. Ѳ. Брандтъ. О лженаучности нашего правописанія.—Т.—П. Х. Шванебахъ, Денежное преобразованіе и народное хозяйство.—В. В.—Новыя книги и брошюры 380

Новости Иностранной Литературы. — I. Leo Berg. Gefesselte Kunst.—II. W. C. Morrow. Le singe, l'idiot et autres gens.—З. В. 401

Изъ Общественной Хроники.—Старый, но не состарившійся вопросъ объ общеобразовательныхъ университетскихъ курсахъ. —Университетскій судъ и судъ товарищей-студентовъ.—Полемическіе пріемы реакціонной печати. —Новый учебный планъ.—Общества грамотности.—„Гражданинъ“ и А. И. Георгіевскій.—Русскія публичныя чтенія въ Парижѣ.—Еще о елизаветградскомъ уѣздѣ. — Запрещеніе „Жизни“.—С. В. Максимовъ и К. Т. Солдатенковъ †.—Post-Scriptum 416

Извѣщенія. — Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ 431

Библіографическій Листокъ.—Политическая экономія, II. И. Георгіевскаго.— Е. В. Тарле, Общественныя воззрѣнія Т. Мора.—Майо Смитъ, Статистика и соціологія.—А. фонъ-Фрикенъ, Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія, ч. IV.

Объявленія.—I-IV; I-XII стр.

Digitized by Google

Книга восьмая. — Августъ.

стр.

Русская Армения.—Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа.—Окончаніе.—X-XI. ЕВГ. МАРКОВА 433
Въ Вендіи.—Разсказъ.—I-VI.—В. МИКУЛИЧЪ 469
Памяти Владиміра Сергѣевича Соловьева.—31 іюля 1900 г.—Стихотвореніе.—С. М. Л—НОВА 513
Золотыя деньги въ Россіи.—I-III.—Проф. П. А. НИКОЛЬСКАГО 515
Въ средѣ образовъ звѣриныхъ.—Повѣсть.—I-XV.—О. РОМЕРА 554
Эксплуатація сибирскихъ инородцевъ въ XIX вѣкѣ.—Эпизодъ изъ исторіи нарымскаго края.—И. ТЫЖНОВА 617
Рабыня.—Романъ.—The slave, by R. Hichens. — Окончаніе. — IX-XVII. — Съ англ. П. С 640
Ницшеанство и его отношенія къ политическимъ и соціальнымъ теоріямъ европейскаго общества.—I-IX.—ЕВГ. ТАРЛЕ 701
Сборщица.—Разсказъ.—I-IX.—ИВ. ИВАНОВИЧА. 751
Въ Колизеѣ.—Монологъ Манфреда. Изъ Байрона.—ИВ. БУНИНА. 777
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Высочайшій манифестъ о новомъ уставѣ о воинской повинности для Финляндіи. — Изъ прошлаго земской статистики.—Періодъ затишья земскихъ изслѣдованій. — Способы земскихъ изученій крестьянскаго хозяйства.—Подворная перепись.—Задачи сводки данныхъ переписи.—Поселенная сводка; групповыя и комбинаціонныя таблицы.—Губернскія сводки данныхъ подворной переписи.—Оживленіе земскихъ изслѣдованій и задачи, имъ открывающіяся.—В. В. 779
Иностранное Обозрѣніе.—Проектъ новаго таможеннаго тарифа въ Германіи.—Протесты промышленныхъ протекціонистовъ противъ протекціонизма аграрнаго. — Противорѣчія экономической политики и промышленный кризисъ.—Внутреннія дѣла Франціи.—Новый законъ объ ассоціаціяхъ.—Событія въ Даніи и въ балканскихъ государствахъ. 808
Литературное Обозрѣніе.—Графъ Павелъ Каннисъ, Къ вопросу о реорганизаціи средняго образованія.—Труды и протоколы Педагогическаго общества при Казанскомъ университетѣ.—А. П.—Новыя книги и брошюры. 821
Новости Иностранной Литературы. — I. Max Nordau, Die zeitgenössischen Franzosen.—II. Maeterlinck, La vie des abeilles.—З. В. 840
Некрологъ.—I. М. И. Сухомлиновъ.—II. И. Н. Ждановъ.—А. Н. ПЫПИНА . 857
Изъ Общественной Хроники. — Дополненіе къ ст. 144 уст. о ценз. и печати объ установленіи срочности первыхъ двухъ предостереженій, и его значеніе для цензуры и печати. — Распоряженіе г. министра вн. дѣлъ 12 іюня—касательно третьяго предостереженія. — По поводу приближающагося 25-лѣтія дѣятельности городской училищной коммиссіи въ С.-Петербургѣ, и ея отчетъ за истекшій учебный 1900-1901 годъ.—Тридцатилѣтіе дѣятельности городской думы въ Черниговѣ на поприщѣ народнаго образованія.—Результаты работъ особой коммиссіи при мин. народн. просв. по преобразованію средней общеобразовательной школы. —Отголоски о томъ въ печати, и крайнее мнѣніе о преимуществахъ турецкихъ гимназій предъ русскими. — Критика работъ коммиссіи генерала Ванновскаго въ „Гражданинѣ“ 861
Извѣщенія.—Отъ Комитета по сооруженію въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю. 880
Библіографическій Листокъ.—О. Терперъ, Государство и землевладѣніе. Ч. II. Крестьянское землевладѣніе. — Проф. Л. В. Ходскій, Основы государственнаго хозяйства.—Больтонъ Кингъ, Исторія объединенія Италіи. Т. I. Перев. съ англ. Н. Кончевской.—А. Богдановъ, Познаніе съ исторической точки зрѣнія.
Объявленія. — I-IV; I-XII стр.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Государство и землевладѣніе. Часть II. Крестьянское землевладѣніе. Ѳ. Тернера. Спб. 901. Стр. 422. Ц. 2 р. 50 к.

Вторая часть труда Ѳ. Г. Тернера заключаетъ въ себѣ систематическій обзоръ и оцѣнку современнаго положенія нашего крестьянства, по новѣйшимъ, преимущественно оффиціальнымъ даннымъ. Послѣ общаго вступительнаго очерка, авторъ подробно говоритъ о крестьянскомъ хозяйствѣ до и послѣ неурожая 1891 года, о крестьянской арендѣ, объ отхожихъ промыслахъ, о переселенческомъ дѣлѣ, о сельскомъ кредитѣ, о крестьянскомъ законодательствѣ за послѣднее десятилѣтіе и т. д.; съ наибольшею обстоятельностью излагаются различныя стороны переселенческаго вопроса, которому посвящена почти половина книги (стр. 108—209). Сохраняя полное безпристрастіе въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ, Ѳ. Г. Тернеръ рисуетъ довольно печальную картину общаго состоянія и быта народной массы. „Несмотря на всѣ признаки несомнѣннаго экономическаго подъема страны въ теченіе сорокалѣтняго періода, послѣдовавшаго за освобожденіемъ крестьянъ, — замѣчаетъ онъ, — нельзя сказать того же о положеніи нашего крестьянскаго сословія. Не только въ его средѣ не усматривается общаго прогресса благосостоянія, но въ значительной части мѣстностей нашего обширнаго отечества, особенно же въ центральныхъ и многихъ восточныхъ губерніяхъ, обнаруживаются даже признаки явнаго упадка крестьянскаго благосостоянія“ (стр. 400). Одна изъ „коренныхъ причинъ“ этого упадка—устарѣлая система податныхъ взысканій, — значительно смягчена недавнимъ преобразованіемъ, или даже устранена, какъ полагаетъ Ѳ. Г. Тернеръ; но для упорядоченія строя деревенской жизни и для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ крестьянства сдѣлано еще очень мало. По мнѣнію автора, „реорганизація сельско-административнаго и правового порядка составляетъ насущную и вполнѣ назрѣвшую потребность“; далѣе, весьма желательно устройство общедоступнаго сельско-хозяйственнаго кредита для крестьянъ; „несомнѣнно, это прежде всего—дѣло земства, но въ рукахъ правительства вызывать земство на столь полезное дѣло“ (стр. 421). Нельзя не согласиться съ заключительнымъ выводомъ Ѳ. Г. Тернера: „только постепенное развитіе страны—распространеніе грамотности, просвѣщеніе, улучшеніе культуры, развитіе промышленности,—можетъ, при содѣйствіи вышеуказанныхъ необходимыхъ мѣропріятій, привести къ желаемой цѣли; но тѣмъ важнѣе не откладывать приступа къ такимъ мѣропріятіямъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе сельскаго населенія, представляющаго залогъ будущаго могущества Россіи“.

Основы государственнаго хозяйства. Пособіе по финансовой наукѣ. Проф. Л. В. Ходскаго. 2-ое изданіе. Спб., 1901. Стр. VIII + 568. Ц. 3 р. 50 коп.

Новое изданіе курса проф. Л. В. Ходскаго является въ значительно дополненномъ видѣ; въ приложеніяхъ, въ концѣ книги, помѣщены подробныя свѣдѣнія о мѣстныхъ, земскихъ и городскихъ финансахъ въ Германіи, Франціи и Россіи, фактическія данныя о современныхъ государственныхъ бюджетахъ, очеркъ новаго устава о гербовомъ сборѣ, а также библіографическія указанія по разнымъ отдѣламъ курса и наконецъ алфавитный предметный указатель. Ясность изложенія и обиліе фактическихъ свѣдѣній составляютъ главныя и весьма существенныя достоинства сочиненія проф. Ходскаго.

Больтонъ Кингъ. Исторія объединенія Италіи. Т. I. Перев. съ англ. Н. Кончевской, съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Москва, 1901. Стр. XIX + 430. Съ планомъ и картою. Ц. 1 р. 50 к.

Въ первомъ томѣ книги Больтона Кинга изложеніе событій новѣйшей итальянской исторіи доведено до конца революціи 1849 года. Авторъ имѣлъ въ виду разработать и представить въ сжатомъ обзорѣ только политическую исторію Италіи; но онъ затрогиваетъ также общественную и религіозную жизнь, литературу, искусства и науки, насколько онѣ соприкасаются съ областью политики. Трудъ Больтона Кинга, какъ сказано въ предисловіи, предназначенъ прежде всего для англійской публики, имѣющей вообще крайне смутныя представленія о новѣйшихъ судьбахъ Италіи; по свидѣтельству автора, всѣ свѣдѣнія англичанъ объ итальянской революціи ограничиваются, будто бы, „увѣренностью въ томъ, что она имѣла какое-то отношеніе къ Гарибальди и красной рубашкѣ“. Въ предисловіи къ русскому переводу авторъ выражаетъ надежду, что его книга „вызоветъ симпатіи русскихъ къ странѣ, которой такъ многимъ обязана вся цивилизація“,—хотя можно утверждать, что эти симпатіи у насъ и безъ того существуютъ, насколько онѣ зависятъ отъ переводныхъ сочиненій и статей по исторіи итальянскаго единства. Нынѣшняя Италія, какъ вслѣдъ затѣмъ замѣчаетъ авторъ, вынуждена теперь „бороться съ ужасными бѣдствіями: бѣдностью, существованіемъ клерикальной силы, проводящей вредную политику, ошибками и слабостью государственныхъ людей“. Наши симпатіи едва ли, однако, понадобятся итальянцамъ въ ихъ домашнихъ дѣлахъ и „ужасныхъ“ внутреннихъ бѣдствіяхъ.

А. Богдановъ. Познаніе съ исторической точки зрѣнія. Спб., 1901. Стр. VI + 217. Ц. 1 р.

Авторъ этой книги — повидимому, весьма разносторонній и предпріимчивый мыслитель. Во-первыхъ, онъ извѣстенъ какъ экономистъ, по изданному имъ „Краткому курсу экономической науки“, въ которомъ послѣдняя излагается съ точки зрѣнія доктрины Маркса; во-вторыхъ, онъ напечаталъ философское естественно-научное сочиненіе объ „основныхъ элементахъ историческаго взгляда на природу“; въ-третьихъ, онъ выступаетъ теперь теоретикомъ въ области самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ философской психологіи. Въ предисловіи къ своей новѣйшей работѣ онъ пускаетъ нѣсколько стрѣлъ по адресу гг. Струве, Туганъ-Барановскаго, С. Протопопова и Н. Бердяева; въ примѣчаніи, возражая одному изъ рецензентовъ, онъ между прочимъ сообщаетъ о себѣ, что онъ — „естественникъ и врачъ“. Вѣроятно, „теорія познанія“ г. Богданова обратитъ на себя вниманіе спеціалистовъ, хотя бы послѣдніе и не были естественниками и врачами.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1901 Г.

(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

ВЫХОДИТЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ, ОТЪ 28 ДО 30 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННАГО ЖУРНАЛЬНАГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересс. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* должнъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, а съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не *позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билетомъ* на полученіе журнала высылается Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google